РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

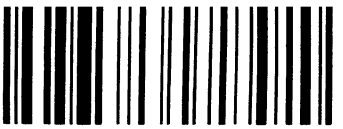
Т. II

Нааке-Накенскій—Николай Николаевичъ Старшій.

Издаваемый Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

XX - 10123

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.



Н

Нааке-Накенскій, *Адольфъ*,—писатель; собиратель древностей славянскихъ, въ частности — русскихъ. Нааке родился въ 1827 году въ Брокѣ, подъ Бугомъ. Поступивъ на службу въ прокураторію Царства Польскаго, Нааке одновременно съ этимъ занялъ должность секретаря евангелическо-реформатской коллегіи въ Варшавѣ. Въ 1861-мъ году онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ синодальнаго комитета, учрежденнаго для составленія проекта новаго положенія объ евангелическо-реформатской церкви. Съ 1866 года Нааке перешелъ на службу на Варшавско-Терспольскую желѣзную дорогу, гдѣ оставался до смерти. Большой любитель славянской старины, Нааке-Накенскій въ многочисленныхъ статьяхъ, разбросанныхъ въ журналахъ того времени, старался пробудить къ ней интересъ въ обществѣ. Изъ его статей заслуживаютъ особаго вниманія: «О Жижкѣ» (въ III томѣ варшавскаго сборника «Вѣнецъ») и «Елизавета, кн. Острожская» (въ «Варшавской Библіотекѣ» 1862 года). Нааке былъ также сотрудникомъ обоихъ изданій «Всеобщей Энциклопедіи» С. Оргельбранда. Въ ней ему принадлежитъ много статей, касающихся славянства и христіанской церкви.

Wielka Encyklopedya Powszechna Illustrowana. Serya II t., 1—2; „Encyklopedya Powszechna“ S. Orgelbranda, t 10; „Biblioteka Warszawska“ 1862; „Wieniec“, pismo zbiorowe.

А. П.

Набгольцъ, *Іоаннъ - Христіанъ* (Iohann Christian Nabholz)—граверъ и живописецъ, род. въ 1752 г., въ Регенсбургѣ; ум. 10 іюля 1797 г. въ Петербургѣ. Въ первые годы своей художественной дѣятельности Набгольцъ преимущественно писалъ портреты масляными красками и исполнялъ миніатюры; въ 1784 г., пріѣхавъ въ Петербургъ, сталъ заниматься и гравюрою, а также работалъ рѣзцомъ и акватинтою, хотя написалъ немало и портретовъ съ лицъ высшаго общества и съ самой Императрицы Екатерины II. Иногда онъ и гравировалъ со своихъ собственныхъ рисунковъ, — таковы, напримѣръ: «Аллегорическая картина на миръ въ Яссахъ» (1791 г.), «Смерть князя Потемкина Таврическаго» (1793 г.) и портреты П. И. Мелиссино и Хеслера. Изъ гравюръ его извѣстны: портретъ Фридриха Великаго, на заглавномъ листѣ изданія «Жизнь и дѣянія Фридриха Великаго, короля Прусскаго. Спб. 1788»; восемь силуэтовъ въ медальонахъ — Императрицы Екатерины II, великаго князя Павла Петровича съ великою княгинею Маріею Ѳеодоровною и съ дѣтьми (1790); портретъ А. В. Суворова, съ медали Леберехта (1791 г.); «Видъ Гатчины» (1792 г.); заглавный листъ съ портретомъ Монтескье къ изданію «Письма — персидскія творенія Г. Монтескье». Спб. 1792; портретъ Екатерины II, съ бюста Шубина (1794 г.); портретъ Елисаветы Алексѣевны, съ оригинала Ритта (1794 г); портретъ Александра I, съ рисунка Ритта (1795 г.), заглавный листъ къ «Трудамъ Вольно-Экономическаго Общества 1796»; портретъ Павла I. Кромѣ того, портреты: Екатерины II, съ оригинала Рамо; М. И. Клингеръ, съ Андріолини; Петра Вели-

каго, съ Каравакка; доктора Франке; Моцарта и Елисаветы, королевы Англійской; картушъ на картѣ Воронежской губерніи, въ Атласѣ Россіи, изданномъ въ 1800 г.; двѣнадцать пейзажей, восемнадцать заголовокъ и виньетокъ въ изданіи «Учрежденіе Воспитательнаго дома. Спб. 1789 г.»; шесть досокъ въ «Палладіеву архитектуру», изданную Львовымъ; пять виньетокъ къ книгѣ «Сочиненія Василія Капниста», Спб. 1796 г. и мн. др.

Nagler. Neues allgemeines Künstlerlexikon. Leipzig. 1870—1885. B. X, 98.—Nagler. Die Monogrammisten. München. 1876 — 1880, II, 470.—Müller. Die Künstler aller Zeiten und Völker. Stuttgart. 1864. B. III, 163.—Д. А. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1889. — Его же. Подробный словарь русскихъ граверовъ. Спб. 1895.—Е. Н. Тевяшовъ. Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій. Спб. 1903, стр. 146.

А. Новицкій.

Набоковъ, *Иванъ Александровичъ*— генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, комендантъ С.-Петербургской крѣпости, директоръ Чесменской богадѣльни и шефъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка. Сынъ генерала-отъ-инфантеріи А. И. Набокова, онъ родился 11-го марта 1787 года. Въ 1806 году, по окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ, Набоковъ былъ произведенъ въ поручики, съ назначеніемъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, съ которымъ тотчасъ же принялъ участіе въ заграничныхъ походахъ противъ Наполеона I, и уже въ слѣдующемъ году, за отличіе въ сраженіи при Фридландѣ, былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость», а вскорѣ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Отечественная война снова открыла ему широкое поприще для новыхъ отличій. Онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, и за отличіе при Бородинѣ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 й ст. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ Люценскомъ, Бауценскомъ, Кульмскомъ, Лейпцигскомъ и многихъ другихъ сраженіяхъ, при чемъ за отличіе при Люценѣ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст., а за сраженіе подъ Кульмомъ произведенъ, на 27 году отъ рожденія, въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка. Съ этимъ полкомъ Набоковъ закончилъ кампанію 1813 года, перешелъ Рейнъ, участвовалъ въ сраженіи при Баръ-Сюръ-Обѣ, Лаонѣ, Краонѣ, Арсисѣ, гдѣ былъ раненъ пулею въ голову; за сраженіе при Баръ-Сюръ-Обѣ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны I ст., а за отличія въ другихъ сраженіяхъ получилъ золотую осыпанную брилліантами шпагу съ надписью «за храбрость». Въ январѣ 1816 года онъ получилъ въ командованіе 3-ю бригаду 1-й гренадерской дивизіи, а затѣмъ съ 1822 года состоялъ командующимъ 3-й пѣхотной дивизіей. Произведенный 22-го августа 1826 года въ генералъ-лейтенанты, въ 1828 году былъ назначенъ начальникомъ сводной дивизіи 5-го пѣхотнаго корпуса, а съ 1829 года командовалъ 3-й гвардейской дивизіей. Набоковъ принималъ участіе и въ подавленіи польскаго возстанія, былъ во всѣхъ болѣе крупныхъ сраженіяхъ, при чемъ за трехдневный бой подъ Прагой (11-го, 12-го и 13-го февраля) былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст., за Остроленку получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени, а за штурмъ Варшавы орденъ св. Александра Невскаго. По окончаніи военныхъ дѣйствій онъ нѣкоторое время командовалъ 3-й гвардейской дивизіей. Назначенный 19-го мая 1832 года командиромъ гренадерскаго корпуса, онъ командовалъ этимъ корпусомъ почти 15 лѣтъ, причемъ 6-го декабря 1835 года былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, въ слѣдующемъ году награжденъ бриллiантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго, въ 1843 году получилъ орденъ св. Владиміра 1-й ст., 1-го февраля 1844 года пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а въ 1846 году назначенъ, сверхъ того, шефомъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка. Уволенный вслѣдъ затѣмъ, 20-го декабря 1848 года, по разстроенному здоровью, отъ должности командира гренадерскаго корпуса, Набоковъ былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, директоромъ Чесменской богадѣльни и комендантомъ С.-Петербургской крѣпости. И. А. Набоковъ скончался въ С.-Петербургѣ 21-го апрѣля 1852 года. Тѣло его погребено въ С.-Петербургской крѣпости, близъ Петропавловскаго собора.

О. Р. Фрейманъ, „Пажи за 185 лѣтъ (1711—1896 гг.)“ вып. 2, стр. 141; „Мѣсяцесловъ“ на 1853 г.; „Сынъ Отечества“ 1852 г. т. 5, стр. 50; „Русскій Инвалидъ“ 1852 г. № 89; гр. Милорадовичъ, „Матеріалы для исторіи Пажескаго корпуса“, стр. 147; А. И. Михайловскій-Данилевскій, „Описаніе войны 1812—1815 гг.“; „Русскій Архивъ“ 1878 г.; „Русская Старина“ 1895 г., т. 83; 1900, т. 102; 104; 1901, т. 106; 1903, т. 115.

Е. Я.

Набѣлякъ, *Людовикъ* (Ludwik Nabielak), поэтъ, критикъ и публицистъ романтической эпохи польской литературы. Родился въ дер. Стоберна (Stobierna), Ржешовскаго округа (въ Галиціи) въ 1805 году, умеръ въ 1883 году въ Парижѣ. Набѣлякъ получилъ образованіе въ Ржешовской гимназіи, а затѣмъ во Львовскомъ университетѣ. Въ послѣднемъ онъ занимался преимущественно славянской филологіей и, между прочимъ, помѣстилъ въ «Повременникѣ заведенія Оссолинскихъ» (Czasopismo zakładu Ossolińskich) за 1829 годъ переводъ «Разсужденія о галицко-русскомъ языкѣ», написаннаго Могильницкимъ. Особенное вниманіе онъ обратилъ на изученіе древнѣйшихъ памятниковъ русской, чешской и сербской словесности; онъ перевелъ съ чешскаго «Краледворскую рукопись», затѣмъ «Слово о полку Игоревѣ» и нѣкоторыя сербскія поэмы Вука Караджича. Въ 1830 году Набѣлякъ переселился въ Варшаву, гдѣ принималъ близкое участіе въ изданіи мѣстной газеты «Dziennik Powszechny». Въ 1831 году онъ покинулъ Варшаву и жилъ въ Германіи и Франціи. Тамъ, вмѣстѣ съ Вернеромъ, онъ занялся переводомъ произведеній Мицкевича на нѣмецкій языкъ и издалъ нѣкоторыя изъ нихъ подъ заглавіемъ «Nordlichter» (Штутгардъ, 1834). Съ 1861 года Набѣлякъ помѣстилъ много статей въ издававшейся во Львовѣ «Библіотекѣ Оссолинскихъ». Въ 1871 году онъ издалъ 40 томовъ своихъ выписокъ изъ оффиціальныхъ актовъ, касающихся польскихъ событій 1794 года и хранившихся во французскихъ архивахъ. Кромѣ этихъ изданій Набѣляка, извѣстно еще «Do rodzin naszych po powrocie ze Szpilberga» (Львовъ, 1848 г.), написанное имъ во время пребыванія въ Галиціи въ 1848 году, и «Ludwik Kicki, generał wojsk polskich. 1791—1831». (Познань, 1878).

W. Zawadzki. „Ludwik Nabielak, biografia na tle historycznem z autentycznych dokumentów". (Przewodnik naukowy i literacki z roku 1885); его же „L. Nabielak, opowieść historyczna". (Львовъ, 1886); „Haliczanin" 1830 года: стр. 198—216; II, 93—107; „Nordlichter" (Штутгардъ, 1834); „Biblioteka ludowa polska", t. 61—66 (Парижъ, 1871); Slovnik Naučný 1901 г., XVII; Wielka Encyklopedya Powszechna Illustrowana (Варшава, 1903, серія II, т. 1—2); „Dziennik Powszechny" 1830 года. Encyklopedya Powszechna Orgelbranda, изд. 1865 г. т. XIX, изд. 1901 г. т. X; K. Estreicher. Bibliografia polska XIX stólecia.

Александръ Петровъ.

Навалихинъ, *Иванъ Григорьевичъ*, докторъ медицины, преподаватель Казанскаго ветеринарнаго института, писатель; родился въ 1842 году. По окончаніи курса въ Троицкой гимназіи, а затѣмъ въ Казанскомъ университетѣ, на медицинскомъ факультетѣ, Навалихинъ отправился на Уралъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался частной практикой. Вернувшись въ 1869 году снова въ Казань, онъ занялъ въ университетѣ должность ассистента по каѳедрѣ физіологіи. Защитивъ въ началѣ 1874 года докторскую диссертацію: «Напряженіе мозга и его взаимныя соотношенія съ кровообращеніемъ», онъ въ томъ же году былъ командированъ на два года за границу для приготовленія къ каѳедрѣ физіологіи. Во время своей службы ассистентомъ при физіологической лабораторіи Казанскаго университета Навалихинъ, между прочимъ, изготовилъ собраніе анатомическихъ препаратовъ по кровеносной и нервной системѣ, хранящееся въ Казанскомъ университетѣ. За границей Навалихинъ посѣтилъ многія университетскія лабораторіи. Вернувшись въ Казань, онъ получилъ должность преподавателя физіологіи, гистологіи и эмбріологіи въ ветеринарномъ институтѣ, въ которомъ оставался до самой смерти. Навалихинъ умеръ 31-го іюня 1884 г. въ деревнѣ Шипулино, близъ города Клина. Кромѣ диссертаціи, Навалихинымъ были напечатаны слѣдующія работы: «Къ ученію о расширеніи зрачка» («Работы изъ физіологической лабораторіи Казанскаго универс », 1869 г.), «Вліяніе измѣненій газоваго обмѣна въ легкихъ на давленіе въ сосудахъ» (тамъ же), «Замѣтка о расширеніи зрачка при остановкѣ дыханія» (тамъ же), «Замѣтка о расширеніи щитовидной железы» («Протоколы Общества врачей г. Казани» 1870 г.), «Новый способъ сохраненія зоотомическихъ препаратовъ» («Протоколы Общества Естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ» 1872 г.), «О лимфатической системѣ железъ щитовидной и молочной» («Протоколы IV съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Казани» 1873), «Myothermiche Untersuchungen» (Pflüger's Archiv 1877), «О лимфатической системѣ сердечной мышцы» («Протоколы Об-ва ест. въ Каз.» 1882 г), «О физіологическомъ новообразованіи и физіологической смерти мышечныхъ волоконъ въ теченіе жизни

животнаго», «Объ окончаніи нервовъ въ элементахъ слюнныхъ железъ», «Новыя изслѣдованія о лимфатической системѣ сердца» (тамъ-же). См. его работы также въ «Centralbl. f. d. med Wiss». 1870, «Archives Slaves de Biologie», 1886 и др.

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“ вып. II, Спб. 1889 г. стр. 25; „Медицинскій Вѣстникъ“ 1884 г. № 35; „Русская Медицина“ 1884 г. № 32; Д. Д. Языковъ „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“. Вып. IV, Спб. 1888; „Приложеніе къ „Протоколамъ засѣданій Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ“ 1884 г. № 80.

В. Е.

Навроцкій, *Александръ Александровичъ*,—малороссійскій поэтъ; родился 28-го іюля 1823 года въ селѣ Антиповкѣ, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, и происходилъ изъ дворянской семьи; образованіе получилъ въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, полтавской гимназіи и Кіевскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1847 г. Будучи двоюроднымъ братомъ Н. И. Гулака, Навроцкій одно время жилъ у него на квартирѣ и здѣсь то познакомился и сошелся со многими изъ членовъ украйно-славянскаго общества (Кирилло-Меѳодіевскаго),—Костомаровымъ, Кулишемъ, Марковичемъ и другими. Эти связи имѣли для него роковое значеніе. Тотчасъ по окончаніи курса въ университетѣ, онъ въ апрѣлѣ 1847 г., одновременно съ Шевченкомъ, Костомаровымъ, Кулишемъ и другими, былъ арестованъ, отправленъ въ Петербургъ и заключенъ подъ стражу. На допросахъ, онъ рѣшительно отвергалъ всѣ возводимыя на него обвиненія, признавая себя виновнымъ лишь въ томъ, что читалъ стихотвореніе Шевченка «Сонъ». Во всеподданѣйшемъ докладѣ графа А. Ѳ. Орлова о Навроцкомъ, по окончанія слѣдствія, было сказано: «дѣйствительнаго студента 12-го класса Навроцкаго, виновнаго не столько по сближенію съ украйнославянистами, сколько по упорству въ несознаніи, выдержать шесть мѣсяцевъ на гауптвахтѣ и потомъ опредѣлить на службу въ одну изъ отдаленныхъ великороссійскихъ губерній, съ учрежденіемъ надъ нимъ строгаго надзора». Императоръ Николай I на этомъ мѣстѣ доклада написалъ: «въ Вятку», куда въ іюнѣ того же года Навроцкій и былъ отправленъ. Посѣщеніе сенатора Плисова, ревизовавшаго тогда Вятскую губернію, а отчасти и болѣзнь Навроцкаго облегчила его положеніе; въ концѣ же 1847 г. онъ былъ выпущенъ на свободу. Не имѣя однако возможности вернуться на Украину, или жить въ Петербургѣ, онъ рѣшилъ остаться пока въ Вятской губерніи, тѣмъ болѣе, что при содѣйствіи мѣстнаго губернатора ему удалось получить мѣсто въ штатѣ елабужскаго земскаго суда, куда онъ поступилъ 16-го февраля 1848 года. Въ началѣ 1850 года онъ перевелся на службу въ Курскую губернію и состоялъ сначала канцелярскимъ чиновникомъ въ губернской строительной и дорожной коммисіи, 2-го іюня того же года былъ назначенъ смотрителемъ губернской типографіи. Когда въ 1853 году истекъ срокъ полицейскаго надзора, Навроцкій получилъ возможность перейти на службу въ Петербургъ. Пять лѣтъ спустя Навроцкій сталъ хлопотать о переводѣ его на службу въ Закавказскій край, и 17-го марта 1858 года былъ назначенъ помощникомъ чиновника для производства гражданскихъ дѣлъ при командующемъ войсками у управляющемъ гражданскою частью въ Прикаспійскомъ краѣ. По преобразованіи Прикаспійскаго края въ Дагестанскую область, Навроцкій состоялъ, съ іюня 1860 г., чиновникомъ особыхъ порученій при дагестанскомъ губернаторѣ, затѣмъ около года исправлялъ должность помощника правителя канцеляріи начальника Дагестанской области: 22-го апрѣля 1870 года былъ назначенъ совѣтникомъ губернскаго правленія въ Эривани. Послѣднюю должность онъ занималъ до выхода въ отставку, т. е. до 29-го іюля 1884 г. Выйдя въ отставку, Навроцкій поселился сначала въ Новочеркасскѣ, но ужъ въ слѣдущемъ году переѣхалъ въ Николаевъ, Херсонской губерніи, откуда въ 1889 году перебрался въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ и жилъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 10-го октября 1892 года.

Обладая поэтическимъ дарованіемъ, А. А. Навроцкій рано началъ писать стихи, но изъ первыхъ его произведеній не сохранилось ничего, изъ дальнѣйшихъ же большинство не напечатано еще и до сихъ поръ. При жизни своей онъ вообще напечаталъ очень мало. Такъ, въ 1861 году въ «Основѣ» появились два стихотворенія его на смерть Т. Г. Шев-

ченка (№ 6) и стихотвореніе «Останняя воля» (№ 8), и кромѣ того нѣсколько стихотвореній были доставлены имъ Н. И. Петрову; послѣдній нѣкоторыя изъ нихъ, (пѣсню изъ Гейне, «Зори», «Доля», «Пронеслыся тыхи витры») напечаталъ полностью въ своихъ «Очеркахъ исторіи украинской литературы 19-го столѣтія»; въ этомъ же трудѣ Петровъ помѣстилъ въ отрывкахъ и нѣкоторыя другія стихотворенія Навроцкаго. Далѣе, рядъ его стихотвореній напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ» 1902 года. Кромѣ оригинальныхъ произведеній, послѣ А. А. Навроцкаго остались много переводовъ и переложеній, какъ напримѣръ: «Гомерова Одиссея» (полный переводъ на малорусское нарѣчіе (по французскому тексту)—24 пѣсни и въ началѣ каждой краткое содержаніе, «Гомерова Иліада» (полный переводъ, 24 пѣсни), «Евангелына» (переложеніе изъ Лонгфелло), «Небо и земля» (мистерія Байрона), «Каинъ» (мистерія Байрона) «Манфредъ» (драматическая поэма Байрона), «Парызына» (поэма Байрона), поэмы Оссіана: «Комала», «Катъ-Лода» и мн. др. Кромѣ того, Навроцкому принадлежатъ переводы поэмы Мицкевича «Конрадъ Валленродъ», комедія въ 1 дѣйствіи Ѳ. де-Бонвиля «Сократъ и его жинка», болѣе 100 псалмовъ Давыда—«Книга псальмивъ пророка Давыда», поэмы Пушкина «Полтава», «Моцартъ и Сальери», «Писня писень» Соломона. Наконецъ, послѣ Навроцкаго осталось много мелкихъ стихотвореній и переводовъ изъ Пушкина, Лермонтова, гр. А. Толстого, Шелли, Гейне, Гете, Мильтона, Мицкевича, Лессинга, Шиллера, а также переводы нѣкоторыхъ главъ изъ книгъ пророковъ: Моисея, Аввакума, Наума, Софоніи, Аггея, Исаіи и другихъ; имъ же переведено нѣсколько главъ изъ Св. Евангелія. Все это въ рукописи составляетъ до десяти толстыхъ тетрадей и до сихъ поръ не напечатано.

„Кіевская Старина“ 1902 г. № 10, ст. В. Науменко, стр. 157—169; и № 12, ст. А. Н. Шрамченко, стр. 351—381, „Русскій Архивъ“ 1892 г. кн. 2, стр. 335, 345 и др.; Н. И. Петровъ, „Очерки украинской литературы XIX ст.“ стр. 255—270; „Кіевская Старина“ 1883 г. № 2, воспоминанія Н. И. Костомарова, и 1900 г. т. 68, стр. 246; „Энциклопедическій Словарь“ изд. Брокгауза и Ефрона“ т. 20, стр. 418.

А. Б.

Навроцкій, *Михаилъ Тимофеевичъ*; оріенталистъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета; родился 11-го ноября 1823 года; образованіе получилъ въ 1-й казанской гимназіи и Казанскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ, по восточному факультету, въ 1846 году. Съ ноября того же года Навроцкій началъ преподавать въ 1-ой казанской гимназіи арабскій языкъ. Въ 1855 году восточное отдѣленіе историко филологическаго факультета Петербургскаго университета было преобразовано въ особый факультетъ восточныхъ языковъ, и Навроцкій былъ приглашенъ исправлять должность адъюнкта при каѳедрѣ арабской словесности, а въ 1857 году сдѣлался профессоромъ арабскаго языка и словесности. Принимая во вниманіе научные труды Навроцкаго и его неутомимую дѣятельность, факультетъ восточныхъ языковъ предоставилъ ему право держать сразу докторскій экзаменъ, не представляя магистерской диссертаціи, и въ февралѣ 1869 года исходатайствовалъ разрѣшеніе ему заграничной командировки съ научною цѣлью въ Германію, Австрію, Италію и Францію. 21 января 1871 г. Навроцкій умеръ въ Петербургѣ и былъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. По духовному завѣщанію, онъ пожертвовалъ въ пользу казанской гимназіи капиталъ для содержанія на проценты съ него одного или двухъ воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ родителей. Изъ трудовъ Навроцкаго отмѣтимъ его «Опытъ грамматики арабскаго языка», Спб. 1967.

В. В. Григорьевъ, Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Спб. 1870 г.; Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, ч. V; Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго Университета за истекшую третью четверть вѣка его существованія (1869—1894), т. II, Спб. 1898; Михайловскій, Преподаватели, учившіе и служившіе въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Казань, 1901 г., стр. 276, 322, 325; В. Владиміровъ, „Историческая записка о Первой Казанской Гимназіи“. Казань, 1867; Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона; Необходимыя дополненія къ словарю Толля; „Спб. Вѣд.“ 1871, № 13.

А. Петровъ.

Навроцкій, *Николай Никаноровичъ*, членъ-корреспондентъ С.-Петербургской

Императорской академіи наукъ, докторъ философіи. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ Навроцкій поступилъ въ 1819 г. въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части колоновожатымъ; въ 1820 г. былъ произведенъ въ прапорщики, съ оставленіемъ при бывшемъ въ Москвѣ учебномъ заведеніи для колоновожатыхъ. Въ 1821 г. былъ произведенъ въ подпоручики, съ назначеніемъ въ канцелярію главнаго штаба, но скоро былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Князь П. М. Волконскій обративъ вниманіе на выдающіяся способности Н. къ математикѣ, поручилъ академику Θ. И. Шуберту изложить ему академическій курсъ астрономіи. Къ этому же времени относится изданіе имъ курса сферической тригонометріи. Въ 1823 г. Н. былъ назначенъ состоять при второмъ отдѣленіи (астрономическомъ) военно-топографическаго депо-картъ. Когда была открыта школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Н. былъ откомандированъ отъ Главнаго Штаба для производства экзаменовъ поступающимъ и оканчивающимъ школу и для преподаванія въ высшемъ классѣ. Находясь при школѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ при бригадѣ, а потомъ и дивизіи, находившейся подъ командой великаго князя Николая Павловича. При школѣ Н. пробылъ 6 лѣтъ, т. е. до 1829 г., преподавая въ послѣдствіи и тактику. Въ то же время онъ помѣщалъ статьи въ журналахъ и издалъ сочиненія Θ. Шуберта, съ его біографіей. За этотъ трудъ Академія наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. За сочиненіе «о конхоидѣ и ея свойствахъ» Лейпцигскій университетъ почтилъ его степенью доктора философіи и почетной мантіей, удостоивъ его предварительно степени магистра изящныхъ наукъ. Въ 1829 г. Н былъ откомандированъ въ штабъ оставшихся въ Петербургѣ войскъ и здѣсь за отличія былъ пожалованъ чиномъ гвардіи капитана. Въ 1830 г. онъ былъ отправленъ на тригонометрическую съемку Минской губерніи, но вслѣдствіе болѣзни принужденъ былъ оставить военную службу, и вышелъ въ отставку, въ 1831 г. Выйдя въ отставку, Н. состоялъ членомъ калужскаго, а потомъ казанскаго статистическаго комитета, и въ то же время продолжалъ заниматься математикой, читалъ лекціи и печаталъ статьи въ журналахъ. Предложенный имъ способъ спрямленія окружности круга признанъ академіей наилучшимъ изъ всѣхъ ранѣе извѣстныхъ. Въ 1842 г. Н. снова поступилъ на службу при департаментѣ удѣловъ. За ученые труды Навроцкаго Копенгагенское общество сѣверныхъ древностей внесло его имя въ списки датскихъ ученыхъ, и почтило отправленіемъ къ нему адреса. Навроцкій скончался въ 1859 году. Отдѣльными изданіями вышли его книги: «Начертаніе прямолинейной тригонометріи», Спб. 1820. «О конхоидѣ и ея свойствахъ». Спб. 1827. Прочія сочиненія и статьи онъ помѣщалъ въ журналахъ «Сѣверная Пчела», «Русскій Инвалидъ», «Академическія Вѣдомости» и др.

„Новгородскія Губ. Вѣд.“ 1854, № 24; 1858, № 37; „Вятскія Губ. Вѣдом.“ 1859, № 7. Словари: Толя, Березина; „Рус. Инвал.“ 1828, с. 1247.

Н. Сергѣевъ.

Навроцкій, *Сергій Никаноровичъ,*— писатель; род. 1-го февр. 1808 г., ум. 15-го іюня 1865 г. Кромѣ статей полемическаго содержанія, помѣщенныхъ Навроцкимъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и направленныхъ противъ «Отечественныхъ Записокъ», въ литературный перечень его трудовъ входятъ: «Новый Недоросль», комедія (I-ое д.; «Маякъ» 1840 г., ч. VI); программа сочиненія «Исторія корабельнаго дѣла въ Россіи» (тамъ же); «Письма бронницкаго помѣщика» (тамъ же, ч. VII); «Усовершенствованіе русской грамматики» (тамъ же ч. X); «Наполеонова шляпа съ мясомъ или какъ надо покорять великую націю» (тамъ же, ч. 5—8, стр. 45 (смѣсь); «Кабрера» (изъ «Revue de deux Mondes»; тамъ же, ч. 5—8, стр. 155, ч. 9—12, стр. 1); «Эспартеръ» (изъ «Revue de deux Mondes»; тамъ же, ч. 9—12, стр. 34); рецензія на книгу «Виды внутренняго судоходства въ Россіи» (тамъ же, 1841 г., ч. XIII); «Испытаніе солдатскому сердцу» (тамъ же, 1842 г., т. VI.) «Исторія Охты» («Сынъ Отечества», 1842 г., № 9); «Бытопись охтенскихъ поселянъ» («Сѣв. Пч.» 1846, № 165). Произведенія Навроцкаго хотя и обнаруживаютъ въ авторѣ извѣстную степень образованности, но отличаются бездарностью, которую отмѣтилъ еще Бѣлинскій въ своей замѣткѣ о Навроцкомъ.

Бѣлинскій. Сочиненія, изд. Венгерова т. V. стр. 417 — 419, статья № 491; томъ VI стр. 579—583. *Ник. Редько.*

Нагаевъ, *Алексѣй Ивановичъ*,— адмиралъ, членъ Адмиралтействъ-Коллегіи, главный командиръ Кронштадскаго порта; одинъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ гидрографовъ. А. И. Нагаевъ родился въ мартѣ 1704 года въ селѣ Сертыкинѣ, Московской губерніи и происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. Одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ его привезли въ Петербургъ и опредѣлили въ Морскую Академію (теперь Морской корпусъ), гдѣ 2-го марта 1721 года онъ былъ произведенъ въ мичманы. Въ слѣдующемъ году онъ наблюдалъ за работами въ Кронштадтѣ по прорытію канала, а затѣмъ 19-го декабря былъ командированъ для обученія гардемариновъ. Педагогическая дѣятельность Нагаева продолжалась около семи лѣтъ; за это время у него въ обученіи было 419 гардемариновъ; до сентября 1724 года онъ занимался со своими учениками въ Кронштадтѣ, а затѣмъ до мая 1729 года преподавалъ навигацію въ Морской Академіи. Въ мартѣ 1729 года Адмиралтействъ-Коллегія рѣшила послать въ Архангельскъ два фрегата для практическихъ занятій подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Д. Калмыкова. Нагаевъ былъ назначенъ на фрегатъ «Амстердамъ-Галей», съ которымъ и совершилъ это плаваніе до Кильдюина и обратно. Командированный затѣмъ въ 1730 году въ Астрахань для описанія Каспійскаго моря, Нагаевъ въ теченіе четырехъ лѣтъ усердно работалъ надъ составленіемъ гидрографическихъ картъ нѣкоторыхъ прилежащихъ къ Астрахани частей Каспійскаго моря. Въ то же время, по порученію генералъ-аншефа В. Я. Левашева, построилъ нѣсколько плоскодонныхъ меленшхотовъ для перевоза тяжестей; кромѣ того, въ 1733 году состоялъ членомъ особой комиссіи, образованной въ Астрахани для принятія всѣхъ необходимыхъ мѣръ, чтобы свирѣпствовавшее въ Гиляни моровое повѣтріе не проникло какъ-либо въ Россію. Произведенный 19-го марта 1731 года въ лейтенанты, Нагаевъ 18-го января 1733 года былъ написанъ по новому штату въ лейтенанты майорскаго ранга и въ 1735 году возвратился въ Петербургъ. Въ томъ же году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ командированъ въ смоленскую губернскую канцелярію для взысканія недоимокъ, слѣдуемыхъ на адмиралтейство, а по возвращеніи оттуда былъ назначенъ 25-го ноября 1737 года въ комиссаріатъ для слѣдствія «о доимкахъ, непорядкахъ и похищеніяхъ, чинившихся въ провинціяхъ». Въ слѣдующемъ году Нагаевъ состоялъ въ комиссіи, «бывшей подъ дирекціей правительствующаго сената», для болѣе быстраго взысканія положенныхъ на адмиралтейство доходовъ съ провинцій. Въ слѣдующемъ году Нагаеву поручено было произвести промѣръ фарватера, ведущаго отъ С.-Петербурга до Выборга. Въ архивѣ Главнаго Морского штаба хранится толстая, листовъ въ 200, книга, написанная самимъ А. И. и заключающая въ себѣ результаты его работъ въ эту морскую кампанію. Книга эта озаглавлена: «1739 года іюля 24 дня, журналъ морской содержанный на ботѣ № 5, при вымѣриваніи фарватера отъ Кронштадтскаго маяка до Выборга и до границы, подъ командою отъ флота лейтенанта Алексѣя Нагаева». Упомянутые промѣры Нагаевъ производилъ и въ слѣдующемъ году, причемъ 3-го ноября былъ произведенъ въ капитаны полковничьяго ранга. Въ началѣ 1741 года Нагаевъ былъ назначенъ командиромъ фрегата «Кавалеръ», съ которымъ и совершилъ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ. Это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ морскихъ кампаній. Не потерпѣвъ ни одной аваріи, команда эскадры, состоявшей изъ трехъ фрегатовъ, въ теченіе 57-суточнаго плаванія отъ Ревеля до Архангельска, потеряла 121 человѣка умершими отъ болѣзней и, кромѣ того, привезла въ Архангельскъ 326 человѣкъ больныхъ (вся же команда насчитывала около 700 человѣкъ). Въ 1742 году Нагаевъ былъ назначенъ командиромъ фрегата «Меркуріусъ» и въ слѣдующемъ году съ этимъ фрегатомъ отправился изъ Архангельска въ Кронштадтъ. На пути фрегатъ наскочилъ на островъ Анаутъ и затонулъ, и Нагаевъ вернулся на двухъ датскихъ лодкахъ въ Петербургъ. Преданный суду, онъ, однако, въ 1744 г. былъ оправданъ и вновь зачисленъ на службу. Назначенный вскорѣ совѣтникомъ въ Академическую экспедицію, Нагаевъ занималъ эту должность около двухъ лѣтъ Въ 1744 году пришло извѣстіе о смерти капитанъ-командора Беринга, и возвратившіеся въ Петербургъ спутники его, капитанъ Чириковъ и лейтенантъ Ваксель, представили въ Адмиралтействъ-Коллегію свои журналы и описи. Коллегія

поручила Нагаеву, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Афросимовымъ составить карты Камчатскому морю и Американскому берегу, а также составить карту по запискамъ капитана Шпанберга и мичмана Шельга. Черезъ годъ Нагаевъ составилъ обстоятельныя карты Камчатскаго моря и устья Амура, которыя были первыми и долгое время единственными картами. Въ 1746 г. онъ былъ назначенъ командиромъ корабля «Фридемакеръ». Между тѣмъ, въ маѣ того же 1746 года капитанъ Малыгинъ, командовавшій штурманской ротою, подалъ рапортъ, въ которомъ указывалъ, что всѣ компасы, сдѣланные при Адмиралтействѣ, имѣютъ совершенно разнообразныя погрѣшности въ склоненіи. Получивъ отъ Адмиралтействъ-Коллегіи предписаніе разсмотрѣть это дѣло, Нагаевъ убѣдился въ справедливости заявленія Малыгина и для устраненія погрѣшностей предложилъ: 1) дѣлать стрѣлки вмѣсто двухъ проволокъ изъ лучшей стали и 2) для вывѣриванія компасовъ провести въ Кронштадтскомъ портѣ меридіональную линію, безъ которой почти невозможно хорошо провѣрить правильность показаній компаса. Эти предложенія были приняты Коллегіей, и самое проведеніе меридіональной линіи поручено было Нагаеву-же. Выполнивъ это порученіе и проплававъ лѣто 1746 года въ Балтійскомъ морѣ на «Фридемакерѣ», онъ въ началѣ октября того же года возвратился въ Петербургъ и былъ назначенъ по прежнему въ Академическую экспедицію. Вскорѣ, по постановленію Адмиралтействъ-Коллегіи отъ 11-го ноября 1746 г., Нагаеву было поручено «приведеніе морскихъ картъ въ самую аккуратность». Въ декабрѣ того же года Нагаевъ представилъ Коллегіи по этому поводу обстоятельный докладъ о всемъ, что необходимо, по его мнѣнію, для успѣшнаго выполненія возложеннаго на него порученія; Коллегія утвердила всѣ его предложенія, и въ началѣ 1747 года онъ принялся за работу. Результатомъ шестилѣтняго труда явился атласъ картъ разныхъ частей Балтійскаго моря. Каждая карта представлялась въ Коллегію и разсматривалась ея членами отдѣльно и въ 1752 году всѣ онѣ были уже награвированы. Однако атласъ былъ напечатанъ лишь въ 1789—1790 гг. подъ заглавіемъ «Лоція или морской путеводитель, содержащая въ себѣ описаніе фарватеровъ и входовъ въ порты, въ Финскомъ заливѣ, Балтійскомъ морѣ, Зундѣ и Скагеракѣ находящіеся». Всѣ карты этой «Лоціи» выполнены весьма хорошо и тщательно провѣрены не только по имѣвшимся въ распоряженіи Нагаева матеріаламъ, собраннымъ русскими моряками, но также и по шведскимъ картамъ. Зачисленный 5-го сентября 1751 года въ капитаны 2-го ранга, Нагаевъ въ слѣдующемъ году принялъ дѣятельное участіе въ образованіи морского шляхетскаго корпуса, будучи назначенъ завѣдующимъ этимъ корпусомъ. Произведенный 15-го марта 1757 года въ капитаны 1-го ранга, Нагаевъ вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ директоромъ Морского шляхетскаго корпуса и членомъ комиссіи рогервикскихъ строеній. Въ 1756 году Нагаеву было поручено составить новые сигналы для флота, и въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ представилъ въ Коллегію свою работу, которая и была напечатана въ типографіи морского корпуса. Въ то же время, воспользовавшись плаваніемъ нашихъ эскадръ во время Семилѣтней войны къ берегамъ Пруссіи, онъ составилъ карту береговъ Пруссіи и произвелъ много промѣровъ на Балтійскомъ морѣ, чѣмъ пополнилъ свой ранѣе составленный атласъ. Этотъ атласъ, напечатанный въ 1757 году, служилъ руководствомъ для плаванія по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ въ теченіе 60-ти лѣтъ—до изданія такого же атласа Балтійскаго моря, составленнаго адмираломъ Сарычевымъ. Нѣкоторыя же глубины въ сѣверной части Балтійскаго моря—отъ острововъ Эзеля и Готланда къ сѣверу до Аландскихъ шхеръ, ставились какъ на нашихъ, такъ и на иностранныхъ картахъ съ атласа Нагаева болѣе 100 лѣтъ. 5-го мая 1757 года Нагаевъ былъ произведенъ къ капитанъ-командоры. Уволенный въ 1761 году отъ должности директора Морского шляхетскаго корпуса, Нагаевъ 16-го февраля слѣдующаго года былъ назначенъ членомъ комиссіи для приведенія флотовъ въ лучшее состояніе, а 10-го апрѣля былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. По вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, Нагаевъ съ эскадрою изъ 3-хъ кораблей ходилъ изъ Кронштадта въ Пиллау для доставки больныхъ изъ находившейся въ Пруссіи нашей арміи. Возвратившись въ концѣ сентября въ Петербургъ, Нагаевъ сталъ засѣдать въ Адми-

ралтействъ-Коллегіи, а въ октябрѣ, сверхъ того, былъ назначенъ членомъ Колбергской комиссіи. Въ началѣ слѣдующаго года ему было поручено составить инструкцію для лейтенантовъ Булгакова, Буковскаго и Лаптева, командированныхъ для производства описи Ладожскаго озера. Въ томъ же году, въотеченіе всей лѣтней навигаціи, онъ исполнялъ должность квартирмейстера на шлюпѣ Ея Величества, во время частыхъ прогулокъ императрицы Екатерины II по Невѣ. Въ началѣ 1764 года Нагаевъ, вмѣстѣ съ графомъ И. Г. Чернышевымъ составили планъ для двухъ экспедицій, снаряжавшихся для изслѣдованія Сѣвернаго Ледовитаго океана. Произведенный 4-го мая того же 1764 года въ вице-адмиралы, Нагаевъ вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Незадолго передъ тѣмъ сильный пожаръ, уничтожившій гостиный дворъ, уничтожилъ также и домъ Нагаева, въ которомъ погибли нѣкоторыя составленныя имъ карты и рукописи.

Въ должности главнаго командира Кронштадтскаго порта Нагаевъ прослужилъ около двухъ лѣтъ. Пожалованный въ 1765 году орденомъ св. Анны, онъ былъ уволенъ отъ должности главнаго командира и въ декабрѣ назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Возвратившись въ Петербургъ въ началѣ 1766 года, Нагаевъ, вмѣстѣ съ капитанъ-лейтенантомъ Д. Селяниновымъ, много работалъ надъ составленіемъ карты Ладожскаго озера. Указомъ Адмиралтействъ-Коллегіи отъ 3-го января 1767 года Нагаеву было предписано составить инструкцію для экспедиціи, снаряжавшейся для описи Бѣлаго моря. Впрочемъ, ему вскорѣ пришлось отправиться въ Москву, такъ какъ 22-го января онъ былъ избранъ въ число депутатовъ отъ Васильевскаго острова въ комиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія, кромѣ того, депутатомъ и отъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Въ Москвѣ онъ пробылъ около года, пока Высочайшимъ указомъ 14-го декабря 1767 года не былъ уволенъ отъ присутствія въ комиссіи въ Москвѣ, съ приказаніемъ явиться въ комиссію въ Петербургѣ. Посѣщая комиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія довольно часто, Нагаевъ, впрочемъ, не проявлялъ особой дѣятельности, въ большинствѣ случаевъ соглашаясь съ мнѣніями другихъ депутатовъ. Помимо участія въ засѣданіяхъ Большого Собранія, Нагаевъ былъ еще избранъ въ члены подкоммиссіи о предостереженіи противорѣчія между воинскими и гражданскими законами. Еще будучи въ Москвѣ, Нагаевъ, помимо работъ по коммиссіи и подкомиссіи, описалъ вмѣстѣ съ штурманомъ С. Захаровымъ р. Москву. Затѣмъ, получивъ отъ штурмановъ Посошкова и Трубникова описи рѣки Оки отъ верховья ея до устья р. Москвы, онъ составилъ по нимъ карты этой рѣки, которыя и собралъ въ особый атласъ. Возвратившись въ Петербургъ въ январѣ 1768 года, онъ по прежнему сталъ присутствовать въ Адмиралтействъ-Коллегіи и вскорѣ послѣ того получилъ предписаніе описать фарватеръ, по которому было нужно везти камень, предназначенный для памятника Петру I. Произведенный 4-го іюня 1769 года въ адмиралы, Нагаевъ нѣкоторое время исполнялъ обязанности старшаго члена Коллегіи, а затѣмъ былъ командированъ въ Ревель, гдѣ наблюдалъ за починкой фрегатовъ изъ эскадры Спиридова, зашедшихъ въ Ревель, по причинѣ аваріи. Кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію, Нагаевъ осмотрѣлъ въ Ревелѣ всѣ новыя зданія Морского вѣдомства. Вернувшись въ Петербургъ, Нагаевъ вновь предался гидрографическимъ работамъ. Въ январѣ 1770 года сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ прислалъ въ Адмиралтействъ-Коллегію десятника Лобашкова, описывавшаго берега и устье рѣки Колымы и Медвѣжьи острова. Нагаеву поручено было составить на основаніи этихъ описей карту, которую онъ и представилъ лично императрицѣ Екатеринѣ II. Вскорѣ возвратился изъ экспедиціи на Камчатку капитанъ-лейтенантъ Левашевъ, спутникъ капитана Креницына, утонувшаго въ рѣчкѣ Камчаткѣ. Левашевъ представилъ въ Коллегію всѣ планы, описи и промѣры, сдѣланные Креницынымъ, а также и имъ лично; Коллегія передала этотъ матеріалъ для обработки Нагаеву, поручивъ ему составить по нему и генеральную карту пути экспедиціи, которую онъ скоро исполнилъ. Съ апрѣля 1773 года по конецъ слѣдующаго года Нагаевъ управлялъ Адмиралтействъ-Коллегіей, за отсутствіемъ вице-президента графа Чернышева, уволеннаго на полтора года въ от-

пускъ. Между тѣмъ, разстроенное здоровье Нагаева принудило его рѣже посѣщать Коллегію, а вскорѣ и просить объ увольненіи. 10-го іюля 1775 онъ былъ уволенъ за болѣзнью отъ службы, съ пенсіономъ въ размѣрѣ получаемаго имъ въ послѣдніе годы службы жалованья и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Впрочемъ, несмотря на болѣзненное состояніе, Нагаевъ не переставалъ трудиться надъ исправленіемъ и составленіемъ морскихъ картъ и чертежей. «Въ жилищѣ его, говоритъ біографъ Нагаева—Веревкинъ, лично знавшій адмирала,—«не было мѣста, не занятаго бумагами. книгами или картами. Только во время сна онъ не имѣлъ въ рукахъ грифеля. пера или карандаша». Нагаевъ умеръ въ Петербургѣ 8-го января 1781 года. Послѣ него, кромѣ разныхъ картъ и плановъ, осталось много бумагъ, изъ которыхъ видно, что онъ собирался напечатать оба Беринговы путешествія и журналы плаваній капитановъ Чичагова и Креницына. Кромѣ того, онъ собиралъ матеріалы для біографій русскихъ моряковъ и письма Петра Великаго. Послѣднія вошли и послужили основаніемъ для сочиненія В. Н. Берха подъ заглавіемъ «Собраніе писемъ Императора Петра I къ разнымъ лицамъ съ отвѣтами на оныя».

„Общій Морской Списокъ“ т. I, Спб. 1885 г. стр. 268—271; „Матеріалы для исторіи Русскаго флота“ т. VIII—XII; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ т. IV, Спб. 1869 г. стр. 14, 84 и 82; т. VIII, Спб. 1871 г. стр. 123; т. XXXII, Спб. 1881 г. стр. 29, 44 и 290; т. XXXVI, Спб. 1882 г. стр. 102; т. XLV, Спб. 1885 г. стр. 128—137; „Жизнеописаніе первыхъ россійскихъ адмираловъ или опытъ исторіи россійскаго флота“ ч. IV, Спб. 1836 г. стр. 1—83; П. Барановъ „Опись Высочайшимъ Указамъ и Повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII вѣкъ“ т. III, Спб. 1878 г. стр. 343 и 482 (11994); „Кронштадскій Вѣстникъ“ 1867 г. № 7, „Сынъ Отечества“ 1831 г. ст. В. Берха „Жизнеописаніе адмирала Алексѣя Ивановича Нагаева“, ч. 139, т. XVII, № 1, стр. 17—36, № 2, стр. 77—103; № 3, стр. 138—158, № 4 стр. 204—223; „Энциклопедическій Словарь“ изд. И. Березина, отд. 3, т. II, стр. 530; „Московскій Телеграфъ“ 1831 г. ч. 37, № 3, стр. 390—391; „Энциклопедическій Словарь“ изд. Брокгауза и Ефрона, т. 20, Спб. 1897 г. стр. 421; Лееръ „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ т. V, Спб. 1890 г. стр. 297—298; „Военный Энциклопедическій лексиконъ“ т. XI, Спб. 1855 г. стр. 215—217; „Записки С. А. Порошина“, Спб. 1888, изд. 2-е. *Е. Ястребцевъ.*

Нагель, *Борисъ Ивановичъ*, учитель чистописанія въ благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ, переводчикъ. Преподавая въ благородномъ пансіонѣ въ 1820 г. чистописаніе, Нагель въ то же время занимался переводами съ нѣмецкаго языка, изъ которыхъ отмѣтимъ: сочиненія В. Шмита: «Четыре тысящелѣтія всеобщей исторіи, изображенныя на четырехъ таблицахъ съ привосокупленіемъ краткой исторіи просвѣщенія», которое и издалъ въ С.-Петербургѣ in-folio въ 1823 году. Изъ имѣющихся въ архивѣ Совѣта С.-Петербургскаго университета дѣла видно, что сочиненіе это получило большое распространеніе.

Дѣло объ историческихъ таблицахъ Шмита, переведенныхъ учителемъ Нагелемъ, 1823 г. (Арх. Совѣта Имп. Спб. унив.); Мѣсяцесловъ на 1823 г.; Роспись Смирдина. Спб., 1828; Перечень писемъ, сохранившихся въ бумагахъ Иннокентія, архіепископа херсонскаго, принесенныхъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ И. Х. Палаузовымъ (Отчетъ Импер. Публ. Библ. за 1887 годъ. Приложенія, II). *А. П.*

Нагель, *Ларіонъ Тимофеевичъ* (Ludwig von Nagel), д. т. сов., правитель Иркутскаго намѣстничества, лифляндскій и эстляндскій генералъ-губернаторъ; родился въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, умеръ послѣ 1807 г. На службу поступилъ въ 1748 г.; о первыхъ годахъ его службы упоминаній нѣтъ; извѣстно только, что онъ былъ военнымъ, при чемъ въ 1775 году получилъ чинъ подполковника и въ 1779-мъ полковника. Въ 1781-мъ году Нагель, за храбрость, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а 30 ноября 1785 года императрица Екатерина II, въ рескриптѣ, данномъ на имя свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго, отмѣтила выдающіяся заслуги полковника Нагеля и наградила его орденомъ св. Владиміра 3-й ст. Въ 1787-мъ году Нагель былъ произведенъ въ бригадиры и въ 1789-мъ—въ ген.-майоры. Вскорѣ затѣмъ (въ 1791 г.) онъ былъ назначенъ правителемъ Иркутскаго намѣстничества, съ производствомъ въ тайные совѣтники, и за свои труды по управленію краемъ получилъ въ 1792-мъ году орденъ св. Владиміра 2-й ст. Высочайшимъ указомъ 13 декабря 1797 года Нагель, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ должности иркутскаго намѣстника, «за ревностную же и похвальную его 49-ти лѣтнюю службу» Всемилостивѣйше пожа-

лованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники съ производствомъ жалованья до смерти. Впрочемъ, уже 26 октября 1798 г. состоялся Высочайшій указъ о назначеніи его лифляндскимъ и эстляндскимъ генералъ-губернаторомъ съ жалованіемъ по 6000 рублей въ годъ. Въ іюлѣ 1799 года ему была пожалована аренда, а 22 октября того же года императоръ Павелъ I-й указомъ на имя государственнаго казначея барона Васильева повелѣлъ отдавать Нагелю часть дохода съ каждаго корабля, приходившаго въ Ригу.

Въ 1802 году Нагель былъ обвиненъ въ «якобинствѣ», но оправдался. Въ это время онъ, повидимому, не былъ уже генералъ-губернаторомъ, такъ какъ указъ, въ которомъ упоминается объ увольненіи Нагеля, помѣченъ 26 сентября 1800 года.

Воинскій списокъ за 1795 годъ; Сенатскій Архивъ, т. I, 64, 326, 454, 459, 543, 656; Н. Туркестановъ, „Губернскій Служебникъ“; Спб., 1869; „Осьмнадцатый Вѣкъ“ Бартенева. М., 1869 (изданіе 2, I, 448, 449); Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 27; „Рижскій Вѣстникъ“ 1871 года № 16; „Русская Старина“ 1870 г., I, 315; 1896 г., сентябрь, 541—544; 1899 года, т. 98, май, 452. „Рус. Арх.“ 1904, кн. III, стр. 183.

А. Петровъ.

Нагель, *Юлій Феликсовичъ*, музыкантъ-віолончелистъ, композиторъ, преподаватель музыки въ Александровскомъ лицеѣ; родился въ 1837 году въ Готѣ, умеръ въ Петербургѣ 3-го сентября 1892 г. Музыкальное образованіе Нагель получилъ въ Лейпцигской консерваторіи. Въ 1862 году онъ пріѣхалъ въ Россію и два года спустя занялъ въ Александровскомъ лицеѣ мѣсто преподавателя музыки (на фортепіано) и въ этой должности оставался до самой смерти. Нагель былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ музыкальнаго журнала «Нувелистъ», гдѣ помѣстилъ много своихъ небольшихъ пьесокъ и еще больше переложеній. Кромѣ мелкихъ пьесъ и переложеній, Нагель оставилъ оперу въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Гранелло» исполнявшуюся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на сценѣ готскаго придворнаго театра, и другую оперу, комическую «Ясновидящая» въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Въ 1881 году Нагель получилъ 1-ю премію за коронаціонный маршъ на конкурсѣ, предложенномъ журналомъ «Нувелистъ». Маршъ этотъ долгое время держался въ репертуарѣ многихъ оркестровъ.

„Нувелистъ“ 1892 г. № 7; „Сынъ Отечества“ 1892 г. № 244; „Новое Время“ 1892 г. 6-го сент.; „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Эфрона, т. 20.

Нагіе,—русскій княжескій родъ, одна изъ вѣтвей рода князей Оболенскихъ. У князя Василія Ивановича Оболенскаго, извѣстнаго воеводы великаго князя Василія Васильевича Темнаго, былъ сынъ—князь *Петръ Васильевичъ* (см. Оболенскіе), получившій прозваніе *Нагой*. Дѣти князя Петра Васильевича уже стали называться Нагими. Впрочемъ, этотъ родъ, кромѣ сына князя Петра Васильевича, князя *Андрея Петровича* (см. ниже) не имѣлъ среди своихъ представителей крупныхъ дѣятелей и скоро угасъ. Уже въ концѣ XVI вѣка князья Нагіе не упоминаются ни въ разрядныхъ, ни въ родословныхъ книгахъ.

Нагіе, русскій дворянскій родъ. По родословнымъ книгамъ, Нагіе происходили отъ какого то *Ольгерда Преги*, который выѣхалъ въ Россію изъ Даніи въ 1294 году, поступилъ на службу къ великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому, принялъ православіе подъ именемъ Димитрія и женился на родной сестрѣ великаго князя княжнѣ Ярославѣ Ярославнѣ. Отъ правнука этого Ольгерда Преги, *Семена Григорьевича*, по прозванію *Нога*, и произошли по родословному преданію, Нагіе. До начала XVI вѣка Нагіе не упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ; первое упоминаніе объ этой фамиліи мы находимъ въ разрядныхъ книгахъ 1509 года, гдѣ говорится, что въ этомъ году *Михаилъ Ивановичъ* Нагой былъ пожалованъ въ ловчіе. Но до половины XVI вѣка Нагіе не занимали видныхъ постовъ на государевой службѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были воеводами въ городахъ, другіе воеводами по полкамъ и только *Ѳедоръ Михайловичъ Нагой* (см. ниже) достигъ званія окольничаго. Въ половинѣ XVI вѣка, благодаря родству съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ, за которымъ была замужемъ *Авдотья Александровна* Нагая, родъ Нагихъ начинаетъ возвышаться. Этимъ возвышеніемъ Нагихъ и приближеніемъ ихъ ко двору, вѣроятно, объясняется и бракъ царя Іоанна Грознаго на *Маріи Ѳедоровнѣ* Нагой, дочери *Ѳедора Ѳедоровича* (см. ниже). Со времени этого брака положеніе Нагихъ сразу окрѣпло. При дворѣ они начинаютъ занимать видное положеніе, многіе изъ нихъ жалуются въ думные

получаютъ боярство и воеводствуютъ въ лучшихъ московскихъ городахъ. Впрочемъ, такое выгодное положеніе Нагихъ продолжается очень недолго. По смерти царя Іоанна Грознаго, вмѣстѣ съ удаленіемъ царевича Димитрія въ Угличъ, туда же должны были удалиться и виднѣйшіе изъ Нагихъ. Оставшіеся въ Москвѣ не играли уже видной роли при московскомъ дворѣ и оставались на заднемъ планѣ, Убіеніе царевича Димитрія въ 1591 году и слѣдствіе, произведенное по поводу этого убіенія княземъ Василіемъ Шуйскимъ, еще болѣе ухудшило положеніе Нагихъ. Многіе изъ нихъ пострадали и были отправлены въ ссылку, другіе были пострижены или отправлены въ помѣстья. Измѣнилось на короткое время положеніе рода лишь въ царствованіе перваго Лжедимитрія, который, называя себя Димитріемъ, сыномъ царя Іоанна и Маріи Нагой, естественно началъ возвышать и своихъ названныхъ родственниковъ. Но со смертью Лжедимитрія, Нагіе снова перестали играть видную роль и въ послѣдній періодъ смуты уже мало выдѣлялись среди другихъ служилыхъ людей того времени. Не измѣнилось положеніе Нагихъ и по воцареніи новой династіи. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ и Алексѣй Михайловичъ, не возвышали представителей этого рода, и дальше стольничества, въ ихъ царствованіе, Нагіе не шли. Родъ Нагихъ угасъ въ концѣ XVII вѣка. *Е. Л.*

Нагловскій, *Дмитрій Станиславовичъ*,—генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба, начальникъ штаба Варшавскаго военнаго округа. Д. С. Нагловскій родился 2-го февраля 1838 г. и происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи; по окончаніи курса въ Казанской гимназіи и въ Казанскомъ университетѣ, со степенью кандидата математическихъ наукъ (1859 г.), онъ вскорѣ поступилъ на военную службу фейерверкеромъ въ 3-ю батарею 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады. Произведенный черезъ годъ въ прапорщики, Нагловскій поступилъ въ Михайловскую артиллерійскую академію, по окончаніи курса въ которой, съ чиномъ поручика, возвратился снова въ упомянутую батарею и вскорѣ принялъ участіе въ подавленіи польскаго возстанія. Войдя въ составъ отряда генералъ-майора Меллера-Закомельскаго, Нагловскій участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ и между прочимъ въ разбитіи 13-го августа 1863 года большого отряда Жилинскаго, за что былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й ст. и переведенъ въ лейбъ-гвардіи 1-ю артиллерійскую бригаду, въ которой прослужилъ около двухъ лѣтъ, а затѣмъ въ 1865 году поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Тотчасъ по окончаніи курса въ академіи, Нагловскій былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ переводомъ въ генеральный штабъ капитаномъ. Черезъ четыре года ему было поручено завѣдывать воспитаніемъ дѣтей Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Николаевича. Въ 1874 году онъ былъ произведенъ въ полковники, съ прикомандированіемъ къ штабу войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа а немного позже къ 1-й гвардейской артиллерійской бригадѣ для командованія батареей. Съ началомъ русско-турецкой войны Нагловскій былъ назначенъ состоять для порученій при начальникѣ штаба дѣйствующей арміи. Первымъ возложеннымъ на него дѣломъ, по прибытіи въ армію, было порученіе осмотрѣть и изучить мѣстность, гдѣ предназначалась переправа черезъ Дунай. Блестяще выполнивъ это порученіе и сообщивъ въ штабъ много цѣнныхъ указаній, Нагловскій участвовалъ затѣмъ въ самой переправѣ и въ бою на Систовскихъ высотахъ, причемъ за оказанныя отличія былъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость». Вскорѣ послѣ этого былъ сформированъ отрядъ генералъ-адъютанта Гурко. Начальникомъ штаба этого отряда былъ назначенъ Нагловскій, который участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ этого отряда: подъ Тырновомъ, при Казанлыкѣ, Эски-Загрѣ, Іени-Загрѣ, Джуракли и др. За Тырново Нагловскій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, а за отличіе въ остальныхъ дѣлахъ произведенъ въ генералъ-майоры. Далѣе, Нагловскій участвовалъ во всѣхъ бояхъ, въ качествѣ начальника штаба Западнаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко и сформированнаго въ сентябрѣ 1877 года преимущественно изъ войскъ гвардіи: при уничтоженіи коммуникаціонной линіи арміи Османа-паши, въ зимнемъ переходѣ черезъ Балканы и чины,

наконецъ въ разсѣяніи арміи Сулеймана-паши. За боевыя отличія въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, за переходъ черезъ Балканы и др. Нагловскій былъ награжденъ орденами: св. Георгія, 4-й и 3-й ст. и Владиміра 3-й ст. съ бантомъ.

По окончаніи войны Нагловскій былъ назначенъ вторымъ помощникомъ начальника штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа и членомъ Высочайше утвержденной коммиссіи по разслѣдованію дѣйствій интендантства и по продовольствію дѣйствующей арміи, а также членомъ комитета по устройству и образованію войскъ. Прослуживъ въ должности помощника начальника штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго округа около пяти лѣтъ, Нагловскій былъ назначенъ начальникомъ штаба войскъ Одесскаго военнаго округа, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, а затѣмъ переведенъ на ту же должность въ Варшавскій военный округъ, гдѣ и служилъ до самой своей смерти. Послѣднею наградою его былъ орденъ Бѣлаго Орла. Д. С. Нагловскій умеръ 13-го января 1890 года въ Варшавѣ. Погребенъ на Вольскомъ православномъ кладбищѣ.

„Русскій Инвалидъ“ 1890 г. № 13; „Петербургскій Листокъ“ 1890 г. № 14; „Всеобщій Календарь“ на 1891 г., стр. 509; „Варшавскій Дневникъ“ 1890 г., № 11 и № 13; „Русскій Календарь на 1891 г.; „Нов. Вр.“ 1890, № 4985.

Нагой, *Андрей Александровичъ*,—боярин и воевода; впервые упоминается въ 1581 году въ чинѣ свадьбы царя Іоанна Грознаго на М. Ѳ. Нагой. Въ 1600 и 1601 годахъ былъ воеводой въ Арскѣ. Въ 1605 году принималъ участіе въ чинѣ встрѣчи царя Симеона Бекбулатовича въ Москвѣ; въ этомъ же году былъ пожалованъ въ окольничіе, а въ 1606 году и въ бояре. Послѣ сверженія Лжедимитрія былъ посланъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ въ Угличъ за мощами царевича Димитрія и сопровождалъ ихъ при перевезеніи изъ Углича въ Москву. Послѣ этого свѣдѣній о его жизни и дѣятельности мы не имѣемъ. Умеръ А. А. Нагой въ 1618 году.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI, 215; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) X, 7, 79, 81, 82, пр. 9, 231, 240, 244, XII, 7, 14, 60, 61 пр. 143—145.

Нагой, *князь Андрей Петровичъ*, по прозванію *Лапа*, сынъ князя Петра Васильевича Оболенскаго-Нагого. Въ 1514 году упоминается въ лѣтописяхъ при описаніи похода великаго князя Василія Ивановича на Литву, когда, послѣ взятія русскими Смоленска, былъ посланъ вторымъ воеводой лѣвой руки подъ Оршу; въ 1520 году Нагой былъ въ числѣ воеводъ въ Каширѣ, въ 1521 году во время нашествія крымскихъ татаръ на южныя окраины Московскаго государства онъ былъ третьимъ воеводой въ Тарусѣ и участвовалъ въ отраженіи непріятелей, въ 1527 году снова выступалъ противъ татаръ въ Каширу, въ 1529 году былъ вторымъ воеводой въ Серпуховѣ, а въ 1533 — третьимъ воеводой въ Каширѣ. Другихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности князя Андрея Петровича мы не имѣемъ, и годъ его смерти неизвѣстенъ.

Спиридовъ, „Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ“ (М 1810) II, 337; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VIII, 76; Разрядная книга изд. Милюкова (Чтенія Московск. Общества Исторіи и Древностей 1902, I), 70, 71, 79, 90).

Е. Лихачъ.

Нагой, *Андрей Ѳедоровичъ*,—бояринъ и воевода; впервые упоминается въ 1573 г.; когда былъ головой въ Пайдѣ, въ 1574 г. былъ посланъ вмѣстѣ съ другими воеводами къ Юрьеву-Ливонскому, во главѣ отряда служилыхъ нагайскихъ татаръ для обороны Юрьева отъ нападавшихъ на него нѣмцевъ. За этотъ походъ Нагой получилъ золотой. Въ 1575 году Нагой былъ въ числѣ головъ въ походѣ московскихъ войскъ подъ Колывань, въ 1576—встрѣчалъ въ Смоленскѣ императорскихъ пословъ, въ 1577 году подъ личнымъ начальствомъ царя Іоанна Грознаго участвовалъ въ походѣ на Лифляндію, въ 1579 году снова ходилъ въ походъ противъ нѣмцевъ, въ 1581 году принималъ участіе въ чинѣ свадьбы царя на сестрѣ А. Ѳ.—М. Ѳ. Нагой. Въ 1583 году А. Ѳ. Нагой былъ пожалованъ въ думные дворяне и, получивъ званіе намѣстника Коломенскаго, отправился вторымъ уполномоченнымъ на съѣздъ съ поляками для выясненія условій размѣна плѣнныхъ. По смерти Іоанна Грознаго положеніе Нагого, достигшаго при покойномъ царѣ, благодаря близкому родству съ царицей, думныхъ чиновъ, значительно измѣняется. Онъ долженъ былъ удалиться на жительство въ Угличъ, гдѣ жилъ съ матерью и царевичъ Димитрій. Послѣ смерти царевича

въ 1591 году привлекали къ слѣдствію и Нагого, который показалъ, что при смерти царевича онъ не присутствовалъ; однако, вмѣстѣ съ другими членами рода былъ сосланъ и Андрей Ѳедоровичъ. Только уже при Лжедимитріи, въ 1605 году, Нагой былъ возвращенъ ко двору и даже получилъ боярство.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI, 213—214; Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества“, т.т. I, II, Разрядная книга (Синбирскій Сборникъ М. 1845); Соловьевъ (изд. т-ва «Общ. Польза“) II, 617, 668, 673, 674.

Нагой, *Аѳанасій Александровичъ*,— боярinъ и воевода; впервые упоминается въ 1577 году, когда подъ начальствомъ царя Іоанна Грознаго участвовалъ въ походѣ на Лифляндію, въ 1578 году былъ посланъ изъ Москвы на Украйну съ золотыми, для бояръ, послѣ пораженія крымскихъ татаръ у Молодей. Въ 1581 году А. А. Нагой упоминается въ чинѣ свадьбы царя на М. Ѳ. Нагой, въ 1585 и 1586 годахъ былъ воеводой въ Новосилѣ для береженья отъ набѣга татаръ, въ 1600 г.— вторымъ воеводой на Угрѣ, въ 1606 году при Лжедимитріи Нагой былъ пожалованъ въ бояре и участвовалъ въ чинѣ царской свадьбы, въ 1610 году еще былъ при дворѣ царя Василія Шуйскаго, но въ этомъ же году умеръ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ благородныхъ родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI, 217—218; Разрядная книга (Синбирскій Сборникъ М. 1845).

Нагой, *Богданъ Михайловичъ*,—воевода; упоминается съ 1616 по 1632 годъ при дворѣ въ числѣ стольниковъ и несъ обычную придворную службу: «смотрѣлъ въ столы» при торжественныхъ царскихъ обѣдахъ, стоялъ рындой при пріемахъ иностранныхъ пословъ, ѣздилъ съ царемъ на богомолья въ монастыри. Въ 1626 г былъ первымъ воеводой въ Путивлѣ для береженья отъ татарскихъ набѣговъ, въ 1629 году—одинъ изъ воеводъ въ Дѣдиловѣ. Въ 1632 году былъ посланъ въ Калугу «собираться съ ратными людьми» для похода подъ Смоленскъ противъ поляковъ, въ октябрѣ того же года съ небольшимъ отрядомъ занялъ Серпейскъ, въ ноябрѣ разбилъ польскій отрядъ и взялъ Рославль и въ награду за это получилъ золотой. Подъ Смоленскомъ Нагой также участвовалъ въ бояхъ съ поляками и въ одной схваткѣ былъ убитъ.

Спиридовъ „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI 221—222; Разрядныя книги, т. т. I, II, (по указателю); Дворцовые разряды т. I; Акты Археографическ. Экспедиціи, т. III.

Нагой, *Григорій Ивановичъ*, по прозванію *Щеголь*, воевода. Первое упоминаніе о Г. И. Нагомъ находимъ въ 1549 г., когда онъ былъ однимъ изъ головъ въ русскомъ войскѣ. Въ 1551 году, когда составлялся новый московскій списокъ боярскихъ дѣтей, Нагой былъ записанъ во вторую статью этого списка. Въ 1552 и 1553 г.г. онъ былъ на воеводствѣ въ Путивлѣ; въ 1554 году, когда возстали покоренные въ 1551 году луговые черемисы, Нагой былъ посланъ для ихъ усмиренія вторымъ воеводой большого полка, отличился въ этомъ походѣ и получилъ въ награду угорскій ползолотой. Въ 1555 году Нагой былъ вторымъ воеводой на Угрѣ, въ 1559 году участвовалъ въ походѣ на Лифляндію подъ начальствомъ боярина З. И. Очина-Плещеева, осаждалъ Дерптъ, въ январѣ 1560 г. участвовалъ въ походѣ къ Алысту и во взятіи этого города. Въ томъ же году Нагой былъ воеводой сперва въ Путивлѣ, а потомъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ. Въ 1563 г. онъ участвовалъ въ походѣ къ Полоцку, начальствуя вспомогательными нагайскими и татарскими войсками, участвовалъ въ осадѣ Полоцка и даже выполнялъ спеціальное порученіе: былъ посланъ противъ польскаго войска, шедшаго на помощь Полоцку и разбилъ его. По взятіи Полоцка Нагой оставленъ былъ въ немъ городничимъ, но уже въ концѣ того же 1563 года мы находимъ его въ Тулѣ, гдѣ онъ былъ намѣстникомъ и осаднымъ воеводой. Въ 1564 году онъ упоминается при описаніи пріема въ Москвѣ польскихъ пословъ. Въ томъ же году Нагой былъ назначенъ первымъ городничимъ въ Смоленскъ. Въ 1565 году Нагой былъ первымъ городничимъ въ Полоцкѣ. Въ началѣ 1567 года онъ получилъ званіе Волоцкаго намѣстника и былъ посланъ вмѣстѣ съ бояриномъ Умнымъ-Колычевымъ въ Польшу для веденія переговоровъ о мирѣ. Переговоры эти однако кончились неудачей, такъ какъ король Сигизмундъ не согласился на условія царя, который, предлагая польскому королю Курляндію, требовалъ у него Ли-

вонію и настаивалъ на выдачѣ Курбскаго. Уже въ сентябрѣ 1568 года русское посольство вернулось обратно въ Москву, крайне недовольное пріемомъ, оказаннымъ ему въ Польшѣ, гдѣ съ русскими послами обращались недружелюбно. Въ октябрѣ 1568 года Нагой вмѣстѣ съ Умнымъ-Колычевымъ давалъ отчетъ царю о своемъ посольствѣ. Послѣ этого, извѣстія о Г. И. Нагомъ прекращаются, и годъ его смерти намъ неизвѣстенъ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ VI, 205 — 206; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 311; Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ I, 489, 490, 493, 495, 549; Разрядная книга—изд. Милюкова (Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1902, I) 155, 171, 214, 215, 216, 221, 233, 236, 239, 241, 244, 252; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX, 68, 69, пр. 222.

Нагой, *Иванъ Григорьевичъ*,—воевода; въ 1577 году вмѣстѣ съ царемъ участвовалъ въ походѣ на Лифляндію, въ 1581 году упоминается въ чинѣ свадьбы царя на М. Ѳ. Нагой. По смерти царя Іоанна Грознаго, въ 1589 году былъ посланъ въ почетную ссылку въ Сибирь на воеводство на рѣку Тавру, строилъ здѣсь городъ у устья рѣки Лозвы, въ 1594 году былъ переведенъ на воеводство въ Березовъ, въ 1595 и 1596 годахъ былъ на воеводствѣ въ Тюмени, въ 1600 году въ Верхотурьѣ. Наконецъ, наскучивъ въ Сибири, Нагой самовольно бросилъ воеводство и поѣхалъ къ Москвѣ. Въ Казани его схватили, но вскорѣ отпустили жить въ вотчину. Дальнѣйшихъ упоминаній о Нагомъ мы не встрѣчаемъ, и годъ смерти его неизвѣстенъ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI, 220; Разрядная книга (Синбирскій Сборникъ, М. 1845); „Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества“, т. II; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX пр. 554.

Нагой, *Михаилъ Александровичъ*, — воевода; въ 1577 году участвовалъ въ походѣ царя Іоанна Грознаго въ Лифляндію, въ 1581 году участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя на М. Ѳ. Нагой, въ 1584 году былъ однимъ изъ воеводъ въ Казани, въ 1585 году—второй воевода въ Новоцаревѣ, въ 1586—второй же воевода въ Казани, въ 1600, 1601 и 1602 годахъ—первый воевода въ Уфѣ. Въ 1606 году при воцареніи Лжедимитрія былъ пожалованъ въ бояре, встрѣчалъ по порученію новаго царя въ Смоленскѣ знаменитую Марину Мнишекъ и участвовалъ въ чинѣ свадьбы Лжедимитрія. Въ 1608 году былъ посланъ противъ приверженцевъ Лжедимитрія II вторымъ воеводой къ Болхову. М. А. Нагой умеръ въ 1618 году.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI, 215—216; „Разрядная книга“ (Синбирскій Сборникъ М. 1845); Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX, пр. 554. *Е. Л.*

Нагой, *Михаилъ Ѳедоровичъ*, — боярин и воевода; упоминается съ 1581 г., когда мы находимъ его въ чинѣ свадьбы царя. По смерти Іоанна Грознаго былъ удаленъ вмѣстѣ съ царицей Маріей Ѳедоровной и царевичемъ Димитріемъ въ Угличъ, гдѣ и жилъ до 1591 года, когда слѣдственная комиссія князя Шуйскаго по дѣлу объ убіеніи царевича Димитрія обвинила его въ томъ, что по его приказу былъ убитъ Волоховъ, Качаловъ и Битяговскій безъ всякой вины съ ихъ стороны. Нагой былъ сосланъ въ заточеніе, и только уже въ царствованіе Бориса Годунова мы находимъ его съ 1600 по 1602 годъ на воеводствѣ въ Царевѣ-Санчурскѣ. Въ 1606 году Нагой былъ пожалованъ Лжедимитріемъ въ бояре и конюшіе, но по сверженіи Лжедимитрія былъ лишенъ званія конюшаго. Въ 1607 году, по порученію царя Василія, ѣздилъ въ Елецъ съ письмомъ царицы Маѳы и образомъ царевича Димитрія для увѣщанія возмутившаго населенія Сѣверскихъ городовъ и свидѣтельства о смерти Димитрія, въ 1609 году въ числѣ другихъ воеводъ защищалъ Москву отъ нападенія поляковъ и приверженцевъ Тушинскаго вора. М. Ѳ. Нагой умеръ въ 1612 году.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI, 218—219; „Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества“, т. II; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX, 24, 39, 65, 75, 77, 109, 124, пр. 75, 121, 122, 247, 252, 268, 349, 404, 406, 437, 516, 554, 618, X, 7, 84, пр. 9, 250; „Акты Историческіе“ т. II, Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза“) II, 668, 670—674, 677, 773, 813. *Е. Лихачъ.*

Нагой, *Семенъ Ѳедоровичъ*,—боярин и воевода; первое упоминаніе о немъ въ разрядныхъ книгахъ мы находимъ подъ 1547 г., когда онъ упоминается въ чинѣ свадьбы царя на А. Р. Юрьевой-Захарьиной. Въ 1551 году, когда составлялся московскій списокъ боярскихъ дѣтей, Нагой

былъ записанъ въ третью статью этого списка, Въ 1565 году мы находимъ Нагого воеводой въ Рыльскѣ, въ 1570 году онъ былъ намѣстникомъ въ томъ же городѣ и отсюда увѣдомлялъ царя о движеніи крымскихъ татаръ на южно-русскія области. Когда царь выступилъ противъ татаръ, въ походѣ принималъ участіе и С. Ѳ. Нагой. Въ 1572 году онъ былъ вторымъ осаднымъ воеводой въ Москвѣ, на Земскомъ дворѣ. Въ 1573 г. участвовалъ въ походѣ царскихъ воеводъ на Лифляндію, въ 1581 году занималъ очень видное мѣсто въ чинѣ свадьбы царя и своей племянницы М. Ѳ. Нагой. Въ 1584 году Нагой былъ первымъ воеводой въ Васильгородѣ. Служебная карьера С. Ѳ. Нагого, начавшаяся такъ удачно и обѣщавшая ему многое, благодаря послѣднему браку царя на его родственницѣ, однако совершенно измѣнилась по смерти царя Іоанна. Послѣ удаленія царевича Дмитрія въ Угличъ, туда же былъ удаленъ и Семенъ Ѳедоровичъ, къ которому относился очень непріязненно всесильный тогда Борисъ Годуновъ. Замѣшанный князем В. В. Шуйскимъ въ слѣдствіе по дѣлу объ убіеніи царевича Дмитрія, онъ попалъ подъ полную опалу и былъ сосланъ въ одну изъ своихъ вотчинъ, гдѣ и прожилъ до воцаренія перваго Лжедимитрія. Пожалованный при немъ въ бояре, онъ послѣ смерти его снова теряетъ всякое значеніе. Судьба его послѣ 1606 года намъ неизвѣстна, какъ неизвѣстенъ и годъ его смерти.

Спиридовъ, «Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI, 207—208; Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ I, 507; Разрядныя книги (Синбирскій Сборникъ М. 1845); Извѣстія Генеалогическаго Общества (Спб. 1901) т. I; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX, пр. 351, 387, 554, X, 7, пр. 9.

Нагой, *Ѳедоръ Михайловичъ*, по прозванію *Нѣмой*, окольничій и воевода; впервые упоминается въ 1526 году, когда мы находимъ упоминаніе о немъ въ чинѣ свадьбы великаго князя Василія Ивановича и княжны Глинской. Въ 1533 году сопровождалъ великаго князя въ его предсмертной поѣздкѣ по сѣверно-русскимъ монастырямъ. Въ 1535 году Нагой былъ пожалованъ въ ловчіе, а въ 1539—въ окольничіе. Въ 1544 году онъ участвовалъ въ походѣ на Казань первымъ воеводой правой руки. Въ 1547 году мы находимъ Нагого въ Казани однимъ изъ воеводъ-агентовъ московскаго правительства при казанскомъ царѣ. Въ этомъ же году мы находимъ упоминаніе о немъ въ извѣстной распрѣ при дворѣ, при чемъ Ѳедоръ Михайловичъ, повидимому, оказался ревностнымъ сторонникомъ партіи Шуйскихъ и принималъ большое участіе въ низверженіи Глинскихъ. Въ 1548 году Нагой сопровождалъ царя Іоанна Грознаго въ поѣздкѣ во Владиміръ, въ 1549 году былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ при царѣ Шигъ-Алеѣ, откуда былъ отправленъ подъ Казань и, участвуя въ походѣ царя въ 1551 г., принималъ участіе и во взятіи Казани, начальствуя надъ всей русской артиллеріей. Въ 1552 году Нагой былъ назначенъ воеводой въ Чебоксары, гдѣ замирялъ вновь присоединенныхъ мордву и черемисовъ. Въ 1553 году онъ сопровождалъ царя въ походѣ противъ крымскихъ татаръ, въ 1555 году снова сопровождалъ царя въ походѣ подъ Тулу и Коломну, куда въ этомъ году дѣлали набѣгъ крымскіе татары. Въ 1556 году Нагой былъ годовымъ воеводой въ Чебоксарахъ, а въ 1557 снова ходилъ противъ крымскихъ татаръ на югъ. Умеръ Ѳедоръ Михайловичъ Нагой въ 1558 году.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ" (Рукоп. Импер. Публичной Библіотеки), VI, 202—204; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, VI, 267; Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ I, 430—432; 458, 459; Разрядная книга—изд. Милюкова (Чтенія Московск. Общества и Древностей 1902, I) 2, 4, 7, 123, 126, 128, 132, 136, 145, 161, 176; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), VII, пр. 321, 353, VIII, 61, пр. 164; Соловьевъ, (изд. т-ва „Общ. Польза") II, 42.

Нагой, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, бояринъ и воевода; впервые упоминается въ 1547 году, въ чинѣ свадьбы царя Іоанна Васильевича и А. Р. Юрьевой-Захарьиной; въ 1551 году былъ записанъ въ третью статью московскаго списка. Въ 1562 году Нагой участвовалъ въ польскомъ походѣ: сперва онъ былъ въ Смоленскѣ, приставомъ при царевичѣ Тохтамышѣ, а потомъ участвовалъ въ походѣ подъ Оршу. Въ 1563 году участвовалъ снова въ походѣ на Литву въ качествѣ головы у служилыхъ татаръ, въ 1564 и 1565 годахъ былъ воеводой въ Мценскѣ, откуда подъ начальствомъ князя Серебрянаго снова ходилъ въ Литву. Въ 1566 и 1567 годахъ Нагой былъ годовымъ воеводой въ Черниговѣ; въ 1570 году,

когда въ Москву пріѣзжали польскіе послы, Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ при нихъ приставомъ; въ 1571 году онъ былъ посланъ съ другими воеводами противъ крымскихъ татаръ, сдѣлавшихъ нашествіе на южнорусскія области; въ этомъ же году Нагой снова былъ отправленъ воеводой въ Черниговъ, гдѣ пробылъ до 1574 года, когда сопровождалъ царя въ Серпуховскомъ походѣ. Въ 1576 году онъ снова находился при царѣ во время его путешествія въ Калугу. Въ 1577 году Ѳ. Ѳ. Нагой былъ пожалованъ въ окольничіе, въ 1579 и 1580 годахъ сопровождалъ царя въ походахъ на Лифляндію. Измѣнилось положеніе Нагого въ 1581 году, когда царь женился на его дочери Маріи Ѳеодоровнѣ Нагой. Теперь Нагой изъ простого воеводы превратился въ тестя царя, одно изъ наиболѣе близкихъ къ царю лицъ. Впрочемъ, личное вліяніе Нагого на дѣла было очень невелико. Попытка его вступить въ борьбу за вліяніе съ Борисомъ Годуновымъ потерпѣла неудачу, и несмотря на то, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ пожалованъ въ бояре, послѣ смерти царя Іоанна Грознаго положеніе его при дворѣ измѣнилось къ худшему. Когда былъ удаленъ въ Угличъ царевичъ Димитрій съ своей матерью, туда же былъ отправленъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Послѣ смерти Димитрія, когда слѣдственная комиссія князя В. В. Шуйскаго обвинила во всемъ Нагихъ, Борисъ Годуновъ, разумѣется, воспользовался этимъ обстоятельствомъ для гибели своего бывшаго врага. Нагой былъ привезенъ подъ стражу въ Москву и здѣсь, послѣ цѣлаго ряда допросовъ и преслѣдованій, присужденъ къ ссылкѣ. Отправленный въ одну изъ отдаленныхъ областей Московскаго государства, онъ уже до своей смерти въ Москву не возвращался. Годъ смерти Ѳ. Ѳ. Нагого намъ неизвѣстенъ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI, 208—210; Разрядная книга—изд. Милюкова (Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1902, I), 232, 233, 245, 256, 260, 262; Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ I, 489, 491, 493, II, 47; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX, 187, пр. 356, 554, 618, X, 7, 84 пр. 9, 250; А. А. Титовъ: „Нагая слобода и ея окрестности“ (Ярославль 1887). „Извѣстія Генеалогическаго Общества“ т. I.

Лихачъ.

Нагумовичъ, *Левъ Яковлевичъ*, д. ст. сов., докторъ медицины, писатель; род. въ 1792 г. въ Могилевѣ. По окончаніи курса въ Могилевскомъ іезуитскомъ училищѣ, поступилъ въ 1807 г. въ Виленскій университетъ, гдѣ въ 1812 году получилъ степень доктора медицины. 1-го апрѣля того же года онъ былъ командированъ, въ званіи младшаго лѣкаря, въ Фанагорійскій гренадерскій полкъ, въ которомъ и находился безотлучно въ продолженіе всей кампаніи 1812 года. Вмѣстѣ съ этимъ полкомъ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Маломъ Ярославцѣ, подъ Люценомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ 1814 году въ Парижъ. Въ Парижской медицинской академіи Нагумовичъ прочелъ свою работу «объ употребленіи фосфора при лѣченіи перемежающейся лихорадки», за которую былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи и получилъ отъ нея серебряную медаль. По возвращеніи войскъ изъ-за границы, Нагумовичъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ въ 40-й егерскій полкъ, въ 1818 г. поступилъ ординаторомъ въ Бѣлорусско-Могилевскій военный госпиталь и вскорѣ былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ 1-й арміи съ оставленіемъ въ званіи ординатора. Въ 1826 г. Нагумовичъ былъ назначенъ полковымъ штабъ-лѣкаремъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и вскорѣ получилъ званіе медико-хирурга. Съ открытіемъ въ 1828 г. военныхъ дѣйствій противъ турокъ онъ отправился въ походъ вмѣстѣ съ л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, вступилъ съ нимъ въ предѣлы Турціи и былъ главнымъ докторомъ временнаго госпиталя всей гвардіи, устроеннаго въ Варнѣ. Въ 1830 году за особые труды въ центральной комиссіи въ Саратовѣ для борьбы съ холерой Нагумовичъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны съ Императорскою короной. Вскорѣ по возвращеніи въ 1831 г. въ Петербургъ, Нагумовичъ, былъ назначенъ штабъ-докторомъ отдѣльнаго варшавскаго гвардейскаго корпуса. Кромѣ французской и турецкой кампаній, Нагумовичъ принималъ участіе въ польской кампаніи 1831 года, находясь въ составѣ войскъ гвардейскаго корпуса, и въ 1848 году въ походѣ гвардіи къ венгерской границѣ. Въ 1852 году онъ, согласно прошенію, былъ уволенъ изъ строя и вскорѣ назначенъ почетнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Нагумовичъ умеръ 14 апрѣля 1853 года.

Изъ сочиненій Нагумовича отмѣтимъ: «Руководство къ лѣченію огнестрѣльныхъ ранъ по правиламъ, предлагаемымъ знаменитыми хирургами въ Европѣ», Спб., 1822 г.; переводъ сочиненія Lagneau о сифилисѣ («Описаніе припадковъ любострастной болѣзни», Москва, 1820 г.). Нагумовичъ сотрудничалъ въ «Военно-Медицинскомъ журналѣ», «Другѣ Здравія» и др. Перу Нагумовича принадлежатъ также III, VII и VIII главы «Трактата о повальной, заразной болѣзни, называемой холера» (Спб., 1831) и нѣсколько статей въ «Трудахъ Общества Русскихъ Врачей».

Estreicher, Bibliografja polska XIX stulecia; Hirsch, A. Biographisches-Lexicon der hervorragenden Arzte. Томъ IV; Kośmiński. S. Slownik lekarzów polskich, стр. 340. Змѣевъ, „Русскіе врачи писатели“ Спб., 1886, тетр. II, стр. 26; второе дополн., стр. 29. Воспоминанія А. А. Титова („Древняя и Новая Россія“, 1878 г. т. 3, XII, 223); „Труды Общества русскихъ врачей“, т. III, IV; „Другъ Здравія“, 1849 г., II, 14; 1851 г., 22. „Военно-Медицинскій Журналъ“ 1823 г., ч. 8; 1826 г., ч. 2; 1827, ч. 9; 1837, ч. 30; „Сѣв. Пчела“ 1853 г. № 86.

Александръ Петровъ.

Надаржинскій, *Тимофей Васильевичъ*, духовникъ императора Петра I-го; родился въ 1660—1670-хъ гг. Надаржинскій былъ сначала священникомъ, а потомъ протоіереемъ въ селѣ Тростянцѣ (Ахтырск. у.). Нравственныя качества Надаржинскаго сдѣлались извѣстны государю, и онъ призвалъ его въ 1703 г., въ званіи протоіерея придворнаго Благовѣщенскаго собора и своего духовника. Съ этихъ поръ, до самой смерти императора Петра I-го, Надаржинскій неотлучно находился при немъ, сопровождая его во всѣхъ походахъ и путешествіяхъ. Государь очень цѣнилъ своего духовника и щедро его награждалъ; между прочимъ ему было пожаловано имѣніе Тростянецъ. По смерти Петра Великаго, Надаржинскій былъ духовникомъ императрицы Екатерины и только послѣ ея смерти, въ 1728 г. удалился въ свой Тростянецъ. Семейное горе,—смерть любимаго сына, скоро заставило его поступить въ Ахтырскій Троицкій монастырь, гдѣ онъ принялъ схиму, съ именемъ Товія. Умеръ Надаржинскій въ 1729—1730 гг.; погребенъ въ Троицкой церкви Ахтырскаго монастыря, построенной на его средства.

„Молодикъ“ на 1844 г., изд. И. Бецкимъ, вып. I, с. 257—266; Харьковскій Календарь на 1884 г., с. 428—429; Е. П. Карновичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, гл. X, 1874 г.; Mémoires du prince P. Dolgoroukow, 1867 г., т. I, гл. III; „Русск. Стар.“ 1872 г., т. V, № 6, с. 956—957.

Надеждинъ, *Александръ Ивановичъ*, магистръ физики, преподаватель кіевской женской гимназіи, писатель; родился 19-го іюня 1858 года въ селѣ Верхопѣньѣ, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи и былъ сынъ военнаго врача. По окончаніи курса въ 1-й Кіевской гимназіи, поступилъ въ 1877 г. въ университетъ св. Владиміра, на физико-математическій факультетъ, черезъ годъ уѣхалъ за границу, а по возвращеніи снова поступилъ въ тотъ же университетъ. Готовясь по окончаніи курса къ магистерскому экзамену, Н. въ то же время состоялъ дѣятельнымъ членомъ Кіевскаго Общества естествоиспытателей, въ которомъ сдѣлалъ рядъ сообщеній («О теплоемкости жидкостей», «Способъ для опредѣленія критической температуры жидкостей въ непрозрачныхъ трубкахъ», «Деполяризующее вліяніе марганцево-кислаго кали», «Упругость насыщенныхъ паровъ при высокихъ температурахъ» и др.); наиболѣе цѣннымъ изъ этихъ сообщеній былъ предложенный Надеждинымъ оригинальный способъ для опредѣленія критической температуры жидкостей въ непрозрачныхъ трубкахъ. Выдержавъ въ концѣ 1885 года магистерскій экзаменъ, Надеждинъ 8-го апрѣля 1886 года защитилъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Этюды по сравнительной физикѣ» (Кіевъ 1886 г.), и въ апрѣлѣ 1886 года отправился въ заграничную командировку съ научною цѣлью на два года, но 6-го іюня того же года скончался въ Франценсбадѣ. Тѣло его было перевезено въ Кіевъ и погребено на Аскольдовой могилѣ. Кромѣ упомянутыхъ докладовъ въ Кіевскомъ Обществѣ естествоиспытателей и магистерской диссертаціи, Надеждину принадлежатъ еще слѣдующія работы: «Къ вопросу о критической температурѣ изомеровъ и гомологическихъ рядовъ» (Кіевъ. 1883 г.); «Опредѣленіе критической температуры азотноватой кислоты, брома, іода и воды» («Журналъ Элементарной Математики» 1885, № 13); «О нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ связи съ общимъ направленіемъ современной физики» (Кіевъ. 1883); «О теплоемкости жидкостей» (Кіевъ. 1885 г.). Кромѣ того, послѣ его смерти

вышла книга «Физическія изслѣдованія А. И. Надеждина», съ предисловіемъ профессора М. П. Авенаріуса и біографическимъ очеркомъ автора (Кіевъ, 1887).

Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“ вып. VI, Спб. 1889 г. стр. 89—90; „Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики“ 1886 г. № 1; біографическій очеркъ, написанный г. Б. и приложенный къ книгѣ „Физическія изслѣдованія А. И. Надеждина„ стр. VII — XII; „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XX.

Надеждинъ, *Ксенофонтъ Ѳедоровичъ*, писатель, род во Владимірѣ Губ. 18 янв. 1840 г. Первоначальное образованіе Н. получилъ во Владимірскихъ духовн. училищѣ и семинаріи, а затѣмъ въ С.-Петербургской духовной академіи. По окончаніи курса въ академіи, Н. 24 янв. 1864 г. былъ назначенъ во Владимірскую семинарію преподавателемъ церковно-библейской исторіи, а затѣмъ и всеобщей исторіи; по преобразованіи семинаріи, въ 1869 г., ему поручено преподаваніе гражданской исторіи, что онъ и исполнялъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 4 марта 1890 года.

Онъ напечаталъ: «Споры безпоповцевъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни о бракѣ» въ «Православн. Обозрѣніи» 1864 г., №№ 10 и 11 (отд. Спб., 1865. 8°); «Очеркъ исторіи Владимірской семинаріи» во «Влад. Еп. Вѣд.» 1865 г., №№ 1, 2 и 14; 1866 г., №№ 4 и 10; 1867 г., №№ 9 и 23, и 1868 г., №№ 16, 17, 23 и 24; (всѣ эти очерки семинаріи въ 1875 г. изданы отдѣльно: «Исторія Владимірской духовной семинаріи, съ 1750 по 1840 годъ». Владиміръ. 1875. 8°, 181+II стр.); «Журналъ раскольническій «Истина» и «Дѣятельность редакціи этого журнала»—въ «Православн. Обозрѣніи» 1866 г., № 7, и 1867 г. № 1; «Рукописи по расколу въ библіотекѣ Владимірской семинаріи»—тамъ же, 1867 г., №№ 8 и 9, и 1868 г., № 12; «Изъ преданій о первомъ ревизорѣ Владимірской семинаріи Филаретѣ, впослѣдствіи митрополитѣ московскомъ»—въ «Душеполезн. Чтеніи» 1870 г, кн. I; «Матеріалы для исторіи Владимірской семинаріи»—во «Влад. Еп. Вѣд.» 1874 г., №№ 20 и 23; «Повѣсть инока Симеона іерея суждальца: како римскій папа Евгеній составлялъ осмый соборъ съ своими единомышленниками»—тамъ же, 1879 г., № 3; «Стихотворныя посланія Словцова къ М. М. Сперанскому и Сперанскаго къ Словцову»—тамъ же, 1882, № 5; «Противники и сторонники семейной жизни въ расколѣ»—тамъ же, 1882, № 15; «Васильевскія мѣдныя створчатыя двери, находящіяся нынѣ въ Александровскомъ Троицкомъ соборѣ Успенскаго дѣвичьяго монастыря»—тамъ же, 1885 г., №№ 21 и 22; «Письма и цидули. (Образцы писемъ первыхъ годовъ настоящаго и прошлаго столѣтій)» —тамъ же, 1886 г., № 16.

Все напечатанное Надеждинымъ составляетъ умѣло использованный и прекрасно популяризованный научный рукописный матеріалъ.

Въ 1865 г. начали издаваться во Владимірѣ «Епархіальныя Вѣдомости», и Надеждинъ былъ первымъ ихъ редакторомъ, съ о. А. И Сервицкимъ, до октября 1868 г.

Библ. для Чтенія, 1865 г., № 2, стр. 48—51 (въ замѣткахъ Посторонняго).—С.-Петербург. духовная академія. 1858–1888, И. Чистовича,—списки, стр 25.—Владимір. Епархіальн. Вѣдом., 1890, № 6, стр. 212; № 9, стр. 298—302 (В. Добронравовъ). — Владимірскія, Губерн. Вѣдом., 1890. № 42 (Мих. Левитскій).—Исторія Владимір. духовн. семинаріи, Н. В. Малицкаго, вып. 2, стр. 286—288, 353, 394.—Труды Владимір. Учен. Архивн. Ком., кн. VI, прилож., стр. 21–23, съ портретомъ (А. В. Смирновъ).—Энциклоп. словарь, изд. Брокгауза и Эфрона, полут. 39, стр. 432.—„Рус. Курьеръ“, 1889, № 222 (юбилей Н—а).

А. В. См.

Надеждинъ, *Николай Ивановичъ*, профессоръ по каѳедрѣ изящныхъ искусствъ и археологіи, журналистъ, этнографъ, знатокъ раскола и исторіи церкви. Онъ родился въ с. Нижнемъ Бѣлоомутѣ, Зарайскаго уѣзда Рязанской, губерніи 5 окт. 1804 г., и былъ сыномъ діакона, а впослѣдствіи священника мѣстной сельской церкви. 10-ти лѣтъ отъ роду Н. былъ помѣщенъ въ Рязанское духовное училище съ правомъ «пользоваться доходами съ причетническаго мѣста», и уже черезъ годъ былъ въ семинаріи; проучившись здѣсь четыре года въ низшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, былъ отправленъ для полученія высшаго образованія въ московскую духовную академію, куда начальство обыкновенно посылало лучшихъ воспитанниковъ, окончившихъ классъ богословія Подвергнувшись въ Москвѣ «предварительному испытанію», Надеждинъ, уже читавшій Канта и другихъ философовъ, съ успѣхомъ написалъ диссертацію на тему: «Perpendatur pretium atque eruantur desiderata systematis Wolfiani tam in toto, quam in singulis partibus considerati»;

онъ энергично «возсталъ на Вольфа и вообще на эмпиризмъ, главную характеристическую черту основанной имъ школы». Несмотря на обнаруженныя Надеждинымъ необыкновенныя дарованія, онъ не былъ на особенно хорошемъ счету у начальства: излишняя рѣзвость характера и страсть къ остроумію вызывали уклоненія отъ строгой дисциплины, и, не будучи студентомъ «съ такъ называемымъ прекраснымъ поведеніемъ», вмѣсто того, чтобы кончить академію первымъ, онъ кончилъ восьмымъ, не былъ оставленъ какъ слѣдовало ожидать—баккалавромъ, и, получивъ степень магистра богословія, въ 1824 году отправился искать удачи на педагогическомъ поприщѣ опять въ Рязанскую семинарію.

Преподавательская дѣятельность Надеждина была заурядной и ничѣмъ не отличалась отъ дѣятельности другихъ учителей, гораздо менѣе способныхъ; вѣроятно, «тяготясь пустотой и мелочностью риторическихъ занятій», онъ относился къ своимъ обязанностямъ довольно небрежно. Семинарское начальство косо смотрѣло на бурную и веселую жизнь вновь назначеннаго педагога, на его подшучиванье надъ товарищами, любовныя интрижки, и т. п.

Въ 1826 г. онъ былъ уволенъ, по прошенію, въ которомъ ссылался на свое болѣзненное состояніе, и вскорѣ переѣхалъ въ Москву, гдѣ разыскалъ своего земляка, профессора—медика Ю. Е. Дядьковскаго. Послѣдній познакомилъ его съ редакторомъ «Вѣстника Европы» М. Т. Каченовскимъ, который принялъ участіе въ судьбѣ молодого человѣка, не имѣвшаго въ Москвѣ никакихъ опредѣленныхъ занятій, кромѣ мѣста домашняго наставника въ семьѣ Самариныхъ. Какъ пребываніе въ домѣ «большого» московскаго «барина», такъ и знакомство съ вліятельнымъ профессоромъ имѣли немалое значеніе въ устройствѣ дальнѣйшей жизни Надеждина. Обширная самаринская библіотека, находившаяся въ его распоряженіи, была «составлена преимущественно изъ новѣйшихъ французскихъ книгъ, которыхъ онъ дотолѣ и въ глаза не видывалъ»; и въ немъ пробудилась мысль о необходимости пополнить образованіе. Онъ прочиталъ «Décadence et chûte de l'Empire Romain» Гиббона во французскомъ переводѣ, затѣмъ перешелъ къ Гизо, «Исторіи итальянскихъ «республикъ» Симсонди, Галламу (Le moyen âge). Кипучая дѣятельность московскихъ журналистовъ не могла не обратить на себя вниманія Надеждина; съ постепенно возраставшимъ интересомъ онъ сталъ слѣдить за отраженіемъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ западно-европейской борьбы классицизма съ романтизмомъ; обнаружившееся сближеніе съ Каченовскимъ пришлось кстати: въ «Вѣстникѣ Европы» 1828 г. появились статьи съ «Патріаршихъ Прудовъ», за подписью Никодима Надоумки—и Надеждинъ пополнилъ собой ряды присяжныхъ московскихъ литераторовъ.

Всѣ сочиненія, помѣщенныя имъ въ разныхъ журналахъ (въ «Русскомъ Зрителѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ», «Атенеѣ», «Галатеѣ»), подраздѣляются на произведенія беллетристическія, этюды философско-эстетическіе, историческіе и критическіе очерки и рецензіи. Беллетристика, въ свою очередь, распадается на оригинальную и переводную. Къ первой категоріи относятся немногія извѣстныя намъ элегіи, написанныя довольно гладкими стихами; здѣсь обыкновенно оплакивается утрата «дѣвственнаго мая», «поры вдохновеній», когда «юное сердце сладостно билось» и въ немъ «трепетали всѣ струны жизни»; теперь сердце тоскуетъ: ему жаль «отцвѣсти, не расцвѣтши», и грустно поэту «бродить одинокимъ путникомъ по пустынной степи» безъ друга, которому можно повѣдать горе; лишь изрѣдка поется вдохновенная «пѣснь красотѣ».—Кромѣ элегій, есть набросокъ драматической поэмы: «Михаилъ Ярославичъ, великій князь Тверской», гдѣ изображена бесѣда съ мальчикомъ, внукомъ старухи-крестьянки, заброшенной изъ прекраснаго Кіева въ Валдайскія горы, — бесѣда, указывающая на попытку Надеждина уловить оттѣнокъ народной рѣчи и нарисовать картинку изъ жизни Руси въ эпоху татарщины. Встрѣчаются также переводы произведеній Ламартина, Козегартена, Ж. П. Рихтера; темы обыкновенно высокія и поучительныя: рѣчь идетъ о Промыслѣ Создателя, который «бдитъ надъ всѣмъ» и руководитъ человѣкомъ, несмотря на его ропотъ; о раскаяніи старика въ непоправимыхъ заблужденіяхъ юности, и т. п. Этюды философскіе и эстетическіе заключаются въ разсужденіяхъ о Платонѣ и въ обширномъ трактатѣ: «О высокомъ»,

гдѣ «предлагаются благосклонному вниманію публики опыты правилъ, извлекаемыхъ скромною любознательностью изъ безсмертныхъ твореній великихъ геніевъ древняго и новаго міра». Опредѣливъ понятіе о предметѣ своего разсужденія, авторъ руководствуется кантовскимъ подраздѣленіемъ высокаго на два главныя вида, подробно разсматриваетъ каждый изъ нихъ, подкрѣпляетъ свои положенія многочисленными примѣрами изъ литературы и жизни и въ заключеніе останавливается на «составныхъ элементахъ» высокаго стиля. Довольно сильное вліяніе эстетики Бутервека не умаляетъ значенія сжато и строго-логично изложеннаго трактата Надеждина, который снискалъ себѣ, помимо того, большую популярность критическими очерками общаго характера и рецензіями на произведнія Пушкина, Гнѣдича, Боратынскаго, Подолинскаго, Орлова, Булгарина и др.—Въ «Литературныхъ опасеніяхъ за будущій годъ» и «Сонмищѣ нигилистовъ» Надеждинъ ясно выразилъ свои взгляды на творчество и современное ему состояніе русской литературы. Осмѣивая приравненіе поэзіи безумію, отрицаніе всякихъ правилъ для генія, необразованность «велеумныхъ» журналистовъ, онъ съ излишнею рѣзкостью вышучиваетъ Полевого въ лицѣ Конторкина, издѣвается надъ легкомысленными шеллингистами и байронистами и называетъ нашу словесность «безплодною пустынею». Въ рецензіяхъ Надеждина особенно любопытны отзывы о Пушкинѣ. Юношескія и не вполнѣ самобытныя творенія поэта вызвали осужденія критика за отсутствіе оригинальности, пренебреженіе «исторической достовѣрностью», за выборъ легкомысленныхъ сюжетовъ и легкомысленное отношеніе къ послѣднимъ; было имъ замѣчено, что «для генія не довольно смастерить Евгенія» и «скитаться по цыганскимъ шатрамъ и разбойническимъ вертепамъ», но, въ то же время, была безусловно признана «плѣнительная гармонія гладкихъ, плавныхъ, легкихъ стиховъ»; выяснялось, что произведенія Пушкина, «несмотря на грязныя пятна, коими они обыкновенно бываюсь запачканы, обнаружи ваютъ талантъ мощный, богатый», которому не слѣдуетъ «придавать фальшиваго блеска насильственной примѣсью веществъ чуждыхъ» для того, чтобы онъ могъ «заиграть блестящею звѣздою на горизонтѣ нашей словесности». Правда, на первыхъ порахъ, этотъ талантъ былъ названъ лишь «пародіальнымъ», изображающимъ природу «не съ лицевой ея стороны, не подъ прямымъ угломъ зрѣнія», «блистающимъ» въ «арабескахъ» (ср. картины во вкусѣ фламандской школы въ «Нулинѣ» и «Онѣгинѣ»), почему и данъ совѣтъ сжечь «Бориса Годунова», извѣстнаго лишь по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и «Денницѣ»; но выходъ въ свѣтъ всей драмы измѣнилъ точку зрѣнія Надеждина, нашедшаго въ піесѣ «органическую цѣлость», вѣрный и яркій очеркъ личности Бориса, мастерское изображеніе Шуйскаго и т. д. Такъ былъ оцѣненъ Пушкинъ; несомнѣнно, больше недостатковъ было указано въ произведеніяхъ другихъ авторовъ, обстоятельно разобранныхъ въ рядѣ рецензій, въ которыхъ постепенно выяснялись основные взгляды критика на поэтическое творчество. Надеждинъ полагаетъ, что геній, согласно опредѣленію Канта и Шеллинга, является «естественнымъ дарованіемъ души, черезъ которое природа даетъ искусству правила»; свобода есть «добровольное подчиненіе вѣчнымъ законамъ мудрой природы», отражающейся въ духѣ человѣка. «Необходимо соревновать природѣ». Поэзія—«живопись природы».

Большая начитанность и стройная система выработанныхъ воззрѣній, проявившихся въ вышеупомянутыхъ статьяхъ, были высоко оцѣнены Каченовскимъ, который усмотрѣлъ въ сотрудникѣ своего журнала крупную научную силу и посовѣтовалъ ему «примкнуться къ университету». Тогда Надеждинъ сдѣлалъ смѣлый шагъ: имѣя степень магистра богословія, ходатайствовалъ о допущеніи его къ экзамену на степень доктора словесныхъ наукъ; фактъ этотъ не имѣлъ себѣ подобныхъ въ факультетской практикѣ, дѣло было предоставлено на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія князя К. А. Ливена и тянулось такъ долго, что проситель уже началъ подумывать бросить все и отправиться въ Китай въ составѣ новой миссіи. Наконецъ, изъ Петербурга пришелъ утвердительный отвѣтъ. Надеждинъ тотчасъ же подвергнулся устнымъ и письменнымъ испытаніямъ, которыя выдержалъ весьма успѣшно, а немного спустя, въ 1830 году, не прерывая своей журнальной дѣятельности въ «Вѣстникѣ Европы» и «Мо-

сковскомъ Вѣстникѣ» (между прочимъ, въ нихъ были помѣщены двѣ его статьи: «Опытъ перевода Гараціевыхъ одъ В. Орлова» и «Иліада Гомера, переведенная Н. Гнѣдичемъ»), — напечаталъ и блестяще защитилъ диссертацію, написанную на тему. «De origine, natura et fatis poëseos quae romantica audit». Эта диссертація вызвала рѣзкую отповѣдь П. А. Плетнева и довольно безпристрастный разборъ тогдашняго литератора И. Средняго-Камашева. Первая часть этого труда выясняла исторію происхожденія и постепеннаго развитія романтической поэзіи. Сдѣлавъ небольшое вступленіе, которое сильно отзывается философіей Шеллинга, поговоривъ о «двойственности» — «первообразной и первоначальной формѣ всякаго постепеннаго развитія», о «синтезѣ противоположностей». составляющемъ «все сущее»,—онъ указываетъ на «разъятіе этого первоначальнаго синтеза», на «колебаніе элементовъ, долженствующихъ разрѣшиться», на то, какъ одинъ элементъ беретъ верхъ надъ другимъ и обратно, почему «зрѣлая жизнь всегда должна представлять двоякій видъ», а поэзія «дважды мужаетъ и созрѣваетъ». произведя «прекраснѣйшіе цвѣты и пріятнѣйшіе плоды». Здѣсь есть намекъ на античную и средневѣковую поэзію; подробное изложеніе внѣшней исторіи послѣдней обнаруживаетъ, что «духъ ея былъ не тотъ, коимъ нѣкогда одушевленъ былъ древній умершій міръ», въ виду чего авторъ разбираетъ сужденія о романтическихъ произведеніяхъ Шиллера, Бутервека, А. В. Шлегеля, Ансильона, Пиктета, Виктора Гюго и, «поучась предосторожности изъ ошибокъ другихъ», излагаетъ свое собственное мнѣніе во второй части книги. Оказывается, что сначала преобладаетъ «процессъ жизни, проторгающейся извнутри внѣ», при «средобѣжномъ расширеніи духа»; затѣмъ—«процессъ жизни, сосредоточивающейся извнѣ внутрь», при «средострем ительномъ самовозвращеніи духа»,— и что для выясненія «полярной» противоположности классической и романтической поэзіи необходимо «обратить вниманіе на состояніе естественное, гражданское и религіозное міра средняго сравнительно съ древнимъ». Затѣмъ дѣлается выводъ: «у древнихъ творческая сила была соревновательницею внѣшней жизни, струящейся въ нѣдрахъ видимаго міра; у среднихъ, напротивъ, провозвѣстницею жизни внутренней, клубящейся въ таинственномъ лонѣ духа человѣческаго». Далѣе слѣдуетъ обстоятельнѣйшее, основанное на добросовѣстномъ изученіи первоисточниковъ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, наблюденіе надъ «внутреннимъ составомъ поэтическихъ формъ» и «внѣшнимъ строеніемъ механической версификаціи» средневѣковаго творчества; это наблюденіе «разрѣшаетъ предположенія» автора о характерѣ романтической поэзіи въ «пріятную достовѣрность». «Но эта достойная сестра поэзіи классической, какъ и послѣдняя, скончалась. XVI столѣтіе, бывшее для нея златымъ вѣкомъ, было вмѣстѣ и свидѣтелемъ ея быстраго паденія», вызваннаго постепеннымъ, на первый взглядъ «непримѣтнымъ разложеніемъ» «духа, обычаевъ и органическаго устройства» средневѣковаго общества. Обстоятельно написанный очеркъ посвященъ обзору упадка романтической поэзіи въ разныхъ странахъ Европы. Отрывки изъ произведеній Клемана, Моро, Ронсарда, Драйдена должны убѣдить, какъ блекли «нѣжные цвѣты въ атмосферѣ суровой и холодной»; эти «жалкіе выродки» побудили многихъ «сильныхъ мужей» обратиться назадъ и въ античности «искать новаго священнаго огня». Но «звучный и сильный тонъ, который издавала древняя лира, благоговѣйно прославляя тайны природы, не могъ возбудить такого же святого изступленія, былъ низведенъ на выраженіе безнравственныхъ обольщеній или утонченныхъ злоухищреній похоти»; поэтому «не должно быть обвиняемо возмущеніе, вспыхнувшее подъ знаменами германцевъ противъ поэтическаго деспотизма французовъ». Вмѣсто неоклассицизма (т. е. псевдоклассицизма) замѣчается опять возвратъ къ романтизму въ началѣ XIX вѣка; но, по существу, то и другое направленія односторонни и устарѣли: піитика Буало— болѣе не терпима; поэтическая свобода современныхъ романтиковъ — «пагубное безначаліе»; сильно измѣнился общественный организмъ, измѣнилось понятіе о человѣкѣ,—въ новомъ мірѣ, на новомъ полѣ дѣятельности примирятся прежнія крайности въ «возведеніи полярной противоположности» двухъ великихъ міровъ къ «средоточному единству» и, можетъ быть, для Россіи «соблюдается слава того внутреннѣйшаго соединенія между обоими по-

люсами творческой дѣятельности, котораго требуетъ, жаждетъ духъ человѣческій».

Получивъ степень доктора, Надеждинъ вскорѣ принялъ участіе въ конкурсѣ для полученія оставшейся вакантной въ московскомъ университетѣ каѳедры изящныхъ искусствъ и археологіи; онъ представилъ въ факультетъ, помимо диссертаціи, подробную программу соотвѣтствующихъ каѳедрѣ предметовъ. 26-го декабря 1831 года Надеждинъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по искомой каѳедрѣ; а за три недѣли передъ тѣмъ получилъ еще мѣсто преподавателя логики, россійской словесности и миѳологіи при московской театральной школѣ.

Московскій университетъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ еще «наканунѣ возрожденія»: комментированье какой-нибудь пѣсни «Энеиды» или книги Тита Ливія, выставленіе образцами краснорѣчія Дмитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго, съ исключеніемъ Жуковскаго, чтеніе курса всеобщей исторіи по сухому и краткому нѣмецкому учебнику — все это не выходило изъ рамокъ гимназическаго преподаванія и мало привлекало вниманіе молодежи. Лекціи Надеждина, какъ и его коллеги М. Г. Павлова, были счастливымъ исключеніемъ. Блестящія импровизаціи молодого профессора привлекли въ аудиторію много слушателей, среди которыхъ были: В. Г. Бѣлинскій, Н. В. Станкевичъ, О. М. Бодянскій и К. С. Аксаковъ.

Наиболѣе замѣчательны два курса: теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, при чемъ второй изъ нихъ служилъ «историческимъ оправданіемъ» перваго. Труды нѣмецкихъ эстетиковъ: Бутервека, Бахмана и др., а также баккалавра московской духовной академіи П. И. Доброхотова, помогли Надеждину излагать теорію искусствъ. Онъ «начиналъ съ психологическаго анализа эстетическаго чувства и отсюда выводилъ идею изящнаго, показывая, какъ потомъ эта единая идея раздробляется и съ какими оттѣнками является въ мірѣ изящныхъ искусствъ подъ творческими перстами генія, сообразно требованіямъ вкуса». «Храмъ красоты» — весь міръ, а «всѣ лучи его жизни» «сосредоточиваются и отражаются» въ человѣческомъ духѣ, для котораго красота есть «мать наслажденія». Послѣднее возникаетъ тогда, когда «подъ грубою корою вещества» мы начинаемъ «предчувствовать присутствіе высшей, родной себѣ жизни»; «отрѣшеніе наслажденія отъ матеріи — первая эпоха эстетическаго образованія»: между тѣмъ какъ во второмъ періодѣ наслажденіе «или воскипаетъ до восторга и проливается въ дѣйствіи, или утихаетъ до созерцанія и заковывается въ мысль», т. е. красота или обращается въ предметъ умственнаго созерцанія, или становится средоточіемъ творческаго дѣйствованія... Умственное созерцаніе красоты, или представленіе ея въ понятіяхъ, принадлежитъ вкусу; творческая дѣятельность, проявляющая внутреннюю полноту ея въ изящныхъ издѣліяхъ, составляетъ геній. Эстетическое образованіе, разъ оно получено, есть «довершеніе и вѣнецъ нашей жизни: безъ него наша человѣческая природа ни доцвѣсть, ни вызрѣть не можетъ». Наше умственное образованіе, имѣющее цѣлью вѣрное познаніе истины, обратилось бы въ «мелочное школярство», если бы основаніемъ живого и полнаго знанія не былъ «энтузіазмъ къ истинѣ», который «не иначе возможенъ, какъ подъ условіемъ эстетическаго образованія, научающаго видѣть истину въ красотѣ и красоту въ истинѣ»: наша нравственная дѣятельность, заключающаяся въ «безусловномъ самоотверженіи воли въ жертву долгу», имѣла бы слѣдствіемъ «суетное факирство, изнуряющееся въ безплодныхъ пожертвованіяхъ», если бы добродѣтель не была никогда не оскудѣвающимъ одушевленіемъ ко благу, — одушевленіемъ, возможнымъ только подъ условіемъ эстетическаго образованія, которое опять-таки «пріучаетъ насъ открывать благо въ красотѣ и красоту въ благѣ»; наконецъ, сама «дщерь вѣчности» — религія не только не чуждается эстетическаго образованія въ своемъ земномъ странствованіи, но даже дозволяетъ ему служить себѣ при воспитаніи рода человѣческаго для вѣчности. Таковы были главныя идеи Надеждина въ лекціяхъ по теоріи изящныхъ искусствъ, исторія которыхъ по памятникамъ излагалась въ курсѣ археологіи, носившемъ на себѣ слѣды вліянія «Ideen» Геерена и другихъ изслѣдователей древности. Помимо чтенія лекцій, Надеждинъ исполнялъ разныя «порученія» совѣта, будучи членомъ училищнаго комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, секретаремъ университета, участникомъ

въ изданіи Ученыхъ Записокъ послѣдняго. Особенно плодотворна была его дѣятельность по первой изъ перечисленныхъ должностей: въ качествѣ визитатора, онъ осмотрѣлъ учебныя заведенія города Москвы, Тверской, Рязанской и Тульской губерній и много способствовалъ улучшенію какъ хозяйственной части, такъ и постановки преподаванія разныхъ предметовъ.

Еще съ 1829 года состоявшій членомъ Общества исторіи и древностей россійскихъ, Н. въ 1834 году былъ выбранъ членомъ Общества любителей россійской словесности, которое тщетно хотѣлъ оживить своей энергіей и своими трудами Имя Надеждина становилось все болѣе громкимъ. Что касается отношеній къ Надеждину литературнаго міра, то, конечно, было не мало лицъ, недовольныхъ его рецензіями на произведенія Пушкина, который находилъ своего критика «весьма простонароднымъ, vulgar» и, при случаѣ, былъ не прочь метнуть въ него эпиграммой; другіе — особенно журналисты — не могли простить критику рѣзкій тонъ его отзывовъ объ ихъ изданіяхъ; но его «ласкалъ» И. И. Дмитріевъ, съ нимъ сблизился на «ты» М. П. Погодинъ, были въ пріятельскихъ отношеніяхъ М. А. Максимовичъ, семья Аксаковыхъ и другіе. Приблизительно въ это время Надеждинъ задумалъ проявить свои способности еще на иномъ поприщѣ дѣятельности: съ 1831 г. онъ сдѣлался редакторомъ журнала, который, по образцу «Телеграфа», назвалъ «Телескопъ»; прибавленіемъ къ этому періодическому изданію была «Молва», сообщавшая новости и знакомившая съ модами.

Программа «Телескопа» была очень широкая: отражать главнѣйшія направленія современнаго просвѣщенія. Сотрудниковъ было много: въ отдѣлѣ поэзіи принимали участіе К. С. Аксаковъ, Жуковскій, Загоскинъ, Кольцовъ, Лажечниковъ, Н. Ф. Павловъ, Раичъ, Станкевичъ, Тютчевъ, Хомяковъ, Шевыревъ, Языковъ; въ отдѣлѣ прозы и критики ученой и литературной—Бѣлинскій, Бодянскій, Боткинъ, Велланскій, Венелинъ, Галаховъ, Герценъ, И. В. Кирѣевскій, Межевичъ, Максимовичъ, Мельгуновъ, Ѳ. Л. Морошкинъ, Огаревъ, М. Г. Павловъ, И. И. Панаевъ, Перевощиковъ, Чаадаевъ. Произведенія Пушкина и Погодина встрѣчаются въ обоихъ отдѣлахъ. Не малое мѣсто было отведено переводамъ сочиненій извѣстнѣйшихъ иностранныхъ писателей: философовъ, ученыхъ, беллетристовъ; наряду съ переводами помѣщались любопытнѣйшія литературныя характеристики: Бальзака, Гизо, Дюма, Манцони, заимствованныя изъ «Revue des deux Mondes». Цѣлый рядъ англійскихъ «reviews» и «magazines» и французскихъ «revues» служилъ источникомъ для «Телескопа»; изъ нѣмецкой прессы почерпалось сравнительно меньше матеріала. Несмотря на нападки современныхъ журналистовъ, особенно Полевого, Греча, и др.; несмотря на жалобы С. С. Уварова, не разъ обвинявшаго Надеждина въ оскорбленіи Академіи Наукъ, и недовольство нѣкоторыхъ московскимъ магнатовъ и полиціи, «Телескопъ» имѣлъ, въ первые годы изданія, отъ 500 до 700 подписчиковъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы успѣхъ былъ окончательно обезпеченъ: иногда поговаривали, что оппозиція союзу петербургскихъ литераторовъ невозможна при помощи «ненадежнаго» Надеждина, который, къ тому же, нуждался въ «мѣрахъ оборонительныхъ» противъ высшаго начальства.

Вопросъ о русской народности былъ любимой темой статей самого Надеждина въ «Телескопѣ». Этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ диссертаціей и намѣчаетъ ходъ его дальнѣйшихъ занятій. Зная, что народность въ Европѣ «положена во главу угла цивилизаціи», писатель обозрѣваетъ прошлое Россіи и старается выяснить свойства русскаго духа. Обзоръ приводитъ къ печальнымъ заключеніямъ: у насъ не было прошедшаго, поучительнаго по своимъ идеямъ и богатаго событіями. Отечественныя преданія за первые пять вѣковъ (періодъ удѣльной системы) представляютъ «дремучій лѣсъ безличныхъ именъ, толкущихся въ пустотѣ безжизненнаго хаоса»; «при совершенномъ бездѣйствіи пружинъ, коими возбуждается народная дѣятельность, у насъ не могло выражаться тогда ни одного глубокаго характера, ни одной рѣзкой физіономіи». Даже послѣ Іоанна III, при которомъ болѣе проявилась жизнь русскаго народа, «цѣлые два вѣка протекли еще въ младенческихъ нестройныхъ движеніяхъ организующагося государства». «Великіе перевороты, столпившіеся въ тѣсномъ промежуткѣ» времени, препятствовали

«юному исполину русскому подержаться на одной постоянной точкѣ» и выработать оригинальные характеры. «Полная русская исторія» начинается «не дальше Петра Великаго», и эта «первая глава ея еще такъ свѣжа, такъ нова». Скудость нашей общественной жизни, излишняя подражательность, плохая образованность находятся въ прямой связи съ нашей литературой, жизнь которой должна была бы сложиться, при нормальномъ порядкѣ вещей, изъ двухъ элементовъ: центростремительнаго и центробѣжнаго, стремленій выразить свою народность и воспользоваться пріобрѣтеніями другихъ племенъ, иными словами: «литература живая должна быть плодомъ народности, питаемой, но не подавляемой общительностью». Къ нашей литературѣ, однако, плохо примѣнимы эти основныя положенія, ибо мы «бродимъ ощупью, повторяемъ безотчетно несвязныя преданія, коснѣемъ подъ игомъ слѣпого суевѣрія». Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ самостоятельный русскій языкъ подпалъ подъ чуждое, несвойственное ему вліяніе языка церковно-славянскаго, и наша письменность была собственно «южно-славянской по матеріи, греческой—по формѣ», между тѣмъ какъ «единственнымъ поприщемъ» для развитія народной рѣчи была пѣсня, признанная «грѣховодной забавой»; затѣмъ «русскіе прицѣпились всѣми нитями бытія къ Польшѣ, влюбились въ ея языкъ и литературу»—и, лишь «съ утвержденіемъ на Москвѣ средоточія Восточной Руси, языкъ ея (дѣловой, приказный) укрѣпился», и «вѣкъ царя Грознаго» обѣщалъ быть «золотымъ утромъ русской народной словесности». Но многое измѣнилось съ наступленіемъ междуцарствія: въ правленіе Петра русская рѣчь была «настоящимъ вавилонскимъ столпотвореніемъ», и «въ такомъ жалкомъ безпорядкѣ, въ такомъ хаотическомъ смѣшеніи предстало русское слово Ломоносову»; послѣдній не могъ придать языку чисто народной, русской формы, которая, не будучи искусственной и книжной, «утвердилась бы въ народѣ». Наконецъ, воцарилось французское вліяніе; начавшись съ Кантемира и Тредьяковскаго, оно достигло наивысшаго развитія подъ перомъ Карамзина, который скоро «состарѣлся». И «послѣ вѣковыхъ опытовъ и усилій мы дошли до того, съ чего начали прочія европейскія литературы—до совершеннаго раздѣленія между народной рѣчью и книжнымъ литературнымъ словомъ»; поэтому нельзя не задать вопроса: «какъ быть литературѣ русской, когда нѣтъ еще языка русскаго?» Для того чтобы «переплавить всѣ разнородные элементы и вылить изъ нихъ одинъ чистый, образованный, изящный разговоръ, котораго не стыдились бы книги», надо обратить вниманіе на «лексикографію» и «синтаксисъ». Обогащенію первой, страдающей отъ недостатка словъ для идей общихъ, можетъ служить цѣлый «рой живыхъ нарѣчій» славянскихъ, гдѣ сокрыты «рудники богатства»; для возсозданія второго, запущеннаго вѣковою небрежностью, нужно прибѣгнуть къ оборотамъ и формамъ языка, сохранившимся въ своемъ первобытномъ, неискаженномъ видѣ, въ устахъ простого народа. Но «самый богатый» языкъ «будетъ мертвъ, если не повѣетъ въ немъ духъ жизни», который у насъ «доселѣ состоитъ подъ вліяніемъ самаго позорнаго рабства». Вмѣсто «несчастнаго подражанія», необходима народность, выражающаяся въ «совокупности всѣхъ свойствъ, наружныхъ и внутреннихъ, физическихъ и духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, изъ которыхъ слагается физіономія русскаго человѣка».

Журнальная дѣятельность Надеждина расширила его, безъ того значительный кругъ знакомыхъ, и это обстоятельство было ему пріятно. Поповичъ по происхожденію, семинаристъ по воспитанію, онъ не всегда могъ «соскоблить» съ себя «семинарскую кору», но въ душѣ питалъ неодолимое желаніе сдѣлаться свѣтскимъ человѣкомъ. Знакомства съ столбовыми дворянами, повидимому, льстили его самолюбію; и одно изъ нихъ сыграло въ его жизни важную роль. Въ семьѣ богатаго помѣщика Сухово-Кобылина онъ встрѣтилъ дѣвушку, которая пробудила въ немъ серьезное, глубокое чувство. Елисавета Васильевна, впослѣдствіи извѣстная писательница Евгенія Туръ, въ свою очередь заинтересовалась умнымъ и образованнымъ профессоромъ; но мать, воспитанная въ аристократическихъ традиціяхъ, не захотѣла отдать свою дочь замужъ за «кутейника». Тогда предавшійся отчаянію Надеждинъ рѣшилъ подать просьбу объ отставкѣ, чѣмъ привелъ въ большое удивленіе начальство,

коллегъ и знакомыхъ, а самъ долгое время искалъ мѣста губернатора или вицегубернатора, чтобы имѣть средства и улучшить общественное положеніе въ глазахъ высшаго свѣта. Хлопоты не имѣли однако никакого результата; между тѣмъ, въ Москвѣ стали распространяться разныя сплетни объ отношеніяхъ Надеждина къ Сухово-Кобылиной; говорили, что онъ добивается ея руки исключительно изъза матерьяльныхъ разсчетовъ. Узелъ запутывался, и насталъ моментъ, его разрубить: Надеждинъ рѣшилъ бѣжать и тайно обвѣнчаться съ любимой дѣвушкой. Было все подготовлено, но несчастная случайность — запозданіе Елисаветы Васильевны — разстроила дѣло; побѣгъ не удался, и исчезли послѣднія мечты о счастіи... Съ надорваннымъ здоровьемъ разстроенными нервами, получивъ желанную отставку и сдавъ «Телескопъ» на попеченіе Бѣлинскаго и его друзей,—Надеждинъ наскоро собрался и уѣхалъ заграницу. Шесть лѣтъ спустя, появилось въ печати его единственное крупное беллетристическое произведеніе—повѣсть «Сила воли», гдѣ, среди вымысла, маскировавшаго основную канву, взятую изъ жизни, можно открыть отраженіе исторіи несчастной любви автора.

Черезъ полгода, вернувшись изъ своей поѣздки, Надеждинъ отказался отъ предложенной ему каѳедры въ кіевскомъ университетѣ и снова принялся за изданіе «Телескопа», который просуществовалъ однако очень недолго: «Философическія письма» П. Я. Чаадаева были, какъ извѣстно, причиной его запрещенія. Эта роковая статья, въ которой редакторъ усмотрѣлъ «возвышенность предмета, глубину и обширность взглядовъ», вызвала «страшное негодованіе» въ нѣкоторой части публики и «ужасную суматоху въ цензурѣ и литературѣ». Жуковскій признавалъ католицизмъ несовмѣстимымъ съ понятіемъ о Россіи: А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому о «большихъ толкахъ», о возможности «грозы», о своихъ спорахъ съ Чаадаевымъ. Императоръ Николай нашелъ содержаніе статьи «смѣсью дерзостной безсмыслицы, достойной умалишеннаго», прибавивъ, что «не извинительны ни редакторъ журнала, ни цензоръ», почему было рѣшено выслать Надеждина на жительство въ Усть-Сысольскъ подъ присмотръ полиціи, и лишь въ видѣ особой милости, графъ Бенкендорфъ «исходатайствовалъ ему позволеніе писать и печатать сочиненія подъ своимъ именемъ». Заброшенный сначала въ глухой городишко, удаленный отъ умственнаго центра, а затѣмъ переведенный въ Вологду, Надеждинъ сильно тосковалъ среди людей, ему чуждыхъ и незнакомыхъ. Связи съ тѣмъ «міромъ», гдѣ кипѣла дорогая ему научная работа, поддерживались корреспонденціей немногихъ ближайшихъ друзей, сообщавшихъ «изгнаннику» свѣдѣнія о московской жизни и литературѣ и высылавшихъ ему книги и журналы. Отнынѣ въ занятіяхъ его эстетика и археологія постепенно отходятъ на второй планъ, «высшая исторія человѣчества сосредоточивается въ исторіи религіи, въ исторіи церкви»; досуги посвящаются изученію прошлаго Русской земли; собираются матеріалы для статьи, гдѣ должно быть изображено животворное вліяніе Кіева на Русскій Сѣверъ черезъ спасительный свѣтъ христіанства... И, помимо цѣлаго ряда разнообразныхъ статей въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, — въ Библіотекѣ для чтенія и Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду 1837 года появляются его историко-географическія и историко-этнографическія изысканія, въ которыхъ онъ находитъ себѣ «несказанную отраду».

Въ географіи—по словамъ И. И. Срезневскаго — Надеждина особенно интересовало то, что непосредственно соприкасается съ судьбами человѣчества, что запечатлѣваетъ на себѣ слѣдъ его разумнаго бытія и запечатлѣваетъ себя на его исторіи. Есть тутъ на чемъ остановиться: сила климата и почвы и сила человѣка надъ климатомъ и почвой; усвоеніе, размноженіе, разселеніе и уничтоженіе человѣкомъ растеній и животныхъ; его овладѣніе теченіемъ водъ и нѣдрами земли; потомъ, постройки самыхъ громадныхъ размѣровъ и полныя жизни, и лежащія въ развалинахъ часто глубоко подъ почвой; потомъ, имена краевъ и мѣстностей, водъ, горъ и степей, гдѣ жилъ человѣкъ, — имена, переживающія въ преданіяхъ тысячи лѣтъ и остающіяся нерѣдко вмѣсто всякихъ мѣстностей и памятниковъ на память о жизни народовъ. Такъ думалъ Надеждинъ о географіи, и географическія изслѣдованія ста-

вилъ въ основу изслѣдованій и выводовъ историческихъ. Глядя своеобразно на изслѣдованія географическія, Надеждинъ не могъ отрѣшать ихъ отъ изслѣдованій этнографическихъ. Этнографъ — думалъ онъ—долженъ наблюдать всѣ разнообразныя особенности, представляющіяся въ родѣ человѣческомъ, гдѣ онѣ есть, какъ есть, и черезъ полное, всестороннее обслѣдованіе ихъ въ ихъ внѣшней раздѣльности выяснить существенную между ними внутреннюю связь и бо́льшую или меньшую общность, такъ чтобы и здѣсь разнообразіе частностей, возводясь къ своимъ естественнымъ разрядамъ, совокуплялось, наконецъ, въ стройную картину живого развитія одного начала жизни, которое есть человѣчество». Съ одной стороны, должно было изслѣдовать языкъ; съ другой—разсматривать народъ, какъ «органическую связь семей и поколѣній людей», отличающихся извѣстными «качествами тѣла и души, особенностями тѣлеснаго организма, наклонностей и физическаго быта и особенностями нравовъ, понятій и быта духовнаго». Принимался во вниманіе и тотъ фактъ, что народности могутъ сталкиваться между собою, вызывая «обоюдный размѣнъ» національныхъ особенностей,—и задачей этнографа было отдѣлить то, что́ «въ многовѣковой накипи разнородныхъ и разнокачественныхъ элементовъ, которая составляетъ накипь народа, должно признать ни откуда не занятымъ, самороднымъ и самообразнымъ, отъ того, что появилось вслѣдствіе чуждаго вліянія». — Эти общія точки зрѣнія начали находить себѣ примѣненіе въ статьяхъ о Венедахъ и Великой Россіи, о нѣкоторыхъ финскихъ народахъ и «Опытѣ исторической географіи русскаго міра». Къ трудамъ той же категоріи надо отнести очерки: «Съ чего должно начинать исторію?», «Объ историческихъ трудахъ въ Россіи» и «Объ исторической истинѣ и достовѣрности». Второй изъ упомянутыхъ очерковъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Шафарика, давшаго о немъ самый лестный отзывъ въ письмѣ къ Погодину.

Разработка русской исторіи, по мнѣнію Надеждина, не вполнѣ удовлетворительна. До половины XVIII столѣтія «мы жили, въ счастливомъ довольствѣ, сказаніями нашихъ предковъ». Эти сказанія составляютъ «рядъ такъ называемыхъ лѣтописей», важнѣйшее достоинство которыхъ заключается въ ихъ «непрерывности». По мѣрѣ сосредоточенія Русской земли въ одно царство, родилась мысль соединить и всѣ сказанія о ней въ одну повѣсть. Составились «Степенная книга», «Лѣтопись Никоновская», но въ XVIII вѣкѣ «сказательный періодъ исторіи кончился самъ собою». При Петрѣ «новая жизнь закипѣла въ возрожденномъ народѣ»: было повелѣно «снять противень съ Радзивиловскаго списка лѣтописи, хранившагося въ Кенигсбергской библіотекѣ», и переводить и печатать извѣстія иностранцевъ о Россіи: былъ данъ указъ о собраніи всѣхъ древнихъ лѣтописцевъ и хронографовъ. Далѣе, заслуживаютъ упоминанія «Синопсисъ» архимандрита Гизеля, труды Коля, Миллера, Байера, впервые «обнаружившаго недовѣрчивость къ нашимъ лѣтописнымъ преданіямъ», предпочитавшаго имъ чужеземные источники и высказавшагося за скандинавское происхожденіе Руссовъ: слабая дань критикѣ была заплачена Татищевымъ, Эминымъ, Щербатовымъ, болѣе «осторожнымъ и разсудительнымъ» Ломоносовымъ, Болтинымъ, Елагинымъ. «Всѣ эти писатели, хотя явно, часто даже съ ожесточеніемъ противорѣчили Байеру въ выводахъ, но по направленію и пріемамъ критики принадлежатъ къ его школѣ»: введеніе же «строгаго, методическаго, ученаго» изслѣдованія—дѣло Шлецера, который «началъ, подъ именемъ Нестора, издавать русскія лѣтописи съ древнимъ ихъ текстомъ, сличенныя, переведенныя и объясненныя по нѣмецки. Къ несчастію, настаивая сильно и справедливо на необходимости дипломатики и палеографіи, Шлецеръ, между тѣмъ, давалъ равную вѣру всѣмъ спискамъ, бывшимъ у него въ рукахъ, и нерѣдко, по собственному признанію, вносилъ въ возстановленный текстъ Нестора слова, даже цѣлыя фразы, находившіяся только въ одномъ спискѣ, и притомъ въ самомъ древнемъ или болѣе прочихъ испорченномъ. Это придало нашей критикѣ тонъ исключительно экзегетическій, который водится за ней и донынѣ, какъ будто «дѣло идетъ о каноническихъ книгахъ или объ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ». Экзегетическая школа сдѣлала еще очень немного, какъ мысль о полной и систематической исторіи пробудилась снова и осуществилась

блистательнымъ образомъ въ «Исторіи государства россійскаго», изложенной хорошимъ стилемъ и снабженной драгоцѣнными примѣчаніями. Но Карамзинъ «родился литераторомъ, рѣзчикомъ на языкѣ», и его «безсмертное произведеніе, составляя эпоху въ нашей исторической литературѣ, не могло подвинуть впередъ исторической нашей критики». Вслѣдъ за трудомъ Карамзина явился «новый яркій метеоръ», порожденный тѣмъ переворотомъ въ понятіяхъ Западной Европы, который былъ вызванъ философіей, филологіей, лекціями Гизо и изслѣдованіями Тьерри— была напечатана «Исторія русскаго народа» «съ зловѣщимъ именемъ Нибура, разрушившаго цѣлые пять вѣковъ классической исторіи Рима; но это имя напрасно только перетревожило. Критика новой исторіи оказалась такъ же кроткою, безопасною, консервативною, какою мы видѣли ее на страницахъ «Исторіи государства россійскаго». Наконецъ, подъ шумъ волненія, вызваннаго Полевымъ, возникло новое направленіе критики скептическое; стали сомнѣваться въ достовѣрности нашихъ лѣтописей, единственныхъ памятниковъ самой древней и самой важной части нашего прошедшаго, разрушать всѣ прежнія работы, съ угрозой «отнять у насъ цѣлые четыре вѣка исторіи». По примѣру другихъ европейскихъ народовъ, мы должны признать полезными и важными для исторіи тѣ «отголоски минувшаго, которые сохранены не хартіею и черниламп, а устами народа», т. е. пословицы, пѣсни. Конечно, при этомъ надо вооружиться критикою строгою, но благодушною, прозорливою, дѣйствующею на основаніи новыхъ правилъ. Каковы же эти «новыя правила?».—Всѣ свидѣтельства, изъ которыхъ «заимствуется познаніе былого», раздѣляются на естественныя или физическія, и искусственныя, или собственно историческія. Подъ первыми разумѣются «слѣды великихъ физическихъ переворотовъ земного шара, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкую связь съ судьбою рода человѣческаго», подъ вторыми—всѣ словесные отзвуки минувшаго, «представляющіе множество различныхъ оттѣнковъ, отъ летучаго и невѣрнаго преданія, живущаго въ устахъ народа, до непреложнаго документа, изваяннаго въ публичной надписи или начертаннаго на оффиціальной хартіи съ соблюденіемъ всѣхъ формъ дипломатической законности». Надъ этимъ матеріаломъ можно оперировать двояко: въ область «герменевтики» входитъ возстановленіе и разборъ смысла свидѣтельствъ; умѣнье «открывать въ нихъ истину» выпадаетъ на долю «діагностики». — Достовѣрность свидѣтельства выясняется либо при помощи низшей, либо при содѣйствіи высшей критики. Низшая критика доказываетъ подлинность, или изобличаетъ подлогъ и порчу разсмотрѣніемъ матеріальной формы,—вещества, очертанія и разныхъ другихъ внѣшнихъ принадлежностей; и т. п. Болѣе «плодотворная» высшая критика «оцѣниваетъ достовѣрность свидѣтельствъ по примѣтамъ нравственнымъ», разсматриваетъ «тѣ же два внѣшнія условія: лицо и время», которыя «изслѣдуются относительно ихъ внутреннихъ правъ на довѣріе потомства». Слѣдя за примѣненіемъ высшей критики, нельзя не замѣтить, что она «впадаетъ въ извѣстный логическій порокъ, называемый кругомъ въ умозаключеніи—circulus in demonstrando». «Она опредѣляетъ достоинство свидѣтельствъ по характеру эпохи и лицъ, тогда какъ эта эпоха и эти лица сами узнаются и оцѣниваются не иначе, какъ изъ тѣхъ же свидѣтельствъ».

Подобныя изысканія услаждали для Надеждина горечь одиночества и облегчали тяжесть ссылки, изъ которой весной 1838 года ему удалось вырваться на волю, по ходатайству Д. М. Княжевича и Я. И. Ростовцева.

Однако, здоровье Надеждина «плохо поправлялось и было весьма неблагонадежно»; «валянье въ Крымскихъ грязяхъ» и искусство врачей дѣлали больного «молодцомъ» лишь на время. Имѣть вѣсти изъ Петербурга, получить «Отечественныя записки», отправить для нихъ статьи, сообщить отъ себя одесскія литературныя новости, учредить обмѣнъ мнѣній между южной и сѣверной окраиной Россіи—его завѣтныя желанія. Въ Одесскомъ «Альманахѣ», издателемъ котораго былъ Княжевичъ, а также «Утренней Зарѣ», «Сынѣ Отечества» и, позднѣе, въ «Москвитянинѣ» помѣщено нѣсколько статей Надеждина, кстати сказать, не всегда успѣвавшаго исполнять всѣ заказы и обѣщанія; но не здѣсь, главнымъ образомъ, а во вновь учрежденномъ Одесскомъ Обществѣ исторіи и древностей

особенно ярко проявилась научно-литературная его дѣятельность.

Идея учрежденія Общества и его научныя цѣли пришлись по душѣ Надеждину, который въ торжественномъ собраніи Общества произнесъ рѣчь: «О важности историческихъ и археологическихъ изслѣдованій Новороссійскаго края, преимущественно въ отношеніи къ исторіи и древностямъ русскимъ», а въ его «Запискахъ», впослѣдствіи, напечаталъ изслѣдованія: «Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями», «Критическій разборъ сочиненія доктора Линднера: Skythien und die Skythen von Herodot», «О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена, принадлежавшаго народу Угличамъ» и др.

Въ томъ же 1840 г., когда было открыто Общество, Надеждинъ, вмѣстѣ съ Княжевичемъ, предпринялъ путешествіе по славянскимъ землямъ. «Въ непродолжительномъ времени я оставляю Одессу и Россію», — писалъ онъ Погодину, — ѣду далеко на Западъ. Хочу объѣхать всѣ словенскія земли. Я собираю давно уже матеріалы для исторіи Восточной Церкви, преимущественно у Словенскихъ народовъ». «Не умирай безъ меня,—увѣщевалъ онъ прихворнувшаго въ то время Максимовича, съ которымъ любилъ дѣлиться своими планами, — умирать, такъ вмѣстѣ. — Я ѣду, какъ ты уже знаешь. Ѣду я далеко. Хочу объѣхать Балканъ и Карпатъ, эти родимыя гнѣзда нашего доблестнаго рода и могучаго языка. Ѣду черезъ Молдавію, Валахію, Седмиградію, Сербію и Венгрію—сначала до Вѣны; потомъ—побывши въ Прагѣ и Мюнхенѣ—спускаюсь въ Италію до Неаполя. Оттуда хочу пробраться черезъ Адріатику,—до Рагузы (Дубровника) и Черной Горы, и по Далматскому берегу, черезъ Кроацію и Стирію, опять въ Вѣну. Изъ Вѣны уже обыкновенною дорогою проѣду въ Львовъ и думаю заглянуть къ Венгерскимъ Руснякамъ въ Сѣверовосточные Комитаты; буду и на развалинахъ Галича». — Безъ всякихъ книгъ и пособій, въ чисто дорожной обстановкѣ, пишется серьезнѣйшее изслѣдованіе, касающееся «судьбы русскаго народа въ языкѣ», которое выдерживаетъ самую строгую «повѣрку по источникамъ» и помѣщается Копитаромъ въ Iahrbücher der Litteratur; наконецъ, составляется отчетъ о путешествіи, напечатанный дважды: въ «Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей» и въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія (1842)».

Возвратясь въ Одессу въ сентябрѣ 1841 г., Надеждинъ сразу почувствовалъ, какими важными познаніями обогатился его умъ; новое широкое научное поприще, намѣченное еще въ дни ссылки, раскрывалось предъ нимъ и манило къ себѣ. Его интересуетъ вопросъ о существованіи Русской Церкви до Владиміра; онъ не прочь посмѣяться надъ «неконсеквентнымъ» отношеніемъ къ Шлецеру Погодина, который подлежитъ отвѣтственности еще за незнаніе чешскихъ лѣтописцевъ; онъ убѣдился, что «славянскій патріотизмъ, мечтающій о централизаціи славянскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ», но что народы славянскіе вообще,—за исключеніемъ венгерскихъ славянъ и русиновъ, угнетаемыхъ магнатами—«живутъ себѣ преспокойно подъ австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой либо политической самобытности». Въ мартѣ 1842 г. Надеждинъ былъ зачисленъ на службу въ Министерство внутреннихъ дѣлъ; но сильные припадки ревматизма задержали его въ Одессѣ, уложили болѣе чѣмъ на мѣсяцъ въ постель въ Кіевѣ, и только поздней осенью онъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ вступилъ въ отправленіе новыхъ служебныхъ обязанностей по должности редактора «Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ».

Чтобы преобразовать этотъ журналъ согласно предначертаніямъ новаго министра Л. А. Перовскаго, требовались усиленныя, кропотливыя занятія, отнимавшія много времени; Надеждинъ отдался имъ со свойственнымъ ему усердіемъ. Онъ облекалъ въ литературную форму доставляемый сырой матеріалъ; съ педантической точностью и аккуратностью исправлялъ множество корректуръ; желая придать единство изданію, старался сглаживать встрѣчающіеся противорѣчія и недочеты; печаталъ, безъ подписи, свои замѣчательныя изслѣдованія въ области географическаго, этнографическаго и статистическаго изученія Россіи: о Новороссійскихъ степяхъ, о сѣверо-западномъ краѣ имперіи въ прежнемъ и настоящемъ видѣ, о племени русскомъ въ общемъ семействѣ славянъ, объ исчисленіи народо-

населенія, о городахъ русскихъ съ указаніемъ вліянія гражданственности азіатской и европейской, объ объемѣ и порядкѣ обозрѣнія народнаго богатства, о городѣ Зарайскѣ, о Гиржавскомъ монастырѣ въ Бессарабіи, объ армяно-грегоріанской церкви и мн. др. Надеждинъ привлекалъ, по мѣрѣ возможности, къ сотрудничеству въ журналѣ и своихъ старыхъ знакомыхъ, способныхъ быть ему полезными: онъ напечаталъ разысканія Погодина о городахъ и предѣлахъ древнихъ княжествъ Кіевскаго и Черниговскаго и вмѣстѣ съ Неволинымъ, снабдилъ ихъ подстрочными дополненіями, за «отчетливость» которыхъ ручался, и обратился ко всѣмъ «любителямъ и знатокамъ дѣла» съ просьбою—«взять на себя трудъ провѣрить, по своимъ свѣдѣніямъ, предлагаемыя здѣсь показанія, изслѣдованія и соображенія, въ особенности же на основаніи живыхъ мѣстныхъ наблюденій, подтвердить или опровергнуть сдѣланные выводы, пояснить оставшіяся темноты, разрѣшить возбужденныя недоумѣнія». — Труды по редакціи, несомнѣнно, поглотили бы всѣ силы и весь досугъ Надеждина, если бы судьба въ 1845 г. не послала ему хорошаго помощника въ лицѣ стараго знакомаго В. В. Григорьева. Но облегченіе доставленное пріятелемъ, съ которымъ Надеждинъ жилъ «душа въ душу», было только кажущееся, такъ какъ громадная эрудиція редактора журнала не ускользнула отъ внимательнаго министра, по достоинству оцѣнившаго дарованія подчиненнаго. Результатомъ этого были порученія Надеждину дѣлъ, «требовавшихъ философско-богословскихъ знаній», и двѣ продолжительныя командировки за границу (1845—1846 и 1847—1848 гг.).

Въ описываемую эпоху «признавалось цѣлесообразнымъ принимать противъ раскола мѣры строгости и наказаній; всякаго рода дознанія производились «секретно»; было приложено также не мало попеченія къ тому, чтобы «южныя славяне православнаго вѣроисповѣданія получали вѣрныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ, совершавшихся внутри русской церкви». Особенно были выдвинуты два вопроса: о скопцахъ и о нашихъ раскольникахъ, задумавшихъ основать въ Бѣлой Криницѣ самостоятельную архіерейскую каѳедру. Начальство много ожидало отъ Надеждина, который въ 1845 году закончилъ «Изслѣдованіе о скопческой ереси», болѣе подробное и обстоятельное, чѣмъ однородная работа Даля. Корректное и «совѣстливое» отношеніе Надеждина къ расколу заставляло изслѣдователя не довольствоваться имѣющимися въ его распоряженіи матеріалами для оцѣнки этого крупнаго историческаго явленія и искать все новыхъ и новыхъ данныхъ. По его указанію, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ Погодину съ просьбой предоставить на время въ распоряженіе министерства «весьма рѣдкія, а частію и единственныя въ своемъ родѣ, рукописи, въ коихъ содержатся любопытныя свѣдѣнія касательно сущности и распространенія въ Россіи ересей и расколовъ»; все нужное, конечно, было выслано изъ «Древлехранилища», и, помимо того, завербованные Погодинымъ «поставщики древностей» изъ раскольниковъ, повидимому, доставили не мало важныхъ документовъ, за что одно время предполагали даже наградить ихъ медалями.

Занятія расколомъ и поѣздки за границу сблизили Надеждина съ нѣкоторыми славянскими учеными и литераторами, которыхъ онъ расположилъ въ свою пользу яснымъ умомъ и широкой образованностью. Сношенія становились тѣснѣе; завязывалась и переписка. Миклошичъ извѣщалъ его о греческихъ рукописяхъ; чешско-словацкій поэтъ Янъ Коларъ просилъ его, за полтора года до своей кончины, поддержать изданіе «обширнѣйшаго и труднѣйшаго» изъ его сочиненій: «Старославянская Италія»; по его совѣту, епископъ Платонъ Атанацковичъ напечаталъ на сербскомъ языкѣ брошюру о раскольникахъ; Вукъ Караджичъ въ своихъ письмахъ передавалъ свое настроеніе, создавшееся подъ вліяніемъ происшествій 1848—1851 гг. Въ этихъ письмахъ довольно подробно разсказаны событія изъ исторіи народныхъ движеній въ Австрійской имперіи, и по нимъ «можно прослѣдить постепенно развивавшіяся и смѣнявшія другъ друга впечатлѣнія, которыя вынесены были Караджичемъ изъ тогдашней борьбы между нѣмецкими революціонерами, мадьярскими республиканцами и славянскими федералистами.

Во время пребыванія Надеждина за границей и его сношеній со славянскими дѣятелями, въ 1846 году въ Петербургѣ состоялось открытіе Русскаго Географиче-

скаго Общества. Н. И. вскорѣ сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ-руководителей его, такъ что въ 1848 г. онъ былъ избранъ предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи этнографіи, и въ 1853 году былъ изданъ первый выпускъ «Этнографическаго Сборника», составленнаго подъ редакціей К. Д. Кавелина и Надеждина. 30 ноября 1852 года, въ торжественномъ собраніи общества онъ прочелъ статью: «О русскихъ народныхъ миѳахъ и сагахъ, въ примѣненіи ихъ къ географіи и особенно къ этнографіи русской».

Простонародныя сказки и присказки, басни и побасенки—съ точки зрѣнія Н.—давно сдѣлались предметомъ изслѣдованія европейскихъ ученыхъ, въ родѣ знаменитаго Риттера; поэтому и у насъ, въ Россіи, небезполезно, говоритъ онъ, «представить небольшую пробу самаго способа, какимъ могутъ быть производимы эти занятія, въ видахъ и по требованіямъ науки». Произведенія народной фантазіи раздѣляются на «миѳы» (μῦθος) и «саги» (Sage). Подъ первыми разумѣются «всякіе народные вымыслы, служащіе покровомъ для мысли, по существу своему безвременные и безмѣстные; подъ вторыми—«всякія народныя сказки, выросшенныя на событіи, — разсказы, неизбѣжно двигающіеся сколько во времени, столько же и въ пространствѣ». Хотя русскихъ миѳовъ извѣстно сравнительно мало, однако слѣды миѳизма все же можно прослѣдить «въ безчисленныхъ, разнообразныхъ обрядахъ и обычаяхъ, которыми, можно сказать, пропитанъ весь домашній бытъ русскаго человѣка, обставлена вся его жизнь отъ колыбели до могилы, и даже за могилой, пока онъ живетъ еще въ памяти своихъ родныхъ и ближнихъ»; затѣмъ, «миѳологическое начало» проявляется въ памятникахъ чисто словесныхъ—въ «народныхъ повѣрьяхъ, которыя населяютъ окружающую дѣйствительность различными сверхестественными призраками и тѣшатъ воображеніе воспоминаніями о бывавшихъ въ старину дивахъ дивныхъ и чудахъ чудныхъ». Это все — «развалины, обломки, иногда не больше какъ самые мелкіе дребезги давно минувшаго періода, порваннаго сильнымъ переворотомъ; передъ Божественнымъ свѣтомъ Христіанства, какъ ночные сны и призраки передъ свѣтомъ дня, разсыпаются и исчезаютъ всѣ мечты, всѣ вымыслы и придумки той эпохи предоставленнаго самому себѣ человѣчества, которую принято называть общимъ именемъ язычества». Изъ массы миѳическихъ созданій иное «затерлось совсѣмъ и погибло безслѣдно», иное «истерлось въ такой прахъ, что едва ли есть возможность разгадать и возстановить первоначальный видъ его»; но «было мѣсто и для попытокъ продлить среди новаго порядка идей и вещей старую миѳическую жизненность и дѣятельность народной фантазіи; и это происходило посредствомъ больше или меньше удачной переработки стариннаго баснословнаго вещества въ духѣ и формахъ той же старины, но уже, по возможности, сообразно новымъ понятіямъ и потребностямъ крещенаго, православнаго міра». Таковы «стихи народные»; изъ послѣднихъ «стихъ о Голубиной Книгѣ», сохранившійся въ различныхъ редакціяхъ, должно признать «старшимъ по первоначальному его происхожденію». Здѣсь языческія преданія тѣсно сплетаются съ воззрѣніями христіанскими. Голубиная книга – не Евангеліе или Библія, а «вся сокровищница» стариннаго «народнаго знанія, весь тогдашній запасъ домашней мудрости», согласно которой на трехъ рыбахъ земля основана; имя: «царь Малатоминъ Малатомьевичъ — «явно доисторическое, положительно миѳическое». «Созерцательный интересъ, принадлежащій миѳу въ собственномъ смыслѣ», смѣняется «чисто повѣствовательнымъ» въ сагѣ, гдѣ «разсказъ, болѣе или менѣе баснословный, всегда привязывается къ какому нибудь опредѣленному, поименованному лицу или, по крайней мѣрѣ, къ какой нибудь нарочитой эпохѣ народной жизни». «Историческое основаніе» сагъ выражается, прежде всего, въ ихъ «особомъ хронологическомъ устройствѣ». «Условіе времени соблюдается, конечно, «крайне нестрого, но всетаки княженіе Владиміра, правленіе Грознаго, «періодъ смутной и буйной вольницы, господствовавшей въ Великомъ Новѣгородѣ»,—любимыя эпохи, вокругъ которыхъ «предпочтительно группируются народныя воспоминанія». Второе общее свойство сагъ—изобиліе «мѣстныхъ, въ собственномъ смыслѣ географическихъ подробностей: нерѣдко какой-то общій очеркъ пространства русской земли, очевидно, изложенный народнымъ воображеніемъ съ тогдашней дѣйстви-

тельности». Кромѣ того, сказки и басни—«простая, искренняя, задушевная исповѣдь русскаго человѣка о самомъ себѣ», и изучать эту исповѣдь—«значитъ изучать самого русскаго человѣка, по самымъ вѣрнымъ даннымъ, какія мы имѣемъ о его давно минувшей старинѣ».

Этнографическія изысканія увлекали Надеждина, но не заслоняли собой отъ него развитія современной литературы и не заглушали въ немъ интереса къ журналистикѣ. Онъ дѣлался все болѣе популярнымъ въ обществѣ и литературныхъ сферахъ. Непосредственное начальство поощряло его чинами, орденами, знаками отличія безпорочной службы. Но онъ былъ чуждъ честолюбія; однако, ему могло быть лестно, что журналисты считаютъ для себя полезнымъ поставить его имя въ спискахъ сотрудниковъ своихъ изданій, а искренній другъ (Погодинъ), посѣтивъ Германію, передаетъ знаменитому Риттеру нѣмецкій переводъ разсужденія о Геродотовой Скиѳіи. Надеждинъ былъ однимъ изъ любимыхъ гостей на вечеринкахъ или обѣдахъ у Краевскаго и Панаева; И. П. Сахаровъ былъ для него, просто, «дражайшимъ дяденькой»; многіе ученые искали съ нимъ знакомства и отзывались о немъ съ почтеніемъ —Были, правда, и неблагопріятели. С. П. Шевыревъ, съ тридцатыхъ годовъ затаившій обиду за напечатанную въ Телескопѣ рецензію на «Исторію поэзіи», готовъ былъ заподозрѣть авторство Надеждина чуть не въ любой анонимной статьѣ, въ которой была сдѣлана неблагопріятная оцѣнка его «Исторіи русской словесности»; Н. Н. Мурзакевичъ, неизвѣстно за что недовольный Надеждинымъ, утверждалъ, что послѣдній не былъ безкорыстенъ въ своей «любви» къ Сухово-Кобылиной и былъ способенъ присвоить себѣ документы, принадлежавшіе Одескому обществу исторіи и древностей.—Но антипатіи и вражда были часто отголосками «былого»; поколѣніе молодое не слѣдовало, да и не могло слѣдовать примѣру старшаго. Славянофилы, переживавшіе тогда тяжелое время, были въ извѣстныхъ сношеніяхъ съ Николаемъ Ивановичемъ. Въ мартѣ 1849 года выпущенный изъ крѣпости Ю. Ѳ. Самаринъ пріѣзжаетъ къ нему и передаетъ ему содержаніе разговора съ Императоромъ Николаемъ; только что освобожденный отъ ареста И. С. Аксаковъ также посѣщаетъ его, какъ лицо, «принявшее искреннее участіе» въ судьбѣ опальнаго писателя.—Это искреннее участіе проявилось не только въ отношеніи Надеждина къ славянофиламъ, но и въ отношеніи ко всѣмъ начинавшимъ ученымъ и молодымъ людямъ, нуждавшимся въ совѣтахъ и поддержкѣ. «Какъ бы ни былъ онъ занятъ, всякій приходилъ къ нему въ кабинетъ безъ доклада, и Надеждинъ говорилъ неутомимо, болѣе занимая посѣтителя, нежели тотъ его занималъ, и бесѣды эти нерѣдко продолжались отъ ранняго утра и до поздняго вечера, что, разумѣется, отнимало у него не мало времени и побудило, наконецъ, постановить опредѣленные вечера для бесѣды. И тутъ являлся Надеждинъ во всемъ блескѣ собесѣдника: то былъ спеціалистомъ, говоря a parte съ богословомъ, археологомъ, историкомъ, этнографомъ, лингвистомъ, философомъ, журналистомъ или фельетонистомъ; то овладѣвалъ одинъ бесѣдою, говоря о предметахъ общедоступныхъ, умѣя, притомъ, самые серьезные вопросы облекать въ живую форму. Въ 1852 году Л. А. Перовскій покинулъ свой постъ, который занялъ Д. Г. Бибиковъ. Съ новымъ начальствомъ появились новыя вѣянія,—и планъ Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ подвергнуться измѣненію. Начались чрезмѣрныя, усидчивыя занятія редактора. Въ теченіе цѣлаго дня находился онъ въ своемъ кабинетѣ, перечитывалъ безчисленныя корректуры, просматривалъ груды рукописей. Упорная работа подорвала его слабое здоровье, котораго онъ не могъ возстановить леченіемъ въ Крыму. Въ 1854 г. съ нимъ случился ударъ. Больной, однако, никакъ не могъ вполнѣ выдержать предписываемый врачами режимъ: нѣсколько часовъ по утрамъ онъ посвящалъ переводу на русскій языкъ одного изъ томовъ «Землевѣдѣнія» Риттера и зачитывался только что изданными «Сказками» А. Н. Аѳанасьева... 27-го декабря 1855 года состоялось собраніе этнографическаго отдѣленія въ квартирѣ Надеждина; нѣкогда энергичный и краснорѣчивый предсѣдатель едва могъ сказать нѣсколько невнятныхъ словъ въ продолженіе этого вечера. Черезъ недѣлю онъ былъ уже «весьма плохъ и въ умственномъ отношеніи, а передъ смертью лишился языка и сознанія». Утромъ 11-го января 1856 г.

Надеждинъ умеръ. Скоро появились сочувственные некрологи. «Имя Надеждина», читаемъ въ «Современникѣ»: «останется незабвеннымъ, какъ имя дѣятеля умнаго и честнаго, на поприщѣ развитія нашей мысли и нашего слова. Надеждинъ, при глубокомъ, обширномъ, всестороннемъ образованіи, владѣлъ замѣчательнымъ даромъ слова и не былъ сухимъ спеціалистомъ, а принималъ живое, пылкое участіе во всѣхъ современныхъ вопросахъ, касались ли они науки, искусства или политики». «Въ лицѣ Н. И. Надеждина», напечатано въ «Пантеонѣ»: «русская литература и русская наука понесли чувствительную потерю, какъ въ человѣкѣ, обладавшемъ многостороннею ученостью и глубокими свѣдѣніями, въ особенности по части отечественной этнографіи». Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Москвитянинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» были помѣщены воспоминанія о Надеждинѣ и его автобіографія. Чрезвычайно разстроенный Максимовичъ дѣлился своимъ горемъ съ Погодинымъ: «Не съ кѣмъ, кромѣ тебя, помянуть мнѣ стараго товарища нашего, Надоумку-горемычнаго, которымъ 11-го января повершился сто первый годъ московскаго университета нашего». Погодинъ откликнулся въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «тронули меня твои строки о Надоумкѣ. Жаль бѣднаго. А какія способности были у этого человѣка». — Помянули Надеждина и въ Географическомъ обществѣ. 27-го января, въ общемъ собраніи, И. И. Срезневскій дѣлалъ характеристику покойнаго члена: «Такія, не для всѣхъ осязаемыя, но мощныя силы въ дѣлахъ науки и литературы всегда были высоко цѣнимы и не оставались въ забвеніи у потомства. Не такой ли неосязаемой силой вліянія памятны Эней Сильвій, Эразмъ Роттердамскій, Павелъ Іовій и другіе подобные писатели, которыхъ нельзя помянуть ни однимъ монументальнымъ твореніемъ и которые, однако же, памятны болѣе писателей, оставившихъ творенія, казавшіяся монументальными? Рядомъ съ ними будетъ памятенъ и Надеждинъ».

Отдѣльно изданныя сочиненія Н. И. Надеждина: De origine, natura et fatis poëseos, quae romantica audit. Dissertatio historico critico-elenctica, M. 1830; О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ. М. 1833; Родъ Княжевичей. Одесса. 1842; Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями. Одесса 1842; Гиржавскій монастырь въ Бессарабіи. Спб. 1843; Изслѣдованіе о скопческой ереси. Спб. 1845.

Сочиненія Н. И. Надеждина, вошедшія въ различные сборники: Энциклопедическій Лексиконъ (Плюшара), т. т. 8—12; Торжественное собраніе Одесскаго Общества любителей исторіи и древностей, 1849; Сто русскихъ литераторовъ, Спб. 1841, т. II; Сводъ инструкцій для камчатской экспедиціи, 1852; Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ, Кельсіева, вып. I, 1860; В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, М. 1887—1888, чч. II—III; В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій, подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1900, т. I.

Свѣдѣнія о неизданныхъ сочиненіяхъ Надеждина: по сообщенію И. И. Срезневскаго, остались ненапечатанными слѣдующіе труды: Духовная статистика Сиріи и Палестины; Исторія православной церкви въ Молдавіи, Валахіи, Булгаріи и матеріалы для полной исторіи православія внѣ Россіи; Путешествіе за границу,—въ видѣ дневныхъ записокъ.

Газеты и журналы: Вѣстникъ Европы, 1828—1830; Русскій Зритель, 1829, ч. V; Сынъ Отечества, 1829, №№ 11, 12, 19, 21. 1831, № 27; 1834, № 1; 1840, т. 4. Московскій Вѣстникъ, 1830, чч. I—IV; Атеней, 1830, № 1; Галатея, 1830, ч. 15; Аргусъ, № 4; ч. 17. Дамскій журналъ, 1830, ч. 32; 1833, ч. 44; Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей россійскихъ, 1830, ч. V; Сѣверные Цвѣты, на 1830 г.; Московскій Телеграфъ, 1829, № 14, 1830, №№ 3, 10; 1832, №№ 5—8; Телескопъ, 1831—1836; Ученыя Записки московскаго университета, 1833, ч. I; Московскій Наблюдатель, 1836, чч. VI—VIII; 1839, ч. I; II; Библіотека для чтенія, 1836, т. 15; 1837, тт. 20, 22; 1839, тт. 33, 36; 1859. № 12. Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду, 1831, №№ 65—66; 1837, №№ 13—14; 22—24; Отечественныя Записки, 1839, т. 3; 1840, т. 11; 1841, т. 17; 1844, тт. 34, 35; 1849, т. 62; 1856, т. 104; Одесскій Альманахъ на 1839, 1840 гг.; Утренняя Заря на 1839, 1842 гг.; Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, т. I; Москвитянинъ, 1841, т. 6; 1844. ч. III, № 5; 1846, т. I, № 1; 1848, т. I, IV; 1856, т. I, № 3; Вѣнскія Jahrbücher der Litteratur, 1841, Bd. XCV; Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1842, т. 34; 1856, т. 90; 1880, № 1; 1903, № 9; Сѣверная Пчела, 1833, № 209; 1842, №№ 77—78; 1856, № 30; Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1843—1855; С.-Петербургскія Вѣдомости, 1844; № 233; Иллюстрація, 1845, № 20; Географическія Извѣстія, 1848; 1850 гг.; Записки русскаго гео-

графическаго общества, 1847, кн. II; Сѣверное Обозрѣніе, 1848, ч. II; Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества, 1852, 1853, 1856 гг.; Русскій Вѣстникъ, 1856, № 5, мартъ; 1858, № 12; 1872, № 3; Московскія Вѣдомости, 1856, № 81; Русская Бесѣда, 1857; Современникъ, 1856, т. 55; Пантеонъ, 1856, кн. I; Библіографическія Записки, 1858; Русская газета, 1859, № 2; День, 1862, № 40; Эпоха, 1864, мартъ; Русскій архивъ, 1864, 1868, 1872, 1873, 1876, 1878, 1879, 1882, 1884, 1885, 1887; Русская Старина, 1873, 1878, 1883, 1887; 1888, 1889; 1894; Вѣстникъ Европы, 1871, № 9; 1887, № 4; 1890, № 10; Историческій Вѣстникъ, 1889, №№ 8, 9; Русское Богатство, 1894, №№ 8, 9; Полярная Звѣзда, 1881, № 4.

Книги и брошюры: Н. А. Полевой. Очерки русской литературы. Спб. 1839, ч. II, Біографическій словарь профессровъ и преподавателей московскаго университета. М. 1855, ч. II; Исторія московскаго университета М. 1855; П. В. Анненковъ. Н. В. Станкевичъ. М. 1857; П. В. Анненковъ. А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. Спб. 1876; И. И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія. Спб. 1876; А. Григорьевъ. Сочиненія. Спб. 1876, т. I; А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Спб. 1876; Н. Поповъ. Письма къ М. П. Погодину изъ словенскихъ земель. М. 1879; А. С. Пушкинъ. Сочиненія. Спб 1887; Н. Веселовскій. В. В Григорьевъ. Спб. 1887; К. А. Полевой. Записки. Спб. 1888; Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. 1888 и д. тт. I—XIV; С. Трубачевъ Пушкинъ въ русской критикѣ. Спб. 1889; Колюпановъ. Біографія А. И. Кошелева. М. 1889 т. I; А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Спб. 1890, т. I; А. М. Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры. Спб. 1892; Н. Г. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода. Спб. 1893; Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1896; И. Ивановъ. Исторія русской критики. Спб. 1898, чч. I—II; П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. М. 1898; Ив. Ждановъ. Памяти В. Г. Бѣлинскаго; В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій, подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1900 и д. тт. I и слѣд.; „Памяти А. С. Пушкина". Сборникъ С.-Петербургскаго университета. Спб. 1900; П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Спб. 1902; А. М. Скабичевскій. Сочиненія. Спб. 1903; И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Варшава, 1903; Н. К. Козминъ. Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. Н. А. Полевой. Спб. 1903.

—*нъ*.

Надеждинъ, *Николай Ивановичъ*, протоіерей, настоятель Покровскаго и Василія Блаженнаго собора въ Москвѣ, предсѣдатель московскаго комитета по исправленію церковно-богослужебныхъ книгъ, писатель; родился въ 1813 году въ с. Дымовѣ, Скопинскаго уѣзда Рязанской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи курса въ скопинскомъ духовномъ училищѣ, въ рязанской духовной семинаріи и Московской духовной академіи, со степенью магистра, Надеждинъ въ 1836 г. получилъ мѣсто профессора философіи въ рязанской духовной семинаріи. Далѣе онъ былъ профессоромъ философіи Виѳанской семинаріи и профессоромъ словесности (съ 1838 года) въ Московской семинаріи. Въ 1843 году былъ посвященъ во священники къ церкви св. Троицы на Хохловкѣ (въ Москвѣ), но вскорѣ былъ переведенъ къ церкви священномученика Антипія у Колымажнаго двора и получилъ мѣсто законоучителя 1-й московской гимназіи. Возведенный въ 1860 году въ санъ протоіерея, Надеждинъ былъ назначенъ настоятелемъ Гавріило-Архангельской почтамтской церкви, въ 1871 году—благочиннымъ Срѣтенскаго сорока, а въ 1873 году настоятелемъ Покровскаго собора и благочиннымъ Китайскаго сорока. Вскорѣ послѣ этого въ Москвѣ былъ учрежденъ комитетъ по исправленію церковно-богослужебныхъ книгъ, предсѣдательствованіе въ которомъ было возложено на Надеждина. По званію предсѣдателя имъ лично былъ просмотрѣнъ и исправленъ «Служебникъ». Кромѣ того, Надеждинъ не мало потрудился и въ качествѣ благочиннаго, разсматривателя проповѣдей, члена такъ называемаго осѣннаго и нѣсколькихъ благотворительныхъ комитетовъ и сотрудника въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» и другихъ московскихъ изданіяхъ, гдѣ имъ былъ напечатанъ рядъ статей по разнымъ церковнымъ вопросамъ а также на темы, касающіяся быта духовенства. За свою многолѣтнюю и разнообразную дѣятельность Надеждинъ, кромѣ орденовъ (до ордена св. Анны 1-ой ст.) и другихъ наградъ, былъ пожалованъ въ 1886 году золотымъ, съ бриллiантами, наперстнымъ крестомъ. Н. И. Надеждинъ скончался въ Москвѣ 30-го декабря 1890 года; погребенъ тамъ-же, на Даниловскомъ кладбищѣ.

Прибавленіе къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ" 1891 г. № 3; „Московскія Церковныя Вѣдомости" 1891 г. № 4.

Надеждинъ, *Ѳедоръ Михайловичъ*,—протоіерей, писатель; род. 13 апр. 1813 г. въ с. Санинѣ, сузд. у., Владимірской губ.; отецъ его, священникъ Мих. Ив. Санинскій, въ 1814 г. перешелъ въ с. Сельцо,

того же уѣзда, гдѣ и Ѳ. М. провелъ свое раннее дѣтство. Учился Н. въ Суздальскомъ духовномъ училищѣ, во Владимірской семинаріи и С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ въ 1837 г. кончилъ курсъ со степенью магистра. 18 сентября того же года опредѣлился во Владимірскую семинарію преподавателемъ философскихъ наукъ, и сверхъ того въ 1839 г. исправлялъ должность профессора по еврейскому языку. Въ 1842 г. былъ рукоположенъ во священника къ Николо-Златовратской церкви, 12 апрѣля опредѣленъ ректоромъ Владимірскихъ духовныхъ училищъ, а съ 1 мая по 15 сентября исправлялъ въ семинаріи должность профессора логики, психологіи, чтенія св. отецъ, греческаго и латинскаго языковъ. 1 февраля 1847 г. утвержденъ членомъ консисторіи, а 24 августа того же года возведенъ въ санъ протоіерея. 15 декабря 1852 г. перемѣщенъ на службу во Владимірскій каѳедральный соборъ. Скончался Н. 14 декабря 1876 г. и погребенъ около каѳедральнаго собора. Надеждину принадлежитъ много проповѣдей, напечатанныхъ въ «Владимірск. Епарх. Вѣдомостяхъ».

„Исторія Спб. Духовн. Академіи“, И. Чистовича. Спб., 1857, стр. 449; „Исторія Владимір. духовн. семинаріи“, Н. Малицкаго М., 1902, вып. 2, стр. 112; „Исторія Владимір. епархіальнаго женскаго училища“, А. Преображенскаго, стр. 72—73; „Владимір. Епарх. Вѣдомости“, 1876 г., № 10; ч. оффиц. № 24; 1877 г., № 2; 1900 г., №№ 6, 7 и 8; „Владимир. Губерн. Вѣдом.“, 1876, № 52; „Хроника моей жизни“, архіепископа Саввы, т. 1, стр. 122; т. 3, стр. 651; „Энциклоп. Словарь“, изд. Брокгауза и Ефрона, полут. 39, стр. 434; „Сборникъ И. Рус. Историч. О-ва“, т. 62, стр. 51; „Библ. для Чт.“, 1837, т. 25, стр. 25; „Сѣв. Пчела“, 1838, № 12. *А. В. См.*

Надежинъ (Надеждинъ), *Аѳанасій Дмитріевичъ*, живописецъ; род. въ 1799 г., ум. 6 декабря 1879 г. По окончаніи курса въ Академіи Художествъ, съ званіемъ неклассн. художника, онъ въ 1832 г. основалъ на собственныя средства въ г. Козловѣ, Тамбовской губерніи, школу рисованія и живописи, которую въ 1836 г. Академія Художествъ приняла подъ свое покровительство и относилась очень сочувственно какъ къ школѣ, такъ и къ ея учредителю, такъ что въ 1840 г. постановила: «во уваженіе услугъ свободнаго художника Надежина на пользу художествъ въ Россіи заведеніемъ, на собственное иждивеніе, художественной школы въ Козловѣ и по его извѣстнымъ Академіи живописнымъ работамъ, признавъ его назначеннымъ, задать на званіе академика программу—написать съ натуры группъ: двѣ поколѣнныя фигуры учителя съ ученикомъ, которую и исполнить на мѣстѣ жительства его». Но занятія въ школѣ не дали Н. возможности исполнить заданной программы, и Академія въ 1855 г. удостоила его степени академика портретной живописи, уже безъ всякой программы, только, «по уваженію пользы, принесенной школою, учрежденною имъ». Академическіе отчеты относятъ признаніе его академикомъ къ 1852 г., но этому противорѣчитъ протоколъ засѣданія Совѣта Академіи отъ 16 сентября 1855 года. Въ 1861 г. Надежинъ, съ разрѣшенія Академіи, перевелъ свою школу въ губернскій городъ и завѣдывалъ ею до послѣднихъ своихъ дней; между прочимъ, его учениками и подъ его руководствомъ были написаны иконы для многихъ церквей г. Тамбова и Тамбовской губ.; изъ его же школы вышло большинство учителей рисованія, преподававшихъ въ Тамбовской губ.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ, т. II. Спб. 1865 г.; Отчеты Императорской Академіи Художествъ 1862—1863, 1879—1880 года. „Нов. Вр.“ 1880, № 1388; „Тамб. Еп. Вѣд.“ 1880, № 3; „Спб. Вѣд.“ 1880, № 10. *А. Новицкій.*

Надсонъ, *Семенъ Яковлевичъ*,— поэтъ. Родился 14 дек. 1862 г., и со стороны отца былъ еврейскаго происхожденія; отецъ его, какъ говорятъ, не былъ лишенъ дарованій и, между прочимъ, обладалъ музыкальными способностями; онъ умеръ въ молодыхъ годахъ отъ психическаго разстройства, оставивъ двухъ дѣтей—сына и дочь. Первоначально будущій поэтъ былъ помѣщенъ въ С.-Петербургскую 1-ю класс. гимназію, а затѣмъ во 2 военную гимназію (нынѣ 2 кадетскій корпусъ). Учился въ гимназіи Надсонъ недурно, но, кажется, болѣе, чѣмъ науками, занимался чтеніемъ, музыкой (онъ порядочно игралъ на скрипкѣ и на друг. инструментахъ); еще болѣе ревностно отдавался онъ въ стѣнахъ гимназіи литературнымъ упражненіямъ. Писать стихи Надсонъ началъ съ девятилѣтняго возраста; первое стихотвореніе его, появившееся въ печати: «На зарѣ» (въ журн. «Свѣтъ») относится къ 1878 г., когда автору минуло всего 15 лѣтъ, а черезъ годъ молодой поэтъ прочелъ публично, на гимнази-

ческомъ концертѣ, одно изъ большихъ своихъ произведеній—поэму «Іуда».

По окончаніи курса въ гимназіи, Надсонъ, мечтавшій поступить въ университетъ, поступилъ, по желанію опекуна, въ Павловское училище. Вскорѣ простудившись на ученьѣ, онъ заболѣлъ и, пролежавъ довольно долго въ лазаретѣ, былъ отправленъ для излѣченія катарра легкихъ въ Тифлисъ, гдѣ прожилъ около года у своихъ родственниковъ. Кое-какъ оправившись, онъ вернулся осенью 1880 г. въ Петербургъ и вновь поступилъ, лишь въ силу необходимости, въ Павловское училище, гдѣ провелъ два года. За это время онъ успѣлъ написать и напечатать не мало стихотвореній, сдѣлавшихъ имя его болѣе или менѣе извѣстнымъ.

Осенью 1881 г. Надсонъ познакомился, черезъ одного изъ своихъ товарищей—сына поэта Плещеева—съ А. Н. Плещеевымъ, принявшимъ близкое и теплое участіе въ судьбѣ молодого поэта; по крайней мѣрѣ, Надсонъ въ своей автобіографіи говоритъ, что онъ «безконечно обязанъ теплотѣ, вкусу и образованію А. Н. Плещеева, воспитавшаго его музу». При содѣйствіи Плещеева, стихи Надсона, печатавшіеся до того времени въ «Мысли», «Словѣ», «Устояхъ», «Русской Рѣчи», стали появляться и въ «Отеч. Зап.».

Въ сентябрѣ 1882 г. Надсонъ былъ произведенъ въ офицеры 148-го Каспійскаго полка, стоявшаго въ Кронштадтѣ. Къ военной службѣ онъ, повидимому, не питалъ расположенія, хотя въ Кронштадтѣ, на первыхъ порахъ, ему жилось недурно. «Кронштадтъ производитъ на меня — писалъ Надсонъ — благопріятное впечатлѣніе. Въ полномъ смыслѣ слова сбываются мои мечты»... Тогда же написано имъ и стихотвореніе: «Сбылося все, о чемъ за школьными стѣнами мечталъ я юношей, въ грядущее смотря». Въ Кронштадтѣ-же онъ собралъ около себя кружокъ начинающихъ поэтовъ, «любителей драматическаго и всякихъ другихъ искусствъ», принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ спектаклей и концертовъ, нерѣдко выступая въ нихъ въ качествѣ исполнителя. Но чувство одиночества, угнетавшее Надсона въ годы сиротливаго дѣтства, не оставляло его и теперь, въ обстановкѣ болѣе или менѣе благопріятной. «Я продолжаю тѣшиться — писалъ онъ—«ухаживаю за барышнями, устраиваю спектакли и литературно музыкальные вечера; но скелетъ жизни уже начинаетъ сквозить сквозь цвѣты, которыми я его убираю. Ночи не сплю, тоска иногда нападаетъ страшная».

Лѣтомъ 1883 г. у Надсона открылась на ногѣ туберкулезная фистула, и онъ все лѣто пролежалъ больнымъ въ Петербургѣ. Зиму онъ провелъ въ Кронштадтѣ, въ хлопотахъ объ освобожденіи отъ военной службы. Рѣшивъ сдѣлаться народнымъ учителемъ, онъ подготовился къ экзамену и сдалъ его, но вскорѣ, по предложенію П. А. Гайдебурова, занялъ мѣсто секретаря редакціи «Недѣли». Отдохнувъ половину лѣта 1884 г. на дачѣ, въ семьѣ Плещеевыхъ, Надсонъ въ іюлѣ началъ занятія въ редакціи, но уже въ октябрѣ того же года, по настоянію врачей, былъ вынужденъ уѣхать для лѣченія за границу, на средства, предоставленныя ему литературнымъ фондомъ и частными благотворителями. Поэтъ побывалъ въ Висбаденѣ, Ментонѣ, Ниццѣ, Бернѣ; но ни теплый климатъ, ни рядъ операцій не принесли облегченій. Отсутствіе средствъ и тоска по родинѣ заставили его вернуться въ Петербургъ, куда онъ прибылъ осенью 1885 г. Доктора рѣшительно запретили ему оставаться надолго въ столицѣ, и онъ, пробывъ здѣсь нѣсколько недѣль, принялъ предложеніе одного знакомаго семейства провести зиму въ Подольской губ. Впрочемъ, деревня, по собственному признанію поэта, ему «скоро надоѣла»: онъ мечталъ поселиться въ Кіевѣ, Москвѣ, или даже въ Петербургѣ, лишь бы имѣть «постоянную литературную работу». Въ апрѣлѣ 1886 г. онъ ненадолго съѣздилъ въ Кіевъ, гдѣ убѣдился въ томъ, что болѣзнь его прогрессируетъ: «однимъ словомъ», писалъ онъ—«я иду въ гору и погибаю отъ чахотки». Съ этихъ поръ мысль о близкой смерти уже не покидала Надсона. Чтобы сколько-нибудь обойтись безъ матеріальной помощи благотворителей, онъ взялся вести литературные фельетоны въ кіевской газетѣ «Заря». Между тѣмъ, врачи настаивали на отъѣздѣ Надсона за границу, а за отказомъ послѣдовать ихъ совѣту, рекомендовали ему поселиться въ Ялтѣ, куда онъ и переѣхалъ осенью 1886 г. совершенно изнеможеннымъ. Черезъ три мѣсяца — 19 янв. 1887 г. онъ скончался. Тѣло его было перевезено изъ Ялты въ

Петербургъ и 4 февраля торжественно погребено на Волковомъ кладбищѣ.

Надсонъ сошелъ въ могилу, только что увѣнчанный Академіей Наукъ, присудившей ему Пушкинскую премію (1886 г.); собраніе его сочиненій, завѣщанныхъ покойнымъ Литературному Фонду, переиздавалось чуть не ежегодно и въ настоящее время вышло уже 22-мъ изданіемъ (Спб. 1906). Однако, вопросъ о значеніи Надсона въ русской литературѣ остается открытымъ, и въ оцѣнкѣ творчества поэта критики не приходили и не пришли ни до, ни послѣ смерти его, къ рѣшенію, не возбуждающему споровъ. Соразмѣрно-ли съ чисто внѣшнимъ успѣхомъ было дарованіе Надсона, и въ чемъ заключается причина этого успѣха, вотъ главные вопросы, на которыхъ въ особенности останавливались критики Надсона. Любопытно, что въ то самое время, когда даже наиболѣе ярые противники поэта не отрицали въ немъ несомнѣннаго дарованія, — самые горячіе почитатели Надсона не безъ оговорокъ рѣшались называть его крупнымъ талантомъ, имѣвшимъ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Очевидно было нѣчто, что однихъ останавливало отъ положительнаго осужденія, другихъ отъ рискованныхъ похвалъ: первыхъ останавливала несомнѣнная гармонія стиха, искренность поэта, другихъ удерживало сознаніе, что какъ бы ни было крупно дарованіе Надсона, ему, однако, не суждено было стать настолько значительной литературной величиной, вокругъ которой сгруппировались бы послѣдователи,—Надсонъ не создалъ школы, несмотря на размѣры внѣшняго успѣха. Не сошлись критики и въ объясненіи причинъ необычайнаго успѣха произведеній Надсона: одни, не отрицая художественныхъ красотъ его поэзіи, значительную долю успѣха его произведеній приписываютъ участію общества къ трагической судьбѣ рано умершаго поэта, а равно и его обаятельной личности, художественно отразившейся въ его стихахъ, этихъ — по выраженію одного критика—«нѣжныхъ слезахъ его женственнаго лиризма». Другіе видятъ причину успѣха поэзіи Надсона въ его искреннемъ идеализмѣ, гуманности, глубинѣ мысли, наконецъ, въ высокихъ гражданскихъ чувствахъ, присущихъ поэту, а главное въ томъ, что онъ былъ «блестящимъ выразителемъ чувствъ и мыслей своего поколѣнія», того, такъ наз., «переходнаго настроенія», которымъ характеризуется и дѣятельность нѣкоторыхъ лучшихъ представителей нашей литературы конца 1870 и начала 1880-хъ гг... Не замѣчается единодушія и въ оцѣнкѣ произведеній Надсона какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Одни находили, что въ Надсонѣ гармонично соединялись— «глубоко развитой вкусъ изящнаго, тонкое пониманіе такта и мѣры, нѣжная и кипучая душа, страстная любовь къ природѣ, умѣнье мыслить яркими и красивыми образами, распоряжаться всѣми звуками и красками богатаго русскаго языка, наконецъ, широко образованный умъ» и т. д.; а напр., проф. Царевскій, отведя Надсону мѣсто «въ ряду новѣйшихъ нашихъ поэтовъ, какъ доблестному члену славной пушкинской семьи», приблизилъ его по «чистотѣ стиля», «красотѣ стиха», «мощности» и пр., къ Лермонтову и поставилъ выше Некрасова.... Однако, были критики, которые отмѣтили въ произведеніяхъ Надсона и не мало весьма существенныхъ недостатковъ, въ большинствѣ случаевъ объясняемыхъ молодостью, недостаточнымъ образованіемъ, а также и неполнотой дарованія поэта. Такъ, напр., рецензентъ Академіи Наукъ путемъ детальнаго разсмотрѣнія произведеній Надсона, пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Надсонъ владѣетъ, какъ говорится, стихомъ, но еще весьма далекъ отъ того совершенства, отъ той законченности внѣшней поэтической формы, образцы которыхъ намъ даны нашими поэтами 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, съ Пушкинымъ во главѣ». Переходя затѣмъ къ содержанію поэзіи Надсона, рецензентъ затрудняется сдѣлать «опредѣленіе внутреннихъ свойствъ его дарованія», находя, что «творчество Надсона положительно находится еще въ періодѣ первоначальнаго развитія»; въ общемъ, онъ считаетъ Надсона еще невышедшимъ изъ «туманной области юношескаго разочарованія и гражданской скорби». Другой изслѣдователь поэзіи Надсона (г. Меньшиковъ) замѣчаетъ: «страдать во времена Надсона было нѣкоторою модой» при чемъ критикъ приводитъ примѣры увлеченія этой «модой» и со стороны Надсона, въ произведеніяхъ котораго онъ вообще видитъ много юношескаго незнанія жизни и не находитъ буквально ни одной мысли, «которой нельзя было-бы

опровергнуть его-же словами»; вся поэзія Надсона, по его мнѣнію, «не болѣе какъ хоть и чарующій, но смутный сонъ»... По мнѣнію А. Н. Веселовскаго, «правильнѣе всего характеризовать Надсона, какъ поэта безпрестанно чередовавшихся восторженныхъ надеждъ и мечтаній и холоднаго раздумья, разъѣдающаго разочарованія».

Болѣе единодушія замѣчается въ критическихъ отзывахъ о Надсонѣ, какъ о лирикѣ по преимуществу, а также о нѣкоторыхъ характерныхъ особенностяхъ его музы, напр. пессимизмѣ, источникахъ послѣдняго, умѣньѣ чувствовать и передавать красоты природы и т. п.

Кромѣ стихотвореній, Надсонъ писалъ и критическіе отзывы, сначала въ «Отеч. Зап.», а въ 1886 году въ кіевской газетѣ «Заря», гдѣ онъ состоялъ (съ мая по сентябрь) журнальнымъ обозрѣвателемъ; по смерти автора, его критическіе опыты вышли особой книжкой, въ изданіи общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Спб. 1888 г.). Чего-либо выдающагося эти опыты Надсона не составляютъ и ничѣмъ не отличаются отъ заурядныхъ рецензій и критическихъ замѣтокъ его времени; но они могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для болѣе близкаго знакомства съ литературными вкусами и взглядами поэта.

Произведенія Надсона, не вошедшія въ собраніе «Стихотвореній» его, въ томъ числѣ и начало трагедіи «Царевна Софья», были изданы, по смерти поэта, Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, особой книжкой, озаглавленной: «Недопѣтыя пѣсни» (Изъ посмертныхъ бумагъ). Спб. 1902.

Многія стихотворенія Надсона положены на музыку.

Наиболѣе подробныя біографическія свѣдѣнія о Надсонѣ находятся въ очеркѣ, приложенномъ къ собранію стихотвореній поэта въ изданіи Общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (въ 1905 г. вышло 21-е изд.); кромѣ того, см. „Сборникъ журнальныхъ и газетныхъ статей, посвященныхъ памяти Надсона“, Спб. 1887 (здѣсь собраны некрологич. очерки, воспоминанія, характеристики и стихотворенія, посвященныя поэту); Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей,“ в.в. 7 и 9; Н. Жерве, „Кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы С. Я. Надсона.“ Спб. 1907; Отчетъ о 3-мъ присужденіи Пушкинскихъ премій, Спб. 1886 (отзывы акад. Я. К. Грота и гр. А. А. Голенищева-Кутузова); Проф. А. А. Царевскій, „С. Я. Надсонъ и его поэзія, мысли и печали“, Казань, 1895; В. В. Тепловъ, „Надсонъ — критическій опытъ“, Кіевъ 1887; В. Малининъ, „Надсонъ какъ поэтъ“ (въ „Кіевск. Сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая“); П. Иртеньевъ, „Несовременные разсказы, замѣтки и впечатлѣнія“. Либава 1903; „Изъ неизд. стихотв. Надсона“, Орелъ 1893; М. М., „Поэзія Надсона“. Спб. 1897; А. М. Скабичевскій, „Исторія новѣйшей русской литературы“, Спб. 1897; Н. Энгельгардтъ, „Исторія русской литературы XIX ст.“, т. II, Спб. 1902; „Кн. Недѣли“ 1887, № 17; 1891, № 11; 1897, февр.; Гриневичъ, „Пѣвецъ больного поколѣнья“ (въ „Русск. Богатствѣ“ 1897, № 5); Арс. Введенскій, „Поэтъ переходнаго времени“ (въ „Дѣлѣ“ 1886, № 5, см. также его Критич. этюды, т. II); Ор. Миллеръ, „Надсонъ“ (въ „Рус. Стар.“ 1887, № 11). М. О. Меньшиковъ, „Крит. очерки“, Спб. 1899; А. Алтаевъ, „Юноша-поэтъ“, Спб. 1899; „Рус. Богатство“ 1900, кн. 10; „Сѣверъ“ 1903, № 1–3.

Б. К.

Назанскій, *Василій Ивановичъ*, писатель, преподаватель юридическихъ наукъ въ С.-Петербургскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ: въ Пажескомъ, Морскомъ, Павловскомъ и 2-мъ кадетскихъ корпусахъ. Н. род. въ 1798 г. и былъ сынъ священника с. Большія Соли Костромской губ.; по окончаніи курса въ Костромской дух. семинаріи поступилъ въ ауditорскій департаментъ бывшаго Главнаго Штаба Е. И. В., а затѣмъ былъ преподавателемъ въ вышеназванныхъ уч. зав.; съ 1841 г. служилъ въ Кораблестроительномъ департаментѣ Морского Министерства; умеръ Н. въ 1867 г. Ему принадлежитъ: «Краткое руководство къ познанію правилъ для производства слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ, на существующихъ узаконеніяхъ основное» (Санктпетербургъ, 1832) — посвящ. великому князю Михаилу Павловичу, и «Производство дѣлъ слѣдственныхъ, извлеченное изъ Свода Законовъ Россійской Имперіи», Спб. 1834.

Пфаффъ, „Систематическій каталогъ книгъ по части правовѣдѣнія, политическихъ и статистическихъ наукъ“, 1863; Поворинскій, „Систематическій указатель русской литературы по судопроизводству“, 1896 г.; Н. Андрониковъ. „Истор. Записки о Костромской дух. семинаріи“, Кострома 1874; Архивъ Департамента Герольдіи Правительств. Сената; „Костр. Губ. Вѣд.“ 1859, № 29. *А. П.*

Назаревскій, *Владиміръ Григорьевичъ*, одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ архіепископа Филарета (Гумилевскаго), въ 1840-хъ гг., въ дѣлѣ распространенія православія въ Прибалтійскомъ

краѣ; род. въ 1819 г., ум. 9-го марта 1881 г. Сынъ бѣднаго священника Тульской епархіи, онъ въ 1839 г. окончилъ курсъ Тульской духовной семинаріи и въ 1840 г. поступилъ въ Московскую духовную академію. Здѣсь, подъ руководствомъ проф. Ѳ. А. Голубинскаго, занимался преимущественно философіей и намѣревался посвятить себя научной дѣятельности. Окончивъ въ 1844 г. курсъ академіи, со степенью магистра богословія, Назаревскій былъ назначенъ ректоромъ Рижскаго духовнаго училища, въ 1845 г. ключаремъ Рижскаго каѳедральнаго собора, въ 1846-мъ ректоромъ вновь учрежденнаго эсто-латышскаго духовнаго училища и первоприсутствующимъ въ Лифляндскомъ духовномъ управленіи (консисторіи). Въ рукахъ Н—го за 1846—1848 г., въ самый разгаръ присоединенія эстовъ и латышей къ православію, сосредоточено было завѣдываніе администраціей и учебной частью всего Рижскаго викаріата. Съ переходомъ въ 1849 г. архіеп. Филарета въ Харьковскую епархію, Назаревскій хотѣлъ перейти туда же протоіереемъ каѳедральнаго собора, но за произнесенную 15 янв. 1850 г. прощальную рѣчь къ паствѣ, не одобренную тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ провинцій кн. Суворовымъ, по Синодскому указу былъ препровожденъ въ Спасо-Мирожскій монастырь (Псковской губ.), гдѣ пробылъ до конца 1850 г. По выходѣ изъ заточенія, Назаревскій служилъ въ Тульской и Харьковской епархіяхъ; въ послѣдней онъ былъ ректоромъ одного изъ духовныхъ училищъ. Въ 1860 г. онъ занялъ мѣсто профессора греческаго языка въ Московской духовной семинаріи и настоятеля при московской церкви св. Трифона; эти двѣ должности онъ занималъ до самой своей смерти. Кромѣ нѣсколькихъ статей по вопросу о необходимости введенія контроля надъ церковными суммами, Назаревскимъ изданы еще лекціи его учителя Ѳ. А. Голубинскаго: по умозрительному богословію (М. 1868 г.) и по психологіи (М. 1872 г.).

Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и ученыхъ, вып. I, стр. 48. М. 1903 г. (втор. изд.); И. Рудневъ. Тульская духовная семинарія,—«Тульск. Епарх. Вѣдом.», прибавл. 1871 г., № 13, стр. 3—4; С. Смирновъ. „Исторія Московской духовной академіи, стр. 553, М. 1873 г.; Московская духовная семинарія, прилож., стр. 26, М. 1889 г.; Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, —„Русск. Архивъ“ 1887 г., № 10, стр. 282—296; В. Н. Письма къ Н-му архіеп. Филарета,—„Русск. Вѣстн.“ 1883 № 2, стр. 756—777; „Московск. Вѣдом.“ 1881 г., № 75; «Правосл. Обозр.» 1881 г., т. I, № 3, с. 652 — 660; „Церковно - Общественн. Вѣсти.“ 1881 г., № 31; „Памяти В. Г. Назаревскаго“, М. 1881. *А. Ш.*

Назарій (въ мірѣ Николай Кондратьевичъ Кондратьевъ), игуменъ Валаамскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; родился въ 1735 г. въ с. Аносовѣ (Тамбовской губ.) отъ бѣдныхъ родителей духовнаго званія. Въ 1752 г., на 17-мъ году жизни, пришелъ онъ въ Саровскую пустынь. Въ монашество, съ именемъ Назарія, былъ постриженъ 23 сент. 1760 г въ Астрахани. Митрополитъ Новгородскій Гавріилъ вызвалъ его въ 1781 г. въ Петербургъ и въ слѣдующемъ году назначилъ строителемъ Валаамскаго монастыря, поручивъ ему устроить разоренное монастырское хозяйство и ввести общежитіе и порядки по уставу Саровской обители. Въ 1786 г. монастырь былъ переведенъ въ число третьеклассныхъ штатныхъ монастырей, а его строитель возведенъ въ санъ игумена. Въ мартѣ 1804 года онъ былъ уволенъ, по вторичному прошенію, митрополитомъ Амвросіемъ въ Саровскую пустынь на всегдашнее пребываніе, гдѣ и скончался 23 февр. 1809 г. 74-хъ лѣтъ отъ роду; тѣло его погребено у алтаря теплой церкви Саровской обители. Ему принадлежитъ: «Старческое наставленіе о. Назарія, игум. Валаамской обители», напечатанное въ С.-Петербургѣ въ 1785 г.

И. Чистовичъ, „Исторія православной церкви въ Финляндіи“, Спб. 1856 г., стр. 84—86; „Истор.-статист. свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи“, в. IV, Спб. 1875 г., прилож., стр. 11—12; „Валаамскій монастырь и его подвижники“, 2-е изд., Спб. 1889 г. стр. 74—77, 85—87, 92—100, 112—114, 119—126, 136—146, 211, 232; „Валаамскіе подвижники“, 2-е изд. Спб. 1891 г., с. 11—19; „Островъ Валаамъ и тамошній монастырь“, Спб. 1852 г., с. 35—37; Пименъ, іером. „Въ защиту монашества“. Спб. 1876 г., стр. 51—52; „Слово о Валаамскомъ монастырѣ“. Истор. очеркъ, 3-е изд. Спб. 1888 г., с. 14—17; Авель іером. „Общежительная Саровская пустынь“. Изд. 4-е М. 1884 г., стр. 100—148; Пименъ, архим. „Богородице - Рождественскій Коневскій монастырь“. 2-е изд. Спб. 1899 г., стр. 39—43; П. Строевъ, „Списки іерарховъ“. ст. 282; Филаретъ, „Обзоръ рус. духовной литературы“. 3-е изд. Спб. 1884 г., с. 399; В. И. Звѣринскій. „Матеріалы для истор.-топогр. описанія

монастырей". Спб. 1890 г. т. I, № 95: „Душеполезное Чтеніе" 1861, ч. Ш, стр. 274—289; 1870, № 11, стр. 90—102. *А. Шиловъ.*

Назаровъ, *Николай Степановичъ*,— писатель, секретарь при директорѣ театровъ въ С.-Петербургѣ; род. въ 1831 году, ум. 16 октября 1871 года. По окончаніи курса въ кадетскомъ корпусѣ, Назаровъ продолжалъ образованіе въ Дворянскомъ полку, затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ былъ преподавателемъ русской словесности во 2-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ концѣ 1850-хъ годовъ онъ началъ сотрудничать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Московскомъ Обозрѣніи», а позднѣе завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». До переселенія въ Петербургъ въ 1866 году Назаровъ принималъ участіе также и въ петербургскихъ изданіяхъ, — «Голосѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» и др.—статьями политическаго и библіографическаго характера. Кромѣ того, какъ любитель и знатокъ театра, онъ помѣщалъ въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ много критическихъ статей о новыхъ піесахъ, появлявшихся на нашей сценѣ, и принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ кружка любителей драматическаго искусства, дававшихъ свои представленія въ домѣ гр. Морковой. Переѣхавъ на жительство въ С.-Петербургъ, Назаровъ занялъ должность секретаря при директорѣ Императорскихъ театровъ и въ то же время сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Голоса», въ которомъ съ 1867-го до половины 1870 года велъ библіографическій и театральный отдѣлы. Во время франко-прусской войны Назаровъ, уже больной, занялся веденіемъ въ «Голосѣ» политическаго отдѣла. Назарову принадлежитъ также переводъ «Школы злословія» Шеридана и «Жизни Сократа».

„Голосъ" съ 1867 по 1870 гг. (отдѣлы библіографіи и театра); 1871 г. № 290; „Иллюстрированная Газета" 1871 г. № 42; „Всемірная Иллюстрація" 1871 г. № 147; „Московскія Вѣдомости„ 1871 г. № 228; „Петербургскій Листокъ" 1871 г., № 205; Г. Геннади, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, умершихъ въ 1871 году" („Русскій Архивъ", 1873 г., № 8, стр. 1499). *А. П.*

Назаровъ, *Филиппъ*, переводчикъ отдѣльнаго сибирскаго корпуса, писатель. Назаровъ жилъ въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го столѣтія, служилъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и въ 1812 году занималъ должность переводчика отдѣльнаго сибирскаго корпуса. Въ этомъ году, вслѣдствіе убійства русскимъ солдатомъ одного изъ возвращавшихся изъ С.-Петербурга на родину кокандскихъ посланниковъ, ожидавшихъ прибытія своего каравана въ сибирской Петропавловской крѣпости, возникла мысль о необходимости отправить въ Кокандъ посольство, которое объяснило бы истинную причину смерти посланника «въ отвращеніе могущихъ дойти до Кокандскаго владѣнія различныхъ толковъ». Во главѣ посольства былъ отправленъ Назаровъ, который 16 мая 1813 года отправился въ Кокандъ съ Высочайшею грамотою и подарками, въ сопровожденіи оставшихся въ живыхъ посланниковъ и отряда казаковъ. Одновременно съ этимъ въ Кокандъ былъ отправленъ караванъ изъ 100 верблюдовъ, везшихъ много товаровъ. Отправившись изъ Омска чрезъ Петропавловскую степь, Назаровъ ѣхалъ киргизскими землями, тщательно наблюдая жизнь киргизовъ, ихъ общественный и политическій строй, затѣмъ чрезъ Туркестанъ, и въ первыхъ числахъ октября прибылъ въ Кокандъ. Послѣ исполненія порученія и обмѣна подарками, Назарову было заявлено отъ имени кокандскаго владѣтеля, чтобы отрядъ, его сопровождавшій, возвратился черезъ три дня въ Россію, и что самъ онъ будетъ задержанъ въ Кокандѣ до весны для выясненія истинной причины смерти погибшихъ въ Россіи посланниковъ. Въ Кокандѣ Назарова задержали около года и лишь 15 октября 1814 года ему удалось вернуться въ Петропавловскую крѣпость, въ сопровожденіи кокандскихъ депутатовъ и каравана, пяти казаковъ, и трехъ русскихъ, освобожденныхъ изъ плѣна. Въ 1821 году «Записки» Назарова были напечатаны въ Петербургѣ, на средства гр. Н. П. Румянцева, подъ заглавіемъ: «Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней Азіи».

„Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи, Филиппа Назарова, Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса переводчика, посыланнаго въ Кокандъ въ 1813 и 1814 годахъ". С.-Петербургъ. 1821; „Вѣстникъ Европы", 1821 года, ч. 118 и 120, №№ 24 и 26 („Киргизы"); Харузинъ, Алексѣй: „Библіографическій указатель статей, касающихся этнографіи киргизовъ", Москва, 1891; Е. И. Якушкинъ, „Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библіографіи обычнаго права". Москва, 1899. *А. Петровъ.*

Назарьевъ, *Марко*, костромской иконописецъ меньшой статьи; упоминается впервые въ 1666 г. въ росписи костромскихъ иконописцевъ, высланныхъ на Москву для работъ по реставрированію стѣнного письма въ Архангельскомъ и Успенскомъ соборахъ. Въ іюлѣ того же года Н. былъ посланъ для стѣнного письма въ Новодѣвичій монастырь, а въ слѣдующемъ былъ у стѣнного письма въ церкви Спаса Нерукотвореннаго, что у Государя на верху; въ 1668 г. пожалованъ за письмо въ Архангельскомъ соборѣ. Въ 1680 г. Назарьевъ росписывалъ подъ руководствомъ жалованнаго иконописца Гурія Никитина церковь Ильи Пророка въ Ярославлѣ, а въ 1685 г. соборъ въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ.

И. Забѣлинъ, „Матер. для исторіи русск. иконописанія“, „Временникъ Имп. Общ. Ист. и Др.“ ч. VII с. 64, 66, 67, 71, 75, 88; Д. Ровинскій, „Исторія русск. школъ иконоп.“ („Записки Имп. Рус. Археол. Общ.“ т. VIII с. 164); Н. Покровскій, „Стѣн. росписи въ древнихъ храмахъ“. М. 1890 г. с. 123—124, 166;—„Очерки памятн. христіанской иконографіи“, Спб. 1900 г. с. 405—411. *Ш—въ.*

Назарьянцъ, *Степанъ Исаевичъ*,— д. с. с., докторъ армяно-персидско-турецкой словесности; профессоръ Казанскаго университета и Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ; род. въ 1812 году въ Тифлисѣ и былъ сынъ армянскаго священника; ум. 26 апр. 1879 г. По окончаніи курса въ тифлисской армянской нерсесовской семинаріи, дерптской гимназіи и дерптскомъ университетѣ, (1840 г.) со степенью кандидата философскихъ наукъ, по рекомендаціи академиковъ Френа и Броссе, былъ назначенъ въ 1842 г. адъюнктомъ на только что открытую въ казанскомъ университетѣ каѳедру армянскаго языка. По защитѣ диссертаціи, подъ заглавіемъ «Обозрѣніе гайканской письменности съ XIV стол. до новѣйшаго времени» (Учен. Зап. Каз. унив. 1846, II), въ 1847 году, получилъ степень магистра, а въ 1849 г.,—по защитѣ сочиненія подъ заглавіемъ: «Абулъ-Касемъ Фердауси Тусскій, творецъ книги, извѣстной подъ названіемъ Шахъ-Намэ» («Учен. Зап. Каз. унив.» 1849 г., III), — былъ удостоенъ степени доктора армяно-персидской словесности. Въ октябрѣ того же 1849 г. онъ перешелъ въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, въ качествѣ профессора персидской и арабской словесности; съ сент. 1869 по августъ 1871 г., т. е. въ годы упраздненія этой каѳедры въ Институтѣ, Н. былъ инспекторомъ нерсесовской семинаріи, а затѣмъ вновь вернулся въ Институтъ на прежнюю каѳедру. Кромѣ упомянутыхъ трудовъ, ему принадлежатъ: «Бѣглый обзоръ исторіи гайканской литературы до конца XIII вѣка» («Учен. Зап. Каз Унив.» 1844 г., I), не мало переводовъ съ персидскаго яз. на русскій, рядъ сочиненій на армянскомъ яз. («Психологія, основанная на опытѣ», «Христоматія новоармянскаго языка» и др.) и рецензій. Назарьянцъ извѣстенъ и какъ публицистъ, какъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей армянскаго возрожденія. Между прочимъ, онъ издавалъ въ Москвѣ, въ сотрудничествѣ съ Налбандьяномъ, «Сѣверное Сіяніе» (съ 1858 по 1864 г.) - первый въ Россіи ежемѣсячный журналъ на арм. яз., европейскаго типа.

Н. П. Загоскинъ, „Дѣятели Импер. Казанскаго Университета 1805—1900 гг.“, Казань, 1900; „Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Казанскаго Университета, Казань, 1904; „Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона“, т. 20; „Голосъ“ 1879, № 130; Н. И. Веселовскій: „Свѣдѣнія объ официальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи“—въ „Трудахъ III съѣзда оріенталистовъ“, т. I, 1879—1880; „Формулярный списокъ о службѣ Назарьянца (въ Архивѣ Департамента Герольдіи Правит. Сената); „Историческій очеркъ Лазаревскаго Института лосточныхъ языковъ“; „Отечеств. Зап.“ 1851 г., т. 77; „Современникъ“ 1851, т. 28, 30; „Москвитянинъ“ 1849, ч. 2; 1850, ч. 5, 1851, ч. 6.

Е. С.

Назимовы — старинный дворянскій родъ. Легендарный предокъ этой фамиліи, Георгій Гусь Назимовъ выѣхалъ, будто бы, изъ Греціи въ Литву въ 1320 году, а его правнукъ, Глѣбъ Степановичъ, въ 1409 году выѣхалъ изъ Литвы въ Москву. Но эти предки иноземнаго происхожденія, украшающіе родословныя почти всего старинnаго русскаго дворянства, сочинены, какъ показали послѣднія изслѣдованія, родословцами XVI вѣка. Не избѣгли этой участи и Назимовы. Настоящіе ихъ предки, какъ это документально установлено, были не болѣе, какъ «послужильцы»—Богданъ Есиповъ и Обрамовы, которые въ 1488 году были переведены на помѣстья въ Новогородскую область, въ Вотскую пятину. Не принадлежа къ Московской знати, Назимовы не подымались до высокихъ степеней боярства, но тѣмъ не менѣе довольно часто упомина-

ются на службѣ царей Московскихъ и въ многочисленныхъ походахъ противъ татаръ, Литвы, Ливонскаго ордена и др. Много ихъ погибло въ смутное время. Выше «дворянина московскаго» они не подымались, и только въ XIX вѣкѣ Назимовы встрѣчаются въ крупныхъ чинахъ и на высшихъ государственныхъ должностяхъ. Издавна «испомѣщенные» въ теперешнихъ Новгородской и Псковской губерніяхъ, они сохранились въ послѣдней до настоящаго времени. Родъ этотъ, сильно разросшійся и развѣтвившійся, имѣетъ въ настоящее время многочисленныхъ представителей, состоящихъ между собою въ отдаленномъ родствѣ.

Б. Алексѣевскій.

Назимовъ, *Андрей*, — казакъ, пришедшій изъ Кяхты въ Петербургъ пѣшкомъ; родился въ 1786 году въ Кяхтѣ и происходилъ изъ казаковъ, которые были въ Сибири вмѣстѣ съ Ермакомъ. Назимовъ умѣлъ читать, писалъ вполнѣ грамотно и зналъ монгольскій языкъ; службу началъ въ 1806 году въ пограничномъ полку, а затѣмъ продолжалъ ее писаремъ въ Забайкальскомъ казачьемъ полку. Прослуживъ около 30 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ. Еще съ юныхъ лѣтъ его завѣтною мечтою было побывать въ Петербургѣ и увидѣть Царя со всей его семьей. Скопивъ 300 рублей ассигнаціями и оставивъ изъ нихъ 50 рублей своей семьѣ, Назимовъ, отправился пѣшкомъ въ Петербургъ, куда, послѣ цѣлаго ряда приключеній, прибылъ ровно черезъ годъ. Затѣмъ, не отдыхая, посѣтилъ Волоколамскую обитель, послѣ чего снова возвратился въ Петербургъ и сталъ искать случая увидѣть Государя и Царскую семью, что ему удалось. Онъ нѣсколько разъ былъ принятъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и всѣми членами Августѣйшей Семьи, обласканъ всѣми и получилъ много подарковъ. Послѣ этого, онъ отправился въ Воронежъ, затѣмъ въ Кіевъ и, наконецъ возвратился на родину, въ Верхнеудинскъ. Во все время своего пути до Петербурга Назимовъ самымъ тщательнымъ образомъ велъ дневникъ, записывая не только обстоятельства пройденнаго пути, но и много преданій, слышанныхъ имъ въ дорогѣ. Къ сожалѣнію, дневникъ полностью не изданъ; въ печати находятся лишь отрывки изъ него, приведенныя В. Беккеромъ, авторомъ книги объ А. Назимовѣ.

„Сѣверная Пчела“ 1841 г. № 260; „Московскія Губернія Вѣдомости“ 1843 г., № 4, стр. 52—54; „Вологодскія Губернскія Вѣдомости“ 1843 г. № 8, стр. 74—79; В. Беккеръ, „Жизнь и описаніе путешествія казака Назимова изъ Восточной Сибири, съ границъ Китайской Имперіи въ С. Петербургъ—пѣшкомъ“ Спб. 1841 г.; „Отеч. Зап.“ 1841, т. 19; „Современ.“ 1841, т. 19; „Библ. для чт.“ 1842, т. 50; „Сѣв. Пч.“ 1841, № 260.

Назимовъ, *Василій Гавриловичъ*, морской артиллеріи генералъ-лейтенантъ, сенаторъ; родился въ 1759 г., умеръ въ 1839 г.; происходилъ изъ дворянъ Лужскаго уѣзда, Петербургской губерніи. По окончаніи курса во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Назимовъ былъ выпущенъ (28 іюня 1776 г.) штыкъ-юнкеромъ въ бомбардирскій полкъ на правахъ подпоручика арміи, принималъ участіе въ походѣ полка въ Польшу въ 1779 году. 24 апрѣля 1780 г. произведенный въ подпоручики артиллеріи, Н. въ 1786 г., уже въ чинѣ капитана, былъ переведенъ на службу во 2-й кадетскій корпусъ, а въ 1789 г. зачисленъ на службу въ Невскій пѣхотный полкъ маіоромъ. Въ 1792 г. Н. былъ уволенъ отъ военной службы, но 8 марта 1795 г. снова принятъ артиллеріи маіоромъ и зачисленъ во 2-й фузелерный полкъ, въ которомъ оставался до 1797 г., когда вторично вышелъ въ отставку. 19 мая 1802 г. Н. поступилъ въ сенатъ, въ 1803 г. переведенъ въ капитулъ орденовъ, а черезъ годъ, въ званіи «военнаго совѣтника», опредѣлился на службу въ Инженерную экспедицію, числясь въ которой, принималъ участіе въ войнѣ 1805 г. Въ 1806 г. онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, черезъ два года переведенъ въ морскую артиллерію капитаномъ 1 ранга и вскорѣ назначенъ исправляющимъ должность генералъ-цейхмейстера, т. е. начальника морской артиллеріи. Съ введеніемъ въ дѣйствіе разработаннаго контръ-адмираломъ Чичаговымъ проекта преобразованія центральнаго управленія морского вѣдомства, по которому послѣднее было подраздѣлено на адмиралтействъ-коллегію и адмиралтейскій департаментъ, съ организаціей при адмиралтействъ-коллегіи экспедицій хозяйственной, исполнительной, артиллерійской, казначейской и счетной, Назимовъ былъ назначенъ въ 1810 году управляющимъ

артиллерійскою экспедиціею; въ этой должности онъ состоялъ до 1827 г. Въ 1827 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе «предварительнаго образованія морского министерства», по которому бывшая артиллерійская экспедиція вошла въ составъ управленія генералъ-интенданта морского министерства. Въ чинѣ ген.-маіора, Н. получилъ новое назначеніе и занялъ должность дежурнаго генерала при морскомъ штабѣ Его Величества, ставъ во главѣ особаго управленія, замѣнившаго бывшіе департаменты инспекторскій и аудиторскій и канцелярію. Какъ дежурному генералу, ему пришлось имѣть наблюденіе «за ненарушимостью порядковъ» по вѣдомству и надзоръ за портами, строеніями, арсеналами, фабриками, верфями, мастерскими и т. п. учрежденіями морского министерства. Въ этой должности онъ пробылъ 2 года. 30 августа 1829 года Назимовъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ присутствующимъ въ правительствующій сенатъ.

Морской архивъ, книга № 424; С. Ѳ. Огородниковъ, „Историческій обзоръ развитія и дѣятельности морского министерства“ С.-Петербургъ 1902 г.; „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ подъ редакціей Леера, С.-Петербургъ, выпускъ 1891 г.—Послужной списокъ.

Г. И. Т. Р.

Назимовъ, *Владиміръ Ивановичъ*,— генералъ-отъ-инфантеріи; генералъ-адъютантъ; попечитель Московскаго учебнаго Округа; виленскій военный губернаторъ; членъ Государственнаго Совѣта. В. И. Назимовъ происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи, род. 10 декабря 1802 г. и, получивъ домашнее воспитаніе въ родительскомъ домѣ, поступилъ въ военную службу въ 1818 г. подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ которомъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ въ 1821 году, во время пребыванія полка въ Вильнѣ. Продолжая службу въ полку, Назимовъ повышался постепенно въ чинахъ, и уже будучи штабсъ-капитаномъ (съ 1828 г.), участвовалъ вмѣстѣ съ полкомъ въ турецкой кампаніи 1828—1829 г. и находился при осадѣ и взятіи крѣпости Варны. По болѣзни, онъ остался въ Каварнѣ и только зимою прибылъ въ Подольскую губернію, гдѣ стоялъ его полкъ, съ которымъ и вернулся въ Петербургъ въ 1830 году. 8 ноября 1833 г. Н. былъ произведенъ въ полковники и переведенъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, но въ слѣдующемъ, 1834 г. (23 апрѣля), переведенъ снова въ л.-гв. Преображенскій полкъ, гдѣ и продолжалъ службу до 1836 г., когда 22 іюля былъ назначенъ состоять при Государѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, впослѣдствіи Императорѣ Александрѣ II. Назимовъ сопровождалъ Его Высочество въ путешествіи по Россіи въ 1837 г. и за границей въ 1838 г., при чемъ былъ Его Высочествомъ по особенному дѣлу отправленъ курьеромъ изъ Милана къ Государю Императору. 12 февраля 1838 г. В. И. Назимовъ назначенъ флигель-адъютантомъ съ оставленіемъ при прежней должности. Въ этой должности онъ исполнялъ и другія порученія, какъ то: былъ посланъ для осмотра бывшихъ пѣхотныхъ резервныхъ дивизій 2, 3, 4 и 6 пѣхотныхъ корпусовъ и удостоился за исполненіе возложеннаго порученія Высочайшаго благоволенія. Позднѣе онъ былъ посланъ для осмотра Гренадерскаго Корпуса и для показанія правилъ фронтовой службы. Въ 1840 г. ему поручено было формированіе сводной бригады изъ войскъ 6 пѣхотнаго корпуса. По возвращеніи въ Петербургъ, Назимовъ былъ командированъ въ Тульскую губернію, для принятія мѣръ по случаю неурожая въ этой мѣстности. Въ 1841 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ особой слѣдственной коммиссіи въ Вильнѣ надъ злоумышленниками въ Западномъ краѣ, по окончаніи ея занятій удостоился монаршаго благоволенія, и въ томъ же году за отличіе произведенъ въ генералъ-маіоры свиты Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ при особѣ Его Величества. Тогда же Назимовъ былъ назначенъ президомъ военно-судной Коммиссіи надъ камеръ-юнкеромъ Огинскимъ. Съ 5 ноября 1842 г. по 1849 г. Назимовъ былъ начальникомъ штаба бывшаго 6 пѣхотнаго корпуса въ Москвѣ и за отлично-ревностную службу 3 апрѣля 1849 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ. 1 ноября того же года онъ назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа и 6-го декабря 1849 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ продолженіе семилѣтняго управленія московскимъ округомъ Назимовъ, обладая прямымъ, яснымъ взглядомъ на вещи, сумѣлъ согласовать строгое исполненіе своихъ обязанностей съ сочувствіемъ къ интересамъ науки и

литературы, а требованія дисциплины съ теплымъ участіемъ къ учащейся молодежи, которую бережно охранялъ отъ всякихъ невзгодъ и увлеченій. Своимъ твердымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гуманнымъ образомъ дѣйствій Назимовъ успѣлъ привлечь къ Московскому университету благоволеніе Императора Николая I.

10-го декабря 1855 г. Назимовъ былъ назначенъ въ Вильну виленскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданскою частью и гродненскимъ, ковенскимъ и минскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками виленскаго округа. Въ этой должности Назимовъ много содѣйствовалъ подачѣ помѣщиками края извѣстнаго адреса объ устройствѣ быта принадлежащихъ имъ крестьянъ, послѣдствіемъ котораго былъ извѣстный Высочайшій рескриптъ 1857 года объ образованіи по губерніямъ Комитетовъ, для опредѣленія новыхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ крестьянами. За отличіе, 8 сентября 1859 г. Назимовъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, а затѣмъ 6 декабря 1859 г. назначенъ состоять въ л.-гв. Преображенскомъ полку. 23 апрѣля 1861 года онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ по военному и гражданскому управленію Западнымъ Краемъ.

3-го мая 1863 г. Назимовъ былъ уволенъ отъ занимаемыхъ должностей съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта, при чемъ ему пожалованы алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго. Вскорѣ Н. былъ назначенъ присутствующимъ въ департаментѣ Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта. Во время служенія въ Государственномъ Совѣтѣ Назимовъ былъ награжденъ 17 апр. 1871 года орденомъ Св. Владиміра 1 степени, а затѣмъ по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, 22 октября 1871 г., удостоился получить Всемилостивѣйшій рескриптъ. Вскорѣ послѣ этого Назимовъ скончался—11 февраля 1874 г., въ С.-Петербургѣ. При отпѣваніи его тѣла въ соборѣ Спаса Преображенія, — 14 февраля, — изволилъ присутствовать Его Императорское Величество.

Дѣло о службѣ В. И. Назимова—въ архивѣ Государственнаго Совѣта; Исторія л.-гв. Преображенскаго полка,—т. I; Исторія л.-гв. Павловскаго полка,—стр. 100; Газеты: „Голосъ“ 1874 г. № 48; „Русскій Инвалидъ“ 1874, № 38; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1874, № 49; „Петербургская Газета“ 1871, № 53; „Гражданинъ“ 1875, № 8—9; „Русскія Вѣдомости“ 1875 г. № 33; „Иллюстрированная Недѣля“ 1874 г. № 8; „Русская Старина“ 1883 г. т. 39 и 1882 г. т. 33 и 34, также 1896, т. 85, мартъ, и т.т. 109, 112; „Истор. Вѣстн.“, 1891, № 3; „Записки Іосифа, митрополита Литовскаго“, т. I, II, III; „Историческій Обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. III. ч. I; „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. I и III; „Письма Н. В. Гоголя“, подъ ред. В. Шенрока, Спб., т. IV; „Рус. Вѣстн.“ 1890, кн. XI; С. С. Татищевъ, „Императоръ Александръ II“, Спб. 1903. т. I и II; „Т. И. Грановскій и его переписка“, М. 1897, т. I; С. В. Рождественскій, „Историч. обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв.“, Спб. 1902; Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“ т. XI—III; „Рус. Мысль“ 1898, № 1. *П. Майковъ.*

Назимовъ *Владиміръ Николаевичъ*, генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта; родился 29 апрѣля 1806 г., умеръ 22 апрѣля 1887 г.; происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи. По окончаніи курса въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, Назимовъ поступилъ, 21 апрѣля 1823 года, подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, а черезъ нѣсколько дней былъ зачисленъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. По окончаніи курса школы, произведенъ 29 марта 1825 г. въ прапорщики и отчисленъ въ свой полкъ; чинъ подпоручика получилъ 28 января 1826 г. Въ 1828 г., во время войны съ Турціей, гвардейскій корпусъ былъ назначенъ на усиленіе дѣйствовавшей подъ Варною осадной арміи. Семеновскій полкъ, въ составѣ 1-го и 2-го баталіоновъ (3-й оставался въ Петербургѣ), выступилъ изъ столицы въ апрѣлѣ и двинулся походнымъ порядкомъ на Исакчу. Назимовъ состоялъ въ 1-мъ баталіонѣ. Переправившись черезъ Дунай 6 августа и слѣдуя на Бабадагъ, Кюстенджи и Каварну, семеновцы подошли къ Варнѣ 28 августа и вошли въ составъ осаднаго корпуса, находившагося тогда подъ командою генералъ-адъютанта графа Воронцова. Въ бытность подъ Варной, Назимовъ участвовалъ въ двухъ жаркихъ бояхъ: 12-го сентября—при атакѣ и овладѣніи турецкимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, и 25-го сентября — при штурмѣ крѣпостныхъ верковъ. Въ этомъ штурмѣ главный ударъ былъ направленъ на ба-

стіонъ № 1 войсками лѣваго фланга осаднаго корпуса, а войскамъ праваго фланга было приказано атаковать противолежавшія турецкія укрѣпленія и ложементы, находившіеся съ южной стороны крѣпости. Послѣдняя задача почти полностью легла на семеновцевъ, отважно бросившихся на врага въ штыки. Большая часть крѣпостныхъ верковъ была занята, а 29 сентября Варна сдалась. Въ началѣ октября гвардія получила приказаніе возвратиться въ Россію. 12-го февраля 1838 г. Назимовъ былъ назначенъ флигель адъютантомъ Императора Николая I. Какъ знатокъ строевой части, Н. многократно получалъ, по Высочайшему повелѣнію, командировки съ цѣлью оказанія содѣйствія къ улучшенію военной подготовки различныхъ армейскихъ войсковыхъ частей. Такъ, въ 1838 г. онъ пробылъ 4 мѣсяца въ Варшавѣ, имѣя порученіемъ «передачу полкамъ 4-й пѣхотной дивизіи всѣхъ правилъ, до фронтовой и гарнизонной службы относящихся», въ октябрѣ того же года наблюдалъ за рекрутскимъ наборомъ въ Вятской губерніи, въ слѣдующемъ году обучалъ фронту кадетъ морского корпуса и побывалъ въ Вильнѣ «для возобновленія тамъ надлежащаго порядка и строгаго исполненія правилъ гарнизонной службы и временнаго занятія должности плацъ-маіора»; въ началѣ 1840 года былъ командированъ для поднятія уровня строевого образованія въ 3-й гренадерской дивизіи. За блестящее выполненіе всѣхъ этихъ порученій Н. каждый разъ удостаивался Монаршаго благоволенія.

Въ концѣ 1839 года въ Петербургъ стали приходить все болѣе тревожныя вѣсти съ Кавказа объ успѣхахъ Шамиля. Требовалось подкрѣпленіе войскъ нашей боевой Кавказской линіи. Для этой цѣли была, между прочимъ, предназначена резервная дивизія 3-го армейскаго корпуса, стоявшая въ Бахмутѣ. Чтобы ускорить ея выступленіе, Императоръ Николай I направилъ въ Бахмутъ Назимова, который получилъ необходимыя полномочія, а также приказаніе слѣдовать съ дивизіей къ мѣсту ея назначенія.

Выѣхавъ изъ Петербурга 19 апрѣля 1840 г., онъ къ іюлю прибылъ уже на Кавказъ, и, выполнивъ порученіе, остался на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ то время Шамиль появился съ толпой преданныхъ ему мюридовъ въ Большой Чечнѣ и поднялъ противъ русскихъ многія черкесскія общины. Двинувшійся противу него генералъ Галафѣевъ имама не настигъ: Шамиль, воспользовавшись очищеніемъ отъ нашихъ войскъ Малой Чечни, перекинулся туда и взбунтовалъ всѣхъ мирныхъ горцевъ. Наши войска вернулись въ Грозную, а Шамиль вновь объявился въ Большой Чечнѣ. Въ августѣ генералъ Галафѣевъ опять пошелъ въ Большую Чечню и, укрѣпившись въ Герменчукѣ, рѣшилъ производить поиски въ различныхъ направленіяхъ. При отрядѣ этомъ состоялъ и Назимовъ, принимавшій личное участіе во всѣхъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ съ горцами. Наибольшую дѣятельность онъ проявилъ при экспедиціи особой колонны, предназначавшейся для истребленія немирныхъ ауловъ Большого и Малаго Гихи. По выполненіи поставленной колоннѣ задачи и при отступленіи ея къ Герменчуку, Назимовъ командовалъ аріергардомъ, съ которымъ долгое время удерживалъ въ Гойскомъ лѣсу натискъ много сильнѣйшаго непріятеля, чѣмъ далъ возможность всему отряду устроить необходимыя переправы черезъ нѣсколько горныхъ рѣчекъ и перебраться черезъ нихъ, не потерявъ ни одной повозки изъ вагенбурга. Въ сентябрѣ того-же года Назимовъ былъ направленъ на черноморское побережье въ отрядъ генерала Раевскаго, гдѣ ему было поручено сформировать 11-й линейный баталіонъ. Исполнивъ порученіе съ исключительною быстротою, онъ пошелъ въ экспедицію противъ абадзеховъ. Въ продолженіе этой экспедиціи онъ все время командовалъ при наступленіи авангардомъ, а при отступленіи аріергардомъ. За боевыя отличія на Кавказѣ онъ удостоился Высочайшаго благоволенія и затѣмъ возвратился въ свой полкъ.

Произведенный 16 апрѣля 1841 г. въ полковники, Н. въ концѣ слѣдующаго года былъ отправленъ въ Варшаву для организаціи тамъ учебнаго баталіона отъ полковъ 2-й пѣхотной дивизіи и постановки въ новой части строевого учебнаго дѣла на надлежащую почву; 12 мая 1847 г. командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Псковскую и Витебскую губерніи «для возвращенія къ мѣсту жительства самовольно ушедшихъ помѣщичьихъ крестьянъ», а затѣмъ былъ назначенъ «президомъ военнаго суда надъ зачинщиками этого волненія и взятыми съ оружіемъ въ рукахъ».

Въ 1848 г. онъ временно исправлялъ должность коменданта Императорской главной квартиры. Въ Венгерскую кампанію, тотчасъ по полученіи извѣстія о началѣ активныхъ дѣйствій нашей главной арміи въ предѣлахъ Венгріи, Государь отправилъ Назимова въ распоряженіе главнокомандующаго русскими войсками графа Паскевича.

27 іюня 1849 г. главная армія двинулась на Пештъ, а 28 іюня Назимовъ уже явился къ новому мѣсту назначенія. Прикомандированный къ отряду генералъ-лейтенанта Засса, наступавшаго на уклонявшагося отъ боя венгерскаго военачальника Гергея, онъ принялъ личное участіе въ упорномъ бою 3 іюля, завязанномъ Зассомъ съ венгерцами въ 3-хъ верстахъ къ югу отъ Вайцена, а 5 іюля, послѣ отступленія Гергея на сѣверъ, вошелъ вмѣстѣ съ главною арміею въ Вайценъ, послѣ незначительной стычки съ небольшимъ вражескимъ отрядомъ, не успѣвшимъ отступить по причинѣ скопленія обозовъ на улицахъ города. Онъ участвовалъ и въ бою 21 іюля подъ Дебречинымъ, бывшимъ центромъ возстанія 1848 г. и мѣстопребываніемъ временного правительства; въ этомъ бою аріергардный корпусъ Надь-Шандора, отважившійся на сраженіе со всею русскою арміею, потерпѣлъ полное пораженіе. Въ августѣ Назимовъ былъ отозванъ въ Петербургъ, а 30 числа этого мѣсяца произведенъ, за боевыя отличія, въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества, и награжденъ орденомъ Св. Станислава 1 ст.; 20 сентября 1849 г. Назимовъ былъ назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса, а черезъ три года причисленъ къ вѣдомству военно-учебныхъ заведеній. 9 іюня 1852 г. назначенъ на должность директора Александровскаго Брестскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ пробылъ до 25 марта 1854 г., когда былъ назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ, т. е. начальникомъ комиссаріатскаго департамента, преобразованнаго въ 1864 г. въ главное интендантское управленіе. 26 августа 1856 г. онъ назначенъ «засѣдающимъ въ военномъ совѣтѣ», а вскорѣ членомъ онаго. Въ генералъ-лейтенанты произведенъ 30 августа 1857 г., а въ генералы отъ инфантеріи 26 ноября 1869 г.

Общій архивъ главнаго штаба; П. Дириннъ „Исторія л.-гв. Семеновскаго полка“, С.-Петербургъ 1883 г.; „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“, подъ редакціей Леера, выпуски 1885, 1888, 1889, 1895 гг.; „Русск. Инв.“ 1887, № 88; „Нов. Вр.“ 1887, № 5066.

Г. И. Т. Р.

Назимовъ, *Илья Александровичъ*, инженеръ-подполковникъ; родился 17 сентября 1805 года. По окончаніи курса въ Инженерномъ училищѣ, въ 1822 г., Назимовъ былъ произведенъ въ прапорщики и въ концѣ слѣдующаго года переведенъ въ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, въ которомъ прослужилъ одиннадцать лѣтъ. Въ составѣ этого баталіона онъ участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1828—1829 года и подавленіи польскаго возстанія 1831 года. Въ первой кампаніи Назимовъ отличился при осадѣ крѣпости Варны, въ качествѣ помощника траншей-маіора; за Варну онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, а за другія отличія во время той же кампаніи произведенъ въ поручики и награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. Кампанію 1831 года Назимовъ началъ командиромъ 2-й минерной роты лейбъ-гвардіи Саперная баталіона, въ чинѣ штабсъ-капитана. Онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ поляками, причемъ отличился при взятіи укрѣпленія Воли. Вслѣдъ за взятіемъ этого укрѣпленія, на Назимова было возложено порученіе построить мостъ черезъ р. Бугъ, что послѣ семидневной спѣшной работы имъ было исполнено. Но такъ какъ гвардія снова была отозвана подъ Остроленку, то Назимову предписано было, усиливъ свой отрядъ эскадрономъ Украинскаго уланскаго полка, охранять мостъ, въ случаѣ же неожиданнаго нападенія поляковъ сжечь его. 5-го мая отрядъ польскихъ инсургентовъ, разъ въ десять превышавшій численностью отрядъ Назимова, атаковалъ лагерь послѣдняго у мѣстечка Нура. Назимовъ тотчасъ же одной части своего отряда приказалъ зажечь мостъ, а другую разсыпалъ въ цѣпь и прикрывалъ ею дѣйствія первой. Пока саперы жгли мостъ, 4 эскадрона польской кавалеріи пробрались во флангъ отряда Назимова и стремительно его атаковали, въ то время какъ ихъ артиллерія осыпала отрядъ съ фронта картечью. Отбивъ это нападеніе и видя, что мостъ не можетъ уже достаться въ руки непріятеля, Назимовъ собралъ свой отрядъ и началъ отступать. Несмотря на то, что

поляки окружили его со всѣхъ сторонъ, Назимовъ энергично велъ отступленіе, отражая на протяженіи 10 верстъ всѣ атаки поляковъ, и наконецъ достигъ мѣстечка Цѣхановцы. За этотъ подвигъ Назимовъ былъ пожалованъ рѣдкою для штабсъ-капитана наградою – орденомъ св. Анны 2-й ст. съ императорскою короною. Въ 1834 году Назимовъ вышелъ въ отставку. Во время крымской кампаніи онъ былъ выбранъ и утвержденъ начальникомъ островской № 194 дружины государственнаго подвижного ополченія, а въ слѣдующемъ году, когда ополченіе было распущено, былъ назначенъ управляющимъ Вятскою удѣльною конторою. Въ 1860 году онъ снова вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 8-го ноября 1874 года.

„Русскій Инвалидъ“ 1874 г. № 265. Румель, Родословный Сборникъ, т. II, стр. 102.

Назимовъ, *Михаилъ Александровичъ*, (братъ предыдущаго), предсѣдатель псковской губернской земской управы; род. въ 1800 г., ум. 9-го августа 1888 года во Псковѣ. М. А. Назимовъ началъ службу въ лейбъ-гвардіи конно-піонерномъ эскадронѣ и въ 1825 году былъ штабсъ-капитаномъ. Какъ членъ Сѣвернаго Тайнаго Общества, онъ послѣ 14-го декабря былъ арестованъ и преданъ Верховному уголовному суду, причислившему его къ VIII разряду преступниковъ, за то, что онъ «участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество одного товарища». Назимовъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства и ссылкѣ на поселеніе; сначала былъ поселенъ въ Витимѣ (Восточной Сибири), а затѣмъ въ 1830 г. переведенъ на жительство въ г. Курганъ, Тобольской губерніи, гдѣ прожилъ около семи лѣтъ. Въ 1837 году, по Высочайшему повелѣнію, Назимовъ былъ отправленъ на Кавказъ, и тамъ зачисленъ рядовымъ въ Грузинскій линейный № 9 баталіонъ. Съ этимъ баталіономъ онъ неоднократно принималъ участіе въ схваткахъ съ горцами и вскорѣ, за отличіе, былъ произведенъ въ офицеры. Прослуживъ на Кавказѣ почти девять лѣтъ, онъ 23-го іюня 1846 году, по болѣзни, былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ поручика. Поселившись въ Псковской губерніи, онъ вскорѣ пріобрѣлъ широкую извѣстность своей щедрой благотворительностью. По вступленіи на престолъ Императора Александра II, съ него сняты были всѣ ограниченія, и онъ принялъ дѣятельное участіе въ крестьянской земской реформѣ, состоя съ самаго введенія земства въ Псковской губерніи сначала гласнымъ, а затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдателемъ Псковской губернской земской управы. Въ этой послѣдней должности Назимовъ особенно много потрудился надъ вопросами: о равномѣрной раскладкѣ земскихъ сборовъ, о возможности лучшей организаціи народнаго образованія и о призрѣніи бѣдныхъ. Въ Псковѣ онъ и умеръ 9 го августа 1888 года на 89 году отъ рожденія. Назимовъ оставилъ послѣ себя «Записки», однако еще не видѣвшія свѣта. При жизни имъ были обнародованы: одно стихотвореніе князя А. П. Одоевскаго и письма отца послѣдняго — кн. Ив. Одоевскаго («Русская Старина» 1870 г., т. I); кромѣ того, онъ напечаталъ нѣсколько статей по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ (напр. «Объ оборотѣ или рентѣ съ сельско хозяйств. земель въ Россіи вообще и въ Псковской губ. въ особенности», въ журналѣ «Землевладѣлецъ» 1858 г.).

Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“. Вып. VIII, М. 1900 г. стр. 85; „Историческій Вѣстникъ“ 1888 г. кн. 10, стр. 260; „Новое Время“ 1888 г. № 4475; „Рус. Старина“ 1881 г., т. 32; 1889 г., кн. 10; „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1895 г. кн. 4, отд. I, стр. 131—133; „Сѣверная Пчела“ 1826 г., прибавленіе къ № 85, стр. 8; „Русскій Вѣстникъ“ 1867 г. № 7; „Заволжская Библіоѳика“. Казань 1887 г. вып. I, стр. 41.

Е. Я.

Назимовъ, *Николай Николаевичъ*,— вице-адмиралъ, членъ Общаго присутствія морского интендантства; родился 8-го марта 1794 г., ум. 8-го мая 1854 г. Н. П. Назимовъ получилъ образованіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; 1-го марта 1808 г. былъ произведенъ въ гардемарины и въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ плавалъ въ Финскомъ заливѣ, причемъ 3-го марта 1811 года былъ произведенъ въ мичманы. 20-го декабря 1825 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ главному командиру Кронштадтскаго порта. Въ навигацію 1826 года, командуя шхуной «Радуга», производилъ описаніе Балтійскаго моря. Въ 1827 году назначенъ старшимъ адъютантомъ морского штаба и въ этой должности состоялъ до 8-го апрѣля 1830 г., когда былъ назначенъ команди-

ромъ строившагося фрегата «Юнона», съ которымъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ до конца 1835 года. Получивъ въ 1836 году въ командованіе корабль «Березина» и назначенный командиромъ 27-го флотскаго экипажа, Назимовъ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1842 году былъ назначенъ командовать отрядомъ судовъ при перевозкѣ десантныхъ войскъ изъ Свеаборга и Роченсельма въ Кронштадтъ, а затѣмъ до конца 1845 года, командуя кораблемъ «Выборгъ», плавалъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ. Въ 1846 году Назимовъ командовалъ отрядомъ транспортныхъ судовъ и 6-го декабря того же года былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 1-ой флотской дивизіи. Съ этого времени плавалъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, имѣя свой флагъ послѣдовательно на корабляхъ «Красный», «Бріеннъ» и «Березина». Произведенный въ вице-адмиралы, съ назначеніемъ членомъ Общаго присутствія морского интендантства, Назимовъ въ этой должности оставался до самой смерти. Съ началомъ восточной войны ему было поручено завѣдывать составлявшимся подъ его же наблюденіемъ морскимъ ополченіемъ; смерть застигла его при исполненіи этого важнаго порученія; онъ умеръ въ Петербургѣ 8-го мая 1854 г.

„Общій Морской Списокъ“ т. VII, Спб. 1893 г. стр. 577—579; „Морской Сборникъ“ 1854 г. № 8. августъ, стр. 376—380.

Е. Я.

Назимовъ, *Николай Николаевичъ*, (сынъ предыдущаго) контръ-адмиралъ; родился 12-го марта 1822 года, ум. 21-го апрѣля 1867 г. Н. Н. Назимовъ получилъ образованіе въ Александровскомъ и Морскомъ кад. корпусахъ; 8-го января 1841 г. произведенный въ мичманы, съ назначеніемъ въ Балтійскій флотъ, онъ до 1849 г. плавалъ на разныхъ фрегатахъ, а въ ноябрѣ 1847 г. былъ переведенъ въ гвардейскій экипажъ. По возвращеніи изъ Венгерскаго похода (1849 г.) онъ былъ командированъ въ Николаевъ и около года на корветѣ «Андромаха» и фрегатѣ «Кагулъ» плавалъ въ Черномъ морѣ, а въ 1851 году на корветѣ «Оливуца» отправился въ плаваніе изъ Кронштадта къ берегамъ Сибири и въ томъ же году былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ командиромъ корвета, съ которымъ въ 1853 году участвовалъ въ японской экспедиціи генералъ-адъютанта Путятина и за отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Съ началомъ Восточной войны 1854—1855 г., въ виду появленія во всѣхъ нашихъ водахъ флота союзниковъ, Назимовъ получилъ предписаніе съ корветомъ «Оливуца» защищать берега Камчатки и нѣсколько разъ очень удачно крейсировалъ въ океанѣ, а въ началѣ апрѣля 1855 года прорубился черезъ льды Авачинской губы, въ составѣ цѣлой эскадры, и прибылъ благополучно въ Николаевскъ на Амурѣ. Назначенный 14-го декабря 1855 года командиромъ 27-го флотскаго экипажа, Назимовъ, въ слѣдующемъ году, былъ переведенъ въ 22-й флотскій экипажъ и съ 28-го іюля исполнялъ, кромѣ того, должность капитана надъ Петропавловскимъ портомъ. Во время службы въ Николаевскѣ, подъ его наблюденіемъ было возведено много укрѣпленій, построены первые на Амурѣ пароходы «Лена» и «Амуръ» и мостъ черезъ рѣку. Переведенный въ началѣ 1857 года въ Балтійскій флотъ, Назимовъ, 13-го сентября того же года, былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ назначенъ командиромъ строившагося тогда винтового фрегата «Ослябя», которымъ и командовалъ до 1865 года, плавая съ нимъ въ Средиземномъ морѣ. Въ 1866 г., послѣ кратковременнаго командованія броненосною батареею «Кремль», Назимовъ вышелъ въ отставку, съ производствомъ въ контръ-адмиралы. Характеристикой его можетъ служить слѣдующій отзывъ о немъ адмирала П. С. Нахимова: «Поведенія благороднаго, офицеръ расторопный, дѣятельный и знаетъ свое дѣло». Н. Н. Назимовъ скончался въ Петербургѣ 21-го апрѣля 1867 года.—Ему принадлежатъ двѣ статьи, напечатанныя въ «Морскомъ Сборникѣ» 1857 и 1858 гг.: «О пути по рѣкѣ Амуру въ 1857 году» и «Отвѣтъ на статью по поводу статей объ Амурѣ».

„Общій Морской Списокъ“ т. XI, Спб. 1900 г. стр. 5—7; „Морской Сборникъ“ 1867 г. т. 90, № 6, отд. Морской Хроники, стр. 36—38; „Кронштадтскій Вѣстникъ“ 1867 г. № 47 и 48, стр. 184.

Е. Я.

Назимовъ, *Савва Максимовичъ*, — вице-адмиралъ, главный командиръ Крон-

штадскаго порта, членъ Адмиралтействъ-коллегіи. Службу началъ ученикомъ Морской Академіи, куда поступилъ 27 марта 1736 года. Произведенный въ 1738 г. въ гардемарины, Назимовъ въ слѣдующемъ году былъ командированъ сухимъ путемъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ. Въ 1757 г., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, получилъ въ командованіе корабль «Св. Александръ Невскій», съ которымъ, находясь въ эскадрѣ адмирала Мишукова, плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ слѣдующемъ году II. былъ произведенъ въ капитаны 3-го ранга, 22-го сентября 1764 года былъ назначенъ капитаномъ надъ Кронштадтскимъ портомъ. Эту должность онъ занималъ до 4-го іюня 1769 года, когда былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Награжденный въ октябрѣ 1772 года орденомъ св. Анны, Назимовъ 1-го января слѣдующаго года былъ произведенъ въ генералъ-интенданты, съ назначеніемъ присутствовать въ Адмиралтействъ-коллегіи, 10-го іюля 1775 года произведенъ въ вице-адмиралы и скончался въ Кронштадтѣ.

„Общій Морской Списокъ“ т. II. Спб. 1885 г. стр. 279—281; „Матеріалы для исторіи Русскаго Флота“ тт. X, XI и XII.

Е. А.

Най, *Осипъ*,— корабельный мастеръ въ царствованіе Петра Великаго. Англичанинъ по происхожденію, Най былъ приглашенъ Петромъ на русскую службу 18 іюня 1698 года, во время пребыванія царя въ Англіи. Принявъ приглашеніе Петра Великаго и подписавъ, по обыкновенію, особое условіе, Най отправился въ Воронежъ, гдѣ тогда строился флотъ для Азовскаго моря. Работая то въ Воронежѣ, то въ Таганрогѣ, онъ съ 1698 по 1712 годъ построилъ нѣсколько 58 и 60-ти пушечныхъ кораблей: «Черепаха», «Шпага», «Сулица», «Скорпіонъ» и «Цвѣтъ войны». Най пользовался постоянной благосклонностью царя, который былъ очень доволенъ работами корабельнаго мастера и всѣми силами старался удержать его на русской службѣ, оказывая ему даже поблажки, а когда въ 1703 году Най пожелалъ оставить русскую службу, царь приказалъ адмиралу Апраксину приложить всѣ усилія къ тому, чтобы удержать его. Въ 1712 году Най былъ переведенъ изъ Воронежа въ Петербургъ, гдѣ съ тѣмъ же усердіемъ и успѣхомъ началъ работать надъ созданіемъ Балтійскаго флота. Сначала онъ работалъ на Ижорскихъ заводахъ, гдѣ построилъ 20 бригантинъ, а потомъ былъ переведенъ въ петербургское адмиралтейство и здѣсь построилъ, по усовершенствованной имъ самимъ системѣ, слѣдующія суда: съ 1714 по 1716 годъ 66-ти пушечные бомбардирскіе корабли «Юпитеръ» и «Дондеръ», съ 1716 по 1719 годъ 66 пушечный корабль «Исаакъ Викторія», къ 1720 году 66 пушечный корабль «Астрахань», съ 1721 по 1723 32-хъ пушечные фрегаты «Крейсеръ» и «Яхтъ-Хундъ», съ 1724 по 1728—54-хъ пушечный корабль «Петръ II», принимая въ то же время участіе и въ постройкѣ другихъ судовъ. При Аннѣ Іоанновнѣ Най построилъ еще два корабля «Слава Россіи» и «Сѣверный Орелъ». Въ 1723 г. онъ былъ пожалованъ рангомъ капитанъ-командора, а въ 1727 году его годовой окладъ былъ увеличенъ до 1840 рублей. 10 мая 1737 года, за старостью и болѣзнью, онъ былъ уволенъ отъ службы, съ пожизненной пенсіей въ 500 рублей въ годъ, но въ Россіи не остался и уѣхалъ на родину, въ Англію. Дальнѣйшая судьба Ная, равно какъ и годъ его смерти, неизвѣстны.

Общій Морской Списокъ, т. I; Голиковъ: „Дѣянія Петра Великаго“ (2 изд.) тт. I, II, III, IV, V, VII, IX, XII; „Матеріалы по исторіи русскаго флота“ тт. I, II; „Матеріалы по исторіи русскаго флота въ царствованіе Петра Вел.“ Спб. 1864, ч. 1; „Письма и бумаги Императора Петра Великаго“, тт. I, II, III.

Е. Лихачъ.

Наливайко, *Семенъ*, — извѣстный вождь козацкаго движенія въ концѣ XVI в. Отецъ Наливайка былъ, вѣроятно, мелкимъ шляхтичемъ и имѣлъ земельный участокъ въ м. Гусятинѣ, въ Брацлавщинѣ. Одинъ изъ сосѣднихъ пановъ, Калиновскій, отнялъ эту землю отъ владѣльца, при чемъ послѣдній отъ полученныхъ при этомъ побоевъ умеръ. Послѣ этого, вдова его переселилась въ г. Острогъ, гдѣ одинъ изъ сыновей ея былъ священникомъ; братъ послѣдняго Семенъ находился на службѣ у князя Острожскаго и когда тотъ воевалъ съ козаками Косинскаго, то противъ нихъ сражался и Наливайко, который уже въ это время былъ опытнымъ воиномъ: по его словамъ, онъ съ юныхъ лѣтъ воевалъ по многимъ землямъ вмѣстѣ съ козаками. Что заставило Наливайка отстать отъ козаковъ — неизвѣстно, но онъ снова при-

сталъ къ нимъ въ серединѣ 1594 года, ибо въ апрѣлѣ этого года онъ еще находился на службѣ у Острожскаго и собиралъ войско съ его дозволенія, а въ іюлѣ—сносился съ запорожцами, которымъ объяснялъ невозможность служить имъ у князя.

Впервые имя Наливайка становится извѣстнымъ въ исторіи именно съ этого времени. Возможность выдвинуться Наливайку дала война турокъ съ венграми въ 1593 и 1594 годахъ. Въ началѣ 1594 года отъ императора Рудольфа II прибыло посольство въ Польшу съ просьбой не пропускать татаръ въ Венгрію черезъ польскія владѣнія. Рѣчь Посполитая согласилась на эту просьбу, но, тѣмъ не менѣе, въ апрѣлѣ стало извѣстно о томъ, что татары двинулись на Украину. Князь Острожскій, заинтересованный судьбою своихъ имѣній, находившихся въ Украинѣ, разрѣшилъ Наливайку собирать охотниковъ съ цѣлью дать отпоръ татарамъ, но Наливайко, боясь, чтобы враги охотниковъ не сочли ихъ за шайку грабителей, просилъ, чтобы коронный гетманъ Замойскій назначилъ мѣста, гдѣ-бы онъ могъ встрѣтить татаръ и брать съѣстные припасы; эти распоряженія Замойскаго показали бы, что ополченіе Наливайка не шайка разбойниковъ. Отвѣтилъ-ли что-либо на это Замойскій — неизвѣстно, но Наливайко предпринялъ дѣйствія противъ татаръ, ворвавшихся черезъ Покутье въ Украину. Помѣшать ихъ опустошеніямъ ему не удалось, но, прогнавъ ихъ до Теребовля, онъ отбилъ у нихъ отъ 3 до 4 тысячъ лошадей. Замойскій тоже двинулся противъ татаръ, но помѣшать ихъ грабежамъ и прорыву въ Венгрію на помощь туркамъ не могъ. Наливайко въ это время еще не примирился съ Запорожьемъ, отъ котораго его оттолкнула служба у Острожскаго, но сильно тянулъ къ нему и искалъ предлога къ примиренію; такой предлогъ явился въ видѣ отбитыхъ имъ у татаръ лошадей. Дѣло въ томъ, что Рудольфъ II, потерявшій надежду на полученіе въ войнѣ съ турками помощи отъ Польши, началъ переговоры съ самими запорожцами, прося ихъ дѣлать набѣги на Турцію. Козаки, привыкшіе къ грабежу въ турецкихъ и татарскихъ земляхъ, предприняли весною 1594 г., по внушенію императора, походъ къ морю съ цѣлью помѣшать татарамъ переправиться черезъ Днѣпръ у Очакова, но потерпѣли неудачу, послѣ чего переговоры съ новымъ посланцемъ императора Ляссотою пошли неуспѣшно. Несмотря на подарки отъ Рудольфа и обѣщаемое вознагражденіе за набѣги, запорожцы отказывались отъ походовъ, указывая на незначительность вознагражденія, предлагаемаго посломъ и неимѣніе лошадей, для пріобрѣтенія которыхъ требовалась большая сумма. Въ это-то время (1 іюля) явились на Запорожье и послы отъ Наливайка. Предлагая запорожцамъ изъ числа отбитыхъ имъ отъ татаръ 1500—1600 лошадей, Наливайко ставилъ, однако, непремѣннымъ условіемъ доставки ихъ—полное прощеніе со стороны запорожцевъ его службы у князя Острожскаго, обязывавшей его воевать противъ нихъ. Для большей убѣдительности въ искренности своего желанія вновь сойтись съ Запорожьемъ, Наливайко предлагалъ лично явиться въ Сѣчь и доказать свою правоту и предоставлялъ запорожцамъ право въ противномъ случаѣ отрубить ему голову его-же саблею. При какихъ обстоятельствахъ состоялось примиреніе—неизвѣстно, но что оно состоялось—на это указываютъ совмѣстные походы Наливайка съ запорожцами. Однако, запорожцы не соглашались смѣшиваться со сбродомъ Наливайка, который къ тому же былъ честолюбивъ и хотѣлъ быть первымъ лицомъ среди нихъ; поэтому запорожцы въ дальнѣйшихъ своихъ походахъ всегда имѣли своимъ предводителемъ Лободу, а Наловайко начальствовалъ лишь своей вольницею.

Переговоры сѣчевиковъ съ императоромъ, несмотря на предложеніе Наливайка, не подвинулись впередъ, но они отправили къ нему, тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ Ляссотою, своихъ посланцевъ съ требованіемъ болѣе выгодныхъ условій за новые набѣги на татарскія и турецкія владѣнія. Пока шли переговоры по этому предмету, Наливайко не оставался праздными и принялъ предложеніе снятынскаго старосты Язловецкаго присоединиться къ его отряду, собранному для нападенія на Крымъ. Къ Язловецкому присоединились и запорожцы подъ начальствомъ Лободы, но затѣмъ и онъ, и Наливайко оставили его и расположились въ Брацлавщинѣ, откуда Наливайко пошелъ къ Брацлаву, а Лобода, вѣроятно, въ Сѣчь. Населеніе города измѣнило своему старостѣ Юрію

Струсю и впустило Наливайка съ его вольницею въ городъ и замокъ, гдѣ козаки имѣли все необходимое отъ окрестной шляхты, доставлявшей имъ по принужденію все, что требовалось. Шляхтичей, отказывавшихся отъ исполненія требованій Наливайка разоряли; между прочимъ, было разорено и имѣніе пана Калиновскаго, который избилъ до смерти отца Наливайка и отнялъ у него грунтъ въ Гусятинѣ. Несмотря на неоднократные листы короля съ требованіями разойтись и перестать чинить людямъ убытки, Наливайку не только не покидали его товарищи, но напротивъ, къ нему все больше и больше приставало народу. Вскорѣ, однако, Наливайко покинулъ Брацлавщину и пошелъ, съ цѣлью оказать услугу австрійскому императору, на Килію. Идя туда, онъ занялъ Бендеры (Тегинь), сжегъ ихъ и вырѣзалъ большую часть турецкаго и татарскаго населенія ихъ. Окрестныя села (по словамъ самого Наливайка до 500) тоже были сожжены загонами Наливайка, захватившими въ плѣнъ до 4 тысячъ татаръ и турокъ обоего пола. Однако, этой добычѣ не суждено было остаться въ рукахъ козаковъ. Во время возвращенія домой ихъ настигъ у Днѣстра молдавскій господарь Ааронъ съ 7 тысячами турецкаго и волошскаго войска и, при переправѣ черезъ эту рѣку, отнялъ у казаковъ всю ихъ добычу, причемъ погибло нѣсколько сотъ казаковъ. Наливайко съ остатками своей вольницы удалился за Днѣстръ съ угрозой отомстить господарю. Вскорѣ онъ и исполнилъ эту угрозу. Въ октябрѣ 1594 года онъ позвалъ себѣ на помощь Лободу и двинулся вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ помощника его, въ Молдавію. Численность войска обоихъ предводителей достигала 12 тысячъ, раздѣлявшихся на 40 хоругвей, изъ которыхъ на двухъ были орлы цесарскіе. Перейдя Днѣстръ подъ Сорокой, козаки сожгли Цецору, и господарь, разбитый ими въ двухъ сраженіяхъ, бѣжалъ въ Волощину, Лобода же и Наливайко двинулись далѣе, перешли Прутъ, достигли Яссъ, разграбили и сожгли ихъ вмѣстѣ съ многими окрестными селами. Вернувшись глубокой осенью въ Украину съ громадной добычей, Наливайко пошелъ опять къ Брацлаву. Брацлавскій городовой писарь Байбуза, получившій отъ Наливайка угрожающее письмо, сообщилъ его содержаніе шляхтичамъ, съѣхавшимся въ это время въ Брацлавъ на судебные «роки», и шляхта разъѣхалась; Наливайко же былъ принятъ городомъ и поселился въ Брацлавѣ, куда ему окрестная шляхта доставляла полное содержаніе. Когда первый страхъ, нагнанный Наливайкомъ на шляхтичей, прошелъ, они стали понемногу ободряться и рѣшили сперва прогнать Наливайку, а затѣмъ продолжать суды. Распространившіеся среди нихъ слухи, будто подъ Тегинью погибло большое число козаковъ и что при самомъ Наливайкѣ въ Брацлавѣ очень небольшое количество войска, еще болѣе подняли духъ шляхтичей, которые собрались ѣхать въ Брацлавъ и съ дороги выслали къ Наливайкѣ посланца. Послѣдній долженъ былъ сообщить казакамъ, что шляхта, не желая быть сочтенной за пособниковъ бунтовщиковъ, не будетъ больше давать имъ стацій и сама ѣдетъ въ городъ громадою для расправы съ ними; городскимъ же властямъ и мѣщанамъ сообщалось, что за принятіе къ себѣ Наливайки они будутъ наказаны. Посланецъ шляхтичей, конечно, не добился ничего отъ мѣщанъ и Наливайка, который приказалъ его задержать въ городѣ, а самъ со своей вольницей, городскимъ урядомъ и мѣщанами ночью напалъ на приблизившихся къ городу шляхтичей врасплохъ, многихъ изъ нихъ и ихъ слугъ побилъ и поранилъ, забралъ деньги, захватилъ документы и имущество и благополучно вернулся въ городъ. Потерпѣвшая шляхта записала 17-го октября протестъ на урядѣ гродскомъ луцкомъ и обратилась съ жалобой къ королю. Присланный въ отвѣтъ на этотъ протестъ универсалъ короля отъ 1-го ноября къ шляхтѣ, коей поручалось произвести слѣдствіе надъ неоднократно своевольничавшими брацлавскими мѣщанами и Наливайкомъ съ его вольницею и затѣмъ наказать ихъ, въ особенности Наливайка, не имѣлъ никакихъ послѣдствій, такъ какъ не давалъ шляхтѣ единственнаго средства къ достиженію намѣченной королемъ цѣли—войска. Потому предводитель вольницы безпрепятственно жилъ въ Брацлавѣ до середины ноября, когда пошелъ въ глубь страны, къ Бару, гдѣ находился и Лобода. Обложивъ городъ, Наливайко и Лобода грабили окрестныя села, сосѣдніе же шляхтичи и населеніе спѣшили удалиться въ болѣе безопасныя

мѣста, прося у короннаго гетмана защиты. Князь Острожскій выслалъ для наблюденія за козаками отрядъ въ Меджибожъ, но козаки, пробывъ въ Барѣ до конца 1594 г., въ январѣ слѣдующаго двинулись частью къ Винницѣ, а частью къ Брацлаву, распуская слухъ, что идутъ въ Волощину. Король, въ отвѣтъ на многочисленныя жалобы на козаковъ, отправилъ за ними 2 тысячи войска, но они, по всей вѣроятности, и не пытались идти противъ козаковъ, такъ какъ послѣднихъ было въ это время до 12 тысячъ. Въ февралѣ 1595 г. Наливайко стоялъ въ Острополѣ, маетности отсутствовавшаго въ то время въ Полѣсьѣ князя Острожскаго, который опредѣлялъ численность его вольницы въ 1000 человѣкъ. Лобода въ это время находился вмѣстѣ съ войсками короннаго гетмана Замойскаго на границѣ Рѣчи Посполитой съ Молдавіей. Пробывъ въ Острополѣ нѣкоторое время, Наливайко отправился со своими козаками на службу къ эрцгерцогу Максимиліану въ Венгрію, откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже вернулся черезъ Самборъ на родину съ огромной добычей. Возвращеніе свое Наливайко объясняетъ тѣмъ, что семиградскій воевода заводилъ козни противъ гетмана, иностранные же хроникеры утверждаютъ, что козаковъ оттуда просто выпроводили въ Польшу за ихъ грабежи и насилія. Первымъ городомъ, пострадавшимъ отъ Наливайка по его возвращеніи изъ Венгріи, былъ Луцкъ, который онъ опустошилъ настолько, что король освободилъ его жителей на время отъ нѣкоторыхъ податей. Изъ Волыни Наливайко двинулся въ Бѣлоруссію и подступилъ къ Слуцку, который вмѣстѣ съ замкомъ былъ имъ взятъ. На выручку города собиралъ войско гетманъ литовскій, и потому Наливайко, захвативъ съ собой въ Слуцкѣ изъ замка 12 лучшихъ пушекъ, 80 гаковницъ, 700 рушницъ и съ жителей 5000 копъ литовскихъ, поспѣшно удалился оттуда и направился къ Могилеву. Городъ этотъ имѣлъ хорошій замокъ, почему жители и заперлись въ немъ, козаки же осадили ихъ и 30-го ноября взяли штурмомъ. За сопротивленіе жители были жестоко наказаны: почти весь Могилевъ выгорѣлъ и козаки двѣ недѣли его грабили. Въ это время подошелъ къ городу гетманъ литовскій съ 14 тысячами войска и съ 4 тысячами татаръ. Наливайко заперся сперва въ замкѣ, но мѣщане подожгли его; тогда онъ укрѣпился на сосѣдней Илинской горѣ и литва съ татарами сражались съ нимъ цѣлый день, послѣ чего козаки стали уходить таборомъ, а войско короннаго гетмана преслѣдовало ихъ до Рогачева; литовцы же возвратились въ Могилевъ и разграбили въ немъ все, что только еще осталось. Въ январѣ 1596 г. Наливайко возвратился на Волынь и расположился опять въ имѣніяхъ князя Острожскаго. Въ это время какъ разъ подготовлялось оффиціальное объявленіе уніи, къ числу ревностныхъ противниковъ которой принадлежалъ и князь Острожскій; поэтому появленіе въ его имѣніяхъ Наливайка было очень ему на руку. Предводитель вольницы, знавшій о непріязни князя къ уніи и къ ея сторонникамъ, воспользовался ею и многочисленныя шайки изъ его козаковъ начали грабить и опустошать имѣнія лицъ, прикосновенныхъ къ уніи. При этомъ опять Острожскій не только не препятствовалъ имъ, но даже потворствовалъ и нѣкоторые изъ урядниковъ его имѣній покровительствовали Наливайку. Послѣднему помогалъ и его братъ, острожскій священникъ Демьянъ Наливайко, которымъ, по всей вѣроятности, руководили религіозныя побужденія, ибо ни до, ни послѣ этого онъ не участвовалъ въ дѣлахъ вольницы своего брата. Однимъ изъ первыхъ имѣній, пострадавшихъ въ февралѣ 1596 г. отъ Наливайка и его брата были имѣнія Яроша Терлецкаго, брата епископа Кирилла, хлопотавшаго въ это время въ Римѣ объ уніи; затѣмъ были разграблены имѣнія самого епископа, старосты луцкаго Александра Семашка, одного изъ дѣятелей уніи, и др. При этихъ наѣздахъ шайки Наливайка, къ которымъ присоединялись слуги и хлопы разоряемыхъ пановъ, позволяли себѣ всевозможныя насилія: грабили имущества пановъ и крестьянъ, насиловали женщинъ, мучили крестьянъ, отрѣзали имъ уши и т. д. Въ это же время Лобода дѣйствовалъ въ кіевскомъ воеводствѣ; насилія, производимыя имъ и Наливайкомъ, вызвали серьезныя опасенія со стороны польскаго правительства, которое отозвало изъ Молдавіи гетмана Жолкевскаго и приказало ему двинуться на усмиреніе указанныхъ воеводствъ. Узнавъ объ этомъ, Наливайко двинулся изъ Волыни въ Брацлавщину, разсчитывая остановиться въ Лабунѣ съ цѣлью сбора

въ одно мѣсто всѣхъ своихъ шаекъ, разошедшихся для грабежей. Неторопливость, съ которой Наливайко уходилъ изъ Волыни объясняется тѣмъ, что Жолкевскій не рѣшался напасть на него съ одними жолнерами и ждалъ къ себѣ подкрѣпленій изъ другихъ воеводствъ. Наливайко, уже не разъ видѣвшій пріязнь къ себѣ брацлавцевъ, разсчитывалъ остановиться у нихъ, но Жолкевскій, знавшій о трудности, съ которой пришлось бы бороться съ нимъ въ Брацлавѣ, рѣшилъ отрѣзать ему путь къ этому городу, не дожидаясь подкрѣпленій. Въ концѣ февраля Жолкевскій двинулся къ Лабуню и достигъ его внезапно для Наливайка, которому удалось, однако, уйти благополучно, благодаря одному шляхтичу, предупредившему во время козаковъ объ опасности. Наливайко двинулся къ Острополю, а Жолкевскій за нимъ; войско въ это время у Наливайка собралось еще не все и двигалось вразбродъ. Въ селѣ Мацеіовицахъ, между Лабунемъ и Острополемъ, передовой отрядъ Жолкевскаго настигъ двѣ сотни Наливайка въ 500 человѣкъ, которые всѣ погибли въ сраженіи и во время пожара села, подожженнаго поляками; другой отрядъ козаковъ былъ настигнутъ въ селѣ Чернавѣ и послѣ сраженія отступилъ къ Острополю, который миновалъ и Наливайко, направившись къ Пикову, а затѣмъ къ Брацлаву. На этомъ пути его все время преслѣдовали поляки; Жолкевскому необходимо было или опередить козаковъ и занять Брацлавъ, или заставить ихъ свернуть съ дороги. Оставивъ обозъ, гетманъ бросился за козаками и настигъ ихъ у рѣчки Ольшанки, гдѣ по однимъ извѣстіямъ произошло сраженіе, а по другимъ не состоялось изъ за ночной темноты. Не получая отвѣта на посланное имъ изъ Пикова письмо въ Брацлавъ и опасаясь измѣны, Наливайко оставилъ мысль идти туда и направился въ такъ называемыя дикія поля, начинающіяся за рѣкой Себежъ; сюда Жолкевскій не могъ идти безъ обоза съ запасами и потому Наливайко остановился у Синихъ Водъ. Общая опасность заставила Наливайку и Лободу забыть непріязнь, существовавшую между ними, и вступить въ сношенія. До этихъ поръ Лобода отворачивался отъ Наливайка и не считалъ его своимъ товарищемъ; теперь же, когда и Лободѣ угрожалъ Жолкевскій, извѣстный своей ненавистью къ козакамъ, было забыто прошлое. (Есть извѣстія, что среди вольницы Наливайка было возмущеніе противъ своего предводителя и что его жизнь нѣсколько разъ была въ опасности) Лобода былъ въ Бѣлой Церкви, но Наливайко сперва обратился черезъ брацлавскаго старосту Струся къ Жолкевскому, обѣщая ему распустить свою вольницу, если съ него только не будутъ взыскивать за прошлое. Гетманъ обѣщалъ ходатайствовать передъ королемъ подъ условіемъ, если Наливайко распуститъ свою шайку и выдастъ армату и хоругвь, пожалованную ему эрцгерцогомъ Максимиліаномъ. Наливайко не повѣрилъ однимъ обѣщаніямъ и вступилъ въ переговоры съ Лободою; Жолкевскій же написалъ письмо къ Лободѣ, въ которомъ обѣщалъ ходатайствовать передъ королемъ и совѣтовалъ ему уходить на Запорожье; цѣль письма была—не допустить соединенія Лободы и Наливайка и въ немъ давалось понять, что гетманъ не смѣшиваетъ козаковъ Лободы съ сбродомъ Наливайка. Посольство Жолкевскаго къ Лободѣ не имѣло успѣха и послѣдній не далъ никакого отвѣта гетману; успѣхъ же сношеній Наливайка съ Лободой былъ тотъ, что Наливайко подвинулся отъ Синихъ Водъ поближе къ городу Корсуню, гдѣ находились запорожцы. Между тѣмъ Жолкевскій слѣдилъ за движеніями Наливайка и Савулы, избраннаго въ это время гетманомъ на мѣсто Лободы, и отрядилъ противъ козаковъ 500 человѣкъ конницы князя Рожинскаго, самъ же двинулся изъ подъ Пикова къ Бѣлой церкви, куда направились изъ Кіева и всѣ козаки Савулы и Наливайка, призваннаго Савулой изъ подъ Корсуня, гдѣ онъ набиралъ свѣжее войско. 2-го апрѣля козаки въ количествѣ 8 тысячъ подошли къ Бѣлой Церкви и расположились вокругъ замка таборомъ; Рожинскій же рѣшилъ сразиться съ козаками и сдѣлалъ на нихъ вылазку, не дожидаясь шедшаго къ нему Жолкевскаго. Наливайко, въ то время какъ войско Рожинскаго выходило изъ замка, ворвался въ него съ другой стороны и перебилъ всѣхъ оставшихся тамъ. Остальные козаки, не ожидавшіе вылазки поляковъ, напавшихъ на ихъ таборъ позднею ночью, стали уходить, но затѣмъ опомнились и ударили на Рожинскаго, который сталъ отступать къ замку и въ свою очередь наткнулся на Наливайка, выходившаго

оттуда. Попавши между козаками Наливайка и Савулы, Рожинскій потерялъ много людей, но прорвался въ замокъ. Жолкевскій въ это время былъ уже близко отъ Бѣлой Церкви; узнавъ о его приближеніи, козаки стали уходить къ Триполью, но вечеромъ Жолкевскій догналъ ихъ у озера Острый Камень. Въ происшедшемъ здѣсь сраженіи ранены были Савула и Наливайко и погибло до 2000 козаковъ, но полякамъ не удалось разорвать табора козаковъ, которые сбросили съ гетманства Савулу, выбрали вновь Лободу и миновавъ Триполье, перешли Днѣпръ и остановились у Переяслава. Жолкевскій вернулся въ Бѣлую Церковь и ждалъ подкрѣпленій, приготовляя средства для переправы черезъ Днѣпръ, такъ какъ козаки сожгли всѣ бывшія на рѣкѣ суда съ цѣлью помѣшать переходу Жолкевскаго. Послѣдній требовалъ отъ кіевлянъ лодокъ; козаки, узнавъ объ этомъ, рѣшили наказать кіевлянъ за помощь полякамъ и обратить городъ въ пепелъ и развалины. Это имъ не удалось: Жолкевскій, къ которому подошелъ изъ Молдавіи Потоцкій, занялъ Кіевъ ранѣе козаковъ и расположилъ войско свое подъ Лаврою; на противоположномъ берегу были козаки Лободы и къ нимъ снизу плыли на 100 чайкахъ запорожцы, остававшіеся въ Сѣчи. Жолкевскій помѣшалъ имъ пристать къ берегу при помощи пальбы изъ пушекъ, а затѣмъ вступилъ съ Лободой въ переговоры. Козаки желали уладить дѣло миромъ, но требованія Жолкевскаго (выдача Наливайка и другихъ «бунтовщиковъ», артиллеріи и хоругвей иностранныхъ государей) не привели ни къ какимъ результатамъ и мѣшали переговорамъ тѣхъ и другихъ. Поляки лишь желали выиграть время для устройства переправы. Распустивъ слухи о томъ, что къ Переяславу, гдѣ находились семьи и все имущество козаковъ, отправленъ Потоцкій, Жолкевскій достигъ того, что козаки бросились къ Переяславу и открыли такимъ образомъ переправу черезъ Днѣпръ. Лобода съ Наливайкомъ и съ 1500 человѣкъ остались послѣ ухода козаковъ для окончательныхъ переговоровъ, но попытка эта тоже ни къ чему не привела. Рѣшивъ не оставаться въ Переяславѣ по неудобству города къ защитѣ, козаки двинулись къ Лубнамъ съ семьями и имуществомъ и достигли ихъ въ то время, когда Жолкевскій былъ еще въ 20 миляхъ отъ города. По дорогѣ къ городу козаки разставили отдѣльныя чаты, слѣдившія за движеніемъ польскаго войска, и намѣревались, въ случаѣ близости гетмана, покинуть городской замокъ, гдѣ они находились, переправиться черезъ Сулу и уйти въ степи, уничтоживъ мостъ. Жолкевскому необходимо было помѣшать этому замыслу козаковъ, такъ какъ движеніе по степи было для него очень опаснымъ. Съ этой цѣлью онъ выслалъ для переговоровъ съ козаками извѣстнаго имъ галицкаго капеляна Претвича, а самъ спѣшилъ къ Лубнамъ. По дорогѣ къ нему присоединился князь Огинскій съ литовскимъ войскомъ. Пока козаки вели переговоры съ Претвичемъ, Жолкевскій отрядилъ брацлавскаго старосту Струся съ княземъ Рожинскимъ и Михаиломъ Вишневецкимъ, приказавъ имъ переправиться черезъ Сулу ниже Лубенъ у Горошина и зайти козакамъ въ тылъ; другой отрядъ въ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ Бѣлецкаго, гетманъ направилъ прямо къ Лубнамъ, на случай, если потребуется помощь Струсю, ибо самъ онъ не могъ скоро подойти къ Лубнамъ. Узнавъ о движеніи Бѣлецкаго, козаки прервали переговоры съ Претвичемъ, быстро переправились черезъ Сулу и подожгли мостъ, но тутъ одновременно съ двухъ сторонъ подошли къ нимъ Струсь и Бѣлецкій. Люди Бѣлецкаго успѣли потушить мостъ и починить его; къ этому времени подошелъ и Жолкевскій. Козаки не зная о томъ, что въ тылу у нихъ стоитъ Струсь, все еще надѣялись уйти въ степь, но, узнавъ объ этомъ и рѣшивъ, что уходить поздно, они окопались таборомъ въ урочищѣ Солоницѣ, поставивъ, гдѣ нужно, пушки. Козаковъ было, по извѣстіямъ поляковъ, до 8 тысячъ, у Жолкевскаго до 3½ тысячъ, но эту послѣднюю цифру надо считать гораздо большею. Положеніе осажденныхъ было отчаянное: былъ жаркій май 1596 г., воду еще доставать можно было, но лошади отъ безкормицы падали во множествѣ. Жолкевскій сѣялъ раздоръ между козаками, заведя переговоры съ Лободой, котораго козаки убили по подозрѣнію въ измѣнѣ и выбрали на его мѣсто Кремпскаго. Лобода погибъ по интригамъ Наливайка, надѣявшагося стать на его мѣсто; обойденный и на этотъ разъ, онъ дѣлалъ вылазки изъ лагеря, но каждый разъ былъ отбиваемъ поляками. Положеніе

поляковъ было по недостатку корма и воды тоже плохое; небольшія пушки, имѣвшіяся у нихъ, приносили козакамъ мало вреда, а потому Жолкевскій послалъ въ Кіевъ за большими пушками, которыя и прибыли къ нему 4 іюня. Когда уже всѣ приготовленія для штурма со стороны Жолкевскаго были готовы, поляки услышали въ лагерѣ козаковъ шумъ. Оказывается, что козаки рѣшили выдать Наливайка, Савулу, Шостака и другихъ зачинщиковъ, лишь бы получить свободу. 8-го іюня козаки привели къ полякамъ Наливайка, который долго отбивался отъ хотѣвшихъ взять его и былъ схваченъ уже во рву, намѣреваясь убѣжать. Козаки соглашались отдать полякамъ остальныхъ зачинщиковъ, пушки, иностранныя хоругви и прочее, но когда гетманъ сказалъ, что всякій панъ, находящійся въ войскѣ, имѣетъ право взять себѣ своего подданнаго, если узнаетъ его между козаками, послѣдніе наотрѣзъ отказались отъ сдачи. Въ это время поляки, воспользовавшись тѣмъ, что козаки почти всѣ вышли изъ табора, внезапно ударили на нихъ, почти безоружныхъ. Козаки побѣжали и были всѣ перебиты за исключеніемъ полутора тысячъ, ушедшихъ съ самимъ Кремпскимъ. Весь лагерь козацкій попалъ въ руки поляковъ вмѣстѣ съ двумя знаменами, пожалованными козакамъ императоромъ Рудольфомъ, 21 пушкой и небольшой казной. Послѣ этого Наливайко и шесть другихъ важнѣйшихъ козаковъ были привезены въ Варшаву, гдѣ послѣднихъ немедленно казнили, а Наливайко оставили жить до сейма, когда ему отрубили голову, тѣло разрубили на четыре части и развѣсили по разнымъ мѣстамъ. Впослѣдствіи сложилось преданіе, по которому Наливайко былъ сожженъ поляками въ мѣдномъ раскаленномъ быкѣ. По описанію одного изъ современниковъ, «Наливайко былъ красивый мущина, личность къ тому же незаурядная,—если бы онъ на добро употреблялъ то, что ему далъ Богъ; кромѣ того, онъ былъ отличнымъ пушкаремъ».

Бунтъ Наливайка и Лободы не представлялъ собой движенія къ какой-либо опредѣленной цѣли, но тѣмъ не менѣе обратилъ на себя вниманіе всей Украины. Народъ увидѣлъ наглядымъ образомъ, что оппозиція Польшѣ возможна, и если бы Наливайко не потерпѣлъ неудачи подъ Лубнами, то ему, быть можетъ, удалось бы поднять всю Украину и сдѣлать то, что сдѣлалъ полстолѣтіемъ позже Хмельницкій.

Ѳ. Николайчикъ, Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой (1591—1596), Кіевская Старина 1884 г., т. 8; В. Антоновичъ, Содержаніе актовъ о козакахъ 1500—1648 гг., Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. III, т. I, стр. LI—LXX, Н. Костомаровъ; Монографіи; П. Кулишъ, Исторіи возсоединенія Руси; В. Доманицкій, Козаччина на переломѣ XVI—XVII ст., Вѣстникъ науковаго товариства имени Шевченка 1904 г.; Лѣтопись Величка, I, 24; IV, 195; Лѣтопись Самовидца, 215, 370.

В. Модзалевскій.

Напіерскій, *Августъ-Вильгельмъ Эдуардовичъ*, родился 3 февраля 1823 года въ г. Ригѣ, ум. 19 іюня 1885 г. въ С.-Петербургѣ. По окончаніи курса въ Рижской гимназіи и въ С.-Петербургскомъ университетѣ кандидатомъ философіи, Н. въ 1845—1847 гг. былъ учителемъ математики въ церковномъ училищѣ Св. Анны въ С.-Петербургѣ, а потомъ по тому же предмету въ Митавской губернской гимназіи; кромѣ того, онъ состоялъ корреспондентомъ Главной физической и Центральной обсерваторіи при Императорской Академіи Наукъ. Въ учительской службѣ Напіерскій состоялъ съ 1 авг. 1845 года по 10 янв. 1878 года. Продолжая въ Митавѣ изслѣдованія Академика Купфера надъ эластичностью металловъ, онъ издалъ: 1) Beobachtungen über die Elasticität der Metalle 1850; 2) Das Passageinstrument des Mitauischen Observatoriums 1869 и 3) Die Polhöhe von Mitau 1873. Кромѣ того, Н. составлялъ астрономическій отдѣлъ для календарей и между прочимъ для Русскаго Календаря. Съ 1 іюня 1880 года по 19 іюня 1885 года былъ старшимъ помощникомъ библіотекаря II Отдѣленія библіотеки Императорской Академіи Наукъ.

Послужной списокъ. Карточный каталогъ II отд. Библіотеки Имп. Академіи Наукъ. „Русскій Календарь“ на 1886, стр. 265.

Э. А. В.

Напіерскій, *Карлъ-Эдуардъ Яковлевичъ* (Karl-Eduard von Napiersky), писатель, рижскій губернскій директоръ училищъ и предсѣдатель рижскаго цензурнаго комитета, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ. Мѣщанинъ по происхожденію, онъ родился въ Ригѣ 21 мая 1793 года, умеръ тамъ же 2 сентября 1864 года. По окончаніи курса въ Рижской гимназіи и въ Дерптскомъ университетѣ, по богословскому

факультету, Напіерскій сталъ готовиться къ проповѣднической дѣятельности; въ 1814 году былъ назначенъ кандидатомъ Лифляндской Оберъ-Консисторіи и въ слѣдующемъ году опредѣленъ проповѣдникомъ въ пасторатъ въ Новомъ Пебальгѣ (Neu-Pebalg) въ Лифляндіи, гдѣ жилъ до 1829 года. Этотъ періодъ его жизни отличается весьма плодотворной дѣятельностью, какъ проповѣдника, писателя и издателя ряда латышскихъ журналовъ и популярныхъ произведеній, имѣвшихъ цѣлью просвѣщеніе латышскаго народа. Въ 1829 году Напіерскій былъ приглашенъ на должность директора училищъ въ Рижскую учебную дирекцію и одновременно съ этимъ назначенъ рижскимъ цензоромъ Обѣ эти должности онъ исправлялъ въ теченіе двухъ десятилѣтій. Въ это же время онъ былъ избранъ корреспондентомъ С.-Петербургской Археографической коммисіи и членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ. Въ 1849 году, по прошенію, онъ былъ уволенъ отъ должностей цензора и директора училищъ, но уже въ 1851 году вновь поступилъ на службу въ качествѣ члена Рижскаго цензурнаго комитета. Въ 1832 году Напіерскій получилъ отъ Кенигсбергскаго университета степень доктора философіи «propter luculentam eruditionem libris historicis compluribus publice comprobatam». 2 сентября 1864 года онъ умеръ въ Ригѣ.

Еще будучи пасторомъ въ новомъ Пебальгѣ, въ деревенскомъ уединеніи, Напіерскій посвятилъ себя исторической работѣ и избралъ предметомъ изслѣдованій исторію своего отечества—Прибалтійскаго края. Первымъ плодомъ его изысканій была представленная имъ въ 1823 году въ Курляндское общество литературы и искусства статья «О лифляндскихъ историческихъ сочиненіяхъ», напечатанная обществомъ въ слѣдующемъ году въ Митавѣ. Въ заключеніе къ своей статьѣ К.-Э. Напіерскій выставилъ четыре постулата, которые, по его мнѣнію, выражали главнѣйшія требованія того, что необходимо было выполнить, чтобы сдѣлать возможнымъ изученіе исторіи Прибалтійскаго края, а именно 1) созданіе систематическаго и, по возможности, полнаго словаря писателей Прибалтійскаго края; 2) новое изданіе старопечатныхъ или рукописныхъ хроникъ края; 3) новое изданіе сборниковъ документовъ, которые были заимствованы изъ кенигсбергскаго тайнаго архива бывшаго нѣмецкаго ордена въ 1809—1816 гг. и находились въ лифляндскомъ дворянскомъ архивѣ, и 4) пополненіе существовавшей и созданіе новой росписи рукописныхъ матеріаловъ для исторіи Остзейскаго края, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Первый пунктъ этой программы былъ вскорѣ выполненъ самимъ Напіерскимъ, который въ лицѣ Іоганна Фридриха фонъ Рекке, основателя курляндскаго провинціальнаго музея, нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника. Въ 1827 году появился первый томъ «Словаря писателей и ученыхъ лифляндской, эстляндской и курляндской провинцій («Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrtenlexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland»), труда, исполненнаго Напіерскимъ совмѣстно съ Рекке и законченнаго въ 1832 году. Впослѣдствіи, въ 1859—1860 гг. появились дополненія къ этому «Словарю» въ обработкѣ доктора Бейзе, которымъ написана и довольно подробная біографія Напіерскаго съ перечисленіемъ всѣхъ трудовъ послѣдняго. Въ 1831 году Напіерскій выпустилъ въ свѣтъ «Хронологическое обозрѣніе латышской литературы» («Chronologischer Prospect der lettischen Litteratur»),— библіографическій указатель всѣхъ печатныхъ произведеній на латышскомъ языкѣ съ 1587 года, времени появленія перваго печатнаго латышскаго сочиненія, по 1830-й. Впослѣдствіи онъ переработалъ этотъ трудъ и довелъ его до 1855 года.

Второй пунктъ программы былъ также выполненъ имъ самимъ при помощи Тильмана, Паулера и фонъ Бунге путемъ изданія «Monumenta Livoniae Antiquae»—собраніе хроникъ и другихъ рукописныхъ документовъ, которые могли бы служить источниками для изученія исторіи Прибалтійскаго края; оно появилось въ печати одновременно въ Ригѣ и Лейпцигѣ въ 1835—1847 гг.

Затѣмъ онъ издалъ: «Scriptores rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmäler von Liv-Esth-und Kurland in genauem Wiederabdrucke der besten bereits gedruckten, aber selten gewordenen Ausgaben». 2 тома, 1848 г. и 1853 г

Исполнить третій пунктъ своей про-

граммы—переиздать всѣ историческія литературныя сокровища, хранившіяся въ Кенигсбергскомъ архивѣ, изъ которыхъ многіе слѣдовало бы опубликовать впервые,—Напіерскій не имѣлъ возможности, однако старался работать въ этомъ направленіи и успѣлъ сдѣлать весьма многое. Въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ появился его трудъ, составившій эпоху въ исторической литературѣ Прибалтійскаго края, озаглавленный «Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae». Лично Напіерскій считалъ этотъ трудъ одной изъ лучшихъ своихъ работъ. Современники подобнымъ же образомъ оцѣнивали его. Императоръ Николай I пожаловалъ ему цѣнную золотую табакерку, а короли—прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III и шведскій Карлъ XIV золотыя медали.

По послѣднему пункту программы Напіерскій успѣлъ лишь подготовить матеріалъ и дать указанія для дальнѣйшей работы. Указаніями этими впослѣдствіи воспользовался профессоръ Винкельманъ для своего труда «Bibliotheca Livoniae historica», значительная часть матеріаловъ для котораго собрана Напіерскимъ.

Напіерскій былъ основателемъ лифляндскаго историко-археологическаго общества, которое всегда дѣятельно поддерживалъ. Будучи сначала его членомъ, затѣмъ, въ теченіе шести лѣтъ (1853—1859), его президентомъ, онъ, по словамъ современниковъ, являлся душою этой ученой коллегіи и оказалъ немаловажныя услуги въ дѣлѣ просвѣщенія роднаго края. Будучи президентомъ общества, онъ побудилъ члена-корреспондента того же общества, графа Александра Пржездзецкаго къ выпискѣ изъ собраній Ватиканской библіотеки 40 листовъ документовъ, касавшихся Ливоніи, и, снабдивъ эти выписки предисловіемъ и коментаріями, издалъ ихъ подъ заглавіемъ «Livoniae commentarius Gregorio XIII, P. M. ab Antonio Possevino S. I. scriptus, nunc primum editus e codice Bibliotecae Vaticanae».

Послѣдними крупными трудами К. Э. Напіерскаго были его «Beiträge zur Geschichte der Kirchen und Prediger in Livland» и «Русско-ливонскіе акты». Напіерскій открылъ въ архивѣ рижскаго городского совѣта замѣчательные документы на русскомъ языкѣ, относящіеся къ XII, XIII и XIV вв. Документы эти вмѣстѣ съ другими, написанными на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и найденными имъ въ разныхъ архивахъ Прибалтійскаго края, онъ представилъ въ С.-Петербургскую Археографическую коммисію, которая ихъ издала, а самого Напіерскаго почтила избраніемъ въ свои члены-корреспонденты. Напіерскій былъ, кромѣ того, почетнымъ членомъ разныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ въ Россіи и за границей.

Кромѣ указанныхъ трудовъ Напіерскаго, слѣдуетъ отмѣтить рядъ его статей и мелкихъ произведеній на латышскомъ языкѣ и помѣщенные въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ и извѣстіяхъ его разсужденія, критическіе отзывы и пр. Онъ сотрудничалъ въ «Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-Esth und Kurlands», въ «Magazin der lettisch-litterärischen Gesellschaft» въ «Архивѣ» Бунге, въ «Rigaschen Stadtblättern» и др.

Своею дѣятельностью К. Э. Напіерскій оказалъ неоцѣнимыя услуги не только родной странѣ, но и русской и польской исторической наукѣ: онъ открылъ множество актовъ, пролившихъ новый свѣтъ на многіе неясные періоды исторіи Прибалтійскаго края.

Keussler, Karl Edward Napiersky; Winckelmann, Biblioteca Livoniae historica. (St. Petersbourg, 1880; Dr. Theodor Beise. Nachträge des Allgemeinen Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon. Mitau, 1880; «Allgemeine Deutsche Biographie», буква N; Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, томъ XX; Wielka Encyklopedja Powszechna Illustrowana. Seria II, tom 1—2; „Разборъ сочиненія г. профессора доктора Крузе подъ заглавіемъ „Necrolivonica oder Alterthümer Liv-Esth-und Curlands etc, составленный г. докторомъ К. Э. Напіерскимъ, директоромъ училищъ въ Лифляндской губерніи и дополненный замѣчаніями гг. академиковъ Бера и Шегрена. „Отчетъ о XII присужденіи Демидовскихъ наградъ (1847), стр. 147—221, 223—231; Записки Императорской Академіи Наукъ 1862 г., II. 145. Формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ чиновниковъ Рижской дирекціи училищъ за 1848 годъ.

А. П.

Напіерскій, *Яковъ Карловичъ* (Leonhard Iacob von Napiersky), сынъ предыдущаго, лифляндскій писатель-историкъ; род. въ Ригѣ въ 1819 г., умеръ 11 октября 1890 года. По окончаніи курса въ Дерптскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, онъ поступилъ на

службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и былъ секретаремъ Лифляндскаго Губернскаго Правленія. Историческимъ изслѣдованіямъ онъ, по примѣру отца, посвятилъ себя съ ранней юности. Спеціальностью его было право и съ изученія юридическаго источника — старѣйшаго рижскаго статута онъ и началъ свои занятія исторіей. Первымъ научно-литературнымъ плодомъ его занятій было сочиненіе «Morgengabe des Rigaschen Stadtrechts». Главныя его сочиненія, появившіяся впослѣдствіи, являются цѣннымъ и необходимымъ матеріаломъ для изученія исторіи права и народнаго хозяйства города Риги и зависѣвшихъ отъ него земель. Это были: «Источники рижскаго городского права до 1673 года», появившіеся въ 1876 году, «Книги доходовъ города Риги» (Libri redituum der Stadt Riga» (1881 г.), «Erbebücher der Stadt Riga» (1888). Кромѣ того, онъ обнародовалъ много цѣнныхъ документовъ по исторіи родного края—въ ихъ числѣ письмо Мартина Лютера къ рижскому городскому совѣту. Изъ другихъ его сочиненій важно для изученія исторіи культуры и народнаго образованія латышей—описаніе рукописи «Лѣтописи рижской іезуитской коллегіи».

Формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ чиновниковъ Рижской Дирекціи Училищъ за 1848 годъ; „Rigaschen Stadtblätter“ (1890), „Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen“ 1893 г.; Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона.

А. Петровъ.

Нарановичъ, *Павелъ Андреевичъ*, тайный совѣтникъ, докторъ медицины и хирургіи, заслуженный профессоръ и начальникъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, лейбъ-хирургъ Высочайшаго двора. Нарановичъ род. въ 1801 году въ селѣ Чеплѣевкѣ, Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ отецъ его былъ настоятелемъ мѣстной сельской церкви. Думая и сына направить по своему пути, отецъ Нарановича отвезъ его, десятилѣтнимъ мальчикомъ, въ Новгородъ-Сѣверскъ и помѣстилъ въ духовное училище. Окончивъ курсъ училища однимъ изъ первыхъ, Нарановичъ продолжалъ свое образованіе въ черниговской духовной семинаріи. Будучи уже въ старшихъ классахъ, онъ почувствовалъ влеченіе къ изученію медицинскихъ наукъ и въ 1820 году, не окончивъ курса семинаріи, поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію своекоштнымъ студентомъ, а два года спустя былъ переведенъ на казенный счетъ. Въ академіи Нарановичъ скоро обратилъ на себя вниманіе профессоровъ выдающимися способностями, и въ 1823 году, будучи еще студентомъ, былъ назначенъ прозекторомъ зоотоміи при академіи, изъ которой въ слѣдующемъ году, 30-го іюля, былъ выпущенъ со званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія, съ серебряной медалью и похвальнымъ листомъ. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ ординаторомъ петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя и помощникомъ прозектора анатоміи при медико-хирургической академіи. Получивъ въ 1827 году званіе штабъ-лѣкаря, Нарановичъ два года спустя былъ утвержденъ прозекторомъ анатоміи при академіи. Въ 1830 году Нарановичъ былъ командированъ, въ качествѣ главнаго хирурга въ армію, дѣйствовавшую въ Польшѣ при подавленіи возстанія. Въ походѣ Нарановичъ пробылъ около года и присутствовалъ при сраженіяхъ подъ Минскомъ, на Гороховомъ полѣ, подъ Прагою, Остроленкою и Варшавою. Въ ноябрѣ 1831 года онъ возвратился въ Петербургъ и сталъ готовиться къ докторскому экзамену и профессорской дѣятельности. Уже въ февралѣ 1833 года, не имѣя еще докторской степени, Нарановичъ былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта-профессора анатоміи и помощникомъ управляющаго хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ. 1-го февраля 1836 года онъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Tractatus de herniis» и былъ удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи. Въ концѣ октября 1838 года топографическая анатомія отдѣлена была отъ нормальной анатоміи въ особую адъюнктуру, которая была предоставлена Нарановичу. Въ іюнѣ 1840 года, послѣ выхода въ отставку профессора теоретической хирургіи Соломона, предметы этой каѳедры были раздѣлены между тремя преподавателями: ординарнымъ профессоромъ Шелехинымъ и адъюнктъ-профессорами Рѣлицкимъ и Нарановичемъ. Послѣднему поручено было читать частную хирургію и хирургическую анатомію. Назначенный вскорѣ помощникомъ главнаго доктора 1-го военно-

сухопутнаго (теперь Николаевскій) госпиталя, Нарановичъ вслѣдъ затѣмъ былъ утвержденъ въ должности экстраординарнаго профессора, а 14-го мая 1842 года, вмѣстѣ съ академикомъ Пироговымъ, былъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, членомъ комитета, учрежденнаго при медицинскомъ департаментѣ военнаго министерства для пересмотра и улучшенія хирургическихъ инструментовъ. Въ 1844 году Нарановичу была предоставлена каѳедра описательной анатоміи. Къ этому времени Нарановичъ составилъ себѣ довольно крупное имя въ медицинской литературѣ, въ которой онъ дебютировалъ, еще будучи студентомъ, статьей «Хроническое воспаленіе сердца» («Военно-Медицинскій Журн.» 1823 г., ч. 2). Въ 1837 г. онъ издалъ свой переводъ сочиненія Гоппе «Основанія патологической анатоміи». Въ томъ же году онъ перевелъ съ нѣмецкаго, по порученію конференціи академіи, сочиненіе Гемпеля: «Начальныя основанія анатоміи человѣческаго тѣла». Избранный въ 1839 году въ члены общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, Нарановичъ сдѣлалъ въ немъ рядъ сообщеній, напечатанныхъ въ «Трудахъ» общества. Назначенный въ 1839 году завѣдующимъ редакціей «Военно-Медицинскаго Журнала», Н. сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ этого изданія. Въ тотъ же періодъ времени Нарановичемъ былъ напечатанъ въ «Запискахъ Дубовицкаго» переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Геннерта: «О средствахъ къ пособію отравляемымъ ядовитыми составами, съ добавленіемъ переводчика способовъ къ открытію ядовъ въ судебныхъ случаяхъ» (Спб. 1844 г.). Въ 1845 году онъ напечаталъ отдѣльнымъ изданіемъ свое сочиненіе «О болѣзняхъ костей». Оставивъ въ концѣ 1848 года редактированіе «Военно-Медицинскаго Журнала», Нарановичъ всецѣло посвятилъ себя академіи и Обществу русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ. Въ 1846 году, со времени учрежденія при военно-медицинской академіи основаннаго Пироговымъ института практической анатоміи, систематическое преподаваніе хирургической анатоміи перешло отъ Нарановича къ Пирогову, и первый продолжалъ читать лишь описательную анатомію. Врочемъ, въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ, въ виду постоянныхъ командировокъ Пирогова, Нарановичу по прежнему приходилось вести преподаваніе и хирургической анатоміи. 19-го сентября 1849 года Нарановичъ былъ удостоенъ званія заслуженнаго профессора, и оставленъ при академіи еще на пять лѣтъ. 12-го сентября 1852 г. Н. былъ избранъ въ вице-президенты общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ Въ «Трудахъ» и «Протоколахъ» общества напечатанъ длинный рядъ его докладовъ Въ тотъ же періодъ времени имъ было напечатано нѣсколько статей въ «Другѣ Здравія» и въ другихъ изданіяхъ; кромѣ того, ему принадлежала редакція V и VI томовъ «Трудовъ Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ». Въ мартѣ 1855 года Нарановичъ былъ снова оставленъ профессоромъ анатоміи, а 16-го марта 1858 года состоялось назначеніе его лейбъ-хирургомъ Высочайшаго Двора съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ должностяхъ; сверхъ того, въ томъ же году онъ былъ назначенъ консультантомъ-операторомъ больницъ Обуховской, Св. Маріи Магдалины и Петропавловской. Эти послѣднія должности Нарановичъ занималъ до назначенія его начальникомъ С.-Петербургской военно-медицинской академіи. Командированный съ научною цѣлью въ 1866 году за границу, Нарановичъ, по возвращеніи оттуда, былъ избранъ въ почетные члены общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ и сложилъ съ себя обязанности вице-президента общества. Съ утвержденіемъ 29-го марта 1867 г. новаго штата военнаго министерства, Нарановичъ былъ назначенъ начальникомъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, съ увольненіемъ отъ должностей профессора и помощника главнаго доктора 1-го военно-сухопутнаго госпиталя. 1-го января 1869 года назначенный непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, Нарановичъ 16-го марта того же года былъ уволенъ отъ должности начальника академіи. Во время двухлѣтняго завѣдыванія Нарановичемъ академіей были закончены многія изъ построекъ академіи, начатыя еще при П. А. Дубовицкомъ, какъ то: Михайловская клиническая больница баронета Я. В. Вилье и др. При немъ же было значительно увеличено число казенныхъ стипендій и вве-

дены снова контрольныя испытанія студентовъ. Затѣмъ, въ бытность начальникомъ академіи Нарановичъ принялъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ учрежденія общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, а по возникновеніи въ 1867 году этого общества состоялъ до самой своей смерти членомъ его главнаго управленія. Оставя академію, Нарановичъ вскорѣ былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Изъ послѣднихъ литературныхъ работъ его отмѣтимъ: «Замѣчанія о санитарной части въ прусской арміи во время войны въ Шлезвигъ-Голштейнѣ въ 1864 году», Спб. 1864 г. и «Замѣчанія по осмотру клиникъ въ Берлинѣ и учрежденій санитарной части въ Пруссіи во время войны въ 1866 году», Спб. 1866 г. Послѣдніе годы своей жизни Нарановичъ часто болѣлъ и 2-го января 1874 года умеръ въ Царскомъ Селѣ; погребенъ въ Петербургѣ, на Малоохтенскомъ кладбищѣ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе Врачи-писатели“ вып. I, Спб. 1886 г.; Григорій Прозоровъ, „Матеріалы для исторіи Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи“. Спб. 1850 г.; „Протоколы Засѣданій Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ за 1873—1874 гг. ст. В. Карпинскаго, стр. 162—166; А. К. Европинъ „Историческій очеркъ каѳедры судебной медицины съ токсикологіею при Императорской военно-медицинской (бывш. медико-хирургической) академіи 1798—1898 гг.“ Спб. 1898 г. стр. 146—148 и др.; П. А. Бѣлогорскій, „Госпитальная хирургическая клиника при Императорской Военно-Медицинской (б. медико-хирургической) Академіи 1841—1898 гг.“ „Матеріалы для исторіи хирургіи въ Россіи“. Спб. 1898 г.; Алексѣй Поздѣевъ, „Каѳедра оперативной хирургіи въ Императорской военно-медицинской академіи“. Историческій очеркъ. Спб. 1898 г.; М. Шмигельскій, „Историческій очеркъ каѳедры госпитальной терапевической клиники Императорской Военно-Медицинской Академіи 1840—1897 гг. и первые представители терапевической клиники (1806—1897 г.)“ „Матеріалы для исторіи Императорской Военно-Медицинской Академіи, Спб. 1897 г.; „Московская Медицинская Газета“ 1874 г. № 6; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1874 г., № 12; „Иллюстрированная Недѣля“ 1874 г., № 4; „Русскій Календарь“ изд. А. Суворина, на 1875 г.; „Русская Старина“ 1891 г. т. 71. іюль; т. 72, ноябрь; стр. 477—484, (Н. Ѳ. Здекауэръ, „Воспоминанія о П. А. Нарановичѣ) и „Письма протоіерея Андрея Нарановича (отецъ П. А.) къ П. А. Нарановичу“, „Протоколы засѣданій Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ“ за 1874—1875 г. стр. 38 (о стипендіи имени П. А. Нарановича) и за 1876—1877 г. стр. 38; „Голосъ“ 1874 г. № 5.

Нарановичъ, *Петръ Андреевичъ*, (братъ предыдущаго),—докторъ медицины и хирургіи С.-Петербургской медико-хирургической академіи, ординарный профессоръ и директоръ хирургической факультетской клиники Харьковскаго университета. П. А. Нарановичъ род. въ 1805 году въ селѣ Чеплѣевкѣ, Черниговской губерніи, Кролевецкаго уѣзда. По окончаніи курса въ Черниговской духовной семинаріи, поступилъ въ 1824 г. въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, гдѣ увлекся анатоміей и скоро обратилъ на себя вниманіе академическаго начальства, которое, за полгода до окончанія Нарановичемъ курса, 1-го февраля 1826 года, назначило его исправляющимъ должность прозектора зоотоміи, которую до того времени занималъ его братъ, Павелъ Андреевичъ. По окончаніи курса академіи, П. былъ утвержденъ въ должности прозектора зоотоміи и, кромѣ того назначенъ ординаторомъ при С.-Петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Получивъ въ 1829 году званіе штабъ-лѣкаря, Нарановичъ, четыре года спустя, былъ назначенъ прозекторомъ анатоміи, а въ 1834 году былъ признанъ медико-хирургомъ и акушеромъ. 13 го марта 1836 г. защитивъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Calculi vesicae urinariae momenta pathologica. therapeutica nec non chirurgica», получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Въ теченіе своей 13-ти лѣтней службы при С.-Петербургской медико-хирургической академіи Нарановичъ успѣлъ пріобрѣсти извѣстность, какъ выдающійся знатокъ анатоміи. 8 мая 1837 года Нарановичъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ, а въ слѣдующемъ году—ординарнымъ профессоромъ описательной анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ. Въ 1843 г. онъ былъ назначенъ и директоромъ хирургической университетской клиники. Въ 1850 году С.-Петербургская Императорская медико-хирургическая академія избрала его своимъ почетнымъ членомъ. П. А. Нарановичъ скончался въ Харьковѣ 8-го мая 1858 года.

Изъ ученыхъ работъ Нарановича, кромѣ докторской диссертаціи, особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: рѣчь,

«De angulo faciei novaque ejusdem considerandi ratione»: «Анатомо-физіологическое описаніе органовъ движенія человѣческаго тѣла», Харьковъ 1850 г., «Отчеты объ операціяхъ, сдѣланныхъ въ хирургическомъ отдѣленіи клиники Харьковскаго университета за 1853 и 1856 гг.» «Анатомическое описаніе близнецовъ, сросшихся головками», напечат. въ VI т. «Трудовъ Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ». Тамъ же онъ напечаталъ описаніе многихъ изобрѣтенныхъ имъ хирургическихъ приборовъ и инструментовъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ „Русскіе Врачи-писатели", вып. I, Спб. 1886 г., „Протоколы Засѣданій Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ" 1857—1858 г. стр. 133—152; Григорій Прозоровъ, „Матеріалы для исторіи Императорской Медико-Хирургической Академіи" за первыя пятьдесятъ лѣтъ ея существованія. Спб. 1850 г.

Е. Ястребцевъ.

Нарбутъ, *Войцѣхъ* (Narbutt Wojciech), род. въ 1762 г. умеръ въ 1837 г., сынъ Тадеуша Н., Лидскаго подкоморжаго; воспитывался въ Вильнѣ въ коллегіи ордена піяровъ, потомъ учился въ Варшавѣ и обратилъ на себя вниманіе короля Станислава Августа, у котораго былъ пажемъ и камергеромъ; въ 1788 г. Н. былъ выбранъ на четыре года земскимъ депутатомъ отъ Лидскаго уѣзда, присутствовалъ на сеймѣ 3-го мая 1791 г. и былъ однимъ изъ противниковъ конституціи. Затѣмъ онъ былъ земскимъ депутатомъ на Гродненскомъ сеймѣ; въ 1794 г. путешествовалъ вмѣстѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ за границею. Въ 1801 году Н. опредѣленъ воспитателемъ князя Доминика Радзивила, сына Гіеронима. На трехлѣтіе 1810 — 1812 года Н. былъ выбранъ предводителемъ дворянства (marszałek) отъ Лидскаго уѣзда. По желанію друзей, Н. составилъ увлекательные и исторически интересные мемуары о придворной жизни времени Станислава Августа, которые хотѣлъ издать І. Крашевскій. Но мемуары эти, озаглавленные «Pamiętnik o służbie swej przy Kroli Stanisławie, jako Paż», остались не напечатанными.

Кромѣ того, онъ перевелъ съ французскаго Duquesne, «Evangile médité». Нарбутъ славился и работами по рѣзьбѣ, высоко цѣнящимися въ мѣстныхъ коллекціяхъ.

Jan Jundzill, Nekrolog. Tygodnik Petersburski т. XV, 1837 г., стр. 179 и 180; «Justyn Narbutt», въ Encykl. Wielk. Ilustr., Serya II, t. 1, стр. 199; Zbiór pism Klementyny Hofmanowej, т. III, стр. 265.

Э. А. Вольтеръ.

Нарбутъ, *Іустинъ* (Iustyn Narbutt) — историкъ Литвы (двоюродный братъ Ѳеодора Ефимовича Нарбута); род. въ 1776 году и умеръ въ 1845 году на Литвѣ. Н. получилъ образованіе въ Виленскомъ университетѣ; впослѣдствіи, по окончаніи военной службы, постоянно жилъ въ родномъ имѣніи Іоршишкахъ, въ Лидскомъ уѣздѣ, Вил. губ. На польскомъ языкѣ издалъ въ Гроднѣ очеркъ первоначальной исторіи литовскаго народа: «Rys pierwiastków nar. lit.» и въ 1842 году въ Вильнѣ Исторію внутренней жизни Литвы при польскихъ королякъ Янѣ Собѣскомъ и Августѣ II отъ 1693 года по 1702 годъ. Сочиненіе это, изданное дважды, озаглавлено: «Dzieje wewnetrzne narodu litewskiego z czasów Jana Sobieskiego i Augusta II, królów panujących w Polsce», — извлеченіе изъ разныхъ рукописей, (2-е изд. Вильна 1843 т. I. 8°, 128 стр.; т. II. 8°, 128). Въ своемъ трудѣ Нарбутъ излагаетъ главнымъ образомъ исторію спора между епископомъ Бржостовскимъ и Сапѣгами, кончившагося битвою подъ Олькениками. Біографія Юстина Нарбута мало изслѣдована; онъ былъ женатъ на Собаньской; между прочимъ, дочь его Камилла Нарбуттовна, романистка и сотрудница, «Dziennika Wilensk'ago» издала въ 1835 году повѣсть «Мечиславъ и Стефанія» и «Письма моральныя» (Pisma moralne). Труды Юстина Нарбутта представляютъ важный матеріалъ для изученія народа-шляхты на Литвѣ и Жмуди (Огинскихъ, Сапѣгъ) конца семнадцатаго вѣка.

Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana, Serya II, т. I, Варш. 1903; Listy Teodora Narbutta do d-ra Anicetego Reniera, w Wilnie № XXXIX; Kronika Rodzinna 1888, стр. 396.

Э. А. Вольтеръ.

Нарбутъ, *Ѳеодоръ Ефимовичъ* (Mateusz Teodor Narbutt), знаменитый историкъ Литвы; происходилъ, какъ и Іустинъ, отъ древняго литовскаго рода герба «Трубы». Ѳ. Е. Нарбутъ родился 12 ноября 1784 г., образованіе получилъ въ бывшей Виленской Академіи, по математическому факультету, подъ руководствомъ профессоровъ Гуцевича и Шульца съ 1799 по 1802 годъ; въ 1803 году отправился въ Петербургъ, здѣсь выдержалъ экзаменъ

въ корпусѣ военныхъ инженеровъ и получилъ званіе кондуктора 1-го класса. Продолжая занятія подъ руководствомъ извѣстнаго инженера Овре (Auvray), состоялъ нѣкоторое время при генералѣ Сухтеленѣ и былъ преподавателемъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1804 году Н. былъ отправленъ вмѣстѣ съ прусскими инженерами, подъ начальствомъ гидрографа Эйтельвейна, для гидравлическихъ работъ на рѣкѣ Нѣманѣ, и 27 іюля 1806 г. получилъ чинъ подпоручика. Во время войны 1807 года находился при арміи, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и получилъ штыковую рану подъ Остроленкою, а подъ Тильзитомъ ему прострѣлили лѣвую руку; въ томъ же году Н. былъ командированъ въ Ревель для крѣпостныхъ работъ. Въ 1808 году онъ находился при генералѣ Буксгевденѣ въ Финляндіи, гдѣ при Або былъ сильно контуженъ въ голову. Въ этомъ же году находился въ эскадрѣ адмирала Ханыкова, особенно отличился въ іюлѣ мѣсяцѣ при постройкѣ батареи на островѣ Рюгенѣ и за храбрость получилъ орденъ св. Анны. Въ 1809 году Н. былъ произведенъ въ поручики и перешелъ на службу къ графу Аракчееву, а потомъ къ Барклаю-де-Толли; въ 1810 г. былъ командированъ для отысканія удобнаго мѣста между Могилевомъ и Рогачевомъ для основанія новой крѣпости, но представилъ проектъ устройства крѣпости въ Бобруйскѣ. По одобреніи генераломъ Опперманомъ проекта, Нарбутъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, производилъ первоначальныя работы въ крѣпости, за что получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, кромѣ ранѣе полученныхъ Владиміра 4-й степени и чина штабсъ-капитана. Между тѣмъ, контузіи, полученныя при Або, лишили его слуха, и онъ вышелъ въ 1812 г. въ отставку, съ чиномъ инженеръ-капитана.

Нарбутъ поселился въ своемъ имѣніи Шавры, въ Лидскомъ уѣздѣ, и посвятилъ себя, какъ горячій любитель и почитатель родной старины, изученію литовской исторіи, до послѣднихъ своихъ дней, т. е. до 14 ноября 1864 года. Въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ онъ успѣлъ собрать богатую библіотеку по исторіи Литвы, много рукописей и извлеченій изъ архивовъ. Еще до выхода въ свѣтъ исторіи Пруссіи Фохта, Нарбутъ пользовался сокровищами тайнаго государственнаго архива въ Кенигсбергѣ и въ особенности русскими и литовскими лѣтописями. Онъ находился въ постоянной перепискѣ со многими учеными русскими, славянами, нѣмцами и земляками своими, и пользовался указаніями министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова, который по выходѣ исторіи Литвы (1826 — 1841) поднесъ ее Императору Николаю I.

Живя въ деревенскомъ уединеніи, преданный своимъ занятіямъ по выясненію внутренняго быта Литвы и ея обитателей, Нарбутъ, однако, не оставался чуждымъ и безучастнымъ современности и ея интересамъ. Онъ участвовалъ въ шляхетскихъ сеймикахъ и составилъ въ 1831 году для предводителя повстанцевъ Гелгуда планъ взятія Вильны. Какъ сельскій хозяинъ, онъ былъ образцовымъ помѣщикомъ, извѣстнымъ на всю околицу своимъ садоводствомъ, раціональной обработкой земли, устройствомъ солодо---и---сахарозаводства, усовершенствованіемъ ремесленнаго труда въ деревняхъ по части столярнаго, ткаческаго, кожевеннаго и дубильнаго дѣла. Благодаря его иниціативѣ, устроены были въ 1840—1850 гг. мѣстными властями соляные источники въ Друскеникахъ и удобство пользованія ими увеличено. Его сельскохозяйственныя увлеченія и практическія наблюденія нашли примѣненіе въ извѣстномъ трудѣ о льнѣ, коноплѣ и другихъ волокнистыхъ растеніяхъ, которыя на Литвѣ разводятся и вырабатываются: «Uprawa lnu, konopli i innych roślin włóknodajnychoraz proste, tanie, litewskiemu krajowi właściwe, sposoby zatrudnienia się wyrobami z nich korzystnemi; oparte na doświadczeniach» (Wilno 1833. 8°. IV + 168 стр.). Трудъ этотъ составленъ на основаніи собственныхъ опытовъ въ отвѣтъ на задачу, поставленную по льноводству въ 1826 г. Виленскимъ Университетомъ.

Кромѣ того, Н. занимался переводами на польскій языкъ одъ Горація (Ody Horacego, przełożone nawierszem polskim. Wilno 1885. W drukarni W. Neumana. t. 1 и 2. VII + 150 + 72 + 8 nen.), Руссо (Ody l. Ch. Rousseau, Wilno 1832) и Сервантеса, но переводъ Донкихота остался неизданнымъ. Главнымъ предметомъ его научныхъ занятій были литовскія древности; по польской исторіи онъ мало писалъ (О Сарбіевскомъ, о Кохановскомъ и одеждѣ польской). Матеріалы для его главнаго тру-

да пришлось собирать ему самому: лѣтописцы изданные, неизданные акты и документы разныхъ архивовъ, выписки изъ рѣдкихъ изданій,—все это въ примѣненіи къ литовской древней исторіи коллекціонировалось въ Шаврахъ, и не удивительно, что когда послѣ его смерти въ 1864 году эти книжныя и архивныя богатства, по распоряженію графа Муравьева, были вывезены въ Вильно и пріобщены къ Виленской Публичной библіотекѣ, они составили украшеніе этого учрежденія. По описанію А. Киркора, библіотека Нарбута особенно драгоцѣнна своими архивными матеріалами и выписками изъ кенигсбергскаго тайнаго архива и множествомъ печатныхъ матеріаловъ для исторіи Литвы. Главные труды, этюды и отдѣльныя изслѣдованія Н. слѣдующіе: Истор. очеркъ цыганскаго народа (Rys historyczny ludu cygańskiego. Wilno 1830. 8°. 176) Изслѣдованіе это написано въ дополненіе къ трудамъ Иги. Даниловича и Тад. Чацкаго. Кромѣ антропологическаго описанія, Нарбутъ даетъ описаніе языка со словаремъ на 20-ти страницахъ и нѣсколько привилегій и грамотъ о цыганахъ Императора Сигисмунда, Короля Александра, Королевы Изабеллы, князя Радзивилла и Станислава Августа.

Изъ мелкихъ статей и подготовительныхъ работъ по археологіи и древнелитовскому фольклору заслуживаютъ вниманія: О курганахъ, Tyg. Wil. 1818, VI; Wiadomość o starożytnem kościele Jowisza w Wilnie, Tyg. Wil. 1817. III; Rys krótki obyczajów narodu polskiego. Тамъ же 1817; Badania starozytności litewskich, wiadomość o dawnych strojach Tyg. Wil. 1818. V; O panieńskim w Litwie Tyg. Wil. 1817. O panenskich strojach Tyg. Wil. 1817, IV, стр 209; Starożytne obrządki weselne w Litwie, Zbieracz litewsko-polski Kraków 1837. IV; O wiciach (призывъ въ ополченіе) Tyg. Wil. 1818, VI; Rys krótki obyczajów nar. polskiego Tyg. Wil. 1817. Domniemanie o dawnych Litwinach Tyg. Wil. 1817; Badania starożytności litewskich i hipoteza o dawnych Litwinach тамъ же; О Ятвягахъ: O Jadzswingach. Tyg. Petersburg 1846, XXXIII, Druskieniki i okolica: Ondyna drusk. zródeł 1841, I; Bogini Lajma, wyjątek z mythol. lit. Ondyna Dr. Zr. 1846; O talarach bitych (по лит. musztinis). Pom. umysł. J. ze Sliwna Wilno 1846, I; Uwagi nad autentycznością nadania Witolda monasterowi Trockiemu Ondyna Drusk. źród. Grodno 1844; O Iózefie Aleksandre Lisowskim. Ondyna Drusk. źród. 1845; Obwarowanie (осада) Wilna 1498, III; Atenaeum Kraszewkiego 1848. III. Pomniki do dziejów litewskich pod względem historycznym, dyplomatycznym, geografyym, obyczajowym Archeograficznym i t. p. Z różnych, rękopisnych lub rzadkich wydań dziejopisow, tudżiez dyplomatów i dalszych, zabytków przeszłości, odkrytych w archiwach tajnych królewieckich, tudzież w archiwach ruskich i innych krajowych zebrane, Wilno, 1846. 4° VI + 90 стр. Предисловіе написано 15 декабря 1834 года въ Шаврахъ. Изъ этой самой полной редакціи Критики Литовской съ русскаго языка переведенной на польскій сдѣлано facsimile со страницы «25-й Родъ Великихъ Князей Литовскихъ з поколенія аж роду» и присоединенъ рисунокъ виленской Острой Брамы 1845 года. Изъ другихъ изводовъ Литовской лѣтописи, извѣстныхъ еще во время Нарбута, до сихъ поръ на Литвѣ не найденъ списокъ Равданскій. Печатаніе хроники Быховца затянулось на двѣнадцать лѣтъ и наконецъ она вышла изданная Рубеномъ Рафаловичемъ въ Вильнѣ, какъ отдѣльная брошюра, а не по первоначальному проекту, какъ часть «Памятниковъ» древней Литвы.

Съ 1835 года по 1841 годъ выходило сочиненіе Нарбута «Dzieje Narodu Litewskiego» въ девяти томахъ, у Марцинковскаго въ Вильнѣ. Былъ имъ приготовленъ и десятый томъ, заключавшій разныя дополненія, а также хронологическій указатель предметовъ ко всѣмъ девяти томамъ. Кромѣ того, существуетъ въ Виленской Публичной библіотекѣ авторскій экземпляръ, въ которомъ до конца жизни Нарбутъ дѣлалъ замѣтки, дополнялъ и исправлялъ. По мнѣнію Киркора, этотъ экземпляръ заключаетъ въ себѣ богатѣйшій историческій матеріалъ. Особенно строгой критикѣ подвергся первый томъ исторіи Нарбута «Mitologia Litewska» (XV + 482 стр. и 8 рисунковъ). Въ 1862 году извѣстный М. Акіелевичъ изъ Марьямпольскаго уѣзда, Сув. губ., вновь разсматривалъ списокъ боговъ жмудскихъ и литовскихъ и объяснялъ многое изъ литовскаго языка лучше; чѣмъ Нарбутъ, исторію котораго называетъ онъ, со словъ Шафарика, «latanina ze starych szmatów».

Ссылаясъ уже на Авг. Шлейхера и его Lituaniса (письма изъ Литвы), онъ могъ этимологически нѣсколько правильнѣе разъяснить литовское значеніе боговъ, но исторической работы надъ источниками онъ не съумѣлъ совершить: это было сдѣлано гораздо позже, черезъ 30 лѣтъ Ант. Мѣржинскимъ въ Варшавѣ въ его Mythologiae lituanicae monumenta 1892 и 1896 и статьѣ Nuncius cum baculo.

Краткое изданіе Нарбутовой исторіи вышло въ 1847 году у Рубена Рафаловича подъ заглавіемъ: «Dzieje narodu litewskiego w krótkości zebrane z dołączeniem potoku pochodzeń ludów narodu litewskiego i cztérech tablic rodowych xiążąt litewskich», Вильно VII + 244 стр. Pomniejsze Pisma historyczne szczególnie do historyi Litwy odnoszące się (Вильно, 1856) состоитъ изъ 42 очерковъ разнообразнаго содержанія, освѣщающаго различныя стороны внутренняго быта и культуры Литвы. Послѣ этого Нарбутъ еще неустанно работалъ надъ пополненіемъ своей исторіи для второго изданія.

Въ 1863 году въ сраженіи надъ озеромъ Дубицкимъ Нарбутъ потерялъ своего сына Людвига, а вскорѣ, по приказанію Муравьева, всѣ коллекціи Н. были перевезены въ Вильно, куда переселился изъ Шавръ больной и удрученный горемъ Нарбутъ, гдѣ и умеръ 14—26 ноября 1864 года. Въ рукописяхъ Н., послѣ его смерти, были найдены реестръ польскихъ архивовъ, собраніе матеріаловъ по исторіи Польши и дополненія къ гербовнику Нѣсецкаго.

Въ оцѣнкѣ исторической работы Нарбута изслѣдователи и современники расходятся, но никто, по вѣрнымъ словамъ Киркора, не уличилъ его въ лицемѣріи или заранѣе обдуманномъ толкованіи, въ пристрастіи или родовыхъ предразсудкахъ. Изъ множества часто противорѣчивыхъ матеріаловъ онъ первый сдѣлалъ общій сводъ; Н. во многомъ ошибался, но какъ лѣтописецъ Литвы, онъ стремился къ фактическому разъясненію судьбы и историческаго прошлаго литовскаго народа. Въ письмахъ (№ X стр. 296) къ Аницети Ренье онъ опредѣляетъ свою задачу слѣдующимъ образомъ: «Въ нашей исторіи такъ мало фактовъ, такъ мало своего, но за то въ изобиліи всеобщей исторіи, такъ что всеобщая часть заливаетъ внутреннюю». Крайность Нарбута состоитъ въ томъ, что онъ ничего не пишетъ о народѣ, а собираетъ только факты военные и государственные. Лелевель, наоборотъ, поправляя этотъ недостатокъ, впадаетъ въ другую крайность. Объясняетъ онъ исторію своего народа фактами, добытыми изъ сравнительнаго изученія другихъ европейскихъ государствъ и оттого недостаточное мѣсто отводитъ фактическому изложенію. «Я,—говоритъ Нарбутъ,—пошелъ по серединѣ, излагая самые факты народной жизни. Умозаключенія, не находящіяся въ источникахъ (или не подсказанныя ими), предоставляю сдѣлать самому читателю». На критику его исторіи, помѣщенную Крашевскимъ въ Athenaeum (1841, I стр. 193—194), Нарбутъ смотритъ несеріозно: «Kraszewski co pisze, to z wiatrem nieci» А. Безсоновъ видитъ въ Нарбутѣ инициатора изслѣдованій, направленныхъ въ отпоръ польской исключительности, къ выясненію самостоятельности Литвы. Котляревскій недостатки историческихъ работъ Нарбута объясняетъ аристократическо-школьной ограниченностью автора. Какъ бы то ни было, но до послѣдняго времени и въ археологіи и въ культурной исторіи Зап. Руси многіе изслѣдователи оставались въ зависимости отъ Нарбута, ничего новаго не внося какъ въ критику источниковъ, такъ въ этнографію и археологію края.

Юліанъ Бартошевичъ въ Tygodniku Ilustrowany въ 1860 году осудилъ маститаго историка за его увлеченія этимологическія, по которымъ для Нарбута все ясно, какъ солнце, равно какъ и то, что Русь и Литва одного происхожденія. Всѣхъ поразилъ успѣхъ изданной имъ исторіи Литвы. Уподобляя Нарбутта Стрыйковскому, изслѣдователи выставили некритичность пріемовъ въ пользованіи источниками, а главное остались недовольны выдѣленіемъ Литвы въ исторіографіи изъ общегосударственной исторіи Польши въ особую отрасль историческихъ разысканій. Противъ литовскаго провинціализма боролись польскіе литераторы усердно. Нарбутъ могъ ошибаться и ошибался часто въ своихъ выводахъ, но былъ однимъ изъ болѣе симпатичныхъ мѣстныхъ ученыхъ дѣятелей, боровшихся за правильное выясненіе обособленности и самостоятельности культурной жизни Западной Руси и Литвы. При отсутствіи мѣстнаго литовскаго архива и спеціальной провинціальной библіотеки онъ не щадилъ ни средствъ, ни

труда для собиранія новыхъ историческихъ матеріаловъ (черезъ Напіерскаго и другихъ изъ Кенигсберга, Риги и др. мѣстъ) и разскрытія новыхъ источниковъ, какъ, напр., Литовской лѣтописи Быховца. Пламенный патріотъ и любитель литовской исторіи, онъ стремился къ освѣщенію судебъ своего края, но новые пріемы историческихъ наукъ, открыли уже, и безъ сомнѣнія, еще откроютъ новыя стороны жизни ея прошлаго.

„Иллюстрированная Газета“ 1864 г., № 46, 26 ноября, стр. 332 (статья А. Киркоръ), тамъ же № 147; и 1870 годъ, № 22, стр. 340; „Виленскій Вѣстникъ“ 1864, № 147, 22 декабря, Рѣчь Киркора въ засѣд. Вил. Арх. Ком. 11 дек.; Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. 1873, т. 9, № 4 Julian Bartoszewicz, „Teodor Narbutt“ въ Tygodniku Ilustrowanym T 1, 1860 г., № 26, стр. 221—2: Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana, т. I, стр. 199; Kronika Rodzinna Warsz. 1888. стр. 262 и сл. Listy Teodora Narbutta do d-ra A. Reniera w Wilnie, отъ 3 февр, 1840 г. по 11 февр. 1846 г. всего 49 писемъ, нѣкоторыя безъ даты; Bibliografia Polska, Estreichera III, стр. 205 упоминаетъ еще безъ указанія подробностей Narbutt, Podania o powstaniu litewskim w r. 1863, przez Jelickiego Karola 1870 r. Wydanie w 400 egzempl., а Финкель Bibliografia hist. polskiej 1906. III, 1191, № 23656 указываетъ на характеристику отца (Теодора) и сына его Людвига Нарбута въ Dzienik polski 1869 г. Словарь Брокгауза. IX. Lietuviszkas Albumas Shenandoah, 1900. Lietuv. Laikrasztis. 1905 г., стр. 14. Paezye Ludwika Kondratowicz VI (Warsz. 1872) стр. 323 „Toast dla Teodora Narbutta“. Kraj. 1904. № 40. А. А. Котляревскій, сочиненія II. (Сб. отд. Русск. яз. и слов. т. 48). Описаніе рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Вып. 4. В. 1903. 4°, стр. XVI и V томъ В. 1906, стр. 32, №№ 205—207 (здѣсь упомянуто объ интересной рукописи Нарбута „Index hist. monumentorum Lithnaniae“. An. 1211—1540). О родѣ Нарбутовъ см. у Несецкаго т. III, 485 и II, 339; у Стрыйковскаго, Kronika lit., стр. 591. *Э. Вольтеръ.*

Нарвойшъ, *Францъ Миликонтъ*,—заслуженный профессоръ высшей математики въ Виленскомъ университетѣ, каѳедральный каноникъ Самогитской епархіи; родился 15 января 1742 года въ Вилькомирскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи. Восьми лѣтъ отъ роду поступилъ въ низшее іезуитское училище, по окончаніи курса въ которомъ, 16 декабря 1756 года перешелъ въ іезуитскую же коллегію въ Шэнбергѣ. Вступивъ въ орденъ іезуитовъ, Нарвойшъ отправился въ Вильну, куда въ это время прибыли два знаменитыхъ математика—изгнанные изъ Франціи іезуиты, Россиньоль и Флери. Въ числѣ немногихъ лицъ, допущенныхъ къ занятіямъ высшей математикой подъ руководствомъ французскихъ ученыхъ, былъ и Нарвойшъ. Въ скоромъ времени онъ настолько выдѣлился изъ среды прочихъ слушателей своими успѣхами и способностями, что, когда Россиньоль и его товарищъ покидали Вильну, отправляясь въ Китай, они указали на него, какъ на своего достойнаго преемника. Нарвойшу была предложена каѳедра высшей математики и въ то же время онъ былъ удостоенъ ученыхъ степеней доктора философіи и доктора богословія. Спустя нѣсколько времени, вслѣдствіе недоразумѣній съ начальствомъ, Нарвойшъ былъ лишенъ каѳедры и сосланъ въ Гродно, гдѣ преподавалъ піитику въ «инфимѣ». Въ годъ уничтоженія іезуитскаго ордена (1773) онъ былъ преподавателемъ математики въ Несвижѣ; затѣмъ, подъ его руководствомъ и при непосредственномъ его участіи, производилось опредѣленіе географической широты многихъ мѣстностей Литвы. По окончаніи этой работы Нарвойшу было поручено руководить работами по урегулированію русла Нѣмана и уничтоженію природныхъ препятствій для судоходства по этой рѣкѣ. Работы производились въ теченіе трехъ лѣтъ, и Нарвойшъ, удачно разрѣшивъ предложенную ему сложную задачу, пріобрѣлъ извѣстность.

Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, Нарвойшу была предложена каѳедра философіи въ Вильнѣ, но онъ отказался, такъ какъ литовскій подскарбій графъ Тизенгаузенъ пригласилъ его къ себѣ для помощи въ предпріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью поднятіе народной торговли и промышленности. Вскорѣ Нарвойшъ былъ командированъ въ Германію, Голландію и Англію для обозрѣнія различныхъ фабрикъ и другихъ промышленныхъ заведеній и покупки оптическихъ приборовъ для предполагавшейся въ то время въ Гроднѣ астрономической обсерваторіи. За границей Нарвойшъ пробылъ пять лѣтъ, вынесъ тамъ много непріятностей, и только благодаря поддержкѣ польскаго резидента въ Англіи былъ въ состояніи вернуться въ отечество. Въ 1783 году онъ занялъ каѳедру высшей математики въ Виленскомъ университетѣ, оставаясь въ то же время каѳедральнымъ виленскимъ каноникомъ и настоятелемъ приходовъ

гродненскаго и соборцкаго. Профессорскую каѳедру Нарвойшъ занималъ до самой смерти, послѣдовавшей 26 іюня 1819 года въ Вильнѣ. По отзыву біографовъ, Ф. М. Нарвойшъ былъ самый ученый изъ бывшихъ виленскихъ іезуитовъ. Онъ оставилъ много интересныхъ картъ по гидротехникѣ, хранившихся вмѣстѣ съ другими его трудами въ библіотекѣ Виленскаго университета.

Estreicher. Bibliografja polska XIX stolecia. Wiadomość o życiu i pracach uczonych s. p. I. X. Franciszka Narwojsza, professora wysłużonego w uniwersytecie wileńskim etc., przez Tomasza Zyckiego, prof. Emeryta, czytana. (Вильно, 1820 и 1823); Orgelbrand, S. Encyklopedja Powszechna, томъ 19. Wetzer i Welte. Encyklopedja, томъ XV, (1883). Naruszewicz, Adam-Stanisław. Dziela poetyckie, Dziennik Wileński 1820 года.

А. Петровъ.

Наржимскій, *Іосифъ Ивановичъ* (Iósif Narzymski), писатель-драматургъ, реформаторъ польской комедіи; род. 8 февр. 1839 г. въ Малыхъ Радзикахъ, Праснышскаго уѣзда, ум. 4 іюля 1872 г. По окончаніи курса въ Плоцкой классической гимназіи, Наржимскій слушалъ лекціи въ Collège de France въ Парижѣ, наблюдая въ то же время французскую общественную жизнь и главнымъ образомъ интересуясь театромъ. Въ Парижѣ въ это время, т. е. въ началѣ 1860-хъ годовъ шли съ огромнымъ успѣхомъ пьесы, написанныя въ новомъ духѣ (преимущественно пьесы Ожье, Дюма-сына, Октава Феллье). Онѣ сильно увлекали молодого Наржимскаго, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ не былъ чуждъ драматической литературѣ, еще въ 1859 году написавъ комедію: «Великій уѣздный человѣкъ» («Wielki człowiek powiatowy»). Вернувшись на родину, Наржимскій былъ охваченъ тогдашнимъ общественнымъ движеніемъ и сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ такъ называемой «красной» организаціи, ведшей борьбу съ «бѣлыми». Въ то же время онъ написалъ и издалъ въ Познани въ 1863 году «Некомическую комедію въ трехъ дѣйствіяхъ», въ которой старался изобразить тогдашнія политическія событія въ аллегорическомъ видѣ.

Въ 1871 году Наржимскій сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Великопольскаго Еженедѣльника» («Tygodnik Wielkopolski»), въ которомъ велъ театральный отдѣлъ. Интересны статьи его: «Слово о театрѣ, значеніе послѣдняго и сценическая нравственность» («Słówko o teatrze, znaczenie tegoa i o moralności scenicznej») (№№ 15 и 17), «О театральномъ репертуарѣ» (№ 52). Изъ позднѣйшихъ произведеній его отмѣтимъ: драматическій этюдъ, появившійся въ 1871 году въ «Великопольскомъ Еженедѣльникѣ» — «Хлопоты краковскаго президента» («Prezydent miasta Krakowa w kłopotach»), въ которомъ авторъ старался изобразить отношенія и настроенія краковской буржуазіи въ концѣ XVIII вѣка; «Биржевая эпидемія» («Epidemia», и «Позитивисты» («Pozytywni»). Въ первомъ изображена страсть къ легкой наживѣ путемъ игры на биржѣ, овладѣвшая обществомъ въ Галиціи въ началѣ 1870-хъ гг.; во второмъ—распространеніе въ молодомъ поколѣніи матеріалистическихъ стремленій, оставляющихъ въ пренебреженіи возвышенныя чувства.

Кромѣ комедій, Наржимскій писалъ также повѣсти и разсказы, содержаніе которыхъ всегда занимательно, но изложеніе неудачно. Заглавія ихъ слѣдующія: «Исторія двухъ влюбленныхъ паръ и половины третьей», «Наружность обманчива», «Вотчимъ», «Три мѣсяца жизни» и др. Его же перу принадлежатъ изслѣдованія: «Какимъ образомъ возможно спасеніе Австріи», «Исторія театровъ въ Польшѣ» и рядъ переводовъ съ французскаго. Послѣдніе годы своей жизни Наржимскій проводилъ въ Меранѣ и Венеціи; умеръ по пути на родину, въ Силезіи въ 1872 году.

Piotr Chmielowski, „Nasza literatura dramatyczna“, Спб., 1898 г., томъ II, стр. 182—227; Пыпинъ и Спасовичъ, „Исторія славянскихъ литературъ“, Спб., 1867; „Tygodnik Illustrowany“ 1872 года № 239; „Русскій Архивъ„ 1872 г., стр. 1902; 1873 г., стр. 1239; „Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, томъ XX; „Encyclopedjia Powszechna Illustrowana,“ серія II, томъ I, тетр. 5; Перечень сочиненій см. у Эстрейхера: „Bibliografja Polska XIX stolecia.“

Александръ Петровъ.

Наримундъ (Наримантъ), во св. крещеніи Глѣбъ Гединовичъ,—второй сынъ великаго князя литовскаго Гедимина, родоначальникъ ряда княжескихъ фамилій въ Польшѣ и въ государствѣ Московскомъ, частію угасшихъ, а частію существующихъ понынѣ въ рядахъ русскаго дворянства. Угасшими княжескими фамиліями изъ потомства Наримунда являются: въ Польшѣ—Корецкіе (угасли въ концѣ XVI в.) и въ

Московскомъ государствѣ — Патрикѣевы (въ первой четверти XVI в.); Булгаковы и Щенятевы (въ половинѣ XVI в.). Существуютъ до настоящаго времени въ Россіи — князья Голицыны, Хованскіе и Куракины.

Годомъ рожденія Наримунда принято считать 1277 годъ, но едва ли не правильнѣе предположеніе, высказанное кн Н. Н. Голицынымъ, что Наримундъ родился въ 1292 г. Въ пользу этой догадки можно привести слѣдующія хронологическія указанія: 1) пять сыновей Гедимина, слѣдовавшихъ за Наримундомъ, родились въ 1296—1306 г.г.; 2) не видно, чтобы Гедининъ умеръ въ очень преклонныхъ годахъ, а если допустить, что Наримундъ р. въ 1277 г., то Гедимину въ 1341 г. (годъ его кончины, установленный историками) должно бы быть сильно за восемьдесятъ лѣтъ, такъ какъ у него былъ еще сынъ Монтвилъ старше Наримунда.

Первое свѣдѣніе о Наримундѣ встрѣчается въ лѣтописи подъ 1331 годомъ. Въ іюнѣ этого года Василій, избранный новгородцами во «владыки», поѣхалъ во Владиміръ Волынской къ митрополиту Ѳеогносту для рукоположенія. Съ нимъ отправились новгородскіе бояре Кузьма Твердиславичъ и Варѳоломей Остафьевъ. Полагаясь на миръ съ Литвой, они поѣхали ближайшею дорогою, черезъ Литовскія владѣнія, но Гедининъ задержалъ ихъ на пути и отпустилъ только тогда, когда они обѣщали дать его сыну Наримунду пригороды Новгородскіе: Ладогу, Орѣховъ городокъ, Корельскій городокъ, а также Корельскую землю и половину Копорья «въ вотчину и дѣдину». Однако это обѣщаніе было выполнено лишь два года спустя, когда Московскій великій князь Іоаннъ Калита, заявляя свои притязанія на «столъ» Великаго Новгорода, потребовалъ у новгородцевъ уступки «закамскаго серебра» и, встрѣтивъ отказъ, занялъ Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ. Просьбы новгородцевъ и «владыки» Новгородскаго не были въ состояніи умилостивить Іоанна Калиту, и они, вѣроятно, послали звать къ себѣ въ князья Наримунда. Въ лѣтописи сказано нѣсколько иначе, какъ будто пріѣздъ Наримунда въ Новгородъ совершился не по просьбѣ новгородцевъ: «вложи Богъ въ сердце князю литовскому Наримонту, нареченному во крещеніи Глѣбу, сыну вел. кн. литовскаго Гедимина, и присла въ Новгородъ, хотя поклонитися Св. Софіи». Въ октябрѣ 1333 г. Наримундъ прибылъ въ Новгородъ въ сопровожденіи отправленныхъ за нимъ людей. Его приняли съ честью и дали ему въ кормленіе упомянутые выше пригороды, а онъ «цѣлова крестъ къ великому Новугороду за одинъ человѣкъ». Было бы ошибочно думать, что Наримундъ вслѣдствіе этого сталъ такимъ *князем новгородскимъ*, какіе бывали прежде. Вотъ что говоритъ по этому поводу Костомаровъ: «Князь на пригородѣ былъ въ отношеніи къ пригороду на такомъ же правѣ, какъ князь въ Новгородѣ къ Новгороду: не получалъ пригорода во владѣніе, не былъ въ немъ государемъ, а получалъ извѣстные доходы и обязывался защищать свой пригородъ въ случаѣ войны; и обыкновенно пригороды, какъ укрѣпленныя мѣста, строились въ такихъ пунктахъ, гдѣ можно было ожидать непріятеля. Оттого-то пригороды были по большей части близко къ границамъ. Помѣщеніе особаго князя въ пригородѣ значило, что Новгородъ считаетъ необходимымъ усилить средства защиты пригорода и окружающей его волости.. Наримунту отдали Ладогу, Орѣховъ, Корельскій городъ и половину Копорья—страны пограничныя. Волости эти были отданы притомъ наслѣдственно, но онѣ чрезъ то не уходили изъ подъ власти Новгорода. Въ 1383 г. внуку Наримунта, Патрикію, отданы были въ кормленье тѣ же города кромѣ Ладоги, а потомъ отняты и даны Руса и Ладога. Власть князя въ пригородахъ, отданныхъ на кормленье, не могла расшириться до того, чтобъ сдѣлаться для него правомъ, независящимъ отъ воли Новгорода». Прибытіе Наримунда побудило Іоанна Калиту помириться съ новгородцами. По возвращеніи въ 1335 г. изъ Орды онъ даже пріѣхалъ въ Новгородъ, а затѣмъ пригласилъ къ себѣ въ Москву владыку Василія и именитыхъ новгородцевъ, чтобы отблагодарить ихъ за угощеніе и за радушный пріемъ, оказанный ему Новгородомъ. Неизвѣстно, остался-ли послѣ этого Наримундъ въ Новгородской области, или удалился, но вскорѣ послѣ посѣщенія Новгорода Іоанномъ Калитой начались набѣги литовцевъ на Новгородскія владѣнія, быть можетъ, даже съ вѣдома и согласія Гедимина, недовольнаго тѣмъ, что Новгородъ всталъ въ дружелюбныя отношенія къ Мо-

сковскому князю. Наримундъ проживалъ больше въ Литвѣ, чѣмъ въ своей «новгородской отчинѣ», и въ 1338 г., когда новгородцы, встревоженные нападеніями шведовъ, неоднократно посылали звать его, онъ не только не явился защищать ихъ, но отозвалъ въ Литву своего сына Александра, находившагося до того времени въ Орѣховѣ; въ Новгородскихъ пригородахъ Наримундъ оставилъ лишь своего намѣстника. Послѣ смерти Гедимина, Наримундъ получилъ во владѣніе въ долинѣ Припети княжества Пинское и Туровское. По свидѣтельству Никоновской лѣтописи онъ погибъ въ 1347 г. въ Стравинской битвѣ.

«ВъБархатной книгѣ», въ родословной Литовскихъ князей, находится весьма неправдоподобное свѣдѣніе, которое приводимъ, какъ образчикъ вымысловъ, встрѣчающихся иногда въ родословныхъ: «Наримантъ, послѣ отца своего, Едимана, сѣлъ на великомъ княженіи на Литовскомъ, а бысть ему брань съ татары, и впадѣ въ руцѣ татаромъ. Въ то же время бывшу Великому Князю Ивану Даниловичу въ Ордѣ, и Нариманта выкупилъ и отпустилъ его на великое княженіе. Наримантъ же, не дошедъ въ своя вотчины, крестися по своему обѣщанію и нареченъ бысть во святомъ крещеніи Глѣбъ. И тогда братья его и вся земля Литовская не даша ему великаго княженія, а посадиша на великое княженіе Олгерда, а Нариманта взяли въ Великій Новгородъ, на пригороды».—Въ Новгородской лѣтописи подъ 1345 г., при упоминаніи о смятеніи въ Литвѣ, сказано: «а Наримонтъ бѣжа въ орду къ царю». Не беремся судить о достовѣрности его бѣгства въ Орду; что-же касается времени принятія имъ христіанства и приглашенія его новгородцами на кормленіе въ пригороды, и то, и другое произошло при жизни Гедимина.

Новгородская лѣтопись по Синод. Харат. списку. Изд. Археогр. Ком.—СПБ. 1888 г., с. 331, 335, 345; Новгородскія лѣтописи (2-я и 3-я). Изд. Археогр. Ком. 1879 г., с. 217, 223; Софійскій Временникъ. М. 1820 г., I, с. 319—322, 327; Никоновская лѣтопись, изд. Акад. Наукъ. 1786 г., III, с. 160, 190; Карамзинъ, Исторія госуд. Россійскаго, IV, с. 137, 145, 160, 162; пр. 293, 333, 341, 342; V, с. 52, 73; пр. 108; Соловьевъ, Исторія Россіи, III, с. 292, 294, 295, 297, 302, 303, 367; пр. 410; Костомаровъ, Собраніе сочиненій. СПБ. 1904 г., кн. III (т. VII и VIII), Сѣверно-русскія народоправства, с. 74—76, 206, 266; кн. Н. Н. Голицынъ, Родъ кн. Голицыныхъ, СПБ. 1892 г., т. I, с. 29, 33, 39, 48, 66, 78, 80, 83, 99, 415, 476, 480; В. Б. Антоновичъ, Очеркъ исторіи вел. княж. Литовскаго до половины XV столѣтія. Кіевъ. 1878 г. Вып. I, с. 51, 58, 67, 68, 83, 87, 135.

В. Корсакова.

Нартовъ, *Андрей Андреевичъ*, — д. тайн. сов., президентъ Россійской Академіи и вольно-экономическаго общества; писатель - стихотворецъ, драматургъ и переводчикъ. А. А. Нартовъ родился въ Петербургѣ, 25-го ноября 1737 г. и былъ сыномъ А. К. Нартова (см. ниже); учился въ нѣмецкомъ и латинскомъ классахъ, а затѣмъ въ университетѣ при Академіи наукъ, откуда поступилъ въ шляхетный корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ былъ пожалованъ въ 1755 г. въ поручики арміи; въ слѣдующемъ году Нартовъ тѣмъ же чиномъ перешелъ въ артиллерію. Въ томъ же году былъ основанъ Императорскій театръ, и Нартовъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, доставившихъ пьесы для новой русской сцены; то были переводы комедій изъ Сенъ-Фуа, Детуша, Гольберга; тогда Нартовъ началъ помѣщать немало своихъ произведеній—и въ прозѣ, а въ особенности въ стихахъ—въ журналахъ того времени. Въ свою очередь, на поприщѣ военной службы Нартовъ занимался исполненіемъ важныхъ порученій по технической части артиллерійскаго искусства, при починкѣ орудій и изобрѣтеній разныхъ машинъ; въ 1758 г. онъ жалуется капитаномъ, черезъ годъ—маіоромъ, въ 1763 г.—полковникомъ. Въ 1766 г. Нартовъ поступилъ въ состоявшій при Бергъ-Коллегіи «особливой департаментъ по монетнымъ дѣламъ», а въ слѣдующемъ году былъ депутатомъ отъ послѣдняго въ коммиссіи о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія и членомъ частной коммиссіи о полиціи. Произведенный 27-го февр. 1770 г. въ ст. сов, Нартовъ въ 1777 г. былъ назначенъ вице-президентомъ монетнаго департамента Между прочимъ, въ 1772 — 1774 г. онъ вмѣстѣ съ кн. М. М. Щербатовымъ и М. М. Херасковымъ, былъ членомъ учрежденныхъ Екатериною II комитетовъ «для составленіи медалической со временъ государя Императора Петра Великаго исторіи». — Въ 1796 г. А. А. Нартовъ, награжденный чиномъ тайнаго совѣтника и опредѣленный президентомъ Бергъ-коллегіи, былъ избранъ почетнымъ членомъ академіи

наукъ; такое же званіе получилъ онъ, кромѣ того, впослѣдствіи и отъ академіи художествъ, харьковскаго университета, и стокгольмской академіи.

А. А. Нартовъ занималъ видное мѣсто въ обществѣ своего времени не только какъ крупный администраторъ, но и какъ писатель, членъ вольно-экономическаго общества, членъ академіи наукъ, президентъ россійской академіи и масонъ. Какъ писатель, Нартовъ пользовался извѣстностью драматурга-переводчика и стихотворца Его имя, какъ члена вольно-экономическаго общества, встрѣчается въ числѣ основателей послѣдняго; причемъ съ самаго основанія общества Нартовъ былъ первымъ его секретаремъ (съ 15-го іюля 1765 г. по ноябрь 1778, а затѣмъ съ декабря 1787 по январь 1797 г.), а съ января 1797 по день смерти, т. е. до 2-го апрѣля 1813 былъ его президентомъ. Извѣстный въ свое время авторъ статей по сельскому хозяйству, Нартовъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей вольно-экономическаго общества, которое, въ воздаяніе заслугъ Нартова, поставило еще при жизни послѣдняго, его бюстъ въ залѣ своихъ засѣданій.—Въ качествѣ президента россійской академіи, Нартовъ принималъ близкое участіе въ трудахъ послѣдней; между прочимъ, изъ предложеній его, сдѣланныхъ академіи и принятыхъ послѣднею, отмѣтимъ: его предложеніе о составленіи «Науки россійскаго стихотворства» и планъ академическихъ занятій—переводовъ (классическихъ—древнихъ и новѣйшихъ писателей) и повременныхъ изданій («Ежемѣсячныхъ Сочиненій»).—Въ заключеніе упомянемъ, что А. А. Нартовъ былъ однимъ изъ видныхъ петербургскихъ масоновъ. Онъ скончался въ Петербургѣ 2-го апрѣля 1813, не оставивъ послѣ себя никакихъ средствъ, и былъ похороненъ (на Смоленскомъ кладбищѣ) на средства вольно-экономическаго общества.

Изъ отдѣльно изданныхъ переводовъ А. А. Нартова отмѣтимъ: пьесы Гольдберга—«Генрихъ и Пернилла» (ком. въ 3 д., Спб. 1764), «Артаксеркъ» (траг. въ 3 д., Спб. 1764), «Превращенный мужикъ» (ком. въ 5 д., Спб. 1765), «Плутусъ» (ком. въ 5 д., Спб. 1765); пьесы Детуша—«Привидѣніе съ барабаномъ» (ком. въ 5 д., Спб. 1764), «Притворная Агнеса» (ком. въ 3 д., Спб. 1764); Лессинга—«Молодой ученый» (ком. въ 3 д., Спб. 1765); Сенъ-Фуа—«Граціи» (ком. въ 1 д., М. 1757); Г. Барнвеля—«Лондонскій купецъ» (траг. въ 5 д., Спб. 1764); кромѣ того онъ перевелъ: Лесажа «Бакалавръ Саламанскій» (2 ч., Спб. 1763); «Повѣствованія Иродота Аликарнасскаго» (3 ч., Спб. 1763—1764); «Путешествіе младшаго Анахарсиса» (ч. 1 Спб. 1806); «Спокойствіе Кирово» (3 ч., Спб. 1766); затѣмъ,—«Іоганна Лемана Металлургія» (Спб. 1772), «Металлургія горнаго совѣтника и химіи профессора Скополи» (2 ч., Спб. 1800).

Перечень прочихъ его переводовъ помѣщенъ въ «Современникѣ» 1851 г., т. XXV, отд. II, стр. 25 и т. XXVI, отд. II, стр. 6, прим. 41. Кромѣ того, см. въ статьѣ М. Н. Лонгинова, въ «Рус. Стар.» 1873 г., т. VIII, окт., стр. 581—584. Перечень всѣхъ статей А. А. Нартова по сельскому хозяйству см. у Неустроева въ его «Историч. Розысканіи». Нѣкоторыя стихотворенія Нартова воспроизведены въ изданіи С. А. Венгерова «Русская Поэзія», т. I, вып. VI. Нѣкоторые переводы А. А. Нартова остались не изданными; рукописи его хранятся въ библіотекѣ Импер. казанскаго университета.—Ему же академикъ Л. Н. Майковъ приписываетъ обработку сочиненія А. К. Нартова (отца А. А.): «Достовѣрныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго».

Свѣдѣнія объ А. А. Нартовѣ сгруппированы въ статьѣ М. Н. Лонгинова („Рус. Стар. 1873 г. т. VIII, окт., стр. 581—584) и воспроизведены съ добавленіями въ изданіи С. А. Венгерова: „Русская Поэзія“, т. I, в. VI, Спб., 1897.—См. также: „Опытъ истор. словаря о россійскихъ писателяхъ“, Новикова; „Драматическій Словарь“, Спб., 1787 стр. 36, 40, 109; „Словарь свѣтскихъ писателей“—митр. Евгенія, т. II; М. Н. Лонгиновъ, „Новиковъ и Шварцъ“; „Рус. Вѣстн.“ 1864 т. 52 и 1865, т. 56 (ст. Ешевскаго: „Московскіе масоны“); „Рус. родословная книга“, изд. „Рус. Стар.“; „Рус. Стар.“ 1882, т. 33; „Ист. Вѣстн.“ 1895, № 8; „Казанскія Изв.“, 1813, № 21; „Сѣв. Почта“ 1813, № 31; „Современникъ“ 1851, т. XXV, отд. II, и т. XXVI, отд. II; А. И. Ходневъ, „Исторія Импер. Вольно-Эконом. Общ.“, Спб. 1865; Лоранскій, „Истор. очеркъ Горнаго Института“, Спб. 1873; П. А. Ефремовъ, „Матер. для ист. рус. литер.“, Спб. 1867; Сочиненія—Державина (акад. изд.), т. VI, Кантеміра (изд. Ефремова), т. II; Записки—А. Т. Болотова, С. А. Порошина; Воспоминанія А. Е. Лабзиной, ред. Б. Л. Модзалевскаго, Спб. 1903;

М. И. Сухомлиновъ, „Исторія Рос. Академіи“ (по указ.); П. Пекарскій, „Исторія Импер. Акад. Наукъ“, Спб. 1870, т. I; Л. Н. Майковъ, „Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ“ (въ „Сборникѣ Отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ“, т. 52, и отд.); „Записки Рус. Археол. Общества“, т. III (ст. А. И. Артемьева); Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Импер. Казанскаго университета“, стр. 77 и слѣд.; Отчетъ Императ. Публичной Библіотеки за 1887 г.; стр. 176; „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1892, № 2; „Записки“ А. С. Шишкова, Берлинъ 1870.

Ив. К.

Нартовъ, *Андрей Константиновичъ*, токарь Петра Великаго, совѣтникъ академической канцеляріи, род. въ 1694 г., ум. въ 1756 г. Впервые имя его встрѣчается въ 1709 году, когда онъ работалъ токаремъ на Сухаревой башнѣ въ Москвѣ и обратилъ на себя вниманіе Государя, который въ 1712 году взялъ его въ Петербургъ ко двору. Здѣсь Нартовъ былъ отданъ для обученія токарному искусству къ мастеру Юрію Курносову и сверхъ того учился механикѣ у иностранца Зингера. По окончаніи обученія Н. у этихъ мастеровъ Петръ Великій, замѣтившій недюжинныя способности Нартова, послалъ его для довершенія техническаго образованія за границу, откуда Андрей Константиновичъ долженъ былъ доносить о своихъ успѣхахъ въ Кабинетъ. Первое сохранившееся донесеніе Нартова относится къ марту 1719 г.; оно было отправлено имъ изъ Лондона, куда, повидимому, онъ отправился прямо изъ Россіи. Изъ этого донесенія видно, что Нартовъ, какъ и большинство русскихъ молодыхъ людей того времени, учившихся за границей, сильно нуждался, получая деньги изъ Россіи крайне неаккуратно. Несмотря на это Нартовъ, повидимому, занимался очень серьезно и дѣлалъ большіе успѣхи. «Понеже, писалъ онъ въ своемъ донесеніи, я по Вашего Царскаго Величества указу отправленъ въ Европейскія Государства для просмотрѣнія токарныхъ и другихъ механическихъ дѣлъ, того ради исполненія Вашего Царскаго Величества указа, коль скоро прибылъ въ Англію, не преминулъ смотрѣть всего лучшаго, что касается ко онымъ дѣламъ. При семъ Вашему Царскому Величеству доношу, что я здѣсь такихъ токарныхъ мастеровъ, которые превзошли россійскихъ мастеровъ, не нашелъ и чертежи машинамъ, которые Ваше Царское Величество приказалъ здѣсь сдѣлать, я мастерамъ казалъ, и оные сдѣлать по нимъ не могутъ; мастера черепаховыхъ коробовъ я здѣсь нашелъ и какимъ подобіемъ оныя коробки дѣлать научился. Также и инструментъ къ тому подлежащій сдѣлалъ и тотъ инструментъ и пробу работѣ моей я не премину въ кабинетъ Вашего Царскаго Величества прислать на корабляхъ. Я многія вещи здѣсь нашелъ, которыя въ Россіи нынѣ не находятся и о томъ я писалъ князю Б. Н. Куракину, чтобы онъ Вашему Царскому Величеству о томъ донесъ и послалъ къ нему нѣкоторымъ машинамъ чертежи. Я нынѣ Вашему Царскому Величеству объявляю, что я здѣсь присмотрѣлъ: 1) махину, которая нарѣзываетъ легкимъ способомъ желѣзные щурупы для монетныхъ дѣлъ, 2) махину, которая тянетъ свинецъ и надлежитъ по адмиралтейству, 3) мануфактуры обранные, которые напечатаютъ формы для дѣланія безъ большого труда вмѣсто того, что въ Россіи время продолжается недрелкою, 4) махину, что нарѣзываетъ легкимъ способомъ зубцы у колесъ, 5) махину, которая сверлитъ легкимъ способомъ помповные мѣдные трубы, 6) махину, которая тянетъ золото и серебро въ пласты, 7) нашелъ секретъ къ растопленію стали, что къ токарному дѣлу принадлежитъ для литья патроновъ, понеже оные патроны суть велики, чисты и крѣпки...» Осмотрѣвъ и изучивъ въ Лондонѣ все, что, по его мнѣнію, заслуживало вниманія, Нартовъ переѣхалъ въ Парижъ. Въ Парижѣ Нартовъ сразу попалъ къ знаменитѣйшимъ французскимъ ученымъ того времени: онъ слушалъ лекціи по астрономіи де-Лафаю, занимался математикой подъ руководствомъ Вариньона и изучалъ медальерное искусство у знаменитаго французскаго медальера того времени Пинсона. Объ успѣхахъ Нартова въ Парижѣ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо президента парижской академіи аббата Биньона Петру Великому: «постоянная его прилежность въ ученіи математическомъ, великіе успѣхи, которые онъ учинилъ въ механикѣ, наипаче же въ оной части, которая касается токарнаго станка и иныя его добрыя качества дали намъ знать, что во всѣхъ вещахъ Ваше Величество не ошибается въ избраніи подданныхъ, которыхъ Вы изволите употреблять въ свою службу. Мы

видѣли недавно три медали его работы, которыя онъ оставилъ Академіи, яко памятный знакъ, какъ его искусства, такъ и благодарности его. Одна изъ тѣхъ медалей есть Лудвика XIV, другая королевская, а третья его королевскаго высочества моего милостиваго государя дука д'Орлеана...» Изъ Парижа Нартовъ отправился въ Россію, пробылъ нѣкоторое время въ Берлинѣ при дворѣ прусскаго короля и въ концѣ 1720 года вернулся въ Петербургъ.

По возвращеніи Нартова изъ-за границы Петръ Великій поручилъ ему завѣдывать своей токарней, которую Нартовъ расширилъ и пополнилъ новыми машинами, вывезенными и выписанными имъ изъ за границы. Отношенія его къ Петру Великому были очень близкими: токарня была рядомъ съ царскими покоями и часто служила Петру Великому кабинетомъ. Здѣсь царь принималъ въ присутствіи Нартова своихъ приближенныхъ, часто Нартовъ докладывалъ царю о пріѣзжавшихъ съ дѣлами и донесеніями, нерѣдко и Петръ Великій вступалъ въ разговоры съ Нартовымъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Вмѣстѣ съ токарнымъ дѣломъ на Нартовѣ лежала обязанность обучать токарному искусству русскихъ учениковъ. Изъ этихъ учениковъ особенно выдѣлялись Александръ Жураковскій и Семенъ Матвѣевъ. По смерти Петра Великаго Нартову было поручено сдѣлать «столбъ» съ изображеніемъ «баталій» покойнаго императора, но онъ не довелъ этого труда до конца.

Нартовъ былъ одинъ изъ очень немногихъ русскихъ людей, имѣвшихъ солидныя знанія по механикѣ и поэтому постоянно получалъ всевозможныя порученія, гдѣ требовались его знанія. Такъ, въ 1726 году, какъ видно изъ доношенія его въ академію наукъ въ 1754 году, онъ именнымъ указомъ «посланъ былъ въ Москву съ генераломъ Волковымъ на монетные дворы для передѣлу монеты двухъ милионовъ и къ произведенію много къ наилутчему механическимъ искусствомъ въ дѣйство произведены къ монетному дѣлу многія машины». Въ 1729 году, какъ видно изъ того же доношенія, Нартовъ «отправленъ былъ по должности механическаго искусства на Сестрорѣцкіе заводы для передѣлу въ монету двадцати тысящей пудовъ красной мѣди». Въ 1733 году Нартовъ былъ отправленъ въ Москву для наблюденія за выдѣлкой монеты и пробылъ тамъ до 1735 года. Когда токарня со всѣми относящимися къ ней машинами и штатомъ была передана въ академію наукъ. Нартовъ былъ вызванъ изъ Москвы и сдѣланъ вторымъ совѣтникомъ академической канцеляріи съ передачей ему вмѣстѣ съ тѣмъ и управленія вновь учрежденной при академіи механической экспедиціи.

Пребываніе Нартова въ Академіи ознаменовалось рядомъ ссоръ его съ извѣстнымъ совѣтникомъ Шумахеромъ, составившимъ въ академіи сильную нѣмецкую партію, покрывавшую его злоупотребленія и своеволіе. Нартовъ рѣшился въ союзѣ съ академикомъ Делилемъ выступить противъ Шумахера и, собравъ жалобы русскихъ служащихъ и студентовъ академіи въ августѣ 1742 года, когда императрица и дворъ были въ Москвѣ, выпросилъ себѣ отпускъ и въ Москвѣ представилъ Елизаветѣ Петровнѣ собранныя имъ жалобы. Императрица назначила слѣдственную коммисію надъ Шумахеромъ и его сообщниками, вслѣдствіе чего Шумахеръ былъ арестованъ. Всѣ академическія дѣла были поручены Нартову, который ревностно сталъ заботиться о томъ, чтобы вывести академію изъ того печальнаго состоянія, въ какое она попала благодаря хозяйничанью Шумахера и другихъ нѣмцевъ: онъ подавалъ цѣлый рядъ доношеній въ Сенатъ и Кабинетъ, въ которыхъ жаловался на то, что деньги, отпускаемыя на академію выдаются неисправно и добился отпуска всѣхъ слѣдуемыхъ академіи средствъ; кромѣ того, Нартовъ проектировалъ отдѣленіе отъ академіи наукъ въ видѣ особаго учрежденія академіи художествъ, содержаніе которой ложилось тяжелымъ бременемъ на обладавшую крайне небольшими средствами академію наукъ; потребовалъ уплаты денегъ за забранныя книги и за печатаніе указовъ въ академической типографіи; просилъ, чтобы были выданы пожалованныя въ разное время академіи императрицей Анной Іоановной 110.000 рублей; проектировалъ прекратить выдачу пенсій почетнымъ членамъ академіи, живущимъ за-границей. Для улучшенія учебной части Нартовъ уволилъ всѣхъ преподавателей нѣмцевъ, не владѣвшихъ русскимъ языкомъ и назначилъ на ихъ мѣсто рус-

скихъ людей, въ томъ числѣ знаменитаго впослѣдствіи М. В. Ломоносова. Однако, вскорѣ положеніе измѣнилось. Разслѣдованіе дѣла о злоупотребленіяхъ Шумахера было поручено особой коммисіи, въ которую вошли адмиралъ Головинъ, петербургскій комендантъ генералъ Игнатьевъ и президентъ коммерцъ-коллегіи князь Юсуповъ, люди не разбиравшіеся въ дѣлахъ академіи и не имѣвшіе о нихъ никакого представленія. Происки Шумахера у вліятельныхъ покровителей при дворѣ сдѣлали также свое дѣло и коммисія сразу повела дѣло такъ, что Нартовъ впослѣдствіи справедливо жаловался императрицѣ на явно пристрастныя и неправильныя дѣйствія коммиссіи. Въ концѣ 1743 года дѣло было рѣшено въ пользу Шумахера, который былъ оставленъ на своемъ старомъ мѣстѣ. Остался, впрочемъ на своемъ мѣстѣ и Нартовъ. Съ этого времени, впрочемъ, онъ уже мало интересуется академическими дѣлами. Снова понадобились его техническія знанія, и въ 1746 году мы встрѣчаемъ извѣстія объ «изобрѣтенныхъ имъ касающихся до артиллерійскаго военнаго снаряда разныхъ инвенціяхъ, чего въ Россіи еще не бывало. Подробныхъ свѣдѣній объ изобрѣтеніяхъ Нартова. въ артиллерійскомъ дѣлѣ въ печати не имѣется, но очевидно эти изобрѣтенія цѣнились, такъ какъ Нартовъ произведенъ былъ за это въ коллежскіе совѣтники съ увеличеніемъ содержанія и пожалованіемъ крестьянъ. Въ 1747 году Нартовъ былъ «при Кронштатскомъ каналѣ у разсмотрѣнія лѣсовъ и камней, и между онымъ усмотрѣно имъ: къ пусканію въ большой каналъ воды надлежитъ къ слюзнымъ воротамъ сдѣлать пятники и подпятники по учиненнымъ отъ него прожектамъ и были представлены къ лутчему разсмотрѣнію въ правительствующій сенатъ, которыя разсмотрѣвъ, повелѣно было, по присланному къ нему изъ правительствующаго сената указу, велѣно гдѣ надлежитъ, за присмотромъ его и по показаннымъ отъ него моделямъ дѣлать, которыя и сдѣланы и утверждены къ тѣмъ слюзнымъ воротамъ». Кромѣ академіи наукъ, Нартовъ присутствовалъ также «при главной артиллеріи и фортофикаціи, при адмиралтейской коллегіи и въ прочихъ мѣстахъ», гдѣ его познанія по механикѣ и техникѣ очень цѣнились.

Умеръ А. К. Нартовъ уже въ чинѣ статскаго совѣтника въ 1756 году. У него было два сына Стефанъ, служившій въ военной службѣ, и Андрей, будущій президентъ россійской академіи (см. выше).

Нартовъ извѣстенъ, между прочимъ, какъ авторъ «Достопамятныхъ повѣствованій и рѣчей Петра Великаго», которыя до послѣдняго времени приписывались всецѣло Петру Великому. Отрывки изъ этихъ «повѣствованій» впервые появились въ «Сынѣ Отечества» 1819 года (ч. ч. 54—58), затѣмъ большая часть ихъ была напечатана въ «Москвитянинѣ» въ 1842 году (№№ 4, 6, 7, 8 и 11). Полностью «Достопямятныя повѣствованія» были напечатаны Л. Н. Майковымъ въ «Сборникѣ Отдѣленія рус яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ», т. 52 (см. также «Записки И. А. Н.», т. 67 и отдѣльно, Спб. 1891). «Повѣствованія» содержатъ множество очень цѣннаго бытоваго и историческаго матеріала, и давно привлекали вниманіе историковъ, но только Л. Н. Майкову удалось установить, что изъ «Повѣствованій» А. К. Нартову принадлежитъ лишь незначительная часть. Большинство разсказовъ этого памятника написано уже значительно позже, во второй половинѣ XVIII вѣкѣ, вѣроятно сыномъ Андрея Константиновича, Андреемъ Андреевичемъ Нартовымъ, дополнившимъ разсказы, записанные отцомъ, на основаніи какъ данныхъ иностраннаго, позднѣйшаго происхожденія, такъ и русскаго изустнаго преданія.

Л. Н. Майковъ, „Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ“ (въ Сборникѣ Отд. р. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ, т. 52, и отд. Спб. 1891); Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. III, IV изд. т-ва „Общ. Польза“); П. Пекарскій, „Исторія Императ. Академіи Наукъ“, т. I и II; его же, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“; М. И. Сухомлиновъ, „Матеріалы (для исторіи Импер. Ак. Наукъ; П. С. Випярскій, „Матеріалы для біографіи Ломоносова“; Устряловъ, „Исторія Петра Великаго“, Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“; Е. Ф. Шмурло, „Петръ Великій въ русской литературѣ“, Спб. 1889.

Е. Лихачъ.

Нарушевичъ, *Адамъ Станиславъ Генріевичъ* (Adam Stanisław Naruszewicz), луцкій римско-католическій епископъ, профессоръ виленскаго университета (академіи), поэтъ и историкъ, одинъ изъ главнѣйшихъ представителей «эпохи просвѣ-

щенія» въ Польшѣ, род. въ 1733 г., ум. 6 іюля 1796 г. Нарушевичъ происходилъ изъ бѣлорусской дворянской фамиліи; воспитаніе получилъ въ Пинскѣ, въ іезуитской коллегіи и 15-ти лѣтъ отъ роду былъ приписанъ къ ордену. Высшее образованіе получилъ за границей, между прочимъ, въ Ліонѣ, вернувшись откуда, былъ назначенъ однимъ изъ четырехъ профессоровъ латинской словесности, въ виленской академіи.

Къ 1757 году относится изданіе перваго литературнаго труда Нарушевича, а именно собранныхъ имъ изъ рукописныхъ матеріаловъ поэтическихъ произведеній Сарбіевскаго съ приложеніемъ его собственной проповѣди, произнесенной при перенесеніи мощей св. Казимира, и писемъ его къ Станиславу Лубенскому. Благодаря поддержкѣ, оказанной Нарушевичу кн. Михаиломъ Чарторижскимъ, онъ получилъ возможность совершить путешествіе съ научными цѣлями по Франціи, Италіи и Германіи; по возвращеніи преподавалъ сначала піитику въ виленской академіи, а затѣмъ піитику и богословіе въ варшавской «Collegium nobilium». Съ этого времени, особенно послѣ вступленія на престолъ короля Станислава-Августа, полюбившаго Нарушевича, начинается эпоха наиболѣе широкой литературной дѣятельности Н. Онъ собираетъ переводы Горація, самъ переводитъ его, а также Тацита. Съ 1770 г. онъ предпринимаетъ вдвоемъ съ Альбертрандомъ изданіе журнала, посвященнаго изящной литературѣ «Пріятныя и полезныя развлеченія» («Zabawy przyjemne i pożyteczne»), въ которомъ помѣщаетъ свои лирическія и сатирическія стихотворенія. Собраніе своихъ произведеній — оригинальныхъ и переводныхъ — Нарушевичъ издалъ впервые въ 1778 году въ четырехъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Сочиненія».

Обыкновенно на Нарушевича смотрятъ, какъ на панегириста, но взглядъ этотъ нельзя принимать безъ оговорокъ. Нарушевичъ воспѣвалъ короля, какъ мецената, какъ покровителя наукъ и искусствъ, но это обстоятельство нисколько не мѣшало ему высказывать королю — даже въ одахъ — горькія истины, жаловаться на то, что онъ, король Станиславъ-Августъ, не оправдалъ тѣхъ ожиданій и розовыхъ надеждъ, которыя общество возлагало на него въ то время, когда онъ былъ графомъ Станиславомъ Понятовскимъ. Часто, начиная съ похвалы короля, Нарушевичъ развиваетъ въ своей одѣ идею, имѣющую большое политическое или общественное значеніе; часто онъ пишетъ оды, въ которыхъ нѣтъ никакихъ восхваленій, а проводится какая-либо важная для всего народа патріотическая идея. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить оды: «На возвращеніе сенаторовъ» («Na powrót senatorów»), «На портреты древнихъ поляковъ» («Na obrazy Polaków starożytnych») и совершеннѣйшее изъ его лирическихъ произведеній «На мощный и краснорѣчивый гласъ усопшихъ» («Na pełen siły i wymowy głos umarłych»»), въ которомъ поэтъ собралъ воедино всѣ разсѣянные по разнымъ одамъ свои взгляды на прошлое и задачи настоящаго. Среди шумной оргіи временъ Понятовскаго голосъ Адама Нарушевича звучитъ, какъ вѣщее и грозное «memento mori!», и самъ онъ смотритъ угрюмымъ и желчнымъ моралистомъ. Общественные взгляды Нарушевича напоминаютъ философскія воззрѣнія англійскаго философа Гоббеса: по его мнѣнію, въ мірѣ есть только тираны и ихъ жертвы: все зиждется на одномъ только эгоизмѣ (Ср. оды: «О безбрачіи», «Объ обязанностяхъ человѣка», «Къ облакамъ», «Къ справедливости», «Клеветникамъ», «Къ мудрости», «Къ ручью», «Vanitas vanitatum» и др.),

Мѣньшее значеніе имѣютъ описательныя и эротическія стихотворенія Нарушевича, такъ какъ они тяжеловаты и въ нихъ мало образовъ. Заурядны также и его идилліи—почти всѣ переводныя—(съ нѣмецкаго—Гесснеръ; съ французскаго—идиллическіе писатели XVII в.).—Самыми замѣчательными поэтическими произведеніями Нарушевича являются его «Сатиры». Въ нихъ онъ подражалъ Буало, но по-своему, предпочитая образный и сильный, иногда даже грубоватый языкъ французскимъ скромнымъ и осторожнымъ выраженіямъ. Лучшія изъ сатиръ—«Худой писатель» («Chudy literat») и «Редуты»: въ нихъ превосходно изображено умственное состояніе общества и выведены великолѣпные типы. — За «Сатирами» по достоинству слѣдуютъ «Басни» (числомъ 11), имѣвшія цѣлью осмѣяніе общественныхъ недостатковъ,—очень живыя и образныя (Ср. «Крыса въ пу-

стынѣ»). «Эпиграммы» Нарушевича не отличаются веселымъ юморомъ; въ нихъ преобладаетъ сарказмъ Изъ нихъ лучше всего «Фрагментъ». Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить еще переводы Нарушевича изъ Анакреона, изд. въ Варшавѣ въ 1774 году.

Послѣ уничтоженія ордена іезуитовъ въ 1773 году Нарушевичъ удалился изъ Варшавы въ нынѣшнюю Виленскую губернію, гдѣ получилъ въ управленіе два прихода. — Вдали отъ столичнаго шума онъ написалъ большую поэму: «На іезуитскихъ обломкахъ» («Na ruinie Iezuitów»), Варшава, 1775 г. Вскорѣ послѣ того король выхлопоталъ для Нарушевича должность второго епископа (coadiutor) смоленской епархіи. — Повышеніе Нарушевича въ духовной іерархіи было съ радостью встрѣчено обществомъ. Въ 1787 году Нарушевичъ сопровождалъ короля Станислава-Августа въ его путешествіи по Украйнѣ и былъ представленъ въ Каневѣ императрицѣ Екатеринѣ II, которой поднесъ свое «Описаніе Тавриды» (Taurya, czyli wiadomości starozytne i późniejsze o stanie i mieszkańcach Krymu»), историческое изслѣдованіе о Крымскомъ полуостровѣ и его населеніи въ древнѣйшее и новѣйшее время. Императрица обласкала Нарушевича, пожаловала ему наперстный крестъ, драгоцѣнный перстень и назначила 500 червонцевъ пожизненной пенсіи. Она часто бесѣдовала съ Нарушевичемъ, особенно объ его историческихъ трудахъ, которыми живо интересовалась. Къ тому времени Нарушевичъ успѣлъ уже написать значительную часть своего капитальнаго труда «Исторіи польскаго народа» («Historya narodu polskiego»), труда, порученнаго ему королемъ вскорѣ послѣ назначенія его смоленскимъ епископомъ. Многія мнѣнія, замѣтки и выводы Нарушевича признаются справедливыми и въ новѣйшей наукѣ, а то, что онъ призналъ негоднымъ своей удивительной критикой, не могло уже никогда возвыситься на степень достовѣрнаго историческаго матеріала.

Заслуги Нарушевича, какъ историка, въ томъ, что онъ сумѣлъ произвести критическую переоцѣнку историческихъ фактовъ и этимъ указалъ путь къ правильной работѣ будущимъ историкамъ: его справедливо считаютъ родоначальникомъ критическаго метода въ польской исторической наукѣ.

Нарушевичъ принималъ участіе въ четырехлѣтнемъ сеймѣ,—при чемъ примыкалъ къ партіи, желавшей провести реформы. Въ 1790 году онъ былъ назначенъ луцкимъ епископомъ и въ этой должности въ 1792 году произнесъ рѣчь въ память конституціи 3 мая 1791 года. Затѣмъ Нарушевичъ удалился съ общественной сцены.

Кромѣ упомянутыхъ трудовъ его, слѣдуетъ еще отмѣтить цѣнное изслѣдованіе «Исторія Ивана-Карла Ходкевича, воеводы виленскаго, великаго гетмана великаго княжества Литовскаго» («Historya Jana Karola Chodkiewicza, Wojewody Wileńskiego, Hetmana Wielkiego W. X. Lit.»), Варшава, 1805 г., въ которомъ изображены главные моменты царствованія короля Сигизмунда III. Изъ другихъ трудовъ Нарушевича заслуживаетъ вниманіе описаніе путешествія короля Станислава-Августа въ Малороссію въ 1787 году («Dyaryusz podróży Stanisława-Augusta krola na Ukrainę w roku 1787»), изданное въ Варшавѣ въ 1788 и 1805 гг. и упоминавшееся уже «Описаніе Тавриды».

Лучшая біографія Адама Нарушевича написана Юліаномъ Бартошевичемъ въ I-мъ томѣ его сочиненія: „Znakomici mężowie polscy w wieku XVIII“ (С.-Петербургъ, 1853 г.); О поэтической его дѣятельности см. Іосифа Крашевскаго „Nowe studja literackie“ (Варшава, 1843 г.) и „Wybór pism“, томъ X (Варшава и Краковъ, 1894. г.); о сатирахъ его подробное и тщательное изслѣдованіе Игнатія Хржановскаго въ „Pamiętniku literackim“ (Львовъ, 1902 г.); Пыпинъ и Спасовичъ. „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“. Спбургъ, 1865 г.; „Исторіи польской литературы“ Рогальскаго, Бартошевича, Зденовича, Войцицкаго; Влад.-Смоленскій. „Исторія польскаго народа“ Спб. и подлинникъ „Dzieje narodu polskiego“ (Варшава, 1904 г.); „Таврикія, или извѣстія древнѣйшія и новѣйшія о состояніи Крыма и его жителяхъ до нашихъ временъ“. Сочиненіе луцкаго епископа Адама Нарушевича. Кіевъ, 1788; А. Н. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи“. (Спб. 1891) I, 231, 295; II, 93, 114, 122; IV, 42; „Дневникъ А. В. Храповицкаго“ Спбургъ, 1874; „Podróż Stanisława Augusta do Kaniowa, odbyta w 1787 roku“ (Вильно, 1860 г.); Камеръ Фурьерскій Журналъ“ 1787 года; „Encyklopedja Powszechna Wielka Hlustrowana“ (Серія II, т. 1—2); „Encyklopedja Powszechna“ Orgelbranda, т. 19; „Энциклопедическіе Словари“ Брокгауза и Ефрона, Березина, Толля; „Росписи“ Сопикова и Смирдина; „Bibliografja Polska XVIII stólecia“ Эстрейхера; „Русская Старина“ т. II, 296; „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн, 943. *А. Петровъ.*

Нарышкины—дворянскій родъ. Не отличаясь особенной древностью или заслуженностью, Нарышкины въ старой до-Петровской Руси ничѣмъ не выдѣлялись изъ рядовъ многочисленнаго, средняго служилаго класса московскаго государства. О происхожденіи Нарышкиныхъ существуютъ разнорѣчивыя показанія. Въ росписи, поданной ими въ Разрядъ, сказано, что они выѣхали изъ Крыма въ 1465-мъ году и названіе приняли отъ предка, прозывавшагося Нарышко (одного происхожденія съ ними были Морткины и Сафоновы).

Кн. П. В. Долгорукой приводитъ извѣстіе, что Нарышкины выдавали себя за старинныхъ владѣтелей города Эгры, въ Богеміи. Не считая нужнымъ подробно опровергать это извѣстіе, онъ утверждаетъ, что первоначально Нарышкины носили фамилію Ярышкиныхъ и были простыми земледѣльцами въ деревнѣ Старомъ Киркинѣ, расположенномъ недалеко отъ г. Михайлова, Рязанской губ. Лишь въ 1670 г., когда царь Алексѣй Михайловичъ женился на Натальѣ Кирилловнѣ, дочери Кириллы Полуектовича *Нарышкина* (а по кн. Долгорукому *Ярышкина*), Кирилла Полуектовичъ испросилъ дозволеніе для себя и для своихъ родственниковъ называться Нарышкиными. Въ своихъ «Мемуарахъ» кн. Долгорукой относитъ измѣненіе фамиліи Ярышкиныхъ къ болѣе отдаленному времени — къ началу XVII в.; царь Василій Ивановичъ Шуйскій тогда пожаловалъ вотчину Поликарпу Борисовичу Ярышкину, внуку убитаго въ 1552 г. подъ Казанью Ивана Ивановича, и Поликарпъ Борисовичъ сталъ называться Нарышкинымъ; его примѣру послѣдовали и его двоюродные братья. Несомнѣнно, что фамилія Ярышкиныхъ (и довольно старая) существовала, но какъ по происхожденію, такъ и по гербу ничего общаго съ Нарышкиными она не имѣетъ.

Родословная Нарышкиныхъ, напечатанная въ «Русской Родословной книгѣ» кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, начинается прямо съ Ивана Ивановича Нарышкина, убитаго въ Казанскомъ походѣ въ 1552-мъ г. и оставившаго двухъ сыновей. Эта родословная, повидимому, вполнѣ пренебрегаетъ показаніями Нарышкиныхъ о ихъ первыхъ предкахъ, помѣщенныхъ въ росписи, поданной въ Разрядъ и умаляетъ древность рода Нарышкиныхъ; какъ видно изъ семейнаго архива Кашкиныхъ, Нарышкины уже въ концѣ XV вѣка владѣли въ Козельскомъ уѣздѣ Калужской губерніи двумя вотчинами - селами «Прыски» и «Верхъ-Сереной» и несли весьма тяжелую и отвѣтственную службу въ пограничныхъ съ Литвою русскихъ областяхъ. По времени это почти совпадаетъ съ выѣздомъ Нарышкиныхъ изъ Крыма и потому является нѣкоторое сомнѣніе какъ въ вѣроятности этого фантастическаго выѣзда, такъ и въ татарскомъ происхожденіи Парышкиныхъ.

Въ Боярской книгѣ 7135 года (1627), въ числѣ дворянъ по городу Тарусѣ, показанъ: «Полуехтъ Ивановъ сынъ Нарышкинъ. Помѣстный окладъ ему 600 чети; служитъ по выбору». Такимъ образомъ, еще въ началѣ XVII в. дѣдъ царицы Натальи Кирилловны принадлежалъ и по окладу помѣстному, и по службѣ, къ числу значительныхъ помѣщиковъ Тарусскихъ: владѣя 600 четей, онъ служилъ по *выбору*, т. е. въ первой статьѣ дворянъ. Полуехтъ Ивановичъ убитъ подъ Смоленскомъ въ 1633 г.

Вступленіе Нарышкиныхъ въ дворцовую знать произошло вслѣдствіе женитьбы царя Алексѣя Михайловича на Натальѣ Кирилловнѣ. Послѣ рожденія отъ этого брака царевича Петра, царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ своему тестю Кириллу Полуектовичу окольничество, а затѣмъ боярство. Три двоюродныхъ брата Кирилла Полуектовича стали также боярами, а одинъ окольничимъ. Три брата царицы Натальи Кирилловны были боярами; всего въ родѣ Нарышкиныхъ было 8 бояръ. Потомство братьевъ царицы Натальи Кирилловны, очень немногочисленное, существуетъ и донынѣ, въ лицѣ дѣтей скончавшагося въ 1906 году Василія Львовича Нарышкина. Изъ этой же вѣтви происходилъ, умершій въ 1902 году, оберъ-камергеръ Эммануилъ Дмитріевичъ Нарышкинъ, извѣстный благотворитель, сынъ Маріи Антоновны Нарышкиной, рожденной княжны Четвертинской. Всѣ остальные, нынѣ существующіе, довольно многочисленные Нарышкины, происходятъ отъ троюродныхъ братьевъ царицы Натальи Кирилловны.

„Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 1487—1519; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская родословная книга“, изд. 1895 г., т. II, стр. 5—18; «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза, т. XX; „Бархатная книга“, изд. Н. И. Новикова, 1787 г., т. II, стр. 350, 374 и 421; „Извѣстія русскаго генеалогическаго Общества“.

Спб. 1900 г. Выпускъ I. Обширная библіографія о родѣ Нарышкиныхъ помѣщена въ книгѣ Л. М. Савелова: «Библіографическій указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію Тульскаго дворянства», изд. М. Т. Яблочкова, М. 1904; М. И. Трегубовъ „Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимірской губ.“ Влад. губ. 1905; И. З. Крыловъ, „Достопамятныя могилы въ Московскомъ Высоко-Петровскомъ монастырѣ“, М. 1841; В. Ц—нъ, „Историч. воспоминанія о родѣ Нарышкиныхъ“ („Спб. Вѣд.“ 1845, №№ 129 — 132); Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго“, т. I; Словари: Брокгауза и Ефрона; Larousse, Grand Dictionnaire universel; Slovník Naučný; Wielka Encyklopedya Powszechna ilustrowana и др.; Pr. Pierre Dolgorouky, „Notices sur les principales familles de la Russie“, nouv. éd., Berlin 1859, его-же, — „Mémoires“, Genève 1867. О болѣе крупныхъ представителяхъ фамиліи Нарышкиныхъ, игравшихъ роль при Дворахъ Екатерины II, Павла I и Александра I, можно найти не мало біографическихъ свѣдѣній въ многочисленныхъ иностранныхъ мемуарахъ, относящихся къ тому времени, особенно у Schnitzler въ его „Histoire intime de la Russie...“; Masson, „Mémoires secrets sur la Russie...“ и т. п., а также въ не менѣе многочисленныхъ описаніяхъ царствованій упомянутыхъ монарховъ и придворной жизни ихъ времени.

Нарышкина, *Анна Никитична*, — рожденная Румянцева, — гофмейстерина, жена оберъ-шенка Александра Александровича Нарышкина, дочь генералъ-маіора Никиты Ивановича Румянцева и жены его Маріи Васильевны, рожденной княжны Мещерской, двоюродная сестра графа Румянцева-Задунайскаго; родилась 11-го февраля 1730 г. Изъ жизни ея до замужества извѣстно лишь то, что она въ дѣтствѣ попала ко Двору. 8-го октября 1749 г. Анна Никитична вышла замужъ за Александра Александровича Нарышкина, приходившагося внучатнымъ братомъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и внучатнымъ дядей наслѣднику престола, великому князю Петру Ѳеодоровичу. Вѣнчаніе совершилось въ Москвѣ, въ дворцовой церкви, въ присутствіи царской фамиліи, и императрица Екатерина II довольно подробно останавливается въ своихъ «Запискахъ» на воспоминаніи о свадьбѣ Анны Никитичны, съ которой впослѣдствіи дружески сошлась. Первыми шагами къ ихъ сближенію послужило назначеніе А. А. Нарышкина (въ 1749 г.) гофмейстеромъ къ Великому князю. Въ концѣ 1755 г. великая княгиня Екатерина Алексѣевна (впослѣдствіи императрица Екатерина II) часто бывала по вечерамъ у Анны Никитичны. Позднѣе, когда великій князь Петръ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ, Анна Никитична и мужъ ея Александръ Александровичъ стояли вѣроятно ближе къ его двору, чѣмъ ко двору государыни Екатерины Алексѣевны, и ничего не знали о заговорѣ, во главѣ котораго находились Орловы. Это можно заключить изъ того, что въ послѣдней морской поѣздкѣ Петра III изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, и изъ Петергофа въ Кронштадтъ, когда молодая Государыня уже была провозглашена Императрицей, на кораблѣ въ свитѣ свержен-наго Императора, находилась Анна Никитична Нарышкина и ея супругъ. Это, повидимому, нисколько не повліяло на расположеніе Государыни къ Нарышкинымъ: отношенія ихъ остались тѣ же и Анна Никитична стала играть еще большую роль въ кругу близкихъ лицъ, окружавшихъ Императрицу. Ея домъ, на Исакіевской площади, сдѣлался однимъ изъ оживленнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ особенно любило собираться тогдашнее общество. Сама Государыня часто посѣщала Анну Никитичну, какъ въ городскомъ ея домѣ, такъ и особенно на ея дачѣ (Красная Мыза), въ четырехъ верстахъ отъ Петербурга. Здѣсь Екатерина, безъ вѣдома хозяйки, велѣла впослѣдствіи (1788 г.) поставить мраморную колонну, воспѣтую, между прочимъ, Державинымъ. 15-го сентября 1775 г., въ день муропомазанія Великой княгини Наталіи Алексѣевны, первой супруги Великаго князя Павла Петровича, Анна Никитична была пожалована въ статсъ-дамы. Лѣтомъ 1784 г., во время болѣзни Императрицы, она находилась при ней цѣлыми днями. 20-го марта 1787 г. она получила орденъ св. Екатерины, присланный ей Императрицей изъ Кіева. Придворныя интриги, быстрая смѣна фаворитовъ, смѣна вліяній и милостей не измѣнили расположенія Государыни къ Аннѣ Никитичнѣ. Желая играть первенствующую роль, она не упускала случая выдвигать своихъ кандидатовъ при тогдашнемъ дворѣ, въ чемъ и имѣла нѣкоторый успѣхъ. Какъ увѣряетъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ (что подтверждаютъ также и другіе источники), первыми шагами своего возвышенія обязанъ Нарышкиной, между прочимъ, и Платонъ Зубовъ. 12-го ноября 1796 г. Анна Никитична была сдѣлана гофмейстериной Высочайшаго Двора. Скончалась Анна Никитична 2-го февраля 1820 г.

въ С.-Петербургѣ и погребена въ Александро-Невской лаврѣ.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій «Русская Родословная книга», т. II, стр. 10; «Записки Ф. Ф. Вигеля». Москва. 1893 г. Часть III; «Дворъ Русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ». Сост. Н. Е. Волковъ. Спб. 1900, стр. 212; «Дневникъ Храповицкаго» 1782—1793, изд. «Рус. Архива», стр. 16, 48, 168—171, 214; «Архивъ кн. Воронцова» т. XII, стр. 334, т. XV, стр. 85; т. XXI, стр. 422, т. XXII, стр. 248; «Сочиненія Державина» (акад. изд.), т. 1, 2, 3, 6 и 9; «Рус. Арх.» 1864, 1870, 1874, 1876—1880, 1886, 1889, 1892, 1902 гг.; «Рус. Стар.», тт. 2—4, 15—17, 74; «Ист. Вѣстн.», т. 29; «Сборникъ Император. Русск. Истор. Общества», т. 12, 18 и 23. Сочиненія императрицы Екатерины II (акад. изд.), т. XII; В. А. Бильбасовъ, „Исторія Екатерины II“, т. I и II.

Нарышкина, *Елена Александровна*, рожд. графиня Апраксина, жена д. т. с. Александра Львовича Нарышкина.

Выйдя около 1725 г. замужъ за двоюроднаго брата Императора Петра Великаго — Александра Львовича Нарышкина, Елена Александровна въ 1749 г. была уже статсъ-дамой Высочайшаго Двора, а 25-го ноября 1759 года гофмейстериной. Въ качествѣ гофмейстерины она присутствовала при коронованіи Императрицы Екатерины II-ой. Скончалась Елена Александровна въ 1767 г.; погребена въ лѣтней соборной церкви московскаго Высоко-петровскаго монастыря.

«Русская Старина», тт. 4, 15, 50, 80 «Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества», т. X; «Архивъ кн. Воронцова», т. VI, стр. 317; т. XXXV, стр. 53, 402; «Сочиненія Державина» (акад. изд.), т. IX, стр. 548; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій «Русская Родословная книга», т. II, стр. 8; «Дворъ русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ» въ 4-хъ частяхъ. Состав. Н. Е. Волковъ. Спб. 1900, стр. 212. Сочиненія императрицы Екатерины II (акад. изд.), т. XII. В. А. Бильбасовъ, „Исторія Екатерины II“, т.т. I и II.

Нарышкина, *Марина Осиповна*, — рожд. Закревская, жена оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина, дочь малороссійскаго генеральнаго обознаго Осипа Лукьяновича Закревскаго и жены его Анны Григорьевны, рожденной Разумовской; родилась въ 1741 году. Въ 1755 году она была взята ко двору и сдѣлана фрейлиной; благодаря своей красотѣ и покровительству великой княгини Екатерины Алексѣевны, М. О. очень скоро вышла замужъ за Льва Александровича Нарышкина. Устроила эту свадьбу сама Великая Княгиня, которая въ запискахъ своихъ очень подробно разсказываетъ о всѣхъ перипетіяхъ этого сватовства. Свадьба состоялась въ 1759-мъ году, и Марина Осиповна съ этого времени всецѣло отдалась семейной жизни и устройству и управленію обширными помѣстьями своего супруга, не покидая вмѣстѣ съ тѣмъ и двора и пользуясь все время расположеніемъ Императрицы Екатерины. Императоръ Павелъ также благоволилъ къ семьѣ Нарышкиныхъ и 5 го апрѣля 1797 года Марина Осиповна была пожалована въ статсъ-дамы. Она скончалась 28-го іюля 1800 г.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій «Русская Родословная книга», т. II, стр. 10; «Дворъ русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ» въ 4-хъ частяхъ, сост. Н. Е. Волковъ, Спб., 1900, стр. 225; «И. И. Бецкой», опытъ біографіи, Спб., 1904, сост. П. Н. Майковъ, стр. 65; «Сочиненія Державина» (акад. изд.), т. I, стр. 783; т. II, стр. 257, 309; т. V, стр. 752; т. VI, стр. 863; т. VIII, стр. 582; «Русская Старина», тт. I, III, IV, XVI, XVIII, L; «Русскій Архивъ», 1878, кн. 3; стр. 45; 1879, кн. 3, стр. 45, 392 — 395; 1893; т. III, стр. 281; «Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общества», т. XVIII; «Архивъ кн. Воронцова», т. XXI, стр. 463; т. XXX, стр. 70; А. А. Васильчиковъ «Семейство Разумовскихъ», т. I, стр. 192, 248, 249, 349, 407. Сочиненія императрицы Екатерины II (акад. изд.), т. XII.

Нарышкина, *Марія Алексѣевна*, — рожд. Сенявина, жена оберъ-камергера Александра Львовича Нарышкина, дочь адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина и жены его Анны-Елисаветы, рожденной фонъ-Брадке; родилась 9-го марта 1762 г. 3-го іюля 1767 г. она была принята для воспитанія въ Общество благородныхъ дѣвицъ, учрежденное Екатериною въ 1764 году, и принадлежала ко второму пріему воспитанницъ этого новаго учебнаго заведенія; находясь тамъ, она получила 19-го сентября 1775 г. въ награду вензель Императрицы. Въ 1779 г. М. А. была выпущена изъ Смольнаго монастыря и въ декабрѣ 1781 г. назначена фрейлиной; вскорѣ она вышла замужъ за Александра Львовича Нарышкина. Въ 1799 г. она получила орденъ св. Екатерины меньшаго креста, а 1-го января 1808 г. была пожалована статсъ-дамой. Чета Нарышкиныхъ вела роскошный, открытый образъ жизни, и на ихъ балахъ и пріемахъ бывало все высшее столичное общество. Своею роскошью они удивляли иностранцевъ и за границей,

гдѣ они прожили нѣсколько лѣтъ въ концѣ первой четверти 1800-хъ годовъ, между прочимъ, во Флоренціи. Скончалась Марія Алексѣевна 30-го декабря 1822 г. въ С.-Петербургѣ и погребена въ Александро-Невской лаврѣ.

„Русская Старина“, тт. III и XII; „Русскій Архивъ», тт. I и II, 1887 г., тт. I и II. 1890 г., т. III, 1902 г., т. III; „Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества„, т. LXXXIII; „Арх. кн. Воронцова», т. VIII, стр. 201, 218; т. X, стр. 61, 62; т. XI, стр. 325; т. XVII, стр. 171, 250; т. XIX, стр. 44; т. XXIII, стр. 61, 179, 330; т. XXIV, стр. 166; т. XXXV, стр. 225—444; т. XXXVI, стр. 41; т. XXXVII, стр. 374; «Записки Ф. Ф. Вигеля», часть 2-ая, стр. 104, часть 6-ая, стр. 188; „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“ подъ ред. В. И. Саитова, Спб., 1899 г., стр. 294, 558; „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтія», изд. Вел. Кн. Николая Михаиловича, Спб., 1905, т. I, выпускъ 4-й, № 165.

Нарышкина, *Марія Антоновна*, рожденная кн. Четвертинская,—жена оберъ-егермейстера Д. Л. Нарышкина; род. 2 Февраля 1779 г. и была дочерью кн. Антонія-Станислава Четвертинскаго (отъ перваго брака его съ дѣвицей Копенгаузъ). Одаренная отъ природы замѣчательно красивой наружностью, М. А. 15-ти лѣтъ была уже фрейлиной; въ 1795 г. она вышла замужъ за богатаго вельможу Д. Л. Нарышкина (это событіе, въ свое время, было воспѣто Державинымъ въ стихотвореніи «Новоселье молодыхъ»). Блестящая партія дала Маріи Антоновнѣ выдающееся положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ, и его не могли поколебать всѣмъ извѣстныя отношенія къ ней Императора Александра I. Этому много способствовали ея тактъ и умѣнье держать себя въ свѣтѣ, а глубоко привязанный къ ней молодой Императоръ, съ своей стороны, тщательно избѣгалъ проявленія своего чувства такими внѣшними знаками отличія и почета, которые могли дать пищу излишнимъ толкамъ. Къ тому же, чуждая всякаго честолюбія, Марія Антоновна не вмѣшивалась въ государственныя дѣла, хотя одно время на нее возлагалось много надеждъ, какъ ея соотечественниками, мечтавшими о возрожденіи Польши, такъ и сильною придворною партіей, стремившейся отклонить Государя отъ союза съ Наполеономъ. Вліяніе М. А. сказывалось всего болѣе въ мелочахъ, въ просьбахъ и ходатайствахъ за разныхъ лицъ, пользовавшихся ея добротой и доступностью. Подъ конецъ Марія Антоновна стала, видимо, тяготиться своимъ исключительнымъ положеніемъ; она, какъ говоритъ графиня Эделингъ, «сама порвала тѣ отношенія, которыхъ не умѣла цѣнить».

Красота Маріи Антоновны Нарышкиной была «до того совершенна», что, по словамъ одного изъ современниковъ (Ф. Ф. Вигеля), «казалась невозможною, неестественною». Идеальныя черты ея лица и безукоризненность формъ выступали еще ярче при всегдашней простотѣ ея наряда; на блестящихъ балахъ она всегда появлялась скромно одѣтою, держалась особнякомъ .. При своей чарующей наружности М. А. обладала высокими качествами ума и сердца: «ея доброта отражалась не только въ ея взорѣ, но и въ голосѣ и каждомъ ея пріемѣ».

Время, проведенное Маріей Антоновной въ Петербургѣ до 1813 г., было самымъ блестящимъ въ ея жизни. Нарышкины жили зимой въ своемъ домѣ на Фонтанкѣ (нынѣ гр. Шуваловой), а лѣтомъ на дачѣ «Ma Folie», на Крестовскомъ. Жили они съ чрезвычайною роскошью, очень открыто, принимали у себя весь городъ и дворъ, давали блестящіе праздники и балы. Болѣзнь младшей ея дочери, Софіи (род. 1808 г.), побудила Марію Антоновну предпринять въ 1811 г. путешествіе на югъ Россіи, въ Одессу, гдѣ она провела лѣто, а осенью объѣхала Крымъ. Въ 1813 году Нарышкина уѣхала за границу и для здоровья дочери провела долгое время въ чужихъ краяхъ, проживая во Франціи, Швейцаріи, Германіи и Лондонѣ. Въ Россію она возвращалась лишь изрѣдка и не надолго, при чемъ въ 1818 г. въ Петербургѣ выдала замужъ свою старшую дочь, Марину, за гр. Гурьева. Въ 1825 г. скончалась въ Петербургѣ, во цвѣтѣ молодости и красоты, дочь ея Софія, будучи невѣстой гр. А. П. Шувалова. Въ 1833 г. М. А. Нарышкина поселилась съ мужемъ въ Одессѣ.

Послѣдніе годы своей жизни Марія Антоновна жила большею частью за границей, изрѣдка лишь пріѣзжая въ Одессу. Скончалась она въ 1854 г. на берегу Старенбергскаго озера и похоронена въ Мюнхенѣ, на кладбищѣ Südlicher Friedhof.

Эта біографія М. А. Нарышкиной заимствована изъ біографическаго отдѣла въ изданіи „Русскіе Портреты XVIII и XIX ст.“. Изданіе вел. кн. Николая Михаиловича

т. III, № 105. Кромѣ того, о М. А. Нарышкиной см.: „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. т. 54, 83, 78; „Рус. Стар.“ т т. 3, 4, 5, 20, 29, 47, 70, 78, 99, 109, 110; „Рус. Арх.“ 1877, 1883, 1886, 1887, 1890, 1893, 1899, 1902; „Записки Ф. Ф. Вигеля“, М. 1892, ч. IV; Сочиненія Г. Р. Державина (акад. изд.); „Истор. Вѣстн.“, 1899, кн. 8; „Осмнадцатый вѣкъ“, кн. 4, стр. 194; „Записки“ С. Г. Волконскаго, Спб. 1901; А. И. Кошелева и др.

Нарышкинъ, *Александръ Александровичъ*,—д. тайн. сов., оберъ-шенкъ и сенаторъ, сынъ Александра Львовича Нарышкина и жены его Елены Александровны, рожд. гр. Апраксиной; родился 22-го іюля 1726 г. Службу свою началъ при дворѣ и въ 1745 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Въ 1749 г. онъ женился на Аннѣ Никитичнѣ Румянцевой, въ томъ же году былъ назначенъ состоять при Наслѣдникѣ Престола Великомъ Князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и съ этого времени находился при особѣ Великаго Князя до его кончины. Въ 1755 году А. А. былъ назначенъ гофмаршаломъ при дворѣ Наслѣдника, а въ 1760 г. былъ награжденъ орденомъ св. Александра-Невскаго. Императоръ Петръ III, тотчасъ по вступленіи своемъ на Престолъ, возвелъ Александра Александровича въ званіе гофмаршала и вскорѣ (28-го декабря 1761 г.) сдѣлалъ оберъ-гофмаршаломъ; 6-го апрѣля 1762 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ кратковременное царствованіе Петра III-го онъ находился въ числѣ лицъ, составлявшихъ тѣсный кругъ приближенныхъ Государя. Лѣтомъ 1762 г. Петръ III собирался въ Померанію и въ числѣ шести лицъ, которымъ онъ въ свое отсутствіе предполагалъ поручить управленіе внутренними дѣлами, былъ включенъ и оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ. Какъ и многіе Нарышкины, Александръ Александровичъ совершилъ съ Государемъ, уже утратившимъ престолъ, его послѣднее путешествіе изъ Ораніенбаума въ Петергофъ и изъ Петергофа въ Кронштадтъ. По вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II-ой А. А. Нарышкинъ былъ переименованъ (22-го сентября 1762 г.) въ оберъ-шенки Высочайшаго двора и въ 1768 г. назначенъ сенаторомъ.

Повидимому, А. А. Нарышкинъ не пользовался особымъ расположеніемъ Государыни; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Гримму по поводу смерти А. А., Императрица дѣлаетъ нелестную характеристику Нарышкина, упоминая, что «онъ былъ человѣкъ непріятный, невыносимый для всѣхъ». Скончался А. А. Нарышкинъ 21-го мая 1795 г. въ Петербургѣ и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Онъ былъ бездѣтенъ, и все его состояніе наслѣдовали его племянники, дѣти роднаго его брата, оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская Родословная книга“, т. II, стр. 10; „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“. Составъ. Дмитр. Бантышъ-Каменскимъ. Москва. 1836. Часть 4-ая, стр. 1—2; „Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота“, т. I, стр. 599; т. II, стр. 309; т. III, стр. 346; т. V; „Дворъ русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ“. Составилъ Н. Е. Волковъ. Спб. 1900 г., стр. 161, 182, 312; „Дневникъ Храповицкаго“ 1782—1793, изд. „Русскаго Архива“; „Архивъ кн. Воронцова“, т. XII и XXIV, стр. 376; „Рус. Стар.“ 1870, 1871, 1874, 1876, 1890, 1892, 1896, 1901; „Русскій Архивъ“ 1863, 1864, 1867, 1870, 1873, 1878—1879, 1886—1887, 1892—1894, 1899, 1902; „Истор. Вѣстн.“ 1883, 1887, 1901; „Сборникъ Имп. Ист. Общ.“, тт. 5, 7, 10, 12, 18, 23; „Сенатскій Архивъ“ (оффиц. изд.), т. I и XI; „Архивъ Правит. Сената“, составилъ П. Барановъ, т. III; „Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“ (1649 — 1825), тт. 19, 21 и 23; „Жизнь и приключенія Андрея Болотова“ (Записки), изд. „Русской Старины“, т. II. Сочиненія императрицы Екатерины II (акад. изд.), т. XII; В. А. Бильбасовъ, „Исторія Екатерины II“, т.т. I и II; А. Н. Неустровъ, „Историч. розысканіе“, Спб. 1875.

Нарышкинъ, *Александръ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, камергеръ, сынъ комнатнаго стольника Ивана Ивановича и жены его Анастасіи Александровны, рожд. Милославской, родился въ 1735 г. Тринадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ назначенъ пажомъ, а въ 1751 г. произведенъ въ камеръ-пажи. 30-го мая 1755 г. Александръ Ивановичъ былъ выпущенъ поручикомъ въ Конную Гвардію, въ 1758 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры и вскорѣ послѣ этого получилъ камергерство и былъ назначенъ состоять при Императорѣ Петрѣ III-мъ. 15-го мая 1759 г. Александръ Ивановичъ женился на кн. А. Н. Трубецкой, при чемъ свадьба его была торжественно справлена во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы. Въ царствованіе Екатерины II-ой при дворѣ онъ никакой роли не игралъ. Онъ умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника 24 го ноября 1782 г.

въ Москвѣ, гдѣ и погребенъ на Старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ.

«Пажи за 185 лѣтъ». Біографіи и портреты бывшихъ пажей съ 1711 по 1896 г. Собралъ и издалъ фонъ Фрейманъ. «Дворъ русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ въ 4-хъ частяхъ. Сост. Н. Е. Волковъ. Спб. 1890 г. стр. 185. Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій «Русская родословная книга» Т. II стр. 11; «Русскіе портреты XVIII и XIX ст. Изд. Вел. Князя Николая Мих. Спб. 1905 г. Т. I Выпускъ 4-ой № 178; «Сочиненія Державина» (акад. изд.) Т. VI; «Русскій Архивъ» 1870, 1874, 1897 г.; «Русская Старина» т. т. I, VIII, XII.

Нарышкинъ, *Александръ Львовичъ*, д. т. сов., сенаторъ, кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго,—двоюродный братъ Петра Великаго, сынъ боярина Льва Кирилловича Нарышкина, родился 26-го апрѣля 1694 г. Въ 1708 году Петръ Великій послалъ его и брата его Ивана Львовича заграницу, для обученія мореплаванію. Вотъ что писалъ 21-го іюля 1708 года англійскій посланникъ въ Москвѣ Витвортъ великобританскому статсъ-секретарю Бойлю: «Между молодыми людьми, которые отправляются въ Голландію и Великобританію, находятся два сына дяди государева, Нарышкина, прежняго перваго министра, умершаго незадолго до моего пріѣзда въ Россію. Меня настоятельно просили поручить ихъ вашей особенной благосклонности и вашему покровительству. Они очень молоды: старшему не болѣе 14 лѣтъ, младшему не болѣе 8 лѣтъ; но оба говорятъ по латыни и отличаются умѣньемъ держаться скромно, прекрасно не по лѣтамъ, и не по обычаю своей родины. Они предполагаютъ прожить въ Англіи довольно долго для обученія, и всякое вниманіе, которое вы окажете имъ при случаѣ, будетъ—я увѣренъ—оцѣнено ихъ родственниками съ признательностью и окажется полезнымъ интересамъ Англіи и въ настоящемъ, и въ будущемъ». 3-го октября 1708 г. англійскій флотъ вышелъ изъ архангельскаго порта, и Нарышкины отправились въ Великобританію на военномъ кораблѣ «Тильбюри». Королева и высшее англійское общество приняли ихъ не только чрезвычайно привѣтливо, но даже съ почетомъ, какъ родственниковъ Петра Великаго, а когда въ мартѣ 1709 г., изъ-за оскорбленія, нанесеннаго въ Англіи русскому посланнику Матвѣеву, Петръ Великій приказалъ Нарышкинымъ покинуть Англію и ѣхать въ Голландію, то королева дала имъ прощальную аудіенцію и такъ благосклонно отнеслась къ нимъ, что Петръ Великій счелъ это за выраженіе дружескаго отношенія Англіи къ Россіи. Онъ остался недоволенъ лишь тѣмъ, что Нарышкины не сохранили инкогнито и что пріемы ихъ стоили королевѣ и англійской знати много хлопотъ, сопряженныхъ съ большими издержками. Изъ Голландіи А. Л. плавалъ на голландскихъ и англійскихъ корабляхъ въ Испанію и по Средиземному морю до Сициліи. Затѣмъ въ Саардамѣ онъ обучался оснасткѣ кораблей, служа вмѣстѣ съ тѣмъ на военныхъ голландскихъ корабляхъ въ чинѣ поручика. Съ 1715 по 1721 г. онъ жилъ въ Италіи и Франціи и, между прочимъ, полтора года пробылъ въ Брестѣ. Вмѣстѣ съ А. Л. Нарышкинымъ, какъ упомянуто выше, путешествовалъ его младшій братъ Иванъ Львовичъ и ему-то, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, принадлежитъ дневникъ, веденный во время путешествія. Дневникъ этотъ описанъ акад. П. Пекарскимъ и, по словамъ послѣдняго, «не содержитъ никакихъ замѣчательныхъ свѣдѣній», но любопытенъ въ томъ отношеніи, что писавшій его русскій принадлежалъ къ свѣтскимъ людямъ, посѣщалъ въ городахъ театры, бывалъ на балахъ, дѣлалъ визиты знатнымъ и т. д.

Въ 1719 г. Государь хотѣлъ возложить на А. Л. Нарышкина одну очень важную миссію. Задумавъ создать новый союзъ противъ Швеціи, Петръ хотѣлъ послать Нарышкина въ Испанію склонять испанское правительство, особенно же игравшаго тогда въ Испаніи видную роль кардинала Альберони къ этому союзу. Изготовлена уже была и грамота, въ которой Нарышкинъ почему-то назывался графомъ, но мирные переговоры съ Швеціей сдѣлали это посольство излишнимъ. Вернувшись въ февралѣ 1721 года въ Россію, онъ былъ произведенъ, 22-го марта того же года, въ поручики, опредѣленъ на службу въ Адмиралтейскую контору по экипажескимъ дѣламъ и находился здѣсь подъ непосредственнымъ начальствомъ Петра Великаго, который его очень любилъ и обыкновенно не называлъ иначе, какъ «Львовичемъ». 22-го октября того же года онъ былъ произведенъ въ капитаны 3-го ранга, а 26-го января 1722 года назначенъ директоромъ Морской академіи, «Московской и другихъ школъ, обрѣтаю-

щихся въ губерніяхъ». 26-го мая 1725 г. Нарышкинъ былъ опредѣленъ президентомъ Штатсъ-Конторы и въ томъ же году 24-го ноября произведенъ въ шаутбенахты. Въ январѣ 1726 г., уже послѣ смерти Петра Великаго, былъ зачисленъ состоять во флотѣ отъ краснаго флага. 15-го іюля того же года, когда Штатсъ-Контора была подчинена Каммеръ-Коллегіи, А. Л. былъ назначенъ президентомъ послѣдней. Во время предсмертной болѣзни Екатерины I, генералъ-полиціймейстеръ гр. Девіеръ, женатый на родной сестрѣ всесильнаго князя А. Д. Меньшикова, составилъ заговоръ, имѣвшій цѣлью отстранить отъ наслѣдованія престола великаго князя Петра Алексѣевича и разстроить бракъ его съ дочерью кн. Меньшикова, княжной Маріей Александровной. Заговоръ былъ открытъ, и въ числѣ сообщниковъ оказался А. Л. Нарышкинъ, который, по воцареніи Петра II, былъ, вмѣстѣ со многими другими представителями стараго родовитаго боярства, преданъ суду и за «государственныя провинности» осужденъ, особымъ манифестомъ 27-го мая 1727 года, на ссылку въ одну изъ своихъ деревень, гдѣ и долженъ былъ жить безвыѣздно. Однако, уже 29-го сентября того же года ему разрѣшено было безпрепятственно ѣздить по всѣмъ своимъ имѣніямъ, а вскорѣ затѣмъ, послѣ опалы, постигшей Меньшикова, онъ получилъ позволеніе вернуться опять въ столицу. Его рѣзкое отношеніе къ молодому Петру II-му возбудило противъ него какъ самого Государя, такъ и вліятельныхъ въ то время князей Долгорукихъ, и Александръ Львовичъ въ январѣ 1729 г. былъ снова высланъ на житье въ Шацкую деревню, Тамбовской губ. Ссылка, однако, не исправила его образа мыслей, и онъ въ теченіе всего царствованія Петра II-го оставался въ опалѣ и проживалъ въ деревнѣ.

Улучшилось положеніе Нарышкина съ воцареніемъ Анны Іоановны, которая вызвала его изъ ссылки и въ сентябрѣ 1731 г. сдѣлала президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, соединенной въ то время съ Бергъ-Коллегіей, и Мануфактуръ-Конторы. Въ іюлѣ 1732 г. онъ былъ назначенъ присутствовать при слушаніи докладовъ Вотчинной Коллегіи, а 2-го апрѣля 1733 г., освобожденный отъ должности президента Коммерцъ-Коллегіи, былъ включенъ въ число сенаторовъ. Произведенный еще въ 1732-мъ году въ тайные совѣтники, Нарышкинъ 28 января 1734 году получилъ орденъ Александра-Невскаго. 26-го іюля 1736 г. онъ былъ назначенъ президентомъ Дворцовой Строительной Канцеляріи и директоромъ Императорскихъ строеній и садовъ; 7-го января 1737 года, когда при Сенатѣ былъ наряженъ особый генеральный судъ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ, Н. былъ назначенъ членомъ этого суда.

16 іюля 1740 г. ему пожалована въ потомственное владѣніе Рятельская мыза въ Копорскомъ уѣздѣ.

Въ правленіе Анны Леопольдовны, 12 ноября 1740 г., Н. былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Когда послѣ восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, была образована въ концѣ 1741 г. слѣдственная комиссія надъ графами Минихомъ, Остерманомъ, Головкинымъ и др., Нарышкинъ былъ назначенъ въ число членовъ этой комиссіи, а 25 апрѣля 1742, за нѣсколько дней до коронаціи императрицы, получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. До конца своей жизни онъ присутствовалъ въ Сенатѣ, никогда не играя значительной роли, но пользуясь большимъ почетомъ и уваженіемъ, находясь даже, по выраженію иностранцевъ, писавшихъ тогда о Россіи, на положеніи «принца крови».

А. Л. Нарышкинъ умеръ 25 го января 1746 г. Женатъ онъ былъ на графинѣ Еленѣ Александровнѣ Апраксиной.

Изъ всей семьи Нарышкиныхъ Александръ Львовичъ является едва ли не самой выдающейся личностью, съ твердымъ и сильнымъ характеромъ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. 5, 15, 20, 49, 55, 64, 66, 69, 75, 86, 91, 92, 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120; „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 672, 673; 1874, стр. 555; „Русская Старина“, 1870, т. I, стр. 509, изд. 2-ое, стр. 402; т. II, стр. 475; 1871, т IV, стр. 62; 1874, т. XI, стр. 192; 1873, т. XXXVII, стр. 524; т. XXXVIII, стр. 465; т. XXXIX, стр. 110; „Общій Морской списокъ“. часть I, Спб., 1885, стр. 274; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (изд. Т-ва „Обществен. Пользы“), кн. IV; Бантышъ-Каменскій „Словарь, достопамятныхъ людей русской земли“, Спб. 1847, часть II; Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“, тт. XI и XV; Барановъ, „Опись именныхъ Высочайшихъ приказовъ и повелѣній“, тт. I—III; Арсеньевъ, „Исторія царствованія Петра II“; „Записки леди Рондо“ (изд. Шубинскаго), стр. 108—110; Ц-м-н-ъ „Историче-

скія воспоминанія о родѣ Нарышкиныхъ", Спб., 1845; „Энциклопедическій Словарь" Брокгауза и Ефрона, т. XX; П. Пекарскій, „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ", Спб. 1862, т. I.

Нарышкинъ, *Александръ Львовичъ*, оберъ-гофмаршалъ, оберъ-камергеръ, канцлеръ россійскихъ орденовъ, сынъ оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина и жены его Марины Осиповны рожденной Закревской; род. 14-го апр. 1760 г. Получивъ домашнее образованіе, онъ въ молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, гдѣ дослужился до чина капитанъ-поручика. Пожалованный въ 1778 году въ камеръ-юнкеры, Александръ Львовичъ всю дальнѣйшую свою карьеру сдѣлалъ при Дворѣ. Въ званіи камеръ-юнкера А. Л. Нарышкинъ сопровождалъ Императрицу Екатерину во время ея путешествія въ Могилевъ. Въ 1785 г. онъ былъ сдѣланъ камергеромъ и въ этомъ званіи оставался до новаго царствованія. Въ послѣднее время онъ возбудилъ противъ себя подозрѣніе Государыни вслѣдствіе дружбы, которую онъ имѣлъ съ наслѣдникомъ престола великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Павла, для Александра Львовича открылось снова широкое поле для дальнѣйшихъ успѣховъ на придворной службѣ. Новый Государь, очень къ нему благоволившій, наградилъ его въ 1797 г. орденомъ Анны 1 ст., а 1-го ноября 1798 г. пожаловалъ въ оберъ-гофмаршалы и орденомъ Александра Невскаго. Въ 1799 г. Александръ Львовичъ получилъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста, а 28-го марта того же года былъ назначенъ директоромъ Императорскихъ театровъ. За нѣсколько недѣль до этого, онъ, по случаю обрученія Великой Княжны Елены Павловны съ Принцемъ Мекленбургскимъ, получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Наступившее затѣмъ новое царствованіе было еще болѣе благопріятно для А. Л. Нарышкина. Незадолго передъ тѣмъ скончался его отецъ, и А. Л., сдѣлавшись обладателемъ крупнаго состоянія, далъ полный просторъ врожденной своей страсти къ шумной, расточительной жизни. Праздники, имъ устраиваемые, отличались необычайной роскошью и великолѣпіемъ, стоили ему громадныхъ денегъ и нерѣдко дѣлали его должникомъ. Онъ, между прочимъ, возобновилъ очень распространенныя въ царствованіе Императрицы Екатерины II такъ называемыя петербургскія серенады. Состояли онѣ изъ ежедневныхъ концертовъ роговой и духовой музыки, которые въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ съ шести часовъ вечера и до поздней ночи разыгрывались домашними его музыкантами, разъѣзжавшими по Невѣ передъ роскошнымъ дворцомъ Нарышкиныхъ на Англійской набережной.

Въ должности Главнаго Директора Императорскихъ театровъ Нарышкинъ оставался до 1819 г. Время управленія его—одна изъ наиболѣе блестящихъ страницъ въ исторіи русскаго театра, хотя, впрочемъ, не столько благодаря личнымъ качествамъ А. Л., какъ администратора: много значило и общее вниманіе тогдашняго русскаго общества къ театру, наличность талантливыхъ исполнителей и драматурговъ. Какъ бы то ни было, но А. Л. обладалъ, по свидѣтельству современниковъ, «основательными понятіями обо всѣхъ искусствахъ», былъ «истиннымъ знатокомъ музыки и живописи, любилъ и зналъ литературу», «оказывалъ покровительство артистамъ и старался отыскивать таланты», «его домъ былъ открытъ для всѣхъ, искавшихъ сближенія съ русской сценой». Нерѣдко давались спектакли и у него на дому и на дачѣ, удостаиваемые посѣщенія Высочайшихъ особъ. Управленіе театрами А. Л. Нарышкина, между прочимъ, благодаря кн. А. А. Шаховскому, бывшему членомъ по репертуарной части,—отмѣчено особымъ подъемомъ репертуара; кромѣ того, при немъ начались преобразованія театральнаго училища; пополненъ балетъ; при немъ же въ теченіе 1804—1810 гг. въ Петербургѣ существовала французская оперная труппа; наиболѣе же важнымъ событіемъ было открытіе въ 1805 г. Императорскихъ театровъ въ Москвѣ; 27-го апрѣля 1812 г., за отъѣздомъ Императора Александра I-го изъ Петербурга, былъ учрежденъ изъ трехъ лицъ—П. С. Молчанова, гр. Д. А. Гурьева и А. Л. Нарышкина — особый комитетъ, на который было возложено рѣшеніе всѣхъ дѣлъ по петербургскимъ и московскимъ театрамъ, подлежащихъ Высочайшему разрѣшенію. Въ 1815-мъ году А. Л. Нарышкинъ сопровождалъ Императрицу Елизавету Алексѣевну въ Вѣну, назначенный состоять при ней въ этомъ путешествіи

на Вѣнскій конгрессъ. Проживъ послѣ этого долгое время за границей, во Флоренціи, онъ въ 1818-мъ году былъ сдѣланъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ и награжденъ брилліантами къ ордену Андрея Первозваннаго. 6-го апрѣля 1819 г. онъ оставилъ должность Главнаго Директора Императорскихъ театровъ, тѣмъ болѣе, что съ уходомъ кн. А. А. Шаховского и возвышеніемъ вице-директора кн. П. И. Тюфякина, значеніе А. Л., какъ Главнаго Директора, все болѣе умалялось. А. Л. Нарышкинъ состоялъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Художествъ и былъ Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Уѣхавъ въ 1820-мъ году за границу, въ Парижъ, Н. остатокъ дней своихъ почти безвыѣздно провелъ за предѣлами Россіи. Скончался онъ въ Парижѣ 21-го января 1826 г., погребенъ въ Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ, при церкви Св. Духа.

А. Л. Нарышкинъ унаслѣдовалъ отъ отца «его колкій, болѣе блестящій, чѣмъ глубокій умъ, его остроуміе, способность къ каламбурамъ и мѣткимъ отвѣтамъ и замѣчаніямъ о людяхъ», при чемъ, по отзыву одного современника, «острыя слова сами вырывались изъ устъ его, безъ напряженія ума». Несмотря на колкость своего остроумія, А. Л. по природѣ былъ чрезвычайно добрый и незлобивый человѣкъ, пользовавшійся общимъ расположеніемъ.

Отъ брака съ М. А. Сенявиной А. Л. Нарышкинъ имѣлъ двухъ сыновей — Льва и Кирилла и двухъ дочерей — Марію и Елену (Суворова).

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская родословная книга“ Т. II, 11;—„Записки Ф. Ф. Вигеля“; В. И. Саитовъ. „Петербургскій Некрополь“; М. 1883; Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона; „Дворъ русскихъ императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ“, въ 4 частяхъ. Сост. Н. Е. Волковъ. Спб. 1900 г. стр. 159 и 194; Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Павелъ Первый“, Спб. 1901; его же, „Императоръ Александръ Первый“, Спб. 1897, т. I; „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву“. Спб. 1866; „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Т. I Спб. 1905 г. Выпускъ II-й, № 119; — Сочиненія Державина (акад. изд.); „Сѣверная Пчела“ 1825 г, № 18, 51; „Московскія вѣдомости“ 1826 г. № 15. „Русская Старина“ т.т. 1, 2, 4, 6, 10—13, 17, 19, 29, 34—40; 61, 66, 74—79; 1902 г. янв.; „Русскій Архивъ“ 1864, 1873, 1876 — 1879, 1881, 1889—1893, 1896, 1890, 1901; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, Тома: I, V, VI, XV, XX, XLV, XLIX, LV, LXIII, LXIV, LXVI, LXIX, LXXV, LXXXIII, LXXXVI, LXXXVIII, XCI, XCII, C, CIV, CVI, CVIII, CXIV, CXVII, CXX. — „Историческій Вѣстникъ“ 1883 г. 1884, 1886, 1892; „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“ подъ ред. В. И. Саитова, т. I. „Архивъ князя Воронцова“ т.т. 2, 7, 14, 18, 23, 35—37; „Архивъ Брюлловыхъ“ стр. 33; „Записки“ С. Н. Глинки, Спб. 1895; „Записки о моей жизни“ Н. И. Греча, Спб. 1886; „Записки“ А. С. Шишкова, Берлинъ 1870; Жизнь и приключенія Андрея Болотова. Изд. „Русской Старины“;—„Архивъ дирекціи Императорскихъ Театровъ“. Съ 1746 по 1801 г. Отдѣлы I, II, III; В. П. Погожевъ, „Столѣтіе организаціи Импер. Московскихъ театровъ“, Спб, 1906; его же, „Опытъ краткаго историч. обзора организаціи Императ. театровъ съ 1756 по 1881 гг.“, Спб. 1900; П. Н. Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“, Спб. 1861, стр. 157 и сл.; „Записки П. А. Каратыгина“, Спб. 1880; „Записки“ С. П. Жихарева, М. 1891; Р. Зотовъ, „Театральныя воспоминанія“, Спб. 1860; „Пантеонъ“ 1840 (воспомин. Ѳ. Булгарина); „Часъ Досуга“, т. II, № 8, стр. 118—125 („Нарышкинскія шутки и острословіе“); Д. А. Ровинскій, „Словарь рус. гравиров. портретовъ“, т. I; Сочиненія К. Н. Батюшкова; подъ ред. Л. Н. Майкова, т.т. II и III; „Дневники В. А. Жуковскаго“. Спб. 1901; „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. 10-я, стр. 498; Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей рус. земли“, ч. II; Пыляевъ, „Старый Петербургъ“, Спб. 1887.

Нарышкинъ, *Алексѣй Васильевичъ*— тайный совѣтникъ, сенаторъ, камергеръ, сынъ генералъ-поручика Василія Васильевича Нарышкина; родился 4-го августа 1742 г. Въ 1760 году онъ былъ камеръ-юнкеромъ; относящіяся къ этому времени свѣдѣнія о его жизни касаются только его литературныхъ успѣховъ. Онъ написалъ много стихотвореній, элегій, одъ, пѣсенъ, сонетовъ, стансовъ, притчъ, сатирическихъ писемъ и эпиграммъ. Всѣ они были напечатаны въ «Полезномъ Увеселеніи» въ 1760, 1761 и 1762 гг. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ изданіи 1767 г. «Переводовъ изъ Энциклопедіи», гдѣ помѣщены двѣ переведенныя имъ статьи (Нравоученіе и Посредственность); есть его переводы и въ «Трудолюбивой Пчелѣ». Въ 1767 г. онъ состоялъ генеральсъ-адъютантомъ маіорскаго ранга по инженерному корпусу при гр. Гр. Гр. Орловѣ и въ этомъ званіи сопутствовалъ ему, когда гр. Орловъ сопровождалъ Императрицу Екатерину II въ ея путешествіи по Волгѣ. Во время этого

путешествія, какъ извѣстно, былъ переведенъ Императрицею и ея свитою «Велисарій» Мармонтеля, котораго 7 и 8 главы перевелъ А. В. Нарышкинъ. Въ 1767 году началась дѣятельность Нарышкина въ трудахъ Коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія, въ качествѣ депутата отъ дворянства Старицкаго уѣзда; кромѣ участія въ засѣданіяхъ «общей комиссіи», онъ состоялъ членомъ въ двухъ частныхъ комиссіяхъ: «дирекціонной» и «объ общемъ правѣ». Обязанности депутата отъ Старицкаго дворянства онъ передалъ кн. Ник. Трубецкому въ 1770 г., по случаю назначенія своего посланникомъ въ Сардинію. Въ преніяхъ общей комиссіи Нарышкинъ высказалъ нѣсколько интересныхъ соображеній о дворянскомъ сословіи, являясь просвѣщеннымъ сторонникомъ его правъ и преимуществъ и приближаясь въ этомъ отношеніи къ ярославскому депутату, историку и публицисту эпохи Екатерины II, кн. М. М. Щербатову. Онъ подробно и обстоятельно опредѣлялъ права и преимущества дворянъ, и въ этихъ опредѣленіяхъ выразились, какъ его основательныя юридическія познанія, рѣдкія для того времени среди лицъ высшаго круга, такъ и аристократическія воззрѣнія, частію унаслѣдованныя имъ отъ своихъ предковъ XVII в., частію заимствованныя изъ феодальныхъ западно-европейскихъ порядковъ первой половины XVIII в. Воззрѣнія Нарышкина, выраженныя имъ не только въ преніяхъ въ общей комиссіи, но и въ особой запискѣ, поданной въ эту комиссію,—во многомъ повліяли на законоположенія «Дворянской грамоты» 1785 г., изъ которой вошли въ IX и X тома дѣйствующаго доселѣ нашего «Свода Законовъ». Въ 1775—1776 гг. онъ занималъ должность псковскаго губернатора; въ 1785 г. былъ сдѣланъ сенаторомъ; въ 1787 г, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, ревизовалъ, вмѣстѣ съ гр. А. Р. Воронцовымъ, Тамбовскую губернію. 2-го окт. того же года Россійская Академія избрала его въ свои дѣйствительные члены, «отдавая справедливость его дарованіямъ, отличному знанію языка отечественнаго и трудамъ, употребленнымъ на тотъ предметъ, коимъ академія наипаче занимается». А. В. Нарышкинъ скончался 30-го августа 1800 г. и погребенъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Донского монастыря.

Изъ сочиненій Н. отдѣльно напечатаны двѣ оды на день тезоименитства Императрицы Екатерины II (Спб. 1763 и Спб. 1765).

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская Родословная книга“. Т. II, „Дворъ Русскихъ, Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ“. Составилъ Н. Е. Волковъ. Спб. 1900 г. стр. 190; „Опытъ о россійскихъ писателяхъ“. Собралъ Ник. Новиковъ, Спб. 1772 г.; Сочиненія Державина, (акад. изд.) т. VI; М. И. Сухомлиновъ, „Исторія Россійской Академіи“, т. I, стр. 18; — В. С. Сопиковъ, „Опытъ Россійской Библіографіи“. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. № 2421—2423; (8100) Ефремовъ „Матеріалы для исторіи русской литературы. Спб. 1867 г. А. Н. Неустроевъ, „Историческое розысканіе“... Спб. 1875; „Архивъ кн. Воронцова“ т.т. V, XVI, XX—XXVII; „Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества“. Томы: XXXIII, XXXVI, XCVII;—„Рус. Стар.“ 1870, т. I (ст. М. Н. Лонгинова); С. А. Венгеровъ. „Русская поэзія“, т. I, в. VI, Спб 1897, стр. 319; Записки А. Т. Болотова („Рус. Стар.“ т. IV, с. 189); Первое полн. собр. законовъ Рос. Имперіи, т. 23, с. 919.

Нарышкинъ, *Андрей Федоровичъ*,— комнатный стольникъ, двоюродный братъ царицы Наталіи Кирилловны, сынъ думнаго дворянина Ѳедора Полуектовича Нарышкина и жены его Евдокіи Петровны, рожденной Хомутовой—родной племянницы жены боярина Матвѣева. Этимъ объясняется родственная связь царицы Наталіи Кирилловны съ ея воспитателемъ бояриномъ Матвѣевымъ, о которой говорятъ всѣ ея біографы. Въ 1686—1692 г. Н. былъ комнатнымъ стольникомъ царя Петра Алексѣевича, а со 2-го апрѣля 1693 г. по 19-ое января 1698 г. воеводою въ Тобольскѣ. А. Ф. Нарышкинъ умеръ около 1716 г.

Первое полное собраніе законовъ россійской Имперіи (1649 — 1825 г.). Т. III и IV; „Сенатскій Архивъ“, т. V; „Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Прав. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“. Изд. Импер. Академіи Наукъ подъ редак. Н. В. Калачева. Тт. I, II, IV; А. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ“, Спб. 1902; Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская родословная книга“ т. II; Акты Историч., т. V; Дополненіе къ актамъ историч., т. X; „Древняя Рос. Вивліоѳика“, ч. III.

Нарышкинъ, *Василій Васильевичъ*,— генералъ-поручикъ, Новогородскій губернаторъ, сынъ комнатнаго стольника Василія Григорьевича Нарышкина отъ брака его съ Стрешневой; родился 30 марта

1712 г. Получивъ домашнее образованіе, онъ, по обычаю того времени, поступилъ съ юныхъ лѣтъ въ военную службу, гдѣ пробылъ, въ строю, до чина полковника включительно. Произведенный 25 декабря 1755 г. изъ полковниковъ въ бригадиры. Василій Васильевичъ былъ назначенъ присутствовать въ Военной Конторѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ занялъ должность Бѣлгородскаго губернатора, 3 марта 1763 г. произведенъ въ генералъ-поручики, былъ здѣсь еще въ 1765 г., а затѣмъ переведенъ на ту же должность въ Новгородъ. Скончался въ Москвѣ 20 января 1779 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. В. В. Нарышкинъ былъ женатъ дважды: 1) на Прасковьѣ Васильевнѣ Солнцевой-Засѣкиной, 2) на Аннѣ Ивановнѣ Паниной (род. въ 1723 г., ум. 10 сент. 1780 г.).

Архивъ Пр. Сената. Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII вѣкъ. Составилъ П. Барановъ. Т. III, Спб. 1878 г.;- С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Изданіе Т-ва „Обществ. польза". Т. VI. „Доклады и приговоры состоявшіеся въ Пр. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго". Тт. I и IV; „Архивъ князя Воронцова". Т. XVI. стр. 7—37; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", Томы: XLII, XCIII, CXVII; „Русскій Архивъ" 1894—1904 г. Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская родословная книга", т. II.

Нарышкинъ, *Василій Васильевичъ*, ст. сов.; сынъ генералъ-поручика Василія Васильевича Нарышкина, родился въ 1738 году. Подобно брату своему Семену Васильевичу, онъ былъ причастенъ къ литературѣ и, между прочимъ его элегія «Узрѣвъ твой нѣжный взоръ» была напечатана въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова въ 1759 году. Въ 1774 году, въ чинѣ статскаго совѣтника, Василій Васильевичъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ Нерчинскихъ заводовъ; какъ администраторъ, онъ оставилъ по себѣ печальную память расточительностью, вымогательствомъ, за что и поплатился, будучи отрѣшенъ отъ должности и отданъ подъ судъ. Имѣнія его, совершенно имъ разоренныя, были конфискованы и проданы для уплаты казенныхъ долговъ.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская Родословная Книга", Т. II;—Е. П. Карновичъ „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи" Спб. 1874;—„Сенатскій Архивъ" (офиц. изд.) т. I, стр. 503; „Архивъ кн. Воронцова" т. XVI; С. Максимовъ, „Два эпизода изъ исторіи нерчинскихъ тюремъ" („Библ. для Чтенія", 1861, т. 167, № 10). Нѣкоторыя подробности похожденій В. В. Нарышкина въ Верхнеудинскѣ разсказалъ Калашниковъ въ романѣ „Дочь купца Жолобова" (ч. IV, гл. 4).

Нарышкинъ, *Василій Поликарповичъ*,—сынъ Поликарпа Борисовича Нарышкина. Въ 1640 году онъ былъ пожалованъ въ дворяне московскіе; въ 1645—1647 гг. былъ воеводой въ Кромахъ; въ 1648 г. объѣзжимъ головой въ Москвѣ; съ 1672 г. по декабрь 1674 г. былъ воеводою на Вяткѣ. Онъ приходился троюроднымъ братомъ Кириллу Полуектовичу, отцу царицы Натальи. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Умеръ онъ бездѣтнымъ.

Кн. А. Б Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга" Т. II; П. Ивановъ „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ". Москва. 1853; А. Барсуковъ. Списки городовыхъ воеводъ; Русск. Историч. Библ., т. X; Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края. Вятка 1881; Дополненіе къ Актамъ Историч., тт. VI, VII, IX и XI.

Нарышкинъ, *Василій Сергѣевичъ*,—генералъ-маіоръ, сынъ генералъ-маіора Сергѣя Михаиловича Нарышкина и жены его Александры Владиміровны, рожденной Нарбековой; родился 21-го декабря 1737 г.; онъ началъ службу въ л.-гв. Измайловскомъ полку и принималъ участіе въ возведеніи на престолъ Императрицы Екатерины II-ой. Прослуживъ до чина генералъ-маіора, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Знаменскомъ, Тарусскаго уѣзда, Калужской губерніи; скончался 3-го ноября 1800 г.; погребенъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Новоспасскаго монастыря. В. С. Нарышкинъ былъ женатъ на гр. Аннѣ Ивановнѣ Воронцовой (род. 12-го дек. 1750 г., ум 5-го мая 1807 г.).

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская Родословная Книга". Т. II; „Архивъ кн. Воронцова". Т. 37; „Русскій Архивъ", Записки гр Бутурлина".

Нарышкинъ, *Василій Ѳедоровичъ*,—бояринъ, сынъ комнатнаго стольника и Архангельскаго воеводы Ѳедора Полуектовича Нарышкина и жены его Авдотьи Петровны, рожд. Хомутовой; двоюродный братъ царицы Натальи Кирилловны. 18-го сентября 1673 г. онъ пожалованъ въ комнатные спальники, а до того времени на-

ходился въ числѣ стольниковъ. Въ 1675 г. онъ сопровождалъ царя въ его богомольныхъ походахъ по московскимъ монастырямъ и въ загородныхъ поѣздкахъ. Въ 1688 г. былъ комнатнымъ стольникомъ царя Петра Алексѣевича, въ 1691 г. получилъ окольничество и затѣмъ боярство. Въ 1694 г. участвовалъ въ Кожуховскомъ потѣшномъ военномъ дѣйствіи, а въ 1695 и 1696 гг. въ Азовскомъ походѣ. Онъ скончался въ 1702 г., не оставивъ потомства.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II; „Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Пр. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“, т.т. IV—V; Ивановъ, „Указатель къ боярскимъ книгамъ“. Сборникъ Импер. Русскаго Историч. Общества. Т. LXIX.

Нарышкинъ, *Григорій Филимоновичъ*, — бояринъ, сынъ Филимона Ивановича Нарышкина и дальній родственникъ царицы Натальи Кирилловны. Въ 1682 г. онъ имѣлъ уже званіе стольника, а съ 20-го октября 1684 г. по октябрь 1691 г. былъ воеводою въ Верхотурьѣ, при чемъ въ 1689 г. получилъ званіе окольничаго, а въ 1692 г. пожалованъ въ бояре. Во время его воеводства, была произведена въ 1687 г. опись Верхотурскаго кремля и всѣхъ слободскихъ остроговъ: она особенно важна потому, что въ ней указаны годы построенія каждой крѣпости.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. „Русская родословная книга“ т. II; „Дворъ русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ“ въ 4-хъ частяхъ, составилъ Н. Е. Волковъ. Спб. 1900 г. стр. 220; Ивановъ, „Указатель къ боярскимъ книгамъ“; А. Барсуковъ, „Списки городскихъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія“. Шишонко. „Пермская лѣтопись съ 1623 по 1881 г., пятый періодъ“. Пермь 1885; Акты Историч., т. V; Дополненіе къ Актамъ Истор., т. XII.

Нарышкинъ, *Дмитрій Львовичъ*,— оберъ-егермейстеръ, сынъ оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина и жены его Марины Осиповны, рожденной Закревской; родился 30-го мая 1764 г. Получивъ домашнее образованіе, онъ началъ свою службу при Дворѣ, гдѣ 1-го января 1793 г. былъ пожалованъ въ камергеры; въ 1795 г. онъ женился на княжнѣ Маріи Антоновнѣ Четвертинской; 6-го августа 1798 г. былъ сдѣланъ гофмейстеромъ, а 27-го февраля 1804 г.— оберъ-егермейстеромъ. Въ 1812-мъ году Нарышкинъ обязался выплачивать ежегодно по 20.000 рублей на нужды правительства, пока непріятель находится въ предѣлахъ Россіи. Подобно брату своему Александру Львовичу, онъ велъ шумный и разсѣянный образъ жизни, и весь знатный Петербургъ можно было встрѣтить на его блестящихъ пріемахъ. Расположеніе Императора Александра I къ Нарышкину выразилось, между прочимъ, въ пожалованіи ему обширныхъ земель въ Тамбовской губерніи. Д. Л. Нарышкинъ до старости сохранилъ привычки и манеры придворнаго временъ Екатерины и въ описаніяхъ, оставленныхъ современниками, его фигура вырисовывается довольно опредѣленно. Между прочимъ Ф. Ф. Вигель такъ говоритъ о немъ: «онъ принадлежалъ къ небольшому остатку придворныхъ вельможъ стараго времени, со всѣми былъ непринужденно учтивъ, благороденъ сердцемъ и манерами, но сластолюбивъ, роскошенъ, расточителенъ, при умѣ и характерѣ не весьма твердомъ». Онъ умеръ 31-го марта 1838 г.; погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская родословная книга“. Т. II; В. И Саитовъ, „Петербургскій Некрополь“, М. 1883 г.; „Записки Ф. Ф. Вигеля; „Дворъ русскихъ императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ“. Составилъ Н. Е. Волковъ. Спб. 1900 г., стр. 167. 195; Е. П. Карновичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“ Спб. 1874 г.; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т.т. 83 и 88; „Русскій Архивъ“ 1867, 1877, 1878, 1881, 1882, 1887, 1890, 1891, 1896, 1900—1902 гг. „Русская Старина“ т.т. 5, 7, 12, 20, 24. 29, 33, 62, 76—78; 1902—1904 г.г. „Архивъ князя Воронцова“, тт. XXIII, XXXV, XXXVII, XXXVIII. „Историческій Вѣстникъ“ 1883 г. т. XIII; „Сочиненія Державина“ (Акад. Изд.), т. VI; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ подъ ред. Саитова, т. I; „Отеч. Зап.“ 1822, г. XII. стр. 131;

Нарышкинъ, *Иванъ Александровичъ*,—оберъ-церемоніймейстеръ, сенаторъ, родился 19-го марта 1761 г. и былъ сыномъ камергера Александра Ивановича Нарышкина и жены его Анны Никитичны, рожд. княжны Трубецкой. Записанный съ колыбели въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, онъ 11-го мая 1779 г. изъ вахмистровъ конной гвардіи былъ произведенъ въ корнеты; въ 1783 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры и въ 1788 г. произведенъ въ ротмистры, 8-го ноября 1796 г. отчи-

сленъ отъ полка, а въ 1798-мъ году былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II-ой, онъ, какъ и его отецъ, не занималъ никакого виднаго служебнаго положенія, но за то при Императорѣ Александрѣ I-мъ выдвинулся при Дворѣ, будучи пожалованъ въ оберъ-камергеры, а въ 1809 году въ оберъ-церемоніймейстеры. И. А. Нарышкинъ обладалъ довольно крупнымъ состояніемъ, но, благодаря открытому образу жизни, въ короткое время его разстроилъ; кромѣ того, онъ скоро утратилъ и расположеніе къ себѣ Двора. Ему пришлось оставить Петербургъ и уѣхать въ Москву, гдѣ онъ прожилъ еще довольно долго. Н. скончался 13-го января 1841 г., въ званіи сенатора; погребенъ на кладбищѣ Донского монастыря въ Москвѣ.

И. А. Нарышкинъ былъ женатъ съ 1787 г. на красавицѣ Екатеринѣ Александровнѣ, рожд. баронессѣ Строгановой (род. 21-го мая 1769 г., ум. 30-го дек. 1844 г.) и имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей.

„Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтія“. Изд. Вел. Кн. Николая Михаиловича, Спб. 1905 г. Т. I. Выпускъ 4, №№ 166 и 178; А. Б. Лобановъ Ростовскій „Русская Родословная Книга“. Т. II; „Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ Л. Гв. Конного полка“ съ 1731 по 1864 г. Спб. 1864, стр. 83. „Русскій Архивъ“ 1901—1902 гг. „Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества“, т. XLV;—„Москвитянинъ“ 1841 г. Ч. I, № 2, стр. 676—676. Д. Благово, „Разсказы бабушки“, Спб. 1885.

Нарышкинъ, *Иванъ Кирилловичъ*, бояринъ, старшій братъ царицы Натальи Кирилловны, родился въ 1658 г.; имени его въ разрядныхъ записяхъ не встрѣчается до 1-го сентября 1674 г., когда онъ является уже стольникомъ и «ближнимъ человѣкомъ». Женили его очень рано: уже 1-го октября 1674 г. жена его Прасковья Алексѣевна, рожденная княжна Лыкова, обѣдала у царицы Натальи Кирилловны въ Золотой Палатѣ.

Послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича и вступленія на престолъ Ѳеодора Алексѣевича, Нарышкины потеряли значеніе, и первенствующее мѣсто заняли Милославскіе, родственники молодого царя по его матери, царицѣ Маріѣ Ильинишнѣ Вскорѣ лекарь Давыдъ Берловъ донесъ на Ивана Кирилловича, будто бы послѣдній подговаривалъ своего «держальника Ивана Орла» убить царя; вслѣдствіе этого доноса Иванъ Кирилловичъ былъ сосланъ въ Рязань, гдѣ повелѣно было ему быть за пристава. Неизвѣстно, когда именно Иванъ Кирилловичъ возвращенъ изъ ссылки, но въ день похоронъ царя Ѳеодора Алексѣевича онъ былъ въ Москвѣ.

7-го мая 1682 г., послѣ расправы со стрѣлецкими полковниками, былъ торжественный выходъ царя Петра Алексѣевича въ кремлевскіе Соборы, а затѣмъ розданы разныя награды родственникамъ и сторонникамъ Нарышкиныхъ, Иванъ Кирилловичъ былъ пожалованъ бояриномъ и оружничимъ, и это возбудило зависть и недовольство среди бояръ. Недѣлю спустя, 15-го мая, Милославскій и Толстой проскакали по стрѣлецкимъ слободамъ и звали стрѣльцовъ въ Кремль на службу, крича, что Нарышкины задушили царевича Іоанна Алексѣевича. Стрѣльцы ударили въ набатъ, забили въ барабаны и двинулись ко дворцу съ знаменами и пушками. Когда царица, вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами, вывела Петра и Іоанна Алексѣевичей на Красное крыльцо—толпа стихла. Недруги Нарышкиныхъ поняли, что если пропустить эту рѣшительную минуту, то стрѣльцы увидятъ обманъ, и тогда имъ не сдобровать. Стали кричать, что Иванъ Нарышкинъ примѣривалъ корону и разныя царскія украшенія; что хотя царевичъ Іоаннъ живъ, но ему грозитъ опасность. Стрѣльцы разсвирѣпѣли. Они убили Матвѣева, кн Долгорукаго и стольника Ѳ. П. Салтыкова, котораго приняли за одного изъ Нарышкиныхъ. Не миновалъ той же участи и братъ царицы Аѳонасій Кирилловичъ спрятавшійся въ сѣнной церкви Воскресенія подъ престоломъ и выданный карликомъ. На слѣдующее утро стрѣльцы снова явились съ требованіемъ выдачи Ивана Кирилловича. Въ этотъ день Иванъ Кирилловичъ, со своимъ отцомъ, съ младшими своими братьями и съ сыномъ Матвѣева укрывались сначала въ комнатахъ маленькой царевны Натальи Алексѣевны, а затѣмъ въ дальнихъ покояхъ царицы Маѳы Матвѣевны, вдовы Ѳеодора Алексѣевича. 17-го мая стрѣльцы стали грозить, что если Иванъ Кирилловичъ не будетъ имъ выданъ, то они перебьютъ всѣхъ бояръ. У царицы Наталіи Кирилловны не было опоры, не было совѣтника. Бояре растерялись и смотрѣли на выдачу Ивана Кирилловича стрѣльцамъ, какъ на

выкупъ собственной жизни. Пришлось покориться. Иванъ Кирилловичъ былъ отведенъ въ церковь Спаса за Золотой рѣшеткой; тамъ онъ исповѣдывался, пріобщился Св. Таинъ и особоровался. Иванъ Кирилловичъ мужественно приготовился къ мученической кончинѣ. «Смерти я не боюсь,— сказалъ онъ царевнѣ—желаю только, чтобы моею невинною кровью прекратилось кровопролитіе». Когда онъ вышелъ изъ церкви, стрѣльцы накинулись на него съ криками и бранью и повели пытать въ Константиновскій застѣнокъ, какъ государственнаго измѣнника, посягавшаго на жизнь Іоанна Алексѣевича. Иванъ Кирилловичъ вынесъ всѣ пытки, не проронивъ ни слова. Его вытащили изъ застѣнка на Красную площадь и разсѣкли на части. Послѣ него пытали и умертвили доктора Гадена, придворнаго врача царя Ѳеодора Алексѣевича. Это были послѣднія убійства. Стрѣльцы какъ будто исполнили свой долгъ и отправились съ Красной площади въ Кремль ко дворцу, съ выраженіями преданности царскому семейству.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская Родословная Книга“, т. II; С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. тов-ства „Обществ. Польза“, т. III; Ивановъ, „Указатель къ боярскимъ книгамъ“; Д. Бантышъ - Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, ч. 4.

Нарышкинъ, *Кириллъ Александровичъ*, — оберъ-гофмаршалъ, членъ Государственнаго Совѣта, сынъ оберъ-камергера Александра Львовича Нарышкина и жены его Маріи Алексѣевны, рожденной Сенявиной; родился 17 августа 1786 г. Получивъ блестящее воспитаніе въ извѣстномъ пансіонѣ аббата Николя, онъ въ 1805-мъ году, въ званіи камеръ-юнкера, отправился въ Китай въ составѣ чрезвычайнаго посольства, во главѣ котораго состоялъ, въ качествѣ полномочнаго посла, близкій родственникъ Нарышкиныхъ оберъ - церемоніймейстеръ гр. Головкинъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ всю дальнѣйшую свою карьеру сдѣлалъ при Дворѣ. Онъ считался въ свое время однимъ изъ блестящихъ представителей молодой придворной партіи, являясь законодателемъ новѣйшихъ вѣяній и высшаго тона въ Петербургскомъ обществѣ. Въ 1825 г. Н. имѣлъ уже званіе гофмаршала и былъ въ числѣ немногихъ лицъ, которыя заранѣе знали о состоявшемся отреченіи отъ престола Великаго Князя Константина Павловича. Пожалованный вскорѣ въ оберъ-гофмаршалы онъ былъ сдѣланъ затѣмъ президентомъ Придворной Конторы и пожалованъ въ званіе дѣйствительнаго камергера. Назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, Кириллъ Александровичъ вскорѣ скончался въ Крыму, 25-го октября 1838 г.; погребенъ въ Петербургѣ въ Александро-Невской лаврѣ. К. А. Нарышкинъ былъ женатъ на Маріи Яковлевнѣ Лобановой-Ростовской (род. въ 1789 г., ум. въ 1854 г.).

„Записки Ф. Ф. Вигеля“, Москва 1893 г., ч. 2; „Русскій Архивъ“ 1867, 1878, 1882, 1889, 1901, 1902, 1004 гг.; „Рус. Старина“, тт. 12, 24, 29, 36, 78; 1896, 1901, 1903. 1904 гг.; „Сынъ Отечества“ 1838 г. т. VI стр. 62 - 64;—В. И. Саитовъ „Петербургскій Некрополь“, М. 1883 г.; „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“ подъ ред. В. И. Саитова, т. I;—„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. XX; — „Архивъ Брюловыхъ“ стр. 82; — Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“ т. II.

Нарышкинъ, *Кириллъ Алексѣевичъ*, ближній кравчій, потомъ Московскій губернаторъ, сынъ комнатнаго стольника Алексѣя Ѳомича. Въ 1686-мъ году былъ комнатнымъ стольникомъ царя Петра Алексѣвича, а въ 1691 и 1692 г. былъ кравчимъ. 19 октября 1690 г. ему было пожаловано въ вотчину село Покровское-Тѣшилово Московскаго уѣзда. Въ 1695 и 1696 гг. участвовалъ въ Азовскомъ походѣ и былъ генералъ-провіантмейстеромъ при флотѣ. Съ 5-го ноября 1697 г. по 12-ое марта 1699 г. онъ, въ званіи ближняго кравчаго, былъ воеводою во Псковѣ. Въ 1702 г. укрѣплялъ больверкъ въ только что взятой крѣпости Нотебургъ, переименованной въ Шлюссельбургъ. Въ 1703 г., при возведеніи Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, надсматривалъ за работами на бастіонѣ въ срединѣ, гдѣ при Екатеринѣ II устроены Невскія ворота и пристань; бастіонъ этотъ носилъ имя своего строителя, К. А. Нарышкина. Въ 1704—1710 г.г. онъ былъ псковскимъ и дерптскимъ оберъ-комендантомъ.

Изъ переписки съ нимъ Петра Великаго за эти года видно, что Нарышкинъ отличался умѣньемъ кратко излагать свои мысли на бумагѣ, выражая ихъ простымъ и яснымъ русскимъ языкомъ, что для его времени было чрезвычайной рѣдкостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ замѣчательно испол-

нителенъ и энергиченъ. Приказанія Петра Нарышкину касались, главнымъ образомъ, приготовленія и присылки судовъ и лодокъ въ Нарву, Юрьевъ и Гдовъ; отправки въ Петербургъ полковъ и подводъ; составленія чертежей; устройства засѣкъ и оборонительныхъ линій. Назначенный въ 1710-мъ году первымъ Петербургскимъ комендантомъ онъ оставался въ этой должности до 1716 г.; въ январѣ этого года Нарышкинъ былъ назначенъ Московскимъ губернаторомъ. Вскорѣ у него возникли пререканія съ Сенатомъ, и дѣло дошло до того, что по приказу Сената у Нарышкина были отписаны дворы и деревни; однако, онъ по прежнему оставался у власти; между прочимъ, въ 1718-мъ году онъ состоялъ въ числѣ судей надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, при чемъ въ числѣ другихъ лицъ подписалъ ему смертный приговоръ. Въ 1721 году у Нарышкина возникъ громкій земельный процессъ съ родственниками его – Плещеевыми, который онъ проигралъ. К. А. Нарышкинъ умеръ въ 1723-мъ году.

„Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Пр. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Изд. Импер. Академіи Наукъ, подъ ред. Н. В. Калачова, тт. 2, 4 и 5. „Письма и бумаги Императора Петра Великаго“ Спб. 1887 г., тт. I, II, III; С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Спб. (Изд. тов. Общ. польза) тт. III и IV; „Архивъ Пр. Сената“ сост. П. Барановъ. Спб. 1872 г. Т. I № 400, 470, 854, 925, 969;—Ивановъ „Указатель къ боярскимъ книгамъ“; Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (1649 – 1825) Т. III стр. 661; Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII столѣтія. Вып. 3, 4 и 5; „Русскій Архивъ“ 1875 г. кн. 3; 1891 г. кн. 3; 1893 г. кн. 1; „Русская Старина“ 1884 г. Т. XLII; 1902 г. кн. 6;—„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, томы: XI, XXV;—Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская родословная книга“ т. II; Доп. къ Акт. Ист., т. XII; Дворц. разр., т. IV; Петровъ, Исторія С.-Петербурга въ 1703—1782 гг., Спб. 1885; Голиковъ, Дѣянія Петра В., тт. I, II, III, V, VI, VII, X, XI, XIII, XIV, XV; Погодинъ. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. М. 1872.

Нарышкинъ, *Кириллъ Полуектовичъ,* бояринъ, сынъ тарусскаго сына боярскаго Полуекта Ивановича Нарышкина, родился въ 1623-мъ году. Первый разъ имя его встрѣчается въ 1646-мъ году, когда совмѣстно съ княземъ Н. И. Одоевскимъ онъ находился на южной границѣ Московскаго государства для отраженія крымскихъ татаръ на случай ихъ нападенія. Въ 1654-мъ году Кириллъ Полуектовичъ участвовалъ въ походѣ царя Алексѣя Михаиловича на Польшу и Литву, а въ 1656-мъ году—въ походѣ подъ Оршу съ княземъ Д. И. Барятинскимъ. Въ 1658 г. Нарышкинъ былъ стряпчимъ рейтарскаго строя и служилъ стрѣлецкимъ головой въ Смоленскѣ; дочь его Наталья, впослѣдствіи русская царица, жила еще въ это время при немъ. Въ 1660-мъ году Кириллъ Полуектовичъ былъ воеводою на Терекѣ и здѣсь отражалъ нападенія возмутившихся ногайцевъ, а вскорѣ послѣ этого въ 1662-мъ году мы встрѣчаемъ его уже на воеводствѣ въ Казани, гдѣ онъ былъ вторымъ воеводою при боярынѣ князѣ М. П. Сулешовѣ.

Бракъ царя Алексѣя Михаиловича съ дочерью Кирилла Полуектовича—Натальей Кирилловной—рѣзко отразился на судьбѣ Нарышкиныхъ. Вызванный въ Москву, онъ присутствовалъ на свадьбѣ своей дочери, занимая одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ, и тотчасъ же получилъ многочисленныя подарки и награды. Въ 1671-мъ году Кириллъ Полуектовичъ былъ сдѣланъ думнымъ дворяниномъ, а въ 1672-мъ году, въ день рожденія царевича Петра, былъ пожалованъ, одновременно съ Матвѣевымъ, въ окольничіе; въ это же время Нарышкинъ получилъ большія помѣстья и довольно значительный по своему времени денежный окладъ. Въ 1671-мъ году онъ, подъ начальствомъ князя Ю. А. Долгорукова, участвовалъ въ замиреніи Нижегородскаго края послѣ Разинскаго бунта. Пожалованный 27-го ноября 1672 г. въ бояре, Н. однако, не игралъ выдающейся роли ни въ дворцовой, ни въ политической жизни московскаго государства, изрѣдка только оставаясь «Москву вѣдать» во время отъѣздовъ царя Алексѣя Михаиловича на богомолья по монастырямъ и окрестнымъ селамъ. Онъ занималъ, впрочемъ, мѣсто главнаго судьи въ Приказѣ большого дворца. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, Нарышкинъ, вслѣдствіе происковъ Милославскихъ, пересталъ, повидимому, принимать какое бы то ни было участіе въ дворцовой жизни, такъ какъ мы не встрѣчаемъ его въ числѣ приглашенныхъ на торжественные обѣды, или на пріемы иностранныхъ пословъ. Исключеніе составляетъ лишь Соборъ, созванный въ 1682 г. для отмѣны мѣстни-

чества; на этомъ Соборѣ Нарышкинъ присутствовалъ и подписалъ такъ называемое «соборное дѣяніе». Во время стрѣлецкаго бунта 1682 года Нарышкинъ пережилъ тяжелые дни, въ которые погибли его сыновья, при чемъ и самъ онъ пострадалъ, будучи по требованію стрѣльцовъ постриженъ подъ именемъ Кипріана и сосланъ въ Кириллово-Бѣлозерскій монастырь. При воцареніи своего внука онъ, конечно, могъ вернуться и даже опять играть роль, но онъ уже былъ слишкомъ старъ и не пожелалъ покинуть монастырскихъ стѣнъ, въ монастырѣ онъ и скончался 30 го апрѣля 1691 г.

Жена его—Анна Леонтьевна Н. умерла 2 іюля 1706 г. и была погребена въ ц. Боголюбскія Пр. Богородицы Высокопетровскаго монастыря.

„Русскій Архивъ“ 1872, 1881 гг. „Русская Старина“ тт. LXII и LXXII; Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“ т. II:—„Дворцовые разряды“ тт. II, IV, „Акты историческіе“ т. IV; Дополненія къ актамъ историческимъ т. VIII. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ т. IV: Забѣлинъ, „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ; Щ--м—нъ, „Историческія воспоминанія о родѣ Нарышкиныхъ. Спб. 1895 г.“ „Достопамятныя могилы въ Московскомъ высоко-петровскомъ монастырѣ“ Соч. Ивана Захар. Крылова, М. 1841 г.; — Справочный Энциклопедическій словарь“ А. Старчевскаго Т. VIII; Н. В. Чарыковъ, „Посольство въ Римѣ и служба въ Москвѣ Павла Менезія“ Спб. 1906; Снегиревъ, Русская старина въ памятникахъ церк. и гражд. зодчества, М. 1848; Забѣлинъ, Кунцово и древній сѣтунскій станъ, М. 1873.

Нарышкинъ, *Кондратій Ѳомичъ*, бояринъ, сынъ Ѳомы Ивановича Нарышкина и двоюродный дядя царицы Натальи Кирилловны. Въ 1672 г. былъ уже стряпчимъ, а въ 1674 г. въ званіи стольника воеводою въ Вяткѣ. Въ 1676—1682 г. Нарышкинъ въ званіи комнатнаго стольника царя Петра Алексѣевича былъ на разныхъ воеводствахъ и между прочимъ съ 8-го марта 1685 г. по 25-е января 1688 г. воеводствовалъ въ Холмогорахъ. Пожалованный въ 1688 г. въ окольничіе онъ въ 1691 г. получилъ боярское званіе. Скончался 10-го января 1710 г. Н. былъ женатъ съ 1673 г. на Акулинѣ Семеновнѣ Чаплинѣ; потомства не оставилъ.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II; Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Пр. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Изд. Импер. Академіи Наукъ, подъ ред. Н. В. Калачова. Т. IV, ч. 2; С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, Спб, (изд. тов. „Общ. польза“), т. III стр. 1091, 1092, 1208; Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ; А. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія Московскаго Государства XVII ст., Спб. 1902 г. стр. 58, 66; Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (1649—1825), т. IV; Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Спб. 1887 г., т. I.

Нарышкинъ, *Левъ Александровичъ*,—оберъ-шталмейстеръ, сынъ Александра Львовича Нарышкина и жены его Елены Александровны, рожденной гр. Апраксиной, родился 26-го февраля 1733 г. Службу началъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку; въ 1751 г. былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ ко двору Наслѣдника Престола вел. кн. Петра Ѳедоровича. Въ 1756 году Нарышкинъ повышенъ изъ камеръ-юнкеровъ въ камергеры. Черезъ годъ онъ получилъ орденъ св. Анны 1 ст.; 10-го февраля 1761 г. — орденъ св. Александра Невскаго, а 28 декабря того же года ему пожаловано 16.000 руб. изъ денегъ камеръ-конторы 1-го января 1762 года онъ произведенъ въ шталмейстеры, съ рангомъ и жалованьемъ дѣйствительнаго генералъ-поручика; 10-го февраля того же года получилъ въ подарокъ каменный домъ; 16-го февраля, вслѣдствіе упраздненія тайной разыскныхъ дѣлъ канцеляріи, назначенъ вмѣстѣ съ генералъ-поручикомъ Мельгуновымъ и тайн. секрет. Волковымъ, для пріема въ Петербургѣ доносовъ объ умыслѣ по 1-му или 2-му пункту. 17 го мая въ его завѣдываньe отдано соединенное управленіе главной конюшенной канцеляріи и придворной конторы; въ іюнѣ того же года получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ началѣ своего пребыванія при маломъ дворѣ, Нарышкинъ всецѣло принадлежалъ къ небольшому интимному кружку великой княгини и вносилъ въ этотъ кружокъ веселость и оживленіе. Повидимому, великій князь не долженъ бы былъ благоволить къ Нарышкину, а между тѣмъ Левъ Александровичъ сумѣлъ войти къ нему въ милость, въ особенности, когда онъ сдѣлался императоромъ. Кн. Щербатовъ въ сочиненіи: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», дѣлая характеристику Императора Петра III, между прочимъ говоритъ: «Сей государь имѣлъ при себѣ глав-

наго своего любимца, А. Л. Нарышкина, человѣка довольно умнаго, но такого ума, который ни къ какому дѣлу стремленія не имѣлъ, трусливъ, жаденъ къ честямъ и корысти, шутливъ и, словомъ, по обращеніямъ своимъ, и по охотѣ шутить болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ, нежели вельможею. Сей былъ помощникомъ всѣхъ его страстей». До самой кончины Петра III, Нарышкинъ находился при немъ безотлучно Это отдалило его отъ кружка Екатерины, и по вступленіи ея на престолъ, онъ былъ арестованъ въ Ораніенбаумѣ въ числѣ приверженцевъ императора. Арестъ его былъ однако непродолжителенъ, и Екатерина II стала по прежнему милостиво относится къ Нарышкину, и въ день своей коронаціи, 22-го сентября 1762 года, пожаловала въ оберъ-шталмейстеры. Въ 1766 году онъ сопровождалъ вел. кн. Павла Петровича въ Берлинъ. Въ слѣдующемъ году Л. А Нарышкинъ былъ избранъ депутатомъ отъ дворянъ Перемышльскаго и Воротынскаго уѣздовъ въ Законодательную коммиссію, попавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ члены Коммиссіи о благочиніи. Посѣщая засѣданія Коммиссіи, онъ не проявилъ особенной дѣятельности въ ея работахъ, хотя имя его и попадается иногда въ числѣ лицъ, подписавшихъ то или другое заявленіе о согласіи или разногласіи съ какимъ либо положеніемъ, выработаннымъ коммиссіей.

Находясь при особѣ Государыни, Нарышкинъ всю свою довольно долгую жизнь провелъ въ придворномъ кругу. Онъ сопровождалъ Императрицу въ ея путешествіяхъ въ 1780—1786 гг. въ Бѣлоруссію, Вышній-Волочекъ и Крымъ. Его веселый, добродушный характеръ и общительность и остроуміе дѣлали его желаннымъ собесѣдникомъ въ придворномъ обществѣ. Будучи сама очень невысокаго мнѣнія о его дарованіяхъ и нравственныхъ качествахъ, называя его то «прирожденнымъ арлекиномъ», то «слабою головою, безхарактернымъ» или наконецъ «человѣкомъ незначительнымъ», Государыня, однако, очень цѣнила его общительный характеръ и умѣніе развлекать общество. Она, между прочимъ, такъ отзывается о немъ въ своихъ запискахъ: «онъ могъ произнести, не приготовляясь, диссертацію о какомъ угодно искусствѣ или наукѣ: при этомъ онъ употреблялъ надлежащіе технические термины и говорилъ безостановочно съ ¼ часа или долѣе; кончалось тѣмъ, что ни онъ ни другіе не понимали ни слова изъ его, повидимому, складной рѣчи и въ заключеніе раздавался всеобщій хохотъ». Оригинальная личность Льва Александровича отразилась, между прочимъ на нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ Императрицы. Такъ она выставила его въ своей комедіи «L'Insouciant» и въ двухъ юмористическихъ очеркахъ: «Relation authentique d'un voyage outre-mer, que sir Léon grand'écuyer aurait entrepris par l'avis de ses amis» и «Léoniana ou faits et dits de sir Léon, grand'écuyer, recueillis par ses amis». Кромѣ того въ одномъ изъ знаменитыхъ вопросовъ фонъ-Визина, отвѣты на которые Екатерина II помѣщала въ «Быляхъ и Небылицахъ» нѣкоторые изслѣдователи видятъ намеки на Л. А. Нарышкина. Онъ не былъ писателемъ (вопросъ объ его участіи въ «Собесѣдникѣ» нынѣ окончательно рѣшенъ акад. А. Н. Пыпинымъ въ отрицательномъ смыслѣ), но его интересъ къ литературѣ и ея дѣятелямъ достаточно засвидѣтельствованъ; между прочимъ, ему посвятилъ Н. И. Новиковъ 2-е изданіе своего «Трутня». Въ заключеніе, упомянемъ, что Л. А. Нарышкинъ отличался необыкновеннымъ хлѣбосольствомъ, и страстью устраивать великолѣпные и шумные балы, маскарады и пикники. Одинъ изъ маскарадовъ, данный Нарышкинымъ для Екатерины II-й въ 1772 году, стоилъ ему 300.000 рублей. Описаніе этого маскарада было сдѣлано въ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Его домъ былъ всегда съ утра до вечера открытъ для посѣтителей, причемъ хозяинъ не зналъ многихъ своихъ гостей и по фамиліи, но всѣхъ принималъ съ одинаковымъ радушіемъ. Л. А. Нарышкинъ умеръ 9-го ноября 1799 г., незадолго до смерти пожалованный въ дѣйств. камергеры. Объ этомъ необыкновенно популярномъ въ Петербургскомъ обществѣ человѣкѣ современники оставили множество отзывовъ. Державинъ, дважды его воспѣвшій, говоритъ о немъ: «Онъ былъ весьма острый и смѣтливый человѣкъ, а ежели бы не напустилъ на себя шутовства и шалости, то могъ бы по своему уму быть хорошій министръ или генералъ». Впрочемъ, на способности Л. А. Нарышкина современники смотрѣли различно. Изъ позднѣйшихъ, наиболѣе характерныхъ отзывовъ, достаточно привести слѣдующій:

«Онъ былъ вельможа тѣмъ болѣе опасный, что подъ видомъ шутки, всегда острой и язвительной, умѣлъ легко и кстати высказывать самую горькую правду».

Л. А. Нарышкинъ былъ женатъ на Маринѣ Осиповнѣ, рожд. Закревской.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская Родословная Книга“ т. II; „Записки Ф. Ф. Вигеля“ М. 1893 г. Часть II, стр. 92, 106; „Дворъ Русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ“ сост. Н. Е. Волковъ. Спб. 1900; „Сочиненія Державина“ (Акад. изд.), т. 1—3, 6; Сочиненія Императрицы Екатерины II (Акад. изд.), т. т. V и XII; В. А. Бильбасовъ, „Исторія Екатерины II“, т. т. I и II; „Дневникъ Храповицкаго“ 1782—1793 Изд. „Русск. Архива“. „Архивъ кн. Воронцова томы: 9—13, 17, 21—24, 27, 35—40; „Русскій Архивъ“ 1863, 1867 1873—1878, 1882, 1887, 1890—1896, 1899, 1901, 1904; **Н. И. Бантышъ-Каменскій.** Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ) М. 1902 г., т. II. стр. 227, т. IV стр. 75; Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (1649—1825) т. XVIII, стр. 67, 375; т. XXIII стр. 259; Сенатскій Архивъ (оффиц. изд. т. I (Спб. 1888) стр. 570, 578; Архивъ Пр. Сената (Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII вѣкъ) составилъ П. Барановъ. Т. III, Спб. 1878; Жизнь и приключенія Андрея Болотова (Записки) Изд. „Рус. Стар.; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. т-ва „Общ. Польза“), т. IV и V; „Старина и Новизна“, кн. 3. „Рус. Стар.“ 1870—1874; 1875—1878; 1882, 1886, 1889, 1892; „Москвитянинъ“, 1842, ч. I, стр. 483; „Истор. Вѣстн.“ 1883, 1885, 1887, 1896, „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ., томы: 1, 2, 5, 10. 12, 15 18, 23, 27, 32—33, 42, 109; „Часъ Досуга“ 1860, т. II, № 8 („Нарышкинскія шутки и острословіе“); „Описаніе маскарада и другихъ увеселеній, бывшихъ въ приморской Л. А. Нарышкина дачѣ.. 29 іюля 1772 г.“ (Приб. къ „Моск. Вѣд.“ 1772 г.); Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь рус. гравиров. портретовъ“, т. I; „Записки“ С. Н. Глинки, Спб. 1895 г. По вопросу объ авторствѣ Л. А. Нарышкина см. напр.: П. Пекарскій, „Матеріалы для исторіи журнальной и литерат. дѣятельности Екатерины“ (въ „Запискахъ Имп. Академіи Наукъ“, т. III, Прилож. № 6); „Трутень“ Н. И. Новикова, изд. П. А. Ефремова, Спб. 1865; „Сочиненія Императрицы Екатерины II“ (акад. изд, подъ ред. А. Н. Пыпина), т. 5-й; Пыляевъ. Старый Петербургъ. Спб. 1887 т. — Порошинъ. Записки. Спб. 1881. Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II (1785—1789). Переводъ съ франц. — Спб. 1865 г.—„Древняя и Новая Россія“ 1878 г., т. I, в. 97—119 (статья Мордовцева „Левъ Александровичъ Нарышкинъ, послѣдній историческій шпынь“).

Нарышкинъ, *Левъ Александровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, дѣйствительный камергеръ, сынъ оберъ-камергера Александра Львовича Нарышкина и жены его Маріи Алексѣевны, рожденной Сенявиной, родился 5-го февраля 1785 г. Получивъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ аббата Николя, Н. 14 лѣтъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и первое время оставался на службѣ при дворѣ. 22-го января 1803 г. онъ поступилъ въ военную службу, будучи зачисленъ поручикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, оттуда 13-го февраля 1807 г. перевелся въ л.-гв. Гусарскій полкъ съ чиномъ штабсъ-ротмистра. Л. А. принималъ участіе въ многочисленныхъ походахъ, находился въ битвахъ при Пултускѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтѣ и Гейльсбергѣ, а также при Фридландѣ, гдѣ былъ раненъ въ руку. По заключеніи Тильзитскаго мира Н., награжденный золотымъ оружіемъ, вернулся въ Россію. Обрадованный возвращеніемъ сына, отецъ Л. А., обнимая его, сказалъ: «довольно такой славы. Русскіе исполнили свой долгъ и Нарышкины также». Послѣ этого Л. А. оставилъ военную службу и занялъ прежнее положеніе при дворѣ. Въ 1812-мъ году онъ однако снова вступилъ въ ряды арміи, и 28-го марта былъ зачисленъ, съ чиномъ ротмистра, въ Изюмскій гусарскій полкъ; съ этимъ полкомъ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и въ Бородинскомъ бою, гдѣ получилъ рану въ голову, вмѣстѣ съ барономъ Винценгероде попалъ въ плѣнъ къ французамъ, и только подъ Витебскомъ былъ отбитъ казаками. Зачислившись въ ноябрѣ 1812-го года въ л.-гв. Гусарскій полкъ, Н. съ этимъ полкомъ сдѣлалъ кампанію 1813—1814 годовъ. Въ сраженіи при Деневицѣ онъ отбилъ у непріятеля восемь орудій и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой ст.; Лейпцигская битва доставила ему чинъ генералъ-майора, при чемъ вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ назначенъ командиромъ Донской казачьей бригады. Въ качествѣ начальника отдѣльнаго партизанскаго отряда, онъ успѣшно дѣйствовалъ въ Голландіи, откуда вступилъ затѣмъ въ предѣлы Франціи. Время съ 1816 по 1818 годъ Нарышкинъ провелъ во Франціи въ составѣ корпуса графа М. С. Воронцова. 23-го марта 1824 г. онъ вышелъ въ отставку и вскорѣ женился на Ольгѣ Станиславовнѣ, рожд. гр. Щенсной-Потоцкой (род. въ 1802 г., ум. 7-го окт. 1861 г. въ Наримѣ). 22-го

мая 1843 г. Левъ Александровичъ снова вступилъ въ военную службу и былъ зачисленъ въ свиту Его Величества. 6-го декабря того же года онъ былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты, а въ слѣдующемъ, 1844-мъ году получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Черезъ два года (17 ноября 1846 года) онъ умеръ въ Неаполѣ. Тѣло его было перевезено въ Россію и погребено въ церкви Св. Духа въ Александро-Невской лаврѣ.

„Русскіе портреты XVIII и XIX ст.“, изд. в. кн. Николая Михаиловича, №№ 187 и 188; „Русскій Архивъ“ 1870, 1877, 1886, 1896, 1900, 1902, 1903 гг.; „Рус. Старина“, тт. 53, 55, 64, 77—79, 104—107; Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, „Записки Ф. Ф. Вигеля“ М. 1892; „Сборникъ историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи“, вып. 13-й, Спб. 1906, стр. 64; „Записки“ С. Г. Волконскаго, Спб. 1901 г.

Нарышкинъ, *Левъ Кирилловичъ*, боярин, начальникъ Посольскаго приказа, родной братъ царицы Натальи Кирилловны, родился въ 1664 г. и въ 1682 г. былъ уже стольникомъ, когда вспыхнулъ извѣстный стрѣлецкій бунтъ Звѣрское убійство братьевъ и вообще ненависть стрѣльцовъ къ роду Нарышкиныхъ грозили гибелью и для Льва Кирилловича, такъ какъ выдачи его и многихъ другихъ Нарышкиныхъ требовали стрѣльцы. Спасенный отъ смерти, онъ, однако, по настоянію бунтовщиковъ, принужденъ былъ отправиться въ ссылку. Вернувшись въ Москву, Нарышкинъ сталъ играть видную роль, благодаря вліянію, которымъ онъ пользовался у своей сестры—царицы. Онъ и князь Борисъ Голицынъ были самыми приближенными къ ней людьми. Около этого времени Левъ Кирилловичъ былъ пожалованъ въ бояре. Честолюбивые замыслы Софьи привели въ 1689 г. къ новому стрѣлецкому заговору, направленному главнымъ образомъ противъ царицы Натальи Кирилловны и близкихъ къ ней лицъ, особенно же противъ ея брата Льва Кирилловича. Заговоръ былъ раскрытъ и Нарышкинъ спасся отъ грозившей ему опасности. Входя все больше въ силу, онъ поссорился съ Борисомъ Голицынымъ и вооружилъ противъ него Наталью Кирилловну, благодаря чему Голицынъ вскорѣ окончательно утратилъ всякое значеніе, и Левъ Кирилловичъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія государствомъ. Въ 1690 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Посольскаго Приказа, которымъ управлялъ до 1702 г. Въ 1697 г., когда Петръ уѣхалъ въ первое свое заграничное путешествіе, былъ учрежденъ для управленія государствомъ Совѣтъ изъ четырехъ бояръ, при чемъ первымъ членомъ его, послѣ кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго, былъ назначенъ Левъ Кирилловичъ. Столкновеніе изъ-за власти съ Лопухиными, родственниками молодой царицы, кончилось для Нарышкина вполнѣ благопріятно, такъ какъ Лопухины были совсѣмъ устранены отъ дѣлъ. Въ 1699 г., при назначеніи боярина Ѳедора Алексѣевича Головина генералъ-адмираломъ, къ нему же отошли въ завѣдываніе и иностранныя дѣла и Левъ Кирилловичъ потерялъ первенствующее значеніе въ государственномъ управленіи. Во время отсутствія Головина онъ управлялъ Посольскимъ Приказомъ, но не пользовался уже вліяніемъ. Скончался онъ 28-го января 1705 г.

Л. К. Нарышкину кромѣ громаднаго количества земель и между прочимъ знаменитаго Кунцова, пріобрѣтеннаго имъ у А. А. Матвѣева, принадлежали Тульскіе желѣзные заводы, гдѣ приготовлялись, между прочимъ, желѣзныя части для судовъ Азовскаго флота, а въ 1705 г. — пушечныя ядра, бомбы и т. п.

Л. К. былъ единственнымъ изъ братьевъ царицы Натальи Кирилловны, оставившимъ потомство, которое существуетъ до настоящаго времени. Онъ былъ женатъ дважды; отъ брака съ Прасковьей Ѳеодоровной Н. (умерла 2-го авг. 1701 г. и погребена въ ц. Боголюбской Богородицы Высокопетровскаго монастыря, въ Москвѣ) у него было три сына и три дочери; отъ второго брака съ Анной Петровной Салтыковой (род. 9-го сент. 1760 г., ум. 22-го іюня 1728 г.) двѣ дочери.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. „Русская родословная книга“, т. II; Н. Е. Волковъ, „Дворъ русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ“, Спб. 1900, стр. 220; Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Пр. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Изд. Импер. Академіи Наукъ подъ редак. Н. В. Калачова, тт. II, IV, V; С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, (изд. тов. „Общ. Польза“). Т. III; „Русскій Историческій Сборникъ“. Изд. подъ редакціей М. П. Погодина. Т. V, стр. 342—346; Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (1649—1825). Т. III, стр.

35, 47, 100—102, 124; т. IV, стр. 418, 823; т. V, стр. 155; т. XIII, стр. 871; Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). М. 1902, т. I, стр. 38, 40; Д. Бантышъ Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей русской земли", ч. 4; Справочный энциклопедическій словарь. А. Старчевскаго; Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Спб. 1887 г. Т. I, II, III и IV; Д. А. Ровинскій, „Подробный Словарь рус. гравиров. партретовъ", т. I; Н. В. Чарыковъ. „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694)", Спб. 1906 (по указат.); Забѣлинъ, „Кунцово и древній Сѣтунскій станъ", М. 1873.

Нарышкинъ, *Левъ Кирилловичъ*, д. ст. сов.; родился 27-го іюня 1809 г., сынъ оберъ-гофмаршала Кирилла Александровича Нарышкина и жены его Маріи Яковлевны, рожд. кн. Лобановой-Ростовской. По окончаніи курса въ Царскосельскомъ Лицеѣ, Нарышкинъ опредѣлился въ 1826 г. въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и былъ причисленъ къ нашей миссіи въ Римѣ, но черезъ два года перешелъ въ военную службу, будучи принятъ, Высочайшимъ приказомъ 29-го ноября 1828 г., корнетомъ въ Гусарскій Принца Оранскаго полкъ, въ составѣ котораго въ слѣдующемъ же году участвовалъ въ Турецкой кампаніи. Въ качествѣ адъютанта главнокомандующаго 2-ою арміею генералъ-фельдмаршала гр. Дибича-Забалканскаго, онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ, между прочимъ,—при Силистріи, Шумлѣ, Андріанополѣ, и за отличія былъ пожалованъ чиномъ поручика и орденами Св. Анны 3-ей степени и Св. Владиміра 4-ой ст. съ бантомъ. Въ 1831-мъ г. онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ и въ качествѣ адъютанта при Главнокомандующемъ арміей—фельдмаршалѣ кн. Варшавскомъ гр. Паскевичѣ-Эриванскомъ принималъ участіе въ подавленіи польскаго мятежа; за отличіе въ дѣлахъ подъ Прагою, Минскомъ, Остроленкой и при взятіи Варшавы награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Въ октябрѣ 1832 г. онъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, въ составѣ котораго пробылъ до января 1835 г., когда перешелъ на статскую службу, опредѣлившись въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ при хозяйственномъ департаментѣ. Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, онъ принималъ участіе во многихъ коммиссіяхъ и къ 1846 г. послѣдовательно былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; 21-го іюня 1840 г. онъ былъ командированъ въ Тамбовскую губернію для наблюденій за правильнымъ распредѣленіемъ пособій, отпущенныхъ правительствомъ по случаю неурожая. Въ декабрѣ 1841 г. Н. перешелъ на службу въ Государственный Контроль чиновникомъ особыхъ порученій, а 16-го марта 1842 г. былъ избранъ въ уѣздные предводители дворянства по Петербургской губерніи. 5-го іюня того же года онъ былъ назначенъ и. д. генералъ-контролера Контрольнаго Департамента Гражданскихъ отчетовъ, а затѣмъ генералъ-контролеромъ. Онъ скончался 19-го сент. 1855 г. Л. К. Нарышкинъ былъ женатъ на кн. Маріи Васильевнѣ Долгорукой, сконч 7-го декабря 1869 года.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская Родословная книга" Т. II.—Формулярный списокъ о службѣ д. с. с. Л. К. Нарышкина 1848 г.

Нарышкинъ, *Мартемьянъ Кирилловичъ*, бояринъ, родной братъ царицы Натальи Кирилловны, родился въ 1665 г. и въ 1682 г. въ дни мятежа стрѣльцовъ былъ стольникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спальникомъ. Свидѣтель гибели братьевъ, онъ самъ едва не погибъ въ эти дни, такъ какъ стрѣльцы требовали его выдачи; вмѣсто этого, по ихъ-же настоянію, ему вмѣстѣ съ многими другими пришлось отправиться въ ссылку. Вскорѣ, однако, вернувшись въ Москву, Мартемьянъ Кирилловичъ въ 1686 г. былъ уже стольникомъ царя Петра Алексѣевича, а въ 1690 г. былъ сдѣланъ бояриномъ. Скончался онъ 4-го марта 1697 г. Отъ брака съ кн. Евдокіей Васильевной Сибирской (ум. 11-го апр. 1691 г.) у него осталась одна только дочь, бывшая замужемъ за кн. Вас. Петр. Голицынымъ.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій „Русская родословная книга", т. II; Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Пр. Сенатѣ въ царств Петра Великаго. Изд. Импер. Академіи Наукъ подъ редак. А. В. Калачова т. V ч. 2-ая стр. 900. С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (изд. товариществ. „Общественная польза". т. III стр. 898, 899, 904;—Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ.

Нарышкинъ, *Матвѣй Филимоновичъ*, бояринъ, сынъ Филимона Ивановича Нарышкина; своимъ возвышеніемъ, какъ

и всѣ Нарышкины, обязанъ родству съ царицей Натальей Кирилловной. Находясь съ 20-го декабря 1674 г. по 25 марта 1676 г. на воеводствѣ въ Устюгѣ Великомъ, Нарышкинъ уже въ 1678 г. былъ дворяниномъ Московскимъ, а въ 1686 г. получилъ званіе стольника. Сдѣланный въ 1688 г. окольничимъ, онъ въ 1690 г. получилъ боярство. Скончался въ 1692 г.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга» т. II; „Доклады и приговоры", состоявшіеся въ Пр. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, т. III ч. 2-я стр. 518; Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ, «Русская Старина» 1890 г. т. LXIII стр. 154;

Нарышкинъ, *Михаилъ Михайловичъ*,—полковникъ Тарутинскаго полка; род. 4-го февр. 1795 г., ум. 2-го янв. 1863 г. Замѣшанный въ дѣлѣ возмущенія 14-го декабря 1825 г. онъ былъ причисленъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ и сосланъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, но въ 1832 г. былъ «обращенъ на поселеніе» въ Сибири и жилъ въ Курганѣ, гдѣ скоро пріобрѣлъ къ себѣ большое расположеніе жителей этого города. Наслѣдникъ Престола, Великій Князь Александръ Николаевичъ, во время пребыванія своего въ Курганѣ, между прочимъ, писалъ Императору Николаю Павловичу: «въ особенности здѣсь хвалятъ Нарышкина. Онъ благодѣтель всего города». Какъ извѣстно, въ ознаменованіе пребыванія Его Высочества въ Курганѣ, нѣкоторымъ изъ декабристовъ, отбывавшихъ тамъ наказаніе, было предложено поступить въ военную службу, и М. М. Нарышкинъ былъ однимъ изъ первыхъ декабристовъ, отправленныхъ въ 1837 г. на Кавказъ. Онъ дожилъ до общей амнистіи, проживалъ одно время въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 2-го января 1863 г. Въ Сибири и на Кавказѣ М. М. Нарышкину сопутствовала его жена Елисавета Петровна, рожд. графиня Коновницына (род. 1-го апр. 1801 г., ум. 11-го дек. 1867 г.).

„Рус. Стар.", т.т. 30, 32, 110, 113, 114, „День" 1863, № 3; „Библ. для Чтенія" 1863; т. 175, № 1, отд. II, стр. 248; „Записки В. П. Зубкова", подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, Спб. 1906 (см. также „Пушкинъ и его современники", т. I, вып. 4); „Записки" бар. А. Е. Розена, Лейпцигъ, 1870; А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, „Декабристы въ Западной Сибири", Спб. 1905; „Записки" бар. А. Е. Розена, И. Д. Якушкина, А. И. Кошелева, С. Г. Волконскаго, Спб. 1901, кн. М. Н. Волконской, Спб. 1904 и др.; В. И. Покровскій, „Жены декабристовъ", М. 1906; „Декабристы"—86 портретовъ. Изд. М. М. Зензинова, стр. 171—173.

Нарышкинъ, *Петръ Петровичъ*,—тайный совѣтникъ, сенаторъ; род. 20-го мая 1764 и былъ сыномъ гвардіи маіора Петра Петровича Нарышкина и жены его Прасковіи Васильевны, рожд. кн. Репниной. П. П. Нарышкинъ началъ службу въ гвардіи, но потомъ перешелъ въ гражданское вѣдомство, въ Московскіе Департаменты Сената Получивъ званіе камергера, онъ числился сперва за оберъ-прокурорскимъ столомъ; пожалованный затѣмъ въ сенаторы, Нарышкинъ оставался въ этомъ званіи до своей смерти.

Онъ скончался въ званіи почетнаго опекуна и управляющаго Вдовьимъ домомъ 26-го октября 1825 г. въ Москвѣ.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. II. Н. Е. Волковъ, „Дворъ русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ". Спб. 1900 г. стр. 205, Кн. И. М. Долгоруковъ «Капище моего сердца». Сочиненія императрицы Екатерины II (Акад. изд.), т. XII.

Нарышкинъ, *Семенъ Васильевичъ*.—вице-президентъ Бергъ-Коллегіи, сынъ генералъ - поручика Василія Васильевича Нарышкина; родился въ 1731-мъ году. Служба его протекла въ гражданскомъ вѣдомствѣ, сперва въ должности экзекутора 1-го департамента Правительствующаго Сената, а потомъ въ чинѣ статскаго совѣтника, въ качествѣ вице-президента Бергъ-Коллегіи. Между прочимъ, въ 1767 году онъ былъ избранъ депутатомъ въ Коммиссію для составленія проекта Новаго Уложенія отъ дворянъ Михайловскаго уѣзда тогдашней Московской (нынѣ Рязанской) губерніи, и присутствовалъ въ частной Коммиссіи «о среднемъ родѣ людей». Въ качествѣ депутата, онъ поддерживалъ мысль объ отдѣленіи родовыхъ дворянъ отъ тѣхъ, которые дослуживаются до офицерскихъ чиновъ, не будучи родомъ изъ дворянъ. Въ литературныхъ кружкахъ того времени Семенъ Васильевичъ былъ извѣстенъ, какъ плодовитый писатель. Онъ написалъ много элегій и другихъ мелкихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ академическихъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», а также въ «Полезномъ Увеселеніи» и «Трудолюбивой Пчелѣ». Ему принадлежитъ комедія «Истинное дружество», («во вкусѣ Диде-

рота»); двѣ эпистолы, имъ сочиненныя, напечатаны въ 1761 и 1765 годахъ. Нѣкоторыя сочиненія Семена Васильевича изданы отдѣльно: «Слово о началѣ и перемѣнахъ Россійскихъ законовъ,— г. Штрубе-де-Пирмонтъ», перев. съ франц. Спб. 1756;—«Епистолы Императрицѣ Екатеринѣ II-ой», Спб. 1765 г.;—«Письмо къ народу г. Томаса и разговоръ бѣдности съ истиною»; перев. съ франц. Спб. 1772 г.; кромѣ того, онъ участвовалъ въ «Переводахъ изъ Энциклопедіи», гдѣ помѣщены въ его переводѣ двѣ статьи: «Экономія» и «Право естественное».

„Опытъ о россійскихъ писателяхъ". Собралъ Н. Новиковъ. Спб. 1772: В. С. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи". Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. № 3739, 3750, (8100). 8223, 10720; А. Н. Неустроевъ, „Историческое розысканіе"... Спб. 1875; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русск. Родословная Книга" т. II, стр. 11; В. И. Саитовъ, „Петербургскій Некрополь"; „Русскій Архивъ" 1904 г. Т. III, стр. 158; „Русская Старина" 1870 г. Т. II, стр. 76–77, 1874 г. Т. X, стр. 548; „Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества". Томы XXXIII, XXXVI, CI; „Русская Поэзія", изд. подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, вып. VI, стр. 319—320; Ю. Веселовскій, „Литерат. очерки", М. 1900, стр. 456, 495–6; „Библіогр. Зап.", т. III, № 20; Н-ну посвящено: „Лѣсной временникъ", изд. У. Г. Бекманомъ, пер. съ нѣм. Л. Краугольдъ, Спб. 1773.

Нарышкинъ, *Семенъ Григорьевичъ*,— генералъ аншефъ, сынъ боярина Григорія Филимоновича; родился въ началѣ 80-хъ годовъ XVII вѣка; благодаря родству съ царицей Натальей Кирилловной, а также и своимъ личнымъ качествамъ, скоро заслужилъ довѣріе молодого государя Петра I-го. Назначенный комнатнымъ стольникомъ, онъ въ 1698-мъ году отправился за границу въ числѣ дворянъ великаго посольства въ различныя Европейскія государства. Для усовершенствованія въ наукахъ и ознакомленія съ иностранными языками онъ, между прочимъ, изъ Вѣны ѣздилъ въ Берлинъ, гдѣ быстро освоился съ новыми для него предметами, которые ему поручено было изучить. Въ 1707-мъ году онъ съ дипломатическимъ порученіемъ былъ отправленъ въ Литву; въ 1708-мъ году Н. состоялъ капитаномъ лейбъ гвардіи Преображенскаго полка. Пожалованный 8-го марта 1711 г. въ дѣйствительные камергеры, Нарышкинъ былъ отправленъ въ томъ же году во Флоренцію, откуда, впрочемъ, очень быстро былъ отозванъ. Пользуясь расположеніемъ Императора Петра Великаго, онъ часто получалъ отъ Государя важныя командировки по дипломатической части. Такъ, въ 1712-мъ году онъ отправился къ Датскому королю Фридриху VI-му съ письмомъ царя, просившаго ускорить открытіе совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ шведовъ. Затѣмъ онъ былъ въ Вѣнѣ съ порученіемъ царя заключить съ Австріей союзъ противъ турокъ. Кромѣ того, Нарышкинъ присутствовалъ на Брауншвейгскомъ конгрессѣ и тогда же ѣздилъ въ Карлсбадъ для свиданія съ находившимся тамъ государемъ Петромъ I-мъ. Въ 1714-мъ году онъ ѣздилъ къ Польскому королю Августу II-му, а въ 1715-мъ году въ Англію для поздравленія англійскаго короля Георга I-го со вступленіемъ на престолъ. Замѣшанный въ дѣло царевича Алексѣя, Семенъ Григорьевичъ въ 1718-мъ году былъ высланъ въ свои дальнія деревни, съ запрещеніемъ выѣзжать изъ нихъ куда бы то ни было.

Пожалованный въ день бракосочетанія Цесаревны Анны Петровны съ Герцогомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ Карломъ Фридрихомъ, 21-го мая 1725 г, орденомъ Александра Невскаго, онъ былъ возвращенъ въ 1726 г. Екатериной I-ой изъ ссылки и 6-го апрѣля 1729 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ оберъ-гофмейстеромъ къ двору Цесаревны Анны Петровны. Въ 1730 г. Нарышкинъ былъ произведенъ въ полные генералы и вскорѣ уволенъ въ отставку. 18-го декабря 1731 г. онъ вновь былъ принятъ на службу и назначенъ въ Малороссію для наблюденія за дѣятельностью гетмана Апостола; онъ оставался здѣсь въ 1732-мъ и 1733-мъ гг. При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ Нарышкинъ около пяти лѣтъ состоялъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ. С. Г. Нарышкинъ умеръ въ 1747-мъ году.

Н. Е. Волковъ, „Дворъ русскихъ императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ", Спб. 1900 г., стр. 172; „Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка", Спб. 1883 г., т. IV, стр. 152; „Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени". Т. I, Спб. 1879 г., стр. 4; „Сборникъ Импер. русскаго Историческаго Общества". Томы: XX, LVIII, LXI, LXIX, LXXVI, CI, CIV, CVI, CVIII; — „Историческій Вѣстникъ" 1883 г. Т. XI, стр. 18, 19, 24; „Русскій Архивъ" 1871, 1874, 1892; 1899 гг.; „Русская Старина" 1870; „Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Пр. Сенатѣ въ цар-

ствованіе Петра Великаго". тт. II, IV; Словарь достопамятныхъ людей русской земли, сост. Д. Бантышъ-Каменскимъ; С. М. Соловьевъ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", Спб. (Изд. Тов. „Обществ. Польза"), тт. IV и V; „Письма и бумаги Императора Петра Великаго", Спб. 1887, тт. I—IV; „Сенатскій Архивъ" оффиц. изданіе, тт. III, IV и VII; „Архивъ Пр. Сената" состав. П. Барановъ тт. I и II; Н. Н. Бантышъ-Каменскій „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г.", М. 1902, тт. I—IV; Кн. А. Б. Лобановъ - Ростовскій, „Русская родословная книга", т. II; Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Вел.", т. VI.

Нарышкинъ, *Семенъ Кирилловичъ*,— генералъ-аншефъ, оберъ-егермейстеръ и кавалеръ св. Андрея, сынъ послѣдняго кравчаго Кирилла Алексѣевича Нарышкина и жены его Анастасіи Яковлевны, рожденной княжны Мышецкой; родился 5 апрѣля 1710 г. Получивъ прекрасное по тому времени образованіе въ домѣ своего отца, онъ вскорѣ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и оставался въ этомъ званіи во все время царствованія Анны Іоанновны. Послѣ смерти этой Государыни онъ уѣхалъ за границу, откуда вернулся лишь ко времени вступленія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны. Эта осторожность обезпечила Нарышкину его дальнѣйшую карьеру. Находясь въ Парижѣ, онъ 4-го мая 1741 г. былъ пожалованъ въ камергеры, а 31-го декабря того же года былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Англію, на мѣсто бывшаго тамъ кн. Щербатова. Въ рескриптѣ ему предписывалось: дать понять англійскому министерству, что императрица желаетъ продолженія добраго согласія и дружбы между Россіей и Англіей; не входить въ обсужденіе подробностей тогдашней европейской политической системы; наблюдать за намѣреніями Англіи относительно войны съ Испаніей и затѣмъ, какое участіе можетъ принять въ этой войнѣ Франція. Въ Лондонѣ любили кн. Щербатова и были недовольны, что онъ отозванъ, а потому отнеслись къ Нарышкину несочувственно. Повидимому и Нарышкинъ, проживши долгое время въ Парижѣ, гдѣ дружески сошелся съ Дидро, съ Фальконетомъ и съ русскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ кн. Кантемиромъ, болѣе склонялся на сторону Франціи, нежели Англіи. Посланникомъ въ Лондонѣ Нарышкинъ пробылъ лишь полтора года, до іюня 1743 г., когда въ Англію былъ снова отправленъ кн. Щербатовъ, а Нарышкинъ отозванъ въ Петербургъ. Ходили разнорѣчивые слухи о томъ назначеніи, которое получитъ Нарышкинъ; иные полагали, что онъ будетъ канцлеромъ вмѣсто Бестужева; другіе думали, что императрица сдѣлаетъ его президентомъ Академіи Наукъ. По этому поводу кн. Кантемиръ писалъ изъ Парижа кн. Мих. Илар. Воронцову, выражая надежду, что подъ вѣдѣніемъ Нарышкина «науки у насъ пойдутъ въ лучшій путь, чѣмъ до сихъ поръ шли». Въ 1744 г. Нарышкинъ былъ посланъ встрѣчать принцессу Цербстскую и дочь ея, выбранную въ невѣсты наслѣднику русскаго престола, великому князю Петру Ѳеодоровичу. 30-го ноября 1744 онъ назначенъ гофмаршаломъ ко двору вел. кн. Петра Ѳеодоровича, съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Награжденный 18-го декабря того же года орденомъ Александра Невскаго, Нарышкинъ во все время царствованія Императрицы Елизаветы Петровны продолжалъ пользоваться ея расположеніемъ.

Обладая хорошими средствами, Н. велъ роскошный образъ жизни; между прочимъ, онъ имѣлъ прекрасный домашній театръ, который посѣщали Высочайшія Особы; кромѣ того, онъ завелъ превосходный оркестръ роговой музыки, изобрѣтенной придворнымъ музыкантомъ, впослѣдствіи капельмейстеромъ Нарышкинскаго оркестра—чехомъ Іоганомъ Марешомъ; въ 1757 году Марешъ достигъ хорошихъ результатовъ, и съ тѣхъ поръ многіе русскіе вельможи стали заводить у себя оркестры роговой музыки. Появленіе Нарышкина при Дворѣ въ различныхъ торжественныхъ случаяхъ всегда давало ему случай обратить вниманіе на его блестящій и оригинальный костюмъ, да и вообще онъ слылъ первымъ щеголемъ своего времени.

6-го мая 1757 г. Нарышкинъ былъ произведенъ въ генералъ - аншефы и сдѣланъ оберъ - егермейстеромъ, а 16-го августа 1760 г. былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Около этого же времени онъ былъ назначенъ присутствовать въ Придворной Конторѣ. Онъ умеръ 27-го ноября 1775 года, въ Москвѣ.

С. К. Нарышкинъ былъ женатъ на красавицѣ Маріи Павловнѣ, рожд. Балкъ-Полевой (род. 23 ноября 1728 г., ум. 28 мая 1793 г.).

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, "Русская родословная книга" т. II; „Справочный Энциклопедическій Словарь", изд. подъ ред. А. Старчевскаго, т. VIII; „Дворъ русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ", сост. Н. Е. Волковъ, Спб. 1900 г., стр. 15, 163, 178; „Ив. Ив. Бецкой", Опытъ его біографіи. Сост. П. М. Майковъ, Спб. 1904 г., стр. 73;—„Сочиненія Державина" (акад. изд.), т. VI; „Архивъ Пр. Сената", состав. П. Барановъ, т. III; „Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи", (1649—1825), т. XX, стр. 691; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г.", М. 1902 г., т. I, стр. 145; т. II, стр 297, 248;—Русская Старина", тт. 5, 11, 13, 42. 72; 1895, 1898, 1905 гг.; „Русскій Архивъ"; 1871, 1874, 1878, 1881, 1891, 1894, 1904 гг. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества". Томы: 7, 17, 20, 28, 68, 86, 91, 96, 99—102, 105, 110; „Историческій Вѣстникъ", тт. II, III, XXIX; „Архивъ князя Воронцова", тт. I, II, IV, V, VI, XXVI, XXXIV; „Архивъ дирекціи Императорскихъ Театровъ, съ 1746 по 1801 г.".—Отдѣлъ II-ой;—„Словарь, достопамятныхъ людей русской земли", состав. Д. Бантышъ-Каменскимъ. Сочиненія императрицы Екатерины II (Акад. изд.), т. XII; В. А. Бильбасовъ, «Исторія Екатерины Второй", т. I; Объ оркестрѣ роговой музыкѣ С. К. Нарышкина см. статью Финдейзена „Роговая музыка въ Россіи" (въ „Музык. Старинѣ", Спб. 1903, вып. 2), Штакельбергъ, „Краткій историческій очеркъ роговой музыки", Спб. 1896; Петровъ. Исторія Петербурга съ основанія города (1703—1782 г.г.) Спб. 1885 г.; Пыляевъ. Старый Петербургъ. Спб. 1887 г.; Порошинъ. Записки; „Маркизъ-де-ла-Шетарди въ Россіи 1740 — 1742 г.г.", съ примѣч. Пекарскаго. Спб. 1862 г.

Нарышкинъ, *Ѳедоръ Полуектовичъ*,— думный дворянинъ, родной дядя царицы Натальи Кирилловны, сынъ Тарусскаго сына боярскаго Полуекта Ивановича Нарышкина; родился приблизительно въ концѣ 20 хъ годовъ XVII вѣка. Невысокаго происхожденія и безъ всякихъ родственныхъ связей, онъ, въ званіи ротмистра, служилъ подъ командой рейтарскаго полковника Артамона Матвѣева—извѣстнаго впослѣдствіи боярина и любимца царя Алексѣя Михаиловича. Ѳ. П. Нарышкинъ женился на родной племянницѣ жены своего начальника—Евдокіи Петровнѣ Хомутовой, и въ 1658—68 годахъ былъ стряпчимъ рейтарскаго строю; въ 1659 году участвовалъ въ сраженіи подъ Конотопомъ, гдѣ былъ раненъ. Бракъ царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, родной племянницей Ѳедора Полуектовича, послужилъ къ возвышенію всего рода Нарышкиныхъ. 19-го ноября 1673 г. Нарышкинъ былъ назначенъ воеводою въ Холмогоры. Смерть Тишайшаго царя и удаленіе отъ двора Матвѣева и Нарышкиныхъ, многіе изъ которыхъ попали въ опалу, сильно подѣйствовали на Ѳедора Полуектовича, онъ не пережилъ бѣдствій своего рода и скончался въ Холмогорахъ же, на воеводствѣ, 15-го декабря 1676 года.

Жена Ѳ. П. Нарышкина — Авдотья Петровна находилась подъ опалой и въ ссылкѣ до вступленія на престолъ Петра Великаго, первымъ распоряженіемъ котораго былъ вызовъ въ Москву боярина Матвѣева «да думнаго дворянина Ѳедоровой женѣ Полуектовича Нарышкина съ сыномъ (Симеономъ) велѣно быть на Москвѣ не мѣшкавъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это было дѣломъ Натальи Кирилловны. Любопытна судьба Авдотьи Петровны: близкая родственница русской царицы, она была ближней боярыней; придерживаясь старой вѣры, попала въ ссылку и стала еще болѣе враждебно относиться ко всѣмъ нововведеніямъ, сдѣлавшись раскольничьей старицей. Поселилась она въ селѣ Пустынь, Арзамасскаго уѣзда. Мѣсто, гдѣ она жила въ Пустынскомъ лѣсу по нынѣ зовется «Царицынымъ или Девворинымъ» и очень почитается раскольниками. Попавъ послѣ этого въ тюрьму, она нѣкоторое время спустя появилась опять въ Москвѣ при Дворѣ и была свидѣтельницей мятежа стрѣльцовъ.

Иванов, „Указатель къ боярскимъ книгамъ" Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга", т. II; А. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ Воеводскаго управленія Московскаго Государства XVII ст.", стр. 65—66;— „Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII столѣтій". „Волоколамская и Серпуховская десятины. В. и Г. Холмогоровыхъ стр. 50, 88; То-же. Выпускъ пятый.—„Радонежская десятина", стр. 20; „Русскій Вѣстникъ" 1872 г. № 1, стр. 145 – 159; Дополн. къ Актамъ истор., тт. V, VI, IX — XI; Дворц. разр., т. III; Устряловъ, Исторія царствованія Петра Великаго, т. I.

Б. Алексѣевскій.

Нарѣжный, *Василій Трофимовичъ*,— писатель; род. въ 1780 г. въ мѣстечкѣ Устовицы, Миргородской сотни, Гадячскаго повѣта. Отецъ его — мелкій польскій шляхтичъ, въ 1786 г., по выходѣ изъ

Черниговскаго Карабинернаго полка, съ обязательствомъ «остаться вѣчно въ русскомъ подданствѣ», былъ награжденъ чиномъ корнета и 24-го октября того же года получилъ свидѣтельство на дворянство. Первоначальное образованіе В. Т. Нарѣжный получилъ, какъ полагаютъ, въ Черниговской семинаріи, бытъ которой имъ живо изображенъ впослѣдствіи въ его романѣ «Бурсакъ». Въ 1792 г. онъ былъ помѣщенъ въ дворянскую гимназію при Московскомъ университетѣ; между прочимъ, въ этой гимназіи воспитанники получали настолько удовлетворительное знакомство съ новыми языками, что впослѣдствіи, сдѣлавшись студентами, могли заниматься переводами «на заказъ», что давало имъ нѣкоторый заработокъ; этимъ трудомъ поддерживалъ себя и Нарѣжный во время своего студенчества. Изъ профессоровъ университета, Нарѣжный близко сошелся съ Сохацкимъ, редакторомъ двухъ журналовъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» и «Иппокрена или Утѣхи любословія», въ которыхъ и помѣщалъ свои первые литературные опыты. Пробывъ въ университетѣ два года (съ 1799 г.), Нарѣжный въ октябрѣ 1801 г. поступилъ на службу къ вновь назначенному тогда правителю Грузіи Коваленскому. Годъ службы въ Грузіи не остался безъ вліянія на литературное творчество Нарѣжнаго. Состояніе разоренной Грузіи, невѣжество господствующаго класса, бѣдность и безправіе народныхъ массъ, злоупотребленія со стороны администраціи и пр. произвели на Нарѣжнаго тяжелое впечатлѣніе и послужили поводомъ къ написанію романа «Черный годъ, или горскіе князья», въ которомъ, на фонѣ приключеній и фантастическихъ сценъ, Нарѣжный нарисовалъ рядъ картинъ восточной жизни и осмѣялъ злоупотребленія Грузинской администраціи. Однако, изъ боязни преслѣдованія со стороны Коваленскаго, Нарѣжный не рѣшился печатать своего романа, и послѣдній увидѣлъ свѣтъ лишь послѣ смерти автора (въ 1829 г.). 14 го мая 1803 года, получивъ увольненіе отъ службы въ Тифлисѣ, Нарѣжный выѣхалъ въ Петербургъ и осенью того же года поступилъ на службу въ 3-е отдѣленіе Экспедиціи Государственнаго хозяйства при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, на должность писца. За время службы въ Экспедиціи онъ успѣлъ лишь напечатать въ 1804 году трагедію «Димитрій Самозванецъ», написаную еще въ 1800 г. 30-го мая 1807 г. Нарѣжный поступилъ въ Горную Экспедицію Кабинета Его Величества. Съ этого времени начинаются его усиленныя работы въ области литературы. Между прочимъ, въ 1809 г. онъ издалъ первый томъ «Славенскихъ вечеровъ», принятый очень сочувственно критикой и публикой. Въ 1813 г. Нарѣжный вышелъ въ отставку и женился, а въ 1815 г. снова поступилъ на службу въ Инспекторскій Департаментъ при Главномъ Штабѣ, гдѣ находился до 10 сент. 1821 г., когда по разстроенному здоровью окончательно вышелъ въ отставку. 21-го іюня 1825 г. Нарѣжный умеръ, проведя послѣдніе годы жизни въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ.

Литературная дѣятельность Нарѣжнаго началась довольно рано. Еще будучи студентомъ, онъ напечаталъ первое свое произведеніе—переводъ (съ нѣмецкаго) поэтическаго сказанія «Сотвореніе розы»—въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» и затѣмъ немало писалъ стихами и прозой, сочинялъ оды, басни, трагедіи (переводилъ изъ иностранныхъ авторовъ), пока, наконецъ, не остановился на повѣствовательной формѣ. Изъ его юношескихъ произведеній наибольшимъ вниманіемъ пользовалась, напечатанная въ 1798 году поэма «Освобожденная Москва», написанная подъ впечатлѣніемъ поэмы Хераскова того же названія; разница въ сюжетѣ обѣихъ поэмъ та, что поэма Херсакова имѣетъ своимъ содержаніемъ Смутное время, а поэма Нарѣжнаго относится къ нашествію Тамерлана. Въ слѣдующемъ 1799 году онъ напечаталъ въ журналѣ «Иппокрена» пять произведеній, въ томъ числѣ три басни. Наиболѣе зрѣлое произведеніе этого періода «Черный годъ или горскіе князья». Это былъ первый опытъ самобытнаго сатирическаго романа въ нашей литературѣ. По образцу романовъ того времени, «Черный годъ» изобилуетъ всевозможными невѣроятными похожденіями, отступленіями нравоучительнаго характера, но тѣмъ не менѣе онъ представляетъ довольно близкую къ дѣйствительности картину мѣстности, нравовъ и обычаевъ описываемаго края. Впрочемъ, романъ этотъ былъ напечатанъ въ 1829 году, когда интересъ

къ дѣламъ Грузіи ослабѣлъ въ русскомъ обществѣ, и потому «Черный годъ» былъ встрѣченъ равнодушно. Въ 1804 г. Н. напечаталъ трагедію «Дмитрій Самозванецъ»—довольно неудачный сколокъ съ трагедіи «Разбойники» Шиллера. Пробужденіе интереса въ русскомъ обществѣ къ отечественной старинѣ, появленіе «Слова о полку Игоревѣ» вызвало и въ литературѣ направленіе въ сторону народничества. Въ это время Нарѣжный написалъ «Славенскіе вечера»—сборникъ повѣстей эпическаго характера. «Славенскіе вечера», въ которыхъ замѣтно подражаніе автора пѣснямъ Осціана, встрѣчены были критикой очень сочувственно, и успѣхъ ихъ побудилъ Нарѣжнаго въ слѣдующемъ году напечатать въ «Цвѣтникѣ» еще двѣ повѣсти: «Георгій и Елена» и «Анастасія», составляющія какъ бы продолженіе «Славенскихъ вечеровъ», но отличающіяся болѣе романтическимъ характеромъ. Въ 1814 г. вышли въ свѣтъ три первыя части романа Нарѣжнаго «Россійскій Жилблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова». Этотъ романъ представляетъ передѣлку на русскіе нравы извѣстнаго сочиненія Лесажа «Histoire de Gil Blas». «Россійскій Жилблазъ» тогда же былъ запрещенъ, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго, который нашелъ въ этомъ сочиненіи «предосудительныя и соблазнительныя мѣста», и потому остальныя три части не могли появиться въ печати. Въ этомъ романѣ Нарѣжнаго отразились наиболѣе выдающіяся черты русской жизни и общественности: пристрастіе къ славянскому языку послѣдователей Шишкова, масонство, злоупотребленія помѣщиковъ своей властью надъ крестьянами, взяточничество и пр. Насколько появленіе этого романа въ русской литературѣ было значительнымъ событіемъ, можетъ свидѣтельствовать отзывъ И. А. Гончарова, который говоритъ: «Нельзя не отдать полной справедливости уму и необыкновенному, по тогдашнему времени, умѣнью Нарѣжнаго отдѣлываться отъ стараго и создавать новое. Бѣлинскій глубоко правъ, отличивъ его талантъ и оцѣнивъ его, какъ перваго русскаго по времени романиста. Онъ школы Фонъ-Визина, его послѣдователь и предтеча Гоголя». Послѣ напечатанія первыхъ трехъ частей «Россійскаго Жилблаза» и запрещенія остальныхъ трехъ въ 1814 г., наступилъ перерывъ въ литературной дѣятельности Нарѣжнаго до 1818 г., когда были напечатаны въ «Соревнователѣ» повѣсть «Славенскихъ вечеровъ» «Любославъ»; въ 1819 г. тамъ же напечатана другая повѣсть «Александръ». Въ 1823 г. вышла отдѣльнымъ изданіемъ повѣсть его «Аристіонъ или перевоспитаніе», въ которой авторъ показываетъ вредъ новомоднаго внѣшняго воспитанія, при полномъ пренебреженіи къ развитію душевныхъ качествъ. Въ 1824 г. появились «Новыя повѣсти», отчасти сентиментальнаго, отчасти реальнаго характера. Изъ нихъ наиболѣе выдающіяся: «Богатый бѣднякъ», «Запорожецъ» и «Заморскій принцъ»; послѣдняя написана въ драматической формѣ и скорѣе можетъ назваться комедіей. Въ томъ же 1824 г. вышелъ романъ «Бурсакъ», наиболѣе оригинальное и извѣстное сочиненіе Нарѣжнаго. «Бурсакъ», какъ и «Россійскій Жилблазъ», представляетъ переходъ отъ подражательнаго романа къ самобытному. Это произведеніе имѣло большой успѣхъ, и критика причислила его къ лучшимъ историческимъ и оригинальнымъ романамъ въ русской литературѣ. Наконецъ, въ 1825 г., спустя двѣ недѣли по смерти Нарѣжнаго, вышелъ его романъ «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ», изображающій наклонность малороссовъ къ сутяжничеству и судьбу трехъ помѣщичьихъ семействъ, доведенныхъ до разоренія многолѣтней тяжбой. Изъ посмертныхъ сочиненій Нарѣжнаго уцѣлѣла первая часть романа «Гаркуша, малороссійскій разбойникъ».

Современная критика часто упрекала Нарѣжнаго въ недостаткѣ «образованнаго вкуса», въ грубости языка, но тѣмъ не менѣе за нимъ признавался несомнѣнный литературный талантъ, самобытный и оригинальный. Кн. П. А. Вяземскій по поводу появленія «Бурсака» и «Двухъ Ивановъ» писалъ, что эти романы Нарѣжнаго «занимаютъ видное мѣсто въ числѣ замѣчательныхъ произведеній нашей лѣнивой и малоурожайной словесности», и что Нарѣжный первый сумѣлъ наблюденія надъ народнымъ бытомъ обратить въ матеріалъ для составленія русскаго романа. Бѣлинскій признавалъ въ Нарѣжномъ «человѣка съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ талантомъ». По особымъ

свойствамъ своей натуры, по скромности, Нарѣжный держался въ сторонѣ отъ видныхъ литературныхъ кружковъ, нерѣдко оставался въ тѣни и умеръ недостаточно оцѣненный и малопонятый современниками. Между тѣмъ, историко-литературное значеніе этого самобытнаго дарованія значительно. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ и наиболѣе талантливыхъ создателей русской реалистической школы въ литературѣ; недаромъ изслѣдователи называютъ его однимъ изъ выдающихся предшественниковъ Гоголя, давшимъ образцы русскаго бытового романа, освобождавшагося отъ подражанія сентиментальнымъ, нравоучительнымъ и фантастическимъ переводнымъ романамъ.

Полнаго собранія сочиненій Нарѣжнаго нѣтъ; отдѣльными изданіями вышли слѣдующія его произведенія: «Димитрій Самозванецъ», трагедія въ 5 дѣйств. М. 1804 г., «Славенскіе вечера», книжка 1-я Спб. 1809, кн. 2-я. Спб. 1826; «Россійскій Жилблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова». Спб. 1814, — романъ въ 6 ч. (изъ нихъ три послѣднія были пріостановлены цензурой въ 1814 г); «Аристіонъ или перевоспитаніе», справедливая повѣсть, 2 части Спб. 1822; «Новыя повѣсти В. Нарѣжнаго», Спб. 1824 г. 3 ч.; «Бурсакъ», малороссійская повѣсть 4 ч. М. 1824, 1860, 1881. 1886; «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ». 2 ч. М. 1825; «Черный годъ или горскіе князья», М. 1829, романъ въ 4 частяхъ»; «Романы и повѣсти Василія Нарѣжнаго». Спб. 1835 — 1836 въ 10 частяхъ; «Гаркуша, малороссійскій разбойникъ», неоконченный романъ Нарѣжнаго (остался въ рукописи). Стихотворенія Нарѣжнаго, а также нѣкоторыя прозаическія произведенія не имѣются въ отдѣльныхъ изданіяхъ; они помѣщались авторомъ въ слѣдующихъ журналахъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798, ч. XVIII, XIX, и XX (разныя стихотворенія, между прочимъ, «Освобожденная Москва», «Пѣснь Владиміру кіевскихъ баяновъ»); «Иппокрена или утѣхи любословія», 1799 г. V, ч. I, 1800 г., ч. VII (стихотворенія и басни, а также «театральное представленіе»: «Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова»); «Цвѣтникъ» 1810 (повѣсти: «Георгій и Елена», «Анастасія»), «Соревнователь Просвѣщенія» 1818 и 1819 гг. (повѣсти: «Любославъ» и «Александръ»).

Обзору жизни и дѣятельности В. Т. Нарѣжнаго посвящена обширная монографія Н. А. Бѣлозерской: „Василій Трофимовичъ Нарѣжный"—историко-литературный очеркъ (впервые напечатано въ „Русской Стар." 1888 г. №№ 5, 6, 8; 1890, № 9 и 1891 г. №№ 5, 6, 7, 8; отд изд.: 1-е, Спб. 1893; 2-е изд. Спб. 1896). Въ этомъ обстоятельномъ изслѣдованіи, удостоенномъ Уваровской преміи (см. „Отчетъ о 35-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова", Спб. 1895 г.), приведена и вся литература о Нарѣжномъ и сдѣлана сводка рецензій на его сочиненія.

Ив. Солосинъ.

Насиловъ, *Дороѳей Козьмичъ*, — инспекторъ С.-Петербургскаго физиката, медико-хирургъ; д. ст. сов., писатель; род. въ 1812 г., ум. 17 апр. 1876 г. По окончаніи курса въ С.-Петербургской Медико-хирургической Академіи со степенью лекаря I отдѣленія, Насиловъ въ 1833 году былъ назначенъ младшимъ врачемъ въ л.-гв. 3 артиллерійскую бригаду; въ 1836 году получилъ отъ С.-Петербургской Медико-хирургической Академіи званіе медико-хирурга, въ 1838 г. былъ съ кантонистами командированъ въ Старую Руссу. Результатомъ этой поѣздки, явилось изслѣдованіе Насилова «О дѣйствіи минеральныхъ Старорусскихъ водъ» (въ «Военно Медицинскомъ журналѣ» 1838 года, часть 32, IV). Въ 1840 году Насиловъ былъ назначенъ врачемъ I кадетскаго корпуса, но черезъ три года онъ занялъ должность Рыбинскаго уѣзднаго врача, въ каковой оставался до 1849 года. Получивъ въ 1846 году отъ Московскаго университета право на званіе инспектора врачебной управы, Насиловъ въ 1849 году поступилъ операторомъ въ Тверскую врачебную управу, но уже черезъ годъ перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ получилъ мѣсто сверхкомплектнаго врача Особой женской больницы (упраздненной въ 1852 году); кромѣ того, онъ состоялъ и при С.-Петербургской сыпной больницѣ. Въ 1855 году Насиловъ перешелъ въ медицинскій департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а черезъ нѣсколько времени назначенъ инспекторомъ Пермской Врачебной Управы. Въ 1857 году Насиловъ назначенъ членомъ С.-Петербургскаго физиката, а въ 1862 инспекторомъ его. Кромѣ упомянутой статьи, Н. написалъ: «Carbunculus sibiricus въ Новгородской, Тверской и

Ярославской губерніяхъ», (Medic. Zeitschr. Russ. 1851 и 1852 г.); «Медикотопографическое описаніе Рыбинскаго уѣзда», («Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ», 1852 г.) и др.

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели". Спб. 1889 г.; „Московская Медицинская Газета" 1870 г. №№ 21, 49; 1874 г. № 8; Московскія Вѣдомости„ 1874 г., № 44 „Русскій Архивъ" 1888 г., февраль, 303—306.

А. Петровъ.

Насоновъ, *Дмитрій Викторовичъ*, докторъ медицины, писатель; род. въ 1845 г., ум. 17 февраля 1874 г. въ Москвѣ. По окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета Насоновъ началъ свою практическую дѣятельность въ 1867 г. въ Шереметевской больницѣ, въ качествѣ сверхштатнаго ординатора и вскорѣ былъ перемѣщенъ въ ординаторы хирургической госпитальной клиники Московскаго университета; въ то же время онъ былъ приглашенъ завѣдывать Лепехинской лечебницей для приходящихъ больныхъ, при которой была устроена небольшая больница съ постоянными кроватями для женщинъ и дѣтей. Блестящія качества Насонова какъ хирурга и вообще врача скоро сдѣлали имя его весьма популярнымъ и въ послѣдніе три года жизни Насонова цифра посѣщеній его амбулаторіи возросла до 20000. Въ январѣ 1874 года Насоновъ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ, осложнившимся пораженіемъ головного мозга, и умеръ 17 февраля того же года. По словамъ профессора Моск. университета, хирурга И. Н. Новацкаго, въ лицѣ Насонова русская наука лишилась выдающейся силы, а общество — высоконравственнаго человѣка, всего себя отдавшаго на служеніе ближнимъ. Желая отмѣтить его выдающуюся врачебную дѣятельность, почитатели Насонова воздвигли ему на его могилѣ, въ Донскомъ монастырѣ, памятникъ.

Непрестанная дѣятельность Насонова, какъ врача-практика, почти не оставляла ему времени для литературной дѣятельности, тѣмъ не менѣе въ рукописи осталось послѣ него много цѣнныхъ замѣтокъ, описаній операцій и пр.; кромѣ того, имъ напечатаны въ «Московской Медицинской Газетѣ» за 1870 годъ: «Резекція локтевого сочлененія» (№ 21) и «Ухватъ для пальца при вправленіи вывиховъ» (№ 49).

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", вып. I, стр. 28; „Medicinisch. Zeitschr. Russland", 1851 г., 411; 1852 г. 225, 233, 241; „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ", 1852 г.; „Военно-Медицинскій Журналъ", 1853 г., ч. 61, I.

А. П.

Нассау-Зигенъ, принцъ *Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ*, Германскій принцъ, но внукъ и сынъ француженки, родился 5-го января 1745 г. во Франціи, въ замкѣ своей бабки Шарлотты Молыи де Нестъ, разведенной жены принца Эммануила-Игнатія Нассау. Такъ-какъ рожденіе его отца Максимиліана-Вильгельма-Адольфа было скрыто матерью этого послѣдняго отъ мужа, то законность и его рожденія оспаривалась; но Максимиліану, женатому такъ-же на француженкѣ, всетаки удалось выхлопотать своему сыну Карлу титулъ принца, позднѣе, 3 іюня 1756 г., признанный Парижскимъ парламентомъ. Въ юности принцъ Карлъ служилъ во Французской арміи, дослужился до чина лейтенанта, былъ затѣмъ капитаномъ драгунъ и участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, въ качествѣ адъютанта маршала Кастри. Затѣмъ онъ совершилъ въ 1766—69 гг. съ Бугенвилемъ, кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ «La Boudeuse», и во время путешествія прославился какъ отважный искатель приключеній, дуэлистъ и побѣдитель женскихъ сердецъ. Вернувшись изъ плаванія, принцъ Нассау-Зигенъ опять поступилъ на французскую службу полковникомъ, но продолжалъ вести жизнь авантюриста. Во время войны испанцевъ съ англичанами, командуя артиллеріей подъ Гибралтаромъ (1782 г.), онъ получилъ отъ испанскаго короля чинъ генералъ-маіора и званіе гранда. Послѣ женитьбы въ Спа на богатой полькѣ, княгинѣ Шарлоттѣ Сапѣга, рожденной Горзской, онъ остепенился и занялся устройствомъ имущественныхъ дѣлъ жены, для чего пріѣхалъ въ Польшу; въ то же время въ Вѣнѣ онъ началъ процессъ о возвращеніи ему его нѣмецкихъ владѣній. Въ Польшѣ онъ былъ съ почетомъ встрѣченъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ и магнатами, которые поднесли ему права гражданства Рѣчи Посполитой. Принцу удалось заинтересовать поляковъ своимъ проектомъ судоходства по Днѣстру, съ перспективой выгоднаго сбыта польскихъ издѣлій и продуктовъ въ портахъ Средиземнаго моря. Для осуществленія этого

проекта принцу Нассау было нужно содѣйствіе и покровительство Потемкина, устраивавшаго Новороссійскій край. Въ 1786 г. принцъ пріѣхалъ въ Россію и явился въ Крымъ къ Потемкину, мечтавшему о развитіи торговли въ южной Россіи черезъ порты Чернаго моря. Было что то общее у германскаго принца-авантюриста, отчаяннаго храбреца, искателя приключеній, съ могущественнымъ и «великолѣпнымъ княземъ Тавриды», исполненнымъ причудъ и широкихъ задачъ крупнаго ума; они быстро сдѣлались друзьями, хотя Екатерина II и писала Потемкину: «Странно, какъ тебѣ князь Нассау понравился, тогда какъ повсюду имѣетъ репутацію d'un cerveau brûlé». Во время путешествія Императрицы въ Крымъ, 7-го февраля 1787 г., въ Кіевѣ, принцъ былъ представленъ государынѣ и затѣмъ сопровождалъ ее въ пути, а въ началѣ 1788 г., во время 2-ой Турецкой войны, былъ принятъ въ русскую морскую службу капитаномъ; 24-го февр. 1788 г. онъ прибылъ въ главную квартиру арміи, а мѣсяцъ спустя, 26 марта, съ чиномъ контръ-адмирала, назначенъ командиромъ гребной флотиліи на Днѣпровскомъ лиманѣ. «7-го и 17-го іюня, командуя гребной флотиліей изъ 28 судовъ, участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ, напавшимъ въ числѣ 57 судовъ на Лиманскую эскадру и по отраженіи непріятеля, принудилъ его отступить къ Очакову. Іюня 18, командуя флотиліей изъ 50 судовъ, атаковалъ турецкій флотъ у Кинбурнской косы и одержалъ полную побѣду, при чемъ непріятель потерялъ 6 кораблей, 2 фрегата, 1 бомбардирскій корабль и 4 мелкія судна. Іюня 24-го награжденъ орденомъ св. Георгія 2 степени; іюля 1-го атаковалъ подъ Очаковымъ отрядъ турецкихъ судовъ и уничтожилъ его, несмотря на огонь съ крѣпости». Такъ говорится въ формулярномъ спискѣ. Принцъ подробно описывалъ свои успѣхи въ интересныхъ письмахъ къ женѣ, съ которой онъ мало жилъ вмѣстѣ, но всегда велъ оживленную переписку. Его отношенія къ женѣ, проникнутыя почтительностью, отзывались отношеніями стараго рыцаря къ дамѣ сердца, а жена всегда гордилась успѣхами мужа и не была равнодушна къ его славѣ. Послѣ боя 7-го іюня, Нассау-Зигенъ писалъ женѣ: «нѣтъ бо́льшаго удовольствія, какъ содѣйствовать успѣху сраженія, но съ русскими я часто буду имѣть это удовольствіе. Офицеры, солдаты, матросы — всѣ оказались героями. Нѣтъ никого храбрѣе русскаго», а о самомъ принцѣ Потемкинъ сообщалъ Екатеринѣ: «Принцъ поступалъ какъ герой, и по справедливости сія побѣда ему принадлежитъ». О второй блестящей побѣдѣ, 19-го іюня, Потемкинъ писалъ императрицѣ: «Матушка, будьте щедры къ Нассау, сіе дѣло его трудовъ и усердія. За сіе нужно щедро его наградить имѣніемъ и тѣмъ привязать навсегда. Сколько онъ сдѣлалъ и сколько подвергался смерти!» Онъ получилъ, кромѣ Св. Георгія 2 ст., 3020 душъ въ Могилевской губ. Онъ одержалъ еще двѣ побѣды надъ турками, получилъ золотую шпагу и разрѣшеніе (24 іюня) «поднять флагъ вице-адмиральскій», послѣ чего писалъ женѣ: «enfin, ma princesse, je suis content».— «Съ 1-го іюля по 15-е августа», говорится въ формулярѣ, «производилъ бомбардировку Очаковской крѣпости». Весной 1789 г. принцъ былъ произведенъ указомъ 6 мая въ вице-адмиралы: «въ разсужденіе оказаннаго имъ усердія къ службѣ Нашей и отличнаго мужества позволили Мы поднять флагъ вице-адмиральскій, вслѣдствіе чего помянутаго принца Нассау-Зигена считать вице-адмираломъ галернаго флота Нашего со дня присвоенія ему флага по тому чину». Принцу былъ порученъ Балтійскій гребной флотъ и заботы о приведеніи его въ боевую готовность въ виду предполагавшейся войны со Швеціей: несмотря на всю энергію, работа шла не успѣшно, такъ какъ Нассау-Зигенъ встрѣчалъ мало содѣйствія въ самой Адмиралтействъ-Коллегіи. 8-го іюня флотилія вышла въ море, но состояніе ея было далеко не блестящимъ. Главнокомандующій, графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ писалъ: «по свиданіи моемъ съ принцемъ, худую я надежду имѣю на нашу флотилію, да и онъ самъ не очень смѣло берется показаться непріятелю». Тѣмъ не менѣе принцъ не падалъ духомъ: «у шведовъ будутъ быть можетъ болѣе опытные офицеры; но постараюсь доказать, что храбрость все превозмогаетъ; мои люди дѣйствительно храбры и во всемъ помогаютъ мнѣ». Но зато адмиралъ Крузъ во всемъ ставилъ препоны и былъ смѣненъ. «Августа 13 дня», говорится въ формулярномъ спискѣ, «имѣя свой флагъ на галерѣ «Хитрая», а лично находясь на яхтѣ «Ласточка», одержалъ побѣду надъ

Шведскою гребною флотиліею при Роченсальмѣ, взявъ у непріятеля 9 судовъ; за это сраженіе награжденъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго» и получилъ пожизненную пенсію въ 3000 рублей. Кромѣ того императрица, заботясь о здоровьѣ принца, который не берегъ себя, послала ему два халата, какъ посылала Потемкину, чтобы здоровье его «не страдало отъ суровой погоды». Воспользоваться побѣдой, однако, не удалось, такъ какъ предложеніе принца высадить десантныя войска въ Швеціи встрѣтило непреодолимыя препятствія вслѣдствіе инертности Мусина-Пушкина, котораго императрица назвала «нерѣшимымъ мѣшкомъ», но подѣлать ничего не могла. Кампанія слѣдующаго, 1790 г., была неудачна для принца Карла: 28-го іюня онъ «атаковалъ шведскій флотъ, стоявшій на Роченсальмскомъ рейдѣ, но потерпѣлъ сильное пораженіе, потерявъ при этомъ 53 судна». Принцъ Нассау въ отчаяніи искалъ смерти въ бою, но остался цѣлъ; императрица была огорчена, но старалась поднять духъ храбраго адмирала, слагая неудачу на «сильный вѣтеръ» и на «его храбрыхъ моряковъ», которые бросились на непріятеля и зарвались. Принцъ мечталъ отомстить шведамъ, но миръ 3-го августа 1790 г. лишилъ его возможности привести это въ исполненіе. 16-го декабря принцъ былъ «произведенъ въ адмиралы, съ назначеніемъ главнымъ начальникомъ надъ гребнымъ флотомъ», при чемъ Екатерина не одобряла его «отчаянія послѣ пораженія» и отозвалась такъ: «теперь принцъ совершенный военноначальникъ», такъ какъ «пріобрѣлъ осторожность», «но урокъ стоилъ мнѣ дорогонько! Нассау хорошій человѣкъ, но онъ окружаетъ себя проходимцами, которымъ слишкомъ много довѣряетъ. Только я поддерживаю его и одобряю». Въ Петербургскомъ обществѣ много вредила принцу Карлу его жена, жившая въ это время въ Петербургѣ (на Садовой, въ домѣ Пажескаго корпуса); ея неосторожные отзывы о сильныхъ людяхъ вызвали однажды Императрицу Екатерину на слѣдующее замѣчаніе: «M-me de Nassau est estraordinaire—partout où elle va elle porte sa république avec elle».

Въ 1791 г. принцъ уѣхалъ за границу и въ Германіи выхлопоталъ разрѣшеніе французскимъ принцамъ и эмигрантамъ поселиться въ Кобленцѣ; въ эту поѣздку, между прочимъ, онъ пригласилъ на русскую службу французскаго моряка, капитана маркиза де-Траверсе, будущаго морского министра.

11-го мая 1792 г. онъ былъ уволенъ въ продолжительный заграничный отпускъ, при чемъ получилъ 20 т. рублей на расходы и гребной фрегатъ для поѣздки. Поселившись въ Кобленцѣ, онъ жилъ тутъ очень широко и, по отзыву Воронцова, «рѣшилъ растратить въ Кобленцѣ все, что нажилъ въ Россіи; онъ носитъ русскую адмиральскую форму, его прислуга въ дорогихъ ливреяхъ, онъ много принимаетъ». Разоренію принца Н.-З. помогали французскіе принцы и эмигранты: онъ никому не отказывалъ, кормилъ, поилъ, и роздалъ все, что имѣлъ. «Я имѣлъ уже честь извѣстить Ваше Императорское Величество», писалъ онъ императрицѣ, «о ссуженныхъ мнѣ прусскимъ королемъ 800.000 ливровъ, при помощи которыхъ французскіе принцы могли мобилизовать всѣхъ эмигрантовъ-дворянъ. Едва мы выступили, какъ уже въ Трирѣ почувствовалась нужда въ провіантѣ и фуражѣ. Спасая принцевъ и французскихъ дворянъ, я продалъ свои сервизы, брилліанты, даже золотыя шпаги, которыя Ваше Императорское Величество изволили нѣкогда пожаловать мнѣ. Только ради защиты короля рѣшился я разстаться съ этими дорогими для меня знаками Вашей милости, увѣренный, что ваше Императорское Величество не осудите меня за это. Отдавъ принцамъ всѣ капиталы, что я имѣлъ, и все, что можно было реализовать въ деньги, я не оставилъ себѣ ничего». 7-го ноября 1793 г. принцъ вернулся въ Россію и въ концѣ года былъ посланъ къ прусскому королю, высоко цѣнившему принца Карла, съ секретнымъ устнымъ дипломатическимъ порученіемъ касательно Польши. 30-го октября 1794 г. принцъ «по вторичному прошенію уволенъ въ отставку съ полнымъ содержаніемъ» и за тѣмъ поселился въ Венеціи, выжидая событій, которыя могли-бы показать, по его выраженію, могъ-ли онъ еще «быть чѣмъ-нибудь въ этомъ мірѣ». Екатерина II была недовольна тѣмъ, что онъ покинулъ службу и въ концѣ 1795 г. холодно приняла его въ Петербургѣ; графъ Ростопчинъ пишетъ: «Нѣсколько дней назадъ прибылъ принцъ Нассау. Онъ пріѣхалъ хлопотать о земляхъ, конфискованныхъ у родственниковъ его жены. Онъ былъ очень дурно принятъ. Ему дали понять, чтобы онъ не являлся

на придворные обѣды; Императрица недовольна имъ за то, что онъ оставилъ службу». Годъ спустя, принцъ Нассау опять пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы поклониться праху «великой женщины». Послѣ этого онъ прожилъ еще 12 лѣтъ; поселившись на югѣ Россіи въ своемъ имѣніи Тыннѣ, близъ Немирова, онъ усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ, устраивалъ свои имѣнія въ Крыму, Польшѣ и Бѣлоруссіи. Жена его умерла незадолго до смерти мужа въ Крыму, отъ крымской лихорадки Самъ онъ скончался въ Тыннѣ въ 1808 г. и тамъ же похороненъ.

Принцъ Карлъ Нассау-Зигенъ, по словамъ современника, дюка де-Левизъ, «былъ высокаго роста и хорошо сложенъ, но лицо его мало выразительно, его пріемы холодны, манеры заурядны, его разговоры плоски; онъ имѣлъ много качествъ, которыя создаютъ героя: предпріимчивый характеръ, поразительную энергію и величайшее презрѣніе къ смерти; его таланты, впрочемъ, были столь же ничтожны, сколь велика была его неустрашимость». Другой современникъ, Бомбель, присланный въ Петербургъ Людовикомъ XVI, писалъ: «принцъ Нассау благородно мыслитъ и честно поступаетъ, трудно встрѣтить человѣка дѣйствующаго всегда столь прямо и твердо. Онъ говоритъ, какъ думаетъ, а думаетъ онъ рыцарски благородно».

Московское Отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба (Лефортовскій Архивъ), связ. 1352; Общій Морской Списокъ, т. IV. 129; Бильбасовъ, Историческія монографіи, т. IV, 523—592; Сборникъ И. Истор. Общества, тт. I, IX, XXIII, XXVII и XLII; Архивъ кн. Воронцова, тт. VIII, XII, XIII, XVIII и XXVI; Записки Храповицкаго; Записки Чичагова, „Отеч. Записки“ 1825 г.; „Русскіе портреты XVIII и XIX ст.“, т. II, изд. Вел. Князя Николая Михайловича; Головачевъ, „Дѣйствія рус. флота въ войнѣ со Шведами 1788—90 г.“. Морской Сборникъ, 1871 г.; Брикнеръ, „Война Россіи со Швеціей 1788—1790 г.“, Спб. 1869 г.; Шубинскій, „Историческіе очерки и разсказы“, 2-е изд.; „Авантюристы XVIII столѣтія“); Всем. Трудъ 1870 г.; Biographies contemporaines ou dictionnaire historique des hommes vivants et des hommes morts depuis 1788 jusqu'à nos jours». III (Paris, 1836); Larousse, „Grand Dictionnaire universel du XIX Siècle“, XI; „Военный Сборникъ“ 1859 г., № 8.

А. Г.

Насѣдка *Иванъ Васильевичъ* (въ монашествѣ Іосифъ)—книжный справщикъ, литературный полемистъ съ протестантами, одинъ изъ первыхъ противниковъ патріарха Никона въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ, род. въ 1570 г. въ селѣ Клементьевѣ (около Троице-Сергіевской лавры), умеръ въ 1660 гг. Въ 1594 г. былъ посвященъ въ діакона, а въ 1608 г. во священника. Отправившись въ Москву за рукоположеніемъ во іерея, Насѣдка пробылъ тамъ до весны 1611 г. и былъ очевидцемъ ужасовъ Смутнаго времени, которыя такъ мастерски описалъ въ приложеніяхъ къ житію преп. Діонисія. По разореніи Москвы, онъ возвратился на родину; но за неимѣніемъ дома и ради безопасности жилъ въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ, гдѣ ему было поручено отправленіе требъ въ церкви св. Сергія, надъ воротами, для мірянъ, и погребеніе умершихъ. Въ то же время Насѣдка былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ игум. Діонисія въ дѣлѣ составленія и разсылки патріотическихъ грамотъ въ іюлѣ и октябрѣ 1611 г. и апрѣлѣ 1612 г. По успокоеніи отечества, онъ перешелъ въ свое родное село Клементьевское, но не порывалъ связи съ монастыремъ. Въ серединѣ 1615 г. Насѣдка былъ посланъ арх. Діонисіемъ въ Москву, вмѣстѣ съ троицкимъ справщикомъ старцемъ Арсеніемъ Глухимъ, взамѣнъ заболѣвшаго Антонія Крылова, вызваннаго для исправленія требника 1602 г. Здѣсь, несмотря на отказы Арсенія, Насѣдка настаивалъ, вѣроятно по порученію преп. Діонисія, на томъ, чтобы исправленіе книгъ осталось за ними, но чтобы работа была перенесена въ Троицкій монастырь подъ непосредственное наблюденіе архим. Діонисія. 8-го ноября 1616 г. въ лавру была отправлена царская грамота соотвѣтствующаго содержанія. Дѣло исправленія длилось почти полтора года: «безо всякія хитрости сидѣли полтора года день и ночь», писалъ впослѣдствіи справщикъ Арсеній. Главное исправленіе въ Требникѣ, причинившее впослѣдствіи справщикамъ столько непріятностей, за которыя противники обвиняли ихъ въ нововводимой ереси, состояло въ томъ, что они вымарали изъ молитвы въ навечеріе богоявленія, на освященіе воды, въ фразѣ: «Самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ твоимъ и огнемъ»,—слова «и огнемъ», какъ ненаходившіяся ни въ одномъ изъ требниковъ, бывшихъ у нихъ подъ руками при исправленіи. Остальныя поправки, какъ въ Требникѣ,

такъ и въ другихъ книгахъ (Служебникѣ, Цвѣтной тріоди, Октоихѣ, Общей и мѣсячной минеяхъ), были болѣе мелкаго характера. Окончивъ исправленіе книгъ приблизительно въ началѣ марта 1618 г., арх. Діонисій, вмѣстѣ со справщиками, отправился въ Москву для представленія исправленныхъ книгъ мѣстоблюстителю патріаршаго престола митр. Іонѣ. По просьбѣ же Діонисія, въ Москвѣ, въ первыхъ числахъ іюля 1618 г., былъ созванъ соборъ, на которомъ справщики доложили о сдѣланныхъ ими исправленіяхъ. Но изъ за недоброжелательства митр. Іоны, недовольнаго справщиками за ихъ исправленіе книгъ, изданныхъ подъ его смотрѣніемъ, вслѣдствіе присутствія на соборѣ личныхъ враговъ Діонисія, а еще болѣе вслѣдствіе боязни со стороны московскихъ книжниковъ какихъ-либо измѣненій въ богослужебныхъ книгахъ, — этотъ соборъ вскорѣ принялъ характеръ суда надъ справщиками. Несмотря на горячую защиту обвиняемыхъ и на жаркія пренія, въ которыхъ Насѣдка принималъ особенно дѣятельное участіе, такъ что даже, по выраженію Арсенія Глухого, «митрополиту Іонѣ и архимаритомъ и честнымъ протопопамъ спираючись очи слинами забрызгалъ», справщики всѣ были осуждены соборомъ: «архимадрита Діонисія, да попа Ивана (Насѣдку) отъ церкви Божіей отлучаемъ, да не священствуютъ». Другіе справщики—старцы были отлучены отъ причастія и вмѣстѣ съ арх. Діонисіемъ заключены въ монастыри; Насѣдка же благодаря своей ловкости, а также старымъ связямъ среди московскаго духовенства, сумѣлъ освободиться отъ заключенія.

Оставшись на свободѣ, хотя и отлученный отъ церкви, Насѣдка дѣятельно подготовляетъ почву для оправданія какъ самого себя, такъ и своихъ сообщниковъ. Къ февралю 1619 г. относится его посланіе къ заключенному арх. Діонисію, а къ марту-апрѣлю того же года—большое полемическое сочиненіе въ 35-ти главахъ «о огни просвѣтительномъ», направленное противъ одного изъ дѣятельныхъ защитниковъ соборнаго постановленія—Антонія Подольскаго, написавшаго не задолго передъ тѣмъ большое компилятивное сочиненіе «О огни раздѣльшемся».

Между тѣмъ, въ апрѣлѣ 1619 г. въ Москву прибылъ Іерусалимскій патр. Ѳеофанъ, ставшій, по разсмотрѣніи дѣла на сторону справщиковъ. Онъ же, нѣсколько спустя, склонилъ на ихъ сторону и Филарета Никитича, только что вернувшагося изъ польскаго плѣна и 24-го іюня возведеннаго на патріаршій престолъ, и заинтересовалъ его настолько, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ патріарха было назначеніе на 1 іюля 1619 г. новаго собора для окончательнаго разрѣшенія спора, длившагося уже цѣлый годъ. Для ознакомленія патріарха съ деталями дѣла, Насѣдкою въ промежутокъ между 24-мъ іюня и 1-мъ іюля написано новое произведеніе изъ 30-ти главъ, представляющее компиляцію какъ изъ болѣе раннихъ сочиненій самого Насѣдки по этому вопросу, такъ и изъ рѣчей и посланій архимандр. Діонисія и старца Арсенія Глухого; къ нему же было приложено и упомянутое выше сочиненіе «О огни просвѣтительномъ, на Антонія Подольскаго». Послѣ долгихъ и жаркихъ споровъ, послужившихъ для Насѣдки, нѣсколько позже, поводомъ для составленія новаго произведенія въ 40 главахъ: «Изысканное отъ многихъ божественныхъ книгъ свидѣтельство о прикладѣ огня», соборъ призналъ правильными исправленія, сдѣланныя справщиками, и окончательно оправдалъ и разрѣшилъ ихъ отъ запрещенія. Насѣдкѣ было возвращено право священнослуженія и общенія съ церковью, лишеніемъ которыхъ онъ былъ наказанъ вмѣстѣ съ другими.

Вѣроятно, своею дѣятельностью, начитанностью и умѣніемъ вести письменную и устную полемику Н. обратилъ на себя вниманіе патр. Филарета, который, желая пользоваться его услугами, вслѣдъ за окончаніемъ дѣла перевелъ его изъ с. Клементьевскаго въ Москву. Скромный сельскій священникъ становится крестовымъ попомъ въ ц. Благовѣщенія пр. Богородицы, «что у государей на сѣняхъ»—лицомъ близкимъ къ царю и патріарху. Въ концѣ 1621 г. Насѣдкѣ было велѣно ѣхать вмѣстѣ съ посольствомъ, отправлявшимся въ Данію, съ цѣлью сватовства Михаила Ѳедоровича на племянницѣ Христіана IV—принцессѣ Шлезвигъ-Голштинской Дораѳеѣ Августѣ—съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи въ Москву представить описаніе поѣздки въ нѣмецкую землю съ обличеніемъ лютеранскихъ ересей. Эта миссія, поставившая Насѣдку лицомъ къ лицу съ

протестантами, опредѣлила и характеръ его послѣдующей литературной дѣятельности. Проживъ въ Даніи около четырехъ мѣсяцевъ (февраль—май 1622 г), Насѣдка изъ споровъ, разговоровъ и наблюденій вынесъ обширныя свѣдѣнія, послужившія ему матеріаломъ для лучшей части (гл 15—17, 19, 21, 46—47) «Изложенія на Лютеры»—полемическаго сочиненія, занимающаго самое видное мѣсто въ сѣверно-русской антилютеранской литературѣ XVII в. Указанныя главы отличаются рѣдкимъ для того времени знаніемъ семейной жизни лютеранъ и ихъ обычаевъ, знакомятъ съ устройствомъ частныхъ домовъ, кирокъ и пр.; а замѣчанія къ кальвинскому катихизису Симона Буднаго, ошибочно принятому Насѣдкою за Лютеровъ катехизисъ, даютъ понятія о вѣроисповѣдныхъ разностяхъ между православіемъ и протестанствомъ. Къ ноябрю 1623 г. «Изложеніе на Лютеры» было закончено: Насѣдка дополнилъ уже написанное имъ изъ полемическихъ сочиненій, вращавшихся въ то время въ московской литературѣ («О образѣхъ», Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго, собственное сочиненіе на Антона Подольскаго и др.), и представилъ патр. Филарету. Въ поданной вмѣстѣ съ «Изложеніемъ» челобитной Насѣдка говоритъ, что книгу его слѣдуетъ впредь держать въ Посольскомъ Приказѣ «для нашей братіи поповъ крестовыхъ, которымъ случается ѣздити въ чужія земли, да и для мірскихъ людей когда иновѣрцы вопросятъ о чемъ». Насѣдка нисколько не преувеличивалъ значенія своей работы: его сборникъ, обнимая своимъ содержаніемъ многія вѣроисповѣдныя разности между православіемъ и лютеранствомъ и имѣя въ себѣ достаточно цѣннаго матеріала для наступательной полемики, дѣйствительно пользовался большимъ вниманіемъ какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны правительства. За хорошо выполненную работу Насѣдка въ ноябрѣ же 1623 г. получилъ въ награду «5 аршинъ сукна лундышу вишневого по рублю по 8 алтынъ по 2 деньги за аршинъ» и, вѣроятно, за то же въ 1626 г. былъ назначенъ соборнымъ ключаремъ Большого Успенскаго собора.

Въ концѣ 1627 г. Насѣдка, вмѣстѣ съ игуменомъ Московскаго Богоявленскаго монастыря Иліею, по порученію царя и патріарха, разсматриваетъ уже дважды осужденное (на кіевскомъ соборѣ 1621—1622 гг. и въ октябрѣ 1627 г. въ Москвѣ) Евангеліе учительное Кирилла Транквилліона Ставровецкаго и составляетъ «Свитокъ укоризненъ Кириллу Транквилліону погрѣшительнымъ его словесемъ, блуженія его ересемъ...» въ 49-ти главахъ. Результатомъ этой критики было новое осужденіе книги Кирилла Транквилліона и сожженіе ея 4-го декабря 1627 г. За десятилѣтній періодъ времени 1628—1638 гг. о Насѣдкѣ не сохранилось никакихъ свѣдѣній; извѣстно лишь, что онъ за это время продолжалъ быть ключаремъ Успенскаго собора. Со второй же половины 1638 г. началась дѣятельность его на московскомъ печатномъ дворѣ въ качествѣ справщика, продолжавшаяся непрерывно до ноября 1652 г.

Къ концу 1630 гг. относится особое оживленіе при печатномъ дворѣ, вызванное предстоявшимъ сватовствомъ Датскаго королевича Вольдемара на дочери Михаила Ѳедоровича — Иринѣ; этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, и объясняется назначеніе, какъ испытаннаго полемиста и автора лучшаго антилютеранскаго сборника, на должность справщика при печатномъ дворѣ. Дѣятельность Н. при Московской Правильнѣ началась съ редактированія стараго чинопослѣдованія присоединенія къ православной церкви еретиковъ, которое и было напечатано при Мірскомъ и Иноческомъ Потребникѣ 1639 г.; Н. частью сократилъ старый чинъ присоединенія, уже устарѣвшій и не отвѣчавшій потребностямъ современной церковной службы, частью дополнилъ его; дополненія, касающіяся присоединенія лютеранъ, были сдѣланы по «Изложенію на Лютеры». Затѣмъ въ августѣ 1642 г. подъ главнымъ смотрѣніемъ справщиковъ Михаила Рогова и Ив. Насѣдки былъ оконченъ печатаніемъ «Соборникъ, слова избранныя о чести св. иконъ и поклоненій», а въ апрѣлѣ 1644 г.—«Кириллова книга», въ которой всякій желающій могъ бы «и божественные догматы вѣдать и еретическія уста заграждати»; болѣе половины главъ «Изложенія на Лютеры», съ незначительными измѣненіями, вошли въ «Кириллову книгу» и составили лучшую часть ея противолютеранскаго отдѣла. Составляли Кириллову книгу и смотрѣли за ея печатаніемъ тѣ же Мих. Роговъ и Ив. Насѣдка. Въ наступившихъ за тѣмъ

преніяхъ по поводу перекрещиванія королевича Вальдемара, особенно дѣятельное участіе принималъ Н., сначала только какъ составитель патріаршихъ посланій къ Вальдемару, а за тѣмъ и въ личныхъ спорахъ съ королевскимъ пасторомъ М. Фельгаберемъ. Первое посланіе патріарха Іосифа къ королевичу, отъ 21-го апрѣля 1644 г., какъ касающееся вѣроисповѣдныхъ разностей только отчасти, было написано Насѣдкою не цѣликомъ, тогда какъ второе посланіе, отъ 23-го мая того же года, спеціально посвященное обрядовымъ разностямъ между православіемъ и протестанствомъ, почти все написано имъ. Оба посланія были составлены вполнѣ удовлетворительно, такъ какъ задача ихъ и состояла въ томъ, что-бы изъ готовыхъ полемическихъ сочиненій выдѣлить то, что прямѣе и лучше всего отвѣчало на вопросы и возраженія М. Фельгабера. Но когда послѣдній, замѣтивъ нѣкоторыя слабыя стороны въ возраженіяхъ противника, поспѣшилъ перевести полемику съ бумаги на устное состязаніе, сузилъ тему, выдвинувъ вопросъ о крещеніи, и придалъ спору спеціально ученый характеръ, то Н. въ первомъ же состязаніи, происходившемъ 2-го іюня 1644 г., потерпѣлъ настолько сильное пораженіе, что пришлось для слѣдующаго состязанія 3-го іюня обратиться за помощью къ проживавшимъ въ Москвѣ болѣе образованнымъ грекамъ, благодаря которымъ пренія приняли болѣе упорядоченный характеръ. Съ 10-го августа 1644 г. П., по приказу Михаила Ѳедоровича, составляетъ опроверженіе на журналъ іюньскихъ преній, составленный пасторомъ; окончить эту работу ему не удалось, такъ какъ, привыкнувъ имѣть дѣло по большей части съ составленіемъ компиляцій и подкрѣплять свои доводы только выписками изъ священныхъ книгъ, подчасъ даже не разбирая каноническія онѣ или нѣтъ, онъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ, когда пренія съ болѣе образованнымъ, чѣмъ онъ, пасторомъ приняли спеціально ученый характеръ. «Списаніе богородицкаго ключаря Ивана на королевичева нѣмчина Матвѣя» представляетъ разборъ—часто не на тему и не доведенный до конца,—только первой половины журнала; да и то изъ четырнадцати доказательствъ пастора въ этой половинѣ два, наиболѣе важныя, излагавшія основной взглядъ на крещеніе, имъ совершенно не были затронуты. Московское правительство, видя, что заготовленныя средства для полемики съ протестантами недостаточны и что старый испытанный полемистъ не въ состояніи бороться съ пасторомъ, старается отыскать новыхъ людей, съ болѣе всестороннимъ образованіемъ и приготовить новый матеріалъ для полемики. 13-го мая 1645 г. было приказано для этой цѣль отыскать кіевлянина—чернеца Исаакія «бывшаго въ Геннадіевой пустыни игуменомъ»; черезъ мѣсяцъ Исаакій уже работаетъ въ Москвѣ надъ составленіемъ новаго свода выписокъ о крещеніи, а 4-го іюля 1645 г., вмѣстѣ съ Насѣдкой и М. Роговымъ, принимаетъ участіе въ четвертомъ и послѣднемъ состязаніи съ пасторомъ. Въ этотъ разъ Н., благодаря уже нѣкоторому навыку въ спорѣ, а также и тому обстоятельству, что возраженія М. Фельгабера были по большей части старые, провелъ бесѣду, при помощи Исаакія, довольно удачно; но, конечно, какъ московскіе книжники, такъ и королевичевъ пасторъ остались каждый при своемъ мнѣніи. Съ 6-го іюля тѣ же лица «сидѣли въ Посольскомъ Приказѣ за отвѣтнымъ письмомъ» на новый журналъ преній пастора Фельгабера; ими же былъ составленъ и отвѣтъ на статьи литовскаго посла Стемковскаго, принявшаго участіе въ послѣднихъ преніяхъ. Сохранившіяся извѣстія указываютъ, что московскіе богословы готовились къ новой бесѣдѣ, но пренія были прерваны смертью царя Михаила Ѳедоровича (13-го іюля 1645 г.), и все дѣло о сватовствѣ, причинившее Насѣдкѣ столько труда и не пріятностей, окончилось ничѣмъ.

Съ этихъ поръ Насѣдка и М. Роговъ, не отвлекаемые уже отъ своего прямого дѣла, работаютъ въ Правильнѣ втрое болѣе того, чѣмъ они занимались въ первые годы патріаршества Іосифа, стараясь восполнить тѣ ощущенія, какія имъ неизбѣжно пришлось допустить въ книжной справкѣ во время подготовки къ преніямъ и самыхъ преній. Дѣятельность печатнаго двора за періодъ 1645—1652 гг. отличается особымъ оживленіемъ: за это время было выпущено болѣе восьмидесяти пяти изданій, причемъ значительная доля ихъ падаетъ на такія учебныя изданія, какъ азбука, учебный часословъ и

псалтырь и славянская грамматика Вѣроятно, московское правительство обратило вниманіе на малую успѣшность преній отъ недостаточнаго образованія, и теперь стремилось, насколько возможно, восполнить этотъ пробѣлъ. Кромѣ того, вообще книги, изданныя за этотъ періодъ, отличаются отъ предшествующихъ какъ по своему языку, такъ и по составу: соблюдается болѣе правильная конструкція рѣчи, чистота языка и грамматическихъ формъ и впервые въ большомъ количествѣ печатаются произведенія южно-русскихъ богослововъ. Въ 1645—1649 гг. Н. при печатномъ дворѣ занималъ прежнее мѣсто старшаго помощника при главномъ справщикѣ двора М. Роговѣ. Въ 1649 г., по увольненіи Рогова, Н. становится на его мѣсто и занимаетъ должность главнаго справщика до сентября 1651 г. Въ томъ же 1649 году онъ овдовѣлъ и, по обычаю того времени, не могъ уже оставаться на священнической службѣ; въ февр. 1651 г. онъ переселяется на жительство въ Приказную избу печатнаго двора и въ іюлѣ того же года, принимаетъ монашество съ именемъ Іосифа. Къ 1648—1649 гг. относится и послѣдняя литературная работа Н. Симонъ Азарвинъ, окончивъ въ 1648 г. житіе преп. Діонисія (Забниновскаго), отослалъ его для дополненій Насѣдкѣ, который «въ строкахъ житіе поисправилъ и поисполнилъ» и составилъ обширную записку о той порѣ жизни преп. Діонисія, когда онъ близко стоялъ къ послѣднему; эту записку Сим. Азарынъ приложилъ къ составленному имъ житію.

Въ 1651 г. умеръ патріархъ Іосифъ и на патріаршій престолъ вступилъ Никонъ. При немъ дѣятельность печатнаго двора приняла другой характеръ, и старые справщики не могли удовлетворять новымъ требованіямъ; отъ нихъ прежде всего требовались знаніе греческаго языка и готовность исправлять книги по греческимъ оригиналамъ. Н., всегда ратовавшій за чистоту вѣры, только и сохранившейся, по его мнѣнію, въ русской церкви, и съ недовѣріемъ относившійся къ грекамъ, такъ какъ «они во грѣху позакоснѣли... и въ неволи пребываютъ», конечно, не могъ относиться съ довѣріемъ къ новымъ порядкамъ. Въ сентябрѣ 1651 г. онъ оставляетъ должность главнаго справщика, а въ концѣ слѣдующаго года совершенно увольняется съ печатнаго двора. Несомнѣнно, что имъ былъ заявленъ патр. Никону протестъ противъ исправленія книгъ и притомъ настолько рѣзкій, что онъ тотчасъ же былъ отправленъ въ заточеніе въ Кожеозерскій монастырь; въ розыскѣ, начатомъ весною 1653 г., по поводу смуты среди московскаго духовенства, о немъ совершенно не упоминается, изъ чего можно заключить, что онъ въ это время уже былъ высланъ изъ Москвы. Въ іюнѣ 1651 г. инокъ Іосифъ (Насѣдка) и его товарищъ справщикъ инокъ Савватій, вмѣстѣ съ нимъ уволенный Никономъ съ печатнаго двора, вызывались изъ Кожеозерскаго монастыря въ Москву, для дачи показаній по дѣлу ихъ общаго друга Іоанна Неронова. Дальнѣйшая судьба инока Іосифа неизвѣстна, такъ какъ о немъ не сохранилось болѣе никакихъ свѣдѣній; вѣроятно, онъ вскорѣ послѣ того скончался.

Многочисленныя работы Ивана Насѣдки показываютъ хорошее знакомство его съ священнымъ писаніемъ и богословской литературой, не только московской, но также и малорусской; самъ онъ о себѣ говоритъ, какъ «о довольно потрудившемся въ ширинѣ божественнаго писанія, много читавшемъ божественныхъ книгъ и крѣпко выразумѣвшемъ ихъ смыслъ». Дѣйствительно, онъ былъ талантливымъ самоучкою, хорошимъ начетчикомъ, не получившимъ, однако правильной, подготовки и не выработавшимъ умѣнія провѣрять и систематизировать знанія и критически относиться къ источникамъ. Почти всѣ его работы, какъ раннія, относящіяся къ дѣлу по исправленію книгъ, такъ и позднія, антилютеранскія, представляютъ, по большей части, собраніе выписокъ изъ разныхъ «божественныхъ книгъ» и чужихъ сочиненій, часто не систематизированныхъ и противорѣчивыхъ другъ другу. При разборѣ книгъ или возраженій противника Н. не разсматривалъ ихъ по существу, въ цѣломъ, со стороны содержанія, а ограничивался замѣчаніями формальнаго, часто мелочнаго характера. Читая книгу отъ начала до конца, листъ за листомъ, онъ отмѣчалъ или цѣликомъ выписывалъ все, что казалось ему неладнымъ или ложнымъ въ словахъ, выраженіяхъ или фразахъ. Его критика этихъ мѣстъ по большей части ограничивалась дословной выпиской изъ

«божественныхъ писаній», относящейся къ данному предмету, и очень сильными ругательствами по адресу противника; вслѣдствіе неумѣнія критически относиться къ своимъ источникамъ, Н. часто считалъ сочиненія подложныя или апокрифическія совершенно равноцѣнными признаннымъ книгамъ св писанія и твореніямъ отцевъ и учителей церкви. Въ сочиненіяхъ антилютеранскаго характера, почти не касаясь вопросовъ догматическихъ, онъ трактуетъ больше всего о внѣшней обрядовой сторонѣ вѣроученія, какъ болѣе ему понятной. Вообще же обширные богословскіе трактаты Насѣдки читаются съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе указанныхъ выше недостатковъ, растянутости и неясности слога. Отъ нихъ рѣзко отличаются его небольшія работы повѣствовательно — описательнаго характера, написанныя яснымъ и мѣткимъ языкомъ, съ множествомъ важныхъ историческихъ и бытовыхъ подробностей; таковы: описаніе датскихъ кирокъ, въ 47-й главѣ «Изложенія на Лютеры», и дополнительныя статьи къ житію преп. Діонисія, написанному Симономъ Азарьинымъ.

От. Арсеній. „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн.“ 1887, кн. II, отд. 5, стр. 1—66 (Село Клементьевское, нынѣ часть Сергіева посада).—Дм. Скворцовъ. Діонисій Забининовскій. архим. Троице-Сергіевской лавры, Тверь. 1890.—А. Голубцовъ. «Прибавленія къ твор. св. отцевъ церкви“ 1888, кн. III, стр. 152—176 (Къ вопросу объ авторѣ, времени написанія, цѣли и составѣ «Изложенія на Лютеры“).—Его же „Чтенія въ Общ. Любит. Духовн. просвѣщ“. 1890, № 4 (Судьба евангелія учительнаго Кирилла Транквилліона Ставровецкаго).—Его же. Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ Кор. Вальдемара и цар. Ирины Михайловны. М. 1891 (Изъ „Чтен. въ Общ. Любит. Духовн. Просв.“).—Его же. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вольдемара и цар. Ирины Михайловны. М. 1842 (Изъ „Чтен. въ Общ. Ист. и Древн.“).—П. Николаевскій. „Христіанское чтеніе“ 1890, сент.—окт.; 1891, янв.—февр.. сент.—окт. (Московскій печатный дворъ при патр. Никонѣ).—Ключевскій. Древне-русскія житія Свв., какъ историческій источникъ.—С. Ѳ. Платоновъ. Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени. Спб. 1888, стр. 244, 294, 297—301, 404.—Д. Цвѣтаевъ. Литературная борьба съ протестанствомъ въ Московскомъ Государствѣ. М. 1887 (Изъ „Русск. Вѣстн.“).—Его же. Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода. М. 1884, стр. 49—60 (изъ „Русск. Вѣстн.“).—Его же. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. М. 1890, с. 512 сл.—Никольскій. „Труды Кіевск. духовн. Академіи“ 1862, т. 2, с. 151—172; 1864, т. 1, стр. 128—158 (Матеріалы для исторіи противолютеранской полемики, XVI—XVII вв.).—И. Соколовъ. Отношенія протестантизма къ Россіи XVI—XVII вв., с. 72—77, 88—93.—Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники. М. 1892.—А. Лиловъ. О такъ называемой Кирилловой книгѣ. Каз. 1858 г.—С. Максимовъ. Разсказы изъ исторіи старообрядчества. М. 1862, с. 13—14.—С. Кедровъ. Авраамій Палицынъ. М. 1880.—И. Мансветовъ. „Прибавл. къ твор. св. отцовъ 1883. т. IV, с. 514—574 (Какъ у насъ правились церковныя книги).—А. Смирновъ. „Чтенія въ общ. Любит. Дух. Просв“. 1874, № 2, с. 240—242; № 3, с. 432—454 (Св. патр. Филаретъ Никитичъ Московскій).—П. Казанскій „Чтенія И. Общ. Ист. и Древн.“ 1848, № 8. с. 1—22 (Исправленіе богослужебн. книгъ при патр. Филаретѣ).—И. Сахаровъ „Сѣверн. Пчела“ 1842, № 198 (Историческія замѣчанія).—„Правосл. Обозр.“ 1862, кн. II;—Макарій. „Исторія русск. церкви“ тт. X—XI.—Строевъ. Библіологич. словарь. Спб. 1882.—Филаретъ. Обзоръ русск. духовн. литер. Спб. 1884.—Евгеній. Словарь о писателяхъ духовнаго чина.—Брокгаузъ. Энцикл. Словарь.—Акты Археогр. Экспедиціи. т. III, с. 482.

А. Шиловъ.

Наталья Алексѣевна, царевна, р. 22-го августа 1673, ум. 18-го іюня 1716 г., дочь царя Алексѣя Михайловича и второй супруги его Натальи Кирилловны Нарышкиной. Отъ этого брака было трое дѣтей: Петръ, Наталія и Ѳеодора (род. 4-го сентября 1674 г., ум. въ ноябрѣ 1678 г.). Царевичъ Петръ былъ только на годъ съ небольшимъ старше своей сестры Наталіи, и между ними съ дѣтства установилась искренняя дружба, продолжавшаяся всю жизнь.

Въ 1681 г. мамой у царевны была кн. Праск. Ив. Ромодановская, съ жалованьемъ 50 р. въ годъ; постельницы ея: Авдотья Невѣжина, Агафья Волошенинова, Фекла Зуева, Мароа Залѣская, Пелагея Дедюрнева получали по 4 р. въ годъ. Остальной штатъ, т. е. боярыни (по 25 р.), казначеи (по 8 р.) и боярышни (по 7 р.) были общія у царевича Петра и у царевны; учила брата и сестру одна и та же учительница — Ѳеодора Петрова, получавшая 8 р. въ годъ. Была у нихъ и карлица Устинья Поликарпова. Лѣтомъ царевичъ и царевна гуляли вмѣстѣ въ Московскихъ «красныхъ набережныхъ садахъ» своего брата, царя Ѳеодора Алексѣевича, а въ 1681 г. смотрѣли на устройство въ его «нижнемъ» саду пру-

да, гдѣ Петръ впервые сталъ плавать въ лодкахъ и камягахъ, въ потѣшныхъ карбусахъ и ошнякахъ. Одновременно съ первыми шагами на судоходномъ поприщѣ, Петръ забавлялся и воинскими играми съ малыми «ребятками», взятыми ему въ товарищи. Если царевна и не принимала непосредственнаго участія въ забавахъ брата, то, вѣроятно, присутствовала при его водяныхъ и сухопутныхъ «потѣшныхъ» упражненіяхъ, слышала постоянные разговоры и разсказы объ этихъ предметахъ; она такъ сроднилась со всѣмъ, что интересовало Петра, что впослѣдствіи, когда онъ, будучи уже царемъ, одерживалъ ту или другую побѣду, спѣшилъ обрадовать сестру собственноручнымъ письмомъ, или поручалъ Ѳ. А. Головину и А. Д. Меншикову увѣдомить ее о томъ и поздравить. Наталья Алексѣевна раздѣляла въ дѣтствѣ не однѣ только забавы брата: она пережила вмѣстѣ съ нимъ и съ матерью много и печальнаго. 15 мая 1682 г., въ день стрѣлецкаго бунта, въ ея теремѣ, оставленномъ, повидимому, безъ обыска, спасались—ея дѣдъ, Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ, ея дядья—Иванъ, Левъ, Мартемьянъ и Ѳеодоръ Кирилловичи Нарышкины, нѣсколько родственниковъ, занимавшихъ должность комнатныхъ стольниковъ, и Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, сынъ Артамона Сергѣевича.

Во все время правленія царевны Софьи, Наталья Алексѣевна съ матерью и братомъ живала по лѣтамъ въ с. Преображенскомъ, а зимою въ Москвѣ.

Впослѣдствіи, послѣ заточенія, въ сентябрѣ 1698 г., царицы Евдокіи Ѳеодоровны въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ она была пострижена въ іюнѣ слѣдующаго 1699 г. подъ именемъ Елены,—къ Нат. Алекс. въ с. Преображенское былъ перевезенъ малолѣтній сынъ Петра, царевичъ Алексѣй. Въ Москвѣ по этому поводу носилась молва, что «остудила царя къ царицѣ золовка ея, царевна Наталія Алексѣевна»; но то были одни предположенія стрѣльцовъ и Лопухиныхъ (родственниковъ царицы Евдокіи), озлобленныхъ противъ Петра и противъ всѣхъ, кого онъ любилъ.

Такъ какъ Нат. Алекс., по выраженію Устрялова, «съ жаромъ чистой, прекрасной души, любила все, что нравилось брату», и находила удовольствіе въ обществѣ иноземцевъ, то бывала съ Петромъ и въ Нѣмецкой Слободѣ. На масляницѣ 1699 г., когда въ Москвѣ происходили разныя увеселенія, между прочимъ зажигались «потѣшные огни» (фейерверкъ), до которыхъ Петръ былъ великій охотникъ, царевна Нат. Ал. и племянникъ ея, царевичъ Алексѣй Петровичъ, любовались на это зрѣлище изъ особой комнаты въ Лефортовскомъ дворцѣ. На другой день они тамъ были опять, чтобы посмотрѣть на танцы послѣ обѣда, даннаго по случаю прощальной аудіенціи бранденбургскому послу. Подъ 1702 годомъ мы встрѣчаемъ подобное же извѣстіе: царевна Нат. Алекс. любовалась изъ оконъ московскаго дворца на аллегорическія процессіи въ честь побѣдъ Б. П. Шереметева надъ шведами. Въ концѣ 1699 г., 9-го декабря, умеръ генералъ Гордонъ, и Нат. Алекс. съ царевичемъ присутствовали наканунѣ его похоронъ на панихидѣ по немъ въ католическомъ храмѣ. 27 апрѣля 1700 г. Нат. Алекс. ѣздила въ Воронежъ нарочно для того, чтобы присутствовать при спускѣ корабля «Предестинація», построеннаго самимъ государемъ.

На содержаніе своего двора Наталья Алексѣевна сначала получала всего 4.351 р. 32 3/4 к. въ годъ. Но Петръ не любилъ роскоши и, будучи очень умѣренъ въ личныхъ расходахъ, требовалъ чтобы и на содержаніе отдѣльныхъ дворовъ царской семьи не тратилось лишнихъ денегъ. Съ этой цѣлью онъ пересмотрѣлъ въ 1700 г. роспись суммъ, отпускаемыхъ его невѣсткамъ и сестрамъ, и вмѣсто 55.836 р. назначилъ на содержаніе всѣхъ ихъ 35.401 р. Вслѣдствіе этого Нат. Алекс. стала получать только 2.500 р.

При дворѣ ея жили, между прочимъ, двѣ сестры кн. Меншикова, Марія и Анна Даниловны, Анисья Кир. Толстая и Дарья и Варвара Михайловны Арсеньевы; (въ 1706 г. Дарья Мих. вышла замужъ за кн. Меншикова). Эти придворныя дамы составляли, какъ извѣстно, общество и охрану «Катерины Михайловны», какъ въ то время называли будущую супругу Петра, Екатерину Алексѣевну Скавронскую. Такъ характерно сказалось довѣріе Петра къ сестрѣ; близостью же ея къ Меншиковымъ, Толстой и Арсеньевымъ объясняется послѣдующее участливое отношеніе къ ней со стороны «Ижорскаго князя».

Но не одними воинскими потѣхами и фейерверками интересовалась царевна. «Европейское» вліяніе сказалось на ней въ такой области, которая была мало развита въ духовной природѣ ея брата. Петру, какъ извѣстно, было чуждо всякое эстетическое чувство; у Нат. Алекс., наоборотъ, оно, несомнѣнно, проявлялось въ ея страсти къ драматическимъ произведеніямъ и театральнымъ представленіямъ. Она была и авторомъ «комедійныхъ дѣйствъ», и, такъ сказать, режиссеромъ придворныхъ театральныхъ представленій. Все, что прежде ошибочно приписывали въ этомъ отношеніи другой сестрѣ царя Петра, царевнѣ Софіи, въ настоящее время должно быть всецѣло отнесено къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Увлеченіе ея театромъ—фактъ въ высшей степени характерный и важный въ исторіи умственнаго развитія русской женщины. Еще въ 1690 г., при жизни царицы Натальи Кирилловны, давались комедіи въ покояхъ царевны, а въ 1707—1711 гг. представленія происходили, главнымъ образомъ, при ея дворѣ въ с. Преображенскомъ. Туда между прочимъ, посылались, черезъ государственный посольскій приказъ костюмы изъ «комедійной храмины» театральнаго антрепренера Фюрста, бывшаго въ то же время учителемъ театральнаго искусства. Голштинскій посланникъ графъ Бассевичъ, жившій въ Россіи въ 1713—1725 г.г., въ запискахъ своихъ говоритъ слѣдующее: «Принцесса Наталія, меньшая сестра императора, очень имъ любимая, сочинила, говорятъ, подъ конецъ своей жизни двѣ—три пьесы, довольно хорошо обдуманныя и не лишенныя красотъ въ подробностяхъ; но за недостаткомъ актеровъ онѣ не были поставлены на сцену. Царь находилъ, что въ большомъ городѣ зрѣлища. полезны, и потому старался пріохотить къ нимъ свой дворъ». Другой иностранецъ, Веберъ, такъ говоритъ о театральной дѣятельности царевны: «Царевна Наталья еще до отъѣзда царя (вѣроятно, подразумѣвается отъѣздъ Петра въ Данцигъ 24 января 1716 г.) устроила представленіе одной трагедіи, на которое дозволялось приходить всякому. Для этой цѣли она приказала приготовить большой пустой домъ и раздѣлить его на ложи и партеръ. Десять актеровъ и актрисъ были всѣ природные русскіе, никогда не бывавшіе за границей, и потому легко себѣ представить, каково было ихъ искусство.... Арлекинъ, изъ оберъ-офицеровъ, вмѣшивался туда и сюда со своими шутками, и, наконецъ, вышелъ ораторъ, объяснившій исторію представленнаго дѣйствія и обрисовавшій въ заключеніе гнусность возмущеній и бѣдственный всегда исходъ оныхъ. Какъ увѣряли меня, во всемъ этомъ драматическомъ представленіи, подъ скрытыми именами, изображалось одно изъ послѣднихъ возмущеній въ Россіи (т. е. одинъ изъ стрѣлецкихъ бунтовъ). Шестнадцать музыкантовъ при этомъ зрѣлищѣ, всѣ чисто-русскіе, играли, какъ и всѣ другіе артисты, безъ всякаго искусства». Послѣ смерти царевны Нат. Алекс., всѣ книги «комедіанскія» ея театра были отосланы 28 марта 1717 г. въ санктпетербургскую типографію и сложены въ амбарѣ вмѣстѣ съ тѣми изданіями типографіи, которыя не могли помѣститься въ книжной лавкѣ. Амбаръ этотъ стоялъ на Петербургской сторонѣ около крѣпости и его часто заливало во время наводненій; оттого, а также и отъ конопляного масла, которое кстати хранилось съ книжнымъ матеріаломъ, большая часть книгъ, при разборкѣ и осмотрѣ ихъ въ разныя времена, оказались негодными. Вотъ что оставалось тамъ отъ театральной библіотеки Натальи Алексѣевны въ 1723 г.: «Разныхъ комедіантскихъ дѣйствъ письменныхъ въ полъ-десть, въ кожаномъ переплетѣ—2. Такіе же письменные въ бумажномъ переплетѣ, въ полъ-десть,—15 книгъ; дѣйствіе о Георгіи и Плакидѣ. Тетрадь письменная въ полъ-десть, по которой дѣйствовано въ комедіи «О страданіи св. мученикъ Ксенофонта и Маріи—7 тетрадей; Крисанфа и Даріи—2 тетради; Адріана и Наталіи—3 тетради; Іюліана—3 тетради; Евстафія Плакиды—3 тетради; Павла и Іуліаніи—3 тетради; Искупленіе человѣка отъ паденія его—3 тетради; Изъявленіе комедіи дѣйствуемой отъ ревности православія, тетрадь, печатанная церковными литерами (1704 г.). Повѣсти о цесарѣ римскомъ Оттѣ—7 тетрадей».

Кн. Шаховской въ своей статьѣ о началѣ русскаго театра, между прочимъ, говоритъ: «Мнѣ извѣстно по семейнымъ преданіямъ, что прабабка моя, Татьяна Ив. Арсеньева, боярышня царевны Софьи Алексѣевны, представляла лицо Екатерины

мученицы въ трагедіи, написанной самой царевной (такъ она сказывала своей дочери, а моей бабкѣ), и что Петръ Великій, бывая всегда при театральныхъ зрѣлищахъ въ теремахъ своей сестры, прозвалъ Татьяну Ивановну «Екатериной Мученицей большіе глаза». И. Е. Забѣлинъ и П. О. Морозовъ пришли къ заключенію, что пьеса эта написана не царевной Софьей, какъ утверждали нѣкоторые, а царевной Натальей Алексѣевной. Проф. Шляпкинъ полагаетъ, что царевна Нат. Алекс. написала также и пьесы: «Хрисанеъ и Дарія», «Цезарь Оттонъ» (или, иначе, «комедія Олундина») и «св. Евдокія». Послѣдняя изъ этихъ пьесъ, по мнѣнію проф. Шляпкина, имѣла цѣлью самооправданіе царевны въ томъ, что якобы она остудила любовь царя Петра къ первой женѣ его, царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной.

Весьма интересно сообщеніе проф. Шляпкина о рукописи «Номоканонъ» (второй экземпляръ), найденной имъ въ 1892 г. въ Устюгѣ Великомъ. Между заглавнымъ листомъ и правилами Номоканона написаны отрывки изъ нѣсколькихъ комедій а на оборотѣ 90-го листа—ноты, которыя относятся къ комедіи «Іудифь». Переписчикомъ и первымъ владѣльцемъ рукописи былъ карликъ Георгій Кордовскій, какъ это можно заключить изъ надписей на первой страницѣ Рукопись представляетъ подлинный списокъ ролей, съ ремарками для выхода и ухода, съ окончаніемъ репликъ предшествующихъ лицъ; а такъ какъ роли, переписанныя Кордовскимъ, большею частью старческія и полукомическія, соотвѣтствующія старческому лицу и малому росту карлика, то весьма вѣроятно, что онъ былъ не только переписчикомъ, но и исполнителемъ этихъ ролей. Рукопись эта заключаетъ отрывки ролей изъ нѣсколькихъ пьесъ, написанныхъ царевной Нат. Алекс. или только игранныхъ на ея театрѣ.

На основаніи изслѣдованія пр. Шляпкина можно сказать о тѣхъ пьесахъ, которыя, какъ уже было выше упомянуто, принадлежатъ перу царевны, слѣдующее: «Комедія о св. Екатеринѣ» очень близка къ житію св. Екатерины великомученицы, помѣщенному въ Четь-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго; многія мѣста житія повторяются въ пьесѣ буквально. Въ отрывкѣ комедіи о «Хрисанеѣ и Даріи» не видно заимствованій изъ текста Четь-Миней, а потому слова Карфопора можно съ большою вѣроятностью приписать творчеству царевны. Относительно комедіи о «св. Евдокіи», Морозовъ говоритъ: «Дѣйствіе было составлено по житію безъ всякихъ украшеній въ стилѣ школьной драмы, безъ аллегорическихъ фигуръ и хоровъ... по всей вѣроятности оно было передѣлано въ драму человѣкомъ, не коснувшимся школьной мудрости». Оригиналомъ для «комедіи Олундиной» послужила повѣсть, переведенная съ польскаго языка на русскій въ 1677.

Въ 1708 г. Наталья Алексѣевна впервые пріѣхала въ Петербургъ вмѣстѣ со своими сестрами (отъ перваго брака царя Алексѣя Михайловича), царевнами Марьей и Ѳеодосіей Алексѣевными, а также съ царицей Прасковьей Ѳеодоровной и ея дочерьми, герцогиней мекленбургской Екатериной Іоанновной и царевной Прасковьей Іоанновной. Царевна поселилась на Крестовскомъ островѣ, но жила тамъ, повидимому, не постоянно, такъ какъ, напримѣръ, въ 1709 г., когда въ Москвѣ торжественно праздновали Полтавскую побѣду, она принимала участіе въ торжествахъ и нѣсколько дней кряду «трактовала» многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ 1713 г. домъ Натальи Алексѣевны въ Петербургѣ находился между церковью Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ и дворцомъ царевича Алексѣя Петровича. Въ этомъ году въ половинѣ мая пріѣхала въ Петербургъ кронпринцесса Шарлотта, вышедшая замужъ за царевича Алексѣя Петровича еще 14 октября 1711 г., но продолжавшая жить за границей. Царь и царевичъ были въ это время въ финляндскомъ походѣ, а потому Шарлотта увѣдомила Наталью Алексѣевну о своемъ прибытіи въ Нарву. Царевна послала ей отвѣтное письмо, въ которомъ выражала радость по случаю ея скораго пріѣзда въ Петербургъ; сожалѣла, что царь и царевичъ отсутствуютъ, и обѣщала позаботиться объ ея увеселеніи. Кронпринцесса скончалась 22 октября 1715 г., десять дней спустя послѣ рожденія сына Петра, и Наталья Алексѣевна, въ числѣ другихъ лицъ царской семьи, присутствовала на ея похоронахъ. Воспріемниками отъ купели новорожденнаго царевича Петра Алексѣевича были царь Петръ и Наталья

Алексѣевна.—4 января 1716 г. кн. Меншиковъ возилъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ чертежъ примѣрной планировки Васильевскаго острова, съ предложеніемъ выбрать тамъ мѣсто для своего дворца. Царевна поѣхала съ Меншиковымъ на островъ, выбрала мѣсто и заѣхала потомъ съ нимъ вмѣстѣ къ царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, которая, по ея совѣту, выбрала для себя сосѣднее съ нею мѣсто. Но Натальѣ Алексѣевнѣ не суждено было переѣхать на Васильевскій островъ: она вскорѣ стала прихварывать и скончалась отъ катарра желудка 18 іюня того же 1716 года. Во время болѣзни Натальи Алексѣевны всѣ близкіе навѣщали ее, такъ какъ она была всѣми любима,—только царевичъ Алексѣй Петровичъ, по словамъ нѣкоторыхъ современниковъ, не былъ ни во время ея болѣзни, ни на ея отпѣваніи. По однимъ свидѣтельствамъ, царевичъ сердился на тетку за то, что она довела однажды, въ 1707 г., до свѣдѣнія царя о тайномъ посѣщеніи имъ матери его Евдокіи Ѳеодоровны; царь вызвалъ тогда Алексѣя Петровича въ Жолкву и выразилъ ему свой гнѣвъ. Когда умерла царевна, то одинъ изъ приближенныхъ Алексѣя Петровича сказалъ ему: «Вѣдаешь-ли ты, что все на тебя худое было отъ нея? Я слышалъ отъ Аврама (Лопухина)». Совершенно иное доносилъ своему правительству голландскій резидентъ Деби. «Особы знатныя и достойныя вѣры говорили мнѣ, что покойная великая княжна Наталія, умирая, сказала царевичу Алексѣю: «пока я была жива, я удерживала брата отъ враждебныхъ намѣреній противъ тебя; но теперь умираю, и время тебѣ самому о себѣ промыслить; лучше всего, при первомъ случаѣ, отдайся подъ покровительство императора».

Царь Петръ былъ за границей (въ Данцигѣ), когда скончалась царевна Наталья Алексѣевна. Сообщеніе печальнаго извѣстія принялъ на себя кн. Меншиковъ. Понимая, до какой степени тяжела будетъ эта потеря для царя, онъ выказалъ въ своемъ письмѣ большую заботливость о его душевномъ состояніи и здоровьѣ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ сообщалъ онъ царю объ этомъ печальномъ событіи: «настоящаго іюня въ 18 числѣ, въ 9 часу пополудни, сестра ваша Ея Высочество Государыня Царевна Наталія Алексѣевна, по волѣ Всемогущаго, отъ сего суетнаго свѣта переселилась въ вѣчную блаженную жизнь. О болѣзни-же Ея Высочества при семъ докторское описаніе прилагаю; и понеже какъ вы сами, по мудрому своему разсужденію изволите знать, что сіе необходимо есть; къ тому жъ мы всѣ по христіанской должности такія печали сносить повинны, того ради всепокорно прошу, дабы не изволили вы сію печаль продолжать..... Паче-же всего, мой всемилостивѣйшій Государь и отецъ, изволь беречь свое здравіе; понеже сами изволите разсудить, что печаль не душевной, ни тѣлесной пользы ни принесетъ, а развѣ здравіе повредитъ, отъ чего да сохранитъ васъ Всемогущій Богъ, у котораго всѣмъ моимъ сердцемъ о томъ прошу».

Царь отложилъ похороны сестры до своего возвращенія изъ-за границы и распорядился построить въ Александро-Невской лаврѣ для ея погребенія особую церковь во имя св. Лазаря. На «дѣло печальнаго платья» по Нат. Алекс. онъ велѣлъ выдать до 535 ефимковъ.

Вернувшись въ Петербургъ 10-го октября 1717 г., царь, только мѣсяцъ спустя—13-го ноября, въ шестомъ часу утра, отдалъ кн. Меншикову приказаніе о церемоніалѣ при перенесеніи тѣла Натальи Алексѣевны въ лавру; 15-го онъ самъ осмотрѣлъ приготовленія, а 17-го, въ день св. Лазаря, присутствовалъ при выносѣ и погребеніи. 26 апрѣля 1719 г. тамъ же погребенъ сынъ Петра, царевичъ Петръ Петровичъ (р. 29 окт. 1715 г.). Потомъ была предпринята постройка Благовѣщенской церкви въ Александро-Невской лаврѣ; церковь эта освящена уже послѣ смерти Петра, а во время построенія перенесены были въ нее 24-го октября 1723 г. тѣла царевны Натальи Алексѣевны и царевича Петра Петровича—любимой сестры и любимаго сына императора. Память Натальи Алексѣевны была дорога Петру; одинъ ея домъ онъ опредѣлилъ подъ пріютъ для подкидышей, въ другомъ поселился вмѣстѣ съ императрицей 28 апрѣля 1722 г. Еще при жизни Натальи Алексѣевны, отличавшейся набожностью, у нея въ домѣ, по нынѣшнему Воскресенскому проспекту, была церковь во имя Воскресенія Христова (отсюда названіе улицы и проспекта Воскресенскими), и здѣсь же была устрое-

на первая въ Петербургѣ богадѣльня, куда принимались старыя и убогія женщины. Послѣ смерти царевны, Петръ велѣлъ пристроить къ этому дому чуланъ съ улицы, чтобы могли приносить туда младенцевъ, безъ объявленія именъ приносящихъ. На содержаніе богадѣлокъ и младенцевъ онъ назначилъ денежное и хлѣбное жалованье.

Голиковъ. Дѣянія Петра В., 2-е изд. (Полевого). I,—53, 74; II, 132, 306; III, 107; IV, 355; V, 226; VI, 371, 374, 512—513, 556, 640; VII, 326, 327; XI, 482, 483; XIII, 103, 398, 707, 721; XIV, 135, 157, 196, 233, 447.—Записки гр. Бассевича, служащія къ поясненію нѣкоторыхъ событій изъ времени царствованія Петра Великаго (1713—1725 г.) („Рус. Архивъ"), 1865 г., I.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и объ его преобразованіяхъ. („Рус. Арх.") 1872 г.— Дневникъ Корба 1698—99 г.г. Москва. 1868 г., с. 90, 99, 149, 150, 239, 302.—Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ (Г. В. Есипова). М. 1872 г., I, 22, 23, 154, 160, 240; II, 4, 49, 50, 181, 247, 347.—Письма и бумаги Петра Великаго. Спб. 1887 г. т. I, 77, 392, 501, 509, 556, 599, 622, 778, 791, 801, 834; 1893 г., т. III, с. 378, 434. 1900 г., т. IV, с. 230, 317, 443, 548, 27, 43, 61, 130, 362, 406, 533, 603, 663 673, 731, 1137.—Берхъ. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Сп. 1831 г., II, с. 128.—Забѣлинъ, И. Е.: а) Домашній бытъ русскихъ царицъ, с. 77, 81, 191; б) Матеріалы, с. 154, 158, 168, 184, 185, 247; в) Домашній бытъ русскихъ царей. Изд. 2-е. М. 1872 г., с. 500—501, 508.—Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго., I, с. 34—36, 38; II, 119; III, с. 190; VI, с. 18, 33, 44.—Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ. СПБ. 1862, т. I. с. 427—431, 441—442.—Соловьевъ. Исторія Россіи, XI, примѣч. 71; XII, 336; XIV, 286; XVI, 69; XVII, 147, 172.—Брикнеръ, А. Г. Исторія Петра Великаго. СПБ. 1882 г., I, 144; II, 250, 252; III, 330, 350; IV, 460.—Петровъ, П. Н. Исторія Санкт-Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городского управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ. 1703—1782 г. СПБ. 1885, с. 71, 136, 141, 201, 705. Примѣч. 239 на 44 стр.—Пыляевъ, М. И. Старый Петербургъ. СПБ. 1887 г., с. 24—26, 33.—Шляпкинъ, И. А. Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. Изд. Общ. Люб. Др. Письм. СПБ. 1898 г. стр. LVIII+84; Д. Ровинскій, „Русскія народныя картинки", т. V.

В. Корсакова.

Наталья Алексѣевна, великая княжна, сестра императора Петра II, род. 12 іюля 1714, ум. 22 ноября 1728 г. По духовному завѣщанію Екатерины I, она находилась въ числѣ тѣхъ лицъ императорской фамиліи, которыя имѣли право на наслѣдованіе русскаго престола, въ случаѣ кончины Петра II, Анны Петровны и Елисаветы Петровны и ихъ потомства. Вслѣдствіе этого манифестъ о кончинѣ императрицы Екатерины I былъ подписанъ, между прочимъ, и Натальей Алексѣевной.

По отзыву испанскаго посла герцога де Лиріа, лично знавшаго великую княжну, она была дурна собой, хотя и хорошо сложена; но добродѣтель замѣняла въ ней красоту: привѣтливая, внимательная, великодушная, исполненная граціи и кротости, она привлекала къ себѣ всѣхъ. Она въ совершенствѣ говорила на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, любила чтеніе и благоволила къ иностранцамъ. Несмотря на незначительную разницу въ годахъ между нею и императоромъ (великая княжна была старше брата на одинъ годъ и три мѣсяца), она пользовалась большимъ вліяніемъ на него, и Петръ II не только любилъ, но и уважалъ сестру за ея разсудительность.

Всесильный въ началѣ царствованія Петра II кн. Меншиковъ, не довольствуясь обрученіемъ съ императоромъ своей старшей дочери, княжны Марьи Александровны, намѣревался, какъ извѣстно, женить своего сына Александра (род. 1714 г.) на великой княжнѣ. Черезъ посредство цесарскаго посланника при русскомъ дворѣ, онъ заручился даже обѣщаніемъ императора Карла VI содѣйствовать этому браку. Но замыселъ не удался и привелъ къ совершенно неожиданному для кн. Меншикова результату. Великая княжна Наталья Алексѣевна съ негодованіемъ отнеслась къ его плану, составленному безъ ея согласія, и стала опираться на Остермана, къ которому вообще была расположена. Значеніе Остермана усилилось, и онъ незамѣтно, но твердо пошелъ къ намѣченной цѣли—удаленію кн. Меншикова отъ двора. Къ этому времени относится сближеніе императора съ кн. Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ. Кн. Меншиковъ не опасался дружбы Петра II съ легкомысленнымъ и не особенно умнымъ свѣтскимъ юношей; Остерманъ же воспользовался кн. Иваномъ для внушенія императору, что кн. Меншиковъ поступаетъ слишкомъ самовластно и, послѣ женитьбы государя на его дочери, можетъ посягнуть на престолъ. Кн. Меншиковъ вскорѣ самъ подалъ поводъ къ взрыву негодованія со стороны императора. Одна-

жды Петръ II отправилъ въ подарокъ сестрѣ 9.000 червонцевъ, поднесенныхъ ему цехомъ петербургскихъ каменщиковъ. Встрѣтивъ посланнаго, кн. Меншиковъ отобралъ у него деньги подъ предлогомъ, что государь, по молодости и неопытности, не умѣетъ еще надлежащимъ образомъ располагать деньгами, и онъ не замедлитъ доложить ему о болѣе полезномъ употребленіи этой суммы. Когда раздосадованный Петръ II грозно спросилъ Меншикова, какъ онъ осмѣлился нарушить его приказаніе, Меншиковъ сослался на бѣдность государственной казны и прибавилъ, что если государь желаетъ, то онъ не только возвратитъ 9.000 червонцевъ, а еще пожертвуетъ изъ своего собственнаго достоянія милліонъ рублей. Эта выходка окончательно разгнѣвала императора и онъ сказалъ Меншикову: «Я тебя научу помнить, что я императоръ, и что ты долженъ мнѣ повиноваться». Таково было начало немилости, вскорѣ закончившейся опалой и ссылкой. Остерманъ разсчитывалъ занять мѣсто кн. Меншикова, но былъ оттѣсненъ князьями Долгорукими и Голицыными.

Освободившись отъ опеки кн. Меншикова, Петръ II сталъ пренебрегать государственными дѣлами, часто отлучался изъ Москвы и предался безконечнымъ увеселеніямъ, устраиваемымъ Долгорукими. Подчиняясь вліянію кн. Ивана Долгорукаго, онъ сталъ отдаляться отъ сестры, предпочитая общество своей веселой красавицы-тетки Елизаветы Петровны. Наталья Алексѣевна, нѣжно любившая брата, горячо принимала къ сердцу его невниманіе къ ней и легкомысленное поведеніе. Вскорѣ она занемогла изнурительной лихорадкой, перешедшей въ скоротечную чахотку, и скончалась 22 ноября 1728 г., оплаканная, по словамъ герцога де-Лиріа, русскими и иностранцами, знатными и бѣдными. Смерть ея была тяжелымъ ударомъ для Петра II; онъ рыдалъ, не спалъ цѣлыя ночи и выѣхалъ изъ Слободскаго дворца, который занималъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ сестрой. Погребеніе Натальи Алексѣевны было совершено очень торжественно, два мѣсяца спустя послѣ ея кончины (20 января 1729 г.).

Барановъ. Опись Сен. Арх., тт. II и III. Записки дюка Лирійскаго. Переводъ съ франц. Д. Языкова. СПБ. 1845 г., с. 115.—Арсеньевъ. Царствованіе Петра II.—СПБ. 1839 г. сс. 22, 23, 29—30, 79, 103—105; пр. 23, 70, 71, 72.—Письма леди Рондо. СПБ. 1874 г. сс. 8, 158—159, 163, 184.—Рус. Ст. 1886 г., т. L, с. 32

В. Корсакова.

Наталья Алексѣевна (до принятія православія Вильгельмина, принцесса Гессенъ-Дармштадтская), первая супруга цесаревича Павла Петровича, род. 15-го іюня 1755, ум. 15-го апр. 1776. Родители ея были: ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій Людвигъ, человѣкъ весьма ограниченный, преданный идеѣ милитаризма, и жена его Генріетта-Каролина, рожденная принцесса Цвейбрюкенская, женщина честолюбивая, умная и прекрасно образованная. Въ 1771 г. императрица Екатерина рѣшила приступить къ выбору изъ нѣмецкихъ принцессъ невѣсты для своего сына. Главнымъ помощникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ Ассебургъ, который провелъ въ Петербургѣ три года (1765—68 гг.) въ качествѣ датскаго посланника. Передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, Екатерина поручила ему ближе ознакомиться съ семействами тѣхъ нѣмецкихъ государей, дочери которыхъ годами подходили къ возрасту Павла Петровича. Такъ какъ принцесса Саксенъ-Готская Луиза отказалась отъ перемѣны вѣроисповѣданія, а принцесса Виртембергская Софія Доротея (впослѣдствіи была второй супругой цесаревича), которая особенно нравилась Екатеринѣ, была еще ребенкомъ (р. 1759 г.), то вниманіе Ассебурга остановилось на трехъ дочеряхъ герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, при чемъ самой подходящей казалась принцесса Вильгельмина. Екатерину смущали слухи о ея склонности къ раздорамъ, и она поручила Ассебургу доискаться, насколько эти слухи справедливы. Свои наставленія и указанія Екатерина сообщала Ассебургу или собственноручно, или черезъ посредство воспитателя цесаревича, гр. Никиту Ив. Панина, принимавшаго живое участіе въ судьбѣ своего царственнаго воспитанника и пользовавшагося искреннимъ его расположеніемъ. Брачнаго союза между Гессенъ-Дармштадтскимъ и русскимъ домами желалъ и прусскій король Фридрихъ II, потому что его племянникъ и наслѣдникъ, принцъ прусскій Фридрихъ Вильгельмъ былъ женатъ на дочери ландграфа Фридерикѣ. По его мнѣнію, надо было имѣть въ Россіи людей, которые держали бы

сторону Пруссіи, а чего же лучше, если наслѣдникъ прусскаго престола и наслѣдникъ русскаго престола будутъ женаты на родныхъ сестрахъ..

Незадолго до пріѣзда ландграфини дармштадтской и ея дочерей въ Россію, Ассебургъ подробно писалъ о принцессѣ Вильгельминѣ гр. Никитѣ Ив. Панину. По его словамъ, послѣ того какъ рѣшена была поѣздка въ Петербургъ, принцесса стала охотнѣе принимать участіе въ разговорахъ, повидимому изъ желанія обогатить себя познаніями. Прежде она не любила танцевъ, нарядовъ, общества подругъ, и если не отказывалась отъ увеселеній, то давала понять, что дѣлаетъ это болѣе изъ угожденія другимъ, чѣмъ по собственной охотѣ. «Мать отличаетъ ее—писалъ Ассебургъ,—наставники хвалятъ способности ея ума и обходительность нрава; она не выказываетъ капризовъ; она хотя холодна, но одинакова со всѣми, и ни одинъ изъ ея поступковъ не опровергнулъ еще моего мнѣнія, что сердце ея чисто, сдержанно и добродѣтельно, но что ее поработило честолюбіе... Ея нравъ и манеры пріобрѣли нѣкоторую небрежность; но они смягчатся, сдѣлаются пріятнѣе и ласковѣе, когда она будетъ жить съ людьми, которые особенно привлекутъ ея сердце. Ожидаю того же отъ направленія ея ума, нынѣ недѣятельнаго и привязаннаго къ небольшому числу мѣстныхъ идей и невнимательнаго болѣе по привычкѣ, чѣмъ по естественной наклонности; серьезнаго и подчиненнаго нѣкоторымъ предубѣжденіямъ, но который—въ иной мѣстности и при иныхъ обязанностяхъ—долженъ будетъ пріобрѣсти болѣе обширности, прелести, вѣрности и прочности. Принцесса захочетъ нравиться. Она изъ всего молодого Дармштадтскаго семейства имѣетъ наиболѣе граціи и благородства въ манерахъ и въ характерѣ, точно также какъ она имѣетъ всего болѣе находчиваго ума».

28-го апрѣля 1773 г. Екатерина написала ландграфинѣ, приглашая ее пріѣхать съ дочерьми въ Петербургъ. Дармштадтское семейство состояло изъ трехъ сыновей и пяти дочерей; двѣ старшія дочери были замужемъ, а въ Россію ѣхали принцессы: Амалія, Вильгельмина и Луиза. Такъ какъ финансовое положеніе гессенъ-дармштадтскаго двора было не блестяще, то Екатерина приняла всѣ издержки по путешествію на счетъ русской казны и послала ландграфинѣ 80 тысячъ гульденовъ. Въ Любекъ была отправлена, подъ главной командой кавалера Крузе, флотилія изъ трехъ судовъ: «Св. Маркъ», «Соколъ» и «Быстрый»; командиромъ на «Быстромъ» былъ капитанъ-лейтенантъ гр. Андрей Разумовскій, къ которому Павелъ Петровичъ особенно благоволилъ. Пріемъ въ Любекѣ и сопровожденіе ландграфини съ дочерьми до Ревеля были возложены на генералъ-маіора Ребиндера, а сопровожденіе отъ Ревеля до Царскаго Села—на камергера барона Черкасова. Имъ обоимъ были даны Екатериной инструкціи. Въ «секретнѣйшихъ» пунктахъ инструкціи Ребиндеру Екатерина выражала желаніе, чтобы онъ, во время морского переѣзда и пребыванія въ Любекѣ, подмѣтилъ особенности характеровъ и душевныхъ свойствъ молодыхъ принцессъ. Ландграфинѣ онъ долженъ былъ дать понять, что отъ нея ожидается: 1, отсутствіе лицепріятія и ровное, ласковое обращеніе со всѣми тѣми, съ кѣмъ ей придется встрѣчаться при дворѣ Екатерины, 2, довѣріе къ императрицѣ; 3 уваженіе къ цесаревичу и ко всей націи. Къ инструкціи барону Черкасову приложена была бумага подъ заглавіемъ «Наставленія императрицы Екатерины II, данныя княгинямъ Россійскимъ». Они были написаны самой императрицей или при непосредственномъ ея участіи и представляли краткія правила для руководства той принцессы, которая будетъ «имѣть счастье сдѣлаться невѣсткой Екатерины и супругой Павла Петровича». Если «наставленія» были прочитаны ландграфиней и ея дочерьми, то принцесса Вильгельмина не дала себѣ труда ихъ усвоить. Вотъ вкратцѣ содержаніе «наставленій». Сдѣлавшись женой Павла Петровича, принцесса не должна слушать никакихъ навѣтовъ злобныхъ людей противъ императрицы или цесаревича, а въ дѣлѣ политики не поддаваться внушеніямъ иностранныхъ министровъ. Среди развлеченій и забавъ она всегда должна помнить то положеніе, которое занимаетъ, а потому держать себя съ достоинствомъ и не допускать короткаго обхожденія, которое можетъ вызвать недостатокъ почтительности. Что касается тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя будутъ отпускаться на ея расходы, то ими она должна пользоваться благоразумно, чтобы никогда не дѣлать долговъ. Такъ какъ праздность вле-

четъ за собой скуку, послѣдствіемъ которой бываетъ дурное расположеніе духа, надо стараться, исполнивъ всѣ свои обязанности, искать занятій въ свободные часы. Чтеніе образуетъ вкусъ, сердце и умъ; если принцесса сумѣетъ найти въ немъ интересъ, то это будетъ, конечно всего лучше; кромѣ того, она можетъ заниматься музыкой и всякаго рода рукодѣльями; разнообразя свой досугъ, она никогда не будетъ чувствовать пустоты въ теченіе дня. Столь же опасно избѣгать свѣта, какъ слишкомъ любить его. Не слѣдуетъ тяготиться свѣтомъ, когда придется бывать въ обществѣ, но надо умѣть обходиться безъ свѣта, прибѣгая къ занятіямъ и удовольствіямъ, способнымъ украсить умъ, укрѣпить чувства или дать дѣятельность рукамъ.

«Наставленія» заканчиваются 13-мъ пунктомъ. «Слѣдуя этимъ правиламъ, принцесса должна ожидать самой счастливой будущности. Она будетъ имѣть самаго нѣжнаго супруга, котораго она составитъ счастье и который, навѣрно, сдѣлаетъ ее счастливою; она будетъ имѣть преимущество именоваться дочерью той императрицы, которая наиболѣе приноситъ чести нашему вѣку, быть ею любимой и служить отрадой народу, который съ новыми силами двинулся впередъ подъ руководствомъ Екатерины, все болѣе прославляющей его, и принцессѣ останется только желать продленія дней Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя, въ твердой увѣренности, что ея благополучіе не поколеблется, пока она будетъ жить въ зависимости отъ нихъ».

Незадолго до пріѣзда ландграфини, перлюстрація доставила Екатеринѣ частное письмо Ассебурга къ воспитателю цесаревича гр. Н. И. Панину, въ которомъ Ассебургъ увѣрялъ Панина, что ландграфиня будетъ слѣдовать только его совѣтамъ и во всемъ ему повиноваться. Такимъ же способомъ узнала она, что прусскій король Фридрихъ писалъ своему посланнику въ Петербургѣ, Сольмсу, чтобы онъ не скрывалъ отъ ландграфини ничего такого, что могло бы послужить къ руководству ея при незнакомомъ дворѣ. Изъ этого Екатерина заключила, что у ландграфини явится много непрошенныхъ совѣтниковъ, и стала подозрительно относиться къ тѣмъ близкимъ цесаревичу лицамъ, которымъ предстояло быть въ обществѣ ландграфини тотчасъ по ея пріѣздѣ въ Россію. Поэтому неудивительно, что между Екатериной и барономъ Черкасовымъ возникла оживленная переписка о томъ, какъ воспрепятствовать графу Разумовскому сложить съ себя командованіе «Быстрымъ» и отправиться въ Петербургъ въ свитѣ ландграфини сухимъ путемъ. Все обошлось, однако, благополучно, т. к. «Быстрый» опоздалъ прибыть въ Ревель. Ландграфиня съ дочерьми отдохнула тамъ нѣсколько дней и двинулась дальше въ сопровожденіи барона Черкасова, когда графъ Разумовскій былъ еще только на пути въ Ревель. 15-го іюня кн. Гр. Гр. Орловъ встрѣтилъ ландграфиню и ея дочерей въ Кипени и пригласилъ отобѣдать у него въ Гатчинѣ, говоря, что онѣ познакомятся съ нѣсколькими дамами. Каково же было удивленіе ландграфини, когда она увидала императрицу, пріѣхавшую туда съ небольшою свитою, чтобы избавить гостей отъ оффиціальнаго пріема. Послѣ обѣда ландграфиня и ея дочери поѣхали въ удобной шестимѣстной каретѣ съ императрицей и съ графиней Брюсъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Царскаго Села, онѣ встрѣтились съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и гр. Никитой Ив. Панинымъ; Екатерина познакомила ихъ между собой, и всѣ усѣлись въ восьми-мѣстный фаэтонъ цесаревича. Съ перваго же взгляда принцесса Вильгельмина понравилась великому князю; три дня спустя, 18-го іюня, Екатерина просила отъ его имени у ландграфини руки принцессы Вильгельмины. Согласіе было немедленно дано, и посланъ курьеръ къ ландграфу Людвигу, чтобы получить его разрѣшеніе на бракъ. Ландграфиня и ея дочери произвели на Екатерину прекрасное впечатлѣніе. Вотъ что она писала по этому поводу въ началѣ іюля 1773 г.: «У ландграфини сердце и умъ возвышенные; это во всѣхъ отношеніяхъ женщина почтенная и съ большими достоинствами; ея бесѣда мнѣ нравится, и кажется, ни она, ни ея дочери не скучаютъ съ нами. Старшая очень кротка, у младшей, повидимому, много ума; вторая имѣетъ все, что намъ нужно: ея физіономія прелестна, ея черты правильны; она привѣтлива, умна; я очень ею довольна. а сынъ мой влюбленъ въ нее».

Такъ какъ Екатерина ставила непремѣннымъ условіемъ брака принятіе принцессой православія, то принц. Вильгельминѣ пришлось немедленно приступить къ ознакомленію съ ученіемъ православной церкви, подъ руководствомъ московскаго архіепископа Платона, выбраннаго въ наставники принцессы самой ландграфиней. 15-го августа совершилось миропомазаніе принцессы Вильгельмины, принявшей имя Натальи Алексѣевны; на слѣдующій день было торжественно отпраздновано обрученіе ея съ Павломъ Петровичемъ, а полтора мѣсяца спустя, 29-го сентября 1773 г., состоялось бракосочетаніе. Невѣста была убрана къ вѣнцу статсъ-дамами; на ней было парчевое серебряное платье, осыпанное брилліантами. Императрица была въ русскомъ платьѣ изъ алаго атласа, вышитомъ жемчугами и въ мантіи, опушенной горностаемъ. Бракосочетаніе было совершено съ чрезвычайной пышностью; потомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ праздниковъ для придворныхъ, для дворянства, купечества и простого народа; закончились они 11-го октября фейерверкомъ. 15-го октября ландграфиня съ двумя дочерьми и со свитой покинула Петербургъ.

Въ день миропомазанія Натальи Алексѣевны, гофмейстериною къ ней назначена была графиня Ек. Мих. Румянцова, супруга фельдмаршала, въ тотъ же день пожалованная статсъ-дамою Фрейлинами опредѣлены были княжна Евдокія Мих. Бѣлосельская и Праск. Ив. Леонтьева. Отдѣльнаго двора цесаревичу послѣ его брака образовано не было, но за увольненіемъ его воспитателя гр. Панина, состоять при немъ назначенъ былъ, въ ноябрѣ 1773 г., генералъ-аншефъ Ник. Ив. Салтыковъ. По просьбѣ Павла Петровича, императрица разрѣшила, чтобы камеръ-юнкеръ гр. Разумовскій помѣстился во дворцѣ, и ему отвели комнату рядомъ съ братомъ великой княгини Натальи Алексѣевны, наслѣднымъ принцемъ Людвигомъ Гессенскимъ. Гр. Разумовскій пользовался исключительной дружбой Павла Петровича, и его вліяніе на великаго князя въ 1773 — 76 г.г. было очень велико.

Первое время послѣ женитьбы Павла Петровича, императрица была въ восторгѣ отъ Натальи Алексѣевны и расхваливала ее въ письмахъ къ ея матери и къ госпожѣ Бьелке. 10-го ноября 1773 г., т. е. шесть недѣль спустя послѣ свадьбы, Екатерина писала ландграфинѣ: «Ваша дочь здорова; она по прежнему кротка и любезна, какою Вы ее знаете. Мужъ обожаетъ ее, то и дѣло хвалитъ и рекомендуетъ ее; я слушаю и иногда покатываюсь со смѣху, потому что ей не нужно рекомендацій; ея рекомендація въ моемъ сердцѣ; я ее люблю, она того заслужила и я совершенно ею довольна. Да и нужно бы искать повода къ неудовольствіямъ и быть хуже какой нибудь кумушки сплетницы, чтобы не оставаться довольной Великою Княгинею, какъ я ею довольна. Однимъ словомъ, наше хозяйство идетъ очень мило. Дѣти наши, кажется, очень рады переѣзду со мною на дачу въ Царское Село. Молодежь заставляетъ меня по вечерамъ играть и рѣзвиться, или, если угодно, я заставляю ихъ этимъ заниматься». Такъ продолжалось еще и весной 1774 г., что видно изъ донесенія англійскаго посланника Гуннинга своему двору. «Недавно императрица высказала—писалъ онъ—что обязана великой княгинѣ за то, что ей возвращенъ ея сынъ, и что она поставитъ задачей своей жизни доказать свою признательность за такую услугу; дѣйствительно, она никогда не пропускаетъ случая приласкать эту принцессу, которая обладая даже меньшимъ умомъ, чѣмъ великій князь, несмотря на то пріобрѣла надъ нимъ сильное вліяніе и, кажется до сихъ поръ весьма успѣшно приводитъ въ исполненіе наставленія, несомнѣнно давныя ей ея матерью, ландграфиней. Общество ея, повидимому, составляетъ единственное отдохновеніе великаго князя; онъ не видитъ никого, кромѣ молодого гр. Разумовскаго».

Въ это время петербургскій дворъ былъ взволнованъ происками иностранныхъ посланниковъ. Франція и Испанія старались поселить несогласіе между Россіей, Австріей и Пруссіей, которыя сблизились при первомъ раздѣлѣ Польши, и, если вѣрить преемнику англійскаго посланника Гуннинга—Джемсу Гаррису и прусскомукоролю Фридриху II-му, французскій и испанскій посланники подкупили гр. Разумовскаго, а онъ, пользуясь особымъ довѣріемъ великой княгини Натальи Алексѣевны, вовлекъ и ее въ эти политическія интриги. Догадывалась ли Екатерина о

томъ, что происходило въ покояхъ Натальи Алексѣевны—неизвѣстно; но она была недовольна великой княгиней и дала понять Павлу Петровичу, что онъ допускаетъ излишнюю близость между своей женой и гр. Разумовскимъ. Велико было отчаяніе цесаревича при этомъ намекѣ, но Натальѣ Алексѣевнѣ удалось убѣдить его, что императрица передала ему ложный слухъ съ цѣлью поссорить ихъ. Послѣ этого усилилось его недовѣріе къ матери, такъ какъ онъ полагалъ, что ею руководитъ лишь чувство непріязни къ Натальѣ Алексѣевнѣ. Онъ былъ отчасти правъ. Вмѣсто восторженныхъ отзывовъ, приведенныхъ нами выше, вотъ что говорила императрица о своей невѣсткѣ въ письмѣ къ Гримму отъ 21-го декабря 1774 г.: «Какъ не быть болѣзненною; у этой дамы вездѣ крайности; если мы дѣлаемъ прогулку пѣшкомъ,—такъ въ двадцать верстъ; если танцуемъ,—такъ двадцать контрдансовъ, столько же менуэтовъ, не считая аллемандовъ; дабы избѣгнуть тепла въ комнатахъ,—мы ихъ не отапливаемъ вовсе; если другіе натираютъ себѣ лицо льдомъ, у насъ все тѣло дѣлается сразу лицомъ; однимъ словомъ золотая середина далека отъ насъ. Боясь злыхъ, мы не довѣряемъ никому на свѣтѣ, не слушаемъ ни добрыхъ, ни дурныхъ совѣтовъ; словомъ сказать, до сихъ поръ нѣтъ у насъ ни въ чемъ ни пріятности, ни осторожности, ни благоразумія, и Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, потому что мы никого не слушаемъ и рѣшаемъ все собственнымъ умомъ. Послѣ болѣе чѣмъ полутора года, мы не знаемъ ни слова по русски, мы хотимъ, чтобы насъ учили, но мы ни минуты въ день стараніи не посвящаемъ этому дѣлу; все у насъ вертится кубаремъ; мы не можемъ переносить то того, то другого; мы въ долгахъ въ два раза противу того, что мы имѣемъ, а мы имѣемъ столько, сколько едва ли кто нибудь имѣетъ въ Европѣ. Но ни слова болѣе — въ молодыхъ людяхъ никогда не слѣдуетъ отчаяваться».

На расходы Натальи Алексѣевны было ежегодно отпускаемо по 50.000 рублей, но она постоянно нуждалась въ деньгахъ и нерѣдко занимала у короткихъ знакомыхъ, между прочимъ у Натальи Кирилловны Загряжской, сестры гр. Разумовскаго. О финансовыхъ затрудненіяхъ великой княгини ходили слухи и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ; придворные передавали другъ другу по секрету, что задуманъ иностранный заемъ, который долженъ состояться безъ вѣдома императрицы, черезъ посредство секретаря французскаго посольства де-Корберона.

Наталья Алексѣевна часто прихварывала, и нездоровье ея до такой степени тревожило императрицу, что въ февралѣ 1775 г. она выражала Гримму свои опасенія относительно возможности развитія у нея чахотки. Потомъ здоровье великой княгини улучшилось, и ожидали рожденія перваго ребенка. 10-го апрѣля 1776 г. Наталья Алексѣевна почувствовала себя не хорошо. Было созвано нѣсколько врачей, между прочимъ врачъ прусскаго принца Генриха, гостившаго въ Петербургѣ; Екатерина не отходила отъ больной, которая не разъ говорила свекрови: «вы отличная сидѣлка». Всѣ усилія врачей оказались тщетными: вел. княгиня не въ состояніи была произвести на свѣтъ ребенка и скончалась 15-го апрѣля въ ужасныхъ страданіяхъ. Немедленно послѣ кончины великой княгини, Екатерина велѣла принести себѣ шкатулку съ ея бумагами и запечатала ее. Въ тотъ же день императрица, цесаревичъ, принцъ Генрихъ и всѣ придворные, въ томъ числѣ и гр. Разумовскій, переѣхали въ Царское Село. Комнаты вел. княгини въ Зимнемъ дворцѣ были передѣланы, а мебель подарена духовнику ея—архіепископу Платону, напутствовавшему ее передъ кончиной. Павелъ Петровичъ былъ до такой степени опечаленъ кончиной жены, что опасались за его разсудокъ и его жизнь. Говорятъ, что Екатерина употребила сильное, но вѣрное средство, чтобы заставить цесаревича образумиться: она передала ему нѣкоторыя изъ найденныхъ въ шкатулкѣ умершей великой княгини бумагъ, компрометировавшихъ гр. Разумовскаго.

На другой день, когда гр. Разумовскій явился, по обыкновенію, къ цесаревичу, онъ едва сказалъ съ нимъ нѣсколько словъ, обнялъ его и удалился къ себѣ въ комнату. Императрица вручила гр. Разумовскому запечатанный пакетъ и велѣла немедленно собственноручно доставить въ Петербургъ фельдмаршалу кн. Александру Мих. Голицыну. Когда оказалось, что гр. Разумовскому приказано остаться въ Пе-

тербургѣ и принять участіе въ распоряженіяхъ по погребенію великой княгини, онъ написалъ цесаревичу, умоляя его объяснить причину своего удаленія въ такую скорбную минуту, когда онъ думалъ быть ему полезнымъ своей искренней, безпредѣльной преданностью. По приказанію цесаревича, состоявшій при немъ Н. И. Салтыковъ отвѣтилъ, что повелѣніе императрицы не можетъ быть измѣнено. 26-го апрѣля 1776 года состоялось погребеніе Натальи Алексѣевны въ Александроневской Лаврѣ; Екатерина присутствовала на немъ, а цесаревичъ остался въ Царскомъ Селѣ. На слѣдующій день Екатерина черезъ фельдмаршала кн. Голицина объявила гр. Разумовскому повелѣніе ѣхать въ Ревель и тамъ ожи дать дальнѣйшихъ распоряженій.

Кончина великой княгини произвела сильную перемѣну въ Павлѣ Петровичѣ: изъ кроткаго, веселаго и словоохотливаго онъ сдѣлался сумрачнымъ, природныя недовѣрчивость и подозрительность, сгладившіяся одно время подъ вліяніемъ дружбы къ гр. Разумовскому, не только вернулись, но дошли до крайности; мало по малу цесаревичъ превратился въ того причудливаго человѣка, какимъ его знали впослѣдствіи, при восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины.

Тотчасъ послѣ кончины Натальи Алексѣевны начались, при помощи принца Генриха Прусскаго, переговоры о новой невѣстѣ для цесаревича. Исполнилась давнишняя мечта Екатерины: второй супругой Павла Петровича сдѣлалась вюртембергская принцесса Софія Доротея, принявшая имя Маріи Ѳеодоровны. 29-го іюня 1776 г. Екатерина писала Гримму по поводу этого брака. «Если считалъ себя счастливымъ и потерялъ эту увѣренность, развѣ слѣдуетъ отчаяваться, что снова возвратишь ее»?

Сб. Имп. Рус. Общ., т. XIII, с. 106—107, 318—336, 346—348, 361, 388; XIX, с. 397, 401, 409—410; XXIII, с. 12, 16, 44—45, 49.—Рус. Стар. 1896 г., IV, с. 129, 131.—Васильчиковъ, А. А. Семейство Разумовскихъ. Спб. 1882 г., т. III, с. 4—42.—Кобеко, Д. Ѳ. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1786 г.). Изд. 2-е дополненное. Спб. 1883 г., с. 77—130.—Шильдеръ. Н. К. Императоръ Павелъ первый. Спб. 1901 г., с. 85—109).—Кромѣ приведенныхъ источниковъ, остальные указаны въ книгѣ Д. Ѳ. Кобеко.

В. Корсакова.

Наталья Кирилловна, — вторая супруга царя Алексѣя Михаиловича, дочь Кириллы Полуектовича Нарышкина и жены его Анны Леонтьевны, рожд. Леонтьевой; род. 22 авг. 1651 г., умерла 25 янв. 1694 г. У Кириллы Полуектовича Нарышкина, мелкаго тарусскаго дворянина, была большая семья—пять сыновей и двѣ дочери, а у друга его, извѣстнаго государственнаго дѣятеля второй половины XVII в., Артамона Сергѣевича Матвѣева—единственный сынъ. Между ними существовали родственныя отношенія, такъ какъ братъ Кирилла Полуектовича, Ѳеодоръ Полуектовичъ, былъ женатъ на родной племянницѣ жены Матвѣева, Евдокіи Петровнѣ Гамильтонъ. Матвѣевъ взялъ къ себѣ на воспитаніе старшую дочь своего пріятеля, и хотя не сохранилось никакихъ свѣдѣній, сколько времени прожила Наталья Кирилловна въ его домѣ и какого рода образованіе она получила, но можно сказать съ увѣренностью, что юность ея протекла при иныхъ условіяхъ, чѣмъ юность большей части боярскихъ и дворянскихъ дочерей второй половины XVII ст.. Матвѣевъ былъ человѣкъ образованный и расположенный къ иностранцамъ, и въ его домѣ не было той замкнутой теремной жизни, которая ставила женщину въ исключительныя условія. Матвѣевъ былъ начальникомъ Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ и пользовался особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ царя Алексѣя Михаиловича, который часто бывалъ у него въ гостяхъ запросто. Царь Алексѣй Михаиловичъ овдовѣлъ 2-го марта 1669 г., на сороковомъ году отъ роду, послѣ 20-ти лѣтней супружеской жизни съ Маріей Ильинишной, изъ рода Милославскихъ. Девять мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Маріи Ильинишны, царь Алексѣй Михаиловичъ задумалъ снова жениться: 28 ноября 1669 г. начался смотръ невѣстамъ, продолжавшійся до мая 1670 г. Неизвѣстно, рѣшилъ-ли царь жениться вообще и для этой цѣли приказалъ собрать въ Москву красавицъ — дочерей, сестеръ и племянницъ бояръ и дворянъ, или, увидавъ Наталью Кирилловну Нарышкину, предназначилъ ее себѣ въ супруги, а смотрины назначилъ ради соблюденія обычая старины.

Смотрины невѣстамъ происходили такъ: въ извѣстные дни невѣстъ привозили къ государю во дворецъ, иныхъ послѣ этого

отправляли прямо по домамъ, а тѣхъ, которыя болѣе нравились государю, оставляли для вторичнаго осмотра. Этотъ вторичный смотръ произошелъ 18 апрѣля 1670 г., а 28 апрѣля были найдены истопникомъ во дворцѣ два подметныя письма, запечатанныя сургучемъ: одно—въ сѣняхъ передъ Грановитою Палатою, другое—прилѣпленное у сѣнныхъ дверей Шатерной Палаты. Въ этотъ же день письма были представлены боярину и дворецкому Б. М. Хитрово, а онъ поднесъ ихъ государю. Неизвѣстно, что было въ этихъ письмахъ; говорилось только, что «такова *воровства* и при прежнихъ государяхъ не бывало, чтобы такія воровскія письма подметывать въ ихъ государскихъ хоромахъ»... Надо полагать, что интрига велась со стороны Милославскихъ, родственниковъ умершей царицы Марьи Ильинишны, опасавшихся, что по вступленіи царя въ бракъ съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, значеніе Матвѣева еще болѣе усилится. Подозрѣніе въ составленіи подметныхъ писемъ пало однако не на нихъ, а на Ивана Шихирева, сильно хлопотавшаго, чтобы племянница его Авдотья Бѣляева, находившаяся въ числѣ красавицъ, представленныхъ на смотрины, была выбрана царемъ въ невѣсты. Шихирева взяли, обыскали, нашли у него во дворѣ какія-то травы и стали допрашивать. Изъ разспросовъ выяснилось, что онъ говорилъ духовнику царя Алексѣя Михаиловича, Благовѣщенскому протопопу Андрею Савиновичу, что «племянница его въ верхъ взята, а Нарышкина свезена». Шихирева отвели въ застѣнокъ и пытали, но онъ и на пыткѣ повторялъ, что подметныхъ писемъ не писывалъ и никому писать не веливалъ и не подметывалъ. 24 апрѣля стали разыскивать, кому могъ принадлежать почеркъ этихъ писемъ. 26 апрѣля «воровскія письма» были явлены на Постельномъ крыльцѣ всѣмъ служилымъ людямъ, съ повелѣніемъ стараться разыскать «вора», который писалъ или подметывалъ ихъ. Чѣмъ окончилось это дѣло — неизвѣстно, но свадьба царя была отложена до 22 января 1671 г. Неудивительно, что подметныя письма произвели такой переполохъ во дворцѣ. Много разъ бывала «порча» царскихъ невѣстъ, и самъ царь Алексѣй Михаиловичъ испыталъ въ дни юности сильную скорбь, когда долженъ былъ отказаться отъ женитьбы на Евфиміи Ѳедоровнѣ Всеволожской, упавшей въ обморокъ вслѣдствіе того, что ей нарочно затянули туго косу.

22 января 1671 г. произошло вѣнчаніе царя Алексѣя Михаиловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной въ Успенскомъ Соборѣ. Вѣнчаніе совершилъ духовникъ царя, Благовѣщенскій протопопъ Андрей Савиновичъ. Одежда царя Алексѣя Михаиловича состояла изъ бѣлаго атласнаго зипуна, ферези (кафтана) и ферезеи (шубы), Ферезь, на пуху и на легкомъ собольемъ мѣху, была крыта кизильбашскимъ (персидскимъ) атласомъ, затканнымъ по «рудожелтой» землѣ серебряными травами и разноцвѣтными шелковыми листьями; ферезея, на собольемъ мѣху, крыта сукномъ скорлатнымъ бѣлымъ и обшита на подолѣ нѣмецкимъ плетенымъ золотымъ кружевомъ; на плечахъ, на груди и на спинѣ нашиты образцы, низаные жемчугомъ, съ запанами по алому бархату; ожерелье у ферезеи пристяжное перваго наряду, т. е. алмазное. Шапка изъ алаго двоеморховаго (съ двумя ворсами) бархата, съ большими запанами; посохъ индѣйскій съ каменьями, перваго наряду; ичетоги (чулки), а также и башмаки желтые сафьянные. Относительно одѣянія невѣсты не сохранилось никакихъ свѣдѣній, потому что было обыкновеніе записывать въ книгѣ «Выходовъ царей» только одежду царя, а «Выходныя» книги царицъ до насъ не дошли.

Со стороны Натальи Кирилловны дружками и свахами на свадьбѣ были: стольники кн. Василій Ивановичъ Хилковъ и Левъ Демид. Голохвастовъ и жены ихъ, кн. Ирина Григ. Хилкова и Матрена Алексѣевна Голохвастова; свахою съ какою была жена Ив. Демид. Голохвастова Авдотья Алексѣевна. Обязанность конюшаго исполнялъ окольничій кн. Дмитрій Алексѣевичъ Долгоруковъ; каравайниками были стряпчіе — Мих. Бор. Челищевъ и Никита Сурьяниновъ Таракановъ; фонарниками—стряпчіе Никита Никиф. Спесивцовъ и Ѳеод. Петр. Образцовъ; свѣщниками—стольникъ кн. Андрей Андр. Хилковъ и стряпчій Еремѣй Хрущовъ. Сидячими боярами были: Сибирскій царевичъ Петръ Алексѣевичъ и окольничій кн. Борисъ Ив. Троекуровъ; сидячими боярынями — княгиня Анастасія Вас. Сибирская и невѣстка кн. Бор. Ив. Троекурова, кн. Анна Семеновна. Въ комнатѣ у Натальи Кирилловны были: боярыня кн. Ульяна Ив.

Голицына (вдова кн. Ив. Вас.), боярыня кн. Елена Борисовна Хворостинина (вдова кн. Θеод. Юрьев.), жена Артамона Серг. Матвѣева, Авдотья Григорьевна и жена Θеод. Полуект. Нарышкина, Евдокія Петровна.

Три дня сряду у царя былъ столъ по Грановитой палатѣ, а у царицы Натальи Кирилловны столъ по Передней палатѣ У стола Натальи Кирилловны были: царица Грузинская Елена, жены Касимовскаго и Сибирскаго царевичей, жены бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и пріѣзжія боярыни; ѣли всѣ безъ мѣстъ. Двѣ недѣли съ небольшимъ спустя послѣ свадьбы, 7 февр. 1671 г., у царя Алексѣя Михаиловича и у царицы Натальи Кирилловны были въ Золотой палатѣ съ дарами: патріархъ Іосафъ, высшее духовенство, или, какъ тогда называли, «власти», бояре, окольничіе, думные люди, гости, посадскіе люди гостинной и суконной сотенъ и черныхъ слободъ. Послѣ поднесенія даровъ всѣ они обѣдали у царя въ Грановитой Палатѣ.

Со времени женитьбы царя Алексѣя Михаиловича на Натальѣ Кирилловнѣ, запись «Дворцовыхъ разрядовъ» стала вестись гораздо подробнѣе, нежели раньше. О царицѣ Маріѣ Ильинишнѣ сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, касающіяся ея богомольныхъ походовъ по загороднымъ монастырямъ и походовъ въ подмосковныя села, которыя она посѣщала, повидимому, весьма рѣдко. Царевны, дочери царя Алексѣя Михаиловича и Маріи Ильинишны, упоминались лишь по случаю «столовъ», которые царь дѣлалъ въ ихъ именины У царя Алексѣя Михаиловича было 6 дочерей и 2 сына отъ перваго брака. Двѣ старшія царевны были почти ровесницами Натальи Кирилловны; Евдокія Алексѣевна была даже на $1^1/_2$ года старше ея, а Марѳа Алексѣевна лишь на годъ моложе. Царевна Софья была подросткомъ,—ей шелъ 14-й годъ; за нею слѣдовали погодки: Екатерина, Марія, Θеодоръ и Θеодосія, а самому младшему царевичу Іоанну было $4^1/_2$ года.

30 мая 1672 г. у Натальи Кирилловны родился первенецъ — царевичъ Петръ. Обрадованный царь въ тотъ же день пожаловалъ окольничество своему тестю Кириллѣ Полуектовичу Нарышкину, а также и воспитателю Натальи Кирилловны—Артамону Сергѣевичу Матвѣеву; дядѣ ея, Θеодору Полуектовичу Нарышкину, было сказано думное дворянство; 2 іюня у царя былъ столъ въ Золотой палатѣ Натальи Кирилловны безъ зову. Крещеніе царевича Петра произошло 29 іюня въ Чудовомъ монастырѣ, а потомъ былъ столъ въ Грановитой палатѣ съ такимъ обиліемъ и разнообразіемъ «сахаровъ» и «овощей», т. е. лакомствъ, что считаемъ не безъинтереснымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на ихъ описаніи и распредѣленіи. На столѣ царя Алексѣя Михаиловича было поставлено 120 блюдъ, на столѣ Натальи Кирилловны, въ ея деревянныхъ хоромахъ, 100 блюдъ; тутъ были и коврижки громадныхъ размѣровъ, изображавшія Московскій и Казанскій гербы, и Кремль съ пѣшими и конными людьми, и сахарныя птицы — орелъ, лебедь (вѣсомъ 2 пуда), утки, попугай, голубь, всевозможные марципаны леденцы сахары «узорочные», сахары «зеренчетые», засахаренные фрукты (по тогдашнему—«сахары леденцы на разныхъ овощахъ»), смоквы, цукаты, шептала, имбирь въ патокѣ и «иные разные индѣйскіе овощи». Приглашенные къ столу царя и царицы получили разныя сласти тутъ же, а остальнымъ было разослано по извѣстному количеству блюдъ. Больше всего было назначено Грузинской царицѣ Еленѣ Леонтьевнѣ (Леоновнѣ) и сыну ея царевичу Николаю Давидовичу—по сорока блюдъ. Не только духовенство, думные дворяне и дьяки, комнатные стольники и стольники, служившіе у стола, стрѣлецкіе полковники, головы, полуголовы и сотники, но даже «дохтуръ» и три «оптекаря» были надѣлены «сахарами»; стрѣльцамъ, которые стояли на караулѣ по Красному крыльцу и на дворѣ, было дано, всѣмъ вообще, 13 ф. сахаровъ зеренчатыхъ, 2 п. изюму, 1 п. винныхъ ягодъ и $1^1/_2$ п. чернослива. Около 800 человѣкъ, не считая стрѣльцовъ, получило угощеніе отъ царя и царицы, за столомъ которой сидѣли жены царевичей Сибирскихъ и Касимовскаго, жены бояръ, стольниковъ и пр.; не были забыты при раздачѣ лакомствъ постельницы и мастерицы.

Мы останавливаемся на бытовой сторонѣ, такъ какъ при описаніи царствованій Алексѣя Михаиловича и Петра Великаго главное вниманіе историковъ обращено на внѣшнее и внутреннее политическое состояніе Московскаго государства,

на историческое значеніе этихъ царствованій, на преобразовательную дѣятельность Петра Великаго; между тѣмъ, мелкія черты обыденной жизни, которыя, какъ крупинки, разсѣяны въ «Дворцовыхъ разрядахъ» и другихъ подобныхъ записяхъ, представляютъ особенно цѣнный матеріалъ для выясненія отношеній Натальи Кирилловны къ ея падчерицамъ и пасынкамъ.

По общепринятому мнѣнію, со времени женитьбы на Натальѣ Кирилловнѣ, царь Алексѣй Михаиловичъ обращалъ исключительное вниманіе на свою молодую жену, а затѣмъ на маленькихъ дѣтей, родившихся отъ этого брака (послѣ Петра родились: Наталія 22-го августа 1673 г. и Ѳеодора, род. 4-го сентября 1674 г.); дочери же отъ перваго брака будто бы отошли на задній планъ, находились въ пренебреженіи у отца и у мачехи и вслѣдствіе этого возненавидѣли мачеху и всю ея родню, приближенную царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ ко двору. Между тѣмъ, это мнѣніе, кажется, не совсѣмъ справедливо. При царицѣ Маріѣ Ильинишнѣ, которая послѣдніе годы недомогала, только двѣ старшія царевны, Евдокія и Марѳа, могли пользоваться нѣкоторыми развлеченіями, дозволяемыми теремной жизнью; остальныя царевны, съ Софьей Алексѣевной во главѣ, были настолько юны, что находились на положеніи дѣтей. Что касается царевенъ и царевичей отъ перваго брака царя Алексѣя Михаиловича, то они участвовали во всѣхъ загородныхъ «походахъ», предпринимаемыхъ Натальей Кирилловной, и, слѣдовательно, не были лишены какихъ-либо удовольствій и развлеченій, а, напротивъ, стали пользоваться тѣмъ, чего раньше не видали. Точно такъ же несправедливо установившееся мнѣніе, будто Наталья Кирилловна всѣми своими симпатіями тяготѣла къ старинной Московской Руси и была противницей европейскихъ новшествъ. Правда, она была религіозна въ старо-московскомъ обрядовомъ смыслѣ, любила торжественныя церковныя службы, должна была находиться въ обществѣ высшихъ духовныхъ лицъ, по заведенному въ Москвѣ обиходу, — но рядомъ съ этимъ она не чуждалась нѣкоторыхъ бытовыхъ нововведеній и не соблюдала строго теремного затворничества. При поѣздкахъ по улицамъ Москвы Наталья Кирилловна нерѣдко поднимала занавѣски у колымаги и тѣмъ не мало смущала прохожихъ, потому что это было не «въ обычаѣ» московскихъ царицъ; во время лѣтнихъ «походовъ» на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь она еще больше поражала встрѣчавшихся на пути, такъ какъ ѣздила въ открытой колымагѣ, чтобы имѣть возможность любоваться живописными видами по дорогѣ отъ Москвы до монастыря. По свидѣтельству одного иностранца, встрѣчные потупляли глаза отъ смущенія. Нѣкоторая склонность Натальи Кирилловны къ западнымъ обычаямъ выражается и въ ея любви къ театральнымъ зрѣлищамъ. На первомъ представленіи въ Московскомъ Кремлѣ, Наталья Кирилловна и ея падчерицы сидѣли въ особой ложѣ и были скрыты отъ постороннихъ взоровъ; но впослѣдствіи, кажется, досчатая загородка у ложи была отмѣнена, и царская семья болѣе свободно смотрѣла на комедіи.

Изъ всего этого можно заключить, что не одна царевна Софья была склонна къ отступленію отъ старинныхъ московскихъ обычаевъ, тяжело отзывавшихся на женщинахъ того времени; но и Наталья Кирилловна, бывшая нѣсколько старше своей падчерицы, заплатила извѣстную дань тому западно-европейскому вѣянію, которое стало проникать въ царскій теремъ. Вслѣдствіе этого, мать Петра Великаго можетъ быть поставлена наряду съ царевной Софьей, провозвѣстницею освобожденія русской женщины, проявившагося въ началѣ XVIII в. по волѣ Петра Великаго. Отступленіями отъ нѣкоторыхъ старинныхъ московскихъ теремныхъ обычаевъ Наталья Кирилловна подготовляла почву для бытовой реформы своего великаго сына точно такъ же, какъ другія вліянія на Петра, а равно и дѣятельность нѣкоторыхъ государственныхъ людей при Алексѣѣ Михаиловичѣ, подготовляли ему почву для преобразованій въ области государственной.

Посмотримъ, какъ живали въ старину царицы, чтобы хотя отчасти представить себѣ ихъ обиходъ и ихъ интересы. Царица и царевны не присутствовали при праздничныхъ торжественныхъ богослуженіяхъ въ соборахъ. Онѣ молились въ своихъ верховыхъ церквахъ, у себя на сѣняхъ, а въ храмовые праздники служилъ тамъ иногда патріархъ, въ присут-

ствіи государя, и послѣ службы царица принимала его въ своихъ хоромахъ въ одно время съ государемъ. Торжественные пріемы патріарха, высшаго духовенства и свѣтскихъ чиновъ происходили у царицы въ немногіе дни большихъ годовыхъ праздниковъ — въ день Рождества Христова, въ одинъ изъ прощальныхъ дней масляницы и въ Свѣтлый день, а также по случаю семейныхъ торжествъ, какъ, напр., свадьба, родины, крестины, или по случаю возведенія митрополита въ санъ патріарха. Въ первый же годъ свадьбы царя Алексѣя Михаиловича и Натальи Кирилловны, патріархъ Іоасафъ, «власти» и «гости» приходили въ пятницу на Святой недѣлѣ съ «золотыми» и подносили ихъ царю въ Столовой избѣ, а Натальѣ Кирилловнѣ—въ Золотой палатѣ.

Особенно торжественный пріемъ долженъ былъ быть у Натальи Кирилловны 4-го апрѣля 1675 г, въ самый день Пасхи, какъ это видно изъ заранѣе составленной записки. Отъ обѣдни изъ соборной церкви царь Алексѣй Михаиловичъ прошелъ въ Верхъ въ хоромы Натальи Кирилловны и «жаловалъ» къ рукѣ мамъ, боярыню Анну Леонтьевну Нарышкину, мать царицы, съ дочерью Авдотьею Кирилловною, сестрою царицы, съ невѣсткою Прасковьею Алексѣевною Нарышкиною, женою Ивана Кирилловича, да верховыхъ боярынь царицы и царевенъ, крайчихъ, казначей и постельницъ; кромѣ того, всѣмъ имъ онъ пожаловалъ яйца. Послѣ этого надлежало быть торжественному у Натальи Кирилловны пріему, но почему то онъ не состоялся и происходилъ на другой день только у государя. Въ Золотой Палатѣ должны были ударить челомъ царицѣ: Сибирскій царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, Касимовскій царевичъ Михайло Васильевичъ, бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки, кравчій, постельничій, стряпчій съ ключомъ и ближніе люди. Наталья Кирилловна, поддерживаемая своею матерью Анной Леонтьевной, должна была, въ присутствіи царя, жаловать къ рукѣ патріарха Іоакима, «властей», царевичей, бояръ и пр. Въ это время въ «пріѣздѣ» у царицы должны были быть 15 боярынь разныхъ чиновъ, а передъ государемъ и передъ царицей назначены стоять отецъ царицы—Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Въ томъ же 1675 г.. 10 апрѣля, въ субботу на Святой недѣлѣ, патріархъ прислалъ съ артосомъ къ царю, царицѣ, царевичамъ и царевнамъ Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго. Случалось, что царь съ царевичемъ Ѳеодоромъ, а царица съ царевнами и младшими царевичами отправлялась по кремлевскимъ монастырямъ и церквамъ прикладываться къ мощамъ и иконамъ, въ сопровожденіи ближнихъ людей, стольниковъ и дворовaго женскаго штата. Въ это время никого не впускали въ Кремль, и по всѣмъ воротамъ стояли стрѣлецкіе сотники. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Вознесенскаго монастыря, Наталья Кирилловна велѣла спросить игуменью о спасеніи, а боярынь пріѣзжихъ разныхъ чиновъ, которыхъ жаловала тамъ къ рукѣ,— о здоровьѣ. Спрашивала мать царицы, боярыня Анна Леонтьевна Нарышкина.

Столы царицы Натальи Кирилловны давались въ Золотой, въ Столовой, или въ Передней палатѣ. Обрядъ столованья былъ такой же, какъ и за столомъ царя; только столовыя должности занимали, большею частью, женщины и дѣти. Для царицы накрывался особый столъ, а для боярынь одинъ или два по сторонамъ, у стѣнъ палаты. У ея стола стояла всегда боярыня кравчая и съ нею другая боярыня въ помощь. Онѣ принимали и подавали ѣствы. Но за торжественными столами должности кравчихъ исполняли ближайшія къ царицѣ лица изъ мужчинъ. Такъ, за столами царицы Натальи Кирилловны, кромѣ боярынь, стояли и принимали ѣствы и ставили передъ ней ея отецъ Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. За поставцемъ Натальи Кирилловны сидѣлъ и распоряжался отпускомъ кушанья ея дворецкій Авраамъ Никитичъ Лопухинъ, а съ нимъ путные ключники и стряпчіе со всѣхъ столовыхъ дворцовъ. Къ столу блюда и чаши приносили царицыны стольники, малолѣтнія дворянскія дѣти. Въ столы смотрѣли, т. е. потчивали боярынь, дворовыя боярыни меньшихъ чиновъ.

Тѣмъ боярынямъ, которыя не присутствовали у стола, а также мамамъ, верховымъ боярынямъ и казначеямъ посылались звары, коврижки, кубки (т. е. напитки) и ѣствы. Иногда въ именины царевенъ, сестеръ и дочерей царя, въ именины самой царицы, или одного изъ ца-

ревичей, не бывало «стола», а разсылались отъ имени царицы, по списку, пироги, кубки и чарки «по двѣ подачи». 14-го февраля 1675 г., передъ началомъ масляницы, царица послала по осетру и по лососю: Грузинской царицѣ Еленѣ Леонтьевнѣ, своему отцу, боярамъ, «мамамъ», Артамону Сергѣевичу Матвѣеву и всѣмъ боярынямъ «пріѣзжимъ къ царицѣ и къ царевнамъ». Игуменьямъ Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и Алексѣевскаго монастырей и въ нѣкоторые другіе монастыри было послано по осетру. Царь Алексѣй Михаиловичъ и царица Наталья Кирилловна не дѣлали различія при угощеніяхъ въ именины старшихъ и младшихъ дѣтей. Такъ, напр., 17-го сентября 1674 г., въ именины царевны Софьи, Алексѣй Михаиловичъ жаловалъ, между прочимъ, пирогами стольниковъ Натальи Кирилловны, которая, въ свою очередь, жаловала пирогами весь женскій штатъ въ именины не только своего сына, царевича Петра, но и въ именины пасынка, царевича Іоанна. Въ обыкновенные дни, такъ сказать, повседневные столы бывали иногда въ комнатахъ царя, иногда въ хоромахъ царицы; за такими столами не присутствовали бояре и дворяне.

Выше мы упомянули о загородныхъ «походахъ» царицы Натальи Кирилловны. Походы эти совершались, главнымъ образомъ, въ подмосковныя села: Измайлово, Коломенское, Воробьево и Преображенское. Въ первой половинѣ XVII столѣтія, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ царской семьи было село Рубцово-Покровское, а при Алексѣѣ Михаиловичѣ оно находилось въ исключительномъ владѣніи его сестры, царевны Ирины Михайловны. Въ селѣ Измайловѣ Алексѣй Михаиловичъ устроилъ для себя особое вотчинное хозяйство, съ множествомъ прудовъ и садовъ, которые были заведены при помощи нѣмецкихъ мастеровъ. Въ Коломенскомъ и Воробьевѣ были тоже сады, которые, по выраженію Забѣлина, «доставляли не мало «прохлады», или удовольствія въ замкнутой жизни царицы и царевенъ, какъ и всего ихъ женскаго чина; именно, ихъ терема выходили окнами прямо въ садъ, въ густоту зеленыхъ деревьевъ, изъ которыхъ, по вкусамъ вѣка, больше другихъ любимы были деревья плодовыя, груши, яблони, вишни».

Осень 1674 г. царская семья прожила въ с. Преображенскомъ съ 25-го октября по 13-е декабря включительно. Переѣздъ изъ Москвы въ с. Преображенское совершился очень торжественно. Царскій поѣздъ состоялъ изъ 30 колымагъ, сопровождаемыхъ стрѣльцами и царицыными боярскими дѣтьми. Царь и царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ ѣхали въ первой колымагѣ; во второй сидѣлъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ со своимъ дядькой, княземъ Прозоровскимъ; за нимъ слѣдовала колымага царицы Натальи Кирилловны; съ ней помѣщались ея дѣти (царевичъ Петръ и царевны Наталья и Ѳеодора), ея мать, невѣстка и «мамы». Старшія и младшія царевны отъ перваго брака царя Алексѣя Михаиловича сидѣли въ двухъ колымагахъ, подъ присмотромъ дворовыхъ и верховыхъ боярынь. Какъ у нихъ, такъ и у царицы было запряжено по 12 возниковъ (лошадей) цвѣтныхъ, слѣдовательно, не сдѣлано никакого различія между царицей и дочерьми отъ перваго брака

Во время пребыванія въ с. Преображенскомъ давались театральныя представленія. Кромѣ того, царь, царица, царевичи и царевны ѣздили въ началѣ декабря 1674 г. «тѣшиться», т. е. охотиться въ с. Измайлово и въ с. Алексѣевское, а въ с. Измайловѣ «смотрѣли всякое строеніе».

Такъ, видно, царица Наталья Кирилловна предпочитала просторъ и свободу загородной жизни стѣснительному укладу кремлевскихъ палатъ, и это не шло въ разрѣзъ со вкусами царя Алексѣя Михаиловича. Весенній мясоѣдъ и лѣто 1675 г. царь Алексѣй Михаиловичъ со всей семьей прожилъ на Воробьевыхъ горахъ. Оттуда ѣздили не надолго въ с. Покровское, Измайлово и Преображенское. 1-го іюля царь бралъ съ собой царицу и царевичей Ѳеодора и Петра подъ Дѣвичій монастырь, гдѣ «тѣшился на лугахъ и на водахъ, съ соколами, кречетами и ястребами». Въ іюлѣ три недѣли провели въ с. Коломенскомъ, откуда царь съ царицей и съ царевичемъ Ѳеодоромъ ходилъ тѣшиться въ Соколово, а на возвратномъ пути они останавливались въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, гдѣ слушали вечерню и молебенъ. Изъ Коломенскаго переѣхали опять въ Воробьево: тамъ справлялись торжественно именины царицы Натальи Кирилловны 27-го августа;

тамъ же отпраздновали во время перваго пребыванія именины царевича Петра. 2 сентября 1675 г. былъ торжественный пріемъ цесарскаго посольства не въ Грановитой Палатѣ, гдѣ обыкновенно принимали посланниковъ, а въ с. Коломенскомъ, чтобы Наталья Кирилловна могла полюбоваться пріемомъ во всѣхъ подробностяхъ. Она находилась съ маленькимъ царевичемъ Петромъ въ комнатѣ смежной съ той палатой, гдѣ происходилъ пріемъ; Петръ расшалился, толкнулъ ногою дверь и посланникамъ представился рѣдкій случай такъ близко увидать московскую царицу.

Завершилось это загородное житье пребываніемъ въ с. Преображенскомъ. Почти полгода царская семья провела внѣ Москвы, а царь Алексѣй Михайловичъ лишь изрѣдка наѣзжалъ въ Бѣлокаменную для богомолья и для пріемовъ. Не только во время поѣздокъ въ Москву, или въ сосѣднія села, но даже при выходахъ къ патріарху, или въ одинъ изъ московскихъ монастырей происходили обсылки о здоровьѣ между царемъ и его семьей: царь посылалъ стольниковъ «со здоровьемъ» къ царицѣ, царевичамъ и царевнамъ, а царица посылала отъ себя другихъ стольниковъ къ царю. По взстари заведенному порядку «на Москвѣ» оставались для береженья бояре, окольничіе, дворяне, которые должны были смотрѣть за порядкомъ и безопасностью города и за сохранностью государева двора. При отъѣздахъ царя отъ семьи, при Натальѣ Кирилловнѣ оставлялись ея отецъ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, думный дворянинъ Аврамъ Никитичъ Лопухинъ, а въ 1675 г. и братья ея, ближніе люди Иванъ и Аѳанасій Кирилловичи Нарышкины. При царевичахъ назначались состоять ихъ дядьки, при царевнахъ — думные дворяне и заслуженные стольники. Отецъ Натальи Кирилловны, окольничій Кирилла Полуектовичъ Нарышкинъ, былъ пожалованъ боярствомъ 27 ноября 1672 г. Въ числѣ пріѣзжихъ боярынь, которыхъ у Натальи Кирилловны было 44, мать ея занимала 13-ое мѣсто, жена дяди, Ѳеодора Полуектовича Нарышкина—19-ое, а жена брата, Ивана Кирилловича Нарышкина,—36-е. Первое мѣсто принадлежало Грузинской царицѣ Еленѣ Леонтьевнѣ, за ней слѣдовали жены царевичей Сибирскаго и Касимовскихъ, а изъ женъ бояръ выше всѣхъ стояла кн. Аксинья Васильевна Пронская.

По свидѣтельству Страленберга, царица Наталья Кирилловна была очень веселаго нрава и весьма охотно предавалась разнымъ увеселеніямъ, а царь Алексѣй Михаиловичъ, страстно любившій молодую, красивую жену, старался доставлять ей всевозможныя удовольствія и заботился о ея нарядахъ. Сохранились свѣдѣнія о тѣхъ дорогихъ тканяхъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которые были куплены въ теченіе 1673 г. для Натальи Кирилловны. За два золотныхъ алтабаса было заплачено грекамъ 500 р., за атласъ золотный 50 р., за кусокъ голландскаго полотна 52 р. (по 1 р. за аршинъ). Кромѣ того, къ царицѣ «въ Верхъ были внесены»: 4 штуки кисеи, 11 сортовъ объярей, 164 аршина разной камки, 12 тонкихъ миткалей, 7 польскихъ полотенъ. Немалыхъ денегъ стоили и драгоцѣнныя украшенія: такъ, напримѣръ, за жемчугъ заплачено 480 р., за алмазныя серьги и запону 270 р.; были куплены и перстень съ алмазомъ, и зарукавья съ яхонтовыми искрами, и разныя запоны.

Въ 1672 г. прибыла въ Москву странствующая нѣмецкая труппа, подъ управленіемъ магистра Ягана-Готфрида Грегори. Въ это время въ Москвѣ проживалъ сынъ польскаго вельможи Рейтенфельсъ, въ запискахъ котораго сохранилось извѣстіе о первомъ театральномъ представленіи въ Московскомъ дворцѣ, 17 февраля 1672 г., въ субботу на масляницѣ. «Узнавши, что при дворахъ другихъ европейскихъ государей въ употребленіи разныя игры, танцы и прочія удовольствія для пріятнаго препровожденія времени, царь нечаянно приказалъ, чтобы все это было представлено въ какой-то французской пляскѣ. По краткости назначеннаго семидневнаго срока сладили дѣло, какъ могли. Въ другомъ мѣстѣ, прежде представленія слѣдовало бы извиниться, что не все въ должномъ порядкѣ; но тутъ это было бы совершенно лишнее: костюмы, новость сцены и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, сдѣлали самое счастливое для актеровъ впечатлѣніе на русскихъ, доставили имъ полное удовольствіе и заслужили удивленіе. Сперва царь не хотѣлъ, чтобы тутъ была музыка, какъ вещь новая и нѣкоторымъ образомъ языческая; но когда ему сказали, что безъ

музыки точно также невозможно танцовать, какъ и безъ ногъ, то онъ предоставилъ все на волю самихъ артистовъ. Во время представленія царь сидѣлъ передъ сценою на скамейкѣ; для царицы съ дѣтьми (отъ перваго брака) былъ устроенъ родъ ложи, изъ которой они смотрѣли изъ за рѣшетки, или правильнѣе сказать, черезъ щели досокъ, а вельможи (больше не было никого) стояли на самой сценѣ. Орфей, прежде нежели начать пляску между двухъ подвижныхъ пирамидъ, пропѣлъ похвальные стихи царю. По описанію Рейтенфельса, два раза видѣвшаго Наталью Кирилловну, это была «женщина въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, росту величаваго, съ черными глазами на-выкатъ, лицо пріятное, ротъ круглый, чело высокое, во всѣхъ членахъ тѣла изящная соразмѣрность, голосъ звонкій и пріятный, манеры самыя граціозныя».

Театральное представленіе, повидимому, понравилось, и, по приказанію царя Алексѣя Михаиловича, въ с. Преображенскомъ была построена во дворцѣ «комидѣйная хоромина», подъ главнымъ наблюденіемъ Артамона Сергѣевича Матвѣева. Въ концѣ октября 1672 г. хоромина была готова, а потому занялись убранствомъ ея стѣнъ и половъ червчатымъ [краснымъ] и зеленымъ сукномъ; для представленія было сшито «всякое потѣшное платье и написаны рамы перспективнаго письма», т. е. декораціи. Первая пьеса, поставленная на Преображенскомъ театрѣ, была «Есфирь»; эта пьеса общимъ своимъ смысломъ указываетъ на исторію брака царя Алексѣя Михаиловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной. Судьба Есфири походила на судьбу Натальи Кирилловны, Мардохея—на Матвѣева, подъ Аманомъ можно было разумѣть Богдана Матвѣевича Хитрово, царскаго дворецкаго и любимца царя Алексѣя Михайловича. Вѣроятно, «дѣйство Есфири» до 14-го ноября 1672 г., т. е. до заговѣнья, давалось не одинъ разъ. Такъ какъ зимой неудобно было царскому семейству и всѣмъ приглашеннымъ ѣздить изъ Москвы въ Преображенскій театръ, то явилась мысль устроить театральное помѣщеніе въ Кремлѣ, въ одномъ изъ дворцовыхъ зданій. Вѣроятно, государь, или Наталья Кирилловна думали, что можно скоро, въ одинъ день, устроить помѣщеніе для театра, а потому 22 января 1673 г. царь велѣлъ «надъ аптекою, что на дворцѣ въ палатахъ, построить какъ быть комидѣйному дѣйству». Когда выяснилось, что невозможно съ такой быстротой исполнить предписаніе царя, всѣ театральныя вещи Преображенскаго театра, хранившіяся въ Кремлѣ, были немедленно перевезены въ Преображенское, чтобы вечеромъ 23 января можно было смотрѣть тамъ «комедію». Повидимому, театральное представленіе въ это число не состоялось, и царь подтвердилъ свой указъ о построеніи комидійной палаты въ Кремлѣ. До масляницы оставалось только недѣля, а потому работа пошла спѣшная. 25 стрѣльцовъ работали въ теченіе пяти дней, даже и по ночамъ, и все было готово къ началу масляницы. Было дано два или три представленія, въ которыхъ, кромѣ нѣмцевъ, участвовали дѣти изъ Новомѣщанской слободы, обучаемыя Яганомъ Готфридомъ Грегори «комидѣйному дѣйству»; оркестръ состоялъ изъ нѣмцевъ и управлялся полковникомъ Ѳанстаденомъ. Съ наступленіемъ великаго поста театральныя представленія прекратились, а возобновились уже весною, послѣ Троицына дня, въ с. Преображенскомъ, куда царь переѣхалъ со всей семьей на лѣтнее житье. Неизвѣстно, какія пьесы давались и сколько было представленій, но готовилась къ постановкѣ еще новая комедія «О младшемъ Товіи». 22-го августа 1673 г. у царя Алексѣя Михаиловича родилась дочь Наталья, и обычный сентябрьскій походъ на богомолье къ Троицѣ былъ по этому случаю предпринятъ всей семьей позднѣе, лишь 5-го октября, чтобы въ немъ могла участвовать и царица Наталья Кирилловна. Съ богомолья царская семья прибыла 26-го октября прямо въ Преображенское, гдѣ оставалась до филипповскаго заговѣнья, т. е. до 14-го ноября, и въ теченіе этого времени неоднократно посѣщала театръ. Въ рождественскій мясоѣдъ 1674 г. комедіи давались въ Кремлевскомъ дворцѣ; 24-го—26-го февраля, на масляницѣ, опять въ Преображенскомъ, а 27-го февраля въ Кремлѣ. Такъ какъ не было двойного комплекта театральныхъ принадлежностей, то «рамы, ковры, сукна, стулы и всякой нарядъ и органы для комидѣйнаго дѣйства» перевозились, смотря по надобности, изъ Кремля въ Преображенское и обратно. Осенью 1674 г., съ

25-го октября до 13-го ноября, царь съ семействомъ былъ, какъ мы видѣли выше, въ Преображенскомъ; шли комедіи Юдифь и Есфирь, при чемъ иноземцы и дворовые люди боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева тѣшили государя и гостей—играли на «органахъ, фіоляхъ и стра-ментахъ» и танцовали. На этихъ представленіяхъ, кромѣ царскаго семейства, были бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки, ближніе, стольники и «всякихъ чиновъ люди». Послѣднія представленія въ Кремлѣ были въ зимній мясоѣдъ 1675 г.; одно изъ нихъ, 11-го февраля, въ четвергъ на масляницѣ, началось въ десятомъ часу вечера, а кончилось въ пятомъ часу по полуночи, слѣдовательно, продолжалось около семи часовъ. Осенью 1675 г. были, вѣроятно, опять представленія въ Преображенскомъ, а въ Кремлевскихъ палатахъ какой-то нѣмецкій фокусникъ показывалъ дважды фокусы и привелъ въ изумленіе царя и царицу своимъ искусствомъ и своею ловкостью...

Такъ безмятежно текла жизнь Натальи Кирилловны до второй половины января 1676 г. 19-го января царь Алексѣй Михаиловичъ занемогъ, а 30-го января скончался, благословивъ на царство своего 14-ти лѣтняго сына Ѳеодора, объявленнаго наслѣдникомъ престола 1 сентября 1674 г. Говорили, будто-бы боярин Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (онъ получилъ боярство въ 1675 г.) хотѣлъ провозгласить царемъ маленькаго Петра, но врядъ-ли это справедливо. Царица Наталья Кирилловна осталась молодой вдовой: ей шелъ только 26-й годъ. Свидѣтельства объ отношеніи юнаго царя Ѳеодора Алексѣевича къ Натальѣ Кирилловнѣ разнорѣчивы. Одни говорятъ, что Ѳеодоръ Алексѣевичъ, отъ природы весьма добрый, оказывалъ Натальѣ Кирилловнѣ такое же почтеніе, какъ и при жизни отца. Онъ оставилъ ей тотъ же штатъ и то же содержаніе, заботился о здоровьѣ, а впослѣдствіи о воспитаніи царевича Петра, навѣщалъ его, а когда бывалъ нездоровъ, навѣдывался о немъ, или приказывалъ приводить къ себѣ. По словамъ другихъ, только второй женѣ Ѳеодора Алексѣевича, Марѳѣ Матвѣевнѣ, удалось примирить его съ мачехою и ея дѣтьми.

Родственники царя Ѳеодора Алексѣевича по матери, съ Ив. Мих. Милославскимъ во главѣ, старались избавиться отъ ненавистныхъ имъ Нарышкиныхъ, а главное отъ Артамона Сергѣевича Матвѣева. 4-го іюля 1676 г. Матвѣевъ былъ отправленъ на воеводство въ Верхотурье, а по дорогѣ туда былъ остановленъ въ г. Лаишевѣ на Волгѣ, обвиненъ въ намѣреніи «извести» Ѳеодора Алексѣевича, еще при жизни царя Алексѣя Михаиловича, силой волшебства и призываніемъ нечистыхъ духовъ, лишенъ имѣній и всякихъ почестей и сосланъ, какъ государственный преступникъ, на житье въ отдаленный и дикій Пустозерскъ. Вскорѣ послѣ того были сосланы и братья царицы Натальи Кирилловны: Иванъ Кирилловичъ былъ сосланъ на Рязань, въ г. Ряжскъ, а Аѳанасій Кирилловичъ—неизвѣстно куда. Положеніе ея было тяжелое. Безъ руководителя, съ тремя малолѣтними дѣтьми, она видѣла враждебное отношеніе къ себѣ и къ царевичу Петру Ивана Михаиловича Милославскаго и Богдана Михаиловича Хитрово и вынуждена была держаться въ сторонѣ, такъ какъ тетки и сестры царя Ѳеодора Алексѣевича стояли къ нему ближе. Въ 1677 г. для Натальи Кирилловны и для ея дѣтей были выстроены деревянныя хоромы на мѣстѣ двора боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева. Этотъ дворъ, занимавшій 104 саж. въ окружности, находился подлѣ конюшеннаго патріаршаго двора и примыкалъ съ одной стороны къ Троицкому подворью, а съ другой къ житницамъ хлѣбеннаго государева дворца. Новыя хоромы соединяли сѣнныя церкви Св Екатерины и Воскресенія и теремъ съ хоромами царевенъ. Въ 1680 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ женился на Агафьѣ Семеновнѣ Грушецкой и занялся постройкой новыхъ деревянныхъ хоромъ какъ для себя и для своей супруги, такъ и для своихъ сестеръ, большихъ и меньшихъ царевенъ. Его хоромы были поставлены у терема подлѣ западной стѣны Воскресенской теремной церкви; сюда же перенесены были и хоромы Натальи Кирилловны. Черезъ годъ, 14-го іюля 1681 г., умерла царица Агафья Семеновна, а нѣсколько дней спустя и новорожденный сынъ ея Илья. Въ концѣ года, приближенные къ царю—Иванъ Максимовичъ, Языковъ и Лихачевы—уговорили его жениться вторично и представили въ качествѣ невѣсты четырнадцатилѣтнюю крестницу Матвѣева, Марѳу Матвѣевну Апраксину. По ихъ вну-

шенію, она упросила Ѳеодора Алексѣевича облегчить судьбу своего крестнаго отца, который до тѣхъ поръ тщетно посылалъ челобитныя и самому царю, и близкимъ ему людямъ, желая доказать свою невинность. Ѳеодоръ Алексѣевичъ велѣлъ возвратить Матвѣеву отобранныя у него имѣнія, кромѣ того, пожаловалъ село Верхній Лондохъ съ деревнями и велѣлъ ожидать въ Костромскомъ городѣ Лухѣ новаго царскаго указа.

Недолго прожилъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ послѣ своей второй женитьбы: свадьба его совершилась 14-го февраля 1682 г., а 27-го апрѣля того же года онъ скончался. Во время предсмертной болѣзни Ѳеодора Алексѣевича, сестра его, царевна Софья, безотлучно была у его постели, сама подавала ему лекарства и такимъ образомъ находилась среди ближнихъ бояръ и другихъ ближнихъ людей, окружавшихъ больного. 27 апрѣля, послѣ того какъ всѣ, по обряду, простились съ покойнымъ царемъ и цѣловали руки у оставшихся братьевъ его, Іоанна и Петра,— патріархъ Іоакимъ, въ сопровожденіи архіереевъ, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, вышелъ на Золотое Крыльцо и, велѣвъ «всякихъ чиновъ людямъ» собраться на площади передъ церковью Спаса, спросилъ, кому изъ двоихъ царевичей быть на царствѣ? Раздались крики—«Петру Алексѣевичу». Въ пользу Іоанна Алексѣевича было немного голосовъ. Патріархъ возвратился во дворецъ и благословилъ на царство Петра; слѣдовательно, правленіе государствомъ переходило къ матери его, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Царевна Софья Алексѣевна не могла помириться съ мыслью, что первенствующее мѣсто въ Московскомъ государствѣ займетъ Наталья Кирилловна, что царемъ будетъ Петръ и Нарышкины опять войдутъ въ силу, а она сама и сестры ея отъ брака Алексѣя Михаиловича съ Марьей Ильинишной Милославской навсегда утратятъ всякое значеніе. Въ теченіе шестилѣтняго царствованія Ѳеодора Алексѣевича царевна Софья, какъ наиболѣе умная и честолюбивая изо всѣхъ сестеръ, лелѣяла мечту выдвинуться при болѣзненномъ братѣ. Полагаютъ, что подъ вліяніемъ изученія византійской исторіи, ея идеаломъ стала Пульхерія, сестра императора Ѳеодосія, взявшая въ свои руки бразды правленія. Избраніе въ цари Петра лишило царевну Софію самообладанія. Она пошла напроломъ и нарушила чинъ дворцовой жизни, всенародно явившись въ храмѣ при отпѣваніи царя Ѳеодора Алексѣевича, на погребеніи котораго, по правиламъ старины, должны были присутствовать изъ родственниковъ только его вдова и новоизбранный царь Петръ съ матерью. Торжественный выходъ царевны Софьи рядомъ съ Петромъ былъ такъ необыченъ, что граничилъ съ дерзостью и доказывалъ явное неуваженіе къ личности Натальи Кирилловны. Когда гробъ поставили на уготованномъ мѣстѣ среди храма, Наталья Кирилловна и Петръ, приложившись къ покойному Ѳеодору Алексѣевичу, ушли къ себѣ и не присутствовали у обѣдни и на отпѣваніи; до конца службы оставались: пятнадцатилѣтняя вдова, царица Марѳа Матвѣевна, и царевна Софья. Сестры царя Алексѣя Михаиловича, царевны Анна и Татьяна Михаиловны, возмущенныя уходомъ изъ церкви Петра, послали Натальѣ Кирилловнѣ съ монахинями выговоръ, что брату такъ дѣлать не годится и неприлично. Она отвѣтила, что Петръ еще ребенокъ, утомился и не могъ достоять долгой службы не ѣвши. Возвращаясь послѣ погребенія во дворецъ, Софья горько плакала и обратилась къ народу съ такими словами: «видите, какъ братъ нашъ царь Ѳеодоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта: отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата, старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ». Это сильно подѣйствовало на народъ.

12-го мая 1682 г. вернулся въ Москву Матвѣевъ, вызваный изъ Луха указомъ Петра; на другой день онъ представился ему и Натальѣ Кирилловнѣ, при чемъ была «радость неизреченная, что никакое человѣческое писало по достоянію исписати не возможетъ». 15-го мая, въ день памяти убіенія царевича Димитрія въ Угличѣ, начался стрѣлецкій бунтъ, продолжавшійся трое сутокъ. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ лишь, что царица Наталья Кирилловна лишилась своего воспитателя и двухъ братьевъ: Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ былъ сброшенъ стрѣль-

цами съ дворцоваго крыльца на площадь противъ Благовѣщенскаго собора и изрублен'ъ на мелкія части; Аоанасія Кирилловича Нарышкина стрѣльцы вытащили на наперть изъ-подъ престола сѣнной церкви Воскресенія Христова и тоже изрубили и выбросили на площадь Другого брата царицы, Ивана Кирилловича, тщетно искали въ теченіе двухъ дней; на третій день стрѣльцы столпились у дворцоваго крыльца и кричали, что не уйдутъ изъ Кремля, пока имъ не выдадутъ Нарышкина. Положеніе Натальи Кирилловны было крайне тяжелое. Царевна Софья рѣзко сказала ей: «брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ за него». Бояре со слезами просили царицу выдать брата и тѣмъ избавить ихъ отъ погибели. Иванъ Кирилловичъ былъ выведенъ изъ убѣжища въ церковь Спаса за Золотою рѣшеткою, здѣсь онъ исповѣдывался, пріобщился Св. Таинъ, особоровался. Прощаніе съ нимъ Натальи Кирилловны было трогательно и показалось нѣкоторымъ слишкомъ продолжительнымъ. Кн. Яковъ Никитичъ Одоевскій сказалъ царицѣ: «Сколько вамъ, государыня, не жалѣть, а все уже отдать придется; а тебѣ, Ивану, отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ за тебя». Стрѣльцамъ было внушено, что Иванъ Кирилловичъ измѣнникъ, что онъ посягалъ на жизнь царевича Іоанна Алексѣевича, а потому, какъ только Нарышкинъ вышелъ изъ церкви, стрѣльцы кинулись на него, потащили въ застѣнокъ, пытали и, не добившись никакого признанія, расправились такъ же, какъ съ Матвѣевымъ и съ Афанасіемъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ.

Вскорѣ послѣ этого, происками и стараніями Софьи, былъ провозглашенъ царемъ Іоаннъ, причемъ первенство было за нимъ, какъ за старшимъ. Этимъ самымъ Нат. Кир. отстранялась отъ правленія, а выдвигалась Софья, какъ сестра старшаго изъ двухъ царей. По настоянію стрѣльцовъ, Софьѣ Алексѣевнѣ было вручено правленіе государствомъ, вслѣдствіе малолѣтства обоихъ царей.

Раскольники, терпѣвшіе притѣсненія и пытки за приверженность къ «старинѣ», воспользовались смутой, поднятой стрѣльцами, и старались побудить послѣднихъ постоять за старую вѣру. 5-го іюля былъ назначенъ Соборъ въ Грановитой Палатѣ. На этотъ Соборъ явились: патріархъ Іоакимъ, царевна Софья, царица Нат. Кир. и двѣ царевны — Татьяна Мих. и Марья Алексѣевна. Раскольники подали челобитную «о исправленіи православной вѣры»; пренія велись, главнымъ образомъ, патріархомъ Іоакимомъ и Никитой Пустосвятомъ; изъ царственныхъ особъ вступала въ споры только царевна Софья.

Въ теченіе семи лѣтъ (1682—1689 г.) Нат. Кир. и Петръ не вступались въ правленіе государствомъ; лѣтомъ они жили въ с. Преображенскомъ, зимой въ Москвѣ. Дворъ ихъ составляли: кн. Мих. Алегуковичъ Черкасской, кн. Ив. Бор. Троекуровъ, кн. Мих. Ив. Лыковъ, кн. Урусовъ, Нарышкины, кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и Стрѣшневы. По свидѣтельству кн. Б. И. Куракина, Нат. Кир. часто нуждалась въ деньгахъ, и ее тайно ссужали: патріархъ Іоакимъ, власти Троице-Сергіева монастыря и Ростовскій митрополитъ Іона, особенно преданный Петру.

Какъ извѣстно, Петръ съ дѣтства интересовался судостроеніемъ. Сначала онъ довольствовался плаваніемъ по Лузѣ, потомъ перевезъ свой ботъ въ Измайлово на Просяной прудъ; но по мѣрѣ того, какъ Петръ приходилъ въ возрастъ, и тамъ стало ему тѣсно, онъ началъ справляться, гдѣ больше воды. Узнавъ, что нѣтъ большого озера ближе, какъ въ 120 верстахъ отъ Москвы, въ Переяславлѣ, онъ не рѣшился прямо отпроситься туда у матери, такъ какъ она неохотно отпускала его отъ себя; но подъ видомъ богомолья у Троицы, уѣхалъ изъ Москвы, а изъ Троице-Сергіева монастыря было уже легко пробраться на Переяславское озеро. Возвратившись оттуда, Петръ съ восторгомъ разсказывалъ Нат. Кир. о величинѣ и красотѣ вновь видѣннаго озера, и мать согласилась дозволить постройку тамъ судовъ. Для этого въ Переяславль отправились корабельные мастера голландцы Брантъ и Кортъ. Чтобы чѣмъ-нибудь удержать сына отъ далекихъ поѣздокъ, Нат. Кир. задумала женить его. Воспитатель Петра, кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, желалъ устроить бракъ его съ кн. Трубецкой; но Нарышкины и Тих. Никит. Стрѣшневъ не допустили этого. Стрѣшневъ указалъ на дочь окольничаго Лопухина, Евдокію Ѳеодоровну, и 27 янв. 1689 г. Петръ былъ съ ней обвѣнчанъ. Той же весной онъ не утерпѣлъ и поѣхалъ смотрѣть, какъ

идетъ работа въ Переяславлѣ. Вотъ что онъ писалъ оттуда Нат. Кир. 20 апр. 1689 г.

«Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой кн. Нат. Кирилловнѣ, сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, а о твоемъ здравіи слышать желаю. А у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20-го числа, и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ обдѣлкѣ, только за канатами станетъ, и о томъ милости прошу, чтобъ тѣ канаты по семисотъ саженъ изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были; а за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу».

Петръ такъ былъ занятъ судостроеніемъ, что, несмотря на призывъ Нат. Кир. въ Москву для присутствія 27 апрѣля на панихидѣ по Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, не вернулся къ этому дню, потому что не кончилъ въ Переяславлѣ того, что хотѣлъ выполнить. Май онъ провелъ съ матерью и женою, а въ іюнѣ снова уже былъ въ Переяславѣ.

Въ августѣ 1689 г. разыгралась драма. Не желая выпустить изъ своихъ рукъ власть, царевна Софья думала снова опереться на стрѣльцовъ, какъ семь лѣтъ тому назадъ, и произвести такой переворотъ, при которомъ Петръ былъ бы устраненъ съ ея пути. Но она сдѣлала крупную ошибку: въ 1682 г. стрѣльцы, исподволь подготовленные къ мятежу, хотѣли «искоренить измѣну», Петръ былъ малъ, а Нат. Кир. заботилась, главнымъ образомъ, сохранить его жизнь. Теперь обстоятельства были совершенно иныя. Когда царевна Софья присоединила свое имя къ именамъ братьевъ и наравнѣ съ ними стала называться Самодержицею всея Руси, Нат. Кир. сказала ея теткамъ и ея сестрамъ: «Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ». Приближенные Софьи, кн. Вас. Вас. Голицынъ и Шакловитый, каждый по своему, выражали ненависть къ Нат. Кирилловнѣ. Кн. Вас. Вас. Голицынъ проговорился однажды: «Жаль, что въ стрѣлецкій бунтъ не уходили царицу Наталью вмѣстѣ съ братьями: теперь бы ничего и не было». Шакловитый, худородный подъячій, обязанный Софьѣ своимъ возвышеніемъ, отзывался такъ: «Чѣмъ, тебѣ, государыня, не быть. лучше царицу известь». Чтобы вооружить стрѣльцовъ не столько противъ Петра, сколько противъ Нат. Кир., Софья и ея приверженцы, съ Шакловитымъ во главѣ, стали распространять слухъ о мнимомъ заговорѣ Нат. Кир., кн. Б. А. Голицына и патріарха Іоакима противъ Софьи и говорили, что надо помѣшать исполненію ихъ замысла. Въ дѣйствительности же опасность угрожала не царевнѣ, а Петру, и если бы кн. Бор. Алексѣевичъ Голицынъ не взялъ на себя руководительства въ эту важную минуту, то Петръ могъ бы пасть жертвой честолюбія своей сестры. Послѣ того, какъ, въ ночь съ 7 на 8 августа, Петръ ускакалъ къ Троицѣ, туда поѣхали немедленно и Нат. Кир., дочь ея царевна Нат. Алексѣевна, невѣстка Евдокія Ѳеодоровна, преданные Петру бояре, стрѣльцы Сухарева полка и его «потѣшные». Нат. Кир. пережила столько горя въ 1682 г., когда, по выраженію современниковъ, осталась «безсемейной» царицей, что можно легко себѣ представить, что она должна была перечувствовать 8-го августа, пока не добралась до Троице-Сергіева монастыря и не увидала своего сына цѣлымъ и невредимымъ подъ кровомъ Пр. Сергія.

Во время пребыванія у Троицы, кн. Б. А. Голицынъ навлекъ на себя сильное негодованіе Нат. Кир. и ея родственниковъ за то, что выгораживалъ кн. Вас. Вас. Голицына изъ «измѣннаго» дѣла Шакловитаго. Слѣдствіемъ этого было возвышеніе брата царицы, Льва Кир. Нарышкина, и потеря кн. Б. А. Голицинымъ прежняго значенія. Въ концѣ сентября Софья была заключена въ Новодѣвичій монастырь, а во главѣ разныхъ приказовъ Петръ поставилъ преданныхъ ему людей. Къ этому времени относится слѣдующій отзывъ о Натальѣ Кирилловнѣ кн. Бориса Ивановича Куракина, женатаго, съ 1691 г., на Ксеніи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, слѣдовательно свояка Петра. «Сія принцесса добраго темпераменту, добродѣтельнаго, токмо не была ни прилежная и не искусная въ дѣлахъ, и ума легкаго. Того ради вручила правленія всего государства брату своему, боярину Льву Кирилловичу . . . Правленіе оной царицы Нат. Кир. было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое И въ то время началось неправое правле-

ніе отъ судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое донынѣ продолжается съ умноженіемъ, и вывесть сію язву трудно».

Послѣ государственнаго переворота 1689 г., Петръ долгое время не входилъ еще въ дѣла внутренняго управленія: онъ заботился о подготовленіи арміи и флота и часто бывалъ въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ не только пріобрѣталъ многія полезныя свѣдѣнія, но и пріятно проводилъ время. Дѣла духовныя всецѣло зависѣли отъ патріарха Іоакима, а патріархъ строго осуждалъ предоставленіе иноземцамъ начальствованія въ русскомъ войскѣ и дозволеніе строить въ Нѣмецкой Слободѣ, протестантскія церкви. Вслѣдствіе этого былъ обнародованъ указъ не впускать въ Россію ни одного иностранца безъ особаго царскаго повелѣнія и распространился слухъ о намѣреніи правительства сломать всѣ кирхи въ Слободѣ, какъ нечестивыя капища. Устряловъ говоритъ: «Есть поводъ думать, что сама царица Наталія Кирилловна не очень благоволила къ иноземцамъ». Онъ выражаетъ это мнѣніе вслѣдствіе двухъ фактовъ, занесенныхъ Патрикомъ Гордономъ въ его «Дневникъ». Послѣ кончины патріарха Іоакима (умеръ 17-го марта 1690 г.) Петръ желалъ избранія въ патріархи псковскаго митрополита Маркелла, а Нат. Кир. и нѣкоторыя духовныя лица, опасаясь учености и вѣротерпимости Маркелла, стояли за избраніе казанскаго митрополита Адріана. По словамъ Гордона, полагали, что Маркеллъ, сдѣлавшись патріархомъ, станетъ покровительствовать католикамъ и другимъ иновѣрцамъ; къ тому-же игуменъ Спасскаго монастыря передалъ Нат. Кир. записку, въ которой обвинялъ Маркелла въ ереси. Нат. Кир. настояла на своемъ: 22 августа 1690 г. Адріанъ былъ избранъ въ патріархи, а 24-го произошло его посвященіе. Другой фактъ нерасположенія Нат. Кир. къ иноземцамъ, приводимый Гордономъ: въ первые два года царствованія Петра Нат. Кир. въ день своихъ именинъ, по тогдашнему обычаю, жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина: бояръ, стрѣлецкихъ полковниковъ, гостей и купцовъ; но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ она не удостоивала этой чести и не впускала въ свои хоромы.

Какъ мы видѣли выше, Нат. Кир., при жизни Ал. Мих., не выказывала нерасположенія къ иноземцамъ,—напротивъ того, съ удовольствіемъ посѣщала театральныя представленія и интересовалась пріемами иностранныхъ пословъ. Поэтому едва-ли, непріязнію Нат. Кир. ко всему иноземному можно объяснить предпочтеніе, оказанною ею Адріану при выборѣ патріарха. Въ этомъ дѣлѣ Нат. Кирилловной скорѣе руководило религіозное чувство: для нея православное вѣроисповѣданіе было выше другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и она опасалась, что при снисходительности Маркелла къ иноземцамъ православная вѣра перестанетъ быть господствующей. Что касается иностранныхъ генераловъ и полковниковъ, не допущенныхъ въ хоромы царицы въ ея именины, то надо думать, что Нат. Кир. не могла спокойно переносить частыхъ отлучекъ Петра изъ дому, ревновала его къ жителямъ Нѣмецкой Слободы и негодовала на нихъ за то, что въ ихъ обществѣ онъ пріобрѣлъ привычку свободно и неумѣренно—весело проводить время.

Болѣе двухъ лѣтъ, съ іюня 1689 г., Петръ ни разу не былъ въ Переяславлѣ, можетъ быть изъ опасенія, чтобы въ его отсутствіе не произошло опять стрѣлецкаго возмущенія. Съ осени 1691 г. возобновились его поѣздки въ Переяславль; съ 16 ноября до 9 мая онъ четыре раза былъ тамъ и въ общей сложности провелъ слишкомъ два мѣсяца. Нат. Кир. тревожилась, и Петръ писалъ ей, успокаивая на счетъ своего здоровья, прося благословенія и желая ей «души и тѣлу стократъ тысящнаго здравія». 1-го мая 1692 г. произошло торжество—спускъ на Переяславское озеро Плещеево перваго корабля, сооруженнаго подъ наблюденіемъ и при участіи самого Петра. Въ концѣ іюля 1692 г. Нат. Кир. и весь дворъ отправились въ Переяславль и пробыли тамъ до сентября, раздѣляя заботы и радости Петра. Нат. Кир. была, повидимому, очень довольна своимъ путешествіемъ и весело отпраздновала въ Переяславлѣ день своихъ именинъ. Годъ спустя, въ іюлѣ 1693 г., Петръ съ большой свитой поѣхалъ въ Архангельскъ, потому что и Переяславское озеро стало для него слишкомъ тѣсно. Отпуская сына въ дальній путь, Нат. Кир. взяла съ него обѣщаніе только посмотрѣть корабли, но не ходить самому по морю. Однако, видъ моря и кораблей взманилъ Петра: онъ не сдержалъ обѣщанія, даннаго матери, и поплылъ провожать иностранные корабли. Ожидая скораго возвращенія Петра и не

зная еще о его плаваніи по морю, Нат. Кир. неоднократно писала ему и торопила пріѣздомъ. 14 августа Петръ писалъ матери: «Государынѣ моей матушкѣ, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Изволила ты писать ко мнѣ съ Васильемъ Соймоновымъ, что я тебя, государыню, опечалилъ тѣмъ, что о пріѣздѣ своемъ не отписалъ. И о томъ и нынѣ подлинно отписать не могу, для того что дожидаюсь кораблей; а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ, потому что больше трехъ недѣль отпущены изъ Амстердама; а какъ они будутъ, и я, искупя что надобетъ, поѣду тотчасъ день и ночь Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что передала меня въ паству Матери Божіей; и такого пастыря имѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка». На это письмо Нат. Кир отвѣчала такъ: «Прелюбезному моему свѣту, радости моему. Здравствуй, батюшка мой, царь Петръ Алексѣевичъ, на множества лѣтъ А мы, милостію Божіею, живы. Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта своего радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дождаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли; чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться? Не презри, батюшка мой свѣтъ, моего прошенія, о чемъ просила выше сего. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ; и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить.—И я, свѣтъ мой, о томъ благодарю Господа Бога и Пресвятую Владычицу Богородицу, общую нашу надежду, что тебя, свѣта моего, сохранила въ добромъ здравіи. Да буди надъ тобою, свѣтомъ моимъ, милость Божія, и, вручая тебя, радость свою, надеждѣ своей, Пресвятой Богородицѣ, и мое грѣшное благословеніе».

Придумывая разныя средства, чтобы побудить Петра скорѣе вернуться изъ Архангельска, Нат. Кир. послала ему отъ имени сына его, трехлѣтняго царевича Алексѣя Петровича, слѣдующее письмо: «Превеликому Государю моему, батюшкѣ. Здравствуй, радость мой батюшка, Царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ. Сынишка твой, Алешка, благословенія отъ тебя, свѣта своего радости, прошу. А я, радость мой Государь, при милости государыни своей бабушки, царицы Наталіи Кирилловны, въ добромъ здравіи. Пожалуй, радость наша, къ намъ Государь, не замѣшкавъ. Ради того, радость мой Государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку въ печали. Не покручинься, радость мой, Государь, что худо писишко: еще, Государь, не выучился». Петръ отвѣчалъ матери: «Радость моя. По письму твоему, ей, ей, зѣло печалился, потому, тебѣ печаль, а мнѣ какая радость? Пожалуй, сдѣлай меня бѣднаго безъ печали тѣмъ: сама не печалься. А истинно не заживусь». Это письмо было прислано съ думнымъ дворяниномъ Ѳ. И. Чемодановымъ. Узнавъ отъ него подробности о занятіяхъ Петра въ Архангельскѣ, Нат. Кир. нѣсколько успокоилась и не настаивала уже на немедленномъ возвращеніи, только просила Петра быть осторожнѣе при переѣздѣ изъ Архангельска въ Москву: она боялась какъ бы онъ «не надсѣлся» скорою ѣздою. Встрѣтивъ гамбургскіе корабли, Петръ выѣхалъ изъ Архангельска 19-го сентября.

Четыре мѣсяца спустя, 20 января 1694 г., Нат. Кир. занемогла, но болѣзнь ея казалось настолько неопасною, что Петръ не хотѣлъ отложить какого-то задуманнаго имъ «похода» и, назначивъ днемъ отъѣзда 25 января, пригласилъ наканунѣ всю свою компанію въ домъ Лефорта къ прощальному ужину съ музыкою и танцами. 25 января рано утромъ генералъ Гордонъ отправился въ Преображенское, но не засталъ тамъ Петра: онъ уѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ проститься съ умирающею матерью и принять ея благословеніе. Чрезъ нѣсколько времени Петръ возвратился въ Преображенское и объявилъ Гордону, что нѣтъ никакой надежды. Онъ былъ мраченъ и сильно разстроенъ. Въ 8 часовъ дано знать, что Нат. Кир. скончалась. На другой день, 26 января, произошло торжественное погребеніе ея въ Вознесенскомъ монастырѣ, рядомъ съ первой женой царя Алексѣя Михайловича, Марьей Ильинишной Милославской. Передъ выносомъ тѣла изъ дворца въ Вознесенскій монастырь, на Ивановской колокольнѣ (Ивана Великаго) былъ благовѣстъ, по древнему обыкновенію, «тихимъ возгласіемъ». Ли-

тургію служилъ и отпѣваніе совершалъ патріархъ Адріанъ со властьми и со «освященнымъ соборомъ». На выносѣ, у литургіи и на отпѣваніи былъ только царь Іоаннъ Алексѣевичъ, въ печальномъ смирномъ кафтанѣ. Царь Петръ отсутствовалъ, вѣроятно потому, что не хотѣлъ всенародно выказывать своего горя, а онъ трое сутокъ тосковалъ и горько плакалъ. 29 января Петръ писалъ Ѳ. М. Апраксину: «Ѳедоръ Матвѣевичъ. Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. Обаче воспоминая апостола Павла яко не скорбѣти о таковыхъ, и Ездры еже не возвратити день, иже мимо иде, сія вся елико возможно, аще выше ума и живота моего (о чемъ и самъ подлинно вѣдалъ), еще поелику возможно, разсуждаю яко, всемогущему Богу и вся по волѣ своей творящу». Съ 26-го января по 10-е февраля у гроба Нат. Кир. дневали и ночевали стольники и дворяне, по 10 и по 12 человѣкъ въ сутки. Іоаннъ Алексѣевичъ справлялъ поминовеніе по Нат. Кир. въ 3-й, 9-й и 20-й дни по ея кончинѣ; царь Петръ бывалъ у гроба своей матери не въ дни поминовенія, послѣ вечерни. Сороковой день справляли почему-то 10-го марта; наканунѣ Петръ и Іоаннъ были у всенощной и отстояли панихиду, а 10-го Петръ не присутствовалъ у заупокойной обѣдни.

Много лѣтъ спустя 22 сентября 1706 г., Петръ писалъ Гаврилѣ Ивановичу Головкину по поводу кончины его матери Марьи Васильевны: «А о матери не изволь печалиться (ибо и моя тетка также опредѣлилась); а какъ бы моя мать въ такихъ лѣтахъ умерла, истинно-бъ не точію печаленъ, но и благодаренъ былъ, что Богъ такихъ лѣтъ допустилъ».

Дворц. разр., т.т. III и IV.—С. Г. Г. и Д., т. IV, с. 257, 275, 310, 320, 334, 335, 435, 453, 454, 615. — П. С. З., тт. II и III. Памятники дипломат. сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Спб. 1858 г., т. V.—Доп. къ акт. ист., т. VI, с. 92—98, 101, 110, 240; VII, с. 122; VIII, с. 21; IX, с. 106, 316.—Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Изд 2. М. 1785. Туманскій. Собраніе разныхъ записокъ о жизни и дѣяніяхъ госуд. импер. Петра Великаго. Спб. 1787 г., т. I, с. 140—206, 236—240, 243, 248—258, 262, 266—275, 294—297; 302; IV, с. 241—279; V, с. 117—119, 132—150, 181—202, 220; VI, с. 13, 24, 26, 30, 34, 36, 41, 43, 52, 53, 56, 63, 79, 85; VII, с. 96, 301, 302, 315—316. — Строевъ. Выходы государей (1632—1682 гг.) М. 1844 г., с. 178, 541, 543, 551, 562, 563, 573, 581, 582, 583, 586 588, 602.—Есиповъ. Сборникъ выписокъ изъ архива бумагъ о Петрѣ Великомъ. М. 1872 г., I, с. 22, 23, 109, 201, 202.—Письма и бумаги Петра Великаго. Спб. 1887 г., т. I. с. 10—12, 12—17, 486, 487, 489—492; IV, с. 379.—Письма къ Петру I царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексѣевны. 1693—94 гг. Сообщ. И. Д. Бѣляева. Р. Ст. 1871 г., т. IV, с. 578—581.—Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, т. I, с. 6—7, 12, 14, 20, 23, 73, 85, 168, 169, 173, 174, 183, 216, 229; X, 235; XIII, с. 89, 90, 127, 175, 245. — Успенскій. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Харьковъ. 1811 г., ч. I, с. 107—109. — Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, изд. подъ ред. М. И. Семевскаго. изд.-ред. „Рус. Ст.“. Спб. 1890 г., кн. I. с. 45, 49, 53, 55, 56, 58, 60—64, 68, 69, 71, 75, 81—83, 251. — Берхъ. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Спб. 1831 г., II, с. 128—129. — Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго, Спб. 1858 г., т. I, с. 1, 5—13, 29—40; примѣч., с. 254—257; II. с. 27—29, 35, 36, 44, 45, 53, 59, 65, 97, 118, 132, 135, 142, 152—155, 161—62; VI, с. 11. — Забѣлинъ: а) Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. 2 изд. М. 1872 г., с. 264—271, 351, 360—362, 390—396, 425, 460, 478—499, 505, 508, 519, 522, 527, 563—68, 621; матер., с. 142, 143, 145, 146. — b) Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. 2 изд. М. 1872 г., с. 63—64, 81, 82, 166, 168, 191—201, 215; матер., с. 47, 154, 155, 157, 158, 159, 163, 166, 167, 168, 177, 178, 179, 181, 183, 199, 203, 204, 207, 210, 211, 212, 217, 218, 226, 231, 246.—Мордовцевъ. Русскія историческія женщины. Спб. 1874 г., с. 303—344. — Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XII, с. 335, 336; XIII, с. 339, 348—352, 368; XIV, с. 116—118, 144, 145. — Погодинъ. Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императ. Петра Великаго, М. 1875 г., с. 19, 31, 37, 40, 44, 47, 54, 56, 71, 83, 99, 117, 124, 137, 140, 144—149, 156, 163, 175, 183, 204.—Брикнеръ. Царствованіе Петра Великаго. Спб. 1882 г., I, с. 9—16, 21, 25, 28, 32, 38, 89—91, 95, 103, 109, 114; III, 297, 309, 310.—Барсуковъ, А. П. Родъ Шереметевыхъ. Спб. 1904 г., кн. VIII, с. 146—153, 486.

В. Корсакова

Натъ, *Антонъ Антоновичъ*, генералъ-лейтенантъ, военный инженеръ, членъ Техническаго комитета Главнаго Инженернаго Управленія; род. въ 1817 году. Опредѣленный четырнадцати лѣтъ въ Главное Инженерное Училище, онъ въ 1836 году былъ произведенъ въ прапорщики и оставленъ въ офицерскихъ классахъ училища; въ 1838 году по окончаніи курса въ послѣднихъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ въ кіевскую инженерную команду, а два года спустя переведенъ на Кавказъ, на Черноморскую береговую линію и вскорѣ назначенъ въ укрѣпленіе Вельяминовское, расположенное по рѣкѣ Туапсе, причемъ ему, какъ инженеру, по-

ручено было усилить оборонительную способность укрѣпленія, что было въ особенности трудно въ виду постоянныхъ нападеній горцевъ. За отличіе, Натъ въ 1840 году былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени, а въ началѣ слѣдующаго года назначенъ состоять въ отрядѣ генерала Муравьева, причемъ ему поручено было перестроить укрѣпленіе Гагры въ каменное. Выполнивъ это порученіе, онъ вошелъ въ составъ отряда генерала Анрепа, съ которымъ и участвовалъ въ экспедиціи отряда изъ укрѣпленія Св. Духа въ укрѣпленіе Навагинское; въ послѣднемъ Натъ также возвелъ нѣсколько оборонительныхъ сооруженій. Съ назначеніемъ начальника черноморской береговой линіи генералъ-адъютанта Будберга, на Ната было возложено завѣдываніе всѣми работами по перестройкѣ укрѣпленій, возведенію казармъ и лазаретовъ, устройству пристаней. За отличіе при исполненіи этого порученія Натъ въ 1848 году былъ произведенъ въ капитаны. Назначенный въ 1850 году инженернымъ штабъ-офицеромъ, завѣдующимъ крѣпостями и укрѣпленіями на линіи, онъ занималъ эту должность около пяти лѣтъ, причемъ въ 1851 году былъ произведенъ въ подполковники; въ особенности много потрудился онъ надъ укрѣпленіемъ Керчь-Еникальскаго пролива. Произведенный въ началѣ 1856 года въ полковники, Натъ въ іюнѣ того же года поступилъ въ отрядъ войскъ генерала Рудаковскаго, имѣвшій назначеніемъ возобновить крѣпость Анапу и другіе пункты береговой линіи. Этому отряду пришлось много разъ вступать въ ожесточенные бои съ горцами. Натъ принималъ участіе во всѣхъ бояхъ и за отличіе награжденъ золотою шашкою съ надписью «За храбрость». По окончаніи Крымской кампаніи рѣшено было построить Керченскую крѣпость, чтобы защитить входъ въ Азовское море. Для этой цѣли былъ выбранъ Павловскій мысъ при устьѣ Керчь-Еникальскаго пролива. Строить крѣпость поручено было Нату и за выдающіяся заслуги по постройкѣ этой крѣпости, Государь Императоръ, послѣ осмотра работъ, поздравилъ Ната съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Въ 1863 году Натъ былъ назначенъ комендантомъ Керченской крѣпости и командующимъ войсками, расположенными въ Керчь-Еникальскихъ укрѣпленіяхъ, съ оставленіемъ въ должности строителя крѣпости. Назначенный въ 1865 году членомъ Техническаго комитета Главнаго Инженернаго Управленія, Натъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался 20-го января 1876 года, въ чинѣ ген.-лейтенанта.

„Русскій Инвалидъ“ 1876 г., №№ 17 и 72; „Ежегодникъ Русской Арміи“ 1877 г. ч. II; „Иллюстрированная Газета“ 1876 г. № 7.

Е. Ястребцевъ.

Наукъ, *Августъ Карловичъ*,—ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ; род. 18 сентября 1822 года въ селеніи Ауэрштедтъ, близъ Іены. Его отецъ, мѣстный пасторъ, умеръ, когда Августу, младшему изъ четырехъ сыновей, было 8 лѣтъ, и воспитаніе ребенка принялъ на себя его дядя, такъ же пасторъ. Въ 1836 г. Н. былъ отданъ въ гимназію въ Шульпфорта, къ которой онъ до конца своихъ дней сохранялъ чувства живѣйшей признательности. Здѣсь онъ занимался въ старшихъ классахъ подъ руководствомъ выдающагося эллиниста Карла Кейля, который очень много сдѣлалъ для выясненія нѣкоторыхъ явленій греческаго языка, пользуясь новымъ тогда эпиграфическимъ матеріаломъ. Такимъ образомъ, уже въ гимназіи Наукъ встрѣтилъ лицо, которое могло съ первыхъ шаговъ руководить будущимъ знаменитымъ эллинистомъ. Осенью 1841 г. Наукъ, блестяще окончившій курсъ гимназіи, поступилъ въ Галльскій университетъ, гдѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ семейныхъ традицій, имѣлъ въ виду изучать теологію, но вскорѣ перешелъ съ этого факультета на философскій, гдѣ всецѣло отдалъ себя изученію классической филологіи. Здѣсь его руководителями были историкъ греческой литературы Бернгарди и Мейеръ. Изъ нихъ, по словамъ самого Наука, особенное вліяніе оказалъ на него Бернгарди: онъ направилъ его вниманіе на греческую литературу и руководилъ первыми его шагами въ области конъектуральной критики, впослѣдствіи составлявшей предметъ особеннаго вниманія Наука. Для Бернгарди были написаны и его первыя ученыя работы, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ вторая, написанная на тему, заданную на соисканіе университетской преміи: «Disciplinae grammaticae et lexici graeci auctarium e Boeckhiano Inscriptionum corpore compositum». Здѣсь Наукъ, задолго до появле-

нія подобныхъ работъ въ ученой литературѣ, представилъ обзоръ греческой фонетики и морфологіи по надписямъ, обнаруживъ обширную начитанность какъ въ источникахъ, такъ и въ пособіяхъ и полную способность къ самостоятельному сужденію. Въ 1845 году члены семинаріи поднесли своему директору Бернгарди въ видѣ привѣтствія разсужденіе Наука, состоявшее въ объяснительномъ изданіи одного изъ отрывковъ Аристофана - грамматика. Однако, внутренняго вліянія Бернгарди не оказалъ на Наука, который впослѣдствіи разрабатывалъ совсѣмъ другія задачи, чѣмъ Бернгарди, и вообще не интересовался тѣми широкими построеніями, которыми такъ прославился его учитель. Мейеръ представлялъ собою величину гораздо менѣе крупную, но свойства его личнаго характера привязали къ нему Н. до конца жизни и онъ впослѣдствіи не разъ помогалъ своему бывшему учителю въ его научныхъ предпріятіяхъ. Въ дальнѣйшей своей ученой дѣятельности Наукъ являлся послѣдователемъ не германскихъ филологовъ, а англійскихъ критиковъ, такъ что вліяніе галльскаго университета оказалось для него чисто формальнымъ. За время своего пребыванія въ университетѣ онъ приготовилъ четыре работы по греческой филологіи, изъ которыхъ каждая превосходила своими достоинствами обычныя заграничныя докторскія диссертаціи; къ сожалѣнію, свои ученыя занятія ему приходилось прерывать поисками посторонняго заработка. Въ апрѣлѣ 1846 г. Наукъ сдалъ университетскій экзаменъ, но ему пришлось долго ждать полученія какого-нибудь опредѣленнаго мѣста, хотя его ученые труды уже къ тому времени доставили ему почетную извѣстность среди лучшихъ филологовъ того времени. Поиски средствъ къ жизни привели молодого ученаго въ Россію, гдѣ ему пришлось взять мѣсто домашняго учителя близъ Риги въ семьѣ сельскаго пастора, на дочери котораго онъ впослѣдствіи женился. Отсутствіе библіотеки не помѣшало Науку и отсюда прислать двѣ спеціальныя статьи въ журналъ «Philologus» (1847 и 1849). Въ 1851 году Наукъ возвращается въ Берлинъ, чтобы получить мѣсто учителя гимназіи, которое онъ и занялъ въ слѣдующемъ году въ мѣстечкѣ Prenzlau, а въ 1853 г. перешелъ оттуда въ знаменитую Іоахимстальскую гимназію въ Берлинѣ. Директоромъ этого учрежденія былъ въ то время извѣстный Августъ Мейнеке, который сразу же оцѣнилъ своего молодого подчиненнаго, тѣмъ болѣе что съ нимъ его связывала общность научныхъ интересовъ. Наукъ сталъ помогать во всѣхъ научныхъ работахъ Мейнеке. Вскорѣ Наукъ вступилъ въ личныя сношенія и съ эллинистомъ Иммануиломъ Беккеромъ. 6 іюня 1858 г. года Императорская Академія Наукъ въ Петербургѣ, въ виду выдающихся ученыхъ трудовъ Наука, избрала его экстраординарнымъ академикомъ. Весной 1859 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ, котораго не покидалъ до самой смерти, отклоняя всѣ предложенія занять каѳедру за границей, которыя ему дѣлали въ разное время университеты Геттингенскій, Боннскій и Вѣнскій. Лѣтомъ 1879 г. онъ совершилъ продолжительную поѣздку по Италіи для того, чтобы во Флоренціи сличить рукописи Ямблиха. Въ Петербургѣ Наукъ сначала преподавалъ древніе языки въ гимназіи Видемана, затѣмъ обучалъ славянскихъ стипендіатовъ, готовившихся быть преподавателями гимназіи, а 22 мая 1869 г. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ въ Императорскій Историко-Филологическій Институтъ, въ каковой должности оставался до 1883 г. По институтской традиціи лекціи эти велись на латинскомъ языкѣ. 1 іюня 1883 года онъ прекратилъ чтеніе лекцій въ институтѣ и съ тѣхъ поръ находился на службѣ только въ Академіи, до самой смерти (3 августа 1892 г.). Изъ оффиціальной дѣятельности Наука отмѣтимъ его работы въ комиссіи по введенію классической школы въ концѣ 60-хъ годовъ. Являясь среди членовъ этой комиссіи наиболѣе ученымъ спеціалистомъ, Наукъ быть можетъ именно поэтому менѣе всего стоялъ за исключительное господство классической системы образованія. Въ своемъ докладѣ (опубликованъ въ «Мѣсяцесловѣ» на 1866 г.) Наукъ особенно подчеркивалъ образовательное значеніе математики, находилъ чрезвычайно полезнымъ и необходимымъ распространеніе реальнаго и техническаго образованія, но наибольшее вниманіе предлагалъ обратить на народную школу. Конечно, Наукъ не допускалъ и мысли о возможности примѣненія классическаго образованія съ политической цѣлью. Что касается спеціально классической школы, то относительно ея Наукъ

указывалъ, что, если какая-нибудь необходимость можетъ заставить откинуть одинъ изъ древнихъ языковъ, то, конечно, скорѣе можно было бы обойтись безъ латинскаго, чѣмъ безъ греческаго, потому что «кромѣ новыхъ грековъ, нѣтъ другого народа, болѣе связаннаго своими историческими судьбами съ древними эллинами, какъ народъ русскій».

Ученая дѣятельность Наука отличалась строгой послѣдовательностью и непрерывностью: одна работа приводила его къ другой и кажущееся разнообразіе его трудовъ объясняется только желаніемъ возможно полнѣе и всестороннѣе разсмотрѣть тотъ или другой вопросъ, почему и весь циклъ вышедшихъ изъ подъ его пера статей и книгъ сводится, въ сущности, къ четыремъ группамъ, изъ которыхъ каждая посвящена подробнѣйшему изученію слѣдующихъ четырехъ греческихъ авторовъ: Гомера, Эврипида, Бабрія и Порфирія, при чемъ изученіе всѣхъ по возможности соприкасающихся вопросовъ заводило Наука иногда чрезвычайно далеко. Такъ, напримѣръ, приготовляемое изданіе Эврипида потребовало составленія сборника отрывковъ греческихъ трагиковъ, который одинъ самъ по себѣ могъ бы наполнить жизнь отдѣльнаго ученаго. Оно же привело его къ занятію Аристофаномъ Византійскимъ, Іоанномъ Стабейскимъ и другими греческими флорилегіями, канонами Іоанна Дамаскина и пр. Иногда желаніе обнять предметъ въ его исчерпывающей полнотѣ заставляло Наука выходить за предѣлы своей ближайшей спеціальности и приступать къ обработкѣ вопросовъ римской словесности; такъ, сборникъ отрывковъ трагедіи заставилъ Наука самостоятельно изучить и обработать сентенціи Публирія Сира, изданіе Бабрія привело къ работамъ надъ Федромъ. Жаль только, что ученый смотрѣлъ на эти занятія римскими поэтами не только какъ на подготовительныя работы, а придавалъ имъ самостоятельное значеніе и даже вступалъ въ полемику съ такими крупными спеціалистами латинистами, какъ Л. А. Мюллеръ. Какъ въ частной жизни, такъ и въ ученыхъ занятіяхъ Наукъ отличался рѣдкимъ постоянствомъ, никакую задачу онъ не считалъ окончательно исчерпанной и постоянно къ ней возвращался въ зависимости отъ вновь появлявшагося матеріала, выпуская новыя изданія въ видѣ отдѣльныхъ книгъ или же дополняя и видоизмѣняя результаты своихъ прежнихъ изысканій отдѣльными статьями. Большинство работъ Наука написано на нѣмецкомъ языкѣ и только нѣсколько статей напечатано по русски. Свои статьи Наукъ по большей части помѣщалъ въ журналѣ «Philologus», а также въ «Mélanges gréco-romains», издаваемыхъ Императорской Академіей Наукъ.

Разносторонняя ученая дѣятельность Н. нашла себѣ достойную оцѣнку со стороны ученыхъ спеціалистовъ. Одинъ изъ первыхъ эллинистовъ нашего времени, берлинскій академикъ У. фонъ-Виламовицъ-Меллендорфъ такъ опредѣлилъ его ученую дѣятельность: «за послѣднія четыре десятилѣтія обработкой большей части греческихъ текстовъ, а особенно текстовъ трагиковъ занимался критикъ, у котораго никто желающій быть справедливымъ не станетъ оспаривать правъ на первое мѣсто среди знатоковъ греческаго языка. Это Августъ Наукъ. Его собраніе трагическихъ отрывковъ представляетъ неподражаемый образецъ для работъ такого рода. Своею дѣятельностью по исправленію текстовъ онъ завоевалъ себѣ мѣсто въ первомъ ряду критиковъ Эврипида и первое мѣсто среди критиковъ Софокла». Не было недостатка и въ выраженіи почтенія къ дѣятельности Наука со стороны наиболѣе вліятельныхъ европейскихъ ученыхъ учрежденій: съ 1861 года онъ состоялъ членомъ корреспондентомъ Берлинской Академіи Наукъ, съ 1870 года членомъ Аѳинскаго Археологическаго общества, съ 1881 года корреспондентомъ Геттингенскаго ученаго общества, съ 1884 г.—почетнымъ членомъ Кіевскаго Университета Св. Владиміра, съ 1885 г.—иностраннымъ членомъ Нидерландской Академіи Наукъ, съ 1887 г.—почетнымъ членомъ греческаго Константинопольскаго филологическаго общества, съ 1889 г.—иностраннымъ членомъ Мюнхенской Академіи Наукъ и корреспондентомъ французской Académie des Inscriptions, выбравшей Наука на вакансію, открывшуюся послѣ смерти Георга Курціуса.

Главнѣйшія изъ отдѣльныхъ изданій Наука: Aristophanis grammatici fragmentum Parisinum, 1845; Aristophanis Byzantini grammatici fragmenta, 1848; Porphyrii opuscula tria, 1858; Euripideische Studien, II тома, 1859 и 1862; Критическое изданіе трагедій Софокла, 1867 г. (Кромѣ того,

Наукъ переработалъ и значительно дополнилъ результатами собственныхъ изысканій объяснительное изданіе всѣхъ трагедій Софокла, изготовленное Шнейдевиномъ и продолжающее до сихъ поръ выходить новыми изданіями); Одиссея Гомера, 2 тома, 1877 г.; Иліада Гомера 2 тома, 1877 г.; Scholia in Jamblichi de vita Pythagorica 1879 г.; Изданіе Эврипида въ 3 томахъ (выдержало 3 изданія) 1881 г. съ обширнымъ введеніемъ о жизни и поэзіи Эврипида; Jamblichi de vita Pythagorea 1884 г.; Fragmenta tragicorum graecorum 2-е изд. 1889 г.; Tragicae dictionis index, Spectans ad tragicorum graecorum fragmenta 1892 г. (при содѣйствіи П. В. Никитина и др. учениковъ).

Лучшій критико-біографическій очеркъ А. К. Наука принадлежитъ перу акад. П. В. Никитина, его ближайшаго ученика. (См. „Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія“ 1893 г. № 1 стр. 22–52).

Проф. Б. Варнеке.

Наумовичъ, *Іоаннъ Григорьевичъ*,— протоіерей, писатель. Н. родился въ Галиціи 14-го января 1826 года и былъ сынъ народнаго учителя, подъ руководствомъ котораго и получилъ первоначальное образованіе, которое продолжилъ въ Львовской гамназіи и въ уніатской семинаріи Въ 1848 году онъ примкнулъ было къ польской партіи, за что былъ исключенъ изъ семинаріи, но вскорѣ отсталъ отъ партіи и снова поступилъ въ семинарію, курсъ которой окончилъ въ 1851 году. Еще въ семинаріи онъ пробовалъ писать книжки для народа на русскомъ языкѣ, хотя и не владѣлъ имъ еще вполнѣ свободно. Будучи священникомъ, онъ завелъ у себя образцовое хозяйство и черезъ нѣсколько лѣтъ собственнымъ примѣромъ, постоянными бесѣдами и совѣтами сумѣлъ не только научить крестьянъ хозяйству, но и положилъ прочное основаніе садоводству и пчеловодству во всѣхъ окружныхъ селеніяхъ. Въ то же время онъ не прекращалъ и своей литературной дѣятельности, сотрудничая въ зарубежныхъ русскихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Словѣ», и выпуская отдѣльными изданіями свои брошюрки по сельскому хозяйству, повѣсти, разсказы и стихотворенія. Вступивъ тотчасъ по окончаніи курса семинаріи въ члены народно-просвѣтительнаго общества галицко-русской Матицы, основанной въ 1848 году, Наумовичъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и дѣятельныхъ ея членовъ, и большая часть его книжекъ была издана этимъ обществомъ. Всѣ литературные труды его до 1861 года вышли затѣмъ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ «Повѣсти и пѣсни Ивана Наумовича» (Львовъ 1861 года). Сюда вошли его разсказы и повѣсти: «Съ Богомъ», «Наше поле», «Зерна», «Земля наша мати», «Максимъ богачъ», «Або—Божіи суды», «Бесѣда Степана Сторазумова о сельскомъ хозяйствѣ» и многіе другіе, а также рядъ стихотвореній и пѣсенъ, изъ которыхъ многія переведены и напечатаны Н. В. Гербелемъ въ его книгѣ «Поэзія славянъ. Кромѣ газеты «Слово», Наумовичъ сотрудничалъ въ газетахъ «Славянская Заря», «Червонная Русь», въ журналѣ «Учитель» и редактировалъ одно время журналъ «Недѣля». Въ 1871 году онъ основалъ въ Львовѣ простонародную (первую въ Галиціи) газетку «Русская Рада» и въ томъ же году тамъ же журналъ «Наука», который преслѣдовалъ главнымъ образомъ нравоучительныя цѣли. Изъ разсказовъ, напечатанныхъ Наумовичемъ въ «Наукѣ», особенною популярностью пользовались: «Отецъ Ѳеодоръ», «Завѣтные тополи», «Не въ грошахъ счастье», «Онуфрій Грушкевичъ» и мн. др. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ, какъ, напр., «Онуфрій Грушкевичъ», были переведены на иностранные языки. Вотъ какую характеристику Наумовича, его «Науки» и вообще его дѣятельности даетъ извѣстный редакторъ-издатель «Галицкой Руси» и «Галичанина» Авдыковскій: «Кто не знаетъ,—пишетъ Авдыковскій,—основаннаго имъ (Наумовичемъ) журнала «Наука»,—она подняла народъ интеллектуально, изъ «Науки» научается народъ любити свою землю, въ чести имѣти трудъ, жити тверезо, осушовати мочары (болота), мяти пашу (пашню), закладати сады, разводити пасѣки... Основанная имъ же газета «Русская Рада» и затѣмъ славянское общество Качковскаго, особенно же послѣднее были вѣнцомъ дѣятельности Наумовича... Наумовичъ есть творецъ галицко-русской энциклопедической литературы, составляющей эпоху въ литературномъ и культурномъ развитіи галицко-русскаго народа». Вынужденный преслѣдованіемъ польской партіи за свою приверженность къ Россіи и за присоединеніе къ православію оставить Галицію,

Наумовичъ, хотя и передалъ изданіе и редакцію «Науки» Д. М. Козаришуку, но до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни попрежнему продолжалъ руководить этимъ журналомъ и по прежнему же былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его сотрудниковъ. Въ то же время онъ сталъ работать и въ нѣкоторыхъ русскихъ духовныхъ изданіяхъ, въ которыхъ своими статьями знакомилъ съ положеніемъ галицко-русскаго народа. Сверхъ того, въ Россіи Наумовичемъ были составлены «Народные календари» на 1890 и 1891 годы, изданные св. синодомъ, послѣднимъ же была издана и его книга для чтенія о сельскомъ хозяйствѣ. Затѣмъ Н. были изданы брошюрки: «Какъ въ простотѣ люди живутъ» (Спб. 1889 г.), «Христіанскія добродѣтели» (Спб. 1889 г.), «Посланіе къ русскимъ пчеловодамъ», «Какой улей рамочной системы могутъ замѣнить на югѣ Россіи старыя дуплянки», «Историческій очеркъ уній» (Кіевъ 1889 г.), «Червонная Русь, ея прошлое и настоящее» (Кіевъ 1890 г.). Затѣмъ уже послѣ смерти Наумовича, въ 1894 году въ «Приходской библіотекѣ», переложенныя на русскій литературный языкъ были напечатаны слѣдующія его повѣсти: «Завѣтныя три липы», «Сироты», «Псалтырникъ» и «Четыре путеводителя доброй жизни». Свою борьбу съ католическимъ духовенствомъ онъ началъ вскорѣ послѣ полученія священническаго сана. Возмущаясь системой политическаго порабощенія народа посредствомъ церкви, онъ вначалѣ однако не высказывался за присоединеніе къ православію и только въ длинномъ рядѣ глубокообдуманныхъ, основанныхъ на неопровержимыхъ историческихъ источникахъ статей, начатыхъ печатаніемъ еще въ «Словѣ», доказывалъ необходимость очищенія греко-восточнаго обряда Галицко-Русской уніатской церкви отъ латинско-польскихъ примѣсей. Эта проповѣдь Наумовича была встрѣчена очень сочувственно и вскорѣ поднялось и разлилось широкой волной по всей Галиціи новое движеніе: «прочь отъ Рима», во главѣ котораго и сталъ Наумовичъ. Взволнованные этимъ движеніемъ, захватывавшимъ все болѣе и болѣе широкіе круги, поляки и іезуиты донесли и въ Римъ и въ Вѣну. По настоянію папы тогдашній митрополитъ уніатскій Григорій Якимовичъ наложилъ на Наумовича эпитимью, объявилъ ему выговоръ и запретилъ дальнѣйшую проповѣдь въ томъ же направленіи. Но Наумовичъ продолжалъ и какъ священникъ, и какъ членъ рейхстага, энергично очищать церковные обряды отъ латинскихъ искаженій и отстаивать права русаковъ на самобытность. Это раздражало іезуитовъ и они рѣшили обвинить его въ государственной измѣнѣ. Случай къ этому скоро представился. Уніатскіе поселяне Малыхъ Гнилищъ, приписанные къ приходу Большихъ Гнилищъ, въ 1882 году сверхъ того были обложены еще налогомъ въ пользу католическаго прихода Великихъ Гнилищъ. Уніаты платить этотъ налогъ отказались и между ними началось броженіе. Наумовичъ всячески старался поддерживать уніатовъ и даже совѣтовалъ имъ присоединиться къ православію. Объ этомъ было донесено правительству, и Наумовичъ со многими близкими ему людьми былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и отданъ подъ судъ, который призналъ его виновнымъ въ государственной измѣнѣ и приговорилъ къ восьми-мѣсячному тюремному заключенію. По выходѣ изъ тюрьмы Н. былъ лишенъ прихода, а папа отлучилъ его отъ церкви. На это Н. отвѣтилъ апелляціею къ высшему уніатскому духовенству, въ которой, на основаніи церковно-историческихъ документовъ, изложилъ исторію и права русской церкви въ Галиціи, охарактеризовалъ свою пастырскую дѣятельность. Уніатское духовенство, боясь Рима, не рискнуло ничего сдѣлать въ пользу Н. и онъ рѣшилъ выполнить давно уже задуманное намѣреніе—присоединиться къ православію, что и сдѣлалъ 6-го октября 1885 года въ Львовской православной церкви. Послѣ этого оставаться ему въ Галиціи было невозможно, и въ 1886 году Н. переселился въ Россію и жилъ преимущественно въ Кіевѣ, стараясь помогать своимъ землякамъ: (между прочимъ, онъ поддержалъ галицко-русскій народный банкъ). Въ концѣ 1880-хъ гг. галицкіе русины, побуждаемые притѣсненіями поляковъ и заманчивыми обѣщаніями агентовъ-евреевъ, стали массами эмигрировать въ Бразилію; Н. желая направить эмиграцію въ Россію на Кавказъ и получивъ разрѣшеніе правительства, весною 1891 года отправился выбирать мѣста для будущихъ колоній галичанъ. Выбравъ ихъ и законтрактовавъ, онъ отправился обратно въ Кіевъ, но по

дорогѣ скоропостижно скончался въ Новороссійскѣ 4-го августа 1891 года, на 66 году отъ рожденія. Тѣло его перевезено въ Кіевъ и тамъ погребено на кладбищѣ Николаевскаго монастыря, на Аскольдовой могилѣ, гдѣ въ 1894 году ему поставленъ памятникъ С.-Петербургскимъ Славянскимъ Обществомъ. Кромѣ литературной дѣятельности и борьбы съ іезуитами и католическимъ духовенствомъ, Наумовичъ пріобрѣлъ широкую извѣстность какъ экономистъ, при чемъ всѣ его финансово-экономическіе проекты имѣли неизмѣнною цѣлью поднятіе благосостоянія галицкихъ русинъ. Пользуясь одобреніемъ, а иногда и поддержкою И. А. Вышнеградскаго (впослѣдствіи министра финансовъ), онъ ревностно пропагандировалъ устройство ссудо-сберегательныхъ кассъ и товариществъ, общественныхъ магазиновъ и основалъ галицко-русскій народный банкъ. Наумовичу же обязаны своимъ возникновеніемъ и многія братства трезвости, литературно-издательское общество имени Качковскаго, основанное въ 1871 году и около 150 сельскихъ читаленъ библіотекъ.

„Прибавленіе къ „Церк. Вѣд.“ 1891 г. № 32; „Церк. Вѣстникъ“ 1891 г. №№ 33 и 35; „Истор. Вѣстн.“ 1891 г. окт.; „Русское Обозрѣніе“ 1893 г. №№ 7 и 8, ст свящ. І. Соловьева; „Донск. Епарх. Вѣд.“ 1891 г., стр. 728—730; „Энциклопедическій Словарь“ изд. Брокгауза и Ефрона т. 20. Календари на 1892 г.: Русскій и Всеобщій; „Рус. Вѣстн.“ 1889, № 4; „Нов. Вр.“ 1891, № 5541.

Наумовы — дворянскій родъ. Изъ многочисленныхъ дворянскихъ родовъ Наумовыхъ, существующихъ въ Россіи, большая часть принадлежитъ къ новымъ родамъ, попавшимъ въ дворянство по выслугѣ; одинъ родъ, довольно старый, происходитъ изъ дьяковъ и только одинъ подавалъ роспись въ Разрядъ и принадлежитъ къ древнему дворянству. Представители этого рода подали 31-го марта 1686 г. роспись своего рода въ Разрядъ и такъ писали о своемъ происхожденіи: «(къ) благовѣрному и великому князю Симеону Ивановичу Гордому пріѣхалъ изъ Немецъ изъ Свицкія земли мужъ честенъ, имя ему Павликъ, а у него сынъ Андрей, а у Андрея сынъ Наумъ и оттого пошли Наумовы. У Наума сынъ Григорей, а у Григорья дѣти: Ѳилипъ да Андрей, да Григорей, Иванъ. А у Григорья Меньшова Морха сынъ Василей — при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи былъ окольничей, а послѣ былъ 705 году бояринъ и посланъ большимъ посломъ въ Крымъ, бездѣтенъ...». Въ XVIII вѣкѣ на происхожденіе отъ «мужа честна Павлика» претендовалъ князь Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Хотя его исканія и были признаны Сенатомъ, но происхожденіе Суворовыхъ отъ «Павлика» рѣшительно не подтверждается никакими документами и совершенно мало вѣроятно. Въ XVII и XVIII вв. многіе Наумовы достигли крупныхъ званій, чиновъ и выдвинулись на различныхъ поприщахъ. Отъ этого рода происходятъ помѣщики Казанской губерніи—Умовы.

Подробная библіографія о родѣ Наумовыхъ напечатана у Л. М. Савелова „Библіографическій указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію Тульскаго дворянства“. Изд. М. Т Яблочкова. Москва. 1904 г.; М. И. Трегубовъ, Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимірской губ. Владиміръ—губ., 1905.

Наумовъ, *Александръ Михайловичъ*,—писатель; род. въ 1835 г., ум. 14-го декабря 1879 г. По окончаніи курса въ Спб. университетѣ, по юридическому факультету, Наумовъ вскорѣ выступилъ на литературномъ поприщѣ. Состоя сотрудникомъ многихъ петербургскихъ газетъ: «Нов. Вр.», «Новости», «Бирж. Вѣд.», «Спб. Вѣд.», «Голосъ», Наумовъ печаталъ также свои статьи и въ журналахъ: «Отечественныя Записки», «Здоровье», «Труды Вольно-Экономическаго Общества» и др. Наибольшій успѣхъ имѣли два его сочиненія: «Судоходство по Шельдѣ. Опытъ приложенія началъ международнаго права къ судоходству по рѣкамъ». М. 1856 г., «О питательныхъ веществахъ и важнѣйшихъ способахъ раціональнаго ихъ приготовленія, сбереженія и открытія въ нихъ примѣсей». Спб. 1859 г. Эти два сочиненія, а также «Около мужичковъ», были изданы отдѣльно. Кромѣ того, Н. написалъ не мало брошюръ и мелкихъ статей по народному хозяйству. Н. былъ также дѣятельнымъ членомъ «Вольно-Экономическаго Общества».

„Спб. Вѣд.“ 1879 г. № 348. „Новости“ 18 декабря 1879 г. „Нов. Вр.“ 1879 г. №1369.

И. С—къ.

Наумовъ, *Аполлосъ Ивановичъ*, — оберъ-прокуроръ Св. Синода; род. 4-го дек. 1719 г. Въ 1764 году Н. былъ секретаремъ Московской Синодальной Конторы, а съ 1772 г., въ чинѣ надв. сов.,

перешелъ на ту же должность секретаря въ Св. Прав. Синодѣ, гдѣ въ 1774 г. занялъ должность оберъ-секретаря, а 28-го іюня 1786 г. былъ назначенъ, въ чинѣ ст. сов., оберъ прокуроромъ. При Наумовѣ порядки, существовавшіе въ Синодѣ, не измѣнились. Какъ и раньше, Синодъ исполнялъ приказанія Императрицы, передаваемыя оберъ-прокуроромъ, а также и его собственныя предложенія, касавшіяся упорядоченія церковнаго управленія, если взгляды Наумова не расходились съ интересами Синода. Если же члены Синода иначе понимали дѣло, чѣмъ Наумовъ, тогда они рѣшали его по своему усмотрѣнію, не обращая вниманія на недовольство оберъ-прокурора. Видя незначительность своего вліянія въ Синодѣ и будучи уже преклонныхъ лѣтъ, Наумовъ подалъ прошеніе объ увольненіи, «за старостью и болѣзнями», и 26-го іюля 1791 г. получилъ отставку. Н. скончался 2-го мая 1792 г. въ Петербургѣ; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Ѳ. В. Благовидовъ, „Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX стол.“. Казань 1899 г. стр. 263—272; „Статскій Календарь на 1765 г.“.

Наумовъ, *Василій Григорьевичъ* Въ 1494 году Наумовъ былъ посланъ великимъ княземъ Іоанномъ III въ Литву за женой кн. Ѳеодора Ив. Бѣльскаго, бѣжавшаго въ 1482 г. изъ Литвы въ Москву. Друзья кн. Бѣльскаго удержали въ Литвѣ его молодую жену, въ надеждѣ, что это заставитъ его вернуться, но ошиблись въ разсчетѣ. Іоаннъ III хлопоталъ, чтобы кн. Бѣльская пріѣхала къ мужу, и ему удалось получить отъ вел. кн. Литовскаго Александра «листъ» на безпрепятственный выѣздъ ея изъ Литвы. Наумову былъ врученъ этотъ листъ, и кн. Бѣльскій отправилъ съ нимъ своихъ людей, для сопровожденія княгини изъ Литвы въ Московское государство. Уже не въ первый разъ вел. кн. Іоаннъ III тщетно посылалъ за кн. Бѣльской, а потому неудивительно, что въ наказѣ, данномъ Н-ву, сказано, что если кто нибудь начнетъ не пускать княгиню, то Н. долженъ ѣхать къ вел. кн. Литовскому Александру и подать ему вѣрющую грамоту на счетъ отпуска княгини. Неизвѣстно, какъ былъ принятъ Наумовъ въ Литвѣ, но посольство его не увѣнчалось успѣхомъ. Кн. Бѣльская не пріѣхала въ Московское государство, а потому, съ разрѣшенія митрополита Симона, кн. Ѳеод. Ив. Бѣльскій женился въ 1498 г. на племянницѣ вел. кн. Іоанна III, княжнѣ Аннѣ Васильевнѣ Рязанской.

7 декабря 1505 г. великій князь Василій Ивановичъ послалъ Н-ва для мирныхъ переговоровъ въ Крымъ; Н. названъ при этомъ «ближнимъ человѣкомъ»; 1 августа 1506 г. онъ вернулся въ Московское государство съ ханскими послами, князьями Казимиръ-Кіядомъ и Магмедшею. Вскорѣ по возвращеніи изъ Крыма, Н. былъ отправленъ въ Литву съ утѣшительной грамотой къ вел. кн. Еленѣ, овдовѣвшей въ августѣ того же 1506 г. Н-ву былъ данъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ тайный наказъ убѣдить вел. кн. Елену (его родную сестру) содѣйствовать избранію его въ польско-литовскіе короли; онъ долженъ былъ склонять къ этому и виленскаго епископа Войтеха, пана Николая Радзивила и другихъ членовъ Рады. Вел. кн. Елена отвѣтила, что братъ ея мужа, вел. кн. Александра, Сигизмундъ объявленъ въ Вильнѣ и Краковѣ его преемникомъ. Въ 1521 г. Н. вторично ѣздилъ посломъ въ Крымъ.

Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, 144, 145, 659. — Энциклоп. Лексиконъ, изд. Плюшаромъ. М. 1837 г., т. VIII, с. 579—580.—Карамзинъ. Ист. госуд. Рос., VII, с. 10, 76, пр. 7, 213.—Петровъ. Исторія родовъ рус. дворянства. СПБ. 1886 г., с. 77—78.—Соловьевъ. Исторія Россіи, VI, 25, 27; VII, с. 186. *В. Корсакова.*

Наумовъ, *Дмитрій Никитичъ*,—воевода; въ 1647 г. былъ стрянчимъ; въ 1665—1675 гг.—стольникомъ. 14 іюля 1669 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича, а послѣ кончины ц. Алексѣя Михайловича былъ воеводой въ Перми съ 1676 по 1679 г. За это время сохранилось довольно много царскихъ грамотъ, на основаніи которыхъ можно представить свѣдѣнія о его дѣятельности въ Пермскомъ краѣ.

Немало заботъ составляла съ давнихъ временъ Пермскимъ воеводамъ Сибирская ямская гоньба, изъ-за содержанія которой часто возникали неудовольствія и недоразумѣнія между жителями Чердыни и Соликамска. По царской грамотѣ отъ 17 августа 1676 г. велѣно было отправлять гоньбу не по писцовымъ, а по переписнымъ книгамъ, такъ какъ у чердынцевъ послѣ составленія книгъ убавилось на-

роду, а въ Соликамскѣ напротивъ прибыло. Въ 1677 г. Наумову пришлось принять рѣшительныя мѣры для того чтобы доставить въ Соликамскъ Артамона Сергѣевича Матвѣева съ сыномъ его Андреемъ. Какъ извѣстно, годъ спустя послѣ восшествія на престолъ Ѳеодора Алексѣевича, боярин Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ царя Алексѣя Михайловича и царицы Нат. Кир., былъ лишенъ боярства и всѣ имѣнія его отобраны въ государеву казну; сначала его сослали въ г. Лаишевъ, въ 60 верстахъ отъ Казани, а вслѣдъ затѣмъ сдѣлано распоряженіе о ссылкѣ его въ Пустозерскъ, въ Сибирь. По казанской подорожной, осинскіе ямщики везли въ стругахъ Артамона Сергѣевича Матвѣева, его сына Андрея Артамоновича, ихъ запасъ и людей, а также сопровождавшихъ ихъ стольника Тухачевскаго и московскихъ и казанскихъ стрѣльцовъ. Не доѣзжая верстъ сто до Соликамска, ямщики оставили ихъ въ «заморозѣ», въ вотчинѣ именитаго человѣка Григорія Строгонова въ с. Слуткѣ, а сами сбѣжали на Осу. Тухачевскій далъ знать объ этомъ въ Соликамскъ воеводѣ Наумову. Чтобы не терять времени, Наумовъ послалъ стрѣльцовъ съ наказными памятями на Обву и на Иньву, и принудилъ тамошнихъ крестьянъ выставить за Осинскихъ ямщиковъ сто шестьдесятъ пять подводъ; послѣ этого, Матвѣевъ и всѣ съ нимъ ѣхавшіе были доставлены въ Соликамскъ.

Изъ Москвы Наумова предостерегали въ мартѣ 1679 г. о возможномъ нападеніи башкиръ и татаръ на Кунгуръ и Сибирскія слободы, а мѣсяцъ спустя пришло извѣстіе, что на Камени, въ верховьяхъ р. Лозвы, есть пятьсотъ воинскихъ людей, которые хотятъ итти войной подъ Пермь Великую, но неизвѣстно въ какой именно городъ. Въ виду такихъ угрожающихъ обстоятельствъ, Наумовъ послалъ царю донесеніе о состояніи Чердыни: «А въ Перми, государь, въ Чердыни «городъ» погнилъ и развалился, да и острогъ во многихъ мѣстахъ вывалился, а въ твоей великаго государя казнѣ порохъ отсырѣлъ и излежалъ, и безъ передѣлки къ стрѣльбѣ не годится, и ружья мало, безъ замковъ, съ жагры, и то все перержавѣло, и ложи и жагры испортились и фитилю нѣтъ, и безъ городу и безъ острогу и безъ прибавочнаго ружья отъ воинскихъ людей жить опасно». Какъ видно изъ пріемной описи воеводы Кондырева, въ концѣ января 1680 г. смѣнившаго Наумова, острогъ въ Чердыни былъ наполовину отстроенъ вновь и устроено четыре башни: порохъ «пересушенъ» и «перекрученъ», вслѣдствіе чего вышла нѣкоторая утеря, но за то онъ сталъ вполнѣ годенъ для употребленія. Всѣ книги и дѣла Наумовъ сдалъ въ большомъ порядкѣ.

Др. Рос. Вивл., VIII, с. 140.—Акты ист., т. V, Доп. къ акт. Ист., тт. VII, VIII, IX, с. 92, 134—135.—Дв. разр., т. III.—Пермская лѣтопись 1263—1881 гг., изд. Шишонко, вып. IV, Пермь. 1884 г.; А. П. Барсуковъ. Списки городовыхъ воеводъ XVII ст., СПБ., 1902 г.

В. Корсакова.

Наумовъ, *Иванъ Мокеевичъ*, — кол. сов.; писатель; основатель «Дома Практическаго Правовѣдѣнія» въ Москвѣ. Н. род. въ Петербургѣ въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII столѣтія и получивъ самое элементарное домашнее обученіе, былъ опредѣленъ, въ 1784 г., на гражданскую службу канцеляристомъ въ канцелярію генералъ-прокурора А. Б. Куракина, состоя въ которой и доканчивалъ свое образованіе. Прослуживъ въ этой канцеляріи около десяти лѣтъ, Наумовъ былъ командированъ для занятій по межевому департаменту Сената. Между прочимъ, производя различныя межеванія, онъ отыскалъ до 2190 десятинъ земли, принадлежавшихъ безспорно казнѣ, но разновременно захваченныхъ частными лицами. За это онъ удостоился отъ Императора Павла I получить золотую табакерку. Позднѣе Наумовъ былъ исправникомъ въ Московской губ. и открылъ тайныя скопища раскольниковъ, развращавшихъ народъ. Назначенный затѣмъ стряпчимъ Московскаго Губернскаго Правленія, онъ отличался рвеніемъ и безкорыстною службою, открывалъ всякія злоупотребленія и за свою полезную дѣятельность былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст.. Въ 1805 г. Наумовъ былъ причисленъ къ 8-й Геральдіи, а затѣмъ, при объявленіи ополченія въ 1806 году, по случаю войны съ Франціею, поступилъ въ ряды милиціи въ 1807 г.; во время отечественной войны 1812 г. Наумовъ также находился въ рядахъ ополченія. Во время пожара Москвы онъ лишился всего своего имущества, а также библіотеки и всякаго рода бумагъ и принужденъ былъ по роспускѣ ополченія снова обратиться къ гражданской

службѣ. Близкое знакомство съ неудовлетворительными порядками того времени, царившими въ судебныхъ мѣстахъ, внушило ему мысль представить Императору Александру I проектъ учрежденія въ Москвѣ Дома Практическаго Правовѣдѣнія, который, по словамъ Наумова, являлся-бы не судилищемъ, но *мѣстомъ открытаго адвокатства*; въ дѣйствіяхъ своихъ онъ зависитъ отъ довѣренности къ нему частныхъ гражданъ. Домъ этотъ, по плану Наумова, долженъ былъ образовывать стряпчихъ (т. е. адвокатовъ) и самъ «обрабатывать» (т. е. вести въ судебныхъ учрежденіяхъ) дѣла ему порученныя, съ довѣренностью (т. е. съ уполномочіемъ) прекращать тяжбы сторонъ ихъ примиреніемъ. Этотъ проектъ Наумова былъ утвержденъ въ 1813 г., и проектированный имъ Домъ открылъ свои дѣйствія въ 1814 году, при чемъ для того, чтобы публика могла видѣть какъ образъ защищенія *открытымъ* (т. е. гласнымъ) *стряпчествомъ* правыхъ дѣлъ, такъ и усматривать состоявшіяся по симъ дѣламъ рѣшенія судовъ, Наумовъ сталъ издавать особый «Журналъ Дома практическаго правовѣдѣнія по предмету образованія стряпчества», находя, что публичное оглашеніе судопроизводства предостерегаетъ отъ погрѣшностей и несправедливостей Самъ Наумовъ являлся приверженцемъ суда гласнаго и скораго, а также мирового разбирательства и мировыхъ учрежденій; онъ доказывалъ необходимость существованія судебныхъ адвокатовъ—присяжныхъ повѣренныхъ, для защиты невинно обвиняемыхъ и заключенныхъ. Словомъ сказать, онъ за полстолѣтіе ранѣе являлся провозвѣстникомъ началъ судебнаго устройства, положенныхъ въ основу судебныхъ уставовъ Императора Александра II и доселѣ не получившихъ еще полнаго осуществленія. Эта судебно адвокатская дѣятельность Наумова имѣла не малый успѣхъ въ началѣ; на разсмотрѣніе опытныхъ въ законодательствѣ лицъ, приглашенныхъ Наумовымъ къ участію въ Домѣ, поступало не мало дѣлъ отъ лицъ различныхъ состояній. Самъ генералъ-губернаторъ Москвы графъ Ростопчинъ отнесся въ этотъ Домъ, чтобы склонить къ миролюбивому окончанію тяжебнаго дѣла Гарновскихъ съ извѣстнымъ секретаремъ Импер. Екатерины II Грибовскимъ по долговому обязательству. Но самая дѣятельность Дома на началахъ строгой справедливости и совѣсти скоро привела Наумова къ столкновеніямъ съ современными ему властями и учрежденіями; равнымъ образомъ и сама публика какъ-то скоро охладѣла къ дѣятельности Дома, такъ что чрезъ два года съ небольшимъ Наумовъ, оставшись безъ судебной практики, закрылъ Домъ и снова поступилъ на службу, но уже въ Петербургѣ; онъ былъ назначенъ въ 1818 г. чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ графѣ Милорадовичѣ. По прежнему ревностный исполнитель своихъ обязанностей, Наумовъ назначался для производства важныхъ слѣдствій и за свою полезную дѣятельность былъ награжденъ въ 1820 г. чиномъ коллежскаго совѣтника. Скоро однако, по слабости здоровья онъ былъ уволенъ по прошенію отъ службы въ 1822 году. Наумовъ скончался въ Петербургѣ 13-го Іюля 1833 г. Разновременно имъ были напечатаны слѣдующія произведенія:

Начертаніе естественнаго права, принадлежащее ко 1-й части практическаго правовѣдѣнія для гражданъ. 2 части. М. 1808—1809 г.г.; Практическое правовѣдѣніе для гражданъ—ч. 1. М. 1808 г.; Исторія церковная, гражданская и ученая, повѣствующая о началѣ возвышенія и упадкѣ монархіи и царствъ, о царствованіи, дѣяніяхъ и лѣтахъ жизни царей и императоровъ и т. д. отъ міросданія по 1800 г. часть I, М. 1808 г.; О справедливости и несправедливости. Спб. 1812 г. Изложеніе юридическихъ предметовъ для руководства къ познанію практическаго правовѣдѣнія. Спб. 1812 г.; О вѣрѣ въ Христа. Спб. 1813 г.; Раздѣленіе преступленій противъ права гражданскаго и противъ права уголовнаго. Спб. 1813 г.; Рѣчь по случаю соизволенія на существованіе въ Россіи Дома практическаго правовѣдѣнія. Спб. 1813 г.; Зеркало для Франціи и другихъ народовъ. 1813 г.; Мысли Россіянина при гробѣ фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Спб. 1813 г.; По случаю ввезенія въ С.-Петербургъ тѣла свѣтлѣйшаго князя М Л. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Спб. 1813 г.; На 30-е августа 1813 г. день тезоименитства Августѣйшаго Императора Александра I. Спб. 1813 г.; Соотечественникамъ на 15-е сент. 1813 г., день священнѣйшей коронаціи Августѣйшаго Императора Александра I. Спб. 1813 г.; Чувствованія Россіянина при извѣстіи

о возвращеніи Императоромъ Александромъ I Франціи законнаго ея государя. Спб. 1814 г; На возвращеніе отъ побѣдъ и мира Европы на свой престолъ Императора Александра I. 1815 г.; Мои чувствованія въ день тезоименитства Августѣйшаго Императора Александра I 30 августа 1815 г.; Журналъ для практическаго правовѣдѣнія по предмету образованія стряпчества. 2 ч. Спб. 1814 г.; На смерть его свѣтлости кн Ник. Иван. Салтыкова. Спб. 1816 г.; Чувствованія вѣрноподданнаго, посвященныя памяти въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи. 1828 г.; Друзьямъ отечества (2-е изданіе книжки О справедливости и несправедливости). 1832 г.; Мои мысли о совѣстномъ судѣ и объ адвокатахъ при тюрьмахъ за невинныхъ. 1832 г.; «Отечеству». Мои мысли о совѣстномъ судѣ и признательность къ памяти Преосв. Митрополита Амвросія. 1830—32 г.; Мои мысли о важности и твердости самодержавія. 1832 г.

Б. Ѳ. Замѣчательный дѣятель прежняго времени и судьба его дочери. Спб. 1869 г. Большая Энциклопедія — Южакова, стр. 706. Карточн. указ. книгъ рус. отд. Имп. Публ. Библіотеки.

Наумовъ, *Иванъ Ѳеодоровичъ*, въ 1609 г.—воевода въ Ростовѣ, затѣмъ въ Костромѣ и вторично въ Ростовѣ; приверженецъ Тушинскаго вора. Сохранилось довольно много донесеній Наумова Яну Сапѣгѣ, изъ которыхъ видны его мѣропріятія противъ «измѣнниковъ». т. е. противъ сторонниковъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. 3-го марта 1609 г. Наумовъ пришелъ подъ Кострому; тамъ, около посада были порублены «тарасы», а по улицамъ поставленъ во многихъ мѣстахъ острогъ, т. е. сдѣланы укрѣпленія. Острогъ былъ взятъ приступомъ, костромичей побили, а тѣхъ, которые заперлись, пожгли; бѣжавшихъ побили по дорогамъ. Въ апрѣлѣ, вслѣдствіе письма тушинскаго вора Яну Сапѣгѣ о немедленной посылкѣ въ Ростовъ польскихъ и литовскихъ людей для защиты отъ ярославцевъ, туда были отправлены: Наумовъ съ русскими ратными людьми да паны Руженскій, Будила и Подгороцкой съ гусарами и жолнерами. Въ концѣ мая Наумовъ былъ въ Ростовѣ. Онъ сообщалъ Сапѣгѣ о военныхъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ съ Лисовскимъ подъ Ярославлемъ; съ ними ходили донскіе казаки, дрались съ ярославцами, многихъ побили и взяли городъ приступомъ, а посады выжгли. Лисовскій отступилъ къ Костромѣ. Наумовъ же,ославъ съ нимъ казаковъ, вернулся къ Ростову. 28-го іюля онъ писалъ Сапѣгѣ, что пошелъ съ польскими полковниками подъ Кострому на помощь Лисовскому и что удалось взять г. Юрьевецъ. Ровно за мѣсяцъ до этого донесенія, 28-го іюня, польскіе и русскіе люди стали перевозиться черезъ Волгу, въ 5 верстахъ ниже Рѣшмы; снизу по Волгѣ, и берегомъ, по луговой сторонѣ, пришли въ это же время ратные люди отъ Ѳ. И. Шереметева. Наумовъ посылалъ къ Будилу и Подгороцкому просить помощи; не дождавшись помощи, пошелъ съ острова и былъ побитъ на перелазѣ. 5-го іюля онъ приходитъ въ Ростовъ; но ему не съ кѣмъ быть въ Ростовѣ и въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, потому что казаки и боярскіе дѣти погромлены и побиты; Будило хочетъ итти изъ Ростова въ Тушинскій таборъ, а Лисовскій къ Сапѣгѣ подъ Троицу. Между тѣмъ Шереметевъ стоитъ въ Нижнемъ и хочетъ итти Волгою къ Ярославлю, а оттуда въ Ростовъ и въ Переяславль... Въ началѣ 1612 г., когда жители Переяславля прислали въ Ярославль къ кн. Д. М. Пожарскому, прося избавить ихъ отъ насилія Заруцкаго, кн. Пожарскій послалъ въ нимъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ Наумова; «онъ же пришедъ—какъ сказано въ лѣтописи—казаковъ отгна и Переяславль укрѣпи». При какихъ обстоятельствахъ произошла эта перемѣна въ поведеніи Наумова, мы не знаемъ. Въ 1614—16 г. Наумовъ былъ воеводой въ Торжкѣ; въ 1616 г. былъ въ Москвѣ, по ногайскимъ вѣстямъ, въ Чертольскихъ воротахъ и на воротахъ по стѣнѣ до Арбатскихъ воротъ; въ 1617 г. — воеводой въ Болховѣ. Начальство надъ полками распредѣлялось въ то время слѣдующимъ образомъ: воеводой большого полка былъ кн. Хованскій; передового полка—кн. Татевъ; сторожевого полка—Василій Волынскій. Въ случаѣ прихода татаръ на Бѣлевскія, Болховскія, Орловскія и Карачевскія мѣста въ сходѣ съ вышеупомянутыми воеводами долженъ былъ быть, между прочимъ, Наумовъ. Въ 1622—23 гг. Н.—воевода въ Псковѣ; весной 1624 г. дневалъ и ночевалъ съ Ѳ. И. Шереметевымъ на государевомъ дворѣ; 19-го сентября того же года, на свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ кн. Марьей Влад. Долгорукой, былъ

въ числѣ дворянъ, шедшихъ за санями царицы; въ 1625—29 гг. былъ на воеводствѣ въ Ярославлѣ. Въ 1626 г. Н. получилъ царскую грамоту, чтобы отпускать жившаго въ Ярославлѣ Сибирскаго царя Алея Кучумова въ его помѣстную деревню Ярославскаго уѣзда. Царь Алей «испроѣлся», живя въ городѣ, но не смѣлъ ѣхать въ деревню безъ царскаго указа. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ дозволилъ Наумову отпускать его съ приставомъ недѣли на двѣ, а иногда и на мѣсяцъ, но не особенно часто, «для пашеннаго времени и для всякихъ его нуждъ и запасу для». Въ 1630 г. Наумовъ вмѣстѣ съ кн. Андр. Андр. Хованскимъ дѣлалъ въ Вязьмѣ городъ и каменныя башни, а въ 1631 г.—земляной городъ.

Акты ист., т. II; Доп. къ акт. ист., т. II, 88. — Разр. кн., I—II; Дв. разр., I—II; Новый Лѣтописецъ. М. 1853 г., с. 150. — Сборникъ кн. Хилкова. Спб. 1879 г., с. 50, 67, 74; — А. П. Барсуковъ. Списки городовыхъ воеводъ XVII ст. Спб. 1902 г.

В. Корсакова.

Наумовъ, *Михаилъ Ѳедоровичъ*—генералъ-маіоръ, комендантъ Смоленска; родился въ 1757 году, ум. 17-го апр. 1823 г. М. Ѳ. Наумовъ началъ службу рядовымъ въ Козловскомъ пѣхотномъ полку въ 1772 году; въ 1780 г. былъ произведенъ въ аудиторы, а въ 1786 г.—въ поручики съ переводомъ въ Херсонскій пѣхотный полкъ, назначенный въ походъ противъ турокъ. Въ составѣ этого полка Наумовъ, въ 1788 г, участвовалъ въ осадѣ и штурмѣ Очакова и за отличія былъ произведенъ въ капитаны и получилъ золотой крестъ на георгіевской лентѣ. Переведенный затѣмъ во вновь сформированный Новоингерманландскій полкъ, Наумовъ прослужилъ въ немъ до конца 1809 года, при чемъ въ 1799 году былъ произведенъ въ маіоры, въ 1804 году въ подполковники и въ 1807 году въ полковники. Поступивъ въ 1805 году съ Новоингерманландскимъ полкомъ въ составъ арміи, дѣйствовавшей противъ французовъ, Наумовъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и за отличія, выказанныя въ Аустерлицкой битвѣ, во время которой былъ контуженъ, получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ слѣдующемъ году полкъ его вошелъ въ составъ Днѣстровской арміи, назначенной для дѣйствій противъ турокъ. Въ первый періодъ этой войны, Наумовъ участвовалъ въ нѣсколькихъ небольшихъ дѣлахъ съ турецкими отрядами, выходившими изъ Браилова, и за оказанныя въ нихъ отличія, былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Тяжело раненый при крѣпости Журжѣ, Наумовъ былъ переведенъ въ Вятскій гарнизонный батальонъ, но, оправившись отъ раны, въ февралѣ 1810 года снова перевелся въ Новоингерманландскій полкъ и принималъ участіе въ дѣлѣ съ турками близъ крѣпости Праово, а затѣмъ въ занятіи Праова и Неготика, послѣ чего возратился въ Россію. Въ январѣ 1811 года Наумову поручено было сформировать Воронежскій пѣхотный полкъ, долженствовавшій усилить нашу армію, ввиду предстоявшей войны съ Наполеономъ, причемъ Наумовъ былъ назначенъ и шефомъ этого полка. Быстро сформировавъ полкъ, Наумовъ въ началѣ Отечественной войны находился съ нимъ въ Петербургѣ, а по открытіи военныхъ дѣйствій ему поручено было обучить стрѣльбѣ, ружейнымъ пріемамъ и строевой службѣ Петербургское ополченіе. Употребивъ на это всего пять дней, Наумовъ съ Воронежскимъ полкомъ, находясь въ отрядѣ Петербургскаго ополченія, ввѣреннаго сенатору Бибикову, вышелъ 3-го сентября на соединеніе съ графомъ Витгенштейномъ, послѣ чего участвовалъ во взятіи Полоцка, въ дѣлѣ подъ Чашниками, при мѣстечкѣ Смолянахъ и за отличія былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Выдающимся дѣломъ Наумова въ Отечественную войну были его дѣйствія при переправѣ французовъ черезъ р. Березину. Слѣдуя отъ Смоленска, онъ узналъ, что бывшій впереди его подъ начальствомъ Властова авангардъ долженъ былъ выдерживать на себѣ напоръ цѣлаго корпуса, прикрывавшаго переправу Наполеона. По распоряженію Дибича, Наумовъ съ Воронежскимъ и Низовскимъ пѣхотными полками пошелъ на поддержку къ Властову, и явился въ то время, когда центръ послѣдняго былъ уже въ опасности. Онъ атаковалъ французовъ, напиравшихъ на центръ Властова и грозившихъ прорвать его. Опрокинувъ непріятеля, Наумовъ прогналъ его за протекавшій въ тылу у французовъ ручей, затѣмъ перешелъ этотъ ручей и овладѣлъ одной французской батареей, а когда она была взята обратно французами, Н. по-

строилъ колонну изъ Воронежскаго полка и 15-й дружины С.-Петербургскаго ополченія и бѣгомъ повелъ ее противъ французской кавалеріи. Французы устремились на Наумова, послѣдній, остановивъ колонну, подпустилъ французовъ на три сажени и, открывъ батальный огонь, ударилъ въ штыки. Французы не выдержали, обратили тылъ, и этимъ былъ спасенъ авангардъ графа Витгенштейна отъ разгрома корпусомъ маршала Виктора. Наумовъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры Участвуя затѣмъ въ преслѣдованіи французовъ до самой границы, Наумовъ кампанію 1813 года провелъ подъ Данцигомъ въ составѣ корпуса, назначеннаго для осады этого города и, за участіе во многихъ дѣлахъ, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Послѣ взятія Данцига, Наумовъ оставался въ немъ до заключенія Парижскаго мира и осенью 1814 года возвратился въ Россію. Здѣсь онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 25-й пѣхотной дивизіи въ корпусѣ принца Евгенія Виртембергскаго; въ слѣдующемъ году ходилъ съ своей бригадой во Францію, но участвовать въ дѣлахъ ему не пришлось. Назначенный 10-го марта 1819 года начальникомъ 8-й пѣхотной дивизіи, Наумовъ командовалъ ею до 25-го іюля 1820 года, когда былъ назначенъ состоять по арміи. Съ 5-го мая 1822 года до самой своей смерти, Наумовъ былъ комендантомъ г. Смоленска.

А. И. Михайловскій-Данилевскій, „Императоръ Александръ I, его сподвижники въ 1812, 1813, 1814, 1815 годахъ“; „Военная галлерея Зимняго Дворца“. Т. III, Спб. 1846 г.

Нахимовъ, *Акимъ Николаевичъ*, — поэтъ-сатирикъ; род. въ 1782 г., ум. въ 1814 г. Н. происходилъ изъ дворянъ Харьковской губ. и былъ сынъ небогатаго помѣщика Богодуховскаго уѣзда; учился онъ сначала въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, по выходѣ откуда поступилъ на военную службу, затѣмъ вскорѣ перешелъ въ Петербургъ на статскую. Когда въ Харьковѣ былъ открытъ университетъ, Н., которому въ то время шелъ уже 24-й годъ, вернулся на родину, чтобы поступить въ студенты; въ 1808 г. онъ окончилъ курсъ по словесному факультету съ степенью кандидата, полученіе которой запечатлѣлъ въ особомъ стихотвореніи: «На полученіе кандидатскаго достоинства», и уже въ этомъ стихотвореніи обнаружилъ наклонность къ сатирѣ. Выйдя изъ университета, онъ поселился въ своей въ деревнѣ и предался сочинительству. Изданіе въ августѣ 1809 г. указа, требовавшаго университетскаго диплома для полученія ассесорскаго чина; дало поводъ Нахимову, всю свою жизнь вооружавшемуся противъ «приказныхъ», написать сатирическую элегію, въ которой онъ остро посмѣялся надъ горестнымъ чувствомъ «канцеляристовъ, повытчиковъ, секретарей», которымъ въ силу указа, затруднялось полученіе чиновъ. Вслѣдствіе этого же указа въ Харьковскомъ университетѣ были открыты курсы для чиновниковъ, желавшихъ подготовиться къ экзамену на чинъ, и Н. былъ приглашенъ на эти курсы преподавателемъ грамматики, риторики, піитики и эстетики. Своихъ недоброжелательныхъ чувствъ къ «приказнымъ» сатирикъ не могъ скрыть, даже привявъ на себя роль учителя чиновниковъ: Н. относился къ нимъ сатирически даже на урокахъ, заставляя своихъ учениковъ склонять имена—сучокъ и крючокъ, спрягать глаголы—брать и драть, писать на доскѣ сочиненную имъ «похвалу гусиному перу» и т. п.

Впрочемъ, говорятъ, что слушатели Н—ва относились довольно равнодушно къ его выходкамъ, находя, что уроки его были полезны и удобны для легкаго пониманія. Въ 1811 г. Н. отказался отъ преподаванія, и почти безвыѣздно зажилъ въ своей деревнѣ, въ 100 верстахъ отъ Харькова отдавшись всецѣло литературнымъ занятіямъ. Тяжелыя семейныя потери, быстро слѣдовавшія одна за другой, какъ говорятъ, сильно повліяли на его здоровье и рано свели его въ могилу. Онъ умеръ 18-го іюля 1814 г., на 33 году жизни.

При жизни своей Н. напечаталъ немного произведеній въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. Его эпиграммы, басни, сатиры ходили въ рукописяхъ и быстро распространялись среди харьковцевъ. Въ литературной критикѣ того времени Нахимову удѣлялось мало вниманія даже и тогда, когда сочиненія его выдержали нѣсколько изданій и получили распространеніе не только на родинѣ поэта, но и за предѣлами ея. Такое отношеніе тогдашней критики къ сатирику объясняется какъ мелочностью сюжетовъ,

такъ отчасти и грубостью и рѣзкостью стиля Нахимова. Главный предметъ его сатиры—это подъячіе и мелкіе «крючкотворцы», на которыхъ онъ нападалъ какъ писатель и посмѣяться надъ которыми не упускалъ случая и какъ учитель «приказныхъ». Н. смотрѣлъ на ябеду, какъ на «исчадіе ада»; онъ видѣлъ примѣры ея губительнаго дѣйствія, а потому былъ безпощаденъ къ «крапивному сѣмени». Не менѣе ненавистными Нахимову были французскіе гувернеры, русскіе галломаны и т. п.

Современникамъ сатира Н. нравилась, о чемъ можно судить по значительному распространенію его сочиненій въ рукописяхъ при жизни и въ нѣсколькихъ изданіяхъ по смерти поэта. Его басни «Моська и собака на привязи», «Живописецъ», «Звѣринецъ», «Желѣзо и кузнецъ» причислялись къ лучшимъ произведеніямъ отечественныхъ баснописцевъ. Грубость пріемовъ и рѣзкость тона сатирика объясняется средой, въ которой онъ жилъ и писалъ. Среда эта, темная, мелочная, тормозила развитіе русской жизни, составляла ея отрицательное явленіе; какъ искренній и рѣзкій обличитель этой среды онъ заслуживаетъ вниманіе историка литературы, какъ бы ни была подчасъ груба сатира и какъ бы ни были низменны темы автора «Пѣсни лужѣ».

Сочиненія А. Н. Н—ва въ первый разъ были напечатаны въ 1815 г. послѣ смерти поэта В. Масловичемъ («Сочиненія А. Нахимова въ стихахъ и прозѣ, напечатанныя по смерти его»). Въ 1816 году это изданіе было дополнено и выпущено вновь. Затѣмъ собранія сочиненій Н., дополняясь постепенно новыми его баснями и стихотвореніями, были изданы въ 1822, 1841, 1842 г г. въ Москвѣ и въ 1849 г. и 1852 г. въ Петербургѣ Смирдинымъ (въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ»). Въ 1880 г. Г. С. Чириковъ въ «Рус. Старинѣ» напечаталъ еще нѣсколько неизданныхъ произведеній Н—ва, а именно: цолностью «Письмо пріятеля моего, странствующаго въ чудесномъ птичьемъ мірѣ», неоконченную комедію въ 3 д.: «Влюбленные педанты или неудачная женидьба филозофа», басни: «Жалкій левъ», «Моль и кафтанъ», «Крыса и секретарша» и нѣк. друг., а также надписи, эпиграммы, мелкія стихотворенія, нѣсколько замѣтокъ Н. въ прозѣ.

«Рус. Стар.» 1880, кн. 11 и 12 (статья Г. С. Чирикова, въ которой, кромѣ біографіи Нахимова, напечатаны впервые нѣкоторыя произведенія сатирика); А. Д. Галаховъ, «Исторія русской словесности», т. II; Д. И. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», т. I; А. В. Мезіеръ, «Рус. словесность», ч. II; Словарь Брокгауза и Ефрона и др. *И. С—къ.*

Нахимовъ, *Павелъ Степановичъ*, адмиралъ, род. въ с. Городкѣ, Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, 23-го іюня 1800 года, скончался 30-го іюня 1855 г. Отецъ его, Степанъ Михайловичъ — секундъ-маіоръ, впослѣдствіи уѣздный предводитель дворянства, имѣлъ 11 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ въ дѣтствѣ скончалось шестеро. Всѣ оставшіеся въ живыхъ: Николай, Платонъ, Иванъ, Павелъ и Сергѣй воспитывались въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и служили во флотѣ.

Павелъ Степановичъ былъ опредѣленъ въ корпусъ 3-го мая 1815 г. гардемариномъ. Во время своего пребыванія въ корпусѣ, онъ совершалъ практическія плаванія по Балтійскому морю на бригахъ «Симеонъ и Анна» и «Фениксъ». На «Фениксѣ», подъ командою одного изъ лучшихъ морскихъ офицеровъ того времени Дохтурова, Нахимовъ, въ числѣ немногихъ лучшихъ учениковъ, назначенныхъ на бригъ по волѣ Государя, посѣтилъ между прочимъ берега Даніи и Швеціи. Н. окончилъ курсъ корпуса въ 1818 году шестымъ по выпуску и тогда же, 9-го февраля, былъ произведенъ въ мичманы и зачисленъ на службу во 2-й флотскій экипажъ.

Конецъ 1818 и весь 1819 годъ Н. служилъ со своимъ экипажемъ въ Петербургѣ, въ 1820 году плавалъ по Балтикѣ на тендерѣ «Янусъ», а въ 1821 году былъ отправленъ сухимъ путемъ въ Архангельскъ, въ команду строившагося тамъ корабля. Изъ Архангельска онъ вскорѣ былъ вызванъ обратно въ Петербургъ и назначенъ на фрегатъ «Крейсеръ», предназначавшійся вмѣстѣ съ 20-ти пушечнымъ шлюпомъ «Ладогой» въ кругосвѣтное плаваніе. Начальникомъ экспедиціи и командиромъ «Крейсера» былъ капитанъ 2 ранга Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, знаменитый впослѣдствіи адмиралъ, подъ руководствомъ котораго выработалось столько славныхъ русскихъ моряковъ. «Крейсеръ» предназначался для охраненія россійско-американскихъ колоній, а «Ладога»—для доставленія грузовъ въ Камчатку и въ названныя колоніи.

Современники единогласно утверждаютъ, что подобное назначеніе человѣку безъ протекціи, въ то время, когда кругосвѣтныя плаванія были чрезвычайно рѣдки, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что молодой мичманъ обратилъ на себя особое вниманіе. Передается и общій голосъ его сослуживцевъ, что Нахимовъ, съ первыхъ дней плаванія, служилъ 24 часа въ сутки, никогда не вызывая упрековъ за желаніе выслужиться со стороны товарищей, быстро увѣровавшихъ въ его призваніе и преданность самому дѣлу. 17-го августа 1822 года «Крейсеръ» вышелъ изъ Кронштадта и, посѣтивъ порты Копенгагена и Портсмута, бросилъ 10 декабря якорь на рейдѣ Санта-Круца. Перегрузившись въ Ріо-Жанейро и не надѣясь по позднему времени года, обогнуть мысъ Горнъ, Лазаревъ счелъ за лучшее идти въ Великій океанъ вокругъ мыса Доброй Надежды и Австраліи. 18-го апрѣля 1823 года вошли на Гобартъ-Таунскій рейдъ, гдѣ экипажамъ данъ былъ отдыхъ на берегу и гдѣ изготовились къ дальнѣйшему плаванію къ о-ву Отаити и далѣе къ Ново-Архангельску. Въ послѣднемъ пунктѣ «Крейсеръ» смѣнилъ нашъ станціонеръ, шлюпъ «Аполлонъ», и поступилъ въ распоряженіи главнаго правителя колоній. Совершивъ зимою 1823 года плаваніе въ Санъ-Франциско для возобновленія припасовъ и оставаясь затѣмъ у колоній до половины октября 1824 года, «Крейсеръ» былъ смѣненъ прибывшимъ изъ Россіи шлюпомъ «Предпріятіе», обогнулъ мысъ Горнъ, нѣсколько задержался въ Бразиліи и прибылъ въ Кронштадтъ 5-го августа 1825 года.

Трехлѣтнее кругосвѣтное плаваніе подъ начальствомъ Лазарева, доставившее Нахимову въ 1823 году чинъ лейтенанта, а по окончаніи экспедиціи орденъ Св. Владимира 4 ст., выработало изъ него прекраснаго моряка, сблизило его съ Лазаревымъ, оцѣнившимъ дарованія подчиненнаго и съ любовью наставлявшимъ его для дальнѣйшей службы во флотѣ. Сближеніе это было столь тѣснымъ, что всю послѣдующую свою службу Н. находился постоянно подъ начальствомъ Лазарева, до самой кончины адмирала, т. е. до 1851 года.

По окончаніи кругосвѣтной экспедиціи Н., въ томъ же 1825 году, получилъ назначеніе въ Архангельскъ, откуда въ слѣдующемъ году пошелъ въ Кронштадтъ на 74 пушечномъ кораблѣ «Азовъ» подъ командою стараго своего начальника.

Когда, по иниціативѣ Императора Николая, за грековъ, утѣсняемыхъ турками, вступились европейскія государства и Лондонскимъ договоромъ 24-го іюня 1827 г. Россія, Англія и Франція обязались дѣйствовать совокупно. Турціи же была послана коллективная нота съ требованіемъ заключить въ теченіе мѣсяца перемиріе и съ угрозою, въ противномъ случаѣ, силою заставить враждующихъ прекратить борьбу,— были направлены къ берегамъ Греціи три союзныя эскадры.

Русская эскадра, подъ флагомъ контръ-адмирала Гейдена, соединилась въ Средиземномъ морѣ съ эскадрами французской и англійской. Нахимовъ по прежнему былъ на «Азовѣ» подъ командою Лазарева. Соединенный союзный флотъ, 8-го октября, подошелъ ко входу въ Наваринскую бухту двумя колоннами: одна состояла изъ кораблей англійскихъ и французскихъ, другая изъ русскихъ. Во главѣ русской колонны шелъ «Азовъ» подъ адмиральскимъ флагомъ. Встрѣченный перекрестнымъ огнемъ береговыхъ батарей, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ входа въ бухту, и батарей острова Сфактеріи, прикрывавшаго тотъ-же входъ, «Азовъ» не отвѣчалъ врагу ни однимъ выстрѣломъ и продолжалъ въ грозномъ молчаніи свой путь до опредѣленнаго заранѣе мѣста. Остальные русскіе корабли слѣдовали этому примѣру: въ совершенномъ молчаніи шли они другъ за другомъ до назначенныхъ точекъ позиціи и, только занявъ ихъ, приняли участіе въ достопамятномъ боѣ. Союзники, располагавшіе 26-ю судами съ 1298 орудіями, сражались противъ 65 непріятельскихъ судовъ, вооруженныхъ 2106 пушками, и многочисленныхъ береговыхъ батарей. Не смотря на это неравенство силъ, они въ четыре часа истребили до 60 разныхъ величинъ судовъ турецкихъ и египетскихъ. «Азовъ», управляемый съ примѣрнымъ хладнокровіемъ, искусствомъ и мужествомъ Лазарева, сражался одновременно противъ пяти вражескихъ судовъ, помогая вмѣстѣ съ тѣмъ англійскому адмиралу противъ 80-ти пушечнаго турецкаго корабля подъ флагомъ Мухаремъ-бея. «Азовъ» получилъ 146 надводныхъ и 7 подводныхъ пробоинъ въ корпусъ судна и вообще былъ сильно по-

врежденъ; но онъ потопилъ два большіе фрегата и корветъ и сжегъ 80-ти пушечный корабль и двухдечный фрегатъ, на которомъ находился главнокомандующій турецкимъ флотомъ Тагиръ-паша. Погромъ вражескаго флота былъ полный. Щедрыя награды Царя были розданы нашимъ храбрымъ морякамъ. Нахимовъ, особо отличившійся въ бою, былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, и награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 ст. и греческимъ орденомъ Спасителя.

Весь 1828 годъ Н. провелъ въ плаваніи сначала въ Средиземномъ морѣ, а потомъ въ Архипелагѣ, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ командиромъ 16-ти пушечнаго корвета «Наваринъ», отнятаго у египтянъ близъ Модона и вооруженнаго новымъ его командиромъ въ Мальтѣ со всевозможною морскою роскошью и щегольствомъ. На корветѣ этомъ, въ маѣ 1830 г., Нахимовъ возвратился въ составѣ эскадры Лазарева въ Кронштадтъ и на немъ же крейсировалъ по Балтійскому морю въ кампанію 1831 г.

Въ 1832 г. Н. состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго съ цѣлью предохраненія Кронштадта отъ появившейся тогда холерной эпидеміи, и вскорѣ получилъ въ командованіе фрегатъ «Палладу», заложенный на охтенской верфи. Неутомимо слѣдилъ онъ за постройкою этого образцоваго судна и ввелъ на немъ нѣкоторыя, впервые примѣненныя усовершенствованія. На новомъ фрегатѣ Н. уже крейсировалъ по Балтикѣ въ 1833 г., въ эскадрѣ адмирала Беллингсгаузена. Во время плаванія онъ самолично провѣрялъ правильность хода судна, шедшаго въ строѣ эскадры, первый обнаружилъ въ одну изъ ночей неправильность курса и поднялъ сигналъ: «эскадра идетъ въ опасности»! Суда быстро измѣнили курсъ, а старый, посѣдѣвшій на морѣ адмиралъ потребовалъ объясненій. Загремѣвшіе вдали пушечные выстрѣлы явились отвѣтомъ на запросъ: передовой корабль «Арсисъ», не разсмотрѣвшій сигнала Нахимова, наскочилъ на камни и едва не затонулъ. Наградою Нахимову были милостивыя слова Государя: «Я тебѣ обязанъ сохраненіемъ эскадры. Благодарю тебя. Я никогда этого не забуду».

Въ январѣ 1834 г. Н. былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, поступившій тогда въ управленіе вице-адмирала М. П. Лазарева, и назначенъ командиромъ 41-го флотскаго экипажа. 30 августа того же года онъ былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга, а въ 1836 г. получилъ подъ команду строившійся корабль «Силистрію». На «Силистріи» же, совершая обычныя практическія плаванія, получилъ 6-го декабря 1837 г. чинъ капитана 1 ранга.

Непрерывное многолѣтнее плаваніе, различныя лишенія, связанныя съ крейсерствомъ въ далекихъ моряхъ и при переходахъ черезъ океаны, участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ и неусыпные труды подорвали здоровье Н. Презирая всякія удобства жизни, мало обращая вниманія на совѣты докторовъ, онъ пренебрегалъ зачатками болѣзней, вскорѣ принявшихъ характеръ угрожающій. Радикальное лѣченіе сдѣлалось для него прямою необходимостью, и онъ долженъ былъ разстаться на время съ родною стихіею. По ходатайству начальника главнаго морского штаба, кн. Меншикова, Нахимовъ былъ уволенъ въ октябрѣ 1838 г., съ сокращеніемъ содержанія, за границу, гдѣ и пробылъ 11 мѣсяцевъ.

Оправившись отъ недуговъ, Нахимовъ вновь вступилъ въ командованіе «Силистріей», участвовалъ на ней въ 1840 году въ перевозкѣ сухопутныхъ войскъ къ черноморскимъ берегамъ Кавказа для занятія устьевъ рѣчекъ Туапсе и Псезуапе и содѣйствовалъ на обратномъ пути истребленію 2-го сентября контрабаднаго судна между Анапою и Новороссійскомъ, за что получилъ Монаршее благоволеніе. Годы 1841—1845 онъ провелъ въ обычномъ крейсерствѣ по Черному морю и въ Севастополѣ, оказавъ между прочимъ 30-го августа 1844 г. помощь укрѣпленію Головинскому, осажденному горцами, и вновь удостоился за это Высочайшаго благоволенія. 13-го сентября 1845 г. Н. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи. Затѣмъ, до 1852 г. включительно онъ плавалъ по Черному морю на «Кагулѣ», «Силистріи», «Ягудіилѣ» и «Коварнѣ». 30-го марта 1852 г., назначенный командующимъ 5-ю флотскою дивизіею, онъ поднялъ свой флагъ на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», а 2-го октября того же года былъ произведенъ въ вице-адмиралы съ утвержденіемъ въ должности. Къ этому времени вполнѣ установилась военно-морская репутація Н-ва. Умомъ и волею онъ былъ безза-

вѣтно преданъ морскому дѣлу. Убѣжденный холостякъ, человѣкъ спартанскихъ привычекъ, ненавидѣвшій роскошь, онъ не имѣлъ никакихъ личныхъ интересовъ, былъ чуждъ всякаго эгоизма и честолюбія. Простодушный и всегда скромный, Н. избѣгалъ показной стороны и на службѣ, и въ общественной жизни. Но всѣ, знавшіе адмирала, не могли не понимать, какое величіе души, какой сильный характеръ таилъ онъ въ себѣ подъ своимъ скромнымъ и простодушнымъ видомъ.

На берегу Нахимовъ былъ старшимъ товарищемъ своихъ подчиненныхъ, былъ «батькомъ» матросовъ, ихъ женъ и дѣтей. Помогалъ словомъ и дѣломъ, а нерѣдко и своими средствами офицерамъ; вникалъ во всякія нужды низшей морской братіи. Въ Севастополѣ, на Графской пристани, почти ежедневно можно было видѣть адмирала, являвшагося въ сопровожденіи адъютанта своего къ ожидавшей его толпѣ просителей—отставныхъ матросовъ, убогихъ стариковъ, женщинъ, дѣтей. Не за одной помощью матеріальной обращались эти люди къ «матросскому батьку», просили подчасъ и только однихъ совѣтовъ по всякимъ дѣламъ своимъ, просили третейскаго суда по ссорамъ и семейнымъ неурядицамъ.

На морѣ, на кораблѣ, Нахимовъ былъ, однако, требовательнымъ начальникомъ. Строгость его и взыскательность за малѣйшее упущеніе или вялость на службѣ не знала предѣловъ. Самые близкіе его береговые пріятели и собесѣдники не имѣли ни минуты нравственнаго и физическаго покоя на морѣ: требованія Н. возрастали въ степени его привязанности. Его постоянство и настойчивость въ этомъ отношеніи были истинно поразительны. Но въ минуты отдыха отъ служебныхъ занятій, за обѣденнымъ столомъ въ адмиральской каютѣ, Нахимовъ снова дѣлался добродушнымъ собесѣдникомъ. Служебныя непріятности скоро забывались, и недовольство начальникомъ никогда не было продолжительно. Впрочемъ, выговоры и замѣчанія Павла Степановича не были тягостными: они всегда носили отпечатокъ добродушія.

Требовательный къ подчиненнымъ, Нахимовъ еще болѣе былъ требователенъ къ себѣ, былъ первымъ работникомъ на эскадрѣ, служилъ примѣромъ неутомимости и преданности долгу службы. Плавая на «Силистріи» въ составѣ эскадры, Нахимовъ потерпѣлъ однажды аварію. Во время эволюцій флота, шедшій контръгалсомъ и очень близко къ «Силистріи» корабль «Адріанополь» произвелъ столь неудачный маневръ, что столкновеніе оказалось неизбѣжнымъ. Быстро оцѣнившій обстановку, Нахимовъ спокойно отдалъ команду къ удаленію людей отъ наиболѣе опаснаго мѣста, а самъ остался именно на этомъ мѣстѣ, на ютѣ, въ который ударилъ вскорѣ «Адріанополь», сорвавшій съ «Силистріи» значительную часть рангоута и огромный катеръ. Осыпанный обломками, но не измѣнившій позы, Нахимовъ только по счастливой случайности остался невредимымъ, а на упреки офицеровъ въ неосторожности наставительно отвѣтилъ, что подобные случаи представляются рѣдко и что командиры должны ими пользоваться, дабы судовая команда видѣла присутствіе духа въ своемъ начальникѣ и проникалась къ нему уваженіемъ, столь необходимымъ на случай боевыхъ дѣйствій. Близко изучившій технику кораблестроенія, вложившій въ нее много личнаго творчества, Н. и какъ кораблевожатый не имѣлъ соперниковъ. Его дѣтища: корветъ «Наваринъ», фрегатъ «Паллада» и корабль «Силистрія»— были постоянно тѣми образцами, на которые всѣ указывали и которымъ всѣ стремились подражать. Всякій морякъ, встрѣчаясь въ морѣ съ «Силистріей» или входя на рейдъ, гдѣ она красовалась, принималъ всѣ мѣры, чтобы показаться въ возможно лучшемъ, безукоризненномъ видѣ зоркому командиру «Силистріи», отъ котораго не могъ скрыться ни одинъ шагъ, ни одинъ малѣйшій недостатокъ, такъ же какъ и лихое управленіе судномъ. Его одобреніе почиталось за награду, которую каждый черноморскій морякъ старался заслужить. Все это привело къ тому, что Нахимовъ пріобрѣлъ репутацію моряка, всѣ мысли и дѣйствія котораго были направлены постоянно и исключительно на общую пользу, на неутомимое служеніе родинѣ.

Когда, съ началомъ Крымской войны, въ Севастополѣ было получено 13-го сентября 1853 г. приказаніе изъ Петербурга немедленно перевезти въ Анакрію 13-ю пѣхотную дивизію съ двумя легкими батареями, всего 16.393 человѣка и 824 лошади, при соотвѣтственномъ количествѣ

войсковыхъ грузовъ,—тяжелое порученіе это было возложено на вице-адмирала Нахимова и выполнено имъ блестяще. Флотъ подъ его командою, въ составѣ 12 кораблей, 2 фрегатовъ, 7 пароходовъ и 11 транспортовъ, изготовился къ плаванію и принялъ десантъ въ четыре дня, а еще черезъ семь дней, т. е. 24 сентября, войска были высажены на кавказскій берегъ. Дебаркація началась въ 7 ч. утра и окончилась въ 5 ч. пополудни. Достаточно припомнить, что въ 1801 году перевозъ такой же силы десанта съ Мальты въ Египетъ потребовалъ болѣе 200 военныхъ и купеческихъ судовъ. Распорядитель операціи, Нахимовъ, «за отлично усердную службу, познанія, опытность и неутомимую дѣятельность», былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й ст.

Съ кавказскаго берега нашъ флотъ немедленно вернулся въ Севастополь, а 11 октября, еще не зная объ объявленіи войны, Нахимовъ вышелъ въ море, съ эскадрою, въ составъ которой входили: корабли «Императрица Марія», «Чесма», «Ростиславъ», «Святославъ» и «Храбрый», фрегатъ «Коварна» и пароходъ «Бессарабія». Эскадра предназначалась для крейсированія въ виду анатолійскаго берега, на путяхъ сообщенія Константинополя съ восточнымъ берегомъ Чернаго моря, и для обезпеченія тѣмъ нашихъ владѣній на этомъ берегу отъ внезапнаго нападенія. Нахимову была дана инструкція—«отражать, но не атаковать».

1-го ноября къ Нахимову прибылъ на пароходѣ «Владиміръ» начальникъ штаба Черноморскаго флота Корниловъ и привезъ манифестъ о войнѣ. Тотчасъ же по эскадрѣ былъ отданъ приказъ: «Война объявлена; отслужить молебствіе и поздравить команду!» Составленъ беззамедлительно и другой приказъ, обширный и ясно выражавшій требованія адмирала, изъ котораго приведемъ слѣдующую замѣчательно опредѣленную и вмѣстѣ съ тѣмъ скромную фразу: «Увѣдомляю гг. командировъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превышающимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло».

Прошло еще нѣсколько дней. Погода все ухудшалась; 8-го ноября разразилась буря, какой и черноморцы еще не испытывали. Корабли «Святославъ» и «Храбрый», фрегатъ «Коварна» и пароходъ «Бессарабія» потерпѣли столь сильныя аваріи, что ихъ пришлось отправить для починки въ Севастополь. Нахимовъ остался съ тремя кораблями; но, рѣшившись исполнить свой долгъ во чтобы то ни стало, крейсерства не прекратилъ.

Тѣмъ временемъ турецкій адмиралъ Османъ-паша также появился въ Черномъ морѣ съ эскадрой, состоявшей изъ семи фрегатовъ, 3-хъ корветовъ, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ, всего изъ четырнадцати военныхъ судовъ. Буря заставила турецкаго адмирала искать убѣжища. Онъ укрылся на рейдѣ Синопа. У входа на рейдъ не замедлилъ появиться и Нахимовъ съ тремя кораблями,—составлявшими всю силу, какая была въ то время въ его распоряженіи. Думая, что русскій адмиралъ заманиваетъ турецкій флотъ въ открытое море, Османъ паша не рѣшался выйти изъ гавани. 16-го ноября къ отряду Нахимова присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосильскаго. Она состояла изъ кораблей «Парижа», «Великаго Князя Константина» и «Трехъ Святителей» и изъ фрегатовъ «Кагулъ» и «Кулевчи». Нашъ флотъ располагалъ артилеріей въ 712 орудій, вражескій—въ 476. Но турки находились подъ защитою шести береговыхъ батарей, на которыхъ стояло 26 орудій крупныхъ калибровъ, въ томъ числѣ 68 фунтовыхъ пушекъ, т. е. образцовъ значительно болѣе сильныхъ, нежели тогдашніе образцы судовой артиллеріи. 17-го ноября Нахимовъ собралъ къ себѣ всѣхъ командировъ, и тогда же была составлена подробная диспозиція для боя и отданъ приказъ по эскадрѣ. Здѣсь все было предвидѣно, все предусмотрѣно и на дѣлѣ все начало исполняться какъ на маневрахъ. Поучителенъ вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ приказа: «Въ заключеніе я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ».

Утромъ 18-го ноября шелъ дождь и дулъ шквалистый OSO вѣтеръ, самый неблагопріятный для завладѣнія непріятельскими судами, либо, разбитыя, они могли легко выброситься на берегъ. Въ 9 ч. утра

наша эскадра спустила гребныя суда, какъ обыкновенно поступалъ деревянный флотъ передъ боемъ, а въ 9½ ч. былъ поднятъ сигналъ приготовиться къ атакѣ. Въ полдень корабли направились на Синопскій рейдъ. Не смотря на дождь и туманъ, непріятель скоро замѣтилъ атаку. Всѣ суда его и береговыя батареи открыли огонь въ 12½ ч. «Императрица Марія» подъ флагомъ Нахимова была засыпана ядрами и книпелями, большая часть ея рангоута перебита, у гротъ-мачты осталась только одна нетронутая ванта. Но корабль, имѣя вѣтеръ съ кормы, безстрашно шелъ впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ по непріятельскимъ судамъ, мимо которыхъ проходилъ, и отдалъ якорь противъ турецкаго адмиральскаго фрегата «Ауни-Аллахъ». Не выдержавъ и получасового огня, турецкое флагманское судно снялось съ якоря и выбросилось на берегъ. «Императрица Марія» обратила тогда свой огонь исключительно на 44-хъ пушечный фрегатъ «Фазли-Аллахъ»—русскій «Рафаилъ», взятый у насъ турками въ 1828 году—и заставила его послѣдовать примѣру перваго судна. Не отставали отъ своего начальника и прочіе командиры нашихъ судовъ, проявляя одновременно и лихость, и умѣлость. Въ особенности блестящи были дѣйствія корабля «Парижъ», подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго. Любуясь прекрасными и хладнокровными его маневрами, Нахимовъ, въ самую жаркую минуту боя, приказалъ было изъявить «Парижу» свою благодарность, но поднять сигнала было не на чемъ; всѣ фалы «Императрицы Маріи» были перебиты. Наша полная побѣда обозначилась скоро; почти всѣ суда турокъ выбросились на берегъ и тамъ горѣли; прорвался лишь одинъ 20-ти пушечный пароходъ «Таифъ», принесшій впослѣдствіи печальную вѣсть въ Константинополь.

Въ 1 ч. 30 м. дня у Синопскаго рейда показался фрегатъ «Одесса» подъ флагомъ генералъ-адъютанта Корнилова, а съ нимъ пароходы «Крымъ» и «Херсонесъ». Бой продолжался, но главнымъ образомъ съ береговыми батареями. Турецкія военныя суда, выбросившіяся на берегъ, были въ самомъ бѣдственномъ положеніи; транспортныя и купеческія суда затонули отъ ядеръ. Вскорѣ вражескіе фрегаты начали взрываться, огонь передался на городскія постройки, возникъ сильный пожаръ. Въ пятомъ часу вечера все было кончено: весь турецкій флотъ, кромѣ парохода «Таифа», уничтоженъ; разрушенныя батареи безмолствовали. До трехъ тысячъ турокъ было убито; оставшіеся въ живыхъ сдались въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ адмираломъ, раненымъ въ ногу. Наши потери ограничились 1 офицеромъ и 33 нижними чинами убитыми и 230-ю ранеными.

Ночью пароходы отвели наши корабли отъ берега, во избѣжаніе возможности наноса на нихъ горѣвшихъ остатковъ судовъ вражескаго флота. Тогда же было приступлено къ починкѣ главнѣйшихъ поврежденій, оказавшихся весьма значительными. На одномъ кораблѣ «Императрица Марія» было 60 пробоинъ, по счастью надводныхъ. И всѣ эти поврежденія, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Нахимова, были исправлены въ 36 часовъ на столько, что эскадра оказалась въ силахъ предпринять обратное плаваніе въ глубокую осень черезъ все Черное море. 20-го числа Нахимовъ направился въ путь, а къ ночи 22-го ноября побѣдители входили на рейдъ Севастополя.

Грамотою 28-го ноября Государь Императоръ, «исполняя съ истинною радостью постановленіе статута», пожаловалъ Нахимову орденъ Св. Георгія 2-й ст.

Весьма характернымъ является то обстоятельство, что въ подробной своей реляціи о синопскомъ боѣ Нахимовъ совершенно забылъ о себѣ.

23-го декабря англо-французскій флотъ, общею силою въ 89 боевыхъ кораблей, въ ихъ числѣ 54 парохода, вошелъ въ Черное море, обратилъ Варну въ свою морскую базу, и сталъ снаряжать тамъ огромный десантъ, съ явною угрозою Крыму выслать въ открытое море сильные отряды, которые и не замедлили прекратить движеніе торговыхъ судовъ вдоль нашихъ береговъ. Русскій парусный черноморскій флотъ, значительно уступавшій вражескому и по численности, и въ особенности по качеству, былъ обреченъ на пассивную дѣятельность. 9-го февраля 1854 г. вышелъ манифестъ о разрывѣ съ Англіей и Франціей, 9-го апрѣля союзники бомбардировали Одессу, а 2-го сентября въ Евпаторіи высадилась союзная армія: 28.000 французовъ, 27.000 англичанъ и 7.000 турокъ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ

полевой артиллеріи и съ 114 осадными орудіями. Тотчасъ по высадкѣ англичане и французы двинулись къ Севастополю.

Севастополь, къ началу Восточной войны, былъ укрѣпленъ довольно сильно съ морской стороны. Входъ на рейдъ обстрѣливался 8-ю батареями. По флоту, подходящему къ Севастополю, могли дѣйствовать только крайнія батареи—Константиновская и № 10; имъ могла помогать въ этомъ дѣлѣ только часть орудій прочихъ батарей. Затѣмъ весною 1854 г. выстроили еще три внутреннія батареи—Двѣнадцать Апостоловъ, Парижскую и Святославскую—и двѣ внѣшнія, на морскомъ побережьѣ къ сѣверу отъ Константиновской. Всѣ эти батареи были вооружены 610 орудіями. Кромѣ того для обороны Севастополя на водѣ,—на рейдѣ, въ полной готовности къ выходу въ море, стояла эскадра Нахимова изъ 8 кораблей и 6 фрегатовъ; далѣе, при входѣ въ южную бухту, эскадра Корнилова изъ 4 кораблей, 1 фрегата и 4 пароходовъ, наконецъ въ глубинѣ рейда—флотилія мелкихъ судовъ.

Съ сухопутной стороны Севастополь былъ почти не обороненнымъ. На сѣверной сторонѣ находилось большое, но старое укрѣпленіе, возведенное еще въ 1818 г., а на южной только предполагалось построить рядъ бастіоновъ и соединительныхъ между ними оборонительныхъ линій. Укрѣпленія сухопутной обороны начинались у Киленъ-бухты бастіономъ № 1; имъ, а затѣмъ бастіономъ № 2, Малаховымъ курганомъ (Корниловскій бастіонъ) и бастіономъ № 3 защищалась Корабельная сторона Севастополя; далѣе бастіонами №№ 4—7 оберегалась Городская сторона.

Послѣ неудачнаго для насъ сраженія 8-го сентября на р. Альмѣ, гдѣ союзная 62-тысячная армія была встрѣчена 34 тысячами нашихъ войскъ, Меншиковъ отступилъ къ Бахчисараю, поручивъ временное завѣдываніе обороною южной стороны Севастополя Нахимову, а сѣверной—Корнилову. Союзники, подступавшіе къ Севастополю съ сѣвера и освѣдомившіеся у татаръ о полной необороненности южной стороны, перемѣнили первоначальный планъ, обосновались въ Камышевой и Балоклавской бухтахъ и намѣревались штурмовать городъ съ юга. Но къ этому времени на южной сторонѣ, дѣятельными усиліями Нахимова, Корнилова и Тотлебена, уже была возведена линія укрѣпленій. Непріятель не отважился на атаку открытою силою и приступилъ къ правильной осадѣ крѣпости.

Гарнизонъ южной стороны состоялъ изъ 6 резервныхъ баталіоновъ и флотскихъ командъ, всего до 5.000 человѣкъ. Считая невозможнымъ съ такими силами отстоять Севастополь, Нахимовъ, послѣ рѣшенія Меншикова отвергнуть Корниловскій планъ вступленія съ непріятелемъ въ морской бой, принялъ мѣры къ затопленію судовъ своей эскадры, дабы не отдать ихъ врагу и пресѣчь доступъ вражескому флоту на рейдъ, а-го 14 сентября отдалъ слѣдующій достопамятный приказъ: «Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизона. Я по необходимости нахожусь вынужденнымъ затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, а оставшіяся на нихъ команды, съ абордажнымъ оружіемъ, присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться какъ герой. Насъ соберется до трехъ тысячъ. Сборный пунктъ на Театральной площади. О чемъ по эскадрѣ объявляю».

Работы на южной сторонѣ закипѣли. Нахимовъ, вмѣстѣ съ Корниловымъ, неусыпно заботился о доставленіи всѣхъ средствъ флота, порта и другихъ частей морского вѣдомства Тотлебену, который энергично приступилъ къ усиленію оборонительной линіи. Привлеченные къ работамъ матросы, одушевленные личнымъ примѣромъ своего достойнаго начальника, отличались, по свидѣтельству Тотлебена, особою неутомимостью, ловкостью и расторопностью. Для обезпеченія сообщенія Корабельной стороны съ Городской, Н. устроилъ по своей личной иниціативѣ мостъ черезъ южную бухту, воспользовавшись для того бригадами, шкунами и плотами.

Наступилъ памятный день 5-го октября—день перваго бомбардированія Севастополя. Тучи ядеръ и бомбъ посыпались на бастіоны, которые, спѣшно насыпанные, плохо сопротивлялись непріятельскимъ снарядамъ. Самый сильный бой разыгрался на Малаховомъ курганѣ и на 5 бастіонѣ. На первый направился Корниловъ, на второй Нахимовъ. Переходя отъ орудія къ орудію, Н. самъ наводилъ пушки, давалъ совѣты комендорамъ, слѣ-

дилъ за полетомъ снарядовъ, ободрялъ сердца защитниковъ крѣпости. Презирая всякую опасность, онъ чуть было не погибъ въ самомъ началѣ боя: раненый въ голову, раненый на счастье легко, Н. старался скрыть это, не желая волновать обожавшихъ его матросовъ. «Не правда-съ!» рѣзко и съ неудовольствіемъ ответилъ онъ одному изъ офицеровъ, громко воскликнувшему: «Вы ранены, Павелъ Степановичъ!» Не такъ снисходительна была судьба къ Корнилову, погибшему въ тотъ день на Малаховомъ курганѣ.

Бой 5-го октября, веденный союзниками одновременно и съ суши, и съ моря, закончился весьма незначительными повреждѣніями береговыхъ батарей, но печальными результатами на сторонѣ сухопутной. Оборонительная линія пострадала въ такой мѣрѣ, что почти не представляла препятствій для штурма. Къ счастью, непріятель не воспользовался этимъ, на штурмъ не отважился. Къ Севастополю стали подходить подкрѣпленія и оборона получила возможность сдѣлаться длительной и упорной.

Систематически прослѣдить дѣятельность Н., сопричастную съ этою обороною, значило бы написать подробнѣйшую исторію славной защиты родного черноморскимъ морякамъ города. Приходится ограничиться лишь общею характеристикою его личности, какъ наиболѣе виднаго защитника Севастополя, пересказомъ особо выдающихся эпизодовъ изъ его боевой жизни и сообщеніемъ свѣдѣній о перемѣнахъ въ его служебномъ положеніи.

Для характеристики личности Павла Степановича, какъ защитника Севастополя, достаточно привести слѣдующія строки, вылившіяся изъ-подъ пера его славнаго боевого товарища Тотлебена, строки, признаваемыя авторомъ лишь «слабымъ очеркомъ того, что былъ Нахимовъ для Севастополя».

«Нахимовъ ежедневно обходилъ оборонительную линію, презирая всѣ опасности. Своимъ присутствіемъ и примѣромъ онъ возвышалъ духъ не только въ морякахъ, благоговѣвшихъ передъ нимъ, но и въ сухопутныхъ войскахъ, также скоро понявшихъ, что такое Нахимовъ. Всегда заботливый къ сохраненію жизни людей, адмиралъ не щадилъ только себя. Такъ, напримѣръ, во время всей осады онъ одинъ только всегда носилъ эполеты, дѣлая это для того, чтобы передать презрѣніе къ опасности всѣмъ своимъ подчиненнымъ. Никто лучше его не зналъ духа русскаго простолюдина-матроса и солдата, не любящихъ громкихъ словъ; потому онъ никогда не прибѣгалъ къ краснорѣчію, но дѣйствовалъ на войска примѣромъ и строгимъ требованіемъ отъ нихъ исполненія служебныхъ обязанностей. Онъ всегда первымъ являлся на самыя опасныя мѣста, гдѣ наиболѣе нужны были присутствіе и распорядительность начальника. Боясь опоздать, онъ даже ложился спать ночью не раздѣваясь, чтобы не терять ни одной минуты на одѣваніе. Что касается административной дѣятельности адмирала во время обороны, то не было ни одной части, о которой не заботился бы онъ болѣе всѣхъ. Онъ самъ всегда приходилъ къ другимъ начальникамъ, хотя бы и къ младшимъ въ чинѣ, для того, чтобы узнать, нѣтъ ли какихъ-либо затрудненій, и предложить имъ свое содѣйствіе. Въ случаѣ несогласія между ними, онъ всегда являлся примирителемъ, стараясь направить всѣхъ и каждаго единственно на служеніе общему дѣлу. Раненые офицеры и нижніе чины не только находили въ немъ опору и покровительство, но всегда могли разсчитывать на помощь изъ его собственнаго небогатаго кармана».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что правы тѣ военные писатели, которые единодушно утверждаютъ: «Нахимовъ былъ душою обороны Севастополя». Но и помимо нравственнаго воздѣйствія на гарнизонъ, Павелъ Степановичъ сыгралъ извѣстную роль также и въ *организаціи* обороны. Въ декабрѣ 1854 г., по его настоянію, были построены три батареи для обстрѣливанія Артиллерійской бухты, въ которую могли прорваться непріятельскія суда вслѣдствіе поврежденія бурями загражденія рейда. Въ половинѣ февраля слѣдующаго года онъ устроилъ вторую линію загражденія у входа въ Севастополь. Въ концѣ іюня, допуская, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, возможность прорыва на рейдъ непріятельскаго флота, онъ усилилъ оборону входа еще тремя батареями, изъ коихъ одна, двухъярусная на 30 орудій, помѣщенная на мысѣ между Константиновскою и Михайловскою бата-

реями и дѣйствовавшая какъ по рейду, такъ и по французскимъ осаднымъ работамъ у Херсонеса, была названа *Нахимовскою*. Его приказъ конца февраля, устанавливавшій общій порядокъ службы и дѣятельности на бастіонахъ, нельзя не отнести къ разряду тѣхъ замѣчательнѣйшихъ документовъ, которые должны быть переданы потомству въ неприкосновенной точности. Вотъ этотъ приказъ:

«Усилія, употребленныя непріятелемъ противъ Севастополя 5-го октября и въ послѣдующіе затѣмъ дни, даютъ основательный поводъ думать, что, рѣшившись продолжать осаду, враги наши разсчитываютъ на средства еще болѣе громадныя; но теперь шестимѣсячные труды по укрѣпленію Севастополя приходятъ къ концу, средства обороны нашей почти утроились, и потому—кто изъ насъ, вѣрующихъ въ правосудіе Божіе, усомнится въ торжествѣ надъ дерзкими замыслами непріятеля?

«Но разрушить ихъ при большой потерѣ съ нашей стороны не есть еще полное торжество, а потому-то я считаю долгомъ напомнить всѣмъ начальникамъ священную обязанность, на нихъ лежащую, именно, предварительно озаботиться, чтобы при открытіи огня съ непріятельскихъ батарей не было ни одного лишняго человѣка, не только въ открытыхъ мѣстахъ и безъ дѣла, но даже прислуга у орудій и число людей для неразлучныхъ съ боемъ работъ было ограничено крайнею необходимостью. Заботливый офицеръ, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщетъ средства сдѣлать экономію въ людяхъ и тѣмъ уменьшить число подвергающихся опасности. Любопытство, свойственное отвагѣ, одушевляющей доблестный гарнизонъ Севастополя, въ особенности не должно быть допускаемо частными начальниками. Пусть каждый будетъ увѣренъ въ результатѣ боя и спокойно останется на указанномъ ему мѣстѣ; это въ особенности относится къ гг. офицерамъ.

«Я надѣюсь, что гг. дистанціонные и отдѣльные начальники войскъ обратятъ полное вниманіе на этотъ предметъ и раздѣлятъ своихъ офицеровъ на очереди, приказавъ свободнымъ находиться подъ блиндажами и въ закрытыхъ мѣстахъ. При этомъ прошу внушить имъ, что жизнь каждаго изъ нихъ принадлежитъ отечеству, и что не удальство, а только истинная храбрость приноситъ пользу ему и честь умѣющему отличить ее въ своихъ поступкахъ отъ перваго.

«Пользуюсь этимъ случаемъ чтобы еще разъ повторить запрещеніе частой стрѣльбы. Кромѣ невѣрности выстрѣловъ, естественнаго слѣдствія торопливости, трата пороха и снарядовъ составляетъ такой важный предметъ, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера, допустившаго ее. Заботливость объ охраненіи города, ввѣреннаго Государемъ нашей чести, пусть будетъ ручательствомъ за мѣткость и хладнокровіе нашихъ молодцовъ артиллеристовъ».

Какъ извѣстно, въ началѣ обороны Севастополя Павелъ Степановичъ занималъ скромную должность начальника морскихъ командъ на южной сторонѣ. Въ этой должности, 11-го января 1855 г., онъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, присланнымъ при рескриптѣ августѣйшаго генералъ-адмирала, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Мы гордимся вами и вашей славой какъ украшеніемъ нашего флота». 1-го февраля онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника севастопольскаго гарнизона. Назначеніе это не открыло однако новой дѣятельности почтенному адмиралу, который съ самаго начала осады постоянно принималъ самое близкое и горячее участіе во всемъ, что касалось обороны, не щадя ни силъ, ни жизни на пользу общаго дѣла. Съ 18-го февраля Нахимовъ временно исправлялъ должность начальника гарнизона, за отъѣздомъ Меншикова и назначеніемъ гр. Остенъ-Сакена командующимъ полевою арміею. 27 марта онъ былъ произведенъ въ адмиралы. «Завидная участь — писалъ по этому поводу Павелъ Степановичъ — имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня». Въ ночь на 27-ое мая, во время штурмовъ французовъ на редуты за Киленъ-балкою и на Камчатскій люнетъ, Павелъ Степановичъ подвергся большой опасности: прибывшій съ вечера на «Камчатку» и лично руководившій отраженіемъ штурма, адмиралъ, выдѣлявшійся своими эполетами и мощной фигурой, чуть было не попалъ въ плѣнъ. Матросы буквально вырвали его изъ рукъ непріятеля.

Наступилъ роковой день 28-го іюня.

Въ этотъ день, объѣзжая по обыкновенію своему оборонительную линію, Павелъ

Степановичъ направился въ четвертомъ часу дня на 3-й бастіонъ, а оттуда на Малаховъ курганъ. Поднявшись на банкетъ батареи впереди башни, онъ началъ разсматривать въ зрительную трубу непріятельскія работы. Стоя совершенно открыто и рѣзко выдѣляясь отъ свиты чернымъ цвѣтомъ своего сюртука и золотыми эполетами, Павелъ Степановичъ не замедлилъ обратиться въ цѣль для французскихъ штуцерниковъ. Напрасно сопровождавшіе адмирала офицеры умоляли его сойти съ банкета: «Не всякая пуля въ лобъ-съ!» отвѣчалъ онъ. Вотъ пуля ударила въ земляной мѣшокъ, лежавшій передъ Павломъ Степановичемъ. Онъ и тутъ остался на мѣстѣ, спокойно промолвивъ: «Они цѣлятъ довольно хорошо!» Почти одновременно съ этимъ вторая пуля ударила Павла Степановича именно въ лобъ, надъ лѣвымъ глазомъ, и наискось пробила черепъ. Адмиралъ упалъ безъ чувствъ на руки сопровождавшихъ его и тотчасъ же былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ Малахова кургана. Когда ему спрыснули лобъ и грудь водою, онъ очнулся, что-то проговорилъ, но что именно — разобрать было трудно. Сдѣлавши перевязку, его понесли на простыхъ солдатскихъ носилкахъ въ Аполлонову балку, а отсюда повезли въ шлюпкѣ на Сѣверную сторону. Всю дорогу онъ глядѣлъ и что-то шепталъ; въ госпитальномъ баракѣ вновь лишился чувствъ. Нечего и говорить о томъ, что у постели тяжело раненаго собрались всѣ врачи гарнизона. На слѣдующій день страдальцу стало какъ будто лучше. Онъ шевелился, рукой дотрогивался до повязки на головѣ. Ему въ этомъ препятствовали. «Эхъ, Боже мой, что за вздоръ!» произнесъ Павелъ Степановичъ. То были единственныя слова, разобранныя окружающими. 30-го іюня, въ 11 ч. 7 м. утра, адмирала Нахимова не стало.

Еще при началѣ обороны Севастополя, Нахимовъ и Корниловъ изъявили желаніе быть погребенными въ склепѣ, гдѣ покоился прахъ М. П. Лазарева, т. е. на Городской сторонѣ, близъ библіотеки. Мѣсто тогда оставалось въ склепѣ на двѣ могилы. Одну занялъ Корниловъ, другую Нахимовъ уступилъ для погребенія праха Истомина. Однако друзья-сослуживцы нашли возможность исполнить волю покойнаго.

Начальникъ севастопольскаго гарнизона почтилъ память Павла Степановича слѣдующимъ приказомъ:

«Провидѣнію угодно было испытать насъ новою тяжкою потерею: адмиралъ Нахимовъ, пораженный непріятельскою пулею на Корниловскомъ бастіонѣ, сего числа скончался. Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослуживца, витязя безъ страха и упрека; вся Россія вмѣстѣ съ нами прольетъ слезы искренняго сожалѣнія о кончинѣ героя Синопскаго.

«Моряки черноморскаго флота! Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей; онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженіе; онъ раздѣлялъ съ вами всѣ опасности; руководилъ васъ на пути славы и побѣды. Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ на насъ обязанность дорогою цѣною воздать непріятелю за понесенную нами потерю. Каждый воинъ, стоящій на оборонительной линіи Севастополя, жаждетъ — я несомнѣнно увѣренъ — исполнить этотъ священный долгъ; каждый матросъ удесятеритъ усиліе для славы русскаго оружія!»

Изъ братьевъ П. С. Нахимова—*Платонъ Степановичъ* (род. въ 1790 г., ум. 24-го іюля 1850 г. въ Москвѣ) оставилъ морскую службу въ чинѣ капитана 2-го ранга, былъ инспекторомъ студентовъ московскаго университета, а затѣмъ главнымъ смотрителемъ Странноприимнаго въ Москвѣ дома гр. Шереметева; *Сергѣй Степановичъ* (род. въ 1802 г., ум. 8-го дек. 1875 г.) служилъ также во флотѣ до 1855 года, когда, въ чинѣ контръ-адмирала (съ 30-го августа 1855 г.) былъ назначенъ помощникомъ директора Морского Корпуса, а съ 23-го декабря 1857 г. — директоромъ; въ послѣдней должности онъ находился въ теченіе четырехъ лѣтъ, 1-го января 1864 г. С. С. Нахимовъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы.

Морской архивъ—кн. №№ 400 и 412; „Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя“, сборникъ, издаваемый Комитетомъ по устройству Севастопольскаго музея—различные приказы Нахимова, донесенія его о Синопскомъ боѣ, грамоты и рескрипты Нахимову, разныя данныя для біографіи Нахимова изъ „Морского Сборника“ 1855 г. №№ 1, 2, 7, 8, 9, 10 и 11, 1868 г. №№ 2 и 3, изъ „Русскаго Инвалида“ 1854 г. № 229, 1855 г. №№ 152 и 207, 1868 г. № 32, изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1854 г. № 44 и 1868 г. № 25, изъ „Москвитянина“ 1855 г. №№ 10 и 11, изъ „Одесскаго Вѣстника“ 1855 г. №№ 80, 81, 82 и 83, изъ „Сѣ-

верной Пчелы“ 1855 г. № 160; „Описаніе обороны Севастополя, составленное подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена“, три тома, С.-Петербургъ, 1863 г.; Н. Ѳ. Дубровинъ, „Исторія Крымской войны и обороны Севастополя“, три тома, С.-Петербургъ, 1900 г.; В. И. Межовъ, „Русская историч. библіографія“; Н. П. Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, кн. 14; „Щукинскій Сборникъ“, т. IV, стр 190—193 и мн. др.— О Плат. Степ. Нахимовѣ: „Общій Морской Списокъ“, т. VII; „Вѣдом. Моск. Гор. Полиціи“, 1850, № 197; „Москвитянинъ“ 1850, № 15; „Рус. Стар.“ т. 100; ноябрь.—О Сергѣѣ Степ. Нахимовѣ: Морской Архивъ, книга № 638; А. Кротковъ, „Морской Кадетскій Корпусъ“, Спб. 1901; „Кронштт. Вѣсти.“ 1872, № 146; „Иллюстрир. Газ.“ 1872, № 50.

Г. Тимченко-Рубанъ.

Нащокины, дворянскій родъ, принадлежитъ къ числу родовъ, подававшихъ роспись въ Разрядъ, и ведетъ свое начало отъ выходца изъ Италіи къ великому князю Тверскому Александру Михайловичу, получившаго при крещеніи имя Дмитрія, съ прозваніемъ Красный. Его сынъ Дмитрій Дмитріевичъ, прозванный Нащока по причинѣ раны, полученной имъ на щекѣ въ 1327 г. въ сраженіи тверитянъ съ ханскимъ посломъ Шевкаломъ; онъ былъ потомъ бояриномъ великаго князя Тверского Александра Михайловича. Отъѣхавъ изъ Твери въ Москву, онъ служилъ великому князю Симеону Гордому. Отъ него пошли Нащокины, при чемъ въ пятомъ колѣнѣ отъ Дмитрія Дмитріевича Нащоки отъ Нащокиныхъ пошли роды Алферьевыхъ, Безниныхъ и Ордыныхъ-Нащокиныхъ. Эти послѣдніе роды угасли. Не принадлежа къ русской знати, Нащокины пользовались, однако, извѣстностью. Фамилія Нащокиныхъ въ настоящее время также угасаетъ; отъ былого ихъ богатства не осталось и слѣда. Ихъ роскошное родовое имѣніе подъ Москвой—знаменитое Рай-Семеновское перешло въ руки московскаго купца Коншина.

Нащокины внесены въ VI часть родословной книги Московской губ.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій «Русская родословная книга» т. II. стр. 21; «Гербовникъ» III, стр. 14; «Словарь Брокгауза и Ефрона» т. XX.

Б. Алексѣевскій.

Нащокинъ, *Борисъ Ивановичъ*, воевода. Первое свѣдѣніе о немъ относится къ 1606 г. Когда, послѣ убійства Лжедмитрія, литовскіе послы заперлись въ своемъ помѣщеніи, поставили стражу и готовились къ битвѣ, къ ихъ двору прискакалъ Борисъ Ивановичъ Нащокинъ и потребовалъ свиданія съ послами. Вышелъ староста Велижскій и сталъ въ воротахъ. Нащокинъ обратился съ нему съ такою рѣчью: «Кн. Ѳ. И. Мстиславскій, князья Василій и Дмитрій Ивановичи Шуйскіе и другіе бояре велѣли сказать вамъ, посламъ... не опасайтесь ничего, но не мѣшайтесь съ тѣми ляхами, которые пріѣхали сюда съ воеводою Сендомірскимъ, чтобы изгубить русскихъ, и сдѣлали столько зла». Староста Велижскій отвѣтилъ, что полякамъ нѣтъ дѣла до убійства Лжедмитрія, что староста Сендомірскій и его спутники ѣхали не воевать и не губить, а въ гости и на свадьбу къ тому, кого они считали царемъ. «Если нѣкоторые изъ нихъ виновны, то за виновныхъ не стоимъ; но всѣ не должны страдать за немногихъ. Молимъ бояръ, чтобы они уняли кровопролитіе... Не будемъ смотрѣть равнодушно на гибель нашихъ братьевъ».

Въ 1608—1609 гг. Н. былъ воеводой въ Тобольскѣ; въ 1614 — 1619 гг. — въ Нижнемъ-Новгородѣ; въ 1620 г.—въ Воронежѣ; въ 1632—1635 гг.—въ Астрахани; въ 1642 г.—въ Нижнемъ-Новгородѣ. До 1616 г. первымъ воеводой въ Нижнемъ былъ кн. Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, а Нащокинъ былъ у него товарищемъ. Послѣ того, какъ черкасы и казаки выжгли Кинешму, побили тамъ людей, пришли въ Юрьевецъ и располагали итти къ Нижнему, Нащокину велѣно было, въ случаѣ прихода черкасъ и казаковъ, собраться съ нижегородскою и арзамаскою мордвою и бортниками въ надежныхъ мѣстахъ и промышлять надъ черкасами и казаками. За время воеводства въ Нижнемъ, Нащокину пришлось, между прочимъ, приводить въ исполненіе царскіе указы относительно денежнаго сбора съ Строгоновыхъ, а также относительно земельныхъ угодій Минина и права торговли въ вотчинѣ Ѳ. И. Шереметева.

Въ промежутокъ между воеводствомъ въ Воронежѣ и въ Астрахани (1620—1632 гг.) Н. несъ дворцовую службу: оставался на государевѣ дворѣ во время отсутствія царя изъ Москвы, присутствовалъ при пріемѣ кизильбашскихъ купцовъ и нѣсколько разъ удостоился въ день Пасхи «видѣть государевы очи» въ комнатѣ.

Въ 1620 г., для береженья отъ крымскихъ и нагайскихъ людей, Н. назначенъ быть «до большихъ снѣговъ», т. е. до конца года, въ большомъ полку на Тулѣ съ кн. Ѳеод. Семен. Куракинымъ. Первымъ воеводой передового полка на Дѣдиловѣ былъ кн. Вас. Бор. Борятинскій; Н. мѣстничался съ нимъ и отсидѣлъ въ тюрьмѣ. 20-го марта 1623 г. былъ данъ царскій наказъ кн. Ѳ. С. Куракину и Б. И. Нащокину при назначеніи ихъ въ большой полкъ на Тулу. Послѣ обычнаго приказанія собирать людей «на снѣхъ», слѣлать имъ смотръ и послать въ Москву списокъ явившихся на службу и списокъ «нѣтчиковъ»,—дѣлается распоряженіе, какъ поступить, если будутъ получены вѣсти про приходъ крымскаго хана, или большого крымскаго войска. Въ случаѣ выступленія «по большимъ вѣстямъ» въ походъ, кн. Куракинъ и Н. должны оставить на Тулѣ въ осадѣ достаточное число дѣтей боярскихъ, пѣшихъ и всякихъ осадныхъ людей, а во главѣ поставить добраго дворянина, который бы устроилъ осаду и росписалъ, на какихъ мѣстахъ кто долженъ быть въ случаѣ прихода воинскихъ людей.

Въ январѣ 1635 г. Астраханскіе воеводы кн. А. Н. Трубецкой и Нащокинъ получили строгій приказъ немедленно прислать въ Москву со всякими вѣстями. Имъ неоднократно было писано, чтобы между отпусками станичниковъ не проходило больше шести недѣль, а они не посылали никакихъ сообщеній съ 25-го сентября по 18-е января. Въ концѣ марта въ Астрахань присланъ былъ царскій указъ принимать мѣры предосторожности противъ нападенія калмыковъ, а мѣсяцъ спустя велѣно оборонять Едисанскихъ и Юртовскихъ татаръ, которыхъ калмыки разорили, отогнавъ у нихъ скотъ; татары просили дать имъ рыбныя ловли по Бузану и по Ахтубѣ, такъ какъ, вслѣдствіе разоренія, «помираютъ голодною смертью».

Акты Археогр. Экспед., т. II, с. 260; III, с. 105 — 118; Доп. къ акт. ист., II, с. 148 — 150; Разр. кн., I и II; Дв. разр., I и II; Карамзинъ, Истор. госуд. Росс., т. XI, пр. 559; А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ. Спб. 1882 г., т. II, с. 408; его же, Списки городовыхъ воеводъ XVII ст. Спб. 1902 г., стр. 9, 51, 149, 150, 235.

В. Корсакова.

Нащокинъ, *Василій Александровичъ*,—генералъ-поручикъ, авторъ «Записокъ», род. въ Москвѣ 7-го января 1707 г. Въ 1716 г., на девятомъ году отъ роду, Нащокинъ былъ отвезенъ отцомъ въ Петербургъ въ школу, а въ 1722 г. поступилъ на службу въ Бѣлогородскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Нарвѣ. Въ 1723 г. онъ сопровождалъ изъ Нарвы въ Ревель значительную сумму денегъ (два милліона рублей), которую везли въ Стокгольмъ, для уплаты Швеціи по мирному трактату. Въ Ревелѣ Нащокину случилось видѣть Петра В. въ исключительной обстановкѣ: Петръ былъ у ревельскаго бюргера на свадьбѣ и вышелъ отъ него изъ дому во время чрезвычайно сильнаго дождя. Накинувъ на себя синій плащъ и распустивъ шляпу, Петръ сѣлъ верхомъ на лошадь и поѣхалъ къ гавани; то же должны были сдѣлать и разные знатные господа изъ его свиты, разсчитывавшіе сѣсть въ свои коляски. Вѣроятно, они имѣли весьма плачевный видъ, потому, что Петръ сказалъ, смѣясь: «пусть ѣдутъ, не развалятся».

При Екатеринѣ I, съ 1725 до 1727 г., Нащокинъ находился нѣсколько времени въ Московской военной конторѣ, потомъ переведенъ былъ въ Угличскій полкъ, переименованный изъ перваго гренадерскаго полка, участвовалъ 6-го января 1727 г. въ Крещенскомъ парадѣ на Невѣ, и вскорѣ послѣ того пожалованъ въ аудиторы Угличскаго полка. Въ царствованіе Петра II Нащокинъ былъ подпоручикомъ въ Лефортовскомъ полку, и въ 1729 г., состоя ординарцемъ при генералъ-фельдмаршалѣ кн. Вас. Влад. Долгорукомъ, присутствовалъ 19-го ноября при обрученіи императора Петра II съ княжной Е. А. Долгорукой.

Въ 1730 г., по воцареніи Анны Іоанновны, когда былъ учрежденъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, Н. былъ переведенъ туда адъютантомъ, а 22 января 1737 г. пожалованъ въ капитанъ-поручики. 27-го января того же года, онъ выступилъ въ турецкій походъ, находился при осадѣ Очакова и, по взятіи этой крѣпости, былъ назначенъ для безсмѣннаго караула къ бывшему командиру Очакова, сераскиръ-пашѣ Агію. 5-го іюля армія выступила изъ Очакова, гдѣ былъ оставленъ лишь гарнизонъ. Перейдя Бугъ, часть гвардіи и кавалеріи и всѣ плѣнные турки были отпущены къ русской границѣ, а Н. изъ Нѣжина былъ отправленъ сопровождать сераскиръ-пашу Агія и про-

чихъ знатныхъ плѣнныхъ въ Петербургъ, куда ему велѣно было ѣхать поспѣшно. Ровно черезъ мѣсяцъ, 26-го октября 1737 г., Нащокинъ прибылъ въ Петербургъ, а 4-го ноября посланъ былъ обратно въ Турцію съ порученіемъ передать великому визирю важныя бумаги. Изъ опасенія, чтобы во время пути турки не напали на него, Нащокинъ надѣлъ польскую одежду и только по переѣздѣ за Дунай объявилъ турецкому командиру, что присланъ императрицей Анной Іоанновной. Нащокина повезли въ Исакчи, гдѣ находился великій визирь, доложили о немъ и объявили, что 6-го декабря вечеромъ онъ получитъ аудіенцію; но въ ночь на 6-е декабря великій визирь былъ подъ карауломъ отвезенъ въ Царьградъ за то, что не взялъ Очакова обратно у русскихъ, и Нащокину пришлось ѣхать въ г. Хотинъ, за 400 верстъ отъ Исакчи, къ Кончаку-пашѣ, которому было поручено временное командованіе дунайской арміей. Два дня тянулись переговоры между Нащокинымъ и Кончакъ-пашей, который собралъ совѣтъ, чтобы рѣшить вопросъ, можно-ли отпустить Нащокина въ Царьградъ. Нащокину предложено было передать письма для отсылки въ Царьградъ, а самому остаться пока въ Хотинѣ. Ему, однако, удалось исполнить возложенное на него порученіе и своевременно дать знать въ Петербургъ, что 40 тысячъ татаръ и 8 тысячъ арнаутъ собираются выступить къ русской границѣ. Были приняты мѣры предосторожности, и непріятель ушелъ съ великимъ урономъ.—За эту заслугу Нащокинъ былъ произведенъ въ старшіе капитаны, а по возвращеніи въ Петербургъ получилъ отъ императрицы 400 червонныхъ.

Послѣ этого, онъ вновь отправился въ Украйну къ своему полку, и въ слѣдующемъ году участвовалъ въ торжественномъ переходѣ гвардіи изъ Москвы въ Петербургъ. По возвращеніи изъ Турціи, гвардія пробыла съ 8-го ноября 1739 до 27-го января 1740 г. въ Москвѣ, а затѣмъ, подъ начальствомъ подполковника Густава Бирона, двинулась въ Петербургъ. Офицеры шли какъ были на войнѣ, подпоясанные шарфами, съ ружьями съ примкнутыми штыками; на нляпахъ у нихъ были сверхъ бантовъ кокарды изъ лавровыхъ листьевъ. Въ Петербургѣ цѣлый день продолжался парадъ, а вечеромъ офицеры представлялись императрицѣ въ дворцовой галлереѣ и пили венгерское вино, которымъ императрица жаловала изъ собственныхъ рукъ. Въ тотъ же вечеръ былъ объявленъ миръ съ Турціею; участвовавшіе въ войнѣ офицеры были посланы въ разныя мѣстности Россіи съ извѣстіемъ о мирѣ, при чемъ получили дозволеніе оставить себѣ тѣ подарки, которые будутъ подносимы жителями. Нащокинъ былъ посланъ въ Нижегородскую губернію и получилъ тамъ 1350 р

За время регенства Анны Леопольдовны о Нащокинѣ извѣстно лишь, что онъ производилъ наборъ рекрутъ въ г. Ярославлѣ. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, у Нащокина родился въ Москвѣ 31-го іюля 1742 г. первый сынъ; ему дали имя Доримидонта, а прозвали Воиномъ. Воспріемниками отъ купели были: сама императрица и племянникъ ея Петръ Ѳеодоровичъ, впослѣдствіи императоръ Петръ III, крестили въ Анненгофскомъ дворцѣ 11-го августа, и императрица пожаловала крестнику 500 р. Черезъ два мѣсяца Нащокинъ получилъ отъ императрицы двѣ деревни въ Орловскомъ уѣздѣ «за бытность въ нѣкоторой комиссіи». Въ чемъ состояла эта «комиссія»—неизвѣстно; 18-го декабря 1753 г., въ день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, Н. былъ пожалованъ въ генералъ-майоры, а 30-го августа 1757 г. — въ генералъ-поручики и кавалеры ордена Св. Александра Невскаго, причемъ получилъ орденскіе знаки изъ рукъ самой императрицы. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ, и въ 1761 г. въ послужномъ спискѣ Военной коллегіи отмѣченъ въ числѣ умершихъ

Впервые «Записки» Нащокина были обнародованы П. И. Свиньинымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1830 г. (ч. XLI, № 117), но здѣсь появилось только начало ихъ. Въ 1836 г. Бантышъ-Каменскій, на основаніи «Записокъ», составилъ краткую біографію Нащокина, а въ 1842 г. Д. И. Языковъ издалъ «Записки» въ полномъ видѣ (189 стр. текста Нащокина 181 стр. Приложеній, т. е. объясненій и замѣчаній). «Записки» расположены по годамъ и содержатъ описаніе разныхъ событій въ Россіи болѣе чѣмъ за сорокъ лѣтъ (1715—1759 г.)

Наряду съ семейными извѣстіями, Нащокинъ отмѣчаетъ въ нихъ важнѣйшія изъ общественныхъ событій, которыя видѣлъ и о которыхъ слышалъ. Изъ запи-

сокъ видно, что Нащокинъ находился въ особо близкихъ отношеніяхъ съ А. Г. Строгоновымъ, съ княг. Е. Г. Трубецкой, съ вице-канцлеромъ гр. М. И. Воронцовымъ, гр. Е. И. Разумовской и съ кн. Я. П. Шаховскимъ. Интересны характеристики гр. С. Ѳ. Апраксина, кн. М. М Голицына, генералъ-аншефа Джемса Кейта, В. Я. Левашева, двухъ Лёвенвольде, кн. Никиты Ивановича Репнина и сына его кн. Вас. Никит. Репнина, Ив. Ив. Бецкаго и др.

См. „Записки Василія Александровича Нащокина, генерала временъ Елисаветинскихъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. И. Языкова“ („Рус. Архивъ“ 1883, кн. 2).

В. К.

Нащокинъ, *Григорій Аѳанасьевичъ;* 23 апрѣля 1580 г. царь Иванъ Васильевичъ отправилъ его посланникомъ въ Литву и велѣлъ передать Стефану Баторію грамоту, убѣждавшую не требовать присылки московскаго посольства, такъ какъ это было-бы вопреки стариннымъ обычаямъ. Однако, въ случаѣ крайней необходимости, Нащокинъ долженъ былъ согласиться на посылку уполномоченныхъ и просить для ихъ проѣзда «опасной» грамоты. Въ маѣ того же 1580 г. Нащокинъ доносилъ царю, что Стефанъ Баторій находится въ Вильнѣ, что по разнымъ «украйнамъ» у него довольно много войска и что неизвѣстно, куда онъ пойдетъ войной. Нащокинъ возвратился въ Москву 1-го іюля, а въ концѣ мѣсяца въ Литву были отправлены для переговоровъ уполномоченные кн. Сицкій и дьякъ Пивовъ. Въ 1581 г., на седьмой свадьбѣ царя Ивана Васильевича съ Марьей Ѳеодоровной Нагой, Нащокинъ долженъ былъ «сорокъ соболей держать, чѣмъ государя на мѣстѣ опахивать». — Въ 1588 г. онъ былъ приставомъ у цареградскаго патріарха Іереміи, пріѣхавшаго въ Москву 13-го іюня

Въ 1592 г. Нащокинъ ѣздилъ въ Константинополь для переговоровъ съ турецкимъ султаномъ объ упроченіи мирныхъ отношеній съ Крымомъ. Нащокинъ долженъ былъ сказать султану, что царь Ѳеодоръ Іоанновичъ оттого долго не отправлялъ къ нему посланника, что литовско-польскій король не пропускалъ черезъ Литву, а черезъ Донъ тоже опасно ѣхать, такъ какъ тамъ живутъ литовскіе казаки и заодно съ донскими казаками враждебно относятся къ московскому царю. По пріѣздѣ въ Константинополь, Нащокину предписывалось войти въ тайныя сношенія съ патріархомъ Іереміею и съ Терновскимъ митрополитомъ Діонисіемъ, который незадолго передъ тѣмъ пріѣзжалъ въ Москву. Митрополитъ обѣщалъ царю Ѳеодору Іоанновичу «служить и всякими дѣлами промышлять», пользуясь тѣмъ, что его родственникъ Иванъ Грекъ состоитъ ближнимъ человѣкомъ при дворѣ султана; вслѣдствіе этого царь велѣлъ Нащокину отвезти свое жалованье Ивану Греку и отослать его тайно. Если патріархъ и митрополитъ подтвердятъ о своемъ желаніи служить царю и станутъ просить списка съ государевой грамоты къ султану, чтобы знать, какого рода служба отъ нихъ потребуется, Нащокинъ долженъ былъ тайно послать имъ списокъ съ государевой грамоты.

При отправленіи Нащокина въ Константинополь ему была вручена царская грамота на имя донскихъ казаковъ; царь убѣждалъ ихъ мирно жить съ азовцами и отпустить плѣнныхъ турокъ и черкесъ, за что онъ пожалуетъ ихъ своимъ великимъ жалованьемъ. Когда Нащокинъ объявилъ имъ это, а также и повелѣніе царя дать ему провожатыхъ и оставить на Дону сына боярскаго Хрущова, для оберегания государевыхъ украинъ отъ прихода воинскихъ людей, — казаки выразили готовность проводить Нащокина, какъ приказано, но отказались выдать плѣнныхъ, если за нихъ не присланъ изъ Москвы «окупъ», и не пожелали служить царю съ Хрущовымъ. Они высказали Нащокину и свою обиду, что царь обратился въ грамотѣ сначала къ «верховымъ» атаманамъ и казакамъ, а потомъ уже къ нимъ, «низовымъ», при чемъ онъ не назвалъ по именамъ лучшихъ атамановъ. Нащокинъ привезъ казакамъ государево жалованье — разныя сукна, селитру, сѣру, свинецъ, 200 четвертей сухарей, по 30 четвертей крупъ и толокна. Онъ хотѣлъ раздавать сукна по царскому наказу, но казаки сказали, что раздѣлятъ сами. Такъ какъ много казаковъ было въ это время на морѣ, то тѣ, которые разговаривали съ Нащокинымъ, отложили рѣшеніе о мирѣ съ азовцами до возвращенія товарищей съ моря. 11 іюня, когда всѣ казаки были въ сборѣ, къ шатру Нащокина пришло человѣкъ 600 казаковъ и атамановъ; они были вооружены саблями и «ручницами»

и требовали, чтобы Нащокинъ показалъ имъ государевъ наказъ. Нащокинъ не далъ наказа, сославшись на то, что въ немъ писано о многихъ дѣлахъ; если же казаки намѣрены грабить государеву казну—прибавилъ онъ,—то добровольно онъ ею не поступится. «И они шумѣли много—писалъ Нащокинъ въ своемъ донесеніи царю—и достальную селитру и запасъ твой, государевъ, взяли сильно; да у насъ же въ стану взяли донского атамана Вишату Васильева, который посланъ съ нами съ Москвы, и бивъ его «ослопы», передъ нашимъ шатришкомъ посадили въ воду». Казаки поступили такъ съ Васильевымъ за то, что онъ уговаривалъ ихъ выдать плѣнниковъ.

Казаки сдержали свое обѣщаніе дать провожатыхъ и проводили Нащокина до Азова. Отпустивъ Нащокина изъ Азова, тамошніе жители (какъ писали царю донскіе казаки) заперли въ Азовѣ 130 донскихъ атамановъ и казаковъ и двухъ толмачей; одного толмача и многихъ казаковъ они казнили, а другого толмача и остальныхъ казаковъ «посадили въ каторгу». Пріѣхавъ въ Константинополь, Нащокинъ писалъ царю Ѳеодору Іоанновичу, что ему было «великое истязанье въ розмирьѣ» донскихъ казаковъ съ азовцами.

Въ началѣ пребыванія Нащокина въ Константинополѣ султанъ хотѣлъ немедленно выслать его, вслѣдствіе доноса азовскаго жителя Усеинъ-Челибея, что Нащокинъ присланъ въ качествѣ шпіона, что магометане въ Астрахани терпятъ притѣсненіе отъ православныхъ и что донскіе казаки до такой степени враждебно настроены, что не даютъ азовцамъ вытти изъ воротъ. Весьма возможно, что визирь доказалъ султану, что Нащокинъ ни въ чемъ не виноватъ, и султанъ дозволилъ ему перезимовать въ Константинополѣ.

Въ грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича къ султану Амурату и Бориса Годунова къ визирю сказано между прочимъ: «Мы не хотимъ слушать императора, королей испанскаго и литовскаго, папы и шаха, которые убѣждаютъ насъ вмѣстѣ съ ними обнажить мечъ на главу мусульманства». Обмѣнявшись съ Нащокинымъ выраженіями учтивости, визирь сказалъ: «Царь предлагаетъ намъ дружбу. Мы повѣримъ ей, когда онъ согласится отдать великому султану Астрахань и Казань. Не боимся ни Европы, ни Азіи: войско наше столь безчисленно, что земля не можетъ поднять его; оно готово устремиться сухимъ путемъ на шаха, Литву и цесаря, а моремъ на королей испанскаго и французскаго. Хвалимъ вашу мудрость, если вы дѣйствительно не хотѣли пристать къ нимъ, и султанъ не велитъ хану тревожить Россіи, буде царь сведетъ съ Дону казаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣпости, основанныя имъ на берегахъ сей рѣки и Терека, чтобы преграждать намъ путь къ Дербенту: или сдѣлайте такъ, или (въ чемъ клянуся Богомъ) не только велимъ хану и нагаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами пойдемъ на Москву своими головами, сухимъ путемъ и моремъ, не боясь ни трудовъ, ни опасности, не жалѣя ни казны, ни крови. Вы миролюбивы; но для чего же вступаете въ тѣсную связь съ Иверіею, подвластною султану?» Нащокинъ отвѣчалъ, что Астрахань и Казань нельзя отдать; что на Дону нѣтъ никакихъ крѣпостей, а что казаковъ оттуда царь велитъ удалить; что въ Грузію (страну намъ единовѣрную) царь посылаетъ священниковъ, а не войско, и дозволяетъ пріѣзжать въ Московское государство грузинамъ для торговли. Нащокинъ такъ закончилъ свою рѣчь: «Далъ бы Богъ, чтобы между государями впередъ братская любовь утвердилась; а теперь если крымскій ханъ и пойдетъ на государевы украйны, то воля Божія: государя нашего рать противъ него готова, и не угадать, кому что Богъ дастъ. Лучше бы Крымскаго унять, чтобъ впередъ между государями братская любовь не рушилась». Визирь сказалъ на это: «Правда: когда люди съ людьми сшибутся, то будетъ убытокъ на обѣ стороны, да уже не воротишь. А намъ стало досадно, что сдѣлали ваши казаки. За такія дѣла надъ послами опала бываетъ: но государь нашъ надъ вами за это ничего сдѣлать не велѣлъ, потому что у насъ того въ обычаѣ не ведется, и отпуститъ васъ къ вашему государю по прежнему обычаю». Для лучшаго выясненія недоразумѣній Нащокинъ предложилъ визирю отправить въ Московское государство посла; визирь едва согласился на это, такъ какъ, по турецкому обычаю, допускаются иноземные послы въ Турцію, но отнюдь не отправляются султаномъ послы въ другія государства.

Весьма интересно донесеніе Нащокина о тогдашнемъ состояніи Турціи и Греціи. «Въ Турціи нынѣ—писалъ онъ—все измѣнилось: султанъ и паши мыслятъ единственно о корысти; первый умножаетъ казну, а для чего, неизвѣстно: прячетъ золото въ сундукахъ и не даетъ жалованья войску, которое въ ужасномъ мятежѣ недавно приступало ко дворцу, требуя головы дефтердаря или казначея. Нѣтъ ни устройства, ни правды въ государствѣ. Султанъ обираетъ чиновниковъ, чиновники обираютъ народъ; вездѣ грабежъ и смертоубійства; нѣтъ безопасности для путешественниковъ на дорогахъ, ни для купцовъ въ торговлѣ. Земля опустѣла отъ войны Персидской, насилія и мздоимства, особенно Молдавская и Волошская, гдѣ непрестанно смѣняютъ господарей. Греки въ страшномъ утѣсненіи: бѣдствуютъ, не имѣя и надежды на будущее».

Узнавъ, что при возвращеніи изъ Константинополя Нащокина султанъ отпуститъ съ нимъ своего чауша править посольство въ Московскомъ государствѣ, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ послалъ на Донъ дворянина Ивана Васильевича Измайлова съ грамотой къ казакамъ и для приготовленія встрѣчи Нащокину и чаушу. Двѣсти или триста казаковъ должны были отправиться съ Измайловымъ къ Азову, дождаться тамъ прибытія Нащокина и чауша и проводить ихъ до Украйны «урядно, по прежнимъ обычаямъ». Въ грамотѣ повторялось увѣщаніе, чтобы донскіе казаки помирились съ азовцами. Царь требовалъ, чтобы казаки не ходили моремъ на турецкіе города и не чинили бы никакого задора даже въ томъ случаѣ, если имъ будетъ какая нибудь досада со стороны Азова. Если же по винѣ казаковъ произойдетъ недружба или ссора между царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и турецкимъ султаномъ, тогда казаки будутъ въ опалѣ, никогда не посмѣютъ пріѣхать въ Москву, и царь пошлетъ на Донъ къ Роздорамъ большую рать, велитъ поставить тамъ городъ и сгонитъ казаковъ съ Дона; «и вамъ отъ насъ и отъ Турсково султана гдѣ избыти, толко начнете такъ воровать, какъ нынѣ воруете?» Грамота заканчивалась повелѣніемъ итти на Калміусъ громить Арослановъ улусъ, добыть языковъ и прислать ихъ въ Москву, чтобы увѣдомить о намѣреніяхъ крымскаго хана. Если же до пріѣзда Нащокина и турецкаго чауша ханъ и царевичи вмѣстѣ съ азовскими людьми не пойдутъ на Московскія украйны, то донскіе казаки должны итти на перевозъ, и на дороги, и на Донецъ Сѣверскій и промышлять вмѣстѣ съ Путивльскими людьми и съ Запорожскими Черкасами, которые по царскому указу прибудутъ, противъ крымскаго хана на Донецъ. Казаки не хотѣли однако «показать своей службы», по царскому требованію, и кн. Волконскій, отправленный встрѣчать турецкаго посланника подъ Азовъ, донесъ царю, что казаки отказались дать провожатыхъ, говоря, что неволею они никого не могутъ послать, а если кто поѣдетъ по охотѣ—тѣмъ они не запретятъ.

Нащокинъ пробылъ въ отсутствіи изъ Москвы съ 6 апрѣля 1592 г. по 2-е октября 1593 г. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1593—1597 гг.) мы ничего не знаемъ о его службѣ, а въ 1597 г. онъ, вмѣстѣ съ окольничимъ кн. Иваномъ Васильевичемъ Великаго-Гагинымъ и дьякомъ Тимоѳеемъ Петровымъ, составлялъ десятню по г. Ряжску и завѣдывалъ раздачей денежнаго жалованья въ Коширѣ и Мещерѣ. Въ 1598 г., когда царь Борисъ Годуновъ пошелъ въ Серпуховъ противъ крымскаго хана Казыгирея, Москва была раздѣлена на участки, въ которые назначены воеводы; Тимоѳей Ивановичъ Сабуровъ и Нащокинъ вѣдали новый деревянный городъ, отъ Тверской улицы до Яузы и до Москвы рѣки и до новаго Каменнаго города.

Въ 1586 г., въ то время, какъ Григорій Аѳанасьевичъ Нащокинъ исполнялъ дипломатическое порученіе въ Литвѣ,—на Лукахъ Великихъ стояло московское войско; воеводами въ большомъ полку были: кн. Василій Дмитріевичъ Хилковъ и другой Григорій Аѳанасьевичъ Нащокинъ. Одинаковость именъ ввела въ заблужденіе Карамзина, и говоря о пораженіи московскаго войска подъ Торопцомъ, онъ выразился такъ: «Въ семъ жаркомъ дѣлѣ плѣнили сановника царскаго Григорья Нащокина, употребляемаго въ посольствахъ». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту приведена слѣдующая выписка изъ разряда: «1 октября пришла вѣсть къ Государю, что воеводъ, кн. Василія Хилкова съ товарищи побили, а убили воеводу

Григорья Аѳанасьева Нащокина, а взяли Деменшу Черемисинова». Изъ предыдущаго изложенія видно, что Григорій Аѳанасьевичъ Нащокинъ, исполнявшій дипломатическую службу въ 1580 г., былъ живъ еще въ 1598 г.

Др. Рос. Вивл.. XIII, с. 114. — Синб. Сб., с. 71, 100, 127, 136.—Собр. Гос. Грам. и Догов., II, 125—127.—Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос., IX, с. 185. пр. 540, 543, 546; X, с. 100—102. пр. 297, 299. — Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи, II, с. 359, 361; III, с. 31, 32.— Соловьевъ. Исторія Россіи, VI, с. 369; VII, 379—383, 385.

В. Корсакова.

Нащокинъ, *Григорій Борисовичъ*, думный дворянинъ. Въ 1625 г. присутствовалъ при пріемѣ кизильбашскихъ пословъ Въ 1636 и 1640 г.г. онъ оставался иногда на государевѣ дворѣ въ числѣ другихъ стольниковъ, во время отсутствія царя изъ Москвы. Въ 1646 г. переписывалъ: 1) посадскіе дворы г. Волхова и помѣстныя и вотчинныя селенья и деревни въ станахъ: Нугорскомъ, Одноглуцкомъ и Годыревскомъ и 2) посадскіе дворы г. Бѣлева и села и деревни въ станахъ: Погорѣльскомъ, Благовѣщенскомъ, Вырскомъ (Сныховскомъ тожъ), Руцкомъ, Мокришевскомъ, Бакинскомъ, Лабодинскомъ и Дураковскомъ. Въ 1650 г. за нимъ значились вотчинныя земли въ с. Матвѣевскомъ и въ деревнѣ Лыживицахъ, съ пустошами (Московскаго у., Ростовской волости). Въ 1654 г., во время Польскаго похода, онъ былъ головой у Смольянъ.

Въ 1658 г. Н. уже думный дворянинъ. Въ 1662 г. правитъ вмѣстѣ съ Богданомъ Нащокинымъ посольство въ Данію, къ Фридриху III. Они держали рѣчь, по заведенному порядку, а затѣмъ объявили, что прислано королю датскому въ подарокъ отъ ц. Алексѣя Михайловича 5000 п. пеньки. Король остался очень доволенъ этимъ подаркомъ и велѣлъ сказать имъ, что пенька ему нужна и онъ пошлетъ за нею нарочно корабль въ Архангельскъ. Въ 1664 г.. съ титуломъ намѣстника Козельскаго, Н. велъ переговоры съ польскимъ посланникомъ Самойлой Венцславскимъ о безопасномъ пріѣздѣ въ Смоленскъ русскаго и польскаго посольства, для постановленій мирныхъ договоровъ между обоими государствами. Въ концѣ іюня того же 1664 г. Нащокинъ былъ членомъ посольства для составленія въ Дубровичахъ записи: о размѣнѣ полномочныхъ грамотъ, съ прибавленіемъ въ русской грамотѣ титуловъ, принадлежащихъ польскому королю.

Дв. разр., I, 694; II, 951; III, 110, 417.— Полн. Собр. Зак., I, с. 587, 590. Рос. Истор. Библ., X.; Оп. докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст. СПБ. 1869 г., кн. I, №№ 54, 110, 1356.— Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, с. 224; т. XII, с. 235. *В. Корсакова.*

Нащокинъ, *Петръ Степановичъ*, воевода; умеръ въ Чердыни до 10-го февраля 1614 г. Онъ былъ воеводой въ 1610 г. въ Сольвычегодскѣ, а въ 1612—13 г.г. въ Чердыни. 17-го сентября 1610 г. получилъ грамоту королевича Владислава о роспускѣ даточныхъ людей по домамъ и объ удовлетвореніи ихъ наемными деньгами. 7 апрѣля 1612 г. подписался подъ грамотой кн. Пожарскаго изъ Ярославля на Вычегду. Въ 1613 году Пелымскій воевода Ст. Ст. Годуновъ просилъ его о присылкѣ хлѣбныхъ запасовъ, которые сполна не получались уже пятый годъ, а потому служилые люди могутъ разбрестись; просилъ прислать въ прибавку и служилыхъ людей. Въ концѣ 1613 г. Н. получилъ повелѣніе составить опись г. Чердыни. Любопытно представленное имъ описаніе Чердынскаго посада: въ Перми, т. е. въ Пермской землѣ, «городъ Чердынь деревянный и на городѣ шесть башенъ, а мосты и обломы на городѣ и на башняхъ сгнили и кровли обвалились, а у города четверо ворота, да тайникъ завалился; а на городѣ наряду пушка мѣдная 12 пядей въ станку, а станокъ и колеса ветхія и худы». При частыхъ нападеніяхъ инородцевъ такое состояніе Чердыни было, конечно, весьма опасно.

Акты Археогр. Экси., т. II, 347; III, 14, 15, 81.—Акты ист., II, 352; III, с. 3, 8.—С. Г. Г. и Д., II, с. 610. А. П. Барсуковъ. Списки городовыхъ воеводъ въ XVII ст.—Спб. 1902 г., с. 176, 212.—Пермская лѣтопись 1263—1881г. г., изд. Шишонко. Пермь, 1881 и 1882 г.г., т. I, с. 238; II, с. 34. *В. Корсакова.*

Нащокинъ-Злобинъ, *Петръ Аѳанасьевичъ* (братъ Григорія Аѳонасьевича Нащокина), въ 1573 г. былъ воеводой сторожевого полку въ Ливонскомъ походѣ. Въ 1580 г., будучи тоже воеводой сторожевого полку, участвовалъ въ сраженіи съ литовцами, пришедшими подъ начальствомъ полковника Филона Кмита подъ Смоленскъ. Кмита сбили изъ стана, на другой день нагнали въ 40 верстахъ отъ Смоленска, взяли добычу и много плѣнныхъ, а Кмитъ бѣжалъ. Въ 1581 г., на седьмой свадьбѣ царя Ивана Васильевича

съ Марьей Θед. Нагой, Н—нъ несъ «зголовье царицы». Въ 1583 г., Н. и Волоховъ были посланы на Сѣверную Двину строить г. Архангельскъ. Они прислали царю Ив. Вас. роспись и чертежъ Архангельска; въ теченіе одного года былъ построенъ деревянный городъ Архангельскъ. Въ томъ же 1583 г. Н. и Волоховъ подверглись царской опалѣ за то, что задержали въ Холмогорахъ англійскаго посла Джерома Боуса и сопровождавшую его свиту, впредь до царскаго указа.

Др. Рос. Вивл., XIII, с. 114—Акты Археогр. Экспед., I, 380.—Спнб. Сб. с. 41, 72.—Сб. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII; Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., IX, пр. 547; X, с. 42, пр. 135.

В. Корсакова.

Нащокинъ-Ординъ см. **Ординъ-Нащокинъ.**

Наѳанаилъ, игуменъ Кіевскаго-Михайловскаго монастыря, авторъ сборника догматико-полемическихъ статей противъ уніатовъ, извѣстнаго подъ названіемъ «книги о вѣрѣ единой»; жилъ въ концѣ XVI—перв. полов. XVII в.в. Южно-русскъ по происхожденію, образованіе получилъ въ низшей школѣ іезуитской коллегіи, повидимому, не окончивъ ее, гдѣ «отъ езуитовъ въ малѣ не прельщенъ былъ». Ревнуя о защитѣ православія отъ іезуитскаго «прельщенія», Наѳанаилъ составилъ въ Кіевѣ около 1644 г. сборникъ въ 30-ти главахъ подъ заглавіемъ: «Книжицка или списаніе о вѣрѣ Православной, о св. церкви восточной, о изряднѣйшихъ правовѣрныхъ артикулахъ, отъ божественнаго писанія, путнаго ради случая, въ гоненіи отъ нужды собрана». — «Палинодія» Захарія Копыстенскаго, т. наз. «Азаріева книга о вѣрѣ» и «Апокрисисъ» Христофора Филалета послужили главными источниками сборника (25 главъ изъ 30-ти было взято изъ нихъ). Но, вѣрный своей задачѣ—дать въ руки православнымъ южно-руссамъ не полемическое произведеніе, а сборникъ краткихъ и ясныхъ свѣдѣній о догматическихъ вопросахъ, въ которыхъ православные расходятся съ уніатами и латинянами, Наѳанаилъ тщательно удалялъ изъ своихъ источниковъ ихъ личный характеръ и сглаживалъ ихъ полемическія выходки. Въ 1648 г. «Книга о вѣрѣ» была переведена съ бѣлорусскаго языка на Москвѣ, нѣсколько дополнена и напечатана «тщательствомъ» царскаго духовника Стефана Вонифатьева. Несмотря на свой чисто компилятивный характеръ, «Книга о вѣрѣ» имѣла бо́льшее значеніе, чѣмъ ея источники, какъ среди историковъ церкви, такъ въ особенности среди старообрядцевъ. Старообрядческіе писатели XVII в., развивая свое ученіе о чтеніи 8-го члена символа вѣры, о двуперстіи и особенно о явленіи въ міръ антихриста въ 1666 г., нашли въ той же книгѣ подтвержденія своихъ положеній. «Книга о вѣрѣ», по этой причинѣ была два раза переиздаваема старообрядцами: въ 1785 г. (Гродно) и въ 1876. г (Псковъ).

Филаретъ, „Обзоръ русской духовной литературы“, изд. 3-е, стр. 179; Н. Докучаевъ, „О такъ называемой „Книгѣ о вѣрѣ единой“ („Черниговскія епархіальн. вѣдом.“ 1867 г. №№ 17, 18; 1868 г. №№ 8, 16, 17, 20, 21; 1869, № 3) „Русская Историч. Библіотека“ т. IV, примѣчанія, № 29; Гр. Дементьевъ, „Критическій разборъ такъ называемой „Книги о вѣрѣ“, сравнительно съ ученіемъ глаголемыхъ старообрядцевъ“. Спб. 1883 г.; Э. І. Калужняцкій, „Игум. Наѳанаила „Книга о вѣрѣ“, ея источники и значеніе въ исторіи южно-русской полемической литературы. („Чтенія Имп; Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1886 г., кн. IV); Матеріалы для исторіи раскола, изд. Н. Субботинымъ, т. VI, стр. 143; Д. Цвѣтаевъ „Литературная борьба съ протестанствомъ въ Московскомъ Государствѣ“; Его же, „Протестанство и протестанты въ Россіи“, М. 1890 г., стр. 670—673. *А. Ш—въ.*

Небаба, *Мартынъ*, полковникъ Черниговскій, одинъ изъ видныхъ сподвижниковъ Хмельницкаго. Съ самаго начала борьбы гетмана противъ поляковъ Небаба встрѣчается въ числѣ усердныхъ его помощниковъ, принимавшихъ участіе въ главнѣйшихъ событіяхъ того времени. Небаба настолько выдѣлялся изъ общей массы казачества, что при первомъ образованіи Хмельницкимъ полковъ, онъ сталъ сперва Борзенскимъ, а потомъ—въ 1649 г.—Черниговскимъ полковникомъ; въ этомъ же году онъ былъ начальникомъ особаго отряда, взявшаго, совмѣстно съ отрядами Донца и Головацкаго, городъ Острогъ на Волыни. Въ 1651 году, когда Хмельницкій отправлялся на Волынь, Небаба былъ оставленъ съ полками Черниговскимъ и Нѣжинскимъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и стоялъ въ Черниговѣ, занимаясь, по замѣчанію современника, пьянствомъ и ссорами съ другими предводителями. Послѣ побѣды подъ Берестечкомъ, поляки выслали на лѣвый берегъ Днѣпра отрядъ подъ начальствомъ Мирскаго, который напалъ врасплохъ на казацкую стражу, состоявшую

изъ трехсотъ человѣкъ, и почти всю ее уничтожилъ. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ изъ этого отряда казаковъ успѣли сообщить Небабѣ о появленіи поляковъ, и тотъ, по замѣчанію лѣтописца, «порвавшись неисправно противъ исправнаго войска», встрѣтилъ въ іюлѣ отрядъ Мирскаго подъ Рѣпками. У Небабы было пятнадцать тысячъ войска, и онъ почиталъ себя непобѣдимымъ, надѣясь уничтожить незначительный отрядъ Мирскаго; но князь Радзивиллъ удачно зашелъ въ тылъ казацкому войску въ то время, когда оно было занято сраженіемъ. Въ этомъ сраженіи казаки почти всѣ полегли; Небаба, лишившись коня, побѣжалъ, но былъ настигнутъ и убитъ вмѣстѣ со своимъ братомъ, а поляки разорили Черниговъ. Послѣ Небабы осталось два сына, потомство которыхъ существуетъ и донынѣ.

Н. И. Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій Спб., 1859, т. т. I и II; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. III, дополн., стр. 46, 104; Лѣтопись Самовидца, стр. 27, 223, 232; Лѣтопись Величка, т. I, стр. 300 Лѣтопись Грабянки, стр. 58, 94, 106, 227. Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южн. и Зап. Руси, стр. 12; „Кіевская Старина“ 1882 г., т. IV, стр. 333—334; А. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I, стр. 179, 299; т. II, стр. 136, 157; Реестръ Войска Запорожскаго, изд. Бодянскимъ, стр. 329; Памятники, изданные Кіевской Археограф. Коммиссіей, т. I, отд. 3, стр. 383, 390; т. II, отд. 3, стр. 99. *В. М.*

Небольсинъ, *Николай Андреевичъ*,— Московскій гражданскій губернаторъ, сенаторъ; р. 10-го декабря 1785 г. и происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Получивъ домашнее воспитаніе, онъ, по обычаю того времени, поступилъ въ военную службу въ Навагинскій Мушкатерный полкъ, откуда въ 1806 г. перешелъ въ лейбгвардіи Гусарскій полкъ; въ 1811 году въ чинѣ полковника вышелъ въ отставку. Во время Отечественной войны онъ снова вступилъ въ ряды арміи, будучи 15-го іюля 1812 года назначенъ командиромъ Коннаго полка Костромскаго ополченія. Этимъ полкомъ онъ командовалъ по 10-е апрѣля 1815 г. и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ заграничномъ походѣ, во время котораго былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-й ст. По возвращеніи въ Россію Небольсинъ вышелъ въ отставку и вновь опредѣлился на службу лишь въ 1825-мъ году чиновникомъ особыхъ порученій къ Московскому военному генералъ-губернатору съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники и пожалованіемъ въ камергеры Высочайшаго двора. 6-го мая 1826 г. Небольсинъ былъ сдѣланъ управляющимъ коммиссіею для взысканія долговъ по Московской ссудѣ, черезъ годъ назначенъ Московскимъ вице-губернаторомъ, 30-го января 1829 года—Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Н. А. Небольсинъ скончался въ званіи сенатора и въ чинѣ д. тайн. сов., 8-го сент. 1846 года.

Степанъ Масловъ, „Историческое обозрѣніе Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства“, Москва 1846 г. Приложенія стр. 50, 111, 265;—„Мѣсяцесловъ“ на 1848 г. стр. 167;—Формулярный списокъ о службѣ; „Московскій Некрополь“, т. II.

Б. Алексѣевскій.

Небольсинъ, *Петръ Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ. Въ военную службу поступилъ въ 1772 году зачислившись унтеръ-офицеромъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, въ составѣ котораго участвовалъ въ походахъ на Польшу. Въ 1779 году онъ переведенъ въ Днѣпровскій гренадерскій полкъ, въ рядахъ котораго принялъ участіе въ покореніи Крыма, находился при взятіи Тульчи, Исакчи и при бомбардированіи Измаила; въ 1794 г. онъ былъ переведенъ въ Черниговскій гренадерскій корпусъ, и вскорѣ произведенъ въ премьеръ-маіоры. Въ 1800 г., уже въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ шефомъ гарнизоннаго князя Вяземскаго полка (впослѣдствіи Ахтырскаго егерскаго), а въ 1802 году перемѣщенъ въ Троицкій Мушкатерскій полкъ съ назначеніемъ полковымъ командиромъ. Въ 1804 г. Небольсинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ Троицкаго полка. Въ продолженіе 1804—1805 г. онъ участвовалъ въ походахъ за Кубань, а въ 1806 г. въ рядѣ сраженій съ Персами, за что былъ награжденъ орденомъ Георгія 3 ст. Въ томъ же году онъ принялъ участіе при взятіи Нухи. Въ 1808 г. Небольсинъ былъ въ походѣ при покореніи Нахичевани и оттѣсненіи персовъ за рѣку Араксъ. Скончался П. Ѳ. Небольсинъ въ 1810 г.

„Акты, собранные Кавказскою Археологическою коммиссіею“. Тифлисъ 1884 г. Томъ IX стр. XXIV.

Неваховичи — литературная семья, изъ представителей которой пользовались извѣстностью Левъ Николаевичъ Неваховичъ и его двое сыновей—Александръ и Михаилъ.

Левъ (Лейба) *Николаевичъ*—писатель и драматургъ; род. въ 1780-хъ гг., умеръ 1-го августа 1831 г. въ Петербургѣ. Л. Н. Неваховичъ — по происхожденію еврей, сынъ варшавскаго банкира, впослѣдствіи (въ началѣ 1800-хъ гг.) принявшій православіе и получившій во св. крещеніи имя Льва. Всю жизнь свою онъ провелъ на службѣ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ (съ 1803 г.) въ Петербургѣ и Варшавѣ; кромѣ того, онъ занимался и коммерческими дѣлами. Имѣя досугъ, онъ успѣлъ проявить свое небольшое литературное дарованіе и прекрасное знакомство съ европейскими языками въ рядѣ драматическихъ произведеній, а также сочиненій философскаго, богословскаго, критическаго содержанія и переводовъ. Изъ произведеній его наибольшимъ успѣхомъ пользовалась его пятиактная драма «Сульоты, или спартанцы XVIII столѣтія», представленная въ первый разъ на петербургской сценѣ 30-го мая 1809 г.; ему же принадлежитъ переводъ со шведск. яз. пятиактной трагедіи «Оденъ, царь скіѳскій» (1810 г.) и оригинальная драма «Мечъ правосудія» (1832 г.); говорятъ, что не безъ участія Л. Н. Неваховича была написана кн. А. А. Шаховскимъ трагедія «Дебора» (1810 г.). Кромѣ пьесъ, имъ написаны «Вопль дщери іудейской» (1803 г., за подписью: Лейба Неваховичъ), «Человѣкъ въ природѣ, переписка двухъ просвѣщенныхъ мужей» (1804 г.), «Примѣчанія на рецензію касательно опыта россійской исторіи Елагина» (1806 г.), переводъ изъ Гердера: «Мысли, относящіяся къ философической исторіи человѣчества» (1829 г.) и др. Свои литературныя наклонности онъ успѣлъ передать и своимъ сыновьямъ—Александру и Михаилу.

Александръ Львовичъ—получилъ хорошее домашнее образованіе и имѣлъ большія познанія въ области иностранной литературы. Литературныя наклонности А. Л. обнаружились довольно рано; онъ писалъ недурные стихи, которые печатались въ «Сѣв. Пчелѣ», а также перевелъ съ франц. два веселыхъ фарса, имѣвшихъ успѣхъ: «Гусманъ д'Альфарашъ» (1829 г.) и «Поэзія любви» (1849 г.). Страсть къ театру привела его на службу въ дирекцію Императорскихъ театровъ, сначала въ качествѣ секретаря директора А. М. Гедеонова, а затѣмъ и начальника репертуарной части. Въ послѣдней должности онъ не оказалъ какихъ-либо особыхъ заслугъ русскому театру, но воспоминанія современниковъ единодушно отмѣчаютъ прекрасный характеръ А. Л. и его добрыя отношенія къ актерамъ. Выйдя въ отставку, А. Л. ѣздилъ съ итальянской труппой въ Константинополь, но, потерпѣвъ неудачу, совершенно оставилъ театральное дѣло, переселился за границу, гдѣ и умеръ въ концѣ 1880 г.

Михаилъ Львовичъ (род. 6-го іюля 1817 г. въ Варшавѣ, ум. 23-го авг. 1849 г. въ Одессѣ), стяжалъ себѣ извѣстность, какъ карикатуристъ. Онъ учился въ Горномъ корпусѣ, но, не окончивъ курса, въ 1833 г. опредѣлился юнкеромъ въ Курляндскій полкъ, откуда, послѣ кратковременной отставки, поступилъ въ Сумскій гусарскій, а затѣмъ перевелся въ Клястецкій полкъ, изъ состава котораго вышелъ въ 1841 г. въ отставку въ чинѣ штабъ-ротмистра, переселился въ Петербургъ и вскорѣ женился на извѣстной танцовщицѣ Т. П. Смирновой. Съ 1846 года онъ началъ издавать журналъ «Ералашъ», доставившій ему скоро большую извѣстность. Это былъ одинъ изъ первыхъ опытовъ юмористическаго каррикатурнаго журнала въ Россіи на злободневныя темы, составляющій нынѣ библіографическую цѣнность. «Ералашъ» просуществовалъ четыре года и вышелъ въ количествѣ 16 тетрадей, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ литографировались по нѣсколько разъ. Изъ карикатуръ, помѣщенныхъ въ «Ералашѣ» въ особенности извѣстна «Шествіе въ храмъ славы». Н. писалъ и для театра; такъ ему принадлежитъ оригин. водевиль «Великанъ изъ Америки». (1849 г.). Въ началѣ 1850 г., М. Л. Неваховичъ, страдавшій аневризмомъ сердца, чувствуя себя плохо, выѣхалъ на югъ и въ августѣ того же года внезапно скончался.

О Неваховичахъ вообще и въ частности о Л. Н. Неваховичѣ, см. „Сѣв. Пчела“, 1831, № 179; „Колокольчикъ“ 1831, № 66; „Музык. и Театр. Вѣстникъ“ 1857; словари Толля, Брокгауза и Ефрона, „Опытъ словаря псевдонимовъ рус. писателей“ В. С. Карцова и М. Н. Мазаева; Ив. Носовъ. „Воспоминанія стараго актера“, Спб. 1857, стр. 12–15; В. Р. Зотовъ, „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“ („Истор. Вѣстн. 1890, апр.; стр. 103—114); П. А. Каратыгинъ, „Записки“, Спб. 1880; стр. 4—5; „Воспоминанія“ А. Я. Головачевой. — Панаевой, Спб. 1890, стр. 1, 19—20; „Записки“ Грибовскаго, М. 1899, стр. 151; Арапов „Лѣтопись русскаго театра“, стр. 193 и 206; А. И. Вольфъ, „Хроника петербургскихъ театровъ“ (по указат.); „Библіо-

графич. Записки“ 1859, № 13, стр. 413. Въ этихъ же источникахъ имѣются свѣдѣнія и объ обоихъ сыновьяхъ Л. Н.; объ А. Л. Наваховичѣ, кромѣ того, см. „Нов. Время“ 1880, № 1694; „Суфлеръ“ 1880, № 87, „Сѣв. Пчела“ 1849, №№ 85. 125, 174; 1850, №№ 22, 260; 1856. № 83 и др. „Пантеонъ и реперт. рус. сцены“ 1850, янв.; „Воспоминанія актера А. А. Алексѣева“ М. 1894; стр. 145 147. Некрологи М. А. Неваховича помѣщены въ „Современникѣ“ 1850 г., т. 23, стр. 206—209; въ „Сѣв. Пчелѣ», 1851, № 14, „Пантеонъ“ 1850, № 9. стр. 35. „Библіот. для Чтенія“, т. 76, май; отд. VI, стр. 1—2.

Б. Алексѣевскій.

Невельской, *Геннадій Ивановичъ*,— адмиралъ, членъ ученаго отдѣленія морского техническаго комитета, одинъ изъ крупныхъ дѣятелей по изслѣдованію и присоединію Амурскаго края и острова Сахалина. Г. И. Невельской родился 25-го ноября 1813 г. въ Солигаличскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, и происходилъ изъ старинной дворянской семьи; на шестнадцатомъ году, былъ помѣщенъ въ морской кадетскій корпусъ; въ январѣ 1831 года, произведенный въ гардемарины, плавалъ на кораблѣ «Вел. Кн. Михаилъ» между Кронштадтомъ, Либавой и Данцигомъ, а затѣмъ на «Кульмѣ» крейсеровалъ у Красной горки. Произведенный 21-го декабря 1832 года въ мичмана, Н. тогда же былъ прикомандированъ къ офицерскимъ классамъ, гдѣ и продолжалъ свое морское образованіе. Далѣе, въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ онъ плавалъ на разныхъ корабляхъ по Финскому заливу и Балтійскому морю. Произведенный затѣмъ въ лейтенанты, Н. сначала на фрегатѣ «Беллона», а затѣмъ на фрегатѣ «Аврора» совершилъ нѣсколько плаваній съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и одно время былъ его руководителемъ въ морскихъ наукахъ. Въ 1844 г. онъ совершилъ болѣе отдаленное плаваніе—изъ Кронштадта въ Архангельскъ, а въ 1845—1846 гг. плавалъ на кораблѣ «Ингерманландъ» по Средиземному морю. Во время плаваній Н. свободное отъ служебныхъ занятій время посвящалъ изученію восточной Азіи, ея береговъ и омывающихъ ихъ водъ по тѣмъ матеріаламъ, какіе ему удавалось находить въ русской и иностранной литературѣ; тогда же у него зародилось и желаніе отправиться въ экспедицію на Дальній Востокъ для изслѣдованія Амурскаго лимана. Дѣло въ томъ, что всѣ болѣе ранніе изслѣдователи отрицали возможность судоходства по Амуру для судовъ съ осадкою болѣе пяти футовъ, самый же лиманъ считали доступнымъ лишь для судовъ не болѣе шестнадцати футовъ углубленія, почему и императоръ Николай I высказалъ объ Амурѣ слѣдующее мнѣніе: «для чего намъ эта рѣка, когда нынѣ уже положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только однѣ лодки». Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ высказалъ и нежеланіе дальнѣйшихъ попытокъ къ изслѣдованію этой рѣки. Между тѣмъ Н., изучая матеріалы, добытые прежними изслѣдователями Амура и его лимана, пришелъ къ убѣжденію въ ошибочности этихъ заключеній. Но самому ему отправиться на Востокъ пришлось не скоро. Лишь въ 1846 г., произведенный въ капитанъ-лейтенанты и назначенный командиромъ строившагося военнаго транспорта «Байкалъ», предназначавшагося для доставки въ Охотскъ и Петропавловскъ провіанта и другихъ грузовъ, Н. рѣшилъ воспользоваться предстоящимъ плаваніемъ для изслѣдованія р. Амура и его лимана, хотя въ высшихъ правительственныхъ сферахъ въ то время и существовало вполнѣ опредѣленное мнѣніе о несудоходности Амура и о ненужности новыхъ изслѣдованій; къ тому же вопросъ объ Амурѣ имѣлъ и политическій характеръ, въ виду чего предпринять что либо безъ согласія министерства иностранныхъ дѣлъ было бы очень рисковано. Невельской изложилъ свой взглядъ на р. Амуръ тогдашнему начальнику главнаго морского штаба кн. А. С. Меньшикову, который отнесся къ плану Н. вполнѣ сочувственно и посовѣтовалъ ему обратиться къ графу Н. Н. Муравьеву, тогда только что назначенному генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Муравьевъ, находившійся въ Петербургѣ, обѣщалъ ему широкое содѣйствіе; кн. Меньшиковъ согласился на свой рискъ дать Невельскому инструкцію осмотрѣть юго-восточный берегъ Охотскаго моря между тѣми мѣстами, которыя были опредѣлены и усмотрѣны прежними мореплавателями; послѣ чего сдавъ транспортъ въ Охотскѣ, Н. съ офицерами долженъ былъ вернуться въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ касательно Амура князь сказалъ, что хотя безъ Высочайшаго разрѣшенія нельзя предпринимать новаго изслѣдованія, но если осмотръ будетъ произведенъ «случайно» и безъ всякихъ несчастій, то можетъ быть это пройдетъ для него благополучно. Получивъ такія неопредѣленныя инструкціи, гдѣ вся

ответственность должна была пасть на него, Н., однако, не палъ духомъ и рѣшилъ привести въ исполненіе свою завѣтную мысль. 21-го августа 1848 г. онъ вышелъ изъ Кронштадта, не дожидаясь болѣе обстоятельной инструкціи, проектъ которой былъ составленъ и отправленъ Невельскимъ гр. Муравьеву.

По пути онъ посѣтилъ Портсмутъ, Ріо-Жанейро и Вальпарайзо и въ началѣ мая 1849 года прибылъ въ Петропавловскъ, гдѣ сдалъ привезенный грузъ. Между тѣмъ, вслѣдъ за отъѣздомъ на Востокъ, былъ поднятъ вопросъ объ Амурѣ въ правительственныхъ сферахъ и въ январѣ 1849 года Высочайше утвержденъ особый комитетъ по этому вопросу. Комитетъ, дѣйствовавшій, согласно съ планами тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде, призналъ необходимымъ соблюдать чрезвычайную осторожность, и хотя считалъ желательнымъ, чтобы лѣвый берегъ устья рѣки Амура и лежащая напротивъ часть острова Сахалина не были заняты никакою постороннею державою, но въ то же время былъ рѣшительно противъ занятія какихъ-либо пунктовъ въ указанной мѣстности нашей военной силой, опасаясь, чтобы это не вызвало осложненій съ Китаемъ и Японіей. Поэтому комитетъ рекомендовалъ отправить изъ Аянскаго порта небольшую морскую экспедицію съ цѣлью завязать торговыя сношенія съ гиляками и тѣмъ упрочить среди нихъ наше вліяніе. Однако, благодаря энергичнымъ представленіямъ гр. Муравьева, его инструкція Невельскому въ январѣ 1849 года была утверждена и послана графу въ Иркутскъ, откуда Муравьевъ отправилъ ее со штабсъ-капитаномъ Корсаковымъ въ Охотскъ съ тѣмъ расчетомъ, что изъ Охотска до Петропавловска Корсаковъ доберется моремъ. Но долго не открывавшаяся навигація задержала Корсакова въ Охотскѣ до іюня мѣсяца, а въ то время Н., сдавъ въ Петропавловскѣ грузъ, на свой страхъ отправился произвести изслѣдованіе Амурскаго лимана и береговъ Сахалина, такъ что Корсаковъ уже не засталъ его въ Петропавловскѣ. Не удалось Корсакову встрѣтить Невельскаго и у береговъ Сахалина. Н., выйдя со своимъ транспортомъ «Байкалъ» изъ Петропавловска, 24-го іюня бросилъ якорь у мыса Головачева и послалъ къ тому мысу двѣ шлюпки съ лейтенантомъ Гревенсомъ и мичманомъ Гейсмаромъ. Изслѣдованія этихъ офицеровъ выяснили, что входа въ Амурскій лиманъ около этого мыса не существуетъ, а потому, произведя опись берега, Н. на другой же день пошелъ къ противоположному материковому берегу. Послѣ цѣлаго ряда промѣровъ и поисковъ, Н., наконецъ, удалось найти (26-го іюня) входъ въ Амурскій лиманъ, гдѣ онъ и сталъ на якорь. Такимъ образомъ, ошибочность мнѣнія, высказаннаго столь авторитетными мореплавателями, какъ Лаперузъ, Браутонъ, Крузенштернъ и др., о недоступности Амурскаго лимана для мореходныхъ судовъ, была доказана, и оставалось только выяснить, насколько лиманъ и устье рѣки Амура могутъ быть пригодны для плаванія большихъ морскихъ судовъ. Не имѣя возможности сдѣлать точную опись всего лимана, занимающаго около 2000 квадратныхъ верстъ, Н. рѣшилъ изслѣдовать на гребныхъ судахъ лишь сѣверную часть этого лимана, и 10-го іюля съ тремя офицерами, докторомъ и 14-ю нижними чинами на трехъ шлюпкахъ пошелъ по лиману, захвативъ съ собою провизіи на три недѣли. Послѣ чрезвычайно труднаго плаванія, во время котораго постоянно производились самыя тщательные промѣры и описи, Н. вошелъ въ Амуръ, дошелъ до полуострова, названнаго имъ Константиновскимъ полуостровомъ, и затѣмъ, послѣ 22-хъ дневнаго плаванія, снова возвратился на транспортъ. Во время этого изслѣдованія Н. окончательно убѣдился, что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ; что входъ въ лиманъ съ Татарскаго залива, черезъ открытый имъ 22-го іюля 1849 года проливъ, доступенъ для мореходныхъ судовъ всѣхъ ранговъ, а съ сѣвера изъ Охотскаго моря, равно и сообщеніе черезъ лиманъ Татарскаго залива съ этимъ моремъ — для судовъ, сидящихъ въ водѣ до 23-хъ футовъ, и что въ устье р. Амуръ изъ Татарскаго залива могутъ проходить суда съ осадкою въ 15 футовъ, а изъ Охотскаго моря— суда, сидящія въ водѣ до 12 ти футовъ. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ справедливости своихъ предположеній относительно Амурскаго лимана и острова Сахалина, Н. сталъ торопиться выполнить возложенное на него порученіе—произвести опись юго-восточнаго берега Охотскаго моря до Тугурской губы, и поэтому 3-го августа вышелъ изъ лимана и отъ горы

кн. Меньшикова началъ опись материковаго берега; вскорѣ онъ открылъ и описалъ большой заливъ Счастія и заливъ св. Николая. У этого залива Н. встрѣтился съ прапорщикомъ корпуса штурманомъ Д. И. Орловымъ, посланнымъ розыскать транспортъ «Байкалъ» и сообщить Н., что въ Аянѣ ожидаютъ его важныя распоряженія высшаго начальства. Н. тотчасъ же поспѣшилъ въ Аянъ и прибылъ туда 3-го сентября. Въ Аянѣ онъ засталъ штабсъ-капитана Корсакова, который вручилъ ему Высочайше утвержденную инструкцію объ изслѣдованіи устья рѣки Амура; черезъ Корсакова онъ отправилъ и свое донесеніе кн. А. С. Меньшикову. Въ Аянѣ же Невельскаго встрѣтилъ и гр. Н. Н. Муравьевъ, который былъ первымъ изъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, посѣтившимъ Охотскъ и Петропавловскъ. Эта встрѣча была особенно пріятна для Муравьева, потому что въ Аянѣ распространился слухъ о гибели «Байкала» на пути изъ Петропавловска. Въ своемъ отношеніи къ кн. Меньшикову по поводу экспедиціи Невельскаго, гр. Муравьевъ писалъ, между прочимъ, что, по его мнѣнію, ни одна изъ предшествовавшихъ экспедицій не представляетъ для Россіи такихъ важныхъ послѣдствій, какія истекаютъ изъ открытій Н., несмотря на то, что все это произведено безъ всякихъ особыхъ затратъ казны и съ ничтожными средствами, на суммы, ассигнованныя для доставленія груза въ наши сибирскіе порта. Изъ Аяна Н. отправился въ Охотскъ, сдалъ тамъ транспортъ и сухимъ путемъ поѣхалъ въ Якутскъ, откуда вмѣстѣ съ гр. Муравьевымъ, отправился въ Иркутскъ. Донесеніе Н. о произведенномъ имъ изслѣдованіи Амурскаго лимана вызвало въ высшихъ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ большое оживленіе. Особенно негодовалъ на Н. гр. Нессельроде, бывшій предсѣдателемъ упомянутаго комитета по вопросу объ Амурѣ. Гр. Нессельроде поддерживали гр. Чернышевъ, тогдашній военный министръ, адмиралъ Сенявинъ и многіе другіе члены комитета. Однако, все окончилось для Н. довольно счастливо и даже 6-го декабря 1849 года за благополучный приходъ транспорта въ въ Петропавловскъ, скорое и въ хорошемъ состояніи доставленіе грузовъ и за сохраненіе здоровья команды онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга.

Переѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ января 1850 года, Н. представилъ кн. Меньшикову всѣ журналы и карты своихъ изслѣдованій и открытій, а также рапортъ гр. Н. Н. Муравьева. Послѣдній, основываясь на изслѣдованіи Невельского, настаивалъ на немедленномъ занятіи устья Амура и требовалъ для того 70 человѣкъ воинскихъ чиновъ. Гр. Нессельроде увѣрялъ, что устье этой рѣки занято сильной китайской флотиліей съ командой свыше 4000 человѣкъ и потому всякія рѣшительныя дѣйствія будутъ крайне рискованы. Кромѣ того, онъ, какъ и многіе изъ членовъ комитета, продолжалъ оставаться при прежнемъ мнѣніи, что лиманъ и устье р. Амура недоступны для мореходныхъ судовъ, а потому и не имѣютъ для насъ никакого значенія. Представленія Муравьева поддерживали лишь кн. Меньшиковъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій. 2-го февраля 1850 года Н. былъ призванъ въ засѣданіе особаго комитета, гдѣ, не смотря на нападки со стороны гр. Нессельроде, Чернышева и Сенявина, представленіе Муравьева отчасти было утверждено, и Невельской былъ назначенъ въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири; однако ему было предписано ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не касаться лимана и р. Амура. 8-го февраля, того же 1850 г. Невельской былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, съ переводомъ въ охотскую флотилію, и вслѣдъ за тѣмъ отправился въ Иркутскъ, а изъ Иркутска—въ Якутскъ, откуда на транспортѣ «Охотскъ» съ 25 человѣками команды 27-го іюня прибылъ въ заливъ Счастія. Здѣсь, два дня спустя, онъ уже заложилъ зимовье, названное имъ Петровскимъ. Выборъ мѣста оказался, впрочемъ, очень неудачнымъ, такъ какъ отсюда невозможно было слѣдить за устьемъ Амура и амурскимъ побережьемъ. Это обстоятельство заставило Невельского, вопреки запрещенію, войти въ Амуръ; онъ на собственный рискъ въ шлюпкѣ съ пятью вооруженными матросами отправился въ опасное путешествіе. Отъѣхавъ около 100 верстъ вверхъ по рѣкѣ, онъ встрѣтилъ группу пришлыхъ маньчжуръ, занимавшихся эксплоатаціей инородческаго населенія; они отнеслись къ нему очень враждебно и заявили, что этотъ край принадлежитъ имъ. Н. направилъ въ нихъ находившійся у него фальконетъ, чѣмъ сразу

ихъ успокоилъ. Изъ бесѣдъ съ маньчжурами онъ скоро узналъ: 1) что маньчжурамъ запрещено спускаться по рѣкѣ Амуру и что они приходятъ сюда самовольно; 2) что на всемъ пространствѣ по берегамъ рѣки до Каменныхъ горъ нѣтъ ни одного китайскаго или маньчжурскаго поста; 3) что всѣ народы, обитающіе на этомъ пространствѣ, по рѣкамъ Амуру и Уссури и до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платятъ, и 4) что рѣка Амуръ при устьяхъ впадающихъ въ нее рѣкъ—Сунгари и Уссури, а равно и эти послѣднія вскрываются отъ льда гораздо ранѣе, чѣмъ р. Амуръ у своего устья. Изъ этихъ данныхъ особенно важнымъ было то, что вся мѣстность по р. Амуру отъ Каменныхъ горъ оказывалась совершенно не подчиненной китайскому правительству, а поэтому не было никакого основанія откладывать далѣе занятіе ея Россіей, и Н. тогда же объявилъ маньчжурамъ и инородцамъ, что хотя русскіе давно не бывали на Амурѣ, но они всегда считали эту рѣку до Каменныхъ горъ, а равно и всю страну съ моря съ островомъ Сахалиномъ своею и что русскій Великій Царь принимаетъ отнынѣ подъ свое покровительство и защиту всѣхъ жителей, обитающихъ въ этомъ краѣ, для защиты коихъ отъ насилій, причиняемыхъ приходящими въ эту страну иностранными судами, русское правительство рѣшило принять самыя энергичныя мѣры и теперь же поставить вооруженные посты въ заливѣ Искай (Счастія) и при устьѣ рѣки Амура. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы занятіе Амурскаго края русскими было извѣстно и иностраннымъ судамъ, Н. отдалъ гилякамъ приказаніе предъявлять всѣмъ приходящимъ судамъ объявленіе слѣдующаго содержанія: «Отъ имени россійскаго правительства симъ объявляется всѣмъ иностраннымъ судамъ, плавающимъ въ Татарскомъ заливѣ, что такъ какъ прибрежье этого залива и весь приамурскій край, до корейской границы, съ островомъ Сахалиномъ, составляютъ россійскія владѣнія, то никакія здѣсь самовольныя распоряженія, а равно и обиды обитающимъ инородцамъ не могутъ быть допускаемы. Для этого нынѣ поставлены россійскіе военные посты въ заливѣ Искай и на устьѣ р. Амуръ. Въ случаѣ какихъ-либо нуждъ или столкновеній съ инородцами нижеподписавшійся, посланный отъ правительства уполномоченнымъ, предлагаетъ обращаться къ начальникамъ этихъ постовъ». Отправившись обратно къ лиману и достигнувъ 1-го августа мыса Кусгда (Константиновскій полуостровъ), Н. въ присутствіи собравшихся изъ окрестныхъ поселеній гиляковъ, при салютѣ изъ фальконета и ружей, поднялъ русскій военный флагъ, въ знакъ фактическаго занятія русскими амурскаго края. Здѣсь же на Константиновскомъ полуостровѣ, Невельской оставилъ при флагѣ военный постъ, названный Николаевскимъ и состоявшій изъ 6 человѣкъ матросовъ при фальконетѣ и шлюпкѣ. Этимъ-то шести человѣкамъ было поручено охранять новое пріобрѣтеніе Россіи, простиравшееся на нѣсколько тысячъ верстъ и сообщающееся съ остальной Россіей лишь моремъ; но большей охраны изъ своей команды въ 25 человѣкъ Невельской выдѣлить не могъ.

Возвратившись въ Петровское зимовье, Невельской вскорѣ отплылъ въ Аянъ, а оттуда въ Иркутскъ, чтобы лично убѣдить генералъ-губернатора въ крайней необходимости принять рѣшительныя мѣры къ прочному утвержденію русскихъ въ нижнеприамурскомъ краѣ; но въ Иркутскѣ онъ уже не засталъ гр. Муравьева, уѣхавшаго въ Петербургъ, куда въ декабрѣ того-же 1850 года отправился и Невельской. Между тѣмъ, въ Петербургѣ, для разсмотрѣнія донесенія Н., по повелѣнію императора Николая I, былъ учрежденъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде. Въ числѣ членовъ этого комитета были, между прочимъ, кн. А. С. Меньшиковъ, Л. А. Перовскій и Н. Н. Муравьевъ. Н. Н. Муравьевъ объявилъ комитету, что всѣ дѣйствія Н. вполнѣ согласны съ его взглядами; кн. Меньшиковъ и Л. А. Перовскій поддерживали Муравьева, обративъ особенное вниманіе членовъ комитета на то, что дѣйствія Невельского были вызваны важными обстоятельствами, встрѣченными имъ на мѣстѣ, и что послѣ этого слѣдуетъ не только усилить Николаевскій постъ, но и въ Амурскомъ лиманѣ и Татарскомъ заливѣ необходимо постоянно имѣть военное судно; но Чернышевъ, гр. Нессельроде, Сенявинъ и др. заявили, что послѣ объявленія Невельскому Высочайшаго повелѣнія: «ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не касаться лимана и р. Амура», дѣйствія его надо признать чрезвычайно дерзкими и заслуживающими строжайшаго наказанія, а потому требовали раз-

жалованія Н., какъ нарушившаго Высочайшую волю. Къ мнѣнію гр. Чернышева и Нессельроде присоединились почти всѣ члены, и комитетъ постановилъ: «Николаевскій постъ снять и, согласно Высочайшей волѣ, высказанной въ 1849 году, производить россійско-американской компаніи изъ Петровскаго расторжку съ гиляками и другими инородцами, обитающими на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, отнюдь не касаясь р. Амура, ея бассейна, Сахалина и береговъ Татарскаго залива». Однако, Государь взглянулъ на дѣло иначе. Выслушавъ объясненія Муравьева о важныхъ причинахъ, побудившихъ Н. къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, онъ не только не усмотрѣлъ въ нихъ преступленія, но сказалъ, что поступокъ Н. онъ находитъ молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ, за который и жалуетъ ему орденъ св. Владиміра 4 ой степени. Тогда же императоръ Николай Павловичъ сказалъ: «гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ», и написалъ на журналѣ комитета: «комитету собраться вновь подъ предсѣдательствомъ государя наслѣдника Престола» (впослѣдствіи императора Александра II). На вторичномъ засѣданіи, въ присутствіи государя наслѣдника, комитетъ сдѣлалъ нѣсколько постановленій относительно приамурскаго края, въ числѣ коихъ, между прочимъ, были слѣдующія: 1) Николаевскій постъ оставить въ видѣ лавки россійско-американской компаніи, 2) никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій въ той странѣ не предпринимать и отнюдь никакихъ мѣстъ не занимать, 3) для сооруженія помѣщенія въ Петровскомъ и Николаевскомъ, охраненія оныхъ и для другихъ надобностей, назначить изъ сибирской флотиліи въ экспедицію 60 человѣкъ матросовъ и казаковъ при двухъ офицерахъ и докторѣ и 4) экспедицію эту назвать амурскою, а начальникомъ ея во всѣхъ отношеніяхъ назначить капитана 1-го ранга Невельского.

Въ іюнѣ 1851 года Невельской прибылъ уже въ Аянъ, откуда на транспортѣ «Байкалъ» отправился въ Петровское, гдѣ и зазимовалъ. Въ этотъ періодъ времени (1851—1852 г.) Невельской снарядилъ рядъ экспедицій, давшихъ цѣнные результаты, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующіе, какъ наиболѣе важные.

Такъ, экспедиція Чихачева выслѣдила съ праваго берега р. Амура нѣсколько путей къ морю, большая часть которыхъ ведетъ въ бухты и закрытые заливы, равно какъ нашла путь самый короткій и удобный. Экспедиціи подпоручика Орлова выяснили что берега озеръ Самагиръ, Ухдыль и др. покрыты строевымъ лѣсомъ, что горный хребетъ, изъ котораго берутъ начало рѣки Амгунь, Гиринъ, Неида и др., называется Хинганскимъ; что Хинганскій хребетъ, принятый по нерчинскому трактату 1689 года, подтвержденному трактатомъ 1721 года, за границу между Россіей и Китаемъ отъ вершины р. Уди, направляется не къ сѣверо-востоку, какъ ошибочно до того времени полагали и какъ означалось на всѣхъ картахъ, а къ юго-западу. Экспедиціи лейтенанта Бошняка выяснила, что островъ Сахалинъ былъ занятъ нами раньше, чѣмъ японцы стали его посѣщать и что этотъ островъ изобилуетъ каменнымъ углемъ, котораго особенно много въ заливѣ Дуэ. Наконецъ, отмѣтимъ, что во время этихъ экспедицій еще разъ выяснилось, что Манчжурія и Даурія, составлявшія крайнія китайскія провинціи на сѣверо-востокѣ, простирались лишь до Хинганскаго хребта, что этотъ хребетъ служитъ на югѣ водораздѣломъ между рѣками Сунгари и Хургою и рѣкою Уссури, что онъ, черезъ р. Сунгари, направляется къ корейскимъ горамъ къ югу отъ Японскаго моря, и что всѣ инородцы, обитающіе отъ хребта и до моря ясака не платятъ, такъ какъ страна эта признается Китаемъ въ неопредѣленномъ положеніи. Вообще же всѣ эти экспедиціи сдѣлали очевиднымъ, что на обладаніе островомъ Сахалиномъ Россія имѣла право; что опредѣленіе вершинъ рѣкъ Амгуни и Гиринь можетъ указать окончательно, что, по смыслу 1-го пункта Нерчинскаго трактата 1689 г. приамурскій и приуссурійскій край, до моря долженъ составлять принадлежность Россіи; что заливъ де-Кастри представляетъ ближайшій къ лиману рейдъ въ Татарскомъ заливѣ, на побережьи котораго находятся закрытыя бухты, болѣе или менѣе связанныя съ рѣками Амуръ и Уссури. Для дальнѣйшаго изслѣдованія края и для устройства удобнаго порта въ Татарскомъ заливѣ, Н. считалъ несбходимымъ основать новые посты на вершинахъ рѣкъ Гиринь, Амгунь и Амуръ, въ селеніяхъ Кизи и Хунгари, при устьѣ Уссури, въ протокѣ Віахту, на Сахалинѣ, въ заливѣ де-Кастри и др., такъ какъ иностранныя суда стали

все чаще появляться въ Татарскомъ заливѣ.

Принявъ мѣры къ обезпеченію себя припасами на зиму, Н. сталъ дѣятельно готовиться къ занятію селенія Кизи, залива де-Кастри и обслѣдованію острова Сахалина. Въ Кизи и де-Кастри былъ отправленъ лейтенантъ Бошнякъ, а на о. Сахалинъ—подпоручикъ Воронинъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить труды, давшіе столь замѣчательные результаты, слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ ничтожныя средства, которыя были въ распоряженіи Невельскаго. Къ осени въ экспедиціи состояло въ Николаевскомъ посту 25 человѣкъ, въ Петровскомъ—23 человѣка и въ командировкахъ—16 человѣкъ, а всего—64 человѣка. Затѣмъ при экспедиціи было 3 пушки трехъ-фунтового калибра, 2 пуда пороха, $2^1/_2$ пуда свинца и 60 кремневыхъ ружей; кромѣ того, палубный, въ 29 футовъ ботикъ, 6-ти весельный баркасъ—оба выстроенные въ Петровскомъ, 5-ти весельный вельботъ, четверка, 2 гилякскихъ лодки и одна байдарка.

Изъ дальнѣйшихъ экспедицій, снаряженныхъ Невельскимъ, слѣдуетъ отмѣтить экспедицію мичмана Разградскаго, обслѣдовавшаго рѣку Хунгари, Березина,—занявшаго селеніе Кизи, и Бошняка, водрузившаго 4-го марта 1853 года русскій военный флагъ въ заливѣ де-Кастри и учредившаго тамъ военный постъ. Туземцы и маньчжуры не только ничѣмъ не выражали своего неудовольствія по поводу устройства военныхъ постовъ въ Кизи и де-Кастри, но даже благодарили Бошняка и просили, чтобы русскіе поселились вверхъ по Амуру, поближе къ р. Сунгари. 15-го мая того же года Н. получилъ отъ августѣйшаго генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича предписаніе въ которомъ, между прочимъ, сообщалось, что Сѣверо-Американскіе Штаты посылаютъ въ Восточную Азію двѣ экспедиціи: одну съ цѣлью установленія политическихъ и торговыхъ связей съ Японіей, а другую—съ ученою цѣлью для обозрѣнія береговъ Тихаго океана до Берингова пролива Экспедиціи эти, первая изъ 10 военныхъ судовъ, вторая изъ трехъ, въ русскихъ восточно азіатскихъ водахъ должны были появиться въ срединѣ лѣта 1853 года, почему и предписывалось Н. оказывать имъ «дружественное вниманіе и привѣтливость въ должныхъ границахъ благоразумія и осторожности». Вслѣдъ за этимъ лейтенантъ Бошнякъ донесъ, что шкиперъ одного изъ китобойныхъ судовъ сообщилъ ему, что американцы собираются лѣтомъ быть въ Татарскомъ заливѣ и хотятъ занять бухту для пристанища своимъ китоловнымъ судамъ. Ввиду этого донесенія Н. рѣшилъ зорко слѣдить за побережьемъ Татарскаго залива и на усиленіе военнаго поста въ де-Кастри командировалъ къ Бошняку мичмана Разградскаго съ тремя матросами, при чемъ предписывалъ, въ случаѣ появленія американскихъ экспедицій, оказывать имъ всяческое вниманіе и содѣйствіе, но отнюдь не допускать занятія какихъ либо бухтъ или заливовъ, объясняя, что все побережье до корейской границы составляетъ россійскія владѣнія. Во исполненіе предписаній Н., лейтенантъ Бошнякъ 1-го мая 1853 года на небольшой туземной лодкѣ, отправился изъ де-Кастри вдоль южнаго берега Татарскаго залива и, изслѣдуя по возможности этотъ берегъ, послѣ трехъ-недѣльнаго опаснаго плаванія прибылъ въ заливъ, носящій у туземцевъ названіе Хаджи, и названный Бошнякомъ заливомъ императора Николая I.

Постоянныя настоятельныя донесенія Н. о необходимости занятія нами Приамурскаго и Приуссурійскаго края стали мало-по-малу измѣнять взглядъ на этотъ вопросъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и въ началѣ 1853 года Высочайше былъ утвержденъ новый штатъ амурской экспедиціи. По новому штату въ распоряженіе Невельского были ввѣрены рота флотскихъ нижнихъ чиновъ въ 240 человѣкъ, сотня казаковъ и взводъ горной артиллеріи; значительно увеличенъ былъ и офицерскій составъ.

Въ своихъ дальнѣйшихъ заботахъ о водвореніи русскаго вліянія въ новомъ краѣ, Н. рѣшилъ поставить военные посты на западномъ берегу острова Сахалина и въ Императорской гавани. «Немедленное занятіе Императорской гавани, писалъ онъ Н. Н Муравьеву, какъ гавани на прибрежьѣ Татарскаго залива, находящейся посреди между лиманомъ и корейской границей, весьма важно». Кромѣ того, Н. настаивалъ на присылкѣ военнаго судна для крейсерства въ Татарскомъ заливѣ, чтобы фактически доказать американцамъ и другимъ иностранцамъ, что весь берегъ

до корейской границы принадлежитъ намъ. Наконецъ, въ Петербургѣ рѣшено было занять военными постами заливъ де-Кастри и селеніе Низи (значительно спустя послѣ того, какъ это было выполнено Н. на свою отвѣтственность) и островъ Сахалинъ. Изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Невельскаго до прибытія подкрѣпленій, отмѣтимъ слѣдующее.

Отправившись 14-го іюля изъ Петровскаго на транспортѣ «Байкалъ», Н. основалъ 6-го августа въ Константиновской бухтѣ Императорской гавани постъ Константиновскій; изъ Императорской гавани онъ отправился въ заливъ де-Кастри и подкрѣпилъ бывшій тамъ постъ, названный имъ Александровскимъ. Предписавъ транспорту изъ залива де-Кастри плыть къ западному берегу Сахалина и тамъ въ бухтѣ около 50° N широты высадить Д. И. Орлова съ 5 казаками для основанія поста Ильинскаго, Н. съ однимъ казакомъ и тунгусомъ пошелъ изъ Александровскаго поста пѣшкомъ на озеро Кизи, оттуда въ байдаркѣ прибылъ въ селеніе Котова и основалъ тамъ постъ Маріинскій. Изъ поста Маріинскаго Н. на байдаркѣ же спустился по Амуру до Николаевска, а оттуда, 17-го августа, возвратился въ Петровское. Съ прибытіемъ кораблей въ помощь экспедиціи Н., послѣднимъ было занято на Сахалинѣ заселенное японцами мѣстечко Тамари и основанъ тамъ постъ, названный Муравьевскимъ. Для завѣдыванія этимъ постомъ, а также всѣмъ о. Сахалиномъ, Невельской оставилъ маіора Буссе, прибывшаго съ десантнымъ отрядомъ изъ Петербурга.

17-го февраля 1854 года Невельской получилъ увѣдомленіе отъ генералъ-губернатора, что экспедиція, отправленная Н. Н. Муравьевымъ въ Удскій край, по тщательномъ изслѣдованіи сѣвернаго склона Яблоноваго хребта, около верховьевъ р. Уди, подтверждаетъ точными данными все, что доносилъ Невельской объ этомъ хребтѣ; что Государь Императоръ остался весьма доволенъ всѣми дѣйствіями амурской экспедиціи, особенно занятіемъ залива де-Кастри, острова Сахалина и открытіемъ Императорской гавани.

Вскорѣ за тѣмъ Н. Н. Муравьевъ получилъ изъ Петербурга разрѣшеніе, для болѣе прочнаго занятія приамурскаго края, отправить туда подкрѣпленіе внизъ по Амуру. Съ этою цѣлью на Шилкѣ былъ выстроенъ 60-ти сильный рѣчной пароходъ «Аргунь» и приготовлено около 75 груженыхъ барказовъ. Флотилія эта, подъ личнымъ начальствомъ самого Муравьева, 14-го мая 1854 года отплыла отъ Шилкинскаго завода и ровно мѣсяцъ спустя была у Маріинскаго поста, гдѣ ее встрѣтилъ Н. Объ этомъ путешествіи Муравьевъ и его спутники разсказывали между прочимъ, что, плывя по р. Амуру, они вначалѣ находили большую часть прибрежныхъ деревень пустыми, такъ-какъ жители бѣжали изъ нихъ отъ страха; но подойдя верстъ на 500 къ Маріинскому посту, они вступили въ страну, какъ бы давно принадлежащую Россіи. Вездѣ на встрѣчу къ нимъ выходили туземцы, въ сопровожденіи стариковъ, приносили рыбу и выставляли проводниковъ; даже маньчжурскіе торговцы являлись къ Муравьеву извиняться, что торгуютъ безъ дозволенія русскихъ, и просили дать имъ это дозволеніе. Такое вліяніе и въ столь обширномъ краѣ, не только на инородцевъ, но и на маньчжуръ, было достигнуто амурской экспедиціей при ничтожныхъ средствахъ и всего въ какіе нибудь четыре года. По пріѣздѣ Н. Н. Муравьева выяснилось, что въ Маріинскомъ и Николаевскомъ постахъ будетъ зимовать около 900 человѣкъ, тогда какъ раньше зимовало всего 25—35 человѣкъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что Петропавловскъ, въ случаѣ блокады, долго держаться не можетъ, такъ какъ у него почти совершенно не было съѣстныхъ припасовъ, и разсчитывать на полученіе ихъ моремъ на компанейскихъ кругосвѣтныхъ судахъ по условіямъ военнаго времени было трудно. Поэтому Н. вторично предложилъ перевести Петропавловскій портъ въ Николаевскъ; но это предложеніе опять было не принято. Также тщетно старался Н. доказать, что рѣка Амуръ должна составлять лишь базисъ нашихъ здѣсь дѣйствій, главная же и конечная цѣль этихъ дѣйствій долженъ быть уссурійскій бассейнъ и его прибрежье. Н. Н. Муравьевъ, какъ и всѣ его спутники, не раздѣлялъ этого взгляда и говорилъ, что наша граница съ Китаемъ должна проходить по лѣвому берегу р. Амура. Впрочемъ, Н. Н. Муравьевъ впослѣдствіи измѣнилъ свой взглядъ и присоединился къ мнѣнію Невельского. Какъ бы то ни было, но отношенія между Муравьевымъ и Невельскимъ, нѣсколько самолюбивымъ и не всегда точно слѣдовавшимъ

инструкціямъ высшаго начальства, стали обостряться, что обнаружилось еще болѣе во время слѣдующей поѣздки Муравьева по Амуру въ іюнѣ 1855 г. Вотъ что писалъ, между прочимъ, въ это время Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ М. С. Корсакову: «Невельской проситъ меня не обездолить его народомъ, и строитъ батарею въ Николаевскомъ портѣ на увалѣ, кажется, противъ своего дома, а не тамъ, гдѣ приказано—противъ входа въ рѣку. Онъ оказывается также вреденъ, какъ и атаманъ (атаманъ и губернаторъ Забайкальской области Запольскій, которымъ Н. Н. Муравьевъ былъ очень недоволенъ). Вотъ къ чему ведетъ честныхъ людей самолюбіе и эгоизмъ». Это письмо Н. Н. Муравьевъ заключаетъ слѣдующей фразой: «для успокоенія Невельского я полагаю назначить его при себѣ исправляющимъ должность начальника штаба. Такимъ образомъ, Невельской не будетъ никому мѣшать и докончитъ свое тамъ поприще почетно». Дѣйствительно, по прибытіи генералъ-губернатора въ Маріинскій постъ, Невельской получилъ слѣдующее предписаніе: 1) Амурская экспедиція замѣняется управленіемъ камчатскаго губернатора контръ-адмирала Завойко, мѣстопребываніемъ котораго назначается Николаевскъ, 2) Вы (т. е. Невельской) назначаетесь начальникомъ штаба при главнокомандующемъ всѣми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными въ приамурскомъ краѣ. 3) Всѣ чины, состоящіе въ амурской экспедиціи поступаютъ подъ начальство контръ-адмирала Завойко, и 4) главною квартирою всѣхъ нашихъ войскъ назначается Маріинскій постъ». Сдавъ, вслѣдствіе этого предписанія, экспедицію старшему по себѣ, Н. отправился въ Маріинскій постъ и представилъ генералъ-губернатору отчетъ о дѣятельности амурской экспедиціи за пять лѣтъ ея существованія съ іюня 1850 года по іюнь 1855 года. Изъ этого отчета видно, что экспедиція, стоила казнѣ всего 64,400 рублей сер.

Труды Г. И. Невельского были отмѣчены слѣдующими Высочайшими милостями: за основаніе Петровскаго зимовья и за опись лимана р. Амуръ онъ получилъ въ 1850 г. орденъ св. Владиміра 4-ой ст.; за основаніе постовъ Александровскаго, Маріинскаго, Константиновскаго, Ильинскаго и Муравьевскаго селенія получилъ въ 1853 году орденъ св. Анны 2-ой ст. съ императорскою короною; за открытіе сообщенія между заливомъ де-Кастри и р. Амуромъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-ей ст., и 26-го августа 1854 года произведенъ въ контръ-адмиралы.

Со времени назначенія Н. начальникомъ штаба при главнокомандующемъ всѣми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными въ приамурскомъ краѣ, самостоятельная дѣятельность его окончилась. Въ концѣ 1856 года онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ въ то время распространился слухъ, будто наши суда—фрегатъ «Аврора», корветъ «Оливуца» и транспортъ «Двина», по случаю мелководья на барѣ р. Амуръ, выйти изъ рѣки не могутъ и что всѣ донесенія Н. относительно состоянія этого бара неправильны. Точно также Н. обвиняли въ томъ, что фрегатъ «Паллада» по его винѣ не введенъ въ Амуръ и затопленъ въ Императорской гавани. Этому кажется, вѣрилъ даже императоръ Николай Павловичъ, потому что, высказывая Невельскому благодарность за его труды и увѣряя его, что Россія никогда не забудетъ его заслугъ, Государь, однако, замѣтилъ, что рѣка Амуръ мелка и не годится для плаванія. Ближайшее будущее показало тѣмъ не менѣе, насколько ложны были слухи, распущенные недоброжелателями Невельского.

10-го декабря 1856 года Невельскій былъ отчисленъ отъ должности для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ и назначенъ состоять по флоту, а въ слѣдующемъ году, 17-го сентября, былъ опредѣленъ членомъ Морского ученаго Комитета. Между тѣмъ, ближайшее знакомство съ пріамурскимъ краемъ убѣдило Н. Н. Муравьева въ справедливости мнѣній Невельского, и онъ оставилъ свой прежній взглядъ, что наша граница съ Китаемъ должна идти по лѣвому берегу р. Амура, и въ основу Айгунскаго трактата положилъ воззрѣнія, которыя не разъ настойчиво проводилъ Невельскій. Въ самый день заключенія Айгунскаго трактата, 16-го мая 1858 года, Н. Н. Муравьевъ писалъ ему: «Отечество никогда васъ не забудетъ, какъ перваго дѣятеля, создавшаго основаніе, на которомъ воздвигнуто настоящее зданіе». По полученіи извѣстія о заключеніи упомянутаго трактата и о ратификаціи его богдыханомъ, Государь Императоръ Александръ II указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 26-го августа 1856

года, пожаловалъ Невельскому орденъ св. Анны 1-й ст. и пенсіонъ въ 2000 рублей въ годъ.

Дальнѣйшая дѣятельность Н. сосредоточилась въ Морскомъ Ученомъ Комитетѣ. Произведенный 1-го января 1864 г. въ вице-адмиралы, онъ три года спустя, 6-го декабря 1866 г., былъ назначенъ членомъ ученаго отдѣленія морского техническаго комитета и тогда же награжденъ орденомъ св. Анны 1-ой ст. съ императорскою короной, а 17-го апрѣля 1870 года орденомъ св. Владиміра 2-ой ст. Послѣдней наградой Невельского было производство его, 1-го января 1874 года, въ адмиралы..

Помимо служебной дѣятельности, Н. послѣдніе годы своей жизни не мало времени посвящалъ участію въ дѣлахъ Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству и былъ предсѣдателемъ петербургскаго отдѣленія этого общества. Г. И. Невельской скончался въ Петербургѣ 17-го апрѣля 1876 года. Тѣло его погребено на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Для увѣковѣченія заслугъ Невельского ему и его сотрудникамъ въ 1891 году во Владивостокѣ поставленъ памятникъ, сооруженный по проекту А. Н. Антипова. Кромѣ того, шестидесятилѣтіе со дня присоединенія Приамурья, исполняющееся 1-го августа 1910 года, предположено ознаменовать сооруженіемъ на добровольныя пожертвованія памятника адмиралу Невельскому въ гор. Николаевскѣ на Амурѣ; Высочайшее разрѣшеніе на открытіе повсемѣстнаго въ Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій для осуществленія этого сооруженія послѣдовало 13-го октября 1908 года.

Перу Г. И. Невельского принадлежитъ нѣсколько замѣтокъ въ «Морскомъ Сборникѣ» (см. ниже); кромѣ того, послѣ него остались «Записки», которыя были изданы его женой, раздѣлявшей съ нимъ всѣ трудности сдѣланныхъ имъ экспедицій. Эти записки вышли въ С.-Петербургѣ, въ 1878 г., подъ редакціей В. Вахтина, подъ заглавіемъ: «Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи въ 1849—1855 гг.».

„Общій Морской Списокъ“, т. XI, стр. 28—31; „Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи 1849—1855 г.г. Приамурскій и Приуссурійскій край“. (Посмертныя записки адмирала Невельского). Спб. 1878 г. (къ „Запискамъ“ приложенъ портретъ (1876 г.), гравированный Е. Бобровымъ); „Историческій Вѣстникъ“ 1891 г. т. 46, декабрь; статья М. С. Робуша, „Одинъ изъ русскихъ піонеровъ на Дальнемъ Востокѣ“, стр. 692—712 (къ статьѣ приложенъ портретъ Г. И. Невельского и снимокъ съ памятника ему во Владивостокѣ); П. Тихменевъ „Историческое обозрѣніе россійско-американской компаніи“, стр. 62 и др.; „Русское Слово“ 1860 г., ст. Романова; „Морской сборникъ“ 1859 г. № 2, ст. Н. Бошняка: „Экспедиція въ Приамурскомъ краѣ“; Барсуковъ „Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій“, кн. II; „Голосъ“ 1876 г. №№ 109 и 110; „Иллюстрированная Газета“ 1876 г. № 23; „Всемірная Иллюстрація“ 1876 г. № 384; „Народная школа“ 1876 г. № 5; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1876 г. №№ 109 и 110; „Развѣдчикъ“ 1891 г. № 55; „Новости и Биржевая Газета“ 1891 г. № 66, ст.: „О памятникѣ адмиралу Г. И. Невельскому“; „Русскій Архивъ» 1878 г. № 12, ст. Н. С. Листовскаго: „Разсказы изъ недавней старины“ стр. 507—521; „Морской Сборникъ“ 1860 г. т. 45 и 47—49, №№ 1, 6, 8, 9 и 11, ст. лейтенанта Фесуна: „Изъ записокъ офицера, служившаго на фрегатѣ „Аврора“; „Мор. Сборн.“ 1860 г. № 3 ст. Г. Невельского: „Отвѣтъ на письмо г. Бошняка“ стр. 75—76. и № 6, приложеніе: письмо въ редакцію Г. Невельскаго (по поводу статьи г. Шепурина) и за 1861 г. № 2, ст. Шепурина „Возраженіе на статью Г. Невельского“ стр. 171—184; „Энциклопедическій словарь“, изд. Брокгауза и Ефрона, т. 20, стр. 797; Vera Vend (псевдонимъ одной изъ дочерей Невельского): „L'amiral Nevelskoy et la conquête définitive du fleuve Amour“. (СПБ. 1894 г.), Лееръ, „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ т. V.

Е. Ястребцевъ.

Невзоровъ, *Максимъ Ивановичъ*,— начальникъ типографіи при Московскомъ университетѣ, писатель; род. въ 1763 г., ум. въ 1827 г. въ Москвѣ. Н. происходилъ изъ духовнаго званія, рано потерялъ отца и былъ помѣщенъ матерью въ рязанскую семинарію, откуда, по окончаніи курса, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ вызванъ въ 1779 году И. Г. Шварцемъ, инспекторомъ Педагогической Семинаріи, въ Москву, гдѣ и обучался въ университетѣ, на иждивеніи «Дружескаго ученаго общества». Студентомъ онъ пробылъ около девяти лѣтъ, слушалъ лекціи на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ и изъ обоихъ получилъ по золотой медали и скоро обратилъ на себя вниманіе кружка Н. И. Новикова, для котораго онъ перевелъ еще въ 1785 г. «Истинныя правила христіанскаго воспитанія дѣтей». По ходатайству Новикова, Н. былъ посланъ вмѣстѣ съ В. Я. Колокольниковымъ въ 1788 г., на средства И. В. Лопухина, для усовершенствованія

въ наукахъ за границу. Н. и Колокольниковъ къ тому времени имѣли уже масонскую степень шотландскаго мастера, и должны были, получая стипендію въ тысячу рублей, учиться въ чужихъ краяхъ медицинѣ, химіи и разнымъ естественнымъ наукамъ, чтобы сдѣлаться потомъ лаборантами для практическихъ работъ розенкрейцеровъ. Н. съ Колокольниковымъ направился черезъ Польшу въ Германію, прибылъ въ Лейденъ, гдѣ прослушалъ полный курсъ лекцій, въ 1790 г. получилъ степень доктора медицины и затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ ѣздилъ по многимъ университетскимъ городамъ (болѣе продолжительное время онъ оставался въ Геттингенѣ), вездѣ слушая лекціи и собирая библіотеку. Въ февралѣ 1792 г. онъ возвращался вмѣстѣ съ Колокольниковымъ въ Россію, но въ Ригѣ оба молодые ученые, по повелѣнію Императрицы, были задержаны по подозрѣнію въ томъ, что они состояли заграничными агентами мартинистовъ, и находились въ сношеніяхъ съ иностранными революціонерами и заговорщиками. Послѣ допроса, учиненнаго Шешковскимъ, оба они были отправлены въ Петербургъ, гдѣ Н. былъ помѣщенъ сначала въ Александро-Невскій монастырь, затѣмъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости и наконецъ въ больницу для умалишенныхъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Павла I, Невзоровъ получилъ возможность переѣхать въ Москву, гдѣ поселился у своего покровителя И. В. Лопухина. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности, въ качествѣ стихотворца-одописца, умнаго, но съ посредственнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Тогда же онъ вошелъ въ общество такихъ лицъ, какъ кн. Н. В. Репнинъ, И. П. Тургеневъ, М. Н. Муравьевъ, митрополитъ Платонъ, со стороны которыхъ пользовался постоянной поддержкой. Въ 1800 г., когда для осмотра губерній было послано нѣсколько сенаторовъ, Н. сопровождалъ И. В. Лопухина въ его поѣздкѣ въ губерніи Казанскую, Вятскую и Оренбургскую. Литературнымъ памятникомъ этой поѣздки Невзорова была изданная имъ первая часть «Путешествія въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 г.».

Вскорѣ по возвращеніи въ Москву, Н. былъ опредѣленъ, 8-го янв. 1801 г., членомъ въ канцелярію университета и «для употребленія по ученой части». При московскомъ университетѣ прошла вся его служебная дѣятельность: въ іюлѣ того же 1801 г. Н. былъ назначенъ инспекторомъ надъ репетиторами и репетиціею университетскихъ учениковъ; въ мартѣ слѣдующаго года—помощникомъ цензора печатаемыхъ въ университетской типографіи книгъ; въ апрѣлѣ 1803 г.—членомъ учрежденнаго при университетѣ училищнаго комитета, а въ декабрѣ того же года, по возвращеніи изъ поѣздки для обозрѣнія училищъ Смоленской и Тверской губ.,—членомъ цензурнаго комитета; наконецъ, съ 1805 года въ теченіе десяти лѣтъ онъ управлялъ университетской типографіей, пока, вслѣдствіе неспокойнаго характера и пререканій съ начальствомъ, не былъ уволенъ отъ должности (19-го февр. 1815 года).

Въ отставкѣ Н. прожилъ, пользуясь небольшой пенсіей, двѣнадцать лѣтъ, не измѣняя ни странностямъ своего характера, ни своему добросердію, которымъ отличался всю жизнь; умеръ онъ въ крайней бѣдности 27-го сент. 1827 г. въ Москвѣ и похороненъ въ Симоновомъ монастырѣ.

Въ исторіи русской литературы Невзоровъ извѣстенъ какъ другъ И. В. Лопухина, розенкрейцеровъ, членъ Новиковскаго кружка и еще болѣе, какъ издатель журнала «Другъ Юношества» (подъ «другомъ юношества» разумѣлся М. Н. Муравьевъ—покровитель Невзорова, тогдашній попечитель московскаго университета, по предложенію котораго Н. и началъ печатать свой журналъ въ университетской типографіи). Журналъ выходилъ съ января 1807 года по апрѣль 1815 года, т. е. до времени оставленія издателемъ должности начальника типографіи; при этомъ съ 1813 г. журналъ выходилъ подъ названіемъ «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ». Согласно плану, журналъ долженъ былъ заключать въ себѣ «сочиненія, возбуждающія въ читателяхъ любовь къ Богу, государю, отечеству и ближнему, относящіяся къ политической и естественной исторіи, физикѣ, географіи, статистикѣ, къ домашнимъ и хозяйственнымъ упражненіямъ, обоему полу приличнымъ» и т. д., И дѣйствительно, содержаніе журнала отличалось большимъ разнообразіемъ, но отсутствіе даровитыхъ сотрудниковъ и односторонее направленіе самого издателя—суро-

ваго моралиста, которое онъ проводилъ въ своемъ журналѣ, дѣлало послѣдній скучнымъ. Невзоровъ возставалъ противъ европейской «цивилизаціи»; противъ многихъ весьма распространенныхъ въ его время развлеченій (напр., противъ театра), какъ вредныхъ въ воспитательномъ отношеніи; противъ воспитанія русскихъ дѣтей за границей, противъ беллетристическихъ произведеній, противъ Шиллера и Гете и т. д. Современники (по собственному признанію Невзорова) находили, что журналъ «годится только для стариковъ, а не для молодыхъ». Слабый въ научныхъ отдѣлахъ, журналъ въ особенности былъ плохъ въ литературномъ, тѣмъ болѣе, что самъ издатель не имѣлъ ни литературнаго таланта, ни вкуса. Въ заключеніе отмѣтимъ, что, кромѣ «Друга юношества», Невзоровъ издавалъ съ конца 1812 г. и въ теченіе 1813-го еще «Историческій, статистическій и географическій журналъ», послѣ того, какъ прежній издатель этого журнала М. М. Гавриловъ, по случаю военныхъ дѣйствій, оставилъ Москву. Въ этихъ двухъ журналахъ и печаталъ свои произведенія Невзоровъ.— Стихотворенія Н., по большей части оды, посланія къ друзьямъ и т. п., выходили отдѣльными изданіями въ Москвѣ въ 1804 г.; кромѣ того, отдѣльнымъ изданіемъ вышелъ въ 1801 г. его перев. съ лат.: «Притчи, или изрѣченія Секстія Пиѳагорейца», наконецъ, отдѣльной книгой подъ названіемъ «Наполеонова политика или царство гибели народной»..., вышелъ въ 1813 г. сборникъ его нѣкоторыхъ статей противъ Наполеона, помѣщенныхъ ранѣе въ «Другѣ юношества».

Главнымъ пособіемъ для знакомства съ жизнью и дѣятельностью Невзорова служитъ обширная статья И. Безсонова въ „Рус. Бесѣдѣ“, 1856 г., т. III, стр. 85—129. См. замѣчанія на эту статью въ „Моск. Вѣд.“. 1857 г. № 59, гдѣ М. Третьяковъ защищаетъ ректора моск. унив-та И. А. Гейма отъ обвиненій въ несправедливыхъ нападкахъ на Н. По поводу увольненія Н. отъ должности начальника типографіи см. также „Библіограф. Зап.“ 1868, № 21 („Посланіе Н. къ О. А. Позднѣву“) и „Рус. Стар.“ 1901, авг., стр. 430—434 (письмо Н. къ М. Я. Мудрову). О пребываніи Н. за границей см. письма его и Колокольникова въ „Рус. Стар.“ 1896 г. ноябрь (ст.: „Товарищи и птенцы Н. И. Новикова“); 1874, №№1—3; „Осмнадцатый Вѣкъ“, сборн. изд. Бартеневымъ; стр. 395—398; „Сборникъ Рус. Историч. Общества“, т. II, стр. 133—135; „Лѣтописи рус. литературы“, 1863, т. V, отд. II, 73; П. Пекарскій, „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи“ стр. 136, 205, 209 („Сборн. отд. рус. яз. и слов.“, т. 7; т. 5 вып, 1, стр. 273). Сочиненія Н. С. Тихонравова, М. 1898, т. III, стр. 93.

Оцѣнку литерат. дѣятельности см. въ упомянутой статьѣ Безсонова, а также въ книгѣ Н. Колюпанова „Біографія А. И. Кошелева“, т. I, кн. 1, стр. 183—195; кн. 2, стр. 246—247. Послужной списокъ Н-ва въ рукоп. отд. Публичной Библіотеки—въ Матеріалахъ для Словаря митроп. Евгенія. Надгробіе въ „Московск. Нерополѣ“, т. II, стр. 323. Некрологи: „Сѣв. Пчела“ 1827, № 122; „Отеч. Зап.“ 1827 г., ч. 32, стр. 336.—Записки: И. В. Лопухина („Чтенія Общ. ист. и др.“ 1860, кн. 2 и 3, „Рус. Арх“ 1884, I, стр. 48—49). С. П. Жихарева, Кс. Полевого, М. А. Дмитріева.—И. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина (по указ.); соч. К. Н. Батюшкова, т. II. „Рус. Арх.“ 1866, V, стр. 763 (Воейковъ о Н.); 1870, X, ст. 1952 (письмо къ В. А. Жуковскому). „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“, т. I и III; М. Н. Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты» М. 1867; А. Г. Суровцевъ, „И. В. Лопухинъ“. Спб. 1901 („Вѣстн. всемірн. исторіи“. 1900, №№ 3—6); Словари: Толя, Березина, Брокгауза.—А. В. Мезіеръ, „Русск. словесность“. ч. II.

Ив. К.

Неводчиковъ, *Михаилъ*, подштурманъ, открывшій Алеутскіе острова; род. въ 1706 г., ум. послѣ 1767 г. Подробныхъ біографическихъ свѣдѣній о Н. не имѣется; извѣстно, что онъ родился въ 1706 г. и происходилъ изъ купеческой семьи; въ 1740-хъ г.г. служилъ въ Камчатской экспедиціи, въ 1742 г. «былъ опредѣленъ къ должности геодезической для рисованія картъ и сниманія съ береговъ прешпектовъ», плавалъ на пакетботѣ «Іоаннъ» отъ Большерѣцкаго устья до Японіи и обратно; въ слѣдующемъ году, плавая на ботѣ «Березовскъ» описывалъ берега отъ Большерѣцкаго до рѣки Хатханы. Въ то время многіе частные промышленники и сибирскіе казаки, подстрекаемые богатымъ промысломъ морскихъ звѣрей, предпринимали далекія и отважныя путешествія въ открытомъ океанѣ и въ устьяхъ втекающихъ въ него рѣкъ; нерѣдко они открывали невѣдомые до того времени острова и даже приводили въ русское подданство жителей послѣднихъ; такъ, напр., извѣстны купцы Толстыхъ, Шиловъ и др., открывшіе нѣсколько острововъ Алеутской гряды. Къ числу такихъ промышленниковъ слѣдуетъ отнести Неводчикова, который въ 1745 г. соорудилъ съ купцомъ Себаевскимъ ботъ, отправился на этомъ ботѣ въ качествѣ «мореходца» въ Тихое море «для обысканія невѣданыхъ острововъ и

народовъ», открылъ три острова «съ людьми», которые вскорѣ были приведены «въ подданство и платежъ» и «каждогодно ясакъ платили бобрами». За открытіе острововъ Н. былъ пожалованъ 20-го іюня 1752 г. въ унтеръ офицеры, съ опредѣленіемъ къ Охотскому порту; въ августѣ слѣдующаго года былъ опредѣленъ въ штурманскіе ученики, и въ іюлѣ произведенъ въ подштурманы. Въ этомъ званіи онъ неоднократно плавалъ въ качествѣ командира разныхъ ботовъ, гальотовъ и бригантинъ, съ различными порученіями, къ Курильскимъ островамъ, къ берегамъ Камчатки и пр. Изъ дальнѣйшей его судьбы извѣстно, что въ 1760-хъ годахъ онъ участвовалъ въ экспедиціи капитана Креницына, находясь на ботѣ «Св. Гавріилъ»; въ 1767 г. Н. «за дряхлостью и слѣпотою» вышелъ въ отставку.

„Экстрактъ“ о службѣ подштурмана Неводчикова (Архивъ Морского Министерства. Экспедиція Беринга, дѣло № 82); „Казанскія Извѣстія“ 1814, № 14; В. Берхъ, „Открытіе Алеутскихъ острововъ, или подвиги русскаго купечества“ Спб. 1823. „Разсказы Лапина о новооткрытыхъ островахъ“.

А. Виленскій.

Неволинъ, *Константинъ Алексѣевичъ*, профессоръ, сынъ священника въ гор. Орловѣ, Вятской губ.: родился въ 1806 г.; образованіе получилъ въ Вятской семинаріи и въ Московской духовной Академіи. Въ началѣ 1828 г., согласно Высочайше утвержденному представленію М. М. Сперанскаго, онъ былъ отправленъ, въ числѣ трехъ лучшихъ студентовъ Академіи, во II отдѣленіе Канцеляріи Е. И. В. въ С.-Петербургъ, для прохожденія курса законовѣдѣнія, съ цѣлью занять впослѣдствіи каѳедру при Петербургскомъ университетѣ. Въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ товарищами, онъ былъ помѣщенъ въ университетъ пансіонеромъ, слушалъ лекціи и вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно долженъ былъ являться во II Отдѣленіе для практическихъ занятій, которыя происходили подъ непосредственнымъ руководствомъ статсъ секретаря Балугьянскаго. Прослушавъ лекціи три семестра (пройденные имъ въ полтора года), вмѣстѣ съ другими студентами, подвергся окончательному экзамену въ 1829 г. при II Отдѣленіи, происходившему подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго; онъ успѣшно выдержалъ экзаменъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ отправленъ въ Берлинскій университетъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. По указанію проф. Савиньи, молодые студенты были поручены ближайшему руководству профессора Рудорфа, который ежедневно бесѣдовалъ съ ними и слѣдилъ за ихъ занятіями. Н. и его сотоварищи занимались въ Берлинѣ въ 1829 и 1830 годахъ, слушали лекціи извѣстныхъ въ то время профессоровъ: Савиньи, Кленце, Рудорфа, Гегеля и др., а за тѣмъ, посѣтивъ Геттингенскій и Гейдельбергскій университеты, возвратились въ октябрѣ 1832 года въ Петербургъ и были причислены ко II Отдѣленію С. Е. И. В. Канцеляріи въ званіи студентовъ. Здѣсь ихъ занимали на первый разъ переводомъ на русскій языкъ свода остзейскихъ губерній и поступающихъ на этотъ сводъ примѣчаній отъ мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ. Позднѣе, въ 1833 г., имъ было дозволено держать испытаніе на званіе доктора правъ при Петербургскомъ университетѣ. Н. его выдержалъ и въ концѣ 1834 г. представилъ для напечатанія свою диссертацію «О философіи законодательства у древнихъ», которую просматривалъ и исправлялъ самъ Сперанскій. 8 февраля 1835 г. Н. публично защитилъ диссертацію, былъ признанъ достойнымъ ученой степени доктора и назначенъ тогда же профессоромъ въ Кіевскій университетъ, куда и отправился. Въ концѣ того же учебнаго года онъ началъ читать лекціи по энциклопедіи законовѣдѣнія. Въ Кіевѣ Н. пробылъ до 1843 г. и, вмѣстѣ съ обязанностями профессора, отправлялъ и обязанности ректора университета. Здѣсь же имъ была въ 1839—1840 г. напечатана его «Энциклопедія законовѣдѣнія», за которую Академія Наукъ присудила ему Демидовскую премію. Сочиненіе это доставило Неволину большую извѣстность и имя его стало извѣстно за границею среди юристовъ. Въ началѣ 1843 года Н. переведенъ былъ въ Петербургскій университетъ и занялъ каѳедру гражданскаго права. Читая лекціи, онъ продолжалъ трудиться надъ начатою имъ еще въ Кіевѣ исторіею Россійскихъ гражданскихъ законовъ, и издалъ ее въ 1851 году. Этотъ трудъ Неволина, которымъ, по словамъ проф. Андреевскаго, онъ создалъ русское гражданское право, также удостоился полной Демидовской преміи въ 1852 г. Вскорѣ послѣ этого, въ 1853 г., Н. написалъ крупное изслѣдованіе «О пятинахъ и пого-

стахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ», помѣщенное имъ въ VIII книжкѣ «Записокъ» Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Ему принадлежитъ также рядъ мелкихъ статей, по преимуществу историко-юридическаго содержанія, вошедшихъ въ составъ VI тома полнаго собранія его сочиненій, изданнаго въ 1857 г. Помимо лекцій въ университетѣ, Н. читалъ въ 1848 г. въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія энциклопедію права и исторію Россійскаго законодательства и былъ также деканомъ юридическаго факультета. Въ 1852 г. онъ былъ прикомандированъ въ редакцію исправленія военно-уголовнаго устава, а въ 1853 г. назначенъ членомъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи; въ 1854 г. онъ снова былъ причисленъ ко II Отдѣленію С. Е. И. В. Канцеляріи и намѣревался приложить свои познанія и труды къ исправленію нашихъ гражданскихъ законовъ; но слабое сложеніе его было уже подорвано прежними трудами; силы ему, видимо, измѣняли. Для возстановленія ихъ Н. весною 1855 года отправился за границу, въ Германію, и умеръ въ Бриксенѣ (въ Тиролѣ) 6 октября 1855 г. Тѣло его было привезено въ Петербургъ и погребено въ склепѣ церкви на Смоленскомъ кладбищѣ.

Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина издано было его ученикомъ, профессоромъ И. Д. Андреевскимъ въ 1857 г.

Дѣло бывш. II Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи № 918 (по архиву Госуд. Совѣта).—Справочные Энциклопедическіе словари; „Сѣверная Пчела“ 1855 г. № 234, 236, ст. Усова (впослѣдствіи издана отдѣльно подъ названіемъ „Очеркъ служебной и ученой дѣятельности пр. К. А. Неволина“. С.-Петербургъ. 1855 г.). „Журналъ Минист. Народи. Просвѣщенія“ за 1835 г., ч. VI, ст. Благовѣщенскаго: „Исторія метода науки законовѣдѣнія“. „Русскій Вѣстникъ“ 1899 годъ, августъ—октябрь: „Сперанскій и студенты законовѣдѣнія“, ст. П. М. Майкова.—Отчеты о десятомъ и двадцать первомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ; „Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія“ 1841 г. декабрь ч. XXXII, а также 1852 г., ноябрь LXXVI.„ Сынъ Отечества“ за 1852 г. янв., февр. и мартъ, ст. Михайлова. „Портретная галлерея русскихъ дѣятелей“ Мюнстера, т. II.—В. Григорьевъ.—„Исторія С.-Петербургскаго Университета въ теченіе 50 лѣтъ его существованія“.—Романовичъ—Славатинскій, „Жизнь и дѣятельность Иванишева“.—Ф. Леонтовичъ, „Исторія русскаго права“, — Одесса, 1869; Щаповъ, „Соціально-педагогическія условія умствен. и политич. развитія русскаго народа“. — „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Универс. Св. Владиміра 1884 г.; Владимірскій-Будановъ, „Исторія Университета Св. Владиміра“.

Невоструевъ, *Александръ Ивановичъ*, протоіерей московскаго Казанскаго Собора; род. 26 августа 1806 г., ум. 1-го апрѣля 1872 г. По окончаніи курса въ Вятской семинаріи, Н. получилъ высшее духовное образованіе въ Московской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1830 г. и скоро былъ приглашенъ въ качествѣ профессора въ Виѳанскую семинарію. Съ 1832 г. Н. продолжалъ свою педагогическую дѣятельность въ качествѣ баккалавра Московской духовной Академіи по греческому языку и гражданской исторіи; съ 1834 г. по 1841 г. былъ протоіереемъ гор. Коломны, благочиннымъ и ректоромъ духовныхъ училищъ; съ 1841 по 1848 годъ—законоучителемъ Московскаго Александровскаго училища. Послѣдніе 24 года своей жизни Н. былъ протоіереемъ московскаго Казанскаго собора. А. И. Невоструевъ, какъ и младшій братъ его Капитонъ Ивановичъ (см. ниже), отличался громаднымъ трудолюбіемъ и глубокими познаніями. Н. не любилъ печататься, но до послѣднихъ дней своихъ не оставлялъ ученыхъ работъ. Вниманіе его наиболѣе привлекало изученіе текста св. Писанія и главнымъ образомъ состава и языка славянскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ; онъ критически сличалъ наши богослужебныя книги съ греческими; составлялъ алфавиты и указатели къ ряду богослужебныхъ книгъ; кромѣ того, въ его многочисленныхъ бумагахъ найденъ богатый матеріалъ, собранный имъ для церковно-библейскаго словаря. Н. скончался 1-го апр. 1872 г. въ Москвѣ и былъ торжественно погребенъ на кладбищѣ Покровскаго монастыря.

„Церковно-Общ. Вѣстникъ“ 1874 № 134; „Московскія Епарх. Вѣдом.“ 1872 г. № 22, 1873 г., № 6; „Душеполезн. Чт.“ 1872, № 12. „Православное Обозрѣніе“ 1874 г., № 7, стр. 97—124 (ст. М. Боголюбскаго, „Объ ученыхъ трудахъ протоіерея А. И. Н.“); „Странникъ“ 1868 г. отд III стр. 480. № 13; „Вятскія Епархіальн. Вѣдом.“ 1872 г.

Невоструевъ, *Капитонъ Ивановичъ*, археологъ, изслѣдователь древнерусской литературы; род. въ гор. Елабугѣ въ 1815 г., ум. въ Москвѣ 29 ноября 1872 г. Находясь подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ своего

образованнаго отца, учителя Вятской духовной семинаріи, а затѣмъ священника въ гор. Елабугѣ, Н. съ дѣтства привыкъ къ строгому порядку и суровой трудовой жизни. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Елабужскомъ дух. училищѣ, а по окончаніи его въ 1830 г. поступилъ въ Вяоанскую семинарію, гдѣ находился подъ вліяніемъ своего брата, Александра Ив., бывшаго въ то время профессоромъ семинаріи. Пребываніе Н-ва въ Московской дух. академіи (1836—1840) окончательно опредѣлило характеръ и направленіе его работъ. Особенно сильное вліяніе на Н-ва, какъ и вообще на всю академію, имѣли два лица: ректоръ Филаретъ (Гумилевскій) и ближайшій помощникъ его проф. А. В. Горскій. Филаретъ, отличный знатокъ патристики, читавшій богословіе, впервые внесъ въ свой курсъ философскій элементъ, первый выступилъ съ новыми пріемами—критикой источниковъ, филологическимъ анализомъ и пр.; онъ направилъ вниманіе Н-ва на изученіе первоисточниковъ. А. В. Горскій, будущій товарищъ Н-ва по описанію синодальныхъ рукописей, своими лекціями по исторіи церкви и работами надъ русскими памятниками заинтересовалъ его именно послѣднею областью. Такимъ образомъ, ученая академическая атмосфера только помогла Н-ву шире развить тѣ задатки, которые были заложены въ него братомъ и отцомъ. По окончаніи курса академіи въ 1840 г. Н-въ тотчасъ былъ назначенъ преподавателемъ Симбирской семинаріи по классу св. писанія, патристики и еврейскаго языка. Въ свободное отъ служебныхъ занятій время, онъ усердно занимался изученіемъ мѣстной старины, причемъ особенное вниманіе обращалъ на изученіе различныхъ документовъ, хранящихся въ духовныхъ, общественныхъ и частныхъ архивахъ Симбирскаго и Самарскаго края. Поддерживаемый совѣтами и указаніями бывшаго своего учителя А. В Горскаго, Н-въ привлекаетъ къ этому дѣлу своихъ учениковъ и мало по малу собираетъ обширные и важные матеріалы для описанія и изслѣдованія бывшихъ и существующихъ монастырей и церквей Симбирской епархіи. Въ 1849 году тотъ-же А. В. Горскій вызвалъ Н. въ Москву въ качествѣ своего помощника по описанію рукописей Синодальной библіотеки. Въ концѣ августа Н-въ былъ въ Москвѣ и вскорѣ приступилъ къ труду, которымъ занимался въ продолженіи 23-хъ лѣтъ (1849—1872), до самой смерти. Своей работѣ Н-въ удѣлялъ громадное количество времени, тѣмъ болѣе, что Горскій, жившій въ Троице-Сергіевой лаврѣ, не могъ принимать такого дѣятельнаго участія, въ особенности будучи въ 1863 г. назначенъ ректоромъ Академіи.

Усиленно работая надъ описаніемъ рукописей, Н-въ не оставлялъ безъ вниманія и другихъ работъ. Прежде всего онъ продолжалъ разработку собраннаго еще въ Симбирскѣ матеріала; слѣдуетъ указать на нѣсколько сдѣланныхъ имъ описаній монастырей: Описаніе Симбирскаго Спасо-дѣвичья монастыря. М., 1852 г. (первая печатная работа Н-ва); Историч. описаніе бывшихъ въ г. Самарѣ мужск. Спасо-преображенскаго и женскаго Спасскаго монастырей. М., 1867; Описаніе Симбирскаго Покровскаго монастыря, что нынѣ архіерейскій домъ. Симб., 1870; Описаніе Каширскаго Благовѣщ. Симеонова монастыря, М., 1871 г. и на рядъ статей литургическаго и церковно-археологическаго характера. Кромѣ того, изучивъ при описаніи Синодальной библіотеки громадное количество рукописей, онъ занимался изданіемъ и изслѣдованіемъ цѣлаго ряда древне-русскихъ памятниковъ. Самыми крупными изданіями являются: вновь открытое поучит. посланіе св. Алексѣя («Душеп.-Чтеніе» 1861, ч. I с. 449); Древне русскія поученія и посланія объ иноческой жизни». Харьк., 1862 (Прибавл. въ «Душепол. Чтен». 1866, № 6); Записка о переводѣ Евангелія на славянск. языкъ, сдѣланномъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, М., 1865; Житіе преп. Іосифа Волоцкаго, составленное неизвѣстнымъ («Чтен. М. Общ. Ист. и Др». 1865 г. и отд.); Слово Св. Ипполита объ антихристѣ въ слав. переводѣ по списку XII в. М. 1868, (обстоятельную рецензію объ этомъ изданіи далъ И. И. Срезневскій въ XV присужд. Уваровскихъ наградъ); Сочиненія Св. Ипполита въ древне-славянскомъ переводѣ, съ примѣчаніями (трудъ остался неизданнымъ); громадное (до 40 печатн. листовъ) детальное описаніе-изслѣдованіе Мстиславова Евангелія, которое, по отзыву акад. И. И. Срезневскаго, является едва ли не лучшимъ изъ трудовъ Н-ва; (оно тоже до сихъ поръ неиздано; только начало было напечатано въ IX т. «Извѣстій Академіи Наукъ»). Помимо этихъ работъ,

Н-въ занимался и чисто археологическими изслѣдованіями, преимущественно Поволжскаго края, какъ, напр., Елабужскія древности, О городищахъ волжско-болгарскаго и казанскаго царствъ, М., 1871 г., Ананьинскій могильникъ Вятской губ. М., 1871 г., (особенно важный трудъ по сообщаемому матеріалу). Кромѣ того, Н. принималъ дѣятельное участіе въ Моск. Археологическомъ о-вѣ. За свои многочисленные труды Н. въ 1861 г. былъ избранъ членомъ—корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, а въ 1870 г.—членомъ Сербскаго ученаго общества въ Бѣлградѣ и Юго-Славянской Академіи въ Загребѣ. Къ этому же времени Н., не отличаясь вообще хорошимъ здоровьемъ, еще болѣе расшаталъ его упорными занятіями, протекавшими къ тому же въ довольно неблагопріятной для здоровья обстановкѣ. Силы его все болѣе слабѣли, работа не шла уже такъ плодотворно и, наконецъ, 29 ноября 1872 г., послѣ продолжительной болѣзни, Н. умеръ, не успѣвъ довести до конца главной своей работы надъ описаніемъ рукописей Синодальной библіотеки.

Переходя къ характеристикѣ трудовъ К. И. Невоструева, слѣдуетъ прежде всего остановиться на его капитальномъ описаніи синодальныхъ рукописей («Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки». 5 т.т. М., 1855—1869 гг.). По словамъ акад. Ѳ. И. Буслаева, это описаніе принадлежитъ къ числу «тѣхъ сочиненій, которыя составляютъ эпоху въ изученіи того предмета, которому они посвящены». Описаніе, какъ сказано въ предисловіи къ первому тому, не должно являться въ видѣ простой описи, служащей къ охраненію рукописей. Рукописи должны быть описаны въ строгомъ систематическомъ порядкѣ; каждую рукопись должно описывать, какъ бы она одна и была въ виду у описателя; съ разборомъ рукописей соединять разборъ самыхъ памятниковъ по содержанію и языку, а при разборѣ переводовъ слѣдить и за правильностью передачи подлинника. Для оцѣнки переводовъ всегда слѣдуетъ отыскивать источникъ. Наконецъ, все, что заслуживаетъ вниманія, должно быть изъяснено и обслѣдовано. Вотъ тѣ правила, которыхъ придерживались при описаніи Горскій и Невоструевъ. Вмѣсто простого перечня статей они давали цѣлое изслѣдованіе каждой рукописи и каждаго памятника—о составѣ, языкѣ, переводѣ, отношеніи къ оригиналу, редакціяхъ и. т. п. Каждый томъ описанія проливалъ новый свѣтъ на одинъ изъ отдѣловъ литературы. Нѣкоторыя сочиненія древнихъ отцовъ церкви, до того неизвѣстныхъ въ греческихъ подлинникахъ (четыре слова Меѳодія Патарскаго, передѣлка Эпиктета, составленная Максимомъ Исповѣдникомъ, и др.), были впервые ими обнародованы. Попутно изслѣдователями были затронуты и рѣшены весьма крупные и важные вопросы изъ древне-русской переводной и оригинальной литературы. Такъ, напр., ими былъ рѣшенъ вопросъ, «какъ образовалось то собраніе библейскимъ книгъ на славянскомъ языкѣ, которое мы имѣли до первыхъ печатныхъ изданій, и въ какомъ видѣ вообще было извѣстно Слово Божіе нашимъ предкамъ». Всего было напечатано описаніе 432-хъ рукописей: книги священнаго писанія и ихъ толкованія; творенія свв. отцовъ и другихъ писателей догматическаго и духовно-нравственнаго содержанія и книги богослужебныя; дальнѣйшіе томы описанія не вышли въ свѣтъ, хотя матеріалъ и былъ къ нимъ подготовленъ. Первые четыре тома Описанія въ 1867 г. были увѣнчаны первой полной Ломоносовской преміей.

Что касается до другихъ статей Н., то онѣ всѣ являются весьма цѣнными въ тѣхъ частяхъ, гдѣ дается анализъ произведенія, гдѣ сообщаются новые факты и т. п. Тамъ же, гдѣ Н. выходитъ изъ анализа фактовъ и пробуетъ дать обобщеніе, статьи его являются далеко не убѣдительными, а иногда и тенденціозными. Вообще, умъ Н. былъ по преимуществу аналитическимъ; это былъ остроумный, талантливый начетчикъ—аналитикъ.

Некрологи: „Иллюстр. Газета“ 1872 № 48.—В. Нечаевъ, „Душепол. Чтеніе“ 1872, № 12, с. 463. „Моск. Вѣдом.“ 1872. № 304. „С.-Петербургск. Вѣдом.“ 1872, № 335.—„Современность“ 1872. № 99.—„Вятск. епарх. вѣдом.“ 1873, № 1, с. 31—32.—„Гражданинъ“ 1873, № 3.—„Баратынскій, „Правосл. Обозр.“ 1873, № 4, с. 194.—Барсовъ, „Русс. Арх“. 1873, № 5 с. 846; № 7. с. 1343. Срезневскій, „Записки Имп. Академіи Наукъ“, т. 22, кн. 1, с. 129.—Геннади, „Русск. Архивъ“ 1874, № 12, с. 1095.—В. С. Иконниковъ, Опытъ русск. исторіографіи, 1891—1892. (Указ.).—С. Смирновъ, Исторія Московской дух. академіи до ея преобразованія, с. 490—497.—Савва, Хроника моей жизни, т. III—IV.—Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. (Указ.).—А. А. Котляревскій, Со-

чиненія, т IV. (Указ).—„Сборникъ въ память десятилѣтія Симбирской ученой архивной комиссіи“. 1906, с. 59—70 (П. Нелюбовъ, К. И. Невоструевъ, біограф. очеркъ).—С. Поповъ, „Богосл. Вѣстн.“ 1896, № 5, с. 248—256 (А. В. Горскій). Ibid. 1900, т. III, с. 419. (Памяти А. В. Горскаго. Изъ архива А. В. Горскаго).—Н. Крыловъ, „Вѣстн. Евр.“ 1900 № 5, с. 140—144. (Очерки изъ далекаго прошлаго). „Симб. Епарх. вѣдом.“ 1900, № 4. (50-ти лѣтіе Симбирской духовн. семинаріи).—Барсуковъ, „Русск. Вѣстн.“ 1903, № 7—8. (К. Ив. Н-въ въ письмахъ къ ректору якутской семинаріи Дм. Вас. Хитрову.).—Андреевъ, „Русск. Стар.“ 1908, № 1, с. 97—110, № 2, с. 367—392. („К. И. Невоструевъ“. біографич. очеркъ). „Извѣстія И. Акад. Наукъ“, т. V, в. I. т. VIII, в. 5.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1856, ч. 89, № 3, с. 86—98.—Безсоновъ, „Русск. Бесѣда“ 1856, № 2, с. 1—90.—Буслаевъ, „Русск. Вѣстн.“ 1856, т. I, кн. 1.—„Сборн. II-го отдѣленія Имп. Ак. Наукъ“ т. VII—статьи: Бычкова, Срезневскаго и самого Невоструева.—„Правосл. Обозр.“ 1860, № 6, с. 231—276. № 8, с. 236—240.—„Книжн. Вѣстн.“ 1864, № 1, с. 5. Сводка статей сдѣлана въ „Богословск. Вѣстн.“ 1900 г., № 11, с. 370—560.

А. Шиловъ.

Невѣдомскій,—*Николай Васильевичъ*,—писатель, род. 19-го марта 1791 г., въ с. Зобнинѣ, Кашинскаго у., Тверской губ., и былъ сынъ исправника Кашинскаго земскаго суда. Изъ первыхъ годовъ дѣятельности Н. извѣстно, что съ началомъ Отечественной войны онъ оставилъ гражданскую службу и въ мартѣ 1812 г. опредѣлился корнетомъ во 2-ой волонтерный казачій барона Боде полкъ, въ составѣ котораго принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ съ непріятелемъ какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ ея; между прочимъ, въ битвѣ подъ Дессау былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, по возвращеніи изъ котораго былъ переведенъ, въ чинѣ поручика, въ гусарскій принца Оранскаго полкъ (въ 1815 г.), а въ 1817 г.—штабъ-ротмистромъ въ Стародубскій кирасирскій полкъ; 15-го апр. 1821 г. онъ оставилъ военную службу, сдѣлался помѣщикомъ и остальную часть жизни провелъ среди занятій сельско-хозяйственныхъ и литературныхъ; скончался въ 1853 году.—Н. былъ весьма плодовитый писатель, но даровитостью не отличался, что, какъ извѣстно, въ свое время дало поводъ Пушкину написать на него ядовитую эпиграмму. На литературное поприще онъ выступилъ еще въ 1812 году въ качествѣ поэта-патріота; сравнительно большей извѣстностью онъ пользовался, какъ баснописецъ. но онъ написалъ также не мало пѣсенъ, поэмъ, сатиръ и т. п.; въ болѣе поздніе годы онъ больше писалъ прозой. Н. печатался въ слѣдующихъ журналахъ: «Телескопъ», «Молва», «Современникъ», «Москвитянинъ» и др.; значительное количество произведеній Н. имѣется и въ отд. изданіяхъ, напр. Къ Русскимъ на всеобщее вооруженіе (Спб. 1812), Басни и сказки (Спб. 1822), Воинъ—поэтъ (М. 1819). Стихотворенія. Кн. I: пѣсни и романсы (М. 1821), Энеида,—комич. поэма (Спб. 1828), Лирическія поэмы (Спб. 1828), Партизаны—описат. поэма (Спб. 1829); Деньги—сатира (Спб. 1833). Изъ статей, напечатанныхъ въ «Современникѣ» (въ 1840-хъ гг.), въ свое время обращали на себя вниманіе: Отрывки изъ исторіи партизановъ Пиринейскаго полуострова, Очеркъ Испаніи, Начальники Гверильясовъ, Три послѣднія главы изъ исторіи Гверильясовъ, Поэзія партизанской войны, Послѣднее сраженіе Фигнера, и др.

Архивъ Департамента Герольдіи Правит. Сената. Переписка Грота съ Плетневымъ (указ.); Записки С. П. Жихарева, стр. 411; Сочиненія А. С. Пушкина (изд. Литерат. фонда) т. II, стр. 58; „Дамскій Журн.“ 1824, 2; „Сочиненія въ прозѣ и стих.“, 1823, 3; „Современникъ“ 1838—1845; „Москвитянинъ“ 1852, ч. VI, стр. 183; сочиненія гр. Д. И. Хвостова, т. V. Рецензіи на произведенія Н-го: „Спб. Вѣстн.“ 1812, 7; „Моск. Вѣстн.“ 1828 г., ч. 3, № 11; ч. 10, № 16; „Моск. Телеграфъ“ 1828, №№ 4 и 6; 1829, № 23; „Сынъ Отеч.“ 1839 ч., VII с. 42.

Невѣжа, *Андроникъ Тимофѣевичъ*,—печатный мастеръ Московской типографіи во второй половинѣ XVI в. (1568—1602 гг.). Біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось; только изъ послѣсловій къ напечатаннымъ имъ книгамъ и можно извлечь кое-какіе факты; оффиціальные же документы о немъ сгорѣли во время литовскаго разоренія. Первою книгою, напечатанною Андр. Н. вмѣстѣ съ Никифоромъ Тарасіевымъ во вновь отстроенной, по повелѣнію царя Іоанна, послѣ пожара 1565—1566 гг., «штамбѣ», былъ Псалтырь (первопечатный), начатый 8-го марта и оконченный 20 декабря 1868 г. (4°, 292 л.). Послѣ этой Псалтыри, въ теченіе 20 лѣтъ, неизвѣстно ни одной книги, изданной въ Москвѣ. Самъ Н. въ это время, по распоряженію Іоанна, переселился въ Александровскую Слободу и устроилъ тамъ маленькую типографію, изъ которой вышла тоже только одна книга;

Псалтырь1577 г. (4°, 280 лл.). Такая малопроизводительность объясняется тѣмъ, что книгопечатаніе въ то время еще не находило достаточной поддержки въ обществѣ и типографія была только царской книгопечатней. Только съ 1589 г. дѣятельность Московскаго печатнаго двора возрастаетъ, вслѣдствіе усилившейся нужды въ книгахъ въ новопросвѣщенныхъ земляхъ и крайняго разногласія богослужебныхъ рукописей Въ теченіе 14-ти лѣтъ (1589—1602) Н. продолжалъ завѣдывать типографскимъ дѣломъ. За это время имъ были напечатаны слѣдующія церковно-служебныя книги: «Тріодь постная съ синоксари и Марковыми главами» 1589 г.; «Тріодь цвѣтоносная» 1591 г.; въ 1594 г.—«Охтай» (осмигласникъ) въ двухъ томахъ; въ 1597 г.—Апостолъ въ количествѣ 1500 экземпляровъ, съ гравированнымъ на деревѣ иконописнымъ изображеніемъ ап. Луки; въ 1598 г. вмѣстѣ сыномъ Иванцемъ Невѣжею—Часовникъ; это же изданіе было повторено въ 1601 г.; въ 1600 г.—«Минея Общая»; въ томъ же году—«Минея Общая» (2-е изд.); въ 1602 г.—«Служебникъ»; въ томъ же г.—«Псалтирь учебная» съ гравированнымъ изображеніемъ царя Давида. Изъ перечисленныхъ книгъ первопечатными являются: Тріоди цвѣтная и постная, Октоихъ, Минея Общая 1600 г. и Служебникъ. Кромѣ этихъ книгъ, несомнѣнно, напечатанныхъ Андр. Невѣжею, слѣдуетъ отнести къ его работѣ еще слѣдующія: Псалтирь 1591 г., Тріодь постная 1592 г., Тріодь цвѣтная 1594 г. Чиновникъ архіерейскій священнаго служенія 1600 г. и Евангеліе, напечатанное послѣ 1596 г. и относимое къ числу работъ Невѣжи «Сказаніе о воображеніи книгъ печатнаго дѣла», составл. въ полов. XVII в. Это же Сказаніе называетъ Андр. Невѣжу ученикомъ первопечатниковъ Ивана Ѳедорова и Петра Тимофѣева. Дѣйствительно, внѣшняя сторона изданій можетъ служить только подтвержденіемъ этого мнѣнія: пріемы работы, полууставная азбука, заставки, вязь, орнаментовка тѣ же, что и въ первопечатномъ Апостолѣ 1564 г. Всѣ изданія Н. очень удовлетворительныя съ внѣшней стороны, имѣютъ однако много недостатковъ со стороны правильности текста, хотя правительство и заботилось ревностно, какъ видно изъ послѣсловій, «о исправленіи книжномъ и въ нихъ о словеси истинномъ»; главною причиною неисправности текста было правленіе его по догадкамъ безъ свѣрки съ греческимъ текстомъ.

Кромѣ печатанія, Н. занимался еще и гравированіемъ, какъ это видно изъ его подписи подъ изображеніемъ св. Луки въ Апостолѣ 1597 г.; вѣроятно, ему же принадлежатъ и гравированныя изображенія царя Давида въ псалтыряхъ его печати.

С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. „Общ. Пользы“), т. II, с. 534, 726.—П. М. Строевъ, Обстоятельное описаніе старопеч. книгъ въ библіот. гр. Ѳ. А. Толстого. М., 1829. (Введеніе)—Его-же Описаніе старопеч. книгъ славянскихъ въ библіотекѣ И. Н. Царскаго. М., 1836. (Прилож.)—Д. А. Ровинскій, Русскіе граверы и ихъ произведенія. М., 1870.—В. Е. Румянцевъ, Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. М., 1872, вып. 1, с. 50—52, I—III и таблицы.—И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечат. кирилловскими буквами. Спб., 1883. („Сборн. отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ“, т. 34)—Ѳ. И. Булгаковъ, Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографск. искусства. Спб., 1889, т. I, с. 238—243, 292.—И. М. Снегиревъ, „Вѣстн. Евр.“ 1830, ч. IV, с. 57—62. (О первой псалтыри, напечат. Невѣжею Тимофѣевымъ и Никифоромъ Тарасіевымъ) „Труды Моск. Археологич. О-ва“, т. II, вып. 1, с. 1 и сл. М., 1869. (Древнія зданія Московск. Печатн. Двора).—Л. Гатцукъ, „Русск. Вѣстн.“ 1872, т. 99, № 45, с. 343. (Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи).

А. Шиловъ.

Невѣжинъ, *Иванъ Андрониковичъ*, сынъ А. Т. Невѣжи (см. выше), печатный мастеръ въ Московской типографіи съ 1603 г. до литовскаго разоренія 1611 г., когда дѣятельность Печатнаго двора совершенно прекратилась. Началъ онъ свою дѣятельность подъ руководствомъ отца: первая его книга «Часовникъ» 1598 г. была напечатана вмѣстѣ съ отцомъ. Кромѣ нея, уже самостоятельно имъ были напечатаны: въ 1604 г.—Тріодь цвѣтоносная; въ 1606 г.—Апостолъ; въ 1607 г.—Тріодь постная; въ 1607—1610 гг.—Минея служебная за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцы. Съ внѣшней стороны его изданія ничѣмъ не отличаются отъ предъидущихъ: та-же полууставная азбука и орнаментовка, что и въ изданіяхъ его отца. Очень характерны послѣсловія Ив. Андр. къ напечатаннымъ имъ книгамъ по той безразличности, съ которой онъ относился къ перемѣнамъ на московскомъ престолѣ. Въ нихъ онъ говоритъ о Бо-

рисѣ Годуновѣ, какъ о царѣ, который о печатномъ дѣлѣ «тщаніе веліе имѣлъ и съ прилежнымъ усердіемъ слова истины исправлялъ», а, съ другой стороны, и царя Дмитрія называетъ «благочестія поборникомъ и божественныхъ велѣній изрядным ревнителемъ». Судьба его послѣ разоренія Печатнаго двора въ 1611 г. неизвѣстна. Его мѣсто при Михаилѣ Ѳедоровичѣ занялъ его братъ Алексѣй Андрониковичъ, имѣвшій въ 1614 г. подъ началомъ 16 человѣкъ.

С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. II, с. 726, 774.—П. М. Строевъ, Описаніе старопеч. книгъ библ. гр. Ѳ. А. Толстого.—Его же, Описаніе старопеч. книгъ библіот. И. Н. Царскаго.—В. Е. Румянцевъ, Сборникъ памятниковъ...., с. 52, II—IV табл.—И. Каратаевъ, Описаніе слав.-рус. книгъ; Ѳ. И. Булгаковъ, Исторія книгопечатанія...., с. 244—248.

А. Шиловъ.

Невѣровскій, *Александръ Андреевичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ совѣта Министра Государственныхъ имуществъ; род. въ 1818 г., ум. 13-го сент. 1864 г. Выпущенный изъ 2-го кадетскаго корпуса въ 1834 г. прапорщикомъ въ лейбъ-гвардію Литовскій полкъ, Н. черезъ три года поступилъ въ Военную Академію, гдѣ и кончилъ успѣшно курсъ въ 1838 г. Въ началѣ 1840 г. онъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ и назначенъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ. Пятилѣтняя служба на Кавказѣ протекла для Н. въ многочисленныхъ экспедиціяхъ и сраженіяхъ съ горцами. Онъ числился въ войскахъ Прикаспійскаго края и Кавказской линіи. Трудности боевой походной жизни не помѣшали, однако, ему ознакомиться близко съ краемъ и написать цѣлый рядъ изслѣдованій и статей, являющихся цѣннымъ матеріаломъ для изученія Кавказскаго края. Въ іюлѣ 1845 г. Н. въ чинѣ подполковника вернулся въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ состоять при Департаментѣ генеральнаго штаба, а въ 1850 г. инспекторомъ межеванія казенныхъ земель и членомъ военно-цензурнаго комитета. Начавшаяся вскорѣ война съ Турціей, а затѣмъ Крымская кампанія увлекла его на театръ военныхъ дѣйствій, причемъ въ концѣ 1853 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба войскъ Прикаспійскаго края, а въ апрѣлѣ 1854 г., начальникомъ штаба Александропольскаго отряда, съ которымъ совершилъ всю кампанію, и за боевыя отличія былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. По окончаніи войны Н. было поручено управлять Кавказскимъ отдѣленіемъ департамента генеральнаго штаба. Въ 1858 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Лѣсного Департамента Министерства Государственныхъ имуществъ и инспекторомъ корпуса лѣсничихъ. Разстроенное здоровье и развившаяся болѣзнь сердца заставили Невѣровскаго въ мартѣ 1864 г. уѣхать за границу, гдѣ онъ 13-го сентября скончался въ Лозаннѣ.

Въ «Военномъ журналѣ» 1847—1848 г. имъ были напечатаны: «Историческій взглядъ на Дагестанъ», «О началѣ безпокойствъ въ сѣверномъ и среднемъ Дагестанѣ», «Истребленіе аварскихъ хановъ».

„Военный Сборникъ“ 1864 г. № 11;—„Русскій Инвалидъ“ 1864 г. № 216, 220;—„Иллюстрир. Газ.“ № 40; Мѣсяцесловъ на 1866 г.

Б. Алексѣевскій.

Невѣровскій, *Александръ Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ генеральнаго штаба, начальникъ войскового штаба Терскаго казачьяго войска; военный писатель. Н. род. въ 1844 г., воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и во 2-мъ Константиновскомъ военномъ училищѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ, Н. поступилъ въ 1862 году, въ чинѣ прапорщика, въ 8-й драгунскій Астраханскій полкъ, гдѣ прослужилъ четыре года, а затѣмъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. По окончаніи курса въ академіи по первому разряду въ 1870 году, Н. былъ переведенъ въ генеральный штабъ и, нѣсколько времени спустя, въ чинѣ капитана, былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ по учебной части Елисаветградскаго кавалерійскаго училища. Вскорѣ онъ занялъ въ томъ же училищѣ должность преподавателя военныхъ наукъ. Съ 1875 года Н. состоялъ для особыхъ порученій—сначала при штабѣ кіевскаго военнаго округа, а затѣмъ—при войсковомъ штабѣ войска Донского; въ 1877 году Невѣровскій былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба 39-ой пѣхотной дивизіи, а въ 1881 г., по производствѣ въ полковники, получилъ въ командованіе 1-й Уланскій конный полкъ Кубанскаго казачьяго войска, которымъ и командовалъ до 1886 года. Произведенный въ 1889 году въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ начальникомъ войскового штаба Терскаго казачьяго войска съ зачисленіемъ по генеральному штабу. Въ этой должности онъ оставался до смерти, послѣдовавшей въ

февралѣ 1892 года. Какъ военный писатель, А. Ѳ. Невѣровскій извѣстенъ слѣдующими сочиненіями: «Снаряженіе войскъ:—пѣхота» (вып. I, Кіевъ 1872 г.) и «Воспитаніе и обученіе кавалеріи» (книга для кавалерійскихъ офицеровъ и юнкеровъ. Елизаветградъ. 1874 г.). Кромѣ того, онъ печатался въ «Военномъ Сборникѣ», начиная съ 1872 года.

„Русскій Инвалидъ“ 1892 г. № 35; „Новое Время“ 1892 г. № 5734; „Библіографическія Записки“ 1892 г. № 4; „Русск. Календарь“ на 1893 г. *Е. Я.*

Невѣровскій. *Дмитрій Петровичъ* генералъ лейтенантъ, герой 1812-го года. Уроженецъ Полтавской губ. Н. родился 21-го октября 1771 г. въ селѣ Прохоровкѣ, Золотоношскаго уѣзда и былъ старшимъ сыномъ прохоровскаго сотника, а потомъ золотоношскаго городничаго Петра Ивановича Невѣровскаго и жены его Прасковіи Ивановны, урожденной Левицкой. Получивъ первоначальное образованіе въ домѣ родителей, Н. уже въ 14—15 лѣтъ изучилъ русскій и латинскій языки и математику; съ юныхъ лѣтъ онъ обращалъ на себя вниманіе своей красивой наружностью, смѣлостью и умѣніемъ переносить всевозможныя лишенія. Въ 1786 г. пріѣзжалъ въ Малороссію гр. Завадовскій, хорошо знавшій П. И. Невѣровскаго. Съ согласія родителей, онъ увезъ съ собой въ Петербургъ понравившагося ему молодого Н. 16 го Мая 1786 г. Н. былъ опредѣленъ въ лейбъ-гв семеновскій полкъ, гдѣ черезъ годъ произведенъ въ сержанты. Въ 1787-мъ году началась вторая Турецкая война и Н. перевелся въ дѣйствующую армію и 3-го октября 1787 г. былъ опредѣленъ поручикомъ въ Малороссійскій Гренадерскій полкъ. 7-го сентября 1788 г. онъ въ первый разъ увидалъ непріятельскіе ряды въ дѣлѣ при Сальчѣ, затѣмъ онъ принялъ участіе въ покореніе бендерской крѣпости, а когда война кончилась и былъ заключенъ миръ, перевелся въ армію, дѣйствовавшую противъ поляковъ. Здѣсь ему пришлось принять участіе въ цѣломъ рядѣ сраженій и здѣсь онъ получилъ первыя боевыя отличія. 4-го іюля 1792 г. онъ находился въ сраженіи при Деревицѣ, а 7-го іюля того же года при Городищѣ, гдѣ, за отличіе, получилъ чинъ капитана. Въ сраженіи при Мацеіовицахъ Н. былъ свидѣтелемъ плѣненія Костюшки. При штурмѣ Праги 24-го октября того же года Невѣровскій отличился особенно смѣлостью и распорядительностью, за что и былъ награжденъ чиномъ секундъ-маіора и получилъ Прагскій Крестъ.

Въ 1803-мъ году были образованы особые морскіе полки и Н. былъ назначенъ командиромъ перваго изъ нихъ. Произведенный въ сентябрѣ 1803 г. въ полковники онъ въ мартѣ слѣдующаго года получилъ генералъ-маіорскій чинъ и былъ назначенъ шефомъ 3-го Морского полка, стоящаго въ Ревелѣ. Въ сентябрѣ 1805 г. полкъ этотъ былъ назначенъ въ составъ войскъ, отправляемыхъ въ Шведскую Померанію подъ начальствомъ графа Толстого. Н. пришлось вмѣстѣ съ полкомъ сѣсть на суда и морскимъ путемъ достигнуть Стральзунда, откуда онъ выступилъ къ берегамъ Везера, но вскорѣ вернулся со всѣмъ корпусомъ въ Россію.

Въ 1808-мъ году 3-й Морской полкъ стоялъ на караулахъ въ Петербургѣ и былъ оставленъ въ Кронштадтѣ. Превосходное состояніе, въ которомъ онъ находился, обратило вниманіе Александра Перваго на его энергичнаго командира и въ 1809-мъ году по личному желанію Императора Невѣровскій былъ сдѣланъ шефомъ Павловскаго Гренадерскаго полка. Въ концѣ 1811-го года Императоръ Александъ I., цѣня въ Н. одного изъ лучшихъ фронтовыхъ офицеровъ, поручилъ ему составить въ Москвѣ новую 27-ую пѣхотную дивизію: «Дмитрій Петровичъ!»—сказалъ ему Государь при семъ назначеніи: «дивизіи нужно сформировать очень скоро. Дѣло это трудное, но я совершенно увѣренъ, что ты оправдаешь мое ожиданіе». Отправившись въ Москву, Н. въ два мѣсяца составилъ новую дивизію изъ пѣхотныхъ полковъ Одесскаго, Тарнопольскаго, Виленскаго и Симбирскаго и 49-го и 50-го Егерскихъ. Главнокомандующій въ Москвѣ фельдмаршалъ Гудовичъ назвалъ новую дивизію «Московской Гвардіей». За свои труды по сформированію дивизіи Невѣровскій былъ награжденъ орденомъ Анны 1-ой ст. Весной 1812 года Н. съ своей дивизіей оставилъ Москву и 22-го іюня въ Новогрудкѣ примкнулъ ко второй арміи князя Багратіона. Подъ Смоленскомъ предполагалось дать генеральное сраженіе Наполеону. Для выполненія этого плана дивизія Н. была двинута къ Красному, гдѣ 2-го августа показался

авангардъ французской арміи подъ начальствомъ маршала Нея, который немедленно атаковалъ городъ и заставилъ Н. отступить къ Смоленску, захвативъ у него 5 орудій. Онъ медленно отступалъ, постоянно выдерживая атаки французской кавалеріи. Расположеніе нашихъ армій требовало непремѣнно удержать за собою Смоленскъ для сосредоточенія и соединенія ихъ тамъ. Удержать Смоленскъ было поручено корпусу Раевскаго, который 3-го августа прибылъ въ Смоленскъ и соединился съ Н.; въ тотъ же день появились подъ Смоленскомъ французскіе передовые отряды. Н. съ успѣхомъ выполнилъ трудную задачу, выпавшую на его долю—защищать Смоленскъ и дать русскимъ арміямъ возможность соединиться и спокойно отступать къ Москвѣ. Дивизія его пострадала очень сильно, а подъ Бородинымъ она была почти уничтожена, и съ остатками ея Н. примкнулъ къ другимъ войскамъ, продолжая сражаться Въ одномъ бою онъ былъ контуженъ въ грудь, и за отличіе получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Пополнивъ и укомплектовавъ свою дивизію въ Тарутинскомъ лагерѣ, Н. принялъ участіе въ преслѣдованіи непріятеля при его отступленіи. Въ сраженіи при Маломъ Ярославцѣ онъ въ сильномъ огнѣ дрался во главѣ дивизіи и преслѣдовалъ непріятеля, настигнувъ его въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Вильнѣ. Злѣсь, по распоряженію Кутузова, онъ остался на нѣкоторое время для того, чтобы опять укомплектовать дивизію.

Только весной 1813 г. Н. выступилъ изъ Вильны и, присоединившись къ союзнымъ войскамъ, вступилъ въ корпусъ Сакена, входившій въ составъ Силезской арміи Блюхера. Принявъ участіе во всѣхъ битвахъ Силезской арміи, Н. проявилъ особенное геройство и смѣлость въ Лейпцигскомъ сраженіи. Овладѣвъ сѣвернымъ предмѣстіемъ Лейпцига, онъ былъ здѣсь тяжело раненъ пулею въ ногу и принужденъ покинуть поле битвы. Развившаяся быстро гангрена свела Невѣровскаго въ могилу. Оно умеръ 21-го октября 1813 г. и былъ погребенъ въ Галле.

Д. Н. Невѣровскій былъ женатъ на дочери адмирала Елизаветѣ Александровнѣ Мусиной-Пушкиной и имѣлъ отъ нея одну дочь.

«Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1846—47 Томъ I («Записка генерала Невѣровскаго о службѣ своей въ 1812 г.»);—«Военная галлерея Зимняго Дворца. Императоръ Александръ I и его сподвижники въ 1812—1815». Соч. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Спб. 1845 г. Томъ I; «Рус. Стар.» 1893 г., ноябрь, стр. 358—361. «Сѣв. Пчела» 1845, №№ 223 — 229; «Полтавск. Губ. Вѣд.» 1850, №№ 29 — 30; „Журн. для чтенія восп. воен. уч. зав. 1846, № 229; 1849, № 311; Словари Брокгауза и др. *Б. Алексѣевскій.*

Негребецкій, *Павелъ*, полемистъ съ лютеранами 1680-хъ гг., шляхтичъ Перемышльскаго повѣта, православный по рожденію, служилъ въ концѣ 1660—нач. 1670-хъ гг., въ Варшавѣ въ Надворной Коронной канцеляріи писаремъ. Въ 1674 г. Василій Михайловичъ Тяпкинъ, первый русскій резидентъ въ Варшавѣ, сблизился съ нимъ и Н. въ теченіе полутора года былъ у него въ «писаряхъ полскихъ и латынскихъ и государственныхъ дѣлъ и служилъ вел. государю вѣрно и всякія надлежащія вѣдомости писалъ». Въ то же время Н. «явилъ служеніе во откровеніе совѣтовъ сенаторскихъ и въ прочихъ дѣлѣхъ до вѣдомостей надлежащихъ», т. е. былъ тайнымъ шпіономъ и сообщалъ резиденту о всемъ, что говорилось на сеймахъ и государственныхъ совѣтахъ. Вслѣдствіе испортившихся отношеній («нынѣ въ Польшѣ измѣнничье и королевство продавца имя о мнѣ гласится»)—Н. вынужденъ былъ покинуть польскую службу и проситься на службу къ Московскому государю.

Въ своей челобитной Н. пишетъ, что исполнялъ службу и претерпѣлъ бѣдствія «за любовь вѣры православную», за которую «не только терпитъ съ радостью, но и молитъ Бога, да дастъ онъ ему не домовную, а кровоточную ересь». За принятіе его на русскую службу ходатайствовалъ и резидентъ Вас. Мих. Тяпкинъ. Ходатайство было вскорѣ удовлетворено, и Н. въ сентябрѣ 1677 г. былъ пожалованъ 25 рублями, ковшемъ серебрянымъ, 40 соболями и принятъ на русскую службу. Поселившись въ Москвѣ, Н. сблизился съ Симеономъ Полоцкимъ и Сильвестромъ Медвѣдевымъ. Пользуясь репутаціей истинно православнаго человѣка, онъ рекомендуетъ боярину кн. Вас. Θед. Одоевскому для вызова въ Москву нѣкоторыхъ южнорусскихъ ученыхъ: игумена добромылскаго Елисея Корабчикѣевича, іеромонаха Гавалевича, да мірянина Терновскаго «яко въ философіи и богословіи зѣло ученыхъ и въ состязаніяхъ зѣло острыхъ». Нена-

видя «всякаго еретика и противника церкви паче смертнаго своего врага», Н. въ 1680—1682 гг. вступилъ въ дѣятельную полемику съ нѣкіимъ иноземцемъ Яномъ Бѣлобоцкимъ, искавшимъ мѣсто учителя въ открываемую въ Москвѣ академію. Узнавъ изъ личныхъ бесѣдъ съ Бѣлобоцкимъ о цѣли его пріѣзда въ Москву и увидѣвъ въ немъ одного изъ тѣхъ пасторовъ, которые стараются распространить въ Москвѣ «лютеро-кальвинскую ересь», Н. употребилъ всѣ усилія, чтобы устранить опаснаго претендента, и забилъ по этому случаю тревогу. Бѣлобоцкій сначала хотѣлъ было войти въ соглашеніе съ Н-мъ, упрекалъ его въ томъ, что по его стараніямъ «износится о немъ слава недобрая» и уговаривалъ прекратить обличенія. Но эти старанія не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ Н. заявилъ, что обязанъ обличать такого «еретика-хульника» и если бы не обличалъ его, «то грѣшилъ бы смертно и всѣхъ оныхъ погибели, яже бы ты тайною своею хитростью прелстилъ, виновенъ бы быхъ». Тогда Бѣлобоцкій, желая во что-бы то ни стало устранить со своего пути Н., избралъ другой путь и подалъ царю челобитную, въ которой объяснялъ наговоры Н. его ненавистью къ ученымъ людямъ и личною завистью. Въ отвѣтъ на нее Н. 19-го мая 1681 г. подалъ царю противную челобитную, подробно излагая дѣло, объясняя замыслы Бѣлобоцкаго и обвиняя его въ ересяхъ. Онъ же вмѣстѣ съ симоновскимъ архимандритомъ Гавріиломъ Домецкимъ публично полемизировалъ съ Б-мъ на соборѣ въ Крестовой палатѣ, который былъ созванъ въ маѣ 1681 г. патр. Іоакимомъ, встревоженнымъ этими толками. Изъ хода преній видно, что Н. явился застрѣльщикомъ въ этомъ дѣлѣ, т. к. дальнѣйшую полемику съ Б-мъ принялъ на себя Сильвестръ Медвѣдевъ. Обширная челобитная Н., написанная простымъ, яснымъ языкомъ, свидѣтельствуетъ о начитанности и толковости автора и объ его умѣніи разбираться въ интересовавшемъ всѣхъ вопросѣ о ересяхъ. На его образованность указываетъ и близость къ кружку Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности Н. не встрѣчается; вѣроятно, онъ потерялъ значеніе вмѣстѣ съ паденіемъ своего покровителя Сильвестра Медвѣдева.

«Дополненія къ Актамъ Историч.», IX, с. 56—57.—Д. Цвѣтаевъ, «Чтенія въ Имп. Обществѣ Истор. и Древностей Росс.» 1884, кн. 3, отд. I, с. 196—245. (Памятники къ Исторіи протестанства въ Россіи).—Н. И. Субботинъ, «Прибавл. къ твореніямъ Свв. отцовъ» 1862, т. 21, с. 569—616. (Янъ Бѣлободскій и Павелъ Негребецкій)—Д. Цвѣтаевъ, Литературн. борьба съ протестантизмомъ въ Московскомъ государствѣ. М., 1887, с. 140 сл.—И. А. Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891, с. 145—146.—А. Гавриловъ, „Странникъ“ 1873, III, с. 127—139. (Проповѣдники нѣмецкой вѣры въ Москвѣ и отношенія къ нимъ патр. Іоакима)—И. Соколовъ, Отношенія протестантизма къ Россіи въ XVI—XVII вв. *А. Ш—въ.*

Негри *Александръ Ѳедоровичъ*, д. ст. сов., президентъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; писатель-археологъ; род. въ 1784 г., ум. 27-го іюня 1854 г.—А. Ѳ. Негри происходилъ изъ старинной греческой фамиліи, жившей постоянно въ Константинополѣ. Начавъ службу свою при дворѣ молдавскаго господаря Константина Ипсиланти, Н. довольно скоро достигъ извѣстнаго положенія и женился на старшей дочери самого Ипсиланти. Крупныя политическія событія, лишившія его тестя господарства, оказали сильное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Негри. Въ 1806 г. онъ, въ качествѣ близкаго Ипсиланти лица, выѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Россію, въ Кіевъ, куда по приглашенію Императора Александра I переселился его тесть, и гдѣ Негри нашелъ свое новое отечество. Въ 1815 году, по ходатайству того же Ипсиланти, Негри былъ принятъ на русскую службу съ чиномъ д. ст. сов., и спустя нѣкоторое время причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Знаніе иностранныхъ языковъ: турецкаго, персидскаго, греческаго и французскаго открыло Н. широкую дорогу на дипломатическомъ поприщѣ и на него неоднократно возлагали исполненіе весьма важныхъ порученій. Въ 1818 г., въ качествѣ старшаго совѣтника посольства, онъ отправился въ Персію въ свитѣ чрезвычайнаго посланника генерала А. П. Ермолова, которому было поручено исхлопотать при Тегеранскомъ дворѣ разрѣшеніе имѣть тамъ постояннаго русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ и, кромѣ того, добиться отъ персидскаго правительства возвращенія захваченныхъ въ разное время русскихъ плѣнниковъ, томившихся тамъ въ неволѣ. Знакомый съ нравами и обычаями Персіи Н. скоро снискалъ расположеніе персидскаго двора и получилъ любезное за-

явленіе, что именно его желали бы имѣть въ качествѣ русскаго повѣреннаго въ Тегеранѣ. По возвращеніи въ Петербургъ Н. былъ награжденъ орденомъ Владиміра 3-й ст., а со стороны персидскаго правительства алмазными знаками персидскаго ордена Льва и Солнца. Во время пребыванія въ Персіи Н. велъ подробный дневникъ, который, по возвращеніи изъ путешествія, онъ привелъ въ надлежащій порядокъ. Въ 1820 г. Н. получилъ порученіе отправиться въ Бухару, чтобы завязать торговыя сношенія съ Бухарой и выхлопотать освобожденіе русскихъ невольниковъ, захваченныхъ хивинцами, киргизами и туркменцами и проданныхъ въ неволю въ Бухару. Всѣ возложенныя на него порученія Н. выполнилъ вполнѣ удачно и представилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ подробный журналъ переговоровъ и переписки, которые онъ велъ съ бухарскимъ правительствомъ. Имъ были вывезены оттуда много бухарскихъ плѣнниковъ, и въ награду за труды Н. былъ пожалованъ орденъ Анны 1-й ст. Путешествіе Н. по малоизвѣстнымъ бухарскимъ степямъ имѣло и нѣкоторые научные результаты, такъ какъ внесло много новаго въ область географическихъ знаній объ этой странѣ; находившійся въ составѣ посольства полковникъ Мейендорфъ записывалъ свои личныя наблюденія, которыя вышли потомъ въ свѣтъ подъ названіемъ: «Voyage d'Orenbourg à Boucharа, fait en 1820». Послѣ этой командировки Н. воспользовался продолжительнымъ отдыхомъ и не принималъ никакого участія въ дѣлахъ до 1828 г.

Начавшаяся въ этомъ году война съ Турціею потребовала услугъ со стороны Негри при постоянныхъ переговорахъ съ турецкими пашами. Въ апрѣлѣ 1828 г. онъ былъ назначенъ состоять при главномъ командирѣ Черноморскаго флота адмиралѣ Грейгѣ. На его обязанности было возложено вести переговоры и поддерживать сношенія съ турецкими начальниками, командовавшими крѣпостями на Черномъ морѣ. При осадѣ крѣпости Анапы, за удачное веденіе переговоровъ о сдачѣ Н. получилъ брилліантовый перстень съ вензелемъ Его Величества и алмазные знаки ордена Анны 1-й ст. Когда русскія войска приступили къ осадѣ крѣпости Варны, въ теченіе всей осады Н. имѣлъ постоянное пребываніе на кораблѣ «Парижъ», гдѣ находилась главная квартира Государя. Съ паденіемъ крѣпости въ 1829 году Негри былъ командированъ къ командовавшему отрядомъ войскъ на лѣвомъ берегу Дуная; его неоднократно посылали съ порученіями вести переговоры съ тѣми или другими турецкими начальниками, въ различныхъ крѣпостяхъ, вплоть до взятія крѣпости Журжи.

Въ награду за усердные труды, Негри получилъ орденъ Станислава 1-й ст., серебряную медаль на Георгіевской лентѣ въ память Турецкой войны и кромѣ того 5000 десятинъ земли въ Бессарабской области. По заключеніи мира Н. вернулся въ Петербургъ, гдѣ онъ велъ очень скромный образъ жизни и все свободное время употреблялъ на усовершенствованіе въ знаніи восточныхъ языковъ и въ частности — арабскаго. Потерявъ жену, онъ рѣшилъ оставить Петербургъ, тѣмъ болѣе что съ трудомъ выносилъ особенности петербургскаго климата. Онъ выхлопоталъ разрѣшеніе переселиться въ Одессу, куда и переѣхалъ въ 1837 г. Въ Одессѣ Н. вскорѣ принялъ дѣятельное участіе въ работахъ только что открывшагося Одесскаго Общества Древностей, ставъ однимъ изъ энергичныхъ его сотрудниковъ. Отличное знаніе восточныхъ языковъ дѣлало Н. однимъ изъ полезнѣйшихъ работниковъ въ этомъ новомъ учрежденіи; все цѣнное поступавшее туда на восточныхъ языкахъ скоро переводилось при посредствѣ Н. на русскій языкъ. 15-го ноября 1844 г. Н. былъ избранъ вице-президентомъ Общества и въ этомъ званіи онъ оставался по день своей смерти. Послѣдніе годы жизни Н. почти лишился ногъ и ѣздилъ для лѣченія въ Константинополь. Неожиданное нападеніе непріятеля на Одессу 10-го апрѣля 1854 г., встревожившее все городское населеніе, заставило Н. покинуть Одессу и такъ сильно на него повліяло, что онъ окончательно слегъ и его слабый организмъ не могъ уже бороться съ недугомъ и сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ. Онъ скончался 27-го іюня того же года и погребенъ въ Греческой церкви г. Одессы.

Отличительными качествами А. Ѳ. Негри, по отзывамъ его современниковъ, помимо обширныхъ познаній, были его поразительное трудолюбіе, аккуратность и точность въ исполненіи порученій, на него возлагаемыхъ, его всегда ровное и доброжелательное ко всѣмъ отношеніе. Какъ

вице-президентъ Общества Древностей Н. заслужилъ расположеніе въ особенности своимъ умѣніемъ объединять всѣхъ для работы на пользу общества, интересы котораго онъ ставилъ весьма высоко.

Учено-литературная дѣятельность Негри началась еще во время пребыванія его въ Кіевѣ. Еще въ 1812 г. онъ помѣстилъ въ 5-й книжкѣ «Вѣстника Европы» статью въ защиту правителей Валахіи. Кромѣ того, въ 1815 г. онъ издалъ перев. соч. Коря: «О нынѣшнемъ просвѣщеніи Греціи». Важнѣйшія работы Н. были напечатаны въ «Запискахъ Одесскаго Общества Древностей», кромѣ того, въ библіотекѣ Общества хранится въ рукописи нѣсколько переведенныхъ имъ актовъ съ турецкаго языка. Въ 1845 г. Н. перевелъ съ сербскаго на русскій языкъ пять главъ Корана, а въ 1847 г. написалъ на греческомъ языкѣ переложеніе сочиненія Стурдзы «О должностяхъ священнаго сана».

Вотъ списокъ сочиненій Негри, напечатанныхъ въ «Запискахъ Одесскаго Общества Древностей»: Извлеченіе изъ турецкой рукописи содержащей «Исторію Крымскихъ хановъ»; описаніе турецкихъ актовъ хранящихся въ Обществѣ и городскомъ музеѣ древностей; переводъ Эски—крымской арабской надписи, изъясняющей построеніе въ Крыму, въ 1313 г., первой мусульманской мечети; пересмотръ перевода 158 арабскихъ и турецкихъ надписей, находящихся въ Бахчисараѣ; переводъ фирмана, даннаго турецкимъ султаномъ Мустафою, митрополиту Гедеону, на крымскую епархію, въ 1757 г.

„Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 130;—„Одесскій Вѣстникъ“ 1854 г. № 57;—„Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“. Т. IV, 1858 г., стр. 414—417;—„Остафьевскій Архивъ“. Т. II;—„Записки Ф. Ф. Вигеля“. Ч. VI, стр. 112; Сочиненія Державина (акад. изд.), т. VI, стр. 362; „Рус. Стар.“, т. 19, стр. 258; 400—415; т. 114, стр. 633—636.

Б. Алексѣевскій.

Недзвецкій *Эдуардъ Ѳомичъ*, врачъ-писатель, род. въ 1823 г., ум. 6-го сент. 1873 года. Медицинское образованіе Н. получилъ въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ, въ 1849 г., занялъ мѣсто ординатора больницы приказа общественнаго призрѣнія въ гор. Ярославлѣ, гдѣ и протекла вся его дѣятельность, при чемъ въ 1861 г. онъ получилъ званіе оператора, а въ 1870 г. былъ назначенъ помощникомъ врачебнаго инспектора Ярославской губерніи. Между прочимъ, онъ былъ однимъ изъ учредителей Ярославской лечебницы для приходящихъ. Занятый обширной практикой и службой Н. находилъ, однако, время заниматься и научными изслѣдованіями по микрографіи, и печаталъ результаты своихъ клиническихъ и лабораторныхъ изслѣдованій въ «Московской медицинской Газетѣ» и многихъ иностранныхъ повременныхъ изданіяхъ по медицинѣ. Преимущественно онъ помѣщалъ свои статьи сначала въ русскихъ изданіяхъ, а затѣмъ въ переводѣ помѣщалъ ихъ въ иностранныхъ журналахъ. Скончался Н. 6-го сентября 1873 г. въ Монтре, отъ чахотки. Тѣло его было перевезено въ Россію, въ г. Ярославль и погребено на Леонтьевскомъ кладбищѣ.

„Медицинскій Вѣстникъ“ 1873 г. № 45;—„Московская медицинская газета“ 1873 г. № 39 стр. 624;—„Современная медицина“ 1873 г. № 23; стр. 360—362;—„Ярославскія губернскія вѣдомости“ 1873 г. №№ 75 и 77, „Вѣстникъ Ярославскаго земства“ 1873 г. №№ 13 и 14 стр. 28–31; Л. Ѳ. Змѣевъ „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1888, тетр. 4.

Б. Алексѣевскій.

Недзялковскій, *Александръ Александровичъ*, военный инженеръ, писатель; род. въ 1831 г., ум. 23-го апр. 1888 г. въ Петербургѣ. Н. родился въ Херсонской губ., воспитывался въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ; высшее образованіе получилъ въ Николаевской Инженерной Академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1862 г. Вся служебная дѣятельность Н. протекла въ Петербургѣ при Главномъ Инженерномъ управленіи; онъ скончался въ званіи инженеръ-полковника, оставивъ послѣ себя рядъ крупныхъ трудовъ изъ области строительной механики, переводныхъ и оригинальныхъ; одной изъ послѣднихъ его обширныхъ работъ было: «Собраніе правилъ и формулъ строительной механики въ ея приложеніяхъ къ мостовымъ и гражданскимъ сооруженіямъ». Спб. 1876.—Подробный перечень трудовъ Н. сдѣланъ Д. Языковымъ въ его «Обзорѣ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» (вып. 8-й). М. 1900.

«Нов. Время» 1888, №№ 4368, 4387.

Неезе (*Даніилъ*), *Николай Николаевичъ*, адъюнктъ-профессоръ университета Св. Владиміра; род. въ 1818 г. въ Ригѣ. Въ 1841 г. Н. получилъ отъ Дерптскаго университета званіе провизора и вскорѣ открылъ въ Ригѣ аптеку. Въ 1854 г. онъ переселился въ Кіевъ, гдѣ былъ из-

бранъ совѣтомъ университета въ ученые аптекари и получилъ званіе адъюнктъ-профессора. На него было возложено управленіе университетской аптекой и преподаваніе фармацевтамъ и студентамъ университета фармаціи и фармакогнозіи. Въ должности адъюнктъ-профессора Н. пробылъ до 1863 г., когда вышелъ въ отставку и открылъ въ Кіевѣ первую торговлю аптекарскими товарами.

Научная дѣятельность Неезе выразилась въ длинномъ рядѣ работъ, помѣщенныхъ имъ какъ въ спеціальныхъ изданіяхъ, такъ и выпущенныхъ отдѣльными книгами. Между прочимъ, Н. составилъ на основаніи архивныхъ документовъ исторію кіевской евангелическо-лютеранской церкви и общины. Списокъ всѣхъ сочиненій Неезе напечатанъ въ Біографич. Словарѣ профессоровъ и преподавателей университета Св. Владиміра (изд. подъ ред. В. С. Иконникова. Кіевъ, 1884), откуда и заимствованы приведенныя біографическія свѣдѣнія.

Нееловы, см. **Нѣловы**.

Незабитовскій, *Василій Андреевичъ*, докторъ политическихъ наукъ, профессоръ Кіевскаго университета по каѳедрѣ международнаго права, д. ст. сов. В. А. Незабитовскій род. въ 1824 г. въ Радомыслѣ, Кіевской губ. и былъ сынъ небольшого чиновника; образованіе получилъ въ Кіевской 2-ой гимназіи и въ Кіевскомъ университетѣ по юридическому факультету, курсъ котораго окончилъ въ 1846 г. Подъ руководствомъ профессоровъ—Неволина и Богородскаго, Н. пріобрѣлъ основательныя познанія по всѣмъ частямъ русскаго законодательства. Талантливый отъ природы, онъ еще на студенческой скамьѣ съ равнымъ усердіемъ изучалъ и философію Гегеля и своды законовъ, что сдѣлало его сильнымъ и свѣдущимъ и въ теоріи и въ догмѣ права. Опредѣлившись тотчасъ по окончаніи курса въ университетѣ помощникомъ столоначальника въ Кіевскую палату гражданскаго суда, онъ въ 1848 г. былъ назначенъ учителемъ законовѣдѣнія въ Кіевскую 2-ю гимн., а затѣмъ вскорѣ занялъ мѣсто проф. Н. Х. Бунге въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Здѣсь онъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на историческое развитіе русскаго законодательства о финансахъ, и издалъ два сочиненія: «О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ со времени установленія единодержавія до введенія подушнаго оклада» и «Очеркъ системы казенныхъ доходовъ въ Россіи со времени имп. Петра Великаго до кончины имп. Екатерины II». Получивъ за первую работу степень магистра государственнаго права, Н. въ 1853 г. перешелъ адъюнктомъ въ Кіевскій университетъ по каѳедрѣ общенароднаго правовѣдѣнія. Въ 1858 г. онъ получилъ званіе исправ. должн. экстраорд. профессора и отправленъ на полтора года съ ученой цѣлью въ Германію, Францію, Голландію, Бельгію и Англію. Усвоивъ во время заграничной поѣздки ученіе Р. Моля и др. о необходимости разграниченія сферъ общества и государства, интересовъ соціальныхъ и политическихъ, и сочетавъ его съ правовыми воззрѣніями Канта, Н. выработалъ собственное оригинальное ученіе о правѣ. Такъ возникло его «Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи», — единственная работа Н., вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ. Удостоенный въ 1862 г. степени доктора политическихъ наукъ за эту работу, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Кромѣ того, съ 1857 г. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Н. преподавалъ законовѣдѣніе въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1863 г. принималъ участіе въ составленіи извѣстной брошюры: «Возстаніе поляковъ въ юго-западѣ Россіи», изданной отъ имени совѣта Кіевскаго ун-та. Служа университету главнымъ образомъ преподаваніемъ своего предмета, онъ нерѣдко несъ и другія обязанности: одно время преподавалъ финансовое право, былъ деканомъ факультета, проректоромъ и исполнялъ часто обязанности ректора. Дважды былъ онъ избираемъ университетскимъ судьею и исполнялъ многія другія порученія совѣта, правленія и факультета. Особенно часто приходилось бывать ему рецензентомъ диссертацій на ученыя степени и оппонентомъ на диспутахъ. По выслугѣ 25 лѣтъ онъ былъ оставляемъ на службѣ послѣдовательно въ теченіе двухъ пятилѣтій и умеръ до истеченія второго срока отъ тяжкой болѣзни 14-го іюня 1883 г.

Сочиненія Н. изданы совѣтомъ Кіевскаго Университета въ 1884 г., подъ ред. А. В. Романовича-Славатинскаго.

„Словарь профессоровъ Кіевскаго ун-та“ 1834—1884 г.г.; Кіевъ, 1884 г. стр. 469—476; „Лицей кн. Безбородко“,—стр, 292; „Кіевля-

нинъ“ 1883, №№ 128 и 130; „Московскія Вѣдомости“ 1883 г., № 169; Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. III, стр. 61; Словари Броккауза, Граната и др.

Нейгебауэръ, *Людвигъ-Адольфъ*, профессоръ анатоміи и гинекологіи въ Варшавѣ, род. 6-го мая 1821 г., ум. 9-го августа 1890 г. Н. родился въ селѣ Дьютровѣ, Калишской губ.; по окончаніи курса въ гимназіи въ гор. Берегѣ въ 1840 г., Н. поступилъ въ томъ же году на медицинскій факультетъ Юрьевскаго университета, но черезъ три года перевелся во Вроцлавъ гдѣ и кончилъ курсъ въ 1845 г. Защитивъ диссертацію: «De calore plantarum», Н. получилъ степень доктора медицины и былъ командированъ за границу, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ работалъ у лучшихъ профессоровъ Вѣны, Парижа и Берлина. Въ 1847 г. онъ вернулся въ Вроцлавъ, откуда черезъ два года пріѣхалъ въ Россію, получилъ разрѣшеніе заниматься практикой, и поселился въ Калишѣ, гдѣ состоялъ старшимъ врачемъ въ больницѣ Св. Троицы. Въ 1857 г. онъ получилъ предложеніе читать лекціи по анатоміи въ медико-хирургической академіи въ Варшавѣ, гдѣ и протекла вся его дальнѣйшая служба, сначала въ качествѣ лектора по акушерству въ «Главной Школѣ», затѣмъ приватъ-доцента гинекологіи, а съ 1890 г.— профессора университета. Кромѣ того, онъ состоялъ врачемъ Маріинскаго института и больницъ Св. Духа и Младенца Іисуса. Въ 1890 году Н. былъ на съѣздѣ въ Берлинѣ, гдѣ и скоропостижно умеръ. Будучи профессоромъ, Н. имѣлъ въ то же время большую практику, какъ искусный врачъ-акушеръ, изобрѣвшій въ области акушерства много новыхъ пріемовъ и усовершенствованныхъ инструментовъ. Какъ ученый, Н. извѣстенъ многими сочиненіями въ области анатоміи и гинекологіи, на нѣм. и польскомъ языкахъ.

Wielka Encyclopedya Powszechna, t. 32; Słownik lekar. polskich; Энциклопедич. Словарь Броккауза; „Всеобщій Календарь“ на 1891 г.; П. Прозоровъ, „Систематич. указатель книгъ и статей по греческой филологіи“, Спб. 1898, и др.

А. В.

Нейгебауэръ (Neubauer), *Мартинъ*, воспитатель царев. Алексѣя Петровича, памфлетистъ 1700-хъ гг., впослѣдствіи баронъ и канцлеръ Помераніи. Н. родился въ Данцигѣ въ 1670-хъ гг. и былъ сынъ мѣстнаго бюргера; учился сначала въ родномъ городѣ, а въ концѣ 1690-хъ гг. слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ преимущественно занимался латинскимъ языкомъ, юриспруденціей и исторіей; по отзыву нѣкоторыхъ лицъ, Н. былъ «персона нарочитой остроты». Въ 1699 г. генералъ русской службы, саксонецъ Карловичъ, которому былъ порученъ надзоръ за воспитаніемъ цар. Алексѣя, пригласилъ Н. ѣхать въ Москву, говоря, что для воспитанія царевича нуженъ образованный нѣмецъ, который будетъ состоять при немъ въ должности гофмейстера, обѣщая при этомъ порекомендовать его русскому двору на эту должность. Но такъ какъ Карловичъ въ мартѣ 1700 г. былъ убитъ, то опредѣленіе Н. замедлилось, и только въ іюнѣ 1701 г. онъ былъ принятъ на службу и опредѣленъ къ царю Алексѣю для наставленія его «въ наукахъ и нравоученіи» съ платою, «сверхъ стола и квартиры, по сту рублевъ на мѣсяцъ». Этотъ выборъ нельзя было назвать очень удачнымъ. Правда, Н. былъ по тому времени очень образованнымъ, но не отличался сдержанностью. Кромѣ того, его желаніе заправлять всѣмъ дѣломъ воспитанія, столкновенія съ русскими учителями, нежелавшими подчиняться иностранцу, и нелады съ А. Д. Меншиковымъ—главнымъ надзирателемъ за воспитаніемъ царевича—постоянно вызывали ссоры и взаимныя жалобы. Не оправдались и надежды Н., что онъ будетъ пользоваться значеніемъ въ званіи гофмейстера, такъ какъ въ январѣ 1702 г. Меншиковъ запретилъ ему употреблять этотъ титулъ, «но писаться информаторомъ (учителемъ) царевича», «понеже принято по достоинству за противное, что такой не шляхетный и не заслуженный человѣкъ дерзнулъ претендовать самовольно воспреискать такой высокой титулъ». Н. упорно отстаивалъ этотъ титулъ, ссылаясь на то, что, по убѣжденію Карловича, имѣя въ виду эту должность, онъ отказался отъ предложеній другихъ дворовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Н. просилъ, чтобы ему дали «полную мочь, яко гофмейстеру, дабы прочіе служители по достоинству его чтили и были послушны, понеже, если всякой изъ нихъ будетъ дѣлать, что хочетъ, то невозможно царевича изряднымъ нравамъ и порядочному житію научити», т. к. остальные портятъ его труды изъ «злости», вмѣ-

стѣ съ тѣмъ Н. просилъ удалить отъ царевича русскихъ учителей, а особенно Никиф. Кондр. Вяземскаго, а вмѣсто нихъ приставить другихъ лицъ, бывшихъ въ чужихъ земляхъ и знакомыхъ съ «иностранными языками и обычаями», «зане вышеписанные люди неудобны быть у младого царевича, котораго изрядно воздержати надлежитъ». Конечно, эта просьба не имѣла послѣдствій; все осталось по старому, и 23 мая 1702 г. въ Архангельскѣ, куда Алексѣй Петровичъ сопровождалъ отца, за обѣденнымъ столомъ между Н. и русскими воспитателями (Никиф. Кондр. Вяземскимъ и Ал. Ив. Нарышкинымъ) произошла безобразно-грубая сцена, кончившаяся тѣмъ, что Вяземскій въ присутствіи царевича и всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, назвалъ Н. собакой, а тотъ честилъ своихъ противниковъ собаками, «гундсфотами» и варварами. Нейгебауера потомъ обвиняли въ томъ, что онъ бросилъ ножъ, вилку и ложку о столъ, «что мало въ лицо государю царевичу не попалъ, и, принявшись за шпагу, грозилъ оныхъ персонъ колоть». Въ тотъ же день Н. подалъ генералъ-адмиралу Головину на своихъ обидчиковъ челобитную на терпимыя имъ «досады и гоненія»; въ ней онъ просилъ опять, чтобы ему дали званіе гофмейстера и позволили только ему одному вести дѣло воспитанія царевича, или, въ противномъ случаѣ, отпустили бы въ отечество на кораблѣ. Но и Вяземскій со своей стороны подалъ на Н. извѣтъ. Начался розыскъ и Н. былъ посаженъ подъ арестъ. Дѣло ухудшилось для Н. еще тѣмъ, что Меншиковъ, какъ главный воспитатель, былъ противъ него и обращался съ нимъ «хуже чѣмъ съ псаремъ». Главное обвиненіе противъ Н. состояло въ томъ, что онъ самовольно письменно именовалъ себя гофмейстеромъ. Сидя подъ арестомъ и терпя стѣсненія и общую непріязнь, Н. пересталъ уже домогаться гофмейстерскаго званія и просилъ только о свободномъ пропускѣ за границу. Дѣло кончилось въ іюлѣ 1702 г.: «иноземца Н. за многія его неистовства отъ службы отказать, и ѣхать ему безъ отпуска, куда хочетъ». Однако Н. оставался въ Россіи до 1704 г. Сначала опасались, чтобы Н. не передалъ какихъ-либо важныхъ свѣдѣній шведамъ, а потомъ и самъ онъ, живя въ Москвѣ, искалъ мѣста въ русской службѣ и даже «домогался, чтобы послану ему быть посланникомъ въ Китай». За все это время Н. «чрезъ рекомендацію нѣкоторыхъ добрыхъ пріятелей получилъ полы того опредѣленнаго жалованья (т. е. 50 рубл. въ мѣсяцъ), хотя никакой службы не отправлялъ». Наконецъ, 20 августа 1704 г., уплативъ ему 400 талеровъ, почти подъ карауломъ, отправили его изъ Москвы въ Архангельскъ, а оттуда на гамбургскомъ кораблѣ на родину.

Возвратившись на родину, Нейгебауеръ сдержалъ свое слово, данное имъ воспитателямъ: «добро, собаки, я вамъ заплачу», и выпустилъ въ 1704 г. въ Германіи, безъ обозначенія своего имени и мѣста изданія, брошюру: «Schreiben eines vornehmen deutschen Officirers an einem Geheimen Rath eines hohen Potentaten wegen der üblen Handtierung den fremden Officirer so die Moskovitter in ihre Dienste locken». («Письмо знатнаго нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику одного высокаго владѣтеля о дурномъ обращеніи съ иноземными офицерами, которыхъ вызываютъ къ себѣ на службу Московиты»). Въ этой брошюрѣ—памфлетѣ Н. предостерегаетъ всѣхъ честныхъ людей, а, особенно нѣмецкихъ офицеровъ отъ поступленія на русскую службу, такъ какъ распубликованныя въ Германіи Паткулемъ приглашенія иноземцевъ на службу и условія ея совершенно не соблюдаются: «и царь и его приближенные обходятся съ честнѣйшими храбрѣйшими офицерами, какъ со щенками, при содѣйствіи пощечинъ, палочныхъ ударовъ, кнута и т. п. поруганій». При этомъ онъ приводитъ факты жестокаго обращенія русскихъ съ иноземцами,—факты, далеко не всегда соотвѣтствовавшіе дѣйствительности. Н. не хотѣлъ ограничиться одной только брошюрой, но собирался «поднести въ подарокъ этимъ милымъ людямъ на новый годъ «Неполированное русское зеркало», въ которомъ обѣщалъ заняться описаніемъ «нравовъ этого государства, тамошнихъ обмановъ, идолопоклонничества, наглости, рабства, жестокости, неблагодарности, ненависти къ иностранцамъ, неспособности, лѣности, волшебства, похищенія нѣмецкихъ женъ и дѣтей и т. п.». Однако, насколько извѣстно, это обѣщаніе не было выполнено. Брошюра Н. имѣла успѣхъ, хотя и не была первымъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ Петровской Руси; почти

всѣ подобныя сочиненія были въ большей или меньшей степени схожи съ нею. Брошюра перепечатывалась много разъ съ новыми дополненіями (извѣстно 4 изданія ея) и сильно волновала Петра; впрочемъ вскорѣ она была присуждена къ публичному сожженію въ Пруссіи и Саксоніи. По мысли Петра, было написано нѣсколько контръ-памфлетовъ, которые убѣждали и нѣмецкую и русскую публику въ ложности свѣдѣній, сообщаемыхъ Н. Къ таковымъ принадлежатъ: 1) печатное на нѣмецкомъ языкѣ объявленіе въ августѣ 1705 г. нѣкоего Симона Петерсона изъ Альтоны, въ которомъ авторъ называетъ «Письмо офицера» ложнымъ пасквилемъ и говоритъ, что «оскорбленіе сочинителемъ Величества можетъ даже подать поводъ къ нарушенію спокойствія цѣлыхъ королевствъ»; въ отвѣтъ на это объявленіе и было издано постановленіе объ изъятіи изъ обращенія брошюры въ Пруссіи и Саксоніи; 2) «Разговоръ между трехъ пріятелей, сошедшихся въ одномъ огородѣ, а именно: Менарда, Тамандра и Варемунда»—на русск. языкѣ, обращавшійся въ рукописяхъ и 3) Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля . . . . , изданнаго подъ титуломъ «Письмо знатнаго офицера»...— 1706 г. на нѣмецкомъ языкѣ. Авторомъ этого пространнаго обличенія былъ докторъ Генрихъ фонъ-Гюйсенъ, новый воспитатель цар. Алексѣя.

Конечно, Н. не оставилъ безъ возраженій оба нѣмецкихъ контръ-памфлета и въ 1705—1706 гг. выпустилъ двѣ новыя брошюры: 1) «Der ehrliche Simon Petersen Wider den schelmichen» и 2) Kurtze Gegenantwort auf des czaarischen Pasquillanten Huyssens Lügen Schrifft, so er in Wien wider das wahrhaffte Schreiben von dem übeln Tractament der Fremden in Moscau abgefasset». Въ нихъ, по обычаю того времени, Н., сообщая рядъ новыхъ фактовъ, осыпаетъ крупной бранью своихъ противниковъ и особенно возражаетъ противъ свѣдѣній о самомъ себѣ, помѣщенныхъ въ брошюрѣ Гюйссена.

Вскорѣ послѣ 1706 г. Н-ръ поступилъ на шведскую службу. Онъ былъ при шведскомъ войскѣ во время Полтавской битвы, въ качествѣ секретаря Карла XII, вмѣстѣ съ нимъ пробрался въ турецкія земли и былъ отправленъ въ августѣ — сентябрѣ 1709 г. къ султану съ письмомъ, въ которомъ Карлъ XII просилъ о защитѣ и предлагалъ союзъ противъ Россіи. Въ качествѣ шведскаго посланника, онъ оставался въ Константинополѣ до 1711 г. и велъ дѣятельную борьбу съ русскимъ посланникомъ Толстымъ. Въ началѣ 1720-хъ г. Н. состоялъ членомъ шведскаго королевскаго совѣта и въ 1728 г. былъ пожалованъ баронскимъ титуломъ и званіемъ королевскаго канцлера Померанiи.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи» (изд. „Общ. Пользы"), кн. III, с. 1351—1355; кн. IV, с. 16—17, 42—43, 733.—Н. Устряловъ, Исторія царствованія Петра Великаго. Спб., 1859, т. VI.—В. Иконниковъ, Опытъ исторіи русск. исторіографіи, (Указ.).—Кн. М. Оболенскій, „Библіограф. Записки" 1859, т. II, № 20, с. 641—646. (Свѣдѣнія объ иноземцѣ Март. Нейгебауэрѣ, бывшемъ наставникѣ царя Алексѣя Петровича).—П. Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ. Спб., 1862, т. I, с. 64—90.—Его же, „Отеч. Записки" 1860, т. 132, с. 689—722. (Нейгебауэръ и его брошюра противъ Россіи).—„Русск. Вѣстн." 1841, т. IV, с. 303—360. (Разговоръ между трехъ пріятелей, сошедшихся въ огородѣ, а именно: Менарда, Таландра и Варемунда).

А. Ш—въ.

Нейдгардтъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи; родился 25-го октября 1784 г. На службу поступилъ въ 1798 г. въ Фридрихсгамскій гарнизонъ подпрапорщикомъ и въ декабрѣ того же года произведенъ въ прапорщики. Въ 1807 году былъ назначенъ адъютантомъ графа Бугсгевдена и въ слѣдующемъ, 1808 г., участвовалъ въ войнѣ со шведами. Въ началѣ 1812 г. Нейдгардтъ былъ переведенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, при чемъ на него было возложено составленіе обзора западной границы. Въ началѣ Отечественной войны, состоя въ корпусѣ князя Витгенштейна, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и 12-го іюля въ сраженіи подъ Клястицами получилъ рану въ грудь навылетъ пулей; но въ ноябрѣ снова явился на театръ военныхъ дѣйствій и за отличіе въ дѣлѣ при Студянкѣ получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст. Въ 1813 г. съ войсками генерала Іорка участвовалъ въ сраженіяхъ при Люцинѣ и Бауценѣ. Послѣ перемирія, состоя при войскахъ князя Шварценберга, былъ въ бояхъ при Дрезденѣ и Кульмѣ, а также при Лейпцигѣ (за отличіе награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст.) и Гохгеймѣ. Открывшаяся рана не позволила ему идти въ Парижъ. По окончаніи кампаніи онъ

былъ командированъ для точнаго обозрѣнія австрійской границы отъ Кракова до Буга, а въ 1815 г. посланъ въ Баварію для устройства канониръ-квартиръ. Съ 1816—1817 г. Н. исполнялъ должность начальника штаба 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ и назначенъ флигель-адъютантомъ, а 1-го января 1818 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1826 г. Н. былъ командированъ въ Москву, гдѣ во время высочайшаго коронованія исполнялъ должность начальника штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпуса. Въ турецкую войну 1828—29 гг. Н., съ войсками гвардейскаго корпуса, находился при осадѣ Варны и за отличіе произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ апрѣлѣ 1830 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества, съ оставленіемъ въ должности начальника штаба гвардейскаго корпуса. Состоя во время войны въ Царствѣ Польскомъ при главной квартирѣ, онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, при чемъ въ отсутствіе барона Толя исполнялъ обязанности начальника штаба дѣйствующей арміи и за храбрость и распорядительность, въ особенности при штурмѣ Варшавы, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. По окончаніи войны, въ октябрѣ 1831 г., онъ былъ назначенъ завѣдующимъ школою гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и снова возвратился къ управленію генеральнымъ штабомъ. Въ 1832 г. Н. былъ командированъ въ Берлинъ съ секретнымъ порученіемъ, въ видахъ возможности столкновенія Пруссіи съ Франціей и нарушенія европейскаго мира. Между прочимъ, онъ былъ уполномоченъ обсудить общія мѣры обороны съ представителями германскаго союза, потребовать конфиденціальныя свѣдѣнія относительно всѣхъ приготовленій, дѣлаемыхъ Пруссіей на случай войны съ Франціей и взамѣнъ сообщить все, что ему извѣстно о количествѣ и дислокаціи русской арміи. Изъ этой поѣздки, истинная цѣль которой была прикрыта отпускомъ по болѣзни, Н. вернулся, выполнивъ свою миссію, въ августѣ 1832 г. Въ 1834 г. Н. былъ назначенъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса, въ 1836 г.—командиромъ расположеннаго въ Москвѣ 6-го корпуса; въ 1841 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и исполнялъ нѣкоторое время обязанности московскаго военнаго генералъ-губернатора; въ октябрѣ 1842 г. назначенъ главноуправляющимъ Закавказскимъ краемъ и командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. 1-го января 1845 г. состоялось назначеніе его членомъ военнаго совѣта, но дни Н. были уже сочтены: разстроенное здоровье принудило его просить отставку, которую онъ и получилъ въ іюнѣ 1845 г. Умеръ Нейдгардтъ въ Москвѣ 27-го августа 1845 г.

„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ Леера, т. 5; Мѣсяцесловъ на 1847 г., стр. 169; „Русскій Инвалидъ“ 1845 г. № 203; Столѣтіе Военнаго Министерства, т. III, отд. IV: Н. М. Затворницкій, „Память о членахъ Военнаго совѣта“. стр. 210—216 (тутъ же приведены главнѣйшіе источники для біографіи Н.); „Журналъ сельскаго хозяйства и овцеводства“ 1845, № 10; „Акты Кавказской Археограф. Коммиссіи“, т. IX, стр. XXIV; „Архивъ кн. Воронцова“, т.т. 23, 26, 28.

Нейдгардтъ, *Павелъ Ивановичъ*,— д. т. сов., сенаторъ, род. 11-го марта, 1779 г. въ С.-Петербургѣ, ум. 25-го авг. 1850 г. Семилѣтнимъ мальчикомъ Н. былъ записанъ сержантомъ въ артиллерію; въ апрѣлѣ 1792 г. былъ перечисленъ каптенармусомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ и въ декабрѣ того же года произведенъ въ сержанты. Въ ноябрѣ 1796 г. на вахтпарадѣ Н. былъ пожалованъ лично самимъ Императоромъ Павломъ въ портупей-прапорщики роты Его Величества; 12-го декабря того же года произведенъ въ поручики свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Этого пожалованія Н. удостоился за поднесенные имъ Императору чертежи и выписки по части военныхъ наукъ. Тогда же Н. былъ командированъ въ Выборгскую губернію и принялъ тамъ участіе въ составленіи военно-топографической карты губерніи. Онъ оставался тамъ до 1805 г., при чемъ послѣдовательно былъ произведенъ въ маіоры; въ августѣ того же года Н. оставилъ Выборгскую губернію, получивъ приказаніе состоять при генералъ-квартирмейстерѣ Герардѣ. Въ рядахъ 50-тысячнаго корпуса, который подъ начальствомъ Кутузова двинулся въ предѣлы Австріи, Н. сдѣлалъ всю кампанію и участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, послѣ чего вернулся черезъ Венгрію и Галицію въ Россію. Начавшаяся вскорѣ вторая война съ Наполеономъ увлекла опять Н. на театръ военныхъ дѣйствій; въ корпусѣ генерала Буксгевдена онъ направился въ

Пруссію, состоя при начальникѣ 14-й дивизіи, генералѣ Анрепѣ. Послѣ гибели послѣдняго въ сраженіи при Морунгенѣ, Н. былъ причисленъ къ главной квартирѣ и состоялъ при Бенигсенѣ. Находясь 22-го января 1807 г. въ сраженіи подъ Янковымъ Н. принялъ затѣмъ горячее участіе въ сраженіяхъ 26-го и 27-го января при Прейсишъ-Эйлау. Послѣ небольшого перерыва въ нѣсколько мѣсяцевъ открылись снова военныя дѣйствія, и наканунѣ сраженія подъ Гутштадтомъ Н. получилъ весьма важное порученіе найти удобное мѣсто для переправы нашихъ войскъ, что онъ и выполнилъ очень удачно подъ сильнымъ огнемъ французовъ, за что получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Вскорѣ Н. принялъ участіе въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ, и Фридландомъ. По заключеніи Тильзитскаго мира Н. вернулся въ Россію и уже въ 1808 г. принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи, находясь въ 21-й дивизіи князя Багратіона, Послѣ нѣсколькихъ стычекъ при преслѣдованіи отступавшаго корпуса генерала Клеркера Н. былъ откомандированъ Багратіономъ въ отрядъ полковника Вуича, который получилъ приказаніе съ 700 человѣкъ отправиться на Аландскіе острова и занять ихъ. Вернувшись оттуда обратно съ отрядомъ полковника Вуича, онъ черезъ нѣсколько дней былъ командированъ опять туда же съ приказаніемъ истребить тамъ всѣ суда, которыми непріятель могъ воспользоваться, уничтожить переговорные телеграфы, не допускать высадки шведовъ на островъ и принять всѣ мѣры, чтобы среди жителей этихъ острововъ не формировалась милиція. Н. неожиданно для жителей занялъ островъ Большой Аландъ и затѣмъ по льду двинулся на Сигнильскеръ, самый близкій къ шведскому берегу изъ Аландскихъ острововъ, гдѣ захватилъ и уничтожилъ оружіе, спрятанное въ снѣгу, а также испортилъ давно существовавшій тамъ большой телеграфъ. Слабость и ненадежность льда принудили его вернуться на большой Аландъ, гдѣ онъ принудилъ жителей выдать оружіе. Вскорѣ Н. получилъ отъ кн. Багратіона предписаніе уничтожить всѣ сигнальные знаки на островахъ и фарватерахъ. Исполнить такое порученіе, не имѣя ни военныхъ судовъ, ни морскихъ офицеровъ, являлось дѣломъ нелегкимъ, но несмотря на это Н. удачно его выполнилъ, воспользовавшись услугами мѣстныхъ жителей. Это было одно изъ послѣднихъ его удачныхъ дѣлъ на островахъ. Отрѣзанный отъ Вуича и князя Багратіона онъ имѣлъ слабую надежду на появленіе нашего флота, который по его разсчету долженъ былъ находиться поблизости. Надежды его однако не оправдались, а показавшаяся вскорѣ шведская эскадра и высадка на острова шведскихъ войскъ поставили Н. въ самое отчаянное положеніе. Онъ попытался соединиться съ береговыми своими постами, но потерпѣлъ неудачу и былъ окруженъ непріятелемъ. Запершись въ домѣ одного пастора, онъ послѣ упорной борьбы принужденъ былъ сдаться въ плѣнъ вмѣстѣ со своими солдатами; той же участи подвергся и Вуичъ. Н. былъ отвезенъ въ Стокгольмъ, гдѣ шведскій король принялъ плѣнниковъ очень милостиво и Н. поселился близь Стокгольма въ замкѣ Дронингольмъ. Весной 1809 г. онъ былъ переведенъ въ Норконингъ и оставался въ плѣну до заключенія мира съ Швеціей. По возвращеніи въ Россію Н. былъ назначенъ начальникомъ съемки южной части новой Финляндіи. 9-го февраля 1811 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники. Кампанію 1812-го года Н. началъ находясь въ штабѣ главнокомандующаго 1-й Западной арміей Барклая-де-Толли; онъ принималъ участіе въ бояхъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ и Царевымъ Займищемъ. Здѣсь русскою арміею командовалъ уже Кутузовъ, при которомъ съ этого времени и былъ назначенъ состоять Н. За участіе въ Бородинскомъ бою Н. былъ произведенъ въ полковники. Оставшись затѣмъ состоять при главной квартирѣ свѣтлѣйшаго, онъ съ войсками вступилъ 1-го января 1813 г. въ предѣлы Пруссіи, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Люценомъ и Бауценомъ, гдѣ получилъ отъ Императора Александра изустную диспозицію для передачи лично Барклаю-де-Толли, который командовалъ правымъ крыломъ нашей арміи. Оставаясь при главной квартирѣ Н. 7-го августа 1813 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба корпуса графа Ланжерона; корпусъ этотъ находился въ составѣ Силезской арміи Блюхера и Н. сдѣлалъ съ этимъ корпусомъ всѣ дальнѣйшіе походы. 14-го августа 1813 г. онъ участвовалъ въ сраженіи при Кацбахѣ, гдѣ былъ раз-

битъ маршалъ Макдональдъ, а 15-го сентября того же года былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. За отличіе въ Лейпцигской битвѣ Н. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. Испрашивая ему эту награду Барклай-де-Толли, писалъ Государю: «Генералъ-маіоръ Нейдгардтъ, исправляя должность начальника штаба, отличался особенною дѣятельностію и благоразумными распоряженіями въ продолженіе кампаніи. Во время дѣла онъ давалъ направленіе колоннамъ, предупреждая всѣ непріятельскія намѣренія, и примѣрною храбростію своею способствовалъ много успѣхамъ. 6-го же числа первый съ авангардомъ переправился черезъ Парту». Въ декабрѣ 1813 г. Н. съ войсками перешелъ Рейнъ, вступилъ въ предѣлы Франціи, принялъ участіе въ блокадѣ крѣпости Майнца, а въ февралѣ 1814 г. вмѣстѣ съ генераломъ Рудзевичемъ энергично оборонялъ Суассонъ противъ соединенныхъ силъ маршаловъ Мармона и Мортье. Далѣе, онъ находился въ сраженіи подъ Лаономъ и за отличіе былъ награжденъ алмазными знаками ордена Анны 2-й ст. Когда соединенныя арміи подступили къ Парижу, Н. получилъ распоряженіе отъ графа Ланжерона отправиться впередъ съ отрядами пѣхоты и кавалеріи подъ начальствомъ ген.-м. Еммануэля и генерала-лейтенанта Панчулидзева, чтобы дѣйствовать во флангъ маршалу Мармону, который стоялъ между рѣкою Марною и Уркскимъ каналомъ. Сдѣлавъ быстрый переходъ, онъ черезъ три часа достигъ селенія Лавильетъ, лежащаго впереди Монмартрскихъ высотъ, близъ Уркскаго канала Въ виду позднаго времени, что мѣшало кавалеріи предпринять обходное движеніе, онъ пустилъ въ дѣло артиллерію, чѣмъ произвелъ замѣшательство въ тылу французскихъ резервовъ и обоза и принудилъ ихъ къ отступленію. Когда было получено приказаніе аттаковать гору Монмартръ, Нейдгардтъ 18-го марта 1814 г. сдѣлалъ рекогносцировку и затѣмъ принялъ дѣятельное участіе во взятіи этой горы генераломъ Рудзевичемъ. За отличіе въ этихъ дѣлахъ Н. былъ награжденъ орденомъ Анны 1-й ст. Вернувшись осенью того же года въ Россію Н. въ слѣдующемъ 1815-мъ году принялъ вторичное участіе въ заграничномъ походѣ въ званіи начальника штаба 4-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ при графѣ Ланжеронѣ. На этотъ разъ онъ находился при блокадѣ крѣпости Меца и вскорѣ опять вернулся въ Россію. 9-го апрѣля 1816 г. Н. былъ назначенъ начальникомъ Штаба Гренадерскаго Корпуса. Назначенный 15-го февраля 1820 г. начальникомъ 26-й (впослѣдствіи 9-й) пѣхотной дивизіи, онъ оставался въ этой должности до 21-го апрѣля 1825 г., когда былъ назначенъ Одесскимъ градоначальникомъ, а 25-го іюля 1827 г. переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ во 2-мъ отдѣленіи 3-го Департамента; въ 1843 г. произведенъ въ д. тайные совѣтники.

„Военный Сборникъ“ 1874 г. № 10; 1875 г. №№ 4 и 12;—Императоръ Александръ I или военная галлерея Зимняго дворца: Томъ VI.

Б. Алексѣевскій.

Нейе, *Христіанъ-Фридрихъ*, — ординарный профессоръ исторіи литературы, древне-классической филологіи и педагогики въ Дерптскомъ Университетѣ. Нейе, сынъ скорняка въ гор. Шпандау, близъ Берлина, родился въ 1799 г.; окончилъ курсъ въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ Августа Бека и, получивъ степень доктора философіи за трактатъ «In Bacchylidis fragmenta commentatio» (Berl. 1822), въ 1822 г. былъ назначенъ старшимъ учителемъ древнихъ языковъ въ гор. Шульпфортъ. 7 января 1831 г. Н. былъ избранъ совѣтомъ Дерптскаго университета въ ординарные профессора и 21 апрѣля того же года утвержденъ въ этой должности. Въ Дерптскомъ университетѣ онъ прослужилъ ровно 30 лѣтъ, исполняя съ 1831 — 1837 г. должность члена училищной комиссіи, въ 1832 г.— члена университетскаго аппелляціоннаго и ревизіоннаго суда, въ 1833 г., 1835 г., 1839 г,, 1842—1845 г., 1847—1851 г.—декана историко-филологическаго факультета; съ 1836 — 1838, 1842 — 1850 г.г.—ректора; съ 1843—1851 г.— члена цензурнаго комитета. 23 іюня 1848 г. Н. былъ произведенъ въ чинъ д. ст. сов.; въ декабрѣ того же года былъ избранъ чл.-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ. По выслугѣ 25-ти лѣтъ Н. былъ избранъ еще на пятилѣтіе, по окончаніи котораго въ 1861 г. вышелъ въ отставку и поселился за границей, гдѣ и умеръ въ Штутгардѣ 14/26 іюля 1886 г. Въ Дерптскомъ уни-

верситетѣ Н., кромѣ преподаванія предметовъ греческой и римской словесности, читалъ неоднократно исторію западно-европейскихъ литературъ.

Изъ работъ Н., кромѣ изданія фрагментовъ Вакхилида и трагедій Софокла, заслуживаетъ упоминанія рядъ работъ по критикѣ и эксегезѣ древнихъ текстовъ, преимущественно греческихъ лириковъ; хотя эти работы теперь уже устарѣли, за то осталось вполнѣ въ силѣ его капитальное сочиненіе «Formenlehre d. lateinischen Sprache»,—2 тома. Mitaw 1861 — 1866 (третье изд. Berlin 1888 — 1901) и, вѣроятно, будетъ еще не разъ переиздано, какъ превосходное и незамѣнимое пособіе по лингвистической статистикѣ.

„Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императ. Юрьевскаго (бывш. Дерптскаго) Университета“, подъ ред. Г. В. Левицкаго, т. I; Б. Л. Модзалевскій, „Списокъ членовъ Императ. Академіи Наукъ“, стр. 201; П. Прозоровъ, „Систематич. указатель книгъ и статей по греч. филологіи“, Спб. 1898.

Проф. Б. Варнеке.

Нейкирхъ, *Иванъ Яковлевичъ*,—заслуженный ординарный профессоръ греческой словесности и древностей въ университетѣ Св. Владиміра. Сынъ небогатаго часовыхъ дѣлъ мастера, Нейкирхъ родился въ 1803 г. въ Тальсенѣ, небольшомъ городкѣ Курляндіи. На 9-мъ году онъ лишился отца и по бѣдности не могъ кончить даже приходской школы. Чтобы добыть себѣ и матери кусокъ хлѣба, онъ поступилъ мальчикомъ въ мѣстную пивную лавку. Здѣсь свободныя отъ работы минуты онъ проводилъ въ чтеніи попадавшихъ ему случайно подъ руку книгъ; но чѣмъ болѣе расширялся его умственный кругозоръ, тѣмъ болѣе росла въ немъ жажда знанія и тѣмъ невыносимѣй становилась окружавшая его обстановка. Это заставило его на 18-мъ году обратиться къ содержателю частнаго пансіона Карлу Деллену съ просьбой помочь ему въ пріобрѣтеніи образованія. Деллен помѣстилъ его въ пятый классъ Митавской гимназіи, гдѣ не замедлили обнаружиться его выдающіяся способности къ языкамъ: впослѣдствіи онъ зналъ, кромѣ древнихъ, языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій и русскій, на которомъ писалъ совершенно правильно. Тогда же обнаружилась и та рѣдкая усидчивость, которая позволяла ему до конца жизни проводить по 18 часовъ въ сутки за работой. Окончивъ курсъ гимназіи съ золотой медалью, Н. по недостатку средствъ долженъ былъ потратить годъ на частные заработки, прежде чѣмъ поступить въ Дерптскій университетъ на богословскій факультетъ. Убѣдившись черезъ полгода, что онъ не имѣетъ никакихъ склонностей къ пасторской дѣятельности, Н. перешелъ на филологическій факультетъ. Вскорѣ по окончаніи курса въ университетѣ, гдѣ Н. работалъ подъ руководствомъ профессоровъ Моргенштерна и Франке, онъ издалъ, въ 1829 г., свой первый печатный трудъ: De discrimine mimi, qui proprie dicitur, et planipediae disputatio. Эта работа находилась въ связи съ болѣе значительнымъ сочиненіемъ, представленнымъ на соисканіе золотой медали, подъ заглавіемъ: De fabula togata ac de L. Afranio, praestantissimo togatarum scriptore, additis nonnullis fabularum Afraniarum reliquiis. Оно было удостоено золотой медали и принятія къ напечатанію на счетъ университета; но скромный авторъ, сознавая несовершенство своего перваго научнаго опыта, не захотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ. По окончаніи университетскаго курса Н. былъ посланъ на казенный счетъ за границу на 3 года. Во время этой командировки онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію и Италію, при чемъ бо́льшую часть времени провелъ въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ знаменитаго Августа Бека и въ Лейпцигѣ, куда въ то время всѣхъ филологовъ влекло славное имя Германа, о которомъ Нейкирхъ до самой смерти вспоминалъ съ признательностью. Въ 1834 г. въ Лейпцигѣ Н. закончилъ отдѣлку своей работы и издалъ ее подъ заглавіемъ: De fabula togata Romanorum. Accedunt fabularum togatarum reliquiae. Lipsiae 1834. X + 306 стр. in 8°. Это сочиненіе, до сихъ поръ не утратившее своего научнаго значенія, доставило автору степень доктора философіи и обратило на него вниманіе европейскихъ ученыхъ. Тогда же греческое ученое общество въ Лейпцигѣ избрало Н. въ свои почетные члены, а Германъ, на запросъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уварова, — кого онъ считаетъ достойнымъ кандидатомъ на каѳедру классической филологіи въ только что открытомъ тогда университетѣ Св. Владиміра, указалъ на Нейкирха, какъ на лучшаго своего ученика, вполнѣ достойнаго занять эту ка-

ѳедру. Къ этому же времени Н. издалъ въ Лейпцигѣ свою вторую ученую работу: In Platonis Politiam quaestionum philologicarum particula I^a. Lips. 1834. Вторая часть этой работы появилась въ 1835 г. уже въ Дерптѣ, и послѣ публичной защиты ея Н. былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ Дерптскомъ университетѣ въ званіи приватъ-доцента. Но въ Дерптѣ онъ оставался недолго: въ 1837 г. онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Кіевскаго университета по каѳедрѣ греческой словесности. Еще до отъѣзда въ Кіевъ онъ издалъ въ Дерптѣ синтактическій трактатъ подъ заглавіемъ: De invidicativo et coniunctivo modo in utenda quam particula disputationis pars prior (магистерская диссертація). Въ Кіевѣ онъ уже въ слѣдующемъ, 1838 г., былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора и въ этой должности оставался до 1868 г., когда постоянно усиливавшаяся глухота заставила его покинуть каѳедру. За это время Н. трижды былъ избираемъ въ проректоры университета и шесть разъ въ деканы историко-филологическаго факультета, при чемъ неоднократно исполнялъ еще обязанности ректора университета. Научная дѣятельность Нейкирха за кіевскій періодъ его службы выразилась въ трехъ трудахъ, не имѣющихъ особаго научнаго значенія: 1) О важности изученія древней греческой словесности, рѣчь произнесенная на торжественномъ актѣ университета 15 іюля 1839 г. 2) Dichterkanon. Ein Versuch die vollendetste Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen auszuzeichnen. Kiew. 1853. 3) Historiae litterarum graecorum summarium. Kiew 1863. Изъ нихъ второе вызвало строгое замѣчаніе министерства за одобрительные отзывы автора о сочиненіяхъ Жоржъ Зандъ и оцѣнку трагедіи Гуцкова Уріэль-Акоста. Умеръ Нейкирхъ въ Кіевѣ 3 октября 1870 г.

Біографическій Словарь профессоровъ и преподав. университета св. Владиміра, стр. 476—488; „Кіевск. Университ. Извѣстія“ 1870, № 10; „Кіевлянинъ“ 1870. №№ 131 — 132; П. Прозоровъ, „Систематич. указатель книгъ и статей по греч. филологіи“, Спб. 1898.

Проф. Б. Варнеке.

Нейлисовъ, *Константинъ Ѳемистокловичъ*—род. 20-го марта 1828 г. въ Петербургѣ, ум. тамъ же 5-го октября 1887 г. Н. учился въ 3-ей Спб. гимназіи, высшее образованіе получилъ въ Спб. университетѣ по истор.-фил. факультету; педагогическую дѣятельность началъ преподавателемъ латинскаго языка въ Олонецкой гимназіи. Защитивъ въ 1855 г. диссертацію («De digammate») на званіе магистра греческой словесности, Н. перевелся учителемъ всеобщей и русской исторіи въ Варшавскую гимназію. Въ 1862 г. Н. былъ причисленъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія и назначенъ постояннымъ членомъ коммиссіи по оцѣнкѣ учебниковъ Царства Польскаго. Въ 1864 г. Н. вернулся изъ заграничной ученой командировки и вскорѣ былъ назначенъ доцентомъ Харьковскаго университета по каѳедрѣ римской и греческой словесности. Съ 1868 г. по 1874 г. Н. состоялъ инспекторомъ Петербургскаго учебнаго округа, а затѣмъ поступилъ въ гимназію при историко-филологическомъ институтѣ въ качествѣ преподавателя латинскаго и греческаго языковъ, причемъ вскорѣ былъ назначенъ завѣдывающимъ гимназіей; въ этой должности онъ и скончался въ 1887 г.

Изъ научныхъ трудовъ Нейлисова, кромѣ упомянутой диссертаціи, извѣстны его переводы съ греческаго—Рѣчь Эсхина противъ Ктесифонта, Рѣчь о Вѣнцѣ—Демосѳена, «Лягушки» Аристофана и «Нѣсколько словъ объ Энеидѣ»; кромѣ того, онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» и «С.-Петерб. Вѣдом.».

„Нов. Время“ 1887 г., № 4203; „Сынъ Отеч.“ 1887, № 291; Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. 7-й; „Гимназія“ 1889, ч. XIII, стр. 30; В. Григорьевъ, „С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ“, Спб. 1870, стр. XXI и XCI; П. Прозоровъ, „Систематич. указатель книгъ и статей по греч. филологіи“, Спб. 1898.

Нейманъ, *Иванъ Егоровичъ*—профессоръ государственнаго права въ Дерптскомъ университетѣ; род. въ 1780 г., ум. 13 дек. 1855 г. Н. родился въ Марбургѣ; тамъ же получилъ образованіе и рано составилъ себѣ имя; по крайней мѣрѣ, онъ еще въ 1807 г. получилъ приглашеніе пріѣхать въ Россію для участія въ работахъ коммиссіи по составленію законовъ. Въ этой коммиссіи Н. былъ помощникомъ редактора, затѣмъ начальникомъ отдѣленія гражданскихъ законовъ и наконецъ секретаремъ совѣта. Въ октябрѣ 1809 г. Н. былъ назначенъ профессоромъ русскаго права и государственнаго хо-

зяйства въ Казанскомъ университетѣ, а въ февралѣ 1811 г. совѣтомъ Дерптскаго университета былъ избранъ профессоромъ по каѳедрѣ государственнаго и народнаго права, политики, исторіи правъ и юридической словесности. Свои лекціи въ Дерптскомъ университетѣ онъ открылъ въ апрѣлѣ того же года курсомъ русскаго государственнаго права. Тогда же Н. получилъ предложеніе министра народнаго просвѣщенія составить планъ ученаго путешествія по Россіи, а въ слѣдующемъ году, порученіе составить рядъ «учебныхъ книгъ» по юридическимъ наукамъ.

Въ 1814 г. Н. былъ назначенъ профессоромъ Казанскаго университета, а въ сентябрѣ 1817 г., будучи причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, переселился въ Петербургъ. Въ концѣ 1818 г. онъ былъ вторично избранъ совѣтомъ Дерптскаго университета на открывшуюся тамъ каѳедру лифляндскаго права. Въ началѣ 1821 г. Н. взялъ на себя чтеніе только что открывшагося по уставу 1820 г. курса теоретическаго и практическаго россійскаго правовѣдѣнія. Н. принималъ участіе и въ университетскихъ дѣлахъ административнаго характера; такъ, онъ нѣсколько разъ былъ выбираемъ членомъ апелляціоннаго и ревизіоннаго суда, а также вице-президентомъ и президентомъ. Кромѣ того, онъ былъ членомъ школьной коммиссіи, въ званіи котораго, между прочимъ, производилъ въ 1821 г. слѣдствіе о безпорядкахъ въ Рижской гимназіи. Немало поработалъ Н. и надъ разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ университетскаго архива при содѣйствіи прикомандированныхъ для этого студентовъ. По его предложенію и подъ его наблюденіемъ студенты дѣлали выписки изъ указовъ за время съ 1801 по 1822 г. въ строго систематическомъ порядкѣ; для незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ, какъ студентовъ, такъ и профессоровъ, тутъ же помѣщались переводы на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ концѣ 1824 г. разстроенное здоровье заставило Н. подать прошеніе объ отставкѣ, но уже въ началѣ 1826 г. онъ получилъ предложеніе принять участіе въ работахъ Собственной Его Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ въ званіи профессора и сохраненіемъ содержанія. Однако, состояніе здоровья не дало ему возможности нести какую бы то ни было службу, и въ декабрѣ того же 1826 г. онъ окончательно вышелъ въ отставку. Нейману принадлежатъ: «Начальныя основанія уголовнаго права» Спб. 1814; и «Allgemeine Grundsätze des peinlichen Rechts». Dorpat. 1814; «Principien der Philosophie und Moral». Dorpat. 1814;—«Principien der Politik». Dorpat 1814; кромѣ того, Нейманъ въ началѣ 1814 г. представилъ въ Академію Наукъ записку. «Ueber die Wichtigkeit der Kenntniss und der Bearbeitung des alten slavischen Rechts für die Erklärung der ältesten russischen Gesetze und für die russische und slavische Geschichte überhaupt».

„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго Университета за сто лѣтъ его существованія“ (1802—1902 г.) Томъ I. подъ ред. Г. В. Левицкаго. Юрьевъ 1902 г., стр. 582—586, 621; Н. Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ „Казанскаго университета“ ч. II, Казань 1891; стр. 94—95; „Рус. Стар.“ 1904 г., авг., стр. 421; 1874, т. 10, „Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Императ. Академіи Наукъ“, т. 13. с. 92. (М. И. Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, т. 2), Загоскинъ, „Біограф. Словарь проф. и преподав. Казанскаго университета“, т. II, стр. 52—53.

Б. Алексѣевскій.

Нейманъ, *Карлъ Карловичъ*,— сибирскій изслѣдователь; род. въ 1830-хъ гг. и былъ сынъ рижскаго бургомистра; ум. 20 окт. 1887 г. въ городкѣ Рива, на Гардскомъ озерѣ. По окончаніи курса въ Дерптскомъ университетѣ, по физ.-математ. факультету, Н. работалъ въ Пулковской обсерваторіи, откуда въ 1850-хъ гг. былъ посланъ въ Пекинскую обсерваторію, но, направившись въ Китай, остановился надолго въ Красноярскѣ, откуда перебрался въ Иркутскъ, гдѣ и остался. Нужда заставила его обращаться къ различнаго рода занятіямъ, между прочимъ, онъ былъ преподавателемъ, а затѣмъ инспекторомъ Иркутской прогимназіи, но извѣстность онъ стяжалъ себѣ, какъ дѣятельный членъ Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и энергичный изслѣдователь Сибири, принимавшій участіе въ рядѣ экспедицій, какъ, напр., чукотская экспедиція (1868—1869), во время которой онъ тщательно обслѣдовалъ Медвѣжьи острова; экспедиція въ окрестности Байкальскаго озера, гдѣ Н. производилъ развѣдки лазореваго камня и составлялъ геогностическую карту мѣсторожденій послѣдняго; путешествіе въ Тункинскій край и къ озеру Коссоголъ; экспе-

диція къ Врангелевой Землѣ, во время которой ему удалось дойти лишь до чукотскаго селенія Улегенъ. Астрономъ по спеціальности, Н. интересовался вообще физическими, а также этнографическими особенностями посѣщаемыхъ имъ областей и всегда привозилъ изъ своихъ поѣздокъ цѣнныя естественно-историческія коллекціи; особое его вниманіе привлекала географія полярныхъ прибрежій. Изъ трудовъ его, кромѣ отчетовъ о путешествіяхъ, напечатанныхъ въ «Отчетахъ» Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, отмѣтимъ слѣдующіе, напечатанные въ «Извѣстіяхъ» этого отдѣла: «Историческій Обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи»; «Плаваніе по Восточному Океану», «О поправкѣ анероидовъ Гольдшмидта», «О торговлѣ и промышленности сѣверныхъ округовъ Якутской области», а также статью «Нѣсколько данныхъ о современномъ положеніи нашихъ сѣв.-вост. прибрежій», напечат. въ «Сборникѣ пст.-стат. свѣдѣній о Сибири», 1878 г.

„Восточное Обозрѣніе“ 1888, №№ 3 и 4; „Историч. Вѣсти.“ 1888, іюль; Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. 8; „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императ. Рус. Географич. Общества“, т. VIII; П. П. Семеновъ, „Исторія полувѣковой дѣятельности Императ. Рус. Географ. Общества“ т.т. 1—3 (по указат.); Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона.

Р. С.

Нейсъ, *Александръ* (Alexander Heinrich Neuss); эстонскій фольклористъ и историкъ. Н. род. 16 дек. 1795 г. въ г. Ревелѣ, и былъ единственный сынъ Якова Перидона Н., учителя рисованія и художника, родомъ изъ Саксоніи; получивъ высшее образованіе на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго университета, онъ до 1835 года занимался педагогической дѣятельностью въ Эстляндіи и въ уѣздныхъ училищахъ въ Балтишпортѣ и Гапсалѣ. Осенью 1835 г. Н. заболѣлъ глазами и вскорѣ принужденъ былъ оставить службу. Онъ поселился въ Ревелѣ, гдѣ между прочимъ участвовалъ въ основаніи Эстляндскаго Литературнаго Общества и участвовалъ въ трудахъ Ученаго Эстонскаго Общества въ Дерптѣ и Финскаго Литературнаго Общества въ Гельсингфорсѣ, въ качествѣ члена корреспондента. Какъ педагогъ, Н. не отличался особымъ талантомъ, но съумѣлъ пробудить въ своихъ ученикахъ любовь къ наукѣ и къ родной и областной старинѣ. Его ученикомъ былъ между прочимъ академикъ эстологъ Фердинандъ Видеманъ. Занимаясь переводами стихотвореній и поэмъ Н. особенно преуспѣвалъ въ передачѣ на нѣм. яз. народныхъ пѣсенъ эстонцевъ. Его главное и лучшее сочиненіе посвящено миѳической поэзіи и миѳологіи эстовъ и сравнительному изученію эстофинскихъ рунъ и заклинаній. Формы заклинаній и чародѣйства изучены были въ связи съ староскандинавской народной поэзіею. Шведскому фольклору посвящены его наблюденія надъ бытомъ островитянъ (Inselschweden in der Nuckoe). Образцы эстонской поэзіи обнародованы были имъ въ 1839—1841 гг. въ журналѣ «Inland» Переводы его отличаются близостью къ оригиналу и вѣрностью филологическаго пониманія народноэстскихъ текстовъ. Благодаря послѣдовавшей за Н. дѣятельности фольклористовъ и филологовъ — Крейцвальда, Фельмана, Веске и особенно д-ра Якова Гурта,—эстонское народное пѣснотворчество было въ большей полнотѣ и совершенствѣ записано и изучено. Нейсъ съумѣлъ указать вѣрно путь къ уразумѣнію эстонскаго языка и фольклора благодаря сравненію съ финскими соотвѣтствіями. Не малое значеніе имѣютъ его монографическіе этюды по ономатологіи и миѳографіи балтійскаго прибережья. До конца дней своихъ Нейсъ, остался вѣрнымъ своей познательной любви къ родинѣ и не смотря на тѣлесные недуги не оставлялъ любимаго имъ дѣла научнаго изученія своей родины въ ея прошломъ и современномъ и былъ примѣрнымъ народолюбцемъ. Нейсъ умеръ въ глубокой старости 10 февраля 1876 года на 81 г. жизни, завѣщавъ свои сбереженія двумъ эстонскимъ научнымъ обществамъ въ Ревелѣ и Дерптѣ.

Нейсъ издалъ: Zur deutschen Sprachlehre (1824). — Talitus, — переводъ (1826). Inländischer Dichtergarten (1828), Nachbildung von acht estn. Volksliedern: Oldenop's St.-Peterb. (1823), Revals sämmtlich Namen nebst vielen anderen wissenschaftlich erklärt (1849); 1850 — 1852. Ehstnische Volkslieder. Urtitl und Übersetzung. Изд. Эстонскаго Литературнаго Общ. въ Ревелѣ. (1850—1852, 8° XX + + 477). Въ 1854 Н. вмѣстѣ съ Фр. Крейцвальдомъ издалъ: Mythische und Magische Lieder der Esten. St.-Petersburg. VIII +

+ 131, съ предисловіемъ А. Шифнера. Въ органѣ Финлянд. Общ. Наукъ въ Гельсингфорсѣ обнародовалъ: Ett bidrag till jemförande sprakforsking; о числительныхъ западнофинскихъ нарѣчій напечатана имъ статья въ Протоколахъ Учен. Эстон. Общества т. III «Über die einfachen Zahlwörster»». Въ журналѣ «Dorpater Jahrbücher» (I—III и V) Н. помѣстилъ рядъ рецензій по эстонскому фольклору, исторіи балтійской нѣмецкой литературы и археологіи края. Въ журналѣ «Inland» вышли его статьи по миѳологіи эстовъ: Frau des Roegutaja 1846 (1246—1248); die alteste. Wind und. Frostgottheiten (№ 17—32); по древней этнологіи: Veneten u. Velten (у Птоломея) 1856 (№ 40); Isten u. Jdumingen in Scopes Vidsidh (№ 50 и 49) die Baninge (№ 6 за 1857 годъ); die Careothen des Ptolemaios und ihre Nachbaren (1857, № 36—38); der Volksstamm der Inaunxen bei Jomandes (1858, № 11—12). Кромѣ того помѣстилъ переводы изъ эпическихъ поемъ: Hiawatha und Kalewipoeg (1858, № 25—26). Das Mädchen von Marienburg (—№ 51). Тамъ же вышли очеркъ исторіи города Гапсаля (1852, № 26—27). Въ 1831 и 1833 гг. Н. издалъ въ Лейпцигѣ переводъ стихотворенія Аттербома: Die Insel des Glückseligkeit. Sagenspiel in 5 Abenteeurn. 8о. 294+ +408. Тяжеловѣсные стихи эти давно забыты, но осталась въ памяти многихъ музыкальная передача пѣсенъ Аттербома въ композиціяхъ графини Штольбергъ.

Источники: Schriftstellerlexicon von Recke u. Napierski III (1831), стр. 318—319 Nachträge u. Fortsetzungen von Napiersky u. Dr. Theodor Beise Bd. II. Mitau 1861. Winkelmann (Ed. Bibliotheca Livoniae historica. 1870) считаетъ псевдонимомъ Нейса „Кайзербергъ“, но Русвурмъ въ своемъ некрологѣ (Sitzungsberichte d. gel. estn. Ges. zu Dorpat, 1876, стр. 118—125) оспариваетъ это предположеніе. *Э. А. В.*

Неклюдовы—дворянскій родъ, ведущій свое происхожденіе отъ Ѳедора Неклюдова, который былъ жалованъ помѣстьями въ Тверскомъ уѣздѣ во второй половинѣ XV столѣтія по грамотѣ князя Андрея Борисовича Микулинскаго. У него было пять сыновей и его потомки въ пятомъ поколѣніи—Шибанъ Алексѣевичъ и Василій Алексѣевичъ—получили по грамотѣ царя Ѳедора Іоанновича въ кормленіе Псковской пригородъ Изборскъ на четыре года; Василій Алексѣевичъ былъ намѣстникомъ въ Изборскѣ въ 1584 г. Въ XVII вѣкѣ трое Неклюдовыхъ были дворянами московскими. Одинъ (Матвѣй Ивановичъ) былъ стольникомъ (1690—1692). Выше этого званія Неклюдовы не поднимались въ до-Петровское время. Этотъ родъ Неклюдовыхъ внесенъ въ VI часть родословной книги губерній: Тверской, Новгородской, Тамбовской, Псковской и Харьковской. Хотя по Общему Гербовнику Неклюдовы признаны происходящими отъ Радши, выѣхавшаго къ великому князю Александру Невскому, но это указаніе голословно. Потомокъ Радши, Григорій Дмитріевичъ Бутурлинъ, прозваніемъ Неклюдъ, отъ котораго производятъ себя Неклюдовы, имѣлъ сына Ѳедора Григорьевича, который сталъ, дѣйствительно, писаться Неклюдовымъ. Однако, потомки Ѳедора Григорьевича продолжали называться Бутурлиными. Кромѣ того, Ѳедоръ Григорьевичъ Неклюдовъ умеръ въ 1627 г., а между тѣмъ предокъ Неклюдовыхъ, Ѳедоръ Неклюдовъ, какъ это видно изъ писцовыхъ книгъ Тверского уѣзда, жилъ въ концѣ XV вѣка и, слѣдовательно, болѣе чѣмъ на сто лѣтъ ранѣе своего мнимаго отца.

Кромѣ этого рода Неклюдовыхъ, есть три отдѣльныя вѣтви, изъ которыхъ одна восходитъ къ концу XVI столѣтія, а двѣ другихъ къ началу XVII вѣка.

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. II; „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона т. 20; „Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ всероссійской Имперіи“. Составилъ гр. Александръ Бобринской. Часть I, стр. 231; „Общій Гербовникъ“. Часть III, стр. 11.

Б. Алексѣевскій.

Неклюдовъ, *Леонтій Яковлевичъ*,—ген.-маіоръ, герой Измаила; происходилъ изъ дворянъ Ярославской губ. и родился въ слободѣ Задахъ, въ г. Ростовѣ Великомъ близъ Крестовскаго погоста въ 1748 г. Въ 1766 г. Н. поступилъ въ военную службу въ Азовскій пѣхотный полкъ, гдѣ и проходилъ постепенно всю строевую школу съ нижнихъ чиновъ. Полкъ этотъ стоялъ въ то время въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ и, когда началась турецкая война, выступилъ въ походъ и принялъ дѣятельное участіе во многихъ сраженіяхъ. Неклюдовъ въ чинѣ сержанта находился при взятіи Хотина и за отличіе былъ произведенъ въ прапорщики. Въ 1770 г.

подъ предводительствомъ Румянцева-Задунайскаго онъ сражался при Рябой-Могилѣ на берегахъ Прута, участвовалъ въ разбитіи татарскаго хана и взятіи его лагеря, въ битвахъ подъ Кагуломъ, Журжею, Врапловымъ. Въ 1771 г. онъ былъ посланъ съ частью войскъ на развѣдку за Дунай и находился съ егерями въ цѣломъ рядѣ сраженій подъ Турною, при мѣстечкѣ Рымникѣ, подъ Бухарестомъ. При мѣстечкѣ Арагвѣ на рѣкѣ Дунаѣ онъ выдержалъ упорное столкновеніе съ непріятелемъ, а 9-го іюля удачно выполнилъ подъ выстрѣлами непріятеля данное ему порученіе сломать Колычанскій мостъ на рѣкѣ Артышѣ. Кромѣ того, въ томъ же году онъ участвовалъ въ сраженіи при Салгарѣ, гдѣ ему пришлось прорубаться сквозь непріятельскіе ряды.

Въ 1772 г. Н. былъ произведенъ въ подпоручики, а въ слѣдующемъ — въ поручики. Въ этомъ году онъ перешелъ на службу въ Гусарскіе полки и отличился въ сраженіяхъ подъ Козлуджи, при чемъ обратилъ на себя вниманіе графа Каменскаго, который далъ ему въ командованіе отрядъ арнаутовъ и казаковъ. 6-го іюля 1774 г. Неклюдовъ, находясь въ отрядѣ венгерскихъ эскадроновъ, принималъ участіе въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ при Канаржѣ, а 9-го мая въ бою при занятіи мѣстечка Козлища и взятіи всего непріятельскаго лагеря. Въ 1777 г. онъ въ составѣ Сумскаго гусарскаго полка участвовалъ въ усмиреніи крымскихъ татаръ; а въ слѣдующемъ году, въ чинѣ маіора, принялъ участіе въ осадѣ и взятіи крѣпости Очакова, гдѣ за отличіе былъ награжденъ орденомъ Владимира 4-ой степ. Въ 1789 г. онъ находился при взятіи крѣпостей Акермана и Бендеръ, 11-го декабря 1790 г. была взята крѣпость Измаилъ; Неклюдовъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ особенную неустрашимость и отвагу. Въ жалованной грамотѣ Неклюдову за оказанные имъ подвиги говорится: «Находясь въ колоннѣ, предводимой ген.-м. Лассіемъ и бывъ впереди съ стрѣлками, первый бросился въ ровъ, взошелъ безъ лѣстницъ на бастіонъ, овладѣлъ на ономъ непріятельскими пушками и получилъ тутъ многія тяжелыя раны». Цѣлый годъ послѣ этого онъ лѣчился отъ ранъ и въ 1792 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ объ его подвигахъ было доложено Императрицѣ Екатеринѣ II, которая пожаловала ему орденъ Георгія 4-ой степ. и 200 душъ крестьянъ, при чемъ онъ былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ комендантомъ въ г. Рогачевъ. Въ 1806 г. Н. служилъ въ земскомъ ополченіи, нося званіе тысячника, въ 1807 г. служилъ въ подвижномъ земскомъ войскѣ по пятой области. Когда былъ заключенъ миръ, Неклюдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и вновь поступилъ на службу съ производствомъ въ ген.-маіоры и съ назначеніемъ членомъ московской провіантской комиссіи. Онъ умеръ въ Москвѣ 8-го апрѣля 1839 г. и похороненъ на кладбищѣ Донского монастыря.

«Неустрашимый русскій полковникъ Л. Я. Неклюдовъ» («Русскій Вѣстникъ» 1815 г. кн. 6 стр. 3 — 19); «Военные подвиги полковника Л. Я. Неклюдова, нѣкоторыя подробности о частной его жизни и о его происшествіяхъ отъ 1769 до 1808 г. Соч. С. Глинки. М. 1825; «Сынъ Отечества» 1839 г. т. 8; Справочный энциклопедическій словарь. Старчевскаго. Томъ 8-й. Спб. 1854; «Русская Старина» 1891 г., январь, стр. 223—225; «Георгіевскіе кавалеры» Спб. 1861 г., вып. I; Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравиров. портретовъ», Спб. 1889, т. I.

Б. Алексѣевскій.

Неклюдовъ, *Петръ Васильевичъ*,— т. сов., оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената; род. 5 іюня 1745 г. и былъ сынъ Василія Ивановича Н. (1718—1790), тверского губернскаго предводителя дворянства. Н. началъ службу въ 1760 г. въ Преображенскомъ полку, въ которомъ занималъ долгое время должность полкового секретаря и въ этой должности имѣлъ случай не разъ оказывать товарищескія услуги поступившему въ полкъ Г. Р. Державину, молодому поэту и будущему министру юстиціи; товарищескія отношенія между ними сохранились до послѣднихъ дней Н., который при жизни неоднократно пользовался литературными способностями Державина въ составленіи докладовъ и т. п. бумагъ. Женившись на Елизаветѣ Ивановнѣ Левашевой, Н. скоро перешелъ на гражданскую службу, состоялъ предсѣдателемъ С.-Петербургской Палаты Гражданскаго и Уголовнаго Суда (1784—1786), затѣмъ оберъ-прокуроромъ Сената (съ 21 мая 1788 г.) и членомъ Придворной Конторы (1795 г.). На поприщѣ судебномъ Н. снова встрѣтился съ Державинымъ и, подобно ему, имѣлъ случай испытать на себѣ неудовольствіе Императрицы Екатерины по дѣлу Кашкина съ Ярославовымъ: «призванъ былъ (записалъ 2 сентября

1792 г. въ свой дневникъ Храповицкій) по вчерашнему дѣлу об.-прок. Неклюдовъ, ему мыли голову». Изъ дѣятельности его въ качествѣ оберъ-прокурора нельзя не отмѣтить «похвальнаго слова», которое онъ говорилъ Императрицѣ на публичной аудіенціи Сенату, данной Екатериной въ сент. 1790 г. по случаю заключенія Версальскаго мира. Эта льстивая рѣчь, какъ извѣстно, вызвала жестокую критику со стороны историка кн. М. М. Щербатова въ его «Отвѣтѣ гражданина на рѣчь, говоренную оберъ-прокуроромъ Неклюдовымъ». (Между прочимъ, по увѣренію Державина, эта рѣчь была сочинена гр. Завадовскимъ, а Н-мъ лишь произнесена). Н. умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, 15 іюля 1797 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Ал.-Невской Лавры. Тамъ же погребена и жена его (1755—1799); гробницы обоихъ супруговъ украшены эпитафіями, сочиненными ихъ другомъ-поэтомъ Державинымъ.

Братъ его, *Сергѣй Васильевичъ* (род. въ 1746 г., ум. въ 1811 г.), также началъ службу въ Преображенскомъ полку; въ 1789 г. получилъ чинъ ген.-маіора и въ этомъ чинѣ въ 1792 г. былъ назначенъ намѣстникомъ Полоцкаго намѣстничества, а черезъ два года, уже въ чинѣ ген.-лейтенанта, переведенъ губернаторомъ въ Тамбовъ. 9 янв. 1804 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ, коимъ Н. подвергался взысканію за злоупотребленія, учиненныя имъ въ бытность губернаторомъ, при сборѣ податей съ населенія и при ревизіи душъ.

„Сочиненія Г. Г. Державина“ (акад. изд.), тт. 3, 5, 6—7; „Русскіе Портреты“—изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. I; Н. Н. Туркестановъ „Губернскій Служебникъ“; Румель и Голубцовъ „Родословный сборникъ русск. двор. фамилій“, „Архивъ Государственнаго Совѣта“, т. I; «Архивъ кн. Воронцова», т.т. 9 и 12.

Некрасовъ, *Николай Алексѣевичъ*,— поэтъ; родился 22-го ноября 1821 года въ маленькомъ еврейскомъ мѣстечкѣ, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи, гдѣ въ то время квартировалъ армейскій полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ Алексѣй Сергѣевичъ Н. А. С. принадлежалъ къ обѣднѣвшей дворянской помѣщичьей семьѣ Ярославской губерніи; по обязанностямъ службы ему приходилось постоянно бывать въ разъѣздахъ, преимущественно въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ Россіи. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ онъ познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната, жившаго на покоѣ въ своемъ имѣніи въ Херсонской губерніи,— Андрея Закревскаго. Старшая дочь Закревскаго, Александра Андреевна, блестящая представительница тогдашняго варшавскаго свѣта, дѣвушка прекрасно образованная и изнѣженная, увлеклась красивымъ офицеромъ и связала съ нимъ свою судьбу, выйдя за него замужъ противъ воли родителей. Дослужившись до чина капитана, А. С. вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи сельцѣ Грешневѣ, Ярославской губ., на почтовомъ трактѣ между Ярославомъ и Костромой. Здѣсь и прошли дѣтскіе годы поэта, оставившіе въ душѣ его неизгладимое впечатлѣніе. Въ своемъ имѣніи, на свободѣ, А. С. велъ разгульную жизнь среди пріятелей-собутыльниковъ и крѣпостныхъ любовницъ, «среди пировъ безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и мелкаго тиранства»; этотъ «красивый дикарь» деспотически держалъ себя по отношенію къ собственной семьѣ, «всѣхъ собой давилъ» и одинъ «свободно и дышалъ и дѣйствовалъ и жилъ». Мать поэта, Александра Андреевна, выросшая среди нѣги и довольства, европейски воспитанная и образованная, была обречена на жизнь въ глухой деревушкѣ, гдѣ царилъ пьяный разгулъ и псовая охота. Единственнымъ ея утѣшеніемъ и предметомъ горячихъ заботъ была многочисленная семья (всего 13 братьевъ и сестеръ); воспитаніе дѣтей было самоотверженнымъ подвигомъ ея непродолжительной жизни, безграничное же терпѣніе и сердечная теплота побѣдили подъ-конецъ даже суроваго деспота-мужа, а на развитіе характера будущаго поэта имѣли громадное вліяніе. Нѣжный и печальный образъ матери занимаетъ въ творчествѣ Н. большое мѣсто: онъ повторяется въ цѣломъ рядѣ другихъ женщинъ-героинь, неотлучно сопровождаетъ поэта во всю его жизнь, вдохновляетъ, поддерживаетъ его въ минуты горя, направляетъ его дѣятельность и въ послѣднюю минуту, у его смертнаго одра, поетъ ему глубоко-трогательную прощальную пѣсню (Баюшки-баю). Матери и неприглядной обстановкѣ дѣтства Н. посвящаетъ цѣлый рядъ стихотвореній (поэма «Мать», «Рыцарь на часъ», «Послѣднія пѣсни» и многія другія); въ лицѣ ея, по

справедливому указанію біографовъ, онъ создалъ апоѳеозу русскихъ матерей въ частности и русской женщины вообще.

Всѣ другія впечатлѣнія его дѣтства были крайне безотрадны: разстроенныя дѣла и огромная семья заставили А. С. Некрасова взять мѣсто исправника. Сопровождая отца во время его служебныхъ поѣздокъ, мальчикъ имѣлъ возможность много разъ наблюдать суровыя условія народной жизни: вскрытіе труповъ, слѣдствія, выколачиваніе податей и вообще дикія расправы, обычныя въ то время. Все это глубоко запало въ его душу, и, вступая изъ семьи въ жизнь, Н. уносилъ накопившуюся въ сердцѣ страстную ненависть къ угнетателямъ и горячее сочувствіе къ «подавленнымъ и трепетнымъ рабамъ», завидующимъ «житью послѣднихъ барскихъ псовъ». Его муза, выросшая въ такихъ условіяхъ, понятно, не умѣла пѣть сладкихъ пѣсенъ и сразу стала угрюмой и неласковой, «печальной спутницей печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и оковъ».

На 11 году Н. опредѣлили въ Ярославскую гимназію, гдѣ онъ учился незавидно и, едва дотянувъ до пятаго класса, принужденъ былъ оставить школу—отчасти изъ-за осложненій со школьнымъ начальствомъ, раздраженнымъ его сатирическими стихами, уже тогда пользовавшимися у товарищей громаднымъ литературнымъ успѣхомъ. Отецъ, мечтавшій о военной карьерѣ сына, воспользовался этимъ и въ 1838 г. отправилъ его въ Петербургъ для опредѣленія въ тогдашній Дворянскій полкъ. Съ небольшой суммой денегъ въ карманѣ, съ паспортомъ «недоросля изъ дворянъ» и съ тетрадкой стиховъ явился Н. изъ деревенской глуши въ шумную столицу. Вопросъ о поступленіи въ Дворянскій полкъ почти уже былъ рѣшенъ, когда случайная встрѣча съ ярославскимъ товарищемъ, студентомъ Андреемъ Глушицкимъ и проф. духовной семинаріи Д. И. Успенскимъ побудила Н. отступить отъ первоначальнаго рѣшенія: бесѣды со студентами о преимуществахъ университетскаго образованія такъ увлекли Н., что онъ въ категорической формѣ сообщилъ отцу о своемъ намѣреніи поступить въ университетъ. Отецъ пригрозилъ оставить его безъ всякой матеріальной помощи, но это не остановило Н., и онъ, при содѣйствіи друзей, Глушицкаго и Успенскаго, началъ усердно готовиться къ вступительному университетскому экзамену. Экзамена онъ, однако, не выдержалъ и, по совѣту ректора, П. А. Плетнева, поступилъ вольнослушателемъ на историко-филолог. факультетъ, на которомъ и пробылъ два года (съ 1839 по 1841 г). Матеріальное положеніе Н. въ эти «учебные годы» было крайне плачевное: онъ поселился на Малой Охтѣ съ однимъ изъ университетскихъ товарищей, у котораго жилъ, кромѣ того, еще крѣпостной мальчикъ; втроемъ они тратили на обѣдъ, изъ дешевенькой кухмистерской, не болѣе 15 коп. Въ виду отказа отца, приходилось добывать средства къ жизни грошовыми уроками, корректурой и кое-какими литературными работами; все время уходило главнымъ образомъ на поиски заработка. «Ровно три года», разсказываетъ Н.,—«я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ на Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для вида газету, а самъ пододвинешь себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь». Хроническое недоѣданіе привело къ полному истощенію силъ, и Н. серьезно захворалъ; молодой, крѣпкій организмъ вынесъ и это испытаніе, но болѣзнь еще болѣе обострила нужду, и разъ когда Н., не оправившійся еще отъ болѣзни, вернулся въ холодную ноябрьскую ночь домой отъ товарища, хозяинъ-солдатъ не пустилъ его въ квартиру за неплатежъ денегъ; надъ нимъ сжалился старый нищій и далъ ему возможность переночевать въ какой-то трущобѣ на 17-й линіи Васильевскаго Острова, гдѣ на утро поэтъ нашелъ себѣ и заработокъ, написавъ кому то прошеніе за 15 коп. Лучшіе годы, проведенные въ мучительной борьбѣ за существованіе, только усилили суровый тонъ музы Н-ва, которая за тѣмъ «почувствовать свои страданья научила и свѣту возвѣстить о нихъ благословила».

Для добыванія скудныхъ средствъ къ существованію Н. пришлось прибѣгнуть къ черному литературному труду, въ видѣ срочныхъ замѣтокъ, отзывовъ о самыхъ разнообразныхъ книгахъ, стихотвореній, переводовъ. Онъ пишетъ въ это время водевили для Александринскаго театра, поставляетъ книгопродавцамъ азбуки и

сказки въ стихахъ для лубочныхъ изданій, работаетъ, кромѣ того, въ разныхъ журналахъ конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ и, главнымъ образомъ, въ «Литерат. прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», въ «Литературной Газетѣ», въ «Пантеонѣ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», издававшемся книгопродавцемъ В. Поляковымъ. Повѣсти и стихи, печатавшіеся въ «Пантеонѣ», Н. подписывалъ «Н. Перепельскій» и «Бобъ». Тамъ, между прочимъ, помѣщены водевили Н.: «Актеръ» (едва ли не первая роль, въ которой знаменитый В. В. Самойловъ имѣлъ случай показать свой талантъ) и «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», не вошедшіе въ собраніе сочиненій—стихотвореніе «Офелія» и переводъ драмы «La nouvelle Fanchon», подъ названіемъ «Материнское благословеніе» (1840 г.). Бывшій наставникъ пажескаго корпуса Гр. Фр. Бенецкій помогъ въ это время Н., предоставивъ ему въ своемъ пансіонѣ уроки по русскому языку и по исторіи, что значительно поправило дѣла поэта и даже позволило ему издать на сбереженія сборникъ своихъ дѣтскихъ и юношескихъ стихотвореній «Мечты и Звуки» (1840 г.), вышедшій подъ иниціалами *Н. Н.* Полевой похвалилъ автора, В. А. Жуковскій посовѣтовалъ ему, еще до выхода сборника, «снять съ книги свое имя», хотя благосклонно отозвался о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ; но Бѣлинскій сурово осудилъ дебютъ Н., признавъ, что мысли, на которыя наводитъ его сборникъ «Мечты и звуки», сводятся къ слѣдующему: «Посредственность въ стихахъ нестерпима» (От. Зап. 1840 г., № 3). Послѣ отзыва Бѣлинскаго, Н. поспѣшилъ скупить «Мечты и звуки» и уничтожить ихъ, а впослѣдствіи никогда не хотѣлъ повторить ихъ новымъ изданіемъ (въ собраніе сочиненій Н. они не вошли). Бѣлинскій былъ правъ въ своемъ рѣзкомъ отзывѣ, такъ какъ первый опытъ Н. совершенно не характеренъ для него и представляетъ лишь слабое подражаніе романтическимъ образцамъ, вообще чуждымъ творчеству Н. (въ сборникѣ помѣщены «страшныя» баллады—«Злой духъ», «Ангелъ смерти», «Воронъ» и т. п.), и долго еще послѣ этого Н. не рѣшался писать стиховъ, ограничиваясь пока только ролью журнальнаго чернорабочаго.

Получивъ очень скудное образованіе и сознавая это, Н. въ послѣдующіе годы старательно довершалъ его чтеніемъ европейскихъ классиковъ (въ переводахъ) и произведеній родной литературы. Въ «Пантеонѣ» и въ «Литературной Газетѣ» онъ познакомился съ извѣстнымъ писателемъ Ѳ. А. Кони, руководившимъ его первыми работами; помимо того, онъ, несомнѣнно, находился подъ вліяніемъ произведеній Бѣлинскаго. Въ началѣ 40-хъ годовъ Н. попалъ въ число сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» и нѣкоторыми рецензіями обратилъ на себя вниманіе Бѣлинскаго, съ которымъ тогда же и познакомился. Бѣлинскій сразу сумѣлъ оцѣнить настоящее дарованіе Н.; понимая, что въ области прозы изъ Н. не выйдетъ ничего, кромѣ заурядnаго литературнаго работника, Бѣлинскій, съ свойственнымъ ему одному увлеченіемъ, привѣтствовалъ стихотворенія Н.: «Въ дорогѣ» и «Къ родинѣ». Со слезами на глазахъ обнялъ онъ автора, сказавъ ему: «Да знаете ли вы, что вы поэтъ и поэтъ истинный». Второе стихотвореніе «Къ родинѣ» («И вотъ они опять знакомыя мѣста») Бѣлинскій выучилъ наизустъ и распространялъ среди своихъ петербургскихъ и московскихъ пріятелей. Съ этого момента Н. сталъ постояннымъ членомъ того литературнаго кружка, въ центрѣ котораго стоялъ Бѣлинскій, оказавшій громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе литературнаго таланта Н. Къ этому времени относится и издательская дѣятельность Н.: онъ выпустилъ цѣлый рядъ альманаховъ: «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ» (1843 г.), «Физіологія Петербурга» (1845 г.), «Петербургскій Сборникъ» (1846 г.), «Первое апрѣля» (1846 г.). Въ этихъ сборникахъ, кромѣ Н., принимали участіе: Григоровичъ, Достоевскій, Герценъ (Искандеръ), Ап. Майковъ, Тургеневъ. Особенный успѣхъ имѣлъ «Петербургскій Сборникъ», гдѣ впервые появились надѣлавшіе шуму въ литературѣ «Бѣдные люди» Достоевскаго. Разсказы Н., помѣщенные въ первыхъ изъ этихъ сборниковъ (и главнымъ образомъ въ альманахѣ: «Физіологія Петербурга»), и ранѣе написанные имъ разсказы: «Опытная женщина» («Отеч. Зап.» 1841 г.) и «Необыкновенный завтракъ» («Отеч. Зап.» 1843 г.) носили характеръ жанровый, нравоописательный, но и они уже въ достаточной степени оттѣняли одну изъ основныхъ особенностей въ литературномъ

дарованіи Н.—именно, наклонность къ реально-правдивому содержанію (то, что Бѣлинскій тогда называлъ одобрительно «дѣльностію»), а также и къ шутливому разсказу, проявившуюся особенно ярко въ періодъ зрѣлости таланта Н., въ комической сторонѣ его стихотворчества.

Издательское дѣло у Н. шло успѣшно, и въ концѣ 1846 года онъ, въ компаніи съ И. И. Панаевымъ, пріобрѣлъ у Плетнева «Современникъ», который и началъ затѣмъ издавать при участіи Бѣлинскаго. Преобразованный «Современникъ» явился въ извѣстной степени новостью со стороны изящной внѣшности, а по своему содержанію сталъ лучшимъ журналомъ того времени. Въ литературномъ кружкѣ редакціи собрались лучшіе таланты того времени, дававшіе журналу богатый и разнообразный матеріалъ: вначалѣ, хотя и не долго, Бѣлинскій, затѣмъ Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Дружининъ, нѣсколько позже гр. Л. Н. Толстой; изъ поэтовъ Фетъ, Полонскій, Алексѣй Жемчужниковъ, самъ Некрасовъ; позже появились въ немъ труды В. Боткина, научныя статьи Кавелина, Соловьева, Грановскаго, Аѳанасьева, Ѳ. Корша, Вл. Милютина, письма Анненкова и т. д. Вся литературная молодежь, группировавшаяся ранѣе вокругъ Краевскаго, перешла теперь изъ «Отечественныхъ Записокъ» въ «Современникъ» и перенесла сюда центръ тяжести всего литературнаго движенія 40-хъ годовъ. Поднять на эту высоту и продолжать вести журналъ, не роняя его, было не легко, такъ какъ для этого нужны были и умѣнье, и силы, и средства; изданіе же было начато Н. на занятыя деньги (долгъ, съ которымъ Н. не скоро расквитался). Пріобрѣтя ранѣе нѣкоторый опытъ въ издательскомъ дѣлѣ, Н. сумѣлъ выйти изъ большихъ затрудненій, благодаря вообще вынесенной изъ жизни практичности. Онъ старался привлекать лучшихъ сотрудниковъ и всѣми способами удержать ихъ въ журналѣ, откровенно говорилъ имъ, когда былъ стѣсненъ въ деньгахъ, и самъ увеличивалъ цифру гонорара, когда дѣла поправлялись. Годы съ 1847 по 1855, за которыми установилось справедливое названіе періода реакціи, были особенно тяжелы для «Современника» и его издателя: цензура своими запретами часто ставила журналъ въ безвыходное положеніе, и беллетристическаго матеріала, помѣщавшагося не только въ спеціальномъ отдѣлѣ журнала, но и въ отдѣлѣ «смѣси», буквально не хватало. Переписка Н. съ сотрудниками за это время показываетъ, какія муки переживалъ онъ, какъ редакторъ. «Вашъ *Завтракъ*,—пишетъ Н. въ 1850 г. Тургеневу,—игранъ и имѣлъ успѣхъ, но онъ не напечатанъ, ибо одинъ изъ нашихъ цензоровъ заупрямился: онъ не любитъ такихъ сюжетовъ, это его личный капризъ .. Тургеневъ! Я бѣденъ, бѣденъ! — прибавляетъ Н.,—ради Бога вышлите мнѣ скорѣй вашу работу». Это и было однимъ изъ главныхъ побужденій къ тому, что Н. предпринялъ съ Н. Станицкимъ (псевдонимъ А. Я. Головачевой-Панаевой) совмѣстное сочиненіе безконечно длинныхъ романовъ «Три страны свѣта» (1849 г.) и «Мертвое озеро» (1851 г.). Это были нравоописательные романы съ разнообразнѣйшими приключеніями, съ запутанными исторіями, съ эффектными сценами и развязками, написанные не безъ вліянія Диккенса, Евгенія Сю и Виктора Гюго. Первый изъ нихъ не лишенъ и автобіографическаго интереса, такъ какъ въ лицѣ Каютина, интеллигентнаго пролетарія, Н., несомнѣнно, вспоминаетъ свою молодость (описаніе жизни К. въ Петербургѣ); кромѣ того, по справедливому замѣчанію акад. Пыпина, это не была выдуманная фантастика французскаго романа, а попытка вдвинуть въ рамку романа настоящую русскую дѣйствительность, въ то время еще мало кому извѣстную. Тогда же въ «Современникѣ» напечатаны Н. два его жанровыхъ разсказа «Новоизобрѣтенная привилегированна якраска Дарлинга и К°» (1850 г.) и «Тонкій человѣкъ» (1855 г.). Собственно «критическихъ статей» въ «Современникѣ» Н. не помѣщалъ,—за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ замѣтокъ, затѣмъ статьи о второстепенныхъ русскихъ поэтахъ и о Ѳ. И. Тютчевѣ, въ 1850 г. (первый сборникъ его стихотвореній былъ изданъ Н. при «Современникѣ»). «Журнальныя замѣтки», печатавшіяся въ «Современникѣ» 1856 г. и приписываемыя Н., принадлежатъ почти исключительно Н. Г. Чернышевскому, и, какъ видно изъ оригиналовъ этихъ статей, лишь нѣкоторыя замѣчанія и стихотворенія вставлены въ нихъ самимъ Н.

Въ серединѣ 50-хъ годовъ Н. серьезно

захворалъ болѣзнью горла; лучшіе русскіе и иностранные врачи опредѣлили горловую чахотку и приговорили поэта къ смерти. Путешествіе въ Италію, однако, поправило здоровье Н. Возвращеніе его въ Россію совпало съ началомъ новой эры въ русской жизни: въ общественныхъ и правительственныхъ сферахъ съ окончаніемъ крымской кампаніи повѣяло либерализмомъ; началась знаменитая эпоха реформъ. «Современникъ» быстро ожилъ и собралъ вокругъ себя лучшихъ представителей русской общественной мысли; въ зависимости отъ этого и число подписчиковъ стало расти съ каждымъ годомъ тысячами. Новые сотрудники—Добролюбовъ и Чернышевскій—вступили въ журналъ съ новыми взглядами и на общественныя дѣла и на задачи литературы, какъ голоса общественнаго мнѣнія. Въ журнальной дѣятельности Н-ва начинается новый періодъ, продолжавшійся съ 1856 по 1865 годъ,—періодъ наибольшаго проявленія его силъ и развитія его литературной дѣятельности. Цензурныя рамки значительно раздвинулись, и поэтъ получилъ возможность осуществить на дѣлѣ то, что таилъ въ себѣ ранѣе: коснуться въ своихъ произведеніяхъ тѣхъ жгучихъ темъ и вопросовъ времени, о которыхъ ранѣе нельзя было писать по цензурнымъ, т. е. чисто внѣшнимъ, условіямъ. Къ этому времени относится все лучшее и болѣе характерное изъ того, что написалъ Н.: «Размышленія у парадная подъѣзда», «Пѣсня Еремушкѣ», «Рыцарь на часъ», «Коробейники», «Крестьянскія дѣти», «Зеленый шумъ», «Орина», «Морозъ—красный носъ», «Желѣзная дорога» и др. Близкое участіе Добролюбова и Чернышевскаго въ «Современникѣ», а также высказанные ими на первыхъ же порахъ литературные взгляды («Очерки гоголевскаго періода» Чернышевскаго напечатаны впервые въ «Современникѣ») послужили причиною разрыва Н. съ его старыми друзьями и сотрудниками по журналу. Н. сразу полюбилъ Добролюбова и Чернышевскаго, чутко понявъ всю умственную силу и душевную красоту этихъ натуръ, хотя міросозерцаніе его и сложилось совершенно при иныхъ условіяхъ и на иныхъ основахъ, чѣмъ у молодыхъ его сотрудниковъ. Чернышевскій, опровергая въ опубликованныхъ акад. А. Н. Пыпинымъ замѣткахъ установившееся въ литературѣ мнѣніе, что онъ и Добролюбовъ расширили умственный кругозоръ Н., замѣчаетъ: «Любовь къ Добролюбову могла освѣжить сердце Н., и, я полагаю, освѣжила его; но это совсѣмъ иное дѣло: не расширеніе умственнаго и нравственнаго горизонта, а чувство отрады». Въ Добролюбовѣ Н. видѣлъ крупную умственную величину и исключительную нравственную силу, на что указываютъ и отзывы поэта, приводимые въ воспоминаніяхъ Головачевой-Панаевой: «У него замѣчательная голова! Можно подумать, что лучшіе профессора руководили его умственнымъ развитіемъ: черезъ 10 лѣтъ литературной своей дѣятельности Добролюбовъ будетъ имѣть такое значеніе въ русской литературѣ, какъ Бѣлинскій». Н. по временамъ намѣренно искалъ «чувства отрады», въ минуты хандры, острыхъ припадковъ душевной боли, которымъ Н., по собственнымъ его словамъ, былъ подверженъ («день, два идетъ хорошо, а тамъ смотришь — тоска, хандра, неудовольство, злость»...). Въ общеніи съ людьми новаго типа—Добролюбовымъ и Чернышевскимъ—Н. искалъ душевнаго освѣженія и лѣкарства отъ своего пессимизма и мизантропіи. Противъ новаго направленія, представленнаго въ «Современникѣ» Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, стали раздаваться рѣзкіе протесты со стороны стараго кружка, къ которому принадлежали былые сотрудники Бѣлинскаго, сошедшаго уже къ этому времени въ могилу. Н. прилагалъ всѣ усилія, чтобы дѣло не дошло до разрыва со старыми друзьями, но старанія его были тщетны. По свидѣтельству современника (А. Н. Пыпина). Н. прежде всего цѣнилъ общественное направленіе Чернышевскаго и Добролюбова, видя въ немъ прямое и послѣдовательное продолженіе идей Бѣлинскаго, именно за послѣдній періодъ его дѣятельности; «друзья же стараго кружка этого не понимали: новая критика была имъ непріятна, полемика не интересна, а поднятые вновь экономическіе вопросы просто невразумительны». Н. не только понялъ смыслъ и развитіе новаго литературнаго направленія и предоставилъ Добролюбову и Чернышевскому полную свободу дѣйствій въ «Современникѣ», но, помимо того, и самъ принималъ участіе въ «Свисткѣ» Добролюбова, а «Замѣтки о журналахъ», помѣщавшіяся въ «Современникѣ», написаны

имъ совмѣстно съ Чернышевскимъ («есть, по словамъ А. Н. Пыпина,—страницы, начатыя однимъ и продолженныя другимъ»). Какъ бы тамъ ни было, Тургеневъ, Боткинъ, Фетъ и др. рѣзко порвали съ «Современникомъ»; въ 1866 г. Боткинъ даже радовался двумъ предостереженіямъ, полученнымъ «Современникомъ». Наступившая вслѣдъ за сильнымъ подъемомъ общественная реакція отразилась и на «Современникѣ», который былъ закрытъ въ 1866 г. Спустя два года, Н. заарендовалъ у прежняго конкурента, Краевскаго, «Отечественныя Записки», пригласивъ пайщиками дѣла и сотрудниками Салтыкова и Елисѣева. Скоро «Отеч. Записки» стали на такую же высоту, какъ когда-то «Современникъ», и сдѣлались предметомъ неустанныхъ заботъ Н., помѣстившаго въ нихъ рядъ произведеній, не уступавшихъ по силѣ таланта прежнимъ; въ это время имъ написаны: «Дѣдушка», «Русскія женщины», «Кому на Руси жить хорошо» и «Послѣднія пѣсни».

Уже въ 1875 г. появились первые зловѣщіе признаки болѣзни, которая преждевременно свела поэта въ могилу; первоначально Н. не придавалъ серьезнаго значенія своему недомоганію, продолжалъ по прежнему работать и съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдить за всѣми явленіями литературной жизни. Но скоро началась жестокая агонія: поэтъ умиралъ медленной и мучительной смертью; сложная операція, произведенная вѣнскимъ спеціалистомъ, хирургомъ Бильротомъ, ни къ чему не привела. Вѣсть о смертельной болѣзни поэта быстро разнеслась по всей Россіи; отовсюду, даже изъ далекой Сибири, стали получаться имъ сочувственныя письма, стихотворенія, привѣтствія, адресы, доставившіе ему не мало свѣтлыхъ минутъ. Во время этого подъема силъ создалась и лебединая пѣсня Некрасовской поэзіи, его знаменитыя «Послѣднія пѣсни», въ которыхъ онъ съ прежней силой и свѣжестью, съ необычайной искренностью чувства рисовалъ картины своего дѣтства, вспоминалъ о матери и страдалъ отъ сознанія совершенныхъ въ жизни ошибокъ. 27-го декабря 1877 года Н. не стало. Похороны состоялись 30 декабря: многочисленная толпа, преимущественно молодежи, несмотря на сильный морозъ, провожала останки поэта на мѣсто его вѣчнаго успокоенія, въ Новодѣвичій монастырь. Свѣжую могилу забросали безконечнымъ числомъ вѣнковъ съ самыми разнообразными надписями: «Поэту народныхъ страданій», «Печальнику горя народнаго», «Отъ русскихъ женщинъ» и т. п. Надъ могилой говорилъ прощальное слово, между прочимъ, Ѳ. М. Достоевскій, записавшій въ день смерти Н. въ свой «Дневникъ» слѣдующія драгоцѣнныя строки: «Воротясь домой, я не могъ уже сѣсть за работу, взялъ всѣ три тома Некрасова и сталъ читать съ первой страницы. Въ эту ночь я перечелъ чуть не двѣ трети всего, что написалъ Н., и буквально въ первый разъ далъ себѣ отчетъ, какъ много Н., какъ поэтъ, во всѣ эти 30 лѣтъ занималъ мѣста въ моей жизни» Послѣ смерти поэта клевета и сплетня надолго опутали его имя и дали поводъ нѣкоторымъ критикамъ (напр., Н. К. Михайловскому) строго судить Н. за его «слабости», говорить о проявленной имъ жестокости, о паденіи, компромиссахъ, о «грязи, прилипавшей къ душѣ Н.», и т. п. Основаніемъ отчасти служило высказанное поэтомъ въ послѣднихъ его, произведеніяхъ сознаніе своей «вины» и желаніе оправдаться передъ старыми друзьями (Тургеневъ, Боткинъ и др.), «укоризненно со стѣнъ смотрѣвшими на него». По словамъ Чернышевскаго, «Н. былъ хорошій человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными» и легко объясняемыми общеизвѣстными фактами изъ его жизни. При этомъ Н. никогда не скрывалъ своихъ слабостей и никогда не уклонялся отъ прямодушнаго объясненія мотивовъ своихъ поступковъ. Несомнѣнно, это была крупная моральная личность, чѣмъ и объясняется какъ то громадное вліяніе, которымъ онъ пользовался у современниковъ, такъ и тотъ душевный разладъ, который онъ по временамъ испытывалъ.

Вокругъ имени Н. завязался ожесточенный и до сихъ поръ еще не разрѣшенный споръ о значеніи его поэзіи. Противники Н. утверждали, что никакого таланта у него не было, что поэзія его не настоящая, а «тенденціозная», сухая и придуманная, разсчитанная на «либеральную толпу»; поклонники же таланта Н. указывали на многочисленныя и несомнѣнныя свидѣтельства о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое производили стихотворенія Н. не только на его современниковъ, но

и на всѣ послѣдующія поколѣнія. Даже Тургеневъ, отрицавшій въ минуты каприза поэтическій талантъ Н., чувствовалъ на себѣ силу этого таланта, когда говорилъ, что «стихотворенія Н., собранныя въ одинъ фокусъ,—жгутся». Вся вина Н. заключалась въ томъ, что онъ, будучи по натурѣ человѣкомъ живымъ и воспріимчивымъ, раздѣлявшимъ стремленія и идеалы своего времени, не могъ остаться безучастнымъ зрителемъ общественной и національной жизни и замкнуться въ сферу чисто субъективной мысли и чувства; въ силу этого, предметы заботъ и чаяній лучшей части русскаго общества, безъ различія партій и настроеній, стали предметомъ и его заботъ, его негодованія, обличенія и сожалѣнія; при этомъ Н. нечего было «придумывать», такъ какъ сама жизнь давала ему богатый матеріалъ, и тяжелыя бытовыя картины въ его стихотвореніяхъ соотвѣтствовали видѣнному и слышанному въ дѣйствительности. Что же касается характерныхъ особенностей его таланта—нѣкоторой ожесточенности и негодованія, то и они объясняются тѣми условіями, въ которыхъ создавался и развивался этотъ талантъ. «Это было, по словамъ Достоевскаго, раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то никогда не заживавшая рана его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь». Съ дѣтскихъ лѣтъ ему пришлось познакомиться съ горемъ, а потомъ выдержать рядъ стычекъ съ неумолимой жизненной прозой; душа его невольно ожесточилась, и въ ней загорѣлось чувство мести, которое сказалось въ благородномъ порывѣ обличенія недостатковъ и темныхъ сторонъ жизни, въ желаніи открыть на нихъ глаза другимъ, предостеречь другія поколѣнія отъ тѣхъ горькихъ обидъ и мучительныхъ страданій, которыя пришлось испытывать самому поэту. Н. не ограничился личной жалобой, разсказомъ о своихъ только страданіяхъ; привыкнувъ болѣть душою за другихъ, онъ слилъ себя съ обществомъ, съ цѣлымъ человѣчествомъ, въ справедливомъ сознаніи, что «бѣлый свѣтъ кончается не нами; что можно личнымъ горемъ не страдать и плакать честными слезами; что туча каждая, грозящая бѣдой, нависшая надъ жизнію народной, слѣдъ оставляетъ роковой въ душѣ живой и благородной». По рожденію и воспитанію своему Н. принадлежалъ къ 40-мъ годамъ, когда онъ и выступилъ на литературное поприще; но по духу и складу своей мысли онъ менѣе всего подходилъ къ этой эпохѣ: въ немъ не было идеалистической философіи, мечтательности, теоретичности и «прекраснодушія», свойственныхъ людямъ 40-хъ годовъ; не замѣчалось въ немъ также и слѣдовъ того душевнаго разлада между двумя поколѣніями, который въ той или въ иной формѣ обнаружили и Герценъ, и Тургеневъ, и Гончаровъ; напротивъ, онъ былъ человѣкъ практической складки, живого дѣла, труженикъ, не боявшійся черной работы, хотя нѣсколько и озлобленный ею.

Начало и первая половина поэтической дѣятельности Н. совпали съ тѣмъ моментомъ, когда центральнымъ вопросомъ русской общественности явился крестьянскій вопросъ; когда въ рускомъ обществѣ проснулся интересъ и любовь къ крестьянину-пахарю, кормильцу родной земли,—къ той массѣ, которую раньше считали «темной и безразличной, живущей безъ сознанія и смысла». Н. всецѣло отдался этому общему увлеченію, объявивъ смертельную борьбу крѣпостничеству; онъ сталъ народнымъ заступникомъ: «я призванъ былъ воспѣть твои страданья, терпѣньемъ изумляющій народъ». Ему вмѣстѣ съ Тургеневымъ и Григоровичемъ принадлежитъ великая заслуга ознакомленія русскаго общества съ жизнью русскаго крестьянства и главнымъ образомъ съ темными сторонами ея. Уже въ раннемъ своемъ произведеніи «Въ дорогѣ» (1846 г.), напечатанномъ до появленія «Антона Горемыки» и «Записокъ охотника», Н. явился провозвѣстникомъ цѣлаго литературнаго направленія, избравшаго своимъ предметомъ интересы народные, и до конца своихъ дней не переставалъ быть печальникомъ народнымъ. «Сердце у меня билось какъ-то особенно при видѣ родныхъ полей и русскаго мужика»—писалъ Н. Тургеневу, и эта тема является до извѣстной степени основной большинства его стихотвореній, въ которыхъ поэтъ рисуетъ картины народной жизни и въ художественныхъ образахъ запечатлѣваетъ черты мужицкой психологіи («Коробейники», «Морозъ—красный носъ», «Кому на Руси жить хорошо»). Горячо привѣтствовалъ Н. въ 1861 г. давно желанную свободу и всѣ гуманныя мѣры новаго царствованія; но вмѣстѣ съ

тѣмъ не закрывалъ глазъ на то, что ожидало освобожденный народъ, понимая, что одного акта освобожденія не достаточно, и что много предстоитъ еще работы, чтобы вывести этотъ народъ изъ его умственной темноты и невѣжества. Если въ раннихъ произведеніяхъ Н. можно отыскать черты сентиментальнаго народничества, своего рода «умиленіе» передъ народомъ и «смиреніе» отъ сознанія своей разобщенности съ нимъ, то съ 60-хъ годовъ эти черты уступаютъ мѣсто новымъ идеямъ—просвѣщенію народа и упроченію его экономическаго благосостоянія, т. е. идеямъ, представителями которыхъ въ 60-е годы явились Чернышевскій и Добролюбовъ. Наиболѣе ярко выражено это новое направленіе у Н. въ его стихотвореніи «Пѣсня Еремушкѣ», приведшемъ въ восторгъ Добролюбова, который писалъ по этому поводу одному изъ своихъ пріятелей: «Выучи наизусть и вели всѣмъ, кого знаешь, выучить пѣсню Еремушкѣ Некрасова; помни и люби эти стихи».

Основнымъ мотивомъ скорбной по общему тону поэзіи Н. является *любовь*. Это гуманное чувство впервые сказывается въ обрисовкѣ образа родной матери поэта; трагедія ея жизни заставила Н. особенно чутко отнестись вообще къ судьбѣ русской женщины. Поэтъ много разъ въ своемъ творчествѣ останавливается на лучшихъ силахъ женской натуры и рисуетъ цѣлую галлерею типовъ женщинъ-крестьянокъ (Орина—мать солдатская, Дарья, Матрена Тимоѳеевна) и интеллигентныхъ женщинъ, полныхъ благороднаго стремленія къ добру и свѣту (Саша въ поэмѣ того же названія, Надя въ «Прекрасной партіи», княгини Трубецкая и Волконская въ «Русскихъ женщинахъ»). Въ женскихъ типахъ Н. какъ бы оставилъ грядущимъ поколѣніямъ завѣтъ «найти ключи отъ женской волюшки», отъ оковъ, стѣсняющихъ русскую женщину въ ея порывѣ къ знанію, къ проявленію своихъ духовныхъ силъ. Тѣмъ же гуманнымъ чувствомъ любви проникнуты и нарисованные Н. образы дѣтей: опять галлерея дѣтскихъ типовъ и желаніе поэта пробудить въ сердцѣ читателя сочувственное отношеніе къ этимъ беззащитнымъ существамъ. «Слагая образы мои,—говоритъ поэтъ: я только голосу любви и строгой истины внималъ»; фактически это и есть credo поэта: любовь къ истинѣ, къ знанію, къ людямъ вообще и къ родному народу въ частности; любовь ко всѣмъ обездоленнымъ, сирымъ и убогимъ, а рядомъ вѣра въ народъ, въ его силы и въ его будущее и вообще вѣра въ человѣка, съ которой неразрывно связана вѣра въ могущество убѣжденнаго слова, въ силу поэзіи. Вотъ почему, при всей скорбности поэзіи Н., при нѣкоторой долѣ пессимизма, заставившаго поэта ошибочно назвать свою музу «музой мести и печали»,—въ цѣломъ настроеніе Н. вообще бодрое и бодрящее, хотя и негодующее.

Творчество Н., въ силу чисто историческихъ условій, направилось по нѣсколько одностороннему пути: весь громадный художественный талантъ его ушелъ на изображеніе душевныхъ движеній, характеровъ и лицъ (у него нѣтъ, напримѣръ, описаній природы). Но никогда не покидала его глубокая вѣра въ свое поэтическое призваніе и сознаніе своего значенія въ исторіи русскаго слова. Иногда, правда, въ тяжелыя минуты раздумья, на него нападали сомнѣнія: «Народъ, которому я посвятилъ всѣ свои силы, все свое вдохновеніе, не знаетъ меня; неужели весь мой трудъ пройдетъ безслѣдно и окажутся правы тѣ, которые называютъ насъ, русскихъ поэтовъ, паріями родной земли? Неужели же эта родная земля, въ которую такъ вѣрилъ поэтъ, не оправдаетъ его надеждъ»? Но эти сомнѣнія уступали мѣсто твердой увѣренности въ значеніе его подвига; въ прекрасной колыбельной пѣснѣ «Баюшки-баю» голосъ матери говоритъ ему: «не бойся горькаго забвенья; ужъ я держу въ рукѣ моей вѣнецъ любви,—вѣнецъ прощенья, даръ кроткой родины твоей... Уступитъ свѣту мракъ упрямый, услышишь пѣсенку свою надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой.»...

Въ вопросѣ о творчествѣ Н. особое мѣсто занимаетъ вопросъ о его стилѣ, о внѣшней формѣ; въ этомъ отношеніи многія его произведенія обнаруживаютъ нѣкоторую неровность формы и самаго стиха, что сознавалъ и Н.: «нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной, мой суровый, неуклюжій стихъ». Недостатокъ формы искупается другими достоинствами поэзіи Н.: яркостью картинъ и образовъ, сжатостью и ясностью характеристикъ, богатствомъ и колоритностью народной рѣчи, которую Н. постигъ въ совершенствѣ; жизнь бьетъ ключемъ въ его произведеніяхъ, и въ его стихѣ, по собственному выраженію поэта, «кипитъ

живая кровь». Н. создалъ себѣ первостепенное мѣсто въ русской литературѣ: его стихи — главнымъ образомъ, лирическія произведенія и поэмы—несомнѣнно, имѣютъ непреходящее значеніе. Неразрывная связь поэта съ «честными сердцами» сохранится навсегда, что доказали всероссійскія чествованія памяти поэта въ 25-лѣтнюю годовщину его смерти (27 декабря 1902 г.).

Стихотворенія Н., кромѣ изданій, выходившихъ при жизни автора, вышли въ восьми посмертныхъ изданіяхъ по 10—15 тыс. экземпляровъ каждое. Первое посмертное изданіе сочиненій Н. вышло въ 1879 г.: «Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе. Спб. Томъ I. 1845—1860. Томъ II. 1861—1872. Томъ III. 1873 — 1877. Томъ IV. Приложенія, примѣчанія и пр. указатели». При I томѣ: предисловіе издательницы (А. А. Буткевичъ); біографическія свѣдѣнія,—ст. А. М. Скабичевскаго, портретъ поэта и факсимиле «Пѣсни Гришиной»; въ IV томѣ: ч. I. Приложенія. Стихотворенія, не вошедшія въ составъ первыхъ 3-хъ томовъ, 1842—1846 гг.; и нѣкоторыя стихотворенія 1851—1877 гг.—ч. II. 1. Приложенія ко всѣмъ 4-мъ томамъ, составленныя С. И. Пономаревымъ. 2. Проза, издательская дѣятельность: а) водевили, б) повѣсти, разсказы, мелкія статьи; в) сборники и періодическія изданія; 3. Литературные дебюты Н.—ст. В. П. Горленка. III. Списокъ статей о Некрасовѣ: при жизни поэта, посмертныя статьи и некрологи, стихотворенія на смерть Н., пародіи на его стихи, автографы и псевдонимы, музыка къ его стихотвореніямъ, переводы на иностранные языки. Указатели: предметный и алфавитный. Позднѣйшее изданіе (Спб. 1902 г., 2 тома) отпечатано въ 20 тыс. экземпляровъ. За четверть вѣка со дня смерти поэта вышло около 100.000 экземпляровъ его сочиненій. Въ 1902 г. вышелъ переводъ стихотвореній Н. на нѣмецкій языкъ: «Friedrich Fiedler. Gedichte von N. A. Nekrasov. Im Versmass des Original. Leipzig.».

Литература о Н. достигла въ настоящее время значительныхъ размѣровъ. Перечень журнальныхъ и газетныхъ статей о Н. съ 1840 — 1878 г. составленъ С. И. Пономаревымъ и напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1878 г. (май), а затѣмъ повторенъ въ книжкѣ А. Голубева: „Н. А. Некрасовъ. Біографія“ (СПБ. 1878 г.) и въ первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Н. (см. выше). Дополненіемъ къ названному перечню является обстоятельный библіографическій обзоръ всей литературы о Н. (журнальныя и газетныя статьи, монографіи, брошюры, историко-литер. труды, воспоминанія, изданія сочиненій, переводы), со дня смерти поэта и по 1904 г., приложенной къ книгѣ А. Н. Пыпина „Н. А. Некрасовъ“ (СПБ. 1905 г.). Цѣнность этого обзора увеличивается тѣмъ еще, что выдающіяся газетныя статьи о Н. помѣщены въ немъ цѣликомъ или in extenso. Попытка собрать критическую литературу о Н. принадлежитъ Зелинскому (Сборникъ критическихъ статей о Н. Москва 1886—87 г.; 2-ое изд., 1902 г.). Полезныя указанія для изученія литературы о Н. находятся также у А. В. Мезіеръ (Русская словесность въ XI—XIX ст. вкл. Библіографическій указатель. Ч. II. СПБ. 1899—1902 г.). Основными работами можно считать слѣдующія: Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты. СПБ. 1892 (воспоминанія); Скабичевскій А. Н. А. Некрасовъ, его жизнь и поэзія. Сочин. т. II; Достоевскій Ѳ. Дневникъ писателя 1877 г. (декабрь); Елисѣевъ Г. Некрасовъ и Салтыковъ. Русс. Бог., 93 г., 9: Боборыкинъ П. Н. А. Некрасовъ по личнымъ воспоминаніямъ. Набл. 82 г., 4; Арсеньевъ К. Н. А. Некрасовъ. Критич. этюды т. II; Буренинъ В. Литературные очерки; Венгеровъ С. Литературный портретъ Н. Нед. 78 г., 10—13 и 16 статья въ энцикл. слов., Брокгауза и Ефрона, т. XX; Михайловскій Н. Литературныя воспоминанія и литературная смута, т. I; Бобрищевъ-Пушкинъ А. Н. А. Некрасовъ, В. Е. 1903 г. (апрѣль); Записки княгини М. Н. Волконской. СПБ. 1904 г. В. Розановъ. „25 лѣтіе кончины Н.“ Нов. Вр. 24 декабря 1902 г.—Н. А. Н—въ и театральная критика (данныя къ біографіи поэта) въ „Ежегодн. Имп. театровъ“ 1910 г., вып. II. Въ обзоръ литературы о Н., составленный А. Н. Пыпинымъ (см. выше), не вошли статьи: В. В. Кранихфельда „Н. А. Некрасовъ“ (Опытъ литературной характеристики), въ „Мірѣ Бож.“ 1902 (декабрь) и статьи о Н. въ Большой Энциклопедіи, т. 13; не попали туда же и послѣдующія работы: П. Е. Щеголева „О русскихъ женщинахъ Н. въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ“ (Сборникъ въ пользу Высш. Ж. Курсовъ, 1905 г. и отдѣльно); Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. СПБ. 1905. (Петербургскія пѣсни Н., стр. 235), и Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I. М. 1906 г. (Гл. XII. Н. А. Некрасовъ). Наибольшую цѣнность изъ послѣднихъ работъ о Н. имѣетъ трудъ А. Н. Пыпина (см. выше): кромѣ личныхъ воспоминаній Пыпина о Н. и обзора его литературной дѣятельности, здѣсь помѣщены также „историко-литературныя справки“, заключающія интересныя данныя о журнальной дѣятельности Н.; тутъ же напечатаны письма Н. къ Тургеневу (1847—1861 г.); вообще въ своей книгѣ А. Н. Пыпинъ подвергаетъ обстоятельному пересмотру вопросъ о Некрасовѣ.

В. Н. Кораблевъ.

Некрашевичъ, *Іоаннъ*, священникъ-писатель XVIII столѣтія. Родился Н. въ

селѣ Вишенкахъ, Кіевской губ., въ первой половинѣ XVIII вѣка; образованіе получилъ въ Кіевской академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1763 г; затѣмъ былъ священникомъ въ селѣ Вишенкахъ. Некрашевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ представителей сельскаго духовенства XVIII столѣтія, которые, перенесясь изъ академической обстановки въ сельскую, не бросили литературныхъ занятій и, хотя не совершили чего-либо, особенно выдающагося, однако, содѣйствовали поднятію образовательнаго уровня сельскаго духовенства и, совершенствуя поэтическій языкъ, сближая книжное съ народнымъ, подготовляли возрожденіе малорусской поэзіи. Первыми дошедшими до насъ литературными трудами Некрашевича, являются его привѣтственныя рѣчи, и силлабическія вирши. Въ 1773 году Некрашевичъ написалъ стихотворный діалогъ «Споръ души и тѣла», исправленный имъ впослѣдствіи, въ 1781 году. Старая тема, обошедшая почти всѣ европейскія литературы, изложена у Некрашевича довольно оригинально. Приблизительно въ то же время было написано имъ и стихотворное письмо къ священнику І. Филипповичу, которое даетъ со стороны содержанія не мало чертъ для характеристики нравовъ старой Малороссіи. Лучшимъ изъ стихотвореній Некрашевича является діалогъ «Исповѣдь», написанный въ февралѣ 1789 г. Въ слѣдующемъ году Некрашевичъ сочинилъ комедію «Ярмарокъ», — живую сценку съ натуры, написанную на чистонародномъ языкѣ. Въ этой пьескѣ стихъ Некрашевича достигаетъ такой гибкости и легкости, которую можно найти только въ народныхъ пѣсняхъ и у виднѣйшихъ представителей малорусской поэзіи. Къ тому же приблизительно времени относится и нѣсколько стихотворныхъ писемъ Н-ча, въ шутливомъ стилѣ. Послѣднія произведенія Некрашевича, на которыхъ имѣются даты, относятся къ 1792 году. Въ 1796 г. Н. былъ назначенъ намѣстникомъ и благочиннымъ.

Годъ смерти Некрашевича неизвѣстенъ, но можно думать, что онъ жилъ еще въ началѣ XIX вѣка. Благодаря сочиненіямъ Некрашевича мы знакомимся съ бытомъ приходскаго духовенства второй половины XVIII столѣтія, по своему положенію неизбѣжно прикосновеннаго къ литературѣ богословской, проповѣднической и панегирической, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ лицѣ самого автора имѣемъ интересный типъ писателя—представителя старой малорусской литературы, сохранившаго въ своихъ произведеніяхъ своеобразный стиль, стихъ и языкъ.

Рукопись Императорской Публичной Библіотеки. О. XVII, № 175, бывшая Кибальчича. Перечень произведеній Некрашевича напечатанъ В. Н. Перетцемъ въ его книгѣ: „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“. Томъ III, Спб., 1902. I, 371—422; II, 149—166; П. И. Житецкій. „Энейда Котляревскаго... въ связи съ общимъ обзоромъ малорусской литературы XVIII в.“ Кіевъ, 1900; Проф. Н. И. Петровъ. „Очеркъ изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“ Кіевъ, 1880; „Кіевская Старина“ 1885 г. мартъ; 1899 г. октябрь.

П. А.

Нектарій (въ міру *Николай Павловичъ Теляшинъ*), игуменъ Нило-Столбенскаго монастыря, второй архіепископъ Сибирскій и Тобольскій; родился въ 1587 г. въ Осташковской патріаршей слободѣ и въ 1599 г., на 12-мъ году жизни, поступилъ въ Нило-Столбенскій монастырь (Тверск. губ.), гдѣ въ 1601 г. принялъ монашескій санъ, въ 1613 г. былъ іеромонахомъ, а съ 22 февр. 1614 г., по смерти игумена Германа, игуменомъ монастыря, который при немъ значительно обстроился и обогатился. Постоянные хлопоты по разнымъ монастырскимъ дѣламъ заставляли Н-ія часто бывать въ Новгородѣ, гдѣ онъ близко познакомился съ Новгородскимъ воеводою, зятемъ царя Михаила Ѳедоровича—кн. Ив. Мих. Катыревымъ-Ростовскимъ. По ходатайству послѣдняго Нектарій въ 1836 году былъ вызванъ въ Москву и 7-го февраля принялъ отъ патріарха Іоасафа хиротонію во архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго; 1 апр. того же года онъ прибылъ въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ около четырехъ лѣтъ. За это время Н-ій выказалъ себя прекраснымъ хозяиномъ, но плохимъ администраторомъ. Чувствуя себя не на мѣстѣ, Н-ій со второго уже года началъ просить царя объ отпускѣ. Въ маѣ 1639 г. онъ отправилъ одновременно челобитныя царю Михаилу Ѳедоровичу и кн. Катыреву-Ростовскому и, ссылаясь на старость и болѣзни, слезно просилъ объ отпускѣ въ свою пустынь. 17 октября 1639 г. была послана царская грамота, въ которой Н-ію разрѣшалось ѣхать изъ Тобольска въ Нило-Столбенскій монастырь, куда Н-ій и вернулся въ

мартѣ 1640 г. Н-ій не принималъ на себя оффиціально управленія монастыремъ, а былъ только совѣтодателемъ игумена, указомъ же отъ 24 ноября 1647 г. ему было предоставлено опять полное управленіе со званіемъ строителя; въ этомъ званіи онъ оставался до своей смерти, т. е. до 15 янв. 1667 г.

Литературное наслѣдіе Н-ія не велико: послѣ него осталось нѣсколько поученій инокамъ, отличающихся своею простотою, два похвальныхъ слова преп. Нилу Столбенскому и письмо съ біографическими подробностями къ кн. Ив. Мих. Катыреву-Ростовскому.

В. Успенскій. «Преосв. Нектарій второй настоятель Нило-Столбенской пустыни», Тверь. 1888; — Историч. описаніе Ниловой пустыни, Тверь 1876 г. (приведено много документовъ); — Памятная книжка Тверской губ. на 1868 г. („Историч. описаніе Нило-Столбенскаго м-ря", составлен. В. Успенскимъ); „Русск. Архивъ" 1873, № 9, стр. 1770—1782 („Два памятника др.-русскаго монастырскаго быта"). — „Тобольскія епарх. вѣдом." 1887, №№ 17—18; „Странникъ" 1866 г., № 2 (февр.), стр. 65—87;—„Чтенія въ Общ. Ист. и Древн." 1875, № 3, стр. 1—7. (А. В. Рачинскій: „Нилова пустынь въ первыя полутораста лѣтъ ея существованія"); „Журн. Мин. Нар. Просв." 1854, ч. 81, № 2, стр. 26—28; „Вѣра и Разумъ" 1891, № 10, стр. 577—596; — „Древн. Россійск. Виѳліоѳика" 1774, т. VI, с. 238, 247; — Исторія Россійск. іерархіи, т. V, с. 202; — Акты Археограф. Экспед., т. IV, с. 218; „Тобольск. Губ. Вѣд." 1859, № 1; А. Жизневскій. Описаніе Тверского музея. М. 1888, с. 188—189;—П. Строевъ. Списки іерарховъ, с. 318;—Звѣринскій, «Матеріалы для пст.-топогр. наслѣд. о правосл. м-ряхъ», т. II, № 1014. *А. Ш.*

Нектарій *(Николай Самуиловичъ Надеждинъ)*, архіепископъ харьковскій и ахтырскій, род. въ г. Моршанскѣ 30 ноября 1819 г. умеръ 7 сентября 1874 г. По окончаніи курса въ Тамбовской духовной семинаріи, онъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ и принялъ постриженіе; а въ 1843, по окончаніи курса, былъ рукоположенъ въ іеромонахи. Дѣятельность его была посвящена преимущественно на пользу духовно-учебныхъ заведеній. Съ 1843 по 1859 гг. Нектарій занималъ различныя должности въ семинаріяхъ Кіевской, Новгородской и Петербургской епархій, въ качествѣ профессора и ректора. Въ январѣ 1858 г. Н. былъ назначенъ редакторомъ «Духовн. Бесѣды», еженедѣльника, выходившаго въ 1858—1876 гг. при Спб. дух. семинаріи, въ которомъ преосв. Нектаріемъ было помѣщено много статей богословскаго характера. Въ маѣ 1859 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ Петербургской дух. академіи и викарнымъ епископомъ выборгскимъ. Назначенный затѣмъ на Нижегородскую епископскую каѳедру, занималъ ее въ продолженіи девяти лѣтъ. Съ 1 іюля 1865 г. до половины 1869 г. дѣятельность Н-ія, во время его присутствія въ Св. Синодѣ, была особенно энергична. На него было возложено ближайшее руководство занятіями комитетовъ для составленія новыхъ уставовъ духовныхъ семинарій, женскихъ епархіальныхъ училищъ и духовныхъ академій, сильно нуждавшихся въ реформахъ. 21 января 1869 г. Н-ій былъ назначенъ на Харьковскую архіепископскую каѳедру, которую и занималъ до своей смерти. Какъ духовный писатель Н. извѣстенъ своими статьями въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ».

„Преосвященный Нектарій, архіепископъ харьковскій и ахтырскій" Харьковъ, 1874 г.; „Заслуги преосвященнаго архіепископа Харьковскаго Нектарія" (Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1874 годъ, стр. 6—8); „Всеобщій Календарь" 1875 г.; „Современность" 1874 г., № 82; „Голосъ" 1874 г., № 252; „Домашняя Бесѣда" 1874 г., № 41, стр. 1054—1055; „Русскія Вѣд." 1874 г., № 200; „Духовная Бесѣда" 1858—1874 г.; „Церковная лѣтопись духовной бесѣды" 1874 г., № 39, стр. 197—198; „Церковно-общественный Вѣстникъ" Спб., 1874 г.; „Кіевскія Епар. Вѣд." 1874 г., № 18, стр. 525—526; „Московскія Епар. Вѣд." 1874 г., № 40; „Нижегородскія Епар. Вѣд." 1874 г., № 20, стр. 488—502; „Харьковскія Епар. Вѣд.", 1874 г., № 18, стр. 169—184—205; „Энциклопедическій Словарь" Брокгауза и Ефрона, „Большая Энциклопедія" и др.

Нелединскіе - Мелецкіе — дворянскій родъ. Какъ и большинство старинныхъ русскихъ дворянскихъ фамилій, Нелединскіе-Мелецкіе считаютъ себя выѣзжимъ родомъ. По сказанію родословныхъ, родоначальникъ ихъ Станиславъ Яновичъ Мелецкій «мужъ королевскаго рода», выѣхалъ изъ Польши въ Россію въ 1425 г. и «съ нимъ 200 человѣкъ двора его». Онъ принялъ православіе съ именемъ Михаила и пожалованъ въ кормленіе городомъ Вологдою и вотчинами въ Углицкомъ, Городецкомъ и другихъ уѣздахъ. Его сынъ Василій Михайловичъ сталъ писаться Нелединскимъ по принадлежащимъ ему вотчинамъ на рѣкѣ Нелединкѣ. Праправнукъ Василія Михайловича Михаилъ Григорь-

вичъ Нелединскій при Великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ былъ посломъ въ Турціи съ званіемъ Намѣстника Углицкаго. Въ XVII вѣкѣ родъ этотъ не поднимался выше дворянина московскаго (всего девять человѣкъ). Борисъ Ивановичъ былъ патріаршимъ бояриномъ. Многіе изъ Нелединскихъ служили воеводами, изъ нихъ Юрій Ивановичъ былъ въ 1602 г. воеводою въ Нижнемъ-Новгородѣ, а Матвѣй Юрьевичъ воеводою въ Бѣжецкомъ Верху, гдѣ былъ убитъ поляками въ 1610-мъ году. Четверо Нелединскихъ были убиты въ походахъ. 18-го марта 1699 г. Нелединскимъ изъ рода Станислава Мелецкаго было позволено остаться Нелединскими-Мелецкими. Въ началѣ XVIII вѣка Нелединскіе-Мелецкіе значительно поднялись и одинъ изъ нихъ, Степанъ Петровичъ, 15 сентября 1725 г. былъ пожалованъ въ бояре. Онъ былъ послѣднимъ, получившимъ это званіе (род. въ 1666 г., ум. 5 апрѣля 1737 г., погребенъ въ Срѣтенской церкви Донскаго монастыря. Его сынъ Юрій Степановичъ былъ ярославскимъ оберъ-комендантомъ и сенаторомъ. Отъ брака съ Анной Ивановной Талызиной онъ оставилъ сына Александра Юрьевича, который скончался въ 1804 г. въ званіи дѣйствительнаго камергера и д. т. с. Сынъ послѣдняго Юрій Александровичъ (1751—1828 г.) былъ сенаторомъ.

У Юрія Александровича остался единственный сынъ Гаврiилъ Юрьевичъ и двѣ дочери, изъ которыхъ одна была за княземъ Оболенскимъ. Гаврiилъ Юрьевичъ скончался въ 1871 г. и родъ Нелединскихъ-Мелецкихъ въ мужскомъ поколѣніи угасъ. Фамилія эта была передана въ родъ князей Оболенскихъ.

Кромѣ этого рода существуетъ другая фамилія Нелединскихъ, совершенно иного происхожденія. Это обыкновенный служилый родъ, происходящій отъ Шереметевскихъ «послужильцевъ» Даніила и Василія Нелединскихъ, которые въ 1488 году были поселены на помѣстьѣ въ Воцкую Пятину Новгородской области. Изъ этого рода Басала Ивановичъ Новгородскій сынъ боярскій въ 1550 г. былъ пожалованъ помѣстьемъ. Родъ этотъ существуетъ до настоящаго времени.

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій» СПБ. 1887 г. Т. II, стр. 128—138; Хроника недавней старины». Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго СПБ. 1876 г.; Ивановъ П. Алфавитный указатель фамилій и лицъ упоминаемыхъ въ Боярскихъ Книгахъ, хранящихся въ 1-мъ отдѣленіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи, X. 1853 г.; Чернявскій М., Генеалогія господъ дворянъ, внесенныхъ въ родословную книгу Тверск. губ. Съ 1787 г. по 1869 г.г. „Бархатная книга“ изд. Н. И. Новикова М. 1787 г. Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи, начатый въ 1797 г.; Гр. А. Бобринскій „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ“ СПБ. 1890 г. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона.

Нелединскій-Мелецкій, *Александръ Юрьевичъ* д. т. с. и. дѣйствительный камергеръ, сынъ Юрія Степановича и жены его Анны Ивановны урожденной Талызиной; род. въ 1729 г. и службу свою, по обычаю того времени, началъ въ войскахъ; въ 1754 г. былъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Около этого времени онъ уѣхалъ за границу, поступилъ волонтеромъ въ Австрійскую армію, но недолго оставался тамъ и отправился въ Парижъ, гдѣ прожилъ все время семилѣтней войны. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II-ой онъ числился полковникомъ арміи и 31-го марта 1763 г. окончательно вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ Парижъ, откуда въ 1767 г. вернулся въ Петербургъ и скоро, какъ просвѣщенный и образованный по тому времени человѣкъ, вошелъ въ интимный кругъ Государыни. Въ 1768 г. онъ былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а 1 января 1795 г. произведенъ въ д. т. с. Онъ умеръ 3 января 1804 г. и погребенъ въ Москвѣ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

„Хроника недавней старины“. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. СПБ. 1876 г.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. СПБ. 1887 г. № 1, стр. 128—138; „Русскій Архивъ“ 1867 г. № 1 101—120; „Сочиненія Императрицы Екатерины II“ (акад. изд.), т. XII; „Московскій Некрополь, т. II.

Нелединскій-Мелецкій *Юрій Александровичъ*—тайный совѣтникъ, сенаторъ, статсъ-секретарь Императора Павла I-го, почетный опекунъ Воспитательнаго Дома; поэтъ; родился 6 сентября 1752 г. Ю. А. Нелединскій-Мелецкій былъ сынъ А. Ю. Нелединскаго-Мелецкаго, (см. выше); онъ рано лишился матери (рожд. кн. Куракиной) и двѣнадцати лѣтъ, за отъѣздомъ отца за границу, жилъ въ домѣ своей бабки А. И. Талызиной, въ Москвѣ, гдѣ къ нему, по обычаю того времени, былъ взятъ въ наставники иностранецъ Де-Пексонъ. По

смерти Талызиной, на 13-мъ онъ году былъ перевезенъ въ Петербургъ, въ семейство другой бабки—кн. А. И. Куракиной.

Живя въ домѣ своей московской бабки, Ю. А. находился подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ бытового склада и нравовъ древней столицы; въ Петербургѣ же для него наступило время вліяній въ европейскомъ духѣ. Семейство кн. Куракиныхъ, вслѣдствіе долгой службы въ заграничныхъ посольствахъ, отличалось лоскомъ европейскаго просвѣщенія. Здѣсь, кромѣ Ю. А., воспитывались еще нѣсколько сиротъ мальчиковъ кн. Куракиныхъ и кн. Лобановыхъ-Ростовскихъ. Княгиня А. И. Куракина пользовалась большимъ почетомъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ; такъ какъ братъ ея, графъ Никита Ив. Панинъ, былъ воспитателемъ великаго князя Павла Петровича. Благодаря послѣднему обстоятельству, молодой Нелединскій имѣлъ случай бывать въ обществѣ будущаго Императора.

Въ началѣ 1769 г. Ю. А., вмѣстѣ съ Куракиными, отправился за границу и поступилъ въ Страсбургскій университетъ, гдѣ впрочемъ пробылъ недолго. Онъ основательно изучилъ французскій языкъ, зналъ настолько итальянскій, что могъ переводить Метастазія, учился и нѣмецкому языку. По возвращеніи въ Россію, онъ поступилъ на дѣйствительную военную службу, на которую, по обычаю того времени, былъ записанъ еще 6-лѣтнимъ ребенкомъ. Вскорѣ, по собственному желанію, онъ былъ переведенъ въ дѣйствующую армію и принялъ участіе въ 1-й турецкой войнѣ.

Военная служба Нелединскаго-Мелецкаго продолжалась 14 лѣтъ. Въ маѣ 1770 г. онъ былъ отправленъ во 2 дѣйствующую армію, осаждавшую Бендеры; въ чинѣ сержанта, былъ ординарцемъ у главнокомандующаго, графа Панина, который, между прочимъ, посылалъ его курьеромъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о штурмѣ, предшествовавшемъ взятію крѣпости. По возвращеніи во вторую армію, поступившую въ командованіе кн. В. М. Долгорукова, онъ принималъ участіе въ покореніи Крыма; перечисленный въ егерскій корпусъ, онъ въ чинѣ поручика находился при штурмѣ Перекопской линіи и при занятіи города Кафы, за что былъ пожалованъ капитаномъ. Память двухъ генераловъ,—гр. Панина и кн. Долгорукова,—подъ начальствомъ которыхъ Н. М. служилъ, онъ почтилъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ напечатанныхъ стихотвореній. По окончаніи Крымской кампаніи, Егерскій полкъ былъ распущенъ и Н.—М. переведенъ во 2-й гренадерскій полкъ, который былъ подвинутъ къ Петербургу. Когда въ апрѣлѣ 1773 г. возобновились военныя дѣйствія съ Турціей, онъ по личной просьбѣ былъ переведенъ въ первую армію, въ передовой корпусъ генерала Каменскаго, и участвовалъ въ схваткѣ подъ Базарчукомъ, подъ Козличами; посланный курьеромъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ къ фельдмаршалу, онъ былъ пожалованъ въ секундъ-майоры. Затѣмъ онъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Шумлой, а въ концѣ войны, находясь въ свитѣ кн. Рѣпнина, везшаго къ Императрицѣ пункты мирнаго договора, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ чинъ премьеръ-маіора. Онъ сопровождалъ кн. Рѣпнина, назначеннаго посломъ въ Константинополь, до мѣста его назначенія и по возвращеніи въ Петербургъ былъ опредѣленъ въ Псковскій пѣхотный полкъ; затѣмъ служилъ въ Кіевскомъ пѣхотномъ полку, съ которымъ ходилъ въ Крымъ. Въ короткіе промежутки отдыха отъ военной службы, Н.—М., живя въ Петербургѣ, отдавался свѣтской жизни и стихотворству,—писалъ романсы и пѣсни получившія скоро широкую извѣстность. Осенью 1783 г. Ю. А. былъ въ Витебскѣ съ вновь сформированнымъ баталіономъ, съ которымъ затѣмъ находился въ окрестностяхъ Константинограда. Въ началѣ 1785 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника и поселился въ Москвѣ.

Въ 1786 г. Ю. А. вступилъ въ бракъ съ княжною Екатериною Николаевною Хованской, и съ этого времени его занятія литературой принимаютъ болѣе серіозный характеръ; тогда же происходитъ и сближеніе его съ Херасковымъ, Дмитріевымъ и Карамзинымъ. Когда въ 1786 г. въ Москвѣ открыто было Главное Народное училище, Н.—М. былъ назначенъ его первымъ директоромъ, «по извѣстной его къ сему способности». Этому народному училищу подчинены были всѣ низшія казенныя училища (числомъ до 17) и частные пансіоны (числомъ до 18), какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніи. Въ 1796 г., по восшествіи на престолъ Императора Павла I, Нелединскій, котораго Государь зналъ съ дѣтства, былъ пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника и ему повелѣно быть у принятія прошеній на Высочайшее имя. Впро-

чемъ, вслѣдствіе придворныхъ интригъ онъ вскорѣ былъ удаленъ, а черезъ два года снова былъ принятъ на службу, пожалованъ въ тайные совѣтники и опредѣленъ сенаторомъ въ Москву. Тѣсная дружба съ Нелидовой давала ему возможность часто пользоваться ея покровительствомъ въ его обращеніяхъ къ милосердію Государя. Онъ пользовался также и расположеніемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая въ 1807 году поручила ему завѣдываніе учебной частью въ Московскихъ училищахъ ордена Св. Екатерины и въ училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ.

Болѣзнь жены и другія семейныя обстоятельства заставили Ю. А. проситься о переводѣ въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ опредѣленъ въ февралѣ 1813 г. на службу въ Сенатъ и Совѣтъ Общества благородныхъ дѣвицъ. Въ Петербургѣ онъ принималъ видное участіе въ торжествахъ 1813 и 1814 г.г. Ему поручено было Сенатомъ составленіе всеподданнѣйшаго прошенія о принятіи Императоромъ титула Благословеннаго. Когда начались приготовленія къ встрѣчѣ Государя въ Петербургѣ, онъ вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ и Батюшковымъ составлялъ хоры и стихи. Петербургская дѣятельность Ю. А. въ Сенатѣ и Опекунскомъ Совѣтѣ продолжалась до 1823 г. Кромѣ того, онъ почти неотлучно находился при Особѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ 1826 г. Н.—М. вышелъ въ отставку и поселился въ Калугѣ у дочери, А. Ю. Оболенской. Послѣдніе годы жизни Ю. А. провелъ въ тѣсномъ кругу родныхъ. Ясность мысли и спокойствіе духа не покидала его до самой смерти, послѣдовавшей 14 февраля 1828 г., наканунѣ смерти дочери, Аграфены Юрьевны. Похороненъ Ю. А. въ Лаврентьевскомъ монастырѣ въ Калугѣ, подъ одной плитой съ дочерью. Безукоризненно честный, благородный характеръ Н.—М. снискали ему почетъ и всеобщее уваженіе, а его добродушіе, остроуміе и веселость—любовь и сердечное расположеніе всѣхъ, кто его зналъ.

Литературной извѣстности Нелединскаго положило начало его стихотвореніе «Молитва»; затѣмъ онъ напечаталъ нѣсколько пѣсенъ, изъ которыхъ «Выйду я на рѣченьку» обошла всю Россію и проникла даже въ народъ. Кромѣ пѣсенъ и романсовъ, онъ написалъ довольно много хвалебныхъ хоровъ, одъ, напр. оду «на побѣду подъ Мачиномъ», «строфы на миръ съ турками» 1774 г., «на кончину князя Долгорукова-Крымскаго», нѣсколько лирическихъ стихотвореній, эпиграммъ и пр.; перевелъ также два дѣйствія изъ трагедіи Вольтера «Заира».

Въ стихотвореніяхъ Н.—М. много сентиментальнаго, дѣланаго; однако въ пѣсняхъ его, по выраженію Бѣлинскаго, «сквозь румяна сентиментальности проглядываетъ непритворное чувство и блестки таланта», что и было причиной выдающагося успѣха его произведеній у современниковъ. Между прочимъ, по признанію Батюшкова, «вдохновенныя страстью пѣсни Нелединскаго—блестящія произведенія дарованія и остроумія болѣе или менѣе приближались къ желанному совершенству и всѣ—нѣтъ сомнѣнія—принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили». Извѣстно, что и Пушкинъ ставилъ Нелединскаго, какъ поэта, выше И. И. Дмитріева. По замѣчанію же Пыпина, въ вѣкъ сентиментализма и напыщенности, стихотворенія и пѣсни Н.—М. представляютъ собою счастливую попытку приблизиться по языку и содержанію къ простотѣ и народности.

Собранія стихотвореній Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго были изданы дважды: Смирдинымъ въ «Полномъ собраніи русскихъ авторовъ», Спб. 1850 г. (вмѣстѣ со стихотв. барона А. А. Дельвига) и кн. Оболенскимъ, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Ю. А. Н.-М-го», Спб. 1876 г. При жизни поэта, стихотворенія его печатались въ «Собесѣдникѣ любителей русск. слова», «Моск. журналѣ», «Чтеніи для вкуса», «Вѣстникѣ Европы», «Аонидахъ» и др. Изъ переписки Ю. А. Н.-М-го нѣсколько писемъ можно найти въ книгѣ кн. Д. А. Оболенскаго «Хроника недавней старины», въ «Рус. Арх.» 1866, 1869, 1870 и 1873 г.г. и въ «Рус. Стар.» 1882 г.

Свѣдѣнія о жизни Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго собраны въ книгѣ его внука кн. Д. А. Оболенскаго: „Хроника недавней старины“, Спб. 1876 г.; тамъ же помѣщена его краткая автобіографія, впервые напечатанная въ „Москвитянинѣ“ 1844 г., ч. I, стр. 262—264. Біографическіе очерки Н.-М-го и характеристика его литерат. дѣятельности см. въ статьѣ В. И. Саитова, въ примѣч. ко 2-му тому сочиненій К. Н. Батюшкова (Спб. 1885, стр. 503—505); въ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича: „Русскіе портреты XVIII—XIX столѣтій“, т. III, №.163. Библіо-

графическія указанія важнѣйшихъ источниковъ см. въ книгѣ А. В. Мезіеръ: „Русская словесность“. ч. II, Спб. 1902 г., стр. 251; Словарь Геннади (т. III). Словарь членовъ Общества любителей рос. словесности при моск. унив-тѣ (М., 1911, стр. 202) и энциклопедическіе словари.

Нелединскій-Мелецкій, *Юрій Степановичъ*, сынъ послѣдняго боярина Степана Петровича Нелединскаго-Мелецкаго, началъ службу свою стольникомъ при Царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ (1686—1692 гг.). Въ 1699 г. былъ вторымъ судьей Конюшеннаго Приказа, затѣмъ въ томъ же Приказѣ былъ товарищемъ боярина Тихона Никитича Стрѣшнева. При Петрѣ онъ занималъ постъ оберъ-коменданта г. Ярославля и приписанныхъ къ нему городовъ. 23 марта 1726 г. Юрій Степановичъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, а 27-го августа того же года былъ произведенъ въ д. ст. сов. Въ 1727 г. въ числѣ 47 лицъ онъ подписался на Государственномъ актѣ, утверждавшемъ подлинность завѣщанія Императрицы Екатерины I. Годъ смерти его точно не извѣстенъ. Въ 1755 г. его уже не было въ живыхъ. Отъ брака съ Анной Ивановной Талызиной имѣлъ сына Александра Юрьевича (см. выше).

„Хроника недавней старины». Изъ архива князя Оболенскаго Нелединскаго-Мелецкаго. Спб. 1876 г. В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“. Сб. 1887 г.

Нелидовы, дворянскій родъ. Изъ росписи, поданной представителями этой фамиліи въ Разрядъ, видно, что предокъ ихъ Владиславъ съ Нилка Кащъ-Неледзевскій, герба Правдзицъ, «мужъ знатенъ Короны Польскія», прибылъ въ Москву съ княземъ литовскимъ Дмитріемъ Ольгердовичемъ на помощь великому князю Димитрію Донскому противъ Мамая и участвовалъ въ Куликовской битвѣ. Оставшись на службѣ у великаго князя, онъ былъ пожалованъ селомъ Николаевскимъ съ деревнями, въ Суздальскомъ стану, Боровскаго уѣзда, «и Владиславъ то село по прозванію своему назвалъ Нилскимъ и учалъ онъ Владиславъ писаться Нелидовымъ», во святомъ крещеніи получилъ имя Владиміра. У него былъ единственный сынъ Георгій (Юрій) Владиміровичъ. Въ пятомъ поколѣніи отъ Владислава было двое Нелидовыхъ; старшій Давидъ Борисовичъ отъ Іоанна III «по прилучаю», получилъ прозваніе Отрепьевъ. Отъ него пошли Отрепьевы. Братъ его Семенъ Борисовичъ сохранилъ фамилію Нелидова и потомки его всегда писались Нелидовыми. Изъ потомства Давида Борисовича Отрепьева громкую извѣстность получилъ Юрій Богдановичъ Отрепьевъ, принятый въ монашество съ именемъ Григорія.

Въ 1671 г. Ѳеодоръ Ивановичъ Большой Нелидовъ вмѣстѣ со всѣми родичами своими получилъ разрѣшеніе замѣнить фамилію Отрепьевъ прежнимъ стариннымъ названіемъ Нелидовъ, однако многіе изъ нихъ продолжали писаться Отрепьевыми и только въ 1795 г. три брата: Михаилъ, Евграфъ и Петръ Ивановичи Отрепьевы послѣдними отбросили эту фамилію и стали зваться Нелидовыми.

Нелидовы никогда не поднимались выше стольниковъ и стряпчихъ. Въ концѣ XVIII вѣка нѣсколько Нелидовыхъ выдвинулись на служебномъ поприщѣ. Василій Ивановичъ († ум. въ 1810 г.) былъ т. ссв. и сенаторомъ. Его дочь Марія Васильевна, статсъ-дама, была замужемъ за министромъ Двора гр. Адлербергомъ. Большую роль игралъ въ царствованіе Императора Павла фрейлина Императрицы Маріи Ѳеодоровны Екатерина Ивановна Нелидова. Ея родной братъ Аркадій Ивановичъ Нелидовъ былъ д. т. сов. и С.-Петербургскимъ предводителемъ дворянства. Его дочь Варвара Аркадьевна былъ камеръ-фрейлиной. Фамилія Нелидовыхъ очень разрослась, и большинство изъ нихъ до настоящаго времени принадлежитъ къ мелкому помѣстному дворянству Костромской губ.

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“ Спб. 1887 г. Т. II;—Ивановъ П. „Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ Книгахъ, хранящихся въ 1-мъ Отдѣленіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи“. М. 1853 г.;—Чернявскій М. Генеалогія господъ дворянъ, внесенныхъ въ родословную книгу Тверской губ. Съ 1787 по 1869 гг.;—„Бархатная книга“ Изд. Н. И. Новикова. М. 1787 г.;—«Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи, начатый въ 1797 г.» Т. I и XII;—Брокгаузъ и Ефронъ „Энциклопедическій словарь“;—Бобринскій А. гр., „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ“ Спб. 1890 г.

Нелидова, *Екатерина Ивановна* (род. 12 дек. 1757 г. ум. 2 янв. 1839 г.),— дочь поручика Ивана Александровича Нелидова и жены его Анны Александровны, рож. Симоновой. Раннее дѣтство Ека-

терины Ивановны протекло въ кругу многочисленнаго семейства (у нея была одна сестра и пять братьевъ) въ с. Климятинѣ, Смоленской губер., Дорогобужскаго у.; шести лѣтъ отъ роду она была отвезена матерью въ только что открывшееся въ Петербургѣ женское учебно-воспитательное заведеніе при Смольномъ Монастырѣ. Много силы воли выказала Анна Александровна Нелидова и вообще родители тѣхъ дѣвочекъ, которыя были помѣщены въ Смольный институтъ въ первый же годъ его открытія: они разставались со своими дочерьми на 12 лѣтъ и лишались какого-бы то ни было вліянія на ихъ умственное и нравственное развитіе, всецѣло ввѣряя дѣтей руководительству лицъ, избранныхъ императрицей Екатериной II и Ив. Ив. Бецкимъ. Во главѣ института стояла француженка, вдова д. с. с., Софія Ив. Делафонъ, сумѣвшая не только внушить къ себѣ уваженіе, но и снискать привязанность воспитанницъ, которыя, по выраженію Алымовой (подруги Нелидовой), представляли «общину сестеръ, подчиненную однимъ общимъ для всѣхъ правиламъ». Оторванныя отъ семьи и отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, дѣвочки воспитывались, согласно желанію Императрицы, въ полнѣйшемъ незнаніи истинной жизни, съ ея печалями, горестями, нищетой и пороками. По уставу, всѣ надзирательницы должны были поступать съ воспитаницами во всемъ «съ крайнимъ благоразуміемъ и кротостію, соединяя оныя неиначе съ непринужденною веселостью, и сіе внушать молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что скукою, грустью или задумчивостью назваться можетъ». Для достиженія этого надзирательницы обязаны были скрывать отъ воспитываемыхъ ими дѣтей свои собственныя, домашнія огорченія».

Алымова, бывшая потомъ замужемъ за Ржевскимъ, такъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ о времени пребыванія въ институтѣ: «этого счастья нельзя сравнить ни съ богатствомъ, ни съ блестящимъ свѣтскимъ положеніемъ, ни съ царскими милостями, ни съ успѣхами въ свѣтѣ, которые такъ дорого обходятся. Скрывая отъ насъ горести житейскія и доставляя невинныя радости, насъ пріучили довольствоваться настоящимъ и не думать о будущемъ... Между нами царило согласіе; общій приговоръ полагалъ конецъ малѣйшимъ ссорамъ. Обоюдное уваженіе мы цѣнили болѣе милостей начальницъ; никогда не прибѣгали къ заступничеству старшихъ, не жаловались другъ на друга, не клевстали, не сплетничали, потому не было и раздоровъ между нами».

Преподаваніе, носившее характеръ бесѣдъ учителей съ ученицами, не было утомительно; главное вниманіе обращали на изученіе французскаго языка, необходимаго въ то время для всякаго образованнаго человѣка. Когда дѣвочки подросли, т. е. когда имъ минуло 14—15 лѣтъ, императрица позаботилась довершить ихъ свѣтское воспитаніе: въ Смольномъ стали устраивать ассамблеи, концерты и другія собранія, на которыя приглашались дамы, кавалеры и «почтительные» люди изъ высшаго общества, чтобы дѣвицы пріобрѣтали привычку къ обхожденію; давались балы, на которыхъ постоянными танцорами были кадеты изъ Шляхетнаго корпуса; возили воспитанницъ старшаго класса ко двору, на вечера къ Бецкому и къ директору Шляхетскаго корпуса. Императрица придавала особенное значеніе театральнымъ представленіямъ, сама выбирала пьесы для институтскихъ спектаклей и совѣтовалась по этому поводу даже съ Вольтеромъ. Спектакли происходили часто въ присутствіи самой императрицы, которая лично хорошо знала всѣхъ смольнянокъ, въ особенности перваго пріема, и обратила вниманіе на Н—ву, когда ей было около 12-ти лѣтъ: императрицу очаровали грація, необыкновенная способность Н—вой къ танцамъ и живость во время игры на сценѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ институткѣ Левшиной, которую императрица особенно любила, она такъ выразилась о Нелидовой: «Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой—феноменъ, который я пріѣду наблюдать вблизи, въ моментъ когда того всего менѣе будутъ ожидать, и это можетъ случиться скоро, скоро»!

Нелидова—брюнетка небольшого роста, съ черными выразительными глазами, — была некрасива, но несмотря на это, впослѣдствіи, когда она стала взрослой дѣвицей, посѣтители институтскихъ спектаклей приходили въ восторгъ отъ ея игры, пѣнія и танцевъ, и одинъ изъ тогдашнихъ поэтовъ привѣтствовалъ ее стихами послѣ представленія оперы «La servante-maît-

resse», гдѣ она исполняла роль Сербины. Сохранился портретъ Нелидовой, писанный Левицкимъ по приказанію Екатерины II: на этомъ портретѣ Нелидова изображена танцующей менуэтъ.

По окончаніи въ 1776 г. курса въ Смольномъ, Нелидова и ея подруги, Левшина, Борщова, Алымова и Молчанова были назначены императрицей фрейлинами ко двору супруги наслѣдника престола Павла Петровича, вел. кн. Наталіи Алексѣвны. Но какъ разъ въ это время скончалась вел. кн. Наталія Алексѣевна, и цесаревичъ женился, согласно желанію императрицы, на виртембергской принцессѣ Софіи,-Доротеѣ, въ православіи нареченной Маріей Ѳеодоровной, такъ что фрейлины начали свою придворную жизнь при второй супругѣ Павла Петровича.

Въ 1781—82 г. Нелидова совершила заграничное путешествіе въ свитѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, посѣтившихъ, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, Германію, Италію, Швейцарію и Францію. Узнавъ ближе Нелидову, которую считалъ прежде очень злою, Павелъ Петровичъ измѣнилъ свое мнѣніе о ней, и, по возвращеніи въ Петербуръ, сталъ съ удовольствіемъ проводить время въ ея обществѣ. Было много причинъ для того, чтобы возникла и укрѣпилась чистая, возвышенная дружба между цесаревичемъ и Нелидовой. Со стороны матери, Павелъ Петровичъ видѣлъ недружелюбное отношеніе, подозрительность, желаніе устранить отъ него всѣхъ близкихъ ему лицъ. Даже его дѣтей, а своихъ внуковъ и внучекъ, Екатерина II взяла къ себѣ и воспитывала ихъ согласно собственнымъ своимъ воззрѣніямъ, не считаясь съ желаніями родителей. Бывшій воспитатель Павла Петровича гр. Никита Ивановичъ Панинъ умеръ. Марья Ѳеодоровна была прекрасная семьянинка; она интересовалась искусствами, хозяйствомъ, устраивала театральныя зрѣлища, разныя игры, литературныя чтенія, чтобы развлечь супруга въ минуты скуки и недовольства окружающимъ. Павелъ Петровичъ относился къ Марьѣ Ѳеодоровнѣ съ должнымъ уваженіемъ, сознавая ея достоинства, но всѣ добродѣтельныя совѣйства великой княгини затмевались въ его глазахъ тѣми качествами, которыми обладала фрейлина Нелидова. Разговоръ Нелидовой, при совершенной скромности, отличался не только остроуміемъ, но и блескомъ. Понявъ характеръ великаго князя, Нелидова смѣло и откровенно высказывала свои мнѣнія, не боясь возбудить его гнѣва, и пріобрѣла надъ нимъ сильное вліяніе. О характерѣ этой дружбы можно судить по письмамъ Павла Петровича къ самой Нелидовой и къ Екатеринѣ II. Вотъ что писалъ Павелъ Петровичъ Нелидовой, посылая ей книгу духовнаго содержанія: «Въ комъ заключается высшее благо, если не въ Томъ, Кому я полагаю свое счастіе поручать васъ на каждомъ шагу моемъ въ теченіе дня? Смѣю это высказать: связи, существующія между нами, ихъ свойства, исторія этихъ отношеній, ихъ развитіе, наконецъ всѣ обстоятельства, при которыхъ и вы, и я, провели нашу жизнь,—все это имѣетъ нѣчто столь особенное, что мнѣ невозможно упустить все это изъ моей памяти, изъ моего вниманія, въ особенности же въ будущемъ... По моему мнѣнію, я своею книгою дѣлаю вамъ великій подарокъ, ибо заставляю васъ думать о Богѣ, чтобы еще болѣе васъ къ Нему приблизить. Тѣмъ самымъ я и себѣ дѣлаю величайшій, истинный подарокъ. Таковъ мой способъ любить тѣхъ, которые мнѣ дороги; пусть отыскиваютъ во всемъ этомъ что-либо преступное. Читайте, добрый другъ мой, открывая книгу по произволу и на удачу: не наблюдайте ни времени, ни правилъ, но когда явится на то желаніе. Простите мнѣ все это; будьте снисходительны къ человѣку, любящему васъ болѣе, чѣмъ самого себя, и въ этомъ духѣ примите все. Единому Богу извѣстно, насколько и во имя чего вы мнѣ дороги; призываю на васъ самыя святыя Его благословенія и остаюсь весь вашъ, слуга и другъ».

По возвращеніи изъ Финляндскаго похода, въ началѣ 1790 г., Павелъ Петровичъ былъ серьезно боленъ и, готовясь къ смерти, обратился къ Екатеринѣ II съ трогательнымъ посланіемъ, въ защиту Нелидовой, которую не пощадила и оклеветала общественная молва. «Мнѣ надлежитъ,—писалъ онъ между прочимъ,—совершить предъ вами, государыня, торжественный актъ, какъ предъ царицею моею матерью,—актъ, предписываемый мнѣ моею совѣстью предъ Богомъ и людьми: мнѣ надлежитъ оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, изъ за меня. Я видѣлъ, какъ

злоба выставляла себя судьею и хотѣла дать ложныя толкованія связи, исключительно дружеской, возникшей между m-elle Нелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тѣмъ Судилищемъ, предъ которымъ мы всѣ должны явиться, что мы предстанемъ предъ нимъ съ совѣстію свободною отъ всякаго упрека, какъ за себя, такъ и за другихъ. Зачѣмъ я не могу засвидѣтельствовалъ это цѣною своей крови? Свидѣтельствую о томъ, прощаясь съ жизнію. Клянусь еще разъ всѣмъ, что есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что насъ соединяла дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая. Свидѣтель тому Богъ».

Мало по малу создались натянутыя и тяжелыя отношенія, отъ которыхъ страдали и Марія Ѳеодоровна, и Нелидова, и самъ великій князь.

Несмотря на глубокую и самоотверженную привязанность къ великому князю, Нелидова настолько тяготилась всѣмъ происходившимъ, что мечтала о тихой жизни вдали отъ двора. Въ 1792 г. она обратилась непосредственно къ императрицѣ съ просьбой объ увольненіи отъ придворной должности и о дозволеніи удалиться въ Смольный монастырь, прибавляя, что она возвратится туда съ сердцемъ столь же чистымъ, съ какимъ она его оставила. Узнавъ о намѣреніи Нелидовой, великій князь огорчился и настоялъ, чтобы она взяла свою просьбу обратно. Прошло еще полтора года, и Нелидова снова обратилась къ императрицѣ за дозволеніемъ переѣхать въ Смольный, убѣдивъ на этотъ разъ великаго князя не противиться такому рѣшенію. Вотъ что писала Нелидова другу Павла Петровича, кн. А. Б. Куракину: «Вы забываете, что благодаря добротѣ нашего друга, у меня прекрасная библіотека, у меня моя арфа, мои карандаши, всѣ предметы, которые такъ хорошо служили мнѣ къ развлеченію въ моменты, когда мнѣ приходилось страдать... Я не буду такъ недовольна, какъ вы думаете, порвавъ нѣсколько связь съ свѣтомъ, который не умѣлъ или скорѣе не хотѣлъ отдать мнѣ справедливость. Я оцѣнила уже, чего онъ стоитъ, и мое сердце уже научилось не ставить своего счастья въ зависимость отъ его сужденій. Мнѣ хорошо извѣстно, что и при настоящемъ случаѣ я не избѣгну его злобы и толковъ, большею частью развращенныхъ, но я не хочу даже знать ихъ. Я чувствую себя настолько выше ихъ, что всего менѣе интересуюсь ими».

Нелидова переселилась въ Смольный уже глубокой осенью, послѣ свадьбы вел. кн. Александра Павловича, а весной 1794 г., по желанію Павла Петровича, явилась въ Павловскъ въ качествѣ гостьи и своимъ появленіемъ опять дала поводъ къ разнымъ толкамъ и пересудамъ. Сначала Марья Ѳеодоровна была чрезвычайна удивлена и недовольна пріѣздомъ Нелидовой, но затѣмъ нашла нужнымъ сблизиться съ ней, желая примирить великаго князя съ императрицей и полагая, что этого можно достичь только при помощи Нелидовой. Но что изъ этого вышло? Ничего не подозрѣвая о намѣреніи Екатерины сдѣлать своимъ наслѣдникомъ вел. кн. Александра Павловича, Нелидова вооружила противъ себя Павла Петровича попытками примирить его съ матерью, тикъ какъ онъ зналъ о замыслахъ Екатерины и вообразилъ, что Нелидова явилась безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ его враговъ. Вліяніе ея стало замѣтно слабѣть и, поссорившись съ великимъ княземъ, Нелидова удалилась въ Смольный монастырь, гдѣ ее застала кончина Екатерины II, послѣдовавшая 6 ноября 1796 года. 12 ноября Марія Ѳеодоровна приняла на себя «начальствованіе воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ» и въ тотъ же день посѣтила Смольный, гдѣ увидѣлась съ Нелидовой и, послѣ трогательнаго объясненія, заключила съ ней дружественный союзъ уже навсегда. Въ ноябрѣ 1798 г. Марія Ѳеодоровна такъ вспоминала объ этомъ свиданіи въ письмѣ къ Нелидовой: «Сегодня исполнилось два года, какъ Вы впервые меня посѣтили; помните ли Вы всѣ подробности этого свиданія? Онѣ запечатлѣны въ моемъ сердцѣ, но я останавливаюсь только на утѣшительномъ размышленіи, что я пріобрѣла въ этотъ день добраго, нѣжнаго и вѣрнаго друга. Господь милосердно сохранилъ мнѣ его и мое сердце навсегда принадлежитъ этому другу».

Между императоромъ и Нелидовой состоялось примиреніе, и положеніе ея въ обществѣ стало совершенно инымъ, благодаря тому, что Марья Ѳеодоровна всячески выказывала ей свое вниманіе и уваженіе. По мнѣнію біографа Нелидовой Е. С. Шумигорскаго, у Нелидовой не

было и признаковъ государственнаго ума и политическаго образованія. Все доброе, прекрасное, великодушное или все, казавшееся таковымъ, встрѣчало участіе и поддержку съ ея стороны, какъ бы мало ни согласовалось это «доброе» съ государственными соображеніями и цѣлями. Императрица Марья Ѳеодоровна и Нелидова старались удерживать императора отъ вспышекъ гнѣва и отъ рѣзкихъ необдуманныхъ распоряженій, вызывавшихъ недовольство войска и общества, ходатайствовали за опальныхъ и содѣйствовали назначенію на высшія государственныя должности людей благонамѣренныхъ и преданныхъ государю.

Въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія 1797 г. произошла въ Москвѣ коронація императора Павла. Къ этому времени пріѣхала туда и Нелидова и привезла девять воинскихъ знаменъ, вышиныхъ смольнянками подъ ея руководствомъ. Было роздано множество наградъ, но Нелидова получила лишь званіе камеръ-фрейлины, такъ какъ она высказала императору еще послѣ его воцаренія, когда онъ послалъ ей богатые подарки, что они для нея скорѣе «тягостны, чѣмъ пріятны». Во время пребыванія въ Москвѣ произошли два обстоятельства, имѣвшія весьма непріятныя послѣдствія какъ для Нелидовой, такъ въ особенности для императорской четы: Павелъ Петровичъ плѣнился красотой дочери московскаго сенатора, А. П. Лопухиной, а Кутайсовъ, ставшій изъ простого царскаго брадобрея вліятельнымъ лицемъ, счелъ себя обиженнымъ при раздачѣ коронаціонныхъ наградъ, винилъ въ этомъ императрицу и Нелидову и болѣе, чѣмъ когда-либо, мечталъ устранить ихъ вліяніе на императора. Изъ Москвы Павелъ Петровичъ отправился по Смоленской дорогѣ для осмотра литовскихъ губерній, а М. Ѳ. уѣхала въ Павловскъ и часто видаясь, или переписываясь съ Нелидовой, жившей по прежнему въ Смольномъ, имѣла возможность обсудить съ ней положеніе дѣлъ въ Россіи со времени воцаренія Павла, который все больше и больше вызывалъ въ себѣ общее неудовольствіе въ придворныхъ и военныхъ сферахъ.

Въ началѣ апрѣля 1798 г. императоръ и вел. князья Александръ и Константинъ поѣхали въ Москву и Казань, а М. Ѳ. осталась въ Павловскѣ, такъ какъ врачи нашли, что путешествіе утомитъ ее. Москва встрѣтила Павла Петровича не только тепло, но даже восторженно, и это его такъ растрогало, что онъ высказалъ свое удовольствіе Кутайсову: «Московскій народъ,—сказалъ онъ,—любитъ меня гораздо болѣе, чѣмъ Петербургскій; мнѣ кажется, что тамъ меня гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ». Взявъ съ императора слово, что ихъ разговоръ останется втайнѣ, Кутайсовъ отвѣтилъ: «Государь, дѣло въ томъ, что здѣсь васъ видятъ таковымъ, какой вы есть дѣйствительно,—благимъ, великодушнымъ, чувствительнымъ; между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую-либо милость, то говорятъ, что это или государыня, или г-жа Нелидова, или Куракины выпросили се у васъ, такъ что когда вы цѣлаете добро, то это—они; если же когда покарaютъ, то это вы покараете. Мысль, что въ обществѣ сложилось убѣжденіе, будто имъ *управляютъ*, чрезвычайно взволновала Государя, и онъ едва сдержалъ свой гнѣвъ.

Подъ впечатлѣніемъ раздраженія противъ самыхъ преданныхъ ему людей, Павелъ Петровичъ вновь встрѣчается на одномъ изъ Московскихъ баловъ съ Лопухиной, красота которой привела его въ восхищеніе еще во время коронаціи. Ему представили, что Лопухина безъ ума отъ него и, съ помощью Кутайсова и статсъ-секретаря Обрескова, устраивается переѣздъ въ Петербургъ сенатора Лопухина со всей семьей. Лопухина явилась кандидаткой на оффиціальную «фаворитку» Павла, что не могло не подѣйствовать удручающе какъ на императрицу Марію Ѳеодоровну, такъ и на «нравственнаго друга» императора, Нелидову. Это общее чувство еще болѣе сблизило оскорбленную жену съ Нелидовой.

Въ первое время по возвращеніи въ Павловскъ, императоръ обходился съ супругой и съ Нелидовой довольно любезно и сдержанно, но мало по малу наговоры Кутайсова такъ на него подѣйствовали, что онъ сталъ дурно относиться къ императрицѣ, а когда Нелидова вздумала защищать ее, то лишилась его довѣрія. Друзья Императрицы и Нелидовой, окружавшіе Государя и стоявшіе во главѣ управленія, должны были уступить мѣсто другимъ, болѣе подходящимъ лицамъ. Гр. Буксгевденъ, женатый на пріятельницѣ Нелидовой и занимавшій со времени коронаціи Павла должность Петербургскаго генералъ-

губернатора, былъ замѣненъ графомъ Паленомъ. Мѣсяцъ спустя, отданъ былъ приказъ о высылкѣ изъ Петербурга графини Буксгевденъ за нѣсколько необдуманныхъ словъ противъ «новыхъ порядковъ». Нелидова пожелала слѣдовать за своей пріятельницей въ ссылку и добилась разрѣшенія императора ѣхать вмѣстѣ съ семействомъ Буксгевденъ въ ихъ замокъ Лоде, Эстляндской губ. Марья Ѳеодоровна сильно горевала о Нелидовой, такъ какъ съ ея отъѣздомъ не только теряла надежду на возвратъ своего вліянія и на возможность удержать Павла Петровича отъ рѣзкихъ выходокъ, но и лишалась единственнаго друга, съ которымъ могла совѣтоваться и дѣлить свое горе. Чувства дружбы и уваженія Марьи Ѳеодоровны къ Нелидовой запечатлѣлись въ перепискѣ, которую она вела съ Нелидовой по почтѣ за все время ея пребыванія въ замкѣ Лоде въ 1798—99 годахъ. Переписка эта подвергалась «перлюстраціи»; нѣкоторыя письма доставлялись императору, многія сжигались по его приказанію, а иныя отправлялись по мѣсту назначенія. Нелидова прожила въ замкѣ Лоде почти полтора года, до января 1800 г., а затѣмъ обратилась къ императору съ просьбой разрѣшить ей возвратиться въ Петербургъ и поселиться въ Смольномъ, а графу Буксгевденъ съ семействомъ дозволить уѣхать за границу. По возвращеніи въ Петербургъ Нелидова видалась съ императрицей, весьма часто посѣщавшей Смольный; Павелъ Петровичъ желалъ примириться съ Нелидовой, и Марья Ѳеодоровна, сильно сочувствуя этому намѣренію, устроила у себя блестящій вечеръ, на которомъ должно было произойти свиданіе старыхъ друзей. Но Лопухина, бывшая уже замужемъ за кн. Гагаринымъ, и Кутайсовъ употребили всѣ мѣры, чтобы отговорить императора отъ этого, и онъ послалъ сказать Маріи Ѳеодоровнѣ, что не пріѣдетъ на вечеръ.

Кончина Павла Петровича глубоко опечалила Нелидову; но она должна была сдерживать себя, чтобы успокаивать вдовствующую императрицу, которая могла найти отраду только въ общеніи съ ней, какъ съ человѣкомъ, дѣйствительно преданнымъ покойному императору. Вотъ отзывъ очевидца, посѣтившаго ее по смерти Павла Петровича: «Волосы ея посѣдѣли, лицо покрылось морщинами, цвѣтъ лица сдѣлался желтовато-свинцовымъ, и глубокая печаль отражалась на этомъ, прежде столь улыбавшемся лицѣ». Въ первое время послѣ кончины Павла Петровича Нелидова почти не выѣзжала изъ Смольнаго, но потомъ часто бывала у Маріи Ѳеодоровны, а лѣтомъ и осенью гостила у нея въ Павловскѣ и Гатчинѣ, и совѣты ея во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ императорской фамиліи имѣли большое значеніе. Послѣ смерти Маріи Ѳеодоровны въ 1828 г. о Нелидовой почти забыли, что было, конечно, весьма тяжело для ея самолюбія. «По отзывамъ людей, знавшихъ Нелидову въ этотъ послѣдній періодъ ея жизни—говоритъ кн. Лобановъ-Ростовскій,—нельзя было не уважать ея за образованный, своеобразный и пылкій умъ ея; нельзя было не плѣняться ея бесѣдою, когда она находилась въ добромъ расположеніи духа. Но тѣ же лица помнятъ о ея несносномъ характерѣ, и о томъ, сколько терпѣли отъ ея ворчливости и требовательности близкіе къ ней люди». По поводу этого не лишне замѣтить, что Нелидова и въ молодости отличалась чрезвычайной подвижностью и порывистостью, которыя впослѣдствіи сама называла «les bizarreries du caractère». Екатерина Ивановна Нелидова скончалась восьмидесяти лѣтъ отъ роду 2-го января 1839 г., на рукахъ своей племянницы, кн. Трубецкой, которую она любила и воспитывала, какъ дочь. Вотъ что говоритъ по поводу ея кончины лично знавшій ее секретарь начальницы Смольнаго монастыря Комовскій: «Глубокое благочестіе, отлично образованный умъ, любовь къ изящнымъ искусствамъ, тонкое знаніе сердца человѣческаго, веселый дѣтскій нравъ привлекали къ ней всѣхъ ее окружающихъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Уклоняясь всегда съ рѣдкимъ самоотверженіемъ отъ высшихъ почестей и богатствъ, она старалась только облегчать, по возможности, участь ближнихъ своихъ, преимущественно тѣхъ, которые, страдая болѣе другихъ, болѣе нуждались въ помощи. Она жила по слову Евангельскому: будьте яко дѣти». Любила все страждущее, все безпомощное, несмотря ни на какое различіе, не требуя взаимности, не ожидая благодарности. Заведеніе, въ которомъ развились эти рѣдкія качества души, должно по справедливости этимъ гордиться. Жаль только, что немногіе вполнѣ понимали и достойно

цѣнили покойную». Мѣстомъ своего погребенія Нелидова избрала кладбище Большой Охты, по ту сторону Невы, подлѣ С.-Петербурга. Въ концѣ XIX в. могильная плита вошла уже въ землю одной своей стороной, но гранитный саркофагъ, съ простою надписью, хорошо сохранился. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1905 г.) могила Нелидовой приведена въ порядокъ, благодаря заботамъ покойнаго кн. С. Н. Трубецкого, профессора философіи и ректора Московскаго Университета.

Главнымъ матеріаломъ для біографіи Е. И. Нелидовой служитъ книга Е. С. Шумигорскаго: „Ек. Ив. Нелидова“ (1758—1839), вышедшая въ 1902 г. въ Спб. 2-мъ изданіемъ. См. также: Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Павелъ Первый“, Спб. 1901; „Русскіе портреты XVIII и XIX ст.“, изданіе В. К. Николая Михаиловича, т.т. III. № 31 и V, № 38.

В. Корсакова.

Нелидовъ, *Аркадій Ивановичъ*, сенаторъ. Н. родился въ 1773 г. и приходился младшимъ братомъ извѣстной камеръ-фрейлины Е. И. Нелидовой, и благодаря близости къ ней сдѣлалъ быструю карьеру. При Императрицѣ Екатеринѣ II онъ былъ камеръ-пажемъ, а въ день восшествія на престолъ Павла I былъ пожалованъ майоромъ и сдѣланъ флигель-адъютантомъ, въ январѣ же 1797 г., т. е. будучи 24 лѣтъ отъ роду, онъ имѣлъ чинъ генералъ-майора и званіе генералъ-адъютанта. Съ удаленіемъ Е. И. Нелидовой отъ Двора и Н. (19-го авг. 1798 г.) былъ отставленъ отъ службы. По воцареніи Александра I, Н-ву было возвращено званіе генералъ-адъютанта съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1806 г. Н. былъ назначенъ начальникомъ Псковской милиціи, въ 1811 г. избранъ предводителемъ дворянства Шлиссельбургскаго уѣзда, въ ноябрѣ того же года переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ Курскимъ губернаторомъ. Уволенный отъ этой должности, Н. въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербугскаго опекунскаго совѣта; въ 1825 г. пожалованъ въ сенаторы въ 1826—избранъ С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; 13-го апр. 1829—произведенъ въ д. тайные совѣтники. 3-го сент. 1834 г. Н. умеръ въ Ревелѣ. Отъ брака съ гр. С. Ѳ. Буксгевденъ Н. имѣлъ шесть сыновей и семь дочерей.

„Русскіе портреты XVIII и XIX ст.“ Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Томъ V, № 142.

Нелидовъ, *Николай Константиновичъ*, профессоръ государственнаго права въ Казанскомъ университетѣ, писатель. Нелидовъ род. 6-го дек. 1832 г. въ дворянской семьѣ, въ селѣ Старой Майнѣ, Ставропольскаго уѣзда Симбирской губ., образованіе получилъ въ симбирской гимназіи и Казанскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ. Въ 1857 году Нелидовъ былъ назначенъ преподавателемъ законовѣдѣнія въ Пензенскую гимназію, затѣмъ перешелъ на ту же должность въ первую Казанскую гимназію и въ это время былъ прикомандированъ къ Казанскому университету для преподаванія энциклопедіи законовѣдѣнія и россійскихъ государственныхъ законовъ. Въ 1861 году Нелидовъ исправлялъ должность адъюнкта по каѳедрѣ русскаго и иностраннаго государственнаго права, а въ 1868 году, по защитѣ диссертаціи подъ заглавіемъ: «Обзоръ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ древне-германскому государственному устройству», получилъ степень магистра государственнаго права и былъ утвержденъ приватъ-доцентомъ. Командированный затѣмъ за границу, Нелидовъ тотчасъ по возвращеніи былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ государственнаго права въ Демидовскій лицей. Въ 1874 году Нелидовъ защитилъ въ Казанскомъ университетѣ докторскую диссертацію на тему: «Юридическія и политическія основанія государственной службы» и былъ переведенъ въ Казань со званіемъ ординарнаго профессора государственнаго права. Кромѣ основного курса, Нелидовъ съ 1876 по 1884 годъ читалъ исторію иностранныхъ законодательствъ; въ 1883 году былъ избранъ деканомъ юридическаго факультета и получилъ званіе заслуженнаго профессора; въ 1886 г., по болѣзни, оставилъ службу и 28-го окт. 1888 г. умеръ въ Казани. Изъ сочиненій Н—ва, кромѣ упомянутыхъ диссертацій, слѣдуетъ отмѣтить: «Система курса общаго государственнаго права». Казань, 1874 г.; «Наука о государствѣ, какъ предметѣ высшаго университетскаго образованія». Ярославль, 1872 г. и «О необходимости пріобрѣтенія обществомъ юридическихъ и политическихъ свѣдѣній». («Юридическій журналъ» 1860 г. № 1).

Н. П. Загоскинъ. „Біографическій Сло-

варь профессоровъ и преподав. Казанскаго университета". Каз., 1904 г., часть II, стр. 53—55. Пфафъ. Систематическій каталогъ книгъ по части правовѣдѣнія, политическихъ и статистическихъ наукъ. Спб., 1863 г.; „Ученыя записки Имп. Казанскаго университета" 1868 года; „Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея" 1874 года; „Юридическій журналъ" 1860—1861 гг. *Б. В.*

Нельдехенъ, *Карлъ Карловичъ*, профессоръ сельскаго хозяйства и технологіи въ Харьковскомъ университетѣ; писатель. Род. въ 1771 или въ 1772 году; ум. въ первой половинѣ XIX ст. По происхожденію саксонецъ, онъ среднее образованіе получилъ въ Берлинѣ, высшее—въ Кенигсбергскомъ университетѣ, гдѣ и былъ удостоенъ степени доктора философіи; затѣмъ онъ служилъ въ Берлинѣ и Помераніи, въ совѣтѣ управленія удѣльными королевскими имѣніями. Занимаемая имъ въ послѣднемъ учрежденіи должность требовала, очевидно, спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній и практически знакомила съ дѣломъ. Результатомъ занятій Нельдехена явился рядъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій и статей по сельскому хозяйству, сдѣлавшихъ скоро имя его извѣстнымъ не только въ Германіи, но и въ Россіи.

Въ 1811 г. Н. былъ приглашенъ Харьковскимъ университетомъ на каѳедру сельскаго хозяйства. Въ октябрѣ 1811 года онъ прибылъ въ Харьковъ и былъ утвержденъ въ званіи профессора «сельскаго домоводства». На него же вскорѣ было возложено и преподаваніе технологіи. Нельдехенъ сталъ читать лекціи на нѣмецкомъ и на французскомъ языкахъ. Вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность, Нельдехенъ возбудилъ ходатайство объ устройствѣ при университетѣ опытнаго поля, при чемъ указывалъ на выгодность такого устройства не только для университета, но и для всего края, но ходатайство его не встрѣтило сочувствія.

Съ именемъ Нельдехена связано появленіе въ 1812 году первой Харьковской газеты: «Харьковскій Еженедѣльникъ», просуществовавшей, правда, весьма не долго. Нельдехенъ былъ избранъ секретаремъ физико-математическаго факультета, деканомъ котораго онъ закончилъ свою карьеру. Назначенный, сверхъ того, членомъ училищнаго комитета, Нельдехенъ въ 1813 году былъ отправленъ на визитацію школъ Полтавской и Екатеринославской губерній. Это была его первая и послѣдняя визитація, когда онъ, повидимому, еще интересовался дѣломъ и хотѣлъ работать. Не встрѣчая, однако, поддержки ни со стороны своихъ русскихъ товарищей по университету, ни со стороны публики, недовѣрчиво относившихся къ иностранцу и его предпріятіямъ, Н. скоро отсталъ отъ занятій наукой, а его неуживчивый и сварливый характеръ возбудилъ къ нему антипатіи, и, наконецъ, въ 1818 году Н., къ тому времени совершенно опустившійся, былъ уволенъ безъ прошенія отъ службы.

Проф. Д. И. Багалѣй, „Опытъ исторіи Харьковскаго университета по неизданнымъ матеріаламъ", Тт. I—II. Харьковъ, 1904; „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета". Воспоминанія профессора Роммеля. 1785—1815. Харьковъ. 1868; Чириковъ. „Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета" (Рус. Стар. 1876 г., т. XVII, ноябрь); „Харьковскій Еженедѣльникъ" 1812 года. *А. П.*

Нелюбинъ, *Александръ Петровичъ*, докторъ медицины, профессоръ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, писатель. Н. родился 26-го августа 1785 г. въ небогатой купеческой семьѣ въ Вяткѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе. Онъ рано обнаружилъ влеченіе къ естественнымъ наукамъ, въ частности къ медицинѣ и въ 1798 г. поступилъ ученикомъ въ мѣстную аптеку. Въ 1804 г. Н. переѣхалъ въ Полтаву, гдѣ сдалъ экзаменъ на званіе аптекарскаго помощника, а въ слѣдующемъ году, будучи въ Москвѣ, получилъ и званіе провизора. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Полтавѣ Н. пріѣхалъ въ Петербургъ, поступилъ въ 1808 г. вольнослушателемъ въ Медико-Хирургическую Академію, занявъ предварительно вакансію аптекарскаго помощника при ветеринарномъ училищѣ Академіи, а затѣмъ должность помощника и лаборанта при проф. фармаціи Т. Смѣловскомъ. Въ 1812 г. Н. окончилъ курсъ въ Академіи съ отличіемъ и съ золотой медалью и былъ оставленъ при Академіи и. д. адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ фармаціи, а въ 1815 г. и. д. ординарнаго профессора. Въ то же время онъ былъ назначенъ ординаторомъ Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя; въ 1717 г. онъ получилъ званіе акушера и опредѣлился городовымъ акушеромъ Выборгской части. Въ то же время онъ энергично продолжалъ свои занятія по химіи,

интересуясь въ частности амміакомъ; наблюденіямъ надъ составомъ его была посвящена и его докторская диссертація, которую онъ блестяще защитилъ въ 1821 году; вскорѣ Н. былъ утвержденъ въ званіи орд. профессора фармаціи. Въ 1823 г. Н., по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ на Кавказъ для изученія минеральныхъ водъ. Памятникомъ этой поѣздки было открытіе Нелюбинымъ цѣлаго ряда новыхъ источниковъ и капитальный трудъ по описанію ихъ; Нелюбину принадлежитъ честь перваго научнаго изученія кавказскихъ водъ. Правда, изслѣдованіе водъ, изученіе ихъ состава и терапевтическаго дѣйствія дѣлалось Нелюбинымъ согласно тогдашнимъ пріемамъ анализовъ, но его «Описаніе» въ теченіе десятковъ лѣтъ оставалось единственнымъ и до сихъ поръ во многомъ не утратило своего значенія. Это талантливое описаніе, въ которомъ Н. выказалъ выдающуюся эрудицію, обширныя практическія свѣдѣнія и тонкую наблюдательность, снискало ему скоро извѣстность и званіе гофъ-медика. Выдающаяся работоспособность позволяла Нелюбину соединять обязанности профессора и обширную медицинскую практику съ участіемъ въ длинномъ рядѣ комитетовъ и обществъ и со службой въ другомъ вѣдомствѣ; такъ, съ 1831 по 1841 г. Н. былъ ученымъ секретаремъ Медицинскаго Совѣта, съ 1831 по 1837—вице-директоромъ медицинскаго департамента. Въ 1844 г. Н. оставилъ каѳедру и занялъ мѣсто главнаго доктора 2-го С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя; въ этой должности Н. умеръ 6-го апрѣля 1858 г. Къ обширнымъ практическимъ знаніямъ Н. неоднократно обращались правительственныя ученыя учрежденія и поручали ему спеціальныя изслѣдованія и командировки; изъ послѣднихъ важно отмѣтить его изслѣдованія Полюстровскихъ источниковъ (подъ Петербургомъ) и въ особенности—изслѣдованія старорусскихъ водъ, въ которыхъ онъ, между прочимъ, первый открылъ іодъ. Нелюбинъ былъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ и академій.

Изъ трудовъ Нелюбина пользовались извѣстностью: «Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ». Въ двухъ книгахъ. Спб. 1825; «Фармакографія, или химиковрачебныя предписанія приготовленія и употребленія новѣйшихъ лѣкарствъ» (съ 1827 по 1835 г. выдержало пять изданій, причемъ послѣднее вышло въ четырехъ томахъ); «Общая и частная судебно-медицинская и медико-полицейская химія съ присоединеніемъ общей и частной токсикологіи или науки о ядахъ и противуядныхъ средствахъ». Спб. 1851—1852. «Краткая фармакографія». 1852 г. Диссертація Н-на: «Tractatus de origine et generatione in natura atque artificiali compositione ammonii, nec non veris constitutionis illius partibus per novissima experimenta comprobatis». Спб. 1821.

Кромѣ того, Нелюбину принадлежитъ множество статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ имъ въ Военно-Медиц. Журналѣ, Трудахъ Вольн.-Эконом. Общества, Словарѣ Плюшара и въ нѣсколькихъ иностранныхъ спеціальныхъ журналахъ; не мало работъ Н-на переведено на нѣмецкій языкъ. Наконецъ, Нелюбинымъ открыта и пользовавшаяся въ свое время извѣстностью изобрѣтенная имъ кровоостанавливающая жидкость «гемостатинъ».

„Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ“ 1857—58 гг., № 13, стр. 343—359; Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“. Вып. I, стр. 29—31; Мѣсяцословъ на 1859 г.; Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Спб. 1883; Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. *Нв. К.*

Немировъ, *Сергѣй Александровичъ*,—докторъ медицины, профессоръ Московскаго университета. Н. род. въ 1770 г. и былъ сыномъ врача; по окончаніи курса въ московской славяно-греколатинской академіи, онъ въ 1789 г. поступилъ ученикомъ въ Елизаветградскую госпитальную школу, откуда черезъ два года былъ назначенъ подлекаремъ въ армію; въ 1796 году поступилъ доучиваться въ московское госпитальное училище, откуда въ 1799 году былъ переведенъ въ московскую университетскую гимназію, а затѣмъ произведенъ студентомъ медицинскаго факультета. Окончивъ въ университетѣ курсъ съ званіемъ докторанта, Н. въ 1804 г. защитилъ докторскую диссертацію: «Dissertatio inauguralis sistens physiologiam et pathologiam ventriculi» и былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ общей терапіи и патологіи; въ 1810 г Н. былъ уже орд. профессоромъ, но въ этомъ же году умеръ отъ чахотки. Н.

состоянiи у различныхъ народовъ и вліяніе ихъ на общественный порядокъ», М. составилъ первый оригинальный учебникъ патологіи (1804 г.), который оставался единственнымъ пособіемъ довольно долгое время. Кромѣ того, въ 1806 г. онъ издалъ «Primae lineae Pathologiae generalis». Отлично владѣя иностранными языками, Н. оставилъ много переводныхъ сочиненій, и не относящихся къ медицинѣ. Такъ, онъ перевелъ Сегюра: «О женщинахъ, ихъ 1805—6; вмѣстѣ съ проф. И. М. Снигиревымъ перевелъ де-Линя: «Письма, мысли и избранныя творенія». М. 1809—10.

В. Рихтеръ, „Исторія медицины въ Россіи“, часть III, М. 1820, стр. 367—368; Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886 г. стр. 31; Словарь профессоровъ Московскаго университета до 1810 г.“, стр. 86. *А. Виленскій.*

Неммертъ, *Петръ Юльевичъ*,—докторъ медицины, профессоръ патологической анатоміи С.-Петербургской Военно-Медицинской академіи. Н. родился въ 1819 г.; медицинское образованіе получилъ въ Спб. Военно-Медицинской Академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1840 г, и тогда же былъ назначенъ репетиторомъ при каѳедрѣ теоретической хирургіи; въ 1847 г. вмѣстѣ съ Пироговымъ былъ командированъ на Кавказъ, «для показанія въ полѣ военнымъ врачамъ производства операцій и примѣненія эфирнаго наркоза».

По возвращеніи изъ командировки Н. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ патологической анатоміи, оперативной хирургіи, десмургіи и механургіи, а въ 1853 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи; съ 1855 г. состоялъ консультантомъ по хирургической части въ петербургскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ Императрицы Маріи; въ томъ же году къ нему перешла, послѣ Пирогова, каѳедра патологической анатоміи, но уже въ 1858 году 15-го іюня Н. скончался.

Изъ болѣе крупныхъ трудовъ Неммерта слѣдуетъ отмѣтить: «Практическій обзоръ сочиненій профессора Овера» и «Selecta praxis medico-chirurgicae etc».

„Военно-Медицинскій Журналъ“ 1857 г., часть 59, стр. 5, 7, 14, 16, 21; „Исторія Императорской Спб. Медицинской Академіи за сто лѣтъ“, 1898 стр. 369, 383, 388, 405—411, 474, 549—559 и 800. Словарь Геннади, часть 3; „Сѣверная Пчела“ 1858 г. № 151. *А. Виленскій.*

Неплюевы дворянскій родъ, происходящій отъ боярина Андрея Ивановича Кабылы, отъ котораго ведутъ свое происхожденіе многія знатныя русскія фамиліи. Праправнукъ Андрея Ивановича, Ѳедоръ Ивановичъ, по прозвищу Неплюй, былъ родоначальникомъ Неплюевыхъ. Фамилія эта не принадлежала въ до-петровское время къ первостатейнымъ родамъ и не выдвигалась особенно на служебномъ поприщѣ. Трое Неплюевыхъ были убиты при осадѣ Смоленска въ 1634 г. Семенъ Протасьевичъ Неплюевъ въ началѣ царствованія Петра I былъ думнымъ дворяниномъ, а Леонтій Романовичъ былъ окольничимъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и бояриномъ при Петрѣ. Фамилія Неплюевыхъ выдвинулась особенно въ XVIII вѣкѣ. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ былъ д. тайн. совѣтникомъ, и онъ положилъ основаніе богатству Неплюевыхъ. По ходатайству графа Остермана, ему были пожалованы въ Малороссіи волость Ропская и мѣстечко Быково съ 2.000 крестьянскихъ дворовъ. Его сынъ Николай Ивановичъ былъ сенаторомъ, а другой Адріанъ Ивановичъ—посланникомъ въ Царьградѣ при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Сынъ Николая Ивановича Иванъ Николаевичъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ настоящее время фамилія эта угасаетъ.

Ивановъ П. „Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ, хранящихся въ 1-мъ Отд. Московскаго Архива Министерства Юстиціи“. М. 1853 г.; „Бархатная книга“. Изд. Н. И. Новикова. М. 1787 г.; „Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи, начатый въ 1797 г.“. Гл. I и IV;—„Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона;—Гр. А. Бобринскій. „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ“. Спб. 1890 г.;—„Россійская родословная книга“ кн. П. В. Долгорукаго. Т. IV. Спб. 1857 г. Стр. 154—163;—„Всемірная Иллюстрація“ 1871 г. V. № 127;—„Боярскій родъ Колычевыхъ“ стр. 38;—Сторожевъ, „Тверское дворянство XVII в.; Савеловъ, „Воронежское дворянство“ („Донъ“ 1897 г. № 1). *Б. Алексѣевскій.*

Неплюевъ, *Адріанъ Ивановичъ*,—резидентъ въ Константинополѣ; р. 19 августа 1712 г. въ с. Поддубьѣ, Новгор. у., ум. 8 ноября 1750 г. въ Константинополѣ; похороненъ въ Буюкдере. Въ 1721 г. отецъ его Ив. Ив. Неплюевъ, посланный Петромъ Великимъ въ Константинополь

резидентомъ, оставилъ семью въ деревнѣ и взялъ съ собой только Адріана. 31 окт. 1722 г., опасаясь непріязненныхъ отношеній со стороны Турціи, которая желала овладѣть Персидской Грузіею, Ив. Ив. отправилъ своего сына Адріана съ дядькой, черезъ Мальту и Францію, въ Амстердамъ. „Самъ я готовъ варварскія озлобленія терпѣть,—писалъ онъ Петру Великому—и послѣднюю каплю крови за имя Вашего Величества и за отечество пролить, но повели, Государь, послать указъ въ Голландію кн. Куракину (Борису Ивановичу, у котораго жилъ Адріанъ), чтобъ сына моего своею протекціею не оставилъ; повели опредѣлить сыну моему жалованье на содержаніе и ученіе и отдать его въ академію десціенціи учиться иностраннымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и прочихъ историческихъ книгъ чтенію; умилостивься, Государь, надъ десятилѣтнимъ младенцемъ, который со временемъ можетъ Вашему Величеству заслужить". Въ 1724 г., во вниманіе къ заслугамъ отца, Петръ Великій велѣлъ выдавать Адріану, находившемуся въ Голландіи, по 300 р. въ годъ, съ обязательствомъ, чтобы онъ обучался математикѣ и другимъ наукамъ.

Въ 1740 г. Н—въ былъ секретаремъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; затѣмъ назначенъ секретаремъ посольства въ Турцію, при посланникѣ Ал. Ив. Румянцевѣ. Въ 1742 г., будучи въ Бендерахъ, вмѣстѣ съ Ал. И. Румянцевымъ, на возвратномъ пути въ Россію, Н—въ передалъ Бендерскому пашѣ привѣтствіе отъ посланника и получилъ за это въ подарокъ отъ него горностаевую шубу. Въ 1743 г. находился въ Абовѣ на съѣздѣ шведскихъ и русскихъ уполномоченныхъ для обсужденія мирныхъ условій. Въ 1744 г. произведенъ, „за многіе труды и службу" въ ст. сов. Въ этомъ же году вмѣстѣ съ д. ст. сов. Веселовскимъ объявилъ французскому послу Шетарди приказъ императрицы Елизаветы Петровны о выѣздѣ изъ Петербурга въ теченіе сутокъ.

Въ іюлѣ 1745 г. умеръ Вешняковъ, бывшій резидентомъ въ Константинополѣ. Въ это время находился въ Константинополѣ пріѣхавшій съ депешами поручикъ Никифоровъ; іерусалимскій патріархъ Парѳеній и терапійскій митрополитъ Самуилъ говорили ему: „Донесите господамъ министрамъ, чтобъ для замѣны Вешнякова прислали сюда русскаго, умнаго, въ дѣлахъ бывалаго и надежнаго человѣка, такого какъ прежде былъ Неплюевъ, (Иванъ Ивановичъ) и чтобъ при немъ переводчики были русскіе же: Турки ихъ будутъ больше уважать, а Россіи вѣрнѣе и надежнѣе будутъ". Самымъ подходящимъ человѣкомъ русское правительство сочло Адр. Ив. Неплюева, знакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ Турціи и извѣстнаго въ Константинополѣ. По пріѣздѣ его въ Константинополь, турецкіе министры прежде всего навѣдались, какіе подарки онъ имъ привезъ. Н—въ отвѣчалъ, что резиденты подарковъ не привозятъ, и когда переводчикъ Порты замѣтилъ, что по крайней мѣрѣ рейсъ-ефенди надо дать что-нибудь въ знакъ дружбы, то Н—въ сказалъ, что онъ тогда получитъ награжденіе, если дѣйствительно окажетъ Россіи услуги. Свои переговоры съ рейсъ-ефенди Н—въ началъ требованіемъ освобожденія русскихъ плѣнныхъ, которые находились у буджакскихъ и крымскихъ татаръ; кромѣ того, онъ просилъ внушить крымскому хану о высылкѣ изъ Крыма казаковъ, называемыхъ аргатами, ногаевъ и калмыковъ. Въ октябрѣ 1746 г. Н-въ сообщилъ въ Петербургъ важную новость о неожиданномъ заключеніи мира между Турціею и Персіею, на условіи остаться каждому государству при прежнихъ владѣніяхъ. Хотя Турція страдала безденежьемъ, но носились слухи, что собирается предпринять что-то противъ Запорожья, а потому Н—въ писалъ, что слѣдуетъ произвести передвиженіе русскихъ войскъ къ Украйнѣ. Въ 1749—1750 гг. Н—въ велъ усиленные дипломатическіе переговоры съ Портой о событіяхъ, находившихся въ связи съ сѣверными дѣлами и отношеніемъ Россіи къ шведскому вопросу.

Н—въ умеръ 8 ноября 1750 г. О его болѣзни и кончинѣ сообщилъ въ Петербургъ псковскому архіепископу Симеону Тодорскому находившійся при миссіи іеромонахъ Іосифъ, обрисовавшій Н—ва далеко не въ симпатичныхъ чертахъ. Іосифъ жаловался на „навыки" Неплюева „въ лютости и въ ярости": между прочимъ, во мнѣніи іеромонаха, Н—въ былъ „или люторъ, или совсѣмъ атеиста, понеже имѣлъ великое обхожденіе съ аглицкимъ посломъ, а той явный атеиста". Письмо

свое онъ закончилъ просьбою прислать резидентомъ въ Константинополь „добраго христіанина".

Барановъ. Описаніе Сенатскаго Архива, Ш, №№ 9182, 9309, 9188. Полное Собраніе Законовъ, XII, 675, 676, 678; XXXIV, 73;—„Архивъ кн. Воронцова", I, 302, 612—619; IV, 289—310; VI, 19, 123—133. Витевскій. „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г." Казань. 1898 г., IV, с. 22, 49, 54, 61, 66, 79, 103, 689; Прилож. с. 37.—Соловьевъ, „Исторія Россіи". XXII, с. 93, 170—173, 224; XXIII, 114—120. *В. Корсакова.*

Неплюевъ, *Дмитрій Николаевичъ*,—генералъ-адъютантъ и статсъ-секретарь императора Павла; р. 16 декабря 1763 г., ум. 18 октября 1806 г. Въ концѣ царствованія прусскаго короля Фридриха Вильгельма II и въ началѣ царствованія Фридриха Вильгельма III русскимъ посломъ въ Берлинѣ былъ графъ Никита Петр. Панинъ. Подъ предлогомъ поднесенія новому прусскому королю ордена Св. Андрея Первозваннаго, но въ дѣйствительности для оказанія помощи гр. Панину въ осуществленіи его дипломатическихъ соображеній, императоръ Павелъ намѣревался отправить въ Берлинъ «довѣренное лицо». Выборъ палъ на генералъ-адъютанта Н—ва, какъ мы знаемъ изъ письма кн. А. Б. Куракина, къ гр. Н. П. Панину. «Неплюеву предписано будетъ во всемъ руководствоваться вашими наставленіями и совѣтами—писалъ кн. Куракинъ.—По извѣстнымъ дарованіямъ его, надѣюсь, что вы симъ выборомъ будете довольны, и что онъ съ пользою и успѣхомъ вами употребится по извѣстнымъ для насъ неравнодушнымъ и вами самими желаемымъ предметамъ»... Однако, Н—въ произвелъ на Панина неблагопріятное впечатлѣніе своей внѣшностью, манерами, тщеславіемъ и нѣкоторыми неумѣстными выходками, и вскорѣ вмѣсто Берлина Н—въ былъ посланъ въ Штутгардтъ.

Въ 1798 г. Н—въ былъ назначенъ на мѣсто Нелединскаго для принятія челобитенъ и, если вѣрить показанію неизвѣстнаго баварца, посѣтившаго въ это время Россію, поступалъ совершенно произвольно. Отвѣты Н—ва на челобитныя, адресованныя самому императору, печатались въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и представляли изъ себя бо́льшею частью отказы, выраженные иной разъ въ весьма рѣзкой формѣ. Въ 1798—1800 годахъ императоръ дѣлалъ разныя предписанія Академіи Наукъ черезъ Н—ва, вслѣдствіе чего президентъ Академіи Наукъ баронъ Николай обращался къ нему, какъ къ передаточной инстанціи.

Какъ статсъ-секретарь, Н—въ исполнялъ иногда особыя порученія императора. Такъ, напр., однажды правитель канцеляріи Государственнаго Совѣта былъ устраненъ отъ доклада по внесенному въ Совѣтъ отчету о государственныхъ доходахъ и расходахъ, и произвести докладъ было возложено на Н—ва. 11-го ноября 1799 г., когда въ Гатчинѣ было засѣданіе Правительствующаго Сената, въ присутствіи императора Павла и цесаревича вел. кн. Александра Павловича, императоръ ушелъ изъ засѣданія до его окончанія и послалъ Н—ва объявить генералъ-прокурору свое благоволеніе и готовность и впредь присутствовать въ Сенатѣ по дѣламъ «достойнымъ особаго уваженія».

Витевскій В. Н. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Казань. 1897 г. с. 902. 933, 937; прилож., с. 39.—„Рус. Стар." 1874 г., X.
В. Корсакова.

Неплюевъ, *Иванъ Ивановичъ* (род. 5 нояб. 1693 г., ум. 11 ноября 1773 г.). Сынъ бѣднаго и незнатнаго новгородскаго помѣщика, Ивана Никитича Неплюева и жены его Маѳы Петровны, рожд. княжны Мышецкой, Ив. Ив. Неплюевъ достигъ въ царствованіе Петра Великаго виднаго служебнаго положенія и матеріальнаго обезпеченія, благодаря своимъ личнымъ качествамъ: природнымъ дарованіямъ, трудолюбію и честности, которыя были по достоинству оцѣнены первымъ русскимъ императоромъ. Вслѣдствіе этого Неплюевъ имѣлъ основаніе считать себя ученикомъ Петра Великаго, и сохранилъ о немъ до гроба чувство не только признательности, но и восторженнаго благоговѣнія. Отецъ его умеръ, когда ему было около 16 лѣтъ, а 18 лѣтъ онъ женился, по волѣ своей матери, на Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ Татищевой и поселился съ ней въ своемъ имѣніи въ селѣ Поддубьѣ. Черезъ два года послѣ женитьбы, когда у него былъ уже сынъ Адріанъ, онъ удалился на богомолье въ какой-то монастырь, «по обѣщанію», данному имъ раньше; и пробылъ въ отсутствіи годъ и четыре мѣсяца.

Съ 1714 г. начинается обученіе Неплюева, въ числѣ другихъ дворянъ, сна-

чала въ Новгородской математической, потомъ въ Нарвской навигаціонной школѣ и наконецъ въ Петербургской Морской Академіи, гдѣ онъ часто видалъ Царя, посѣщавшаго это учрежденіе и слѣдившаго за успѣхами учениковъ. Въ 1716 г. Неплюевъ опредѣленъ въ Ревельскій флотъ гардемариномъ и въ числѣ другихъ гардемариновъ, отправленъ въ Венецію для обученія мореплаванію. Въ 1717—18 г.г. онъ участвовалъ въ войнѣ Венеціи съ Турціей и получилъ отъ венеціанскаго генерала Пансквалино аттестатъ, свидѣтельствовавшій объ искусствѣ его управлять галерой на морѣ. По окончаніи войны русскіе гардемарины продолжали свое образованіе въ Кадиксѣ, въ Королевской Академіи, а въ 1720 г. получили отъ царя разрѣшеніе возвратиться въ Россію.

Нѣсколько времени спустя по возвращеніи въ Петербургъ, гардемарины сдали экзаменъ въ Адмиралтейской Коллегіи, въ присутствіи Петра Великаго. По окончаніи экзамена Неплюевъ былъ пожалованъ въ поручики морского галернаго флота, а черезъ нѣсколько времени назначенъ главнымъ командиромъ надъ всѣми морскими судами, строившимися въ Петербургѣ, вслѣдствіе чего почти ежедневно видалъ государя, который всякій разъ съ нимъ разговаривалъ. Вскорѣ послѣ этого Неплюевъ послалъ своего шурина въ Поддубье за женой и дѣтьми и въ теченіе года прожилъ въ Петербургѣ въ кругу семьи. Неплюевъ часто бывалъ у флагмановъ Григ. Петр. Чернышева и Зміевича и слышалъ отъ нихъ, что царь имъ доволенъ. Въ январѣ 1721 г. царь Петръ назначилъ Неплюева резидентомъ въ Константинополь, положилъ ему три тысячи рублей въ годъ жалованья и велѣлъ выдать тысячу рублей на подъемъ. Прощаясь съ нимъ, царь поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ: «прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться»; и дѣйствительно, это было послѣднее свиданіе, такъ какъ смерть царя застала Неплюева въ Константинополѣ. Изъ Петербурга Неплюевъ проводилъ свою жену и дѣтей въ село Поддубье, а съ собой взялъ въ Константинополь только девятилѣтняго сына Адріана.

Во время пребыванія въ Константинополѣ Неплюевъ долженъ былъ держать себя весьма осторожно, такъ какъ англійскій и французскій послы прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы поссорить Россію съ Турціей. Этого имъ не удалось, однако, сдѣлать, и Неплюевъ заключилъ съ Турціей мирный договоръ, по которому Россія пріобрѣла во владѣніе всѣ земли, лежащія на западномъ берегу Каспійскаго моря. Въ награду за это Петръ Великій пожаловалъ ему 400 душъ въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ, произвелъ въ капитаны перваго ранга и велѣлъ выдать его женѣ и дѣтямъ полное жалованье по этому чину изъ Адмиралтейской Коллегіи сверхъ того, что получалъ Неплюевъ въ Константинополѣ, а старшему сыну Адріану положилъ 300 р. въ годъ на образованіе

Въ 1727 г. Неплюевъ обратился къ Екатеринѣ I съ прошеніемъ отпустить его жену и дочь (двое дѣтей умерли) въ Константинополь, на что Императрица охотно согласилась.

Во время царствованія Петра II Неплюеву пожаловано еще имѣніе въ Устюжскомъ у., а по восшествіи на престолъ Анны Іоанновны онъ получилъ чинъ шаубенахта, т. е. контръ-адмирала флота. Въ 1732 г., сильно захворавъ, повидимому злокачественной лихорадкой, Неплюевъ переѣхалъ въ Буюкдере, изъ опасенія, чтобы не занемогъ кто-нибудь изъ его семьи. Нѣсколько времени спустя, онъ отправилъ въ Россію жену, старшую дочь и двухъ младшихъ дѣтей, родившихся въ Константинополѣ, а въ 1735 г. и самъ вернулся въ Россію, получивъ на то дозволеніе императрицы, такъ какъ болѣзнь его усилилась и врачи отказались лечить его. Въ 1736 г. онъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ присутствовать въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Неплюева изъ Константинополя, гдѣ онъ прослужилъ 14 лѣтъ, возникла война между Турціей и Россіей; 18 сентября 1739 г. былъ заключенъ Бѣлградскій миръ, по которому Россія должна была возвратить Турціи всѣ завоеванныя ею крѣпости, кромѣ Азова, но въ Азовѣ обязывалась срыть всѣ укрѣпленія. Размежеваніе земель между Россіей и Турціей по рѣкамъ Днѣпру и Бугу было поручено Неплюеву, который получилъ въ это время назначеніе на мѣсто губернатора въ Кіевъ. 4 декабря 1740 г. умерла въ Кіевѣ жена Неплюева и погребена въ церкви надъ Ѳеодосіевыми пещерами.

Вскорѣ послѣ этого Неплюевъ былъ вызванъ въ Петербургъ для отчета по размежеванію земель и для переговоровъ съ турецкимъ посломъ. Въ это время онъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и помѣстьями въ Малороссіи, въ которыхъ было болѣе 2.000 дворовъ, и назначенъ главноначальствующимъ надъ всей Малороссіей. Будучи въ Москвѣ, проѣздомъ изъ Петербурга къ новому мѣсту служенія, Неплюевъ женился 7 октября 1741 г. на 23-хъ-лѣтней фрейлинѣ Аннѣ Ивановнѣ Паниной. Послѣ восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, Неплюевъ былъ арестованъ и лишенъ малороссійскихъ деревень, чиновъ, мѣста и ордена Александра Невскаго. Такъ какъ онъ не принималъ никогда участія въ политическихъ дѣлахъ, то не зналъ, чему приписать немилость императрицы, и поспѣшилъ въ Петербургъ. Остановясь въ Москвѣ, онъ узналъ, что его обвиняютъ въ дружбѣ съ гр. А. И. Остерманомъ, который, вмѣстѣ со многими другими, подвергся опалѣ и ссылкѣ. Слѣдствіе показало, что Неплюевъ ни въ какихъ замыслахъ противъ Елизаветы Петровны не участвовалъ, а потому ему возвращены были чинъ и орденъ Александра Невскаго; деревни же въ Малороссіи отданы впослѣдствіи другимъ лицамъ.

Вскорѣ Неплюевъ получилъ въ управленіе Оренбургскій край, въ составъ котораго входили, кромѣ нынѣшней Оренбургской губерніи, еще губерніи Уфимская, Самарская, часть губерніи Астраханской, Пермской, земля Уральскаго казачьяго войска и киргизскія степи. Неплюеву предстояло трудное и сложное дѣло устройство малонаселеннаго, обширнаго, безпокойнаго и дикаго края.

Неплюевъ прибылъ въ Самару въ концѣ апрѣля 1742 г. и, принявъ отъ генерала Соймонова войска и всѣ дѣла по управленію краемъ, поѣхалъ въ Уфу. Тамъ онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о состояніи Уфимской провинціи, населеніе которой состояло преимущественно изъ башкиръ, а также и изъ другихъ инородцевъ: черемисъ, чувашъ, мещеряковъ, тептярей и вотяковъ. Изъ Уфы Неплюевъ отправился въ самую глубь Башкиріи и указалъ мѣста для устройства крѣпостей по верхнему теченію р. Яика (Урала). Во время вторичной поѣздки по Башкиріи въ 1743 году Неплюевъ положилъ основаніе 8 крѣпостямъ и 18 редутамъ и поселилъ въ нихъ гарнизоны, для защиты отъ инородцевъ. Жена его, сопровождавшая его въ этой поѣздкѣ, заболѣла и умерла въ Орскѣ, гдѣ и погребена при церкви Преображенія Господня.

Неплюевъ былъ весьма озабоченъ, какой пунктъ избрать главнымъ между крѣпостями, такъ какъ мѣстоположеніе первоначальнаго Оренбурга (Орска), незадолго передъ тѣмъ основаннаго Кирилловымъ, онъ находилъ неудобнымъ въ стратегическомъ отношеніи. Послѣ нѣкотораго колебанія выборъ Неплюева палъ на то именно мѣсто, гдѣ находится теперь Оренбургъ. Планъ города, представленный Неплюевымъ на утвержденіе императрицы Елизаветы Петровны, былъ принятъ, и началась постройка Оренбурга, а въ 1744 г., вслѣдствіе особаго ходатайства Неплюева, открыта Оренбургская губернія. Біографъ Неплюева Витевскій представляетъ въ весьма мрачныхъ краскахъ положеніе Башкиріи во время назначенія туда Неплюева. Вотъ какъ онъ описываетъ Оренбургскій край: «Познакомившись съ краемъ и съ дѣлами по его управленію, Неплюевъ убѣдился, что большая часть правительственныхъ распоряженій, касавшихся башкиръ и другихъ инородцевъ края, оставалась пока только на бумагѣ; должнаго порядка въ управленіи не было; между башкирцами находилось много недовольныхъ русскою властью и особенно притѣсненіями со стороны чиновниковъ; въ расходованіи суммъ найденъ большой безпорядокъ и громадный недочетъ; инородцы и русскіе поселенцы края, вслѣдствіе постоянныхъ бунтовъ среди башкиръ и злоупотребленій нѣкоторыхъ воеводъ, страшно бѣдствовали; многія деревни были опустошены или выжжены; большія пространства плодородной земли лежали нетронутыми, ожидая плуга земледѣльца и умѣлыхъ рабочихъ рукъ; о торговлѣ и промышленности, въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, нечего и говорить; каждый торговый караванъ пришлось бы охранять цѣлымъ войскомъ не только отъ киргизовъ и калмыковъ, но и отъ разбойническихъ шаекъ каракалпаковъ, кашгарцевъ, хивинцевъ и другихъ средне азіатскихъ народовъ». Лѣтъ черезъ пять—шесть Оренбургскій край, благодаря заботамъ и трудамъ Неплюева, былъ защищенъ отъ набѣговъ кочующихъ инородцевъ цѣлымъ рядомъ крѣпостей. На западъ отъ Оренбурга шла Самарская ли-

нія крѣпостей и редутовъ, на востокъ—Красногорская дистанція Верхнеяицкой линіи и Уйская линія, на югъ—Нижнеяицкая, а на сѣверъ—Сакмарская линія и Орская дистанція Верхнеяицкой линіи.

Съ увеличеніемъ числа укрѣпленныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ краѣ, приходилось заботиться и объ увеличеніи военной силы, а потому Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе на Оренбургское казачье войско и на Яицкихъ (Уральскихъ) казаковъ. Желая ознакомиться съ положеніемъ казачества, Неплюевъ отправился въ Яицкій городокъ и взялъ съ собой П. И. Рычкова, извѣстнаго мѣстнаго ученаго, автора Оренбургской топографіи и Казанской исторіи. Съ помощью Рычкова онъ собралъ историческія свѣдѣнія о Яицкомъ войскѣ и составилъ подробный проектъ объ измѣненіи его управленія, а въ 1753 г., будучи въ Петербургѣ, представилъ Военной Коллегіи проектъ относительно штатовъ Яицкаго войска. Этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ Сенатъ не отвѣчалъ на неоднократные доклады Коллегіи; но, благодаря Неплюеву, Яицкое войско осталось на своей родной землѣ и получило въ вѣчное владѣніе воды, изобилующія рыбой.

Неплюевъ немало потрудился какъ надъ устройствомъ Уфимской и Исетской провинцій, входившихъ въ составъ Оренбургской губерній, такъ и надъ устройствомъ быта Ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ, относительно которыхъ представилъ Сенату въ концѣ 1743 г. обширный докладъ; черезъ годъ съ небольшимъ докладъ этотъ былъ утвержденъ. Главное духовное руководительство надъ калмыками Неплюевъ поручилъ протоіерею Чубовскому; хорошо знавшему калмыцкій языкъ.

Согласно желанію Неплюева, былъ составленъ калмыцкій букварь и переведены на калмыцкій языкъ Евангеліе и извлеченія изъ Церковной исторіи, а въ Ставропольской калмыцкой школѣ увеличенъ штатъ учениковъ. Неплюевъ возлагалъ большія надежды на поселеніе крещеныхъ калмыковъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ, полагая, что ихъ примѣръ, а также природныя удобства для осѣдлой жизни, обиліе земли и различныя льготы будутъ и впредь привлекать калмыковъ-язычниковъ и что они мало-по-малу сдѣлаются осѣдлыми христіанами. Одной изъ мѣръ, предпринятыхъ Неплюевымъ для ознакомленія калмыковъ съ хлѣбопашествомъ, было введеніе общественной запашки, на которую должны были явиться со всѣхъ улусовъ по нѣсколько человѣкъ съ лошадьми и работать подъ присмотромъ русскихъ приставовъ и переселенцевъ. Пока Неплюевъ былъ главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края, все шло хорошо; послѣ же его отъѣзда въ Петербургъ, ставропольскіе калмыки сдѣлались почти такими же язычниками, какъ астраханскіе и другіе улусные калмыки, и многіе изъ нихъ стали убѣгать изъ Ставрополя въ улусы, гдѣ ихъ охотно принимали, а улусные калмыки переселялись въ Китай.

Благодаря стараніямъ Неплюева, Оренбургъ сдѣлался главнымъ пунктомъ мѣновой торговли между русскими и азіатскими купцами, вслѣдствіе чего явилась надобность въ постройкѣ Гостиннаго и Мѣноваго дворовъ. Видя успѣхи внѣшней торговли, Неплюевъ составилъ проектъ о торговлѣ Россіи съ Индіей, но этому проекту, къ великому его огорченію, не дали хода. Во время его 16-ти-лѣтняго управленія Оренбургскимъ краемъ было положено начало правильной разработки Илецкой соли; улучшено рыболовство по рѣкѣ Яику и устроено 2 стекольныхъ, 15 мѣдиплавильныхъ и 13 желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Вообще Неплюевъ такъ много сдѣлалъ для Оренбургскаго края, что достоинъ названія его «устроителя».

Въ 1754 г., когда Оренбургскій край казался устроеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, среди башкиръ началъ подготовляться мятежъ мещерякскимъ муллой Абдулломъ Мязгильдинымъ, извѣстнымъ въ народѣ подъ именемъ Батырши Алѣева. Заговоръ противъ русскихъ былъ задуманъ очень хитро, на религіозной почвѣ. и Батыршѣ удалось склонить на свою сторону не только башкиръ, но и казанскихъ татаръ и киргизъ. Получивъ извѣстіе о бунтѣ, Неплюевъ распорядился, чтобы были приняты надлежащія мѣры предосторожности во всѣхъ крѣпостяхъ и редутахъ, и потребовалъ присылки войскъ, при чемъ указалъ мѣста, гдѣ должны были собраться вызванные полки, и далъ подробныя наставленія, какъ поступать для подавленія мятежа. Одновременно съ этимъ онъ написалъ киргизскому хану Нурали, чтобы онъ удерживалъ свой народъ отъ принятія участія въ бунтѣ, а самъ послалъ кромѣ того съ подарками и

воззваніемъ къ киргизскимъ старшинамъ толмача изъ магометанъ. По всей Башкиріи были разосланы указы о прощеніи бунтовщиковъ, если они принесутъ повинную, а за поимку Батырши обѣщана награда въ 1.000 р. Не станемъ подробно останавливаться на всѣхъ мѣропріятіяхъ Неплюева къ прекращенію мятежа, скажемъ только, что возстаніе окончилось безъ пролитія русской крови, а Батырша былъ пойманъ и отосланъ въ Петербургъ.

Чувствуя, что здоровье не позволяетъ больше оставаться на трудномъ и отвѣтственномъ мѣстѣ оренбургскаго губернатора, Неплюевъ отправилъ въ Петербургъ своего сына съ прошеніемъ объ отставкѣ, которое и было принято въ 1758 г. До 1760 г. Н—въ жилъ въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ, а затѣмъ снова поступилъ на службу въ званіи сенатора и конференцъ-министра, но бывалъ ежедневно на должности, по собственному его выраженію «нѣмымъ», «ибо никто уже и мнѣнія моего не требовалъ». 28 іюня 1762 г., при отъѣздѣ въ Петергофъ Екатерины II для низложенія съ престола Петра III, Неплюеву была поручена охрана цесаревича Павла Петровича и Петербурга со всѣми находившимися тамъ войсками. Во время коронаціи Екатерины II въ Москвѣ Неплюевъ былъ снова оставленъ императрицей въ Петербургѣ, для главнаго наблюденія за столицей, и назначенъ первоприсутствующимъ въ Сенатской конторѣ. Передъ отъѣздомъ изъ Царскаго Села Екатерина II пожаловала Неплюеву орденъ св. Андрея Первозваннаго и положила ему, сверхъ жалованья, по 500 р. въ мѣсяцъ на столъ.

Зрѣніе Неплюева мало-по-малу ослабѣвало и въ половинѣ 1764 г., когда уже онъ совершенно ослѣпъ, то явился къ императрицѣ съ просьбой объ увольненіи отъ службы. Она усадила его подлѣ себя и, предугадывая его намѣреніе, сказала: «Я разумѣю тебя, Иванъ Ивановичъ! ты, конечно, хочешь проситься въ отставку, но—воля твоя—я прежде тебя не отставлю, пока ты не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ такими же достоинствами, съ какими ты». Неплюевъ, растроганный до слезъ, отвѣчалъ взволнованнымъ голосомъ: «Нѣтъ, Государыня, мы—ученики Петра Великаго; проведены имъ сквозь огонь и воду; инако воспитывались, инако думали и инако вели себя, а нынче инако воспитываются, инако мыслятъ и инако ведутъ себя. Итакъ я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться».

При увольненіи въ отставку, Неплюевъ получилъ въ награду «за вѣрную, честную, многополезную и продолжительную службу» нѣсколько деревень въ Малороссіи и 20.000 рублей. Послѣ этого Неплюевъ нѣсколько времени прожилъ въ Петербургѣ, навѣщаемый императрицей, которая иногда совершенно запросто у него обѣдала. Въ 1765 г. онъ побывалъ въ своемъ родовомъ имѣніи Поддубьѣ, а затѣмъ поѣхалъ въ Малороссію, но по дорогѣ сильно заболѣлъ и выписалъ къ себѣ своего сына Николая Ивановича, служившаго въ Петербургѣ. Здоровье Неплюева было настолько слабо, что сынъ счелъ необходимымъ уговорить отца поселиться въ Петербургѣ вмѣстѣ съ нимъ. Неплюевъ согласился, но ему скоро наскучила жизнь въ столицѣ безъ опредѣленныхъ занятій, и онъ отправился строить храмъ въ Поддубьѣ, гдѣ и прожилъ до конца жизни.

Въ октябрѣ 1773 г. Неплюевъ почувствовалъ полный упадокъ силъ, сталъ готовиться къ смерти и въ теченіе трехъ дней диктовалъ племяннику кн. Андрею Ив. Мышецкому и Вас. Вас. Татищеву письмо къ своему сыну Николаю Ивановичу. Въ числѣ разныхъ наставленій особенно замѣчательно слѣдующее: «подчиненнымъ своимъ и паче крестьянамъ будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе «милости хощу, а не жертвы», и что они такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами».

Неплюевъ скончался 11 ноября 1773 г. и погребенъ внутри храма, построеннаго въ Поддубьѣ.

Интересенъ отзывъ о Неплюевѣ Голикова, извѣстнаго автора «Дѣяній Петра Великаго», бывшаго у него домашнимъ чтецомъ и знавшаго его въ теченіе 20 лѣтъ: «Сей достопочтенный мужъ имѣлъ разумъ твердый и тонкій, дѣятельность неусыпную, правосудіе строгое и никакими пристрастіями и интересами непоколебимое... былъ врагъ вольнодумства, суевѣрія, ласкательства и потаковщиковъ; всякія несчастія и прискорбности сносилъ съ благодареніемъ Богу, вѣруя несумнѣнно Провидѣнію Его, управляющему жребіемъ смертныхъ»...

Послѣ Неплюева остались «Записки», касающіяся его семейной жизни и прохожденія службы. Нѣкоторыя части «Записокъ» носятъ характеръ почти дневника, другія обработаны, повидимому, позднѣе описываемыхъ событій, а потому отличаются краткостью. Первое извлеченіе изъ «Записокъ» Неплюева было помѣщено Голиковымъ въ 1796 г. въ дополненіяхъ къ «Дѣяніямъ Петра Великаго», т. XVII. Въ 1843 г. вышло 2-е изданіе «Дѣяній», при чемъ издатель ихъ Н. А. Полевой, представивши сводъ «Дѣяній» съ «дополненіями» въ пятнадцати томахъ, распредѣлилъ данныя изъ «Записокъ» Неплюева по соотвѣтствующимъ годамъ (болѣе всего данныхъ собрано въ XV томѣ). Затѣмъ болѣе полное изданіе появилось въ «Отеч. Запискахъ» П. П. Свиньина 1823—1826 гг. (ч. ч. XVI, XIX—XXII, XXIV и XXV), но все-таки съ нѣкоторыми сокращеніями со стороны цензуры и самого издателя. Въ 1871 г. полный текстъ «Записокъ» былъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» по рукописи, принадлежащей Императорской Академіи Наукъ и просмотрѣнной для печати Л. Н. Майковымъ. Въ 1893 г. А. С. Суворинъ выпустилъ отдѣльной книжкой точное воспроизведеніе этого текста, подъ заглавіемъ «Записки Ив. Ив. Неплюева» (1693—1773 гг.). Съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. Стр. VIII—197.

Литература объ И. И. Неплюевѣ обширна. Болѣе другихъ потрудились надъ выясненіемъ дѣятельности Неплюева Н. А. Өирсовъ и В. Н. Витевскій. Өирсовъ посвятилъ дѣятельности Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ II главу своей книги: „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель въ это время". Казань. 1869 г., с. 305—445. Позднѣе (въ 1894 г.) онъ помѣстилъ въ „Изв. Каз. Общ. Арх., Ист., и Этн." двѣ замѣтки: 1) Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности И. И. Неплюева и 2) О связи дѣятельности И. И. Неплюева съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго.—Въ 1873 г., по случаю столѣтія со дня смерти Неплюева, появилось о немъ много статей въ „Уфимскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ", въ „Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ" и въ Оренбургскихъ „губернскихъ" и „епархіальныхъ вѣдомостяхъ". Къ этому времени относится первый опытъ Витевскаго представить біографическо-историческій очеркъ жизни И. И. Неплюева, который онъ помѣстилъ въ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ, подъ заглавіемъ: „И. И. Неплюевъ и Оренбургъ". Впослѣдствіи Витевскій переработалъ и значительно дополнилъ этотъ матеріалъ и напечаталъ въ Казани въ 1891 г. отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: „И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края". Къ этой книгѣ приложены портретъ Неплюева и родословная его потомковъ по прямой линіи. Въ 1897 г. Витевскій напечаталъ въ Казани же большую монографію, въ 5 выпускахъ: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.". Въ IV выпускѣ этой монографіи приведены всѣ источники и пособія, которыми пользовался Витевскій.—Подробности о статьяхъ, появившихся въ 1873 г., см. въ Русской исторической библіографіи Межова, т. II, с. 299—300.

В. Корсакова.

Неплюевъ, *Иванъ Николаевичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта; р. 26 марта 1750 г., ум. 6 іюля 1823 г. Въ 1767 г., благодаря заботамъ своего дѣда, Ив. Ив. Неплюева, и содѣйствію графа Никиты Ив. Панина, Н—въ былъ посланъ учиться въ Швецію. По прошествіи двухъ лѣтъ Н—въ возвратился и въ октябрѣ 1769 г. Ив. Ник. получилъ чинъ армейскаго капитана, а въ январѣ 1770 г. отправился «вояжировать» въ сопровожденіи маіора Рейценштейна по Западной Европѣ. Въ 1772 г. Н—въ возвратился въ Россію съ богатымъ запасомъ различныхъ свѣдѣній и съ знаніемъ итальянскаго языка, и въ томъ же году принялъ участіе въ первой турецкой войнѣ.

Въ 1792 г. Н—въ былъ назначенъ правителемъ въ Минскую губернію. Въ царствованіе императора Павла онъ уже въ чинѣ ген.-лейт. вышелъ въ отставку, а въ январѣ 1801 г. назначенъ сенаторомъ съ переименованіемъ въ тайные совѣтники. Въ январѣ 1810 г. Н—въ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; въ августѣ 1822 г. по болѣзни уволился и 6 іюля слѣдующаго года умеръ въ Петербургѣ и былъ погребенъ въ своемъ имѣніи въ селѣ Поддубьѣ, Петербургской губ.

Н—въ женатъ былъ на Нат. Вас. Самариной (р. 1777 г., ум. въ 1838 г.) и имѣлъ двухъ сыновей и дочь.

В. Н. Витевскій, „Ив. Ив. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г." Казань. 1897 г." стр. 15, 932—935, 940; прилож., стр. 38, 119, 120; «Русскіе портреты», изд. В. К. Николая Михаиловича, т. V, № 112. *В. Корсакова.*

Неплюевъ, *Леонтій Романовичъ*. Въ 1658 Н. былъ стряпчимъ; въ 1672 г. воеводой въ Пустозерскомъ острогѣ, въ 1677—

78 г.г. въ Сѣвскѣ, а въ 1679 г. въ Переяславлѣ. Въ 1681 г. Неплюевъ, уже въ чинѣ думнаго дворянина, былъ воеводой въ Кіевѣ сначала одинъ, затѣмъ въ товарищахъ у боярина Петра Вас. Большого Шереметева. Въ 1682 г. онъ названъ воеводой и намѣстникомъ Карачевскимъ и ему приказано быть всегда наготовѣ, чтобы итти съ конными и пѣшими ратными людьми Сѣверскаго полка на помощь къ гетману Ивану Самойловичу.

Въ 1686—87 г.г. Неплюевъ былъ окольничимъ и принималъ участіе какъ въ выступленіи противъ Юрія Хмельницкаго, такъ и въ неудачно окончившемся Крымскомъ походѣ, веденномъ подъ главнымъ начальствомъ кн. Вас. Вас. Голицына, съ которымъ онъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. По порученію Московскаго правительства Неплюевъ сообщилъ гетману Самойловичу сначала о мирныхъ переговорахъ, возникшихъ между Польшей и Московскимъ государствомъ, а затѣмъ и о заключеніи вѣчнаго мира. Самойловичъ былъ настолько возмущенъ этимъ извѣстіемъ, что позволилъ себѣ и словесно и письменно весьма неосторожно отзываться о дѣйствіяхъ Московскаго правительства. Польскій король сообщилъ объ этомъ въ Москву, откуда черезъ Неплюева сказанъ былъ Самойловичу выговоръ за его «противенство». Гетманъ испугался и послалъ просить прощенія, которое и было ему даровано, какъ видно изъ письма кн. Вас. Вас. Голицына, увѣрявшаго, что милость къ нему государей не будетъ уменьшена. Въ это самое время кн. Голицынъ, скрывавшій свою ненависть къ Самойловичу подъ личиной пріязни, поручилъ Неплюеву сойтись съ близкими къ гетману лицами и черезъ нихъ вывѣдать его задушевныя мысли и намѣренія. Неплюевъ, какъ можно заключить изъ дневника Патрика Гордона, нашелъ самыми подходящими для этого людьми генеральнаго есаула Мазепу и войскового канцеляриста Кочубея. Самойловичъ повѣрялъ имъ важнѣйшія дѣла, и Неплюевъ узналъ отъ нихъ многое такое, что набрасывало тѣнь на его преданность Московскому правительству. Лѣтомъ 1687 г. генеральные старшины, обозный, судья, писарь и полковники подали на Самойловича доносъ, а Мазепа, желая быть выбраннымъ въ гетманы, далъ большія денежныя суммы и много дорогихъ вещей кн. Голицыну и Неплюеву. По позднѣйшему показанію Мазепы Неплюевъ угрозами вынудилъ его дать эти взятки, какъ изъ конфискованнаго имущества Самойловича, такъ и изъ собственнаго его имѣнія. Неплюевъ присутствовалъ при арестѣ гетмана Самойловича—Григорія и велѣлъ заковать его въ кандалы, а все имущество, бывшее съ нимъ, взялъ, по выраженію лѣтописца, «до своей ласки и протекціи». Затѣмъ онъ доставилъ Григорія Самойловича князю Голицыну, который поручилъ генералу Гордону везти его въ Сѣвскъ подъ строжайшимъ карауломъ. Самойловича осудили на смертную казнь, которая и была совершена мучительнымъ образомъ.

По окончаніи Крымскаго похода были розданы награды какъ казакамъ, такъ и московскимъ военачальникамъ: Неплюевъ получилъ золоченый кубокъ съ кровлею, кафтанъ золотный на соболяхъ, 150 р. денежной придачи и 4 ефимка на вотчину; атаману и казакамъ Низового Запорожскаго войска прислано 500 р., которые долженъ былъ передать имъ Неплюевъ. Въ 1688 г. Неплюевъ завѣдывалъ вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой и генераломъ Григ. Ив. Косаговымъ постройкой городка на берегу Самары.

Въ 1689 г., послѣ слѣдствія по дѣлу Шакловитаго, царь Петръ велѣлъ привезти въ Троицкій монастырь, куда укрылся отъ стрѣльцовъ, какъ Шакловитаго, такъ и его сообщниковъ: кн. Вас. Вас. Голицына, его сына князя Алексѣя, Неплюева и еще нѣсколько человѣкъ. Они были осуждены не за сообщничество съ Шакловитымъ и за приверженность къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, а будто-бы за нерадѣніе во время Крымскаго похода, по окончаніи котораго прошло уже два года и за который они получили въ свое время награды. Петръ не допустилъ къ себѣ кн. Голицына и другихъ прибывшихъ съ нимъ лицъ и велѣлъ объявить имъ приговоръ. Неплюевъ осужденъ на лишеніе чести, званія и всего имущества и на вѣчную ссылку въ Пустозерскъ, откуда впослѣдствіи переведенъ въ Кольскій острогъ, гдѣ и умеръ. По свидѣтельству Гордона и по челобитнымъ Неплюева изъ Колы его винили въ притѣсненіи народа во время его долгаго воеводства въ Сѣвскѣ, въ грабительствѣ и въ разореніи Камарицкой волости.

Разрядныя книги, II.—Собраніе государ-

ственныхъ грамотъ и договоровъ, т. IV. — Акты Археогр. Экспедиціи, т. IV, стр. 437.— Дополн. къ Акт Ист., т. IX, X, стр. 142—144.—Р. И. Б., т. VIII, стр. 951, 954, 956.—Голиковъ, Дѣянія Петра В., 2-е изд., т. I, стр. 58, 215.—А. П. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ XVII в., стр. 103, 188, 224. — его же. Родъ Шереметевыхъ, т. VIII, стр. 483. — Устряловъ. Исторія царствованія Петра В., т. II, стр. 81—82. — Костомаровъ, Н. И. Собраніе сочиненій. СПБ. 1905 г., т.т. XV и XVI. *В. Корсакова.*

Неплюевъ, *Николай Ивановичъ*,— вице-президентъ коммерцъ-коллегіи; род. 19 мая 1731 г. въ Константинополѣ, ум. 24 мая 1784 г. въ Петербургѣ. Въ 1752 году, въ чинѣ капитана, Н-въ, по именному указу, отправился въ Оренбургъ помогать отцу въ дѣлахъ по управленію краемъ. Въ 1755 г., передъ началомъ Башкирскаго бунта, Н—въ имѣлъ несчастье лишиться въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ небольшимъ сына и жены (рожд. кн. Мещерской). По усмиреніи башкиръ отецъ послалъ его въ Петербургъ „съ подробнымъ всего того описаніемъ и для объясненія на словахъ“. Императрица Елизавета Петровна пожаловала его въ маіоры, а въ 1757 г. произвела въ подполковники. Въ томъ же 1757 г. отецъ его былъ уволенъ въ отставку, и они вмѣстѣ переѣхали изъ Оренбурга въ Петербургъ. 28 января 1760 г. Н—въ женился вторично—на Агриппинѣ Александровнѣ Нарышкиной. Съ 1763 г. Н—въ былъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи, въ 1777 г. назначенъ сенаторомъ. Н—въ интересовался изученіемъ прошлаго Россіи и съ этой цѣлью собиралъ историческіе матеріалы: такъ, напр., по списку, ему принадлежавшему, В. Г. Рубанъ издалъ „Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 г.“.

В. Н. Витевскій, И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Казань. 1897 г., стр. 831—860, 900—903, 930—940; Сборникъ Имп. Русс. Истор. Общества, II, 424, XLIII, с. 199; „Русс. Стар.“ 1897 г., XCI, с. 408.

В. Корсакова.

Неплюевъ, *Романъ Ивановичъ*. Въ 1640 г. стряпчій, а затѣмъ дворянинъ. Въ 1640 и 1646 гг. дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ. Въ 1648 г. велѣно ему, «свѣстясь съ Усердскимъ воеводой», оберегать рѣку Сосну, чтобы черезъ нее не прошли крымцы. Въ 1659 г. отыскалъ серебряную руду ниже Камени. Въ томъ же году онъ, Ѳома Кыркаловъ и Василій Шишкинъ ходили для «отыскной руды и для всякихъ сыскныхъ узорочей на Новую землю, въ Югорскій шаръ, на Микулкинъ и на иные морскіе острова».

Доп. къ Акт. ист., IV, 175; V, 172.—Рус. Ист Библ., X, 227, 230, 339, 410.—Акты Моск. госуд., II, 209.—Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ XVII ст., 161.

В. Корсакова.

Неплюевъ, *Семенъ Протасьевичъ*. Въ 1688—1705 гг. думный дворянинъ. До 1689 г. воевода въ Сѣвскѣ, въ 1689 г.— въ Черниговѣ, а въ 1696—99 гг.—въ Курскѣ. Въ 1690 г. ему приказано было ѣхать вмѣстѣ съ дьякомъ Мих. Жеденевымъ изъ Сѣвска въ Батуринъ и собрать туда всѣ пожитки бывшаго гетмана Ивана Самойловича и его сыновей Григорія и Якова, чтобы раздѣлить пополамъ: одну половину взять въ государеву казну, а другую отдать въ войсковой скарбъ. Въ іюлѣ 1696 г., во время Азовскаго похода, когда гетманъ Мазепа и кіевскій воевода Бор. Петр. Шереметевъ расположились со своими войсками обозомъ у рѣчки Берестовой, Н—въ осмотрѣлъ крѣпость Таванскъ и города Кизикермень и Шингирей и донесъ, что всего удобнѣе исправить и укрѣпить Шингирей. Мазепа сочувственно отнесся къ этому плану и приказалъ вмѣстѣ съ царскими ратными людьми работать своимъ казакамъ, посланнымъ въ Таванскъ. Ранней весной 1697 г. было получено извѣстіе, что крымскій ханъ собирается громить Таванскъ; вслѣдствіе этого, по царскому указу, гетманъ уговорился съ кн. Як. Ѳеод. Долгорукимъ итти въ «плавной» походъ внизъ по Днѣпру, какъ только пригонятся къ устью Самары суда, изготовленныя въ Брянскѣ и сплавляемыя Десною въ Днѣпръ. Н—въ находился въ это время въ Брянскѣ и доставилъ оттуда 121 стругъ, а затѣмъ былъ назначенъ въ «сходные товарищи» къ кн. Як. Ѳеод. Долгорукову и участвовалъ въ «плавномъ» походѣ.—Состоя подъ главнымъ начальствомъ гетмана Мазепы, Н—въ принималъ въ 1705 г. участіе въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ противъ Станислава Лещинскаго, посаженнаго на польскій престолъ Карломъ XII. Въ 1706 г. соединенные отряды Н—ва и Миргородскаго полковника Данила Апостола были разбиты шведами у мѣстечка Клецка. Объ

этомъ сраженіи сохранился походный журналъ Н—ва, начиная съ 1 марта 1706 г., когда его полкъ находился въ Слуцкѣ, т. е. приблизился къ театру военныхъ дѣйствій. Въ 1713 г., по государеву указу, смоленская шляхта должна была вмѣсто собственной службы представить даточныхъ людей и деньги и выслать тѣхъ даточныхъ людей со всѣмъ, съ чѣмъ надлежитъ, въ Бѣлгородъ къ думному дворянину Н—ву.

Рус. Ист. Библ. VIII, с. 951–968.—Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ XVII ст., с. 123, 224, 272.—Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Спб. 1905 г., т. XVI. Рус. Ст. 1875 г., XII, с. 627 — 628; 1891 г., LXXII, с. 25—32.

В. Корсакова.

Непокойчицкій, *Артуръ Адамовичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи; происходилъ изъ древняго дворянскаго рода; былъ сыномъ Слуцкаго уѣзднаго предводителя дворянства, родился 8 декабря 1813 г. По окончаніи курса въ Пажескомъ Корпусѣ, Н. 30 августа 1832 г. былъ произведенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики л.-гв. Преображенскаго полка и въ томъ же году поступилъ въ Императорскую Военную Академію. Черезъ два года (11 октября 1834 г.) Н. окончилъ курсъ Академіи въ чинѣ подпоручика и былъ командированъ въ 5-й пѣхотный корпусъ, гдѣ послѣдовательно занималъ должности дивизіоннаго квартирмейстера и старшаго адъютанта корпуснаго штаба, причемъ въ 1836 г. былъ зачисленъ въ Генеральный Штабъ. Въ 1841 году началась боевая дѣятельность Н., когда онъ, уже въ чинѣ капитана, былъ командированъ на Кавказъ, въ Чеченскій отрядъ генерала Граббе, съ коимъ въ теченіе семимѣсячной кампаніи участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами, а затѣмъ снова вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей по должности старшаго адъютанта. Однако, черезъ два года, когда 5-й корпусъ былъ переведенъ на Кавказъ, Н. снова пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, на этотъ разъ въ Дагестанскомъ отрядѣ генерала Лидерса; состоя въ этомъ отрядѣ, Н. особенно отличился при овладѣніи Ахтинскою переправою и при переходѣ черезъ р. Сулакъ, а также въ бою при Черкеѣ. Въ 1844—1845 гг. Н. состоялъ въ Чеченскомъ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ Шамиля, и отличился въ дѣлѣ на высотахъ Азала. За всѣ эти дѣла Н. былъ награжденъ орденами и чиномъ подполковника. Боевая служба Н. на Кавказѣ продолжалась до августа 1845 г., когда онъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса и вмѣстѣ съ корпусомъ возвратился въ Ставрополь. Въ 1849 г., при усмиреніи Венгерскаго мятежа, Н. въ чинѣ подполковника исправлялъ должность начальника штаба отряда войскъ того же 5-го пѣхотнаго корпуса и находился въ Трансильваніи. Въ цѣломъ рядѣ сраженій съ непріятелемъ (при взятіи съ боя укрѣпленій въ Темешскомъ и Ротентурмскомъ ущельяхъ, при занятіи Кронштадта и Германштадта, въ битвѣ при Шегешварѣ и Мюленбахѣ) Н. отличился мужествомъ и распорядительностью, за что произведенъ былъ 25 іюля въ генералъ-майоры, получилъ пять Именныхъ Высочайшихъ благоволеній и рядъ орденовъ. Въ сентябрѣ 1849 г. Н. назначенъ былъ и. д. начальника штаба войскъ, занимавшихъ Молдавію и Валахію, а въ 1852 г.—начальникомъ штаба войскъ 5 пѣхотнаго корпуса. Въ это время имъ было составлено «Описаніе войны въ Трансильваніи», изданное штабомъ того же корпуса (1-е изданіе—Спб. 1858 г.; 2-е—Спб. 1866).

Во время Восточной войны 1853—1856 гг. Н. сперва былъ въ составѣ чрезвычайной миссіи генералъ-адъютанта князя Меньшикова въ Константинополѣ, а затѣмъ снова дѣйствовалъ въ составѣ 5-го пѣхотнаго корпуса на Дунаѣ. Въ мартѣ 1854 г. Н. перешелъ черезъ эту рѣку у Галаца и принялъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ эпизодахъ продолжительной осады крѣпости Силистріи, получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени и золотую шпагу, украшенную брилліантами, съ надписью «за храбрость». Въ 1855 г. былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба Южной Арміи и сухопутныхъ и морскихъ силъ, находящихся въ Крыму, произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1856 г. опредѣленъ начальникомъ штаба 2-й Арміи. Съ этихъ поръ Н. начинаетъ принимать видное участіе въ реформахъ по Военному Министерству. 25 августа 1857 г. состоялось его назначеніе Предсѣдателемъ Комитета о сокращеніи штатовъ Военнаго Министерства, въ 1859 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Военно-Кодификаціонной Комиссіи, 21 августа 1864 г.—чле-

номъ Военнаго Совѣта, въ 1868 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, а 30 августа 1874 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты и назначенъ предсѣдателемъ Особой Временной Комиссіи для управленія Императорскою Медико-Хирургическою Академіею.

Съ началомъ Турецкой кампаніи 1877—1878 гг. Н. былъ избранъ Государемъ Императоромъ на должность начальника полевого штаба и пожалованъ шефомъ 54-го пѣхотнаго Минскаго полка. Въ теченіе этой кампаніи Н. отличился при организаціи переправы черезъ Дунай, совершившейся въ присутствіи Государя (за это Н. получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени и Монаршую благодарность, отданную въ приказѣ по Арміи), и при обложеніи Плевны (за что получилъ лично отъ Государя Императора орденъ св. Георгія 2-ой степени), причемъ по взятіи этого города подписалъ перемиріе. 16 апрѣля 1878 г., по увольненіи Великаго Князя Николая Николаевича отъ званія главнокомандующаго, Н. отчисленъ былъ отъ должности начальника штаба и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ членомъ Военнаго Совѣта, въ званіи генералъ-адъютанта и по Генеральному Штабу. Въ послѣдніе годы жизни Н. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-ой степени. 11 ноября 1881 г. А. А. Непокойчицкій скончался.

Столѣтіе Военнаго Министерства. Память о членахъ Военнаго Совѣта, составилъ Н. М. Затворницкій, Спб. 1907, стр. 421–424; Фрейманъ, Пажи за 185 лѣтъ, стр. 289, 817, 872, 874; Развѣдчикъ 1902 г., № 635, Русскій Инвалидъ 1874 г., № 50; 1881 г., № 250; Военный Сборникъ 1882 г., № 11; Н. П. Глиноецкій, Историческій очеркъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Спб. 1882; Графъ Милорадовичъ, Списокъ лицъ свиты Ихъ Величествъ, Спб. 1886, стр. 49; Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, Спб. 1883, т. IV, приложенія, стр. 154. Отзывы объ «Описаніи войны въ Трансильваніи»: Библіотека для чтенія 1858 г., № 12; Военный Журналъ 1858 г., ч. II; С.-Петербургскія Вѣдомости 1858 г., № 228; Сѣверная Пчела 1858 г., № 242; Русскій Инвалидъ 1858 г., № 244 и 257; Военный Сборникъ 1860 г., № 6.

Нероновъ (р. 1591 † *В. Л. М.* 2 января 1670),—названный при крещеніи *Гавріиломъ*, носилъ потомъ имя *Іоанна*, а въ иночествѣ нареченъ *Григоріемъ*. Онъ былъ однимъ изъ предводителей возстанія противъ тѣхъ якобы «новшествъ», которыя приписывали патріарху Никону справщики книгъ, работавшіе при патріархѣ Іосифѣ. Въ самомъ началѣ этого возстанія, когда расколъ старообрядчества только зарождался и выступалъ не противъ церкви, а противъ личностей, стоявшихъ во главѣ церковной жизни, Нероновъ игралъ важную роль, такъ какъ пользовался почетомъ въ тогдашнемъ обществѣ и вліяніемъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Впослѣдствіи, когда расколъ принялъ болѣе широкіе размѣры, онъ не выдержалъ напряженія борьбы и смирился передъ властью церкви.

Нероновъ былъ извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу еще въ бытность свою въ Нижнемъ, откуда переведенъ былъ въ Москву въ Успенскій соборъ ключаремъ, а затѣмъ въ 1649 г. назначенъ протопопомъ Казанскаго собора. Нероновъ участвовалъ въ исправленіи богослужебныхъ книгъ, предпринятомъ патріархомъ Іосифомъ, и входилъ въ составъ кружка, интересовавшагося церковными дѣлами.

Этотъ кружокъ, или «братію» составляли: духовникъ царя Алексѣя Михайловича Стефанъ Вонифатьевъ, царскій постельничій Ѳеодоръ Ртищевъ и новоспасскій архимандритъ Никонъ, впослѣдствіи новгородскій митрополитъ и московскій патріархъ. Въ дружескихъ отношеніяхъ съ Вонифатьевымъ и съ Нероновымъ находился между прочимъ протопопъ Аввакумъ, который въ 1651 г. поселился даже у Неронова, «вѣдая церковь его, егда тотъ куда отлучался».

Во время кончины патріарха Іосифа († 15 апрѣля 1652 г.) новгородскій митрополитъ Никонъ былъ въ Соловецкомъ монастырѣ для перенесенія оттуда мощей Св. Филиппа въ Москву. Воспользовавшись его отсутствіемъ, прежніе его друзья, въ томъ числѣ Нероновъ, хлопотали объ избраніи на патріаршій престолъ Вонифатьева, который однако благоразумно уклонился отъ этой чести. Патріархомъ былъ единогласно избранъ Никонъ, согласившійся принять на себя высокій и отвѣтственный санъ лишь послѣ усиленной мольбы царя и духовенства. Продолжая начатое патріархомъ Іосифомъ исправленіе книгъ, Никонъ приставилъ къ этому дѣлу людей истинно-ученыхъ, знающихъ греческій языкъ, а протопоповъ Неронова и Аввакума и ихъ пріятелей отстранилъ отъ «книжнаго исправленія» и совершенно измѣнилъ свое обхожденіе съ ними. Въ

дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ Никонъ на первый разъ ограничился указаніемъ на двѣ «новины», т. е. новшества, по отношенію къ древнимъ греческимъ обычаямъ, принятымъ русской православной церковью: многочисленность земныхъ поклоновъ при чтеніи великимъ постомъ молитвы Ефрема Сирина, и двуперстное крестное знаменіе. Объ исправленіи этихъ новшествъ онъ разослалъ передъ наступленіемъ великаго поста 1653 г. по всѣмъ московскимъ церквамъ «Память». Нероновъ и его пріятели: протопопъ Аввакумъ, костромской протопопъ Даніилъ, муромскій протопопъ и коломенскій епископъ Павелъ написали опроверженіе на эту «Память» и подали свою Алексѣю Михайловичу, желая выставить Никона еретикомъ и повредить ему въ глазахъ царя. Сила и вліяніе Никона отъ этого не умалилась, а отношенія между нимъ и его противниками еще болѣе обострились. Въ іюлѣ 1653 г. Никонъ созвалъ въ своей Крестовой соборъ для выслушанія отписки муромскаго воеводы, обвинявшаго муромскаго протопопа Логгина въ хуленіи иконъ. Логгинъ оправдывался и объяснялъ совершенно иначе свои слова, подавшія поводъ къ обвиненію. Безъ должнаго разслѣдованія справедливости показаній обѣихъ сторонъ, патріархъ рѣшилъ отдать Логгина приставу для истязаній. По мнѣнію недоброжелателей Никона, онъ поступилъ такъ изъ личной мести, потому что Логгинъ позволялъ себѣ прежде обличать его въ «небрежнѣмъ и высокоумномъ и гордомъ житіи». Нероновъ заступился за Логгина, упрекалъ Никона въ жестокости, говорилъ, что нужно произвести розыскъ и что на соборѣ слѣдуетъ быть самому царю. На это Никонъ будто бы очень непочтительно отозвался о царѣ. Въ тотъ же день Нероновъ съ ярославскимъ протопопомъ Ермиломъ донесли объ этомъ царскому духовнику Стефану и Государю. Черезъ нѣсколько дней патріархъ снова созвалъ духовныхъ властей на соборъ и жаловался имъ, что Нероновъ оклеветалъ его передъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Нероновъ сталъ дерзко и рѣзко препираться съ патріархомъ и въ концѣ концовъ похулилъ соборъ. На основаніи 55 правила св. апостоловъ, которое гласитъ: «аще кто изъ клира досадитъ епископу, да будетъ изверженъ»—соборъ опредѣлилъ послать протопопа Неронова на смиреніе въ монастырь. Онъ былъ отправленъ сначала въ Новоспасскій монастырь, но затѣмъ въ тотъ же день переведенъ въ Симоновъ, гдѣ его содержали подъ карауломъ и никого къ нему не допускали. Въ восьмой день его перевезли въ городъ на Цареборисовскій дворъ и немилосердно били. Оттуда повезли въ соборную церковь, гдѣ, по повелѣнію патріарха Никона, Крутицкій митрополитъ Сильвестръ снялъ съ Неронова скуфью. До 4 августа Нероновъ опять находился въ Симоновомъ монастырѣ, а въ этотъ день сосланъ на Кубенское озеро, въ Спасо-каменный монастырь Вологодскаго уѣзда. Въ грамотѣ къ монастырскому начальству было сказано: «за великое безчиніе велѣно въ черныхъ службахъ ходить».

Друзья Неронова, протопопы Аввакумъ и Даніилъ костромской, попробовали ходатайствовать за него передъ царемъ и просили Стефана Вонифатьева подать ихъ челобитную государю. Стефанъ отказался отъ содѣйствія, и они инымъ путемъ доставили челобитную Алексѣю Михайловичу, а тотъ передалъ ее патріарху. Вслѣдъ затѣмъ Аввакумъ устроилъ особую молельню въ сушилѣ въ московскомъ домѣ Неронова, и началъ переманивать туда прихожанъ московскихъ церквей. Поступокъ этотъ былъ противъ каноновъ церкви, а потому Аввакумъ былъ сосланъ съ семьей въ Тобольскъ, протопопы же Даніилъ и Логгинъ за сочувствіе Аввакуму и за свою челобитную были лишены священства и тоже удалены изъ Москвы.

Вѣсть о печальной судьбѣ трехъ протопоповъ дошла до Неронова, къ которому пріѣзжали «отъ всѣхъ четырехъ странъ боголюбцы, многихъ градовъ дворяне, посѣщенія ради». Онъ написалъ царю ходатайственное письмо и совершенно неправильно утверждалъ, что протопопы осуждены не церковнымъ, а мірскимъ судомъ. По порученію царя, духовникъ его Стефанъ дважды писалъ Неронову, убѣждая смириться и повиниться передъ патріархомъ, который ожидаетъ отъ него и его друзей истиннаго покаянія и готовъ простить ихъ. Нероновъ продолжалъ писать и Вонифатьеву и царю, считалъ свою ссылку и наказаніе своихъ друзей личной местью Никона и назвалъ въ письмѣ къ царю распоряженіе патріарха относительно поклоновъ во св. четыредесятницу

«ересью непоклонническою». Алексѣй Михайловичъ желалъ, чтобы всѣ близкіе ему люди жили между собою въ мирѣ и любви, а потому его конечно тяготили жалобы Неронова на патріарха, котораго онъ особенно любилъ и почиталъ, и онъ отдалъ черезъ Вонифатьева приказъ Неронову прекратить присылку писемъ.

Поведеніе Неронова и его сторонниковъ побудили Никона просить царя о созывѣ собора, такъ какъ онъ понялъ, что неудобно взять на свою личную отвѣтственность исправленіе церковныхъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ. Нероновъ, съ своей стороны, тоже просилъ царя о созывѣ собора. Весною 1654 г. соборъ открылъ свои засѣданія въ царскихъ палатахъ. Предсѣдательствовали царь и патріархъ; присутствовали изъ духовенства 34 человѣка, между прочимъ епископъ коломенскій Павелъ, другъ Неронова, находившійся съ нимъ въ перепискѣ. Соборъ призналъ необходимымъ исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ и утвердилъ правила, какимъ способомъ вести исправленіе. Павелъ подписался подъ соборнымъ уложеніемъ, но съ оговоркой, что остается при прежнемъ мнѣніи относительно земныхъ поклоновъ. Это несогласіе Павла съ постановленіемъ собора, а можетъ быть и какія-нибудь рѣзкія выраженія его, подвергли его лишенію сана, тяжкому тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ заточеніе. Никонъ очень повредилъ этой жестокостью и себѣ, и предпринятому дѣлу, такъ какъ еще сильнѣе возстановилъ своихъ противниковъ и возбудилъ къ нимъ сочувствіе въ народѣ. Не осмѣливаясь ослушаться повелѣнія царя Алексѣя Михайловича, Нероновъ обратился 2 мая 1654 г. къ царицѣ Маріѣ Ильинишнѣ съ письменнымъ ходатайствомъ за епископа Павла и за трехъ протопоповъ, какъ пострадавшихъ будто бы совершенно неповинно.

Нероновъ, какъ выше сказано, былъ сосланъ въ Спасо-каменный монастырь подъ строгое начало, на черныя службы. Въ дѣйствительности же ему жилось тамъ хорошо, потому что настоятель архимандритъ Александръ принялъ его съ почетомъ, далъ ему келью и слугу, велѣлъ носить ему въ келью лучшую пищу изъ монастырской кухни, а въ церкви ставилъ его выше даже келаря. Нероновъ едва упросилъ архимандрита, чтобы онъ дозволилъ стоять ему подъ келаремъ. Въ качествѣ ученика и писца находился при Нероновѣ игуменъ московскаго Златоустова монастыря Ѳеоктистъ, который первый изъ монашествующаго духовенства перешелъ на сторону враждовавшихъ съ Никономъ четырехъ протопоповъ. Съ самаго начала поселенія своего въ монастырѣ Нероновъ, находившій большіе непорядки въ выполненіи церковнаго и монастырскаго уставовъ, позволилъ себѣ вмѣшиваться въ монастырскія дѣла и указывалъ настоятелю, что слѣдуетъ читать за церковными службами и какъ должны вести себя настоятель и братія. Можетъ быть архимандритъ не рѣшался противодѣйствовать Неронову, считая его ссылку кратковременной и надѣясь получить съ его помощью царскую милостыню на нужды монастыря. Когда же царь запретилъ Неронову письменно къ себѣ обращаться, а на просьбу его относительно построенія церкви въ Спасо-каменномъ монастырѣ отвѣтилъ, что это дѣло не его, царево, а дѣло патріарха,— почтеніе къ Неронову въ монастырѣ сильно поколебалось. Архимандритъ сталъ пренебрегать просьбами Неронова и, по прежнему, допускалъ разныя сокращенія въ богослуженіи, даже великимъ постомъ. Усумнившись въ силѣ и значеніи Неронова при царскомъ дворѣ, настоятель не счелъ уже нужнымъ сдерживаться и оттаскалъ однажды Неронова въ трапезѣ за волосы «и руками по щекамъ біяше время довольно», какъ записано у вышеупомянутаго Ѳеоктиста. Вскорѣ ему запретили ходить въ церковь, лишили его слуги и оставили въ кельѣ совершенно одного. Неизвѣстно, когда именно настоятель послалъ патріарху донесеніе о Нероновѣ, но вслѣдствіе этого донесенія Никонъ далъ 1 іюля 1654 г. указъ сослать Неронова на отдаленный сѣверъ въ Кандалакшскій монастырь, держать его тамъ скованнымъ и не давать ему чернилъ. Остановившись на нѣсколько времени въ Вологдѣ, Нероновъ отправилъ оттуда два посланія: одно царскому духовнику, а другое, окружное, всей «братіи, боголюбцамъ царствующаго града Москвы и прочихъ градовъ и всѣхъ купно странъ», убѣждая своихъ духовныхъ друзей не скорбѣть о немъ, а радоваться. Въ Софійскомъ соборѣ и въ Крестовой архіерейской церкви Нероновъ, намекая на патріарха, говорилъ, что завелись «новые еретики» и что рано или поздно, и ему

(т. е. Никону) грозитъ та же участь, какой неповинно подверглись гонимые имъ послѣдователи истиннаго христіанскаго ученія. Дьякъ съѣзжей избы въ Вологдѣ испугался, узнавъ о такихъ рѣчахъ Неронова, и поторопилъ его отъѣздомъ.

Болѣе года прожилъ Нероновъ въ Кандалакшской обители и, несмотря на запрещеніе давать ему чернила, писалъ царскому духовнику и своимъ духовнымъ дѣтямъ, братьямъ Плещеевымъ въ Москву и прислалъ, за своею подписью, какія-то тетради архимандриту переяславскаго Данилова монастыря Тихону. 10-го августа 1655 г. Нероновъ бѣжалъ изъ Кандалакшскаго монастыря съ тремя работниками. Архимандритъ Соловецкаго монастыря Илія принялъ его съ честію, далъ ему припасовъ и отпустилъ въ богомольной ладьѣ, изъ которой Нероновъ вышелъ на берегъ, не доѣзжая до Архангельска, и съ однимъ изъ работниковъ пѣшкомъ отправился въ Москву. Получивъ извѣстіе о побѣгѣ Неронова изъ Кандалакшскаго монастыря, Никонъ разослалъ въ разныя стороны гонцовъ, чтобы схватить его, и строго наказалъ игумена и монаховъ Кандалакшскаго монастыря и архимадрита Соловецкаго монастыря Илію за попустительство. Между тѣмъ, Нероновъ благополучно добрался до Москвы и остановился у царскаго духовника. Вонифатьевъ доложилъ о приходѣ Неронова Алексѣю Михайловичу, но тотъ не сообщилъ объ этомъ Никову. Нероновъ видался со своими духовными дѣтьми, питавшими къ нему уваженіе, какъ къ мученику за вѣру, и ходилъ къ нимъ въ дома. 25-го декабря 1655 г. Нероновъ былъ постриженъ въ монашество въ Переяславлѣ архимандритомъ тамошняго Данилова монастыря Тихономъ въ соборной монастырской церкви. Сдѣлано это было по совѣту и по собственноручной подпискѣ государева духовника, въ кельѣ у котораго Нероновъ, нареченный въ монашествѣ Григоріемъ, прожилъ еще сорокъ дней. Лишь въ началѣ февраля 1656 г., когда онъ удалился въ Спасо-Ломовскую Игнатьеву пустынь, Никонъ узналъ о его мѣстопребываніи и послалъ своихъ дѣтей боярскихъ, чтобы взять его. Нероновъ скрылся, однако, въ сосѣдней деревнѣ Телепшинѣ, и крестьяне не выдали его патріаршимъ посланнымъ.

Тогда Никонъ созвалъ соборъ, чтобы судить Неронова заочно. Соборъ состоялся 18-го мая 1656 г., въ присутствіи антіохійскаго патріарха Макарія, двухъ восточныхъ митрополитовъ и множества русскаго духовенства. Съ этого собора началось дѣйствительное отдѣленіе русскихъ раскольниковъ отъ православной церкви. На соборѣ было постановлено: «Иванъ Нероновъ, иже нынѣ въ чернцахъ Григорій, и съ своими единомышленники, иже непокоряющеся святому собору, отъ святыя единосущныя Троицы и отъ св. восточныя церкве, да будутъ прокляти».

Очень возможно, что Нероновъ узналъ о соборномъ проклятіи только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда прибылъ въ Москву. На него произвела сильное впечатлѣніе незадолго передъ тѣмъ изданная книга «Скрижаль», въ которой было сказано, что вселенскіе патріархи писали Никону противъ двоеперстія и что непокорныхъ предали проклятію. Въ теченіе всей своей борьбы съ Никономъ, Нероновъ не желалъ разрыва съ церковью и не противился ученію Св. Писанія и Св. отецъ; онъ не довѣрялъ лишь опредѣленію собора 1654 г., когда исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ рѣшили одни русскіе іерархи, подчиненные патріарху Никону. Другое дѣло, если вселенскіе патріархи такого же мнѣнія о двоеперстіи: имъ онъ не станетъ противиться, подъ ихъ клятвою онъ не хочетъ быть. Побуждаемый своими друзьями, Нероновъ рѣшился пойти къ Никону для объясненій, хотя личное раздраженіе противъ него не улеглось.

4-го января 1657 г., когда патріархъ шелъ къ обѣднѣ, Нероновъ сталъ на его пути, съ новоизданной книгой «Скрижаль» въ рукахъ. На вопросъ патріарха, кто онъ такой, Нероновъ отвѣтилъ: «Я тотъ, котораго ты ищешь; казанскій протопопъ Іоаннъ, а во иноцѣхъ старецъ Григорій. Что ты затѣвалъ одинъ, то дѣло некрѣпко; будетъ по тебе иной патріархъ и все твое дѣло передѣлывать будетъ, иная тебѣ честь тогда будетъ, владыко». Несмотря на эту рѣзкую выходку, Никонъ позвалъ его къ себѣ по окончаніи литургіи, бесѣдовалъ съ нимъ и довольно благодушно отнесся къ его укорамъ и упрекамъ. Такъ какъ Нероновъ остался на нѣкоторое время въ Москвѣ, то Никонъ распорядился помѣстить его на Троицкомъ подворьѣ и велѣлъ сказать тамошнимъ властямъ, что «старецъ Григорій посланъ не подъ началъ, чтобы

ему дали особую келью и нужды ему ни въ чемъ не было, а куда онъ ходитъ и кто къ нему приходитъ въ день или нощь, за нимъ не призирать». Послѣ этого Нероновъ часто посѣщалъ патріарха и во время бесѣдъ не разъ упрекалъ его въ нетерпѣливости и въ жестокости наказаній. Вскорѣ Нероновъ торжественно возвратился въ лоно православной церкви: Никонъ самъ прочиталъ надъ нимъ разрѣшительныя молитвы въ соборѣ, а затѣмъ причастилъ его Св. Таинъ. Въ тотъ же день патріархъ устроилъ у себя «за радость мира» трапезу, за которою посадилъ Неронова выше всѣхъ московскихъ протопоповъ.

Искренне желая примиренія, Никонъ возвратилъ Неронову всѣ его письма, которыя посылались изъ заточенія царю Алексѣю Михайловичу, Вонифатьеву и разнымъ духовнымъ лицамъ, съ жалобами противъ Никона. Относительно церковныхъ обрядовъ патріархъ готовъ былъ сдѣлать Неронову всѣ уступки, какія считалъ возможнымъ; напр., онъ дозволилъ ему совершать богослуженіе по старопечатнымъ служебникамъ, а въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи Неронова, не «троили», а «двоили» аллилуію. Несмотря на такое снисходительное отношеніе патріарха, Нероновъ не могъ спокойно говорить съ нимъ и не только рѣзко и грубо отвѣчалъ ему, но старался повредить въ глазахъ царя. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Нероновъ пришелъ проститься съ Алексѣемъ Михайловичемъ и во время вечерни, указывая на патріарха, облачавшагося въ алтарѣ, сказалъ царю: «Доколѣ тебѣ, государь, дотерпѣть такому Божію врагу? Смутилъ онъ всю русскую землю, и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти не слыхать; отъ него врага всѣмъ страхъ». Царь смутился и отошелъ отъ него на свое мѣсто.

Весь 1658-ой годъ, когда Никонъ уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, вслѣдствіе разлада съ царемъ, Нероновъ провелъ въ своей Игнатьевой пустыни. Онъ радовался паденію Никона и возлагалъ большія надежды на крутицкаго митрополита Питирима, которому поручено было вѣдать Церковь: такъ какъ Питиримъ недоброжелательно относился къ Никону, то Нероновъ ожидалъ возвращенія къ прежнимъ порядкамъ богослуженія. Нероновъ посылалъ Алексѣю Михайловичу челобитныя изъ своей пустыни относительно назначенія вмѣсто Никона другого патріарха, а въ концѣ 1664 г., опасаясь, что царь, по своей добротѣ, снова приблизитъ къ себѣ Никона, явился въ Москву съ наговорными рѣчами противъ патріарха.

Съ 1658 до 1664 г. Нероновъ прожилъ въ Игнатьевой пустыни. Въ это время онъ во многихъ сочиненіяхъ и въ устныхъ проповѣдяхъ обсуждалъ разные вопросы, какъ, напр., о согласіи церковномъ, объ исправленіи книгъ, о сложеніи перстовъ, и т. д.; и такимъ образомъ содѣйствовалъ распространенію раскола въ Вологодскомъ краѣ. Такъ продолжалось до назначенія въ Вологду архіепископа Симона, который отнесся къ Неронову несочувственно, видя въ немъ расколоучителя. Замѣтивъ нерасположеніе со стороны новаго архіепископа, Нероновъ, изъ мести, подалъ на него доносъ въ лихоимствѣ и обвинялъ въ томъ же митрополита Іону. При разборѣ этого дѣла Нероновъ отказался отъ своихъ показаній. Симонъ, въ свою очередь, пожаловался на Неронова, что онъ служилъ по старымъ книгамъ, вопреки сдѣланному имъ распоряженію. Въ свое оправданіе Нероновъ сказалъ: «преосвященный де благословилъ меня по тому старому служебнику служить, когда де ты новыхъ служебниковъ не хулишь и въ люди такихъ рѣчей не износишь». Архіепископъ же настаивалъ на первоначальномъ своемъ показаніи относительно самовольства Неронова. Вскорѣ послѣ того Нероновъ отправился въ Москву и лично сдѣлалъ доносъ царю Алексѣю Михайловичу на Симона, который будто бы велѣлъ вынести изъ алтаря икону Богоматери и, отмѣнивъ празднованіе 9-го мая перенесенія мощей св. Николая Чудотворца, непочтительно о немъ отзывался. Разслѣдованіе было поручено митрополиту сарскому Павлу, и такъ какъ обвиненія оказались несправедливыми, то послѣдовало повелѣніе сослать Неронова въ Спасо-Ломовскій монастырь и держать тамъ до новаго распоряженія. Въ тотъ же день, въ отмѣну этого повелѣнія, приказывалось помѣстить Неронова въ Переяславскомъ Горицкомъ монастырѣ. Почему-то, однако, и это не было исполнено, и Неронова провезли прямо въ Вологду.

Съ одной стороны, «ревность къ вѣрѣ» съ другой стороны,—желаніе повредить Симону, побудили Неронова довести до свѣ-

дѣнія царя, что Симонъ не только не придалъ значенія сообщенію Неронова о непристойныхъ рѣчахъ попа Сысоя противъ Спасителя, но даже засадилъ Неронова за это сообщеніе «подъ начало» въ Спасо-Прилуцкій монастырь. Вслѣдствіе донесенія Неронова дѣло было разслѣдовано. Вѣроятно, оно оказалось не столь важнымъ, какъ представилъ Нероновъ, потому что ему велѣно было просить прощенія у архіепископа Симона, а митрополитъ сарскій Павелъ, которому поручено было произвести слѣдствіе, поставилъ Неронову доносъ этотъ въ вину. Послѣ освобожденія изъ Прилуцкаго монастыря Нероновъ жилъ недолго въ Игнатьевой пустынѣ, затѣмъ, по донесенію Симона, что «Григорій непрестанно смущаетъ народъ», былъ высланъ 14 марта 1666 г. въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь подъ строгій надзоръ. 1-го іюля 1666 г. Неронова призвали въ Москву на судъ соборный, для разсмотрѣнія его самовольныхъ поступковъ: священнодѣйствія, безъ указа государя, причемъ пѣли два собственные его дьячка, и чтенія поученій въ раскольничьемъ духѣ. На соборѣ Нероновъ повинился и, въ удостовѣреніе дѣйствительнаго своего обращенія «къ истинѣ», далъ «рукописаніе». Онъ былъ прощенъ и отпущенъ въ Іосифовъ-Волоколамскій монастырь на жительство, а 31-го августа послѣдовалъ указъ царя и приговоръ освященнаго собора, что «старецъ Григорій Нероновъ» долженъ находиться въ этомъ монастырѣ «подъ началомъ» за «церковный мятежъ и къ освященному собору за непокореніе». Неизвѣстно, что произошло въ два мѣсяца между 1-мъ іюля и 31 августа, но наказаніе послѣдовало строгое, такъ какъ Нероновъ былъ отлученъ отъ Св. Таинъ.

Узнавъ о прибытіи въ Москву вселенскихъ патріарховъ для суда надъ Никономъ, Нероновъ послалъ имъ челобитную, въ которой излагалъ свои столкновенія съ патріархомъ Никономъ, съ вологодскимъ архіепископомъ Симономъ и съ митрополитомъ сарскимъ Павломъ. Всѣ эти дѣла были рѣшены и кончены, но Нероновъ перенесъ ихъ на судъ вселенскихъ патріарховъ потому,—какъ онъ самъ объяснилъ впослѣдствіи,—что ему казалось, будто онъ находится подъ началомъ въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ безъ вѣдома царя. Къ этой челобитной приложено «Покаянное посланіе его къ царю, патріархамъ и всему собору. Между прочимъ, онъ писалъ: «А о книгахъ исправленныхъ новопечатныхъ отнынѣ и впредь ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ отнюдь не буду прекословити». Закончилъ Нероновъ свое посланіе слѣдующимъ прошеніемъ: «И вели, государь благочестивый, мнѣ грѣшному на упокой старости моей во обитаніе мѣстечко, гдѣ ты, великій государь изволишь, дабы мнѣ и слово Божіе возвѣщати было невозбранно по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ».

Получивъ прощеніе вселенскихъ патріарховъ, Нероновъ жилъ въ Переяславскомъ Даниловомъ монастырѣ. Осенью 1668 г. онъ былъ назначенъ туда архимандритомъ и остатки дней своихъ провелъ спокойно, читая поученія братіи. Скончался Нероновъ 2 января 1670 г., на 79-мъ году отъ роду.

П. В. Знаменскій. Іоаннъ Нероновъ. „Правосл. Собесѣдн.". 1869 г., мартъ и апрѣль. Макарій митроп. Московскій. Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. Москва 1881 г.—Клипуновскій. Григорій (Іоаннъ) Нероновъ. „Кіевскія Унив. Извѣстія" 1886 г., № 7, с. 1—40.—Н. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола. I, с. 17—308. Въ „Матеріалахъ" помѣщены письма Неронова, допросныя рѣчи, челобитныя, „Записка" о его жизни, составленная игуменомъ Ѳеоктистомъ, и „Житіе", написанное однимъ изъ почитателей Неронова вскорѣ послѣ его кончины.—А. С. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ. М. 1891 г, с. 169—170.—Н. Ѳ. Каптеревъ. Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ. „Богословскій Вѣстникъ" 1908 г., кн. 12; 1909 г., кн. 1.—Доп. къ Акт Ист., V. с. 457.

В. Корсакова.

Несвицкій, *кн. Василій Ѳедоровичъ*, вице-адмиралъ, с.-петербургскій губернаторъ; род. 22 марта 1704 г. Службу началъ 14-ти лѣтъ отъ роду гардемариномъ; 2-го марта 1721 года былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты. Переведенный въ декабрѣ 1727 года въ Астрахань, съ производствомъ въ лейтенанты, князь Несвицкій прослужилъ тамъ пять лѣтъ, въ январѣ 1733 года былъ записанъ въ лейтенанты маіорскаго ранга и переведенъ въ Ревель, гдѣ вскорѣ онъ получилъ въ командованіе брантвахтенный фрегатъ «Карлусъ Кронваленъ». 20-го декабря 1740 г. Н. былъ назначенъ интендантомъ петербургской партикулярной вер-

фи, съ производствомъ въ полковничій рангъ. Эту должность онъ занималъ больше 20-ти лѣтъ, причемъ 5-го мая 1757 года былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. 23 іюня 1761 года кн. Н. былъ уволенъ отъ морской службы, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, и вслѣдъ за тѣмъ состоялось назначеніе его на должность петербургскаго гражданскаго губернатора, въ которой онъ прослужилъ менѣе трехъ лѣтъ. Въ 1764 г. онъ вышелъ въ отставку, при чемъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Скончался кн. Несвицкій 25 апрѣля 1771 года; погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

У кн. В. Ѳ. Несвицкаго отъ брака съ Б. И. Ушаковой было четверо сыновей, изъ которыхъ третій *Иванъ Васильевичъ* служилъ въ Конной гвардіи и былъ въ числѣ сторонниковъ императрицы Екатерины, способствовавшихъ возведенію ея на престолъ. По выходѣ изъ полка онъ былъ пожалованъ въ камергеры, затѣмъ въ тайные совѣтники; позднѣе былъ сдѣланъ оберъ-шенкомъ, а въ апрѣлѣ 1797 пожалованъ лентой св. Андрея Первозваннаго. Онъ умеръ 15 апр. 1806 г. бездѣтнымъ, и со смертью его и его братьевъ линія князей Несвицкихъ въ мужскомъ поколѣніи пресѣклась.

«Общій Морской Списокъ» т. I, Спб. 1885 г. стр. 279; «Матеріалы для исторіи русскаго флота» т. VI, XI, В. И. Саитовъ, «Петербургскій Некрополь», М.1883. стр. 92. «Рус. Портреты XVIII и XIX ст.», т. V, № 248.

Е. Я.

Несвицкій, *кн. Даніилъ Матѳѣевичъ*. Въ 1629 г. былъ стряпчимъ; въ 1632 г. посланъ на службу подъ Смоленскъ съ кн. Сем. Вас. Прозоровскимъ; въ томъ же году участвовалъ во взятіи Бѣлой. Произведенный изъ стряпчихъ въ стольники, онъ кромѣ того былъ пожалованъ помѣстьемъ на Бѣлой. Съ 1635 г. по 1653 г. служилъ при Дворѣ. Въ 1653 г. былъ дворяниномъ при посольствѣ въ Запорожье. Въ польскомъ походѣ 1654 былъ въ числѣ тѣхъ головъ, которые ставили сторожей. Съ 20 іюня 1656 г. по 28 мая 1656 г. былъ воеводой въ Дорогобужѣ. Въ 1646 г. кн. Н. составилъ переписныя книги въ Кромахъ, Орлѣ и въ ихъ уѣздахъ; въ 1650—52 гг. составилъ переписныя и межевыя книги г. Козлова и помѣстныхъ земель въ нѣсколькихъ станахъ. Въ 1658 г. кн. Н. постригся; въ 1666 г. скончался.

Дв. разр., II и III; Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.; Акты Моск. госуд., I, 362, 420, 465, 505; II, 495; Русск. Истор. Библіот. т. X; Оп. Моск. Арх. Мин. Юст., I, №№ 1146, 1923; II, №№ 3122, 3123.

В. Корсакова.

Нессельроде, *Карлъ* (Карлъ-Робертъ) *Васильевичъ*, графъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; съ конца 1811 г.—статсъ-секретарь; въ управленіи министерствомъ съ 9 авг. 1816 г. по 15 апр. 1856 г.; вице-канцлеръ съ 24 марта 1828 г.; государственный канцлеръ съ 17 марта 1845 г.; род. 2 дек. 1780 г. въ Лиссабонѣ, скончался 11 марта 1862 г. въ С.-Петербургѣ.

Н. былъ сынъ находившагося на русской службѣ гр. Максимиліана-Юлія-Вильгельма-Франца Н. (уроженца графства Бергъ). Его отецъ былъ католикъ, мать протестантка. Самъ онъ былъ окрещенъ по англиканскому обряду, такъ какъ церковь англійскаго посольства была единственной протестантской церковью въ Лиссабонѣ, гдѣ его отецъ служилъ въ это время въ качествѣ русскаго полномочнаго министра при португальскомъ дворѣ. Въ 1787 г. его отецъ былъ назначенъ къ берлинскому двору, и въ Берлинѣ, въ гимназіи, Н. получилъ первоначальное образованіе. Въ 1788 г. Н. былъ пожалованъ въ мичмана, а въ 1796 г. началъ свою дѣйствительную службу въ этомъ чинѣ на Балтійскомъ флотѣ и находился подъ начальствомъ контръ-адмирала Ист. Кондр. Карцова, въ вѣдѣніи котораго былъ Морской корпусъ. При вступленіи на престолъ императора Павла Н. пожалованъ флигель-адъютантомъ по флоту, а 19 дек. 1797 г. переведенъ поручикомъ въ лейбъ-гвард. конный полкъ, съ оставленіемъ во флигель-адъютантскомъ званіи. Весной 1799 г. Н. назначенъ въ дѣйствующую армію, но съ пути былъ возвращенъ къ государю. Встрѣченный немилостиво Павломъ, онъ былъ отчисленъ въ полкъ и уже 9 іюля того же 1799 г. произведенъ въ полковники. Въ декабрѣ того же года онъ снова впалъ въ немилость и былъ уволенъ въ отставку, правда, съ пожалованіемъ въ камергеры, а къ концу 1800 г. снова возвращенъ и къ камергерской должности. При воцареніи императора Александра I-го Н., пользовавшійся расположеніемъ новаго государя еще въ его бытность наслѣдникомъ, былъ отправленъ съ извѣщеніемъ о перемѣнѣ

на престолѣ къ брату императрицы Маріи Ѳеодоровны герцогу Карлу Виртембергскому, жившему въ то время въ Эрланген. Къ этому времени относится рѣшеніе Н. избрать дипломатическое поприще. 13 августа 1801 г. по его просьбѣ онъ былъ назначенъ сверхъ штата въ берлинскую миссію къ нашему министру при прусскомъ дворѣ бар. А. И. Криденеру. Пребываніе въ Берлинѣ имѣло большое значеніе для Н.: онъ завязалъ здѣсь знакомство со многими изъ тѣхъ лицъ, съ которыми ему пришлось сталкиваться и дѣйствовать позднѣе. Въ Берлинѣ онъ слушалъ курсъ публичнаго права у Ансильона, сблизился съ графомъ Стадіономъ, будущимъ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Бернонвилемъ, сотрудникомъ Талейрана въ 1814 г. знаменитымъ Генцемъ, впослѣдствіи секретаремъ Меттерниха. Въ 1802 г., послѣ смерти бар. Криденера и назначенія въ Берлинъ бар. Макс. Макс. Алопеуса, Н. перевелся въ нидерландскую миссію въ Гаагу. Передъ этимъ онъ совершилъ поѣздку въ Саксонію и Богемію, имѣвшую также значеніе для его развитія; онъ познакомился въ это время съ Меттернихомъ, графомъ де-Линь и кн. Лобковицемъ. Служба въ Гаагѣ, куда онъ прибылъ въ декабрѣ 1802 г., была началомъ уже болѣе самостоятельной дипломатической дѣятельности Н. Представители европейскихъ державъ въ Голландіи негласно поддерживали партію «оранжистовъ», отстраненную отъ управленія дѣлами послѣ провозглашенія Батавской республики и находившуюся въ оппозиціи съ правительственной партіей патріотовъ. Послѣ нарушенія Амьенскаго мира и перемѣнъ, произведенныхъ Наполеономъ въ устройствѣ Батавской республики, русскій посланникъ, гр. Густ. От. Штакельбергъ оставилъ въ 1804 г. Гаагу, и Н. былъ аккредитованъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Здѣсь на его долю выпало наблюдать за предполагавшейся въ то время экспедиціей Наполеона въ Англію. Послѣ заключенія въ 1805 г. коалиціи между Россіей, Англіей и Австріей противъ Франціи наше Батавское посольство было отозвано, но самому Н. было предписано оставаться въ Гаагѣ и продолжать негласныя наблюденія за военными приготовленіями французовъ.

Нессельроде покинулъ Голландію лишь весною 1806 г., когда Голландія была превращена въ королевство, и Россія не признала власть ставленника Наполеона, Людовика Бонапарта. Послѣ этого онъ снова перевелся на службу въ Берлинъ, куда былъ назначенъ въ это время посланникомъ бар. Криденеръ. Во время кампаніи 1807 г. Н. былъ посылаемъ съ дипломатическими порученіями въ дѣйствующую армію, нѣсколько позднѣе состоялъ при главнокомандующемъ, фельдмаршалѣ Каменскомъ и генералахъ Буксгевденѣ и Бенигсенѣ. Во время тильзитскаго свиданья Н. состоялъ при нашемъ уполномоченномъ, кн. Куракинѣ, а послѣ того былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Парижъ (посолъ—гр. П. А. Толстой). «Не къ законному королю, а къ самозванцу суждено было мнѣ отправиться» говоритъ объ этомъ назначеніи въ своей автобіографіи самъ Н., сопоставляя съ этимъ предполагавшееся передъ этимъ его назначеніе въ Митаву ко двору пребывавшаго тамъ въ изгнаніи Людовика XVIII. Самъ онъ, однако, признаетъ, что это назначеніе было источникомъ его «прекрасной обширной карьеры». За это время ему пришлось выполнять весьма трудныя и порою очень деликатныя порученія. Переговоры гр. Толстого съ Наполеономъ были очень отвѣтственнаго характера; на Н. лежало редактированіе всей посольской переписки. Вмѣстѣ съ Толстымъ онъ былъ въ Эрфуртѣ, во время второго свиданія императора Александра I съ Наполеономъ. Послѣ Эрфурта гр. Толстой получилъ отставку и въ Парижъ былъ назначенъ кн. Алдр. Бор. Куракинъ. До его прибытія Н. управлялъ дѣлами парижскаго посольства.

Ко времени пребыванія въ Эрфуртѣ относится и сближеніе Н. со Сперанскимъ. Послѣ эрфуртскаго свиданія завязались, какъ извѣстно, тайныя сношенія между Александромъ и Талейраномъ. Не желая посвящать въ эти сношенія ни Куракина, ни самого министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Н. П. Румянцева, государь, по указанію Сперанскаго, избралъ посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ Н., на котораго оффиціально въ январѣ 1810 г. были возложены хлопоты о заключеніи новаго займа. Черезъ Н. шли у Александра сношенія и съ Коленкуромъ послѣ отозванія этого послѣдняго изъ Петербурга. Тайная корреспонденція Н. шла черезъ чиновниковъ экспедиціи дешифровки депешъ

Жерве и Бека и направлялась непосредственно государю, минуя Румянцева, и, кромѣ того, втайнѣ отъ государя, сообщалась черезъ Жерве Сперанскому. При паденіи Сперанскаго это послужило поводомъ привлеченія Жерве и Бека къ отвѣтственности. Это паденіе могло угрожать и Н., если бы Сперанскій не препроводилъ передъ этимъ всю его переписку запечатанной государю. Когда къ августу 1811 г. отношенія къ Франціи приняли крайне натянутый характеръ, Н. покинулъ Парижъ. На обратномъ пути въ Петербургъ онъ имѣлъ въ Вѣнѣ разговоръ съ Меттернихомъ о предстоящихъ событіяхъ. Цѣль этого разговора—привлеченіе Австріи къ союзу противъ Наполеона—осталась недостигнутой. По прибытіи въ Петербургъ Н. составилъ докладную записку, въ которой были намѣчены тѣ основанія, на которыхъ возможно было бы продолжать переговоры съ Наполеономъ. Результатомъ этого было его назначеніе стасъ-секретаремъ, и тогда же Александръ I намѣтилъ его состоять при своей особѣ, въ случаѣ своего отправленія въ армію.

Съ этого времени служебная дѣятельность Н. принимаетъ все болѣе и болѣе широкій характеръ и его роль при государѣ и въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ растетъ по мѣрѣ того, какъ падаетъ значеніе канцлера Румянцева. Время съ 1812 г. по 1816, когда ему было ввѣрено управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, было періодомъ въ его жизни, подготовившимъ для него то положеніе, какое ему было суждено занять во вторую половину царствованія Александра I и сохранить въ теченіе всего царствованія Николая I. Въ 1812 г. Н. замѣтно начинаетъ выдвигаться съ момента разрыва съ Наполеономъ. Въ мартѣ этого года онъ послѣдовалъ за государемъ въ главную квартиру дѣйствовавшей арміи, въ Вильну. Н. былъ составленъ рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта кн. Салтыкова, возвѣщавшій о рѣшеніи покинуть Вильну и начать отступленіе послѣ того, какъ Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи. Послѣ отъѣзда государя изъ арміи Н. получилъ приказаніе оставаться при фельдмаршалѣ Барклаѣ-де-Толли и редактировать извѣстія объ арміи. Онъ присутствовалъ, между прочимъ, при сраженіи подъ Витебскомъ. Онъ находился въ арміи при ея отступленіи до Гжатска, гдѣ получилъ приказаніе вернуться въ Петербургъ. Когда послѣ окончанія кампаніи и отступленія Наполеона за Березину, Александръ I, вопреки мнѣнію Кутузова, рѣшилъ продолжать войну и принялъ лично на себя командованіе арміей, Н. было поручено составить воззваніе объ этомъ къ Пруссакамъ. 7 декабря 1812 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Н. былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя на этотъ разъ составляли свиту государя (кромѣ него, гр. Аракчеевъ, государственный секретарь Шишковъ, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой и дѣйствительный статскій совѣтникъ Марченко). «Съ этого момента, пишетъ самъ Н. въ своей автобіографіи, началось для меня участіе въ великихъ дѣлахъ, ознаменовавшихъ царствованіе императора Александра». Въ 1813 и 1814 гг., до вступленія союзниковъ въ Парижъ, Н. почти неотлучно состоялъ при Александрѣ. Какъ и во время его пребыванія въ Парижѣ въ 1810 г., но только въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, имъ былъ выполненъ цѣлый рядъ порученій, опредѣлившихъ въ значительной степени всю дальнѣйшую политическую систему Александра и въ то же время, быть можетъ, установившихъ и укрѣпившихъ личные взгляды и принципы самого Н. Передъ началомъ похода Н. было поручено увѣдомить Турцію объ успѣхахъ, одержанныхъ русскимъ оружіемъ. Онъ былъ при свиданіи императора Александра съ прусскимъ королемъ въ Бреславлѣ (3 марта 1813 г.), состоявшемся послѣ заключенія Калишскаго договора (16 февраля 1813 г.). и упрочившемъ тѣсныя дружескія отношенія между обоими монархами. Во время пребыванія Императора Александра въ Дрезденѣ (апрѣль т. г.) Н. былъ назначенъ участвовать со стороны Россіи въ происходившихъ тамъ въ это время переговорахъ Россіи и Австріи (кн. Шварценбергъ) съ Англіей (лордъ Кастльри и Гаррисъ) относительно конвенціи объ англійской субсидіи (заключ. 2 іюня т. г.). Австрія, все еще не рѣшаясь встать открыто на сторону Россіи и Пруссіи, выступила въ это время съ предложеніемъ посредничества между союзниками и Наполеономъ. На долю Н. выпало склонить австрійское правительство къ полному разрыву съ Наполеономъ и къ всту-

пленію съ союзъ съ Россіей и Пруссіей. Однако, въ этомъ дѣлѣ, по свидѣтельству самого Н., удалось достигнуть далеко не всего и пришлось пойти на значительныя уступки Австріи. Съ этимъ порученіемъ, послѣ Бауценскаго пораженія (8—9 мая 1813 г.), онъ былъ отправленъ къ графу Стадіону, а затѣмъ и къ самому императору Францу въ Гичинъ. Ему не удалось при этомъ отклонить Меттерниха отъ мысли о поѣздкѣ въ видахъ посредничества къ Наполеону въ Дрезденъ; все, чего онъ при этомъ добился, сводилось къ тому, что предположенія Меттерниха были сообщены черезъ него союзнымъ государямъ. Результатомъ Дрезденской поѣздки Меттерниха было назначеніе конгресса для мирныхъ переговоровъ въ Прагѣ, на которомъ Австрія должна была выступить въ роли посредницы. Предварительно передъ этимъ у Меттерниха было свиданіе съ Н. и прусскими уполномоченными княземъ Гарденбергомъ и барономъ Гумбольдтомъ. Это была бурная конференція, на которой, ради привлеченія на свою сторону Австріи, пришлось исполнить всѣ ея требованія (Рейхенбахская конвенція 15 іюня 1813 г.). Пражскій конгрессъ (23 іюня—25 іюля 1813 г.) окончился безрезультатно, Австрія открыто стала на сторону союзниковъ и 28 августа т. г. заключила союзные договоры съ Россіей и Пруссіей. Договоръ съ Россіей былъ подписанъ съ русской стороны Нессельроде.

Началась новая кампанія, въ теченіе которой Н., вплоть до самаго вступленія союзниковъ въ Парижъ, почти безотлучно находился при Александрѣ I. Онъ находился при немъ во время лейпцигской битвы. Послѣ сраженія при Баръ-сюръ-Объ Н. былъ посланъ Александромъ для совѣщанія съ союзными монархами и ихъ министрами. Наконецъ, послѣ сдачи Парижа Н. вмѣстѣ съ полковникомъ Мих. Орловымъ велъ переговоры со сдавшимся маршаломъ Мармономъ и Мортье объ условіяхъ капитуляціи, а при вступленіи союзниковъ въ Парижъ принималъ дѣятельное участіе въ тѣхъ переговорахъ, которые завязались въ это время у императора Александра съ Талейраномъ, и которые въ своемъ конечномъ результатѣ имѣли низложеніе Наполеона и реставрацію на французскомъ престолѣ Бурбоновъ (Н. вмѣстѣ съ Талейраномъ редактировалъ, между прочимъ, прокламацію отъ имени союзныхъ государей о томъ, что они не вступятъ ни въ какіе переговоры ни съ самимъ Наполеономъ, ни съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ его семейства). Вслѣдъ за этимъ онъ былъ назначенъ уполномоченнымъ для переговоровъ о мирномъ договорѣ, который и былъ имъ подсанъ вмѣстѣ съ Разумовскимъ (первый парижскій трактатъ 18 мая 1814 г.). Канцлеръ гр. Н. П. Румянцевъ, не сочувствовавшій войнѣ за освобожденіе Европы, отъ всѣхъ этихъ событій стоялъ совершенно въ сторонѣ и уже съ начала 1813 г. началъ просить объ отставкѣ. Его просьба была удовлетворена послѣ возвращенія императора Александра въ Петербургъ, 1 августа 1814 г., а 10 августа т. г. «статсъ-секретарю, тайному совѣтнику Нессельроде» было повелѣно «продолжать докладывать его Величеству по всѣмъ дѣламъ иностраннаго департамента, какъ то исполнялось во все теченіе послѣдней съ французами войны»; управлять же коллегіей иностранныхъ дѣлъ впредь до указа было повелѣно тайному совѣтнику И. А. Вейдемейеру. Съ этого времени Н. оффиціально становится во главѣ управленія вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Послѣ вѣнскаго конгресса 30 авг. 1815 г. вторымъ секретаремъ по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Іоаннъ Каподистрія. Въ теченіе второй половины 1815 г. и первой 1816 г. оба статсъ-секретаря съ одинаковыми полномочіями стояли во главѣ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ. 9 августа 1816 г. Н. былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ и присутствующимъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. И послѣ этого, однако, управленіе фактически дѣлилось между нимъ и Каподистріей: послѣдній вѣдалъ сношенія съ Турціей и дѣла по Бессарабіи; Н.—общее управленіе и дѣла по сношеніямъ съ западными державами. Оба они имѣли иногда общіе, а иногда и отдѣльные доклады у государя. Такъ продолжалось до августа 1822 г., когда Каподистрія покинулъ службу. Замѣститель ему назначенъ не былъ, и съ этого момента Н. одинъ стоялъ во главѣ вѣдомства съ тѣмъ же званіемъ управляющаго министерствомъ, которое и сохранилъ до конца своей службы. 24 марта 1828 г., по случаю заключенія Туркменчайскаго мира съ Персіей, онъ былъ пожалованъ вице-канцлеромъ, а 17 марта 1845 г. канцлеромъ

иностранныхъ дѣлъ. Большое довѣріе къ Н. государя Александра Павловича, его преемника Николая I, а равно императрицы Маріи Ѳеодоровны не разъ выражалось въ тѣхъ порученіяхъ, которыя ему давались независимо отъ его прямыхъ обязанностей. Такъ, передъ поѣздкою вел. кн. Николая Павловича въ 1816 г. въ Англію, Н. было поручено составить особую записку, имѣвшую цѣлью предостеречь вел. кн. отъ излишняго увлеченія англійскими государственными порядками. Послѣ вступленія на престолъ имп. Николая I и слѣдствія по дѣлу декабристовъ, Н. былъ назначенъ въ число членовъ Верховнаго Уголовнаго Суда по этому дѣлу.

Время министерства Н. совпадаетъ съ знаменательнымъ моментомъ въ исторіи русской дипломатіи, когда разрѣшеніе традиціонныхъ задачъ русской политики, главнымъ образомъ въ восточномъ вопросѣ, осложнялось и затруднялось тою ролью, какая выпала на долю Россіи въ Европѣ, какъ результатъ событій 1812–1814 гг. Степень личнаго вліянія Н. на ходъ русской политики не соотвѣтствовала, однако, тому положенію, которое онъ занималъ. Опредѣленный сторонникъ идей такъ называемаго легитимизма, Н. являлся не столько ихъ оригинальнымъ истолкователемъ, сколько добросовѣстнымъ исполнителемъ. Въ 1814 г. Н. былъ вмѣстѣ съ гр. А. К. Разумовскимъ и гр. Г. О. Штакельбергомъ назначенъ уполномоченнымъ на вѣнскій конгрессъ, въ отдѣльныхъ конференціяхъ котораго принимали также участіе со стороны Россіи Каподистрія, Поццо-ди-Борго и И. Анстедъ. Въ 1818 г. онъ и Каподистрія были уполномоченными на аѳенскомъ конгрессѣ, въ 1820—на конгрессѣ въ Троппау, а въ 1821 г.—вмѣстѣ съ Поццо-ди-Борго, на Лайбахскомъ конгрессѣ. Являясь представителемъ того направленія въ нашей дипломатіи, которое склонно было разсматривать русскіе интересы прежде всего подъ угломъ общеевропейской точки зрѣнія, Н. далеко не всегда былъ солидаренъ съ своимъ товарищемъ гр. Каподистріей, настаивавшемъ на большей независимости русской политики прежде всего въ восточномъ вопросѣ и противодѣйствовавшемъ тому, чтобы наша политика въ Европѣ принимала чрезчуръ опредѣленную окраску вмѣшательства во внутреннюю жизнь сосѣднихъ державъ. До 1822 г. вліяніе Каподистріи являлось значительнымъ противовѣсомъ тѣмъ взглядамъ строгаго легитимизма, проводникомъ которыхъ являлся Н. Вполнѣ опредѣленно взгляды обоихъ представителей русской политики разошлись, когда вспыхнуло греческое возстаніе: Н. склонялся къ разрѣшенію создавшихся затрудненій на Востокѣ путемъ совмѣстнаго вмѣшательства европейскихъ державъ; Каподистрія стоялъ за объявленіе войны Турціи и за охраненіе исконнаго начала невмѣшательства европейскихъ державъ въ русско-турецкія отношенія. Имп. Александръ склонился къ взгляду Н., что и повлекло за собою уходъ съ русской службы Каподистріи къ немалой радости вдохновителя европейской политики, австрійскаго канцлера Меттерниха. Въ 1822 г. Н., вмѣстѣ съ гр. Ливеномъ, Поццо-ди-Борго и Татищевымъ, былъ уполномоченнымъ на веронскомъ конгрессѣ, гдѣ уже затрогивался восточный вопросъ, и въ 1823 г. вмѣстѣ съ Татищевымъ имѣлъ совѣщаніе по вопросамъ восточной политики съ гр. Меттернихомъ. На этомъ совѣщаніи, происходившемъ одновременно со свиданіемъ императора Александра съ австрійскимъ императоромъ Францомъ I въ Черновицахъ, было рѣшено перенести обсужденіе восточнаго вопроса на особую международную конференцію, которая и собиралась въ 1824 г. въ Петербургѣ, и на которой окончательно были установлены начала общеевропейскаго невмѣшательства въ восточныя дѣла, принятыя и Россіей въ послѣдніе годы Александровскаго царствованія.

При вступленіи на престолъ императора Николая цесаревичъ Константинъ Павловичъ, отрекаясь отъ престола, рекомендовалъ своему брату ничего не мѣнять въ установившейся политикѣ Н-де, какъ министра, знавшаго просвѣщенныя намѣренія покойнаго императора. Дѣйствительно, Н. былъ одинъ изъ немногихъ дѣятелей Александровскаго царствованія, сохранившій свое значеніе и при Николаѣ I. Тѣ начала, однако, которыхъ онъ держался при Александрѣ I въ восточномъ вопросѣ, теперь были признаны не соотвѣтствующими интересамъ Россіи, что въ значительной степени было выяснено донесеніями Поццо-ди- Борго и Ливена. Н. примкнулъ къ точкѣ зрѣнія послѣднихъ и въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ (февраль 1826 г.), изложилъ свою

точку зрѣнія на восточной вопросъ, предлагая сдѣлать послѣднюю попытку къ переговорамъ съ Портой, чтобы затѣмъ въ случаѣ неудачи прибѣгнуть уже къ военной силѣ. Въ этомъ докладѣ имъ было намѣчено разграниченіе въ восточномъ вопросѣ греко-турецкой распри, какъ общеевропейскаго вопроса, отъ непосредственныхъ интересовъ Россіи, затронутыхъ Портою, нарушившею послѣдніе договоры. Это разграниченіе легло, въ значительной степени, въ основу всей восточной политики имп. Николая, всеподданнѣйшій же докладъ Н. повлекъ за собою аккерманскій съѣздъ (іюль—сентябрь 1826 г.), и всѣ дальнѣйшія событія, въ которыхъ выразилась восточная политика имп. Николая въ первые годы ето царствованія, и сущность которыхъ сводилась прежде всего къ соглашенію по этому вопросу Россіи съ Франціей и Англіей. Н. вмѣстѣ съ Ливеномъ и герцогомъ Веллингтономъ былъ подписанъ петербургскій протоколъ 23 марта 1826 г., легшій въ основу этого соглашенія и опредѣлившій собою первый лондонскій трактатъ 24 іюня 1827 г. Это сближеніе Россіи съ Англіей и Франціей, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ русско-турецкую войну и адріанопольскій миръ 1829 г., приведшій въ свою очередь нѣсколько позже въ 1833 г. къ Ункіаръ-Скелессійскому договору, временно разъединило политику петербургскаго кабинета съ двумя другими участниками Священнаго Союза—Австріей и Пруссіей и было нѣкоторымъ уклоненіемъ русской политики отъ началъ легитимизма. Революціонныя событія 1830 г. во Франціи, создавъ охлажденіе между Россіей и Франціей, а отчасти и Англіей возстановили согласіе между Петербургскимъ, Вѣнскимъ и Берлинскимъ кабинетами и побудили ихъ выработать рядъ общихъ мѣръ для борьбы съ новымъ взрывомъ революціоннаго движенія. Н. принималъ близкое участіе во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ, высказываясь противъ вооруженнаго вмѣшательства, за что сперва стоялъ Николай I. Въ 1833 г. (29 авг.—6 сент.) онъ былъ въ Мюнхенгрецѣ, на свиданіи императора Николая I съ австрійскимъ императоромъ, гдѣ имъ, Татищевымъ, гр. Орловымъ, Меттернихомъ и Фикельмономъ были подписаны двѣ конвенціи: 6 сентября—объ общихъ мѣрахъ Россіи и Австріи о поддержаніи существованія Турціи, и 7 сентября—о взаимной гарантіи польскихъ владѣній. Вслѣдъ за этимъ Н. ѣздилъ въ Берлинъ, гдѣ имъ была заключена конвенція о Польшѣ съ Пруссіей, и гдѣ по другой конвенціи 3 окт. окончательно было установлено общее соглашеніе Россіи, Австріи и Пруссіи о союзномъ вмѣшательствѣ по просьбѣ того или другого государя, разъ ему угрожаютъ смуты, и объ общемъ отпорѣ, разъ какая либо держава воспротивилась бы такому вмѣшательству. Послѣднее условіе имѣло въ виду прежде всего Францію. Отвѣтомъ на это соглашеніе Россіи, Австріи и Пруссіи былъ четверной союзъ Англіи, Франціи, Испаніи и Португаліи (10 апрѣля 1834 г.). Тройственное соглашеніе было подкрѣплено свиданіемъ имп. Николая I, Франца I, и Фридриха-Вильгельма III въ Теплицѣ (сентябрь 1835 г.), во время котораго Н. пришлось вести оживленные переговоры по текущимъ вопросамъ (признаніе Бельгійскаго королевства, борьба въ Испаніи Донъ-Карлоса съ правительствомъ Изабеллы, судьба польскаго вольнаго города Кракова) съ кн. Меттернихомъ и прусскимъ министромъ Ансильономъ. Здѣсь окончательно былъ рѣшенъ вопросъ и о присоединеніи Кракова къ Австріи, что и было приведено въ исполненіе позже въ 1846 г.

Извѣстно, что разойдясь съ своими прежними союзниками и вступивъ въ соглашеніе съ Пруссіей и Австріей, имп. Николай I не оставлялъ мысли о новомъ сближеніи съ Англіей, съ цѣлью изолировать Францію. Ради этого намъ пришлось пойти на такъ называемыя Лондонскія конвенціи (первая—3 іюля 1840 г., подпис. Россіей, Англіей, Турціей, Австріей, и Пруссіей, и вторая—1-го іюля 1841, подпис. тѣми же державами и Франціей), которыя, устанавливая начала общеевропейскаго вмѣшательства въ дѣла Турціи въ интересахъ охраненія ея въ цѣлости, въ значительной степени сводили на нѣтъ то независимое и выгодное положеніе, какое Россіи удалось занять на Востокѣ по ункіаръ-скеллессійскому договору 1833 г. По мнѣнію Н., однако, этотъ послѣдній договоръ лондонскими конвенціями не отмѣнялся, но сохранялся лишь подъ другою формою, а самое измѣненіе формы вполнѣ искупалось тѣмъ, что означенными конвенціями фактически разрушалось «сердечное согласіе» между Франціей и Англіей (всеподданнѣйшій докладъ 1850 г., заключающій въ себѣ обзоръ политики имп. Николая за первыя

двадцать пять лѣтъ его царствованія). Въ 1844 г. имп. Николай I лично посѣтилъ Англію съ цѣлью укрѣпленія англо-русскаго соглашенія и здѣсь имѣлъ разговоръ съ англійскими министрами, главнымъ образомъ, относительно Турціи. Вскорѣ послѣ его отъѣзда, туда прибылъ Н. и точно также велъ переговоры съ Роб. Пилемъ и лордомъ Абердиномъ, результатомъ чего было составленіе секретнаго меморандума о совмѣстной политикѣ Россіи и Англіи на Востокѣ въ смыслѣ защиты христіанскихъ народностей Турціи, но въ то же время и поддержанія существованія Оттоманской имперіи. Въ 1846 г. Н. предсѣдательствовалъ въ комитетѣ о положеніи католиковъ въ Россіи. Результатомъ совѣщаній этого комитета была посылка въ Римъ Д. Н. Блудова и заключеніе между Россіей и папскимъ престоломъ конкордата 22 августа 1847 г. Послѣднія крупныя событія, совпадающія съ министерствомъ Н., были: возникшій въ 1850 г. споръ о Святыхъ Мѣстахъ и возгорѣвшаяся вслѣдствіе этого война съ Турціей. Н. принадлежалъ тотъ ультиматумъ, который былъ предложенъ Турціи въ 1853 г. во время чрезвычайнаго посольства кн. Меншикова и былъ отвергнутъ ею, послѣ чего и начались военныя дѣйствія. Тотчасъ послѣ заключенія парижскаго мира Н. вышелъ въ отставку (15 апрѣля 1856 г.).

Дѣятельность Н. за всю его многолѣтнюю службу сосредоточивалась почти исключительно въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ. За время его министерства въ организаціи этого вѣдомства произошли существенныя перемѣны. Со времени его назначенія въ 1814 г. статсъ-секретаремъ по дѣламъ иностраннаго департамента, Государственная Коллегія иностранныхъ дѣлъ, сохранявшая послѣ учрежденія министерствъ свою организацію и цѣлостность, начала терять свое значеніе, постепенно уступая его канцеляріи министерства. Разграниченіе дѣлъ между канцеляріею и Коллегіею такъ опредѣлялось въ письмѣ Н. къ управляющему коллегіей И. А. Вейдемейеру отъ 10 августа 1814 г.: вѣдѣнію и окончательному рѣшенію коллегіи подлежатъ всѣ дѣла, рѣшаемыя на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній и правилъ, предписанныхъ коллегіи, она же вѣдаетъ заграничные паспорта; всѣ дѣла къ Высочайшему докладу представляются управляющему министерствомъ; къ послѣднимъ относятся также всѣ сношенія съ миссіями, дипломатическимъ корпусомъ, съ внутренними министерствами, пограничными начальствами и разными мѣстами государственнаго управленія. Въ 1819 г. былъ выдѣленъ изъ коллегіи рядъ дѣлъ, составившихъ вѣдомство азіатскаго департамента; это были дѣла, касавшіяся сношеній съ Турціей, Персіей и горскими народами (первое отдѣленіе) и дѣла, относящіяся до кочевыхъ народовъ Кавказской, Астраханской и Саратовской губерній и киргизскихъ ордъ и всѣхъ азіатскихъ народовъ (второе отдѣленіе). Директоромъ азіатскаго департамента былъ назначенъ К. К. Родофиникинъ (1819—1837). Почти одновременно съ этимъ по докладу Н. для дѣлъ, касавшихся Оренбургскаго края и нашей торговли съ Верхней и Средней Азіей, былъ учрежденъ особый Азіатскій комитетъ изъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, министра финансовъ, министра внутреннихъ дѣлъ, начальника главнаго штаба, по особому повелѣнію гр. М. М. Сперанскаго и, для управленія дѣлами комитета, директора азіатскаго департамента. Этотъ комитетъ просуществовалъ съ 1819 по 1846 г. Въ 1823 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было учреждено особое учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ, устройство котораго было подготовлено Каподистріей. Всѣ эти перемѣны подготовили общее преобразованіе вѣдомства, которое и послѣдовало въ 1832 г. Указомъ 10 апрѣля Государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ упразднялась; кромѣ существующаго азіатскаго департамента, учреждались департаменты: внѣшнихъ сношеній, внутреннихъ сношеній и хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ; учреждался совѣтъ министерства. Въ связи съ этимъ получили свое окончательное устройство находящіеся въ вѣдомствѣ министерства архивы: Государственный и Главный министерства иностранныхъ дѣлъ архивы въ Петербургѣ и архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Утвержденные въ 1838 г. штаты министерства по проекту Н. были измѣнены въ 1846 г.

Н. В. Нессельроде былъ женатъ (съ 1812 г.) на дочери министра финансовъ М. Д. Гурьевой (1786—1849); отъ этого брака родились: сынъ — Дмитрій и двѣ дочери—Елена (замужемъ за гр. М. И.

Хрептовичемъ) и Марія (за барономъ Зеебахъ).

Важнѣйшимъ источникомъ для біографіи гр. К. В. Нессельроде служатъ его автобіографическія записки: «Notice biographique sur le comte de Nesselrode, écrit en partie de sa main, en partie sous sa dictée». Оригиналъ этихъ записокъ находится въ Государственномъ Архивѣ (Разрядъ XI, № 1151); переводъ, далеко неисправный и неполный, появился на русск. яз. въ 1865 г. въ «Рус. Вѣстникѣ» за октябрь, а въ 1866 г. въ Берлинѣ былъ напечатанъ съ русскаго перевода нѣмецкій переводъ подъ заглавіемъ: «Des russischen Reichskanzlers Grafen Nesselrode Selbstbiographie». Записка гр. І. Каподистрія о его служебной дѣятельности»; Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества, т. III; «Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона» (изд. Вел. Кн. Николая Михаиловича, т. 1—IV); С. М. Горяиновъ, «О тайномъ соглашеніи по дѣламъ Востока, состоявшемся въ 1844 г. между императоромъ Николаемъ и великобританскимъ посольствомъ» «(Извѣстія Минист. Иностр. Дѣлъ» 1912, кн. III); А. Заіончковскій, «Восточная война 1853—1856 гг.», т. I и приложенія; «Очеркъ исторіи министерства иностранныхъ дѣлъ (1802—1902)»; С. Татищевъ, «Внѣшняя политика Императора Николая Перваго»; Н. Шильдеръ, «Императоръ Александръ Первый» т. I—IV; его-же «Императоръ Николай Первый»; Debidour, «Histoire diplomatique de l'Europe (1814—1878); «Рус. Арх.» и «Рус. Стар.»; Записки Ф. Ф. Вигеля, Н. И. Греча и др.; «Русскіе Портреты XVIII и XIX стол.» изд. Вел. Кн. Николая Михаиловича, т. V, №№ 156 и 157.

М. Поліевктовъ.

Нессельроде, графъ *Максиміанъ—Юлій-Вильгельмъ-Францъ* (отецъ канцлера, гр. Карла Васильевича),—тайный совѣтникъ, посланникъ въ Лиссабонѣ и Берлинѣ; род. 24-го октября 1724 г., ум. во Франкфуртѣ 24-го февраля 1810 года. Н. происходилъ изъ вѣтви Эресгофенъ (младшей) Бергскаго графскаго рода Нессельроде, восходящаго къ XIV столѣтію, и былъ сыномъ статсъ-секретаря и конференцъ-министра курфюрста Пфальцскаго и канцлера Бергскаго герцогства. До поступленія своего на русскую службу графъ Нессельроде служилъ послѣдовательно въ Австріи, Голландіи, Франціи и Пруссіи, откуда въ 1778 году былъ вызванъ императрицей Екатериной II въ Россію, обласканъ и приближенъ ко двору. Прекрасно образованный, любезный и обходительный, графъ Нессельроде пріобрѣлъ симпатіи русскаго двора и общества, и такъ какъ, благодаря своей разнообразной дѣятельности въ нѣсколькихъ Европейскихъ государствахъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ направленіемъ ихъ внѣшней политики, то Екатерина II, пожаловавшая его званіемъ дѣйствительнаго камергера, сочла его достойнымъ занять постъ русскаго представителя за-границей. Сначала онъ былъ посланъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Лиссабонъ, а затѣмъ переведенъ на ту же должность въ Берлинъ. Въ донесеніяхъ своихъ изъ Берлина онъ указывалъ, главнымъ образомъ, на то, что руководящая роль въ европейской политикѣ принадлежитъ Англіи и что Пруссія слѣпо слѣдуетъ указаніямъ изъ Лондона, чѣмъ неоднократно вызывалъ неудовольствіе императрицы. При Павлѣ I Нессельроде, бывшему въ чинѣ тайнаго совѣтника, была пожалована 3-го мая 1798 года въ арендное содержаніе, безъ платежа арендныхъ денегъ, мыза Нейгутъ, Курляндской губерніи, съ подмызками Принденбергъ и Крузенгофъ. Послѣдніе годы жизни графъ Нессельроде проводилъ главнымъ образомъ во Франкфуртѣ, откуда происходила его жена, дочь богатаго извѣстнаго купца-еврея, Луиза Гонтаръ, впослѣдствіи принявшая римско-католическую религію.

Дневникъ А. В. Храповицкаго (1782—1799). Спб. 1874; Мѣсяцесловы на 1786 и 1789 гг.; Списокъ состоящимъ въ гражданской службѣ чинамъ первыхъ пяти классовъ на 1806 г.; Сенатскій Архивъ, I, Именные указы Императора Павла I, Спб. 1888; Записки Ф. Ф. Вигеля. Т. V. Москва, 1892; Н. Е. Волковъ, Дворъ русскихъ императоровъ, Спб. 1900; Восемнадцатый Вѣкъ. Историческій Сборникъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова Т. I; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, III. Спб. 1899; Русскій Архивъ, 1867 г.; Русская Старина, т.т. 3, 7, 16, 27, 35, 42 и 69. Энциклопедическіе Словари Брокгауза и Ефрона, Meyer's Konversations—Lexicon, Brockhaus' Koversations—Lexicon.

А. П.

Нессельроде, графъ *Федоръ Карловичъ*,—генералъ-лейтенантъ, начальникъ 5-го округа отдѣльнаго корпуса жандармовъ; род. 10-го января 1786 г. н. с., ум. 10-го іюля 1868 г. н. с. Н. былъ двоюроднымъ племянникомъ канцлера, графа К. В. Нессельроде. Какъ видно изъ формулярнаго списка, Н. 3-го мая 1813 г. «изъ порутчиковъ австрійской службы принятъ въ службу тѣмъ же чиномъ—съ зачисленіемъ по арміи, и назначеніемъ въ адъютанты къ генералъ-лейтенанту графу Вальмодену». При послѣднемъ Н. прослужилъ съ неболь-

шимъ годъ, причемъ числился по лейбъ-гвардіи конно-егерскому полку, затѣмъ онъ былъ постепенно переводимъ въ Александрійскій Гусарскій, лейбъ-гвардіи Уланскій и лейбъ-гвардіи Уланскій Его Императорскаго Высочества Цесаревича полки. 17-го февраля 1817 г. въ чинѣ ротмистра онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Цесаревичу Константину Павловичу, 4-го октября 1819 г. произведенъ въ полковники съ оставленіемъ въ прежней должности, а 10-го мая 1828 года произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ состоять при Цесаревичѣ. Послѣ смерти великаго князя Константина Павловича графъ Нессельроде былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 5-го округа отдѣльнаго корпуса жандармовъ. По словамъ князя П. А. Вяземскаго, съ которымъ Нессельроде былъ особенно друженъ, онъ и по внѣшнему виду и по внутреннимъ качествамъ напоминалъ средневѣкового рыцаря. Благородный, правдивый, нѣсколько суровый на видъ, Н. отличался рѣдкой сердечностью и высокимъ сочувствіемъ ко всему прекрасному, образованному и художественному; въ частности, онъ очень любилъ музыку, которую зналъ хорошо. Онъ основательно изучилъ русскій и польскій языки и очень интересовался русскою и польскою литературой. Выйдя въ отставку, Нессельроде продолжалъ жить въ Варшавѣ, гдѣ и похороненъ на Повонзковскомъ католическомъ кладбищѣ.

Формулярный списокъ 1830 года. „Россійская Родословная Книга“, изд. кн. П. Долгоруковымъ. Ч. III. Спб. 1856; „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“. Спб. 1909; Т.т. II, III и V; „Полное Собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, т. II, стр. XIII, XIV, „Варшавскій Дневникъ“ 1868 г. № 142; „Историческій Вѣстникъ“ т. XVIII, 779, 780.

А. П.

Нестеровъ, *Алексѣй Яковлевичъ*, оберъ-фискалъ. Вслѣдъ за учрежденіемъ въ 1711 г. Сената Петръ Великій установилъ при немъ должность оберъ-фискала для наблюденія за правильнымъ вершеніемъ судебныхъ дѣлъ и для донесенія Сенату о нарушеніи кѣмъ бы то ни было казенныхъ интересовъ. Кромѣ оберъ-фискала, были еще провинціальные фискалы, въ завѣдываніи которыхъ находились фискалы низшаго чина. Увидавъ впослѣдствіи, что надежды его не оправдались, Царь Петръ при преобразованіи въ 1721 и 1722 гг. Сената, учредилъ, вмѣсто оберъ-фискала, должность генералъпрокурора.

Нестеровъ былъ опредѣленъ изъ комиссаровъ въ фискалы вскорѣ послѣ учрежденія этой должности. Въ 1712 г. царь Петръ велѣлъ сенаторамъ, когда они отправятся изъ Москвы въ Петербургъ «для лучшаго исправленія соляного сбора», взять съ собою всѣ вѣдомости, касающіяся до этого дѣла, а особенно тѣ, которыя будутъ имъ предложены Сергѣевымъ и Нестеровымъ. Въ апрѣлѣ 1712 г. оберъ-фискалъ, стольникъ Желябужскій, и товарищи его Нестеровъ и Шепелевъ подали царю жалобу на Сенатъ, изъ которой видно, что сенаторы относились къ фискаламъ съ презрѣніемъ и оказывали имъ «съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ всякое немилосердіе», а ихъ донесенія и обличенія оставляли безъ послѣдствій. Григорій Племянниковъ называлъ фискаловъ «уличными судьями», а кн. Як. Ѳеод. Долгорукой «антихристами и плутами». Въ томъ же 1712 году Н. былъ назначенъ оберъ-фискаломъ. Ревностное отношеніе къ службѣ, а можетъ быть и желаніе отомстить своему недругу, побудило Н. въ 1713 году подать царю донесеніе о многихъ неправильныхъ и даже недобросовѣстныхъ дѣяніяхъ кн. Якова Ѳеод. Долгорукаго, причинившихъ казнѣ большой ущербъ.

Въ 1716 г. провинціалъ-фискалъ Негановскій, бывшій въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ Н., подалъ доносъ, что кн. Меншиковъ присвоилъ себѣ болѣе 100 тысячъ казенныхъ денегъ и что Н—въ «ему наровитъ и въ канцеляріи утаиваетъ». Справедливъ-ли былъ доносъ и оправдался-ли князь—изъ дѣла не видно. Въ 1719 году, вслѣдствіе донесенія Н., былъ изданъ указъ объ осмотрѣ на заставахъ всякаго чина людей, ѣдущихъ изъ Сибирскихъ городовъ, и объ отобраніи въ казну найденныхъ у нихъ заповѣдныхъ и необъявленныхъ товаровъ. Въ томъ же году Н. подалъ въ Юстицъ-Коллегію донесеніе о медлительности дѣлопроизводства въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ: съ начала его фискальства до 1715 г., какъ онъ, такъ и другіе фискалы, подавали много донесеній въ канцелярію Сената и въ Расправную Палату, но далеко не всѣ дѣла были вершены. Съ 1715 до 1719 г., кромѣ канцеляріи Сената, они подавали донесенія въ другія канцеляріи, въ Ратушу и въ Помѣстный Приказъ, но

рѣшеній не было, а судьи Надворныхъ Судовъ, вопреки указу, откладывали разсмотрѣніе мѣсячныхъ, третныхъ и годовыхъ вѣдомостей. Вслѣдствіе этого произошло много убытковъ казнѣ, а «фискальному дѣйству ясности прямо не показано». Два дня спустя послѣ донесенія Н. вышелъ указъ, чтобы всѣ фискальныя дѣла вѣдались въ Юстицъ-Коллегіи.

Въ 1718 г. на провинціалъ-фискала Попцова была подана челобитная ярославскимъ посадскимъ человѣкомъ Сутягинымъ; онъ жаловался на обиды, разореніе, побои и увѣчье. Во время слѣдствія Попцовъ оговорилъ Н—ва, и въ ноябрѣ 1722 г., по царскому указу, генералъ-прокуроръ Ягужинской и прокуроръ военной коллегіи Пашковъ приговорили разыскивать въ застѣнкѣ и пытать Н—ва, такъ какъ онъ былъ поставленъ государемъ «для смотрѣнія и искорененія за другими всякихъ неправдъ», но онъ, забывъ свою обязанность, вмѣсто того, чтобы отрѣшить Попцова отъ должности, «когда онъ вступилъ въ немалые откупа», взялъ съ него взятку—часы серебряные боевые въ 120 р., одѣяло на лисьемъ мѣху, да уговаривался, чтобы Попцовъ далъ ему 300 р. При разслѣдованіи оказалось, что Н. бралъ взятки и раньше. Царь Петръ придавалъ большое значеніе раскрытію этихъ злоупотребленій, что видно изъ его писемъ къ Пашкову. «Чтобы затянуть производившееся о немъ слѣдствіе, Н. вскрывалъ многія мнимыя злоупотребленія живыхъ и даже умершихъ. Въ надеждѣ вновь поднять старое дѣло о расхищеніи царской казны на Московскихъ денежныхъ дворахъ при сенаторѣ Опухтинѣ, который уже безъ того жестоко поплатился, Нестеровъ усиленно оговаривалъ фельдмаршала гр. Б. П. Шереметева и кн. Я. Ѳ. Долгорукаго. Слѣдственная комиссія, повидимому, удовольствовалась опроверженіями Опухтина и все свое вниманіе обратила на раскрытіе злоупотребленій Н—ва. Вышній судъ, куда было перенесено дѣло Н—ва, приговорилъ его къ смерти, и приговоръ исполненъ.

Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, т. т. V, VI, IX, X, XI; Соловьевъ, Исторія Россіи, XVIII, с. 153—155; Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества, т. III, 368, 369; LV, 303—304.—„Рус. Стар.“ 1874, IX, с. 186—187; Андреевскій. Русское государств. право. Спб. 1866 г., с. 207—210.

В. Корсакова.

Нестеровъ, *Аѳанасій Ивановичъ.* Въ 1634 г. пожалованъ изъ «житья» въ стряпчіе. Въ сентябрѣ 1655 года Н. былъ посланъ ближнимъ боярином кн. Я. К. Черкасскимъ къ шведскому генералу, гр. Делагарди, который далъ знать боярину, что городъ Друя сдался шведамъ. Н. былъ представленъ графу Делагарди и заявилъ, что В. П. Шереметевъ взялъ въ 1654 г. города Друю, Дрису и Глубокое и что жители этихъ городовъ присягнули на вѣрность Московскому царю; упомянулъ также, что Радзивиллъ пишется воеводой Виленскимъ и гетманомъ великаго княжества Литовскаго, тогда какъ Вильна принадлежитъ тоже царю Московскому. Делагарди обѣщалъ довести объ этомъ до свѣдѣнія короля шведскаго и освободить всѣхъ московскихъ плѣнниковъ, находившихся у Радзивилла. Въ 1656 году Н. былъ столоначальникомъ и состоялъ товарищемъ боярина Милославскаго, управлявшаго Приказомъ Ствольнаго дѣла; въ 1661 г. былъ товарищемъ у окольничаго и оружейничаго Хитрово, управлявшаго Оружейной Палатой. Въ 1662 г. ѣздилъ въ Варшаву съ предложеніемъ перемирія на время посольскихъ съѣздовъ.

Въ 1667 году Н. ѣздилъ въ Турцію, во главѣ посольства, для укрѣпленія «исконной братской дружбы и любви» и для переговоровъ относительно вселенскихъ патріарховъ. Съ нимъ было послано для патріарха константинопольскаго Парѳенія великаго государя жалованье (соболи на 300 р.) и грамота, но въ то же время поручено просить господаря молдавскаго, чтобы онъ содѣйствовалъ низложенію Парѳенія и возведенію на престолъ прежняго патріарха Діонисія, «друга патріарховъ Паисія и Макарія». Подъѣхавъ къ Азову, Н. послалъ Азовскому владѣтелю, пашѣ Моллагини, грамоту и соболи съ переводчикомъ, присовокупивъ обычное требованіе, чтобы паша скорѣе отпустилъ посольство въ Царьградъ. Но паша не удовольствовался этими подарками и сталъ дѣлать всевозможныя затрудненія, не давалъ кораблей, и предложилъ ѣхать до рѣки Кубана сухимъ путемъ. Въ Царьградъ посольство прибыло 5 ноября. Турецкій султанъ Магометъ находился въ это время въ Адріанополѣ, и пріемомъ посольства распорядился его «намѣстникъ» Исупъ-паша: онъ приказалъ дать дворъ,

гдѣ стоять, призвалъ къ себѣ въ домъ, угостилъ обѣдомъ и подарилъ золотые кафтаны. Лишь черезъ шесть недѣль былъ полученъ указъ султана, чтобы Н. съ товарищами ѣхали въ Адріанополь. Тамъ они тоже были приняты съ почетомъ, снова получили по золотому кафтану и видѣли султана какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ своего пребыванія въ Адріанополѣ, гдѣ перезимовали.

Въ 1670 году Н., будучи думнымъ дворяниномъ, посланъ на воеводство въ Архангельскъ. Главной заботой Н-ва была постройка въ Архангельскѣ каменныхъ гостиныхъ дворовъ, а затѣмъ каменнаго же города, такъ какъ во время сильнаго пожара, бывшаго до его пріѣзда, сгорѣли городъ, приказная изба, житницы съ хлѣбомъ и много казны. Н. усердно принялся за построеніе Архангельска, начатое 16 мая 1671 г., и старался доставить казнѣ прибыль и за сдѣланную экономію въ расходахъ получилъ отъ царя грамоту съ «похвалою». По докладу Н—ва, царь приказалъ перенести амбары, построенные иноземцами самовольно послѣ пожара 1667 г. на церковныхъ и алтарныхъ мѣстахъ, «въ иныя мѣста, гдѣ пристойно». 19 января 1673 г. на смѣну Н—ва пріѣхалъ новый воевода, кн. Д. А. Долгорукой и принялъ отъ него строенія и наличные заводы и запасы.

Акты археогр. экспед., IV, 124; Акты историческіе, IV, с. 302, 477; Доп. къ Акт. ист., Ш, V и VI; Акты Москов. госуд., II, 485, 531; Соловьевъ, Исторія Россіи, т.т. X и XI; Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ XVII ст., с. 65; Эйнгорнъ, Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в., М. 1899 г., с. 382, 391, 394, 459, 538; Забѣлинъ, „Посольскія путешествія въ Турцію въ XVII в.“, („Рус. Стар.“ 1877 г., т. XX); „Рус. Арх.“ 1889 г., № 5, с. 9—10.

Нестеровъ, *Петръ Петровичъ*,— генералъ-лейтенантъ. Н. началъ военную службу въ 1823 году унтеръ-офицеромъ въ 4-мъ карабинерномъ полку; въ 1824 г. произведенъ въ прапорщики; въ 1826 г. переведенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части и вскорѣ назначенъ состоять при главной квартирѣ 1-й арміи; въ 1828 г. переведенъ въ л.-гв. Егерскій полкъ. За отличіе въ сраженіяхъ съ поляками при взятіи Варшавы въ 1831 г. Н. былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; въ слѣдующемъ году произведенъ въ поручики, въ 1834-мъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику штаба Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и въ томъ же году произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ 1837 г. Н., въ чинѣ капитана, назначенъ командиромъ Кавказскаго линейнаго № 6-й баталіона; въ 1842 г. произведенъ въ полковники и назначенъ комендантомъ Владикавказской крѣпости, въ 1845 г. получилъ чинъ генералъ-маіора, а въ слѣдующемъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ Владикавказскаго округа, причемъ за отличія, оказанныя въ бояхъ съ чеченцами, онъ получилъ орденъ Св. Анны I степени. Въ 1848 году Н. былъ назначенъ командующимъ 20-ю пѣхотною дивизіею и начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, но вскорѣ сталъ обнаруживать признаки нервнаго разстройства и въ началѣ 1850 года временно удаленъ изъ дѣйствующей арміи. Однако, въ концѣ 1850 года онъ вновь вступилъ въ командованіе лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи и предпринялъ зимнюю экспедицію въ Большую Чечню, но въ слѣдующемъ году снова сталъ обнаруживать признаки умственнаго разстройства и вскорѣ былъ увезенъ въ Петербургъ, въ больницу для душевно-больныхъ. Скончался Н. въ Москвѣ 8-го августа 1854 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Воспоминанія рисуютъ Нестерова высокимъ, стройнымъ и красивымъ офицеромъ, добрымъ и справедливымъ начальникомъ. Спокойствіе не покидало его никогда, даже во время самой большой опасности, которой онъ подвергался постоянно, принимая участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, (въ 1836 г. за Кубань, на Натухайскіе аулы, въ 1837 г. для покоренія Цебельды, въ 1840—47 гг. противъ Большой и Малой Чечни и др.), очень часто въ качествѣ начальника отряда. Во вниманіе къ заслугамъ Нестерова было Высочайше повелѣно построенное имъ въ 1842 году на рѣкѣ Ассѣ, при аулѣ Хазыръ, укрѣпленіе Бажиръ-юртъ назвать его именемъ.

„Акты Кавказской Археографической Коммиссіи“, т. X, стр. XXVII; „Русскій Инвалидъ“ 1854 г., августа 15; „Московскія Вѣдомости“ 1854 г., авг. 8; „Русскій Архивъ“ 1890 г., кн. 1; „Воспоминанія А. П. Бѣляева („Русская Старина“ т. 37); Записки М: Я. Ольшевскаго“ („Рус. Стар.“, тт. 78 и 81).

А. П.

Несторъ Лѣтописецъ-преподобный. Было время, когда къ преп. Нестору от-

носили всѣ тѣ мѣста Повѣсти временныхъ лѣтъ, гдѣ идетъ рѣчь въ первомъ лицѣ,— и получалась довольно обстоятельная біографія: указывали точно годъ и мѣсто рожденія, время прибытія и поступленія въ монастырь, годъ смерти и общій возрастъ (Миллеръ, Шлецеръ, Татищевъ, м. Евгеній, арх. Филаретъ, м. Макарій, Кубаревъ, Бутковъ, архп. Димитрій и мн. др.). Теперь же, когда принадлежность Нестору Начальной лѣтописи оспаривается, требуютъ значительныхъ ограниченій и всѣ эти біографическія подробности. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что преп. Несторъ былъ инокъ Кіево-Печерскаго монастыря: прибылъ онъ сюда при игуменѣ Стефанѣ, который его принялъ, постригъ и возвелъ въ санъ діакона. При торжественномъ открытіи мощей преп. Ѳеодосія (1091 г.) Несторъ является однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. На большой авторитетъ Нестора среди братіи Печерской обители указываетъ разсказъ Кіево-Печерскаго Патерика объ изгнаніи бѣса изъ черноризца Никиты Затворника: здѣсь, на ряду съ такими подвижниками вѣры и благочестія, какъ игуменъ Никонъ, Пименъ Постникъ, Агапитъ Лѣчецъ, Григорій Чудотворецъ, Исаакій Печерникъ, Григорій, творецъ каноновъ, Онисифоръ Прозорливецъ,— стоитъ и Несторъ, «иже написа лѣтописецъ», тогда еще сравнительно юный инокъ. О времени канонизаціи преп. Нестора ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Имени его нѣтъ ни въ древнѣйшихъ Мѣсяцесловахъ, ни въ Прологахъ, ни въ Четьихъ-Минеяхъ. Въ Описаніи иконописи Кіево-Печерской Лавры начала XVIII в. упоминается живописное изображеніе «преп. Нестора діакона» и «преп. Нестора лѣтописца», но какъ далеко восходитъ основа этого Описанія—вопросъ спорный.

Житіе Нестора впервые находимъ въ славянскомъ печатномъ изданіи Кіево-Печерскаго Патерика 1661 г. («сказаніе многословное, — справедливо замѣчаетъ преосв. Филаретъ,—но бѣдное по содержанію»), откуда оно заимствовано въ Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго.

Церковная служба ему, какъ и другимъ «Преподобнымъ отцемъ Печерскимъ, ихже мощы въ ближной и дальной пещерѣ нетлѣнно почиваютъ», составлена еще позже: первое печатное изданіе ея относится лишь къ 1763 году. Мощи преп. Нестора открыто почиваютъ въ Кіевѣ, въ Антоніевыхъ (ближнихъ) пещерахъ. Церковь ублажаетъ его, какъ «богомудраго житій святыхъ списателя первѣйшаго и ревнителя о нѣхъ добраго», «времена и лѣта многочудесные церкве, житіе и добродѣтели отецъ первоначальныхъ писаніемъ намъ изъявившаго». Въ Иконописномъ подлинникѣ о преп. Несторѣ замѣчено: «подобіемъ сѣдъ, брада аки Богословля, не раздвоилась, на плечахъ клобукъ, въ правой рукѣ перо, а въ лѣвой— книга и четки, ризы преподобническія».

Изъ литературныхъ трудовъ преп. Нестора мы знаемъ: 1) Чтеніе о житіи и погубленіи блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба, 2) Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, игумена Печерскаго и 3) Лѣтопись. Главнѣйшій трудъ— Житіе Ѳеодосія Печерскаго, составленное въ промежутокъ времени между 1077 и 1088 годами: оно одно можетъ дать нѣкоторую точку опоры въ сужденіяхъ о Несторѣ, какъ писателѣ. Пользуясь большой популярностью въ древне-русской письменности, Житіе преп. Ѳеодосія имѣетъ довольно сложную литературную исторію, которую можно прослѣдить при болѣе или менѣе внимательномъ отношеніи къ различнымъ редакціямъ Кіево-Печерскаго Патерика, въ составѣ котораго это Житіе издавна занимаетъ очень видное и почетное мѣсто. Какъ литературное произведеніе, Несторово Житіе обладаетъ значительными достоинствами и ясно говоритъ, о большой начитанности и выдающейся образованности автора: хорошій языкъ (выдержанный церковно-славянскій стиль), толковое и по мѣстамъ занимательное изложеніе, сравнительно немного того «добрословія» и «плетенія словесъ», которыми такъ изобилуютъ позднѣйшія (сѣверо-русскія) житія. Древнѣйшій списокъ Житія Ѳеодосія дошелъ до насъ въ такъ называемомъ Успенскомъ Сборникѣ XII в. По этой рукописи, хранящейся теперь въ Московск. Синод. библ., Житіе издавалось три раза: Бодянскимъ («Чтенія въ Общ. ист. и др. р.» 1858, III), А. Поповымъ («Чтенія въ Общ. ист. и др. р.» 1879, I) и А. А. Шахматовымъ и П. А. Лавровымъ («Чтенія въ Общ. ист. и др. р.» 1899 г. и отд.: Сборникъ XII в. Моск. Успенск. Собора. Вып. I).

Раньше Житія преп. Ѳеодосія Печер-

скаго Несторомъ составлено (вскорѣ послѣ 1079 г.) Чтеніе о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба, стоящее совершенно независимо отъ другихъ агіологическихъ памятниковъ, посвященныхъ свв. Борису и Глѣбу. Въ историко-литературномъ отношеніи Чтеніе стоитъ ниже Житія: въ немъ больше общихъ мѣстъ и такихъ подробностей, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ дѣлу, больше безцвѣтности и шаблонности въ характеристикахъ; замѣтно пренебрежительное отношеніе къ собственнымъ именамъ и хронологическимъ датамъ, какъ не прибавляющимъ назиданія; отсутствіе въ содержаніи историко-бытового матеріала. Указанные недостатки объясняются отчасти авторскою неопытностью начинающаго Нестора, а отчасти тѣмъ, что самый предметъ второго сочиненія былъ гораздо интереснѣе и ближе нашему автору, какъ иноку Печерскаго монастыря, чѣмъ предметъ перваго. Древнѣйшій списокъ Несторова Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ относится къ первой половинѣ XIV в.: это—такъ называемый Сильвестровскій Сборникъ Московской Типографской библіотеки. По этому списку Чтеніе издано три раза: Бодянскимъ («Чтенія въ Общ. ист. и др. рос.» 1859, I), Срезневскимъ («Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ». Спб. 1860) и Абрамовичемъ (въ «Памятникахъ древне-русской литературы». Вып. 2-й). Большою извѣстностью Чтеніе не пользовалось, какъ можно видѣть изъ того, что оно дошло до насъ въ сравнительно ограниченномъ количествѣ списковъ и не повліяло на другіе аналогичные памятники.

Что касается отношенія преп. Нестора къ Начальной Лѣтописи, то все разнообразіе мнѣній по данному вопросу можно свести къ тремъ категоріямъ. 1) Нестору принадлежитъ вся такъ называемая «Повѣсть временныхъ лѣтъ», сохранившаяся, впрочемъ,—какъ утверждаетъ большинство сторонниковъ этого мнѣнія съ Татищевымъ и Шлецеромъ во главѣ,—не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а значительно измѣненное и искаженное вставками, пропусками и ошибками позднѣйшихъ переписчиковъ и редакторовъ. 2) Нестору въ Повѣсти времен. лѣтъ могутъ принадлежать только тѣ статьи, которыя непосредственно касаются исторіи Кіево-Печерскаго монастыря. Такимъ образомъ вопросъ о Несторовой Лѣтописи отдѣляется отъ вопроса о Повѣсти времен. лѣтъ въ томъ смыслѣ, что Несторова Лѣтопись не должна быть отождествляема съ Повѣстью, какъ одна изъ составныхъ ея частей. 3) Наконецъ, Несторъ, авторъ Житія преп. Ѳеодосія Печерскаго и Чтенія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, и Несторъ Лѣтописецъ—ничего общаго между собою не имѣютъ, кромѣ имени (П. С. Казанскій, Голубинскій, А. И. Соболевскій). Въ современной исторической наукѣ всѣ права гражданства получилъ взглядъ на Начальную Лѣтопись, какъ на сводъ самаго разнообразнаго историческаго и литературнаго матеріала, нѣчто въ родѣ исторической христоматіи. Высказанное еще въ 1820 г. Строевымъ, это мнѣніе вполнѣ подтвердилось учеными наблюденіями Соловьева, Срезневскаго, Сухомлинова, Бѣляева, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Ключевскаго, А. А. Шахматова, Е. Н. Щепкина, М. С. Грушевскаго, С. Ф. Платонова и др. Самыми типичными выразителями такого взгляда на Начальную Лѣтопись являются Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ и А. А. Шахматовъ. Въ лѣтописный сводъ, извѣстный подъ именемъ Повѣсти времен. лѣтъ, вошелъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, касающихся спеціально исторіи Кіево-Печерской обители, короче сказать—Печерская Лѣтопись. Въ дѣлѣ составленія этой Печерской Лѣтописи ближайшее участіе принималъ преп. Несторъ: связываемый съ его именемъ (въ Печерскомъ Патерикѣ) «лѣтописецъ» есть не что иное, какъ лѣтопись Печерской обители за вторую половину XI-го столѣтія. Вотъ единственно возможное рѣшеніе давняго вопроса объ отношеніи Нестора, составителя Житія Ѳеодосія и Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ, къ нашей Начальной Лѣтописи. Совершенно игнорировать свидѣтельство Печерскаго Патерика или различать двухъ Несторовъ современниковъ: младшаго, діакона, автора житій, и старшаго—лѣтописца, мы не имѣемъ ни историческаго, ни литературнаго права. На основаніи тѣхъ историко-литературныхъ данныхъ, какими располагаетъ наука въ настоящее время, можно думать, что въ составъ предполагаемой Несторовой Лѣтописи входили: Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь; Слово о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ; Слово о перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія; нѣсколько мелкихъ замѣтокъ, напр. о про-

реченіи преп. Ѳеодосія и внесеніи имени его въ синодикъ, о погребеніи Яневой и др. Источниками для изученія Несторовой Лѣтописи служатъ—Повѣсть времен. лѣтъ (ср. Лаврентіевскій и Ипатіевскій списки, Никоновскій сводъ, Лѣтоп. Переяславля Суздальскаго и др.) и Кіево Печерскій Патерикъ. Въ Повѣсти времен. лѣтъ Сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря читается подъ 1051 годомъ, Слово о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ — подъ 1074, а о перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія—подъ 1091-мъ. Что же касается Печерскаго Патерика, то наибольшій интересъ при изученіи Несторовой Лѣтописи представляютъ такъ называемыя Кассіановскія редакціи этого памятника, въ особенности же вторая Кассіановская, составленная въ 1462 г. «повелѣніемъ смиреннаго Кассіана, уставника Печерскаго».

Миллеръ. О первомъ Лѣтописателѣ Россійскомъ преп. Несторѣ, о его лѣтописи и о продолжателяхъ оныя—въ „Ежемѣсячн. Сочинен." 1755 г., апрѣль, 299—324; Библіотека Россійская Историч., ч. I. Спб. 1757, 1—XII („Житіе Преп. Нестора, сочинителя сея лѣтописи"); Шлецеръ. Несторъ. I, § 1—2; Татищевъ. Исторія Россійск. 1768 г. Кн. I ч. I, 51—56; Тимковскій. Краткое изслѣдованіе о Патерикѣ преп. Нестора, лѣтописца Россійскаго—въ I ч. «Записокъ и Труд. Общ. Ист. и Древн. Рос.". Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовн. чина. Т. II (1827), 83—95; Филаретъ. Русскіе святые. Черн. 1865; ч. III, 254—263: Макарій. Исторія русск. церкви, т. II; Кубаревъ. Несторъ, первый писатель Рос. истор.—въ „Русск. Историч. Сборн.", кн. IV; Бутковъ. Оборона Нестор. лѣтоп. Спб. 1840; П. С. Казанскій „Временникъ" I, III, X, XIII и „Отечеств. Записки" 1851 г., т. LXXIV; Погодинъ. Несторово житіе св. Ѳеодосія—въ IX т. „Извѣст. И. Ак. Наукъ по отд. р. яз. и слов."; его-же. Изслѣдованія, лекціи и замѣтки, т. I и IV; Срезневскій. Древн. жизнеопис. русск. князей—въ „Извѣстіяхъ", т. II и Чтенія о древн. р. лѣтоп. Спб. 1862; Сухомлиновъ. О др.-р. лѣтоп., какъ памятникѣ литерат. Спб. 1856; Костомаровъ. Лекціи по русск. исторіи. Спб. 1862; Бестужевъ-Рюминъ. О составѣ русск. лѣтоп. до конца XIV в. Спб. 1868; Голубинскій. Истор. русск. церкви, т. 1—1; Димитрій. Мѣсяцесловъ святыхъ. Вып. II, стр. 189 — 193; Шахматовъ. Нѣсколько словъ о Несторовомъ Житіи св. Ѳеодосія—въ „Извѣстіяхъ" II Отд. И. Ак. Н., т. I; его же. Кіево-Печерскій Патерикъ и Печерская лѣтоп. тамъ же, т. II; его же. Житіе Антонія и Печерская Лѣтоп. въ „Журн. Мин. Нар. Пр." 1898; его же. Разысканія о древнѣйш. русск. лѣтоп. сводахъ. Спб. 1908; Е. Н. Щепкинъ. Zur Nestorfrage — въ „Arch. für slav. Phil." XIX; St. Srkulj. Die Entstehung d. ält. rus. sogen. Nestorchronik. Pozega. 1896; Д. И. Абрамовичъ. Къ вопросу объ источникахъ Несторова Житія преп. Ѳеодосія Печерскаго — въ „Извѣстіяхъ" Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н., т. III; его же. Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литерат. дѣятельности Нестора Лѣтоп.—въ II т. Трудовъ XI Археол. Съѣзда; его же. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литерат. памятникѣ. Спб. 1902; М. Грушевскій. Історія Украіни-Руси. т. I ². Львъ. 1904; Ключевскій. Курсъ русск. исторіи. Ч. I; С. Ѳ. Платоновъ. Лекціи по русск. ист. В. I; В. С. Иконниковъ. Опытъ русск. историографіи, т. II, кн. 2; Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература. Т. I. Юрьевъ 1911; Н. Д. Чечулинъ. Гравированные портреты Нестора Лѣтописца — въ Сборникѣ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. Спб. 1911.

Д. И. Абрамовичъ.

Несторъ Некнижный,—преподобный, подвижникъ Кіево-Печерской обители. О жизни и подвигахъ преп. Нестора Некнижнаго свѣдѣній не сохранилось. Мощи его почиваютъ въ Кіевскихъ Дальнихъ (Ѳеодосіевыхъ) пещерахъ; память—28-го августа и 27-го октября. Церковь ублажаетъ св. Нестора (въ общей службѣ преподобныхъ Дальнихъ пещеръ), какъ наученнаго Словомъ Божіимъ, вразумляющимъ человѣки, «не книжныя мудрости, но внѣшнія, ею же зрѣлъ при молитвахъ ангелы и кончину свою предвидѣлъ».

Филаретъ. Русск. святые, подъ 28-е августа; Сергій. Полн. Мѣсяцесловъ Востока. Т. II (2), 261; Барсуковъ. Источн. русск. агіографіи, 387; Модестъ. Кратк. сказан. о жизни и подвигахъ св. отц. дальнихъ пещеръ Кіево-Печерск. Лавры. Кіевъ. 1885, 15—16 и 56; Димитрій. Мѣсяцесловъ святыхъ. Вып. II, 143—194.

Несторъ (въ мірѣ Николай Павловичъ Зассъ)—епископъ алеутскій; род. въ 1826 г. въ дворянской семьѣ; 20-го мая 1832 г. былъ опредѣленъ въ морскую роту Александровскаго кадетскаго корпуса, откуда переведенъ въ 1836 г. въ Морской кадетскій корпусъ; въ 1842 г. былъ произведенъ въ гардемарины, а 9 августа 1844 г. въ мичманы. 6-го декабря 1849 г. Н. П. Зассъ 3-й былъ произведенъ въ лейтенанты, но, спустя годъ, 15-го ноября 1850 г., по болѣзни, уволенъ отъ службы. 26-го ноября 1853 г. Н. П. поступилъ послушникомъ въ бахчисарайскій Успенскій монастырь, гдѣ и постриженъ въ монахи въ 1854 г.; 22-го іюля того же года былъ посвященъ въ іеродіаконы и 3-го іюля 1855 г. въ іеромонахи съ именемъ Нестора. Въ

Крымскую кампанію Несторъ находился при военныхъ госпиталяхъ, а съ 1857 по 1864 годъ плавалъ на судахъ нашихъ эскадръ въ Средиземномъ морѣ и къ берегамъ Америки. Въ 1866 году Несторъ былъ назначенъ священникомъ при военно-исправительной тюрьмѣ морского вѣдомства, а затѣмъ 18-го ноября того же года, настоятелемъ православной русской церкви въ г. По. 29-го октября 1878 г. Несторъ былъ возведенъ въ архимандриты и вслѣдъ затѣмъ (2-го декабря) избранъ на епископство алеутское. Хиротонисанный 17-го декабря того же года, епископъ Несторъ отправился въ Санъ-Франциско, куда прибылъ въ 1879 году. На возвратномъ пути изъ С.-Франциско епископъ Несторъ, при совершенно тихой погодѣ, 30-го іюня 1882 года внезапно упалъ съ пароходной палубы въ море и утонулъ. Тѣло его было найдено впослѣдствіи и погребено на островѣ Уналашка, близъ церкви.

Сообщеніе ген.-лейт. Ѳ. К. Дриженко; Общій Морской Списокъ. Часть X. СПБ. 1898; Списки архіереевъ іерархіи Всероссійской и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежденія Святѣйшаго Правительствующаго Сунода (1721—1895). Спб. 1896; Всеобщій Календарь 1884 г., стр. 523.

А. П.

Несчастливцевъ, *Александръ Алексѣевичъ*,—докторъ медицины, приватъ-доцентъ казанскаго университета по нервнымъ болѣзнямъ; род. въ 1833 г. въ Спб., умеръ 11-го марта 1879 г. Среднее образованіе Н. получилъ въ симбирской гимназіи, высшее въ казанскомъ университетѣ по медицинскому факультету, курсъ котораго окончилъ въ 1862 г.; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ ассистентомъ при университетской хирургической клиникѣ; въ 1870 г. получилъ степень доктора медицины и былъ утвержденъ въ званіи приватъ-доцента частной патологіи и терапіи, съ чтеніемъ лекцій по нервнымъ болѣзнямъ. Въ 1872 г. Н. былъ избранъ доцентомъ гальванотерапіи, а въ 1876 г. по практической нервной патологіи. Въ 1878 г. Н. находился на театрѣ военныхъ дѣйствій въ резервѣ врачей хирурговъ; въ 1879 г. Н. скончался. Большинство трудовъ А. А. Несчастливцева, напечатанныхъ имъ въ «Медиц. Вѣстн.» и въ «Трудахъ казанскихъ врачей», были посвящены гальванотерапіи, физіологіи и вліянію электричества на организмъ. Кромѣ того, ему принадлежитъ переводъ сочиненія Берда и Ракуэля: «Практическое руководство къ медицинскому употребленію электричества при мѣстномъ и общемъ употребленіи», два выпуска. Казань, 1875—1879.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи—писатели, тетр. 5-я, Спб., 1889; Н. П. Загоскинъ, Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей казанскаго университета. Казань, 1904, ч. II.

Нефедьевъ, *Николай Александровичъ*, астраханскій губернскій прокуроръ, писатель. Н. род. въ 1800 г.; службу началъ съ 1814 г. въ Симбирскѣ, сначала чиновникомъ Палаты уголовнаго суда, затѣмъ казенной палаты, а потомъ въ качествѣ секретаря государственнаго комерческаго банка. 18-го іюля 1829 г. Нефедьевъ опредѣлился на службу въ Канцелярію Общаго Областного Управленія Кавказской области; пробывъ на Кавказѣ около 4-хъ лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку; затѣмъ, 1 марта 1834 г., былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій по министерству внутреннихъ дѣлъ съ назначеніемъ для занятій въ департаментъ исполнительной полиціи, въ каковой должности пробылъ до 2 августа 1834 г., когда состоялось его назначеніе астраханскимъ губернскимъ прокуроромъ. Въ теченіе своей служебной дѣятельности Н. неоднократно получалъ особыя порученія, главнымъ образомъ, по раскрытію злоупотребленій. Такъ, въ іюнѣ 1831 г. ему было поручено разслѣдованіе злоупотребленій и безпорядковъ по управленію калмыцкимъ народомъ въ Астраханской губерніи; результатомъ этого слѣдствія былъ его обширный, въ нѣсколько тысячъ страницъ, докладъ и книга: «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ», изданная въ 1834 году. За поднесеніе этой книги Наслѣднику Цесаревичу Н. удостоился получить отъ Его Высочества благодарность, а статистическое отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ сдѣлало его въ 1834 году своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ 1839 г. Н. издалъ частное описаніе своего путешествія по Кавказу подъ заглавіемъ «Взглядъ на Армянскую область. Изъ путевыхъ записокъ, съ картою Армянской области», въ которомъ познакомилъ русскую публику съ жизнью неза-

долго до того присоединенной къ Россіи области.

Формулярный списокъ 1837 года; „Библіотека для Чтенія“ 1835 г., № 11, отд. V; „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“ 1839 г. т. II, № 13; „Отечественныя Записки“ 1839 г., 5, отд. VII, с. 61.

А. П.

Неффъ, *Тимофей Андреевичъ* (Karl-Timoleon von Neff), — профессоръ портретной и исторической живописи; родился 2-го октября 1805 года въ Эстляндіи, въ Рюсъ (Rühs) или Куркуллѣ. Художественное образованіе Неффъ получилъ въ Дрезденской академіи, гдѣ главными его руководителями были профессора Гартманъ и фонъ Ауэ. 20 ти лѣтъ отъ роду Неффъ окончилъ курсъ академіи и отправился въ Римъ, гдѣ изучилъ Рафаэля и другихъ великихъ мастеровъ. Въ Римѣ онъ пріобрѣлъ высокую покровительницу въ лицѣ великой княгини Елены Павловны, по совѣту которой пріѣхалъ въ 1826 году въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ большую извѣстность своими портретами и другими работами, въ особенности послѣ того какъ получилъ званіе придворнаго художника и былъ назначенъ состоять при Императорскомъ Эрмитажѣ. Приблизительно тогда же Неффу былъ данъ заказъ на девять образовъ для готической церкви въ Императорской дачѣ Александріи въ Петергофѣ, который онъ исполнилъ въ 1834 году. Въ апрѣлѣ 1835 г. Неффъ испросилъ себѣ отпускъ на два года въ Римъ для усовершенствованія.

По возвращеніи изъ второй поѣздки въ Италію, Неффъ почти постоянно жилъ въ Петербургѣ, исполняя, главнымъ образомъ, портреты Особъ Императорской Фамиліи и образа для придворныхъ церквей. Лѣто онъ проводилъ, по большей части, на родинѣ въ Эстляндіи, гдѣ въ 1837 году женился на баронессѣ Луизѣ Каульбарсъ и откуда привозилъ несложныя картинки изъ родного быта. Въ 1837 же году Неффъ предпринялъ путешествіе внутрь Россіи для изученія чисто русскихъ типовъ и обычаевъ; однако, эти типы и обычаи, какъ видно изъ появившихся вслѣдъ за его путешествіемъ произведеній, остались недоступными для его творчества. Къ числу такихъ произведеній нужно отнести и исполненную Неффомъ, по заказу Императора Николая Павловича, съ рисунковъ Солнцева, картину «Двѣ женщины въ народномъ костюмѣ Рязанской губерніи». Когда въ Зимнемъ дворцѣ сгорѣла малая церковь, Неффу были заказаны образа для новой церкви, возстановленной послѣ пожара. Окончивъ эти образа лѣтомъ 1839 года, Неффъ былъ за нихъ, особенно за весьма удачный образъ «Тайной вечери», признанъ академикомъ. Въ томъ же году имъ былъ написанъ рядъ портретовъ, среди которыхъ были портреты Государя и Государыни, великихъ княженъ и великой княгини Елены Павловны. Въ 1842 году Неффъ въ третій разъ отправился въ Италію съ цѣлью приготовить заказанные ему образа для Исаакіевскаго собора, но пробылъ тамъ недолго, такъ какъ порученная ему работа требовала его присутствія въ Петербургѣ. Усердно занявшись выполненіемъ этой сложной задачи, Неффъ, благодаря своей необыкновенной техникѣ, окончилъ многочисленные и по большей части значительныхъ размѣровъ образа очень скоро и хорошо. Можно сказать, что написанные имъ въ нижнемъ ярусѣ Исаакіевскаго собора образа (воспроизведенные мозаикой) составляютъ его лучшія произведенія по религіозной живописи. Особенно хороша его картина «Св. Исаакій Далматскій». Въ 1849 г. Н. получилъ званіе профессора исторической живописи. Въ 1855 году Неффъ сталъ фактически профессоромъ 2-го класса въ Императорской Академіи Художествъ; въ 1864 г. былъ назначенъ хранителемъ картинной галлереи Императорскаго Эрмитажа и, наконецъ, въ 1865 г. назначенъ профессоромъ 1-го класса. Умеръ Т. А. Неффъ, готовя образа для храма Спасителя, 24-го декабря 1876 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Художественная критика, признавая достоинство многихъ произведеній Неффа религіознаго содержанія, находитъ, однако, что, принявшись за духовные сюжеты, онъ вступилъ на ложную дорогу, что удѣлъ его былъ «не трогать благочестивыя сердца, а доставлять легкое, не глубокое наслажденіе людямъ, привыкшимъ не задумываться». Строгая простота нашего богослуженія, серіозные лики нашихъ святыхъ мало говорили уму и сердцу Неффа, и онъ писалъ для нашихъ церквей такіе образа, которые были бы болѣе умѣстны въ католическомъ или проте-

стантскомъ храмѣ. Отсутствіе глубины выраженія, необходимаго въ такого рода произведеніяхъ, стремленіе къ эффектамъ, чуждымъ православному богослуженію, бросаются въ глаза каждому. Изъ образовъ, помѣщенныхъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, лучшіе: «Воздвиженіе Креста» и «Покровъ Пресвятой Богородицы». Кромѣ того, должны быть отмѣчены: «Ангелъ молитвы» и «Ангелъ смерти» и большой запрестольный образъ «Вознесенія Христова», исполненный Неффомъ для церкви А. В. Головнина въ его имѣніи въ Рязанской губерніи. Другія произведенія Неффа религіознаго содержанія находятся во многихъ петербургскихъ церквахъ.

Портретовъ написано Неффомъ очень много. Кромѣ нихъ, онъ оставилъ много жанровыхъ картинъ, среди которыхъ преобладаютъ изображенія красавицъ. Наиболѣе извѣстныя изъ картинъ этого рода: «Неаполитанскія прачки въ гротѣ», «Купающіяся нимфы», «Молодой Неаполитанецъ, сидящій на скалѣ у моря», «Дѣвушка, собирающаяся купаться», и др. Есть у Неффа также нѣсколько картинъ изъ народныхъ италіанскихъ и эстляндскихъ нравовъ. Главное достоинство этихъ произведеній Неффа заключается во вкусѣ, отразившемся особенно въ колоритѣ. Рисунокъ его — изящно-манеренъ; отдѣлка аксессуаровъ у него всегда на первомъ планѣ; композиція эффектная, но не серьезная. При такихъ свойствахъ таланта Неффа, его живопись является прекраснымъ комнатнымъ украшеніемъ, и этимъ можно объяснить крупный успѣхъ художника при его жизни.

Рукописная біографія Д. Митрохина; Картинная Галлерея Императорской Академіи Художествъ. I. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи. Составилъ А. Сомовъ. Спб., 1872; Всеобщій Календарь 1878 г., стр. 22; Архивъ Брюлловыхъ, стр. 170; „Сѣверное Сіяніе“ т. I, вып. 10, стр. 607—618; т. II, вып. 2, стр. 53—60; „Русская Старина“ т. 22; „Пчела“ 1877 г. № 1; „Иллюстрація“ 1863 г. № 264; „Всемірная Иллюстрація 1877 г. № 421; „Иллюстрированная Газета“ 1877 г. № 2; Голосъ 1876 г. № 359; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1876 г. № 357: „Воскресный Досугъ“ 1876 г. № 192; „Русскій Библіофилъ“ 1912 г. вып. IV. Энциклопедическіе словари Брокгауза и Евфрона, Березина и Большая Энциклопедія.

А. П.

Нехорошевскій, *Мартынъ* (Martin Nehorochewsky), — граверъ на мѣди XVIII в. Не обладая крупнымъ талантомъ, Н. отличался необычайною плодовитостью: имъ награвировано огромное количество народныхъ картинокъ, преимущественно религіознаго содержанія, подробно описанныхъ Д. А. Ровинскимъ. Работалъ Нехорошевскій въ Москвѣ, но въ концѣ 1743 года былъ вызванъ вмѣстѣ съ другими «грыдорованнаго и тушеваннаго дѣла мастерами» въ С.-Петербургъ въ «де сіансъ академію» для скорѣйшаго окончанія книги о коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны. Впослѣдствіи вернулся въ Москву, гдѣ, повидимому, и умеръ послѣ 1754 г.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, т. V, стр. 1013; Д. А. Ровинскій, Русскія народныя картинки; Спб. 1881; его же, Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. Спб. 1895; его же, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Спб. 1899.

А. П.

Нечаевъ, *Александръ Ивановичъ*, профессоръ богословія и настоятель храма Казанскаго университета; род. въ 1779 г., умеръ 3 января 1851 г. Сынъ священника с. Ямашъ Казанской губ., Ив. Сем. Лебединскаго, Н. духовное образованіе получилъ въ Казанской академіи, гдѣ и получилъ фамилію Нечаева; по окончаніи курса въ семинаріи онъ былъ при ней нѣкоторое время учителемъ рисованія. Въ 1805 г. Н. былъ рукоположенъ въ діакона, а въ 1807—во священники, въ 1817 г. Н. былъ возведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1820 г. назначенъ первымъ духовникомъ университета, а также преподавателемъ церковной исторіи въ Казанскомъ университетѣ, несмотря на протесты попечителя Магницкаго. Впослѣдствіи ему была предоставлена каѳедра богословія и съ 1829 г.—церковнаго права. Профессорская дѣятельность протоіерея Нечаева кончилась въ 1837 г., когда онъ вышелъ въ отставку. Печатныхъ трудовъ, кромѣ рѣчей, Н. не оставилъ, но память о немъ въ Казанскомъ университетѣ сохраняется благодаря его иконописному искусству: имъ было написано много иконъ какъ для университетской церкви, такъ и для другихъ университетскихъ помѣщеній.

Н. П. Загоскинъ, Біографическій Словарь профес. и препод. Казанскаго университета. Казань 1904, ч. II.; „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1852, ч. II; „Казанск. Губ. Вѣд.“

1851, № 2; „Москвитянинъ“ 1851, февр., стр. 263—266.

Нечаевъ, *Анисимъ Фроловичъ*, поэтъ-самоучка. Н. род. въ селѣ Пирочи, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи въ 1827 г.; жилъ большею частью въ Архангельскѣ; семи лѣтъ отъ роду прибылъ въ Петербургъ и провелъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, служа мальчикомъ въ лавкѣ; въ 1842 г. вернулся въ Архангельскъ, гдѣ сталъ заниматься мелочною торговлею. Выучившись на двѣнадцатомъ году грамотѣ у деревенскаго священника, Н. сталъ читать все, что попадалось ему подъ руку, но особенно увлекался русскими поэтами, чтеніе которыхъ развило его вкусъ и возбудило въ немъ охоту къ стихотворству. Напечатано его стихотвореніе «Разсказъ старушки», обнаруживающее въ авторѣ много сердечной теплоты и задушевности, хотя далеко не совершенное по формѣ.

„Москвитянинъ“, 1849 г., ч. III, № 10, май, стр. 29—31; Библіографическій Словарь писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ (преимущественно) Рязанской губерніи. Составленъ о. І. В. Добролюбовымъ и дополненъ С. Д. Яхонтовымъ. Рязань 1910.

А. П.

Нечаевъ, *Маркъ Александровичъ*, врачъ-писатель, сынъ священника, воспитывался въ духовной семинаріи, откуда поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Выпущенный въ 1826 г. лѣкаремъ, онъ въ томъ же году былъ назначенъ на Гороблагодатскіе заводы; затѣмъ вскорѣ переведенъ на Кушвинскіе заводы, на которыхъ и прослужилъ около пяти лѣтъ, при чемъ въ 1830 году получилъ званіе штабъ-лекаря Во время своей службы на Кушвинскихъ заводахъ Нечаевъ началъ заниматься народной медициной, и его изслѣдованія и наблюденія въ этой области дали ему обширный матеріалъ для многочисленныхъ журнальныхъ статей. Въ 1832 году Н. перевелся на Яковлевскіе заводы, но черезъ два года вышелъ въ отставку. Въ 1835 г. Н. былъ назначенъ ординаторомъ Старорусскаго военнаго госпиталя съ прикомандированіемъ къ Казанскому баталіону военныхъ кантонистовъ, откуда въ 1840 г. былъ переведенъ въ Казанскій военный госпиталь и вскорѣ умеръ.

Перу М. А. Нечаева принадлежитъ длинный рядъ статей, напечатанныхъ имъ въ «Другѣ Здравія» съ 1833 по 1840 г., а также отдѣльныхъ брошюръ по различнымъ медицинскимъ вопросамъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. 2. Спб. 1886 г., стр. 32—33. *Е. Я.*

Нечаевъ, *Матвѣй Гавриловичъ*, ярославскій посадскій человѣкъ начала XVIII в. Время рожденія и смерти его неизвѣстно. Въ 1720 г. онъ предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ, которое описалъ съ благочестивою цѣлью—«въ наслѣдіе помощи Божія» ознакомить читателей съ христіанскими святынями Цареграда и Іерусалима. Сочиненіе это, озаглавленное въ рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, «Книга хожденіе во святый градъ Іерусалимъ ярославца Толчковской слободы посадскаго человѣка Матвѣя Гаврилова сына Нечаева», издано въ 1875 г. профессоромъ Н. П. Барсовымъ подъ заглавіемъ: «Путешествіе посадскаго человѣка Матвѣя Гаврилова Нечаева въ Іерусалимъ» (1719—1720 г.). Изъ него видно, что Нечаевъ былъ человѣкъ состоятельный, давшій обѣтъ пойти въ Святую землю. 26 августа 1720 г. онъ черезъ Малороссію, Польшу, Валахію и Балканы отправился въ путешествіе, и 8 ноября прибылъ въ Константинополь, а 4 марта 1721 года въ Іерусалимъ. Въ іюлѣ того же года онъ началъ описаніе своего путешествія. Изложеніе Нечаева отличается краткостью. Замѣтки его о видѣнномъ на пути свидѣтельствуютъ объ его значительной наблюдательности и представляютъ большой историческій интересъ. Особенно важны извѣстія о грекахъ въ тогдашней Руси, о русскихъ въ турецкой неволѣ, о мальтійцахъ. Любопытно замѣчаніе Нечаева о бѣдности сербскаго и болгарскаго языковъ по сравненію съ русскимъ. Наконецъ, сужденія и мысли, высказываемыя Нечаевымъ съ значительною долею риторизма и напыщенностью начетчика и любителя духовнаго чтенія, драгоцѣнны для характеристики той среды общества въ эпоху преобразованій Петра Великаго, къ которой принадлежалъ авторъ.

„Варшавскія университ. извѣстія“, 1875 г. № 1; „Кіевскія университ. извѣстія“, 1875 г. № 7; „Опытъ русской исторіографіи“, В. С. Иконникова. Т. I. Кіевъ. 1891; „Ярославскій литературный сборникъ“ 1849 г.; „Русскія книги“. Вып. XI. *А. Петровъ.*

Нечаевъ, *Степанъ Дмитріевичъ*,—

д. т. сов., оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, сенаторъ, писатель; род. 18-го іюля 1792 года и былъ сыномъ Данковскаго, Рязанской губерніи, предводителя дворянства, Дмитрія Степановича Нечаева и его жены Анны Ивановны, урожденной Сиверсъ. Образованіе Н. получилъ домашнее, но въ службу вступилъ съ аттестатомъ, выданнымъ изъ Московскаго университета «объ учиненномъ ему испытаніи въ наукахъ на основаніи указа 6-го августа 1809 года», при чемъ былъ назначенъ актуаріусомъ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 16-го января 1811 года. 1-го апрѣля того же года былъ опредѣленъ въ канцелярію Рижскаго военнаго губернатора, князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго, при которомъ состоялъ до декабря 1812 года, принималъ, между прочимъ, участіе въ формированіи разныхъ войскъ во Владимірѣ и Арзамасѣ. Вернувшись въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, 8-го октября 1814 года уволился отъ службы въ Коллегіи и 17-го октября того же года былъ назначенъ почетнымъ смотрителемъ Скопинскихъ училищъ; съ 18-го сентября 1817 г. по 15-е сентября 1823 г. состоялъ директоромъ училищъ Тульской губерніи. Будучи «ревностнымъ любителемъ наукъ и просвѣщенія», Н. открылъ въ Тулѣ ланкастерскую школу, четыре пансіона и нѣсколько другихъ училищъ. 15-го октября 1823 года Н. уволился отъ должности директора училищъ, и 9-го января 1824 г. опредѣлился въ канцелярію московскаго военнаго генералъ-губернатора для особыхъ порученій. Состоя при генералъ-губернаторѣ, князѣ Д. В. Голицынѣ, онъ много работалъ для различныхъ московскихъ благотворительныхъ учрежденій, а также по Комитету для разсмотрѣнія подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній. 28-го сентября 1826 г. Н., по Высочайшему повелѣнію, былъ откомандированъ въ помощь флигель-адъютанту графу А. Г. Строганову, которому было поручено разслѣдованіе раскола въ Пермской губерніи. Замѣтки его и другія свѣдѣнія, касающіяся этой экспедиціи, хранившіяся въ документахъ Нечаевскаго архива, сведены въ «Отчетъ» объ этой экспедиціи, напечатанный впослѣдствіи въ «Братскомъ Словѣ» 1893 г. Удостоенный нѣсколькихъ наградъ, Н., въ чинѣ кол. совѣтника, былъ 13-го іюня 1827 г. причисленъ къ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Пользуясь покровительствомъ князя А. Н. Голицына и дяди своей жены, князя П. С. Мещерскаго, который былъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, Нечаевъ 1-го декабря 1828 г. опредѣлился на службу въ Синодъ, за оберъ-прокурорскій столъ, а 6-го апрѣля слѣдующаго года произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ членомъ Коллегіи духовныхъ училищъ. Съ этого времени начинаются сношенія С. Д. Нечаева съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ. Замѣчательная переписка этихъ лицъ издана въ 1895 году С. Г. Рункевичемъ. 8-го декабря 1831 года Н. былъ произведенъ въ чинъ д. ст. совѣтника, а 2-го апрѣля 1833 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Неоднократно исполнявшій эту должность раньше, въ отсутствіе оберъ-прокурора, С. Д. Нечаевъ хорошо былъ знакомъ съ дѣломъ и, «несмотря на кратковременное пребываніе въ должности синодальнаго оберъ-прокурора, успѣлъ оказать довольно важныя услуги интересамъ оберъ-прокурорской власти и въ значительной степени усилилъ ея вліяніе на разнообразныя стороны церковной жизни». Въ февралѣ 1836 года Н. взялъ четырехмѣсячный отпускъ и уѣхалъ въ Крымъ къ находившейся при смерти женѣ. «Его продолжительное отсутствіе позволило сильно нелюбившимъ Нечаева синодальнымъ членамъ, при содѣйствіи чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ Муравьева, рѣшиться на смѣлый шагъ, чтобы избавиться отъ неудобнаго представителя государственной власти въ церковномъ управленіи... Былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ Синодъ просилъ Государя дать Нечаеву, какъ человѣку обширныхъ государственныхъ способностей, другое, болѣе высокое назначеніе, а оберъ-прокуроромъ назначить графа Протасова». Императоръ Николай Павловичъ исполнилъ просьбу Синода: 25-го іюня 1836 года Нечаевъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ съ оставленіемъ членомъ Коммиссіи духовныхъ училищъ. Сначала Н. присутствовалъ во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента Сената, затѣмъ, съ 19-го декабря 1841 г.,—въ 8-мъ департаментѣ, съ 26-го декабря 1847 года былъ назначенъ первенствующимъ въ 1-мъ отдѣленіи 6-го

департамента Сената, и эту должность занималъ въ теченіе десяти лѣтъ. Въ то же время онъ занималъ рядъ почетныхъ должностей по благотворительнымъ учрежденіямъ Москвы. 4-го сентября 1851 года Н. былъ пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла «за долговременное и отличное служеніе и неутомимое попеченіе по званію президента Комитета о просящихъ милостыни», 26-го августа 1856 г. получилъ чинъ д. т. совѣтника, а 30-го ноября слѣдующаго года уволенъ отъ службы по болѣзни. Умеръ С. Д. Нечаевъ 5-го сентября 1860 г. въ своемъ имѣніи, селѣ Сторожевая Слобода, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи и похороненъ вмѣстѣ съ женою (Софіей Сергѣевной, урожд. Мальцевой, умершей въ 1836 г.) въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

С. Д. Нечаевъ извѣстенъ и какъ писатель, поэтъ-лирикъ по преимуществу. Литературой онъ началъ заниматься очень рано и уже съ 1816 г. сталъ печатать свои прозаическія статьи и лирическія стихотворенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Трудахъ Московскаго Общ. любит. рос. словесности», «Вѣстникѣ Европы», «Сынѣ Отечества», «Дамскомъ Журналѣ», «Московскомъ Телеграфѣ» и въ нѣкоторыхъ альманахахъ. Отдѣльно изданъ сдѣланный Н. переводъ книги Виланда «Пиѳагорейскія жены» (Москва 1817). Н. состоялъ дѣятельнымъ членомъ нѣсколькихъ литературныхъ обществъ, въ томъ числѣ «Московскаго Общества любителей россійской словесности» (съ 30 окт. 1820 г.). Весьма строгій и взыскательный начальникъ по службѣ, Н., по отзыву графа М. В. Толстого, былъ «весьма пріятнымъ и обязательнымъ въ сношеніяхъ съ людьми посторонними», особенно съ членами тѣхъ обществъ, въ которыхъ онъ состоялъ. Литературныя занятія являлись для него отдыхомъ и онъ не прерывалъ ихъ до конца своей жизни. Большая часть поэтическихъ произведеній Нечаева проникнута грустнымъ настроеніемъ. Н. живо интересовался также вопросами археологіи и напечаталъ нѣсколько статей по поводу археологическихъ находокъ въ Рязанской губ.

Формулярные списки; И. Я. Чистовичъ. „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи“. Спб. 1894; Ѳ. В. Благовидовъ. „Оберъ-прокуроры Синода“. Изд. 2-е. Казань 1908; Ефремовъ. „Матеріалы для словаря русскихъ писателей (Тульскіе писатели)“; Толль. Дополненія; „Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860 г.“. (Русскій Архивъ 1864 г.). „Мѣсяцесловъ“ за 1827 г. ч. I; „Старина и Новизна“, кн. 9; С. Г. Рункевичъ. „Переписка митрополита Московскаго Филарета съ С. Д. Нечаевымъ“. Спб. 1895; Словарь членовъ Общ. любит. рос. слов. М. 1911; „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“. Спб. 1899; Степ. Масловъ. „Историческое обозрѣніе Императорскаго общества сельскаго хозяйства“. Москва 1846 г.; Перепелкинъ. „Исторія Моск. Общ. сельск. хозяйства“, стр. 105, 106; „Труды Общ. любит. рос. слов.“ 1818 г. ч. X, стр. 77; „Вѣстникъ Европы“ 1820 г., ч. CVIII, № 1, стр. 3—11; ч. CXIV, № 28, стр. 140; 1821 г. ч. CXVIII, 1823 г. ч. CXXVIII, № 8 „Русскій Вѣстникъ“ 1817 г. № 19 — 20; „Благонамѣренный“ 1823 г., ч. XXI, № 2, стр. 145—148; „Сѣверная Пчела“ 1827 г. № 109; 1854 г. № 66; „Полярная Звѣзда“ 1825 г. кн. 2 и 3; „Московскій Телеграфъ“ 1826 г. ч. VII, отд. I, стр. 26; отд 2, стр. 58; ч. VIII, отд. 2, стр. 8; Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. V и XIII („Къ сестрѣ“); „Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825“. Составилъ Григорій Геннади. Т. III. Москва 1908, № 7, стр. 71 — 72; „Братское Слово“ 1893 г. № 7—10; „Рус. Арх.“ 1881 г., кн. II; 1893 г., кн. I, 1894 г., кн. II, 1904 г., кн. II; „Рус. Стар.“ т.т. 39, 56, 60, 61, 85; „Поэтическіе очерки Украйны, Одессы и Крыма“. Ивана Бороздны. Москва 1837; Библіографическій словарь писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ (преимущественно) Рязанской губерніи. Составленъ о. І. В. Добролюбовымъ и дополненъ С. Д. Яхонтовымъ. Рязань 1910. „Православный Собесѣдникъ“ 1890 г. № 5; „Христіанское Чтеніе“ 1896 г., т. 201, ч. I. С. Г. Рункевичъ. „Изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтія“. Спб. 1896, стр. 37; Н. О. Лернеръ. „Труды и дни Пушкина“. Второе изданіе. Спб. 1910, стр. 301, 381, 421; „Московскій Некрополь“, т. II. Списки трудовъ Н—ва (не полные) приведены въ упомянутомъ Словарѣ І. В. Добролюбова и въ Словарѣ Общ. любит. рос. слов.

А. П.

Нечаевъ, *Степанъ Яковлевичъ*,—докторъ медицины и хирургіи, профессоръ химіи и физики, писатель; род. въ 1799 г. Отличаясь рѣдкими способностями, Н. на 15-мъ году отъ рожденія поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, куда былъ принятъ на казенный счетъ, и окончилъ курсъ въ 1817 году съ золотой медалью. Въ январѣ слѣдующаго года онъ былъ отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ физикѣ и химіи; командировка эта продолжалась болѣе четырехъ лѣтъ. Возвратившись въ 1822 г. въ Петербургъ, онъ былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари

и назначенъ ординаторомъ С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя, а 10-го августа того же года адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ химіи въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора академіи по той же каѳедрѣ, и сталъ готовиться къ докторскому экзамену. Къ этому времени относится его первая литературная работа, «Хининъ и цинхонинъ», напечатанная въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» (1824 г.). Помимо своихъ обязанностей по должности ординатора С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя и исправляющаго должность ординарнаго профессора, Н. въ 1823 году принялъ на себя еще обязанности помощника библіотекаря академіи, каковымъ состоялъ нѣсколько лѣтъ. Выдержавъ установленные экзамены, Н. въ ноябрѣ 1828 года защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Tentamen physiologico—physicum de calore animali» и, получивъ степень доктора медицины, 7-го декабря 1828 года былъ утвержденъ въ должности ординарнаго профессора. Еще ранѣе этого, въ 1827 году, Нечаевъ принялъ на себя обязанности профессора химіи въ артиллерійскомъ училищѣ и ординатора военно-артиллерійскаго госпиталя. Въ 1831 году онъ былъ отчисленъ отъ должности ординатора С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя и назначенъ ординаторомъ морского С.-Петербургскаго госпиталя. Въ мартѣ 1833 года Н. сталъ читать въ медико-хирургической академіи, кромѣ химіи, физику и математику. Избранный 14-го февраля 1836 г. въ ученые секретари конференціи медико-хирургической академіи, Н. занималъ эту должность около трехъ лѣтъ, до 14-го октября 1838 года, не оставляя и всѣхъ другихъ своихъ должностей, кромѣ профессуры въ артиллерійскомъ училищѣ (которую онъ оставилъ въ 1837 году), при чемъ, какъ профессоръ академіи по химіи и физикѣ, онъ въ 1837 году, былъ командированъ за границу для личнаго сношенія съ англійскими и берлинскими физиками и химиками и для пріобрѣтенія инструментовъ и аппаратовъ, необходимыхъ для кабинетовъ и лабораторій академіи. 25-го февраля 1839 года конференція академіи, въ воздаяніе его выдающихся заслугъ въ качествѣ врача-практика признала его безъ экзамена докторомъ медицины и хирургіи. Въ 1843 г. Н. оставилъ преподаваніе физики и математики, а въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку, со званіемъ заслуженнаго профессора. По увольненіи изъ академіи Нечаевъ въ томъ же 1844 году былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія по медицинской части, въ 1850 г., сверхъ того—главнымъ врачемъ С.-Петербургскаго морского госпиталя; въ 1851 г. назначенъ старшимъ ординаторомъ Кронштадтскаго морского госпиталя; въ 1853 г. былъ уволенъ и оставался только чиновникомъ особыхъ порученій по медицинской части при министрѣ народнаго просвѣщенія.

Ученики Нечаева единогласно утверждаютъ, что онъ имѣлъ необыкновенный даръ слова; что его лекціи, несмотря на сухость предмета, благодаря его увлекательному краснорѣчію и замѣчательному умѣнью въ производствѣ опытовъ, пользовались огромнымъ успѣхомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ импровизаторовъ на пяти языкахъ; какъ ученый, онъ пользовался широкой извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей, и былъ членомъ многихъ учрежденій и обществъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Между прочимъ Н. былъ членомъ Россійской Академіи (со 2-го окт. 1839 г.). С. Я. Нечаевъ скончался 14-го мая 1862 года и погребенъ на Охтенскомъ кладбищѣ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“ вып. I. СПБ. 1866 г.; „Протоколы засѣданій общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ“ 1860—1862 гг., стр. 421—424; „Медицинскій Вѣстникъ“ 1862 г. № 21; А. К. Европинъ, „Историческій очеркъ судебной медицины съ токсикологіею при Императорской Военно-Медицинской (бывш. Медико-Хирургической) Академіи 1798—1898“. „Исторія Императорской военно-медицинской академіи“. 1798—1898 (passim) М. И. Сухомлиновъ „Исторія Россійской Академіи“, т. VII; Б. Л. Модзалевскій, „Списокъ членовъ И. Академіи Наукъ“, Спб. 1908; Н. И. Гречъ, „Путевыя письма“..., ч. II, Спб. 1839, стр. 222; „Спб. Вѣд.“ 1840, № 266; „Рус. Старина“, т. 70 (воспоминанія Н. Ѳ. Здекауэра), стр. 121, 127, 128, 369. Труды С. Я. Нечаева см.: „Военно-Медицинскій Журналъ“ 1829 г. ч. 13, отд. I.; „Другъ Здравія“ 1836 г., № 50; „Труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ“, т. VI; „Энциклопедическій лексиконъ“ Плюшара и отдѣльно.

Е. Ястребцевъ.

Нечай,— есаулъ малороссійскихъ казаковъ, одинъ изъ выдающихся сподвижниковъ малороссійскаго гетмана Ѳедора Богданова. Въ 1575 г. Нечай съ 5000 запорожцевъ осаждалъ Кафу и вмѣстѣ съ гетманомъ опустошалъ берега Азіатской и Европейской Турціи. Въ 1576 году онъ предпринялъ во главѣ 3000 запорожскихъ казаковъ смѣлый набѣгъ на черноморское побережье противъ турокъ и татаръ.

„Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana“ Serya II, Tom I—II. Warszawa 1903; „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Евфрона и др. *А. П.*

Нечай, *Данилъ*—брацлавскій полковникъ запорожскаго казацкаго войска. Имя Данила Нечая впервые встрѣчается въ 1649 году, когда онъ со своимъ полкомъ идетъ къ Богдану Хмельницкому для похода на Волынь. Когда Хмельницкій объявилъ войну противъ поляковъ, Нечай былъ однимъ изъ первыхъ, присоединившихся къ нему, и немедленно начавъ дѣйствія, почти въ виду польскаго войска, сжегъ нѣсколько шляхетскихъ дворовъ и мѣстечекъ и ушелъ къ Константинову, куда подошли и главныя силы Хмельницкаго. По выступленіи Хмельницкаго изъ Збаража Нечай принималъ участіе въ радѣ, созванной для опредѣленія дальнѣйшихъ дѣйствій, причемъ игралъ въ ней выдающуюся роль, настаивая на томъ, чтобы Хмельницкій принялъ гетманскій титулъ и чтобы итти на Варшаву и совершенно разорить Польшу. Затѣмъ, имя Нечая упоминается въ связи съ пріѣздомъ въ Переяславль польскихъ коммиссаровъ для мирныхъ переговоровъ: одинъ изъ нихъ, Мястковскій, жалуется Хмельницкому на то, что Нечай опустошилъ всѣ костелы, ищетъ поляковъ подъ землею, однихъ топитъ въ рѣкѣ, другихъ безчеловѣчно убиваетъ и утверждаетъ, что имѣетъ на то приказаніе Хмельницкаго. Въ концѣ октября 1649 г., когда Хмельницкій сталъ дружески обращаться съ поляками, и затѣмъ, когда онъ, получилъ королевскій универсалъ объ окончательномъ утвержденіи сеймомъ Зборовскихъ статей, приказалъ не вошедшимъ въ реестры казакамъ повиноваться своимъ господамъ подъ опасеніемъ смертной казни и тѣмъ вызвалъ народное возстаніе, Нечай заступился за народъ и сталъ во главѣ мятежныхъ удальцовъ. Онъ не испугался гетмана, который заставлялъ своихъ подчиненныхъ вновь повиноваться тѣмъ панамъ, противъ которыхъ самъ ихъ возстановлялъ, и отправилъ къ нему смѣлыхъ депутатовъ во главѣ многотысячной толпы. Хмельницкій не осмѣлился пренебречь голосомъ любимаго народомъ брацлавскаго полковника и, не увеличивая числа реестровыхъ казаковъ, предоставилъ всѣмъ желающимъ быть «охочими казаками». Нечай не ограничился одними заявленіями и въ маѣ отправилъ просьбу къ Очаковскому бею прислать къ нему въ брацлавскій полкъ 2000 орды, такъ какъ поляки, по его словамъ, не хотѣли жить съ казаками въ мирѣ, и съ этой ордой разорилъ нѣсколько шляхетскихъ дворовъ въ Подоліи. Кіевскій воевода Адамъ Кисель потребовалъ, чтобы Хмельницкій за такой поступокъ казнилъ Нечая, и гетманъ обѣщалъ это сдѣлать: призвалъ его къ себѣ, но тотчасъ отпустилъ, взявъ съ Нечая нѣсколько тысячъ злотыхъ. Не признавая никакихъ договоровъ съ поляками, которыхъ онъ считалъ злѣйшими врагами русскаго народа, Нечай пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы причинить имъ какой либо уронъ и въ мирное время, и жалобы на то, что онъ разоряетъ панскія имѣнія не прекращаются и въ теченіе 1650 года. Когда въ февралѣ 1651 года открылись непріязненныя дѣйствія между поляками и казаками, и Мартинъ Калиновскій, пошелъ со своимъ войскомъ на Баръ, Нечай пожелалъ предупредить вторженіе поляковъ: онъ двинулся со своимъ полкомъ къ Бару и посылалъ воззванія подыматься противъ пановъ къ жителямъ тѣхъ мѣстъ, которыя не вошли въ границы украинскія по Зборовскому миру. Хлопы, которые къ тому только и стремились, чтобы стать вольными казаками, толпами стекались къ Нечаю; брацлавскій воевода Лянцкоронскій отправилъ, какъ начальникъ земли, къ казацкому вождю депутатовъ за разъясненіями, почему онъ поднялся со своимъ полкомъ, когда Хмельницкій еще не давалъ вызова на брань, но Нечай, видѣвшій, что со стороны поляковъ это простая уловка, а что на самомъ дѣлѣ они готовятся напасть на него, приказалъ повѣсить депутатовъ, какъ обманщиковъ. Занявъ съ 3000 мѣстечко Красное, Нечай поставилъ передовую стражу въ Ворошиловкѣ подъ начальствомъ сотника Шпаченка, который долженъ былъ наблюдать

за непріятелемъ, стоявшимъ въ Станиславовѣ, и въ случаѣ приближенія поляковъ дать знать въ Красное. Польскій гетманъ Калиновскій рѣшился воспользоваться масляничнымъ временемъ, когда казаки обыкновенно предавались гульбѣ, и напасть на нихъ пьяныхъ и сонныхъ. 20 февраля онъ выступилъ изъ Станиславова, стремительно бросился на передовой к зацкій отрядъ и вырѣзалъ казаковъ до одного, такъ что никто не могъ принести въ Красное вѣсти о несчастіи. Поляки подступили къ Красному, изрубили сонную стражу и вошли въ городъ. Когда ударили въ набатъ, и пьяные казаки схватились за оружіе, Нечай вскочилъ на коня и полетѣлъ на враговъ. Увлеченные его примѣромъ и окриками казаки вытѣснили поляковъ изъ города и стали ихъ преслѣдовать, но въ это время многочисленный польскій отрядъ ворвался въ мѣстечко со всѣхъ сторонъ, и казаки не могли одолѣть враговъ. Братъ Данилы Нечая Матвѣй палъ въ его глазахъ; самъ же онъ, изстрѣленный, изрубленный, еще отмахивался саблей, и поляки, не смотря на всѣ старанія, не могли взять его въ плѣнъ. Умиравшій Нечай былъ отнесенъ въ замокъ и скончался 22 февраля 1651 года, заповѣдавъ казакамъ передать послѣдній поклонъ осиротѣвшей матери. Нѣкоторыя народныя пѣсни и польскіе источники иначе рисуютъ смерть Д. Нечая: то онъ попадается въ плѣнъ, то гибнетъ отъ руки Потоцкаго. Достовѣрно извѣстно то, что когда поляки взяли замокъ въ Красномъ и вошли въ церковь, то нашли въ ней тѣло Нечая: священники отпѣвали казацкаго рыцаря.

Смерть Данилы Нечая произвела на всѣхъ казаковъ и малорусскій народъ удручающее впечатлѣніе и еще болѣе озлобила ихъ противъ Польши. Напрасно гетманъ Калиновскій писалъ къ Хмельницкому, что разбитіе отряда Нечая не должно считаться началомъ войны; что Нечай былъ своевольный бунтовщикъ, и прежде бывавшій непослушнымъ Хмельницкому и поднимавшій хлоповъ противъ пановъ: Богданъ зналъ цѣну такимъ письмамъ и хотя и отвѣтилъ дипломатично, что не подавалъ повода къ началу кровопролитія, однако выдалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ всѣмъ вооружиться поголовно за свободу русской земли и позволилъ истреблять всякіе остатки панскіе и католическіе въ земляхъ русскихъ.

Съ именемъ Данила Нечая связанъ рядъ малороссійскихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ его геройскіе подвиги и славную смерть. Могила его, или, вѣрнѣе, курганъ, носящій его имя и окруженный шестью другими, находится на поляхъ селенія Черемошнаго (или деревни Черемошни) въ Ямпольскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи.

«Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ послѣ его смерти». Москва 1846; «Historja panowania Jana Kazimierza przez nieznajomego autora. Z rękopismu wydał Edward Baczyński. Poznan 1840, tom I; «Вѣстникъ Европы» 1829 года, ч. CLXVII, № 18, стр. 154; «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. Соловьева. Томъ X. Спб. 1860; «Богданъ Хмельницкій» Н. Костомарова. Т. I—II. Спб. 1859; «Исторія польскаго народа Генриха Шмитта. Пер. Ю. О. Шрейеръ. Спб. 1866; «Wojna domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą, potym Szwedami i z Węgry przez lat dwanaście za panowania Nayjaśniejszego Jana Kazimierza tocząca się, na cztery podzielona części oyczystą muzą, od Samuela z Skrzypny Twardowskiego. Opus posthumum. Typis Collegii Callisiensi. Anno Dom. 1861»; «Storia delle guerre civile di Polonia di don Alberto Vimina Bellunese». In Venetia MDCLXXI; «Историческія пѣсни малорусскаго народа», съ объясненіями Антоновича и Драгоманова, т. II, стр. 55, 60, 62—64, 66, 75, 85—86; «Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1863 г., т. III, стр. 3, 7—9; «Народныя южнорусскія пѣсни». Изданіе Амвросія Метлинскаго. Кіевъ, 1854, стр. 403, 404—405; «Исторія о дѣйствіяхъ презѣльной и отъ начала поляковъ кровавшаи небывалой брани Богдана Хмельницкаго съ поляки». Рукопись, вошедшая въ лѣтопись Григорія Грабянки, изд. Временною Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1854 г., Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana; Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона.

Александръ Петровъ.

Нечай, *Иванъ*,—чаусскій полковникъ запорожскаго казацкаго войска, именуемый въ польскихъ источникахъ гетманомъ Бѣлорусскимъ. Имя Ивана Нечая тѣсно связано съ именами Богдана и Юрія Хмельницкихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ на дочери Богдана Еленѣ или Катеринѣ (по польскимъ даннымъ Стефанидѣ). Нечай, повидимому, не сочувствовалъ подчиненію казаковъ Москвѣ, такъ какъ вся его дѣятельность была направлена во вредъ московскому государству. Въ то время, когда царь Алексѣй Михайловичъ, отложивъ войну съ Польшей, обратилъ всѣ свои силы противъ Швеціи, изъ Бѣлоруссіи стали слышаться частыя жалобы на Нечая, бывшаго чаусскимъ наказнымъ

полковникомъ, но писавшагося полковникомъ Бѣлорусскимъ, Гомельскимъ и иныхъ городовъ, который, прибравъ къ себѣ многихъ «гультяевъ», чинилъ всюду насилія, записывая въ казаки, противъ ихъ воли, шляхту, мѣщанъ и пашенныхъ крестьянъ, и приказывалъ грабить, мучить и побивать до смерти тѣхъ изъ нихъ, кто противился записи въ казаки. Кромѣ того, Нечай, безъ царскаго повелѣнія, свелъ во многихъ городахъ, селахъ и деревняхъ царскіе солдатскіе гарнизоны и поставилъ вмѣсто нихъ казаковъ. Для провѣрки этихъ жалобъ былъ отправленъ Хмельницкимъ въ Бѣлоруссію въ апрѣлѣ 1656 г. полковникъ Антонъ Ждановичъ, но Нечай сумѣлъ оправдаться и, оставшись невредимымъ, продолжалъ прежній образъ дѣйствій. Въ виду того, что нареканія на него не прекращались, въ апрѣлѣ 1657 г. къ Хмельницкому были отправлены московскіе послы окольничій Федоръ Бутурлинъ и дьякъ Василій Михайловъ, которые отъ царскаго имени выговаривали гетману за то, что черкасы полка Ивана Нечая чинятъ разоренье шляхтѣ. Хмельницкій отвѣтилъ посламъ, что онъ пошлетъ сдѣлать сыскъ и прикажетъ казнить виновныхъ, и дѣйствительно отправилъ Нечаю письмо, «чтобъ шляхтѣ кривдъ нинакихъ не чинили». Послѣ смерти Хмельницкаго, съ избраніемъ гетманомъ Ивана Выговскаго, Нечай завязалъ сношенія съ поляками, а въ сентябрѣ 1659 года присягнулъ на вѣрность польскому королю Яну-Казимиру и былъ возведенъ въ дворянское достоинство и пожалованъ деревнями Чавцы и Черековъ въ Бобруйскомъ староствѣ и войтовствами Пеховскимъ и Благовицкимъ въ Могилевской экономіи. Еще ранѣе своей присяги королю Нечай, по словамъ грамоты царя Алексѣя Михайловича гетману Юрію Хмельницкому, относящейся къ 1660 году, «многихъ царскаго величества ратныхъ людей побивалъ и въ города Мстиславль и въ Кричевъ къ мѣщанамъ прелестные листы писалъ, и въ тѣхъ городахъ, по его письмамъ, мѣщане государю измѣнили и воеводъ царскихъ и ратныхъ людей многихъ побили», причемъ нѣкоторыхъ воеводъ Нечай отослалъ къ польскому королю. Именуя себя вѣрнымъ подданнымъ польскаго короля, онъ разсылалъ «прелестные листы» по бѣлорусскимъ городамъ и даже такимъ лицамъ, какъ смоленскій воевода, окольничій князь Петръ Долгорукій. Пользуясь широкой популярностью въ казацкой средѣ, особенно въ черкасскихъ полкахъ, Иванъ Нечай захватилъ старый Быховъ и на всѣ увѣщанія и многія царскія милостивыя грамоты о томъ, чтобы онъ «свою вину государю принесъ», не сдавался. Тогда Алексѣй Михайловичъ приказалъ московскимъ посламъ, которые назначены были участвовать въ избраніи гетмана на переяславской радѣ 1659 года, между прочимъ, требовать отъ вновь избраннаго гетмана и всей старшины, чтобы они судили по своимъ войсковымъ правиламъ Ивана Нечая, какъ одного изъ главныхъ зачинщиковъ малороссійскихъ смутъ и чтобы впредь ему, Нечаю, въ войскѣ запорожскомъ не быть. Юрій Хмельницкій ходатайствовалъ о помилованіи своего шурина, и первоначально ему было выражено согласіе помиловать Ивана Нечая, если онъ сдастъ немедленно Быховъ и выведетъ оттуда своихъ черкасъ. Но Нечай не только не принесъ своей вины великому государю, но продолжалъ «чинить царскаго величества ратнымъ людямъ и войску Запорожскому всякія нетерпимыя злости и не сдавалъ Стараго Быхова», который былъ взятъ приступомъ княземъ Иваномъ Лобановымъ-Ростовскимъ и Семеномъ Змѣевымъ 4 декабря 1659 года. Иванъ Нечай съ братомъ былъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Москву и, несмотря на ходатайства Хмельницкаго, былъ сосланъ вмѣстѣ съ братомъ въ Тобольскъ. Просьбы объ освобожденіи Нечая повторялись не разъ, но были безуспѣшны: московское правительство не только не отпускало плѣнныхъ, но и зорко слѣдило, чтобы они сами не ушли. Между прочимъ, лѣтомъ 1660 года Юрій Хмельницкій вновь ходатайствовалъ о Нечаѣ. «Сколько разъ, писалъ Юрій въ грамотѣ, просилъ я ваше царское величество о Иванѣ Нечаѣ, но до сихъ поръ не могъ получить желаемаго; думаю, что писаніе мое до рукъ вашего царскаго величества не доходило; сестры мои—двѣ вдовы: одна по Данилѣ Выговскомъ, другая по Иванѣ Нечаѣ, съ дѣтками безпрестанно слезы проливаютъ кровавыя, на меня нарекаютъ и докучаютъ и просятъ, чтобъ вашему царскому величеству билъ челомъ и писалъ». На этотъ разъ со стороны Москвы былъ данъ рѣшительный и вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Перечисливъ вины Нечая, изъ которыхъ

главная заключалась въ томъ, что онъ «великому государю измѣнилъ и Польскому Яну Казимеру королю присягнулъ», царь указывалъ, что Нечай взятъ въ Быховѣ «въ измѣнѣ» и отпустить его въ войско запорожское нельзя, потому что война съ поляками продолжается, и выпущенный на свободу Нечай станетъ, по присягѣ своей, польскому королю желать всякаго добра, а царю и запорожцамъ всякаго зла.

Дальнѣйшая судьба Ивана Нечая неизвѣстна. Польскіе источники глухо говорятъ объ его казни, но, вѣрнѣе, онъ умеръ естественной смертью. Во всякомъ случаѣ въ 1661 году его уже не было въ живыхъ, и конституція польскаго сейма говоритъ о признаніи правъ на пожалованныя ему имѣнія за его женой Стефанидой, урожденной Хмельницкой.

„Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные Археографическою Коммиссіей“, т. III и V; „Volumina Legum“ IV, fol, 603; „Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego, powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów dowodów urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza“. Tom VI w Lipsku 1841; „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева, Спб. 1891; Kubala, Dr. L. „Szkice historyczne“ Lwów 1880; „Богданъ Хмельницкій“, Костомарова, т. т. I—III; Спб. 1894; „Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana; „Кіевская Старина“ 1889 г., т. XXVIII, стр. 35—46; 1890 г.

А. П.

Нѣловы (**Нейеловы, Нееловы, Нѣеловы**), дворянскіе роды, внесенные въ I, II, III и VI части родословной книги С.-Петербургской, Московской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Казанской, Тверской и Смоленской губерній. Въ древнѣйшихъ актахъ представители этой фамиліи писались Нейеловыми и Нееловыми; послѣднее начертаніе сохранилось и въ XIX вѣкѣ, хотя чаще встрѣчаются Нѣловы. Часто представители одной и той же фамиліи писались различно. Оригинально писался стихотворецъ Сергѣй Алексѣевичъ Нѣеловъ (см. ниже).

Родъ Нѣловыхъ восходитъ къ началу XV вѣка. Никита Н. посылаемъ былъ отъ великаго князя Василія Дмитріевича въ 1406 году во Псковъ; въ историческихъ актахъ подъ 1609 годомъ упоминаются дворяне Дружина и Михаилъ Филипповичи Н., а подъ 1612 дворянинъ Андрей Н.; Иванъ Н. былъ въ 1667 г. воеводой пустозерскимъ; сохранилась отписка его объ обложеніи самоѣдовъ ясакомъ и наказъ ему объ отысканіи рудъ и слюды; Григорій Н. былъ въ 1672 г. стрѣлецкимъ головой; Григорій Михайловичъ Н. былъ въ 1660 г. воеводою въ Тотьмѣ, а въ 1681 въ Коротоякѣ. Во второй половинѣ XVIII вѣка выдвигается семья талантливыхъ придворныхъ архитекторовъ Н. (см. ниже), хотя Н. продолжаютъ служить и на военной службѣ. Въ XIX в. родъ Н. далъ рядъ государственныхъ дѣятелей, какъ генералъ отъ инфантеріи Александръ Дмитріевичъ (1790—1858), Дмитрій и Николай Дмитріевичи (см. ниже). *А. П.*

Нѣлова, *Елизавета Сергѣевна*—писательница. Урожденная Бутурлина, Е. С. приходилась родной сестрой писательницѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Жуковой, женѣ поэта Василія Михайловича Жукова. Въ юныхъ годахъ Е. С. вышла замужъ и скоро овдовѣла. Съ тѣхъ поръ Н. жила у сестры въ селѣ Желенѣ и раздѣляла ея литературные труды, впослѣдствіи (около 1806 г.) пріобрѣла въ Московской губерніи сельцо Хорошилово, гдѣ и жила съ сестрой Вѣрой. Въ «Иппокренѣ» 1799 года напечатано стихотвореніе Н. «Элегія на на смерть супруга и болѣзнь сестры», подписанное Ел. Н—ва и имѣющее автобіографическое значеніе. Кромѣ «Элегіи», Е. С. Нѣловой принадлежитъ нѣсколько прозаическихъ статей въ «Иппокренѣ» 1801 года: «Посредственность», «Горесть, Печаль, Непріятность» (изъ Энциклопедіи) и «Разныя мысли». Всѣ эти статьи подписаны «Ел . . . . а Н . . . а Село Желень».

„Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., А. Н. Неустроева“, Спб. 1875, стр. 815, 819, 824; „Иппокрена“ на 1799 годъ, ч. IV, стр. 412—416; 1801 г., ч. IX, стр. 297—298, 305—312; 369—373; „Дамскій Журналъ“ 1830 г., ч. XXX, № 25; „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ“ князя Н. Н. Голицына, Спб. 1889, стр. 114, 180; „Разсказы Бабушки“, Спб. 1885. *А. П.*

Нѣлова, *Наталья Алексѣевна*,—писательница конца XVIII вѣка. Біографическихъ данныхъ о жизни Н. почти не сохранилось; извѣстно только, что она была замужемъ за Макаровымъ. Въ 1784 году въ Москвѣ она сочинила небольшую повѣсть «Лейнардъ и Термилія, или злощастная судьба двухъ любовниковъ», которая была напечатана въ университет-

ской типографіи Н. И. Новикова и издана, какъ сочиненіе «дѣвицы Н. Н.».

Критика отмѣтила, что «повѣсть Н. А. Неёловой по своему слогу почти первая приближается къ лучшимъ измѣненіямъ въ языкѣ, и потому она съ этой стороны останется навсегда замѣчательною».

Сопиковъ „Опытъ россійской библіографіи“ № 5878; В. В. Сиповскій. „Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти“. Ч. I. XVIII вѣкъ. Спб. 1903; В. В. Сиповскій. „Очерки изъ исторіи русскаго романа“. Т. I. Спб. 1909 г.; Д. Л. Мордовцевъ. „Русскія женщины второй половины XVIII вѣка“. Спб. 1902; Кн. Голицынъ. „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ“; „Дамскій Журналъ“ 1830 г., ч. XXIX. *А. П.*

Неёловъ (**Нееловъ**), — *Дмитрій Дмитріевичъ*,— т. сов., сенаторъ, писатель; родился въ 1819 г. въ имѣніи Пески, Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи; умеръ въ С.-Петербургѣ 12-го марта 1890 г. Прадѣдъ его Иванъ Васильевичъ былъ въ 1702 году, при взятіи Шлиссельбурга, сержантомъ Преображенскаго полка; дѣдъ Василій Ивановичъ, служилъ придворнымъ архитекторомъ въ Царскомъ Селѣ и состоялъ при гр. Растрелли во время постройки Большого Царскосельскаго дворца; ему принадлежатъ нѣсколько осуществленныхъ проектовъ Царскосельскихъ зданій: деталей павильона Монбежъ (Monbijou); Эрмитажной кухни, и др. Отецъ — Дмитрій Васильевичъ (род. въ 1772 г. ум. въ 1832 г.) служилъ въ Софійскомъ пѣхотномъ полку капитаномъ; въ чинѣ маіора вышелъ въ отставку и сталъ управлять имѣніями кн. В. В. Долгорукова; поселившись въ Гжатскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, онъ занялъ должность уѣзднаго судьи; въ 1812 г. его имѣніе было разорено, и онъ пріобрѣлъ новое, сельцо Пески, гдѣ родился младшій изъ его пяти сыновей—Дмитрій. Образованіе Д. Д. Неёловъ получилъ въ артиллерійскомъ училищѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1840 г. съ чиномъ прапорщика и былъ оставленъ въ спеціальныхъ классахъ для прохожденія курса высшихъ наукъ. За успѣшное окончаніе этого курса онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ репетиторомъ баллистики. Въ 1844 г. Неёловъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, находился, по Высочайшему повелѣнію, въ заграничной командировкѣ для собранія свѣдѣній по артиллерійской части. За границей Н. пробылъ два года, а по возвращеніи въ Россію въ 1846 г. былъ командированъ въ Петрозаводскъ для испытанія рудъ и присутствованія при опытахъ отливки на Александровскомъ пушечномъ заводѣ, по неаполитанскому способу, 36-фунтовыхъ орудій. О результатахъ этихъ опытовъ Н. лично докладывалъ императору Николаю. Въ Петрозаводскѣ Н. познакомился съ женой тогдашняго олонецкаго губернатора Наталіей Александровной Повало-Швыйковской, урожд. Гернгроссъ, на которой вскорѣ послѣ смерти ея мужа женился. Въ 1848 г. Н. вышелъ въ отставку и одиннадцать лѣтъ занимался практическимъ сельскимъ хозяйствомъ въ имѣніи своей жены, сельцѣ Шаталовѣ, Смоленской губерніи. Когда стали открываться губернскіе комитеты для составленія проектовъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, Н. былъ назначенъ (4 сентября 1858 года) членомъ отъ правительства въ Смоленскій комитетъ, но занималъ эту должность только $4^1/_2$ мѣсяца. За время пребыванія въ деревнѣ Н. помѣстилъ въ «Рус. Вѣстникѣ» статьи: 1) «О личномъ и общественномъ владѣніи землею», въ которой явился защитникомъ частной собственности, какъ главнаго залога и условія для развитія сельскаго хозяйства въ каждой странѣ, и 2) «Что должно разумѣть подъ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ?» Статьи эти обратили на себя вниманіе и до извѣстной степени послужили поводомъ приглашенія Н. на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ; 8 февраля 1860 г. Н., только что вернувшійся изъ Франціи, былъ назначенъ исправляющимъ должность вице-директора департамента сельскаго хозяйства, съ производствомъ въ надворные совѣтники. Результатомъ пребыванія Н. во Франціи явилась его записка «Объ учрежденіи и организаціи французскихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній», напечатанная въ № 4 «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» за 1860 г. Въ началѣ 1861 г. Н. былъ назначенъ и. д. директора, а по оставленіи гр. Муравьевымъ Министерства, утвержденъ въ должности директора департамента сельскаго хозяйства, впослѣдствіи переименованнаго въ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности. Въ этой должности онъ оставался во все время управленія генералъ-адъютанта Зеленаго, а 30 августа 1873 года былъ назначенъ

сенаторомъ. Въ теченіе 13 лѣтъ своего служенія въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ Н. принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ реформахъ и работахъ по сельско-хозяйственной части, предпринимавшихся съ 1860 года. Онъ немало потрудился надъ устройствомъ Имп. Вольнымъ Экономическимъ обществомъ всероссійской выставки сельско-хозяйственныхъ произведеній въ 1860 году. Благодаря его трудамъ совершилось также преобразованіе Горыгорецкаго земледѣльческаго института и учрежденіе Петровской Сельско-хозяйственной Академіи. На основаніи произведеннаго имъ осмотра было рѣшенопріобрѣсти въ казну имѣніе Петровско-Разумовское и учредить тамъ высшую сельско-хозяйственную школу. Всѣ работы по устройству, какъ строительной и хозяйственной, такъ и учебной части этого новаго заведенія были организованы при ближайшемъ участи Н-ва. При немъ же совершилось преобразованіе и нѣкоторыхъ другихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, а именно: учебныхъ фермъ и земледѣльческихъ училищъ; при его же участіи возникъ и развился Сельско-Хозяйственный Музей, а также разработанъ и введенъ въ 1865 году Уставъ о Каспійскихъ рыбныхъ промыслахъ. Вмѣстѣ съ гр. П. А. Валуевымъ Н. былъ ближайшимъ сотрудникомъ гр. М. Н. Муравьева въ самую горячую пору работъ по крестьянскому дѣлу. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить участіе его, въ качествѣ управляющаго дѣлами, въ Высочайше учрежденной въ 1872 г. по иниціативѣ гр. П. А. Валуева комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Въ сенатѣ Н. присутствовалъ съ 17-го сентября 1873 г. во 2-мъ отдѣленіи V-го (уголовнаго) департамента; съ 1 января 1874 г. по 31-е декабря 1875 г. въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ; затѣмъ, до 9-го января 1876 г. въ 1-мъ отдѣленіи V-го департамента; съ 9-го января 1876 г. по 26-е декабря 1870 г. во 2-мъ отдѣленіи того же департамента и наконецъ съ 26-го декабря 1880 г. по день смерти въ 4-мъ департаментѣ. Въ теченіе своей 38-ми-лѣтней дѣятельности Н. былъ награжденъ многими орденами, до ордена Бѣлаго Орла включительно.

По словамъ его сослуживца и біографа, Н., отличаясь характеромъ благороднымъ и возвышеннымъ, умомъ положительнымъ и точнымъ, образованіемъ разностороннимъ и основательнымъ, добросовѣстностью и исполнительностью, доходившими иногда до педантизма,—на всѣхъ поприщахъ, которыя онъ проходилъ, обращалъ на себя вниманіе своими практическими и свѣтлыми взглядами, своимъ трудолюбіемъ и умѣньемъ работать легко и излагать ясно. При этомъ онъ отличался необыкновенною скромностью и избѣгалъ публичности. Назначенный присутствовать въ Сенатѣ по уголовному департаменту, Н. прилежно занялся изученіемъ уголовнаго права и былъ всегда дѣятельнымъ сенаторомъ.

Всѣ свои досуги Н. посвящалъ не только любимому имъ чтенію историческихъ и философскихъ книгъ, но и изученію нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ. Послѣ смерти жены, послѣдовавшей въ 1877 г., онъ усиленно предался научнымъ занятіямъ. Въ 1884 г. онъ издалъ большое сочиненіе «Устройство плотинъ», въ 3-хъ томахъ, съ атласомъ чертежей на 96 таблицахъ, при чемъ всѣ чертежи сдѣлалъ лично. Послѣднимъ трудомъ Д. Д. Н. была статья о зерносушилкѣ его брата Петра Дмитріевича, помѣщенная въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» (апрѣль 1889 г.).

Въ 1889 г. Д. Д. Н. перенесъ сильное воспаленіе оболочекъ сердца, затѣмъ у него явились припадки грудной жабы, которая и свела его въ могилу.

«Сенаторъ Дмитрій Дмитріевичъ Неелов». Біографическій очеркъ. Составилъ В. И. Вешняковъ. Спб. 1891 и «Русская Старина» 1891 г. № 2; Александръ Бенуа. Царское Село въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Спб. 1912; «Русскій Вѣстникъ» 1888 г. т. XVI (№№ № 14 и 15 іюль, кн. 2 и авг. кн. 1); «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» 1860 г. № 4; А. С. Платовъ. «Два года за границей, 1844—1846 гг. Спб. 1889 г. «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», апрѣль 1889 г., Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Евфрона; Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ рус. писателей», выпускъ 10; «Русскій Календарь» на 1892 г.

А. П.

Неёловъ (Неелов) *Илья Васильевичъ*,—придворный архитекторъ. Род. въ 1745 г., и былъ сыномъ Василія Ивановича Н-ва, также придворнаго архитектора. Въ октябрѣ 1761 года, 16 лѣтъ отъ роду, Н. былъ принятъ въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ въ 1770 г. за проектъ оранжереи, по данной программѣ,

былъ награжденъ 1-ю серебряною медалью и въ томъ же году получилъ за проектъ фонтана 2-ю золотую медаль. Вскорѣ Н., вмѣстѣ съ Сердюковымъ, Ветошниковымъ и Мелентьевымъ, былъ отправленъ пенсіонеромъ въ Римъ. Находившійся въ то время въ Италіи И. И. Шуваловъ поручилъ ему съ Ветошниковымъ и Ивановыми заняться рисовкою плановъ мѣстныхъ церквей и др. античныхъ зданій. Въ апрѣлѣ 1772 г. Н. отправилъ въ С.-Петербургскую Академію Художествъ проектъ церкви своего сочиненія, а на слѣдующій годъ «прожектъ увеселительному дому». Въ февралѣ 1774 г. Н—въ былъ избранъ въ члены Болонской Піо-Клементинской Академіи. Секретарь Академіи Б. А. Доменико-Піо, увѣдомляя объ этомъ избраніи Императорскую Академію Художествъ, отмѣтилъ выдающіяся способности Н—ва, а въ рисункахъ своего новаго сочлена нашелъ «простоту грековъ, изящество и достоинство». По возвращеніи Н. въ Россію, Императрица Екатерина II приказала предоставить ему мѣсто придворнаго архитектора, которое занималъ незадолго до того умершій его отецъ. Въ этой должности Н. оставался до самой смерти.

Примѣчанія къ сочиненію П. Н. Петрова «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ». Спб. 1864; «Сенаторъ Дмитрій Дмитріевичъ Нееловъ. Біографическій очеркъ». Составилъ В. И. Вешняковъ. Спб. 1891 и «Русская Старина» 1891 г., февраль. *А. П.*

Неёловъ, *Матвѣй*,—капитанъ, переводчикъ. Въ 1771 г. въ Петербургѣ вышла книга «Подлиное описаніе жизни французскаго мошенника Картуша и его сотоварищей, собранное изъ производимыхъ надъ нимъ процесныхъ пунктовъ и другихъ вѣроятныхъ увѣдомленіевъ», переведенная съ нѣмецкаго языка капитаномъ Матѳіемъ Неёловымъ. Въ предисловіи къ этой книгѣ Н. обращается къ «благосклонному читателю» съ заявленіемъ, что у него не было намѣренія прослыть въ публикѣ за переводчика, но что взялся онъ за переводъ потому, что съ дѣтства любитъ разныя исторіи и надѣялся своимъ переводомъ этой небольшой книги доставить публикѣ какую-нибудь пользу и удовольствіе. Книга, переведенная Неёловымъ, переиздавалась много разъ и вызвала появленіе оригинальныхъ сочиненій такого же рода. Между прочимъ, она вошла цѣликомъ въ сочиненіе Матвѣя Комарова, изданное въ Петербургѣ въ 1779 г.: «Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ: перваго Россійскаго славнаго вора, разбойника и бывшаго Московскаго сыщика Ваньки Каина, со всѣми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою, забавными разными его пѣснями и портретомъ его; второго, французскаго мошенника Картуша и его сотоварищей».

Матеріалы для русской библіографіи. Хронологическое Обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ. 1725—1800». Составилъ Н. В. Губерти. Выпускъ I—II; «Опытъ Россійской Библіографіи» Сопикова, ч. IV, № 7684; Плавильщиковъ. «Роспись», ч. II, № 3480; В. В. Сиповскій. «Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти». Ч. I: XVIII вѣкъ. Спб. 1903. *А. П.*

Неёловъ (**Нееловъ**), *Николай Александровичъ*,—Свиты Его Величества генералъ-маіоръ; род. 17 іюня 1835 г., ум. 13 апрѣля, 1888 года. Н. происходилъ изъ дворянъ Вологодской губерніи, образованіе получилъ въ Пажескомъ Е. И. В. корпусѣ. Произведенный въ 1853 г. въ прапорщики, Н. былъ назначенъ въ л.-гв. Московскій полкъ, а въ 1855 году былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій, въ Крымъ, въ распоряженіе генералъ-адъютанта князя Горчакова; въ 1862 г. былъ адъютантомъ Варшавскаго военнаго генералъ-губернатора, ген.-лейт. Крыжановскаго, а по упраздненіи этой должности, въ концѣ того же года—ординарцемъ при начальникѣ штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Въ 1863 года онъ былъ командированъ въ С.-Петербургъ и и Вильно для сформированія третьяго батальона л.-гв. Московскаго полка изъ безсрочно и временно отпускныхъ нижнихъ чиновъ, съ ротой этого батальона принималъ участіе въ подавленіи польскаго мятежа въ гор. Вильнѣ. Въ 1875 г. Н. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству и вскорѣ назначенъ командиромъ 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Е. В. полка. Во время Турецкой войны полкъ этотъ находился на кавказско-турецкой границѣ, въ составѣ дѣйствующаго корпуса. Подъ командой Неёлова полкъ вошелъ въ составъ отряда генералъ-маіора Дена, составлявшаго общій резервъ. Пока шелъ рѣ-

шительный бой подъ Авліаромъ 3 октября, войска резерва должны были медленно подвигаться впередъ, стараясь сильнымъ огнемъ удержать непріятеля на его главной аладжинской позиціи до полнаго развитія центральной атаки и обходныхъ движеній. По взятіи Авліара генералъ Роонъ выдвинулъ на правый флангъ Екатеринославскій полкъ съ 1½ батареей орудій и приказалъ ударить бой къ атакѣ. Тѣснимые съ праваго фланга Екатеринославцами, а съ лѣваго Владикавказцами Турки должны были сдаться. За отличіе въ этомъ дѣлѣ Н. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами, а за штурмъ Карса въ ночь съ 5-го на 6-е ноября орденомъ св. Владиміра 3-й ст. съ мечами. Въ августѣ 1880 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ ноябрѣ того же года зачисленъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

«Русскій Инвалидъ» 1888 г. №№ 83 и 88; *А. П.*

Неёловъ (Нееловъ), *Николай Дмитріевичъ*, профессоръ Императорской Военной Академіи; писатель; род. въ 1800 г. и былъ сыномъ Дмитрія Васильевича Н. По окончаніи курса юнкерской школы гренадерскаго корпуса поступилъ въ Кіевскій гренадерскій принца Оранскаго полкъ, затѣмъ былъ прикомандированъ къ Генеральному штабу и принималъ участіе въ подавленіи польскаго возстанія 1831—1832 гг., причемъ подъ Варшавой былъ контуженъ. (Его интересныя воспоминанія о польской войнѣ были напечатаны въ «Военномъ Сборникѣ» 1878 г.). По окончаніи въ 1835 г. курса въ Академіи Генеральнаго Штаба Н. былъ назначенъ въ 9-й армейскій корпусъ, расположенный въ Москвѣ. Съ этого времени начинается его сближеніе съ литераторами и литературой: онъ сталъ посѣтителемъ московскаго литературнаго кружка, членами котораго въ то время были Загоскинъ, Вельтманъ, Ѳ. Н. Глинка, М. А. Дмитріевъ, Пассекъ, Макаровъ и др. Въ 1839 году онъ, подъ псевдонимомъ Закамскаго, напечаталъ романъ: «Женщина XIX столѣтія», и съ тѣхъ поръ стали, уже подъ его настоящей фамиліей, появляться произведенія—драма «Меньшиковъ», которую П. А. Плетневъ привѣтствовалъ, какъ одно «изъ самыхъ пріятныхъ произведеній современной литературы русской» и разсказы «Партизаны», «Семенъ Петровичъ» и другіе.—Къ двадцатипятилѣтію Бородинской битвы Н. составилъ и издалъ «Опытъ описанія Бородинскаго сраженія» (1839 г.). Приглашенный въ академію Генеральнаго Штаба въ качествѣ адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ военной исторіи и стратегіи, Н. сталъ вскорѣ читать лекціи по этимъ предметамъ въ Академіи, напечаталъ начало курса стратегіи подъ заглавіемъ «Очеркъ современнаго состоянія стратегіи», (1847 г.) и написалъ «Записки по военной исторіи», «Очерки тридцатилѣтней войны» и «Война за наслѣдство испанскаго престола», оставшіяся въ рукописи. По словамъ А. Е. Мерцалова, Н. былъ первымъ по времени «своимъ»—русскимъ, а не иностраннымъ профессоромъ Академіи. Простудившись во время производства съемокъ, Н. заболѣлъ ревматизмомъ, затѣмъ сломалъ себѣ обѣ ноги и въ такомъ положеніи, лежа въ постели, написалъ свои «Воспоминанія» о польской войнѣ 1831 г. Получивъ отпускъ, онъ былъ перевезенъ въ родовое имѣніе Пески, Смоленской губерніи, гдѣ и умеръ 25-го февраля 1850 года.

Глиноецкій. „Исторія Генеральнаго Штаба“; „Русскій Архивъ“ 1873 г., т. X; 1874 г., т. V; Историческій Вѣстникъ“, т. 92; „Сенаторъ Д. Д. Нееловъ“. Біографическій очеркъ. Составилъ В. И. Вешняковъ. Спб. 1891 и „Русская Старина“ 1891 г., февраль; „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева“, издалъ К. Гротъ. Т. II, Спб. 1885; „Военный Сборникъ“ 1878 г.; „Библіотека для чтенія“ 1839 г., т. XXXVI, отд. VI, стр. 21; 1840 г., т. XXXVIII, отд. VI, стр. 17; 1842 г., т. LI, отд. VI, стр. 21; „Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду“ 1839 г. № 14; „Отечественныя записки“ 1839 г., т. V, отд. VIII, с. 51; 1842 г., т. XX, отд. VI, с. 43; 1840 г., т. VIII, отд. VI, стр. 60; 1847 г., т. LV, отд. VI, стр. 94; 1850 г., т. LXIX, отд. VI, стр. 86; „Сынъ Отечества“ 1839 г., т. X, отд. IV, с. 57; 1840 г. № 2, стр. 621; „Литературная Газета“ 1842 г. № 5; „Маякъ“ 1842 г., т. II, стр. 90; „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г., т. V, отд. III, стр. 117; „Современникъ“ 1842 г., т. XXVI, стр. 53; 1848 г., т. VIII, отд. III, стр. 87; 1850 г., т. XX, отд. V, стр. 51; „Москвитянинъ“ 1849 г., т. II, № 3, стр. 137. „Изъ домашняго архива Неёловыхъ. Сообщилъ А. Е. Мерцаловъ“. („Русская Старина“ 1885 г. т. XLVIII, стр. 205—208.) *А. П.*

Неёловъ, *Павелъ Евгеніевичъ*, — генералъ-лейтенантъ; род. въ 1815 г., ум. 15 марта 1876 г. По окончаніи курса въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Н. былъ въ 1835 г. выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ, въ которомъ продолжалъ службу до полученія чина полковника. Произведенный въ 1848 г.

въ полковники, Н. принималъ въ 1844 г. участіе въ венгерской кампаніи, а въ 1851 году былъ назначенъ командиромъ Бѣлевскаго егерскаго полка. Съ 1854-го по 1856 й годъ Н. находился на Кавказѣ, гдѣ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ турокъ; въ 1856 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, а въ 1858 году былъ назначенъ помощникомъ начальника 14-й пѣхотной дивизіи; съ 1859-го по 1864 г. окружнымъ генераломъ 7 округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи; произведенный въ генералъ-лейтенанты, Н. былъ назначенъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ Харьковскаго военнаго округа и оставался въ этой должности до смерти.

„Ежегодникъ русской арміи“ за 1877 г. Ч. II. Спб. 1877 г. стр. 69. *А. П.*

Неѣловъ, *Петръ Васильевичъ*,—сынъ Василія Ивановича Н-ва, придворный архитекторъ при Императрицѣ Екатеринѣ II и императорахъ Павлѣ I, Александрѣ I и Николаѣ I. Служилъ въ Петербургскомъ драгунскомъ полку; сопровождалъ въ Англію своего отца, который былъ туда командированъ для изученія устройства садовъ. Въ 1749—1767 гг. Н. былъ уже архитектуріи «помощникомъ». Во время путешествія Императрицы Екатерины II въ Новороссійскій край Н. сопровождалъ Государыню, и еще будучи драгунскимъ капитаномъ, устраивалъ путевые дворцы. Н-ву принадлежатъ оригинальные снимки для иллюстрацій къ изданнымъ П. И. Свиньинымъ «Sketsh of Moscov and St.-Petersburg» (Philadelphia 1813); «Sketsch Russia» (London 1814); «Descriptions des objets les plus remarquables de St.-Pétersbourg» (1816—1824); «Достопримѣчательности С.-Петербурга и его окрестностей». Между прочимъ, П. И. Свиньинъ нерѣдко поручалъ Н-ву снимать посредствомъ камеры-обскуры картинные пункты столицы и съ его оригиналовъ изготовлялъ плохіе рисунки начисто, подписывалъ ихъ своею фамиліей и передавалъ ихъ для выполненія гравюръ Галактіонову. Послѣ смерти брата своего, Ильи Вас., Н. былъ назначенъ придворнымъ архитекторомъ и переименованный въ статскій чинъ, должность эту занималъ очень долго: только при императорѣ Николаѣ I онъ, вслѣдствіе преклоннаго возраста, былъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей. Подъ его наблюденіемъ были построены въ 1776 г. въ Царскомъ Селѣ при выѣздѣ изъ англійскаго сада на дорогу въ Гатчино «мраморныя ворота», во вниманіе къ заслугамъ генералъ-фельдцехмейстера графа Григорія Орлова. Въ январѣ 1789 года, когда князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій ѣхалъ въ Петербургъ изъ арміи, Н-ву повелѣно было устроить для проѣзда князя «огромную иллюминацію». Въ 1794 году Высочайше было повелѣно Н-ву сдѣлать опись «о всѣхъ зданіяхъ, статуяхъ и бюстахъ», находящихся въ Царскомъ Селѣ, каковую опись онъ представилъ Императору Павлу I. Во вниманіе къ его заслугамъ Императоръ Павелъ I пожаловалъ ему въ собственность архитекторскій домъ въ Царскомъ Селѣ, съ большимъ мѣстомъ противъ Дворцоваго управленія. Умеръ П. В. Неѣловъ 114-ти лѣтъ отъ роду, «уважаемый всѣми, знавшими его лично, и осыпанный вниманіемъ и милостями четырехъ монарховъ».

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ т. XII и XIII; „Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора“ Оп.: 31/2102, № 119; 31/2090, № 86; 27/2092, № 240; 38/2109 №№ 4 и 5; „Исторія села Царскаго въ трехъ частяхъ», составленная изъ дѣлъ Архива Правленія села Царскаго Ильею Яковкинымъ“. Спб. 1829; ч. III, стр. 115 — 119, 428; „Сенаторъ Дмитрій Дмитріевичъ Неелов. Біографическій очеркъ“; составилъ В. И. Вешняковъ. Спб. 1891 и „Русская Старина 1891 г. февраль; Верещагинъ, „Матеріалы для библіографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій“;—Его-же, „Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX ст.“ (1720—1870); Александръ Бенуа, „Царское Село въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны“. Спб. 1912; „Библіографическія Записки“ (см. указатель). *А. П.*

Неѣловъ (Нѣеловъ), *Сергѣй Алексѣевичъ*,—писатель; род. въ 1779 г., ум. въ 1852 г. Отецъ С. А., коллежскій совѣтникъ Алексѣй Васильевичъ, былъ въ 1784 г. предсѣдателемъ Палаты уголовнаго суда Черниговскаго намѣстничества. Поступивъ въ 1785 году на службу въ л.-гв. Конный полкъ, Н. оставался въ немъ до 1798 г., когда вышелъ въ отставку въ чинѣ корнета. По словамъ князя П. А. Вяземскаго, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, Н. былъ основателемъ стихотворческой школы, послѣдователями которой явились впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ Мятлевъ и Сергѣй Александровичъ Соболевскій. Въ

теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ онъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ своими острыми шутками и веселыми стихами; малѣйшее житейское событіе въ Москвѣ имѣло въ немъ присяжнаго пѣснопѣвца, при чемъ стихи его, почти всегда неправильные, всегда были забавны, остры и мѣтки. Истинный поэтъ въ своемъ родѣ, Н. чувствовалъ потребность перекладывать экспромтомъ на стихи всѣ свои чувства и впечатлѣнія и дѣлалъ это такъ удачно, что даже Пушкинъ былъ отъ его стиховъ въ восторгѣ. Большая и лучшая часть стихотвореній Н. фривольнаго содержанія, и только немногія его произведенія были напечатаны, напр. «Къ одной княжнѣ, возвратившейся изъ Харькова», «У всякаго свой рай», эпиграмма на Д. М. Мороза, которая долгое время приписывалась Пушкину и др. Постоянный посѣтитель общества, Англійскаго клуба, баловъ, Нѣеловъ всюду импровизировалъ свои шуточныя стихотворенія, экспромты и эпиграммы и писалъ мадригалы въ альбомахъ московскихъ барышень. Князь П. А. Вяземскій говоритъ, что онъ былъ «русская Эолова арфа, то-есть народная игривая балалайка», что, впрочемъ, плохо мирится съ отзывомъ Пушкина о Неѣловѣ, какъ о «chantre de la merde».

С. А. Неѣловъ былъ женатъ два раза: на княжнѣ Еленѣ Петровнѣ Меньшиковой (род. 11-го августа 1771 г., ум. 2-го февраля 1837 г.), затѣмъ на Александрѣ Дмитріевнѣ Киселевой. Оба брака были бездѣтны, что дало поводъ Неѣлову, хотѣвшему имѣть дѣтей, написать шуточное обращеніе къ судьбѣ. Умеръ Н. въ Москвѣ и похороненъ на Ваганьковомъ кладбищѣ вмѣстѣ съ первою женой.

„Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Изданіе литературнаго фонда, т. VII, стр. 129; Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 158—159, 361; и IX 1201; „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“, т. II, ст. 200, 478 и 499; т. III, стр. 110, 367, и 479; т. V, 82, 145, „Русскій Архивъ“ 1868 г. стр. 619 — 620; 1874 г., № 5; 1875 г., № 4; 1887 г.; „Россійская родословная книга“ кн. П. В. Долгорукова ч. II, стр. 47 и 264; „Замѣтки о Пушкинѣ“ Н. Лернера („Русская Старина)“ 1908 г., мартъ, 658—659; Н. О. Лернеръ, „Труды и дни Пушкина“ (Спб. 1910), 488—489; Б. Л. Модзалевскій. „Н. И. Лобачевскій, письма его къ И. Е. Великопольскому“. Казань 1902; „Московскій Некрополь“, т. II. *А. П.*

Неѣловъ, *Яковъ Александровичъ*, т. сов., профессоръ военно-юридической Академіи; род. 10-го октября 1839 г., ум. 17-го мая 1888 г. въ Харьковѣ. По окончаніи въ 1861 году курса юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета Н. причислился къ отдѣльному корпусу жандармовъ, гдѣ вскорѣ занялъ должность аудитора 1-го жандармскаго округа. Съ первыхъ дней службы Н. посвятилъ себя спеціально военно-уголовному праву, знакомясь съ воинскими уставами, сличая наши военные законы съ иностранными и дѣлая собственные выводы. Въ 1868 году Н-въ получилъ мѣсто штатнаго преподавателя въ бывшемъ военно-юридическомъ училищѣ и во вновь открытой Военно-Юридической Академіи. Должность преподавателя Н. занималъ до самой смерти, переименованный въ 1878 году, вслѣдствіе закрытія военно-юридическаго училища и преобразованія Академіи, въ званіе профессора по каѳедрѣ военно-уголовныхъ законовъ. На долю Н., какъ преподавателя и профессора, выпала почетная роль воспитателя новаго поколѣнія ученыхъ юристовъ для организованныхъ на основаніи уставовъ 1867 и 1868 гг. военныхъ судовъ. Систематическихъ курсовъ по военно-уголовному законодательству у насъ въ то время не было, и Неѣлову пришлось составлять такіе курсы впервые. Ему принадлежатъ записки: «Военно-уголовное право, читанное въ старшемъ классѣ военно-юридическаго училища» и «Курсъ военно-уголовнаго права», долгое время бывшій главнымъ руководствомъ для слушателей Военно-Юридической Академіи. Курсъ свой онъ постоянно обрабатывалъ до самой смерти, не переставая слѣдить за развитіемъ науки уголовнаго права, и издалъ его въ 1884 г. Въ 1875 г. Неѣловъ принималъ дѣятельное участіе въ пересмотрѣ воинскаго устава о наказаніяхъ; въ 1877 г., какъ членъ академической конференціи, трудился надъ разработкой новаго положенія объ Академіи и установленіемъ новой системы преподаванія.

Многостороннія познанія Н. въ военныхъ законахъ, русскихъ и иностранныхъ, а также его выдающаяся педагогическая дѣятельность побудили тогдашняго главнаго военнаго прокурора свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго, предложить въ 1881 г. Н-ву должность начальника отдѣленія въ Главномъ военно-судномъ управленіи, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго военнаго

прокурора. Въ 1883 г. Неѣловъ былъ назначенъ членомъ Особой Комиссіи, учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, для пересмотра устава военнаго судопроизводства и судоустройства въ мирное время. Въ 1888 г. Н. скончался въ Харьковѣ, на пути изъ Батума въ Петербургъ; похороненъ на С.-Петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ.

„Карточный каталогъ Библіотеки Имп. Академіи Наукъ"; „Русскій Инвалидъ" 1888 г. №№ 107, 108, 111; „Всемірная Иллюстрація" 1888 г., т. XXXIX, с. 443; „Новое Время" 1888 г. № 4391; „Новости и Биржевая Газета" 1888 г. № 137. *А. П.*

Никандръ, святый псковскій, основатель Никандровой Благовѣщенской пустыни въ Псковской губерніи, въ мірѣ Никонъ, родился въ 1507 г. отъ благочестивыхъ родителей Филиппа и Анастасіи, въ селѣ Виделебьѣ, Псковской области. Его старшій братъ Арсеній тоже возлюбилъ иноческую жизнь и рано принялъ монашеское постриженіе. Житія Никандра передаютъ, что онъ съ ранняго возраста обнаруживалъ тяготѣніе къ подвигамъ благочестія. Послѣ же смерти отца семнадцатилѣтній Никонъ убѣдилъ мать раздать имѣніе нищимъ и постричься въ одинъ женскій монастырь, а самъ отправился въ Псковъ, посѣтилъ псковскіе и окрестные монастыри и поселился, наконецъ, въ Псковѣ у одного благочестиваго человѣка—Филиппа, который принялъ въ немъ участіе и отдалъ для обученія грамотѣ нѣкоему діакону. Но иноческія стремленія Никона влекли его неудержимо въ пустынное уединеніе, и онъ удалился въ пустынное мѣсто, среди дикихъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, между Псковомъ и Порховымъ, которое указалъ ему нѣкій Ѳеодоръ. Послѣдній первоначально раздѣлялъ съ Никономъ его уединеніе. Они построили небольшую хижину и поселились въ ней, подвизаясь въ трудахъ и молитвахъ.

Такъ подвизался Никонъ 15 лѣтъ. Между тѣмъ, слухъ о его подвигахъ сталъ распространяться въ окрестностяхъ и къ нему стали стекаться окрестные жители. Покой пустыни былъ нарушенъ, и Никонъ на время удалился въ Псковъ, гдѣ, въ монастырѣ Іоанна Богослова, принялъ иноческій санъ, получивъ имя Никандра. Въ монастырѣ преподобный продолжалъ тѣ-же подвиги, какъ и въ пустынѣ. Вскорѣ Никандръ снова ушелъ на мѣсто своего прежняго уединенія. По житійнымъ извѣстіямъ, онъ прожилъ въ немъ 15 лѣтъ, пока земная слава опять не нарушила его покоя. Тогда второй разъ пустынникъ искалъ убѣжища подъ монастырскимъ кровомъ, въ томъ же Крыпецкомъ монастырѣ, гдѣ принялъ постриженіе. Подобно Ѳеодосію Печерскому, онъ среди монастырскихъ братій старался быть самымъ меньшимъ: исполнялъ черную работу, всѣмъ услуживалъ, а въ свободное время прялъ волну и не давалъ себѣ отдыха. Его возвели въ званіе келаря. Однако, преподобный скоро отказался отъ этой чести и опять удалился въ пустыню. Сначала онъ вздумалъ поселиться на одинокомъ островѣ, въ четырехъ верстахъ отъ обители. Когда же это показалось неудобнымъ Крыпецкимъ монахамъ, то Никандръ вернулся въ мѣсто перваго отшельничества, гдѣ и подвизался вновь около 15 лѣтъ. Приближаясь къ концу земного поприща, святой отшельникъ пожелалъ принять схиму и исполнилъ свое намѣреніе въ Демьянскомъ монастырѣ. Схимникомъ онъ прожилъ еще 8 лѣтъ и скончался 24 сентября 1582 г. Тѣло его было погребено въ мѣстѣ его уединенія.

Самъ преп. Никандръ не основалъ монастыря. Но спустя 3 года послѣ его смерти, въ 1585 году нѣкій инокъ Исаія поселился тамъ-же, гдѣ жилъ преподобный, и на мѣстѣ его подвиговъ устроилъ монастырь, собравъ въ него братію. Въ 1665 году Никандрова обитель была разорена поляками, но скоро же вновь обстроилась. Мощи Никандра были закладены въ стѣну монастырской соборной церкви. Въ 1687 году, по патріаршему распоряженію, онѣ освидѣтельствованы и найдены нетлѣнными. Въ то же время написано было житіе святого, описаны чудеса его и сочинена ему служба. Патріархъ Іоакимъ постановилъ праздновать память сего угодника въ день его смерти, 24 сент.

Рукописныя и старопечатныя житія преп. Никандра Псковск.—въ библіот. Синодальной, Чудовской и Ундольскаго; новѣйшее „Житіе препод. отца нашего Никандра Псковскаго", изд. Моск. синод. типографіи, Москва 1901 г.; Іером. Іосифъ, Описаніе Свято-Благовѣщенской Никандровой пустыни; Митр. Евгеній, Описаніе Благовѣщенской Никандровой пустыни, Дерптъ 1821 г.; Словарь истор. о свят. рус., Спб. 1836 г.; Филаретъ, Русскіе святые; Ключевскій, Житія святыхъ (по указателю); Е. Е. Голубинскій, Исторія кано-

низаціи святыхъ въ рус. церкви (по указателю); Житія св., изд. синод. тип., кн. I, М. 1903 г.; Житія св., составл. С. Дестунисъ, Спб. 1885 г. (см. указ. въ 12 кн.); І. Бухаревъ, Житія вс. св., М. 1911 г. *Б. Т—въ.*

Никандръ, преподобн. городнозерскій, основатель мужской Никандровой пустыни, нынѣ погостъ Никандровскій, Новгород. губ., Боровичскаго уѣзда, въ 47 верстахъ къ сѣв.-зап. отъ Боровичей и въ 4 верст. отъ погоста Шероховичей, при озерѣ Городно. Препод. Никандръ жилъ въ XVI стол. Когда онъ основалъ пустынь, неизвѣстно. Въ описи 1581 г. говорится: «Въ Никольскомъ же погостѣ въ Шероховичахъ Царевъ и Вел. кн. монастырь, сталъ на черномъ лѣсу, Никандрова пустынь. А въ ней церковь Воскресенье Хр., да теплая церковь Дмитрей Вологодской Чудотв., келья игуменская, да 10 келей, а въ нихъ 3 старцы, а 7 келей пусты». Въ 1764 г. пустынь упразднена. Могила пр. Никандра, съ часовнею надъ нею, находится въ рощѣ за погостомъ. Память его мѣстно чтится 15 марта.

Макарій, Исторія рус. церкви, т. VII, стр. 28; Амвросій, Ист. росс. іерархіи, V, 180; Звѣринскій, Матеріалы для ист.-топогр. изсл. о правосл. монастыряхъ Рос. имп., II; 211; Словарь истор. о свят. рус., стр. 203; В. О. Ключевскій, Житія святыхъ, какъ историческій источникъ (см. указатель); Е. Е. Голубинскій, Исторія канонизаціи святыхъ въ рус. церкви (см. указатель); Прот. І. Бухаревъ, Житія всѣхъ святыхъ, праздн. грекороссійск. церковью, М. 1911 г.; Архим. Леонидъ, Святая Русь, Спб. 1891 г.; Житія св. на рус. яз., изд. синод. типогр., кн. дополн. М. 1908 г. *Б. Т—въ.*

Никандръ,—архіепископъ ростовскій. Въ 1543—1549 гг. былъ игуменомъ Троице-Сергіевой лавры; 17 марта 1549 г. рукоположенъ въ ростовскаго архіерея. Н. былъ любимцемъ царя Грознаго; въ 1552 г. крестилъ въ лаврѣ сына Грознаго Димитрія, вскорѣ умершаго. Былъ свидѣтелемъ многихъ дѣяній Грознаго и ѣздилъ къ нему вмѣстѣ съ прочими въ Александровскую слободу, когда Грозный отрекался отъ царства; участвовалъ въ стоглавомъ соборѣ на еретика Бакшина, въ избраніи митр. Филиппа II. Онъ выпросилъ у Іоанна жалованныя грамоты на многія села, деревни и угодья для своего архіерейскаго дома. Близъ Ростова онъ построилъ загородный архіерейскій домъ, гдѣ и проводилъ время съ друзьями. Въ концѣ жизни былъ разбитъ параличемъ и скончался въ 1566 году, 25 сент., въ Москвѣ, скоропостижно.

А. А. Титовъ, Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ, Спб. 1890 г.; Его-же, Ростовская іерархія, Москва 1890 г.; А. В. Горскій, Историч. описаніе Сергіев. лавры, стр. 74 (въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1878 г. кн. 4).

Никандръ (въ мірѣ *Николай Ивановичъ* **Покровскій**), — архіепископъ тульскій, родился 17 мая 1816 г., въ селѣ Двулучьи, Валуйскаго уѣзда, воронежской епархіи. Его отецъ былъ священникомъ, но, овдовѣвъ въ 1818 г, принялъ монашество и былъ назначенъ сначала инспекторомъ воронежскаго духовнаго училища, въ санѣ іеромонаха, а потомъ смотрителемъ кіевскаго дух. училища въ санѣ архимандрита. Николай Ивановичъ первоначальное образованіе получилъ въ Воронежѣ въ дух. училищѣ и здѣсь же поступилъ въ семинарію; когда его отецъ былъ переведенъ въ Кіевъ, то въ кіевскую семинарію перешелъ и сынъ, что было въ 1830 г. По окончаніи семинарскаго курса въ 1835 г., Н. И. поступилъ въ кіевскую академію. Во время его студенчества отецъ оставилъ службу по болѣзни и въ 1838 г. былъ назначенъ настоятелемъ Екатерининской Лебежской пустыни въ Черноморьѣ, гдѣ въ 1840 г. и скончался отъ чахотки. Николай Покровскій съ успѣхомъ окончилъ академическій курсъ, въ числѣ перваго десятка, со степенью магистра и въ сентябрѣ 1839 г. былъ назначенъ профессоромъ гражданской исторіи и греч. языка въ орловскую духовную семинарію. 24 сент. 1841 г. Н. И. Покровскій исполнилъ свое давнее намѣреніе — принять монашеское постриженіе, а 25 сент. новопостриженный инокъ, съ именемъ Никандра, былъ посвященъ въ іеромонахи. Въ октябрѣ того же года онъ былъ назначенъ помощникомъ инспектора, въ іюнѣ 1842 г.—профессоромъ богословскихъ наукъ, а въ сентябрѣ 1842 г. былъ переведенъ въ кіевскую семинарію профессоромъ св. писанія и патрологіи. Въ августѣ 1844 г. іером. Никандръ былъ назначенъ инспекторомъ екатеринославской семинаріи, а въ октябрѣ 1848 г.—ректоромъ той же семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ маѣ 1850 г. арх. Никандръ переведенъ былъ на ректорство въ Тулу, съ цѣлью поднять эту семинарію, такъ какъ считался хорошимъ школьнымъ админи-

стратором и педагогомъ. Въ декабрѣ 1857 г. архим. Никандръ былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія, что предвѣщало ему близкое архіерейство. Здѣсь его близко узналъ митр. спб. Григорій (Постниковъ) и, видимо, выдвигалъ его. Ему въ 1858 г. была поручена ревизія оренбургской консисторіи и оренбургскихъ дух. уч. заведеній и уфимскихъ монастырей. По окончаніи ревизіи, Никандръ былъ назначенъ ректоромъ новгородской семинаріи и настоятелемъ новгор. Антоніевскаго монастыря. Митроп. Григорій предназначалъ Никандра въ свои викаріи, но, за его смертью, это назначеніе не состоялось, а въ 1860 г. архим. Никандръ былъ назначенъ на тульскую каѳедру, самостоятельнымъ епископомъ. Хиротонія его состоялась 22 окт., а черезъ мѣсяцъ онъ прибылъ въ Тулу.

На тульской каѳедрѣ преосв. Никандръ служилъ около 33 лѣтъ, до самой своей смерти, что составляетъ довольно рѣдкое исключеніе. Во время своего служенія преосв. Никандръ получилъ всѣ высшія архіерейскія награды, вплоть до бриллiантоваго креста на клобукъ и Владиміра 1-й степени. Въ 1873 году былъ возведенъ въ санъ архіепископа. Въ 1871 г. въ іюнѣ его вызвали для присутствованія въ св. Синодѣ, гдѣ онъ и присутствовалъ до лѣта 1874 г. За этотъ періодъ преосв. Никандръ участвовалъ въ обсужденіи важнаго тогда вопроса о духовно-судебной реформѣ, гдѣ онъ примкнулъ къ консервативному взгляду преосв. литовскаго Алексія, въ концѣ концовъ восторжествовавшему. Принималъ участіе преосв. Никандръ и въ переводѣ библіи на русскій языкъ. Въ Тулѣ онъ проявилъ себя архипастыремъ дѣятельнымъ, гуманнымъ, попечительнымъ о духовенствѣ и отзывчивымъ къ нуждающимся. Онъ числился членомъ многихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ, и двѣ академіи, кіевская и московская, избрали его въ свои почетные члены. Скончался преосв. Никандръ на 78 г. жизни, 29 іюня 1893 г. Нѣкоторыя его слова и рѣчи были напечатаны въ свое время въ «Тульскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ».

Біографич. свѣдѣнія о преосв. Никандрѣ имѣются въ брошюрѣ проф. И. Н. Корсунскаго: „Преосв. Никандръ, архіеп. тульскій", Москва 1893 г., а также въ изданной по поводу 25-лѣтія его святительскаго служенія книжкѣ: „Празднованіе 25-лѣтія святительства высокопреосвященнѣйшаго Никандра, архіепископа Тульскаго и Бѣлевскаго", Тула, 1885 г.. *Б. Т—въ.*

Никаноръ (*Николай Степановичъ* **Клементьевскій**),—митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій, былъ сынъ священника Сергіева Посада, церкви Успенья Божіей Матери, что въ Клементьевѣ, Стефана Алексѣева. Родился онъ 26 ноября 1787 года и при крещеніи названъ Николаемъ. Въ 1797 году, при опредѣленіи въ лаврскую семинарію, отецъ переименовалъ его въ Клементьевскаго вмѣсто Алексѣева, каковая перемѣна фамилій въ то время нерѣдко практиковалась. Въ семинаріи Николай Клементьевскій прошелъ полный курсъ, начиная съ грамматики и кончая богословіемъ. Товарищи его по семинаріи между прочимъ были извѣстные впослѣдствіи іерархи—Моисей, экзархъ Грузіи (Матѳей Богдановъ), Григорій, митроп. спб. (Георгій Постниковъ), Павелъ архіеп. черниговскій (Петръ Подлинскій). По окончаніи семинарскаго курса въ 1809 году Клементьевскій былъ опредѣленъ въ Троицкую семинарію, учителемъ сначала греческаго и еврейскаго языковъ, а затѣмъ высшаго краснорѣчія и риторики. Въ скоромъ времени, въ апрѣлѣ 1812 г., учитель Николай Клементьевскій принялъ монашество съ именемъ Никанора и былъ возведенъ въ санъ іеромонаха. Монашеское званіе открыло ему путь къ дальнѣйшей служебной карьерѣ. Въ іюлѣ 1813 г. его назначили проповѣдникомъ академіи и соборнымъ іеромонахомъ московскаго Донского монастыря, а черезъ годъ, по рекомендаціи преосв. Августина, его опредѣлили въ баккалавры историческихъ наукъ въ новую московскую академію. Здѣсь на него возложены были также обязанности члена академическаго цензурнаго комитета. Черезъ два мѣсяца академической службы баккалавра Никанора облекли новымъ почетнымъ положеніемъ—намѣстника Троице-Сергіевской Лавры, съ возведеніемъ, въ скоромъ времени, въ санъ архимандрита и въ званіе настоятеля Спасо-Виѳанскаго второкласснаго монастыря. Въ августѣ 1818 года архимандритъ Никаноръ былъ опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Виѳанскую семинарію, съ назначеніемъ въ члены московской духовной консисторіи и перемѣщеніемъ

изъ Спасо-Виѳанскаго мон. въ коломенскій Новолутвинъ. Въ слѣдующемъ 1819 г. Никаноръ былъ уже перемѣщенъ на новое мѣсто—въ московскій Высокопетровскій монастырь. Въ этотъ періодъ своего служенія, въ академіи и семинаріи, онъ дважды исполнялъ порученія Комиссіи Дух. Училищъ по обозрѣнію семинарій (московской, рязанской, тульской).

Въ январѣ 1826 года настоятель Высокопетр. мон., архим. Никаноръ былъ назначенъ епископомъ ревельскимъ, викаріемъ С.-Петербургской епархіи, съ порученіемъ ему въ управленіе Сергіевой пустыни. Въ Петербургѣ онъ сдѣлался дѣятельнымъ помощникомъ тогдашняго митрополита Серафима, который поручалъ ему разсмотрѣніе многихъ консисторскихъ дѣлъ, а иногда даже и синодальныхъ. Ему принадлежалъ и ближайшій надзоръ надъ семинаріей. Въ 1827 году викарій Никаноръ былъ сдѣланъ членомъ конференціи С.-Петербургской духовной академіи, а еще ранѣе, въ предшеств. году, его назначили членомъ Совѣта Имп. Человѣколюбиваго Общества и членомъ временно открытой въ Петербургѣ синодальной конторы. Въ сентябрѣ 1831 года Никаноръ получилъ и самостоятельную каѳедру—калужскую. Въ Калугѣ онъ пробылъ три года, оставивъ по себѣ хорошія воспоминанія, и въ сентябрѣ 1834 года былъ назначенъ архіепископомъ минскимъ. Служеніе въ западномъ краѣ въ ту пору было особенно отвѣтственнымъ. Никанору пришлось внести свою долю труда въ дѣло обращенія уніатовъ къ православію. Во время его служенія въ Минскѣ было обращено болѣе 16 тыс. человѣкъ, а въ 1839 году онъ присутствовалъ и на общемъ торжествѣ возсоединенія уніатовъ. Въ январѣ 1840 года преосв. Никаноръ получилъ новое назначеніе—архіепископомъ волынскимъ и житомирскимъ и архимандритомъ Почаевской Лавры. Въ первый годъ его служенія здѣсь какъ разъ и архіерейская волынская каѳедра была перемѣщена изъ Почаевской Лавры въ Житоміръ, такъ что архіепископу не мало пришлось понести заботъ по устройству на новомъ мѣстѣ. Много слѣдовъ его заботливости сохранилось и въ Почаевской Лаврѣ: онъ устроилъ особый придѣлъ въ главномъ лаврскомъ храмѣ во имя Чудотворца Николая, украсилъ драгоцѣнною ризою чудотворную икону Почаевской Божіей Матери, поновилъ монастырскія зданія, благоустроилъ лаврскій хоръ. Въ епархіи, по его иниціативѣ, были организованы катехизическія поученія для народа. Изъ Житоміра въ 1842 году въ маѣ мѣсяцѣ преосв. Никаноръ былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ св. Синодѣ. Въ періодъ пребыванія въ Петербургѣ, въ январѣ 1843 г. преосв. Никаноръ былъ назначенъ архіепископомъ варшавскимъ, съ оставленіемъ въ должности архіепископа волынскаго. Въ его управленіи соединились, такимъ образомъ, двѣ епархіи, которыми онъ управлялъ болѣе 5 лѣтъ, до новаго и послѣдняго назначенія с.-петербургскимъ митрополитомъ и новгородскимъ, каковое состоялось въ ноябрѣ 1848 года. С.-Петербургскую каѳедру преосв. Никаноръ занялъ послѣ митрополита Антонія, и на ней пребывалъ до самой смерти. Кромѣ своихъ прямыхъ архипастырскихъ трудовъ, митр. Никаноръ принималъ активное участіе въ дѣятельности Имп. Человѣкол. Общ., главнымъ попечителемъ и предсѣдателемъ совѣта котораго онъ состоялъ. При его попеченіи возникло нѣсколько новыхъ благотворительныхъ заведеній общества. Въ своемъ лицѣ онъ соединялъ не мало и другихъ почетныхъ званій. Онъ былъ почетнымъ членомъ конференцій казан. и москов. дух. академій, почетнымъ членомъ С.-Петербургскихъ университета и академіи наукъ, медико-хирургич. академіи, археологическаго общества. Скончался митр. Никаноръ на 69 году жизни, 17 сентября 1856 г.

Митрополитъ Никаноръ оставилъ послѣ себя 6 томовъ рукописныхъ поученій, завѣщавъ ихъ Александро-Невской Лаврѣ. Послѣ его смерти часть этого матеріала была издана подъ заглавіемъ: «Избранныя слова и рѣчи» митроп. Никанора, въ 3 томахъ, Спб. 1857 г. Александро-Невской Лаврѣ завѣщалъ онъ также три рукописныхъ тома записокъ по разнымъ богословскихъ наукамъ, которыя онъ преподавалъ въ виѳанской семинаріи: 1) «Изъясненіе текста въ XII главахъ посл. ап. Павла къ Римл.»; 2) «Institutiones Hermeneuticae Sacrae»; 3) «Delineatio Theologiae contemplativae»; въ началѣ послѣдняго тома помѣщенъ конспектъ догматическаго и нравственнаго богословія.

А. К., Очеркъ жизни высокопр. Никанора, митр. Новгородскаго, Спб., Эстлянд-

скаго, Спб. 1856 г.; Прот. А. Лотоцкій, Церковно-историческое и статистическое описаніе Варшавской правосл. епархіи, Почаевъ, 1863 г.; Историко-статистич. свѣдѣнія о Спб. епархіи, вып. 8.; Іером. Леонидъ, Исторія церкви въ предѣлахъ Калуж., губ. и калуж. іерархіи, Калуга 1876 г.; С. Смирновъ, Исторія Троицкой лаврской семинаріи, М. 1867 г.; Его-же, Исторія моск. дух. академіи, Москва 1879; Архим. Николай, Историко-стат. описс. минской епархіи, Спб. 1864 г.; Теодоровичъ, Историко-стат. описс. волынск. епархіи; — К. Я. Здравомысловъ, Іерархіи новгор. епархіи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, Новгор. 1897 г. *Б. Т—въ.*

Никаноръ (*Александръ Ивановичъ* **Бровковичъ**), — архіепископъ херсонскій, род. 20-го ноября 1826 г. Его отецъ былъ священникомъ въ селѣ Высокомъ Могилевской губ., тамъ же, гдѣ священствовали его дѣдъ и прадѣдъ. Фамилія Бровковичей принадлежала къ старинному дворянскому роду, одна вѣтвь котораго пошла по дорогѣ духовнаго служенія, что для Малороссіи и Бѣлоруссіи не представляло чего либо исключительнаго. Дѣтство Александра Бровковича протекло въ сельской обстановкѣ. По его воспоминаніямъ, семья его работала собственными руками, хотя вообще его родители жили зажиточно.

Школьное образованіе А. Бровковичъ началъ въ могилевскомъ духовномъ училищѣ, состоя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пѣвчимъ въ могилевскомъ архіерейскомъ хорѣ. 15-тилѣтнимъ мальчикомъ, въ 1842 году, онъ былъ вызванъ въ образцовую тогда петербургскую духовную семинарію, вмѣстѣ съ извѣстнымъ впослѣдствіи въ учебно-богословскомъ мірѣ прот. І. Г. Зарке-вичемъ. Затѣмъ, какъ первый студентъ своего курса, Александръ Бровковичъ поступилъ въ 1847 году въ спб. духовн. академію. Уже на семинарской скамьѣ у будущаго Никанора обнаружилось тяготѣніе къ монашеству, а когда онъ перешелъ въ академію, то въ атмосферѣ академической жизни намѣреніе принять иночество у него окончательно созрѣло. По словамъ брата его, отецъ ихъ рѣшительно противился намѣренію сына и всячески отговаривалъ его; но самъ о. Иванъ Бровковичъ скончался въ 1847 г. Быть можетъ, это сиротство еще болѣе укрѣпило въ юношѣ Александрѣ иноческое настроеніе: не даромъ Никаноръ въ своей автобіографіи сиротство считаетъ однимъ изъ главныхъ побужденій, заставлявшихъ принимать монашество студентовъ. Какъ бы то ни было, но уже въ 1850 году, 16 сентября, Ал. Бровковичъ принялъ монашество съ именемъ Никанора. По окончаніи академическаго курса въ 1851 году первымъ магистромъ, іеромонахъ Никаноръ, по тогдашнему академическому обычаю, былъ оставленъ баккалавромъ въ академіи, первоначально по каѳедрѣ обличительнаго богословія. Молодой баккалавръ съ необычайною ревностью взялся за научную работу. Наука обличительнаго богословія у насъ въ то время была совершенно не разработана, и Никанору пришлось прокладывать свои новые пути. Талантливый баккалавръ блестяще справился съ своей задачей, сумѣлъ скоро оріентироваться въ предметѣ и заинтересовать имъ студентовъ. Черезъ годъ преподавательства Никанора, къ занятіямъ его по обличительному богословію были присоединены еще новыя—чтеніе лекцій по введенію въ православное богословіе, наукѣ, введенной въ академію тогдашнимъ ректоромъ преосв. Макаріемъ (Булгаковымъ). Чуткій къ вопросамъ современности, обладавшій умомъ живымъ и впечатлительнымъ, іером. Никаноръ, въ противоположность обычной системѣ тогдашняго академическаго преподаванія, на своихъ лекціяхъ нерѣдко касался современныхъ отрицательныхъ теченій, критически разбирая ихъ передъ студентами; наукѣ основного богословія онъ старался дать постановку жизненную, а не схоластическую, каковой характеръ она носила у преосв. Макарія. Эти новшества показались нѣкоторымъ подозрительными; слухи о нихъ стали распространяться въ духовныхъ кругахъ, и въ концѣ концовъ академическое начальство заподозрило и обвинило баккалавра Никанора въ неправославіи. Такое, особенно страшное по тому времени, обвиненіе послужило для Бровковича источникомъ многихъ и долгихъ непріятностей. Его едва не удалили изъ академіи, и только выдающіяся дарованія Никанора спасли его отъ этой участи. Тѣмъ не менѣе, его смѣстили съ каѳедры основного богословія, предоставивъ читать лекціи лишь по богословію обличительному и по расколу. Самое преподаваніе іером. Никанора, подъ цензурными давленіями, невольно сдѣлалось менѣе жизненнымъ, войдя въ трафаретныя рамки академическихъ учебниковъ.

Пять лѣтъ іером. Никаноръ занималъ

должность преподавателя спб. академіи. Несмотря на выдающіеся профессорскіе труды, его академическая дѣятельность, однако, была прервана. Ректоръ академіи Макарій относился къ нему не совсѣмъ доброжелательно; репутація не совсѣмъ православнаго человѣка, видимо, не изгладилась, и Никанора въ 1856 году удалили изъ Петербурга, отправивъ въ Ригу ректоромъ семинаріи, въ санѣ архимандрита. Въ Ригѣ онъ пробылъ съ мая 1856 г. по февраль 1858 г. Какъ ректоръ, Никаноръ показалъ себя образцовымъ администраторомъ и педагогомъ. Онъ близко входилъ въ семинарскую жизнь, отечески заботился объ ученикахъ. Кромѣ ректорскихъ обязанностей, много занимался запущенными дѣлами консисторіи, продолжалъ и свои научныя занятія по вопросу о главенствѣ папы и описанію раскольническихъ рукописей. Въ февралѣ 1858 г. Никанора перевели въ Саратовъ, на ту же должность ректора семинаріи. На Саратовъ, по собственному признанію Никанора, пала самая кипучая пора его жизнедѣятельности. Онъ прибылъ сюда 32-лѣтнимъ архимандритомъ и сразу же поразилъ саратовцевъ своимъ разностороннимъ образованіемъ, выдающимся проповѣдническимъ талантомъ. Свѣтское саратовское общество обратило вниманіе на выдающагося ректора. Здѣсь сблизился онъ съ умною и ученою женщиной, начальницею института, Лидіею Карловною Эрнстъ, съ историкомъ Н. И. Костомаровымъ, съ гегельянствующимъ философомъ-бариномъ, управлявшимъ удѣльною конторою Н. А. Мордвиновымъ. Въ саратовской семинаріи Никаноръ энергично наводилъ чистоту и порядокъ, для чего ему пришлось перестроить всю семинарію и духовное училище, большею частью на имъ же изысканныя средства. Въ саратовскомъ монастырѣ онъ передѣлалъ три церкви, устроилъ и открылъ большое кладбище, построилъ двѣ часовни. Побуждаемый своими научными симпатіями, подъ конецъ пребыванія въ Саратовѣ Никаноръ усиленно занялся изученіемъ мѣстнаго раскола. Въ это время возникла для него новая непріятность изъ-за его «описанія» раскольническихъ рукописей. Вскорѣ Никаноръ просилъ отпустить его въ миссію въ Римъ. Но его вызвали въ Петербургъ на чреду, гдѣ онъ пробылъ 1864—1865 г.г., а потомъ, въ 1865 г., назначили опять ректоромъ семинаріи въ Витебскъ.

Въ Витебскѣ архим. Никаноръ ознаменовалъ себя такой же дѣятельностью неутомимаго и опытнаго школьнаго администратора, какъ и въ Ригѣ и Саратовѣ. Не мало трудился онъ и въ консисторіи по дѣламъ епархіальнаго управленія. По обычному теченію монашеской карьеры, бывшему баккалавру пора бы уже было быть архіереемъ. Но его обходили и наконецъ перевели на ректорство въ казанскую духовную академію. (29 іюля 1868 г.). Въ концѣ августа 1868 года онъ прибылъ въ Казань и три года былъ здѣсь академическимъ начальникомъ. На его долю выпало подготовить казанскую академію къ преобразованію по новому уставу 1869 г. и привести въ исполненіе самый этотъ уставъ въ 1877 г. Съ обычнымъ своимъ административнымъ тактомъ, ректору Никанору удалось упорядочить ослабѣвшую въ академіи студенческую дисциплину и завести новые улучшенные порядки. Въ 1869 г. св. Синодъ, по представленію академической конференціи, присудилъ ему степень доктора богословія за его сочиненіе «Разборъ римскаго ученія о видимомъ (папскомъ) главенствѣ», вышедшее тогда новымъ дополненнымъ изданіемъ. Будучи ректоромъ академіи, Никаноръ былъ въ ней и профессоромъ своего любимаго предмета — основного богословія. Профессорскій талантъ Бровковича въ эту пору, видимо, достигъ полной зрѣлости и высшаго расцвѣта, не стѣсняемый уже тяжелымъ гнетомъ начальственной цензуры. По словамъ его слушателей въ казанской академіи, лекціи его отличались чрезвычайно оживленнымъ, часто собесѣдовательнымъ характеромъ и рѣдкою ясностью. Онъ пользовался обыкновенно аналитическимъ методомъ, указывая въ предметѣ его главнѣйшія стороны и разъясняя каждую изъ нихъ. Въ своей аргументаціи онъ старался держаться одной научной и методической логики, учителемъ которой для него былъ петербургскій проф. Карповъ. Тотъ художественно-поэтическій талантъ, который ярко выступаетъ въ его проповѣдяхъ, въ его лекціяхъ мало проявлялся, сдерживаясь разсудочной логичностью. Вообще же Никаноръ былъ слишкомъ живой и разносторонній человѣкъ, чтобы быть только отвлеченнымъ мыслителемъ. Онъ положительно изумлялъ своей многосторонней образованностью. Самъ о

себѣ онъ говоритъ, что не пропускалъ ни одной новой книги безъ вниманія. Дарвина и Бокля читалъ онъ на англійскомъ языкѣ, Бюхнера и Ренана читалъ въ литографіяхъ, Штрауса—на французскомъ и т. д. Онъ читалъ постоянно, и все прочитанное не только оставалось у него въ памяти, но успѣвало войти органически въ составъ міросозерцанія его и пріобрѣсти жизненное значеніе. Поэтому каждое, самое отвлеченное, чисто логическое построеніе у него дышало жизнью, увлекало и даже волновало слушателя, а съ другой стороны, каждый конкретный фактъ или образъ у него являлся звеномъ цѣлой системы, отъ которой получался и новый смыслъ и новый интересъ. Лекціи его были отъ этого и оригинальны и весьма разнообразны. Экспансивная личность Никанора тоже извѣстнымъ образомъ отражалась на его преподаваніи. Онъ цѣликомъ раскрывалъ предъ своими слушателями не только результаты своей ученой работы, но и самый методъ, пріемы и средства, съ помощью которыхъ дошелъ до этихъ результатовъ, такъ что слушатель могъ слѣдить шагъ за шагомъ за процессомъ ученаго изслѣдованія и самъ лично въ немъ участвовалъ. Это придавало лекціямъ Никанора сильное развивающее вліяніе. Вообще онъ увлекалъ своихъ слушателей и внушалъ имъ сильную любовь къ знанію, особенно въ области естественно-научной, которой онъ самъ особенно интересовался.

Однако, и служеніе въ Казанской духовной академіи для архим. Никанора не обошлось безъ крупныхъ непріятностей. Въ то время какъ ректоръ академіи дѣятельно боролся съ упадкомъ студенческой дисциплины и тактичными мѣрами достигъ этого, высшее начальство слало ему выговоры за недостаточный, якобы, присмотръ за академіей. Затѣмъ, Никаноръ имѣлъ «неосторожность» сказать прочувствованное слово при погребеніи одного стараго академическаго служителя. Слухи объ этомъ дошли до Петербурга, гдѣ нашли «неприличнымъ» говорить рѣчь въ честь сторожа и даже болѣе, чѣмъ неприличнымъ: И. А. Чистовичъ извѣщалъ Никанора, что митрополитъ Исидоръ видѣлъ даже въ рѣчи «кощунство». Этотъ инцидентъ опять затормозилъ производство Никанора въ епископы. Наконецъ, въ іюнѣ (19) 1871 г. ему дали архіерейство, но самое скромное. Его назначили на донское викаріатство, вновь открытое по ходатайству донского архіеп. Платона. 4-го іюля состоялась хиротонія архим. Никанора, въ церкви Александро-Нев. лавры въ Петербургѣ. Около $5^1/_2$ лѣтъ пробылъ преосв. Никаноръ въ Новочеркасскѣ. Викаріатство было очень бѣдное, какъ бѣдной была и сама донская каѳедра. Повидимому, положеніе викарія представляло много свободнаго времени, которое преосвященный и посвящалъ научнымъ занятіямъ. Къ тому періоду относятся его работы надъ позитивной философіей. Въ декабрѣ 1876 г. епископъ аксайскій Никаноръ былъ назначенъ на самостоятельную новую каѳедру уфимскую, епископомъ уфимскимъ и мензелинскимъ. Въ Уфѣ епархія была новой: въ ней числилось до 80 тыс. язычниковъ, и туда требовался, по выраженію тогдашняго оберъ-прокурора, человѣкъ свѣжій и энергичный.

Такимъ образомъ, первый же самостоятельный епископскій постъ открывалъ для преосв. Никанора широкое поле дѣятельности миссіонерской. И преосвященный вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ такъ описываетъ результаты своего 7-лѣтняго управленія уфимской епархіей. «Скажу смѣло, въ уфимской епархіи, за семь лѣтъ управленія ею, я былъ зрителемъ великой перемѣны. Я объѣхалъ здѣсь не только города и села, не только множество деревень, но много и такихъ пунктовъ, иногда даже безъ названій, куда пока не проникалъ еще никакой культурный экипажъ. Хмуро и узковато многое показалось мнѣ сначала. Даже въ подгородныхъ селахъ, въ первый годъ моего путешествія, меня встрѣчало въ церквахъ точнымъ счетомъ отъ 5 до 11 человѣкъ, включая въ это число и священника со всѣмъ причтомъ, а русское населеніе, при моемъ въѣздѣ въ села, случайно постаивало у своихъ избъ да поглядывало на меня въ полъ-оборота съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и разсѣянностью, почесывая обращенныя ко мнѣ свои спины... Но смѣю сказать, что въ томъ же году, во вторую мою поѣздку, эту разсѣянность, это равнодушіе унесло вѣтромъ. Сразу же я сталъ видѣть всенародныя встрѣчи многотысячныя, гдѣ выходили всѣ, отъ стара до мала, со святыми иконами, съ русскими хлѣбомъ-солью, съ пѣніемъ и ликами, съ длинными крестными

хожденіями. По ночамъ видывалъ иллюминаціи, которыя освѣщали ночную темень на нѣсколько верстъ кругомъ. Проѣзжалъ я съ экипажемъ по путямъ, гдѣ до меня люди перемѣщались то пѣшкомъ, то на лыжахъ, или нерѣдко верхомъ, и цѣлые десятки верстъ этихъ дорогъ нарочно прокладывались къ моему проѣзду вольнымъ трудомъ православнаго и даже инородческаго населенія. Я не богатырскій кличъ кликнулъ по этимъ пустынямъ, а просто съ тяжкою болью сердца вздохнулъ: «Господи, да эти же люди живутъ безъ церкви и религіи! Да здѣсь же церкви нужны!» И церкви выросли вездѣ, гдѣ я указалъ; ни въ одномъ пунктѣ я не былъ обманутъ. Въ нѣкоторыхъ же самыя указанія мои предварены исполненіемъ по иниціативѣ самого народа. Я говорилъ народу и повторялъ: «Не обременяйте себя, въ 10 лѣтъ можете построить церковь!» А глядишь, церкви строились меньше чѣмъ въ 10 мѣсяцевъ, церкви обширныя, совершенно благоустроенныя, всѣмъ нужнымъ вполнѣ обзаведенныя. Отъ крестьянина до купца и боярина всѣ спѣшили нести на Божіе дѣло свои лепты, отъ грошей до сотенъ и тысячъ рублей. Училища и заводятся и работаютъ повсюду, даже по деревнямъ. Радовали особенно инородческія миссіонерскія училища, питомцы которыхъ всюду образовали хорошіе хоры, пѣли по-славянски и на инородческихъ языкахъ, какъ по церквамъ, такъ и по домамъ и во время крестныхъ хожденій». Это публичное и несомнѣнно правдивое признаніе самого преосв. Никанора служитъ лучшей характеристикой его архипастырской дѣятельности.

12-го декабря 1883 года преосв. Никаноръ былъ перемѣщенъ изъ Уфы въ Одессу. Это было послѣднее мѣсто его служенія, не омрачаемое уже болѣе служебными непріятностями. Въ 1886 г. еписк. Никаноръ получилъ званіе архіепископа. Къ лѣту 1887 года онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ св. Синодѣ и засѣдалъ въ Синодѣ весь 1887/8 г., а потомъ и зимнюю сесію 1888/9 г. Но здоровье владыки оказалось уже надломленнымъ. У него развилась болѣзнь желудка, которая заявляла о себѣ иногда и раньше. Осенью 1890 года преосвященный ѣздилъ въ Москву на консультацію къ знаменитому доктору Захарьину. Но врачи уже не могли спасти его отъ поразившей его водянки. Дни преосвященнаго были сочтены. Онъ самъ чувствовалъ близость конца и спокойно готовился къ нему, какъ истинный христіанинъ. Еще 25-го октября преосвященный своею рукою вносилъ въ свои записки свои послѣднія предсмертныя распоряженія. А 27-го декабря, около полуночи, онъ скончался.

Преосв. Никаноръ представлялъ собою личность во всѣхъ отношеніяхъ незаурядную. Надѣленный богато отъ природы разнообразными талантами, развитыми путемъ многосторонняго образованія, человѣкъ живой и экспансивный и необычно трудолюбивый, онъ оставилъ по себѣ память на всѣхъ поприщахъ своей дѣятельности. По своему характеру и склонностямъ, онъ скорѣе предназначенъ былъ для научной работы. Но судьба весьма рано оторвала его отъ этого поприща и поставила въ положеніе администратора, каковое положеніе оффиціально и было для него главнымъ. И какъ администраторъ, онъ сумѣлъ заявить себя всюду съ лучшей стороны. Онъ исполнялъ свой долгъ съ энергіей и даже увлеченіемъ, отдаваясь всей душою своему дѣлу. Отсюда сила его вліянія на подчиненныхъ, которые невольно заражались примѣромъ своего начальника и вдохновнялись его стремленіями. Гдѣ бы ни начальствовалъ онъ, онъ всюду вносилъ съ собою жизнь и движеніе. Онъ не любилъ мертвой канцелярщины и формализма, хотя и требовалъ соблюденія установленныхъ порядковъ. При своемъ проницательномъ умѣ, онъ умѣлъ узнавать людей и цѣнить дарованія и заслуги, выбиралъ себѣ способныхъ помощниковъ и быстро выдвигалъ замѣченные таланты. Будучи человѣкомъ очень добрымъ, онъ не способенъ былъ кому либо причинить зло или обиду. Однако, природная пылкость заставляла его иногда дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты, и онъ самъ въ предсмертные дни скорбѣлъ о своей гнѣвности. Впрочемъ, послѣднее показываетъ, что онъ умѣлъ и признаваться въ своихъ ошибкахъ. Въ своей административной дѣятельности преосв. Никаноръ руководился убѣжденіемъ, что власть не должна быть слабой, хотя должна быть справедливой. Предъ смертью онъ говорилъ: «Я видѣлъ на своемъ вѣку, какъ мѣнялись принципы. Въ срединѣ нашего вѣка настала было эпоха, когда сдѣлалось правиломъ у роди-

телей, у старшихъ, у начальниковъ, у воспитателей, у властей, у судей поблажать дѣтямъ, младшимъ, подчиненнымъ, воспитанникамъ, всѣмъ подвластнымъ, даже преступникамъ. Поклонялся и я этому идеалу эпохи. Было время, когда и я стоялъ только за мягкія мѣры. Но я скоро и опомнился, увидѣвъ, сколько зла причинилъ Россіи этотъ духъ поблажки. Съ тѣхъ поръ я сталъ твердить и себѣ и другимъ: поблажать—это выходить въ отставку, а служить — это значитъ натягивать возжи власти». Но онъ не требовалъ слѣпого повиновенія: онъ старался вкоренить сознаніе необходимости и разумности своихъ требованій. Онъ умѣлъ, наконецъ, руководить подчиненными, давать направленіе умамъ, опредѣлять путь дѣятельности. Такъ отзываются о преосв. Никанорѣ люди, непосредственно соприкасавшіеся съ нимъ въ служебныхъ отношеніяхъ.

Но сколь бы ни былъ незауряднымъ администраторомъ преосв. Никаноръ, онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность, главнымъ образомъ, своими научно-литературными и проповѣдническими произведеніями. Научной карьерой онъ началъ свое служебное поприще и научныхъ занятій не оставлялъ почти до конца своей жизни. Его первые научные литературные труды стоятъ въ связи съ его профессорскими академическими занятіями. Будучи баккалавромъ Спб. академіи, онъ написалъ нѣсколько монографій по расколу. Часть этихъ работъ была напечатана въ акад. журналѣ «Христіанское Чтеніе». Таковы статьи: «О святительскомъ жезлѣ» (Хр. Чт. 1853 г.), «Объ изображеніи св. евангелистовъ въ обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ» (Хр. Чт. 1854 г.). Но большая часть осталась тогда ненапечатанной по недостатку мѣста, хотя статьи и были одобрены къ печати цензурой. Таковы: обширный трактатъ «Объ антихристѣ», напечатанный уже послѣ смерти преосв. Никанора въ 1904 г.; «О крестномъ знаменіи», трактатъ, доселѣ не напечатанный. Въ это же время Никаноръ занимался описаніемъ раскольническихъ рукописей, которое впослѣдствіи имѣло для него свою непріятную исторію. Исторія эта была такова. По случаю открытія въ академіи противораскольническаго миссіонерскаго отдѣленія, св. Синодъ отпустилъ особую сумму для пріобрѣтенія раскольническихъ рукописей. Никанору удалось чрезъ нѣкоего купца Москалева пріобрѣсти для академіи богатѣйшую старинную библіотеку одного богатаго раскольника. Въ послѣдній годъ службы въ Спб. академіи, по порученію ректора преосв. Макарія, Никаноръ занялся описаніемъ пріобрѣтенныхъ раскольническихъ рукописей, знакомя съ ними и студентовъ на лекціяхъ. Во время пребыванія Никанора въ Саратовѣ, ректоромъ семинаріи, онъ задумалъ издать свои лекціи по раскольнической библіографіи. Случайно съ ними познакомился Н. И. Костомаровъ и пришелъ отъ нихъ въ восторгъ. Уѣхавъ въ Петербургъ, Костомаровъ оттуда предложилъ архим. Никанору отъ имени книгопродавца Кожанчикова издать его записки. Никаноръ согласился и передалъ рукопись Кожанчикову, который и издалъ ее подъ заглавіемъ: «Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, изданныхъ раскольниками въ пользу раскола. Записки А. Б.» (Спб. 1861 г.) Но Кожанчиковъ издалъ трудъ Никанора очень недобросовѣстно. Нѣкоторыя мѣста были прямо искажены. Въ результатѣ критика литературная отнеслась къ изданію недоброжелательно за искаженія подлинниковъ, а раскольники увидѣли здѣсь произведеніе какого-то своего доброжелателя и начали усиленно раскупать книгу. Духовныя и свѣтскія власти забезпокоились. Описаніе было названо сочиненіемъ «въ пользу раскола». На Никанора посыпались укоры. Митроп. Филаретъ называлъ сочиненіе грубымъ и вреднымъ, митрополитъ Исидоръ—вреднымъ и глупымъ. Автору все это доставило много волненій, тѣмъ болѣе, что св. Синодъ издалъ даже циркулярный указъ, которымъ приглашалъ всю церковь молиться отъ навожденія нечистой силы, проявившейся въ изданіи въ свѣтъ такихъ пагубныхъ сочиненій, какъ «Описаніе», и запрещалъ впредь издавать подобныя сочиненія безъ православной критики. Изданіе, однако, очень быстро раскупили раскольники и оно доставило издателю большія матеріальныя выгоды. Въ настоящее время «Описаніе» составляетъ большую библіографическую рѣдкость и въ значительной степени утратило уже свое значеніе. «Описаніе» состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ первой описываются сочиненія историческія, а во второй—учительныя или обличительныя. Всѣхъ раскольническихъ сочиненій описано около 50. О каждомъ сообщаются библіографическія

свѣдѣнія объ авторѣ, времени и мѣстѣ написанія и т. д., и каждое анализируется съ приведеніемъ многочисленныхъ выписокъ. Научная рецензія на книгу была напечатана проф. И. Ѳ. Нильскимъ въ «Хр. Чт.» (1861 г., іюнь). По вопросу о расколѣ Никаноръ писалъ и въ Саратовѣ. Въ 1863 г. черезъ Саратовъ проѣзжалъ оберъ-прокуроръ св. Синода А. П. Ахматовъ. При свиданіи съ Никаномъ онъ поручилъ послѣднему составить записку о мѣрахъ лучшей борьбы съ расколомъ. Никаноръ усердно взялся за изученіе мѣстнаго раскола и написалъ обширное сочиненіе, въ которомъ доказывалъ безсиліе правительственныхъ мѣропріятій противъ раскола. Въ бытность въ Петербургѣ на чредѣ въ 1865 г. Никаноръ представлялъ это сочиненіе Ахматову, но оно осталось ненапечатаннымъ. Ректорство въ Казанской академіи, съ ея богатой библіотекой, дало преосв. Никанору возможность продолжить и здѣсь свои изысканія по расколу. Въ академическомъ журналѣ «Правосл. Собесѣд.» напечатаны были его статьи: «О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія въ обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ» (Пр. Сб. 1869 г. II, III); «Описаніе иконописныхъ перстосложеній для крестнаго знаменія и благословенія, изображенныхъ въ псалтири-рукописи XVI в., принадлежащей библіотекѣ казанской духовной академіи» (Пр. Сб. 1869 г. III); «Вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія по нѣкоторымъ ново-изслѣдованнымъ источникамъ» (Пр. Соб. 1870 г., I, II, III); «Царьградская церковь св. Софіи—свидѣтельница древне-православнаго перстосложенія» (Пр. Соб. 1870 г., I, II, III). Какъ видно, автора особенно интересовалъ вопросъ о перстосложеніи, которымъ онъ занимался еще въ Спб. академіи. Завершительнымъ трудомъ по этому вопросу явилась книга преосв. Никанора, уже архіеп. одесскаго: «О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія. Бесѣда Никанора, арх. Херс. и Одес.», Спб. 1890 г. Здѣсь собраны были результаты всѣхъ многолѣтнихъ трудовъ Никанора, дополненные новыми изысканіями. Поводомъ къ написанію книги послужило сочиненіе проф. моск. акад. Каптерева «Патріархъ Никонъ», гдѣ авторъ доказывалъ сравнительную древность двоеперстія. Противъ выводовъ Каптерева и полемизируетъ преосв. Никаноръ. Самъ авторъ называетъ этотъ свой трудъ «конгломератомъ» своихъ прежнихъ работъ. «Въ немъ»,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, «собраны и старые и нѣкоторые новые, относящіеся къ вопросу факты, съ подходящими соображеніями, и собрано ихъ достаточно для того, чтобы видѣть, по руководству не нѣмецкой теоріи развитія ученія церкви и обрядословія, а точныхъ фактовъ, какъ развивались церковные уставы относительно перстосложенія и взгляды на оное». Но, кромѣ своего спеціальнаго значенія, это сочиненіе преосв. Никанора имѣетъ и болѣе общій интересъ, поскольку оно заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе цѣлыхъ памятниковъ, свидѣтельствами которыхъ пользуется авторъ. Такъ, напримѣръ, мы находимъ здѣсь историко-критическое изслѣдованіе «Стоглава», описаніе новаго сочиненія Посошкова, найденнаго въ рукописяхъ соловецкой библіотеки, и т. д.

Въ связи съ первоначальною академическою дѣятельностью стоятъ также работы Никанора по вопросу о римскомъ католичествѣ. Онъ много работалъ въ этой области для акад. лекцій, но затѣмъ спеціальныя обстоятельства побудили его особенно заняться римскимъ ученіемъ о главенствѣ папы. 6-го января 1848 г. папа Пій IX издалъ «Окружное посланіе восточнымъ христіанамъ», съ приглашеніемъ войти въ общеніе съ римскимъ престоломъ, подъ условіемъ сохраненія всѣхъ восточныхъ догматовъ и обрядовъ и лишь съ признаніемъ римскаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и о главенствѣ папы. Константинопольскій патріархъ отъ лица всей восточной церкви отвѣтилъ на это предложеніе отрицательно. Русскій же Св. Синодъ, кромѣ того, поручилъ ректору Спб. академіи преосв. Макарію написать основательное опроверженіе главнѣйшаго римскаго догмата о главенствѣ римскаго первосвященника. Преосв. Макарій, занятый разнообразными трудами, передалъ исполненіе названнаго порученія баккалавру Никанору. Послѣдній исполнилъ скоро данную ему задачу, и работа его сначала печаталась отдѣльными статьями въ «Хр. Чт.» (1852 г. II; 1853 г. I, II, 1857 г. I), а потомъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ выпускахъ (вып. I въ 1856 г. и вып. II въ 1858 г.). Сочиненіе по своей учености оказалось столь солиднымъ, что

автору считали возможнымъ дать за него степень доктора богословія. Однако, тогда эту степень ему не дали. Впослѣдствіи уже, въ бытность Никанора ректоромъ Казанской академіи, въ 1869 г., по иниціативѣ казанскаго преосв. Антонія (Амфитеатрова) и академической конференціи, автору сочиненія о главенствѣ папы была присуждена за него степень доктора. По этому поводу и сочиненіе было издано вновь, второй разъ, дополненное новыми изысканіями и исправленное, подъ заглавіемъ: «Разборъ римскаго ученія о видимомъ (папскомъ) главенствѣ въ церкви, сдѣланный на основаніи Св. Писанія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства до I вселенскаго собора (включительно)», Казань 1871 г. Главное дополненіе по сравненію съ первымъ изданіемъ здѣсь составила глава, содержащая разборъ римскаго догмата на основаніи твореній св. Аѳанасія Александрійскаго. По учености сочиненіе представляетъ трудъ капитальный. Самъ преосв. Никаноръ говоритъ, что онъ «для этого сочиненія перерылъ и проштудировалъ всю литературу древней церкви за первые три съ четвертью вѣка. Всякая цитата, каковыхъ тамъ сотни, провѣрена собственными глазами десятки и сотни разъ». Свой предметъ авторъ разсматриваетъ двояко: въ первой части онъ разбираетъ римское ученіе на основаніи св. писанія, а во второй части—на основаніи преданія, изобличая при этомъ неправильность католическаго толкованія многихъ свидѣтельствъ.

Кромѣ этой большой работы, въ періодъ баккалаврства Никаноръ напечаталъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» (1857 г., II) статью «Взглядъ православнаго на новые догматы римской церкви о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи». Къ вопросу о католичествѣ, затѣмъ, представился случай вернуться преосв. Никанору много лѣтъ спустя, во время служенія въ Одессѣ. Въ 1883 году извѣстный писатель-философъ Владиміръ Соловьевъ помѣстилъ въ газетѣ «Русь» нѣсколько статей подъ заглавіемъ: «Великій споръ и христіанская политика», въ которыхъ высказывался въ пользу соединенія восточной церкви съ западною, находя, что между ними нѣтъ существенныхъ различій, а что новшества западной церкви составляютъ лишь результатъ естественнаго историческаго развитія догматовъ. Статьи Соловьева вызвали оживленное литературное обсужденіе поднятаго имъ вопроса. Въ отвѣтъ своимъ оппонентамъ В. С. Соловьевъ въ 1886 г. написалъ особое сочиненіе: «Догматическое ученіе церкви въ связи съ вопросомъ о соединеніи церквей», въ которомъ еще настойчивѣе развивалъ мысль о развитіи догматовъ. Изъ представителей іерархіи по поводу возбужденнаго Соловьевымъ вопроса откликнулся преосв. Никаноръ. Онъ написалъ обширную «Бесѣду о томъ, есть ли что еретическое въ латинской церкви», напечатанную въ «Церковн. Вѣдом.», а потомъ отдѣльно (Спб. 1889 г.), которая представляетъ въ сущности ученый трактатъ. На поставленный въ заглавіи вопросъ авторъ отвѣчаетъ утвердительно и между прочимъ, какъ одно изъ главныхъ извращеній католичествомъ христіанства, онъ указываетъ теорію развитія догматовъ, защищаемую Соловьевымъ. Теорію эту авторъ называетъ пагубною и еретическою, и въ доказательство излагаетъ исторію происхожденія новыхъ латинскихъ догматовъ, особенно о непогрѣшимости папы и непорочномъ зачатіи Богоматери.

Не остались безъ слѣдовъ въ литературно-ученой дѣятельности преосв. Никанора и его занятія въ спб. академіи по основному богословію. У него, видимо, была склонность къ философскимъ изысканіямъ и впослѣдствіи онъ заявилъ себя крупнымъ философскимъ сочиненіемъ. Работы въ этой области усилились, когда Никаноръ былъ ректоромъ въ Казани. Здѣсь онъ читалъ студентамъ лекціи какъ разъ по основному богословію и затрагивалъ на нихъ разныя философскія проблемы, съ апологетическими цѣлями. Въ «Прав. Собесѣд.», 1871 г., II, была напечатана обширная статья Никанора: «Можно ли позитивнымъ философскимъ методомъ доказывать бытіе чего-либо сверхчувственнаго—Бога, духовной безсмертной души и т. п.?» Статья эта, по разсказу одного изъ учениковъ преосвященнаго, являлась отвѣтомъ на затронутый въ классныхъ бесѣдахъ со студентами вопросъ. Но авторъ не ограничился указанною статьею. Будучи донскимъ викаріемъ, онъ продолжалъ заниматься той же темой и въ концѣ концовъ разработалъ ее въ обширное сочиненіе: «Позитивная философія и сверхчувствен-

ное бытіе». Въ 1875 году вышелъ первый томъ этого сочиненія (Спб.), въ 1876 г.—второй, а въ 1888 г.—третій. Однако, три большихъ вышедшихъ тома не исчерпываютъ замысела автора; судя по плану, работа доведена только до половины. Мотивы, побудившіе преосвященнаго взяться за этотъ капитальный трудъ, излагаются имъ самимъ въ предисловіи. «Насъ побудило къ этому труду, говоритъ онъ, сознаніе долга передъ прошедшимъ нашего поколѣнія, которое выдержало небывалую въ нашемъ отечествѣ бурю идей, враждебную священнѣйшимъ завѣтамъ нашихъ отцовъ. Сознаніе этого долга побудило насъ выступить съ выводами вынесенной нами борьбы предъ очи новаго поколѣнія... Мы почувствуемъ себя вознагражденными, если хотя одной душѣ, томительно колеблемой сомнѣніями и заблужденіями, поможемъ стать твердо на пути истины». Какъ видно, авторъ преслѣдуетъ цѣли христіанско-апологетическія. Въ своемъ сочиненіи преосвященный Никаноръ проводитъ ту мысль, что у богословской науки есть столь же твердыя и тѣ же самыя основанія, какъ и у наукъ естественно-философскихъ. Основныя истины христіанства — бытіе Бога и безсмертіе души доказываются тѣмъ же методомъ, какъ и бытіе матеріи, а потому должны быть признаны настолько же достовѣрными. Въ первыхъ двухъ томахъ преосв. Никаноръ и раскрываетъ ту мысль, что матерія есть собственно настолько же сверхчувственное бытіе (атомы—не доступны внѣшнимъ чувствамъ), какъ и духъ, человѣческій и Божественный; между тѣмъ существованіе матеріи считается положительной наукой доказаннымъ; значитъ, нѣтъ основаній отрицать и существованіе безсмертнаго и божественнаго духа. Третій томъ посвященъ разсмотрѣнію гносеологической проблемы, выдвинутой Кантомъ, и называется поэтому «Критикой на Критику чистаго разума Канта». Въ дальнѣйшемъ авторъ намѣревался разъяснить высказанныя въ первыхъ двухъ томахъ положенія, но не успѣлъ осуществить своего намѣренія. Въ своемъ трудѣ преосв. Никаноръ выказалъ большую философскую эрудицію. Онъ касается подробно самыхъ разнообразныхъ метафизическихъ и естественно-научныхъ вопросовъ и теорій, приводя длинныя цитаты изъ сочиненій разныхъ ученыхъ и мыслителей, такъ что критика даже упрекала его не безъ нѣкотораго основанія за излишнюю растянутость изложенія.

Кромѣ «Позитивной философіи» извѣстны еще другіе, небольшіе трактаты преосв. Никанора съ философскимъ содержаніемъ, большею частью изложенные въ формѣ бесѣдъ. Сюда относятся: «Сравнительное значеніе христіанской дуалистической и современной научной монистической системы міровоззрѣнія» («Прав. Обозр.» 1885 г. № 2); «Философія нигилизма» («Прав. Об». 1882 г. № 5—6); «Философія эволюціонизма» («Странникъ» 1884 г. № 1); «О томъ, что вѣра есть знаніе» («Прав. Обозр»., 1886 г. № 2); «Направленіе и значеніе философіи Н. Грота» («Прав. Об» , 1886 г. № 10), и нѣк. др.

Выдающійся ученый богословъ и философъ, преосв. Никаноръ пріобрѣлъ широкую извѣстность и какъ замѣчательный проповѣдникъ. Его проповѣдническая дѣятельность началась сравнительно поздно. Первыя его выступленія съ церковной каѳедры, обратившія на себя вниманіе, относятся къ періоду ректорства Никанора въ Казанской академіи (см. его рѣчи въ «Прав. Соб.» 1870 г. III, 1871 г. II), расцвѣтъ же его проповѣдническаго таланта падаетъ всецѣло на время епископскаго служенія въ Уфѣ и Одессѣ. Въ Уфѣ, въ 1883 г., вышло первое изданіе его проповѣдей въ одномъ томѣ, а въ Одессѣ, въ 1884—1887 г. вышло второе изданіе уже въ 4-хъ томахъ, въ 1890 же году—въ пяти томахъ, подъ заглавіемъ: «Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и посланія Никанора, архіеп. херсонскаго»; пятый томъ вышелъ послѣ смерти автора, съ краткой его біографіей. Многія бесѣды преосв. печатались сначала въ журналахъ, особенно въ «Прав Обозр.» и «Странникѣ», гдѣ въ 1890 г. появились знаменитыя бесѣды о семинарскомъ образованіи, о христіанскомъ супружествѣ (по поводу «Крейцеровой сонаты») и т. д. Часть этихъ проповѣдей вошла въ общее собраніе, но нѣкоторыя не вошли. Проповѣди преосв. Никанора замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Съ внѣшней стороны онѣ рѣзко отличались отъ обычнаго типа проповѣдей, чужды гомилетической схоластики, написаны языкомъ разговорно-литературнымъ, безъ злоупотребленія текстами св. писанія, и вообще походятъ больше на публицистическія статьи. По

размѣрамъ своимъ онѣ часто были столь пространны, что для церковной каѳедры неудобны, почему нѣкоторыя бесѣды никогда и не произносились, а назначались или для печати или для внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и собраній. Съ внутренней стороны проповѣдничество преосв. Никанора носитъ отпечатокъ самой живой современности. Онъ писалъ и говорилъ на насущныя злобы дня, откликался на всѣ важнѣйшія современныя событія и явленія. Онъ говорилъ о различіи цивилизацій западной и русской, объ еврейскомъ вопросѣ и штундѣ, о Толстомъ и его религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ, о типахъ образованія, о патріотизмѣ, о назначеніи женщины и т. п.,—словомъ о всемъ, что волновало умы и сердца. Въ проповѣдническомъ кругу это были темы необычайныя. Иные поражались этой необычайностью, но публика высоко цѣнила именно отзывчивость проповѣдника на явленія жизни, и проповѣди Никанора находили множество почитателей.

Свой публицистическій талантъ преосв. Никаноръ иногда примѣнялъ и въ прямой формѣ публицистическихъ статей. Таковы двѣ его извѣстныя статьи о классицизмѣ: «О классицизмѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ» («Странникъ» 1886 г. № 6—7) и «О классицизмѣ. Мысли Филарета московскаго и Иннокентія харьковскаго» («Странникъ», 1890 г. № 4). Статьи эти были вызваны извѣстнымъ классическимъ направленіемъ у насъ въ образованіи и представляютъ полемику съ крайними защитниками классической системы.

Наконецъ, среди литературныхъ трудовъ преосв. Никанора слѣдуетъ отмѣтить его интереснѣйшія автобіографическія воспоминанія. Большая часть этихъ воспоминаній вошла въ изданный родственникомъ преосв. свящ. С. Петровскимъ томъ «Біографическихъ матеріаловъ» (Архіеп. Никаноръ. Біографическіе матеріалы т. I. Одесса, 1900 г.). Здѣсь помѣщены статьи: 1) Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта-солиста» (первон. напеч. въ приложеніяхъ къ «Гражданину» за 1884 г.); 2) «Правда противъ хулы. (По поводу посмертной клеветы на почившаго въ Бозѣ митрополита Антонія, бывшаго новгор. и спб.») (первонач. напеч. въ «Странникѣ» за 1885 г.); 3) «Памятная записка. Прежде смерти умершій іеромонахъ Валеріанъ» (первон. напеч. въ «Рус. Обозр.», 1896 г. кн. 1—3 подъ заглавіемъ «Изъ исторіи ученаго монашества шестидесятыхъ годовъ»); 4) «Архіепископы Іоаннъ Доброзраковъ и Смарагдъ Крыжановскій» (нигдѣ больше не напечатано); 5) «Отрывокъ изъ автобіографіи» (нигдѣ больше не напечат.); 6) «Переѣздъ изъ Риги въ Саратовъ» (перв. напеч. въ «Рус. Обозр.», 1897 г. кн. 1—2); 7) «Распространеніе идей невѣрія въ Россіи со времени Петра Великаго» (нигдѣ больше не нап.); 8) «Кончина преосв. Евфимія, еписк. саратовскаго и царицын.» (напеч. въ «Странн.» за 1864 г.); 9) «Объ одеждѣ и волосахъ, вообще о внѣшнемъ видѣ священниковъ» (напеч. въ «Церк.-Общ. Вѣстн.» за 1879 г.). Всѣ эти воспоминанія относятся къ до-епископскому періоду жизни преосв. Никанора и чрезвычайно интересны для той эпохи. Къ епископскому періоду жизни относятся: «Моя хиротонія» («Рус. Архивъ» 1908 г. кн. 2); «Мой отъѣздъ изъ Новочеркасска въ Уфу» («Рус. Арх.» 1908 г. кн. 5); «Записки» преосв. Никанора, относящіяся ко времени присутств. въ Синодѣ («Рус. Арх.», 1906 г.). Кромѣ того, сохранились еще рукописныя записки преосв. Никанора, переданныя имъ покойному проф. Спб. академіи А. И. Пономареву, но до сихъ поръ не опубликованныя. Другія записки, писанныя имъ въ Саратовѣ, онъ самъ сжегъ.

Источниками для біографіи преосв. Никанора являются прежде всего вышеупомянутыя его автобіографическія сочиненія. Некрологи преосв. Никанора: въ „Церк. Вѣстн.“ 1891 г. № 1; „Церк. Вѣд.“ 1891 г. №№ 1, 2, 4; „Странникъ“ 1891 г. № 1; „Херсон. Еп. Вѣд.“ 1891 г. № 1—2.—Памяти въ Бозѣ почившаго Никанора, архіеп. херс. и од. Составлено и издано подъ ред. проф. Бѣляева. Казань 1891 г.—Н. Ѳ. Красносельцевъ, Никаноръ, архіеп. херсон. и одес. Одесса 1893 г.—Крыловъ, Памяти въ Бозѣ почившаго архіеп. Никанора, Новочерк. 1893 г.—Его-же, Архіеп. Никаноръ, какъ педагогъ, Новочерк. 1893 г.—Его-же, Воспоминаніе о митр. Платонѣ и викаріи его, еп. аксайскомъ Никанорѣ („Пастыр. Собес.“ 1893 г. май—іюль).—Зефировъ, Мои воспоминанія о преосв. Никанорѣ за время его пребыванія на Уфимской каѳедрѣ (1878—1884 г.), въ „Странн.“ 1893 г. и отд.—Послѣдніе дни пребыванія въ г. Уфѣ преосв. Никанора, изд. ред. „Уфим. Еп. Вѣд.“ 1884 г.—А. Зеленецкій, Къ біографіи преосв. Никанора („Истор. Вѣстн.“ 1891 г., кн. 2—3; 1905 г., авг.). Отзывы о лит. трудахъ Никанора: „Христ. Чт.“ 1861 г., іюнь; „Прав. Обозр.“ 1879 г., I, II, 1877 г. № 5; Иберъ-егъ, Ист. новой филос., Спб.

1890 г.; „Ист. Вѣстн.“ 1892 г. декабрь; 1898 г., 1904 г. авг. и мн. др.—Автобіогр. записки высокопр. Саввы, т. V. Прот. С. Петровскій, Одесскій Преображенскій, нынѣ каѳедральный соборъ, Одесса 1908 г., стр. 266—348.—П. В. Знаменскій, Исторія казанской духовной академіи (о ректорствѣ Никанора).—Терновскій, Историч. записка о состояніи казанской дух. академіи послѣ ея преобразованія(1870—1892 гг.), Каз. 1892 г., стр. 10—16.

Б. Т—въ.

Никита, святый, епископъ новгородскій, родомъ былъ кіевлянинъ, одинъ изъ первыхъ постриженниковъ Печерской обители. Подобно многимъ другимъ инокамъ печерскимъ того времени, Никита пожелалъ особеннаго подвига и заключился въ затворъ въ уединенной кельѣ. Въ Печерскомъ Патерикѣ передается подробная исторія искушеній, съ которыми ему пришлось бороться въ затворѣ. Въ 1096 году въ Новгородѣ скончался епископъ Германъ и на его мѣсто кіевскимъ митрополитомъ былъ избранъ св. Никита. Но и будучи епископомъ, Никита не прекращалъ подвиговъ благочестія, носилъ постоянно на тѣлѣ тяжелыя вериги. Въ Новгородѣ Никита святительствовалъ 13 лѣтъ и скончался 30-го января 1108 года. Мощи его открыты были въ 1558 году. Память его совершается 31-го янв. и 30-го апрѣля.

Печерскій Патерикъ; Е. Е. Голубинскій, Исторія рус. церкви, т. I, ч. 1, стр. 672;—Ключевскій, Житія святыхъ; П. И. Тихомировъ, Каѳедра новгор. святителей, т. I; Словарь историч. о святыхъ рус.; Е. Е. Голубинскій, Исторія канонизаціи святыхъ рус. церкви; Житія святыхъ на рус. яз., изложен. по руководству Четь-Миней св. Дим. Рост., кн. V, Москва, 1904 г.; Прот. І. Бухаревъ, Житія св., праздн. греко-росс. церковью, М. 1911 г.; Архим. Леонидъ, Святая Русь, Спб. 1891 г.; Житія святыхъ, составл. С. Дестунисъ, Спб. 1886. *Б. Т—въ.*

Никита, Столпникъ, преподобный Переяславскій, род. въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Въ юности онъ велъ жизнь невоздержную, но, пораженный однажды словами св. Писанія, оставилъ жену, дѣтей и имущество, удалился въ монастырь около Переяславля, надѣлъ на себя вериги и заключился въ столпъ. Умеръ мученической смертью, убитый разбойниками, которые приняли его блестящія желѣзныя вериги за серебрянныя. Время его кончины полагаютъ около 1189 г. Онъ погребенъ въ Переяславскомъ монастырѣ, названномъ въ честь его Никитскимъ. Мощи его обрѣтены въ 1556 г. и почиваютъ въ названномъ монастырѣ подъ спудомъ. Память его совершается 24-го мая.

В. О. Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 43, 50.—Макарій, Ист. рус. церкви, III, 56—59;—А. Титовъ, Никитскій монастырь—въ Ист. Вѣстн. 1886 г. іюнь; Переяславль-Залѣсскій. Никитскій монастырь. Матеріалы для его исторіи XVII и XVIII ст. М. 1888 г.; А. П. Кадлубовскій, Очерки изъ ист. др.-рус. житій святыхъ въ „Рус. Филол. Вѣстн.“ 1898 г. кн. 3—5;—Словарь ист. о св. рус.;—Е. Е. Голубинскій, Исторія канонизац. св. р.; Переяславскій Никитскій монастырь и его подвижникъ препод. Никита Столпникъ, Владиміръ 1897 г.; Житія свят. на рус. яз., изд. синод. тип., кн. IX, М. 1908; Житія святыхъ, сост. С. Дестунисъ; Архим. Леонидъ, Святая Русь, Спб. 1891.

Б. Т—въ.

Никита Пустосвятъ,—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ расколоучителей и начальныхъ вождей раскола. Его полное имя было Никита Константиновъ Добрынинъ. О жизни его до выступленій противъ никоновскихъ новшествъ ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ былъ соборнымъ попомъ въ г. Суздалѣ. Впервые онъ выступаетъ въ скоромъ времени послѣ удаленія патр. Никона съ патріаршаго престола, выступаетъ онъ въ роли челобитчика на суздальскаго архіеп. Стефана, одного изъ ревностныхъ приверженцевъ п. Никона, повидимому искренно сочувствовавшаго его церковнымъ преобразованіямъ.

Въ 1659 году въ Москвѣ были поданы доносы спасоевфиміевскаго архимандрита Аврамія и соборнаго попа Никиты Константинова на суздальскаго архіеп. Стефана (обширное дѣло объ этомъ хранится въ синодальной библіотекѣ). Никита обвинялъ Стефана въ томъ, что онъ «служитъ божественную литургію не по преданію св. Апостолъ, и пасетъ церковь Божію не по правиламъ св. отецъ, честнымъ иконамъ и церквамъ и всякой святыни ругается, учитъ священный чинъ и всѣхъ христіанъ не отъ божественнаго писанія». При этомъ приложена была и «Роспись, что Стефанъ архіепископъ дѣлаетъ въ Суздалѣ не по правиламъ св. отецъ». Каковъ былъ характеръ никитиныхъ обвиненій, видно изъ того, что онъ, напримѣръ, ставилъ въ вину архіепископу, что тотъ дозволяетъ священникамъ въ одной епитрахили входить въ царскія двери и, стоя на амвонѣ во время трисвятого, держать крестъ въ лѣвой рукѣ,

а свѣчу въ правой. По данному доносу было назначено слѣдствіе, которое производили вятскій еп. Александръ, чудовскій архим. Павелъ и богоявленскій архим. Кипріанъ. Архіеп. Стефанъ объяснилъ имъ, что тѣ новшества, въ какихъ обвиняютъ его, дѣлаются по указанію бывшаго патр. Никона. Однако, слѣдователи, повидимому, не нашли виновнымъ и Никиту за его неправильный доносъ, потому что Никита былъ свободно отпущенъ въ Суздаль безъ всякаго наказанія. Но въ Суздалѣ его ждало возмездіе отъ Стефана: Стефанъ отрѣшилъ его отъ соборной церкви и лишилъ всякаго дохода. Никита пробовалъ самоуправствомъ противиться распоряженію архіепископа. Когда архіеп. прислалъ свою грамоту объ отрѣшеніи Никиты и приказный велѣлъ читать ее въ соборной церкви, то Никита грамоту у подъячаго вырвалъ и разорвалъ, не давъ ее прочесть, а самъ продолжалъ пользоваться церковнымъ доходомъ и поносить архіепископа, какъ еретика и измѣнника. Въ скоромъ времени въ Москву поступили двѣ жалобы. Одна отъ сузд. попа Никиты, на неправильное будто бы распоряженіе архіеп. Стефана, съ приложеніемъ новыхъ на него обвиненій; другая — отъ архіепископскаго управленія, обвинявшая Никиту въ буйствѣ, самоуправствѣ, поношеніи архіерея и проч. Снова было назначено слѣдствіе. Для слѣдствія прибылъ еп. Александръ вятскій съ патріаршимъ дьякомъ Парѳеніемъ Ивановымъ. Слѣдователи были не расположены къ Стефану. Послѣдній былъ сторонникомъ Никона, между тѣмъ еп. Александръ оказался потомъ защитникомъ расколоучителей, а о дьякѣ Ивановѣ тоже извѣстно, что онъ дружественно бесѣдовалъ съ Никитою о сугубой аллилуіи. Поэтому слѣдствіе, видимо, велось не безпристрастно. Для суда надъ архіеп. Стефаномъ былъ собранъ въ 1660 году соборъ, который сначала приговорилъ его къ лишенію сана, а потомъ, послѣ Стефановыхъ доказательствъ, что онъ во всемъ слѣдуетъ церковной практикѣ Никона, все-таки постановилъ запретить архіепископу архіерейская дѣйствовать и послать его въ монастырь подъ началъ у добраго старца. Отцы собора, очевидно, были далеки отъ симпатій къ Никону, и готовы были оправдать Никиту, низложивъ его противника. Однако, царь Алексѣй Михайловичъ, горячій сторонникъ никоновскихъ нововведеній, не согласился съ соборнымъ рѣшеніемъ. Онъ предложилъ собору вновь пересмотрѣть дѣло, сказавъ, что за проступки архіепископа противъ царя онъ его прощаетъ, а за духовныя вины они, власти бы «судили и прощали по правиламъ, потому что отъ простыхъ рѣчей прозябаютъ ереси; а попа Никиту чтобъ отослали подъ градской судъ». Тогда собору пришлось перерѣшить дѣло. Архіеп. Стефана не лишили архіерейскихъ прерогативъ, но уволили отъ епархіи и опредѣлили быть у москов. Архангельскаго собора. Что касается Никиты, то неизвѣстно, какое градское наказаніе его постигло. Извѣстно только, что по духовному суду за ложные извѣты на Стефана ему опредѣлили наказаніе — церковное отлученіе.

Такъ кончилось для Никиты его первое выступленіе противъ никоновскихъ новшествъ. Церковная кара, наложенная на Никиту, видимо, тяготила послѣдняго. Сохранилась челобитная Никиты къ царю Алексѣю Михайловичу, писанная, судя по ея содержанію, въ началѣ 1666 г. Въ этой челобитной Никита говоритъ, что онъ седьмой годъ литургіи не служитъ и безъ причащенія пребываетъ и, боясь смертнаго грѣха, каждый годъ обращался къ государю и святителямъ о разрѣшеніи, но «указу мнѣ нѣтъ». И на этотъ разъ Никита проситъ опять, чтобы царь его пожаловалъ, велѣлъ архіереямъ снять съ него запрещеніе, наложенное за доносы на Стефана, при чемъ повторяетъ свои прежнія утвержденія, что на Стефана онъ жаловался справедливо, почему Стефанъ инаказа нъ. Однако, едва ли и эта челобитная Никиты имѣла успѣхъ. Почти въ то же самое время, какъ Никита писалъ свою челобитную о разрѣшеніи, завязывалось новое дѣло о немъ, за которое онъ скоро предсталъ на судъ. Поэтому нѣтъ основаній думать, что онъ получилъ просимое разрѣшеніе.

Поводомъ къ новому дѣлу послужила извѣстная Никитина челобитная противъ новоисправленныхъ книгъ. Въ дѣяніяхъ московскаго собора 1666 г. говорится, что эта челобитная была подана Никитою царю Алексѣю Михайловичу. Но судя по имѣющимся даннымъ, дѣло происходило иначе. Самъ Никита въ послѣдующемъ своемъ прошеніи о помилованіи говоритъ,

что онъ писалъ свою челобитную въ 174 году, т. е. значитъ въ 1666 (сентябрьскомъ) году. Затѣмъ тутъ же онъ говоритъ, что челобитная была взята у него недописанной и неисправленной, отчасти вчернѣ, и дописать и исправить ея ему не дали, а арестовали его и отправили въ Москву. Возникло же дѣло о челобитной около марта 1666 г. Изъ обстоятельствъ написанія челобитной еще извѣстно слѣдующее. По свидѣтельству раскольническаго писателя Саввы Романова, современника Никиты, послѣдній впослѣдствіи свидѣтельствовалъ, что онъ писалъ свою челобитную семь лѣтъ. Изъ другого свидѣтельства видно, что челобитную Никита давалъ читать нѣкоторымъ лицамъ, какъ напримѣръ дьякону Ѳеодору, еще въ декабрѣ или до декабря 1666 г. (сентябрьскаго). Отсюда получается такая картина составленія знаменитой челобитной. Литературнымъ обличеніемъ никоновскихъ новшествъ суздальскій попъ задумалъ, видимо, заняться еще тогда, когда онъ изобличалъ суздальскаго архіепископа Стефана. Шесть-семь лѣтъ трудился онъ надъ таковымъ обличеніемъ и, наконецъ, въ началѣ тогдашняго сентябрьскаго 1666 г. или въ концѣ январскаго 1665 г. сочиненіе было у него вчернѣ готово, а въ большей части переписано и набѣло (потому что въ сохранившемся подлинникѣ бо́льшая часть переписана на чисто). Въ такомъ видѣ, должно быть по мѣрѣ переписки, Никита давалъ свое произведеніе для чтенія своимъ суздальскимъ знакомымъ. Слухи о Никитиной челобитной стали распространяться и дошли до Москвы. Правительство нарядило слѣдствіе; въ декабрѣ 1665 г. (нашего) у суздальскаго діакона Ѳедора уже спрашивали о никитиномъ произведеніи, съ которымъ онъ былъ знакомъ. Предварительныя свѣдѣнія, очевидно, заставили правительство обратить вниманіе на суздальскаго попа и около марта 1666 г. его арестовали, забрали его рукописи и привезли въ Москву.

Никитина челобитная, называемая раскольниками великой за ея величину (она дѣйствительно весьма пространна: въ печатномъ изданіи занимаетъ 178 стран.), а отчасти и за ея содержаніе, представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ первоначальной исторіи раскола. Она написана въ обличеніе никоновскихъ «новшествъ» и озаглавливается въ печатн. изд. такъ: «Суздальскаго соборнаго попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексѣю Михайловичу на книгу Скрижаль и на новоисправленныя церковныя книги». Какъ видно изъ этого заглавія, ближайшимъ образомъ свои обличенія Никита направляетъ противъ «Скрижали». Книга Скрижаль была издана при патріархѣ Никонѣ по слѣдующему случаю. Желая дать не только новоисправленныя церковныя книги, но и толкованіе на литургію и другіе церковные обряды, патр. Никонъ велѣлъ перевести въ 1655 г. съ греческаго языка присланную изъ Греціи книгу «Скрижаль». Переводъ былъ напечатанъ уже въ октябрѣ 1655 г. Но выпущенъ въ свѣтъ онъ былъ позже. Никонъ желалъ, чтобы новая книга получила соборное одобреніе. Самая книга была еще дополнена нѣсколькими статьями. Именно, здѣсь напечатаны были посланіе къ Никону конст. патр. Паисія съ отвѣтами относительно нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ; нѣсколько статей по вопросамъ о крестномъ знамени и символѣ вѣры, въ защиту никоновскихъ исправленій, обращеніе Никона къ греческимъ іерархамъ въ Москвѣ въ 1656 г. по вопросу о крестномъ знамени и ихъ отвѣты (противъ двоеперстія). Въ такомъ видѣ книга «Скрижаль» была читана на московскомъ соборѣ 1656 г. (апрѣль—іюнь), была имъ одобрена, какъ «безцѣнное сокровище» и подписана всѣми отцами собора. Послѣ этого она была выпущена въ свѣтъ. «Скрижаль» представляетъ изъ себя какъ бы собраніе и апологію всѣхъ главнѣйшихъ никоновскихъ нововведеній. Потому, естественно, она обратила на себя особое вниманіе ревнителей старины и подвигла суздальскаго Никиту на трудъ литературнаго опроверженія. Сущность послѣдняго заключается въ томъ, что Никита разсматриваетъ всѣ измѣненія въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, произведенныя при Никонѣ, находитъ ихъ неправильными и исполненными всѣхъ ересей — жидовской, римской, несторіанской, аполлинаріевой и проч. и проч., подтверждая свои мысли свидѣтельствами св. писанія и отцовъ и учителей церкви. До изданія никитиной челобитной Н. Субботинымъ въ «Матеріалахъ для исторіи раскола» (т. IV) въ нашей литературѣ о

ней высказывалось мнѣніе, какъ о невѣжественномъ, голословномъ и безсодержательномъ раскольническомъ писаніи. Но такой взглядъ основывался на томъ, что полностью челобитная не была извѣстна, а знали ее почти исключительно по опроверженіямъ ея еще писателями XVII в., далеко не исчерпывавшимъ ея содержанія. Издатель же полной челобитной, извѣстный знатокъ раскола, Субботинъ считаетъ справедливымъ высказать такое мнѣніе о Никитиномъ писаніи: «Челобитная Никиты не только не бѣдна содержаніемъ, и не лишена доказательствъ, но отличается, напротивъ, обиліемъ собранныхъ противъ церкви обвиненій, и почти всѣ они подкрѣплены своего рода доказательствами, а доказательства наиболѣе важныхъ раскольническихъ обвиненій противъ церкви собраны и изложены даже съ немалымъ тщаніемъ и искусствомъ Вообще, по начитанности (разумѣется, въ неширокой области излюбленной раскольниками литературы), по находчивости, или изворотливости ума и по способности излагать свои мысли простымъ и яснымъ, но вмѣстѣ выразительнымъ и даже иногда сильнымъ языкомъ, Никита можетъ занять мѣсто на ряду съ такими замѣчательными раскольническими писателями, какъ протопопъ Аввакумъ и дьяконъ Ѳеодоръ. Правда, въ Никитиной челобитной нерѣдко встрѣчаются замѣчанія, основанныя на одномъ непониманіи текста новопечатныхъ книгъ, или на извращеніи ихъ смысла, и, повидимому, несомнѣнно обличающія невѣжественность сочинителя (какъ, напр., о неношеніи креста, о невѣріи въ воскресенье Христово, о молитвѣ духу лукавому и др.); но не должно забывать, что такого рода невѣжественность была общею принадлежностью раскольническихъ писателей перваго времени и объясняется не столько ихъ дѣйствительною необразованностью, еще менѣе — скудоуміемъ, недостаткомъ разумѣнія, сколько усиленнымъ стремленіемъ въ каждомъ измѣненіи буквы старыхъ книгъ и въ каждомъ неясномъ выраженіи книгъ новопечатныхъ (какими особенно изобилуетъ «Скрижаль»), отыскать ересь, нарушеніе древнеотеческой вѣры».

Въ мартѣ 1666 г. московскій соборъ, разсматривавшій дѣло раскольниковъ, судилъ и Никиту за его дерзновенное писаніе. Челобитная Никиты была прочитана на соборѣ, и 5-е дѣяніе собора перечисляетъ главнѣйшія «хулы и гажденія», которыя написалъ Никита «въ своемъ богомерзкомъ свитцѣ». Никиту спрашивали, ему ли принадлежитъ это произведеніе и поддерживаетъ ли онъ его содержаніе. Никита не отрекся и подтвердилъ свои убѣжденія. Тогда архіереи начали ему «отверзати умная очеса и являти его невѣжества, толковати же божественныхъ писаній трудности». Но Никита не убѣдился. «Онъ же окаянный,—говоритъ соборное дѣяніе,—уподобися аспиду, затыкающему ушеса своя на гласъ обаваюшаго. Не хотѣ и слушати архіерейскихъ увѣщаній, но гордостью діавольскою напыщенъ бывъ, глагола единаго себе искусньша быти божественныхъ писаній, неже вси архіереи. Обаче они, яко добріи врачеве презирающе и забывающе вся укоризны и руганія его нестерпимая, не преставша его молити же и увѣщати ко обращенію: но и тако ефіопа мыша». Видя Никитино «ожесточеніе», соборъ постановилъ отлучить его отъ церкви, предать анаѳемѣ его и его писанія и сослать его въ Никольскій Угрѣшскій монастырь, что и было исполнено. Что касается Никитиной челобитной, то соборъ обратилъ на нее особенное вниманіе, должно быть потому, что она пользовалась популярностью среди раскольниковъ. Соборъ поручилъ ученому греку Паисію Лигариду, газскому митрополиту, составить опроверженіе на челобитную Никиты. Такъ какъ Паисій не зналъ русскаго языка, то челобитная была переведена для него на латинскій языкъ, но, повидимому, не въ полномъ видѣ, а въ сокращенномъ. На латинскомъ же языкѣ Паисій написалъ и опроверженіе, помѣстивъ возраженіе на 31 пунктъ Никитиныхъ обвиненій. Произведеніе Лигарида было переведено на рус. языкъ Симеономъ Полоцкимъ. Сочиненіе Паисія не удовлетворило, однако, собора, быть можетъ потому, что оно написано въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, безъ достаточной обосновки (подл. рук. Паисія въ библ. москов. дух. акад.). Соборъ поручилъ составить другое сочиненіе уже Симеону Полоцкому. Порученіе это было скоро исполнено (начавъ свой трудъ 18-го мая 1666 г., Симеонъ окончилъ его 13-го іюля). Симеонъ написалъ опроверженіе и на Никиту и на челобитную другого раскольчителя—попа Лазаря, причемъ разборъ Никитиной челобитной занимаетъ

у него первую часть и состоитъ изъ 30 «возобличеній» на Никитины «обличенія» (хотя это число далеко не исчерпываетъ всѣхъ пунктовъ челобитной). При составленіи своего труда Симеонъ, видимо, пользовался и сочиненіемъ Паисія. Книга Симеона была разсмотрѣна и одобрена соборомъ, который постановилъ издать ее отъ своего имени, какъ соборное произведеніе, подъ заглавіемъ: «Жезлъ правленія, утвержденія, наказанія и казненія, сооруженный отъ всего освященнаго собора... въ лѣто 7174, мѣсяца маіа, въ 7-й день» (повидимому, день порученія Симеону). Изданіе книги, впрочемъ, задержалось. Она напечатана, по благословеніи восточныхъ патріарховъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1666 г., уже въ серединѣ 1667 г. Опроверженіе на Никиту составляетъ первую часть «Жезла». Въ одномъ сборникѣ XVII в., хран. въ Синод. библіотекѣ (№ 372), есть еще одно сочиненіе противъ Никитиной челобитной, подъ заглавіемъ: «О крестномъ знаменіи. Сія книга на Никиту попа». Весьма возможно, что и это опроверженіе написано во время соборовъ 1666—1667 гг.

Стойкость Никиты противъ церковной власти, однако, была непродолжительна. Въ скоромъ же времени послѣ соборнаго приговора надъ нимъ, онъ начинаетъ посылать изъ мѣста своей ссылки—Угрѣшскаго монастыря – слезныя прошенія о прощеніи, съ выраженіемъ своего раскаянія. Послѣ первой такой просьбы игумену Угрѣш. м. Викентію было поручено испытать искренность Никитина покаянія, что и было исполнено въ началѣ іюня 1666 г. Затѣмъ сохранились еще три покаянныхъ свитка Никиты (всѣ эти челобитныя напечатаны въ «Матеріалахъ для исторіи раскола т. IV), съ такими же слезными мольбами. Во всѣхъ нихъ Никита отрекается отъ своихъ прежнихъ заблужденій и признаетъ новопечатныя книги, русскихъ и восточныхъ іерарховъ и патр. Никона православными, а свои прежнія мнѣнія—навожденіемъ діавола. Послѣдній свитокъ, повидимому, былъ читанъ Никитою публично на площади, въ качествѣ публичнаго покаянія. Соборъ повѣрилъ искренности раскаянія Никиты, простилъ его и принялъ въ общеніе съ церковью, что случилось въ томъ же 1666 г. Но соборъ ошибся: Никита, каялся вовсе не искренно, а лицемѣрно, «за срубомъ и мечемъ», какъ говорилъ онъ самъ впослѣдствіи; въ душѣ онъ остался истымъ раскольникомъ, что и сказалось въ его дальнѣйшемъ историческомъ выступленіи.

Послѣ собора 1666—1667 гг. имя Никиты на время почти совсѣмъ исчезаетъ съ историческаго горизонта. Гдѣ пребывалъ онъ и что дѣлалъ, положительно неизвѣстно. Но изъ послѣдующихъ событій видно, что онъ вращался въ раскольническихъ кругахъ, пользовался въ средѣ раскольниковъ извѣстностью и уваженіемъ, какъ замѣчательно книжный человѣкъ, и жилъ, повидимому, въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ въ послѣдней застаютъ его событія 1682 года. Эти событія и составляютъ тотъ историческій моментъ, который снова выдвинулъ Никиту на публичную арену. Бывшій суздальскій попъ явился однимъ изъ главныхъ, и даже, пожалуй, главнымъ вождемъ извѣстнаго раскольническо-стрѣлецкаго бунта въ іюлѣ 1682 г.

Когда послѣ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича управленіе московскимъ государствомъ перешло въ руки царевны Софьи, достигшей власти съ помощью стрѣльцовъ, то силою послѣднихъ задумалъ воспользоваться для своихъ цѣлей тотъ классъ недовольныхъ, который образовался у насъ въ лицѣ раскольниковъ. Среди стрѣльцовъ было много послѣдователей стараго обряда; на нихъ и задумали опереться руководители раскола, прекрасно понявшіе благопріятность для нихъ наступившаго момента. По свидѣтельству Саввы Романова, уже черезъ три дня послѣ кроваваго 15-го мая 1682 г. въ стрѣлецкомъ Титовомъ полку происходили совѣщанія, какъ бы «въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру возобновити». Стали искать такихъ людей, кто умѣлъ бы челобитную сложить «и отвѣтъ дать патріарху и властямъ отъ божественныхъ писаній». И дѣйствительно, такіе люди оказались. Во-первыхъ, «обрѣли» нѣкоего «новаго Илью», ревнителя отеческихъ преданій, инока Сергія, который и сталъ сначала во главѣ движенія. Подъ его руководствомъ и съ его благословенія нѣсколько стрѣлецкихъ грамотѣевъ написали челобитную о старой вѣрѣ «отъ божественныхъ писаній». Собрались стрѣльцы и посадскіе люди, конечно изъ числа сочувствующихъ старой вѣрѣ, послушали вновь написанную челобитную и пришли въ умиленіе отъ ея содержанія:

«такового слогу и толика описанія ересей въ новыхъ книгахъ»,—говорили слушатели,—мы «во днѣхъ своихъ не слыхали». Пошли съ челобитной къ начальнику стрѣльцовъ, князю Ивану Андреевичу Хованскому, сочувствовавшему раскольникамъ, и разсказали ему, въ чемъ дѣло. Хованскій охотно взялся поддерживать ревнителей «отеческихъ преданій», но онъ не очень надѣялся на «новаго Илію»—Сергія. Сколько ни искусенъ былъ тотъ въ божественныхъ писаніяхъ, бояринъ находилъ его неподходящимъ апологетомъ челобитной предъ духовными властями. «Вижу тя инока, отче, смиренна, тиха и немногословна,— говорилъ Хованскій,—и не будетъ тя съ таковое великое дѣло, надобно противъ ихъ ученому человѣку отвѣтъ держати». Сергій пробовалъ увѣрять въ своей правоспособности, но тутъ его сотоварищи вспомнили, что у нихъ есть такой человѣкъ, какого желалъ князь. То былъ суздальскій Никита. Какъ только услышалъ Хованскій это имя, какъ съ радостью ухватился за новаго «адаманта». «Знаю я того священника гораздо,—сказалъ онъ; противу того имъ нечего говорить; тотъ уста имъ заградитъ, и прежде сего ни одинъ отъ нихъ противу его не можаше стати, но яко листвіе падоша». Такимъ престижемъ пользовался Никита. Съ этого момента онъ собственно и дѣлается вождемъ стрѣльцовъ въ ихъ «стояніи» за старую вѣру.

Раскольники торопились своимъ дѣломъ. 25-го іюня предстояло вѣнчаніе на царство царей Петра и Іоанна, и ревнители старой вѣры непремѣнно хотѣли, чтобы цари вѣнчались «по старому». Они поэтому требовали, чтобы какъ можно скорѣе былъ соборъ для преній о вѣрѣ, изъ которыхъ они надѣялись выйти побѣдителями. По уговору съ Хованскимъ, первоначально соборъ и былъ назначенъ на пятницу 23-го іюня. Взялъ отецъ Никита честной крестъ, Сергій—евангеліе, Савватій—икону страшнаго суда и пришли они въ назначенный срокъ къ Красному крыльцу. Собралось множество народа. Вышелъ Хованскій. На вопросъ о цѣли прибытія Никита за всѣхъ отвѣчалъ, что пришли они «великимъ государемъ побить челомъ о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы велѣли патріарху и властемъ служити по старымъ служебникамъ, также и книги всѣ бы были во святыхъ церквахъ старыя и служили бы на 7-ми просфорахъ» съ изображеніемъ истиннаго креста. А если патріархъ не согласится на эти требованія, то Никита требовалъ указать, какія ереси содержатся въ старыхъ книгахъ и за что онѣ отвергнуты, обѣщаясь въ свою очередь «въ конецъ обличить» «многія ереси и всякія затѣи» новыхъ книгъ. Раскольники горѣли желаніемъ состязаться съ православными властями. Но патріархъ постарался отсрочить это состязаніе. У Никиты и его сотоварищей взяли челобитную, которую, впрочемъ, возвратили назадъ по просьбѣ раскольниковъ) и обѣщали ее разсмотрѣть. Хованскій успокаивалъ отцовъ, говоря, что дѣло отсрочено до среды и пусть приходятъ въ среду. Никита безпокоился все на счетъ вѣнчанія: какъ же будутъ вѣнчать государей—по новому или по старому. Хованскій завѣрялъ его, что онъ велитъ патріарху служить по старому и для большаго успокоенія Никиты поручилъ ему даже принести свои просфоры для литургіи со старымъ крестомъ. Отецъ Никита такъ и сдѣлалъ. Заказалъ онъ одной благочестивой вдовицѣ испечь просфоры и утромъ въ воскресенье отправился съ узелкомъ въ соборъ. Но на торжество вѣнчанія собрались массы народа изъ окрестностей; толпы заливали Кремль и окружающія мѣста. Никита тщетно проталкивался къ собору; его не пустили. Пришлось вернуться домой съ просфорами, которыя и раздали «вѣрнымъ, благословенія ради». Вѣнчаніе было совершено, конечно, не по указкѣ раскольниковъ.

Между тѣмъ, духовныя власти принимали свои мѣры, чтобы лишить раскольниковъ поддержки стрѣльцовъ. По свидѣтельству Саввы Романова, одного изъ участниковъ событій, патріархъ послалъ за выборными стрѣлецкихъ полковъ, велѣлъ угощать ихъ, дарилъ подарками, уговаривая не защищать «старой вѣры». Вслѣдствіе ли этихъ мѣръ, или и само по себѣ, когда стали собирать подписи подъ челобитной въ полкахъ, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обнаружилось разногласіе. Одни хотѣли подписываться, а другіе не хотѣли, говоря, что зачѣмъ имъ руки прикладывать, когда они отвѣтъ давать патріарху и властямъ все равно не умѣютъ, а за православную вѣру стоять они рады и безъ рукоприкладства. На томъ и порѣшили: подать челобитную безъ

подписей, но «отъ лица всѣхъ православныхъ христіанъ». Челобитная была большая, на 20 столбцахъ. Въ среду 28-го іюня стрѣлецкіе выборные и посадскіе отправились къ Хованскому спрашивать, когда же отцамъ приходить на соборъ. О разногласіяхъ въ средѣ стрѣльцовъ уже было извѣстно. По приказанію государей, Хованскій трижды спрашивалъ выборныхъ, всѣ ли полки заодно хотятъ стоять за вѣру. Выборные, однако, отвѣтили, что всѣ. Тогда ихъ послали, вмѣстѣ съ Хованскимъ, къ патріарху, куда отправились и ревнители старой вѣры изъ посадскихъ. Пока князь переговаривался съ патріархомъ, выборныхъ пригласили на патріаршій погребъ и хорошо угостили. Изъ погреба выборные вернулись пьяными и стали подсмѣиваться надъ ревнителями, какъ то они станутъ отвѣчать патріарху и властямъ. Когда вышелъ патріархъ къ собравшимся, выборные подошли къ нему подъ благословеніе. Ревнители увидѣли, что на нихъ плохая надежда. Затѣмъ произошла бесѣда патріарха и архіереевъ съ собравшимися, принявшая характеръ преній. Выборные выставили для отвѣта посадскихъ ревнителей—Павла Даниловца, Павла Захарова и Савву Романова. Впрочемъ, на этотъ разъ ни на чемъ не рѣшили и соборъ былъ отсроченъ до слѣдующей среды.

Народъ въ Москвѣ, подъ вліяніемъ раскольнической агитаціи, волновался. Побили камнями посланнаго патріархомъ для проповѣди въ народѣ въ защиту троеперстія попа Савву, избили другого инока. Духовенство начало бояться. Въ среду 5-го іюля, стрѣлецкіе выборные уже не пошли предварительно къ Хованскому, боясь новой проволочки, а прямо велѣли отцамъ идти на соборъ. Благословившись у Никиты, забравши свои кресты, иконы и книги, отправились отцы въ Кремль; туда же направились стрѣльцы и собралось множество народа. Раскольники устроились около Архангельскаго собора. Патріархъ съ духовенствомъ молился въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ службы онъ выслалъ одного протопопа читать передъ народомъ нарочно для этого напечатанное обличеніе на Никиту, съ изложеніемъ исторіи его прежняго покаянія собору 1666 г. и данныхъ имъ обѣщаній впредь не бить челомъ о старой вѣрѣ. Но протопопа стрѣльцы избили и не дали ему читать обличеніе. Раскольническіе учители поучали народъ, читая разныя раскол. тетради. Толпа наэлектризовывалась и волновалась. Между тѣмъ раскольники требовали, чтобы пренія происходили на площади, предъ всѣмъ народомъ. Однако, правительница на это не согласилась. Не согласилась она оставить также и одно духовенство въ Грановитой палатѣ, гдѣ рѣшено было устроить «соборъ», не смотря на уговоры Хованскаго. Въ Грановитой палатѣ собрались царевны—Софья Алекс., Марья Алексѣевна, Татьяна Михайловна, царица Наталья Кирилловна, патріархъ, архіереи и выборные стрѣльцы. Сюда же вошли съ своими аналоями, свѣчами, книгами, иконами и крестами раскольническіе отцы. Раскольники вошли съ съ шумомъ и предъ входомъ съ Никитою вышелъ скандалъ. Едва Никита вступилъ на красное крыльцо, какъ одинъ изъ православныхъ священниковъ ухватилъ его за волосы. Стрѣльцы отняли Никиту и начали бить правосл. священниковъ. Страсти, какъ видно, разгорались и пренія обѣщали быть рѣзкими. Такъ дѣйствительно и было. Раскольники, во главѣ съ Никитою, объяснялись и вели себя дерзко. На вопросъ патріарха, зачѣмъ они пришли, Никита отвѣчалъ: «Пришли къ царемъ государемъ побить челомъ о исправленіи православныя христіанскія вѣры, чтобы царское свое праведное разсмотрѣніе дали съ вами, новыми законодавцы, и чтобъ церкви Божіи были въ мирѣ и соединеніи, а не въ мятежи и раздраніи, и служба была бы въ церкви Божіей, какъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ служили по старымъ служебникамъ». Патріархъ указалъ раскольникамъ, что не дѣло ихъ, простолюдиновъ заниматься церковнымъ исправленіемъ и порицать высшихъ пастырей, что всѣ исправленія церковныхъ книгъ сдѣланы на основаніи греческихъ и харатейныхъ русскихъ книгъ по грамматикѣ, а они грамматикѣ не учились. Но на это Никита заявилъ: «Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, но о церковныхъ догматахъ и поговорить съ тобою краткими глаголы, и азъ о чемъ тебя вопрошу, ты же ми отвѣтъ дай. Чесо ради, егда вы литургію служите и на выходъ выйдешь, взявъ честный животворящій крестъ Христовъ въ лѣвую руку, а тройную свѣщу въ правую руку, и машешь обѣма рукама крестообразно на всѣ стороны? Почему свѣща и огнь

честнѣе креста Господня, и что прообразуетъ огнь и свѣща»? Вотъ что волновало Никиту. Патріархъ Никитѣ ничего не отвѣтилъ, должно быть просто потому, что слишкомъ мелоченъ былъ вопросъ. Вмѣсто него пробовалъ говорить холмогорскій архіерей. Но Никита съ яростью набросился на послѣдняго съ поднятою рукою, закричавъ: «что ты нога выше главы славишися, я не съ тобою говорю, но съ святѣйшимъ патріархомъ!» и при этомъ онъ, повидимому, ударилъ епископа Аѳанасія (хотя Савва Романовъ осторожно говоритъ: «отведе его мало рукою»). Никиту оттащили отъ архіерея. Царевна Софья въ гнѣвѣ поднялась съ трона и гнѣвно проговорила: «Видите ли, что Никита дѣлаетъ въ нашихъ очахъ, архіерея бьетъ, а безъ насъ и давно убьетъ». Раскольники заговорили, что Никита не билъ, а лишь отвелъ рукою мало... Но царевна продолжала суровую рѣчь. Она напомнила Никитѣ, что онъ при Алексѣѣ Мих. (на соборѣ 1666 г.) принесъ публичную челобитную о прощеніи, а теперь снова берется за то же дѣло. Никита возразилъ, что онъ челобитную тогда принесъ «за мечомъ и за срубомъ» и что противъ его челобитной ему никто отвѣту не далъ, а въ «Жезлѣ» Симеона Полоцкаго и противъ пятой части отвѣта нѣтъ, и предлагалъ тутъ же опровергнуть «Жезлъ». Царевна, однако, не захотѣла съ Никитой разговаривать: «Нѣтъ тебѣ дѣла говорить съ нами,—молвила она,—и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быть». Начали читать раскольническую челобитную. Чтеніе нѣсколько разъ прерывалось выраженіемъ гнѣва царевны и объясненіями. Царевна вскакивала съ трона при наиболѣе дерзкихъ и рѣзкихъ выпадахъ челобитной, а разъ даже встала и направилась къ выходу, угрожая совсѣмъ оставить царство (когда читали о прельщеніи царя Алексѣя Михаиловича Никономъ еретикомъ); едва уговорили ее Хованскій, бояре и выборные. Съ Никитою Софья не хотѣла разговаривать, такъ что когда тотъ выступилъ съ объясненіями по одному вопросу, царевна запретила ему говорить и велѣла говорить Сергію. Патріархъ и духовенство пробовали доказывать раскольникамъ ложность ихъ обвиненій и опровергать ихъ мнѣнія. Но тѣ и слушать ничего не хотѣли. По окончаніи чтенія, видя безплодность преній, Софья встала съ престола и обратилась къ «людямъ», чтобы они не слушали ревнителей ложнаго «православія». Но раскольники кричали, что они умереть готовы за старый крестъ. Тогда царевна попробовала переговорить особо съ выборными. Отойдя въ сторону, она позвала ихъ къ себѣ и начала говорить: «Видите ли, свѣты, какую хулу возлагаютъ на отца нашего... Они называютъ Арсенія старца еретикомъ, и Никона патріарха; и потому и отецъ нашъ и братъ тако же еретики стали, да и мы таковы, и вамъ, свѣты, надобно за то дѣло стоять. Да и въ томъ крестъ цѣловали великимъ государямъ, что за нашъ царскій домъ стоять». Однако, выборные, въ присутствіи «отцовъ», были не податливы. Они пробовали оправдывать раскольническихъ вождей. Тогда Софья поняла, что такимъ путемъ со стрѣльцами не сговориться, и распустила собраніе, велѣвъ имъ идти съ миромъ. Царевна и духовенство удалились изъ палаты, назначивъ быть собору въ пятницу.

Никита и другіе ревнители старой вѣры торжествовали. Съ ликованіями вышли они изъ кремля, подъ охраной стрѣльцовъ. На лобномъ мѣстѣ толпамъ народа читали «отъ божественныхъ писаній» во обличеніе никоновскихъ ересей. Въ толпѣ говорили, что государи цари приказали по старому креститься. Пошли за Яузу къ Всемилостивѣйшему Спасу, служили молебенъ, звонили въ колокола. «Отцы» отправились въ домъ, гдѣ прежде пребывали. Но торжество было непродолжительно. Правительство увидѣло, какіе угрожающіе размѣры принимаетъ раскольническое движеніе, и употребило всѣ средства подавить его. Софья позвала къ себѣ стрѣлецкихъ выборныхъ и угощеніемъ, дарами и почестями для нѣкоторыхъ склонила ихъ отказаться отъ расколоучителей и не промѣнять царскій дворъ, всѣхъ властей, и все государство россійское «на шестерыхъ чернецовъ». Выборные не устояли предъ царскими милостями и сказали, что не ихъ дѣло стоять за старую вѣру, а дѣло патріарха и освященнаго собора. На совѣщаніи выборныхъ рѣшено было «отказать во всемъ старцамъ и посадскимъ». Рядовые стрѣльцы сначала было будировали и грозили выборнымъ расправиться за измѣну древнему благочестію. Но ихъ по очереди пригласили на царское угощенье, выставивъ на 10 человѣкъ по

ушату пива и мѣркѣ меду, и они о старой вѣрѣ «и думать перестали». Угостившись, они набросились на «правовѣрную братью» и стали бить ихъ, приговаривая: «Вы бунтовщики и возмутили всѣмъ царствомъ». «Правовѣрные», видя такую «дьявольскую пакость, возмятошася и другъ друга не свѣдаху, бѣгству себя предаша». Всѣ стрѣльцы принесли повинныя за подписями, что имъ до того дѣла нѣтъ. Все это произошло въ нѣсколько дней. Собора въ пятницу отцы не дождались. Вмѣсто того 100 стрѣльцовъ отправились по отцовъ, забрали ихъ и привели на Лыковъ дворъ. Во вторникъ, 11-го іюля, въ первомъ часу дня попу Никитѣ отсѣкли голову, какъ самому ярому зачинщику смуты, Сергія послали въ ссылку въ Спасскій Ярославскій монастырь, а прочихъ отцовъ разослали по инымъ монастырямъ.

Такъ кончилъ свою жизнь неразумный ревнитель старой вѣры. Мѣсто погребенія Никиты Пустосвята неизвѣстно. Но среди раскольниковъ существуетъ преданіе, будто бы послѣ казни Никиты его почитатели подобрали его обезглавленный трупъ съ лобнаго мѣста, купили у палача голову и съ великимъ благоговѣніемъ вывезли бренные останки Никиты въ гор. Гжатскъ, Смоленской губ., гдѣ и похоронили на старомъ кладбищѣ, поставивъ надъ могилою простой деревянный осмиконечный крестъ безъ всякой надписи. Каждый годъ въ день казни Никиты въ гор. Гжатскъ собирается толпа богомольцевъ-раскольниковъ отовсюду. Богомольцы молятся на могилѣ, берутъ съ нея землицы, служатъ панихиды. Могилу Никиты, быть можетъ мнимую, до недавняго времени по крайней мѣрѣ, осѣнялъ только простой черный деревянный крестъ съ надписью: «Помяни мя, Господи, во царствіи си».

Главными источниками для біографіи Никиты Пустосвята являются: „Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія“, изд. подъ ред. Н. Субботина, т. I и IV. Здѣсь напечатаны покаянныя челобитныя Никиты 1666 г., съ нѣкоторыми извѣстіями о немъ, и сказка о смертномъ приговорѣ надъ нимъ (I, стр. 374—396), а также показанія Никиты угрѣш. игумену Викентію (I, стр. 417—419); въ четвертомъ же томѣ напечатана его великая челобитная (стр. 1—178) съ предисловіемъ ред. (стр. VII—XXIII). „Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ Саввы Романова“, напеч. у Тихонравова, въ Лѣтописяхъ русск. литературы и древности, т. V (о раскольн. бунтѣ 1682 г.). Къ исторіи того же раск. бунта относятся „Цвѣтъ духовный“, „Записки современниковъ“ (у Сахарова). Въ „Дѣяніяхъ московскихъ соборовъ 1666 и 1667 г.“, Москва 1881 г. (слав. печатью) о Никитѣ дѣян. 5 и 9. Въ „Виноградѣ Россійскомъ“ Денисова есть статья о Никитѣ. Изъ общихъ историковъ: у преосв. Макарія, Исторія русск. церкви, т. XII, стр. 620—624, 652—653, 679—681—о событіяхъ 1666 г.; у С. М. Соловьева, Исторія Россіи т. XIII, стр. 356—372 (изд. 1863 г.)—о мятежѣ 1682 г. О стрѣлецкомъ бунтѣ также статьи: въ „Русск. Вѣстн.“ 1874 г. № 12, М. П. Погодина; въ „Сѣверн. Сіяніи“ 1863 г., № 3; въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1873 г. № 12; Е. Замысловскій, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, СПБ. 1871 г. Краткія свѣдѣнія о Никитѣ въ связи съ событіями 1666 и 1682 гг. есть и у другихъ нашихъ церковныхъ и гражданскихъ историковъ, писавшихъ о той эпохѣ. Въ 1891 г. вышла книжка: „Никита Пустосвятъ. Историческое событіе. Спб.“, въ которой событія 1682 г. представлены въ популярно-литературномъ изложеніи. Въ „Вѣстн. Евр.“ 1887 г., № 1, стр. 233, напеч. замѣтка Н. Добротворскаго о мѣстѣ погребенія Никиты Пустосвята.

Б. Т-въ.

Никитенко, *Александръ Васильевичъ*, т. сов., профессоръ С.-Петербургскаго университета, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, писатель. Род. 12-го марта 1805 года въ деревнѣ Ударовкѣ, Бирючинскаго уѣзда, Воронежской губерніи; умеръ въ Павловскѣ 21 го іюля 1877 г. Отецъ его, Василій Михайловичъ, былъ крѣпостнымъ графа Н. П. Шереметева и, благодаря хорошему голосу, попалъ въ пѣвческую капеллу графа, предварительно окончивъ существовавшую при ней начальную школу, во время пребыванія въ которой пріобрѣлъ разнородныя познанія, далеко превышавшія его положеніе, и, между прочимъ, выучился французскому языку. Впослѣдствіи онъ былъ старшимъ писаремъ въ вотчинной конторѣ графа, старался отстаивать интересы своихъ односельчанъ, бороться съ неправдой и, вообще, «дѣйствовать по совѣсти», за что постоянно претерпѣвалъ разныя гоненія и, наконецъ, былъ сосланъ въ дальній Гжатскій уѣздъ Смоленской губерніи, въ деревню Чуриловку. Перебиваясь грошевыми уроками и другою работой, которую ему доставляли случайные благодѣтели, Никитенко-отецъ успѣвалъ, однако, внимательно слѣдить за духовнымъ развитіемъ сына; онъ поспѣшилъ выучить его грамотѣ, и ребенокъ сталъ почти все время проводить за чтеніемъ, отъ котораго незамѣтно перешелъ къ авторству. «Всѣ клочки бумаги, какіе только мнѣ удава-

лось добыть», вспоминалъ онъ много лѣтъ спустя, «испещрялись изліяніемъ моихъ мыслей и чувствъ». Когда мальчику исполнилось десять лѣтъ, отецъ опредѣлилъ его въ воронежское уѣздное училище, гдѣ онъ и кончилъ, три года спустя, курсъ, обративъ дарованіями и успѣхами на себя вниманіе училищнаго начальства и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ. Со всѣхъ сторонъ раздавались совѣты продолжать ученіе, но доступъ въ гимназію Н., какъ крѣпостному, былъ закрытъ. Чтеніе замѣнило ему дальнѣйшую школу. Вскорѣ Н. началъ давать частные уроки, и въ 1822 г. попалъ въ качествѣ учителя въ «Воронежскія Аѳины» — уѣздный городокъ Острогожскъ, жители котораго интересовались вопросами политическими, литературными и общественными. Въ своихъ «Запискахъ» Н. выводитъ цѣлую галлерею Острогожскихъ обывателей, родственныхъ ему по духу и стремленіямъ, осуществить которыя имъ не удавалось. Какъ для нихъ, такъ и для него доступъ къ высшему образованію былъ, казалось, закрытъ навсегда, и мысль объ этомъ такъ удручала молодого человѣка, что онъ серьезно рѣшилъ покончить самоубійствомъ. Но тутъ неожиданно къ нему на помощь пришли представители мѣстнаго военнаго общества — офицеры расположенной въ Острогожскѣ первой драгунской дивизіи, принявшіе Н. въ свое общество съ «братскимъ участіемъ». Онъ сталъ постояннымъ участникомъ ихъ собраній, научился спорить и бесѣдовать на отвлеченныя темы и, главное, читать по опредѣленной системѣ. Ознакомившись, подъ вліяніемъ своихъ новыхъ друзей, съ лучшими представителями русской поэзіи, онъ занялся изученіемъ наукъ общественныхъ и юридическихъ. Представленный вскорѣ начальнику дивизіи генералу Юзефовичу, Н. пріобрѣлъ его расположеніе и былъ приглашенъ къ нему въ домъ въ качествѣ личнаго его секретаря и учителя его племянницы. Онъ много путешествовалъ съ Юзефовичемъ по Малороссіи, но служба его продолжалась недолго, т. к. генералъ вскорѣ сталъ проявлять признаки остраго психическаго разстройства, и пребываніе въ его домѣ стало для Н. невозможнымъ. Вернувшись въ Острогожскъ и съ большимъ трудомъ получивъ право преподавать въ уѣздномъ училищѣ, Н. опять сталъ вести провинціальную, будничную жизнь, но въ это время въ Острогожскѣ открылось по иниціативѣ окрестныхъ помѣщиковъ «сотоварищество», или отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества, которое избрало Н. своимъ секретаремъ. Цѣли Библейскаго Общества какъ нельзя болѣе отвѣчали стремленіямъ самого Никитенка, и онъ съ необычайной энергіей сталъ отправлять свою новую должность. 27-го января 1824 г. онъ произнесъ въ торжественномъ публичномъ собраніи Острогожскаго сотоварищества блестящую рѣчь, въ которой отмѣтилъ важное значеніе Библейскихъ обществъ вообще и Россійскаго въ частности. Въ то время главнымъ лицомъ въ Библейскомъ обществѣ былъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ; ему понравилась рѣчь секретаря Острогожскаго сотоварищества, и по его желанію Н. былъ вызванъ въ Петербургъ. Съ этихъ поръ надъ головой Н., по его собственному выраженію, занялась «заря лучшаго». По просьбѣ кн. А. Н. Голицына 11-го октября 1824 года графъ Шереметевъ подписалъ Н-ку «вольную». Въ 1825 г., благодаря содѣйствію князя Голицына, Н. поступилъ на философско-юридическій факультетъ Петербургскаго университета безъ вступительнаго экзамена и получилъ отъ министерства народнаго просвѣщенія значительное денежное пособіе. Къ этому времени относится его сближеніе съ К. Ѳ. Рылѣевымъ и княземъ Е. И. Оболенскимъ, въ домъ котораго Н. переселился для воспитанія его младшаго брата. Декабрьское движеніе 1825 г., въ результатѣ котораго лучшіе друзья Никигенка частью погибли, частью были разосланы по далекимъ окраинамъ, едва не погубило и его самого. Не пострадавъ, однако, подобно другимъ, онъ тѣмъ не менѣе пережилъ великую нравственную муку. Судьба друзей, особенно Рылѣева, которому онъ былъ обязанъ весьма многимъ въ дѣлѣ своего развитія, заставила его замкнуться, уйти въ себя и пріучила чуть ли не на всю жизнь относиться недовѣрчиво къ освободительнымъ порывамъ. Онъ готовъ былъ навсегда погрузиться въ науку, отказавшись отъ какой бы то ни было общественной дѣятельности, но судьба распорядилась иначе: съ момента окончанія университета и до самой смерти онъ находился на службѣ.

Еще будучи студентомъ, Н. сталъ пе-

чатать свои произведенія. Въ «Сынѣ Отечества» 1826 г. онъ помѣстилъ свою первую статью: «О преодолѣніи несчастій», которая доставила автору знакомства въ литературныхъ кругахъ и благосклонное расположеніе тогдашняго попечителя Петербургскаго учебнаго округа К. М. Бороздина. Вторымъ студенческимъ трудомъ Н. было разсужденіе, которое онъ читалъ на актѣ 1827 г. «О политической экономіи вообще, и въ особенности о производимости, какъ главномъ предметѣ оной».

Въ февралѣ 1828 г. Н. окончилъ университетскій курсъ и, отказавшись отъ предложеннаго ему мѣста профессора исторіи въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ и заграничной командировки, занялъ должность младшаго письмоводителя въ канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Съ первыхъ же шаговъ на служебномъ поприщѣ ему пришлось исполнить любопытную и важную работу. Ему было поручено составить примѣчанія къ проекту цензурнаго устава, пересмотръ котораго былъ вызванъ жалобами консервативныхъ администраторовъ на свободомысліе печати. Это была первая его работа въ законодательномъ смыслѣ, направленная къ тому, что, по словамъ Н., было для него всего дороже—«къ распространенію просвѣщенія и къ огражденію правъ русскихъ гражданъ на самостоятельную духовную жизнь». Сопровождая К. М. Бороздина въ его инспекторскихъ поѣздкахъ по округу, Н. въ то же время дѣятельно готовился занять каѳедру естественнаго права. Потерпѣвъ въ этомъ неудачу, онъ въ 1830 г., по избранію совѣта университета, началъ преподавать въ немъ теорію о народномъ богатствѣ по Адаму Смиту. Два съ половиною года онъ занималъ каѳедру политической экономіи, послѣднее полугодіе уже въ званіи адъюнкта, полученномъ имъ за диссертацію «О главныхъ источникахъ народнаго богатства». Почти одновременно съ приглашеніемъ въ университетъ Н. началъ преподавать русскую словесность въ высшихъ классахъ института ордена св. Екатерины и состоялъ преподавателемъ въ этомъ учебномъ заведеніи въ теченіе пяти слишкомъ лѣтъ (съ 10-го декабря 1830 г. по 12-е марта 1844 г.). «Живая и одушевленная рѣчь», говоритъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ. «стремленіе снять оковы, наложенныя на предметъ устарѣлыми правилами риторики и піитики, и положить въ его основаніе эстетическія начала сдѣлали вскорѣ извѣстнымъ въ Петербургѣ имя молодого преподавателя. О немъ заговорили и въ средѣ педагогической и въ высшихъ слояхъ общества». Занимаясь, главнымъ образомъ, русской литературой, Н. рѣшилъ перемѣнить каѳедру политической экономіи на каѳедру русской словесности, и 4-го августа 1832 г. состоялся его переводъ, а 26-го августа того же года онъ, при небываломъ дотолѣ количествѣ посѣтителей въ университетѣ, прочелъ вступительную лекцію «О происхожденіи и духѣ литературы». Лекція эта, напечатанная впослѣдствіи въ «Сынѣ Отечества» и отдѣльно, сразу раздѣлила слушателей Н. на два противоположныхъ лагеря, и такое двойственное отношеніе къ его лекціямъ оставалось во все время его преподаванія въ университетѣ. По отзыву А. Ѳ. Бычкова, въ этой лекціи Н. было разбросано много свѣтлыхъ, здравыхъ мыслей, составлявшихъ у насъ для того времени новизну, напр.: что постигнуть духъ языка значитъ постигнуть таинственное отношеніе его къ духу народа и что исторія перваго можетъ служить исторіею глубокой внутренней жизни втораго; что на преподавателѣ теоріи словесности лежитъ обязанность распространять чистыя понятія о сущности изящнаго и о высокомъ значеніи литературы, чтобы, съ одной стороны, поднять ея уровень, а съ другой по достоинству оцѣнить истинныя дарованія и т. д. Эту обязанность, при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, Никитенко всегда имѣлъ въ виду и выполнялъ на лекціяхъ и въ печатномъ словѣ. 17-го января 1834 г. Н. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1837 г. получилъ степень доктора философіи по защитѣ диссертаціи: «О творящей силѣ въ поэзіи или о поэтическомъ геніи». Продолжая чтеніе лекцій въ университетѣ, Н. сталъ преподавать также въ верхнихъ классахъ аудиторскаго училища (съ 1-го января 1833 г. по 15-е мая 1839 г.); въ римско-католической духовной академіи (съ 28-го января 1843 г. до конца жизни), въ институтѣ корпуса путей сообщенія (въ 1844 г.); въ офицерскихъ классахъ артиллерійскаго училища (съ 8-го января 1835 г. по 8-е апрѣля 1838 г.); въ Екатерининскомъ институтѣ и въ спеціальномъ педагогическомъ классѣ при С.-Петербургскомъ Але-

ксандровскомъ училищѣ (съ 27-го мая 1848 г. по 1857 годъ). «Главная моя цѣль», говорилъ Н., «согрѣвать сердца слушателей любовью къ истинѣ и чистой красотѣ, способствуя благородному употребленію нравственныхъ силъ». П. А. Плетневъ такъ характеризовалъ лекціи Никитенка: «При изложеніи теоріи словесности онъ обратился къ основнымъ началамъ природы и человѣческой жизни, извлекая ихъ изъ психологіи и исторіи; для доставленія же общимъ началамъ несомнѣнной примѣняемости вводилъ ихъ въ область русской народности, уравнивая правила мышленія съ требованіями нашего языка и успѣхами литературы». 6-го февраля 1850 г. Н. получилъ званіе ординарнаго профессора по каѳедрѣ русской словесности и еще 14 лѣтъ преподавалъ въ университетѣ этотъ предметъ въ связи съ его исторіей, главнымъ образомъ, за періодъ съ Петра Великаго до новѣйшаго времени. «Проводя въ чтеніяхъ своихъ, путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое», говоритъ историкъ Петербургскаго университета, профессоръ В. В. Григорьевъ, и «ограждая самостоятельность его въ средѣ другихъ элементовъ человѣческой природы, профессоръ Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто интересъ чувства, услаждающагося красотою, а великую образовательную силу, одного изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія. Такимъ образомъ, лекціи его «объ изящномъ», сверхъ развитія эстетическаго вкуса въ слушателяхъ, философскою стороною своею восполняли еще, насколько это было возможно, тотъ въ высшей степени важный пробѣлъ, какой оказывался въ университетскомъ преподаваніи съ 1835 г. вслѣдствіе исключенія изъ него философіи». По словамъ А. Ѳ. Бычкова, Н. въ своихъ лекціяхъ умѣлъ соединить интересъ предмета и основательность взглядовъ съ живымъ краснорѣчивымъ изложеніемъ, часто указывая на совершенно новыя стороны въ предметѣ, который былъ, казалось, уже совершенно извѣстенъ и изслѣдованъ. Самъ Н. говоритъ, что въ своихъ лекціяхъ онъ старался «согрѣвать сердца слушателей любовью къ чистой красотѣ и истинѣ и пробуждать въ нихъ стремленіе къ мужественному, бодрому и благородному употребленію нравственныхъ силъ». Не владѣя свободно ни однимъ иностраннымъ языкомъ, не имѣя самъ достаточнаго образованія, чтобы оказывать на слушателей вліяніе образовательное, Н. добросовѣстно отказался отъ него и на первый планъ поставилъ вліяніе нравственно-воспитательное. Онъ болѣе желалъ «дѣйствовать на волю и чувство людей, чѣмъ развивать предъ ними теорію науки» и считалъ себя обязаннымъ «дѣлать доступными для своихъ слушателей такія истины, которыя содѣйствуютъ прямо и непосредственно ихъ внутренней гармоніи и ставятъ ихъ въ гармоническія отношенія съ человѣчествомъ».

Въ продолженіе своей многолѣтней службы въ университетѣ Никитенко неоднократно являлся ораторомъ на университетскихъ актахъ. Въ 1836 г. онъ произнесъ рѣчь «О необходимости теоретическаго или философскаго изслѣдованія литературы»; въ 1838 г. имъ произнесено блестящее похвальное слово императору Петру Великому; въ 1841 г. онъ открылъ университетскій актъ рѣчью «О современномъ направленіи отечественной литературы», а въ слѣдующемъ году произнесъ блестящую рѣчь «О критикѣ».

Въ 1854 г. Н. выступилъ въ послѣдній разъ на университетскомъ актѣ съ рѣчью «О началѣ изящнаго въ наукѣ», въ которой возставалъ противъ укоренившагося мнѣнія, будто наука вовсе не причастна міру изящнаго. Къ трудамъ Н., какъ профессора, относится еще «Опытъ исторіи русской литературы», который былъ встрѣченъ многими весьма неодобрительно, но на который самъ Н. смотрѣлъ, какъ на конспектъ своихъ лекцій, требовавшій значительныхъ измѣненій и дополненій.

Почти одновременно съ переходомъ Н. съ каѳедры политической экономіи на каѳедру словесности, а именно 24-го апрѣля 1833 г. состоялось назначеніе его цензоромъ при С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ. Принимая эту должность, Н., по его собственному выраженію, сдѣлалъ опасный шагъ, ибо ему надо было совмѣстить требованія правительства съ требованіями писателей и своего собственнаго внутренняго чувства. Трудная должность цензора, за малѣйшій недосмотръ или пропускъ са-

маго невиннаго намека на лицъ, облеченныхъ какою либо властью, или указаніе на дѣйствительные недостатки администраціи подвергавшагося строгимъ взысканіямъ, исполнялась Никитенкомъ въ высшей степени добросовѣстно и разумно: онъ во все время своего цензорства (до 11-го апрѣля 1848 г.) оставался самымъ доброжелательнымъ, снисходительнымъ цензоромъ, что, конечно, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что наука и литература всегда были близки его сердцу. Несмотря на кары, которымъ онъ нѣсколько разъ подвергался за пропускъ нѣкоторыхъ произведеній, Н. имѣлъ мужество допустить къ печати поэму Гоголя «Мертвыя души», хотя и измѣнилъ ея заглавіе на «Похожденія Чичикова или Мертвыя души» и сдѣлалъ въ ней не мало всякаго рода поправокъ и измѣненій. Съ этого времени начинается болѣе тѣсное сближеніе Никитенка со многими литераторами и учеными, и эта связь съ представителями литературы и науки не прекращалась до его смерти. Въ октябрѣ 1856 г. Н. былъ назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія драматическихъ произведеній, затѣмъ состоялъ директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ книгопечатанія и, наконецъ, занялъ должность члена главнаго управленія цензуры и члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія. Послѣднюю должность онъ занималъ съ 23-го марта 1862 г. по 30-е августа 1869 года. Во всѣхъ этихъ должностяхъ Н. оказалъ большія услуги русской литературѣ, являясь при всякомъ представлявшемся случаѣ ходатаемъ за литературныя произведенія или ихъ оберегателемъ и защитникомъ. Нельзя не отмѣтить, что наряду съ «Мертвыми душами» ему обязаны появленіемъ въ свѣтъ и сочиненія Некрасова, считавшагося въ свое время «весьма неблагонадежнымъ». Быть можетъ, столь близкое участіе, проявляемое Никитенкомъ къ произведеніямъ литературы, и его сочувствіе писателямъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что и самъ онъ былъ литераторъ. Несмотря на обиліе служебныхъ занятій, Н. находилъ время писать статьи въ разныя повременныя изданія и быть редакторомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Бесѣдовать съ публикою въ какой бы то ни было формѣ объ общихъ вопросахъ литературы и дѣлиться съ нею своими впечатлѣніями было для Н. потребностью.

Въ 1832 г. въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» и въ «Невскомъ Альманахѣ» Аладьина Н. помѣстилъ отрывки изъ романа «Леонъ или идеализмъ», содержащаго много любопытныхъ данныхъ для его собственной біографіи. Въ «Библіотекѣ для чтенія» 1835 г. онъ напечаталъ біографію Елизаветы Кульманъ, по отзыву академика А. Ѳ. Бычкова, одно изъ лучшихъ произведеній Н-ка. Въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія» за 1836 г. Никитенко помѣстилъ разборъ стихотвореній Жуковскаго, въ которомъ старался опредѣлить его значеніе и мѣсто въ нашей литературѣ. Высказанныя въ этой статьѣ положенія Н. впослѣдствіи развилъ и подкрѣпилъ въ обширной статьѣ «Василій Андреевичъ Жуковскій со стороны его поэтическаго характера и дѣятельности», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 г. Въ 1839 г. Н. написалъ и напечаталъ «Воспоминаніе о К. Ѳ. Германѣ», бывшемъ академикѣ и профессорѣ Спб. университета. Въ томъ же году въ альманахѣ «Утренняя Заря» онъ помѣстилъ статью «Маленькіе великіе люди». Въ 1846 г. Н. А. Некрасовъ издалъ «Петербургскій Сборникъ», для котораго Н. написалъ статью «О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ». Въ томъ же году въ «Библіотекѣ для чтенія» онъ велъ отдѣлъ критики и въ обстоятельныхъ статьяхъ разсматривалъ слѣдующія книги: «Сочиненія Державина»; «Замѣтки за границею, Ф. П. Лубяновскаго», упомянутый выше «Петербургскій Сборникъ» Некрасова за 1846 г. (въ этой статьѣ онъ, между прочимъ, сдѣлалъ разборъ «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго и поэмы Майкова «Машенька»); «Столѣтіе Россіи съ 1745 до 1845 года» Полевого, причемъ представилъ довольно полный очеркъ жизни Н. А. Полевого съ критическою оцѣнкою трудовъ его; «Брынскій лѣсъ» М. Н. Загоскина и «Московскій литературный и ученый сборникъ», изъ статей котораго особенное вниманіе обратилъ на статью А. С. Хомякова «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ». Благодаря послѣдней критикѣ, онъ сблизился съ нѣкоторыми изъ членовъ славянофильскаго кружка. Въ 1857 г. Н. побывалъ за границей, при чемъ описалъ впечатлѣніе, произведенное на него въ дрезденской картинной галлереѣ Мадонной Рафаэля, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Ра-

фаэлева Сикстинская Мадонна». Въ 1866 г. Н. напечаталъ небольшой сборникъ подъ заглавіемъ: «Три литературно-критическіе очерка», въ который вошли критическіе разборы трагедіи Писемскаго «Самоуправцы», комедіи Потѣхина «Отрѣзанный ломоть» и трагедіи графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго». Въ 1867 г. Никитенко помѣстилъ въ «Домашней Бесѣдѣ» статью «Молодое поколѣніе» и напечаталъ отдѣльно біографическій очеркъ М. П. Вронченка, переводчика «Гамлета» и «Фауста». Въ 1869 г. онъ издалъ біографію Галича подъ заглавіемъ: «Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета». Въ этомъ жизнеописаніи очень любопытенъ краткій очеркъ исторіи развитія философіи въ Россіи. Въ 1872 г. явилась брошюра Никитенка: «Мысли о реализмѣ въ литературѣ».

Участвуя въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, Никитенко неоднократно былъ приглашаемъ редактировать ихъ. Такъ, въ 1840 г., по просьбѣ Смирдина, онъ редактировалъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1840—1841) «Сынъ Отечества», при чемъ помѣщалъ въ этомъ журналѣ критическіе разборы книгъ, между прочимъ, стихотвореній М. Ю. Лермонтова и графини Е. П. Растопчиной (въ 1841 г.), и напечаталъ (въ 1840 г.) «Литературныя замѣтки и наблюденія, статья первая.—Три способа литературной дѣятельности». По переходѣ, въ концѣ 1846 г., изданія «Современника» отъ Плетнева къ Панаеву и Некрасову Н. былъ избранъ его редакторомъ и оставался имъ до половины 1848 г. Благодаря его умѣнью и усиліямъ небольшого кружка литераторовъ и ученыхъ, принявшихъ близко къ сердцу дѣло изданія, «Современникъ» занялъ видное мѣсто въ журналистикѣ. Н. помѣстилъ въ немъ разсужденіе «О современномъ положеніи русской литературы» и очень подробный разборъ курса теоріи словесности Чистякова. Вскорѣ послѣ назначенія А. С. Норова министромъ народнаго просвѣщенія Н. былъ назначенъ (24-го января 1856 г.) редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и занималъ эту должность въ теченіе четырехъ лѣтъ (до 18-го января 1860 г.). Во время его редакторства стали впервые появляться въ министерскомъ журналѣ статьи беллетристическаго содержанія, напр., оригинальная трагедія О. Ѳ. Миллера «Конрадинъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ», а также статьи по философіи, теоріи словесности и т. п.—Въ концѣ 1861 г. Н. былъ назначенъ главнымъ редакторомъ газеты «Сѣверная Почта» и эту обязанность исполнялъ до 6-го іюля 1862 г. Кромѣ того, Н. состоялъ также членомъ редакціи «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара и редактировалъ два сборника: «Складчину» (1874 г.) и «Братскую помочь» (1876 г.). Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» всѣ статьи по части исторіи и теоріи словесности, русской и всеобщей, обработаны, а многія и написаны Никитенкомъ; въ «Складчинѣ» онъ помѣстилъ отрывки изъ подготовлявшагося имъ къ печати собранія критическихъ этюдовъ о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ русской литературы, именно «Объ исторической драмѣ Островскаго: «Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».

Разнообразная ученo-литературная дѣятельность А. В. Никитенка обратила на себя вниманіе Императорской Академіи Наукъ: 5-го ноября 1853 года она избрала его членомъ-корреспондентомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, а 20-го января 1855 г. ординарнымъ академикомъ по тому же отдѣленію. Съ этого времени Никитенко большую часть своей дѣятельности посвящалъ Академіи, гдѣ принималъ участіе во многихъ комиссіяхъ и, между прочимъ, по присужденію премій; ему же принадлежитъ не мало критическихъ разборовъ представлявшихся на конкурсъ драматическихъ произведеній. Черезъ его руки прошли десятки пьесъ, изъ которыхъ, по его представленію, были удостоены уваровской преміи двѣ: драма Островскаго «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» и комедія Минаева «Разоренное гнѣздо», появившаяся въ печати подъ заглавіемъ «Спѣтая пѣсня». Въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи Наукъ, устраиваемыхъ въ честь лицъ, оказавшихъ выдающіяся заслуги передъ русской литературой, Н. всегда произносилъ рѣчи, которыя были проникнуты теплымъ чувствомъ и отличались вѣрною оцѣнкою личности. Такъ, въ 1865 году, при празднованіи столѣтія со дня кончины Ломоносова, онъ произнесъ рѣчь «Значеніе Ломоносова въ отношеніи къ изящной русской словесности», а въ 1868 году, въ день празднованія столѣтняго юбилея И. А. Крылова—

«О баснях Крылова въ художественномъ отношеніи». Кромѣ того, Н., по порученію отдѣленія русскаго языка и словесности, въ теченіе многихъ лѣтъ составлялъ отчеты о дѣятельности этого отдѣленія, въ которыхъ, кромѣ погодной лѣтописи о занятіяхъ членовъ, сообщалъ некрологи—воспоминанія о почетныхъ и дѣйствительныхъ членахъ отдѣленія. Отчеты за 1856, 1858, 1861—1863; 1866—1876 гг. составлены Никитенкомъ, и въ нихъ помѣщены воспоминанія о В. Г. Бенедиктовѣ, П. С. Билярскомъ, А. Ѳ. Вельтманѣ, А. Ѳ. Гильфердингѣ, Н. И. Гречѣ, В. И. Далѣ, М. А. Коркуновѣ, М. А. Максимовичѣ, А. Н. Муравьевѣ, К. И. Невоструевѣ, А. С. Норовѣ, Г. П. Павскомъ, П. П. Пекарскомъ, М. П. Розбергѣ, К. С. Сербиновичѣ, графѣ М. М. Сперанскомъ, графѣ А. К. Толстомъ, Ѳ. И. Тютчевѣ, черниговскомъ архіепископѣ Филаретѣ и московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. 6-го марта 1864 г. Н. произнесъ задушевную рѣчь о бывшемъ президентѣ Академіи графѣ Д. Н. Блудовѣ, а 19-го мая 1875 г. имъ было сказано привѣтственное слово академику В. Я. Буняковскому въ день празднованія его юбилея.

Помимо литературной и ученой дѣятельности въ университетѣ и Академіи, А. В. Никитенко несъ и административно-ученыя обязанности въ другихъ мѣстахъ. Съ 15-го мая 1849 г. по 3-е августа 1850 г. онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ внѣшней торговли, а съ 12-го декабря 1853 г. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія для исполненія особыхъ порученій по встрѣчающимся дѣламъ ученой и учебной администраціи министерства. Принявъ послѣднее назначеніе по предложенію министра А. С. Норова, нуждавшагося въ близкомъ ему по взглядамъ человѣкѣ, Н., по словамъ акад. Бычкова, былъ душою министерства народнаго просвѣщенія въ первые годы управленія имъ Норовымъ, и съ его именемъ должно быть связано увеличеніе нормы числа студентовъ въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ, постановленіе отправлять за границу молодыхъ людей для подготовки изъ нихъ профессоровъ; возстановленіе правилъ на полученіе пенсій на службѣ, сверхъ жалованья, служащими въ учебныхъ заведеніяхъ; закрытіе комитета, учрежденнаго 2-го апрѣля 1848 г. для высшаго наблюденія надъ произведеніями книгопечатанія; устройство торжественнаго празднованія юбилея столѣтняго существованія московскаго университета, на которомъ Н. былъ депутатомъ отъ С.-Петербургскаго университета и произнесъ отъ его имени замѣчательную рѣчь. Административныя обязанности несъ Н. и въ Академіи Наукъ. Такъ, съ 18-го января 1858 г. по 1-е февраля 1860 г. онъ велъ дѣлопроизводство по отдѣленію русскаго языка и словесности, а съ 27-го апрѣля 1865 г. по день смерти былъ членомъ Комитета правленія Академіи отъ того же отдѣленія. Въ 1874 г., по порученію Академіи, онъ принималъ участіе въ трудахъ Высочайше учрежденной комиссіи для обсужденія предположеній о сліяніи сенатской и другихъ казенныхъ типографій въ одну общую. Съ именемъ Н. связано также основаніе «Литературнаго фонда», хотя онъ, какъ видно изъ его «Дневника», не особенно довѣрялъ жизнеспособности этого учрежденія.

Съ 1864 г. жизнь А. В. Никитенка стала склоняться къ закату: здоровье его начало разрушаться, и хотя онъ продолжалъ съ неутомимою энергіей работать, но работа его уже не носила того творческаго, импровизаторскаго характера, который отличалъ ее въ прежніе годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его дневникѣ начинаютъ появляться рѣзкіе выпады по адресу «либераловъ» и сказываться старческій пессимизмъ. Въ 1876 г. Н., по совѣту врачей, отправился за границу, но одряхлѣвшій организмъ не могъ уже бороться съ болѣзнью, и почти всю зиму 1877 г. Н. провелъ въ постели, мучимый острыми припадками грудной жабы, которые и свели его въ могилу.

Главнымъ литературнымъ наслѣдіемъ, оставшимся послѣ Никитенка, являются его «Записки» и «Дневникъ», изданный уже послѣ смерти автора подъ заглавіемъ: «Моя повѣсть о самомъ себѣ и чему свидѣтель въ жизни былъ». Дневникъ этотъ имѣетъ двойное значеніе: во-первыхъ, богатаго культурно-историческаго матеріала, ибо въ немъ Н. въ теченіе пятидесяти лѣтъ почти изо дня въ день велъ самъ съ собою живую бесѣду о современныхъ ему событіяхъ, характеризуя попутно всѣхъ, выдвигавшихся на поприщѣ науки, искусства и администраціи дѣятелей; во вторыхъ, интереснаго человѣческаго доку-

мента для характеристики самого автора.

По своимъ симпатіямъ Никитенко былъ западникомъ, хотя и примыкалъ непосредственно къ той группѣ людей 1840 гг., главными представителями которой были Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій. Перелистывая его дневникъ, можно замѣтить какую-то раздвоенность въ его характерѣ: Н. предстаетъ предъ нами то какъ просвѣщенный гуманистъ, понимающій и по достоинству оцѣнивающій самостоятельность науки и литературы, то какъ робкій чиновникъ, который во всякомъ проявленіи такой самостоятельности готовъ видѣть страшную опасность для всеобщаго спокойствія.—Будучи сторонникомъ просвѣщенія народа, онъ въ то же время пугается „духа“ устава народныхъ училищъ и гимназій 1827 года, проектировавшаго открытіе Ланкастерскихъ школъ, и. т. п. Самъ испытавъ на себѣ и своихъ близкихъ гнетъ крѣпостного права, Н., однако, стоитъ лишь за постепенное освобожденіе народа отъ крѣпостной зависимости, которое, по его мнѣнію, должно итти параллельно съ постепеннымъ просвѣщеніемъ народа. Горячій сторонникъ реформъ Императора Александра II, защитникъ интересовъ просвѣщенія во всѣхъ случаяхъ, когда заходитъ рѣчь о мѣропріятіяхъ, такъ или иначе отзывающихся на наукѣ и литературѣ, онъ находитъ возможнымъ служить и реакціи, оправдываясь тѣмъ, что своею дѣятельностью онъ причинилъ значительно менѣе „зла“, чѣмъ могли бы сдѣлать другіе на его мѣстѣ...

«Цѣлую жизнь мою я стремился къ одному, чтобы быть возвѣстителемъ и защитникомъ чистой красоты въ жизни и въ искусствѣ», записываетъ Никитенко въ «Дневникѣ» 16-го января 1854 года: «Это было не юношеское одушевленіе, не поэзія возраста—нѣтъ, у меня это была строгая, непреложная задача жизни,—знамя, подъ которое я сталъ и стою среди людей и на которомъ запеклось много крови изъ моего сердца». Въ этихъ словахъ Никитенко вполнѣ искренень: натура любящая и восторженная, онъ всегда былъ неизмѣннымъ поклонникомъ прекраснаго, вѣря, что человѣчество постепенно идетъ къ совершенству и стремится утвердить повсюду идеи истины и изящнаго. Будучи въ высшей степени нравственно правдивымъ, Н. возмущался каждою ложью, каждымъ безчестнымъ поступкомъ. Отъ семьи онъ переносилъ свою любовь на народъ и на Россію, о которой, какъ это видно изъ дневника, гдѣ часто встрѣчаются слова: «да сохранитъ Господь Россію!», онъ думалъ постоянно и которой были посвящены и его предсмертныя мысли. Честный гражданинъ своего отечества, которое было для него святынею, онъ жилъ его жизнью, близко принималъ къ сердцу всѣ событія и внутреннія и внѣшнія и радовался всякому здоровому прогрессу, будучи, однако, врагомъ «скороспѣлыхъ» реформъ. Самъ Никитенко называлъ себя «умѣреннымъ прогрессистомъ», и это опредѣленіе вполнѣ соотвѣтствовало его дѣйствительному направленію. Нѣкоторыя противорѣчія въ его характерѣ объясняются, главнымъ образомъ, вліяніемъ крѣпостного права, которое наложило слишкомъ сильную печать на эту богатую натуру.

Формулярные списки 1851, 1855 и 1877 гг.; Дѣло Комитета Правленія Императорской Академіи Наукъ № 28 (1855 года); А. В. Никитенко. „Моя повѣсть о самомъ себѣ и чему свидѣтель въ жизни былъ“. Записки и дневникъ (1826—1877). Спб. 1893; То же съ примѣчаніями и введеніемъ М. К. Лемке; Арсеньевъ, „Поправки къ „Дневнику“ Никитенки». („Рус. Стар.“ 1890 № 1 и 1891 г., № 1); Изъ бумагъ А. В. Никитенки. Письма къ нему гр. Хвостова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, гр. Е. Растопч. И. Лажечникова и Крамского съ 5 августа 1835 года по 7 іюня 1876 года“. („Рус. Стар.“ 1896 № 12); изъ архива А. В. Никитенки). Письма къ нему гр. Д. А. Толстого, кн. Волконскаго, Булгарина, Писемскаго и другихъ („Рус. Стар.“ 1900 г. № 1); П. А. Плетневъ и А. В. Никитенко. Переписка (1856—1857). Сообщили А. П. Плетнева и С. А. Никитенко. („Рус. Стар.“ 1891 г. № 2); А. Ѳ. Вычковъ. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ за 1877 годъ». (Сборникъ отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ. Томъ 18-й, Спб. 1878 стр. XXXII — LVIII); «Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогожскаго Библейскаго Сотоварищества секретаремъ онаго, Александромъ Никитенковымъ 1824 года, января 27 дня. (ibidem, стр. LVIII—LXVI); Сергѣй фонъ Штейнъ. „А. В. Никитенко“. (1805—1902). Біографическій очеркъ. Спб. 1902; Ч. Вѣтринскій. „Два русскихъ общественныхъ типа (Л. В. Никитенко и И. С. Аксаковъ) „Новое Слово“ 1894, №№ 7—8; его же статья въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Ефрона; М. Протопоповъ. „Изъ исторіи русской общественности“ (Записки и дневникъ Никитенки) „Русская Мысль“ 1893, № 6 и 7; К. Медвѣдскій, „Повѣсть честнаго гражданина“ (По поводу дневника Никитенки); „Наблюдатель“ 1894, № 3 – 4; В. Р. Зотовъ. „Либеральный цензоръ и профессоръ пес-

симистъ". Біографическій очеркъ. „Истор. Вѣстн." 1893, № 10—12; Ор. Миллеръ, „Памяти А. В. Никитенки". „Новое Время" 27 іюля 1877 года; „Памяти А. В. Никитенки". „Правит. Вѣстн.", 20 іюля 1902 года, № 159.

Труды А. В. Никитенка: Значеніе Ломоносова въ отношеніи къ изящной русской словесности. Рѣчь, произнесенная въ торжеств. собраніи Имп. Академіи Наукъ. („Журналъ Министерства Нар. Просвѣщенія" 1865 г. № 5 и отд.) М. П. Вронченко. Біографическій очеркъ (тамъ-же 1867 г., Ч. CXXXVI, № 10; стр. 1 — 58); А. И. Галичъ (тамъ-же 1869 г., ч. CXLI, № 1; и отд.) Письмо А. Никитенко по поводу юбилея И. Крылова. („Голосъ" 1868 г., № 37); О баснях Крылова въ художественномъ отношеніи. („Записки Имп. Акад. Наукъ" 1868 г., т. XIV, стр. 22—37, и „Спб. Вѣд." 1868 г. №№ 39 и 42). А. С. Норовъ. Біографическій очеркъ. („Записки Имп. Академіи Наукъ 1870 г., т. XVII, стр. 59—82); „Некрологъ А. С. Норова". (Современ. Листокъ 1869 г. № 91; Воспоминаніе о М. М. Сперанскомъ. Рѣчь. („Записки Имп. Академіи Наукъ" 1872 г., т. XX, стр. 258—271, и „С.-Петербургскія Вѣдом." 1872 г., № 3); Ф. И. Тютчевъ. („Рус. Стар." 1873 г., т. VIII, № 8, стр. I—IV).

„Торжественное собраніе Имп. Академіи Наукъ 29 декабря 1866 г. Отчетъ А. Никитенко. („Записки Имп. Акад. Наукъ" 1867 г. Т. X, кн. 21; „Отчеты отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ за 1852—1865 гг., составленные академиками П. А. Плетневымъ, И. И. Давыдовымъ, А. В. Никитенко и Я. К. Гротомъ». Спб. 1866; То-же, за 1866 г. и за 1867, составл. акад. А. В. Никитенко.

„О воспоминаніяхъ г. Никитенко о Сперанскомъ" („Дѣло" 1872,—№ 1, стр. 92—95); „Никитенко и Жуковскій". („Правит. Вѣстн. 27 іюля 1902 года, № 164); П. Плетневъ „Первое двадцатипятилѣтіе Имп. С.-Петербургскаго университета" СПб. 1844; В. В. Григорьевъ, „С.-Петербургскій университетъ въ первые „50 лѣтъ его существованія". СПб. 1870; А. Платовъ и Л. Кирпичевъ, „Историческій очеркъ образованія и развитія артиллерійскаго училища". СПб. 1870; Н. Суворовъ. „Къ исторіи Вологды", Прибавленіе къ Вологодскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ" за 1867 годъ № 17; Ѳ. Фортунатовъ. „Воспоминанія о С.-Петербургскомъ Университетѣ, по новоду пятидесятилѣтняго его юбилея". („Русск. Архивъ 1869, № 2).

Юбилейныя статьи и некрологи, вызванные кончиною А. В. Никитенки, въ періодической печати за 1877 и 1902 годъ; Бурцевъ. „Описанія рѣдкихъ россійскихъ книгъ, ч. II, № 458; Дружининъ. „Собраніе сочиненій", т. VI, с. 132; П. А. Плетневъ, Сочиненія, т. II, с. 204—207; т. III, письмо, № 43, с. 374; № 46, с. 480; Чернышевскій, Очерки гоголевскаго періода (см. указатель); П. Анненковъ. Воспоминанія, т. III, стр. 151; А. А. Котляревскій, Сочиненія, т. IV, стр. 255; Записки К. А. Полевого, стр. 481, 484, 497; А. Скабичевскій, Сочиненія, т. II (указ.); „Очерки по исторіи русской цензуры (1700—1863 г., А. М. Скабичевскаго, Спб. 1892, стр 280, 283—286; „Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности" на 1891 г., с. 140 („Возрожденіе Общества Россійской Словесности въ 1858 г.); Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина (указ.); „П. В. Анненковъ и его друзья" СПб. 1892, стр. 521; Ч. Вѣтринскій. „Въ сороковыхъ годахъ, Историко-литературные очерки и характеристики". Москва 1899; Сочиненія Пушкина (переписка); Сочиненія Бѣлинскаго (указ.); „Библіотека для чтенія", т. CVII, отд. VI, стр. 23; „Литературная Газета" 1841 г. № 101 (письмо Н-ка къ редактору); „Отечественныя записки" 1841 г., т. XVIII, отд. VI, с. 35 (письмо Н-ка въ редакцію); „Сѣверная Пчела" 1841 г., № 191 (письмо къ издателямъ); „Москвитянинъ" 1848 г. ч. I, № 2, стр. 31; „Кіевскій Телегр." 1866 г., 38. По поводу статьи о молодомъ поколѣніи. А. Н-ко); Петръ Руничъ. („Журналъ Мин. Нар. Пр." 1869 г., т. CXLII, № 3, 305—308 (Возраженіе Н-кѣ); „Русск. Старина" 1888, 1889, 1890, 1891 1892, 1893, 1895, 1896, 1397; 1891 г.; „Рус. Архивъ" 1888 г., кн. III, № 9, стр. 131; „Рус. Мысль" 1889 г., № 6, стр. 268, библ. отд. 1890 г., № 2. стр. 17; 1898, № 9, стр. 133—134; 1892, № 3, библ. отд., стр. 149—183, № 11, стр. 150—151; № 12, стр. 560—562, библ. отд.; „Вѣстн. Европы" 1890 г., № 12, общественная хроника; „Истор. Вѣстникъ" 1890, № 4, стр. 96—101; № 1, стр. 348—342; „Нива" 1890, № 1; „Книжки Недѣли" 1891, № 1, стр. 178—173; В. Зотовъ, „Либеральный цензоръ и профессоръ-пессимистъ". („Истор. Вѣстн." 1893, № 10, стр. 194—280; № 11, стр. 588—158; № 12, стр. 100—132; Д. В. Григоровичъ, „Литературныя воспоминанія (Рус. Мысль 1893, № 1. стр. 21—42), В. Веденѣевъ, „Изъ прошлаго русской цензуры" (Рус. Вѣд. 1893, № 228); „Записки" Инсарскаго; „Русскій Архивъ" 1895 г., т. I, № 2, стр 225—228; т. II, № 7, стр. 369—374; „Міръ Божій" 1897 г., № 9.

Отзывы о трудахъ Н-ка: „О творящей силѣ въ поэзіи (1836)—„Библіот. для Чт.". 1837, т. XXI, отд. VI, стр. 19; т. XXII, отд. V; „О Похвальномъ словѣ Петру Великому" (1831 г.): „Литерат. Приб." 1831, № 29; „Сынъ Отеч." 1838, от. IV. стр. 150; О „Рѣчи о современномъ направленіи отечественной литературы" (1841): „Литературная Газета" 1841, № 56; „Отеч. Зап." 1841, т. XVIII, отд. VI, стр. 48; „Рус. Вѣстн." 1841, т. III, стр. 462; „Москвитянинъ" 1847, ч. II, стр. 174; О „Рѣчи о критикѣ (1842): „Литературн. Газ." 1842, № 22; „Отеч. Зап." 1842, т. XXII, отд. VI, стр. 40; т. XXIV, отд. V, стр. 1 и 17; т. XXV, отд. V; Объ „Опытѣ исторіи русской литературы (1845): „Библіот. для чт." 1845, т. LXXI, отд. VI; стр. 16; „Отеч. Зап." 1845, т. XLI, отд. V; „Современникъ" 1845, т. XXXVIII, стр. 336—376; О статьѣ „О Державинѣ": (1846); „Москвит." 1846, ч. I, № 2, стр. 220; О статьѣ „О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ" (1846): „Москвитянинъ" 1846, ч. II, № 3, стр. 176, 199; „Отеч. Зап." 1846 г., т. XLV, отд. VI, стр. 29; О статьѣ „В. Л. Туковскій" (1853): „Москвит." 1853, ч. I, стр. 155; О рѣчи „О началѣ изящнаго въ наукѣ" (1854): „Современникъ" 1854, т. XLVI, отд. IV, стр. 14; О „Замѣткѣ объ

университетахъ“ (1861): Н. Костомаровъ. „Замѣтка на замѣтку Н-ко“ въ „СПб. Вѣд.“ 1861 г., № 270; Замѣтки М. Стасюлевича и П. Петроченко—ibid., № 281; Статья „А. И. Галичъ“ (1869): „Вѣстн. Евр.“ 1869, № 3; „Мысли о реализмѣ въ литературѣ“ (1872): „Дѣло“ 1872, № 4; „Записки“ Дневникъ (1888 и слѣд. над.): Z. („Моск. Вѣд.“ 1889, № 59); А. Скабичевскій („Новости“ 1889, стр. 246; С. Сычевскій („Одес. Вѣстн.“ 1889, № 214); Н. „Рус. Вѣд.“ 1889, №№ 98, 285; „Рус. Мысль“ 1889 г., № 12; „Вѣстн. Евр.“ 1893, № 3. стр. 407—410; 1893 г., № 6, стр. 877—889); Н. Ш. „Рус. Стар. 1893, т. LXVII, № 3). А. Б. („Міръ Божій“ 1897 г., № 9). Словари: Общества Любителей Россійской Словесности, Березина, Старчевскаго, Брокгауза и др.

А. П.

Никитина, *Варвара Николаевна*,— урожденная Жандръ, писательница; род. въ Кронштадтѣ $^{15}/_{27}$ декабря 1842 г., ум. въ Парижѣ $^{6}/_{18}$ декабря 1884 г. Происходила Н. изъ дворянской, обрусѣвшей французской фамиліи. Весьма слабая физически отъ природы, она была богата духовными силами, отличалась необыкновенной жаждой знанія и работоспособностью. Большое вліяніе на духовное развитіе Н. имѣла ея мать, женщина очень образованная и начитанная, а также отецъ, не чуждый литературныхъ вкусовъ и, между прочимъ, писавшій стихи. Дѣвочкѣ исполнилось десять лѣтъ, когда родители ея поселились въ Кіевѣ, гдѣ отецъ получилъ мѣсто и. д. директора Императорской Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики; мать вскорѣ умерла, и отецъ опредѣлилъ дочь въ Кіевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, куда она была принята пенсіонеркой. Въ то время въ институтѣ преподавали лучшіе профессора университета св. Владиміра. Н. сразу стала обнаруживать блестящіе успѣхи и рано пріобрѣла вкусъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. Окончивъ институтскій курсъ съ золотою медалью въ 1860 г., Н. вернулась домой, гдѣ ей пришлось вступить въ среду, ставшую ей чуждой, тѣмъ болѣе, что отецъ ея женился вторично. 20-ти лѣтъ В. Н. вышла замужъ за состоятельнаго гвардейскаго подполковника Никитина, человѣка немолодого, незадолго до того овдовѣвшаго и имѣвшаго двухъ взрослыхъ дочерей. Въ теченіе шести лѣтъ замужества Н. вела довольно разсѣянный образъ жизни, среди баловъ, празднествъ, визитовъ, но не забывала и своихъ научныхъ занятій, съ увлеченіемъ читая Дарвина, Бюхнера, Бокля. Въ концѣ 1860-хъ гг. Н. должна была на два года уѣхать за границу для лѣченія, и эта поѣздка имѣла рѣшающее значеніе для всей ея дальнѣйшей жизни. Вспыхнувшій въ ней съ новою силой интересъ къ наукѣ и вопросамъ соціальнымъ сдѣлалъ невозможнымъ возвратъ къ прежней жизни, и Н. откровенно написала объ этомъ мужу, который далъ ей разводъ. Одиннадцать лѣтъ, проведенные затѣмъ Никитиной въ Италіи, были для нея эпохой усиленной умственной работы. Въ 1878 году Н. поселилась въ Парижѣ, гдѣ впервые выступила въ печати. Желая слушать Ипполита Тэна, читавшаго въ то время лекціи по эстетикѣ, она обратилась къ нему съ просьбой разрѣшить ей присутствовать на его лекціяхъ въ Ecole des beaux arts. Тэнъ отказалъ ей, и результатомъ отказа Тэна явилась 1-го апрѣля 1879 г. н. с. въ журналѣ «La Science politique» статья «M. Taine et l'éducation de la femme», въ которой Никитина наполовину въ серьезномъ, наполовину въ юмористическомъ тонѣ оспаривала доводы Тэна. Впечатлѣніе, произведенное этою статьей, которую Н., какъ и всѣ послѣдующія свои статьи, подписывала дѣвичьей своей фамиліей—«Barbe Gendre», было очень сильно и опредѣлило дальнѣйшій характеръ ея дѣятельности. Широкій умственный горизонтъ, сильная впечатлительность, темпераментъ, знанія и литературный талантъ дали ей возможность быстро занять мѣсто въ ряду публицистовъ того времени. Начиная съ 1880 г. начали появляться съ краткими промежутками въ разныхъ повременныхъ парижскихъ изданіяхъ ея статьи. Инстинктивно тяготѣя къ соціализму, Н. въ началѣ 1880-хъ гг. стала изучать его подъ руководствомъ выдающихся въ этомъ отношеніи людей и, между прочимъ, своего соотечественника Петра Лаврова. Всегда готовая работать для идеи ради идеи, В. Н. въ своихъ статьяхъ старалась внушить и обществу необходимость такого же отношенія къ дѣлу. Работы свои она отдѣлывала съ необыкновенной тщательностью. Стремленіе къ точности сообщаемыхъ свѣдѣній и было причиною ея преждевременной смерти. Подготовляя къ печати для «Nouvelle Revue» свой второй этюдъ объ Ирландіи, работая съ увлеченіемъ, по выраженію ея біографа, д-ра Шарля Летурно, «avec la furie slave», она, несмотря на болѣзнь легкихъ, отправилась въ концѣ ноября

1884 г., въ крайне ненастную погоду добывать документы въ окрестности Парижа, простудилась и 8 дней спустя умерла. Отсутствіе ненависти къ противникамъ, благородство духа и идеалистическія стремленія, вытекавшія, при наличіи свѣтлаго ума, выдающагося ея образованія, изъ твердой увѣренности въ лучшей будущности человѣчества, объединили вокругъ ея гроба людей разныхъ направленій, разныхъ націй.

Литературная дѣятельность В. Н. Никитиной была весьма разнообразна. Начавъ ее уже упомянутой выше статьей, направленной противъ Тэна, въ которой она отстаивала право женщины на высшее образованіе, она продолжала, сотрудничать въ «La Réforme», «Revue Internationale des Sciences», «La Justice», «Le Rével», «Le Citoyen», «La Nouvelle Revue», гдѣ помѣстила рядъ этюдовъ о соціализмѣ и литературныхъ обозрѣній и между прочимъ: «La prétendue infériorité de la femme», «La sociologie d'après l'ethnographie», «A propos d'une sociologie positiviste», «La psychopathie dans l'histoire et la sociologie», «La renaissance du materialisme», L'homme et les sociétés», «La théorie du progrés d'après les sociologistes modernes», «La journée de travail», «Les heures de travail», «Le catholicisme socialiste en Allemagne», «M. Renan et le christianisme», «La sociologie et la question sociale», «M. Pierre Lavroff», «Lettre de Russie», «Potbouille et la bourgeoisie française», «Le mouvement nihiliste», «La déportation administrative en Russie», «De l'hérédité», «Un problème de morale», «Deux anniversaires», «Transformisme et transformistes», «La civilisation chinoise», «Lettres de Russie», «Le paradis d' un naturaliste», «Deux adversaires du socialisme», «Troubles agraires en Russie» «L'ouvrier en Allemagne», «Poésie inédite de Tourguéneff», «Ivan Tourguéneff et le réalisme russe», «Biographie d'un prolétaire Desmoulins», «La morale démocratique», «La sociologie par le D-r Letourneau», «Une science nouvelle», L'Allemagne ouvrière et socialiste», «Un revolutionnaire de la veille», «Etudes psychologiques par Ivan Setchénoff» (посмертный трудъ). Въ 1886 году въ Парижѣ вышло посмертное изданіе нѣкоторыхъ произведеній Никитиной подъ заглавіемъ «B. Gendre (M-me Nikitine). Etudes sociales, philosophiques et morales. Avec une notice biographique par le Dr. Ch. Letourneau», въ которое вошли также рѣчи, произнесенныя разными лицами у ея могилы.

„Формулярный списокъ о службѣ исправляющаго должность Директора Императорской Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики коллежскаго ассесора Жандра за 1855 годъ"; „Русскій Календарь" на 1886 г.; „Историческій Вѣстникъ" 1885 г. т. XIX, стр. 464—465; 1886 г. т. XXVII, стр. 233; кн. Голицынъ, „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ",„Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона"; „La Science Politique"; 1 апр. н. с. 1879 г.; „La Réforme" 15 авг. и 1 сент. н. с. 1880 г.; „La Revue internationale des Sciences" 15 янв., 15 апр., 15 окт, н. с. 1881 г.; „La Justice" 6 іюня, 17 авг., 15 сент., 2 дек. н. с. 1881 г.; 18 и 26 янв., 7, 15, 24, 26 февр. 2 мар., 5 апр., 4 мая, 20 іюня, 28 авг., 2, 26 сент., 3 окт., 24 ноября и 5 дек. н. с. 1882 г., 6 февр., 26 марта, 11, 17 и 25 апр., 5, 17 мая, 12. 19, іюня, 24, 31 іюля, 28 авг., 8, 19 сент., 9, 16, 18, 19, 21 окт. н. с. 1883 г., 7, 8 янв., н. с. 11 февр., 4, 17 марта, 18 апр., 15 сент., 26 декабря н. с. 1884 г. „Le Réveil" 25 окт. 13, 19 ноября 1881 г.; „Le Citoyen" 26 февр. 1882 г., „Nouvelle Revue" 6 дек. н. с. 1883 г., 1 апр, 12 мая, 8, 15 сент., 13, 14, 17, 13 окт., 17 ноября и 26 декабря 1884 г.

А. А. П.

Никитинъ, *Агаѳонъ*, — бомбардиръ-наводчикъ 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады. Родился въ 1848 году, умеръ 31-го декабря 1880 года. Никитинъ происходилъ изъ крестьянъ Сувалкской губерніи, Кальварійскаго уѣзда, Урдоминской гмины, деревни Кибарты, поступилъ на службу 22-го ноября 1875 г., принималъ участіе въ Восточной войнѣ 1877—1878 г.г. и за оказанную храбрость былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. Во время Ахалъ-Текинской экспедиціи, при осадѣ русскими войсками крѣпости Денгиль-Тепе, Никитинъ находился въ составѣ взвода своей батареи на редутѣ № 3 (Ставропольскомъ). 30-го декабря, въ 11 часовъ ночи, громадныя толпы текинцевъ, воспользовавшись темнотою, произвели удачную вылазку и, уничтоживъ охранявшую орудія на редутѣ № 3 третью роту Закаспійскаго батальона, и артиллерійскую прислугу, захватили два горныхъ орудія. Агаѳонъ Никитинъ, котораго послѣ этого нападенія не оказалось на лицо, былъ показанъ убитымъ, хотя тѣло его и не было найдено.—Между тѣмъ, послѣ того какъ крѣпость была 12-го января 1881 г. взята штурмомъ, и покорившіеся текинцы стали возвращаться на свои мѣста, судьба Никитина выяснилась. Оказалось, что главный защитникъ Денгиль тепе—Тыкма-

Сардаръ, желая воспользоваться захваченнымъ текинцами 28-го декабря горнымъ орудіемъ съ 2 ящиками снарядовъ, но не умѣя обращаться съ нимъ, приказалъ нападавшимъ 30 декабря текинцамъ захватить въ плѣнъ какого-нибудь „топчи“ артиллериста. Нѣкоторые изъ нападавшихъ, увидѣвъ вынимавшаго замокъ у орудій солдата со знакомъ отличія на груди, вспомнили объ этомъ приказаніи и захватили его. На слѣдующій день, при громадномъ стеченіи народа, Никитина заставляли стрѣлять изъ захваченныхъ орудій по русскимъ войскамъ, но онъ отказался. Сначала дѣйствовали на него лаской, обѣщая пощаду и суля всякія блага, затѣмъ прибѣгли къ угрозамъ и побоямъ. Когда и это не дѣйствовало, Никитина подвергли разнообразнымъ мученіямъ: вырѣзали ремни со спины, жарили его на огнѣ, обрубили ему пальцы на рукахъ, отсѣкли уши и, наконецъ, не добившись отъ мужественнаго бомбардира ничего, кромѣ упорнаго молчанія, отрубили ему голову. Въ 1882 г., по Высочайшему повелѣнію, была открыта всероссійская подписка на памятникъ Никитину, а родные Никитина были щедро обезпечены.

„Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней“. Составлено подъ общей редакціей генералъ-лейтенанта Леера. Ч. III, кн. 2. стр. 640. Спб. 1889; Гродековъ. „Война въ Туркменіи“ (походъ Скобелева). Спб.; „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, составлена подъ главной редакціей генералъ-лейтенанта Леера“. Т. V. Спб. 1891 г.; Картина, изображающая подвигъ А. Н-а, съ текстомъ, изд. 1907 г.; „Бомбардиръ Агаоонъ Никитинъ“. „Разсказъ изъ Ахалъ-текинской экспедиціи“. Сообщ. Остенъ-Сакенъ („Рус. Стар.“ 1882 г., т. XXXV, стр. 638—640).

А. П.

Никитинъ, *Александръ Никитичъ*, докторъ медицины, писатель. Н. род. въ 1793 г., воспитывался въ Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, высшее образованіе получилъ въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Выпущенный въ 1810 году изъ Академіи лѣкаремъ, онъ былъ назначенъ врачемъ въ отдѣленіе грудныхъ и возрастныхъ младенцевъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, а въ слѣдующемъ году 28-го августа былъ переведенъ врачемъ на Александровскую мануфактуру, рабочіе которой комплектовались изъ воспитанниковъ Воспитательнаго Дома; въ 1817 году былъ переведенъ на службу въ деревенское правленіе Воспитательнаго Дома. Къ тому времени относятся его первыя научно-литературныя работы. Въ 1816 году онъ напечаталъ свой переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Бреры «Медико-практическіе уроки о глистахъ или о чревныхъ червяхъ» (Спб. 1816 г. 8° XI + 207 + 4 н. стр. и 5 табл. рисунк.). Затѣмъ, два года спустя, онъ перевелъ съ нѣмецкаго же сочиненіе Августина «О гальванизмѣ и врачебномъ его употребленіи» (Спб. 1818 г.). Въ томъ же году Н. получилъ званіе штабъ-лѣкаря и, кромѣ того, Медико-Хирургическая Академія признала его безъ экзамена докторомъ медицины. Въ то же время Н. весьма тщательно изучалъ постановку дѣла въ Воспитательномъ Домѣ. Дѣятельность его по этому учрежденію особенно расширилась съ 1827 года, когда онъ былъ поставленъ во главѣ деревенскаго управленія, которое почти всецѣло его заботливости, знаніямъ и опытности обязано своей правильной организаціей. Будучи филантропомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, онъ всю свою дѣятельность направилъ къ улучшенію быта питомцевъ Воспитательнаго Дома. Изучая ихъ нужды и потребности, постоянно слѣдя за ихъ жизнью, Н. прекрасно понималъ, какъ и чѣмъ удовлетворять потребностямъ деревенскаго быта дѣтей. Чтобы сдѣлать врачебную помощь для питомцевъ Дома болѣе доступной, а надзоръ за ихъ содержаніемъ въ деревняхъ болѣе дѣйствительнымъ, Н. устроилъ въ окрестностяхъ Петербурга девять сельскихъ лазаретовъ и постоянно руководилъ окружныхъ врачей при этихъ лазаретахъ въ исполненіи ихъ обязанностей. Дѣятельность Н. по Воспитательному Дому была настолько полезна, что когда по новому штату этого учрежденія, утвержденному 25-го декабря 1854 года, занимаемая имъ должность была упразднена, то Опекунскій Совѣтъ въ февралѣ слѣдующаго года особымъ Всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ разрѣшеніе оставить его на службѣ при Воспитательномъ Домѣ съ прежнимъ содержаніемъ, и Н. продолжалъ служить при Воспитательномъ Домѣ до самой своей смерти. Кромѣ того, Н. былъ учредителемъ, первымъ секретаремъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества Русскихъ Врачей въ Петербургѣ со времени его основанія. Кромѣ того, онъ очень много писалъ и переводилъ по медицинѣ, что создало ему

широкую литературную извѣстность. Переводилъ онъ больше всего съ нѣмецкаго и французскаго языковъ. Изъ его переводовъ съ нѣмецкаго языка, кромѣ вышеуказанныхъ, назовемъ: Грефе «Ринопластика или искусство органически возстановлять потерю носа» (Спб. 1821 г., 466 стр.); Троттера «О пьянствѣ и вліяніи онаго на человѣческое тѣло въ физическомъ и нравственномъ отношеніи» (Спб. 1824); Генке «Руководство къ судебной медицинѣ» (Спб. 1828 г., 607 стр.); Брокгаузена «О распознаніи и лѣченіи бѣлой горячки, происходящей отъ пьянства» (Спб. 1830 г.); Шеффера «Проба печеночная, служащая подтвержденіемъ пробы легочной въ судебно-медицинскомъ отношеніи» (Спб. 1833 г.); Бремзера «О глистахъ, водящихся въ живомъ человѣческомъ тѣлѣ (Спб. 1839 г., 384 стр.); Лихтенштедта «О большой смертности дѣтей на первомъ году жизни» (Спб. 1839 г., 2-е изд. Спб. 1840 г.); Рау «О распознаваніи и лѣченіи гемороидальной болѣзни» (Спб. 1841 г. 285 стр.); Гельма «Монографія родильныхъ болѣзней» (съ 1848 по 1853 г. выдержало три изданія) и мн. др. Съ французскаго языка Н. перевелъ между прочимъ, слѣдующія сочиненія: 1) Жиродо-де-Сенъ-Жерве «О распознаваніи и лѣченіи сифилитической болѣзни» (Спб. 1843 г. 522 стр.) и 2) Тиссота «Объ онанизмѣ или разсужденіе о болѣзняхъ, происходящихъ отъ рукоблудія» (Спб. 1847 г., 249 стр.). Многія изъ этихъ сочиненій выдержали по два, три и болѣе изданія. Кромѣ переводныхъ работъ, Н. оставилъ длинный рядъ самостоятельныхъ сочиненій и статей, изъ которыхъ назовемъ слѣдующія: 1) «О весеннемъ лѣченіи болѣзней» (Спб. 1825 г., 124 стр., выдержало нѣсколько изданій); «Врачебный словарь, изъясняющій принятые въ медицинѣ греческіе и латинскіе термины съ прибавленіемъ краткихъ біографическихъ очерковъ извѣстныхъ древнихъ врачей» (Спб. 1835 г., 620 стр.); «Болѣзни рабочихъ съ указаніемъ предохранительныхъ мѣръ» три изданія 1847, 249 стр., 1851 и 1852 г.;—сочиненіе это представляетъ сводку статей, напечатанныхъ въ «Другѣ Здравія» 1844—1856 годовъ) «Діэтика беременныхъ, родильницъ и дѣтей» (три изданія: 1846, 1847 и 1852 г.), «Наставленіе о пособіи больнымъ до прибытія врача» (Спб. 1846 г., 220 стр.); «Популярная діэтика, или указаніе средствъ къ сохраненію здоровья» (Спб. 1851 г., и 2 изд. Спб. 1853 г.); «Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II» (Спб. 1855 г.); «Историческій очеркъ введенія, водворенія и развитія оспопрививанія въ разныхъ странахъ («Другъ Здравія» 1855 г. №№ 15, 16, 19 и 20 и др.). Кромѣ перечисленнаго, Н. составилъ еще рядъ большихъ статей по медицинѣ для энциклопедическаго лексикона Плюшара, напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ», «Сынѣ Отечества», «Другѣ Здравія», «Отечественныхъ запискахъ», «Трудахъ Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ» и нѣкоторыхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ нѣсколько десятковъ критическихъ разборовъ и замѣтокъ на разныя медицинскія сочиненія, много біографій и некрологовъ медицинскихъ дѣятелей, и до пятидесяти небольшихъ статей по разнымъ вопросамъ медицины и гигіены. А. Н. Никитинъ скончался скоропостижно, отъ удара, 22-го іюня 1858 года, на 66 году отъ рожденія.

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе Врачи-Писатели“ Вып. I, Спб. 1886 г. тетрадь 2, стр. 33—35; „Другъ Здравія“ 1837 г. № 19; „Протоколы Засѣданій Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ“ 1858—1859 г. стр. 17—20 (некрологъ); „Medicinische Zeitung Russlands“ 1858, № 29 (некрологъ); „Мѣсяцесловъ на 1859 г.“; „Московская Медицинская Газета“ 1861 г., № 49; „Другъ Здравія“ 1833 г. № 24, 1835 г. № 26, 1840 г. № 5, 1841 г. № 44, 1843 г. № 44 и 1854 г. № 39; „Отечественныя Записки“ т. 6, № 8, стр. 162; т. 19, № 6, стр. 12; т. 36, № 6, стр. 61; т. 44, № 6, стр. 18; т. 49, № 6, стр. 99; т. 88, № 6, стр. 33.

Е. Ястребцевъ.

Никитинъ, *Александръ Павловичъ*,— генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Военнаго Совѣта; род. 24-го декабря 1824 г. и происходилъ изъ дворянъ Московской губ.; ум. 21-го ноября 1891 г. По окончаніи Павловскаго кадетскаго корпуса въ августѣ 1843 г. Н. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ; въ чинѣ подпоручика Н. въ 1847 г. поступилъ въ Николаевскую Военную Академію и въ томъ же году былъ произведенъ въ поручики. По окончаніи въ 1849 г. академическаго курса Н. за отличные успѣхи въ наукахъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и отправленъ на службу въ дѣйствующую армію съ причисленіемъ къ 5-му армейскому корпусу,

находившемуся въ Венгріи; вскорѣ съ тѣмъ же корпусомъ Н. былъ отправленъ въ придунайскія княжества, гдѣ находился до 25-го января 1850 г., когда былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ; въ августѣ 1852 г. Н. произведенъ въ капитаны и назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба гвардейскаго пѣхотнаго корпуса. Во время Восточной войны 1853—1856 гг. Н. находился въ составѣ войскъ, оберегавшихъ берега Эстляндіи. Назначенный на должность дивизіоннаго квартирмейстера 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Н. 26-го января 1855 г. былъ произведенъ въ полковники, а въ сентябрѣ 1856 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго гренадерскаго корпуса. Въ мартѣ 1859 г. состоялось назначеніе Никитина командиромъ Бутырскаго пѣхотнаго полка, а въ декабрѣ того же года онъ былъ назначенъ на ту же должность въ Несвижскій гренадерскій генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полкъ, которымъ командовалъ болѣе двухъ лѣтъ. Въ 1862 г. онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность начальника штаба 4 армейскаго корпуса и вскорѣ затѣмъ произведенъ за отличіе по службѣ въ генералъ маіоры съ утвержденіемъ въ должности начальника штаба 4-го армейскаго корпуса. Когда были образованы военные округа, Н. получилъ назначеніе на должность начальника штаба, сначала (въ 1864 г.) Рижскаго, а потомъ (въ маѣ 1866 г.) Виленскаго военныхъ округовъ. Кромѣ того, онъ въ 1865 г. исправлялъ обязанность Рижскаго коменданта. Въ 1868 г. Никитинъ былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ Высочайше учрежденной Комиссіи по устройству быта и призрѣнія отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Въ іюнѣ 1870 г. Н. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1876 г., въ ноябрѣ, онъ по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ Сербію съ особо возложеннымъ на него порученіемъ, касавшимся боевой подготовки сербскихъ войскъ, при чемъ выполнилъ это порученіе съ выдающимся успѣхомъ. Въ апрѣлѣ 1878 г. состоялось назначеніе Н. на должность командира 2-го армейскаго корпуса, которымъ онъ командовалъ въ теченіе шести лѣтъ, причемъ съ сентября 878 г. по 26е ноября исполнялъ обязанности начальника военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи и командующаго войсками, находящимися въ тылу арміи. Состоя въ должности командира 2-го армейскаго корпуса, Н. неоднократно командовалъ войсками Виленскаго военнаго округа. Произведенный въ маѣ 1884 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, онъ вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа, но занималъ эту должность недолго. Два года спустя, 11-го марта 1886 г., состоялось назначеніе А. П. Никитина членомъ Военнаго Совѣта, каковую должность онъ занималъ до смерти, съ 19-го апрѣля 1886 г. состоя предсѣдателемъ Высочайше учрежденной при Военномъ Совѣтѣ Комиссіи по устройству казармъ.

«Русскій Инвалидъ» 1891 г. № 255 и 258; «Сынъ Отечества» 1891 г. № 316; «Столѣтіе Военнаго Министерства» (1802—1902). Память о членахъ Военнаго Совѣта. Составилъ подполковникъ Н. М. Затворницкій. Спб. 1907.

А. П.

Никитинъ, графъ *Алексѣй Петровичъ*,—генералъ-отъ-кавалеріи, начальникъ всей резервной кавалеріи и военныхъ поселеній, герой войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Н. родился въ 1777 году и происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. Оставшись круглымъ сиротою, онъ въ 1788 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, былъ опредѣленъ въ артиллерійскій и инженерный корпусъ (теперь 2-й кадетскій корпусъ). Выпущенный изъ корпуса 25-го іюня 1796 г. съ званіемъ штыкъ-юнкера, Н. былъ назначенъ въ 3-й бомбардирскій баталіонъ и въ томъ же году 21-го декабря былъ произведенъ въ подпоручики. Отличная военная выправка, исполнительность и прекрасное знаніе артиллерійскаго дѣла обратили на него вниманіе императора Павла I. 11-го января 1797 г. Н. былъ произведенъ въ поручики, съ переводомъ въ полевой артиллерійскій генералъ-маіора Базина баталіонъ, а затѣмъ, 21-го августа того же года, за отличіе былъ произведенъ въ капитаны. Командированный вскорѣ послѣ того въ Финляндію, Н. былъ тамъ назначенъ начальникомъ артиллеріи въ пограничныхъ укрѣпленіяхъ на берегу озера Саймы, гдѣ, кромѣ того, завѣдывалъ и инженерными работами. Произведенный въ маіоры, Н. въ 1799 г. былъ возвращенъ въ свою часть, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ въ

1-й артиллерійскій полкъ, гдѣ снова обратилъ на себя вниманіе императора Павла Петровича цѣльной стрѣльбой изъ орудій и былъ пожалованъ командиромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Дальнѣйшая служба его до 1805 года протекала сначала во 2-мъ полевомъ баталіонѣ, а затѣмъ во 2-мъ конно-артиллерійскомъ баталіонѣ. Съ началомъ войнъ съ Наполеономъ Никитину открылось широкое поприще, чтобы выказать свои боевыя способности. Назначенный осенью 1805 года начальникомъ конной артиллеріи въ корпусъ ген.-л. Эссена, предназначенный для усиленія дѣйствовавшей арміи подъ начальствомъ М. И. Кутузова, Никитинъ, однако, въ эту кампанію не могъ принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ корпусъ Эссена дошелъ лишь до Силезіи, а затѣмъ возвратился въ Россію. По возвращеніи въ Россію Никитинъ со своею ротою былъ назначенъ въ 9-ю артиллерійскую бригаду, съ которою и поступилъ осенью того же 1806 года въ Днѣпровскую армію, бывшую подъ начальствомъ Михельсона и назначенную для занятія Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи. Въ эту кампанію Никитинъ участвовалъ въ сраженіи и занятіи города Хотина, а затѣмъ, будучи въ отрядѣ ген.-л. Эссена, назначеннымъ прикрывать, по случаю новой войны съ Наполеономъ, нашу границу отъ Брестъ-Литовска до Гродно, принялъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ. Произведенный 17-го января 1807 г. въ полковники, Н. съ этого времени, помимо своей роты, командовалъ еще и всей 9-й артиллерійской бригадой. Первое дѣло, въ которомъ въ эту кампанію участвовалъ Никитинъ, было дѣло на рѣкѣ Схавѣ, продолжавшееся два дня. Въ теченіе перваго дня, нанеся французамъ большой уронъ мѣткимъ огнемъ своей роты, Н. самъ почти не имѣлъ потерь, но на второй день, во время стремительнаго наступленія въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго непріятеля, онъ со своей конной ротой былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Однако, несмотря на отчаянныя атаки французовъ, Н., хотя и съ большимъ урономъ, все же пробился и присоединился къ остальнымъ войскамъ. Спустя нѣкоторое время послѣ сраженія на рѣкѣ Схавѣ, Никитинъ со своею конною ротою былъ назначенъ въ корпусъ ген.-л. Платова и 1-го мая 1807 г. участвовалъ въ дѣлѣ у Алленштейна. Платовъ въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ очень хвалилъ Н. за его храбрость и знаніе артиллерійскаго дѣла, а затѣмъ назначилъ его начальникомъ донской конной артиллеріи. Однако, Никитинъ командовалъ донскою конною артиллеріей не долго, такъ какъ ему приказано было вернуться къ своему корпусу, перешедшему въ командованіе отъ Эссена къ гр. Толстому и вслѣдъ затѣмъ ему пришлось принять участіе въ сраженіи 30-го мая и 1-го іюня у Ольшево-Борки, послѣ чего, въ виду заключенія Тильзитскаго мира, онъ повелъ 9-ю артиллерійскую бригаду въ Россію. По возвращеніи въ Россію Н. со своей бригадой вошелъ въ корпусъ генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова, стоявшій въ Кіевской губерніи. Здѣсь онъ прослужилъ до начала Отечественной войны. Назначенный со своей конной ротой въ составъ 6-го пѣхотнаго корпуса, поступившаго въ армію Барклая де-Толли, Н. уже при самомъ началѣ кампаніи, 6-го и 7-го іюля, участвовалъ въ аріергардныхъ дѣлахъ съ французами при г. Дисенѣ. Въ послѣдующихъ затѣмъ бояхъ артиллерія Никитина дѣйствовала блестяще, а самъ онъ проявилъ замѣчательную храбрость и распорядительность, за что и былъ награжденъ вторично орденомъ св. Анны 2-й степени и золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Послѣ боя у Колоцкаго монастыря Никитину приказано было приготовиться къ большому сраженію, которое Кутузовъ рѣшилъ дать Наполеону при с. Бородинѣ, причемъ ему поручено было съ его ротой защищать самое село Бородино. Рота Н. въ бою 26-го августа принимала самое активное участіе. Переведенная въ срединѣ сраженія изъ села Бородина на батарею Раевскаго, она затѣмъ продолжала бой на нашемъ лѣвомъ флангѣ и все время была въ самомъ ужасномъ огнѣ. Несмотря на то, что конная рота Никитина несла страшныя потери и въ одинъ часъ у него было убито 90 человѣкъ и 113 лошадей, однако, онъ съ той же энергіей и также успѣшно, какъ и въ началѣ боя, продолжалъ поражать наступавшаго непріятеля, употребляя для прислуги и для поднятія орудій на передки пѣхотныхъ солдатъ и ратниковъ ополченія. Получивъ серьезную контузію въ обѣ ноги, Н., однако, не оставилъ строя до конца сраженія.

Наградою за выказанныя во время Бородинскаго боя отличія для Н. былъ орденъ

св. Владиміра 3-й степени. Оправившись немного отъ полученныхъ во время бородинскаго боя контузій, Никитинъ поспѣшилъ возвратиться къ своей ротѣ и вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ принять участіе сначала въ сраженіи подъ Тарутинымъ, а затѣмъ въ сраженіи подъ Малоярославцемъ, за которое онъ вторично получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Когда послѣ боя подъ Малоярославцемъ Наполеонъ началъ поспѣшно отступать со всей своей арміей, энергично преслѣдуемый Кутузовымъ, Н., находясь въ это время въ авангардѣ, принималъ участіе во многихъ схваткахъ съ французскимъ аріергардомъ и мѣткими выстрѣлами своей артиллеріи постоянно наносилъ непріятелю сильный вредъ. Особенно отличился Н. во время 2-хъ-дневнаго боя 5-го и 6-го ноября подъ Краснымъ, гдѣ французы были настигнуты нашими войсками. Никитину удалось въ этомъ дѣлѣ отбить у непріятеля три пушки и захватить много плѣнныхъ. За это дѣло онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а ротѣ его пожалованы золотыя петлицы на офицерскіе мундиры. Въ началѣ кампаніи 1813 года Н. былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи отдѣльнаго корпуса барона Винценгероде, предназначеннаго для дѣйствій въ Варшавскомъ герцогствѣ. Уже въ январѣ корпусъ Винценгероде двинулся къ Калишу, гдѣ стоялъ французскій генералъ Релье, который и былъ 1-го февраля атакованъ нашими войсками. Во время происшедшаго сраженія Н., несмотря на то, что въ началѣ боя былъ раненъ въ обѣ руки пулями, дѣйствовалъ замѣчательно энергично, устраивая наши батареи подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ и на очень близкихъ дистанціяхъ. Наградою за этотъ бой для Н. былъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Оправившись отъ ранъ, Н. снова вернулся къ своей части и вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ авангардной артиллеріи, которою и командовалъ въ дѣлахъ 17-го и 18-го апрѣля при Вейсенфельсѣ, 19-го при Грюссъ-Гершенѣ и 20-го при Люцинѣ. Въ послѣднемъ сраженіи на его долю выпало сначала подкрѣпить прусскаго генерала Іорка, дѣйствовавшаго на лѣвомъ крылѣ и котораго сильно тѣснили французы. Н. выѣхалъ на позицію и началъ сильно безпокоить французовъ. Противъ него была направлена французская морская дивизія, однако, несмотря на нѣсколько отчаянныхъ атакъ, она ничего не достигла, и Никитину удалось даже отнять у нея 4 орудія. Видя, что батарей Никитина не удается сбить, непріятель сталъ усиливаться у Старзыделя противъ нашего лѣваго крыла. Тогда Императоръ Александръ I потребовалъ туда Н-на, велѣлъ ему выдвинуть 40 орудій и сказалъ: «Я самъ буду смотрѣть на дѣйствія твоей артиллеріи». Французы пошли было въ атаку, но мѣткій страшно губительный огонь орудій Н. заставилъ ихъ остановиться.

За Люценское сраженіе Н. былъ награжденъ прусскимъ орденомъ Краснаго Орла 2-й степени. За участіе въ рядѣ слѣдующихъ сраженій Н. былъ награжденъ золотой шпагой, усыпанной алмазами съ надписью «За храбрость». Въ августѣ 1813 года, когда послѣ перемирія военныя дѣйствія снова были возобновлены, Н. былъ назначенъ въ корпусъ гр. Витгенштейна, состоявшій въ главной или Богемской арміи. Здѣсь онъ участвовалъ почти ежедневно въ авангардныхъ дѣлахъ, въ сраженіи 14-го и 15-го августа подъ Дрезденомъ и, наконецъ, въ двухдневномъ бою 2-го и 3-го сентября подъ Петерсвальде, за отличіе въ которомъ былъ награжденъ брилліантовыми знаками ордена св. Анны 1-й степени и австрійскимъ орденомъ Леопольда. Послѣ вышеописаннаго дѣла Н. участвовалъ еще въ нѣсколькихъ дѣлахъ въ теченіе 1813 года, въ томъ числѣ въ битвѣ 4-го, 6-го и 7-го октября подъ Лейпцигомъ, гдѣ особенно отличился во время приступа къ городу, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Въ кампанію 1814 года на долю Н. выпало командовать артиллеріей корпуса барона Остенъ-Сакена, съ которымъ онъ участвовалъ въ длинномъ рядѣ дѣлъ, въ томъ числѣ и близъ Краона, за отраженіе атакъ въ которомъ былъ награжденъ вторично золотой шпагой, украшенной алмазами, съ надписью «за храбрость». Послѣ взятія Парижа на Н. возложено было порученіе привести въ извѣстность оружіе и прочія вещи, хранившіяся въ Парижскихъ арсеналахъ, а по заключеніи мира онъ повелъ свою артиллерію въ Россію. По случаю побѣга Наполеона съ острова Эльбы Н., бывшій уже въ Царствѣ Польскомъ, снова возвратился во Францію, но участвовать въ дѣлахъ ему

не пришлось, и въ концѣ 1815 года онъ былъ уже въ Россіи. Тогда же ему была пожалована аренда на 12 лѣтъ, а въ слѣдующемъ году, 10-го января, онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи гренадерскаго корпуса, которою командовалъ болѣе десяти лѣтъ, причемъ 6-го января 1826 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 22-го августа того же года награжденъ золотою табакеркою съ брилліантами и вензелевымъ изображеніемъ имени Его Величества. 10-го марта 1827 г., помимо командованія артиллеріею гренадерскаго корпуса, на Никитина было возложено еще командованіе артиллеріей поселенческаго гренадерскаго корпуса и въ этихъ должностяхъ оставался онъ до сентября 1829 года, когда былъ назначенъ командиромъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, переименованнаго въ 1832 году въ 1-й резервный кавалерійскій корпусъ, которымъ и командовалъ около одиннадцати лѣтъ. Съ 29-го сентября 1833 года по 19-е декабря 1834 года Н., кромѣ того, исполнялъ обязанности временнаго военнаго губернатора и управляющаго гражданскою частью Харьковской губеріи. 17-го сентября 1832 года Н. былъ назначенъ шефомъ Чугуевскаго уланскаго полка, а 6-го декабря 1833 года произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. 21-го сентября 1837 г. Никитину были пожалованы вензеля Имени Его Величества на эполеты, и онъ былъ назначенъ состоять при Особѣ Государя. Назначенный 1-го августа 1841 года инспекторомъ резервной кавалеріи, Н. 22-го сентября 1842 г. получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Состоя еще съ августа 1839 года начальникомъ Украинскаго военнаго поселенія и войскъ, въ немъ расположенныхъ, Н. затѣмъ получилъ въ свое вѣдѣніе военныя поселенія Новороссійское, Кіевское и Подольское. Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 19-го сентября 1847 года, А. П. Никитинъ былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Въ 1856 году Никитинъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Умеръ Никитинъ 28 февраля 1858 г.

А. П. Никитинъ былъ женатъ на Еленѣ Сергѣевнѣ Яковлевой, дочери извѣстнаго богача Сергѣя Саввича Яковлева, отъ брака съ которой имѣлъ единственную дочь Елизавету, вышедшую впослѣдствіи замужъ за генералъ-адъютанта, графа Федора Васильевича Орлова-Денисова, сыну котораго Алексѣю было Высочайше разрѣшено присоединить къ своей фамиліи и фамилію матери и писаться графомъ Орловымъ-Денисовымъ-Никитинымъ.

„Донскіе дворянскіе роды“ Л. М. Савелова. В. I. М. 1912; „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ изд. подъ редакціей ген.-лейт. Леера, т. V; „Военная Галлерея Зимняго Дворца“, т. V, Спб. 1848—1849 гг., портретъ и біографія (на 9 стр.); „Военная Галлерея 1812 года“, Спб. 1912,—портретъ и формуляръ (№ 187, стр. 161—162); А. И. Михайловскій-Данилевскій „Отечественная Война 1812 г.“ и „Описаніе войнъ 1813, 1814 и 1815 гг.“; „Графъ Никитинъ и баронъ фонъ-деръ-Лауницъ. Изъ давняго прошлаго“. М. Д. („Русская Старина“ 1890 г. т. LXVI, апр., 170); „Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней“. “Столѣтіе Военнаго Министерства“ 1802—1902. Императорская Главная Квартира. Исторія Государевой Свиты. Царствованіе Императора Николая I. (Спб. 1908), стр. 324, 421; „Исторія 32-го драгунскаго Чугуевскаго Ея Величества полка“ (1613—1893). Составилъ поручикъ Хлѣбниковъ. Спб. 1893; „Родословная книга Долгорукова“, „Донское Дворянство“ Савелова и др. генеалогическія изданія; „Историческій Вѣстникъ“ т. XX, стр. 23; т. XXXII, стр. 376—378; „Иллюстрація“ 1861 г., т. VII № 168; „Иллюстрированный Вѣстникъ“ 1874 г. № 4, стр. 252. „Исторія Государственнаго Совѣта“. Спб. 1902.

Никитинъ, *Андрей Ананасьевичъ*,— тайный совѣтникъ, членъ Комиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ; писатель. Родился Н. въ концѣ XVIII столѣтія; образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1808 году. Служебная его дѣятельность вся прошла въ Петербургѣ. Между прочимъ, онъ былъ секретаремъ члена Государственнаго Совѣта И. Н. Неплюева; въ 1824 г. былъ преподавателемъ риторики, логики, поэзіи, миѳологіи и россійскаго сочиненія въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ, но уже въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ, съ званіемъ оберъ-гаттенфервальтера VIII-го класса, совѣтникомъ С.-Петербургской Казенной Палаты по управленію питейными сборами. Н. поступилъ 1-го сентября 1828 года въ Государственный Совѣтъ экспедиторомъ. Въ январѣ 1835 г. былъ опредѣленъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. Въ томъ же году, 31 декабря, онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 27-го декабря 1837 г. состоялось назначеніе Никитина членомъ Совѣта Министра

Государственныхъ Имуществъ съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ должности статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта Никитинъ пробылъ до 4-го іюня 1853 года, когда состоялось его назначеніе членомъ Комиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и эту должность онъ занималъ до смерти, т. е. до 1858 г.

А. А. Никитинъ былъ причастенъ къ литературѣ; онъ участвовалъ въ «Соревнователѣ» и былъ членомъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей словесности. Ему приписываютъ повѣсти: «Игра любви, или русскій помѣщикъ въ концѣ XVIII столѣтія»; Москва 1836; «Теодоръ Станиславскій», Москва, 1838, и другія, выходившія въ это время подъ именемъ А. Никитина, но вѣрнѣе предположить, что онѣ принадлежатъ беллетристу Александру Никитину, автору повѣстей, изданныхъ въ Москвѣ, въ 1830-хъ годахъ; біографическими данными объ этомъ писателѣ мы не располагаемъ.

„Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтія дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ“ (1837—1887), ч. I, (Спб. 1888); „Государственная канцелярія“ (1810—1910); „Записки Сергѣя Николаевича Глинки“ (Спб. 1895); „Переписка К. А. Грота съ П. А. Плетневымъ“ Спб. 1896; „Александръ Дмитріевичъ Боровковъ и его автобіографическія записки“ („Русская Старина“ т. XCV, сент. стр. 561; т. XCVI, окт., стр. 50—58, декабрь, стр. 594, 615; „Современникъ“ 1883 г., т. 12, стр. 61; „Сынъ Отечества“ 1838 г., т. V; „Библіотека для чтенія“ 1835 г., т 10, стр. 15; 1838 г., стр. 31, отд. VI стр. 15, (Литературная лѣтопись); П. А. Плетневъ, „Сочиненія“, т. II, стр. 248. *А. П.*

Никитинъ, *Аѳанасій Никитичъ*, — тверской купецъ XV вѣка, писатель-путешественникъ. Время рожденія Н. въ точности неизвѣстно. Въ 1466 г., когда посолъ владѣтеля Шемахи, ширванъ-шаха Форусъ-Есара, именемъ Асанъ-бегъ, бывшій у великаго князя Іоанна III, собрался въ обратный путь въ Шемаху вслѣдъ за русскимъ посломъ Василіемъ Папинымъ, Никитинъ, провѣдавшій о московскомъ посольствѣ въ Шемаху, рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться туда для распространенія русскихъ товаровъ. Онъ съ товарищами снарядилъ два судна, получилъ проѣзжую грамоту отъ тверского князя Михаила Борисовича и посадника Бориса Захарьича и съ благословенія владыки Геннадія, помолившись въ соборѣ Спаса Золотоверхаго, поплылъ внизъ по Волгѣ. Въ Костромѣ Никитинъ получилъ отъ великаго князя Александра Васильевича великокняжескую проѣзжую грамоту за границу и съ нею поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ думалъ сойтись съ посломъ московскимъ Папинымъ, но не успѣлъ его захватить. Дождавшись пріѣзда шемахинскаго посла Асанъ-бега, онъ вмѣстѣ съ нимъ поплылъ Волгой далѣе, благополучно опустился къ рукаву Волги—Бузану, но подлѣ Астрахани былъ ограбленъ татарами, причемъ погибла вся рухлядь Никитина, въ томъ числѣ и книги. Татары отпустили изъ устья Волги только два судна, но одно изъ нихъ разбилось во время бури о берегъ, и бывшіе на немъ русскіе люди захвачены въ плѣнъ горцами — кайтанами. Никитину, однако, удалось добраться до Дербента, гдѣ онъ засталъ московскаго посла Василія Папина, котораго сталъ просить позаботиться объ освобожденіи захваченныхъ кайтанами русскихъ. Русскіе были освобождены и вмѣстѣ съ Никитинымъ представлены въ Кайтунѣ ширванъ-шаху, который принялъ ихъ очень ласково, но на просьбу помочь возвратиться на родину отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на то, что ихъ слишкомъ много. Пришлось русскимъ людямъ расходиться въ разныя стороны, при чемъ Никитинъ, по его собственнымъ словамъ, «пошелъ къ Дербенту, изъ Дербента къ Бакѣ, гдѣ горитъ огонь неугасимый, а потомъ за море». Свое путешествіе Никитинъ впослѣдствіи назвалъ «хожденіемъ за три моря»—Дербентьское (Каспійское), Индѣйское и Черное. «Хожденіе» Никитина можно раздѣлить на четыре части: 1) путешествіе отъ Твери до южныхъ береговъ Каспійскаго моря; 2) первое путешествіе по Персіи; 3) путешествіе по Индіи и 4) обратное путешествіе чрезъ Персію на Русь. Первое его путешествіе черезъ Персидскія земли, отъ южныхъ береговъ Каспійскаго моря (Чебукара) до береговъ Персидскаго залива (Бендеръ-абаси и Ормуза), продолжалось болѣе года, отъ зимы 1467 до весны 1469 г. Онъ проѣхалъ черезъ «Чебокаръ, Сару, Амиль, Димовантъ, Рей, Кашанъ, Каинъ, Ездъ, Сырчанъ, Таромъ, Ларъ, Бендеръ, Гурмызъ». Въ его замѣткахъ объ этомъ путешествіи имѣется лишь указаніе пути посредствомъ обозначенія мѣстностей и нѣкоторыхъ разстояній и упоминаніе о смутномъ состояніи въ ко-

торомъ тогда находилась Персія. Переправившись изъ Дагестана по Каспійскому морю въ Мазандеранъ, Никитинъ полгода провелъ въ Чапакурѣ, гдѣ, между прочимъ, праздновалъ и Пасху 1468 года, затѣмъ перешелъ въ Сари, гдѣ оставался мѣсяцъ; отсюда направился въ Амоль, изъ котораго поднялся въ горы, и за Демавендомъ спустился къ Тегерану, или точнѣе къ Рею, ибо Тегеранъ былъ въ то время незначительнымъ городомъ въ окрестностяхъ Рея. Затѣмъ, изъ Тарома Никитинъ повернулъ на западъ къ Лару, а изъ Лара опять на востокъ въ Бендеръ-Абаси. Такой характеръ путешествія Никитина объясняется его торговыми интересами; онъ посѣщалъ всѣ видныя торговыя мѣста и даже по мѣсяцу оставался въ нихъ. Изъ Персіи Никитинъ отправился въ Индію. Путешествіе его по Индіи продолжалось почти три года: отъ весны 1469 г. до января или февраля 1472 г. Описаніе этого путешествія занимаетъ большую часть дневника Никитина. Онъ отправился изъ Ормуза на Ѳоминой недѣлѣ 9-го или 10-го апрѣля 1469 г. и въ двадцатыхъ числахъ апрѣля подошелъ къ Индійскому берегу въ Діу, затѣмъ имѣлъ остановку у Камбои по пути къ Чювилю, куда прибылъ черезъ шесть недѣль. Здѣсь онъ былъ пораженъ видомъ «черныхъ» обнаженныхъ индійскихъ туземцевъ и ихъ «плохой ѣдой». Продолжая свое путешествіе черезъ горы Гатскія до Пали, Умри и далѣе къ Чюнейру (Джюниру), Никитинъ не забывалъ своего торговаго дѣла и, повидимому, умѣлъ и на чужбинѣ извлекать изъ него выгоду. Изъ Чюнейра, гдѣ онъ чуть не лишился свободы за отказъ перемѣнить вѣру, Н. отправился черезъ Кулонгеръ и Кольбергъ въ Великій Бедерь, гдѣ оставался нѣсколько мѣсяцевъ. Въ теченіе слѣдующаго затѣмъ года Никитинъ, повидимому, продолжалъ путешествовать по Индіи, что видно изъ подробныхъ, изобличающихъ самовидца, описаній городовъ Биджьнагура и Рачюра. Съ наступленіемъ 1471 г. Никитинъ задумалъ вернуться на родину, что осуществить было нелегко вслѣдствіе происходившихъ въ то время на Индостанѣ войнъ. Боясь оставаться въ Индіи, чтобы не издержать всего своего достоянія, Н. вынужденъ былъ отказывать себѣ во многомъ: не пилъ ни вина, ни сыты и все же издерживалъ въ день по два съ половиною алтына. За мѣсяцъ до байрама онъ вышелъ изъ Бедера и чрезъ Кельбергъ, Кулури, городъ, знаменитый драгоцѣнными камнями, особенно сердоликомъ (въ этомъ городѣ Н. провелъ пять мѣсяцевъ), Аляндъ, куда онъ прибылъ, вѣроятно, во второй половинѣ октября 1471 года, Камендрію, Кынарясъ, Сурь, въ началѣ 1472 года добрался до Дабыля. Такимъ образомъ, во время своего путешествія по Индіи Никитинъ объѣхалъ значительную часть западнаго полуострова, между рѣками Кистной и Годавери, т. е. области Аурунгабадъ, Бедерь, Гейдерабадъ и Беджапуръ. Вмѣстѣ съ описаніями мѣстностей, которыя онъ посѣтилъ, онъ занесъ въ свои записки и замѣчанія о природѣ страны и ея произведеніяхъ, о народѣ, его нравахъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ, о народномъ управленіи, войскѣ и т. п. Его замѣтки о народномъ управленіи, несмотря на свою сбивчивость, любопытны тѣмъ, что ихъ нѣтъ въ разсказахъ другихъ современниковъ. Большой точностью отличается разсказъ Н. о поклоненіи индусовъ «Бутѣ» въ священномъ городѣ Парватѣ. Изъ животныхъ онъ обратилъ вниманіе на слоновъ, буйволовъ, верблюдовъ, обезьянъ, живущихъ, по его словамъ, въ горахъ, по скаламъ и по лѣсамъ, и имѣющихъ своего «князя обезьянскаго». Поразили Н. также змѣи «въ двѣ сажени длиной» на улицахъ Бедеря и птица «гукукъ», летающая ночью, предвѣщающая смерть и изрыгающая огонь на тѣхъ, кто намѣревается ее убить. Изъ царства растительнаго Н. обратилъ вниманіе исключительно на нѣкоторыя пальмы и «великіе», повидимому, кокосовые, орѣхи.. Подробно описаны Н. въ особыхъ замѣткахъ пристани Индійскаго моря. Описаніе это особенно любопытно, такъ какъ даетъ довольно подробныя свѣдѣнія о торговлѣ и мореплаваніи того времени. Н. указываетъ, чѣмъ богата каждая пристань. Въ Дабылѣ Никитинъ окончательно распростился съ Индіей. Припоминая свой отъѣздъ, онъ отмѣтилъ, что Дабыль—городъ очень большой, что туда съѣзжается все поморье Индѣйское и Ефіопское. «И ту окаянный азъ рабище Аѳанасіе Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ, по христіанской, и по крещеніи Христовѣ, и по говѣйныхъ святыхъ отецъ устроеныхъ, и по заповѣдѣхъ апостольскихъ, и устремихся умомъ поити на Русь». Онъ сѣлъ въ тову (судно), договоривъ для себя мѣсто

за два золотыхъ отъ Дабыля до Ормуза. Однако, вѣтры занесли корабль въ сторону и послѣ мѣсячнаго плаванія онъ пристадъ къ берегу въ виду Ефіопскихъ горъ, гдѣ подвергся нападенію туземцевъ. Черезъ пять дней корабль продолжалъ плаваніе, а черезъ двѣнадцать Никитинъ высадился въ Моккатѣ. Здѣсь онъ отпраздновалъ шестую за время своего странствованія Пасху и послѣ девятидневнаго плаванія прибылъ въ Ормузъ, откуда по знакомымъ мѣстамъ добрался до расположеннаго близъ Тавриза стана знаменитаго завоевателя Западной Азіи—Асанъ бега, гдѣ провелъ десять дней, чтобы развѣдать, какимъ путемъ можно пробраться на сѣверъ. Въ сентябрѣ 1472 г. онъ черезъ Арцингамъ направился въ Трапезонтъ, куда прибылъ ко дню Покрова. Здѣсь Н. подвергся обыску, при чемъ у него «все, что мелочь добренькая, они выграбили все». Съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе частыхъ бурь на Черномъ морѣ, удалось Н. добраться до Балаклавы, а оттуда къ Кафѣ, гдѣ онъ облегченно воскликнулъ: «милостію Божіею преидохъ три моря». Неизвѣстно, какою дорогою воротился Н. на Русь, но можно думать, что возвращался онъ черезъ Крымъ и Литву. Умеръ Н., не доѣхавъ до Твери,—въ Смоленскѣ. Лучшая характеристика Аѳанасія Никитина и его дневника, внесеннаго въ полномъ видѣ въ «Софійскій временникъ» подъ 1475 годомъ подъ заглавіемъ «Написаніе Офонаса тверитина купца, что былъ въ Индѣи четыри года, а ходилъ, сказываютъ съ Васильемъ Папинымъ»,—дано академикомъ И. И. Срезневскимъ «Какъ ни кратки записки, оставленныя Никитинымъ», говоритъ онъ: «все же и по нимъ можно судить о немъ, какъ о замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ XV вѣка. И въ нихъ онъ рисуется, какъ православный христіанинъ, какъ патріотъ, какъ человѣкъ не только бывалый, но и начитанный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ любознательный наблюдатель, какъ путешественникъ-писатель, по времени очень замѣчательный, не хуже своихъ собратьевъ иностранныхъ торговцевъ XV вѣка. По времени, когда писаны, его записки принадлежатъ къ числу самыхъ вѣрныхъ памятниковъ своего рода: разсказы ди Конти и отчеты Васко де Гама одни могутъ быть поставлены въ ровень съ «Хожденіемъ» Никитина. Какъ наблюдатель, Н. долженъ быть поставленъ не ниже, если не выше современниковъ-иностранцевъ». Предпріимчивый, совершившій, вѣроятно, не одно путешествіе за предѣлы Руси, что видно изъ приведеннаго имъ сравненія изображенія Будды со статуей Юстиніана, находившейся въ Константинополѣ, и дружественныхъ его отношеній съ иностранными купцами, Н., несмотря на неудачи, не падалъ духомъ и увлеченный разсказами восточныхъ купцовъ, «залгавшихъ его псовъ-бесерменовъ» о находившихся въ Индіи товарахъ, полезныхъ для его родины, смѣло пробирался впередъ, въ земли невѣдомыя. Общительный, наблюдательный, быстро усваивавшій языки, Н. тщательно знакомился съ предметами торговли каждаго города, а попутно и съ природой и жителями каждой страны. Человѣкъ вѣрующій, послѣ пропажи религіозныхъ книгъ вынужденный соблюдать посты и праздники приблизительно, Никитинъ искренно скорбѣлъ объ этомъ, жалуясь въ «Хожденіи», что не знаетъ, «когда постъ, когда Рождество Христово, когда среда, когда пятница». Видя новыя религіи, Н. невольно долженъ былъ задаваться вопросомъ, какая же вѣра правая, и приходилъ къ замѣчательному для человѣка того времени заключенію: «А правую вѣру Богъ вѣдаетъ, а правая вѣра—Бога единаго знати и имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисто». Отмѣчая особенности и достоинства видѣнныхъ имъ земель вполнѣ безпристрастно, Н. часто переносился мыслью на Русь. Съ особенною силою проснулись въ немъ воспоминанія о родинѣ въ городѣ Дабылѣ. Даже послѣ всего того, что онъ видѣлъ въ разныхъ странахъ, русская земля кажется ему всего прекраснѣе, и вспоминая ее Никитинъ восклицаетъ: «А Русская земля—да сохранитъ ее Богъ. Боже, сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны. Да устроится Русская земля!».

„Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей“, т. VI; „Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина въ 1466—1472 гг.“ (Чтенія И. И. Срезневскаго. „Ученыя Записки Второго Отд. Имп. Акад. Наукъ“. Книга II, вып. II, Спб. 1856); Филаретъ (Гумилевскій) „Обзоръ русской духовной литературы“ Спб. 1894; „Исторія Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина 1819 г., изд. 2-е VI, гл. VII, прим. 629; „Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы“, П. М. Строева Спб. 1882; „Сынъ Отечества“ 1821 г., ч. LXXI, № 29, стр. 102—104 (Біографіи россійскихъ писа-

телей"); „Русскій Вѣстникъ" 1856 г. т. III, № 12, май, кн. 2, стр. 263—268; „Вѣстникъ Европы" 1896 г, № 8, стр. 750—752. „Старая Индія" И. Минаевъ („Журналъ Министерства Народн. Просв." 1881 г. іюнь и іюль). „Отечественныя Записки" 1856 г. № 10, т. CVII, отд. 2, „Современная Лѣтопись", стр. 263 — 268 (Ст. Попова). Словари Березина, Брокгауза и др.; общіе курсы по рус. литературѣ: Галахова, Пыпина, Порфирьева, Шевырева и др. *А. П.*

Никитинъ, *Василій Никитичъ*,— математикъ. Род. въ 1737 г. и былъ сыномъ священника; въ 1748 г. поступилъ въ московскую славено-греко-латинскую академію и, по окончаніи курса, былъ оставленъ въ ней въ 1761 году учителемъ языковъ греческаго и еврейскаго. Въ 1765 году, по собственному желанію, былъ посланъ въ Англію въ званіи инспектора надъ десятью русскими студентами, выбранными изъ лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ и отправленными въ Англію для изученія въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ «высшихъ наукъ», богословія и восточныхъ языковъ. По прибытіи въ Оксфордъ, «инспекторъ» сталъ заниматься науками наравнѣ со своими подчиненными. Предметами его занятій здѣсь были высшая математика, экспериментальная философія (физика), астрономія, химія, исторія, юриспруденція, богословіе, языки англійскій и отчасти французскій и итальянскій. За свое усердіе къ наукамъ и «достойное похвалы прилежаніе», засвидѣтельствованныя, между прочимъ, магистромъ Томасомъ Горнсби, «экспериментальной философіи прелекторомъ и астрономіи профессоромъ», Н. получилъ въ 1771 г. отъ Оксфордскаго университета степень магистра honoris causa, а передъ отъѣздомъ изъ Англіи въ 1775 г. былъ возведенъ тѣмъ же университетомъ въ званіе дѣйствительнаго магистра наукъ, почти никогда не достававшееся иностранцамъ, такъ какъ съ его полученіемъ связывалось пріобрѣтеніе не только извѣстныхъ правъ въ ученомъ университетскомъ сословіи, но и гражданскихъ правъ природнаго англичанина.

Такъ блестяще начатая ученая карьера имѣла, однако же, довольно безцвѣтное продолженіе. Возвратившись въ Россію и занявъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ мѣсто преподавателя математики и физики для гардемариновъ и латинскаго и русскаго языковъ для учениковъ общихъ классовъ, Н. ничего не сдѣлалъ для науки въ смыслѣ ея дальнѣйшаго развитія. Всѣ его труды и время безъ остатка уходили на преподаваніе и связанную съ нимъ учебно-литературную дѣятельность. Въ награду за осуществленный отчасти при его посредствѣ нѣкоторый подъемъ преподаванія математическихъ наукъ въ Корпусѣ онъ получилъ чины премьеръ-маіора и подполковника и, кромѣ того, въ 1783 г. былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ классовъ Корпуса. Также ходатайству своего ближайшаго начальства, именно, рекомендаціи директора корпуса Голенищева-Кутузова, онъ былъ обязанъ и единственнымъ выпавшимъ на его долю въ Россіи ученымъ отличіемъ — избраніемъ 11 ноября 1783 года въ члены только что основанной Россійской Академіи. Надежды, возлагавшіяся на него при этомъ избраніи, однако же, не оправдались. Взявъ на себя при распредѣленіи между членами Академіи работъ по изданію академическаго словаря участіе въ собираніи словъ на букву Р, онъ въ этомъ трудѣ не пошелъ далѣе начала, о чемъ и извѣстилъ Академію, оправдываясь недостаткомъ времени и обѣщая въ будущемъ исполнять ея порученія «съ отмѣннымъ раченіемъ и усердіемъ». Исполненія этого обѣщанія, однако, не послѣдовало.

Изъ многихъ, повидимому, учебныхъ сочиненій и переводовъ, написанныхъ для Морского Корпуса Никитинымъ вмѣстѣ съ его сослуживцемъ и другомъ Суворовымъ, въ печати появились только два слѣдующія: 1. Евклидовыхъ стихій осьмь книгъ, а именно: первая, вторая, третія, четвертая, пятая, шестая, одиннацатая и двенацатая. Переведены съ греческаго и поправлены. (СПБ. 1784; in—8°, 2+370 стр. и 15 отдѣльныхъ таблицъ съ чертежами. Въ 1789 году было напечатано второе изданіе съ прибавленіемъ «книгъ тринадцатой и четырнадцатой»). Упоминаемыя въ заглавіи «поправленія» были произведены съ такою смѣлостью, что, по замѣчанію лучшаго изъ переводчиковъ на русскій языкъ «Элементовъ» Эвклида Ѳ. Петрушевскаго, переводъ Никитина и Суворова, вполнѣ заслуживая названіе «хорошей геометрической книги», не можетъ однако-же считаться Эвклидовыми Началами, такъ какъ въ немъ «сдѣлано столько перемѣнъ, прибавленій и проч., что едва оставлена тѣнь подлинника». 2. Тригонометрій двѣ книги, содержащія плоскую и сфериче-

скую тригонометрію. (СПБ. 1787; in—8°. XXIX+120 стр. и 2 таблицы чертежей). Сочиненіе это было переведено самими авторами на англійскій языкъ и въ такомъ видѣ напечатано въ Лондонѣ. Но какой пріемъ оно тамъ встрѣтило, намъ неизвѣстно. Тотъ же критическій складъ ума, который былъ отмѣченъ въ авторахъ еще профессорами Оксфордскаго университета и который затѣмъ получилъ такое неудачное примѣненіе въ переводѣ «Элементовъ» Эвклида, съ полною ясностью проявляется и въ разсматриваемомъ сочиненіи. «Тщаніе ихъ», говорятъ авторы въ своемъ предисловіи, «было, не слѣпый переводъ какой либо прилучившейся иностранной книги здѣлать, или издать безвкусный книги зборъ малосостоятельныхъ списаній; но паче, собравъ и соустроивъ что въ разныхъ писателяхъ есть наилучшее, къ семужъ и исправивъ неправое, и дополнивъ недостаточное, составить нѣкое цѣлое, которое бы не уступало ничему ими свѣдомому, какъ на своемъ, такъ и на другихъ языкахъ»...

Не смотря, однако, на подробно описываемое авторами обширное ихъ знакомство съ литературою предмета, дать тригонометріи «классическій» учебникъ имъ также не удалось, какъ и ихъ предшественникамъ. Съ большою смѣлостью взялись они въ обѣихъ указанныхъ книгахъ за трудную задачу созданія свободной отъ употребленія иностранныхъ словъ русской научной терминологіи. Съ этою цѣлью они замѣнили въ обѣихъ книгахъ уже принятые въ русской литературѣ иностранные термины придуманными ими собственными, помѣстивъ ихъ списки для того, чтобы быть понятными читателю, въ концѣ каждой книги. Въ какой мѣрѣ эта попытка можетъ считаться удачною, показываютъ слѣдующіе примѣры: теорема—умодѣйствіе, гипотеза—подлогъ, солидъ или геометрическое тѣло—нетощее, трапеція—четырекрайникъ и проч. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что изъ предложенныхъ авторами русскихъ терминовъ нѣкоторые вошли позднѣе въ общее употребленіе.

Къ приведеннымъ свѣдѣніямъ объ ученолитературной дѣятельности Н. слѣдуетъ прибавить еще неопредѣленное и довольно туманное извѣстіе о какомъ-то «журналѣ математическаго содержанія», издававшемся имъ «по подпискѣ» вмѣстѣ съ Суворовымъ во время своего пребыванія въ Англіи и, по всей вѣроятности на англійскомъ языкѣ.

В. Н. Никитинъ умеръ въ 1809 году.

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Никитина находится въ „Исторіи Россійской Академіи“ М. И. Сухомлинова (выпускъ пятый. Спб. 1880. Стр. 14—27 и 299—308), а подробный отчетъ о содержаніи двухъ вышеуказанныхъ его книгъ—въ „Русской физико-математической библіографіи“ В. В. Бобынина, томъ II, вып. 3-й, стр. 11—17 и 79, вып. 4-й, стр. 116—117 и 196.

В. В. Бобынинъ.

Никитинъ, *Василій Поликарповичъ*,—т. сов., предсѣдатель с.-петербургской палаты гражданскаго суда; род. въ 1790 г., ум. 28-го августа 1876 г. въ Царскомъ Селѣ. Службу Н. началъ въ Костромѣ, сначала въ уѣздномъ судѣ, затѣмъ въ уголовной палатѣ; съ 1808 г. онъ началъ службу въ Петербургѣ, гдѣ по 1816 г. занималъ небольшую должность въ Сенатѣ; въ 1817 г. Н. былъ назначенъ совѣтникомъ Петербургскаго Губернскаго Правленія, причемъ, кромѣ обязанностей совѣтника, исполнялъ особыя порученія, даваемыя ему высшими властями. Большею частью ему поручались ревизіи различныхъ учрежденій, какъ, напр., с.-петербургской управы благочинія, гдѣ онъ открылъ крупныя злоупотребленія; поручалось ему и производство слѣдствій въ крупныхъ уголовныхъ дѣлахъ. За отличіе по службѣ Н. 29-го іюня 1825 года былъ назначенъ предсѣдателемъ с.-петербургской палаты гражданскаго суда 1-го департамента; въ слѣдующемъ году Н. былъ произведенъ въ ст. сов. Н. служилъ и по выборамъ; такъ, начиная съ 1827 г., онъ въ теченіе десяти трехлѣтій избирался с.-петербургскимъ дворянствомъ депутатомъ с.-петербургскаго уѣзда. Съ 1830 года, когда вспыхнувшая холерная эпидемія породила безпорядки въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи, Никитину неоднократно было поручаемо исправленіе должности Петербургскаго губернатора. Въ 1835 г. Н. временно исполнялъ должность совѣстнаго судьи. Назначенный членомъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, Н. постоянно принималъ участіе въ различныхъ комиссіяхъ, учреждавшихся при этомъ министерствѣ. Ему обязанъ своимъ возникновеніемъ спб. комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ. Н. трудился въ этомъ комитетѣ съ его основанія и

оставался его членомъ по день смерти. Состоя съ 1829 г. членомъ Общества попеченія о тюрьмахъ, Н. оказывалъ большое вліяніе на улучшеніе быта заключенныхъ Россіи. Онъ содѣйствовалъ также созданію въ Петербургѣ церкви Михаила-Архангела и Волковской богадѣльни.

Опытный юристъ-практикъ, Н. въ свое время обратилъ на себя вниманіе Сперанскаго, который письмомъ отъ 2-го іюля 1831 года просилъ его «взглянуть внимательнымъ опытнымъ своимъ окомъ» на бумаги, касавшіяся составленія Свода Законовъ, и «дать словесно или письменно свои наставленія и примѣчанія». По Высочайшему повелѣнію Н. принималъ участіе и въ комитетѣ для разсмотрѣнія замѣчаній на Сводъ Законовъ.

„Голосъ“ 1876 г. № 245; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1876 г. № 245; „Русская Старина“ т. LXXXVI, стр. 308; 1896 г. т. LXXXVII, стр. 446; „Иллюстрированная Газета“ 1876 г. № 36; Формулярный списокъ о службѣ. *А. П.*

Никитинъ, *Гурій*,—костромичъ, жалованный царскій иконописецъ. Въ 1660 г. былъ вызванъ для работъ на Москву; въ 1661 г. игуменъ Данилова монастыря въ Переславлѣ Залѣсскомъ Савва подрядилъ его вмѣстѣ съ пятью иконописцами расписать монастырскую церковь во имя Св. Троицы. Въ продолженіе 1661—1662 гг. они писали «во главѣ и закоморѣхъ», но не успѣли окончить стѣнную роспись, такъ какъ были вызваны на Москву. Здѣсь лѣтомъ 1664 года Гурій съ товарищами,—подъ руководствомъ Симона Ушакова, писали иконы въ церкви великомуч. Евдокіи, что у Государя въ сѣняхъ. Высланный изъ Костромы на Москву въ 1666 г. онъ работалъ по возобновленію стѣнной росписи Архангельскаго Собора, за что въ слѣдующемъ году былъ пожалованъ какъ кормовой иконописецъ первой статьи. Съ января по май 1668 г., по порученію царя, онъ писалъ самымъ добрымъ письмомъ и съ великимъ писаніемъ двѣ иконы для Макарія патр. антіохійскаго: «Вседержителя Спаса, а по полямъ 12 праздниковъ со страстями» и «преч. Богородицы Одигитріи, по полямъ кондаки и икосы и акафисты». Успѣшно закончивъ эту работу, Гурій Никитинъ былъ отправленъ, по челобитью иг. Саввы, въ Даниловъ переяславскій монастырь, для окончанія стѣнной росписи монастырской церкви, но въ іюлѣ того же года уже былъ вытребованъ въ Москву для поправки стѣнного письма въ церкви Григорія Неокессарійскаго. Въ 1670 и 1671 гг. онъ вмѣстѣ съ другими ярославскими и костромскими иконописцами писалъ заново стѣнное письмо въ строившемся тогда Успенскомъ соборѣ въ Ростовѣ; въ 1671 же году Никитинъ вмѣстѣ съ иконописцемъ Силою Саввинымъ, «какъ самые добрые мастера», тамъ же написали для Государя двѣ иконы: «похвалы преч. Богородицы полное, да соборъ пресв. Богородины полное». Въ 1678 г., работая на Москвѣ при Посольскомъ дворѣ, Гурій билъ Государю челомъ о своемъ переводѣ изъ кормовыхъ иконописцевъ въ жалованные; благодаря хорошему отзыву Сим. Ушакова о его работахъ, просьба эта была удовлетворена. Въ 1680 г. подъ его руководствомъ была исполнена стѣнопись въ церви Ильи пророка въ Ярославлѣ, а въ 1685 г.—въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Въ двухъ послѣднихъ работахъ, которыя по своему исполненію, композиціи и разнообразію сюжетовъ считаются однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній втор. пол. XVII в., Гурію принадлежала самая важная роль: онъ «знаменилъ», т. е. вычерчивалъ контуры всѣхъ рисунковъ, по которымъ уже доканчивали письмо другіе иконописцы.

Кромѣ Гурія въ исторіи русскаго иконописанія извѣстны еще слѣдующіе иконописцы, носившіе фамиліи Никитиныхъ: *Василій* (1659—1664), *Михаилъ*—кормовой иконописецъ (въ 1666 г. работалъ въ Архангельскомъ соборѣ), *Мокій*—кормовой московскій иконописецъ (1666—1668), *Ѳедоръ* — кормовой иконописецъ меньшой статьи (1659—1670) и др. Всѣ они работали въ Москвѣ подъ руководствомъ Сим. Ушакова.

И. Забѣлинъ. „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія“, стр. 23, 33, 52—53, 63, 66, 88, 92—95, 96, 101, 121—123, 126—128; Д. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописанія“, стр. 166; Г. Филимоновъ, „Симонъ Ушаковъ“. М. 1873 г. с. 47; Н. Покровскій, „Стѣнныя росписи въ древн. храмахъ“, М. 1890 г. с. 123—125, 166; его-же, „Очерки памятниковъ христ. иконографіи“. Спб. 1900 г. с. 405—411.

Никитинъ, *Иванъ Никитичъ*,—пенсіонеръ Императора Петра Великаго, портретный и историческій живописецъ при дворѣ Петра I, Екатерины I и Петра II

Род. около 1688 г. въ Москвѣ, умеръ весною 1741 г. Отецъ его Никита Дементьевичъ былъ священникомъ въ Москвѣ при церкви во имя св. Димитрія Солунскаго, у Тверскихъ воротъ въ Бѣломъ городѣ. Первоначально Н. былъ опредѣленъ пѣвчимъ въ патріаршій хоръ, а затѣмъ перешелъ въ числѣ лучшихъ пѣвчихъ патріаршаго хора въ царскій походный хоръ, гдѣ вскорѣ ему было поручено обученіе младшихъ пѣвчихъ. Отличаясь любознательностью, Н. выучился «счетной мудрости», сталъ разумѣть латынь и, сверхъ того, пристрастился къ живописи. Гдѣ онъ получилъ первыя познанія въ живописи, въ точности неизвѣстно, но нужно думать, что, будучи вхожъ, какъ пѣвчій, въ Кремлевскія палаты, онъ имѣлъ возможность видѣть образцы искусства голландскаго живописца Корнеліуса Брюейна (который въ 1703 г. писалъ портреты царя Ивана Алексѣевича и царицы Прасковьи Ѳеодоровны). Отличаясь большой природной воспріимчивостью и способностями, Н. плѣнился художественными образцами и сталъ заниматься живописью, сперва рисуя съ гравюръ, а потомъ изображая съ натуры знакомыя лица. Сначала Никитинъ былъ учителемъ «цифири», т. е. ариѳметики и рисованія въ Московской артиллерійской школѣ, а потомъ состоялъ при Оружейной Палатѣ. Имѣя, благодаря этому, возможность часто являться на глаза Государю, Н. вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ Петру Великому и по своимъ художественнымъ опытамъ. Замѣтивъ его талантъ, Императоръ Петръ I поручилъ приглашенному на русскую службу живописцу Г. Таннауэру, прибывшему въ Петербургъ послѣ Прутскаго похода, руководить занятіями Никитина, и это руководительство имѣло большое вліяніе на развитіе таланта пѣвчаго-художника. Увидѣвъ, какъ блистательны успѣхи Никитина, Петръ I рѣшилъ отправить его въ 1716 г., вмѣстѣ съ его младшимъ братомъ Романомъ, Ѳедоромъ Черкасовымъ, Михаиломъ Захаровымъ и Андреемъ Матвѣевымъ, для усовершенствованія за границу, при чемъ оба брата Никитины были отправлены сначала въ Италію. Уже въ ту пору Петръ гордился своимъ доморощеннымъ художникомъ-портретистомъ. Встрѣтивъ въ пути Никитина, ѣхавшаго вмѣстѣ съ русскимъ посломъ въ Италіи, П. И. Беклемишевымъ, къ мѣсту назначенія, Петръ 19 апрѣля 1716 г. писалъ женѣ изъ Экестоля въ Берлинъ: «Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Попались мнѣ на встрѣчу Беклемишевъ и живописецъ Иванъ. И какъ они пріѣдутъ къ вамъ, то попроси короля, чтобъ велѣлъ свою персону ему списать, такъ же и прочихъ, кого захочешь, а особливо свата, дабы знали, что есть і изъ нашего народа добрые мастеры». Пріѣхавъ вмѣстѣ съ Беклемишевымъ въ Венецію, Н. получилъ возможность нѣкоторое время посѣщать Венеціанскую академію художествъ и рисовать тамъ съ натуры. Во Флоренціи Беклемишевъ просилъ владѣтеля Тосканы принять Никитина и др. художниковъ подъ особое свое покровительство и поручить ихъ опытному профессору: Герцогъ избралъ профессора флорентійской академіи художествъ Томмазо Реди, подъ руководствомъ котораго Н. занимался три года, до августа 1712 г. Во время пребыванія въ Италіи Н. считался старшимъ между товарищами, назывался мастеромъ и получалъ, согласно указу Императора, отъ 6-го января 1716 г., на 100 руб. въ годъ болѣе товарищей, именно 300 р. Вернулся Никитинъ изъ чужихъ краевъ въ 1720 г., окончивъ полный академическій курсъ и привезши отъ герцога Тосканскаго грамоту Императору Петру Великому, въ которой герцогъ далъ лестные отзывы объ его успѣхахъ. Если въ 1816 г. Петръ много хвалился передъ прусскимъ королемъ искусствомъ Никитина, считая его «добрымъ мастеромъ» еще до его путешествія за границу, то по возвращеніи изъ Италіи Н. долженъ былъ обладать еще большимъ мастерствомъ. По словамъ Я. Я. Штелина, «изъ сего россійскаго ученика произошелъ искуснѣйшій историческій живописецъ, коего работы и понынѣ еще находятся въ разныхъ россійскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ». Впрочемъ, его спеціальностью была живопись портретная: во всѣхъ счетахъ, хранящихся въ кабинетѣ Петра Великаго, онъ именуется «двора Его Величества персонныхъ дѣлъ мастеромъ», изъ чего можно заключить, что по возвращеніи въ 1720 г. въ Россію Н. былъ сдѣланъ придворнымъ живописцемъ. По прибытіи въ Петербургъ Никитинъ получилъ отъ Государя въ даръ домъ для своего жилья на Мойкѣ, близъ Зимняго дворца, но домъ этотъ поступилъ въ его собственность не ранѣе 1724 г. Въ 1721 г., когда Петръ и Екатерина возвратились

изъ Риги и Ревеля въ Петербургъ, они часто предпринимали поѣздки на островъ Котлинъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ былъ вытребованъ къ Ихъ Величествамъ Никитинъ съ полотномъ, красками и всѣми принадлежностями для живописи. Потребовавшій Никитина кабинетъ-секретарь Макаровъ наказывалъ ему взять съ собой и брата, вѣроятно, для представленія его Государю. 3-го сентября 1721 г. въ Юрналѣ Петра Великаго отмѣчено, что «на Котлинѣ острову, предъ литоргіею, писалъ Его Величества персону живописецъ Иванъ Никитинъ». Вѣроятно также, что онъ исполнялъ портреты Императрицы Екатерины, великаго князя Петра Алексѣевича, великихъ княженъ Анны, Елизаветы и Натальи Петровны, герцога Голштинскаго и другихъ особъ. Въ числѣ этихъ особъ біографъ Никитина упоминаетъ князя Меншикова и членовъ его семейства, генералъ-адмирала Апраксина съ его роднею, князей Голицыныхъ и Долгорукихъ и бывшихъ самыми ревностными покровителями И. Никитина—духовника Императрицы Екатерины и цейхъ-директора М. П. Аврамова. Послѣдній ставилъ Никитина очень высоко и издавна покровительствовалъ ему. Задумавъ устройство въ Петербургѣ спеціальной художественной школы, онъ проектировалъ отвести въ ней Никитину важную роль профессора живописи еще тогда, когда послѣдній находился во Флоренціи. Хотя осуществленіе этого проекта было признано Петромъ преждевременнымъ, однако Аврамовъ не оставилъ своей мысли и вернулся къ ней при Императрицѣ Екатеринѣ, предложивъ, Н-а въ директоры Академіи Художествъ. Императрица, любившая изящныя искусства и знавшая лично Н-а еще съ 1716 г., когда онъ являлся къ ней въ Берлинъ по порученію Петра Великаго, поставила его въ отношеніи всѣхъ преимуществъ наравнѣ съ нѣмцемъ Таннауэромъ. Никитину, по всей вѣроятности, принадлежитъ портретъ Екатерины, исполненный въ годъ ея воцаренія, на которомъ она изображена въ малиновомъ робронѣ. Придворнымъ живописцемъ Никитинъ состоялъ до 1732 года. За это время имъ написанъ рядъ портретовъ и между прочимъ—портреты Императора Петра Великаго (на смертномъ одрѣ), находящійся въ Импер. Академіи Художествъ, тоже—въ гробу, находящійся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ; Государственнаго канцлера графа Г. И. Головкина, графа Гр. Пет. Чернышева, А. И. Ушакова, барона С. Г. Строгонова, П. Л. Полуботка и др. Высочайшія порученія во время службы Н-а при дворѣ Екатерины I въ 1726 г. давали ему обширную практику. Екатерина благоволила къ Никитину и милость ея выразилась, между прочимъ, въ личномъ выборѣ для него невѣсты, Марьи Ѳедоровны Маменсъ. Въ 1727 г. Н. женился и переѣхалъ съ молодою женою въ Москву. Бракъ этотъ, однако, былъ несчастливъ. Жена скоро разлюбила Н-а и даже измѣнила ему. Семейныя неудачи сдѣлали Н-а еще болѣе сосредоточеннымъ, замкнутымъ и мрачнымъ. Кромѣ того, въ религіозной душѣ Н-а эти неудачи усилили начинавшееся охлажденіе его къ обществу. Онъ видѣлъ въ немъ господство чужестранныхъ обычаевъ и еще съ большею враждебностью сталъ относиться ко всему, что не было русскимъ, и тѣсно сблизился съ небольшимъ кружкомъ лицъ, раздѣлявшихъ вмѣстѣ съ нимъ нерасположеніе къ иноземцамъ. Всѣ бѣдствія Россіи онъ объяснялъ тѣмъ, что иностранцы, а также малороссійскія духовныя лица, въ родѣ Ѳеофана Прокоповича, зараженныя еретичествомъ, вносятъ развратъ и смуту въ умы русскихъ людей. Взгляды подобнаго рода были весьма распространенными въ то время и въ духѣ ихъ двоюродный братъ Никитина, разстрига Осипъ Рѣшиловъ, въ иночествѣ Іосія, составилъ «Житіе Ѳеофана», полное соблазнительныхъ подробностей и обвиненій его въ ереси. Потребованный къ отвѣту, Рѣшиловъ оговорилъ братьевъ Ивана и Иродіона Никитиныхъ въ чтеніи и распространеніи тетрадей пасквильнаго содержанія. Братья 8-го августа 1732 г. были взяты въ Тайную Канцелярію, и затѣмъ отправлены въ Петропавловскую крѣпость.—Все обвиненіе Н-а, какъ показываетъ четырехлѣтній процессъ его въ Тайной Канцеляріи, было основано скорѣе на отрицательныхъ, чѣмъ на положительныхъ доказательствахъ, но тѣмъ не менѣе онъ понесъ болѣе суровую кару, чѣмъ многіе другіе, привлеченные къ этому дѣлу, и изъ состоятельнаго человѣка превратился въ нищаго. Процессъ Н-а въ Тайной Канцеляріи былъ законченъ въ декабрѣ 1736 года, но докладъ о немъ быть утвержденъ Анной Іоанновной толко 5-го ноября 1737 г. Ивана Никитина

признали государственнымъ преступникомъ, приговорили «бить плетьми и послать въ Сибирь на житье вѣчно за карауломъ». При этомъ, вѣроятно, благодаря заступничеству Ушакова, домъ Никитина и пожитки были оставлены ему «на пропитаніе». Привезенный на подводахъ въ Тобольскъ, Никитинъ былъ оставленъ тамъ на собственномъ иждивеніи. Біографъ его П. Н. Петровъ полагаетъ, что Никитинъ въ Сибири, гдѣ портретная живопись была въ большомъ почетѣ, не могъ сидѣть безъ работы, и высказываетъ, между прочимъ, предположеніе, что въ купеческихъ домахъ и многихъ церквахъ Тобольска можно найти картины кисти этого художника. Ему же П. Н. Петровъ приписываетъ изображеніе Ермака, отмѣчая въ немъ характерные для Никитина «густые колеры съ красноватыми, глубокими тѣнями», фантастичность наряда и правильное положеніе тѣней, отличающее западно-европейское письмо отъ сѣвернаго и восточнаго, а также и портреты Макарова, Черкасова, Румянцева, подходящіе къ нимъ по колориту.

Изъ сдѣланной въ 1741 г. капитанъ-поручикомъ Сырейщиковымъ описи вещамъ, хранившимся въ московскомъ домѣ Ивана Никитина, видно, что въ то время существовали еще слѣдующія произведенія любимаго Петромъ художника: двѣ картины, писанныя на полотнѣ и изображавшія «Распятіе Господне», сюжетъ, за который Н. принимался не разъ, незадолго до своего ареста, подъ вліяніемъ удручавшихъ обстоятельствъ жизни; 12 кусковъ шпалеръ двоякаго формата съ орнаментами зеленыхъ тоновъ, «по желтой землѣ, съ поталью»; тщательно написанное на полотнѣ «Распятіе», высотою 1 арш. 12 верш. и шириною 1 арш. 3½ вершка, а по сторонамъ его семь иконъ. Кромѣ того, въ комнатахъ Никитина были писанные масляными красками портреты Петра I, Екатерины I, царевны Анны Іоанновны и двухъ неизвѣстныхъ составителю описи лицъ, а также 14 другихъ масляныхъ картинъ. Изъ другихъ предметовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ собраніе монетъ и библіотека. Вообще, опись свидѣтельствуетъ о томъ, что И. Никитинъ жилъ такъ, какъ могли жить только образованные и достаточные люди того времени.

Въ Сибири Никитинъ пробылъ до весны 1741 г. Принцесса Анна Леопольдовна, возвращая изъ Сибири многихъ заточенныхъ, 29 декабря 1740 г, указала представить себѣ дѣло о немъ, и 22 апрѣля 1741 г. приказала освободить Никитина. Указъ объ этомъ былъ немедленно посланъ въ Тобольскъ, но достигъ до этого города не раньше конца іюня. Никитинъ былъ освобожденъ, долженъ былъ возвращаться изъ ссылки на свой собственный счетъ. По пути на родину онъ умеръ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. CIV; А. Сомовъ, Картинная галлерея Императорской Академіи Художествъ. I. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи. Спб. 1872; Каталогъ историко-художественной выставки русскихъ портретовъ, устраиваемой въ Таврическомъ дворцѣ. Спб. 1905 г. „Русскіе живописцы-пенсіонеры Петра Великаго“.—Статья П. Н. Петрова въ „Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ“ 1883 г., т. I, вып. 1 и 2; „Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ“. Отд. I, т. II, Спб 1910; „Краткое историческое извѣстіе о нѣкоторыхъ Россійскихъ художникахъ“ (Сѣверный Вѣстникъ, 1804 г., ч. I, стр. 249. „Дѣянія Петра Великаго“ Голикова, т. XV); „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ И. Чистовича, изд. Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1868 г. (указ.); А. П. Новицкій, „Исторія русскаго искусства“. Москва, 1899 г., вып. V, стр. 28; „Любопытныя и достопамятныя сказанія о Императорѣ Петрѣ Великомъ“ Я. Я. Штелина, 1786 г.; „Юрналъ Петра Великаго“ 1721 года.

А. П.

Никитинъ, *Иванъ Саввичъ*,—поэтъ, род. 21-го сентября 1824 г. въ Воронежѣ; ум. 16-го октября 1861 г. Прадѣдъ его, Никита Герасимовъ, и дѣдъ, Евтихій Никитинъ, были дьячками Христорождественской церкви села Казачья Засосенскаго стана, Задонскаго уѣзда, Воронежск. губ. Отецъ Никитина Савва Евтихіевичъ былъ приписанъ къ воронежскимъ мѣщанамъ и занимался торговлей. Обладая коммерческою предпріимчивостью, онъ нажилъ значительный капиталъ, поставилъ свои торговыя дѣла довольно широко, имѣлъ собственный домъ, свѣчной заводъ и лавку. Кромѣ того, онъ торговалъ свѣчами на донскихъ и украинскихъ ярмаркахъ. Во всемъ томъ, что мы знаемъ объ отцѣ поэта, нѣтъ подтвержденій, что онъ былъ человѣкомъ, стоявшимъ выше окружающей среды и съ извѣстною долею умственныхъ интересовъ, какъ характеризуетъ знавшій его біографъ поэта Де-Пуле, но несомнѣнно, что Савва Евтихіевичъ былъ не глупый человѣкъ. Тяжелая жиз-

ненная школа, которую прошелъ онъ, выработала въ немъ суровый характеръ, самовластіе, деспотичность. Мать поэта, Прасковья Ивановна, была кроткой, духовно забитой женщиной, безотвѣтно сносившей суровый нравъ мужа, любившаго и выпить. Забота о духовной пищѣ сына, воспитаніе его духовныхъ силъ совершенно отсутствовали со стороны родителей, и ребенокъ росъ одинокимъ. Семейная обстановка не давала матеріала для развитія духовныхъ силъ ребенка, влекла за собою преждевременную серьезность, сосредоточенность, отчужденность. Главную духовную пищу будущій поэтъ черпалъ изъ природы и изъ знакомства съ фантастическимъ міромъ, источникомъ ознакомленія съ которымъ, по однимъ даннымъ, была нянька, по другимъ,—старикъ-сторожъ на свѣчномъ заводѣ отца. Мальчика стали учить, когда ему исполнилось шесть лѣтъ; первымъ учителемъ былъ сапожникъ. Повидимому, однако, кромѣ него, у Никитина былъ еще другой учитель, такъ какъ онъ поступилъ въ 1833 г. сразу во второй классъ приходскаго духовнаго училища. Въ 1835 г. онъ перешелъ въ первое, низшее, отдѣленіе Уѣзднаго духовнаго училища, а въ 1837 г.—въ высшее отдѣленіе. Учился Никитинъ въ духовномъ училищѣ очень хорошо, но суровый укладъ, тяжелая атмосфера училища не давали никакой сколько-нибудь здоровой пищи для ума и сердца мальчика, и попрежнему онъ черпалъ ее изъ общенія съ природою. Къ этому теперь присоединилось чтеніе, которому онъ предался «со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ». Оно носило случайный характеръ, было безсистемно, но, все-таки, давало хоть какой-нибудь матеріалъ для размышленія, отвлекало отъ тяжелыхъ впечатлѣній школьной и семейной обстановки. Отчужденность, сосредоточенность, которыя обнаружились въ Никитинѣ еще въ раннемъ дѣтствѣ, стали еще болѣе развиваться. Осенью 1839 г. поэтъ перешелъ въ воронежскую духовную семинарію. Историческія данныя о состояніи ея въ эпоху пребыванія въ ней Никитина говорятъ за то, что если тѣ или иные преподаватели и могли оказать нѣкоторое воздѣйствіе на умственное развитіе будущаго поэта, то въ общемъ не могли оказать значительнаго вліянія на духовный ростъ его, на расширеніе кругозора, на возбужденіе широкихъ умственныхъ запросовъ и интересовъ. По крайней мѣрѣ, Н. не сохранилъ о семинаріи добрыхъ воспоминаній, не питалъ къ ней теплыхъ чувствъ; ее онъ обрисовалъ въ своемъ «Дневникѣ семинариста» въ самыхъ темныхъ тонахъ. Своимъ духовнымъ ростомъ Никитинъ былъ обязанъ главнымъ образомъ чтенію, которому отдался съ увлеченіемъ. Чтеніе, знакомство съ Бѣлинскимъ оказали громадное вліяніе на расширеніе умственнаго кругозора Никитина, на углубленіе міросозерцанія, на возбужденіе литературныхъ интересовъ и дали толчокъ къ первымъ поэтическимъ опытамъ. Первое написанное имъ стихотвореніе онъ показалъ преподавателю русской словесности Чехову, который похвалилъ его и посовѣтовалъ продолжать.

Никитинъ думалъ перейти изъ семинаріи въ университетъ. Въ это время торговыя дѣла его отца сильно пошатнулись и къ 1843 г. пришли въ упадокъ. Вмѣстѣ съ этимъ отецъ сталъ все болѣе пить, его суровый характеръ сталъ проявляться еще сильнѣе. Подъ вліяніемъ деспотизма отца, его пьянства, начала пить и мать поэта. Въ домѣ создалась тяжелая, удушливая атмосфера, губительно отзывавшаяся на занятіяхъ Н—на. Казалось, перспектива поступленія въ университетъ должна была служить сильнымъ стимуломъ къ преодолѣнію семинарской схоластики какъ можно скорѣе, но Н. съ каждымъ годомъ учился хуже, манкировалъ уроками и, наконецъ, совсѣмъ забросилъ занятія. Повидимому, въ этомъ сыграло роль, кромѣ семейныхъ условій, и то обстоятельство, что введеніе новаго устава въ 1841 г. дѣлало еще болѣе тяжелымъ семинарскій режимъ. Забросивъ семинарію, Никитинъ весь ушелъ въ чтеніе и отдался творчеству. Показавъ одно стихотвореніе Чехову, поэтъ тщательно скрывалъ отъ окружающихъ свои дальнѣйшіе поэтическіе опыты. Въ 1843 г. Н. былъ уволенъ изъ старшаго класса средняго отдѣленія семинаріи «по малоуспѣшности, по причинѣ нехожденія въ классъ». Для полнаго окончанія семинаріи нужно было пробыть еще два года въ послѣднемъ, старшемъ, отдѣленіи. Полюбившему литературу, наполненному высокими стремленіями и поэтическими грезами, начинающему поэту пришлось тотчасъ же послѣ выхода изъ семинаріи окунуться

въ самую тяжелую житейскую прозу и засѣсть за прилавокъ въ свѣчной лавкѣ отца, помогать ему торговать свѣчами на базарной площади. Черезъ полгода умерла мать поэта. Ея смерть сильно подѣйствовала на отца, онъ сталъ пить еще болѣе и совершенно забросилъ торговыя дѣла. Домъ, свѣчной заводъ и лавка были проданы. На вырученныя деньги Савва Евтихіевичъ купилъ плохой постоялый дворъ и отдалъ его въ аренду. Доходъ со двора былъ настолько незначителенъ, что его не хватало на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей. Никитинъ сдѣлалъ попытку предложить свои услуги въ качествѣ конторщика или приказчика, но воронежскіе купцы, видя пьянство отца, съ недовѣріемъ отнеслись и къ сыну. Но у него хватило внутренней стойкости, чтобы не упасть совершенно духомъ. Онъ отказалъ арендатору и сталъ хозяйничать на постояломъ дворѣ, выполняя всѣ функціи дворника, вплоть до бѣганья за водкой для извозчиковъ. Съ этихъ поръ дѣла Н. пошли лучше и вскорѣ явилась возможность выстроить небольшой деревянный флигель въ пять комнатъ, изъ которыхъ три сдавались преподавателю семинаріи И. И. Смирницкому.

Несмотря на тяжелую семейную обстановку, Н. не опустился морально: заложенные въ семинаріи умственные запросы не умерли въ немъ, не пропалъ интересъ къ чтенію и не заглохли литературныя наклонности. Торгуя свѣчами, затѣмъ содержа постоялый дворъ, борясь съ нуждою, Н. продолжаетъ интересоваться литературой, стремится разобраться въ своихъ переживаніяхъ, выработать опредѣленное міросозерцаніе. При своемъ развитіи и впечатлительности онъ глубоко чувствовалъ несоотвѣтствіе окружающей дѣйствительности съ мечтами и стремленіями, и чувство неудовлетворенности жизнью составило основную черту психики Никитина въ это время. Возникшая еще въ дѣтствѣ сосредоточенность, подъ вліяніемъ тяжелой окружающей обстановки 1843—1853 гг., развилась еще болѣе; окруженный средою, которая не могла понять его, Н. еще болѣе ушелъ въ себя. Единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ Никитинъ дѣлился своими внутренними переживаніями, впечатлѣніями, поэтическими замыслами, былъ И. И. Дураковъ, молодой мѣщанинъ, который поддерживалъ морально поэта, укрѣплялъ въ немъ вѣру въ поэтическія силы. Подъ воздѣйствіемъ Дуракова Никитинъ въ октябрѣ 1849 г. рѣшился послать два своихъ стихотворенія — «Лѣсъ» и «Думу» въ «Воронежск. Губ. Вѣд.», не назвавъ своей фамиліи. Стоявшіе тогда во главѣ газеты В. А. Срединъ, Н. И. Второвъ и К. О. Александровъ-Дольникъ очень заинтересовались авторомъ. 5 ноября въ № 45 «Воронежск. Губ. Вѣд.» (отд. второй, часть неоффиц., стр. 314) было напечатано: «На дняхъ присланы намъ отъ неизвѣстнаго лица при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., два стихотворенія, которыя мы, по прочтеніи, нашли такъ замѣчательными, что готовы были бы на этотъ разъ, изъ уваженія къ дарованію, отступить отъ принятой нами программы и помѣстить ихъ въ нашей газетѣ. Единственное препятствіе, которое удерживаетъ насъ, это незнаніе нами имени автора». Несмотря на эту лестную для Никитина замѣтку, онъ не отозвался на нее. Лишь спустя четыре года, 6 ноября 1853 г. Никитинъ снова посылаетъ свои стихотворенія редактору «Пантеона» Ѳ. А. Кони при письмѣ, которое подписываетъ полною фамиліею. Почти одновременно, 12 ноября 1853 г., поэтъ посылаетъ три своихъ стихотворенія—«Поле», «Русь» и «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный...» въ редакцію «Воронежскихъ Губ. Вѣд.», на этотъ разъ уже не скрывая своего имени и сообщая, что онъ—воронежскій мѣщанинъ. Редакція газеты съ большимъ вниманіемъ отнеслась къ новому письму Никитина. Особенно заинтересовался имъ Второвъ; онъ разыскалъ поэта, первый сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ сближенію съ нимъ. 21 ноября 1853 г. въ № 47 «Воронежскихъ Губ. Вѣд.» (часть неоффиц., смѣсь, стр. 283—284) было напечатано одно изъ присланныхъ Н. стихотвореній—«Русь». По своему патріотическому духу и тону «Русь» какъ разъ пришлась къ настроенію русскаго общества въ началѣ Крымской кампаніи. Въ этомъ лежала главная причина успѣха стихотворенія, которое обратило вниманіе и столичной прессы. Второвъ, бывшій тогда совѣтникомъ Воронежскаго губерн. правленія, и Александровъ-Дольникъ, занимавшій мѣсто товарища предсѣдателя Гражданской Палаты, очень сочувственно отнеслись къ Н., ввели его въ группировавшійся около нихъ кружокъ мѣстной

интеллигенціи. Члены его были очень разнообразны по возрасту, соціальному и служебному положенію, профессіи и образовательному цензу. Крайне разнообразны были и интересы членовъ кружка. Объединялъ многихъ членовъ общій интересъ къ изученію мѣстнаго края, къ общественной жизни и къ литературѣ. Съ выступленія въ печати, со знакомства со Второвскимъ кружкомъ начинается новый періодъ жизни Н., онъ попадаетъ въ другую сферу, подъ воздѣйствіе новыхъ вліяній. Никитинъ, по свидѣтельству Второва, сначала туго шелъ на сближеніе съ нимъ. Только узнавъ ближе Второва, поэтъ сошелся съ нимъ и съ членами его кружка, несмотря на то, что былъ встрѣченъ ими, какъ дорогой, желанный гость. Здѣсь сказалась отчужденность, обособленность, развитыя тяжелыми условіями жизни. По свидѣтельству Второва и Де-Пуле, Никитинъ сразу же послѣ выступленія въ печати сдѣлался очень популяренъ въ Воронежѣ. Успѣхъ, масса новыхъ впечатлѣній, теплое дружеское участіе Второва и его кружка ободряюще подѣйствовали на поэта, на возбужденіе его творческихъ силъ. Отчужденность Никитина стала проходить, кругъ его знакомства—расширяться. Поэтомъ очень заинтересовался историкъ, впослѣдствіи предсѣдатель Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ, гр. Д. Н. Толстой, бывшій тогда вице-директоромъ департамента полиціи, хорошій знакомый Второва, который сообщилъ ему о Никитинѣ и прислалъ нѣсколько его стихотвореній. Гр. Толстой напечаталъ во второй апрѣльской книжкѣ «Москвитянина» за 1854 г. письмо къ нему Второва о Никитинѣ съ присланными его стихотвореніями и предложилъ поэту издать сборникъ стихотвореній. Вскорѣ появилась въ іюньской книжкѣ «Отеч. Зап.» за тотъ же годъ статья о Н. одного изъ членовъ Второвскаго кружка, А. П. Нордштейна, вмѣстѣ съ которой были напечатаны 9 стихотвореній поэта. Въ іюльской книжкѣ «Библ. для чтенія» привѣтствовалъ Никитина въ «Листкахъ изъ записной книжки русскаго» Н. В. Кукольникъ, познакомившійся съ поэтомъ въ Воронежѣ. Послѣ этого онъ сталъ помѣщать свои стихотворенія въ «Отеч. Зап.» и «Библ. для чтенія». Согласившись на предложеніе гр. Толстого, Никитинъ весь отдался подготовкѣ сборника своихъ стихотвореній. Творческая работа шла съ удивительной напряженностью: Н. пишетъ цѣлый рядъ стихотвореній, перерабатываетъ по нѣскольку разъ уже написанныя. Одновременно онъ работаетъ надъ большимъ произведеніемъ—«Кулакомъ». Популярность Н. въ Воронежѣ все возрастала, сочувствіе къ нему выражали самые разнообразные общественные слои, отчужденность и нелюдимость пропали, онъ былъ настроенъ бодро и жизнерадостно. Но это жизнерадостное настроеніе омрачалось разстройствомъ физическаго здоровья—болѣзнью желудка; приступы болѣзни были въ особенности жестоки въ декабрѣ 1854 г. и въ апрѣлѣ 1855 г.; осенью его здоровье стало поправляться и онъ энергично принялся за работу; октябрь и ноябрь были очень продуктивны. Написавъ рядъ произведеній, продолжая работать надъ «Кулакомъ», поэтъ въ это время задумалъ другое большое произведеніе, впослѣдствіи названное «Тарасомъ». Въ февралѣ 1856 г. вышелъ сборникъ стихотвореній Никитина, въ который вошло 61 стихотвореніе. По совѣту гр. Толстого, Н. поднесъ сборникъ членамъ Императорской семьи, отъ которыхъ получилъ рядъ подарковъ. Въ расходахъ по изданію сборника, которые составили 300 руб., принялъ участіе, кромѣ гр. Толстого, его знакомый А. А. Половцевъ. Встрѣтивъ съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ успѣхъ и ставъ въ короткое время популярнымъ, Н. испыталъ неудачу, холодное и даже рѣзко отрицательное отношеніе къ себѣ критики, лишь только выступилъ съ сборникахъ своихъ стихотвореній Наиболѣе отрицательно отозвался о сборникѣ находившійся тогда на вершинѣ критической славы Чернышевскій въ «Современникѣ» (1856, кн. IV). Отрицательные отзывы критики произвели сильное впечатлѣніе на поэта, но, какъ видно изъ его письма къ Краевскому отъ 20 авг. 1856 г., Н. сознавалъ, что выступилъ со сборникомъ преждевременно, когда еще не окрѣпли его поэтическія силы. Н. не упалъ духомъ, чувствуя, что теперь онѣ развились, и энергично продолжалъ трудиться. Начавъ, какъ уже отмѣчено, въ 1854 г. большое произведеніе «Кулакъ», поэтъ все время не переставалъ работать надъ нимъ; въ сентябрѣ 1856 г. работа была закончена, но послѣдовали безчисленныя передѣлки и поправки, существенно измѣнившія «Кулакъ».

Въ 1856 г. поэтъ увлекся гувернанткой помѣщиковъ Плотниковыхъ М. И. Жюно. Насколько позволяютъ судить сохранившіяся данныя, она была живой, поэтической натурой, чуткой и развитой. Къ ней поэтъ, повидимому, питалъ серьезное чувство и пользовался ея взаимностью, но оба таили въ себѣ чувства, не высказывались вполнѣ.

Попавъ въ сферу новыхъ жизненныхъ отношеній, выступивъ на литературное поприще, завязавъ обширныя знакомства, Н. не перемѣнилъ жизненной обстановки, продолжая и послѣ 1853 г. содержать съ отцомъ постоялый дворъ; послѣдній сталъ приносить доходъ и Н. вышелъ изъ нужды. Отецъ поэта продолжалъ пить, но, повидимому, семейныя отношенія въ 1854—1856 гг. нѣсколько улучшились, да и обстановка постоялаго двора теперь уже не такъ угнетала поэта.

25 іюня 1857 г. Второвъ уѣхалъ изъ Воронежа. Начавшій распадаться еще до его отъѣзда Второвскій кружокъ совсѣмъ распался. Благотворная его роль въ жизни Никитина несомнѣнна: онъ не только морально поддерживалъ поэта, оказывалъ ободряющее воздѣйствіе на душевное настроеніе, но и помогъ ему выйти на широкую литературную дорогу. Роль Второвскаго кружка, большинство членовъ котораго было хорошо образовано, въ духовномъ развитіи Н. заключалась въ томъ, что онъ далъ хорошую почву для духовнаго роста поэта, способствовалъ его умственному развитію, расширенію кругозора, пополненію образованія: Н. самымъ серьезнымъ образомъ сталъ работать надъ самообразованіемъ, пополнять пробѣлы въ чтеніи и занялся изученіемъ французскаго языка, въ чемъ ему помогалъ Второвъ. Отъѣздъ послѣдняго изъ Воронежа—не только внѣшняя дата въ біографіи Н., но и вѣха въ его внутреннемъ развитіи, отмѣчающая серьезный душевный кризисъ, совпавшій съ этимъ отъѣздомъ. Послѣ отъѣзда Второва Н. съ громадной остротою почувствовалъ вновь тяжесть жизненной и семейной обстановки, пессимистическое настроеніе съ большой силой захватило поэта, творческое возбужденіе смѣнилось рѣзкимъ упадкомъ творческихъ силъ, полнымъ разочарованіемъ въ нихъ, сомнѣніемъ въ своемъ поэтическомъ дарованіи. Въ такомъ тяжеломъ состояніи духа Н. дѣлаетъ послѣднія поправки въ «Кулакѣ»; 2 августа 1857 г. онъ былъ посланъ въ Москву къ Александрову-Дольнику, который взялъ на себя наблюденіе надъ печатаніемъ книги и корректуру ея. Въ концѣ февраля 1858 г. «Кулакъ» былъ отпечатанъ. Къ лѣту этого года здоровье Никитина снова разстроилось. Немного поправилось оно только осенью. Въ это время теплое участіе въ поэтѣ принялъ богатый купецъ В. А. Кокоревъ, съ которымъ Н. познакомился черезъ Второва. Подъ его вліяніемъ Кокоревъ принялъ живое участіе въ распространеніи «Кулака». Критика встрѣтила его очень сочувственно, такой же успѣхъ «Кулакъ» имѣлъ и у публики: менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ его выхода, къ концу 1858 г., онъ уже разошелся.

Въ октябрѣ 1858 г. Никитинъ рѣшилъ перемѣнить тяготившую его жизненную обстановку—купить въ Воронежѣ на деньги, полученныя отъ продажи книги, каменный домъ и жить на доходъ съ него. Эта мысль вскорѣ была оставлена поэтомъ и у него явилась новая—оставить содержаніе постоялаго двора, воспользоваться сдѣланнымъ черезъ Второва предложеніемъ общества дешеваго изданія книгъ, сдѣлаться его агентомъ и открыть книжную торговлю. Для начала дѣла ему не хватало 3000 руб., которыя охотно согласился дать поэту Кокоревъ, предложившій для покрытія долга издать сборникъ стихотвореній. Поступокъ Кокорева, «безкорыстно-благородный», какъ его называетъ поэтъ, вызвалъ въ его душѣ глубокую благодарность. Онъ сразу же горячо, энергично принялся за организацію магазина, подалъ прошеніе объ увольненіи изъ мѣщанскаго сословія и т. п. Знакомый поэта, Н. П. Курбатовъ, выразилъ желаніе быть компаніономъ Н. и въ двадцатыхъ числахъ декабря 1858 г. уѣхалъ въ Москву и Петербургъ для покупки книгъ.

Несмотря на угнетенное настроеніе и болѣзненное состояніе, Н. въ 1857—1858 гг. попрежнему продолжалъ серьезно трудиться надъ своимъ самообразованіемъ, внимательно слѣдить за русской литературой, пополнять пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма Н. 1857—1858 гг. къ Второву, изъ которыхъ видно, что онъ читалъ Купера, Шекспира, Гюго, Гете, Шенье, сталъ заниматься нѣмецкимъ языкомъ, переводя Шиллера и Гейне. Это время совпало съ тѣмъ обще-

ственнымъ одушевленіемъ, которымъ ознаменовались первые годы царствованія Императора Александра II. Тотъ интересъ къ общественной жизни, къ народу, отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву, которые вполнѣ опредѣленно проявились въ Н. въ 1854—1856 гг., еще болѣе, подъ вліяніемъ общаго настроенія, усилились въ 1857—1858 гг.

Работа по устройству магазина подломила силы Н., въ началѣ 1859 г. онъ опасно заболѣлъ и впалъ въ угнетенное состояніе духа. 22 февраля 1859 г. магазинъ былъ открытъ. Открытіе популярнымъ въ Воронежѣ поэтомъ книжнаго магазина явилось цѣлымъ событіемъ мѣстной жизни. Съ интересомъ отнеслись къ этому предпріятію Н. и нѣкоторые органы столичной прессы, давъ мѣсто на своихъ страницахъ статьямъ объ открытіи магазина. Видя въ магазинѣ путь къ избавленію отъ гнета отца, отъ удручающей обстановки постоялаго двора, Н. горячо отдался книжной торговлѣ, не соразмѣривъ своихъ физическихъ силъ, проводя цѣлый день въ магазинѣ. Непосильная работа сильно утомляла поэта, печально отозвалась на его расшатанномъ здоровьѣ, что, въ свою очередь, влекло пониженіе литературной производительности. Снова энергично принялся поэтъ за работу лѣтомъ 1859 г., занявшись подготовкой сборника стихотвореній. Онъ очень строго отнесся къ стихотвореніямъ, помѣщеннымъ въ изданномъ въ 1856 г. сборникѣ, исключивъ изъ него болѣе половины. Изъ стихотвореній изданія 1856 г., перенесенныхъ поэтомъ въ новое изданіе, многія подверглись значительной, существенной передѣлкѣ. Такъ же строго отнесся онъ и къ стихотвореніямъ, написаннымъ послѣ сдачи рукописи изданія 1856 г.: многими изъ нихъ Никитинъ не былъ удовлетворенъ и не включилъ въ новое изданіе. Здоровье Н. началось было поправляться; но въ октябрѣ 1859 г. опять рѣзко ухудшилось.

Въ декабрѣ новый сборникъ стихотвореній вышелъ изъ типографіи; въ него вошло 60 стихотвореній. Критикой сборникъ былъ встрѣченъ гораздо холоднѣе, чѣмъ появленіе «Кулака».

Съ начала 1860 года здоровье Никитина стало поправляться, настроеніе сдѣлалось болѣе жизнерадостнымъ, послѣ упадка творческихъ силъ наступилъ подъемъ, литературная производительность снова поднялась; интересъ къ общественной жизни, упавшій въ 1859 году, снова повысился. Поправившись, Никитинъ рѣшилъ ѣхать въ Москву и Петербургъ, имѣя въ виду вступить въ сношенія съ издателями и книгопродавцами. Въ іюнѣ 1860 года поэтъ выѣхалъ изъ Воронежа. Въ отъѣздѣ онъ пробылъ не долго. Въ это время торговыя дѣла Н. шли хорошо, осенью 1860 г. явилась возможность нанять болѣе просторное и лучшее помѣщеніе для магазина. Во второй половинѣ года Н. чувствовалъ себя хорошо, много работалъ и возвратился къ начатому еще въ 1855 г. большому произведенію—«Тарасу». Въ концѣ 1860 г. Никитинъ написалъ «Дневникъ семинариста».

Къ 1859 г. относится новое увлеченіе поэта—дочерью купца Михайловой, отецъ которой былъ очень расположенъ къ Н. По свидѣтельству его друга и біографа Де-Пуле, чувство это было сильнымъ, встрѣтило взаимность, но Н. подавилъ его въ себѣ, сознавая, что при своей болѣзненности онъ не можетъ принести счастья любимому человѣку. Та же участь постигла и новое увлеченіе поэта, въ серединѣ 1860 г.,—дочерью отставного генерала Н. А. Матвѣевой, также встрѣтившее взаимность.

Разстроившееся къ концу 1860 г. здоровье Никитина къ началу 1861 г. снова улучшилось, наступилъ опять подъемъ силъ. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ собраніяхъ сгруппировавшагося около Де-Пуле кружка, очень интересуется мѣстной жизнью, общественными вопросами. Съ большимъ восторгомъ былъ встрѣченъ Н. манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Изъ писемъ поэта этого времени видно, какъ сильно былъ онъ захваченъ этимъ событіемъ. Очень сочувствовалъ Н. насажденію народнаго образованія въ краѣ и принялъ дѣятельное участіе въ организаціи въ Воронежѣ общества распространенія грамотности, въ учрежденіи воскресныхъ школъ, женской гимназіи и т. п. Какъ на культурное предпріятіе смотрѣлъ Н. и на свой книжный магазинъ и библіотеку для чтенія. Онъ не ограничивался ролью простого продавца, но, когда этого требовалъ умственный уровень читателя и покупателя, приходилъ къ нему на помощь при выборѣ книгъ, давалъ совѣты, помогалъ разбираться въ книжномъ матеріалѣ.

Особенно благотворно, по отзыву лицъ, знавшихъ поэта, какъ книгопродавца, было его вліяніе на молодежь, которой онъ давалъ здоровую духовную пищу, руководилъ ея чтеніемъ. Къ 1861 г. дѣла магазина Н. были уже прочно поставлены и въ то же время магазинъ сдѣлался однимъ изъ культурныхъ центровъ Воронежа.

Всю первую половину 1861 г. Н. чувствовалъ себя въ физическомъ отношеніи хорошо, но 1 мая онъ сильно простудился. Эта простуда, обострив туберкулезный процессъ, оказалась роковой. Лѣтомъ здоровье Н., все-таки, позволяло ему иногда вставать съ постели, дѣлать небольшую прогулку, проѣхать въ магазинъ, забота о которомъ не покидала поэта. Съ осени здоровье стало ухудшаться и Н. сознал, что дни его сочтены. 10 сентября было совершено духовное завѣщаніе. Душеприказчикомъ поэтъ назначилъ Де-Пуле, а право на изданіе своихъ сочиненій передалъ Второву съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги были употреблены на благотворительное дѣло. Деньги, полученныя отъ продажи магазина, Никитинъ завѣщалъ своимъ роднымъ, исключивъ отца. Это едва ли было вызвано ненавистью къ отцу, вѣрнѣе, было продиктовано сознаніемъ, что онъ пропьетъ доставшіяся ему деньги, что онѣ не пойдутъ ему на пользу. У отца оставался домъ, который, по словамъ Де-Пуле, давалъ 300—400 р. дохода. За все время болѣзни поэтъ испытывалъ самыя тяжелыя физическія страданія, въ немъ обнаружилась большая нервозность, нѣчто въ родѣ истерическихъ припадковъ, постоянный кашель и поносъ очень мучили и изнуряли больного. Къ этимъ физическимъ страданіямъ прибавились нравственныя, источникомъ которыхъ былъ отецъ. Окружавшіе больного Де-Пуле, Зиновьевъ и Перелешинъ единогласно свидѣтельствуютъ, что отецъ Н., несмотря, на тяжелую болѣзнь сына, продолжалъ вести прежній образъ жизни, по прежнему пилъ и буянилъ, причиняя этимъ поэту большія страданія. 16 октября 1861 г. смерть прекратила мученія Никитина. Смерть его была встрѣчена въ Воронежѣ съ глубокимъ сожалѣніемъ. Также отнеслась и русская печать. Похороненъ Н. 18 октября на Ново-Митрофановскомъ кладбищѣ, около могилы Кольцова.

Самыя раннія изъ сохранившихся произведеній Никитина относятся къ 1849 г. Обособленность, сосредоточенность въ самомъ себѣ наложили опредѣленный отпечатокъ на творчество Н. 1849—1853 гг. Сфера его поэтическаго вниманія была ограничена; онъ, главнымъ образомъ, вращался въ области своихъ внутреннихъ переживаній, окружающая жизнь привлекала мало вниманія. Въ творчествѣ за этотъ періодъ времени ярко сказались душевное настроеніе поэта, его стремленіе осмыслить жизнь, религіозная настроенность, любовь къ природѣ, которой посвящена значительная часть стихотвореній. Красною нитью проходитъ чувство неудовлетворенности жизнью, страданіе отъ несоотвѣтствія ея съ мечтами и стремленіями. Впрочемъ, и въ это время уже замѣтны зачатки интереса поэта къ окружающей жизни, общественные мотивы, уже виденъ будущій поэтъ-гражданинъ. Въ 1849—1853 гг. Н. находился всецѣло подъ литературными вліяніями. Особенно сильно сказывалось вліяніе Кольцова, а также Пушкина и Лермонтова. Но въ то же время уже выступаетъ самостоятельность, непосредственность, главнымъ образомъ, въ тѣхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ Н. описываетъ личныя переживанія и природу. Воспитавшись какъ поэтъ на Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ, Н. къ 1853 г. уже довольно свободно владѣлъ стихомъ, художественною рѣчью. Чтеніе—эта главная духовная пища Никитина, имѣло громадное вліяніе на выработку міросозерцанія Н. и весьма замѣтно отразилось въ его произведеніяхъ. Въ мысляхъ, высказываемыхъ поэтомъ въ стихотвореніяхъ 1849—1853 гг., мало самостоятельнаго и тамъ, гдѣ онъ пытается дать собственное разрѣшеніе философскимъ вопросамъ, его мучившимъ, выступаетъ много искусственности, риторики, заимствованныхъ изъ книгъ мыслей.

Личныя переживанія играютъ видную роль въ творчествѣ Н. и послѣ знакомства его со Второвымъ и его кружкомъ въ ноябрѣ 1853 г., но наряду съ этимъ съ удивительной быстротой растетъ интересъ къ окружающей жизни, къ народу, его быту и психологіи; съ 1854 г. произведенія съ оттѣнкомъ именно такого рода интересовъ дѣлаются преобладающими и къ 1857 г. Никитинъ становится вполнѣ опредѣлившимся поэтомъ-общественникомъ. Задуманныя въ эту эпоху два боль-

шихъ произведенія—«Кулакъ» и «Тарасъ» посвящены всецѣло изображенію мѣщанскаго и народнаго быта. Н. все болѣе стремится быть непосредственнѣе, избѣгаетъ риторики, «философствованія», которыя ранѣе занимали видное мѣсто въ его поэзіи. Въ творчествѣ 1854—1856 гг. такъ же, какъ и прежде, видно вліяніе другихъ поэтовъ, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ ранѣе; все болѣе обнаруживается стремленіе стать самостоятельнымъ, идти своей дорогой. Все это было слѣдствіемъ естественнаго роста поэтическихъ силъ Н., вытекало изъ развитія его художественнаго сознанія, но нѣкоторую роль, несомнѣнно, сыграло вліяніе членовъ Второвскаго кружка. Въ творчествѣ 1857—1858 гг. субъективныя переживанія, личныя страданія, тоска, угнетенное состояніе духа уже гармонически соединяются съ общественными мотивами. Въ нихъ нѣтъ ничего дѣланнаго, грубо тенденціознаго, желанія поддѣлаться подъ господствующее настроеніе общества: они—глубоко искреннія проявленія внутренняго міра Н., продуктъ искренняго сочувствія народнымъ страданіямъ. Въ 1859—1861 гг. Н. продолжалъ идти по той дорогѣ, на которую всталъ ранѣе, всецѣло примкнувъ къ современной ему реалистической школѣ. Но общественный элементъ не подавилъ художественнаго; поэтъ сумѣлъ въ чисто общественномъ произведеніи—«Дневникѣ семинариста» остаться вѣрнымъ художественной правдѣ. Въ 1860—1861 гг. Н. завоевалъ широкія общественныя симпатіи, занявъ среди поэтовъ-общественниковъ первое мѣсто послѣ Некрасова, который очень цѣнилъ Никитина. Наряду съ признаніемъ Некрасова, къ поэзіи Никина сочувственно относился представитель совершенно другого литературнаго направленія—критикъ-эстетикъ Аполлонъ Григорьевъ. Развивавшіяся постепенно поэтическія силы Н. къ 1860 г. стали пышно расцвѣтать, но смерть прервала этотъ расцвѣтъ, онѣ не успѣли обнаружиться вполнѣ. По своему художественному дарованію, Н. не былъ крупной поэтической величиной, но его поэзія высоко стоитъ по проникающему ее гуманизму, по глубокой искренности, прочувствованности и высотѣ душевной настроенности. Эта сторона поэзіи Н-а привлекла къ нему общественныя симпатіи, въ томъ числѣ Л. Толстого, и создала ему широкую популярность, которую онъ не утратилъ и до сихъ поръ: его сочиненія выдержали громадное количество изданій.

I. Изданія сочиненій Никитина. Стихотворенія, изд. гр. Д. Н. Толстого. Воронежъ. 1856; стихотворенія, изд. В. А. Кокорева, Спб. 1859; сочиненія, изд. А. Р. Михайлова. Воронежъ, 1869; 2-е—13-е изд. К. К. Шамова и т-ва И. Д. Сытина. М. 1878—М. 1910; юбилейное изд. т-ва И. Д. Сытина, М. 1911; изд. „Современ. к-ва“ М. 1911; изд. А. С. Панафидиной, подъ ред. М. О. Гершензона (два изд.) М. 1912; изд. т-ва „Дѣятель“, подъ ред. С. М. Городецкаго, Спб. 1912. Кромѣ того, вышло множество школьныхъ изданій. Полное собраніе сочиненій выходитъ съ 1913 г. подъ ред. А. Г. Фомина, въ изд. „Просвѣщеніе“ въ Спб.

II. Письма Никитина. Къ Л. П. Блюммеру,—„Свѣточъ“, 1861, кн. XII; Н. И. Второву и М. Ѳ. Де-Пуле въ составл. имъ біографіи, приложен. къ 1—13-му изд. сочиненій Никитина; къ гр. Д. Н. Толстому,—Памятная книжка Воронежск. губ. на 1894 г. Воронежъ. 1894 и „Всемірн. Вѣстн.“, 1904, кн. IX; къ И. И. Брюханову,—„Филологич. Зап.“, 1901, в. IV—V (Матеріалы для біографіи Никитина), отдѣльно—Воронежъ 1902 и „Труды Воронежск. Архивн. Комиссіи“, 1904, вып. II; къ Плотниковымъ,—„Щукинскій Сборникъ“, 1905, вып. IV; къ П. М. Вицинскому.—„Мирный Трудъ“, 1905, кн. I; къ Ѳ. А. Кони,—„Русск. Арх.“ 1909, кн. XI и А. Ѳ. Кони „Воспоминанія“; къ В. А. Кокореву,—Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. XIII; къ А. А. Краевскому,—„Вѣстн. Евр.“, 1911, кн. X; къ Н. И. Второву въ статьѣ С. Кавелиной „Новыя данныя къ характеристикѣ Никитина“,—„Русск. Вѣд.“, 1911, 16 окт. и отдѣльно; къ К. О. Александрову-Дольнику—„Путь“, 1911, ноябрь.

III. Библіографія. А. М. Путинцевъ, Матеріалы для библіографіи о Никитинѣ и его сочиненіяхъ,—„Ученыя Записки Юрьевскаго у-та“, 1906, II и отдѣльно.

IV. Воспоминанія. Де-Пуле,—„Воронежск. Губ. Вѣд.“, 1863, № 12; А. Л. (Шкляревскаго) въ книгѣ „Русская уголовная хроника“, Спб. 1882; Де-Пуле и Второва въ біографіи Никитина, составл. Де-Пуле и прилож. къ 1—13-му изд. сочиненій; С. И. Мирополькаго въ школьн. изд. сочиненій Никитина подъ редакціей С. И. Мирополькаго (М. 1885 и въ послѣд. изд.); П. В. Цезаревскаго,—„Прибалт. Листокъ“, 1899 г. и „Сынъ Отеч.“ 1899, № 286; С. Карпова,—„Донъ“, 1899, № 107; Ѳ. Берга,—„Русск. Лист.“ 1899, № 14 и „Воронежск. Тел.“ 1899, № 15; Е. И. Сабинина въ книгѣ А. Вдовенковой „Протоіер. Е. И. Сабининъ“ и „Воронежск. Тел.“ 1910, № 70; „Воспоминанія о Никитинѣ его современниковъ“.—„Воронежск. Телегр.“, 1911, № 233 (перепечатаны воспоминанія Мирополькаго, Цезаревскаго, Карпова, Сабинина, Берга); „Воспоминанія о Никитинѣ его родственниковъ“,—„Воронежск. Тел.“, 1911, № 234, „Донъ“, 1911, 21 окт. и „Спб. Вѣд.“, 1911, 16 окт.; С. П. Павлова,—„Донъ“, 1911, 16 окт.; Т. Донецкаго,—„Живое Слово“, 1911, № 229; „Сельскаго учителя“ въ статьѣ

С. Н. Прядкина,—„Воронежск. Тел.“, 1911, № 234, прилож.

V. Біографическіе матеріалы. Біографія Де-Пуле, приложен. къ 1—13-му изд. сочин. Никитина; А. М. Путинцевъ. Этюды о жизни и творчествѣ Никитина—„Памятная книжка Воронежск. губ. на 1912 г.“ и отдѣльно: Воронежъ 1912; В. И. Покровскій. И. С. Никитинъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ статей. М. 1910; біографич. очеркъ М. О. Гершензона, при редакт. имъ изданіи сочин. Никитина; Ѳ. Е. Сивицкій. Никитинъ. Спб. 1893; А. П. Нордштейнъ. Новости литературы, наукъ и промышленности.—„Отеч. Зап.“ 1854, XCIV, кн. VI; А. И. Николаевъ. Списки окончивш. курсъ въ Воронежск. духовн. семинаріи, съ извлеченіемъ изъ семин. архива свѣдѣній о лицахъ, обучавш. въ семинаріи.—„Воронеж. Епарх. Вѣдом.“, 1882, № 19 и отдѣльно; Воронежск. юбилейный сборникъ въ память 300-лѣтія Воронежа, т. II. Воронежъ. 1886; Н. Поликарповъ. Никитинъ, какъ воспитанникъ Воронежск. духовн. семинаріи.—„Воронежск. Телеграфъ“, 1896, № 119; N. Евтѣй Никитинъ—дѣдъ поэта.—„Воронежск. Телеграфъ“, 1911, №№ 237, 241, 243 и 248; Къ біографіи Никитина.—„Живое Слово“, 1911, 9, 13, 15, 26 ноября; Новыя данныя изъ біографіи Никитина.—„Живое Слово“, 1911, 6 окт.; А. Г. Фоминъ. Болѣзнь и послѣднія минуты жизни Никитина. По неиздан. матер.—„Современникъ“, 1912, кн. V.

VI. Критика. А. В. Дружининъ. Сочиненія, т. VII. Спб. 1865; Н. Г. Чернышевскій. Сочиненія, т. II. Спб. 1906; Н. А. Добролюбовъ. Сочиненія, подъ ред. М. К. Лемке, т. II и IV. Спб. 1912; Я. К. Гротъ. Труды, т. III, Спб. 1901: Н. К. Михайловскій. Сочиненія, т. IV. Спб. 1897; И. Ивановъ. Новая культурная сила. Спб. 1901; Н. А. Саввинъ. Никитинъ. Нижній-Новгородъ. 1911; Всев. Е. Чешихинъ. Исторія русск. литер. XIX в. III, ч. III, изд. т-ва Сытина; А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйш. русск. литер. 7-е изд. Спб. 1909; „Русск. Вѣстн.“, 1856, т. II, апрѣль, кн. I, соврем. лѣтоп., стр. 191—196; Де-Пуле, „Русск. Слово“, 1860, кн. IV, отд. II, критика, стр. 1—22; А. Суворинъ, „Вѣстн. Евр.“, 1869, т. IV, кн. VIII, стр. 891—903; „Дѣло“, 1869, кн. VII, нов. книги, стр. 47—56; „Отеч. Зап.“, 1869, т. 185, кн. VIII, отд. II, стр. 292—305.

А. Г. Фоминъ.

Никитинъ, *Иродіонъ Никитичъ*,— протопопъ Архангельскаго Московскаго собора, см. **Родіонъ Никитичъ**.

Никитинъ, *Михаилъ Федоровичъ*,— генералъ-маіоръ. Родился въ концѣ XVIII вѣка; образованіе получилъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, изъ котораго былъ 5 іюля 1798 г. выпущенъ съ чиномъ прапорщика. Начиная съ 1805 года Н. принималъ участіе во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ, причемъ за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и золотою шашкою съ надписью «за храбрость».—20 января 1814 г., при взятіи штурмомъ непріятельской батареи у города Шатобріана, Н. былъ раненъ пулею въ голову. 4-го октября 1820 г. Н. былъ произведенъ въ чинъ полковника и назначенъ командиромъ Литовскаго пѣхотнаго полка. 13 февраля 1823 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., а въ 1825 г. оставилъ службу въ Литовскомъ пѣхотномъ полку. Въ 1829 г. Никитинъ, въ чинѣ генералъ-маіора, состоялъ при начальникѣ 24-й пѣхотной дивизіи ген.-л. Савоини. Страдая отъ послѣдствій тяжкой раны, полученной въ 1814 г., Н. не могъ уже проявлять прежней энергіи, но продолжалъ служить до начала 1840-хъ гг., и оставилъ службу лишь съ потерей слуха. Всего на службѣ онъ находился около 45 лѣтъ. Послѣдніе годы жизни Н. провелъ въ Козельцѣ, Черниговской губерніи, гдѣ и умеръ 20 мая 1852 г.

„Списокъ генераламъ, штабъ и оберъ офицерамъ всей Россійской арміи, съ показаніемъ чиновъ, фамилій и знаковъ отличія“, стр. 726 (Спб. 1829); „Черниговскія Губ. Вѣд.“ 1852, № 30. *А. П.*

Никитинъ, *Николай Дмитріевичъ*, докторъ медицины; писатель. Никитинъ родился въ 1823 г. и происходилъ изъ московскихъ мѣщанъ; среднее образованіе получилъ въ московской гимназіи, высшее въ московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ. Выпущенный изъ университета лѣкаремъ въ 1848 году, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ помощникомъ прозектора анатоміи и эту должность занималъ около четырехъ лѣтъ, а затѣмъ, съ 1853 года, болѣе двадцати лѣтъ состоялъ прозекторомъ анатоміи. Первая работа Н. «О вліяніи холода и жара на кровь» была напечатана въ «Протоколахъ Физико-Медицинскаго Общества» (за 1858 г.). Слѣдующая работа «Апоневрологія или наука о клѣточноволокнистыхъ растяженіяхъ человѣческаго тѣла» вышла въ 1860 г. отдѣльно. Затѣмъ Н. въ 1861 году защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «О нервѣ подзатылочномъ» (Москва 1861 г., стр. 66). Въ томъ же году Н. помѣщаетъ свою статью «Двойственный уродъ» въ «Московской Медицинской Газетѣ» (1861 г. № 46) и съ этого времени дѣлается по-

стояннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ этого изданія, гдѣ имъ напечатано нѣсколько десятковъ спеціальныхъ работъ. Въ 1864 г. Н. предпринялъ поѣздку за границу съ научною цѣлью, по возвращеніи оттуда былъ избранъ въ число членовъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ врачей практикантовъ лѣчебницы этого общества. Кромѣ того, на засѣданіяхъ общества онъ часто дѣлалъ доклады и сообщенія, изъ которыхъ многіе напечатаны въ «Московской Медицинской Газетѣ». Въ 1874 г. Н. вышелъ въ отставку для поступленія земскимъ врачемъ Московскаго уѣзда. Кромѣ того, съ 1867 года онъ состоялъ членомъ земской управы и директоромъ школы общества садоводства въ Москвѣ. Какъ только началась война 1877—1878 гг., Н. Д. тотчасъ же изъявилъ желаніе ѣхать на театръ военныхъ дѣйствій и былъ назначенъ старшимъ ординаторомъ военно-временнаго № 66 госпиталя, который затѣмъ былъ расположенъ близъ Константинополя. Въ этомъ госпиталѣ Н. работалъ до 1879 года, послѣ чего снова возвратился въ Москву, гдѣ и продолжалъ свою широкую и разностороннюю дѣятельность по земству до своей смерти. Н. скончался въ Москвѣ въ 1883 г. Кромѣ вышеупомянутыхъ работъ, Никитину принадлежатъ еще слѣдующія: «Русскіе медицинскіе термины» («Ученыя Извѣстія московскаго университета» 1867 г.), «Руководство къ устройству медицинскихъ садовъ при сельскихъ земскихъ лѣчебницахъ». (М. 1875 г. 8⁰, стр. 198), рядъ мелкихъ библіографическихъ и другихъ замѣтокъ въ «Московской Медицинской Газетѣ» и др. изданіяхъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ „Русскіе Врачи-Писатели". Вып. I, Спб. 1886 г. тетрадь 2, стр. 35; „Медицинскій Вѣстникъ" 1868 г. № 48.

Е. Я.

Никитинъ, *Романъ Никитичъ*,— придворный орнаментальный живописецъ при Петрѣ I и его преемникахъ. Род. въ 1691 г. и былъ младшимъ братомъ живописца Ивана Никитича Н., ум. въ концѣ 1753 или въ началѣ 1754 г. Отправленный Петромъ въ 1716 г. за границу вмѣстѣ съ братомъ, онъ былъ съ нимъ въ Венеціи и во Флоренціи, гдѣ занимался подъ руководствомъ Рети, а затѣмъ, съ 1719 г., во Франціи, въ Парижѣ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ знаменитаго Ларжильера. Какъ пенсіонеръ императора, Романъ Н. получалъ по 200 рублей въ годъ.

Въ Россію Н. возвратился въ концѣ 1720 или началѣ 1721 г. Назначенный согласно своему желанію на службу въ Москву, Н. участвовалъ въ украшеніи живописью тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ по случаю заключенія Ништадтскаго мира, а потомъ имѣлъ немало работъ для церквей; до 1732 г. онъ жилъ въ Москвѣ, занимаясь, какъ кажется, больше орнаментальною живописью. Кисти Н-на принадлежитъ портретъ баронессы Маріи (Вассы) Яковлевны Строгоновой. Вѣроятно также, что онъ писалъ портреты всей семьи Строгоновыхъ, между прочимъ. и портретъ барона С. Гр. Строгонова, приписываемый также его брату Ивану. Въ февралѣ 1731 г., когда стали распространяться враждебные Ѳеофану Прокоповичу памфлеты и житіе, оказалось, что и Романъ Никитинъ былъ виновенъ въ распространеніи возмутительныхъ тетрадей», ибо давалъ читать «житіе Ѳеофана» отцу своему духовному. Позванный къ допросу, Н.показалъ, что ему тетрадь далъ двоюродный братъ его, іеродіаконъ троицкаго подворья Іона, тѣмъ не менѣе онъ былъ взятъ «подъ караулъ». Была взята подъ караулъ и жена его. Хотя при обыскѣ у Романа Никитина не было найдено ничего, что доказывало бы его виновность, однако, ему пришлось раздѣлить печальную участь его братьевъ.

Послѣ долгаго процесса, 5-го ноября 1737 г. былъ утвержденъ докладъ Тайной Канцеляріи, которымъ опредѣлялось Романа Никитина послать въ Сибирь, съ женою его, на житье вѣчно за карауломъ. Живя въ Сибири, въ Тобольскѣ, Н., повидимому, продолжалъ заниматься живописью, и—по догадкѣ П. Н. Петрова—въ Сибири можно найти немало картинъ его работы.—Освобожденный указомъ Правительницы, принцессы Анны Леопольдовны, отъ 22 апрѣля 1741 г., изъ Сибири, Н. прибылъ въ Москву въ концѣ этого года и былъ немедленно введенъ во владѣніе какъ своимъ имуществомъ, такъ и имуществомъ брата его Ивана, скончавшагося по пути изъ ссылки, а именно двухъэтажнымъ каменнымъ домомъ на Тверской улицѣ.

По вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, Н. былъ опредѣленъ попрежнему въ придворные живописцы, ему было поручено написать образа для новопоставленной церкви въ Московскомъ Златоустовскомъ монастырѣ. Повидимому, работами подобнаго рода Н., живя въ Москвѣ, продолжалъ заниматься до самой смерти, послѣдовавшей въ 1753 или началѣ 1754 г. Около того же времени умерла и жена его—Маріамна Петровна. Сынъ его Петръ былъ архитекторомъ и въ 1755 г. имѣлъ чинъ капитана.

П. Н. Петровъ „Русскіе живописцы—пенсіонеры Петра Великаго". („Вѣстникъ изящныхъ искусствъ", т. I, вып. 1 и 2. Спб. 1883); И. Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868 г. А. П. Новицкій, „Исторія русскаго искусства". М. 1899; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", т. CIV; А. Сомовъ „Картинная Галлерея Императорской Академіи Художествъ. I. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи". Спб. 1872. *А. П.*

Никитниковъ, *Герасимъ Алексѣевичъ*,—протоіерей, профессоръ вятской духовной семинаріи, писатель. Н. род. 25 февраля 1812 г. въ селѣ Беховѣ, Алексинскаго уѣзда, Тульской губ., умеръ 20 декабря 1884 г. въ Вяткѣ. Отецъ его, Алексѣй Семеновичъ, былъ сначала пономаремъ, а съ 1817 г. священникомъ въ сосѣднемъ селѣ Кошкинѣ, жилъ очень бѣдно, но, несмотря на бѣдность, постарался дать дѣтямъ образованіе. Г. А. Никитниковъ былъ опредѣленъ въ тульское духовное училище, по окончаніи котораго поступилъ въ тульскую духовную семинарію, а затѣмъ въ московскую духовную академію, откуда, четыре года спустя, былъ выпущенъ со степенью магистра богословія. 8-го августа 1838 г. Н. былъ опредѣленъ профессоромъ философскихъ наукъ въ вятскую духовную семинарію. Помимо профессорскихъ обязанностей, Н. въ теченіе семи лѣтъ—съ 1839 г. по 1846 г.—исправлялъ должность помощника инспектора семинаріи и съ 1840 г. по 1847 г. преподавалъ въ семинаріи французскій языкъ. 21 іюня 1842 г. Никитниковъ рукоположенъ во священники, 30 іюня того же года произведенъ въ санъ каѳедральнаго протоіерея вятскаго Воскресенскаго собора, при которомъ служилъ въ теченіе свыше 29 лѣтъ, до 21 октября 1871 г., когда былъ перемѣщенъ на должность настоятеля церкви вятскаго духовнаго училища. 24 іюня 1847 г. Н. былъ опредѣленъ законоучителемъ въ вятскую губернскую гимназію, вслѣдствіе чего оставилъ профессорскую должность въ семинаріи.—Въ то же время состоялось назначеніе Н-на благочиннымъ приходскихъ церквей г. Вятки, и въ этой должности онъ состоялъ болѣе 23 лѣтъ, до 18 ноября 1870 г., когда былъ уволенъ отъ нея по собственному желанію. 22 февраля 1854 г. Никитниковъ былъ опредѣленъ на должность директора вятскаго духовнаго училища и сначала въ этомъ званіи, а послѣ преобразованія духовныхъ училищъ въ званіи смотрителя училища прослужилъ 28 съ половиною лѣтъ и только вслѣдствіе тяжкой болѣзни былъ 1-го сентября 1882 г. уволенъ, согласно прошенію отъ службы.

Какъ профессоръ философскихъ наукъ, Н. остался памятенъ своимъ слушателямъ. Ученикъ Ѳ. А. Голубинскаго, онъ излагалъ свой курсъ «съ основательностью, ясностью, увлеченіемъ и убѣдительностью». Хорошую память оставилъ Н. по себѣ и какъ начальникъ. Ему обязано вятское духовное училище и вятскій Воскресенскій Соборъ значительными перестройками и украшеніями. Совмѣстно съ воспитанниками онъ насадилъ въ училищномъ дворѣ прекрасный садъ, покрылъ стѣны холоднаго храма живописью, въ 1851 г. совершенно перестроилъ теплый храмъ, устроилъ въ немъ новый иконостасъ, колокольню. Г. А. Никитниковъ извѣстенъ также своими литературными и научными трудами, первымъ изъ которыхъ была его магистерская диссертація «Разсужденіе объ эпитиміяхъ» (Москва 1838). Въ 1863 году онъ напечаталъ собраніе своихъ проповѣдей подъ заглавіемъ: «Слова, говоренныя въ высокоторжественные дни въ Вятскомъ каѳедральномъ соборѣ» и въ томъ же году выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе «Іерархія вятской епархіи» съ приложеніемъ многихъ подлинныхъ документовъ. Сочиненіе это, написанное на основаніи архивныхъ изысканій, является историческимъ описаніемъ жизни и дѣятельности вятскихъ архипастырей, начиная съ перваго вятскаго епископа Александра, назначеннаго въ Вятку въ 1658 г. и кончая назначеннымъ въ Вятку 6 февраля 1860 г. епископомъ Агаѳангеломъ. Въ 1869 г. Н. напечаталъ «Историко-статистическое

описаніе Воскресенскаго собора въ г. Вяткѣ».

С. Смирновъ, „Исторія Московской Духовной Академіи“, М. 1879 г., стр. 239, 546; В. Измайловъ, „Начальники и наставники Вятской семинаріи съ 1819 г.“, („Вятскія Епарх. Вѣд.“ 1869 г. № 6, стр. 130—138; № 7, стр. 139—153; 1885 г. № 1, стр. 5; № 2, стр. 37); П. Рудневъ, „Тульская духовная семинарія. Дополненіе по части нравственнаго управленія“ („Тульскія Епарх. Вѣд.“ 1865 г. № 7, 1866 г. №№ 21 и 24, 1867 г. №№ 4—7, 1871 г. №№ 7, 12 и 13; 1872 г. № 16, 1873 г. №№ 1, 3 и 23, 1875 г. № 22; Д. Д. Языковъ „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“. Выпускъ IV. Спб. 1888.

А. П.

Никитскій, *Александръ Ивановичъ*,— профессоръ Варшавскаго университета по каѳедрѣ русской исторіи, писатель. Н. род. 25 января 1842 г. въ Череповцѣ, Новгородской губ., и былъ сыномъ учителя Череповецкаго городского училища; умеръ въ ночь на 10 ноября 1886 г. въ Варшавѣ. Воспитывался въ Новгородской гимназіи, гдѣ рано обнаружилъ наклонность къ занятіямъ исторіей и еще будучи гимназистомъ помѣстилъ нѣсколько статей въ «Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Благодаря вліянію извѣстнаго археолога И. К. Купріянова, онъ обратился къ изученію новгородской старины, и съ тѣхъ поръ занятія отечественною исторіей стали для него излюбленными. Окончивъ въ 1860 году гимназическій курсъ первымъ, съ награжденіемъ золотою медалью, онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета; кандидатскій дипломъ получилъ въ 1866 г. отъ университета Св. Владиміра. Съ этихъ поръ Н. сосредоточиваетъ свои занятія на исторіи Пскова и своей родины—Новгорода. Назначенный въ 1868 г. преподавателемъ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, онъ не прерывалъ этихъ занятій и, неустанно работая въ избранной имъ спеціальной области, подготовилъ къ печати нѣсколько трудовъ, изъ которыхъ упомянемъ «Очерки изъ жизни Великаго Новгорода», «Теорія родового быта въ древней Руси». Начиная съ 1870 г. Н. почти ежегодно выпускалъ въ свѣтъ какой либо новый трудъ по исторіи Россіи, ограничиваясь, попрежнему, изученіемъ исторіи Новгорода и Пскова и только изрѣдка печатая статьи по другимъ вопросамъ. Въ 1871 г. онъ напечаталъ «Очеркъ внутренней исторіи церкви во Псковѣ», затѣмъ, въ 1872 г. «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». Оба эти труда явились подготовительной работой для новаго, болѣе обширнаго сочиненія, изданнаго имъ въ 1873 г. отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». За этотъ трудъ Н. былъ удостоенъ Петербургскимъ университетомъ степени магистра исторіи. Академія Наукъ удостоила Никитскаго за этотъ трудъ Уваровской преміи, Варшавскій университетъ предложилъ ему вакантную каѳедру русской исторіи. На ряду съ чтеніемъ лекцій Н. не прерывалъ своихъ занятій по изученію вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ исторіей его родной области—Великаго Новгорода. Въ 1879 г. вышелъ его капитальный трудъ: «Очерки внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ», за который онъ былъ удостоенъ С.-Петербургскимъ университетомъ степени доктора русской исторіи. Затѣмъ онъ занялся изслѣдованіемъ о новгородской торговлѣ, въ результатѣ котораго появился его обширный, написанный по просьбѣ Академіи Наукъ отзывъ объ изслѣдованіи Бережкова: «О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка» и статья «Отношеніе Новгородскаго владыки и нѣмецкихъ купцовъ по новымъ даннымъ». Начиная съ 1879 г., здоровье Н. стало разстраиваться и онъ неоднократно былъ вынуждаемъ прекращать чтеніе лекцій и уѣзжалъ для леченія на югъ Россіи; въ маѣ 1886 г., во время экзаменовъ, Н. заболѣлъ еще сильнѣе и осенью, вернувшись изъ Крыма, скончался. Похороненъ Никитскій въ Варшавѣ, на польскомъ православномъ кладбищѣ.

Проф. А. И. Никитскій пользовался большимъ уваженіемъ въ профессорской средѣ и былъ выбираемъ деканомъ историко-филологическаго факультета и исправляющимъ должность ректора. Кромѣ указанныхъ трудовъ его, слѣдуетъ отмѣтить: «Замѣтки по изданію Новгородскихъ писцовыхъ книгъ». (Журналъ Мин. Нар. Пр. 1880 г., ч. CCXII, декабрь); «Восточный вопросъ въ его историческомъ развитіи»; «Нѣсколько словъ въ отвѣтъ нашимъ критикамъ». (По поводу рецензій гг. Кояловича, Костомарова и Замысловскаго. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1880 г., ч. CCIX, іюнь, отд. II, стр. 354—382). «Кто такой былъ Гедиминъ?» («Русская

Старина» 1871 г. т. IV, № 8, стр. 162—166), «Замѣтки о происхожденіи имени Ермакъ» (Ж. М. Н. П. 1882 г. ч. CCXXI, май, отд. II, стр. 131—139), «Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ XI—XV столѣтій» («Рус. Старина» 1870 г. т. I, № 3, стр. 167—195), «Воспоминаніе о М. П. Погодинѣ» (Лекція въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1876 г. № 18) и «Присоединеніе Великаго Новгорода къ Московскому Государству» («Новгородскія Губ. Вѣд.» 1860 г., № 12—17; 31—34 и 36—37); «Къ вопросу о мѣрахъ въ древней Руси» (Ж. М. Н. П. 1894 г., ч. CCXCII, отд. II., стр. 373—420).

„Варшавскій Дневникъ" 1886 г., №№ 248 и 320; 1887 г. № 13; „Журналъ Министерства Народн. Просв." 1873, №2, стр. 188—251; 1880 г. № 1; 1886, т. CCXII, № 12, отд. 4, стр. 89—94, 1895, № 12; „Московскія Вѣдомости" 1886 № 320; „Новь" 1886 г. т. XIII, № 3; „Русскій Филологическій Вѣстникъ" 1886 г., т. XVI, № 4, стр. 385—386; „Историческій Вѣстникъ" 1887 г., т. XXVII, № 1, стр. 237—238; „Русская Старина" 1880 г, № 1, стр. 194—208; 1887 г., т. LC, № 7, стр. 137—142; т. LVI, 10, стр. 70; М. И. Семевскій. „Знакомые"—Альбомъ, 1888 г. стр. 46; „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1874 г. № 276; „Вѣстникъ Европы" 1893 г. № 11, стр. 413—418; Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", Отчеты о XVII и XXII присужд. наградъ гр. Уварова. „Всеобщій Календарь" 1888 г., стр. 519. *А. П.*

Никифораки, *Антонъ Эммануиловичъ*,—тайн. сов., инженеръ путей сообщенія. Н. род. 10-го марта 1812 года; образованіе получилъ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, изъ котораго былъ выпущенъ 25-го іюня 1833 г. съ чиномъ поручика. Поступивъ на службу въ Главное Управленіе Путей Сообщенія, Н. первое время служилъ въ провинціальныхъ установленіяхъ этого Управленія; въ 1850 г. въ чинѣ подполковника состоялъ производителемъ работъ X округа; въ 1867 г. въ чинѣ статскаго совѣтника занималъ должность помощника начальника VII округа Путей Сообщенія. 20-го апрѣля 1869 г. былъ произведенъ въ д. ст. сов. и вскорѣ назначенъ вице-директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ; въ 1880 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника состоялъ штатнымъ по Министерству инженеромъ IV класса. Умеръ Н. въ отставкѣ 1 января 1887 года.

Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I съ 1811 по 1812 г. СПБ. 1883; Такой же списокъ за сто лѣтъ 1810—1910, СПБ. 1910; „Всеобщій Календарь" 1888 г.; Бар. А. М. Дельвигъ „Мои воспоминанія". Москва 1912; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 251. *А. П.*

Никифоровъ, *Александръ Макаровичъ*,—генералъ-лейтенантъ, членъ Военнаго Совѣта; род. въ 1799 году, умеръ въ маѣ 1854 года. Н. происходилъ изъ дворянъ Пензенской губерніи, воспитывался въ Дворянскомъ полку, откуда 25-го марта 1819 года произведенъ въ прапорщики Екатеринославскаго гренадерскаго полка. Прослуживъ въ этомъ полку одинъ годъ, Н. былъ переведенъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ. Во время Турецкой войны 1828—1829 гг. Н. въ чинѣ штабсъ-капитана находился въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ на европейскомъ театрѣ войны, при чемъ въ 1828 г. участвовалъ въ сраженіяхъ при осадѣ крѣпости Варны, гдѣ получилъ двѣ контузіи: одну въ голову пулею, а другую въ лѣвую ногу картечью. За отличіе въ этихъ сраженіяхъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й ст. съ бантомъ и золотой саблею съ надписью «за храбрость». Въ іюлѣ 1829 г. состоялось назначеніе Н. на должность старшаго адъютанта 1 гвардейской дивизіи, а въ августѣ того же года онъ былъ назначенъ состоять при помощникѣ Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютантѣ Шеншинѣ для принятія мѣръ къ прекращенію чумной эпидеміи. Онъ объѣхалъ всѣ подвергшіяся въ Бессарабіи чумной заразѣ мѣста и осмотрѣлъ кордонныя стражи по берегамъ Дуная, Прута и Днѣпра. Въ ноябрѣ 1830 г. Н., въ чинѣ капитана, былъ переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Въ 1831 году, находясь въ составѣ войскъ гвардейскаго корпуса, Н. принималъ участіе въ подавленіи польскаго возстанія. За отличіе при деревнѣ Желткахъ и за взятіе Варшавы Н. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ Императорской короной.—25-го іюня 1832 г. Н. былъ произведенъ въ полковники съ назначеніемъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій къ генералъ-кригсъ-коммиссару генералъ-адъютанту Шипову. Въ декабрѣ того же года Н. получилъ должность дежурнаго штабъ-офицера при отдѣльномъ гвардейскомъ корпусѣ съ оставленіемъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку.—Въ 1835 году Никифоро-

вымъ была издана «Памятная книжка для нижнихъ чиновъ», за которую онъ удостоился Высочайшаго награжденія. 6 декабря 1838 г. Н. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст., 3-го декабря 1839 г. орд. св. Георгія 4 кл. Въ 1840 г., съ 18-го сентября по 10 октября, Н. исполнялъ должность начальника штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. 16 апрѣля 1841 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при Военномъ Министерствѣ, а 22 апрѣля того же года былъ назначенъ на должность вице-директора коммиссаріатскаго департамента, которую занималъ до 1851 г., при чемъ въ дек. 1849 г. былъ произведенъ въ генералъ лейтенанты. 29-го апрѣля 1851 г. Н. былъ назначенъ управляющимъ Коммиссаріатскаго Департамента, а въ слѣдующемъ году 30-го марта состоялось назначеніе его на должность генералъ-кригсъ-коммиссара. Послѣднюю должность онъ занималъ два года, затѣмъ былъ уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни. 25-го апрѣля 1854 г. былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, а черезъ нѣсколько дней умеръ.

Формулярный списокъ. Справочный Энциклопедическій Словарь Старчевскаго. Томъ VIII; „Столѣтіе Военнаго Министерства 1802—1902 гг. Память о членахъ Военнаго Совѣта". Составилъ подполковникъ Н. М. Затворницкій. С.-Пб. 1907 г.; Мѣсяцесловы, адресъ-календари и списки чиновъ; Исторія Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.

А. П.

Никифоровъ, *Григорій Ивановичъ*,— генералъ-маіоръ, управляющій Бѣломорскими маяками; род. въ 1781 г. въ Ораніенбаумѣ, умеръ въ Архангельскѣ 2-го августа 1853 г. Пятнадцати лѣтъ отъ роду Н. поступилъ въ штурманское училище, по окончаніи котораго въ 1805 году выпущенъ штурманскимъ помощникомъ 14-го класса. Въ 1827 г. былъ переименованъ изъ штурмановъ 8-го класса въ капитаны корпуса флотскихъ штурмановъ, въ 1830 г. произведенъ въ подполковники, въ 1836 г. въ полковники и въ 1849 г. въ генералъ-маіоры. Въ теченіе 48 лѣтъ своей службы Н. почти ежедневно находился въ плаваніи, при чемъ всѣхъ морскихъ кампаній совершилъ 56, въ томъ числѣ двѣ кругосвѣтныхъ: въ первый разъ съ 1817-го по 1819-й годъ на военномъ шлюпѣ «Камчатка», Головнина, а во второй, съ 1821 по 1824 годъ, на шлюпѣ «Аполлонъ». Три раза принималъ участіе въ морскихъ сраженіяхъ: въ 1807 г.—въ эскадрѣ вице-адмирала Синявина, на кораблѣ «Твердый», при Дарданельскомъ проливѣ; въ 1813 г.—въ эскадрѣ капитана графа Гейдена на шлюпѣ «Лизета», при Вексельминдской крѣпости, и въ 1827 г.—въ эскадрѣ контръ-адмирала графа Гейдена на кораблѣ «Азовъ» въ сраженіи при Наваринѣ, гдѣ былъ контуженъ въ грудь и за отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й ст. съ бантомъ и греческимъ—Спасителя 4-й ст. съ короною. Возвратясь на родину, Н. продолжалъ принимать ежегодно участіе въ морскихъ кампаніяхъ но, съ 1837 г. по случаю болѣзни находился на берегу. Въ 1843 г. Н. былъ назначенъ управляющимъ Бѣломорскими маяками и съ тѣхъ поръ до смерти жилъ постоянно въ Архангельскѣ, при чемъ каждое лѣто ходилъ въ Бѣлое море на шхунѣ «Полярная Звѣзда» для осмотра маяковъ. Несмотря на преклонные годы, Н. всегда самъ дѣлалъ обсерваціи для опредѣленія мѣста па морѣ и для провѣрки хронометра. За время службы въ Архангельскѣ Н. былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора. Въ числѣ многихъ наградъ онъ имѣлъ орденъ св. Георгія 4 ст.. Возвратившись 29-го іюля 1853 г. съ моря, Никифоровъ заболѣлъ холерой и три дня спустя умеръ, 72-хъ лѣтъ отъ роду. Похороненъ Г. И. Никифоровъ на Архангельскомъ Соломбальскомъ кладбищѣ.

„Путешествіе вокругъ свѣта, по повелѣнію Государя Императора, совершенное на военномъ шлюпѣ „Камчатка" въ 1817, 1818 и 1819-мъ годахъ". Спб. 1842 г.; „Записки Гидрографическаго Департамента Морского Министерства", части VII и VIII, Спб. 1849 и 1850 г.г.; „Морской Сборникъ" 1853 г. № 12, стр. 666—669; „Архангельскія Губ. Вѣд." 1853 г. № 42.

А. П.

Никифоровъ, *Константинъ Эммануиловичъ*,—тайн. сов., дѣятель по поземельному устройству крестьянъ. Н. род. 21 мая 1812 г. въ Кіевской губерніи; 16-ти лѣтъ отъ роду поступилъ на службу въ канцелярію кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, гдѣ продолжалъ служить до образованія Министерства Государственныхъ Имуществъ въ 1837 году. Перейдя на службу въ это Министерство, Н. занялъ должность правителя канцеляріи второго департамента. Въ этой должности онъ прослужилъ очень

долго и оставилъ ее въ чинѣ д. ст. сов., который получилъ 27-го марта 1866 года; вскорѣ Н. былъ назначенъ управляющимъ отдѣленіемъ во временномъ Отдѣлѣ Министерства по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ и въ этой должности явился ближайшимъ помощникомъ министра П. А. Валуева. Въ 1880-мъ году, награжденный чиномъ тайнаго совѣтника за свою слишкомъ 52-лѣтнюю службу, вышелъ въ отставку. Умеръ Н. 79 лѣтъ отъ роду 31 мая 1891 года и похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Формулярный списокъ о службѣ; „Петербургская Газета“ 1891 г., № 153.

А. П.

Никифоровъ, *Николай Матвѣевичъ*,—артистъ московской труппы Императорскихъ театровъ. Н. род. 31-го мая 1805 г. въ Мценскѣ, Орловской губерніи, умеръ въ Москвѣ 23-го іюня 1881 г. Дѣтскіе годы Н. прошли въ Москвѣ, гдѣ отецъ его служилъ чиновникомъ въ Сенатскомъ департаментѣ, а мать Марія Ивановна была артисткой Императорскаго театра на роляхъ чиновницъ и деревенскихъ барынь. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Никитскомъ начальномъ училищѣ, мальчика Н-а лѣтомъ 1817 года помѣстили въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ Московскаго театральнаго училища, такъ какъ онъ рано обнаружилъ страсть къ театру. Здѣсь онъ сблизился съ будущими знаменитыми артистами П. Г. Степановымъ и Живокини. Будучи воспитанникомъ школы, Н. не разъ выступалъ въ дѣтскихъ роляхъ на сценѣ. Въ 1821 г. ему пришлось замѣнить заболѣвшаго актера, игравшаго роль подъячаго Грабилина въ «Семействѣ Старичковыхъ», и этотъ спектакль имѣлъ для него рѣшающее значеніе: съ этихъ поръ ему стали поручать болѣе значительныя роли: Климыча въ «Богатствѣ» Кутейкина—въ «Недорослѣ» и др. Тогда же опредѣлилось и его основное амплуа. Выпущенный изъ школы въ маѣ 1824 года на окладъ въ 600 рублей въ годъ, Н. вступилъ въ труппу почти вполнѣ готовымъ артистомъ, и съ этого времени начинается его служеніе драматическому искусству, продолжавшееся 57 лѣтъ. Первая сыгранная имъ большая роль—подъячаго Грабилина—послужила прототипомъ для всѣхъ остальныхъ его ролей. По словамъ А. Ярцева, «крапивное сѣмя» всевозможныхъ сортовъ, подъячіе всѣхъ возрастовъ и наклонностей, мелкіе чиновники и вообще «ловкіе людишки», все, что въ жизни стоитъ на заднихъ планахъ, обладая вмѣстѣ съ тѣмъ характерными признаками, все это нашло въ Никифоровѣ своего изобрѣтателя и толкователя. Областью его были комедія и водевиль, гдѣ онъ создалъ цѣлую галлерею типовъ, и даже изъ ничтожныхъ ролей, въ родѣ г-на N. въ комедіи «Горе отъ ума», умѣлъ извлечь и представить матеріалъ для яркаго образа. Къ числу такихъ второстепенныхъ ролей, десятки лѣтъ остававшихся въ репертуарѣ Никифорова, принадлежитъ роль Кутейкина. По словамъ критики, лицо Кутейкина доведено было имъ до возможной живости и правды. Такой же художественной ролью была у него и роль подъячаго въ «Парашѣ Сибирячкѣ». По свидѣтельству современниковъ, Никифоровъ былъ «человѣкъ крайне симпатичный, умный, добрый и находчивый, но робкаго десятка». При всѣхъ положительныхъ качествахъ Н. какъ артиста и какъ человѣка, его понимали плохо и мало цѣнили: публика часто относилась къ нему безразлично. «Странная участь этого замѣчательнаго актера», говоритъ одинъ критикъ 1860-го года: «имѣя въ репертуарѣ своемъ много художественно исполненныхъ ролей, онъ очень рѣдко награждается рукоплесканіями и вызовами публики...» Было, однако, у Н. и немало почитателей. Когда его замѣнили Ѳедотовымъ въ роли Бобчинскаго, въ критикѣ раздались протесты и требованіе не мѣшать московской публикѣ «смотрѣть и насматриваться на одного изъ ея старыхъ, неизмѣнно вѣрныхъ ей и своему дѣлу любимцевъ». 21-го мая 1874 года Никифоровъ отпраздновалъ полувѣковой юбилей своей артистической дѣятельности. Выступилъ онъ въ этотъ день въ роли Бобчинскаго и въ водевилѣ «Школьный учитель», въ которомъ сыгралъ роль Галиматьяса. Еще семь лѣтъ послѣ юбилея до послѣднихъ своихъ дней, т. е. до 23-го іюня 1881 года, Н. служилъ сценѣ. Онъ умеръ на 77 мъ году жизни и похороненъ въ Москвѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ, вблизи могилы Сандунова.

„Драматическій Альбомъ“ Москва 1850; А. Ярцевъ, „Николай Матвѣевичъ Никифоровъ, актеръ Московскаго театра“—біографическій очеркъ въ „Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ“. Сезонъ 1897—1898 гг., кн. 2-ая; „Искусство“ 1860 г. № 2; „Московск. Вѣдом.“ 1861 г. № 110, 1862 г. № 99, 1874 г. № 126; „Антрактъ“

1866 г. №№ 15 и 40; 1867 г. № 18; „Голосъ“ 1867 г. № 141 (статья С. П.) „Отечеств. Зап.“ 1874 г. т. CCXIV, №№ 5—6, стр. 90—100; „Петерб. Газета“ 1874 г. № 79; „Современныя Извѣстія“ 1874 г. № 128; „Русскій Архивъ“ 1876 г. кн. III, стр. 128: Замѣтка В. И. Родиславскаго: „Шрамъ на головѣ русскаго артиста (Н. М. Н-а)“; „Новое Время“ 1881 г. № 1911; „Дневникъ Артиста“ 1892 г. № 5 стр. 29—31 (Воспоминанія М. Н. Лаврова).

А. П.

Никифоровъ *Поліевктъ*,—царскій иконописецъ безъ рукъ отъ рожденія, писавшій иконы, держа кисти „устами“. Отъ него дошли два образа „Нерукотвореннаго Спаса“, писанные въ 1682—1683 гг. въ голландскомъ стилѣ. Кромѣ того, въ расходныхъ книгахъ Оружейной палаты упоминается, что въ 1676—1677 гг. онъ писалъ образъ Богородицы Иверской—великому Государю въ хоромы и образъ Спаса Нерукотвореннаго царевнѣ Иринѣ Михаиловнѣ, а въ 1687 г. восьми-листовой образъ „Коронованіе Богородицы“.

Д. Ровинскій, „Истор. рус. школъ иконописанія“ („Записки Имп. Рус. Археол. Общ.“ т. VIII с, 45, 167—168); А. Викторовъ, „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворцоваго приказа“, т. II с. 446; „Древности россійскаго государства“, XXXVII. *Ш.*

Никифоръ I, грекъ, митрополитъ Кіевскій. Прибылъ 6 декабря 1104 г., умеръ въ апрѣлѣ 1121 г. Татищевъ (II, 169) совершенно неосновательно считаетъ его княжескимъ избранникомъ, изъ полоцкихъ епископовъ, поставленнымъ будто бы самими русскими епископами. О церковно-правительственной его дѣятельности извѣстій не сохранилось. Но до насъ дошло нѣсколько его сочиненій (4). Два изъ нихъ полемическаго характера, противъ латинянъ, представляютъ собой посланія, написанныя къ князьямъ. Одно посланіе написано по просьбѣ вел. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха, содержитъ въ себѣ краткое извѣщеніе объ отпаденіи латинянъ и исчисленіе ихъ заблужденій, которыхъ митрополитъ приводитъ 20. Другое посланіе адресовано князю владиміро-волынскому Ярославу Святополковичу, и, кромѣ извѣщенія объ отпаденіи латинянъ и перечисленія ихъ заблужденій, содержитъ опроверженіе одного изъ послѣднихъ — употребленія опрѣсноковъ. Остальныя два произведенія митр. Никифора нравоучительныя—посланіе къ Владиміру Мономаху и церковное поученіе. Посланіе говоритъ о постѣ и предостерегаетъ противъ клеветниковъ и наушниковъ, написано отвлеченно и витіевато. Поученіе, сказанное въ недѣлю сыропустную, побуждаетъ слушателей къ подвигамъ тѣлеснаго и духовнаго поста.

Преосв. Макарій; Ист. рус. церкви, т. II, стр. 10—11; Голубинскій, Ист. рус. церкви, т. I, перв. пол., стр. 287, 857, 858; А. С. Павловъ, Критическіе опыты по исторіи древне-русской полемики противъ латинянъ; А. Н. Поповъ, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полем. сочиненій противъ латинянъ, Моск. 1875 г. Первое полемич. посл. Никифора напеч. въ памятникахъ Росс. Словесности XII в. Калайдовича; посланіе къ кн. Ярославу и церк. поученіе напеч. у преосв. Макарія, Ист. рус. ц., т. II; посл. къ Мономаху о постѣ напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. I.

Никифоръ II, грекъ, митроп. кіевскій. Онъ упоминается съ 1182 г. по 1197. О личности и дѣятельности его ничего не извѣстно.

Е. Е. Голубинскій, Ист. рус. церкви, т. I, 1, стр. 288; Преосв. Макарій, Ист. р. ц. т. III, стр. 15; Ист. росс. іерар., I, стр. 47.

Никифоръ—преподобный, Важеозерскій, ученикъ преп. Александра Свирскаго, основатель Задне-Никифоровской пустыни; родился въ концѣ XV в., умеръ въ 50-хъ годахъ XVI в. Родомъ препод. былъ изъ Каженскаго погоста (Олонецкой губ.); гдѣ былъ постриженъ—неизвѣстно. Къ преп. Александру Никифоръ пришелъ уже инокомъ послѣ 1508 г. и проживъ у него около семи лѣтъ, отправился странствовать въ Кіевъ. Возвратившись обратно, Никифоръ, по благословенію своего учителя, поселился около озера Важе въ 62-хъ верстахъ отъ гор. Олонца, гдѣ еще раньше его Геннадій, другой ученикъ Александра Свирскаго, устроилъ себѣ келію и собралъ нѣкоторое число братіи. Въ 1552-мъ году Никифоръ основалъ на этомъ мѣстѣ обитель, устроилъ ее, умножилъ число братіи и сдѣлался ея первымъ игуменомъ. Мощи его находятся подъ спудомъ въ пещерѣ при Преображенской церкви Задне-Никифоровскаго монастыря. Канонизованъ, какъ мѣстный святый, былъ послѣ XVII вѣка, память празднуется 9-го февраля. Описанія подробнаго житія преп. Никифора не существуетъ; краткое составлено изъ двухъ отрывковъ житій преп. Александра Свирскаго и Кирилла Новоезерскаго.

Никодимъ архим., препод. Александръ

Свирскій и его ученики. Петрозаводскъ. 1904 г. стр. 36—44 (напечатано житіе Н-ра); Ив. Яхонтовъ, Житія св. сѣв.-русск. подвижниковъ, стр. 68 (разборъ житія); Н. Барсуковъ, Источн. русск. агіографіи, стр. 396—97; Е. Голубинскій, Исторія канониз. святыхъ. 1903 г., стр. 196; Словарь историч. о святыхъ. 1862 г. стр. 181; Филаретъ, Русскіе Святые. 1882 г., т. I, стр. 164, 9 февр.; Димитрій, Мѣсяцесловъ святыхъ. 1897 г., стр. 110—111, 9 февр.; „Олонецк. Губ. Вѣдом." 1842 г. № 34 (жалов. грамота преп. Никифору отъ 9 марта 1557 г.); В. Звѣринскій, Матер. для изслѣд. о монаст. т. I, № 193 (литература о пустыни).

А. Ш—въ.

Никифоръ, — одинъ изъ лучшихъ иконописцевъ строгановской школы, работавшій въ первой половинѣ XVII в. Изъ его работъ, принадлежащихъ къ такъ наз. второму строгановскому письму, извѣстны: 1) лица въ дѣяніяхъ на иконѣ Владимирской Божіей Матери, писанной иконописцемъ Прокопіемъ Чиринымъ въ 1605 г. для Никиты Григор. Строганова. Дѣяніе состоитъ изъ двѣнадцати отдѣловъ и представляетъ замѣчательный образецъ мелкаго письма; 2) Погребеніе Іоанна Богослова, образъ замѣчательный какъ по композиціи, такъ и по письму; 3) недѣля о слѣпомъ; 4) чудо Георгія Великомученика и 5) Ангелъ Хранитель. Всѣ упомянутыя иконы замѣчательны законченностью въ отдѣлкѣ и вообще со стороны техники, доведенной до возможной степени совершенства.

Д. Ровинскій, „Истор. рус. школъ иконописанія" въ „Запискахъ Имп. Рус. Археологич. Общ", т. VIII с. 18—25; 168. *Ш—въ.*

Никифоръ, митрополитъ астраханскій и терскій, изъ архимандритовъ астраханскаго Троицкаго монастыря, нареченъ въ митрополиты въ Москвѣ 25-го іюня 1681 г. Изъ письма его, писаннаго въ Астрахань къ казначею архіерейскаго дома Герману въ октябрѣ 1683 г., видно, что онъ съ посвященія своего почти до кончины въ Астрахани такъ и не бывалъ, но скончался или на пути, или, въ крайнемъ случаѣ, тотчасъ же по прибытіи въ Астрахань, 28 окт. 1683 г. Гробница его находится въ Астрахани.

Преосв. Платонъ Любарскій, Іерархія вятская и астраханская,—въ „Чт. Общ. Ист. и Др. Рос." 1848 г. № 7; Свящ. І. Саввинскій, Историческая записка объ астраханской епархіи, Астрах. 1903 г., стр. 38.

Б. Т—въ.

Никифоръ (въ мірѣ Николай) *Θеотоки*, архіеп. славянскій и астраханскій. Онъ происходилъ изъ старинной греческой фамиліи Θеотокіевъ, родоначальникомъ которой былъ нѣкій Георгій Θеотоки, переселившійся, по взятіи Константинополя турками, изъ Византіи на островъ Корфу. Отца его звали Стефаномъ, мать Анастасіею. Родился Н. Θеотоки 15 февр. 1731 года; первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ мѣстнаго учителя іером. Іереміи Кавадіи, содержавшаго частную школу на Корфу; здѣсь онъ пріобрѣлъ начальныя познанія. На пятнадцатомъ году жизни былъ посвященъ въ званіе церковнаго чтеца и пробылъ въ этой должности около полугода; затѣмъ онъ отправился въ Италію для продолженія образованія и поступилъ въ греческую гимназію въ Падавіи, устроенную греческой купеческой колоніей для греческаго юношества. Тамъ онъ учился грамматикѣ, риторикѣ, піитикѣ, логикѣ, философіи, богословію, математикѣ и физикѣ, а также искусству краснорѣчія. Отсюда Никифоръ поступилъ въ Болонскую академію, гдѣ завершилъ образованіе математическое, богословское и философское. Наконецъ, въ 1748 г., съ обширнымъ запасомъ научныхъ познаній, онъ вернулся на родину и рѣшилъ посвятить себя служенію церкви. Постриженный въ монашество, Никифоръ былъ произведенъ сначала во іеродіакона, а потомъ въ іюлѣ 1754 г.—въ іеромонаха. Въ этомъ санѣ Никифоръ болѣе, чѣмъ приходской службѣ, отдавалъ свои силы обученію бѣднаго юношества. Мало-по-малу ему удалось въ серединѣ 1758 г. устроить свою собственную школу, гдѣ преподавалась греческая и итальянская литература, грамматика, географія, риторика, физика, математика, философія; такой школы до тѣхъ поръ не было на Корфу. Дѣятельность Никифора пріобрѣла ему огромную популярность, которая еще болѣе увеличилась, когда онъ выступилъ въ роли проповѣдника, занявъ мѣсто настоятеля церкви Іоанна Предтечи. Въ 1765 г. Никифоръ переселился въ Константинополь. Что побудило его къ этому — влеченіе послужить греческому народу на болѣе широкомъ поприщѣ, или приглашеніе Константинопольскаго патріарха,—неизвѣстно. Патр. Самуилъ II назначилъ его проповѣдникомъ Великой церкви. Однако, въ Константинополѣ Ни-

кифоръ не утвердился и онъ скоро уѣхалъ сначала въ Лейпцигъ, гдѣ издалъ свою «Физику», а потомъ, послѣ нѣкотораго пребыванія вновь въ Константинополѣ, въ началѣ 1768 г. уѣхалъ въ Яссы, по приглашенію молдавскаго господаря Григорія Гики. Пробывъ въ Яссахъ около года, Никифоръ отправился опять въ Лейпцигъ для изданія своихъ трудовъ, гдѣ и оставался съ 1769 г. до конца 1773 г., занимаясь учеными работами. Оставивъ Лейпцигъ, Никифоръ отправился путешествовать по городамъ Европы, а затѣмъ возвратился въ Яссы и занялъ должность схоларія мѣстной школы. Около 1776 г. Никифоръ переселился въ Россію по приглашенію своего соотечественника, архіеп. славянскаго Евгенія Булгариса. Прибывъ въ Полтаву, Никифоръ занялся усердно изученіемъ русскаго языка и черезъ годъ владѣлъ имъ довольно свободно. Въ лицѣ Ѳеотоки Евгеній готовилъ себѣ преемника. Поэтому онъ постарался возможно лучше ознакомить его съ епархіей. Никифоръ назначенъ былъ членомъ консисторіи, потомъ инспекторомъ школъ славянской епархіи; съ теченіемъ времени онъ сдѣлался правой рукой Евгенія. Уходя на покой въ 1779 г, Евгеній рекомендовалъ на свое мѣсто Никифора. 6-го авг. 1779 г. Никифоръ и былъ посвященъ въ архіепископа славянскаго. По прибытіи въ свою епархію новый архіепископъ прежде всего постарался устроить семинарію въ Полтавѣ, преобразовавъ для этого бывшую тамъ начальную школу. Въ 1786 г. семинарія была уже въ полномъ составѣ. Затѣмъ Ник. усиленно заботился объ обращеніи въ православіе раскольниковъ, которыхъ было много въ слав. епархіи. Въ концѣ 1786 г. изъ Полтавы Никифоръ былъ перемѣщенъ на астраханскую каѳедру. И въ Астрахани Ник. прежде всего обратилъ вниманіе на школу, которую поднялъ до уровня семинаріи, а потомъ на борьбу съ раскольниками и на обращеніе въ православіе мѣстныхъ татаръ. Та и другая дѣятельность его была успѣшна. Прослуживъ шесть лѣтъ на астрах. каѳедрѣ, Никифоръ, по слабости силъ, просилъ въ 1792 г. увольненія на покой. Просьба его была удовлетворена и ему предоставленъ былъ въ управленіе московскій Даниловъ монастырь, гдѣ онъ оставался до кончины, послѣдовавшей 31 мая 1800 г.

Никифоръ Ѳеотоки извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ писатель, при чемъ его писательская дѣятельность почти всецѣло относится къ родной странѣ. Біографы называютъ его замѣчательнымъ математикомъ, глубокомысленнымъ богословомъ, «славой Греціи». Ему принадлежитъ упомянутая «Физика», изданная въ Лейпцигѣ на греч. языкѣ въ 1766—1767 г.г. въ двухъ томахъ и сдѣлавшаяся учебнымъ руководствомъ во всѣхъ греческихъ гимназіяхъ. Въ послѣдніе годы жизни въ Даниловомъ монастырѣ онъ издалъ на греч. яз. «Начальныя основанія чистой математики» (въ трехъ томахъ, Москва 1798—1800 г.г.). Въ Даниловомъ же монастырѣ Никифоръ написалъ трактаты, упоминаемые его греческимъ біографомъ Завирой: «Περὶ ἠλεκτρικῆς δυνάμεως», «Περὶ μετεώρου φυσικῆς», «Μεταφυσικὴ κατὰ τὸ σύστημα τῶν νεωτέρων». Изъ богословскихъ трудовъ Никифора извѣстны сочиненія по толкованію св. Писанія: 1) «Киріодроміонъ» или толкованіе воскресныхъ евангелій, съ нравоучительными бесѣдами; издано на греч. яз. въ Москвѣ въ 1796 г., а въ рус. переводѣ тамъ-же въ 1805 г. 2) Толкованіе воскресныхъ апостоловъ, изд. на греч. яз. въ 1800 г. въ Москвѣ, на русскомъ славянской печатью въ 1819 г. и гражданской—въ 1820 г. 3) «Сводъ» или «Цѣпь отцовъ» (толкователей) на 8 первыхъ книгъ св. писанія и на книги царствъ, издан. на греч. яз. въ Лейпцигѣ въ 1772—1773 г.г., въ 2-хъ томахъ; на рус. яз. нѣтъ. «Цѣпь» была найдена Никифоромъ въ библіотекѣ Гики и онъ издалъ ее, дополнивъ многими своими примѣчаніями. Въ Лейпцигѣ въ 1766 г. изданы на греч. яз. проповѣди Никифора на четыредесятницу (второе изданіе ихъ послѣдовало въ 1859 г. по приказанію іерусал. патр. Кирилла II). Напечатана рѣчь его Императрицѣ при посвященіи во епископа (СПБ. 1779 г.); четыре слова къ монахинѣ, въ день постриженія, напис. на греч. яз., на рус. яз. изд. въ 1809 г. въ Москвѣ. Нѣсколько мелкихъ трактатовъ Никифора помѣщены въ изданной въ 1890 г. въ Аѳинахъ брошюрѣ І. Сакелліона: Τοῦ μακαρίου Νικηφόρου τοῦ Θεοτόκη πονήματα ἱερὰ ἀνέκδοτα. На югѣ Россіи Никифору приходилось имѣть дѣло съ раскольниками и противъ нихъ онъ написалъ нѣсколько сочиненій. По вступ-

пленіи на славянскую каѳедру онъ обратился къ елизаветградскимъ раскольникамъ съ «Окружнымъ посланіемъ», въ отвѣтъ на которое бахмутскіе раскольники прислали ему извѣстную соловецкую челобитную. Никифоръ сочинилъ на нее подробные «Отвѣты» (написаны, по предположенію Стурдзы, на греч. яз. и переведены на рус.), съ рѣзкими обличеніями раскольниковъ. Затѣмъ въ Астрахани два старообрядческихъ монаха подали ему 15 вопросовъ, на которые онъ тоже отвѣтилъ. На русскомъ языкѣ «Отвѣты» Никифора были напечатаны въ 1801 г., а потомъ имѣли нѣсколько изданій. Никифору же принадлежатъ нѣсколько грамотъ къ раскольникамъ, напеч. у Скальковскаго въ Очеркахъ Новоросс. края, въ «Астрах. Губ. Вѣд.» 1845 г. № 8. До пріѣзда въ Россію Никифоръ направлялъ свой полемическій талантъ противъ католиковъ. Къ этому времени относится его сочиненіе: «О насиліи католиковъ и о томъ, кто суть схизматики и уніаты», изд. въ Галлѣ въ 1775 г. на греч. яз. Свои филологическія познанія приложилъ Никифоръ въ изданіяхъ «Пустынножительныхъ правилъ» Исаака Сирина на греч. яз., въ Лейпцигѣ 1771 г.; въ переводѣ съ латинскаго на греч. сочиненія Самуила Раввина противъ іудеевъ, Лейпцигъ 1769 г.; въ переводѣ съ француз. на греч. книги Клемана подъ назв.: «Доказательство важности книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта противъ Вольтера», Вѣна 1794 г.

Главными источниками для біографіи Никифора Ѳ. могутъ служить труды греческихъ ученыхъ (Брокини, Гуда, Завира, Кума, Стурдза и др.). Обстоятельная біографія на рус. яз. составлена на основаніи греч. источн. М. М. Соловьевымъ: „Никифоръ Ѳеотоки“, въ Труд. Кіев. Дух. Академіи, 1894 г., III. Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писат. дух. чина, Евгенія, т. II; Филаретъ, Обзоръ рус. дух. литер., т. II; Москвитянинъ, 1843 г. VI; Полтавск. Еп. Вѣд. 1863 г. (Ст. прот. Юзефовича: Іерархія Переяславско-Полтавской епархіи); 1867 г. („Свѣдѣнія о Полтавско-Переясл. еп. и ея архипастыряхъ“ игумена Поліевкта, отдѣльно—Полтава 1868 г.); А. Грановскій, „Полтавская епархія въ ея прошломъ и настоящемъ, Полтава 1901 г.; Астрах. Еп. Вѣд. 1878 г. № 50; Херсон. Еп. Вѣд. 1875 г. № 2; Преосв. Гавріилъ, Отрывокъ повѣствов. о Новорос. краѣ; Еп. Порфирій, Проповѣдники на островахъ Средиземнаго моря; Платонъ Любарскій, Іерархія вятская и астраханская, въ Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1848 г. № 8; І. Саввинскій, Историч. записка объ астраханской епархіи, Астрахань 1903 г. *Б. Т—въ.*

Никодимъ,—преподобный Кожеезерскій, родился въ селѣ Иваньковѣ, близъ г. Ростова, между 1545 и 1575 гг., въ крещеніи былъ нареченъ Никитою. Его родители были зажиточные и благочестивые поселяне. Въ отроческомъ возрастѣ лишившись родителей, Никита отправился въ г. Ярославль и научился здѣсь ремеслу—ковать гвозди, чѣмъ и добывалъ себѣ средства къ жизни. Съ дѣтства онъ отличался благочестіемъ, велъ жизнь умѣренную и трудолюбивую. Изъ Ярославля онъ переселился въ Москву, гдѣ, спустя нѣкоторое время, повинуясь давнимъ влеченіямъ, пришелъ въ Чудовъ монастырь и просилъ принять его въ число братіи у игумена Пафнутія. Послѣ испытанія онъ былъ постриженъ съ именемъ Никодима 31 октября 1595 г. Одиннадцать лѣтъ провелъ препод. Никодимъ въ Чудовой обители подъ руководствомъ своего наставника, архим. Пафнутія, выдѣляясь изъ среды братіи благочестивыми подвигами. Когда въ 1606 г. Пафнутій былъ назначенъ крутицкимъ митрополитомъ, Никодимъ рѣшилъ удалиться въ пустыню. Проживъ годъ при Пафнутіи въ Крутицахъ, онъ исполнилъ свое намѣреніе. Мѣстомъ пребыванія своего Никодимъ избралъ Кожеезерскую пустынь (Арханг. губ., у озера Кожа, въ пустынной мѣстности, основ. около 1552 г. инокомъ Нифонтомъ). Но онъ пробылъ здѣсь всего полтора года и захотѣлъ уйти въ полное уединенія. Лѣтомъ 1609 г. онъ ушелъ изъ монастыря въ пустыню на рѣку Хозьюгу, здѣсь своими руками устроилъ небольшую келью, обрабатывалъ землю подъ картофель, ловилъ рыбу и тѣмъ питался, предаваясь подвигамъ благочестія. Слава о Хозьюгскомъ пустынникѣ широко распространилась и дошла до Москвы. Самъ патріархъ Іоасафъ I узналъ о подвигахъ преподобнаго и въ знакъ уваженія прислалъ ему песцовую шубу, которую, впрочемъ, Никодимъ не взялъ, а отослалъ въ монастырь. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью преподобный, по просьбѣ братіи Кожеезерскаго монастыря, оставилъ свою одинокую келью въ пустынѣ и поселился въ монастырѣ. Скончался онъ 3-го іюля 1640 г. Въ 1662 г. препод. Никодимъ былъ причисленъ къ лику святыхъ, а въ 1695 году мощи его были обрѣтены нетлѣнными. Память его совершается 3-го іюля, 3-го августа и 31-го октября.

„Жизнь и чудеса преп. Никодима, кожеезерскаго Чудотворца", состав. Іером. Никодимъ. Изд. 2-е. СПб. 1896 г.—Того-же автора: „Препод. Никодимъ, пустынножитель хозьюгскій. Истор. свѣдѣнія о церковномъ его почитаніи". СПб. 1900 г.—Въ „Странникѣ" 1869 г., ч. III, стр. 97—106 статья А. Ковалевскаго о преп. Никодимѣ.—В. О. Ключевскій, „Житія святыхъ", стр. 334.—Е. Е. Голубинскій, Исторія канонизаціи святыхъ въ русск. церкви, стр. 337, 576.—Н. Таушевъ, Исторія кожеозер. мон., СПб. 1858 г.—Житія святыхъ на русск. яз., изд. синод. тип.—Житія св., составл. Соф. Дестунисъ, СПб, 1886 г. (см. указ. въ кн. 12).—Прот. І. Бухаревъ. Житія вс. свят. рус. церкви, М. 1911.

Б. Т—въ.

Никодимъ, — архимандритъ Антоніева-Сійскаго монастыря (Архангельской губ., Холмогорскаго у.), иконописецъ и составитель обѣихъ редакцій Сійскаго иконописнаго подлинника. Въ 1670—1680 гг. онъ руководилъ иконописною монастырскою школою. Главнымъ его трудомъ въ иконописи является составленіе двухъ редакцій самаго лучшаго, изъ дошедшихъ до насъ, иконописнаго подлинника. Никодимъ въ 1680-хъ гг. собралъ во едино отдѣльныя тетради бумажныхъ переводовъ (около 500 листовъ) съ иконъ и сдѣлалъ попытку систематизировать этотъ огромный матеріалъ. Онъ старался подобрать изображенія, написанныя на однѣ и тѣ же темы, иконописцами разныхъ мѣстъ и времени. Благодаря такому распредѣленію матеріала, до насъ дошло большое количество разнообразныхъ композицій, не входившихъ въ другіе иконописные подлинники, вслѣдствіе ихъ календарнаго распорядка переводовъ. Въ 1692 г., по учрежденіи въ Сійскомъ монастырѣ архимандріи, Никодимъ былъ назначенъ изъ казначеевъ первымъ архимандритомъ монастыря. Скончался тамъ же 18 іюля 1721 г.

Н. Покровскій. Сійскій иконописный подлинникъ. Атласъ. Издан. Общ. Любит. Древн. Письм. №№ 107, 109 и III; Описаніе—„Памятники древн. письмен. и искус." №№ 106, 113, 122, 126 (по указателю). Его же. Очерки памятниковъ христіанской иконографіи, стр. 439—448. Спб. 1900 г. Макарій. Историч. свѣдѣнія о Антоніевомъ Сійскомъ м-рѣ, въ „Чтеніяхъ общ. истор. и древн." 1878, кн. 3, стр. 67—68, 70, 100, 113—114. П. Строевъ. Списки іерарховъ, 820, 3. Описаніе документ. и дѣлъ архива св. Синода, т. I, стр. 53, 331. „Архангельск. Губ. Вѣдом." 1849, № 17.

А. Ш—въ.

Никодимъ (въ мірѣ *Николай Андреевичъ* **Быстрицкій**), епископъ орловскій сынъ священника Андрея Ѳедорова, род. въ селѣ Воскресенскомъ, Ковровской округи, Владимірской губ. Обучался въ суздальской семинаріи латинскому яз., ариѳметикѣ, географіи, исторіи, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословію, языкамъ греч., франц., евр.; по окончаніи образованія, 21 сент. 1808 г., опредѣленъ учителемъ въ Переяславское духовное училище въ классъ инфимы. Отсюда въ 1811 году (3 янв.) переведенъ въ суздальское дух. училище учителемъ синтаксимы и грамматики, преподавалъ и греч. языкъ. Постриженъ въ монашество въ 1814 г. съ именемъ Никодима; былъ архимандритомъ Боголюбова мон. (1825—1827 гг.), московскаго Златоустова (1827—1828 г.) и московскаго Богоявленскаго. 15 іюля 1828 г. рукоположенъ въ епископа орловскаго. Отличался подвижническою жизнью, но вмѣстѣ неумолимою строгостью къ подчиненнымъ, всегда державъ себя, будучи архіереемъ, сурово и сдержанно, такъ что никто никогда не видѣлъ у него улыбки. Скончался 30 дек. 1830 г. въ Орлѣ.

Краткая біографія еп. Никодима и описаніе дѣятельности его въ орлов. еп. у Г. Пясецкаго, Исторія орловской епархіи, Орелъ 1899 г., стр. 902—917.—Н. Виноградовъ, Историческая записка о Переяславль-Залѣсскомъ дух. училищѣ, Владим. 1888 г., стр. 88.

Б. Т—въ.

Никодимъ (въ мірѣ *Никита Ивановичъ* **Бѣлокуровъ**),—епископъ старорусскій и дмитровскій, родился въ 1826 году, воспитаніе получилъ въ московской епархіи: учился сначала въ спасо-виѳанской семинаріи, потомъ въ московской дух. академіи, магистръ XVIII ея курса (1848—1849 гг.). По окончаніи академіи назначенъ профессоромъ церковной исторіи, церковнаго законовѣдѣнія и библейской исторіи въ вологодскую дух. семинарію. Здѣсь постриженъ въ монашество 18 янв. 1853 г. Въ ноябрѣ 1853 г. назначенъ инспекторомъ виѳанской семинаріи; въ январѣ 1858 г. перемѣщенъ на ту же должность въ московскую семинарію, въ томъ же году возведенъ въ архимандриты. Въ январѣ 1862 г. назначенъ ректоромъ виѳанской семинаріи, а въ августѣ 1866 г. ректоромъ московской семинаріи. Въ этой должности онъ управлялъ Златоустовскимъ и Богоявленскимъ монастырями. Въ 1869 г. по болѣзни вышелъ въ отставку и остался настоятелемъ Богоявленскаго монаст. Въ

1873 г. опредѣленъ намѣстникомъ Александро-Невской лавры; въ 1875 г. (3-го апр.) рукоположенъ въ епископа старорусскаго, викарія новгородской епархіи. Въ іюлѣ 1876 г. переведенъ въ викаріи московской епархіи, епископомъ дмитровскимъ. Скончался 14 октября 1877 г. Извѣстны его сочиненія: «Благовѣщеніе» (Душеп. Чт. 1861 г. т. I); «Срѣтеніе Господне» (Ibid.); «Свѣдѣнія о жизни и трудахъ св. евангелистовъ. Евангелисты: Матѳей, Маркъ и Лука» (Душепол. Чт. 1860 г. т. I—II); «Чудесныя знаменія, послѣдовавшія за смертью Господа нашего Іисуса Христа» (Душепол. Чт. 1862 г., т. I); «Описаніе московскаго Богоявленскаго монастыря» (Чт. въ моск. общ. ист. и др, 1876 г. книга 4).

С. Смирновъ, Исторія московской дух. академіи до ея преобразованія (1814—1870 г.), Москва 1879 г. стр. 445—446; Кедровъ, Московская дух. семинарія 1814—1889 гг., М. 1889 г., Некрологи въ „Церковн. Вѣстн.“ 1877 г.; №№ 42, 43, „Москов. Вѣд.“, „Ярослав. Еп. Вѣд.“ и др.

Б. Т—въ.

Никодимъ (въ мірѣ Никита Ивановичъ **Казанцевъ**), — епископъ чебоксарскій и енисейскій, родился 5 сентября 1803 года, въ селѣ Камлевѣ, Рузскаго уѣзда, Московской губ. Сынъ дьячка Ивана Ивановича Казанцева, онъ въ крещеніи названъ былъ Никитою. Семилѣтнимъ мальчикомъ, по тогдашнему обычаю, поступилъ въ звенигородское духовное училище, а изъ него (въ 1818 г.) въ Виѳанскую семинарію. Но окончаніи семинарскаго курса въ 1826 г. поступилъ въ составъ седьмого курса московской духовной академіи, которую окончилъ въ 1830 году 5-мъ магистромъ. На старшемъ курсѣ, въ 1829 г., Н. принялъ монашество и посвященъ во іеромонаха, а окончивъ академію, опредѣленъ былъ инспекторомъ тульской семинаріи и профессоромъ богословія и еврейскаго языка. Въ 1832 году его перевели въ Новгородъ на ту же инспекторскую должность, съ преподаваніемъ философіи. Но въ октябрѣ слѣдующаго года Никодима вернули въ тульскую семинарію. Въ апрѣлѣ 1835 г. его назначили ректоромъ вятской семинаріи и настоятелемъ вятскаго Трифонова монастыря. Эти первые годы духовно-учебной службы прошли для него несчастливо. Въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Душепол. Чт.». за 1911 г., Никодимъ излагаетъ скорбную повѣсть своихъ мытарствъ изъ семинаріи въ семинарію.

Съ 1738 г. въ жизни Никодима произошла важная перемѣна. Изъ скромныхъ, безвѣстныхъ ректоровъ судьба выдвинула его въ роли преобразователя. Тогдашній оберъ-прокуроръ св. синода графъ Протасовъ замыслилъ преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній въ новомъ, болѣе практическомъ духѣ, и искалъ для себя помощниковъ на этомъ поприщѣ. Какъ разъ въ это время отъ ректоровъ семинарій поступили въ комиссію духовныхъ училищъ конспекты богословскихъ наукъ, составленные по требованію комиссіи отъ 1837 г. Изъ представленныхъ конспектовъ вниманіе графа Протасова привлекъ конспектъ Никодима, ректора вятской семинаріи, и онъ рѣшилъ вызвать его въ Петербургъ для осуществленія своихъ преобразовательныхъ плановъ. Вызовъ Никодима состоялся лѣтомъ 1838 года, и онъ пробылъ въ распоряженіи графа Протасова съ 15-го іюня 1838 г. по 1-е іюля 1839 г. Ему поручено было оберъ-прокуроромъ составленіе новаго устава семинарій и училищъ и даны были соотвѣтствующія указанія, сообразно воззрѣніямъ Протасова. Графъ желалъ, чтобы семинарское ученіе, не задаваясь широкими общеобразовательными цѣлями, преимущественно практически подготовляло священнослужителей. Однако, графъ ошибся въ Никодимѣ. Никодимъ не былъ сторонникомъ графа и не сочувствовалъ замышляемой имъ ломкѣ уставовъ 1814 г., какъ не сочувствовала тому и вся почти іерархія. Повинуясь приказаніямъ оберъ-прокурора, Никодимъ занялся разработкой уставовъ, но, какъ самъ онъ сообщаетъ, старался не касаться части учебной. Свое пребываніе въ Петербургѣ онъ описалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ послѣ его смерти въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» 1877 г., кн. II, подъ заглавіемъ «О Филаретѣ, митрополитѣ московскомъ, моя память». Скоро и гр. Протасовъ убѣдился, что Никодимъ ему не помощникъ. Переставъ быть нужнымъ оберъ-прокурору, Никодимъ нѣкоторое время еще оставался въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія, а потомъ, въ 1841 г. его назначили ректоромъ херсонской семинаріи (въ Одессѣ) и настоятелемъ одесскаго Успен-

скаго монастыря. Въ 1845 году онъ былъ перемѣщенъ въ курскую семинарію, съ настоятельствомъ въ Рыльскомъ монастырѣ, въ 1850 году его перевели въ ярославскую семинарію съ настоятельствомъ въ ростовскомъ Богоявленскомъ Аврааміевомъ монастырѣ. Наконецъ, въ концѣ 1853 года его вызвали опять въ Петербургъ на чреду священнослуженія и въ январѣ 1854 г. онъ былъ назначенъ епископомъ чебоксарскимъ, викаріемъ казанской епархіи. Въ епископы онъ былъ посвященъ 14 февраля; 21 марта онъ прибылъ въ Казань и поселился здѣсь въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Въ Казани онъ служилъ при двухъ архіереяхъ—Георгіи и Аѳанасіи. Черезъ 7 лѣтъ, въ 1861 г. онъ получилъ самостоятельную каѳедру, будучи назначенъ въ новооткрытую енисейскую епархію, съ жительствомъ въ Красноярскѣ. Во время поѣздки въ Сибирь, зимой, Никодимъ сильно простудился и получилъ ревматизмъ, который мучилъ его до конца жизни. По разстроенному здоровью онъ въ 1870 году просилъ увольненія на покой съ позволеніемъ поселиться въ одномъ изъ московскихъ монастырей. Желаніе его было исполнено и ему назначили мѣстомъ жительства Перервинскій Николаевскій монастырь около Москвы. Преосвященный скончался 11 іюня 1874 г.

Еп. Никодимъ оставилъ послѣ себя записки, представляющія почти полную его автобіографію. Онѣ напечатаны были въ разное время послѣ его смерти. Годы дѣтства и школьнаго ученія Никодимъ описываетъ въ запискахъ, напечатанныхъ въ «Богослов. Вѣстн.» за 1910 г. подъ заглавіемъ «Жизнь архимандрита Никодима Казанцева». Здѣсь содержатся любопытныя черты для внутренней исторіи духовной школы при уставахъ 1814 г. Годы духовно-учебной службы, особенно на первыхъ порахъ, Никодимъ описалъ въ той части своихъ воспоминаній, которая печаталась въ «Душеполезн. Чтеніи» за 1911 г. И эти записки любопытны въ томъ же отношеніи, какъ и предыдущія. Наконецъ, записки, напечатанныя въ «Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1877 г. кн. II, чрезвычайно интересны, какъ матеріалъ для исторіи школьныхъ преобразованій его времени и для характеристики личности и взглядовъ митр. Филарета (Дроздова). Кромѣ того, еп. Никодимъ и при жизни былъ небезызвѣстенъ въ литературѣ. Въ «Иркут. Епарх. Вѣд.» было напечатано нѣсколько статей его, какъ то: «Повѣсть о блаженномъ Василіи Мангазейскомъ», «Городъ Енисейскъ», «Варлаамъ Денисовъ» и нѣк. др. Въ 1905 г. въ «Богосл. Вѣстн.» (№ 10) была помѣщена посмертная статья Никодима «О Святѣйшемъ Синодѣ».

Главнымъ источникомъ для біографіи еп. Никодима служатъ его упомянутыя записки: „Богосл. Вѣстн.“ 1910 г., „Душепол. Чт. 1911 г.; „Чт. Общ. Ист. и Др.“ 1877 г. II.—Б. В. Титлиновъ, Духовная школа въ Россіи въ XIX стол., т. II.—Въ „Енисейск. Еп. Вѣдом.“ 1888—1891 гг.—неоконченная біографія преосвящ. Никодима. — С. Смирновъ, Исторія москов. дух. акад., о Никодимѣ на стр. 425.—Свящ. Г. Богословскій, Краткій историч. очеркъ казанской епархіи съ прил. біографич. свѣд. о каз. архіп., Казань 1893 г., стр. 138—139.

Б. Т—въ.

Никодимъ (*въ мірѣ Николай Арсеньевичъ* **Лебедевъ**), архимандритъ, ректоръ семинарій, родомъ изъ Костромской губерніи, обучался сначала въ костром. семинаріи, потомъ въ Спб. дух. академіи, товарищъ по VII акад. курсу кіевскаго митр. Платона, окончилъ академію въ 1827 году. Еще на студенческой скамьѣ, 20 ноября 1825 г. постриженъ въ монашество и произведенъ въ іеродіаконы; по окончаніи курса со степенью магистра сдѣланъ іеромонахомъ и опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греч. языка въ костромскую семинарію; въ маѣ 1829 г. произведенъ въ игумены Луховскаго Николаевскаго мон. 12-го окт. 1829 года перемѣщенъ въ Спб. дух. академію баккалавромъ богословскихъ наукъ, проходилъ здѣсь одно время должность библіотекаря и исправлялъ должность инспектора. 11-го августа 1830 г. опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ новую саратовскую семинарію, а 19-го сент. того же года произведенъ въ архимандриты. Въ Саратовѣ проходилъ также должность члена консисторіи и цензора проповѣдей; 30-го ноября 1832 г. опредѣленъ настоятелемъ Саратовскаго Спасопреображенскаго мон. 29 апр. 1833 г. переведенъ ректоромъ въ иркутскую семинарію и здѣсь назначенъ настоятелемъ иркутскаго Вознесенскаго мон., сдѣланъ членомъ консисторіи и цензоромъ. Въ 1840 г. переведенъ въ ректоры пермской семинаріи съ совмѣщеніемъ и здѣсь вышеозначенныхъ должностей, а въ сентябрѣ 1842 г. перемѣщенъ

на ректорство въ тамбовскую семинарію съ настоятельствомъ въ Козловскомъ Троицкомъ монастырѣ. Въ 1845 г. Н. вызывался на чреду священнослуженія въ Петербургъ и пробылъ тамъ два года, а въ 1847 г. назначенъ ректоромъ тверской семин. и настоятелемъ тверского Отроча мон. 31 марта 1852 г. уволенъ отъ дух.-учебной службы и назначенъ настоятелемъ Елецкаго Успенскаго мон. черниг. еп., гдѣ и скончался 21 января 1854 г. Какъ видно, служебная карьера о. Никодима была неудачна. Онъ извѣстенъ и какъ писатель. Во время студенчества въ издававш. при Спб. Академіи книжкахъ «Нѣкоторыя упражненія студентовъ VII курса» напечатаны его работы: «Слово въ день Преображенія Господняго» (т. I, стр. 211), «Взглядъ на постепенное раскрытіе пророчествъ о мессіи» (т. II, стр. 159, магистер. дисс.), «Не имѣютъ ли іудеи права, на основаніи пророчествъ, ожидать мессію—царя земного?» (II, 295). Затѣмъ извѣстны его: «Три слова, говоренныя въ Иркутскѣ, Спб. 1841 г.». «Слова на разные случаи; Спб. 1847 г.»; «Слова, говоренныя въ тверскомъ Отрочѣ монастырѣ въ 1848—1850 гг.»; «Описаніе Иркутскаго Вознесенскаго первокласнаго монастыря».

Подробный обзоръ дѣятельности о. Никодима см. у архим. Іеронима, „Исторія пермской духовной семинаріи“, ч. III, Пермь 1877 г., стр. 219—227; упом. у Филарета, Обзоръ русск. дух. литер., изд. 3-е, стр. 473; А. С. Родосскій, Біографич. словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ. Спб. Дух. Акад., Спб. 1907 г.; у И. А. Чистовича, Исторія Спб. дух. Академіи (въ числѣ баккалавровъ); „Отрочь монастырь въ городѣ Твери“, Тверь 1894 г. (въ числѣ настоятелей); Колосовъ, Исторія тверской дух. семинаріи.

Б. Т—въ.

Никодимъ (*Селлій* или *Целлій*). Монахъ александро-невскаго монастыря. Онъ былъ датчанинъ по происхожденію, родился въ 1695 г. въ Голштиніи въ Тондернѣ въ лютеранствѣ назывался Адамъ Бурхардъ Селлій. Послѣ предварительнаго образованія на родинѣ, онъ завершилъ его въ иностранныхъ университетахъ, изучая преимущественно сначала медицину, а потомъ богословіе, философію, словесность. Между прочимъ въ Іенѣ онъ слушалъ лекціи знаменитаго протестантскаго богослова Буддея. Кажется, къ этому времени относятся его первыя сомнѣнія въ истинности лютеранства. Около 1722 года Селлій переселился въ Россію, гдѣ тогда радушно встрѣчали образованныхъ иноземцевъ, и въ скоромъ времени сдѣлался учителемъ латинскаго яз. въ Карповской школѣ Ѳеофана Прокоповича въ Петербургѣ. Прослуживши здѣсь три года, онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ учителемъ гимназіи, а затѣмъ опять вернулся въ Петербургъ и состоялъ сначала при академіи наукъ, а потомъ учителемъ латинскаго языка и смотрителемъ александро-невской семинаріи (1734—1737 гг.). Православіе онъ принялъ лишь въ концѣ жизни, получивъ имя Нестора, въ 1744 г. (30 окт.), а 27 марта 1745 г. постриженъ въ монашество съ именемъ Никодима. Жилъ онъ послѣдніе годы въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ и скончался 7 дек. 1745 года. Съ самаго пріѣзда въ Россію, познакомившись съ русскимъ языкомъ, Селлій началъ заниматься русскою исторіей. Первымъ плодомъ этихъ занятій была напечатанная въ 1736 г. въ Ревелѣ на лат. языкѣ книжка: «Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt», вышедшая впослѣдствіи въ 1815 г. въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Каталогъ писателей, сочиненіями своими объясняющихъ гражданскую и церковную россійскую исторію». Другое сочиненіе его: «Историческое зерцало русскихъ государей», отъ Рюрика до Елизаветы, написанное на лат. языкѣ стихами, напечатано не въ подлинникѣ, а въ переводѣ на русскій яз. то же стихами, сдѣланномъ послѣ смерти Селлія, въ первой части Древней Росс. Вивліоѳики 1773 г. Третье сочиненіе Селлія—De Rossorum Hierarchia libri quinque», т. е. о русской іерархіи,—въ подлинникѣ не напечатано, а напечатано впослѣдствіи въ русскомъ переводѣ, войдя въ первую часть «Исторіи россійской іерархіи» митроп. Евгенія. Есть еще ненапечатанныя сочиненія Селлія: «Словарь всѣхъ чудотворныхъ Богородичныхъ иконъ», «Bibliotheca medico-chirurgica», «Записки путешествій» по нѣмецкимъ землямъ, написаныя на нѣм. языкѣ и разныя другія записки. Рукописи эти хранятся въ спб. дух. академіи.

Біографія Селлія—въ рус. пер. 1815 г. „Каталога писателей“; Словарь истор. о писателяхъ дух. чина митр. Евгенія, т. II; Филаретъ. Обзоръ рус. дух. литературы; А. Надеждинъ, Исторія спб. дух. семинаріи, Спб. 1885 т. стр. 2. Описаніе рукописей Нико-

дима въ каталогахъ библіотеки спб. дух. академіи.

Б. Т-въ.

Никодимъ, (Сребницкій),—епископъ переяславскій. Малороссъ по происхожденію, онъ родился въ концѣ XVII в., образованіе получилъ въ кіевской, а затѣмъ въ московской Заиконоспасской академіи. По принятіи монашества, въ концѣ 1720-хъ гг. былъ настоятелемъ Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря и судьею духовныхъ дѣлъ при Бѣлгородской каѳедрѣ; въ іюлѣ 1731 года былъ переведенъ въ настоятели Снѣтогорскаго монастыря (близъ Пскова), а въ январѣ 1734 г. назначенъ былъ членомъ спб. духовнаго правленія и настоятелемъ Костромского Ипатьевскаго монастыря. Оставаясь въ Петербургѣ, архим. Никодимъ получилъ въ февр. 1736 г. перемѣщеніе на должность настоятеля московскаго Новоспасскаго монастыря, а въ іюлѣ того-же 1736 г. былъ назначенъ членомъ св. Синода. 6-го декабря 1738 г. онъ былъ посвященъ въ епископа черниговскаго. Черезъ 1½ года, въ маѣ 1740 г. его перевели съ черниговской каѳедры на тобольскую, въ званіи митрополита. Однако, получивъ митрополичье званіе, Никодимъ въ Сибирь не поѣхалъ, отговариваясь болѣзнью, и временно остался безъ епархіи, проживая въ Москвѣ; митрополитомъ его, послѣ отказа, перестали называть. Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Елизаветы Никодиму въ сентябрѣ 1742 г. снова дали каѳедру, назначивъ его первымъ епископомъ новой с.-петербургской епархіи и поручивъ ему управленіе Александро-Невскимъ монастыремъ. Однако, и здѣсь Никодимъ оставался недолго. 7-го января 1745 г. Никодима перемѣстили, по указу Императрицы, на каѳедру епископа переяславскаго. Перемѣщеніе, кажется, состоялось по его собственному желанію. Въ Переяславлѣ Никодимъ заявилъ себя довольно энергичной дѣятельностью по исправленію нравовъ духовенства, искорененію суевѣрій, заботами о духовномъ образованіи. Скончался онъ 12 іюня 1751 г.

В. Пархоменко, Очеркъ исторіи Переяславско-Борисполь ской епархіи, Полтава 1910 г.; Архим. Поліевктъ, Свѣдѣнія о Полтавско-Переяславской епархіи и ея архипастыряхъ, Полтава, 1868 г.; Полтав. Еп. Вѣдом. 1883 г. № 12; Странникъ 1868 г. № 1; Историко-статист. свѣдѣнія о Спб. епархіи, вып. 3 и 5; Памятники православія и русской народности въ Западн. Россіи въ XVII—XVIII вв., изд. подъ ред. проф. Ѳ. И. Титова, т. I, ч. II, Кіевъ 1905 г. (см. указатель въ III ч.).

Б. Т—въ.

Никола Святоша, — преподобный, сынъ черниговскаго князя Давида Святославича и внукъ Святослава. При рожденіи ему было дано имя Святослава, а при крещеніи Николая. Впослѣдствіи за благочестіе его прозвали Святошей. Въ мірѣ онъ отличался бранными подвигами. Въ 1099 году ему былъ порученъ городъ Луцкъ; въ томъ же году онъ отразилъ отъ Владиміра, вмѣстѣ съ воеводой Путятою, Давида Дорогобужскаго, потомъ, однако, былъ изгнанъ изъ Луцка ханомъ половецкимъ. Въ 1106 году кн. Николай Давидовичъ отказался отъ міра и поселился въ Печерской обители. Здѣсь онъ несъ смиренное иноческое послушаніе, смирялъ плоть свою трудами и воздержаніемъ, все имущество свое раздавалъ бѣднымъ. Когда въ 1142 году братья Николы князья черниговскіе вмѣстѣ съ Олеговичами опустошали переяславскую область, ихъ родственникъ—инокъ явился въ станъ и уговорилъ остановить кровопролитіе. Неизвѣстно точно, когда умеръ преподобный. Нѣкоторые годомъ смерти его считаютъ 1142 или 1143 г. По преданію, онъ скончался 14 октября, въ каковой день и совершается его память. Мощи его почиваютъ въ пещерѣ препод. Антонія.

Печерскій Патерикъ; Словарь историч. о святыхъ русскихъ; Филаретъ, Русскіе святые; Житія свят. сост. по руковод. Четіихъ Миней Софіей Дестунисъ (см. указатель въ 12 кн.); Архим. Леонидъ, Святая Русь, Спб. 1891 г.; прот. І. Бухаревъ, Житія вс. свят. греко-рос. церкви, М. 1911 г.

Б. Т—въ.

Николаевскій, *Іоаннъ Михайловичъ*, протоіерей соборной церкви въ городѣ Мышкинѣ, Ярославской губерніи; род. въ 1794 г., ум. 14-го октября 1875 г. По окончаніи курса въ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1819 году со степенью магистра богословія, Николаевскій поступилъ на службу въ Ярославскую духовную семинарію, гдѣ вскорѣ занялъ должность инспектора и былъ назначенъ профессоромъ философскихъ наукъ. Несмотря на то, что передъ нимъ открывалась возможность дѣятельности на ученомъ поприщѣ, Н. предпочелъ ей скромную роль

священника въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Въ 1822 г. онъ былъ рукоположенъ во священника Мышкинскаго Успенскаго собора, гдѣ и прослужилъ 53 года, будучи въ 1873-мъ году почтенъ 50-лѣтнимъ юбилеемъ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст.—Хорошо образованный, о. Николаевскій былъ талантливымъ проповѣдникомъ, но не искалъ литературной извѣстности и не любилъ печатать своихъ произведеній. По отзыву современника, «жизнь его представляетъ примѣръ поучительный»; образованный, трудолюбивый, надѣленный свѣтлыми нравственными качествами, онъ являлся истиннымъ благотворнымъ свѣтильникомъ въ своемъ городѣ. Изъ проповѣдей о. Николаевскаго въ печати извѣстна лишь одна «Бесѣда на день Рождества Христова», помѣщенная въ «Яросл. Епарх. Вѣд.» 1860 г., № 37.

„Ярославск. Епарх. Вѣд.“ 1876 г. № 2; Р. А. „Матеріалы для исторіи Ярославской духовной семинаріи со времени преобразованія ея въ 1814 г.“ („Ярослав. Епарх. Вѣд.“ 1873 г. №№ 15—24). „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета“, т. V, стр. 223; А. Родосскій, „Біографическій Словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи“, Спб. 1907, стр. 303.

А. П.

Николаевъ, *Егоръ Дмитріевичъ*, просвѣщенный якутъ, голова Бутурусскаго улуса; род. въ 1858 г., умеръ скоропостижно въ 1888 году. Будучи выдающеюся личностью среди якутовъ, даровитый и образованный, Н. былъ въ 1883 году посланъ на коронацію императора Александра III въ качествѣ представителя своего народа. Принадлежа по рожденію къ богатому землевладѣльческому классу, Н. получилъ образованіе въ Якутской прогимназіи, затѣмъ продолжалъ пополнять его самостоятельно, движимый, съ одной стороны, собственнымъ любопытствомъ, а съ другой, побуждаемый окружавшими его русскими интеллигентными лицами.

Н. изучилъ нужды и положеніе своихъ сородичей и скоро явился горячимъ заступникомъ за ихъ интересы. Выбранный письмоводителемъ и головой Бутурусскаго улуса, онъ своими способностями обратилъ на себя вниманіе администраціи, вплоть до генералъ-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина, которому въ качествѣ депутата подавалъ обширныя записки о положеніи якутовъ. Прибывъ на коронацію императора Александра III въ Москву, а послѣ и въ Петербургъ, Н. посѣщалъ всякаго рода просвѣтительныя учрежденія и въ то же время добивался улучшенія положенія своихъ соплеменниковъ. Въ запискахъ, подаваемыхъ въ различныя вѣдомства, онъ указывалъ рядъ мѣръ къ улучшенію инородческаго быта, доказывая, между прочимъ, необходимость просвѣщенія якутовъ и увеличенія числа школъ. Возвратившись на родину, онъ устроилъ школу въ своемъ улусѣ, обезпечилъ ее прекрасными учителями и снабдилъ всѣми необходимыми пособіями; въ его школѣ обучалось 40 мальчиковъ, которыхъ онъ подготовлялъ къ общественной дѣятельности, съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ, между прочимъ, честныхъ и развитыхъ письмоводителей въ улусахъ. Преждевременная смерть Е. Д. Николаева (умеръ 30 лѣтъ отъ роду) прекратила его просвѣщенную дѣятельность.

Сообщенія В. М. Іонова и Э. К. Пекарскаго. „Восточное Обозрѣніе“ 1888 г. № 44, стр. 14 („Смерть даровитаго инородца“).

А. П.

Николаевъ, *Николай Петровичъ*,— докторъ медицины, адъюнктъ акушерскаго отдѣленія факультетской клиники Московскаго университета; писатель. Род. 20-го января 1818 г. въ Зарайскѣ, Рязанской губерніи, и происходилъ изъ небогатыхъ мѣщанъ этого города; среднее образованіе получилъ въ Рязанской гимназіи. Пробывъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ, Н. въ 1837 г. поступилъ своекоштнымъ слушателемъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, но уже при переходѣ на II-й курсъ былъ переведенъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. По окончаніи въ 1842 г. курса въ университетѣ со степенью лѣкаря I-го отдѣленія съ отличіемъ, Н. 9-го января 1843 г. поступилъ на службу помощникомъ ординатора терапевтической клиники Московскаго университета, а въ сентябрѣ 1846 г. былъ перемѣщенъ на должность ассистента въ акушерское отдѣленіе факультетской клиники. Получивъ въ 1849 г. отъ университета званіе акушера, Н. въ теченіе года преподавалъ анатомію и хирургію въ фельдшерской школѣ Московскаго Воспитательнаго дома. Н. былъ также постояннымъ врачемъ при канцеляріи и домѣ Московскаго генералъ-губернатора и сверхштатнымъ городовымъ акушеромъ въ Москвѣ съ 7-го іюля 1849 года. 7-го Іюня 1850 г.

II. защитилъ докторскую диссертацію на тему «De forma pelvis tam rachitide, quam ex osteomalacia vitiata atque de causis utriusque» (М. 1850). 12 сентября 1852 года Николаевъ былъ назначенъ адъюнктомъ Московскаго университета по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Въ теченіе 1850-хъ гг. онъ помѣстилъ въ московскихъ медицинскихъ изданіяхъ нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ статей по своей спеціальности, какъ напр.: «Біеніе сердца младенца, какъ вѣрное показаніе акушеру для его дѣйствій въ извѣстныхъ случаяхъ стоянія головки младенца въ полости таза» («Московскій Врачебный Журналъ» 1851 г., IV, 42), «Омертвѣніе легкаго вслѣдствіе катарра дыхательныхъ вѣтвей» (перев., тамъ же за 1852 г., II, 81) и др. Побывавъ для усовершенствованія въ избранной спеціальности за границей, Н. по возвращеніи напечаталъ въ «Моск. Медиц. Газетѣ» рядъ статей по интересовавшему его вопросу объ искусственномъ извлеченіи плода, какъ напр.: «Узкость таза не только не служитъ показателемъ къ наложенію щипцовъ, а напротивъ есть противопоказаніе для нихъ» (1861, № 49); «Замѣчанія относительно нѣкоторыхъ операцій, произведенныхъ въ акушерской клиникѣ Московскаго Университета» (1862, №№ 50—52); «Замѣчанія на одинъ случай наложенія акушерскихъ щипцовъ» (1863, №№ 9—11) и др.

Выйдя въ отставку, Н. отдался частной практикѣ, въ качествѣ гинеколога, до самой смерти, послѣдовавшей въ Москвѣ 18-го іюня 1887 года.

Формулярный списокъ, составленный 7 сентября 1853 г.; „Словарь профессоровъ Императорскаго Московскаго Университета; ч. II, стр. 156—157; Змѣевъ, Л. Ѳ. „Русскіе врачи-писатели“, вып. 1, тетр. 2, и вып. 3. Спб. 1886; „Московскія Вѣдомости“ 1887 г. № 168; Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ“, вып. 7, Спб. 1888; „Русская Старина“ 1896 г., № 1, стр. 199.

А. П.

Николаевъ, *Степанъ Степановичъ*,— генералъ-лейтенантъ, наказный атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Род. въ 1789 году и происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Донского казачьяго войска; въ службу вступилъ въ 1803 году рядовымъ казакомъ, въ томъ же году произведенъ въ урядники; въ 1809 г. находился на службѣ въ Петербургѣ, а съ 1810 г. назначенъ въ составъ войскъ, которымъ была поручена оборона береговъ Финскаго залива. Въ 1811 г. Н. былъ произведенъ въ корнеты; съ 1812 года началась боевая его дѣятельность: въ этомъ году онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ противъ французовъ при городѣ Трокахъ, подъ Вильною, въ самой Вильнѣ, производя со своимъ отрядомъ постоянныя атаки на непріятельскую кавалерію; затѣмъ въ битвахъ при Свѣнцянахъ, подъ Витебскомъ и Смоленскомъ и въ Бородинскомъ сраженіи. Назначенный состоять при ген.-л. графѣ Орловѣ-Денисовѣ, Николаевъ командовалъ аванпостами нашей арміи и отличился въ сраженіяхъ при деревнѣ Чириковѣ, Тарутинѣ, Вороновой близъ Вязьмы и другихъ многочисленныхъ кавалерійскихъ стычкахъ и сраженіяхъ. Онъ принималъ близкое участіе въ совершенномъ истребленіи двухъ непріятельскихъ кавалерійскихъ полковъ, шедшихъ изъ Замостья къ Ляхову, и взятіи въ плѣнъ генерала Ожеро съ его корпусомъ; въ этомъ дѣлѣ Н. былъ раненъ. Награжденный золотою саблею съ надписью «за храбрость» и переведенный въ собственный Его Величества конвой, Н. въ 1813 г. продолжалъ принимать участіе въ сраженіяхъ съ французами подъ Люценомъ, Бауценомъ, Лейпцигомъ и др. и отличился при взятіи Парижа. По возвращеніи въ Россію Н. продолжалъ служить въ рядахъ родного Донского войска, въ 1816 г. былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, въ 1819 — въ ротмистры, въ 1823 — въ полковники и съ 1830-го по 1836 годъ состоялъ командиромъ лейбъ-гвардіи Донского казачьяго полка. Въ 1836 году онъ былъ назначенъ походнымъ атаманомъ Донскихъ казачьихъ полковъ, расположенныхъ на Кавказской линіи, затѣмъ ему подчинены были и находившіеся на Кавказѣ малороссійскіе №№ 1 и 2 полки, а 31-го октября 1837 г. состоялось его назначеніе наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Должность эту онъ занималъ до смерти и оставилъ по себѣ память энергичнаго администратора. Въ теченіе слишкомъ 11-ти лѣтняго управленія войскомъ онъ много заботился о внутреннемъ благоустройствѣ его и завелъ правильную строевую организацію дѣйствующихъ частей.

Въ 1843 г. Н. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Умеръ С. С. Николаевъ 16-го февраля 1849 года въ Ставрополѣ и похороненъ въ церкви любимой имъ станицы Михайловской. Онъ былъ женатъ на Евдокіи Петровнѣ, рожд. Бартелишановой, и имѣлъ сына Петра, служившаго лейбъ-гвардіи въ Казачьемъ полку.

„Кавказъ“ 1849 г. № 13, стр. 50—51; „Русскій Инвалидъ“ 1849 г. №№ 96 и 97; „Исторія Лейбъ-Гвардіи казачьяго ЕгоВе личества полка“. Составлена офицерами полка. С.-Пб. 1876; „Кубанскій Край“, 1912 г. № 889.

А. Петровъ.

Николаи, баронъ *Андрей Львовичъ* (Heinrich-Ludwig v. Nicolay), тайный совѣтникъ, президентъ Императорской Академіи Наукъ; писатель. Н. родился въ Страссбургѣ 29-го декабря н. с. 1737 года и былъ сыномъ претора этого города; онъ происходилъ изъ шведской дворянской фамиліи, въ концѣ XVI-го столѣтія вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій переселившейся изъ Швеціи въ Германію. Рано лишившись матери, Николаи первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ отца. На 15-мъ году жизни онъ поступилъ въ Страссбургскій университетъ, гдѣ вскорѣ заинтересовался французской философіей и затѣмъ рѣшилъ посвятить себя изученію литературы и искусства, но по желанію отца долженъ былъ заняться изученіемъ юридическихъ наукъ, что не мѣшало ему, впрочемъ, знакомиться съ пластикой, живописью и музыкой и пробовать свои силы въ сочиненіи небольшихъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній. Ко времени пребыванія Н. въ Страссбургскомъ университетѣ относится первое знакомство его съ Россіей и русскими, которые въ то время представляли значительный контингентъ иностранныхъ слушателей университета. Въ 1760 году Н. закончилъ высшее образованіе и за диссертацію «De Argentinensium in Rheno navigatione» былъ удостоенъ степени кандидата. Получивъ оставленную ему матерью наслѣдственную долю (около 3.000 гульденовъ), онъ направился въ Парижъ, бывшій въ то время центромъ учености. Вскорѣ ему удалось познакомиться съ самыми выдающимися людьми того времени: съ Дидро, д'Аламберомъ, Гриммомъ и тѣмъ блестящимъ кругомъ литераторовъ и ученыхъ, который собирался въ салонѣ г-жи де л'Еспинассъ. Къ этому же времени относится знакомство его съ кн. Д. М. Голицынымъ, которое опредѣлило всю дальнѣйшую судьбу Николаи. Назначенный Императрицею Елисаветой Петровной русскимъ посланникомъ при австрійскомъ дворѣ, Голицынъ, которому нуженъ былъ молодой человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ и въ совершенствѣ владѣющій французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, предложилъ Н. сопровождать его въ Австрію въ качествѣ секретаря, и Н. принялъ это предложеніе. Переѣхавъ въ 1761 г. въ Вѣну, Н. сталъ вращаться въ придворномъ кругу, гдѣ ему удалось завязать близкое знакомство съ композиторомъ Глюкомъ, поэтомъ Метастазіо (Трапасси) и соотечественникомъ, барономъ Фрисомъ, общеніе съ которыми имѣло большое вліяніе на развитіе его способностей. Тамъ же осенью 1762 года онъ познакомился съ молодымъ графомъ С. Р. Воронцовымъ, съ которымъ близко сошелся и другомъ котораго оставался въ теченіе всей своей жизни. Въ Вѣнѣ Н. прожилъ два счастливыхъ года, въ теченіе которыхъ обнаружилъ свои таланты, какъ хорошій чиновникъ и какъ поэтъ. Болѣзнь и смерть отца заставила его покинуть кн. Голицына, и въ 1763 году онъ занялъ мѣсто секретаря префектуры въ родномъ городѣ.

Въ это время другъ его баронъ Фрисъ предложилъ ему совершить совмѣстное путешествіе по приморскимъ городамъ Франціи, на что Н. охотно согласился. Во время этого путешествія онъ видѣлся съ Вольтеромъ, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Парижѣ и котораго признавалъ наиболѣе одареннымъ духовно изъ всѣхъ французовъ. Вернувшись изъ этого путешествія, Н. почти цѣлый годъ посвятилъ изученію нелюбимыхъ имъ юридическихъ наукъ, служа въ префектурѣ родного города и тяготясь этой службой, не только ему несимпатичной, но и нисколько не оплачивавшейся. Какъ разъ въ это время, а именно въ половинѣ 1764 года, Страссбургъ посѣтили камергеръ И. И. Шуваловъ и графъ К. Г. Разумовскій, съ которымъ Н. познакомился еще во время пребыванія въ Вѣнѣ и который предложилъ ему сопровождать своихъ сыновей въ ихъ путешествіи по Европѣ. Н. съ радостью принялъ предложеніе быть руководителемъ молодыхъ Разумовскихъ и объѣхалъ съ ними самыя

интересныя страны Европы: Италію, Швейцарію, Южную Германію, Францію и Англію, вынесши изъ этого путешествія богатый запасъ свѣдѣній, которыя очень скоро ему пригодились. Другъ его и товарищъ по университету Лафермьеръ, назначенный канцлеромъ Воронцовымъ на должность библіотекаря великаго князя Павла Петровича, горячо рекомендовалъ его при дворѣ, какъ просвѣщеннаго и благовоспитаннаго человѣка, и эта рекомендація въ связи съ блестящими отзывами о Николаи Разумовскихъ побудила завѣдывавшаго воспитаніемъ наслѣдника престола графа Н. И. Панина обратиться къ Николаи, находившемуся тогда въ Англіи, съ предложеніемъ занять должность преподавателя при 15-лѣтнемъ великомъ князѣ. Чрезъ Сѣверную Германію, Данію и Швецію Н. прибылъ въ Петербургъ въ 1769 году и съ тѣхъ поръ навсегда сталъ принадлежать Россіи, съ которой онъ, по его собственному выраженію, связалъ себя кровными узами, («durch Wahl und Blut gewurzelt bin») и которой служилъ, какъ вѣрный и преданный сынъ. Къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ Н. отнесся чрезвычайно внимательно. Преподавательская дѣятельность уже не была новой для Николаи, такъ какъ во время пребыванія въ родномъ городѣ ему пришлось въ теченіе трехъ семестровъ 1768—1769 и 1769—1770 г. акад. гг. читать лекціи въ Страссбургскомъ университетѣ, въ которыхъ онъ разсматривалъ «Institutiones sive Logicas sive Metaphysicas, item juris Naturae et Gentium». Изъ трудовъ его, какъ преподавателя, сохранилось написанное имъ въ 1772 г. спеціально для наслѣдника престола «Обозрѣніе политическаго состоянія Европы». («Entwürf des politischen Zustandes von Europa, nach Robertson, 1772 für den Groszfursten Paul bearbeitet»). Въ 1773 г. онъ былъ назначенъ личнымъ секретаремъ великаго князя и великой княгини Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла Петровича. Кромѣ того, онъ былъ помощникомъ Лафермьера въ должности библіотекаря. Въ 1776 г. Н. женился на дочери банкира Поггенполя Іоганнѣ и въ томъ же году ему пришлось сопровождать великаго князя въ его путешествіи въ Берлинъ, гдѣ Н. завязалъ личное знакомство съ Рамлеромъ и своимъ однофамильцемъ, знаменитымъ писателемъ Христоформъ Фридрихомъ Николаи, взявшимъ на себя просмотръ его сочиненій, вскорѣ послѣ этого впервые появившихся въ печати.—Результатомъ этой поѣздки въ Берлинъ было бракосочетаніе цесаревича Павла Петровича съ принцессой Софіей-Доротеей Августой-Луизой Виртембергской, получившей имя великой княгини Маріи Ѳеодоровны, при которой Николаи занялъ ту же должность секретаря, которую занималъ при ея покойной предшественницѣ. Великая княгиня, оцѣнившая способности и достоинства Н. уже въ первые дни знакомства съ нимъ, впослѣдствіи, подобно супругу, всегда удостаивала его своей дружбы и довѣрія. Николаи было поручено также управленіе денежными дѣлами великокняжескаго двора. Въ 1781 году Н., въ числѣ очень немногихъ лицъ, разрѣшено было сопровождать великаго князя и великую княгиню въ путешествіи ихъ по Россіи и по Европѣ, которое они совершали подъ именами графа и графини Сѣверныхъ (Comte et Comtesse du Nord). Въ великокняжеской свитѣ Николаи вновь оказался въ Вѣнѣ, гдѣ ему удалось представить великому князю своего друга, старца—композитора Метастазіо, затѣмъ онъ объѣхалъ Италію, Францію, родину великой княгини, Монбельяръ, Швейцарію, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ у Гесснера, Южную Германію и вновь Вѣну. Интересенъ отзывъ о Николаи, данный императоромъ австрійскимъ Іосифомъ II, въ 1782 г. возведшимъ Николаи въ дворянское достоинство. «Секретарь Николаи принадлежитъ къ числу тѣхъ драгоцѣнныхъ людей, которые служатъ своему Государю, никогда не дѣлая этого на показъ или изъ желанія отличиться». И дѣйствительно, чуждый интригъ и происковъ, Николаи добросовѣстно исполнялъ свои обязанности секретаря, лектора и управляющаго денежными дѣлами Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, а досуги посвящалъ любимому занятію поэзіей и литературой. Со вступленіемъ на престолъ императора Павла I Н. былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и назначенъ членомъ Кабинета Его Величества съ оставленіемъ личнымъ секретаремъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вскорѣ послѣ этого указами отъ 4 и 12 декабря 1796 г., ему было пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе имѣніе въ 1500 душъ крестьянъ въ Нарвскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губер-

ніи, въ силу указа отъ 13 февраля 1797 года замѣненное такимъ же имѣніемъ въ 1500 душъ въ Тамбовской губерніи, Моршанскаго округа, въ дворцовомъ селѣ Куликахъ. Въ 1797 г., утвержденный императоромъ Павломъ I въ баронскомъ достоинствѣ, пожалованномъ ему въ предыдущемъ году австрійскимъ императоромъ, Н. былъ 5-го апрѣля произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст.—Изъ переписки, случайно возникшей въ 1795 г. между нимъ и старымъ его знакомымъ по Вѣнѣ и пріятелемъ графомъ С. Р. Воронцовымъ и продолжавшейся до самой смерти барона Николаи, видно, что служебныя его занятія въ это время, посвященныя, главнымъ образомъ, личнымъ дѣламъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимали и дѣла денежныя, были крайне разнообразны, но иногда и весьма мелочны: такъ, ему приходилось исполнять такія порученія, какъ закупать для императрицы (главнымъ образомъ, чрезъ графа Воронцова, бывшаго чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Лондонѣ) почтовую бумагу, карандаши, сургучъ, разноцвѣтный песокъ, бархатъ, кисею и вообще разныя матеріи. Вскорѣ умеръ ближайшій другъ Николаи—придворный библіотекарь Лафермьеръ, завѣщавшій Николаи свою библіотеку, которую тотъ перевезъ въ пріобрѣтенное имъ близъ Выборга имѣніе Монрепо (Monrepos), и которая хранится тамъ и теперь съ особою надписью «Bibliothèque des deux amis». Въ Монрепо же похоронилъ Николаи и Лафермьера, а императрица Марія Ѳеодоровна, которой была хорошо извѣстна дружба обоихъ ея чтецовъ, прислала нѣсколько лѣтъ спустя Николаи, тогда уже бывшему въ отставкѣ, мраморный памятникъ его покойному другу съ надписью «Monument d'estime confié à l'amitié».—Памятникъ этотъ находится въ настоящее время въ приморскомъ паркѣ Монрепо, недалеко отъ могилы Николаи.

Изъ той же переписки барона А. Л. Николаи съ графомъ С. Р. Воронцовымъ видно, что 8 апрѣля 1798 г. императоръ Павелъ I назначилъ Николаи президентомъ Академіи Наукъ, о чемъ объявилъ ему «лично и полатыни». Николаи хотѣлось получить это назначеніе, прельщавшее его тѣмъ, что, будучи президентомъ Академіи, онъ сможетъ служить интересамъ науки и литературы. Мысль эта появилась у него, повидимому, давно, но иногда онъ, подъ вліяніемъ того положенія, какое занимала въ то время Академія, готовъ былъ отказаться отъ нея. Такъ, незадолго до своего назначенія, онъ писалъ Воронцову, что «non plus ultra академическихъ работъ сводится въ дѣйствительности, къ несносному составленію календарей», и потому назначеніе на должность президента Академіи представляется ему мало желательнымъ. Трудно сказать, такъ ли было на самомъ дѣлѣ, но только 16 апрѣля 1798 г. Правленіе Академіи выпиской изъ журнала отъ 15-го апрѣля извѣстило конференцію, что «Его Императорское Величество Императоръ Павелъ I указомъ отъ 14 апрѣля повелѣть соизволилъ д. с. с. барону Николаи быть президентомъ Академіи Наукъ съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, на него возложенныхъ». Конференція Академіи поручила своему секретарю просить новаго президента увѣдомить Академію о днѣ и часѣ, когда Академія могла бы in corpore представиться ему и, какъ сказано въ протоколѣ Конференціи, se recommander à sa bienveillance. 19 апрѣля, въ 10 час. утра, баронъ Николаи вступилъ въ исполненіе обязанностей президента.

Дѣятельность его въ этой должности заслужила ему благодарную память и лишній разъ показала, что Н. былъ человѣкъ, высоко просвѣщенный и преданный Россіи. Между тѣмъ, какъ со временъ основанія Академіи Наукъ въ ней распоряжались «академическіе нѣмцы», которые при всякомъ удобномъ случаѣ старались показать свое глубокое презрѣніе къ русской наукѣ, Н. былъ первымъ нѣмцемъ, который не только не тѣснилъ русской науки, но клалъ свою душу въ то, чтобы поднять Академію на надлежащую высоту. Вступивъ въ управленіе Академіею и познакомившись съ состояніемъ дѣлъ въ ней, Н. нашелъ, что дѣла эти крайне запущены его предшественникомъ П. П. Бакунинымъ, не только растратившимъ 46.000 рублей сбереженій, сдѣланныхъ княгиней Е. Р. Дашковой, но сдѣлавшимъ еще 22 тысячи новаго долга. Сообщая объ этомъ графу С. Р. Воронцову, Н. съ грустью замѣчаетъ, что при всемъ желаніи его обратить главное вниманіе на научные труды Академіи, онъ

вынужденъ прежде всего заняться приведеніемъ въ порядокъ ея экономической стороны. Сдѣлать это, однако, было не легко, т. к. измѣненіе экономическаго положенія тѣсно было связано съ существованіемъ академической гимназіи, которою Бакунинъ занимался почти исключительно и задавшись цѣлью преобразовать ее на подобіе штудгардскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ самъ воспитывался, издерживалъ на нее, вмѣсто ассигнованныхъ 4-хъ тысячъ, до 20-ти тысячъ ежегодно и довелъ комплектъ учениковъ до того, что новому президенту приходилось для приведенія гимназіи къ прежнему типу исключить изъ нея 120 человѣкъ учениковъ, что было бы актомъ крайне несправедливымъ и на что благородный и благожелательный Николаи никакъ не могъ рѣшиться. Заслуживаетъ вниманія и отношеніе Н. къ Россійской Академіи, которая, какъ извѣстно, «долженствовала имѣть предметомъ своимъ вычищеніе и обогащеніе россійскаго языка, общее установленіе употребленія словъ онаго, свойственное оному витійство и стихотвореніе», къ чему Николаи, писавшій свои произведенія на нѣмецкомъ языкѣ, а въ «домашней своей жизни и въ частныхъ сношеніяхъ дававшій предпочтеніе французскому языку»,— считалъ себя совершенно неспособнымъ. Между тѣмъ, назначая его президентомъ, императоръ Павелъ умолчалъ о Россійской академіи, и такъ какъ прежніе начальники Академіи (княгиня Е. Р. Дашкова и П. П. Бакунинъ) стояли во главѣ обѣихъ Академій, то и Н. приходилось бы управлять и Россійской Академіей, но онъ отказался отъ управленія послѣдней. «Его величество», писалъ Николаи графу Воронцову нѣсколько недѣль спустя послѣ назначенія своего президентомъ: «еще ничего не рѣшилъ относительно судьбы Россійской Академіи, президентство которой до сего времени соединено съ управленіемъ Академіей Наукъ; я же считаю себя неспособнымъ и недостойнымъ этого званія (т.-е. званія президента Россійской Академіи), и эта бѣдная сиротка (cette pauvre orpheline) еще долго останется безъ попечителя».

Опасенія Николаи относительно затрудненій по изданію календарей, лежавшемъ на обязанности Академіи Наукъ, оправдались вполнѣ. — Оказалось, что адресъ-календарь на 1799 годъ, который былъ начатъ печатаніемъ въ 1798 году и 10 листовъ котораго были къ январю готовы, уже не могъ достигнуть назначенія, т. к., по словамъ Н., «въ такой обширной имперіи и при началѣ царствованія перемѣны были такъ часты, что въ этихъ 10-ти отпечатанныхъ листахъ не оказалось и слова правды». Съ другой стороны, наличный составъ академиковъ былъ такъ слабъ, что съ ними трудно было издавать даже адресъ-календари. Совершенная распущенность членовъ, «которыхъ заставить работать такъ же трудно, какъ выпить море», постоянный недостатокъ въ деньгахъ, интриги и вѣчныя пререканія академиковъ между собою крайне тормозили работу Николаи, какъ президента, но не могли заставить его опустить руки. Несмотря на крайне напряженное общее положеніе, когда приходилось опасаться за каждый шагъ, Николаи въ интересахъ Академіи рѣшался выступать съ ходатайствами, противорѣчившими только что изданнымъ императоромъ Павломъ указамъ. Такъ, 14-го мая 1800 г. онъ писалъ графу С. Р. Воронцову: «Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что однимъ изъ послѣднихъ указовъ воспрещенъ ввозъ въ Россію какой бы то ни было иностранной книги. Мнѣ пришлось бы закрыть свою лавочку, если бы не допускалось исключеній. Но я намѣренъ просить на этотъ счетъ разрѣшенія и sous main мнѣ обѣщаютъ успѣхъ». Имѣя самыя лучшія намѣренія относительно Академіи, сознавая, что ученое академическое сословіе «порабощено корпораціей писцовъ», баронъ Николаи обратился къ мысли Петра Великаго, желавшаго предоставить Академіи право самоуправленія. Н. чувствовалъ, что для оживленія и возрожденія Академіи необходимо дать ученой корпораціи право самой участвовать въ управленіи ея дѣлами. Въ 1800 году онъ избралъ въ вице-президенты Академіи изъ числа членовъ конференціи академика С. Я. Румовскаго, человѣка, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, соединивъ со званіемъ вице-президента управленіе хозяйственными дѣлами и гимназіей. За усердные труды свои по Академіи, баронъ Николаи былъ пожалованъ 2 декабря 1800 года въ тайные совѣтники.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра Павловича, Н., несмотря на измѣнившіеся порядки и нѣсколько очистившуюся политическую и общественную

атмосферу, сталъ подумывать о выходѣ въ отставку. Раздѣляя надежды русскаго общества на новое царствованіе, онъ въ своихъ письмахъ, тѣмъ не менѣе, высказываетъ слѣдующія печальныя мысли.

«Признаюсь, что, несмотря на пріятную перспективу царствованія долгаго и мирнаго, мнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣ бьетъ въ носъ (pue au nez) эта придворная клоака, въ которой непрерывно совершаются мелкія гадости (de petites vilainies)». Однако, желаніе Николаи выйти въ отставку встрѣтило противодѣйствіе со стороны молодого Государя, который уговорилъ его остаться при Академіи, обѣщавъ ему свое содѣйствіе въ его начинаніяхъ. Подъ вліяніемъ новыхъ освѣжающихъ вѣяній Николаи вновь энергично принялся за улучшеніе положенія Академіи. Онъ заказалъ чрезъ Гершеля въ Лондонѣ принадлежности къ телескопу, который не былъ собранъ и установленъ еще со времени императрицы Екатерины II; въ концѣ 1801 года представилъ проектъ новаго регламента Академіи и только въ началѣ 1803 года сталъ настоятельно просить объ отставкѣ. Императоръ Александръ I нѣсколько недѣль носилъ въ карманѣ просьбу Николаи объ увольненіи, не показывая вида, что получилъ ее, и ни разу не упомянувъ имени барона Николаи, и только послѣ того, какъ Николаи написалъ Государю слѣдующее оригинальное письмо. («Ваше Величество! Одинъ старый придворный XVII столѣтія, получивъ отставку. спустя три года умеръ. На могилѣ своей онъ велѣлъ написать: NN родился въ 1600 г., умеръ въ 1668, проживши три года. Дайте же мнѣ, Ваше Величество, возможность также выставить нѣсколько лѣтъ жизни въ моей эпитафіи»), онъ при содѣйствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, добился отставки.

Между тѣмъ, въ томъ же 1803 году, по Высочайшему повелѣнію, образована была комиссія подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Новосильцева для изслѣдованія положенія Академіи Наукъ и для изысканія способовъ къ ея возвышенію, не стѣсняясь никакими опасеніями. Строго разобравъ проектъ, составленный барономъ Николаи, Комиссія нашла, что «проэктъ этотъ написанъ съ совершеннѣйшимъ безпристрастіемъ, безъ всякаго вмѣшательства самолюбія, и проникнутъ сильнымъ желаніемъ общаго блага, а потому Комиссія не могла подвергнуть этотъ проектъ значительнымъ перемѣнамъ». Въ своемъ докладѣ Государю Комиссія остановилась на «чувствительномъ злоупотребленіи, вкравшемся съ 1782 г., которымъ сословіе, посвященное наукамъ, почти порабощено корпораціей писцовъ» и отмѣтила заслуги барона Николаи по устраненію «части этого зла». — Вообще же, время пребыванія Николаи въ должности президента Академіи Наукъ было одной изъ лучшихъ эпохъ въ ея жизни и, по словамъ историка Академіи, съ назначеніемъ Николаи «для послѣдняго творенія Петра блеснулъ, наконецъ, лучъ спасенія».

Сложныя обязанности, связанныя съ управленіемъ Академіею, сдѣлали затруднительнымъ для Н. совмѣщеніе должности президента съ званіемъ секретаря Императрицы, въ характерѣ которой и въ отношеніи къ ней Н. въ 1798 году наступила значительная перемѣна. Въ письмѣ отъ 18-го октября этого года онъ указываетъ, что при своихъ занятіяхъ въ Академіи Наукъ и въ Кабинетѣ Его Величества онъ крайне затрудняется завѣдываніемъ финансовыми и другими дѣлами Императрицы. Придворныя интриги, особенно распространившіяся въ виду тѣхъ натянутыхъ отношеній, которыя существовали между Маріей Ѳеодоровной и ея царственнымъ супругомъ, также должны были побудить его, во избѣжаніе всякихъ случайностей, искать удаленія отъ двора, и однажды, послѣ того какъ онъ узналъ, что письма его перлюстрированы (что, впрочемъ послужило ему на пользу, такъ какъ доказало полную его неприкосновенность къ придворнымъ интригамъ), онъ подалъ прошеніе объ освобожденіи его отъ службы у Императрицы.

Просьба его была удовлетворена, хотя и не вполнѣ, такъ какъ Императрица, которая привыкла къ нему, отъ времени до времени продолжала давать ему разныя порученія, но прежній характеръ ихъ измѣнился: Николаи остался только раздавателемъ щедрыхъ благодѣяній Государыни, что способствовало только возобновленію прежнихъ сердечныхъ отношеній его къ облагодѣтельствовавшей его Императрицѣ, которая, въ свою очередь, высоко цѣня въ людяхъ сердечныя качества, до конца дней оказывала ему неизмѣнное благоволеніе, даже и послѣ того, какъ выйдя въ

отставку, онъ поселился вдали отъ двора, въ деревенскомъ уединеніи, и только изрѣдка пріѣзжалъ въ столицу.

Николаи былъ талантливый и плодовитый писатель, поэтъ по преимуществу. Онъ писалъ басни, разсказы, описанія, посланія, баллады, элегіи и эпиграммы. Академикъ Н. И. Сухомлиновъ, упоминая въ своей «Исторіи Россійской Академіи» о прибытіи Николаи въ Россію, называетъ его «нѣмецкимъ писателемъ, извѣстнымъ своими поэмами во вкусѣ Аріосто, въ которыхъ видѣли и грацію, и разнообразіе картинъ, и знаніе человѣческаго сердца».

Во многихъ отношеніяхъ Николаи можетъ быть названъ нѣмецкимъ Флоріаномъ. Непринужденный стиль и непосредственное чувство, проявившееся у Флоріана въ его пастораляхъ, обнаружилось у Николаи въ его элегіяхъ и у обоихъ писателей въ ихъ превосходныхъ басняхъ, которыми они обогатили отечественную литературу. Хороши также переводы, или вѣрнѣе, заимствованія Николаи съ итальянскаго: наивный тонъ, которымъ онъ разсказываетъ самыя необыкновенныя приключенія такъ, какъ будто въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, соединяется у него съ свободной риѳмой и плавной рѣчью, заставляющей забыть, что онъ писалъ, слѣдя за чужою мыслью.—Собственныя его баллады и разсказы читаются очень легко: изъ нихъ особенно хороша «Гризельда», которая можетъ быть отнесена къ лучшимъ произведеніямъ, написаннымъ въ духѣ скромной, незатѣйливой поэзіи. По своимъ литературнымъ вкусамъ Николаи былъ поклонникомъ стараго французскаго искусства, но поэзія его всегда отличалась искреннимъ воодушевленіемъ, была чужда искусственнаго паѳоса и являлась выраженіемъ его дѣйствительныхъ сердечныхъ переживаній.

Послѣднимъ поэтическимъ произведеніемъ барона А. Л. Николаи является его «Имѣніе Монрепо» («Das Landgut Monrepos»), представляющее собою подробное поэтическое описаніе этого любимаго мѣстопребыванія его, гдѣ онъ среди дикой финской природы создалъ роскошный садъ и куда удалился по выходѣ въ отставку.

Сочиненія Николаи выходили въ слѣдующемъ порядкѣ: «Elegien und Briefe», Strassburg 1760; «Rede an den Grossfürsten», St.-Petersburg 1772; «Galwine; eine Rittergeschichte in sechs Gesängen, ebend. 1773; «Vermischte Gedichte» «Verse und Prose», 2 Theile, Basel 1773, 9 Theile, Berlin und Stettin 1778 — 1780; «Das Schöne»,—eine Erzählung, ebend. 1780; «Reinhold und Angelika»,—eine Rittergeschichte, 2 Theile, ebend. 1784; «Idaea, oder männliche und weibliche Tugend»,—eine historische Novelle, Wien 1792; «Vermischte Gedichte und prosaische Schriften»; I—VII Theil; Berlin und Stettin, 1792—1795 (исправленное и дополненное изданіе его «Gedichte»); «Gudula, eine Romanze», помѣщенное въ «Berliner Monatschrift» за 1794 г. стр. 1 и 58—78; «Gedichte» въ «Oesterreich Monatschrift» за 1793 г. и въ «W. G. Becker's Taschenbuch und Almanach zum gefell. Vergnügen» за 1795 годъ. Портретъ барона Николаи помѣщенъ въ началѣ 80-го тома «Allgemeine deutche Biblothek». Драматическія его произведенія изданы отдѣльно подъ слѣдующими заглавіями: «Theatralische Werke», Königsberg 1811 (2 тома); «Athalie» von Racine, Uebersetzung», Leipzig 1816; «Die Gelehrten Weiber», nach Molière bearbeitet, ebend. 1818; «Muffel oder Scheinheilige Lustspiel» in 3 Acten nach Moliere's «Tartuffe» bearbeitet, Wiburg 1819. «Die Todtenwache» и «Die Reliquie» (посмертныя). Собраніе сочиненій Николаи выходило дважды въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ подъ слѣдующими заглавіями. «Vermischte Gedichte und prosaische Schriften von L. H. v. Nicolay, bei Friedrich Nicolai in Berlin, 1792», и «Poetische Werke von H. L. Freih. von Nicolay, Wien 1817, in der Haas' schen Buchhandlung».

Получивъ отставку 6-го февраля 1803 года, Николаи удалился въ пріобрѣтенное имъ въ Финляндіи имѣніе Монрепо, гдѣ и провелъ почти безвыѣздно послѣднія 17 лѣтъ жизни, занимаясь устройствомъ имѣнія,—по отзывамъ современниковъ, «превращеннаго имъ въ уголокъ рая» «съ кумирами боговъ, съ могилами друзей», — переводами съ иностранныхъ языковъ и сочиненіемъ оригинальныхъ произведеній. Начиная съ 1812 г., зрѣніе его стало постепенно ослабѣвать, и послѣдніе годы жизни онъ былъ почти совершенно слѣпъ, но до конца жизни не переставалъ трудиться. Умеръ баронъ А. Л. Николаи 18-го ноября н. с. 1820 года, 83-хъ лѣтъ отъ роду, немногимъ переживъ

свою супругу. Похороненъ онъ въ Монрепо, которое навсегда останется наглядным доказательствомъ его художественнаго чувства.

Человѣкъ высокообразный, талантливый писатель, отличавшійся благородствомъ характера и живостью ума, изящный художникъ, всюду умѣвшій находить красоту въ жизни, придворный, не унижавшійся никогда до лести и искательства, и сумѣвшій, вращаясь въ мірѣ интригъ, всегда оставаться въ сторонѣ отъ нихъ и, наконецъ, нѣмецъ, привязавшійся къ Россіи и честно и вѣрно служившій ей всю свою жизнь, баронъ Николаи представляетъ собою одну изъ интереснѣйшихъ, хотя и мало изученныхъ личностей конца XVIII-го и начала XIX столѣтій.

„Дѣла Архива Императорской Академіи Наукъ за 1798—1903 годы"; „Камеръ-Фурьерскіе" журналы; Барановъ, „Опись указамъ, хранящимся въ Архивѣ Правительствующаго Сената". С.Пб. 1873; „Сенатскій Архивъ", т. I; „Протоколы засѣданій Конференціи Императорской Академіи Наукъ съ 1725 по 1803 годъ", т. IV (1786—1803). С.Пб. 1911; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", т.т. XX, XXIII, XLIV; „Архивъ князя Воронцова", т.т. V, IX, X, XI, XIV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XXI, XXIII, XXVII, XXVIII, XXIX, XXXII; „Архивъ князя Куракина"; А. А. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ". С.Пб. 1880—1882; „Осьмнадцатый Вѣкъ", М. 1874; кн. Долгорукій, „Капище моего сердца". М. 1874; „Павловскъ". Очеркъ исторіи и описаніе. Спб. 1877; Д. Ѳ. Кобеко; „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Изд. 3. С.Пб. 1887 (указ.); Е. С. Шумигорскій, „Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828)". Т. I. С.Пб. 1892; Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Павелъ I". С.Пб. 1901; Лебедевъ „Графы Панины" С.-Пб. 1861; М. И. Сухомлиновъ, „Исторія Россійской Академіи" ч. II, стр. 172—173; Б. Л. Модзалевскій, „Списокъ членовъ Императорской Академіи Наукъ" 1725—1907. Спб. 1908; „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій", изд. Вел. Кн. Николая Михаиловича, т. IV, №№ 29 и 30; Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXI (1897 г.) и др. К. „Историческій взглядъ на академическое управленіе 1726—1803 г." („Записки Императорской Академіи Наукъ", т. III); Храповицкій, „Дневникъ". Спб. 1874; „А. Л. Николаи". — Замѣтка барона А. П. Николаи („Рус. Архивъ" 1891 г., кн. I, стр. 334—336); Гаршинъ, Е. М. „Академическій нѣмецъ прошлаго столѣтія" („Истор. Вѣстникъ" 1882 г., томъ VIII, стр. 127—137); К. С. Веселовскій, „Послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ Академіи Наукъ" („Рус. Стар." 1898 г., № 2, стр. 243—245); его же, „Отношеніе императора Павла I къ Академіи Наукъ" („Рус. Стар." 1898 г., № 5, стр. 228, 240); „Александръ Павловичъ Николаи" (некрологъ въ „Истор. Вѣстникѣ" 1899 г., т. LXXVII, стр. 1052); „Рус. Стар." 1874, 1885 г. 1899 г., т. C, № 10; 1904 г. т. CXX, № 12, стр. 717—719.

«Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae». Tomus XIV; «Aus dem Leben des Freiherrn Heinrich Ludwig von Nicolay» von P. von Gerschau, Hamburg 1834; Stark, «Fürstliche Personen des Hauses Würtemberg und ihre bewährten Diener». Stuttgart, 1876; «Allgemeine Deutsche Biographie», B. 26; «Meyer's Konversation-Lexicon», B. 12; «Meusel Lexicon»; Gelehrtes Deutschland»; «Biographie Universelle» (Michaud); «Nouvell Biographie générale», v. 37 и др. *А. П.*

Николаи, баронъ *Леонтій Павловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, авторъ дневника. Родился 7/19 января 1820 г. въ Копенгагенѣ и былъ сыномъ барона Павла Андреевича (см. ниже), чрезвычайнаго русскаго посланника при Датскомъ дворѣ. Тринадцати лѣтъ отъ роду, Н. въ 1833 году поступилъ въ Морской кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ былъ въ декабрѣ 1837 года произведенъ въ мичманы въ Балтійскій флотъ и, какъ одинъ изъ талантливыхъ и наиболѣе успѣвающихъ воспитанниковъ корпуса, былъ оставленъ для усовершенствованія въ военно-морскихъ наукахъ въ офицерскихъ классахъ при Морскомъ корпусѣ, впослѣдствіи преобразованныхъ въ Николаевскую Морскую Академію. Въ 1841 году, въ чинѣ лейтенанта, Николаи былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, въ которомъ нашелъ покровителя въ лицѣ адмирала М. П. Лазарева. Въ 1842 г. Н. находился въ заграничномъ плаваніи, въ Средиземномъ морѣ, въ составѣ экипажа корвета «Андромаха», а въ 1844 году, оставивъ морскую службу, перешелъ въ военно-сухопутную съ назначеніемъ въ драгунскій великаго князя Михаила Павловича полкъ, съ чиномъ поручика, но вскорѣ поступилъ въ Военную Академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1846 году. Съ 1847 года началась боевая служба барона Николаи на Кавказѣ, продолжавшаяся въ теченіе двадцати лѣтъ съ небольшимъ перерывомъ. Перерывъ этотъ произошелъ въ 1849 г. вслѣдствіе объявленія Венгерской кампаніи, когда Н. былъ назначенъ состоять при главномъ штабѣ фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго, а затѣмъ, въ званіи флигель-адъютанта, находился съ 1849 по 1850 годъ въ Вологодской губерніи, гдѣ ему было поручено наблюденіе за рекрутскимъ на-

боромъ. Въ 1849 г. за храбрость, проявленную въ дѣлахъ съ венгерцами, Н. получилъ золотое оружіе. Возвратившись на Кавказъ, Н. былъ назначенъ сначала въ зимнюю экспедицію противъ горцевъ, а затѣмъ переведенъ въ Кабардинскій полкъ, съ которымъ съ тѣхъ поръ неразрывно была связана его дѣятельность. Назначенный командиромъ 3-го баталіона, Н. въ 1852 году получилъ въ командованіе самый полкъ и въ этой должности оставался до декабря 1857 г. Въ теченіе семилѣтняго періода (1850—1857) Н. почти все время находился въ походахъ. Особенно труднымъ было его положеніе во время Крымской войны, когда вслѣдствіе отвлеченія части войскъ въ Малую Азію, нужно было ожидать отъ Шамиля особенно рѣшительныхъ дѣйствій. 3-го октября 1854 года барону Николаи съ 6-ю ротами удалось разбить подъ Исто-су многотысячный отрядъ Шамиля, пытавшагося вторгнуться на Кумыкскую плоскость; за это дѣло Николаи былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., а 6 декабря того же года произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества. Съ 1857-го по 1860 годъ Н. состоялъ при главнокомандующемъ Кавказскою арміею и принималъ участіе въ знаменитомъ походѣ 1859 года, закончившемся взятіемъ Шамиля въ плѣнъ. 28-го января 1860 г. Н. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ начальникомъ Кавказской гренадерской дивизіи, а въ 1862 году назначенъ генералъ-адъютантомъ и награжденъ золотою саблею, украшенною бриллiантами съ надписью «за храбрость». Въ званіи начальника Кавказской гренадерской дивизіи баронъ Николаи оставался до 1867 года, когда уѣхалъ въ отпускъ за границу. Въ слѣдующемъ году онъ вышелъ въ отставку.

Человѣкъ благородныхъ правилъ и возвышенныхъ чувствъ, Н. былъ чрезвычайно религіозенъ, и это чувство особенно развилось въ немъ за время полной опасностей службы на Кавказѣ. Вѣроятно, результатомъ этого религіознаго настроенія явился переходъ барона Николаи въ 1868 году изъ протестантизма въ римскій католицизмъ, а затѣмъ, по выходѣ въ отставку, и постриженіе въ монахи. Въ 1868 году баронъ Николаи сталъ монахомъ ордена Картезіанцевъ, подъ именемъ Jean-Louis, постригшись въ извѣстномъ монастырѣ La Grande Chartreuse, близъ Гренобля во Франціи, гдѣ и умеръ 21-го января (2-го февраля) 1891 г.

Барону Л. П. Николаи принадлежитъ «Дневникъ», веденный имъ во время Венгерской кампаніи 1849 года и напечатанный еще при его жизни въ «Русской Старинѣ» 1877 года, т. XX, кн. 9, 10 и 11.

Списки генераламъ по старшинству. Мѣсяцесловы и адресъ-календари. Списокъ лицъ свиты Ихъ Величествъ съ царствованія Императора Петра I-го по 1886 г.,—составлены Свиты Его Величества ген.-м. графомъ Г. А. Милорадовичемъ; „Общій Морской Списокъ“, часть XI, Спб. 1900. Глиноецкій, „Исторія Генеральн. Штаба“; „Кавказская Старина“. Матеріалы для исторіи Кавказской войны. Изъ дневника Л. П. Николаи („Кавказъ“ 1872 г. №№ 2, 83, 88, 95, 101; 1873 г. №№ 80, 81, 84, 88, 93. 96, 99, 100 и 106 и 1874 г. №№ 85, 86, 87, 99, 101, 107, 109, 123, 129. 140 и 150); „Новое Время“ 1891 г. №№ 5472 и 5483; „Историческій Вѣстникъ“ 1891 г., кн. 8, стр. 527 — 628; „Архивъ князя Воронцова“, кн. XXXVII, 148. Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ“. XI выпускъ, Спб. 1909; „Библіографическія Записки“ 1892 г. № 1.

А. П.

Николаи, баронъ *Николай Павловичъ*, тайный совѣтникъ; дипломатъ. Сынъ барона Павла Андреевича, Н. родился 16-го декабря 1818 года въ Копенгагенѣ. Образованіе получилъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, и въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ со степенью кандидата. 1-го декабря 1839 года Н. поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, а 11-го сентября 1841 г. былъ назначенъ младшимъ секретаремъ при миссіи въ Гаагѣ. 7-го іюля 1844 г. барону Николаи было пожаловано званіе камеръ-юнкера Высочайшаго двора; въ 1845-мъ онъ былъ назначенъ младшимъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ. Назначенный 11-го февраля 1850 г. чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при Государственной канцеляріи, Н. 1-го января 1852 г. былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. 9-го сентября 1854 г. состоялось назначеніе Николаи на должность совѣтника миссіи въ Берлинѣ, вскорѣ онъ былъ переведенъ на должность совѣтника посольства въ Лондонѣ. 15-го апрѣля 1856 г. барону Н. былъ пожалованъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1857 г., за отъѣздомъ изъ Лондона чрезвычайнаго

нашего посланника и полномочнаго министра графа М. И. Хрептовича, Н. дважды исполнялъ его должность. 5-го августа 1858 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Шведскомъ союзѣ, а 7-го ноября 1860 г. перемѣщенъ на такую же должность при королѣ Датскомъ. 30-го августа 1865 года Николаи былъ произведенъ въ тайные совѣтники, но уже 2-го октября 1867 года, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ службы. Умеръ баронъ Н. П. Николаи 25-го іюня 1869 года.

Формулярный о службѣ списокъ, составленный въ 1855 г. и дополненія. Придворные мѣсяцесловы и адресъ-календари. Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1802—1902. Спб. 1902.

А. П.

Николаи, баронъ *Павелъ Андреевичъ*, дѣйств. тайный совѣтникъ, дипломатъ. Единственный сынъ тайнаго совѣтника и президента Императорской Академіи Наукъ, барона Андрея Львовича и супруги его Іоганны-Маргариты, урожденной Погенполь, Н. родился въ 1777 году и 8 лѣтъ отъ роду былъ отправленъ для полученія образованія въ Эйтенъ къ знаменитому филологу и поэту Фоссу. По окончаніи курса въ Эрлангенскомъ университетѣ Н. вернулся въ Россію и поступилъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1796 году Н. былъ причисленъ къ канцеляріи вице-канцлера князя Куракина; 6-го января 1800 г. былъ опредѣленъ къ Россійской Миссіи въ Лондонѣ, а 8-го ноября перемѣщенъ сверхштатнымъ чиновникомъ нашей миссіи въ Копенгагенѣ. 31-го мая слѣдующаго года Николаи былъ назначенъ секретаремъ Лондонской миссіи; въ 1802 году ему пришлось, вслѣдствіе отъѣзда изъ Лондона нашего посла, исполнять въ теченіе семи мѣсяцевъ должность Россійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. 18-го августа 1804 г. Н. былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. Въ 1805—1806 гг. ему въ продолженіе почти цѣлаго года пришлось вновь исполнять должность chargé d'affaires. Въ 1808 году онъ снова находился на службѣ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; 24 февраля 1810 г. Н. былъ назначенъ полномочнымъ комиссаромъ для размежеванія земель между Россіей и Швеціею. 2-го іюля 1811 г. опредѣленъ въ Стокгольмъ совѣтникомъ посольства съ возложеніемъ на него обязанностей повѣреннаго въ дѣлахъ. 19-го декабря того же 1811 года Николаи было пожаловано званіе камеръ-юнкера. 30-го августа 1812 года Н. былъ переведенъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ, и ему было поручено особенно отвѣтственное и сложное въ то время управленіе тамошнимъ нашимъ посольствомъ въ званіи chargé d' affaires. 15-го іюля 1814 г. Н. былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники; 13-го мая 1816 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Копенгагенѣ. Въ этой должности онъ оставался въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ, до 30 апрѣля 1847 г., дѣятельно заботясь о поддержаніи добрыхъ отношеній Россіи съ Даніей.

Въ 1818 г., на барона Николаи было возложено Высочайшее порученіе сопровождать великихъ князей Николая и Михаила Павловичей въ путешествіи ихъ по Европѣ и за успѣшное исполненіе этого порученія былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. 21-го іюля 1822 г., по Высочайшему повелѣнію, Николаи были пожалованы на 12 лѣтъ аренды въ Минской губерніи (въ старостве Велятицкое и Ольшевицкое). 22-го іюля 1825 г. Н. былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Въ 1828 году онъ былъ возведенъ въ баронское великаго княжества Финляндскаго достоинство.

5-го декабря 1843 года состоялось производство барона Николаи въ дѣйствительные тайные совѣтники, а 30-го апрѣля 1847 г. онъ былъ уволенъ отъ службы, и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно жилъ въ Финляндіи, въ своемъ родовомъ имѣніи Монрепо, близъ Выборга, гдѣ въ 1863 г. онъ имѣлъ счастье принимать Императора Александра II, ѣхавшаго въ Гельсингфорсъ для открытія сейма. Баронъ П. А. Николаи умеръ $^{16}/_{28}$ апрѣля 1866 года, 89-ти лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Монрепо. Онъ былъ женатъ съ 1811 года на княжнѣ Александрѣ-Симплиціи де-Брольи (ум. 16 марта 1824 г.) и имѣлъ сыновей: Николая, Александра и Леонтія и дочерей: Марію, Октавію и Александру, бывшихъ фрейлинами Высочайшаго Двора.

Формулярный списокъ, составленный въ 1831 году, съ дополненіями, по дѣламъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ по 1865 годъ; Мѣсяцесловы, списки чиновъ и адресъ-календари; „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій", изд. Великаго Князя Николая

Михаиловича, томъ IV, №№ 145 и 146; „Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1802—1902“. Спб. 1902; „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ“, т. 3. Спб. 1912; „Aus dem Leben des Freiherrn Heinrich Ludwig von Nicolay“ von P. von Gerschau, Hamburg 1834.

А. П.

Николай (въ мірѣ *Никифоръ* **Доброхотовъ**),—епископъ тамбовскій, родился въ 1800 (или 1801 году), сынъ діакона орловской епархіи. Окончилъ въ 1821 году курсъ орловской дух. семинаріи и опредѣленъ учителемъ въ сѣвское духовное училище. Въ 1825 году поступилъ въ высшее отдѣленіе кіевской дух. академіи, въ составъ III курса, и окончилъ ее со степенью магистра, послѣ чего назначенъ профессоромъ словесности и еврейскаго языка въ могилевскую духовную семинарію. Въ концѣ 1828 г. принялъ монашество съ именемъ Николая и посвященъ въ іеромонахи. Въ 1829 году переведенъ въ спб. семинарію профессоромъ богословскихъ наукъ и инспекторомъ; въ 1831 г. назначенъ ректоромъ пензенской семинаріи, въ 1835 г.—ректоромъ ярославской семинаріи и въ 1836 г. ректоромъ спб. духовной академіи. 14-го апр. 1841 г. архим. Николай былъ рукоположенъ во епископа тамбовскаго и шацкаго. Въ Тамбовѣ онъ пробылъ 16 лѣтъ и отсюда въ 1851 г. вызывался для присутствованія въ св. Синодѣ. Болѣзненное состояніе дѣлало для преосв. Николая труднымъ управленіе епархіей и создавало нѣкоторыя затрудненія для хода дѣлъ. Наконецъ, онъ самъ рѣшилъ удалиться на покой и уволенъ, согласно прошенію, въ 1857 г. въ Трегуляевскій Предтечевъ монастырь съ пенсіею въ 1000 р., гдѣ и скончался 21 апрѣля 1864 г.

Надеждинъ, Исторія спб. дух. семинаріи, стр. 27; Чистовичъ, Исторія спб. дух. академіи (въ числѣ ректоровъ); „Вѣстн. Европы“ 1883 г., авг. (Ростиславовъ, Спб. Академія при гр. Протасовѣ); Хитровъ, Историко-стат. опис. тамбовской епархіи, Тамбовъ 1861 г.; Іерархи тамбовской епархіи—въ „Хр. Чт.“ 1880 г., II.

Б. Т—въ.

Николай (въ мірѣ *Іоаннъ Григорьевичъ* **Заркевичъ**), — епископъ новомиргородскій, викарій херсонской епархіи, родился въ 1827 году, сынъ священника Могилевской губ. Образованіе получилъ сначала въ могилевской дух. семинаріи, потомъ былъ посланъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, будущимъ преосв. Никаноромъ (Бровковичемъ) одесскимъ, въ образцовую спб. семинарію. По окончаніи послѣдней поступилъ въ спб. духовн. академію, которую окончилъ въ 1851 г. по первому разряду, со степенью кандидата богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ на учебной службѣ и по представленіи соотвѣтствующаго сочиненія. 16-го сентября 1851 г. посвященъ въ священники къ Спасобочаринской церкви въ Петербургѣ. Въ 1856 г. о. Іоаннъ Заркевичъ занялъ должность законоучителя школы кантонистовъ; въ томъ же году онъ украсился магистерскимъ крестомъ; въ 1867 году возведенъ въ санъ протоіерея, въ 1868—1869 гг. состоялъ законоучителемъ въ Пиротехническомъ артиллерійскомъ училищѣ, а въ дек. 1869 г. опредѣленъ законоучителемъ и священникомъ въ Павловское военное училище, въ каковой должности и пробылъ до 1884 г. Помимо прямыхъ обязанностей, о. Заркевичъ несъ еще и многія другія въ это время. Такъ, онъ разсматривалъ, по порученію св. Синода, представленныя на конкурсъ катехизическія поученія, состоялъ директоромъ (съ 1872 г.) спб. тюремнаго комитета, членомъ особаго попечительства при спб. исправительной тюрьмѣ, законоучителемъ спб. учительскаго института, и проч. Не мало времени посвящалъ о. Заркевичъ и литературному труду. Съ 1867 по 1880 г. онъ издавалъ сборникъ подъ заглавіемъ: «Матеріализмъ, Наука и Христіанство». Сюда входили философско-богословскія сочиненія разныхъ иностранныхъ авторовъ съ апологетическимъ характеромъ. Матеріальную помощь изданію оказывалъ т. с. Новосельскій. Всего вышло 18 томовъ. Затѣмъ о. Заркевичъ много сотрудничалъ въ журналѣ «Духъ Христіанина» (съ 1861 по 1866 гг.), издав. подъ ред. свящ. А. В. Гумилевскаго; участвовалъ въ изданіи А. Л. Савицкаго «Опытъ естественнаго богословія» (20 выпусковъ, Спб. 1879—1883 г.). Изъ отдѣльныхъ сочиненій о. Заркевича извѣстны: «Современный матеріализмъ предъ судомъ разума» (Спб. 1866 г.); «Записки по предмету Закона Божія» (Спб. 1870 г.), «Очеркъ ученія христіанской вѣры. Пособіе къ усвоенію истинъ вѣры» (Спб. 1873 г.). Въ 1881 г. о. Іоаннъ велъ публичныя чтенія богословскаго содержанія. Все это создало ему большую популярность въ петербургскихъ духовныхъ кру-

гахъ. Въ 1884 г. о. Заркевичъ, уже овдовѣвшій, принялъ монашество съ именемъ Николая и скоро же назначенъ былъ викаріемъ херсонской епархіи, епископомъ новомиргородскимъ 10-го іюня 1884 г. состоялась его хиротонія. Ему предсказывали выдающуюся дѣятельность, но судьба судила иначе. Ровно черезъ годъ, послѣ хиротоніи, его тѣло опустили въ могилу. Скончался онъ скоропостижно, на пути изъ Херсона въ Никополь на пароходѣ 7-го іюня 1885 г., когда онъ ѣхалъ въ Симферополь для временнаго управленія тамошней епархіей. Въ послѣднее время жизни преосв. Николай трудился надъ обширнымъ богословско-философскимъ сочиненіемъ, котораго ему не удалось закончить.

„Прав. Обозр.“ 1885 г. № 7; „Странникъ“ 1885 г. № 8; „Церковн. Вѣстн.“ 1885 г. № 23; „Москов. Вѣд.“ 1885 г. № 161; „Новь“ кн. 16; Еп. Кирiонъ, Историч. очеркъ херсонскаго викаріатства, Одесса 1905 г.; А. Родосскій, Біографич. словарь студентовъ первыхъ XXVII курсовъ спб. д. акад. СПБ. 1907 г.; Прот. С. Петровскій. Одесскій Преображенскій соборъ, Одесса 1908 г. стр. 384–385.

Б. Т—въ.

Николай, (въ мірѣ *Иванъ Поликарповичъ* **Соколовъ**),—епископъ калужскій, родился въ 1780-хъ гг., сынъ священника Калужской губ. города Медыни Поликарпа Онисимовича, обучался въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Въ 1800 г. переведенъ въ калужскую семинарію и проходилъ здѣсь должность учителя разныхъ классовъ до 1810 г. Въ 1810 г. опредѣленъ смотрителемъ Боровскаго дух. училища, потомъ былъ учителемъ и префектомъ тамбовской семинаріи. Въ 1816 г. назначенъ законоучителемъ тамбовскаго кадетскаго корпуса, а въ 1819 г. ректоромъ тамбовскихъ духовныхъ училищъ. 15 февраля 1821 г. произведенъ въ архимандриты Шацкаго Николаевскаго Чернѣева мон. и въ апрѣлѣ того же года опредѣленъ ректоромъ и учителемъ богословія въ иркутскую семинарію, съ настоятельствомъ въ Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Въ 1826 г. назначенъ ректоромъ тамбовской семинаріи и настоятелемъ Козловскаго Троицкаго монастыря. Съ 10 дек. 1829 г. по 1-е марта 1830 г. былъ въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія, а 8 мая 1831 г. посвященъ во епископа дмитровскаго викарія московской каѳедры. Въ октябрѣ 1834 г. назначенъ епископомъ калужскимъ и управлялъ калужской епархіей около 17 лѣтъ. Преосв. Николай былъ архипастыремъ простымъ, доступнымъ, внимательнымъ къ нуждамъ духовенства и отзывчивымъ ко всѣмъ нуждающимся. Съ этой стороны онъ особенно заявилъ себя во время голоднаго 1840 г. Онъ выстроилъ въ Калугѣ зданіе для епархіальной богадѣльни, не мало сдѣлалъ для благоустройства Лаврентьевскаго монастыря. Скончался преосв. Николай въ ночь на 18-е сент. 1857 г., въ Лаврентьевскомъ монастырѣ.

„Калужск. Губ. Вѣд“., 1851 г. № 39; Іером. Леонидъ, Исторія церкви въ предѣлахъ нын. Калужской губ. и калужскіе іерархи, Калуга 1876 г.; Протоіер. Д. Лужецкій, Историческая записка о происхожденіи и состояніи калужской епархіи за первое столѣтіе ея сущ. (1799—1899 гг.), Калуга, 1900 г.

Б. Т—въ.

Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь, первый сынъ Цесаревича Александра Николаевича (впослѣдствіи Императора Александра II) и Цесаревны (впослѣдствіи Императрицы) Маріи Александровны. Родился 8 сентября 1843 г. въ Царскомъ Селѣ, скончался 12 апрѣля, 1865 г., въ Ниццѣ.

Рожденіе Цесаревича сопровождалось многими милостями столичному населенію; между прочимъ, Августѣйшіе родители пожертвовали 20.000 рублей для выкупа неоплатныхъ должниковъ и раздачи пособій бѣднѣйшимъ жителямъ обѣихъ столицъ. Первоначальнымъ обученіемъ великаго князя занималась Вѣра Николаевна Скрипицына, а первыми его воспитателями, начиная съ 1849 года, были: генералъ-адъютантъ Николай Васильевичъ Зиновьевъ, бывшій директоръ Пажескаго корпуса, съ двумя помощниками—ген.-м. Гогелемъ и полковникомъ Н. Г. Казнаковымъ. Опредѣленной системы воспитанія выработано не было, и не только эти первые наставники великаго князя были люди, не похожіе другъ на друга по своимъ воззрѣніямъ и образованію, но и впослѣдствіи воспитательная школа Цесаревича Николая Александровича была крайне разнообразна, и воспитателями были люди случайные. Н. В. Зиновьевъ, человѣкъ честный, религіозный и строгихъ правилъ, не отличался педагогическими талантами и не умѣлъ выбирать себѣ подходящихъ помощниковъ; Гогель былъ

хорошій фронтовой офицеръ, имѣвшій большое вліяніе на выправку великаго князя и его младшихъ братьевъ и въ то же время проявлявшій разумную заботливость объ устройствѣ помѣщенія для великихъ князей объ ихъ одеждѣ и туалетѣ, но совершенно неспособный вліять на ихъ духовное развитіе; наконецъ, Казнаковъ, наиболѣе образованный и способный, былъ, къ сожалѣнію, самымъ молодымъ изъ воспитателей, и роль его въ дѣлѣ воспитанія великаго князя Николая Александровича была незначительной.

Для завѣдыванія учебною частью былъ приглашенъ извѣстный впослѣдствіи филологъ, въ то время лекторъ русскаго языка и словесности въ Александровскомъ университетѣ въ Гельсингфорсѣ, Яковъ Карловичъ Гротъ. Человѣкъ въ высшей степени добросовѣстный, Гротъ всецѣло отдался новымъ обязанностямъ, составилъ учебный планъ для великихъ князей Николая Александровича и Александра Александровича, сумѣлъ пріобрѣсти ихъ симпатіи и довѣріе и повелъ дѣло, хотя и нѣсколько сухо, но довольно успѣшно. Первымъ законоучителемъ великихъ князей былъ протопресвитеръ В. Б. Бажановъ; русскій и нѣмецкій языки, а также исторію и географію преподавалъ Гротъ; французскій языкъ—старикъ-швейцарецъ Куріаръ, ариѳметику—преподаватель Пажескаго корпуса С. П. Сухонинъ, чистописаніе — Лагузенъ и фехтованіе — генералъ-маіоръ Сивербрикъ. Это были преподаватели болѣе постоянные, но, кромѣ нихъ, было очень много другихъ, часто смѣнявшихъ другъ друга и не успѣвшихъ оставить болѣе или менѣе замѣтнаго слѣда на образованіи великихъ князей.

Добросовѣстная, но педантичная дѣятельность Я. К. Грота, какъ руководителя обученіемъ Цесаревича, не вполнѣ удовлетворяла Государыню, и она вскорѣ передала дѣло завѣдыванія обученіемъ Наслѣдника дипломату Владиміру Павловичу Титову. Это былъ умный и начитанный человѣкъ, но оказался неумѣлымъ воспитателемъ. Онъ также былъ вскорѣ отстраненъ, когда выработанный имъ проектъ учрежденія особаго учебнаго заведенія—не то лицея, не то гимназіи, въ которомъ великіе князья должны были учиться вмѣстѣ съ молодыми дворянами и дѣтьми сановниковъ и чрезъ то получить общечеловѣческое воспитаніе,—не встрѣтилъ сочувствія ни у Императора, ни у Императрицы. Титова смѣнилъ А. Ѳ. Гриммъ, преподававшій всеобщую исторію вел. кн. Константину и Николаю Николаевичамъ. Но и Гриммъ не сумѣлъ снискать привязанности своихъ воспитанниковъ и послѣ двухлѣтняго пребыванія завѣдующимъ учебною частью былъ уволенъ. Послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ опытовъ и начинавшихся, но не кончавшихся системъ воспитанія, выборъ Государя остановился на генералъ-адъютантѣ графѣ Сергѣѣ Григорьевичѣ Строгановѣ, который былъ въ 1860 г. назначенъ попечителемъ Наслѣдника Цесаревича и сдѣланъ полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ его воспитанія. Графъ Строгановъ, бывшій попечителемъ Московскаго учебнаго округа, а затѣмъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, съ любовью взялся за дѣло; при содѣйствіи профессоровъ Московскаго университета онъ составилъ программу занятій съ великимъ княземъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ, и для осуществленія ея пригласилъ рядъ выдающихся ученыхъ. Изъ прежнихъ учителей Цесаревича, кромѣ Я. К. Грота, выдѣлялся только К. Д. Кавелинъ, теперь же наставниками его стали словесники Ѳ. И. Буслаевъ и И. Е. Андреевскій, историки С. М. Соловьевъ и М. М. Стасюлевичъ, статистикъ И. К. Бабстъ, экономистъ А. И. Чивилевъ, профессоръ финансоваго права Н. Х. Бунге и знатоки юридическихъ наукъ К. П. Побѣдоносцевъ и Б. Н. Чичеринъ. Преподаваніе исторіи философіи, которую графъ Строгановъ считалъ необходимымъ элементомъ серіознаго образованія, было поручено профессору Московской Духовной Академіи Кудрявцеву. Военныя науки преподавали генералъ-адъютантъ Э. И. Тотлебенъ, генералъ А. С. Платовъ и полковники Соловьевъ, М. И. Драгомировъ и Шваревъ. Занятія Наслѣдника Цесаревича впервые пошли по вполнѣ опредѣленной системѣ; графъ Строгановъ, будучи человѣкомъ просвѣщеннымъ, съ сильнымъ характеромъ, способный внушить къ себѣ уваженіе и пріобрѣсти нравственный авторитетъ, умѣлъ объединить дѣятельность преподавателей и создать для великаго князя ту школу, гдѣ онъ могъ получать самое богатое и полное и въ то же время твердое и опредѣленное умственное развитіе.

Лѣтніе мѣсяцы великій князь проводилъ большею частью на Балтійскомъ по-

бережьѣ. Въ 1856 г. онъ жилъ лѣтомъ въ Гапсалѣ, а по возвращеніи оттуда принималъ участіе въ коронаціонныхъ торжествахъ въ Москвѣ; лѣто 1857 г. провелъ опять въ Гапсалѣ, а въ 1858 году совершилъ поѣздку въ Нарву, Ревель и Гельсингфорсъ.

8 сентября 1859 года состоялось провозглашеніе совершеннолѣтія Цесаревича Николая Александровича, и въ этотъ день онъ въ Зимнемъ дворцѣ принесъ присягу на вѣрность службы. Къ присягѣ духовной подготовлялъ его духовникъ и законоучитель его протопресвитеръ Бажановъ, а къ присягѣ гражданской—графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. По поводу принесенія Наслѣдникомъ Цесаревичемъ присяги былъ изданъ слѣдующій Высочайшій манифестъ: «Хранимый небеснымъ Провидѣніемъ, воспитанный Нами въ неуклонномъ слѣдованіи правиламъ Церкви православной, въ теплой любви къ отечеству, въ сознаніи своего долга, Его Императорское Высочество достигъ въ текущемъ году установленнаго основными законами нашими совершеннолѣтія, и по принесеніи сего числа Всевышнему благодарственнаго молебствія, торжественно, въ присутствіи Нашемъ, произнесъ присягу на служеніе Намъ и государству». Послѣ принесенія присяги Цесаревичъ принималъ всѣхъ представителей иностранныхъ державъ. Къ этому торжественному пріему готовилъ великаго князя баронъ Жомини подъ руководствомъ князя А. М. Горчакова. Ими былъ прочтенъ цѣлый курсъ дипломатіи, въ результатѣ котораго великій князь очаровалъ иностранныхъ пословъ и посланниковъ, свободно ведя рѣчь о политикѣ и разспрашивая ихъ о главахъ представляемыхъ ими государствъ.

Тотчасъ послѣ принесенія Наслѣдникомъ Цесаревичемъ присяги онъ былъ отдѣленъ отъ младшихъ братьевъ и при немъ, кромѣ попечителя графа А. Г. Строганова, былъ оставленъ только флигель-адъютантъ полковникъ О. Б. Рихтеръ, въ своихъ отношеніяхъ къ Цесаревичу отличавшійся необыкновенной заботливостью, преданностью и сердечностью. Великій князь Николай Александровичъ платилъ О. Б. Рихтеру за его заботы горячей привязанностью, самымъ чуткимъ вниманіемъ, въ которыхъ яснымъ пламенемъ свѣтилась его чистая и любящая юношеская душа. Въ отношеніи Цесаревича къ О. Б. Рихтеру нашла себѣ впервые выраженіе основная черта его характера—сердечность, которую одинъ изъ его учителей, А. И. Чивилевъ, признавалъ даже чрезмѣрной. По его словамъ, «Наслѣдникъ Великій Князь Николай Александровичъ былъ уменъ, способенъ къ труду мысли и сочувствовалъ всѣмъ высшимъ ея интересамъ, но слишкомъ былъ мягокъ сердцемъ». Эта сердечная мягкость соединилась у Наслѣдника со слабостью тѣлосложенія, которой лица, окружавшія его, и самъ Государь, не замѣчали. Государь даже находилъ, что сынъ его est trop efféminé и рекомендовалъ ему физическія упражненія, которыя могли бы придать ему больше мужества и смѣлости. Между прочимъ, по желанію Государя, Наслѣдникъ Цесаревичъ принималъ въ 1860 году участіе и въ той скачкѣ на ипподромѣ въ Царскомъ Селѣ, которая имѣла для него роковое значеніе: великій князь упалъ съ лошади и ушибъ себѣ спину, а ушибленное мѣсто сдѣлалось съ тѣхъ поръ средоточіемъ всѣхъ послѣдующихъ его страданій. Великій князь страдалъ съ давнихъ поръ золотухой, для лѣченія которой ежегодно отправлялся въ Гапсаль и Либаву для морскихъ купаній, послѣ которыхъ чувствовалъ себя относительно хорошо. Лѣто 1860 года онъ также провелъ на Балтійскомъ побережьѣ, а по окончаніи купальнаго сезона проѣздомъ изъ Либавы въ Петербургъ посѣтилъ многіе города и замки Прибалтійскаго края, между прочимъ, Митаву и Ригу.

Въ 1861 году Наслѣдникъ Цесаревичъ въ сопровожденіи графа С. Г. Строганова совершилъ первое образовательное путешествіе по Россіи, которое ограничилось Москвою, Нижнимъ Новгородомъ и Казанью. Въ Нижнемъ Наслѣдникъ осматривалъ ярмарку подъ руководствомъ извѣстнаго знатока ея П. И. Мельникова (Печерскаго), который затѣмъ, по пути въ Казань, знакомилъ Цесаревича съ прилежащими къ Волгѣ уѣздами Костромской и Нижегородской губерній. По возвращеніи Цесаревича изъ этого путешествія, во время пребыванія его въ Москвѣ, графъ Строгановъ очень хотѣлъ, чтобы онъ посѣтилъ нѣкоторыя университетскія лекціи, но въ виду недавно бывшихъ студенческихъ безпорядковъ пришлось ограничиться приглашеніемъ къ

Цесаревичу преподавателей для собесѣдованія.

Судя по воспоминаніямъ Б. Н. Чичерина, великій князь производилъ на лицъ, видѣвшихъ его въ первый разъ, самое выгодное впечатлѣніе. «Высокій, стройный, красивый, при этомъ умный, живой и привѣтливый, онъ могъ очаровать и привязать къ себѣ всѣхъ, кто къ нему подходилъ. Вся окружающая его атмосфера дышала какимъ-то задушевнымъ и возвышеннымъ строемъ».

Въ началѣ 1862 г. Цесаревичъ началъ изучать государственное право подъ руководствомъ профессора Б. Н. Чичерина по программѣ, составленной послѣднимъ для университетскихъ лекцій. Уже на первыхъ репетиціяхъ обнаружилось, что великій князь легко справляется съ весьма нелегкимъ матеріаломъ, кратко и ясно излагая цѣлый рядъ ученій, большею частью съ философскимъ содержаніемъ, при чемъ исполняетъ это чрезвычайно отчетливо, послѣдовательно и даже изящно. По словамъ Чичерина, «самыя отвлеченныя мысли, категорическій императивъ Канта, философское ученіе Гегеля, легко усваивалось даровитымъ юношей, котораго природныя способности и воспріимчивый умъ восполняли недостатокъ первоначальнаго обученія».

Время съ 7 іюля по 1 августа 1862 г. Цесаревичъ провелъ въ Либавѣ, гдѣ въ то время находились великіе князья Александръ Александровичъ и Владиміръ Александровичъ и великія княжны Марія и Евгенія Максиміліановны съ младшими братьями и гдѣ съ ними пробылъ Государь съ Императрицей съ 15 по 27 іюля.

Въ слѣдующемъ году Наслѣдникъ отправился во второе большое образовательное путешествіе, въ которомъ его сопровождали К. П. Побѣдоносцевъ и И. К. Бабстъ, дававшіе великому князю объясненія по своимъ спеціальностямъ: Побѣдоносцевъ объяснялъ разныя государственныя учрежденія, Бабстъ — экономическое состояніе края; для ознакомленія Цесаревича съ памятниками искусства былъ приглашенъ художникъ Боголюбовъ. Путешествіе продолжалось 4½ мѣсяца, и во время него Цесаревичъ подробно ознакомился съ значительною частью государства, проплывъ и проѣхавъ отъ С.-Петербурга до Астрахани и отъ Царицына до Крыма, а затѣмъ отъ Бердянска чрезъ южныя колоніи до Екатеринослава и чрезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Тулу до Москвы. Планъ этого путешествія принадлежалъ всецѣло графу С. Г. Строганову: нужно было его знаніе Россіи и людей, чтобы останавливать вниманіе великаго князя именно на тѣхъ людяхъ и предметахъ, знакомство съ которыми могло дѣйствительно просвѣтить Цесаревича, дать ему возможность правильно понять все встрѣчавшееся по пути и получить вѣрное представленіе о Россіи и народѣ. Представители всѣхъ сословій имѣли доступъ къ Наслѣднику, а иногда мѣстные люди спеціально вызывались графомъ для бесѣдъ съ великимъ княземъ, чтобы онъ правильно могъ судить о вопросахъ, представлявшихъ мѣстный или государственный интересъ.

Трогательно было отношеніе народа къ Царевичу: матери приносили къ нему младенцевъ съ просьбою благословить ихъ; въ Саратовѣ какой-то древній старикъ, умиленный доступностью Цесаревича, пожелалъ благословить его самого, и великій князь, благоговѣйно преклонивъ голову, подошелъ подъ благословеніе.

Совершенное въ обстановкѣ, небывалой для Наслѣдника Престола, путешествіе это имѣло громадное значеніе для развитія великаго князя: онъ впервые увидалъ Россію такою, какова она на самомъ дѣлѣ, и любовь его къ родинѣ, бывшая раньше болѣе абстрактной, получила послѣ этого путешествія конкретныя формы: ко многимъ вопросамъ, которые прежде онъ разрѣшалъ только умомъ, теперь онъ приблизился сердцемъ. Великій князь любилъ родную старину: увлекался русскими былинами и пѣснями, изъ которыхъ многія зналъ наизусть; неоднократно въ интимномъ кругу читалъ лекціи по русской словесности по запискамъ Буслаева; узнавъ Россію современную, онъ увидѣлъ въ ней тѣ же исконныя черты, которыя отобразились въ любимомъ имъ народномъ творчествѣ, и не могъ не привязаться къ ней еще болѣе. Благодаря любви Цесаревича къ старинѣ, были спасены въ Ярославлѣ и Костромѣ цѣнные памятники старины: въ первомъ, въ старинной церкви св. Іоанна Богослова Цесаревичъ восторгался древнимъ русскимъ стилемъ и украшеніями изъ изразцовъ и, узнавъ отъ настоятеля, что епископъ Нилъ хочетъ приказать закрасить ихъ, чтобы церковь эта не привлекала прихо-

жанъ преимущественно передъ другими, поѣхалъ лично къ епископу, которому выразилъ свое восхищеніе старинными церквами; этого было достаточно, чтобы епископъ Нилъ отказался отъ мысли закрашивать ихъ. Любопытенъ эпизодъ изъ посѣщенія Наслѣдникомъ Петрозаводска, гдѣ Цесаревичъ слушалъ пѣсни извѣстнаго сказителя, слѣпца Кузьмы Иванова, пѣвшаго свои пѣсни Безсонову и Якушкину.

19-го октября 1863 года Наслѣдникъ Цесаревичъ возвратился въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ 1864 года былъ рѣшенъ вопросъ объ отправленіи его въ новое, заграничное, путешествіе. Графомъ С. Г. Строгановымъ былъ разработанъ подробный планъ этого путешествія въ смыслѣ научно-образовательномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду дать Цесаревичу возможность сдѣлать по сердцу выборъ невѣсты.

Проникнутый сознаніемъ своихъ высокихъ обязанностей, графъ Строгановъ хотѣлъ, чтобы путешествіе принесло его питомцу серіозную пользу, чтобы Наслѣдникъ видѣлъ и понялъ все замѣчательное въ Европѣ и получилъ новыя возвышенныя впечатлѣнія.

12 іюня 1864 года Наслѣдникъ Цесаревичъ выѣхалъ за границу. Свиту его составляли графъ С. Г. Строгановъ, флигель-адъютантъ полковникъ О. Б. Рихтеръ, поручикъ Лейбъ-кирасирскаго Его Высочества полка П. А. Козловъ, прапорщикъ л.-гв. Преображенскаго полка князь В. А. Барятинскій, домашній докторъ Цесаревича Н. А. Шестовъ, Ѳ. А. Оомъ и наставникъ Цесаревича профессоръ Московскаго университета Б. Н. Чичеринъ.

Послѣдній въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ на то, что изъ всей свиты Цесаревича только графъ Строгановъ могъ поддерживать съ нимъ серіозный умственный разговоръ, въ которомъ Наслѣдникъ со свойственной ему воспріимчивостью всегда принималъ живое участіе. Отношенія между нимъ и свитой были самыя непринужденныя, разговоръ былъ всегда оживленный и дружественный, и можно было высказываться обо всемъ съ полною откровенностью. «Мы путешествовали, какъ кружокъ друзей, разныхъ возрастовъ, различныхъ положеній, но всѣ соединенные общимъ чувствомъ и общими стремленіями. Центромъ этого маленькаго міра былъ прелестный юноша, съ образованнымъ умомъ, съ горячимъ и любящимъ сердцемъ, веселый, привѣтливый, обходительный, принимающій во всемъ живое участіе, распространяющій вокругъ себя какое-то свѣтлое и отрадное чувство». Цесаревичъ неохотно разставался съ родиной и въ частности, съ Петергофомъ. «Если я за границею увижу одинъ такой прелестный видъ, то я буду вполнѣ доволенъ», говорилъ онъ передъ отъѣздомъ.

Черезъ Берлинъ Цесаревичъ прибылъ въ Киссингенъ, гдѣ находилась Россійская Императорская Фамилія. Изъ Киссингена Императорская Фамилія отправилась чрезъ Франкфуртъ на Майнѣ въ Ганноверъ, Швальбахъ и Эйзенахъ. Отсюда Цесаревичъ направился въ Скевенингенъ, близъ Гаги, гдѣ ему были предписаны морскія купанья. Но эти купанья, по словамъ князя В. П. Мещерскаго, посѣтившаго Наслѣдника Цесаревича въ Скевенингенѣ, и другихъ очевидцевъ, вліяли на него скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно. Изъ Скевенингена великій князь ѣздилъ въ окрестности Гаги и, между прочимъ, посѣтилъ Заандамъ, знаменитый пребываніемъ въ немъ императора Петра Великаго. Въ память посѣщенія Цесаревичемъ Заандама кн. П. А. Вяземскій написалъ, уже по смерти Наслѣдника, трогательное стихотвореніе, въ которомъ назвалъ Цесаревича «минутнымъ гостемъ, ангелу подобнымъ, блеснувшимъ на землѣ, но не земли жильцомъ». Грустныя предчувствія начинали тревожить Цесаревича уже въ самомъ началѣ его пребыванія въ Скевенингенѣ, но ихъ разсѣяло сообщеніе о заключеніи перемирія между Даніей и Пруссіей, открывавшее ему возможность посѣтить Данію. Цесаревичъ по телеграфу испросилъ у Государя позволеніе на поѣздку въ Данію, и получивъ это разрѣшеніе, немедленно отправился туда черезъ Киль и Гамбургъ. По прибытіи въ Копенгагенъ Цесаревичъ остановился въ домѣ нашего посланника барона Н. П. Николаи. На слѣдующій день онъ въ сопровожденіи свиты отправился въ замокъ Фреденсборгъ, гдѣ былъ принятъ всею Королевскою фамиліею. Проживъ въ Даніи около трехъ недѣль, Цесаревичъ рѣшилъ сдѣлать предложеніе чрезвычайно понравившейся ему принцессѣ Дагмарѣ и получивъ увѣренность, что его чувства раздѣляются принцессой, отправился въ

Дармштадтъ, чтобы испросить разрѣшеніе родителей сдѣлать это предложеніе.

1 (13) сентября Цесаревичъ съ Августѣйшими родителями отправился въ Фридрихсгафенъ, къ королевѣ Ольгѣ Николаевнѣ, гдѣ провелъ три дня, затѣмъ вмѣстѣ съ Государемъ долженъ былъ принимать участіе въ Прусскихъ маневрахъ въ Бранденбургѣ, для чего отправился въ Берлинъ. Здѣсь, вѣроятно, подъ вліяніемъ долгой ѣзды верхомъ, ибо Цесаревичъ долженъ былъ съ 5-ти часовъ утра до 6-ти часовъ вечера слѣдовать за Государемъ на маневрахъ, боли въ спинѣ у него усилились. 13 сентября 1864 г. изъ Киля Цесаревичъ со свою Свитой снова отправился въ Копенгагенъ, а 20 сентября произошла помолвка его и въ тотъ же день былъ отправленъ въ Дармштадтъ князь В. А. Барятинскій для испрошенія родительскаго благословенія на обрученіе. Давъ на него свое согласіе, Государь повелѣлъ сообщить объ обрученіи Наслѣдника престола съ Датскою принцессою Дагмарою жителямъ столицы 101 пушечнымъ выстрѣломъ. 30 сентября (12 октября) Наслѣдникъ Цесаревичъ простился съ невѣстой и отправился въ Дармштатъ, гдѣ былъ встрѣченъ Государемъ и Государыней. Въ Дармштадтъ вызванъ былъ изъ Висбадена протоіерей І. А. Янышевъ, которому предполагалось поручить занятія Закономъ Божіимъ съ невѣстой Цесаревича. Преподаваніе принцессѣ Дагмарѣ русской словесности и русской исторіи Цесаревичъ намѣревался принять на себя.

Въ началѣ октября 1864 г. Цесаревичъ черезъ Штутгардтъ, Нюренбергъ, Мюнхенъ и Тироль поѣхалъ въ Венецію.

Здѣсь появились впервые угрожающіе признаки болѣзни: Цесаревичъ почувствовалъ сильную усталость и въ послѣдніе дни онъ уже съ ослабѣвшимъ интересомъ осматривалъ картины. Изъ Венеціи черезъ Миланъ Цесаревичъ прибылъ въ Туринъ. Въ Миланѣ онъ обѣдалъ у принца Гумберта, который на разспросы Цесаревича объ интересовавшихъ его судебныхъ учрежденіяхъ, совершенно не могъ удовлетворить его любознательности. «Вы меня спрашиваете о вещахъ»,—отвѣтилъ онъ на вопросы Цесаревича,—о которыхъ я не имѣю никакого понятія. У Васъ, въ монархической странѣ, князья обязаны знать законы и государственное устройство страны; у насъ это дѣло палаты».

Въ Туринѣ король Викторъ-Эммануилъ устроилъ по случаю пріѣзда Цесаревича большой обѣдъ, на которомъ присутствовали значительнѣйшіе государственные люди Піэмонта. Цесаревичъ такъ умѣло и съ такимъ тактомъ велъ разговоръ съ итальянскими министрами, что очаровалъ всѣхъ ихъ.

Изъ Турина Цесаревичъ проѣхалъ въ Геную и Ниццу, куда прибыла на зиму Императрица. Изъ Ниццы черезъ нѣсколько дней на русскомъ военномъ кораблѣ черезъ Ливорно, Цесаревичъ со свитой прибылъ во Флоренцію. Въ это время Цесаревичъ, несмотря на повторившіеся приступы болѣзни, былъ полонъ радужныхъ надеждъ и мечталъ о своей будущей семейной жизни. «Теперь я у берега», говорилъ онъ: «Богъ дастъ, отдохну и укрѣплюсь зимою въ Италіи, затѣмъ свадьба, а потомъ новая жизнь, семейный очагъ, служба и работа»... Пора. Жизнь бродяги мнѣ надоѣла... Въ Скевенингенѣ все черныя мысли лѣзли въ голову. Въ Даніи онѣ ушли и смѣнились розовыми. Не ошибусь, если скажу, что моя невѣста ихъ мнѣ дала, и съ тѣхъ поръ я живу мечтами будущаго... Я утѣшаю себя тѣмъ, что у насъ вся будущность впереди». Въ письмѣ Н. П. Литвинову, относящемуся къ тому времени, Цесаревичъ пишетъ: «Хорошія я пережилъ минуты и искренно благодарю Бога, что нашелъ то, чего такъ желалъ, о чемъ такъ долго мечталъ: любить и быть любимому». Много любопытнаго для характеристики тогдашняго настроенія Цесаревича даютъ его письма къ великому князю Александру Александровичу, съ которымъ, какъ извѣстно, его связывала нѣжная дружба и любовь. Цесаревичъ неоднократно говорилъ матери, что никому не пишетъ такихъ нѣжныхъ писемъ, какъ «Сашѣ», и даже не можетъ отдать себѣ отчета, кого онъ больше любитъ — «Сашу или Дагмару».

Во Флоренціи съ великимъ княземъ сдѣлался жесточайшій припадокъ: появились сильныя боли въ спинѣ, которыя принудили его лечь въ постель. Созванный немедленно консиліумъ врачей рѣшилъ, что у Цесаревича острый ревматизмъ; только одинъ итальянскій врачъ высказалъ предположеніе, что у больного происходитъ воспалительный процессъ въ области позвоночника; этотъ діагнозъ

впослѣдствіи оказался вѣрнымъ. Хотя Цесаревичу стало нѣсколько легче, но онъ двигался съ трудомъ и, боясь возобновленія острыхъ болей, почти никогда не выпрямлялся и ходилъ сгорбившись. Въ теченіе мѣсяца его лѣчили массажемъ, но когда лѣченіе это не принесло замѣтнаго облегченія, его рѣшили перевезти въ Ниццу, куда и выѣхали 20 декабря 1864 г... Въ Ниццѣ, гдѣ Цесаревичъ поселился въ виллѣ Дисбахъ на Promenade des Anglais, ему становилось все хуже и хуже. Тогда были вызваны знаменитѣйшіе французскіе медики — Райе и Нелатонъ, которые, однако, не нашли ничего опаснаго въ состояніи Цесаревича, а болѣзнь его опредѣлили, какъ застарѣлую простуду, и предписали ему оставаться пока въ Ниццѣ. Между тѣмъ, силы Цесаревича слабѣли съ каждымъ днемъ, и въ мартѣ 1865 года, прійдя къ заключенію, что ухудшеніе происходитъ отъ приморскаго климата, доктора рѣшили перевезти его на берега озера Комо, а пока перевели въ отдаленную отъ моря виллу Бермонъ, рядомъ съ виллой Императрицы.

Однако, здоровье Цесаревича не улучшалось, и въ самомъ началѣ апрѣля появились настолько угрожающіе симптомы, что 4-го числа вызванъ былъ въ Ниццу великій князь Александръ Александровичъ, а вечеромъ 6-го апрѣля выѣхалъ Государь съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. По пути къ нимъ присоединилась принцесса Дагмара съ матерью. У Наслѣдника Цесаревича началась сильнѣйшая головная боль, сопровождаемая рвотой. Онъ часто впадалъ въ забытье, но большею частью былъ въ памяти. Утромъ 11 апрѣля Наслѣднику сдѣлалось значительно хуже; ему предложили пріобщиться Св. Тайнъ, что онъ исполнилъ съ полнымъ сознаніемъ. Послѣ причащенія Цесаревичъ началъ со всѣми прощаться. Послѣдній консиліумъ врачей, въ числѣ которыхъ были профессора Здекауэръ и Пироговъ и вызванный изъ Вѣны докторъ Опольцеръ, пришелъ къ заключенію, что у Наслѣдника Цесаревича meningitis cerebro-spinalis tuberculosa и что спасенія нѣтъ. Въ $7^1/_2$ часовъ вечера началась агонія, во время которой невѣста и братъ ни на минуту не отходили отъ изголовья умирающаго Цесаревича.

12 апрѣля, въ 12 часовъ 50 минутъ ночи, Цесаревичъ скончался. 14 апрѣля тѣло его было перенесено въ русскую церковь, а 16-го состоялось перенесеніе тѣла въ Villefranche на фрегатъ «Александръ Невскій», который 21 мая прибылъ въ Кронштадтъ. 25 мая состоялось перенесеніе тѣла въ Петропавловскую крѣпость, а 28 мая торжественное погребеніе въ Петропавловскомъ соборѣ.

Высочайшій манифестъ, извѣстившій Россію о кончинѣ Цесаревича, проникнутъ глубокой скорбью, истинно-христіанскимъ смиреньемъ и покорностью предъ ниспосланнымъ свыше испытаніемъ. «Всевышнему угодно было поразить насъ страшнымъ ударомъ».... говорилось въ манифестѣ. «Но, покорясь безропотно Промыслу Божьему, мы молимъ Всемогущаго Творца вселенныя, да дастъ намъ твердость и силу къ перенесенію глубокой горести, Его волею намъ ниспосланной. Въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ вѣрные наши подданные раздѣлятъ съ нами душевную скорбь нашу, мы въ немъ лишь находимъ утѣшеніе и призываемъ ихъ къ усерднымъ вмѣстѣ съ нами моленіямъ объ упокоеніи души возлюбленнаго сына нашего, оставившаго міръ сей среди надеждъ, нами и всею Россіею на него возложенныхъ»....

На другой день послѣ погребенія Цесаревича Николая Александровича, Государь Императоръ въ сопровожденіи Наслѣдника великаго князя Александра Александровича принималъ въ Зимнемъ Дворцѣ многочисленныя депутаціи отъ всѣхъ сословій и обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью: «Я желалъ васъ видѣть, господа, чтобы лично изъявить отъ себя и отъ Императрицы Нашу сердечную благодарность за участіе всей семьи русской въ нашемъ семейномъ горѣ. Единодушіе, съ которымъ всѣ сословія выразили намъ свое сочувствіе, Насъ глубоко тронуло и было единственною для Насъ отрадою въ это скорбное время. Въ единодушіи этомъ Наша сила, и пока оно будетъ существовать, Намъ нечего бояться ни внѣшнихъ ни внутреннихъ враговъ. Покойному Сыну суждено было, во время путешествія Его по Россіи въ 1863 году, быть свидѣтелемъ подобнаго же единодушія, вызваннаго тогда посягательствомъ враговъ нашихъ на древнее достояніе русскихъ и на единство государства... Да сохранится единодушіе это навсегда! Прошу васъ, господа, перенести на теперешняго Наслѣдника Моего тѣ

чувства, которыя вы питали къ покойному Его Брату. Онъ любитъ Васъ такъ же горячо, какъ Я васъ люблю и какъ любилъ васъ покойный. Молитесь Богу, чтобы Онъ сохранилъ Его намъ для будущаго благоденствія и славы Россіи». Смерть Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича болѣзненно отозвалась въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей. «Мы оплакиваемъ въ эти минуты», писалъ 21 мая 1865 году бывшій наставникъ Цесаревича М. М. Стасюлевичъ, — «смерть, въ которой заключались тысячи смертей: умиралъ не только человѣкъ, умирала юность, умирала красота, умирала первая и едва вспыхнувшая любовь, умирали надежды милліоновъ добрыхъ людей, умирало все, что есть завѣтнаго и дорогого на землѣ... Какъ онъ ни мало жилъ, но все же жилъ не даромъ: онъ оставилъ другимъ живой образъ того, о чемъ прежде приходилось только мечтать; онъ сказалъ собою, что люди любятъ въ царственныхъ юношахъ, и чего они отъ нихъ ждутъ. Постараемся быть достойными его памяти, если намъ больше нельзя быть достойными его жизни».

Военная служба великаго князя Николая Александровича проходила слѣдующимъ образомъ: въ день рожденія, т. е. 8 сентября 1843 года, онъ былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка; 9-го сентября того же года шефомъ Смоленскаго уланскаго полка, которому повелѣно было называться полкомъ имени Его Высочества; 19-го февраля 1855 г. шефомъ л.-гв. Атаманскаго полка; 17 апрѣля 1856 г. шефомъ Сѣверскаго Драгунскаго полка и 17-го іюля 1863 года шефомъ Поселеннаго № 9 Выборгскаго Финскаго имени Его Высочества стрѣлковаго баталіона. Кромѣ того, Цесаревичъ былъ шефомъ Австрійскаго 61-го пѣхотнаго имени Его Высочества полка съ 4 декабря 1859 г. и Прусскаго 1-го Уланскаго съ 1-го октября 1859 г. Въ день рожденія Высочайше повелѣно было зачислить великаго князя въ списки слѣдующихъ гвардейскихъ частей: Кавалергардскаго, Коннаго, Кирасирскаго Его Величества, Казачьяго, Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, Гатчинскаго, Гренадерскаго и Павловскаго полковъ и Саперная баталіона; 5 іюня 1848 г. онъ былъ зачисленъ въ списки лейбъ-гвардіи финскаго стрѣлковаго баталіона; 19-го сентября 1849 г. въ списки лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка и лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады; 1 октября 1856 года въ списки л.-гв. Стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона и 16 декабря того же года въ списки гвардейскаго стрѣлковаго Его Величества баталіона; 27 іюля 1857 г. Цесаревичъ былъ зачисленъ въ Гвардейскій экипажъ; 16 августа 1860 г. въ Фанагорійскій Гренадерскій Генералиссимуса Князя Суворова полкъ и 19 февраля 1861 года въ списки лейбъ-гвардіи Кавказскихъ Казачьихъ эскадроновъ Собственнаго Его Величества Конвоя. Въ августѣ 1863 года, во время второго своего путешествія по Россіи, Наслѣдникъ Цесаревичъ вступилъ съ Высочайшаго разрѣшенія въ «Большой кругъ» Войска Донского и принялъ знаки войскового атамана. Кромѣ того, великій князь былъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ и генералъ-маіоромъ Свиты Его Величества. Особаго влеченія къ военной службѣ Великій Князь не имѣлъ, но къ морскому дѣлу имѣлъ тяготѣнье. Между прочимъ, онъ очень любилъ совершать плаванье на своей яхтѣ «Увалень», которую вспоминалъ въ предсмертномъ бреду, произнося слова команды.

2 марта 1867 года на мѣстѣ кончины Цесаревича была заложена и въ одинъ годъ выстроена, по проекту и подъ наблюденіемъ академика Гримма, часовня-памятникъ; 26 марта 1868 г. состоялось освященіе ея въ присутствіи прибывшаго изъ Петербурга Наслѣдника Цесаревича и великаго князя Александра Александровича, русской колоніи, мѣстныхъ властей и войскъ мѣстнаго гарнизона. Въ эту часовню были отъ всѣхъ частей, въ которыхъ числился Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, а также отъ Государя и Государыни принесены драгоцѣнныя иконы. 12 апрѣля 1903 года въ Ниццѣ, въ садахъ виллы Бермонъ, состоялась закладка новаго православнаго храма, въ память умершаго здѣсь Цесаревича, во имя святителя Николая Миръ-Ликійскаго чудотворца. Постройка этого роскошнаго храма, сооруженнаго въ стилѣ Московско-Ярославскихъ соборовъ XVII вѣка, закончена въ 1911 году, и новый проѣздъ къ храму получилъ съ разрѣшенія Государя Императора Николая II названіе «Avenue Nicolas II».

А. Э. Мюнстеръ, «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», т. I, ч. I Спб. 1864; А. П. Гаденко, «Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. 1843—1865. Воспоминаніе очевидцевъ болѣзни и кончины Цесаревича»; 1911; А. В. Никитенко «Записки» и «Дневникъ»; Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», кн. 7, 8, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21 и 22; С. С. Татищевъ, «Императоръ Александръ II»; «Исторический Вѣстникъ» 1907 г. (изъ дневника И. П. Литвинова); «Русскій Архивъ» 1910 г. № 11 (изъ записокъ адмирала Д. С. Арсеньева); Кн. В. П. Мещерскій, «Мои воспоминанія» 1850—1865 гг. т. I, Спб. 1897 г.; «Русскій Архивъ» 1905 г. № 6; М. М. Стасюлевичъ, «Исторія среднихъ вѣковъ», т. III, ч. I. Спб., 1865 г. (Изъ прошедшаго); „Рус. Архивъ“ 1896, №№ 6, 7 и 8; Б. Чичеринъ, „Нѣсколько словъ о Великомъ Князѣ Наслѣдникѣ“—въ „Воен. Сборн.“ 1866 г., № 5, стр. 1—7; Ю. Елецъ, «Исторія Лейбъ-Гвардіи Гродненскаго Гусарскаго полка, т. I—II. 1824—1896. Спб. 1898; «Русскій Инвалидъ» 1865 г. «Сѣверная Почта» 1865 г. № 102; «Путешествіе Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича въ Нижній-Новгородъ, Казань и Москву въ 1861 году», Спб. 1861; К. Побѣдоносцевъ и И. Бабстъ, «Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи, отъ С.-Петербурга до Крыма», М. 1864; Ѳ. И. Буслаевъ, «Мои воспоминанія», Ѳ. А. Оомъ, «Воспоминанія»; В. «Воспоминаніе о покойномъ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ» («Всемірн. Иллюстрація», 1870, № 70). *А. Петровъ.*

Николай Николаевичъ *Старшій*, Великій Князь, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-инспекторъ по инженерной части и генералъ-инспекторъ кавалеріи.

Третій сынъ императора Николая I и императрицы Александры Ѳеодоровны, великій князь Николай Николаевичъ родился 27 іюля 1831 года. Въ тотъ же день новорожденный великій князь былъ назначенъ шефомъ л.-гв. Уланскаго (нынѣ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны) полка и зачисленъ въ списки л.-гв. Сапернаго баталіона. 22-го августа въ Царскосельской Большой дворцовой церкви состоялось крещеніе великаго князя, при чемъ воспріемниками его были: король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III (заочно), наслѣдникъ престола великій князь Александръ Николаевичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ (заочно) и великая княжна Марія Николаевна и великая герцогиня Саксенъ-Веймарская Марія Павловна. 5-го мая 1832 г.—въ воспоминаніе блистательнаго дѣла 2-й минерной (нынѣ 3-й саперной) роты л.-гв. Сапернаго баталіона подъ Нуромъ (5-го мая 1831 г.) великій князь Николай Николаевичъ былъ зачисленъ въ списки этой роты, а 6-го декабря 1834 года—въ списки л.-гв. Семеновскаго полка. Первые годы дѣтства великій князь Николай Николаевичъ провелъ подъ наблюденіемъ Матери; кормилицей его была Елена Шарманова, а первой воспитательницей англичанка Роджерсъ. Такъ какъ братья великаго князя—Александръ и Константинъ—были значительно старше его, то товарищемъ его дѣтскихъ игръ сталъ младшій братъ Михаилъ, родившійся немного болѣе года спустя послѣ него, а именно 13 октября 1832 года.—Съ нимъ великій князь Николай Николаевичъ сталъ съ самаго ранняго возраста сопровождать Родителей во выѣздахъ, посѣщеніяхъ нѣкоторыхъ учрежденій и путешествіяхъ, присутствовать при производимыхъ въ Высочайшемъ присутствіи смотрахъ и разводахъ, смотрѣть ученія кадетъ въ Петергофѣ и гвардейскихъ войскъ въ Красномъ Селѣ. Въ 1837 году, въ день Крещенія, во время производившагося императоромъ Николаемъ Павловичемъ ученія кадетъ, великій князь Николай Николаевичъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ «находился на линіи», т.-е. обозначалъ линію равненія. Первыя шесть лѣтъ жизни Николай Николаевичъ почти безотлучно находился при Матери, проживая то въ Петербургѣ, то въ Петергофѣ, на дачѣ Александрія, то въ Царскомъ Селѣ, въ Новомъ дворцѣ. Государь внимательно слѣдилъ за воспитаніемъ обоихъ младшихъ сыновей, съ малыхъ лѣтъ пріучая ихъ къ простому образу жизни, къ физическимъ упражненіямъ и движенію на воздухѣ. Учиться они начали очень рано. Первымъ учителемъ, научившимъ ихъ читать и писать, когда великому князю Николаю Николаевичу не было еще 6 лѣтъ, былъ помощникъ воспитателя великаго князя Александра Николаевича, генералъ-адъютанта Мердера—С. А. Юрьевичъ. Когда Николаю Николаевичу пошелъ седьмой годъ, воспитаніе его перешло въ руки выдающагося по образованію и душевнымъ качествамъ боевого генерала—генералъ-маіора Алексѣя Иларіоновича Философова, 19-го марта 1838 г. назначеннаго состоять при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ великихъ князьяхъ Николаѣ Николаевичѣ и Михаилѣ Николаевичѣ». 26 апрѣля 1838 г. великіе княязя въ

сопровожденіи вновь назначеннаго воспитателя отправились въ каретахъ въ первое заграничное путешествіе въ Германію, и въ Швецію. По возвращеніи изъ-за границы къ великимъ князьямъ былъ приставленъ въ качествѣ дядьки помощникъ инспектора классовъ I кадетскаго корпуса штабсъ-капитанъ баронъ В. С. Корфъ, которому было вмѣнено въ обязанность безотлучно находиться при великихъ князьяхъ. Нравственная же сторона воспитанія великихъ князей и забота объ ихъ умственномъ развитіи была возложена на воспитателя Императорскаго Училища Правовѣдѣнія П. П. Гельмерсена, служившаго своимъ воспитанникамъ живымъ и постояннымъ примѣромъ скромности и необыкновенной простоты и имѣвшаго очень большое вліяніе на успѣхъ нравственнаго развитія великихъ князей.

Когда великому князю Николаю Николаевичу исполнилось семь лѣтъ, императоръ Николай Павловичъ написалъ ему 27 іюля (9 августа) 1838 г. изъ Теплица слѣдующее замѣчательное письмо, которое должно было оставить неизгладимый слѣдъ въ впечатлительной душѣ ребенка и внушить ему первыя мысли объ ожидающемъ его серьезномъ служеніи Царю и Россіи: «Пишу Тебѣ въ первый еще разъ, любезный Низи, съ благодарнымъ къ Богу сердцемъ вспоминая, что тобою наградилъ насъ Господь въ минуты самыя тяжкія для насъ, какъ утѣшеніе и какъ предвѣстникъ конца нашихъ разнородныхъ бѣдствій.. Вотъ и семь лѣтъ тому протекло, и вмѣстѣ съ этимъ, по принятому у насъ въ семьѣ обычаю, получилъ ты *саблю*!!! Великій для тебя и для насъ день. Для насъ, ибо симъ знакомъ посвящаемъ третьяго сына на службу будущую брату твоему и родинѣ; для тебя же—тѣмъ, что получаешь первый знакъ твоей будущей службы. Въ саблѣ и мундирѣ офицера ты долженъ чувствовать, что съ сей минуты вся будущая твоя жизнь—не твоя, а тому принадлежитъ, чьимъ именемъ получилъ ты сіи знаки. Съ сей минуты ты постоянно долженъ не терять изъ мыслей, что ты безпрестанно стремиться долженъ постояннымъ послушаніемъ и прилежаніемъ быть достойнымъ носить сіи знаки, не по лѣтамъ тебѣ данные, но въ возбужденіе въ тебѣ благородныхъ чувствъ и съ тѣмъ, чтобы нѣкогда достойнымъ быть своего званія. Молись усердно Богу и проси Его помощи. Люби и почитай своихъ наставниковъ, чти твоихъ родителей и старшаго брата и прибѣгай къ ихъ совѣтамъ всегда и съ полной довѣренностью, и тогда наше благословенье будетъ всегда надъ твоей дорогой головой. Обнимаю тебя отъ души, поручаю тебѣ поцѣловать братцевъ и поклониться отъ меня искренно Алексѣю Илларіоновичу. Богъ съ тобой. Твой вѣрный другъ папа Н.».

Съ 1839 г. начались болѣе серьезныя занятія великаго князя Николая Николаевича, при чемъ основаніемъ для нихъ почти цѣликомъ послужилъ «Планъ ученія», выработанный для Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича воспитателемъ его В. А. Жуковскимъ. Преподавателями были приглашены выдающіеся по своимъ познаніямъ люди: Законъ Божій преподавалъ протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, русскій языкъ и словесность инспекторъ классовъ училища св. Екатерины П. Г. Ободовскій, русскую исторію, географію и статистику профессоръ С.-Пб. университета И. П. Шульгинъ, математику А. Я. Кушакевичъ, физику и химію берггауптманъ 6-го класса А. Б. Кеммереръ, французскій языкъ профессоръ французской словесности въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ І. А. Курнандъ, нѣмецкій языкъ—сначала А. Ѳ. фонъ Гриммъ, преподававшій впослѣдствіи великому князю также и общую исторію, затѣмъ П. П. Гельмерсенъ, впослѣдствіи перешедшій къ преподаванію общей географіи и исторіи, англійскій языкъ — преподаватель Морского Кадетскаго корпуса Вильямъ Митчинъ (Мечинъ), чистописаніе—Ф. Е. Геденіусъ; гимнастику и физическія упражненія А. И. Линденъ, фехтованіе—И. Е. Сивербрикъ и коллежскій ассесоръ Гаваманъ, батальную живопись н. с. Г. П. Вилле-вальде. Военныя науки преподавали: Ѳ. Ѳ. Ласковскій, впослѣдствіи инженеръ-генералъ,—фортификацію; А. С. Платовъ, впослѣдствіи генералъ отъ артиллеріи,—артиллерію; О. И. Горемыкинъ и А. П. Карцовъ — тактику и военное искусство и Д. А. Милютинъ, впослѣдствіи генералъ фельдмаршалъ, — правила аванпостной службы. Для практическаго ознакомленія съ обязанностями военной службы великій князь долженъ былъ въ лагерное время обучаться строю и разнымъ военнымъ упражненіямъ совмѣстно съ кадетами 1-го Кадетскаго корпуса, въ ряды которыхъ

былъ зачисленъ 25-го іюня 1839 года. Въ этотъ день великій князь Николай Николаевичъ, которому не было еще полныхъ 8 лѣтъ, вмѣстѣ съ братомъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ принималъ участіе въ репетиціи городовому Петергофскому караулу 1-го кадетскаго корпуса, находясь «во фронтѣ», съ праваго фланга 3-го взвода, подлѣ знаменныхъ рядовъ, въ средней шеренгѣ, а на слѣдующій день, когда состоялся разводъ въ Высочайшемъ присутствіи, и караулъ отъ 1-го корпуса выступилъ на главную гауптвахту, великому князю пришлось быть часовымъ у фронта, при чемъ ему, въ числѣ прочихъ воспитанниковъ, былъ пожалованъ рубль серебромъ, даны булка и чашка чаю. Въ послѣдующіе годы великій князь продолжалъ занятія въ кадетскомъ лагерѣ, постепенно выполняя различныя обязанности при изученіи строевой, полевой и караульной службы, и ежегодно удостоивался вмѣстѣ съ кадетами Высочайшей награды по серебряному рублю. Лѣтомъ 1843 года великій князь въ сопровожденіи А. И. Философова и нѣсколькихъ учителей посѣтилъ Ревель и другія прибрежныя мѣста Балтійскаго моря. Съ этого же года началъ заниматься артиллерійскимъ и саперным дѣломъ. Въ рядахъ «потѣшнаго взвода» Преображенцевъ, инструкторомъ и фельдфебелемъ котораго былъ самъ Императоръ Николай Павловичъ, великій князь, начавъ съ игры на барабанѣ, на которомъ впослѣдствіи онъ, подобно отцу, игралъ артистически, постепенно ознакомился со всѣми тонкостями тогдашняго устава караульной службы, шутя изучилъ артиллерійскую службу, дѣйствуя изъ маленькихъ пушекъ, а также занимался саперным дѣломъ, сооружая со сверстниками земляныя укрѣпленія въ Царскомъ Селѣ по чертежамъ Государя. Когда великому князю Николаю Николаевичу исполнилось 12 лѣтъ, онъ сталъ обучаться въ манежѣ Аничковскаго дворца вольтижировкѣ и вскорѣ достигъ въ этомъ искусствѣ необыкновеннаго совершенства. Начиная съ 1844 года, великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ стали выступать въ лагери вмѣстѣ съ кадетами, слѣдуя въ рядахъ пѣсенниковъ изъ самаго Петербурга. Съ 1844 г. великій князь Николай Николаевичъ уже является не только ученикомъ, но и учителемъ военнаго дѣла: сначала ему было поручено обученіе шеренги кадетъ, затѣмъ (въ 1845 г.) командованіе шеренгой, въ 1846 г. онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и 1 іюля того же года въ подпоручики. Однако, съ производствомъ великаго князя въ офицеры занятія его въ кадетскомъ лагерѣ не прекратились: онъ упоминается въ 1847 и 1849 г.г. въ званіи унтеръ-офицера, командующаго взводомъ кадетъ, несмотря на то, что въ 1847 г. онъ былъ произведенъ въ поручики, а въ 1848-мъ—въ капитаны. Въ 1849 г. великому князю было поручено командованіе въ лагерѣ сводной ротой, состоявшей изъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кадетъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. Въ томъ же году, послѣ смерти великаго князя Михаила Павловича, великій князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ шефомъ полковъ, носившихъ имя его крестнаго отца, а именно Тверского драгунскаго и Сибирскаго гренадерскаго. Въ 1850 году, въ день св. Пасхи, 23-го апрѣля, великій князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству; въ томъ же году, откомандовавъ въ лагерѣ сначала ротой, а потомъ баталіономъ 1-го Корпуса, онъ былъ 23 октября произведенъ въ полковники. Въ 1850-мъ же году великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи совершили первое образовательное путешествіе по Россіи подъ руководствомъ генерала А. И. Философова и согласно инструкціи и словеснымъ указаніямъ Императора Николая I, придававшаго серьезное значеніе путешествію великихъ князей, и старавшагося направить ихъ вниманіе на предметы, существенно важные для познанія Россіи. Въ городахъ, гдѣ великіе князья будутъ останавливаться, Государь приказалъ осматривать училища, госпитали, губернскія присутственныя мѣста, тюрьмы и заведенія приказа общественнаго призрѣнія и уклоняться отъ присутствія при разводахъ и ученіяхъ войскъ, на которые разрѣшилъ смотрѣть лишь въ качествѣ простыхъ зрителей. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда великимъ князьямъ пришлось бы быть при войскахъ офиціально, они должны были занимать мѣсто, эполетами ихъ обозначенное, соблюдая строгое чинопочитаніе. Путешествіе было совершено по маршруту: Петергофъ, Царское Село, Ямъ-Ижоры, Шлиссельбургъ, Ладога, Тихвинъ, Рыбинскъ, Угличъ, Ярославль,

Кострома, Юрьевецъ-Подольскій, Нижній-Новгородъ, Вязники, Владиміръ, Москва, и Петербургъ и закончилось въ три недѣли: выѣхавъ изъ Петербурга въ полночь 1-го августа, великіе князья возвратились 21 августа, въ 1 часъ ночи. Принявъ участіе въ юбилейныхъ торжествахъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, великіе князья 31-го августа отправились во второе образовательное путешествіе—на югъ Россіи. Чрезъ Москву, Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ они прибыли въ Чугуевъ, гдѣ встрѣтились съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, съ которымъ продолжали дальнѣйшій путь на Полтаву, Кіевъ и Бѣлую Церковь, присутствуя на всѣхъ производившихся у этихъ городовъ Высочайшихъ смотрахъ, ученіяхъ и маневрахъ. 5-го октября 1850 года въ Варшавѣ великіе князья принимали участіе въ чествованіи свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго по случаю его 50-тилѣтняго юбилея: съ саблями наголо они находились по сторонамъ сына юбиляра, несшаго брилліантовый фельдмаршальскій жезлъ, который императоръ Николай Павловичъ въ присутствіи войска вручилъ И. Ѳ. Паскевичу. 1851 годъ былъ послѣднимъ, въ которомъ великій князь Николай Николаевичъ провелъ лѣто въ кадетскомъ лагерѣ I кадетскаго корпуса въ качествѣ его баталіоннаго командира. Въ этомъ же году по случаю свиданія съ прусскимъ королемъ въ Варшавѣ великій князь былъ 20 мая назначенъ шефомъ прусскаго кирасирскаго № 5 полка. Изъ Варшавы великіе князья съ Государемъ проѣхали въ Ольмюцъ, гдѣ состоялось свиданіе съ Австрійскимъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, а затѣмъ одни отправились въ Потсдамъ и Берлинъ, гдѣ провели нѣсколько дней въ гостяхъ у прусскаго короля. 22 августа 1851 г. великій князь присутствовалъ въ Москвѣ на празднованіи 25-ти-лѣтія коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, затѣмъ сопутствовалъ Государю въ поѣздкѣ Его въ Луцкъ, Кіевъ и Елисаветградъ, а 18-го сентября отправился въ третье и послѣднее образовательное путешествіе—по Новороссійскому краю,—во время котораго посѣтилъ Николаевъ, Одессу, Севастополь и объѣхалъ значительную часть Крыма. 4-го сентября 1851 г. великій князь былъ зачисленъ въ списки л.-гв. Конно-Піонернаго эскадрона, мундиръ котораго носилъ съ 1840 года.

26-го ноября 1851 года, въ день кавалерскаго праздника ордена св. Георгія Побѣдоносца, состоялось торжественное принесеніе присяги великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ по случаю исполнившагося 27-го іюля этого года совершеннолѣтія его. Объ этомъ знаменательномъ въ жизни великаго князя событіи было объявлено особымъ Высочайшимъ манифестомъ отъ 26 ноября, заканчивавшимся слѣдующими словами: «Да будетъ Онъ, какъ былъ доселѣ, утѣшеніемъ нашимъ и всего Императорскаго Дома Нашего, да будетъ твердою, надежною опорою Престола, честію и славою любезнаго Отечества Нашего...» На слѣдующій послѣ принесенія присяги день великій князь былъ прикомандированъ къ л.-гв. Конному полку для командованія дивизіономъ. Практическое изученіе кавалерійской службы происходило подъ руководствомъ выдающагося кавалериста, бывшаго командира л.-гв. Кавалергардскаго полка ген.-ад. Р. Е. Гринвальда. Наряду съ занятіями строемъ продолжались и научныя занятія великаго князя; онъ изучалъ законовѣдѣніе и другія юридическія науки подъ руководствомъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа, въ своихъ «Запискахъ» оставившаго любопытныя свѣдѣнія о томъ вниманіи и любознательности, съ которыми великій князь относился къ занятіямъ.

Въ 1852 году великій князь съ братомъ своимъ Михаиломъ совершилъ 4-хъ-мѣсячное заграничное путешествіе, преслѣдовавшее образовательныя цѣли, согласно выработанному А. И. Философовымъ «Плану ученія». Получивъ паспорты на имя флигель-адъютантовъ Романова 9-го и Романова 10-го, великіе князья 17-го февраля отбыли изъ Петербурга въ Варшаву, а затѣмъ чрезъ Дрезденъ и Прагу прибыли въ Вѣну, гдѣ были радушно приняты императоромъ Францемъ-Іосифомъ, назначившимъ вел. князя Николая Николаевича шефомъ Австрійскаго № 2 полка. Отправившись далѣе чрезъ Зальцбургъ, Мюнхенъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Штутгардтъ, Южный Тироль, Верону, Венецію и Болонью въ Римъ, великіе князья посѣтили папу Пія IX и почти цѣлую недѣлю въ величайшимъ интересомъ знакомились съ научными и художественными собраніями вѣчнаго города и присутствовали при произво-

дившихся въ то время археологическихъ раскопкахъ. Затѣмъ чрезъ Неаполь, Ливорно, Флоренцію, Болонью, Модену, Реджіо, герцогство Пармское и Миланъ великіе князья направились въ Нидерланды, при чемъ въ Шлангенбадѣ встрѣтились съ императрицею Александрой Ѳеодоровной и великою княгинею Ольгою Николаевною, съ которыми провели около недѣли, посѣтивъ въ то же время нѣсколькихъ сосѣднихъ герцоговъ. Въ Сестдейнѣ близъ Амстердама великіе князья посѣтили вдовствующую королеву Анну Павловну, а затѣмъ, черезъ Кельнъ, Ганноверъ и Веймаръ возвратились въ Петербургъ. Проведши десять дней на дачѣ Александрія, великіе князья снова отправились за границу сопровождать Государя Императора въ его путешествіи въ Берлинъ для встрѣчи съ Императрицею, и 5 іюля возвратились въ Петергофъ. Остальную часть лѣта великіе князья провели въ лагерѣ, а по окончаніи лагерныхъ сборовъ отправились съ Государемъ на югъ, гдѣ присутствовали на Высочайшихъ смотрахъ войскамъ въ Гомелѣ, Чугуевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Елисаветградѣ, Вознесенскѣ, Николаевѣ и Севастополѣ и въ началѣ октября черезъ Кіевъ прибыли въ Царское Село. Во время этой поѣздки, 20-го сентября, великій князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ шефомъ Астраханскаго кирасирскаго полка съ наименованіемъ этого полка Его именемъ. Въ октябрѣ 1852 года закончилась роль А. И. Философова въ качествѣ воспитателя великихъ князей, и онъ былъ назначенъ попечителемъ при великихъ князьяхъ, съ которыми оставался неразлучнымъ до самой смерти.

26 ноября 1852 великій князь былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части и командиромъ 1-й бригады 1-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, а 28 ноября Высочайше повелѣно было подчинить великому князю и л.-гв. Конно-Піонерный дивизіонъ по строевой части. Въ томъ же году, 1-го декабря, великій князь былъ введенъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта въ засѣданіе Общаго Собранія, при чемъ Предсѣдатель объявилъ, что Государю угодно было повелѣть, чтобы великій князь присутствовалъ на засѣданіяхъ Совѣта, не принимая участія въ рѣшеніи дѣлъ.

Въ 1853 году великій князь сопровождалъ Государя въ Ольмюцъ, а въ сентябрѣ того же года онъ посѣтилъ Варшаву, Ивангородъ и Кіевъ для инспектированія ихъ крѣпостей и саперныхъ баталіоновъ, а также для открытія Кіевскаго цѣпного моста. Въ октябрѣ этого года начались военныя дѣйствія противъ Турціи, а въ началѣ слѣдующаго—противъ Англіи и Франціи. Великій князь Николай Николаевичъ принималъ дѣятельное участіе въ защитѣ Петербурга и укрѣпленіи Балтійскаго побережья. Въ февралѣ 1854 г. онъ вмѣстѣ съ Государемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ отбылъ въ Финляндію, гдѣ осматривалъ Свеаборгскія укрѣпленія, затѣмъ осматривалъ Кронштадтъ, Ревель и наблюдалъ за возведеніемъ въ устьяхъ Невы новыхъ укрѣпленій, имѣвшихъ цѣлью предотвратить возможную высадку союзнаго флота. Съ 9-го марта 1854 года великій князь находился почти безотлучно при войскахъ, охранявшихъ С.-Петербургскую губернію, но въ концѣ года чрезвычайныя обстоятельства потребовали его присутствія на югѣ, въ дѣйствующей арміи, и 27-го сентября 1854 года онъ былъ командированъ въ распоряженіе командующаго 3, 4 и 5 пѣхотными корпусами князя М. Д. Горчакова, а 23 октября этого года прибылъ въ Севастополь.—Отправляя младшихъ сыновей своихъ въ дѣйствующую армію, Государь имѣлъ въ виду поднять духъ ея, угнетенный рядомъ неудачъ, и вдохнуть въ нее новыя силы для продолженія борьбы. «Ежели опасность есть», писалъ императоръ Николай Павловичъ Горчакову, «то не моимъ дѣтямъ удаляться отъ нея, а собою подавать примѣръ». Дѣйствительно, поѣздка великихъ князей въ полную опасностей крѣпость вызвала взрывъ патріотическаго восторга какъ среди защитниковъ Севастополя, такъ и во всей остальной Россіи; отовсюду стали посылаться добровольцы и пожертвованія на театръ войны. Увѣдомляя Горчакова о томъ, что великіе князья прибудутъ въ дѣйствующую армію въ началѣ октября, Государь писалъ главнокомандующему южною арміей: «Будь имъ руководитель и сдѣлай изъ нихъ добрыхъ, вѣрныхъ служивыхъ, а за усердіе ихъ отвѣчаю. Не балуй ихъ и говори имъ правду». 6-го октября великіе князья прибыли въ Кишиневъ,

въ штабъ главнокомандующаго, а вскорѣ послѣ того онъ получилъ собственноручное письмо Государя, въ которомъ Его Величество высказывался за немедленное отправленіе сыновей въ Севастополь. «Полагаю, что долгъ чести требуетъ, чтобы ты моихъ рекрутъ немедленно отправилъ въ Крымъ, къ Меншикову, съ тѣмъ, чтобы они тамъ оставались при немъ до миновапія опасности или до изгнанія непріятеля». Одновременно съ этимъ Государь писалъ главнокомандующему Крымскою арміей князю А. С. Меншикову: «Сыновьямъ Моимъ, Николаю и Михаилу, дозволилъ Я ѣхать къ тебѣ; пусть присутствіе ихъ при тебѣ докажетъ войскамъ степень моей довѣренности; пусть дѣти учатся дѣлить опасности ваши и примѣромъ своимъ служатъ одобреніемъ храбрымъ нашимъ сухопутнымъ и морскимъ молодцамъ, которымъ я ихъ ввѣряю».

Прибывъ въ армію 23 октября, великій князь Николай Николаевичъ на слѣдующій же день принималъ участіе въ сраженіи на Инкерманскихъ высотахъ, за отличіе въ которомъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. По словамъ А. И. Философова, великіе князья, несмотря на предосторожности, принятыя имъ и княземъ Меншиковымъ, попали въ этомъ сраженіи подъ огонь артиллеріи, а одна изъ пуль, выпущенныхъ изъ штуцерника, ударилась въ землю близъ великаго князя и засыпала его землею. Въ приказѣ войскамъ отъ 29-го октября князь Меншиковъ отмѣтилъ, что подъ непріятельскимъ огнемъ великіе князья показали себя истинно русскими молодцами, а въ донесеніи своемъ Государю свидѣтельствовалъ, что «Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ явили себя на полѣ битвы, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, не только вполнѣ достойными высокаго своего званія, встрѣчая хладнокровно опасности, но и примѣромъ настоящей воинской доблести».—Великимъ князьямъ приходилось послѣ того еще не разъ принимать участіе въ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ: между прочимъ, въ перестрѣлкѣ Сѣверной стороны города во время вылазки пароходовъ «Владиміръ», «Херсонесъ» и «Крымъ» 24 ноября.—Благодаря стараніямъ великихъ князей начальникомъ Севастопольскаго гарнизона былъ назначенъ баронъ Остенъ-Сакенъ, умѣвшій такъ хорошо поддерживать духъ войскъ, а помощникомъ къ нему адмиралъ Нахимовъ. Большое вниманіе обратили великіе князья также на улучшеніе состоянія госпиталей, которые они посѣщали ежедневно, ободряя и утѣшая раненыхъ.—Болѣзнь Императрицы вызвала великихъ князей изъ Севастополя въ Гатчину, но какъ только выяснилось, что болѣзнь приняла благопріятный оборотъ, они немедленно отправились обратно и 15-го января 1855 года прибыли въ Севастополь, въ которомъ кипѣла работа по оборонѣ крѣпости. По распоряженію главнокомандующаго. великій князь Николай Николаевичъ былъ 20 января назначенъ завѣдывающимъ всѣми инженерными работами, укрѣпленіями и батареями на сѣверной сторонѣ Севастополя, на пространствѣ отъ Константиновской батареи до Микензовой горы включительно. Отзываясь о дѣятельности великаго князя по укрѣпленію Севастополя, Э. И. Тотлебенъ отмѣчалъ его знаніе дѣла, его практическій умъ и неутомимое рвеніе, соединенные при этомъ съ необыкновенною скромностью. — Всѣмъ сердцемъ отдаваясь тяжелой участи Севастополя, великіе князья проявили особенно много энергіи послѣ того, какъ князь Меншиковъ заболѣлъ и послалъ Государю прошеніе объ освобожденіи его отъ обязанностей главнокомандующаго: Николай Николаевичъ по собственной иниціативѣ написалъ Государю о необходимости замѣнить князя Меншикова княземъ Горчаковымъ, что и было исполнено 15 февраля 1855 г.. 21 февраля было получено извѣстіе о томъ, что скончался императоръ Николай Павловичъ, и великіе князья поспѣшили въ Петербургъ, куда прибыли 28 февраля и гдѣ присутствовали при погребеніи Августѣйшаго Отца.

Великому князю Николаю Николаевичу не пришлось возвратиться въ Севастополь, такъ какъ со вступленіемъ на престолъ императора Александра II на него были возложены новыя отвѣтственныя обязанности: 27-го марта 1855 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а затѣмъ въ виду продолженія войны, послѣ ряда серьезныхъ подготовительныхъ работъ, командированъ 1-го іюня по Высочайшему повелѣнію, въ Финляндію для укрѣпленія подступовъ къ крѣпости Вы-

боргу, со стороны Транзунда, а также для осмотра и повѣрки береговыхъ батарей и укрѣпленій, возведенныхъ въ крѣпостяхъ Кюмель-городѣ, Фридрихсгамѣ, Свеаборгѣ и городахъ Або, Тавастгусѣ и Таммерфорсѣ. Въ этой командировкѣ великій князь пробылъ болѣе двухъ недѣль и своими указаніями, энергіею и нравственною поддержкою существенно способствовалъ успѣху производившихся работъ, за что былъ 16-го іюня удостоенъ особаго Монаршаго благоволенія. Находясь при войскахъ, охранявшихъ прибережье Петербургской губерніи, въ составѣ промежуточнаго къ Нарвѣ отряда, великій князь 3-го іюля былъ вторично командированъ для выбора и укрѣпленія позиціи у деревни Бронной на случай высадки въ этомъ мѣстѣ непріятеля. За успѣшное укрѣпленіе этой позиціи великому князю была объявлена искренняя признательность Государя, давшаго вскорѣ затѣмъ великому князю новое порученіе — возстановить шхерныя батареи близъ Выборга, поврежденныя непріятельскимъ флотомъ у Транзунда 1-го іюля 1855 года.

Въ теченіе весны и лѣта этого года великій князь былъ назначенъ шефомъ 6-го сапернаго баталіона (17-го апрѣля), 2 баталіона стрѣлковаго полка Императорской фамиліи и 22-го іюня 1855 года л.-гв. Конно-піонернаго эскадрона, впослѣдствіи упраздненнаго.

Осенью 1855 года великій князь былъ командированъ на югъ для приведенія въ оборонительное положеніе города Николаева и 1-го сентября вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ отбылъ туда черезъ Москву, Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ. Будучи назначенъ завѣдывающимъ инженерною частью работъ, великій князь проявилъ много энергіи, работая съ самаго ранняго утра и производя постоянные смотры земляныхъ работъ для укрѣпленія подступовъ къ Николаеву. Изъ Николаева великій князь отбылъ 26 октября въ Крымъ, гдѣ ему было поручено Государемъ инспектированіе передовыхъ войскъ и отрядовъ. Возвратившись затѣмъ въ Николаевъ, великій князь закончилъ свои занятія и 6 ноября отправился въ Царское Село, но уже 15-го ноября былъ командированъ для общаго руководительства всѣми работами по усиленію Кронштадтскаго рейда, укрѣпленію сѣвернаго фарватера и загражденію подступовъ къ рейду со стороны южнаго и сѣвернаго фарватеровъ. Въ этой командировкѣ великій князь находился до самаго заключенія мира, послѣдовавшаго 9 марта 1856 г.

Усовершенствовавшись въ теченіе севастопольской кампаніи въ инженерномъ дѣлѣ, великій князь Николай Николаевичъ еще болѣе полюбилъ его и 25-го января 1856 года вступилъ въ исполненіе прямыхъ своихъ обязанностей по званію генералъ-инспектора по инженерной части. 25-го января онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству съ оставленіемъ командиромъ 1-ой бригады 1-ой гвардейской легкой кавалерійской дивизіи и шефомъ Александрійскаго Гусарскаго полка, которому повелѣно было именоваться Гусарскимъ имени Его Высочества полкомъ. Кромѣ того, 3-й ротѣ л.-гв. Сапернаго баталіона повелѣно было именоваться ротой Его Высочества.—Отличіями этими императоръ Александръ II отмѣтилъ день бракосочетанія великаго князя Николая Николаевича съ принцессою Ольденбургскою Александрою Петровною. Вскорѣ послѣ того (19-го марта) былъ заключенъ Парижскій миръ, и великій князь получилъ возможность нѣсколько отдохнуть отъ тревогъ военнаго времени. 26-го августа 1856 года, по случаю коронованія Императора Александра II, великій князь былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ почетнымъ президентомъ Николаевской Инженерной академіи и начальникомъ 1-ой легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, въ слѣдующемъ году переименованной во 2-ю гвардейскую кавалерійскую дивизію. 4-го сентября того же года онъ принималъ участіе въ состязаніи офицеровъ въ стрѣльбѣ въ цѣль на 400 шаговъ и получилъ призъ 2-го разряда за отличную стрѣльбу (стрѣлковое ружье 6-ти-линейнаго калибра съ вензелемъ Его Величества и особою надписью). 1-го октября состоялся приказъ о зачисленіи великаго князя Николая Николаевича въ списки л.-гв. стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона съ назначеніемъ его шефомъ 3-й роты этого баталіона. Въ тотъ же день онъ былъ назначенъ членомъ Высочайше учрежденной Комиссіи для улучшеній по военной части. 6-го ноября у великаго князя родился сынъ Николай, а 27-го ноября послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ,

чтобы великій князь отецъ именовался Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ.

Въ 1857 году начались работы великаго князя въ области реформированія нашей кавалеріи: будучи назначенъ въ этомъ году членомъ Комитета о способѣ ремонтированія ея, великій князь очень заинтересовался кавалерійскимъ дѣломъ и на этомъ спеціальномъ поприщѣ нѣсколько лѣтъ работалъ подъ руководствомъ многоопытнаго генералъ-адъютанта Р. Е. Гринвальда, съ которымъ, однако, вскорѣ сталъ расходиться во мнѣніяхъ.

26 августа 1858 года великій князь былъ назначенъ шефомъ 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона, а 12-го апрѣля слѣдующаго года ему было поручено командованіе гвардейскимъ кавалерійскимъ корпусомъ, командиромъ котораго онъ былъ утвержденъ 22 іюля 1860 года. 30 августа того же года великій князь былъ произведенъ въ инженеръ-генералы съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ должностяхъ и званіяхъ. Въ этомъ же году и въ слѣдующемъ великій князь былъ дважды командированъ за границу: въ первый разъ—въ Берлинъ для присутствованія при погребеніи тѣла короля Фридриха Вильгельма IV, а во второй разъ—въ Кенигсбергъ и Берлинъ на коронованіе короля Вильгельма I.

Въ 1861 году, съ апрѣля по іюль, великому князю было Высочайше повелѣно командовать отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ, и съ того же года онъ сталъ принимать дѣйствительное участіе въ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ и Государственнаго Совѣта. 30 августа 1862 г. великій князь былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса съ зачисленіемъ въ л.-гв. Конный полкъ и въ октябрѣ того же года на открытіи памятника тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ командовалъ отрядомъ гвардейскихъ войскъ, присутствовавшихъ на этомъ торжествѣ, а въ декабрѣ былъ назначенъ предсѣдателемъ спеціальнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Въ 1863-мъ году, въ день Новаго года, великій князь удостоился награжденія орденомъ св. Владиміра 1-й степени и 23-го января былъ зачисленъ въ списки кондукторской роты Николаевскаго инженернаго училища. 1864 годъ внесъ много перемѣнъ въ жизнь и дѣятельность великаго князя: въ этомъ году были учреждены военные округа, и по упраздненіи званія командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса великій князь былъ назначенъ 10 августа командующимъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, 15-го августа генералъ-инспекторомъ кавалеріи съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ должностяхъ, а 18-го августа—членомъ Комитета о раненыхъ,

Получивъ отъ Государя и военнаго министра, генералъ-адъютанта Д. А. Милютина, полную самостоятельность въ дѣлѣ управленія войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, великій князь сталъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ проводить въ жизнь тѣ начала, въ выработкѣ которыхъ принималъ личное участіе въ Комитетѣ по устройству и образованію войскъ и въ необходимости которыхъ убѣдилъ его личный опытъ во время Севастопольской кампаніи. Вмѣсто прежнихъ линейныхъ ученій съ шаблонными упражненіями по уставу, начались болѣе частыя маневрированія малыхъ и большихъ отрядовъ разныхъ родовъ оружія, ученія съ боевыми патронами, появился обозначенный противникъ. Требованія въ духѣ хорошей боевой подготовки стали предъявляться не только къ кавалеріи, во главѣ которой стоялъ великій князь, но благодаря его вліянію они коснулись и пѣхоты и артиллеріи, въ особенности относительно производства стрѣльбы.

Внимательно вникая во всѣ подробности службы офицера и солдата, которую самъ зналъ прекрасно, великій князь предъявлялъ всегда самыя строгія служебныя требованія къ своимъ подчиненнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придерживался взгляда, что всякое занятіе приноситъ пользу только тогда, если ведется оживленно и не утомляетъ людей, и потому избѣгалъ слишкомъ продолжительныхъ ученій и никогда не дѣлалъ смотровъ въ дурную погоду. Маневры составляли исключеніе. Въ то же время великій князь обращалъ самое серьезное вниманіе на хозяйственную часть войскъ, строго преслѣдуя всякія злоупотребленія. Онъ лично производилъ инспекторскіе смотры, происходившіе обыкновенно въ Михайловскомъ манежѣ и продолжавшіеся очень долго, хотя и не утомлявшіе офицеровъ и солдатъ благодаря умѣнію великаго князя и въ это скучное дѣло вносить веселое настроеніе. Особенно энергично работалъ великій князь

лѣтомъ, въ Красносельскомъ лагерѣ, гдѣ онъ ежедневно, съ ранняго утра, проявлялъ неутомимую дѣятельность, объѣзжая части и присутствуя лично при ученіяхъ, стрѣльбѣ и т. п.

30 августа 1867 года великій князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа и въ этой должности пробылъ до конца 1876 года, все время проявляя неусыпную дѣятельность и особенную заботливость о благосостояніи и образованіи войскъ и безъ замедленія примѣняя во всѣхъ родахъ оружія практическія указанія происходившихъ въ этотъ періодъ времени европейскихъ войнъ. Особенно много потрудился великій князь также надъ составленіемъ новаго устава, который, по словамъ Высочайшаго рескрипта, даннаго великому князю въ 1868 году, только при особой неутомимой дѣятельности великаго князя могъ быть составленъ въ такое непродолжительное время. Близкое участіе принималъ великій князь также въ разрѣшеніи вопроса о перевооруженіи арміи и о введеніи всеобщей воинской повинности.

Придерживаясь взгляда, что «лѣтніе сборы должны имѣть цѣлью примѣненіе къ дѣйствительной боевой службѣ всѣхъ зимнихъ и весеннихъ занятій», великій князь тщательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы занятія эти производились какъ можно лучше и, пріѣзжая въ Михайловскій манежъ въ часы, назначенные частямъ пѣхоты и артиллеріи для строевыхъ ученій и гимнастики, оставался только наблюдателемъ, требуя, чтобы части занимались назначеннымъ имъ по приказу дѣломъ, и начальники вели занятія по своему личному усмотрѣнію. Благодаря такому способу провѣрки, великій князь не только видѣлъ черновую работу войскъ, но и близко узнавалъ непосредственныхъ исполнителей этой работы, ихъ способности и служебныя качества. Великій князь нерѣдко вызывалъ цѣлыя части и даже бригады по тревогѣ, производилъ имъ ученія и заканчивалъ ихъ разборомъ. Внезапно вызывались войска, расположенныя не только въ Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, но и въ другихъ городахъ округа, при чемъ нѣкоторымъ частямъ приходилось иногда зимою дѣлать по занесеннымъ снѣгомъ дорогамъ по нѣскольку десятковъ верстъ, чѣмъ провѣрялась боевая готовность и выносливость войскъ. Настойчиво напоминалъ великій князь о необходимости привлеченія младшихъ офицеровъ къ дѣятельному участію въ занятіяхъ съ нижними чинами, подчеркивалъ необходимость развитія одиночныхъ людей въ занятіяхъ полевою службою и въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ предписывалъ обращать вниманіе на занятія грамотою, на чтеніе книгъ нижними чинами и т. п.

Кромѣ занятій по должности главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, великій князь удѣлялъ много времени и инспектированію инженерныхъ войскъ, для чего совершалъ поѣздки по Имперіи, продолжавшіяся по 2 мѣсяца и болѣе. Однако, не инженерныя войска, по управленію которыми великій князь имѣлъ талантливаго помощника въ лицѣ генералъ-адъютанта Тотлебена, отнимали у него больше всего времени: предметомъ особенныхъ заботъ его была кавалерія, къ которой въ то время стали предъявляться новыя боевыя требованія; инспектируя кавалерійскія части, великій князь удѣлялъ значительное вниманіе кадрамъ кавалерійскаго запаса, а также конскимъ заводамъ. Онъ входилъ во всѣ детали любимаго имъ кавалерійскаго дѣла и руководилъ имъ въ полной мѣрѣ.

Въ 1872 году великій князь совершилъ большое путешествіе по Востоку и Святой землѣ, при чемъ посѣтилъ Константинополь и Іерусалимъ. Во время этого путешествія ему удалось видѣть турецкія войска, представившіяся, по повелѣнію султана Абдулъ-Азиса, подъ командою его сына Юсуфъ-Иззединъ-эффенди, и, благодаря своему правильному военному взгляду, великій князь сумѣлъ даже по мимолетнымъ встрѣчамъ съ турками оцѣнить ихъ силы и военныя качества.

20 апрѣля 1875 г. великій князь былъ зачисленъ въ л.-гв. Казачій Его Величества полкъ, а 11-го іюля того же года въ сословіе Донского Казачьяго войска во вновь образовавшуюся тогда станицу на урочищѣ Карачеплакъ, наименованную въ честь Его Высочества «Великокняжескою». Въ томъ же году (27-го апрѣля) великій князь былъ командированъ для осмотра резервныхъ артиллерійскихъ бригадъ и государственныхъ конскихъ заводовъ.

Въ августѣ 1876 года великій князь былъ командированъ въ Варшаву, въ окрестностяхъ которой должны были происхо-

дить маневры въ Высочайшемъ присутствіи. Здѣсь онъ заболѣлъ и съ трудомъ руководилъ маневрами, по окончаніи которыхъ не былъ въ состояніи даже выѣхать въ Германію, куда приглашалъ его императоръ Вильгельмъ для присутствованія на маневрахъ подъ Берлиномъ, и къ 4 октября возвратился въ Петербургъ. Въ это время отношенія Турціи и Россіи, вступившейся за угнетаемыя Турціей славянскія народности, крайне обострились. Хотя война Турціи противъ Сербіи и Черногоріи временно прекратилась, и разрѣшеніе спора ихъ между собою было передано конференціи державъ, однако, Императоръ Александръ II, желая добиться прочной защиты славянъ, рѣшилъ мобилизовать войска Кіевскаго, Одесскаго и Харьковскаго военныхъ округовъ и сформировать дѣйствующую армію. Послѣдняя должна была собраться въ Бессарабіи; главное начальство надъ ней было поручено Государемъ великому князю Николаю Николаевичу. Приказъ объ этомъ былъ изданъ 1 ноября 1876 г., а 6 ноября великій князь былъ зачисленъ въ списки л.-гв. Гусарскаго Его Величества и л.-гв. Литовскаго полковъ.

Окончательною цѣлью кампаніи, которую приходилось вести великому князю, Государь назначилъ «Константинополь». Цѣль эта какъ нельзя болѣе пришлась по сердцу великому князю, но онъ зналъ, что для удачнаго достиженія ея нужно весьма многое, чего у насъ не было: военное министерство и армія не были вполнѣ готовы къ войнѣ; денежныя средства Россіи были не въ блестящемъ состояніи; кромѣ турокъ, враговъ явныхъ, приходилось считаться съ врагами тайными—англичанами и австрійцами; наконецъ, на Черномъ морѣ у насъ не было флота. 19 ноября 1876 г. великій князь отбылъ изъ Петербурга, и черезъ Москву, Кіевъ и Одессу прибылъ 23 ноября въ Кишиневъ, гдѣ съ перваго же дня началъ усиленную работу по сосредоточенію арміи въ предѣлахъ Бессарабіи и по разрѣшенію разныхъ существенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ предстоявшей ей боевою дѣятельностью. Осматривая лично проходившія черезъ Кишиневъ воинскія части, великій князь входилъ въ подробности ихъ боевой подготовки и матеріальнаго обезпеченія, бесѣдовалъ съ офицерами и солдатами, узнавая ихъ нужды, и ходатайствовалъ предъ Государемъ объ увеличеніи порціонныхъ денегъ и отпуска на довольствіе солдатъ и фуража. Эта энергичная дѣятельность великаго князя была прервана въ началѣ декабря серіозною болѣзнью, которая, несмотря на усиленное лѣченіе, не прекращалась до конца января и прошла только послѣ переѣзда великаго князя въ Одессу.

19 марта 1877 года въ Лондонѣ былъ подписанъ представителями всѣхъ державъ протоколъ о томъ, чтобы Турція заключила миръ съ Черногоріей, на что 28 марта Турція отвѣтила отказомъ, и въ результатѣ переговоровъ послѣдовало 12 апрѣля объявленіе войны. На сторонѣ Россіи были Черногорія, Сербія, Румынія, но всѣ онѣ по боевымъ качествамъ и численности своихъ армій уступали Турціи, доведшей численность своихъ вооруженныхъ силъ до 450 тыс. регулярныхъ и 100 тыс. иррегулярныхъ войскъ. По своимъ боевымъ качествамъ турецкіе солдаты были прекрасны, и, кромѣ того, значительная ихъ часть уже принимала участіе въ бояхъ съ сербами и черногорцами. Почти вся турецкая пѣхота и кавалерія была вооружена ружьями новаго образца Пибоди-Мартини, артиллерія также была перевооружена, усилены и частью возведены новыя укрѣпленія, и, наконецъ, на Черномъ морѣ и на Дунаѣ у турокъ былъ довольно значительный флотъ. Численность нашей арміи на Балканскомъ полуостровѣ не превышала 196 тысячъ, изъ которыхъ 60 тыс. охраняли Черноморское побережье; большая часть этихъ войскъ была вооружена ружьями старой системы; орудія были слабѣе турецкихъ дальнобойныхъ, и обозъ нашъ былъ слишкомъ тяжелъ и непригоденъ для дѣйствій въ гористой мѣстности. Великій князь былъ крайне озабоченъ несоотвѣтствіемъ имѣвшихся въ его распоряженіи силъ поставленной ему задачѣ, но рѣшился сдѣлать все возможное для ея осуществленія. Между прочимъ, онъ обратился съ воззваніемъ къ жителямъ Румыніи, въ которомъ высказывалъ надежду, что русская армія встрѣтитъ среди нихъ гостепріимство и радушіе, а также содѣйствіе въ оказаніи помощи угнетеннымъ христіанамъ Балканскаго полуострова.

17-го апрѣля великій князь былъ назначенъ шефомъ 53 пѣхотнаго Волынскаго полка, а 23 апрѣля уѣхалъ изъ Кишинева въ Браиловъ и Галацъ, гдѣ осматривалъ возводившіяся на берегу Дуная укрѣпле-

нія, подъ прикрытіемъ которыхъ должна была совершиться переправа. Здѣсь впервые великій князь находился подъ орудійнымъ огнемъ турецкихъ кораблей. 2 мая въ румынскомъ городѣ Плоешти состоялось свиданіе великаго князя съ княземъ румынскимъ Карломъ, незадолго до того объявившимъ о независимости Румыніи отъ Турціи. Ихъ личное свиданіе выяснило много серьезныхъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ рѣшенія румынъ дѣйствовать заодно съ нами противъ турокъ.

Наступало время рѣшительныхъ дѣйствій русской арміи, а между тѣмъ переправа черезъ Дунай замедлилась какъ вслѣдствіе высокой воды, такъ и потому, что изъ Россіи не прибыли своевременно понтоны, которые предстояло еще собрать и сосредоточить заблаговременно вблизи предполагавшагося мѣста переправы. Великій князь крайне волновался, сознавая всю тяжесть лежавшей на немъ отвѣтственности и въ то же время чувствуя необходимость имѣть первый успѣхъ на Дунаѣ. 8 и 9 іюня онъ лично произвелъ тайную развѣдку береговъ Дуная и выбралъ мѣсто для переправы нашихъ главныхъ силъ у Систова, при чемъ отдалъ такія распоряженія, которыя убѣдили всѣхъ, что переправа произойдетъ у Фламундy. 12 іюня великій князь со своимъ штабомъ расположился въ деревнѣ Драчѣ, между городомъ Турнъ-Магурелли и деревней Фламундой, противъ лежащей на турецкомъ берегу крѣпости Никополя, откуда турки 13 іюня начали артиллерійскую перестрѣлку, которая продолжалась и 14 числа. Наконецъ, въ ночь на 15 іюня изъ устья рѣки Ольты, мимо Никополя, къ мѣсту переправы было спущено 100 деревянныхъ понтоновъ и немедленно начались работы по устройству моста ниже Систова, а рано утромъ началась переправа корпуса генерала Радецкаго во главѣ съ 14-ю дивизіей генерала Драгомирова, и около часу наши войска уже утвердились на правомъ берегу Дуная. Въ $6^1/_2$ часовъ вечера начальникъ штаба дѣйствующей арміи, слѣдовавшій за переправой у Зимницы, донесъ великому князю, что Систово и окружающія высоты въ нашихъ рукахъ. За это дѣло великій князь былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й ст., о чемъ объявилъ ему лично императоръ Александръ II, провозгласившій «ура» главнокомандующему и войскамъ. На слѣдующее утро великій князь пріѣхалъ въ Систово и прежде всего навѣстилъ раненыхъ, которыхъ обласкалъ и утѣшилъ. 17 іюня великій князь отдалъ приказъ по арміи, которымъ воздавалъ должное войскамъ за совершонную переправу. «Не моимъ заслугамъ», говорилось въ приказѣ, «а Вашему самоотверженію и мужеству приписываю я награду—орденъ св. Георгія 2 степени, которымъ Государь Императоръ удостоилъ меня пожаловать. Не я, а вы заслужили эту награду. Сердечное спасибо мое всѣмъ, отъ старшаго начальника до рядового». Государь остался совершенно доволенъ всѣми дѣйствіями главнокомандующаго, которому сказалъ: «Я особенно радъ за Тебя этому успѣху. Ты теперь доказалъ, что не только умѣешь вести войска въ мирное время,—а это всѣми признано,—но и въ настоящемъ дѣлѣ. Ты доказалъ умѣніе и оправдалъ довѣріе къ Тебѣ». Но осчастливленный первымъ успѣхомъ, великій князь не переоцѣнивалъ его значенія, а энергично принялся за продолженіе дѣла. По составленному имъ и одобренному Государемъ плану были сформированы особые отряды, которые получили самостоятельныя и отвѣтственныя задачи: передовой—генерала Гурко для занятія Тырнова и проходовъ черезъ Балканы; второй—генерала барона Криденера для взятія Плевны и образованія праваго заслона къ Никополю и Виддину, а также занятія ихъ, и третій—подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича и великаго князя Александра Александровича — имѣвшій цѣлью обложеніе крѣпости Рущука, взятіе его и образованіе заслона слѣва. Главныя силы подъ личнымъ начальствомъ великаго князя главнокомандующаго должны были вести наступленіе на Тырновъ.—Понимая, что бывшихъ въ его распоряженіи войскъ совершенно недостаточно для достиженія поставленной Государемъ цѣли, великій князь нѣсколько разъ просилъ Государя объ увеличеніи состава дѣйствующей арміи. Онъ былъ далекъ отъ мнѣнія многихъ окружавшихъ Государя лицъ, которыя, недостаточно оцѣнивая положеніе, а также достоинства турецкой арміи, считали возможнымъ закончить весь походъ до Константинополя въ 25 дней. Съ другой стороны, онъ учитывалъ и то, какое впечатлѣніе могла произвести не только на армію и на Россію, но и на Европу необходимость хотя бы временнаго отступленія

даже частью арміи, разъ при ней находится Государь, а при незначительности численнаго состава арміи нельзя было предвидѣть всѣхъ случайностей...

25 іюня великій князь со штабомъ окончательно перешелъ на турецкій берегъ Дуная и сталъ бивакомъ возлѣ Систова, у деревни Царевище. Стараясь быть ближе къ войскамъ, онъ помѣстился въ палаткѣ (между прочимъ, той самой, въ которой жилъ во время Севастопольской войны).

26 іюня было получено извѣщеніе о взятіи кавалеріей генерала Гурко Тырнова, доставившее великому князю двойное удовлетвореніе: и какъ главнокомандующему и какъ генералъ-инспектору кавалеріи. Захватъ Тырнова далъ великому князю возможность измѣнить первоначальный планъ кампаніи на болѣе аггрессивный, а именно оставить совсѣмъ осаду Рущука, ограничившись лишь наблюденіемъ за нимъ двумя корпусами—12-мъ и 13-мъ, которые, занявъ крѣпкую позицію на рѣкѣ Янтрѣ, должны были въ то же время охранять и лѣвый флангъ; затѣмъ выдвинуть одинъ корпусъ (9-й) къ сторонѣ Плевны и Ловчи для обезпеченія праваго фланга; самъ же великій князь имѣлъ въ виду послѣдовать съ однимъ (8-мъ) корпусомъ за генераломъ Гурко и, дождавшись въ Тырновѣ 11-го корпуса, двинуться за Балканы, предварительно захвативъ горные проходы авангардами. Этимъ способомъ предполагалось принудить главныя турецкія силы бросить линію Рущукъ-Шумлу-Варну и уйти за Балканы для защиты Константинополя. Однако для успѣшнаго осуществленія этого плана войскъ у великаго князя было не вполнѣ достаточно, и потому, воспользовавшись пріѣздомъ въ Царевище императора Александра II, котораго вѣсть о взятіи Тырнова привела въ необыкновенный восторгъ, онъ вновь просилъ Государя объ увеличеніи дѣйствующей арміи, но и на этотъ разъ безуспѣшно, ибо Государь опасался оставить западныя границы безъ надлежащей защиты. Движеніе къ Тырнову было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ: восторгъ населенія, увѣреннаго въ томъ, что съ появленіемъ русскихъ турецкое иго навсегда отошло въ область прошедшаго, былъ неописуемъ: всюду раздавались радостные крики: «да живетъ Царь Александръ, да живетъ царь Николай!» Остановившись въ Тырновѣ, великій князь сталъ ожидать результатовъ дѣйствій отряда генерала Гурко, вскорѣ взявшаго Хаинкіой, Шипку и Казанлыкъ. Чрезъ нѣсколько времени была получена радостная вѣсть о взятіи генераломъ барономъ Криденеромъ Никополя, но вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе о неудачѣ генерала Шильдеръ-Шульднера подъ Плевной. Это извѣстіе отразилось крайне неблагопріятно на состояніи здоровья великаго князя: онъ почувствовалъ сильное недомоганіе, и только телеграмма Государя о томъ, что Онъ находитъ «болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ» быть съ нимъ вмѣстѣ, утѣшила его немного. На этотъ разъ великому князю удалось убѣдить Государя усилить дѣйствующую армію 2 и 3 пѣхотными дивизіями и 3 стрѣлковой бригадой, ибо Плевна показала, что справляться съ турками значительно труднѣе, чѣмъ предполагали нѣкоторые, и стало очевиднымъ, что недостатокъ войскъ явился главной причиной задержки нашего движенія впередъ, къ Константинополю...

Въ ожиданіи подкрѣпленій великій князь разбирался въ получавшихся со всѣхъ сторонъ донесеніяхъ, обсуждалъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, посѣщалъ раненыхъ и плѣнныхъ, бесѣдуя съ тѣми и другими, и объѣзжалъ войска. Недовольный неудачей подъ Плевной, онъ хотѣлъ первоначально отрѣшить отъ командованія виновныхъ въ ней генераловъ Шильдеръ-Шульднера и барона Криденера, но потомъ раздумалъ и даже послалъ къ послѣднему состоявшаго при Главной квартирѣ французскаго полковника Гальяра, чтобы успокоить стараго генерала, ободрить его и выразить увѣренность великаго князя, что онъ сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы добиться успѣха при новой атакѣ. Однако, 19 го іюля была получена отъ Криденера телеграмма о новой неудачѣ. «Бой длился цѣлый день, у непріятеля громадное превосходство силъ, отступаю на Булгарени». Великій князь былъ крайне огорченъ этою телеграммой, но эта новая неудача побудила его къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ телеграфировалъ Государю о своемъ намѣреніи «непремѣнно еще атаковать непріятеля и лично вести третью атаку», затѣмъ посѣтилъ Государя въ Бѣлѣ и на состоявшемся въ тотъ же день совѣщаніи настоялъ на усиленіи арміи. Было рѣшено немедленно мобилизовать и выслать въ районъ военныхъ дѣйствія гвардію, 24-ю и 26-ю пѣхотныя дивизіи и гренадерскій

корпусъ, противъ чего на этотъ разъ не протестовалъ и военный министръ, признавшій, что имѣлъ о силахъ турокъ слишкомъ ошибочныя свѣдѣнія. Такъ какъ Государь не согласился на третью атаку Плевны, то рѣшено было дѣйствовать выжидательно, стараясь выманить турокъ изъ укрѣпленныхъ позицій въ открытое поле, а самимъ укрѣпиться въ занятыхъ пунктахъ.

29 іюля великій князь со своимъ штабомъ перешелъ въ Горный Студень, расположившись въ центрѣ войскъ, и откуда долженъ былъ ѣздить въ Бѣлу, въ Главную Императорскую квартиру, чтобы вносить успокоеніе въ умы приближенныхъ Государя, впавшихъ въ уныніе и подвергавшихъ несправедливой критикѣ дѣйствія главнокомандующаго. Свои взгляды великій князь подробно изложилъ въ особой запискѣ, поданной Государю, въ которой доказывалъ, что движеніе передового отряда за Балканы и занятіе Балканскихъ проходовъ, которое вытекало изъ утвержденнаго Государемъ плана войны, цѣлью которой былъ поставленъ Константинополь, не было ни преждевременнымъ, ни рискованнымъ; что отбитыя подъ Плевной войска наши не были разбиты и, наконецъ, что обвиненіе его въ томъ, что онъ не имѣлъ резерва, несправедливо, такъ какъ резервъ имѣлся, хотя и состоялъ только изъ одного корпуса. Послѣ этой записки военный министръ предложилъ усилить дѣйствующую армію еще однимъ корпусомъ.

Между тѣмъ, турки, воспользовавшись пріостановкой дѣйствій нашей арміи, рѣшили атаковать перевалы, и 9-го августа Сулейманъ-паша началъ бѣшеныя атаки на очень слабый отрядъ генерала Дерожинскаго. Благодаря своевременной помощи генерала Ѳ. Ѳ. Радецкаго, всѣ атаки на Шипкѣ были отбиты, и позиція удержана, но турки также расположились въ горахъ, окруживъ наши войска полукольцомъ. Великій князь очень много выстрадалъ за эти тревожные дни, тѣмъ болѣе, что несправедливые и недоброжелательные критики не переставали преслѣдовать его въ Главной квартирѣ, разстраивая и Государя.

23 августа Скобелевымъ и кн. А. К. Имеретинскимъ была взята Ловча, и великій князь, боевыя силы котораго увеличились въ это время болѣе чѣмъ на 80 тысячъ человѣкъ, рѣшился вновь атаковать Плевну. Въ присутствіи Государя 26 августа началась бомбардировка Плевны, продолжавшаяся до 30 августа, когда произошелъ общій штурмъ, не увѣнчавшійся успѣхомъ, несмотря на рядъ энергичныхъ атакъ, веденныхъ нашими и румынскими войсками, приведшихъ къ захвату нѣкоторыхъ позицій на флангахъ. Слѣдующій день былъ еще менѣе удачнымъ: пришлось отдать то, что наканунѣ было взято Скобелевымъ. На военномъ совѣтѣ, состоявшемся 1 сентября на полѣ битвы, великій князь еще разъ, ссылаясь на то, что война начата съ недостаточными силами, а также на страшный, непомѣрный уронъ, ослабившій и разстроившій всѣ части, сражавшіяся наканунѣ подъ Плевной, на отсутствіе резервовъ и отдаленность шедшихъ изъ Россіи подкрѣпленій, считалъ необходимымъ отступить къ Дунаю, но Государь не согласился съ этимъ мнѣніемъ, рѣшивъ отъ Плевны не отступать, а приступить къ правильной осадѣ ея, для чего былъ вызванъ изъ Петербурга генералъ Тотлебенъ.

2 сентября великій князь объѣхалъ всѣ позиціи, лично указывая мѣста для новаго расположенія батарей, благодарилъ войска и въ частности генерала Скобелева, героя дней 30 и 31 авуста. Со слѣдующаго дня начали прибывать близкія сердцу великаго князя гвардейскія части съ стрѣлковой бригадой во главѣ. Несмотря на временное затишье въ арміи, нарушавшееся только небольшими столкновеніями, положеніе великаго князя было крайне затруднительнымъ въ виду нахожденія при арміи самого Государя, вносившаго, помимо своей воли, въ нее двоевластіе со всѣми нежелательными его послѣдствіями. Несовершенство продовольственной системы также доставило много заботъ великому князю. По словамъ генералъ-адъютанта Тотлебена, телеграммой отъ 1 октября требовавшаго усиленія западнаго отряда еще двумя дивизіями, недостатокъ и необезпеченность продовольствія, а также недостаточность войскъ были тѣмъ камнемъ преткновенія, о который разбивалось все предварительное соображеніе о дѣйствіяхъ.

12 октября вновь прибывшія гвардейскія части взяли Горный Дубнякъ, чѣмъ, несмотря на понесенныя ими значительныя потери, достигалась цѣль—сомкнуть блокаду Плевны. Великій князь объѣхалъ геройскія части, благодаря за службу, нравственно удовлетворенный успѣхами

гвардіи, хотя и удрученный ея тяжкими потерями. 15-го октября было рѣшено для овладѣнія Плевною принять систему тѣснаго обложенія; 16-го былъ взятъ Телишъ, а въ концѣ октября великій князь въ виду получавшихся изъ Плевны извѣстій, что положеніе ея вслѣдствіе недостатка продовольствія и снарядовъ становится труднымъ, обратился къ командовавшему плевнинской арміей Осману-пашѣ съ письменнымъ предложеніемъ сдаться, на что Османъ отвѣтилъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ очень благодарилъ великаго князя, но заявилъ, что и помыслить не можетъ предлагать своей храброй арміи капитулировать и намѣренъ, какъ подобаетъ честному солдату, отстаивать до послѣдней капли крови свою позицію, честь своей арміи и интересы своей родины.— Послѣ этого извѣстія великій князь рѣшилъ еще болѣе усилить осаждавшую Плевну армію. Только 27 ноября было получено извѣстіе, что Османъ-паша рѣшилъ выйти изъ Плевны и прорваться сквозь ряды осаждавшихъ. Великій князь направился на передовыя позиціи, гдѣ получилъ донесеніе о сдачѣ Османа-паши. Главнокомандующій тотчасъ выѣхалъ навстрѣчу турецкому герою, котораго встрѣтилъ ѣхавшимъ въ экипажѣ; протянувъ руку Осману-пашѣ, великій князь сказалъ по-французски: «Браво, Османъ-паша! Мы всѣ удивляемся вашей геройской оборонѣ и стойкости и гордимся имѣть такого противника, какъ вы и ваша армія!»

На слѣдующій день былъ назначенъ молебенъ близъ Плевны, на редутѣ № 5, гдѣ была ставка Османа-паши. Подъѣзжая туда и увидѣвъ великаго князя, Императоръ Александръ Николаевичъ вышелъ изъ коляски и съ крикомъ «ура», бросился въ его объятія. Затѣмъ Государь собственноручно надѣлъ на великаго князя ленту ордена св. Георгія 1-й степени, наградилъ Георгіевскими крестами нѣсколькихъ генераловъ, и скомандовавъ: «слушай, на караулъ!» отдалъ честь главнокомандующему.

30 ноября состоялся въ Порадимѣ у Государя военный совѣтъ, на которомъ великій князь развилъ свой планъ немедленнаго зимняго перехода черезъ Балканы, признавая всякое замедленіе выгоднымъ только для непріятеля. Планъ великаго князя былъ одобренъ Государемъ, и было рѣшено: 1) усилить отрядъ ген. Гурко, въ концѣ октября двинувшагося къ Орхоніи и Софіи и одержавшаго нѣсколько блестящихъ побѣдъ, 9-мъ корпусомъ и 3-ею пѣхотною гвардейскою дивизіею и, оттѣснивъ армію Мехмеда-Али, наступать къ Софіи и далѣе, вдоль южнаго склона Балканъ къ Казанлыку, чтобы выйти въ тылъ туркамъ у Шипки. Въ случаѣ отступленія турокъ гнать ихъ къ Адріанополю; 2) усилить Шипкинскій отрядъ ген. Радецкаго 11-мъ корпусомъ и частью 4-го корпуса подъ начальствомъ М. Д. Скобелева и всѣмъ этимъ войскомъ перейти въ наступленіе, когда Гурко перевалитъ черезъ Балканы; 3) Плевнинскій отрядъ расформировать, направивъ войска его частью къ Гурко и Радецкому, частью (4-й корпусъ) къ Цесаревичу; а гренадерскій корпусъ—въ общій резервъ; 4) рущукскому отряду Цесаревича оставаться въ прежнемъ положеніи и присоединить къ нему всѣ наши отряды изъ Журжева, Ольтеницы и Каларашa, гдѣ расположить румынскія войска.

Неудержимо стремясь за Балканы, великій князь, несмотря на возраженія генераловъ Тотлебена, князя Имеретинскаго и Скобелева, приказалъ генералу Гурко перевалить чрезъ Балканы, во что бы то ни стало. 10-го декабря Гурко донесъ, что къ туркамъ мало-по-малу прибываютъ подкрѣпленія у Арабъ-Конака, Лютикова и Златицы, преграждавшихъ ему путь отъ Софіи на Шипку, и что движеніе будетъ очень трудное. Генералъ же Радецкій призналъ движеніе на деревню Шипку прямо по дорогѣ дѣйствіемъ, совершенно безразсуднымъ, потому что спускъ къ Шипкѣ укрѣплялся очень хорошо. То же доказывалъ и начальникъ штаба генералъ Дмитровскій, но великій князь оставался непоколебимымъ и отдалъ Радецкому положительное приказаніе: немедленно приступить къ расчисткѣ обходныхъ путей и вообще ко всѣмъ подготовительнымъ распоряженіямъ для наступленія, которое должно быть начато около 20 декабря.— 13-го декабря утромъ генералъ Гурко выступилъ за Балканы тремя колоннами, и послѣ невѣроятно труднаго похода черезъ снѣжныя горы, по обледенѣлымъ тропинкамъ, при жестокомъ морозѣ и вьюгѣ, таща на плечахъ 4-фунтовыя орудія, пролагая новыя дороги, авангардъ западнаго отряда овладѣлъ выходами изъ Балканъ между Арабъ-Конакомъ и Софіей, а кавалерія встала уже на Софійскомъ

шоссе; непріятель былъ захваченъ врасплохъ, благодаря чему мы потеряли всего 5 человѣкъ. Объ этой радостной вѣсти великій князь немедленно телеграфировалъ Государю и циркулярно во всѣ мѣста и отряды. 21 декабря получилось отъ Гурко донесеніе объ окончательномъ переходѣ его черезъ Балканы. Это чрезвычайное извѣстіе доставило великому князю великую радость, такъ какъ новый успѣхъ нашихъ войскъ, который долженъ былъ произвести удручающее впечатлѣніе на турецкую армію и правительство, давалъ ему новый шансъ на славное окончаніе кампаніи, за которую придворные круги, печать, а за нею и значительная часть русскаго общества обвиняли великаго князя. Съ переходомъ черезъ Балканы, за которымъ вскорѣ послѣдовала побѣда при Ташкисенѣ, Горномъ Бугаровѣ, Арабъ-Конакѣ, Шардорникѣ и въ сочельникъ—взятіе Софіи, приближалось осуществленіе завѣтной цѣли кампаніи. Тѣмъ болѣе озабочивало великаго князя положеніе отряда генерала Радецкаго, которому предстояли дѣйствія на Шипкѣ въ очень тяжелой горной обстановкѣ, и неуспѣхъ котораго могъ въ значительной степени подорвать значеніе предыдущихъ побѣдъ. Безпокоила великаго князя также крайняя необезпеченность войскъ самою необходимою одеждой, о чемъ онъ въ день Рождества Христова послалъ военному министру слѣдующую телеграмму: «Гвардейскія войска отъ стоянки и работы на высокихъ Балканахъ и при походѣ черезъ нихъ остались въ эту минуту—равно и офицеры и нижніе чины—безъ сапогъ уже давно, а теперь, окончательно безъ шароваръ. Мундиры и шинели—одни лохмотья и то безъ ворса, на нихъ одна клѣтчатка. У большинства бѣлья нѣтъ, а у кого осталось, то въ клочкахъ и истлѣвшее. Прошу убѣдительно немедленной энергичной высылки всякаго рода одежды и обуви для Гвардіи. Даже турецкое одѣяніе, найденное въ Орханіи и выданное офицерамъ и людямъ, уже все изорвалось при неимовѣрно трудныхъ и гигантскихъ работахъ перехода черезъ Балканы. Прошу увѣдомить о сдѣланныхъ вами распоряженіяхъ. Сдѣлайте мнѣ этотъ подарокъ на праздники».

27 декабря великій князь со штабомъ переѣхалъ въ Ловчу, гдѣ ему была устроена восторженная встрѣча и гдѣ онъ послѣ полугодовой жизни въ палаткѣ получилъ возможность помѣститься въ домѣ. На слѣдующій день турецкій военный министръ Реуфъ-паша телеграфировалъ великому князю, что «Высокая Порта» поручила Главнокомадующему въ Румыніи Мехмеду-Али-пашѣ начать переговоры о перемиріи, на что великій князь отвѣтилъ, что уполномоченный долженъ быть присланъ къ нему, но что вопросъ о перемиріи можетъ быть разрѣшенъ только послѣ принятія турками основаній мира. Телеграфировавъ о турецкомъ предложеніи Государю, у котораго онъ испрашивалъ инструкцію для веденія переговоровъ, великій князь поручилъ въ то же время генералу Гурко дать знать Мехмеду-Али-пашѣ, чтобы ѣхалъ въ Главную Квартиру, а самому энергично продолжать военныя дѣйствія. Въ тотъ же день 28 декабря была получена депеша генерала Радецкаго о сдачѣ всѣхъ турецкихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ генерала Весселя-паши противъ нашей позиціи, въ количествѣ 10 батарей, 41 баталіона и 1 полка кавалеріи, и занятіи Казанлыка княземъ Святополкъ-Мирскимъ, а Шипки—Скобелевымъ. Радость великаго князя, лицъ его свиты, а затѣмъ и всего войска и населенія Ловчи была чрезвычайная: звуки народнаго русскаго гимна, покрываемаго неумолкаемымъ «ура», сливались съ радостнымъ перезвономъ колоколовъ церквей, гдѣ совершались благодарственные молебны. Государю великій князь отправилъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Армія Вашего Величества перешла Балканы, и русскія знамена побѣдоносно развѣваются на всемъ протяженіи отъ Софіи до Казанлыка».

29-го декабря совершился переѣздъ въ Сельви, гдѣ великому князю была устроена еще болѣе восторженная встрѣча, чѣмъ въ Ловчѣ. Отсюда онъ послалъ подробныя донесенія въ Петербургъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ и отправился въ Габрово, куда прибылъ 30 числа и откуда рапортовалъ Государю о ходѣ событій съ 19 по 27 декабря, въ частности остановившись на переходѣ черезъ Балканы, о которомъ выразился, что «онъ навсегда останется въ памяти потомства, какъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ подвиговъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ».

Поручивъ генералу Гурко наступать на Филиппополь, а генералу Радецкому занять какъ можно скорѣе Ески-Загру и Адріано-

поль, великій князь поспѣшилъ самъ къ побѣдоноснымъ войскамъ и 31 декабря, осмотрѣвъ позиціи у Шипки и сердечно поблагодаривъ отъ имени Государя и своего стоявшіе здѣсь славные полки 14 пѣхотной дивизіи, прибылъ въ Казанлыкъ, гдѣ привѣтствовалъ съ побѣдой и благодарилъ остальныя части отряда Радецкаго, которому великій князь, лично скомандовавъ войскамъ: «Слушай, на караулъ!», провозгласилъ «ура». Въ день новаго 1878 года Государь поздравилъ великаго князя и прислалъ ему новую награду—золотую саблю, благодаря за которую великій князь телеграфировалъ Государю, что эта «награда доставила ему огромное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что получилъ ее сегодня въ Казанлыкѣ, послѣ того, какъ перешелъ лично Балканы». Затѣмъ состоялся у генерала Радецкаго обѣдъ, на которомъ всѣ тосты, за неимѣніемъ вина, пили водою.

2 января была получена отъ Государя инструкція и полномочіе для заключенія просимаго турками перемирія, а 3-го числа пришло увѣдомленіе отъ турецкаго военнаго министра, что въ Главную Квартиру ѣдутъ для переговоровъ министръ иностранныхъ дѣлъ Серверъ-паша и министръ двора Султана Намыкъ-паша. Тѣмъ не менѣе, великій князь рѣшилъ использовать благопріятный моментъ—панику въ турецкой и воодушевленіе въ нашей арміи—и двигаться неуклонно впередъ, обрадованный сочувствіемъ Государя, высказавшаго мнѣніе, что «необходимо движеніе впередъ безъ всякаго замедленія» и не останавливаясь передъ тѣмъ, что войскамъ приходилось итти, не передохнувъ послѣ тяжелаго Балканскаго похода, не пополнивъ боевыхъ запасовъ и не исправивъ одежды, обуви и снаряженія, безъ артиллеріи и обозовъ.

5 января ген. Гурко занялъ Филипополь, соединенный желѣзной дорогой съ Константинополемъ, а 7-го числа прибыли турецкіе уполномоченные, которыхъ великій князь принялъ на слѣдующее утро и которымъ немедленно вручилъ условія мира. Согласно выраженному Государемъ желанію, онъ неоднократно настаивалъ на выраженіи уполномоченными ихъ предложеній, но они отвѣчали, что предложеній никакихъ не имѣютъ, за исключеніемъ просьбы пріостановить какъ можно скорѣе военныя дѣйствія, на что великій князь отвѣтилъ указаніемъ тѣхъ условій, при которыхъ эта пріостановка была бы возможна.

Въ тотъ же же день вечеромъ генералъ Струковъ донесъ, что появленіе его передъ Адріанополемъ вызвало въ городѣ панику и бѣгство турецкихъ войскъ и властей, вслѣдствіе чего иностранцы обратились къ нему съ просьбой о занятіи города для возстановленія порядка. Великій князь немедленно приказалъ генераламъ Скобелеву и Радецкому двинуться къ Адріанополю. Между тѣмъ, турецкіе уполномоченные, ссылаясь на недостаточность своихъ полномочій, отказались подписать наши требованія и заявили, что должны отправиться за инструкціями въ Константинополь. Выразивъ сожалѣніе по поводу недостаточности ихъ полномочій, великій князь отпустилъ обоихъ пашей и немедленно телеграфировалъ Государю, спрашивая: ожидать ли ему новыхъ инструкцій для заключенія перемирія, а также прося указаній, что дѣлать въ тѣхъ случаяхъ: 1) если англійскій и другіе флоты вступятъ въ Босфоръ; 2) если будетъ иностранный дессантъ въ Константинополѣ; 3) если тамъ будутъ безпорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ; и 4) какъ отнестись къ Галлиполи—съ англичанами и безъ англичанъ? Едва была отправлена депеша съ этими вопросами, какъ было получено извѣщеніе военнаго министра о томъ, что дипломатія наша дала обѣщаніе Англіи, что наши дѣйствія не будутъ направлены на Галлиполи, если только турки не стянутъ туда своихъ силъ. Явное вмѣшательство Англіи крайне обезпокоило великаго князя, опасавшагося, что, въ случаѣ возникновенія паники въ Константинополѣ и рѣзни христіанъ, англичане займутъ турецкую столицу до нашего прихода; однако, полученное 10 января отъ генерала Струкова извѣстіе о занятіи Адріанополя вновь ободрило его, и онъ рѣшилъ ни въ коемъ случаѣ не принимать перемирія на тѣхъ условіяхъ, которыя турки отказались принять наканунѣ, а пользуясь всеобщею паникою въ турецкихъ войскахъ, стремительно наступать на Константинополь и Галлиполи. Телеграфное сношеніе съ Нетербургомъ крайне стѣсняло самостоятельность дѣйствій великаго князя: депеши нерѣдко противорѣчили одна другой, приходили съ большимъ опозданіемъ, вслѣдствіе чего сплошь и рядомъ оставался неиспользо-

ваннымъ тотъ или иной удобный моментъ воздѣйствовать на непріятеля.

Свидѣтельствуя въ одномъ изъ своихъ донесеній Государю, что среди турокъ началась невѣроятная паника, великій князь высказалъ «свое крайнее убѣжденіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ невозможно уже теперь остановиться и, въ виду отказа турками условій мира, необходимо итти до центра, т. е. до Царьграда, и тамъ покончить предпринятое Государемъ святое дѣло». Указавъ далѣе, что сами уполномоченные Порты говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены, и намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь, великій князь заключалъ свое донесеніе тѣмъ, что не будетъ порѣшать съ уполномоченными до полученія отвѣта отъ Государя, а пока съ Богомъ идетъ впередъ. 11-го января великій князь увѣдомилъ Государя о своемъ выступленіи въ Адріанополь, гдѣ предполагалъ остаться недолго и двинуться къ Константинополю. «Если не получу Твоего приказанія остановиться», писалъ онъ: «съ благословеніемъ Божіимъ, можетъ быть, буду скоро въ виду Царьграда!.. все въ волѣ Божіей». Переѣхавъ 12 января въ Ески Загру, дважды разоренную турками и болгарами, великій князь послалъ отсюда телеграмму главному командиру Черноморскаго флота о сборѣ возможно большаго количества транспортныхъ судовъ въ Одессѣ или Севастополѣ, чтобы по первому требованію направить ихъ въ порты, которые будутъ указаны, для доставки провіанта и фуража или для обратной перевозки войскъ.

Въ отправленномъ тогда же Государю обзорѣ военныхъ дѣйствій съ 30 декабря великій князь писалъ: «Оглядываясь на эти міровыя событія, горжусь тѣмъ, что предугадалъ волю Вашего Величества и не упустилъ ни одной минуты, чтобы воспользоваться результатами одержанныхъ побѣдъ». 13-го января великій князь главнокомандующій прибылъ въ Сейменли-Трново, куда въ тотъ же день пріѣхалъ изъ Петербурга и великій князь Николай Николаевичъ Младшій, привезшій Августѣйшему Отцу благодарственное письмо Государя съ указаніемъ на необходимость продолжать военныя дѣйствія съ возможной энергіею, пока турецкіе уполномоченные для заключенія перемирія не примутъ нашихъ предварительныхъ условій мира. Въ ознаменованіе полнаго успѣха, которымъ увѣнчались распоряженія великаго князя, Государь пожаловалъ Ему золотую саблю, украшенную алмазами, съ надписью: «За переходъ черезъ Балканы въ декабрѣ 1877 года». 14-го января великій князь прибылъ въ Адріанополь, проѣхавъ до станціи Херманли въ экипажѣ по дорогѣ, покрытой массой труповъ людей и животныхъ и домашней рухлядью и обогнавъ по пути геройскіе гвардейскіе полки, представившіеся въ невѣроятно обношенномъ и оборванномъ видѣ, но бодро и радостно отвѣчавшіе на привѣтствія любимаго главнокомандующаго. Въ 4 часа дня великій князь въ поѣздѣ желѣзной дороги подъѣхалъ къ Адріанополю, гдѣ ему была устроена восторженная встрѣча. На вокзалѣ его ожидали генералы Гурко и Скобелевъ съ ихъ штабами, а когда онъ вступилъ въ городъ, все населеніе съ духовенствомъ во главѣ вышло къ нему навстрѣчу. Доѣхавъ до губернаторскаго дома, въ которомъ ему было отведено помѣщеніе, великій князь тотчасъ занялся съ генералами Гурко, Скобелевымъ и начальникомъ штаба Непокойчицкимъ выработкой дальнѣйшаго плана дѣйствій. Въ телеграммѣ, отправленной Государю послѣ этого совѣщанія, великій князь просилъ приготовить къ отправкѣ изъ Севастополя одну дивизію 10 корпуса съ тремя 9-ти-фунтовыми батареями, чтобы высадить ее на томъ мѣстѣ, которое будетъ великимъ княземъ признано подходящимъ. На слѣдующій день, получивъ извѣстіе о взятіи генераломъ Струковымъ Люле-Бургаса и генераломъ Шнитниковымъ Демотики, великій князь отдалъ распоряженія на случай войны съ Англіей и захвата ею выхода изъ Босфора въ Черное море, и приказалъ Скобелеву итти въ авангардѣ для занятія позицій передъ Константинополемъ, а гвардіи двигаться за его правымъ, и 8-му корпусу—за лѣвымъ флангомъ. Однако, 17-го января великій князь получилъ отъ Государя депешу, предписывавшую избѣгать столкновенія съ Англіей, ни въ какомъ случаѣ не занимать Галлиполи, даже если бы какой-либо турецкій отрядъ и находился на этомъ полуостровѣ; въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ и десанта ихъ въ Константинополѣ избѣгать столкновенія съ ними и только въ томъ случаѣ, если сами жители Кон-

стантинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи порядка и охраненіи спокойствія въ этомъ городѣ, ввести туда наши войска, констатировавъ предварительно фактъ приглашенія особымъ актомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь сообщилъ великому князю, что генералъ-адъютанту графу Н. П. Игнатьеву повелѣно немедленно отправиться въ Адріанополь для веденія, совмѣстно съ А. И. Нелидовымъ, предварительныхъ переговоровъ о мирѣ съ турецкими уполномоченными, находящимися въ Главной квартирѣ. Между тѣмъ, въ виду продолжавшагося наступленія нашихъ отрядовъ—Нижне-Дунайскаго, Рущукскаго и генерала Струкова, направлявшагося на Родосто, турецкіе уполномоченные Серверъ-паша и Намыкъ-паша получили отъ своего правительства приказаніе принять предложенныя нами предварительныя условія мира. 19-го января, въ 6 ч. вечера, великій князь совмѣстно съ турецкими уполномоченными подписалъ протоколъ о принятіи предварительныхъ условій мира и условія о перемиріи, о чемъ немедленно донесъ Государю, поздравляя Его съ благополучнымъ окончаніемъ предпринятаго имъ святого дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь увѣдомилъ о подписаніи протокола главнокомандующаго Кавказскою арміею великаго князя Михаила Николаевича и приказалъ всѣмъ отрядамъ немедленно прекратить военныя дѣйствія.

Принятыя основанія мира на Балканскомъ полуостровѣ сводились къ слѣдующему. Болгарія возводится въ независимое княжество, платящее Турціи дань, и получаетъ свое христіанское правительство, а турецкія войска изъ нея выводятся; Черногорія, Румынія и Сербія признаются независимыми, ихъ владѣнія увеличиваются и границы исправляются; Боснія и Герцеговина получаютъ независимое управленіе, и Турція возмѣщаетъ Россіи ея военныя издержки и понесенныя потери. Великому князю удалось вытребовать отъ турецкихъ уполномоченныхъ также очищеніе всѣхъ крѣпостей на Дунаѣ. При заключеніи перемирія великій князь преднамѣренно не опредѣлилъ срока перемирія, выговоривъ, что «перемиріе продолжается до заключенія мира или до перерыва переговоровъ», имѣя въ виду не допускать затягиванія послѣднихъ.

9-го февраля великій князь получилъ новую депешу, которой ему предлагалось ускорить занятіе ближайшихъ къ Константинополю предмѣстій и назначить кратчайшій срокъ для полученія согласія на это Султана, а на случай отказа приготовить достаточныя силы; при этомъ Государь предоставлялъ великому князю дѣйствовать, не ожидая особыхъ полномочій. Между тѣмъ, турки, намѣреваясь еще болѣе затянуть переговоры, рѣшили, не окончивъ дѣла съ великимъ княземъ, отправить чрезвычайнаго посла въ Петербургъ. Этотъ поступокъ турецкаго правительства въ связи съ телеграммой Государя побудилъ великаго князя къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Пригласивъ къ себѣ для объясненія Савфетъ-пашу, онъ заявилъ, что русскія войска займутъ Санъ-Стефано, и просилъ заявить Султану, что 11 февраля, въ 6 ч. утра, онъ выѣзжаетъ самъ, а его, Савфетъ-пашу, со всѣмъ посольствомъ беретъ съ собою. «Вмѣстѣ поѣдемъ» сказалъ великій князь, «въ Чаталджу и оттуда въ Константинополь. Отъ васъ будетъ зависѣть, какъ принять меня. Я иду безъ намѣренія начать военныя дѣйствія, и самъ стрѣлять не буду, но если ваши начнутъ, то будемъ сражаться». Турецкій уполномоченный сталъ увѣрять, что турки стрѣлять не станутъ и что онъ готовъ грудью заслонить великаго князя отъ всякой опасности, на что великій князь отвѣтилъ, что ни въ какомъ заслонѣ не нуждается.

Рѣшительный образъ дѣйствій великаго князя произвелъ на турокъ должное впечатлѣніе, и 10-го февраля отъ перваго драгомана нашего посольства Ону, находившагося въ Константинополѣ, было получено извѣщеніе о томъ, что Санъ-Стефано вполнѣ готово къ пріему Его Высочества. Рано утромъ 11-го февраля великій князь въ сопровожденіи своего штаба выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Санъ-Стефано и прибылъ туда послѣ остановокъ въ Чорлу и Чаталджѣ въ 4 часа дня 12 февраля. Великій князь Николай Николаевичъ въѣхалъ въ Санъ-Стефано, сопровождаемый одною конвойной ротой и эскадрономъ Собственнаго Конвоя. На станціи его встрѣтили турецкій военный министръ Реуфъ-паша, бывшій главнокомандующій Мехмедъ-Али-паша и мѣстное греческое духовенство. Выйдя изъ вагона, великій князь поздоровался съ турецкими генералами, затѣмъ сѣлъ верхомъ

и предшествуемый духовенствомъ съ иконами, хоругвями, зажженными свѣчами и хоромъ пѣвчихъ поѣхалъ къ отведенному ему дому. На слѣдующій день великій князь ѣздилъ смотрѣть, какъ вступаютъ въ Санъ-Стефано гвардейскія части: лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ и лейбъ-Уланскій Его Высочества полкъ. Передъ глазами русскихъ войскъ открылся величественный видъ на городъ, бывшій цѣлью кампаніи. Великій князь неоднократно обращаясь къ солдатамъ, спрашивалъ ихъ: «Ребята, что это?» и на веселые отвѣты ихъ—«Константинополь, Ваше Императорское Высочество», говорилъ: «Это благодаря вашей храбрости и трудамъ мы теперь стоимъ предъ Царьградомъ».

Между тѣмъ, политическій горизонтъ не разъяснялся: подъ вліяніемъ англійскихъ дипломатовъ, особенно Лейарда, посла въ Константинополѣ, турки спорили, упрямились и даже прервали переговоры съ графомъ Игнатьевымъ. Въ то же время главнокомандующій получалъ изъ Петербурга депеши съ требованіемъ занять оба берега Босфора, что, при отсутствіи у насъ флота и артиллеріи и близости англійской эскадры, было задачей почти невыполнимой, а также ускорить заключеніе мира. Великій князь прибѣгнулъ тогда къ военной демонстраціи, которая заставила турокъ возобновить прерванные переговоры, но уже на слѣдующій день они стали находить новыя препятствія къ заключенію мира. Тогда великій князь поѣхалъ лично на засѣданіе уполномоченныхъ и рѣшительно заявилъ Савфету-пашѣ, что не уйдетъ изъ дому, гдѣ происходили засѣданія, пока не будутъ подписаны всѣ соглашенія. Въ тотъ же день все было подписано, и миръ заключенъ. «Вечеромъ крупно поговорилъ съ уполномоченными», телеграфировалъ великій князь по этому поводу Государю: «и дѣло пошло хорошо на ладъ». 19-го февраля 1878 года утромъ великій князь отслушалъ литургію въ греческомъ соборѣ, затѣмъ, къ 2 часамъ дня, приказалъ собрать всѣ войска на полѣ передъ Константинополемъ, гдѣ долженъ былъ быть отслуженъ торжественный молебенъ по случаю восшествія на престолъ Государя, послѣ котораго великій князь хотѣлъ объявить войскамъ о заключеніи мира. Однако, формальности затянули окончательное подписаніе мирнаго договора, войска томились въ ожиданіи, великій князь неоднократно посылалъ своего адъютанта Орлова торопить уполномоченныхъ, которые закончили, наконецъ, все въ началѣ шестого часа вечера. Въ 5½ часовъ генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ сообщилъ великому князю о подписаніи мира, и великій князь, обнявъ и поцѣловавъ его и генерала Непокойчицкаго, поспѣшилъ къ войскамъ. Объѣхавъ ихъ и задушевно поздоровавшись, великій князь выѣхалъ передъ середину фронта, вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и громко сказалъ: «Поздравляю васъ, господа, и васъ, молодцы-ребята, со славнымъ миромъ! Именемъ Государя благодарю васъ всѣхъ за доблестную службу, которую вы сослужили нашей матушкѣ Россіи. Вы доказали, что если Царь нашъ прикажетъ, то для васъ невозможнаго нѣтъ—вы и невозможное сдѣлаете! Спасибо вамъ, орлы! Ура!» Безконечною волною прокатилось неудержимое «ура», сливаясь со звуками гимна «Боже, Царя храни». Затѣмъ начался благодарственный молебенъ, подобнаго которому не было со дня взятія Парижа въ 1814 году. Описывая его и послѣдовавшій парадъ, великій князь писалъ Государю: «Церемонія 19-го числа на парадѣ была чудная, величественная. Она у всѣхъ у насъ не изгладится изъ памяти! Гвардія была блистательна и представилась могучими богатырями. Церемоніальнаго марша я въ жизни не видалъ такого: всѣ иностранцы были глубоко поражены, и дѣйствительно, съ такимъ войскомъ ничего нѣтъ невозможнаго, какъ они это на дѣлѣ доказали. Къ тому же обстановка мѣстности парада была поразительная: у стѣнъ Константинополя и въ виду св. Софіи! При этомъ я вспомнилъ Твои незабвенныя слова, мнѣ сказанныя въ Твоемъ кабинетѣ въ Ливадіи, когда мнѣ объявилъ Ты Твою волю назначить меня Главнокомандующимъ дѣйствующей арміею. Когда я у тебя спросилъ, къ какой цѣли долженъ стремиться, Ты мнѣ лаконически отвѣтилъ: «Константинополь»,—и ровно черезъ 16 мѣсяцевъ я, со всею гвардіею подъ Царьградомъ, молился колѣнопреклоненно за дарованныя намъ побѣды и чудный миръ!». 19-го февраля, тотчасъ по заключеніи мира, великій князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму: «Счастіе имѣю поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ

Васъ окончить предпринятое Вами великое святое дѣло: въ день освобожденія крестьянъ Вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго». Въ 9 ч. 40 м. вечера была получена отъ Государя отвѣтная телеграмма: «Благодарю Бога за заключеніе мира. Спасибо отъ души Тебѣ и нашимъ молодцамъ за достигнутый славный результатъ. Лишь бы европейская конференція не испортила то, чего мы достигли нашею кровью». 14 марта состоялось при весьма торжественной обстановкѣ свиданіе великаго князя съ султаномъ. Великій князь въ мундирѣ, при орденахъ и лентѣ ордена Османіе, полученнаго отъ султана Абдулъ-Азиса въ 1872 г., отбылъ изъ Санъ-Стефано на Императорской яхтѣ «Ливадія». Когда «Ливадія» вошла въ Босфоръ, и передъ великимъ княземъ открылся храмъ св. Софіи, оркестръ музыки заигралъ преображенскій маршъ, а затѣмъ «Славься, славься, русскій нашъ Царь». На турецкихъ судахъ взвились русскіе флаги, съ иностранныхъ судовъ раздалось «ура». Великій князь пересѣлъ на присланную Султаномъ шлюпку и отравился во дворецъ Дольма-Бахче. Султанъ, окруженный министрами и сановниками, встрѣтилъ великаго князя на площадкѣ передъ лѣстницею, занятою шпалерами адъютантовъ, и проводилъ его и сопровождавшихъ его великаго князя Николая Николаевича Младшаго, князя Евгенія Максимиліановича, принца Александра Петровича Ольденбургскаго, генералъ-адъютанта А. А. Непокойчицкаго, А. И. Нелидова и перваго драгомана Ону въ гостиную. Затѣмъ великій князь главнокомандующій представилъ султану высшихъ генераловъ, а Султанъ—свою свиту, въ которой находился герой Плевны — Османъ-паша. Визитъ великаго князя, продолжавшійся около часу, привелъ къ тому, что Султанъ согласился на предложеніе великаго князя впредь вести переговоры безъ посредниковъ. По окончаніи бесѣды великій князь отбылъ въ отведенный ему загородный дворецъ Бейлербей, куда вскорѣ на пароходѣ прибылъ Султанъ. Визитъ султана продолжался 20 минутъ. Донося Государю о свиданіи съ султаномъ, великій князь выразилъ полное удовольствіе по поводу оказаннаго ему пріема и указывалъ на слабое, зависимое положеніе султана и его желаніе закрѣпить тѣсное сближеніе съ нами путемъ облегченія условій мира. На слѣдующій день великій князь осматривалъ султанскія конюшни, завтракалъ у принца Рейссъ, посѣтилъ гробницу султана Абдулъ-Азиса, дружественно его принимавшаго въ 1872 году, а вечеромъ обѣдалъ у султана, который долго бесѣдовалъ съ великимъ княземъ, обѣщалъ безусловный нейтралитетъ въ случаѣ войны съ Англіей и въ знакъ дружбы подарилъ великому князю 4 арабскихъ жеребцовъ. Вскорѣ великій князь получилъ приказаніе настаивать, чтобы султанъ предъявилъ англичанамъ энергичное требованіе объ удаленіи ихъ эскадры изъ Мраморнаго моря. 18 марта великій князь опять посѣтилъ султана и добился обѣщанія послать англичанамъ приглашеніе выйти изъ Мраморнаго моря, въ виду ухода нашихъ войскъ. Вскорѣ и великому князю было предписано потребовать отъ Турціи категорическаго отвѣта, какъ намѣрена она дѣйствовать въ случаѣ войны Англіи съ нами, а если она согласна будетъ дѣйствовать съ нами заодно, то потребовать чтобы она немедленно передала намъ укрѣпленія на европейскомъ берегу Босфора и вошла съ нами въ соглашеніе о распредѣленіи ея военныхъ силъ; если же Турція признаетъ себя недостаточно сильной для веденія войны, то должна сдать намъ всѣ укрѣпленія, прекратить вооруженія, распустить или удалить войска, затрудняющія наши дѣйствія, и разоружить суда на Черномъ морѣ. Задача была предложена великому князю неосуществимая, тѣмъ болѣе, что ему было указано на нежелательность столкновенія съ Англіей, и онъ могъ только отвѣтить, что все приметъ къ свѣдѣнію и будетъ дѣйствовать по обстоятельствамъ. Въ то же время великій князь отправилъ къ Государю князя А. К. Имеретинскаго, которому поручилъ объяснить Государю положеніе дѣлъ и освѣдомить Государя о состояніи здоровья Главнокомандующаго. Помимо этого, 27-го марта великій князь телеграфировалъ Государю, что его здоровье требуетъ скорѣйшаго отдыха, вслѣдствіе чего онъ проситъ о замѣнѣ его другимъ лицомъ. Однако, несмотря на болѣзненное состояніе, великій князь продолжалъ зорко слѣдить за событіями и готовиться къ возможному возобновленію военныхъ дѣйствій. Онъ, съ разрѣшенія султана, осмотрѣлъ турецкія позиціи и убѣдился, что

атака укрѣпленій Константинополя была бы сопряжена съ невѣроятными трудностями. 2-го апрѣля была получена отъ Государя депеша съ увѣдомленіемъ объ увольненіи великаго князя по разстроенному здоровью отъ должности Главнокомандующаго и о замѣнѣ его ген.-адъютантомъ Тотлебеномъ. 10 апрѣля великому князю представилась болгарская депутація, вручившая ему для поднесенія Государю адресъ съ болѣе чѣмъ 100.000 подписей болгаръ и выразившая и ему лично «благодарность болгарскаго народа за великіе труды и всякаго рода трудности и опасности, перенесенныя Его Высочествомъ во главѣ непобѣдимаго русскаго воинства въ войнѣ за освобожденіе Болгаріи». 15 апрѣля прибылъ новый главнокомандующій, и въ ту же ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе великій князь получилъ отъ Государя слѣдующую телеграмму: «Увольняя тебя, согласно твоему желанію, отъ командованія дѣйствующею арміей, произвожу тебя въ генералъ-фельдмаршалы, въ воздаяніе столь славно оконченной кампаніи. Надѣюсь скоро обнять тебя здѣсь». 17-го апрѣля великій князь попрощался съ своими ближайшими сослуживцами—чинами своего штаба, которыхъ сердечно благодарилъ за образцовую службу и дружную работу, затѣмъ присутствовалъ на торжествѣ прибивки и освященія вновь пожалованныхъ 14-му и 15-му стрѣлковымъ баталіонамъ георгіевскихъ знаменъ, послѣ чего устроилъ прощальный парадъ всей гвардіи, 16 пѣхотной дивизіи и 4 стрѣлковой бригадѣ съ ихъ артиллеріею. Попрощавшись съ войсками и объявивъ о передачѣ командованія арміей генералъ-адъютанту Тотлебену, великій князь еще разъ поблагодарилъ своихъ боевыхъ сподвижниковъ и, обратившись отдѣльно къ гвардіи, сказалъ, что счастливъ видѣть, какіе блестящіе результаты въ видѣ подвиговъ доблести дали труды его и занятія съ гвардіей. Въ тотъ же день былъ отданъ великимъ княземъ приказъ, въ которомъ онъ прощался съ арміей. Между прочимъ, въ этомъ приказѣ говорилось: «Особенное, сердечное и искреннее спасибо тебѣ, русскій солдатъ: ты не зналъ ни преградъ, ни лишеній, ни опасности. Безропотно, безостановочно шелъ ты въ грязи и въ снѣгу, въ жару и въ холодъ, черезъ рѣки и пропасти, черезъ долы и горы, и безстрашно бился съ врагомъ, гдѣ бы съ нимъ ни встрѣтился. Для тебя не было невозможнаго въ пути, который тебѣ указывалъ начальникъ. Тебѣ честь, тебѣ слава, добытая потомъ и кровью Россіи, бившейся за освобожденіе угнетенныхъ христіанъ. Я горжусь и всегда буду гордиться тѣмъ, что мнѣ пришлось командовать такой славной арміей. Только надломленное здоровье мое принуждаетъ меня оставить васъ ранѣе общаго возвращенія на родину. Но, разставаясь съ вами, Я счастливъ тѣмъ, что по волѣ Государя Императора передаю васъ въ мощныя руки славнаго героя Севастополя и Плевны генералъ-адъютанта Тотлебена. Если понадобится снова вести васъ въ бой, онъ поведетъ васъ къ побѣдамъ, а вы съ своей стороны дадите ему всю ту беззавѣтную рѣшимость и мужество, которыя проявили во все время моего командованія и которымъ удивлялись вся Россія и весь міръ». Прощаясь съ Тотлебеномъ, великій князь обнялъ его и сказалъ: «Дай вамъ Богъ всего хорошаго. Помните одинъ мой совѣтъ: дѣйствуйте всегда по совѣсти и не стѣсняйтесь приказаніями, которыя, по Вашему убѣжденію, неисполнимы». Въ этихъ немногихъ словахъ великій князь выразилъ все то, что наболѣло у него на душѣ за послѣднее время. Со слезами на глазахъ простился онъ съ провожавшими его войсками и отправился на «Ливадію», а на слѣдующій день, сдѣлавъ прощальный визитъ султану, отбылъ на «Ливадіи» въ Россію. Совершивъ морской переходъ до Одессы, великій князь черезъ Вильну и Динабургъ направился въ Петербургъ, куда прибылъ 22 апрѣля и гдѣ его встрѣтилъ на вокзалѣ Государь Императоръ.

Лѣто 1878 года великій князь посвятилъ отдыху въ своемъ имѣніи Чесменкѣ, Воронежской губерніи. Возвратясь къ октябрю въ Петербургъ, онъ вступилъ въ исполненіе всѣхъ прежнихъ своихъ обязанностей и, обогащенный боевымъ опытомъ, сталъ еще настойчивѣе и требовательнѣе въ дѣлѣ боевой подготовки войскъ, предписывая сближать въ лагеряхъ службу войскъ съ дѣйствительнымъ ихъ положеніемъ въ военное время и стремиться къ тому, чтобы войска не усваивали несообразныхъ съ боевыми требованіями привычекъ, а укореняли бы въ себѣ все, что служитъ къ успѣху на войнѣ. Желая сохранить память о подвигахъ, совершенныхъ

войсками въ минувшую кампанію, а также использовать опытъ этой войны въ будущемъ, великій князь приказалъ всѣмъ частямъ Петербургскаго военнаго округа приступить къ описанію ихъ боевой жизни. Разстроенное здоровье, однако, не позволило великому князю занимать всѣ должности, и 17 апрѣля 1880 года онъ былъ уволенъ отъ должности Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, прощаясь съ которыми, засвидѣтельствовалъ въ приказѣ, что долговременные труды ихъ въ мирное время были блистательно увѣнчаны боевою провѣркою. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра III, когда былъ предположенъ рядъ реформъ военнаго дѣла, великій князь былъ постоянно приглашаемъ къ ихъ обсужденію и осуществленію. Такъ, въ 1881 г. онъ былъ назначенъ присутствующимъ въ Особой комиссіи для обсужденія вопросовъ объ улучшеніи устройства военнаго управленія, затѣмъ въ 1888 г. предсѣдателемъ Особой комиссіи по составленію проекта положенія о полевомъ управленіи войскъ; кромѣ того, подъ его руководствомъ работали комиссіи по переустройству кавалеріи и преобразованію саперныхъ войскъ. Особенное вниманіе обращалъ великій князь на кавалерію: между прочимъ, онъ много способствовалъ развитію спорта, поощряя офицерскія скачки. Въ послѣдніе годы жизни великій князь почти ежедневно бывалъ въ Офицерской Кавалерійской школѣ, которую называлъ «дорогимъ своимъ дѣтищемъ» и въ которой лично руководилъ занятіями. Желая обезпечить школу надежнымъ подборомъ учителей, спеціалистовъ по фехтованію, вольтижировкѣ, гимнастикѣ и т. п., великій князь положилъ основаніе школѣ солдатскихъ дѣтей, имѣвшей цѣлью подготовку соотвѣтствующаго контингента молодыхъ людей. Заботы великаго князя о кавалеріи нашли себѣ оцѣнку въ рескриптѣ императора Александра III, данномъ на его имя 15 августа 1889 года. Въ рескриптѣ этомъ, послѣ указанія на 25-лѣтнія неустанныя заботы великаго князя объ улучшеніи конскаго состава и снаряженія кавалеріи и о введеніи наиболѣе правильныхъ способовъ ея воспитанія и обученія, было отмѣчено, что великій князь выполнилъ предначертанія Государя о реорганизаціи дѣйствующей и запасной кавалеріи, значительно пріумножившей нашу боевую конную силу и обезпечившей ея быстрое и широкое пополненіе въ случаѣ мобилизаціи; что онъ усерднѣйше трудился надъ образованіемъ вполнѣ подготовленныхъ эскадронныхъ командировъ, лихихъ, знающихъ свое дѣло офицеровъ, опытныхъ инструкторовъ, хорошихъ наѣздниковъ и смышленыхъ развѣдчиковъ; что онъ настойчиво стремился къ улучшенію всѣхъ сторонъ кавалеріи, какъ въ одиночномъ развитіи людей, такъ и въ тактическихъ дѣйствіяхъ массъ.

Въ послѣдніе годы жизни великій князь нѣсколько разъ выступалъ въ роли общаго руководителя боевой подготовкой арміи. Ему принадлежала идея маневровъ въ большихъ массахъ войскъ, и потому Государь неоднократно назначалъ его главнымъ посредникомъ на большихъ маневрахъ: въ 1886 году въ Красносельскомъ и Усть-Ижорскомъ саперномъ лагеряхъ, а затѣмъ въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска, между войсками Варшавскаго и Виленскаго военныхъ округовъ; въ 1888 г.—на большихъ маневрахъ въ Херсонской губерніи и, наконецъ, въ 1890 г., на большихъ маневрахъ на Волыни, гдѣ великій князь явился главнымъ посредникомъ и руководителемъ дѣйствій двухъ громадныхъ армій, находившихся подъ командою героевъ Русско-турецкой войны—генералъ-адъютантовъ Гурко и Драгомирова, командовавшихъ войсками Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ. На этихъ маневрахъ, начавшихся 25 августа и закончившихся 2 сентября грандіознымъ Высочайшимъ смотромъ, великій князь Николай Николаевичъ въ послѣдній разъ командовалъ всѣми войсками. Прямо съ маневровъ онъ долженъ былъ отправиться въ Крымъ, такъ какъ здоровье его окончательно пошатнулось. Болѣе полугода провелъ великій князь въ борьбѣ съ болѣзнью и скончался 13 апрѣля 1891 года. Тѣло великаго князя было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Петропавловскомъ Соборѣ 26-го апрѣля.

Смерть великаго князя вызвала много сочувственныхъ статей, посвященныхъ оцѣнкѣ его свѣтлой личности и дѣятельности. Великій князь Николай Николаевичъ Старшій былъ прежде всего человѣкъ военный: съ дѣтскихъ лѣтъ онъ, вѣрный завѣту Отца, жилъ весь и всегда только для военнаго міра, и это инстинктивно чувствовалось всѣми военными людьми,

начиная съ генерала и до рядового, считавшихъ «его своимъ роднымъ великимъ княземъ». Съ нимъ было веселѣе на душѣ у каждаго, ибо вѣчно бодрый, ласковый и обходительный, онъ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ не терялъ присутствія духа и, перенося съ арміей всѣ невзгоды, умѣлъ вдохновить ее даже на такіе невозможные съ стратегической точки зрѣнія подвиги, какъ зимній переходъ черезъ Балканы, планъ котораго всецѣло принадлежалъ великому князю.

Въ настоящее время имя генералъ-фельдмаршала великаго князя Николая Николаевича присвоено 9-му гренадерскому Сибирскому полку, 8-му драгунскому Астраханскому полку и 6-му саперному баталіону. Его вылитая изъ бронзы фигура занимаетъ первое мѣсто среди русскихъ вождей на памятникѣ императору Александру II въ Софіи; въ Порадимѣ, въ Болгаріи, стоитъ домъ-музей его имени; наконецъ, 12 января 1914 года въ Петербургѣ, въ присутствіи Государя Императора, многихъ Августѣйшихъ Особъ, участниковъ Русско-турецкой войны, депутацій отъ частей русской арміи, а также иностранныхъ военныхъ депутацій—румынской, черногорской, сербской и болгарской,—состоялось торжественное открытіе памятника великому князю. Памятникъ (работы скульптора Каноника) изображаетъ великаго князя на конѣ, въ полной походной формѣ, съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ правой рукѣ. На одной сторонѣ памятника надпись: «Главнокомандующему побѣдоносныхъ войскъ 1877—1878 г.г.».

В. В. Жерве, „Генералъ-фельдмаршалъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій“. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. 1831—1891. Спб. 1911; Н. Сухотинъ, „Памяти великаго князя, фельдмаршала“ и „Памяти генералъ-инспектора кавалеріи“ („Развѣдчикъ“ 1891 г. № 58); Высочайшій манифестъ о кончинѣ Великаго князя Николая Николаевича Старшаго („Русскій Инвалидъ“ 1891 г. № 85); „По поводу кончины Великаго Князя генералъ-фельдмаршала Николая Николаевича Старшаго“; Высочайше утвержденный церемоніалъ о перевезеніи тѣла великаго князя Николая Николаевича Старшаго изъ Алупки въ Петербургъ и погребеніи“, „Описаніе церемоніи перевезенія тѣла Его“ и „Погребеніе тѣла Его“ („Русскій Инвалидъ“ 1891 г. №№ 88, 89, 91 и 93); Н. К. Шильдеръ, Императоръ Николай Первый, Его жизнь и царствованіе, т. II; P. Lacroix, „Histoire de la vie et du règne de Nicolas I“. Paris 1864; Д. М. Струковъ „Августѣйшій генералъ-фельдцейхмейстеръ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Очеркъ жизнеописанія Его Императорскаго Высочества“. Спб. 1906; П. Ѳ. Лузановъ, „Августѣйшіе кадеты и ихъ участіе въ лагерныхъ сборахъ военно-учебныхъ заведеній“. Спб. 1902; Гр. А. Олсуфьевъ, „Потѣшные Императора Николая Павловича“ („Русскій Архивъ“ 1910 г. № 11, стр. 443—448); „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ т. 98; „Сборникъ біографій кавалергардовъ 1826—1908 гг.“ подъ редакціей С. Панчулидзева. Спб. 1908; А. Э. Мюнстеръ, Портретная галлерея русскихъ дѣятелей. Т. I, Спб. 1864; Записки барона Корфа („Русская Старина“ 1900); Лееръ, „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“, т. VII; Лееръ. „Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней“. Спб. 1889; „Императорская Гвардія“. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры, подъ редакціей В. К. Шенка. 1910 г.; Журналъ Императорскаго Русскаго Воéнно-Историческаго Общества 1910 г., кн. 4 „Письма изъ Севастополя“. Сообщилъ В. В. Щегловъ; Н. Барсуковъ, „Жизнь и Труды М. П. Погодина“, т. 10—14 и 19; М. Богдановичъ, Восточная война 1853—1856 г.г. Спб. 1877; Н. Дубровинъ, Восточная война 1853—1856 г. Спб. 1878; А. Заіончковскій, „Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой“. Спб. 1908; В. В. Квадри и В. К. Шенкъ, Императорская Главная Квартира (царствованіе Императора Николая I).—„Исторія Государевой Свиты“, т. III; Н. К. Шильдеръ, Графъ Э. И. Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность. Спб. 1885—1886. Т. I; Д. А. Скалонъ, „Путешествіе по Востоку и Святой землѣ въ свитѣ Великаго Князя Николая Николаевича въ 1872 году“. Спб. 1892; Д. А. Скалонъ, На службѣ при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ. („Русская Старина“ 1909 г.); „Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ 1877—1878 г.“, вып. 14,15 и др.; Описаніе русско-турецкой войны 1877 и 1878 гг. Изданіе военно-исторической комиссіи Главнаго Штаба. Спб. 1901, 4 тома; Гейсманъ. Славяно-Турецкая борьба 1876—1877—1878 гг. Спб. 1887; „Московскія Вѣдомости“ 1876, 1877 и 1878 гг. (передовыя статьи М. Н. Каткова); А. Н. Куропаткинъ. Дѣйствіе отрядовъ Скобелева въ войну 1877—1878 гг. Спб. 1885; Е. И. Мартыновъ, Блокада Плевны. Спб. 1900; А. К. Пузыревскій, „Десять лѣтъ назадъ“. Спб. 1887; М. Н. Покровскій, Восточный вопросъ. Отъ парижскаго мира до берлинскаго конгресса (1856—1878). Спб. 1910; Izzat-Fuad-Pasha, „Etude stratégique et critique sur la campagne turco-russe de 1877—1878. Paris 1900; Muzaffar-Pasha, „Défense de Plevna d'aprés les documents officiels. „Paris 1889; T. W. von. Trotha, „Ler Kampf um Plevna“. Berlin 1896; С. С. Татищевъ, „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“, Спб. 1903; Н. А. Даниловъ, „Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи“. Спб. 1902; С. И. Езерскій, „Главный военно-санитарный комитетъ“, историческій очеркъ. Спб. 1902; Н. М. Затворницкій, „Память о членахъ военнаго совѣта“,

портреты и біографическіе очерки. Спб. 1907; Н. В. Петровъ, „Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній“, историческій очеркъ, ч. 2. Спб. 1907; Д. И. Бережковъ, „Александровскій комитетъ о раненыхъ“, историческій очеркъ. Спб. 1902; Б. В. Ермоловъ и М. М. Рындинъ. „Управленіе генералъ-инспектора кавалеріи“ (о ремонтированіи кавалеріи), историческій очеркъ. Спб. 1906; Д. А. Скалонъ и Н. М. Затворницкій, „Столѣтіе военнаго министерства“. 1802—1902. Отдѣлъ 5. Спб. 1909 г.; „Сѣверная Пчела“ 1831 г. № 190; Путешествіе Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго“ („Русскій Инвалидъ“ 1871 г. №№ 105, 108 и 110). Д. А. Скалонъ, Забытый фельдмаршалъ („Русская Старина “1907 г. т. CVII, 1908 г. т. CXII и послѣдующіе; „Русская Старина“ т. LXX, LXVII, LXVIII, т. LXXX); Д. А. Скалонъ Мои воспоминанія 1877—1878 гг. Спб. 1913 Н. Гейманъ, Памяти славнаго витязя („Новое Время“ 1914, № 13592); „Гражданинъ“, 1891 г. № 105; „Русскій Архивъ“ 1891, 1896 и 1907; „Журналъ Самарской городской Думы“ 10 іюня 1877 г. № 16; „Всемірная Иллюстрація“ 1878 г. №№ 488, 515 и 516; М. А. Газенкампфъ, „Мой дневникъ“ Спб. 1908; Бар. Н. А. Дистерло, Офицерская Кавалерійская Школа. Историческій очеркъ. Спб. 1909; А. Молчановъ, Большіе маневры. („Новое Время“ 1890 г. № 5208); „Русскій Инвалидъ“ 1890 г. № 174; „Тифлисскій Вѣстникъ“ 1913 г. № 43; Некрологи въ періодическихъ изданіяхъ 1891 года и статьи, посвященныя памяти великаго князя въ февральскихъ №№ 1913 г. и январьскихъ 1914 г., отъ 10—13 января.

А. Петровъ.